

III Международный научный симпозиум
**«Славянские языки и культуры
в современном мире»**

Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова,
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

23–26 мая 2016 года

Труды и материалы

*К юбилею декана филологического факультета МГУ
профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой*

Составители
О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров

Под общим руководством
проф. *М. Л. Ремнёвой*

Издательство
МАКСПресс
2016

УДК
ББК

*Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

МАТЕРИАЛЫ ПЕЧАТАЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

С Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): Труды и материалы: К юбилею декана филологического факультета МГУ профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой / Составители О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров; Под общим руководством проф. М. Л. Ремнёвой. — М.: МАКСПресс, 2016. — 638 с.

ISBN

УДК
ББК

Научное издание

Славянские языки и культуры в современном мире

III Международный научный симпозиум
(Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.)

Труды и материалы

К юбилею декана филологического факультета МГУ
профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой

Составители

О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров
Под общим руководством проф. *М. Л. Ремнёвой*

Ответственный за сбор информации

А. С. Евтихьева

Оригинал-макет:

Л. М. Захаров

Зав. редакционно-издательским отделом филологического факультета

Е. Г. Домогацкая
edit@philol.msu.ru

Подписано в печать .05.16. Формат

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Офсетная печать.

Усл. печ. л. . Тираж 500 экз. Заказ .

ISBN

© Филологический факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова, 2016.

**Организационный комитет III Международного научного симпозиума
«Славянские языки и культуры в современном мире»**

В. А. Садовничий (председатель)	— академик, доктор физико-математических наук, профессор, ректор МГУ
М. Л. Ремнёва (заместитель председателя, председатель Программного комитета)	— доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета МГУ
О. В. Дедова (заместитель председателя)	— доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ
А. С. Евтихиева (ответственный секретарь)	— кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ
А. А. Варламов (секретарь по компьютер- но-информационным вопросам)	— программист Учебно-научного компьютерного центра филологического факультета
О. В. Александрова	— доктор филологических наук, профессор, зам. декана по научной работе, зав. кафедрой ан- глийского языка филологического факультета МГУ
Н. Е. Ананьева	— доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ
Е. В. Петрухина	— доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ
А. И. Изотов	— доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ
О. В. Синёва	— кандидат филологических наук, директор Центра баллистики филологического факультета МГУ
Т. И. Вендина	— доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром ареальной лингвистики славяноведения РАН

Г. Е. Кедрова	— кандидат филологических наук, заместитель декана по международным связям филологического факультета МГУ
Е. Ф. Киров	— доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Института русского языка им. А. С. Пушкина
С. Танасич (Сербия)	— доктор филологических наук, директор Института сербского языка Сербской академии наук
Я. Чарногурский (Словакия)	— доктор философии, профессор, председатель Словацко-российского общества
В. Гладров (Германия)	— доктор философии, профессор, почетный доктор МГУ имени М. В. Ломоносова
Розанна Бенаккио (Италия)	— профессор отделения языка и литературы Университета г. Падуи
М. Ухлик (Словения)	— доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Отделения славистики философского факультета Университета г. Любляна

В. А. Садовничий
ректор МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН,
председатель Оргкомитета симпозиума

Глубокоуважаемые члены Президиума, дорогие коллеги!

Я рад приветствовать вас на III Международном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» — представительном форуме филологов-славистов из разных стран, изучающих древние и современные славянские языки, фольклор и славянские литературы в самых разнообразных аспектах. Все эти дисциплины составляют славянскую филологию — науку, формирование которой начинается в первые десятилетия XIX в., и Московский университет был среди первых центров, в котором славистика стала научной и учебной дисциплиной. 205 лет назад, в 1811 году, в Московском университете на отделении словесных наук была открыта первая в России кафедра славянской словесности, а в 1835 г. была учреждена кафедра истории и литературы славянских наречий. Первыми учеными-славистами Московского университета были М. П. Погодин, М. Т. Каченовский и О. М. Бодянский.

Ученых-славистов Московского университета с самого начала отличал живой интерес к работам зарубежных славистов, в частности трудам Я. Коллара, П. Й. Шафарика, Й. Добровского и др., которые они пропагандировали на лекциях и которые стали исходной базой в создании ими собственных концепций лекционных курсов. Со многими зарубежными славистами они были лично знакомы, вели переписку и обменивались литературой. Славистический материал широко использовался и при чтении курсов по русскому языку и русской истории. Так, М. П. Погодин писал следующее: «История всякого славянского племени и государства тесно и необходимо связана с первоначальной историей всего славянского народа... с его корнем. Познание корня необходимо для познания отраслей, кои без него... остались бы непонятными».

Первые слависты Московского университета популяризировали сведения о славянах среди широкой общественности, публикуя свои работы на страницах российской периодики. Так, М. П. Погодин издавал журналы «Московский вестник» и «Москвитянин», первый профессор истории и литературы славянских наречий, а в 1837–1842 гг. ректор Московского университета М. Т. Каченовский —

журнал «Вестник Европы», О. М. Бодянский публиковал работы о славянах в журналах «Московский наблюдатель», «Сын отечества» и др. Первые слависты Московского университета сами переводили труды выдающихся зарубежных славистов. Так, М. П. Погодин перевел на русский язык книгу Й. Добровского о Кирилле и Мефодии и грамматику славянских языков, знакомство с которой являлось обязательным условием для поступления в Московский университет. О. М. Бодянский публиковал собственные переводы произведений П. Й. Шафарика. Существовали даже планы приглашения этого выдающегося чешского и словацкого слависта, а также автора первой болгарской грамматики Ю. И. Венелина на работу в Московском университете, однако им не суждено было сбыться.

В последующие годы также сохранялись тесные связи славистов Московского университета с коллегами из других славянских стран. Так, например, в 1867 г. Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете издает под названием «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная» перевод трактата лидера словацкого Возрождения Людовита Штура — страстный призыв к объединению славян: «Внемлите словам моим во всех землях и во всех округах, где только раздается Славянская речь: ознакомьте с ними всех, кто только может их понять и чувствует в себе силы на дело! Мы еще никогда не сговаривались, но зато никогда и не действовали сообща, между тем как мы все, родные братья, испытали одинаковую судьбу и наследуем одно и то же будущее».

Тесное сотрудничество выпускников и профессоров Московского университета с зарубежными славистами продолжалось и в последующие десятилетия. Их исследовательская и преподавательская деятельность была высоко оценена в славянских странах. Так, например, академик А. А. Шахматов был членом Сербской Академии наук, доктором философии Пражского университета, членом-корреспондентом Краковской Академии наук, академик В. В. Виноградов — членом Болгарской Академии наук, почетным доктором Пражского университета, академик Н. И. Толстой — иностранным членом Словенской академии наук и искусств, Сербской Академии наук, Македонской Академии наук, почетным доктором Люблинского университета имени М. Складовской-Кюри.

Значение сотрудничества славистов всех славянских стран еще более возрастает в наши дни, так как востребованные ныне комплексные знания невозможны без совместных усилий ученых, соединяющих национальные научные традиции и современные инновационные методики. Это особенно важно для сохранения особого славянского культурного и языкового пространства во всем его многообразии. Важную роль в этом деле играют такие масштабные форумы, как открывающийся ныне симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Остается только пожелать его участникам плодотворной и интересной работы.

В. Садовниченко

М. Л. Ремнёва
декан филологического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова
заместитель председателя Оргкомитета симпозиума

Глубокоуважаемые коллеги!

Я рада приветствовать вас на III Международном научном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире», открывающемся накануне отмечаемого во многих славянских странах Дня славянской письменности и культуры. Истоки этого праздника восходят к дню равноапостольных Кирилла и Мефодия, который отмечался в Болгарии 11 мая по старому стилю уже в XII веке. Этот праздник является одной из нитей, связывающей славян в единое целое. Славянский мир отличается тесной взаимосвязью составляющих его народов, восходящей к общности их происхождения и еще более углубившейся в результате взаимодействия и взаимопроникновения их культур. У истоков этого культурного взаимодействия и стояли славянские первоучители Кирилл и Мефодий, создавшие старославянский язык и переведшие на него все основные христианские тексты. Таким образом, славяне оказались объединены не только общностью своего происхождения, но и духовно. Благодаря первоучителям славяне стали вровень с наиболее развитыми народами древнего мира, поскольку их язык значительно раньше других языков Европы наряду с классическими языками — древнееврейским, греческим и латинским — стал языком христианского богослужения.

С самого своего возникновения литературный язык славян не был узколокальным, а приобретал общеславянский характер. Созданный на основе говора македонских славян, он начинает использоваться в Великой Моравии, затем распространяется в Сербии, Хорватии и Болгарии и, наконец, на Руси. Возникшие варианты этого языка сохраняли преемственность по отношению к его более раннему состоянию и связи друг с другом, формируя удивительное единство в многообразии. Славянская азбука — кириллица — в настоящее время используется болгарами и сербами, македонцами и южными русинами, русскими, украинцами и белорусами. Другая славянская азбука — глаголица — до конца XVIII века применялась в Хорватии. Даже у тех славянских народов, у которых литургия на

старославянском языке не сохранилась, языки демонстрируют связь со старославянским языком. Так, например, основной фонд чешской христианской терминологии по происхождению в значительной степени является старославянским.

На протяжении веков многие деятели культуры были искренними сторонниками идеи славянской взаимности, находившей разное проявление в их деятельности, в частности в создании общеславянского языка. Так, еще в XVII веке выдающийся хорватский лингвист Юрий Крижанич описал грамматику и лексический состав общеславянского языка, созданного им на основе славено-русского и хорватского. Сторонником создания общеславянского языка был и словак Ян Геркель, опубликовавший в 1826 г. «Основы общеславянского языка» и введший термин панславизм. Страстным сторонником идеи славянской взаимности был активный деятель чешского и словацкого Возрождения поэт Ян Коллар, который в своем знаменитом трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» написал следующее: «Славянский народ стремится опять к своему первоначальному единству... Это понятие и явление в Европе совершенно новое и не имеет сходства ни с каким другим». Идея славянской взаимности является одной из ведущих тем его творчества. Вот перевод одного из его сонетов:

О, если б все славяне предо мной
Металлами явились, — их собрание
Я б сплавил, слил — и в статуе одной
Великое б представил изваянье!

И русский бы узрелся головой,
А туловищем — лях при том слиянье,
Из чехов вышли б руки, склад плечной,
Из сербов ноги: крепкое стоянье!

Меньшие же все отрасли славян
Пошли бы в одеянье, в складки, в тени,
В оружие: воздвигся б великан —

И вся Европа, преклонив колени,
Взирала бы! А он — превыше туч —
Мир попирает бы, грозен и могуч!

Среди сторонников идеи славянской взаимности можно назвать кодификаторов славянских литературных языков чеха Йозефа Добровского, словака Людовита Штура, серба Вука Караджича, хорвата Людевита Гая.

На протяжении веков славянские культуры обогащали и дополняли друг друга, не утрачивая при этом своей самобытности. Межславянские контакты способствовали ускорению развития культур разных славянских народов. В связи с этим идея славянской взаимности остается актуальной и в наше время, поскольку она может способствовать решению проблем, существующих между славянскими народами, укреплению отношений России с другими славянскими странами и сохранению специфики культур отдельных славянских народов в условиях глобализации.

Желаю всем участникам симпозиума успехов в работе!

Аспектология: проблемы славянского вида и аспектологической терминологии

Образование видовых пар в резьянском диалекте

Р. Бенаккьо

Падуанский университет (Италия)

Видовая пара, префиксация, суффиксация, резьянский диалект

Summary. The present paper examines how the grammatical category of verbal aspect is expressed on the morphological level in the Resian dialect. It is our aim to establish the principles underlying the process of formation of aspectual pairs (i. e. prefixation and suffixation) of Resian verbs.

Изучение глагольного вида в резьянском диалекте представляется весьма интересным, что уже было отмечено в [Бенаккьо 2015]. Этот диалект, аналогично другим (прежде всего терским и надижским) фриульским диалектам в Италии, с одной стороны, представляет собой говор, находящийся на периферии славянской языковой системы (и в связи с этим он обладает разными архаичными чертами), с другой — это говор, существующий веками внутри романского языкового окружения, в ситуации абсолютного контакта с ним.

Мы обратили внимание на морфологические особенности проявления категории глагольного вида, точнее на префиксацию исконно славянских глаголов. Мы увидели, что префиксы превращают глагол НСВ в глагол СВ, либо образуя пару с исконной бесприставочной формой (Natural Perfectives по терминологии, предложенной в [Janda et al. 2013]), либо придавая базовой форме определенное, новое лексическое значение (Specialized Perfectives). В данном случае новый, приставочный, глагол обязан создать себе партнера с тем же значением путем т. н. вторичной имперфективации. Речь идет, естественно, о предельных глаголах, так как непредельные глаголы, являющиеся Imperfectiva tantum, в большинстве случаев не порождают форму СВ, а если и порождают ее, то мы имеем дело со способами действия, в основном инхоатитвного типа (делимитативный способ действия в резьянском диалекте нам почти не встречался).

В данной работе мы хотим расширить поле исследования, с одной стороны, рассматривая роль суффиксации бесприставочных глаголов в процессе образования видовых пар, а с другой, обращаясь к заимствованным глаголам германского (в более древнее время) и романского происхождения.

Итак, по крайней мере относительно исконно славянской лексики можно сказать, что в резьянском диалекте префиксация базового глагола является са-

мым распространенным способом образования видовой пары, точнее, образования видового коррелята СВ¹.

Существует, однако, и другой способ образования видового коррелята. Это имперфективация, появляющаяся тогда, когда от базового безприставочного глагола образуется путем суффиксации глагольная форма НСВ, являющаяся партнером мотивирующей, бессуффиксальной формы. Это, правда, редкие случаи, видимо отражающие более древний способ образования. См. *gnjyt / gnjīwat se* ‘гнить’, *šyt / šīwat* ‘шить’. В этих случаях, очевидно, исконный, предельный глагол воспринимается как результативный глагол, который в создавшейся путем суффиксации паре играет роль партнера СВ.

Интересно, что тот же способ образования видового коррелята применяется регулярно в (предельных!) глаголах фриульского и итальянского происхождения. См.: *maladyt / moladiwat* ‘проклинать’ < *maledire*; *rišpondāt / rišpundawat* ‘отвечать’ < *rispondere*; *rivināt / ruvinawat* ‘уничтожать’ < *rovinare* (см. [Benacchio 2009]). В самом деле, при заимствованных глаголах романского происхождения префиксация практически исключена. Ее можно встретить, только в (предельных!) заимствованных глаголах германского происхождения (см. *drūkat / zdūkat* ‘нажимать, толкать’ < *drücken*; *pūcinat / spūcinat* ‘чистить’ < *putzen*).

Естественно, и в случае заимствованных глаголов, неопределенные глаголы входят в видовую систему в качестве форм НСВ и таковыми (*imperfectiva tantum*) и остаются (см.: *baštāt* ‘быть достаточным’ < *bastare*; *gūjāt* ‘играть’ < *giocare*). Только в редких случаях эти глаголы становятся глаголами СВ, образуя однако не видовые пары, а способы действия (в основном, инхоативный).

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Морфологическое выражение категории глагольного вида в резьянском диалекте, ровно как и в других славянских языках, происходит соответственно акциональным свойствам глаголов: в то время как неопределенные глаголы видовой пары не образуют, предельные глаголы (которые несут в себе как значение процесса, ведущего к результату, так и результативное значение) могут образовывать видовой коррелят либо путем префиксации (т. е. перфективизации), либо путем суффиксации (т. е. имперфективизации).

2. В то время как для глаголов славянского происхождения более продуктивной оказывается префиксация (и перфективизация), для заимствованных глаголов, наоборот, более продуктивна суффиксация, по крайней мере, когда речь идет о романских заимствованиях: более древние, германские, заимствования, как мы видели, допускают префиксацию. Предполагается, что внесение

¹ Стоит упомянуть, что видовой коррелят совершенного вида в резьянском диалекте может образовываться также посредством суффикса *-nu*, имеющий как семельфактивную, так и вообще перфективирующую функцию. См., например, *tušat / tuknut* ‘молчать / замолчать’, *pjūwat / pjūwnut* ‘плевать / плюнуть’. Статус этого суффикса требует отдельного изучения.

суффикса воспринималось как менее сильное «нарушение» внешней структуры заимствованного глагола, по сравнению с добавлением префикса. Не случайно, эта тенденция касается больше глаголов романского происхождения, в которых префиксация вообще является периферийным явлением, чем глаголов германского происхождения, в которых, как известно, префиксы очень распространены и играют важную роль.

Литература

- Benacchio R.* Il contatto slavo-romanzo nel croato del Molise e nei dialetti sloveni del Friuli // Scholze L., Wiemer B. (Hrsg.) Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Bochum, 2009.
- Benacchio R.* Morfološkoje projavlenie vida v rez'janskom dialekte: prefiksacija i suffiksacija // M. Kitajo (pod red.). Aspektual'naja semantičeskaja zona: tipologija sistem i scenarii diachroničeskogo razvitija: Sbornik statej V Meždunarodnoj Konferencii Komissii po Aspektologii Meždunarodnogo Komiteta Slavistov. Kyoto, Universitet Kioto Sange. S. 21–26.
- Bre W.* Flexivischer und derivativer Verbalaspekt im Moliseslavischen // Berger T., Gutschmidt K. (Hrsg.). Funktionale Beschreibungslavischer Sprachen. München, 2003.
- Breu W.* Verbalaspekt und Sprachkont akt. Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprachen (SWR / MSL) // Kempgen S. (Hrsg.). Slavistische Linguistik 2003. München, 2005.
- Steenwijk H.* The Slovene dialect of Resia. San Giorgio [Studies in Slavic and General Linguistics. 18]. Amsterdam; Atlanta, GA, 1992.

Словоизменение в рамках русского видообразования — еще раз о болевых точках

Е. В. Горбова

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Словоизменительная категория, словоклассифицирующая категория, русский вид, регулярность

Summary. The paper discusses some 'sore points' of Russian aspectology, formulated by Victor Khrakovskij, especially the problem of characterization of the Russian aspect as classifying vs. inflectional category and the regularity of suffixed imperfectivization.

В докладе на V-ой Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Киото, 13–15 ноября 2015 г.) и в соответствующей публикации В. С. Храковский сформулировал перечень утверждений, относительно которых имеется консенсус, и обозначил несколько «болевых точек» русской аспектологии, см. [Храковский 2015]. Одной из них, по мнению автора, является квалификация категории вида русского глагола как последовательно словоизменительной, последовательно словоклассифицирующей (*писать* — *написать* и *записать* — *записывать* равно обнаруживают отношения деривации) или гибридной — словоизменительной в части суффиксальной (т. наз. вторичной) имперфективации и словоклассифицирующей в части приставочной перфективации [Храковский 2015: 322–323]. При

этом автор полагает, что в работах [Горбова 2014, 2015а] представлена гибридная оценка русской категории вида, в то время как основной целью его сообщения является приведение аргументации в пользу последовательно словоклассифицирующей трактовки.

Главной задачей предлагаемого доклада является разъяснение предложенной в [Горбова 2014, 2015а, 2015б] позиции. Она является не гибридной (хотя таковую мы также признаем возможной, в особенности при приоритете функционального подхода), а последовательно словоизменительной, однако несколько отличающейся от сформулированной в [Храковский 2015: 322] с опорой на Ю. С. Маслова. Кроме того, поставлена дополнительная задача анализа аргументации В. С. Храковского, приведенной в пользу последовательно словообразовательного подхода, и приведение контраргументов, базирующихся на языковом материале, извлеченном из НКРЯ (ruscorpora.ru). В частности, в ответ на запрос, сформулированный в [Храковский 2015: 328], предлагается комплекс правил, мотивирующих запреты (и / или ограничения) на суффиксальную имперфективацию префигированных глаголов СВ. В упомянутых правилах используется предложенная в [Храковский 2015: 326–327] классификация производных перфективов с точки зрения их взаимоотношений с результатом применения к ним суффиксальной имперфективации в рамках спектра от невозможности имперфективации через ее осуществление с нестандартными семантическими эффектами до полюса совершенно стандартной (и по форме, и по результирующей семантике) имперфективации.

Затрагивается также поднятый В. С. Храковским вопрос о количественных параметрах регулярности грамматического феномена, позволяющих говорить о наличии словоизменения. Этот вопрос рассматривается, с одной стороны, с привлечением теории грамматикализации, а с другой, в связи с вопросом о предмете исследования с точки зрения источников привлекаемого материала (НКРЯ vs. поисковые системы, например, Google и Яндекс) и, соответственно, тесно связанной с источниками материала проблеме ограничения рамками кодифицированного варианта общенационального языка (литературного языка) или учета фактов современного разговорного русского языка, в том числе спонтанного.

Наконец, в докладе предполагается остановиться и на предложенном в самом начале публикации [Храковский 2015] перечне общепринятых для русской аспектологии утверждений. На наш взгляд, представление о том, что включенные в этот перечень утверждения разной степени обобщенности являются бесспорными для аспектологов, все же излишне оптимистично. В качестве подтверждения приведем два примера. Первое утверждение — «У глагола есть бинарная категория вида, иначе аспекта» [Храковский 2015: 321] — явным образом ставится под сомнение в докладе Д. В. Герасимова, прочитанном на той же конференции в Киото, и, соответственно, в [Герасимов 2015]. Еще

одно утверждение (номер 5) — «Видообразование происходит при помощи двух морфологических механизмов: префиксального и суффиксального...» [Герасимов 2015] — расходится со взглядами С. Г. Татевосова, ср., в частности, с утверждением «(360) Видовая семантика не является семантическим компонентом таких основ, как *писа-* и *написа-*» [Татевосов 2015: 272], которое далее обосновывается в разделе «“Видовые” основы без видовой семантики» [Татевосов 2015: 277–279].

Литература

- Герасимов Д. В. Есть ли в русском языке категория вида? // Китадзё М. (сост.). С. 49–53.
- Горбова Е. В. Заметки о видообразовании русского глагола и словоизменительной vs. словоклассифицирующей трактовке вида // Дмитренко, С. Ю. & Заика, Н. М. (ред.), *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata. Acta Linguistica Petropolitana*. Вып. X / 3. СПб.: Наука, 2014. С. 181–211.
- Горбова Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и / или суффиксация? // Вопросы языкознания. 2015а. № 1. С. 7–37.
- Горбова Е. В. Словоизменение или словообразование, или является ли русский вид «видом славянского типа»? // Китадзё М. (сост.). 2015б. С. 62–72.
- Китадзё М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13–15 ноября 2015 г. Киото, 2015.
- Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянских культур, 2015.
- Храковский В. С. Категория вида в русском языке: болевые точки // Китадзё М. (сост.). С. 321–334.

Миративность, эвиденциальность, выделенность: общий факт, территория запрета

О. К. Грекова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Mirativity, Evidentiality, Salience, General Fact meaning.

Summary. The paper deals with a rank of situational prohibitions in terms of using the General Fact meaning of the Past Tense Perfect Russian Verbal forms. The key criteria, like Mirativity, Evidentiality, Salience — for creating the Explanatory Model — are analyzed.

Изучающим славянский (русский) глагольный вид его выбор носителями языка иногда представляется принципиально неуправляемым хаосом. Во многом это связано с тем, что прежде обозначения ситуации языковыми средствами последнюю надо мысленно опознать, вычленив аспектуальные характеристики действия и их доминанту. Не без труда поддается осознанию и наличие возможности номинировать действие вне каких бы то ни было характеристик типа его протекания, распределения во времени: так называемое общефактическое значение.

Представляя в учебном курсе общефактическое значение форм прошедшего времени несовершенного вида (далее ПН), приходится сообщать и об ограничениях в его реализации, одним из которых является сообщение о миративности действия, передаваемой обычно лексическими средствами *вдруг, неожиданно, внезапно*. В аспектологических трудах были сделаны попытки создания объяснительной модели данного ограничения, которые, однако, требуют корректировки. Одна из таких моделей была в свое время предложена М. Я. Гловинской: «Обстоятельства неожиданности...мешают выражению общефактического значения, т. к. характеризуют протекание действия» [Гловинская 1982: 143]. На наш взгляд, неожиданность, безусловно, характеризует действие, но при этом не подпадает ни под один из известных в мировой аспектологии типов его протекания. В области РКИ была сделана ложная, с нашей точки зрения, попытка ассоциировать его со значением 'действуйте немедленно' по признаку 'сразу'.

Миративность во многих работах понималась как «неожиданность сообщаемой информации для говорящего», как передачи информации, противоположной ожидаемой, рассматривалась либо как самостоятельная категория, либо в составе категории эвиденциальности [Скрибник, Зезинг 2012: 39].

Нам ближе позиция Е. С. Кубряковой, писавшей об особой прагматической категории, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий выделенности (релевантности) и выдвижения: эти два термина нашли место в Кратком словаре когнитивных терминов [Демьянков, Кубрякова, Панкрац, Лузина 1996]. Понятием выделенности оперируют также такие исследователи как Т. ван Дейк, Л. Талми, Н. Д. Арутюнова, А. Е. Кибрик, П. Б. Паршин и др. Нас термин привлекает как относящийся к коммуникативной организации смысла и как охватывающий разные уровни языка и разные процессы.

В динамическом мире выделенность проявляется при наличии ряда действий, состояний, событий и т. д. Выделение происходит на основании как объективного, так и субъективного сравнения элементов, на основе разнообразных отношений между ними, с использованием определенной, иногда априорно ясной, шкалы. Например:

- [i] — *Что вы делали вчера вечером?*
— *Ничего особенного. Была дома. Читала. Занималась. *Вдруг мне звонили родители.*

Последовательность описания элементов множества может быть различной. Выделяемый элемент редко является инициальным, чаще занимает иную, произвольную позицию. Именно миративный показатель делает указанный элемент самым релевантным.

[ii] — Как прошла аттестация на кафедре?

— Ничего особенно страшного. **Выступал** руководитель. Я **рассказывала**, что сделано за год. ***Вдруг спрашивали**, успею ли закончить в срок. Да, еще **выступала** моя бывшая руководительница курсовой. В общем **хвалила**.

Выделенность одного из элементов неравнозначного для говорящего множества за счет показателя миративности происходит в ситуации так называемой прямой эвиденциальности, личной засвидетельствованности говорящим информации, полученной по слуховым, зрительным, тактильным или иным каналам (Ср.: ***Вдруг, как говорят**, мне позвонили родители).

Иначе говоря, миративное эвиденциально и выделенно. Представление же действия как общего факта говорит о том, что оно не входит в зону внимания говорящего и говорящий не выделяет его, не фокусируется на нем, не считая необходимым давать ему какие-либо характеристики. В этом мы видим несовместимость наречий *вдруг, внезапно, неожиданно* с идеей общего факта. В сознании носителей языка выделенность в плане прошедшего времени выражается с помощью формы совершенного вида.

Ограничения реализации общефактического значения базируются на разных признаках. Известное в аспектологии явление невозможности реализации общефактического значения определенными классами глаголов находит различное толкование. Одна из объяснительных моделей была предложена Г. М. Зельдовичем, утверждавшим, что «Если несовершенный вид употребляется в... общефактическом смысле, то почти всегда предполагает, что данная ситуация в принципе повторима» [Зельдович 2012: 30]. Однако, предложенная трактовка, применимая к ряду случаев, охватывает далеко не все ситуации. Одним из скользких моментов, как ни странно, является проведение границы между в принципе воспроизводимыми и в принципе не воспроизводимыми действиями.

[iii] Она **родилась** в деревне, **воспитывалась** в городе у доброй тетушки (Т. Толстая).

Если замена первой глагольной формы, СВ, на форму НСВ невозможна по причине невозпроизводимости момента рождения, то вторая форма вызывает сомнения в отношении того же признака. Если само действие *воспитывать(ся)* в принципе воспроизводимо, то можно ли считать его таковым в проекции на индивидуальную судьбу? Тем не менее этот глагол употреблен в форме ПН и реализует общефактическое значение.

Другими словами, дескриптивный инструментарий, действующий на территории запретов реализации общефактического значения, нуждается в доработке. Новые критерии, вводимые в лингвистический обиход для трактовки

все более широкого круга понятий и явлений, ведет также к уточнению места аспектуальных смыслов в смысловой организации русского простого и сложного предложения, в ориентации их относительно модуса и диктума, а также к уточнению установленных в этой сфере связей явлений.

Литература

- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Демянков В. З., Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Зельдович Г. З. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Скрибник Е. К., Зезинг О. А. К описанию эвиденциальности и миративности в калмыцком языке // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 39–72.

Глагольный вид словенского глагола 'iti' и чешского глагола 'jit'

А. Дерганц

Люблянский университет (Словения)

*Глагольный вид, биаспектуальность, словенский глагол движения 'iti',
чешский глагол движения 'jit'*

Summary. The paper deals with the idiosyncratic features of the basic Slovene verb of determined motion 'iti' which is defined as biaspectual. 'Iti' is compared to the Czech verb 'jit', which, however, is usually defined as imperfective.

Принадлежность словенского и чешского языков к западной группе славянских языков в отношении видового поведения глаголов уже не подлежит сомнению. Так как многие различия между русским языком как представителем восточной группы и чешским и словенским языками как представителями западной группы уже неоднократно обсуждались (см. работы Е. В. Петрухиной, О. С. Плотниковой, S. M. Dickey, A. Derganc), настало время обратить внимание на отличия между словенским и чешским языками в этом отношении.

В докладе будут рассмотрены поведение и видовая интерпретация глаголов детерминированного движения 'iti' в словенском и 'jit' в чешском языках. В обоих языках этот глагол — в сравнении с русской парой *идти* — *пойти* — имеет довольно необычные характеристики. В прошедшем времени, например, в обоих языках существует только бесприставочная форма 'šel', в отличие от русского языка, где рядом с НСВ формой 'шел' имеется и СВ форма 'пошел'. Ср.:

Šel je obiskat prijatelja Puja, ki sta z njim velika prijatelja. (23)

Šel na návštěvu k svému příteli Medvídkovi Pú, je to jeho dobrý známý.

«Он **пошел** в гости к своему другу Винни-Пуху. Они, знаешь, какие с ним друзья!»

Zato **je šel** domov kosit. (31)

A **šel** domů na oběd.

«И **он пошел** домой обедать».

Zato **je šel** v shrambo in stopil na stol in segel na zgornjo polico — na njej pa ni našel ničesar.

Šel tedy do spížíky, vystoupil na židli, natáhl se na nejhořejší poličku a — nic nenašel.

«**Он поплелся** к буфету, влез на стул, пошарил на верхней полке и нашел там пустоту».

В будущем времени между грамматическими формами этих глаголов в словенском и чешском языках существуют большие различия (слов. *pojdem*, *bom šel* — чеш. *půjdu*).

Но в словенском языке 'iti' считается биаспективом, а в чешском языке глагол 'jít' обычно считается глаголом НСВ ([Stankovska 2009], также [Dickey 2003]). В докладе будет рассмотрена трактовка этих глаголов в лингвистической литературе.

Литература

- Derganc A.* Einige Unterschiede im Gebrauch des perfektiven bzw. des imperfektiven Präsens im Russischen und Slowenischen // Huber Dieter (ur.), Worbs Erika (ur.). *Ars transferendi: Sprache, Übersetzung, Interkulturalität: Festschrift für Nikolai Salnikow zum 65. Geburtstag*, (FASK, ISSN 0941-9543. Reihe A. Abhandlungen und Sammelbände. Bd. 24). Frankfurt am Main: P. Lang, 1998. S. [55]–63.
- Derganc A.* Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovenskih jezikih. *Slavistična revija*. 2014. Vol. 62. No 4. P. 537–543. [http://www.srl.si/sql_pdf/SRL_2014_4_04.pdf].
- Derganc A.* Глагол детерминированного движения 'iti' в словенском языке // *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития* / Отв. ред. Мицуси Китадзэ. Киото: Университет Киото Сангэ, 2015. С. 73–78.
- Dickey S. M.* *Parameters in Slavic Aspect*. Stanford, California: Center for the Study of Language and Information, 2000.
- Dickey S. M.* Verbal Aspect in Slovene. Slovenian from a typological perspective. *Sprachtypologie und Universalienforschung = Language typology and Universals*. 2003. Vol. 56. No. 3. P. 182–207.
- Stankovska P.* *Češka slovnica za bohemiste*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete v Ljubljani, 2009.
- Петрухина Е. В.* Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков). // *Типология вида. Проблемы, поиски, решения* / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 356–363.
- Петрухина Е. В.* Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках // *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития* / Отв. ред. Мицуси Китадзэ. Киото: Университет Киото Сангэ, 2015. С. 197–208.
- Плотникова О. С.* Проблемы сопоставительного изучения славянского вида в диахронии // *Типология вида. Проблемы, поиски, решения* / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 364–370.

«Вечные вопросы» русской аспектологии: вариант ответов**Анна А. Зализняк**

Институт языкознания РАН (Москва, Россия),
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН (Москва, Россия)

И. Л. Микаэлян

Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Контексты Маслова, видовая пара, видовая тройка.

Summary. The paper discusses a number of key issues that have been a long-lasting concern of scholars dealing with Russian aspect but have not found a consensual answer. Most of these issues revolve around the notion of aspectual pair.

В теории русской аспектологии имеется целый ряд вопросов, не имеющих ответа, и при этом продолжающих волновать научное сообщество. Большинство из них группируется вокруг понятия видовой пары; а именно, это как минимум следующие вопросы:

1. Существуют ли видовые пары?
2. Как установить, является ли некоторая пара глаголов противоположного вида видовой парой?
3. Существуют ли префиксальные видовые пары?
4. Существуют ли видовые тройки? (Что следует называть видовой тройкой?)
5. Как соотносятся видовые пары и видовые тройки? Какой из двух глаголов несов. вида — простой или вторичный имперфектив — является видовым коррелятом к префиксальному глаголу сов. вида?
6. Почему невозможно составление списка русских видовых пар?

Не имея в виду предложить ответы, которые устроили бы всех, сформулируем все же некоторые тезисы.

1. Существование видовых пар в русском языке обусловлено тем обстоятельством, что владение русским языком предполагает умение заменять глагол СВ на глагол НСВ — в некоторых контекстах, в которых глагол СВ употреблен быть не может (напр., при повествовании о прошлых событиях в наст. времени). Именно это отношение субституции и конституирует видовую пару.
2. Пожалуй, единственное утверждение относительно видовой пары, с которым согласятся все аспектологи, состоит в том, что видовую пару образуют два глагола противоположного вида, имеющие тождественное лексическое значение (и различающиеся только видом). Что касается способов установления этого тождества, то, во-первых, оно может быть установлено лишь в направлении от СВ к НСВ; во-вторых, с помощью лишь

тех контекстов, где глагол НСВ обозначает то же событие, которое обозначается глаголом СВ, который он «заменяет» (так называемые «контексты Маслова», ср. *пришел, увидел, победил* → *приходит, видит, побеждает*). Те глаголы НСВ, которые могут заменять некоторый глагол СВ в «контекстах Маслова», входят в видовые пары, а те, которые не могут, являются непарными. При этом, поскольку тест Маслова опирается на оценку допустимости такой замены с сохранением смысла, здесь возникает шкала: от такой степени автоматизма, что говорящий может вообще не замечать, что в пересказе он заменил совершенный вид на несовершенный (как в вышеприведенном примере) — до полной невозможности такой замены (как в случае, напр. *Он узнал, что жена ему изменила и застрелился* → **Он знает, что жена ему изменила и застреливается*); между этими полюсами находится весь спектр промежуточных случаев, когда замена возможна в той или иной степени, и при этом оценка этой степени может различаться у разных носителей языка. Иными словами, категория видовых пар имеет довольно ограниченное по своему объему ядро (где находятся «образцовые» суффиксальные пары, не входящие в тройки, ср.: *открыть* — *открывать*, *запереть* — *запирать*, *достичь* — *достигать*, *войти* — *входить*), а также некоторая часть префиксальных пар (см. ниже). Вокруг этого ядра расположена обширная периферия, включающая видовые пары, в разных отношениях и в разной степени «ущербные» (в докладе будут проанализированы примеры разных типов периферийных пар).

3. Префиксальные (точнее, «депрефиксальные») видовые пары существуют: вхождение в видовую пару таких глаголов как, скажем, *краснеть* и *покраснеть*, обусловлено исключительно тем обстоятельством, что глагол *краснеть* среди своих значений имеет значение ‘сделаться красным’ (ср. *Тут она покраснела и выбежала из комнаты* → *Тут она краснеет и выбегает из комнаты*). Депрефиксальные пары также бывают более и менее «образцовыми» — в зависимости от того, насколько автоматически простой имперфектив «берет на себя» значение данного префиксального глагола СВ; здесь имеется спектр возможностей, от хрестоматийных пар *сделать* — *делать* и *построить* — *строить* до сугубо периферийных разговорно-жаргонных корреляций типа *записать* — *писать* <на цифру>, *распилить* — *пилить* <бюджет> и т. п.
4. Биимперфективные видовые тройки (ср. *намазать* — *мазать* / *намазывать*) являются интегральной частью русской аспектуальной системы, так как они возникают в силу действия того же механизма, который порождает «образцовые» видовые пары. Существование биимперфективных

видовых троек не противоречит существованию видовых пар, потому что это явления разного уровня: видовая пара — это отношение субституции, принципиальным образом бинарное, поскольку в русском языке всего два вида. Тройка возникает в результате наложения аспектуального отношения видовой коррелятивности между глаголами противоположного вида и отношения (квази)синонимии между двумя глаголами НСВ; соответственно выбор между простым и вторичным имперфективом регулируется правилами выбора между синонимами.

5. Список видовых пар не может быть составлен, так как категория видовых пар имеет ядерную и периферийную зону, и граница между ними для разных носителей языка проходит в разных местах.

Еще раз о нейтрализации видового противопоставления в современном русском языке

Зорихина-Нильссон Н. В.

Стокгольмский университет (Швеция)

Нейтрализация видового противопоставления, конкуренция видов.

Summary. The present paper deals with different definitions of the notion of aspectual neutralization. The relation between the notions of aspectual neutralization and aspectual competition in Modern Russian is examined in more detail.

Термин «нейтрализация», который начал применяться в конце 30-х годов прошлого века прежде всего для описания фонологических систем разных языков (см. [Трубецкой 1960]), широко используется в настоящее время для анализа особого типа отношений между различными языковыми единицами и на других языковых уровнях, в том числе и на уровне отдельных граммем. Согласно общему определению, при нейтрализации происходит «позиционное снятие противопоставления элементов языковой структуры» [Журавлёв 1990: 328]. Так, например, в условных придаточных предложениях французского языка, в позиции после условного союза *si*, происходит нейтрализация противопоставления «презенс — футурум»; в этой позиции употребляется только немаркированное время презенс. Ср.: *Si je te vois (*verrai) demain, je te dirai la vérité*, букв. *Если я тебя вижу завтра, я скажу тебе правду* [Мельчук 1998: 21].

Таким образом, одним из важных признаков позиции нейтрализации является снятие, или нерелевантность, противопоставления форм по значению в этой позиции. Представляется естественным считать, что противопоставление снимается в тех случаях, когда в той или иной позиции возможна **т о л ь к о о д н а ф о р м а**. Так, при существовании категориального противопоставления форм совершенного (далее СВ) и несовершенного (далее НСВ) вида в русском языке, это противопоставление оказывается, например, нерелевантным в

настоящем историческом однократного действия, в прошедшем времени повторяющегося действия, в отрицательных формах императива. Во всех этих случаях (за некоторым исключением) употребляются формы НСВ.

Первое условие является необходимым, но не вполне достаточным при определении нейтрализации. К другим важным признакам позиции видовой нейтрализации можно отнести употребление одной формы (формы НСВ) вместо другой (формы СВ). Как отмечает А. В. Бондарко: «...несовершенный вид употребляется не только в свойственных ему функциях, но и выступает вместо совершенного — происходит н е й т р а л и з а ц и я видового противопоставления» [Бондарко 1971: 226].

С термином «нейтрализации видового противопоставления» тесно связан другой термин — «конкуренция видов», который трактуется как взаимозаменяемость видов, когда «оба вида описывают, в сущности, тождественную ситуацию и различаются только тонкими оттенками, так что скорее следует говорить о видовой синонимии» [Маслов 1984: 72]. Если при нейтрализации в одном и том же контексте возможна только одна форма, то при конкуренции первое, отмеченное нами условие, не соблюдается: в одном и том же контексте могут употребляться и формы СВ, и формы НСВ. Таким образом, оба термина называют различные, хотя и связанные между собой явления. Эта точка зрения представлена в работе Ю. С. Маслова [Маслов 1984: 82–84].

Несколько другую точку зрения на соотношение понятий «нейтрализация» и «конкуренция» находим, в частности, в работах М. А. Шелякина [Шелякин 1983: 63–111]; [Шелякин 2012: 602–603], а также Е. В. Петрухиной [Петрухина 2009: 69], в которых допускается и пересечение в употреблении терминов: синонимическое использование глаголов обоих видов рассматривается как конкуренция на основе ч а с т и ч н о й нейтрализации. В докладе более подробно рассматриваются эти и другие точки зрения, уточняются понятия синонимии и квазисинонимии видовых форм.

Литература

- Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
Журавлев В. К. Нейтрализация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
Маслов Ю. С. Система частных видовых значений и типы противопоставлений совершенного и несовершенного вида // Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 70 — 84.
Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва; Вена, 1998.
Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009.
Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.
Шелякин М. А. О понятиях и типах грамматической синонимии // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М., 2012.

Словообразовательный потенциал выражения аспектуальных значений в русском и японском языках

Ю. Канэко

Университет иностранных языков г. Кобэ (Япония)

Аспект, результат, процесс, словообразовательный потенциал.

Summary. Both the verbal affixation in Russian and the verbal compounding in Japanese are used to express aspectual meanings. The semantic relations between the constituents of derivatives in Russian could be functionally parallel to those of compounds in Japanese. However, significant differences in interpreting dynamic situations can be found between these languages, when semantic modification takes place in the domain of language-specific prominent notions (LIMIT in Russian and STABILITY in Japanese).

1. «Японский как неопредельный язык»

О сравнительно слабой степени обозначения предела действия у японских глаголов в сравнении с английскими глаголами писали многие японские исследователи. По словам Ё. Икегами, «представляется, что положение дел, которое описывают японские, так называемые, глаголы действия (action) в сравнении с английским языком по толкованию ближе к процессу (process), чем к действию» [Ikegami 1981: 273]. Т. Кагэяма, автор книги под названием «Японский как неопредельный язык» (*Кэдзимэ но наи нихон-го*), пишет:

Английский язык уделяет большое внимание семантике границ, и самим глаголом или самим существительным можно выразить результат изменения действия или контур предметов. В противоположность этому японский язык не очерчивает действие или предмет не столь отчетливо, как это делает английский язык. Следовательно, если назвать данный характер английского языка «языком, очерчивающим границы», то японскому языку соответствовало бы название «язык, не очерчивающий границ» [Кагэяма 2002: 148].

Немало японских глаголов без дополнительных уточнений аспектуальных значений может соответствовать и глаголам СВ, и глаголам НСВ. К тому же, в связи со сравнительно слабой степенью осознания идеи предела / границ в японском языке особенно затрудненным, зато важным, является интерпретация функционально-семантического поля глаголов СВ.

2. Словообразовательный потенциал — актуализация результата и процесса

Слабая степень предельности в японских глаголах вовсе не значит, что в данном языке трудно выразить смысл достижения предела действия. Его обозначение обеспечивается лексическими, словообразовательными способами, употребление которых в речи, однако, получает более повышенную интенциональность, чем в языках с сильной степенью предельности (например, в английском и русском языках). Другими словами, в языках, в которых значение предела содержится непосредственно в лексической семантике самих глаго-

лов, кроме того, в русском языке, еще и в грамматическом значении СВ, снижается осознаваемость его употреблении в речи.

Во внутриглагольном словообразовании японского языка вспомогательный глагол *-киру* 'резать', выступая как аспектальный модификатор, создает на основе мотивирующих глаголов (обычно дуративных) комплетивы. Формант придает основному смысловому глаголу значение 'завершить начатое действие; довести состояния до максимального предела', например, *ёми-киру*, читать-РЕЗАТЬ, 'прочитать, дочитать до конца'; *синдзи-киру*, верить-РЕЗАТЬ, 'доверять до конца, полностью'. При этом он нередко передает глаголам действия субъективно-оценочный оттенок 'для его выполнения требуются особые усилия со стороны агенса'. Грубо говоря, данная словообразовательная модель, в некотором смысле, могла бы считаться японским вариантом интенсивно-результативных способов глагольного действия.

В последние годы, однако, появились новые комплетивы, мотивированные не от дуративных глаголов, а от глаголов достижений, в лексической семантике которых уже зафиксировано значение удачного достижения результата [Падучева 1996: 110–111]. Это такие комплетивы, как *кати-киру*, выиграть-РЕЗАТЬ, 'победить (в чем-н.)', *кимэ-киру*, добиться (цели)-РЕЗАТЬ, 'добиться (цели)'. Они по содержанию не отличаются от мотивирующих простых глаголов *кацу* (> *кати-*) 'выиграть', *кимэру* (> *кимэ-*) 'добиться (цели)'. Разница между простыми глаголами и комплетивами заключается в том, что в последних, благодаря формальному выражению идеи предела, результат актуализируется более отчетливо, чем в первых, и вместе с тем, акцент уделяется не просто факту достижения результата, но и его субъективной оценке и качественным характеристикам процесса, приводящего к данному результату.

Аналогичное явление актуализации словообразовательного потенциала мы наблюдаем и в русском языке. Притом, речь идет об актуализации не результата, а процесса действия, обозначаемого глаголом достижения: «Оно и не может быть иначе, так как это *побеждение* плоти духом и составляет сущность жизни» (строка из письма Л. Н. Толстого, цитируемого В. В. Лопатиным [Лопатин 1973: 92]). По поводу данного авторского окказионализма, В. В. Лопатин отмечает, что «Толстой говорит здесь о самом процессе, обозначаемом глаголом *побеждать*, а не о его результате», а эту мысль писатель выразил с помощью продуктивного словообразовательного типа *-ниј-*, который «лучше всех других суффиксов выражает процессуальность» [Лопатин 1973: 92]. Напомним, что глаголам достижения чужд процесс как таковой, а у них предшествующий результату этап выражается как состояние субъекта, как тенденция к достижению более вероятного результата, см. [Падучева 1996: 113–114].

В докладе будут рассмотрены некоторые результативные способы глагольного действия в японском и русском языках с учетом речевого намерения говорящих при создании внутриглагольных дериватов.

Литература

Лопатин В. В. Рождение слова. М., 1973.

Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.

Ikegami Y. Suru to Naru no gengogaku (Linguistics of DOING and BECOMING). Tokyo, 1981.

Kageyama T. Kejime-no nai Nihongo (Japanese as an unbounded language). Tokyo, 2002.

Термин «ракурс» и семантика вида в дискурсивном контексте

Е. В. Падучева

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН (Россия)

Вид, если отвлечься от его функции выражения многократности, характеризует ситуацию по отношению к **моменту наблюдения** (в отличие от времени, которое характеризует ситуацию по отношению к **моменту речи**).

В самом деле, общим свойством глаголов совершенного вида (СВ) является то, что они задают **ретроспективный взгляд** на ситуацию, иначе — ретроспективный **ракурс** (перевод термина **viewpoint** из [Smith 1997]); ретроспективную **точку отсчета** по Рейхенбаху; ретроспективную **перспективу** или ретроспективную **позицию наблюдателя** в терминах [Падучева 1986]; [Падучева 1996: 12, 269]. На ретроспективную позицию наблюдателя у глагола СВ указывают: отсутствие у глагола СВ формы наст. времени (наст. время порождает синхронного наблюдателя); несочетаемость с фазовыми глаголами, с показателями включенного времени и длительности.

А глагол несовершенного вида (НСВ) может выражать **синхронный** и ретроспективный ракурс в прошедшем времени; синхронный и **проспективный** — в будущем (Падучева 2010). Но в настоящем времени (при речевом, т. е. не нарративном, режиме интерпретации) глагол НСВ выражает однозначно синхронный ракурс — имеет синхронную точку отсчета, синхронный момент наблюдения. Синхронная точка отсчета понимается как одновременность ситуации и момента наблюдения, ретроспективная точка отсчета — как предшествование ситуации моменту наблюдения; проспективная точка отсчета означает, что ситуация следует за моментом наблюдения. Ср. о моменте наблюдения [Гловинская 1982: 128].

Ракурс — это необычная перспектива, возникающая в результате неодинаковой удаленности частей объекта от наблюдателя. При ретроспективном ракурсе на ближайшем расстоянии от наблюдателя (т. е. от момента наблюдения) находятся финальные фазы ситуации, при проспективном — начальные, при синхронном — срединные.

Термин ракурс (иначе — временная перспектива) — из [Smith 1997]. Но в [Smith 1997] ракурсы делятся на перфективные и имперфективные. Между тем ракурсы должны описывать семантику видового противопоставления, и им надо дать не грамматическую, а семантическую характеристику.

В докладе будет продемонстрирована роль ракурса при **дискурсивном** употреблении языка.

Общепризнанным считается тот факт, что соположенные или сочиненные формы СВ выражают **последовательные** события, а формы НСВ — **одновременные**. Этот факт считается отдельным, независимым семантическим свойством глаголов СВ и НСВ. Между тем, можно показать, что дискурсивные свойства глаголов СВ и НСВ являются прямым следствием их значений внутри фразы, т. е. в отдельном независимом высказывании. В докладе идет речь о глаголах совершенного вида.

Форма СВ обозначает событие и предполагает момент наблюдения, расположенный «в середине» перфектного (т. е. финального) состояния события, которое, в обычном случае, отстоит во времени от начального состояния. (Это уточнение понятия ретроспективного ракурса, характеризующего глагол СВ.) Отсюда тот факт, что соположенные или сочиненные формы СВ выражают **последовательные** события: следующее событие начинается тогда, когда кончается предыдущее. Точнее говоря, начало следующего события приходится на конец (а именно, на перфектное состояние) предыдущего. Например.

- (1) Медвежонок *схватил* веник, *подмёл*. Ёжик *распахнул* дверь. Все трое <инопланетян> *вошли* и *поздоровались*. [Сергей Козлов. Новогодняя сказка // «Мурзилка», 2003]

Однако это не всегда так (см. [Падучева 1996: 363]).

- Сочиненные глаголы СВ могут, в определенном контексте, обозначать одновременные события. Так, в (2) события *вздрыгнул* и *уронил* моментальные (не обычные), и они, скорее всего, одновременны:
- (2) Первоклассник, стоявший рядом с ее кабинетом, *вздрыгнул* и *уронил* на пол деревянный пенал. [Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)]
- Причинно-следственные отношения затемняют временные — скорее всего, ломает не после того, как упадет, а одновременно:
- (3) Дождутся эти пьяницы, что он у них куда-нибудь опять *упадет* и *ломает* себе шею. [Андрей Геласимов. Жанна (2001)]
- События одновременны, если есть обстоятельство времени или длительности, общее для двух предикаций:
- (4) Выходит, надеяться на женскую снисходительность Аркину не приходится, и вообще он *выдохся* и *подустал* за сегодняшний день. [Дарья Симонова. Без Россини (2002)]
- (5) Ляля сразу сдала, в один год *расползлась* и *постарела*. [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002)]

- Глаголы изменения состояния часто обозначают одновременные события:
- (6) Мне кажется, что я *оглох и ослеп*. [Владимир Спектр. Face Control (2002)]
- В частности, это могут быть эмоциональные состояния:
- (7) Все ужасное, что случилось когда-то на полигоне, так *напугало и расстроило* Абдулку, что после всякая всячина производила на него именно это впечатление вечности. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]
- В примерах (8) — (10) конфигурация «глагол СВ + И + глагол СВ» тоже не выражает временной последовательности событий. Первый СВ — глагол интерпретации; он обозначает то же событие, что второй:
- (8) Не было случая, чтобы он рассчитал неправильно, *ошибся и отпустил* жертву целой и невредимой. [Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)]
- (9) Не усыновлять же, в самом деле, — шипел Антон, надеясь, что Елена *смилоостивится и подскажет*, как быть, [Дарья Симонова. Без Россини (2002)]
- (10) Только мальчик *изловчился и куснул* себя за локоть. [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996]
- Глаголы с начинательным значением и делимитативы тоже часто обозначают одновременные события.
- (11) Звук был такой силы и страсти, что у Вячика внутри, там, где, как говорят, располагается душа, все *напряглось и завибрировало*, он даже забеспокоился, как бы опять не стошнило. [Федор Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное // «Звезда», 2002]

Так что не обязательно два глагола СВ обозначают последовательные события. Для этого недостаточно, чтобы два глагола были глаголами СВ, т. е. имели ретроспективный ракурс. Нужно еще, чтобы начало следующего события приходилось на перфектное состояние (момент наблюдения) предыдущего.

В (12) (пример, приведенный Д. В. Сичиной) каждое следующее событие синхронно перфектному состоянию предыдущего, но события едва ли можно назвать последовательными:

- (12) Король страшно *расстроился, заплакал и сказал*, что тому, кто найдет амулет, он отдаст в жены прекрасную принцессу и еще половину царства в придачу. [Сергей Седов. Доброе сердце Робина // «Мурзилка», 2002] (вероятно, *заплакал*, не прекращая расстраиваться; *сказал*, не прекращая плакать; *расстраиваться* — это перфектное состояние от *расстроиться*; *плакать* — перфектное состояние от *заплакать*).

Литература

- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413–424.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры. Изд-е 2-е, 2010 [<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>].
- Падучева Е. В. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 3. С. 16–20 [<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/symmetr-2010.pdf>].
- Smith C. S. The parameter of aspect. 2d ed. Dordrecht, 1997.

О терминологических проблемах славянской аспектологии (предельность лексическая и грамматическая, типы процессного и общефактического значений)

Е. В. Петрухина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Глагольный вид, предел, процессное, общефактическое значение.

Summary. The report deals with problems of Slavic aspectology: doublet terms to express the same concept and usage of one term with different meanings. The report analyzes the concepts of the grammatical and lexical limit, as well as the system of contextual meanings of imperfective verbs.

1. Вступление. Известно, что многие термины в славянской аспектологии далеко не тождественны в концепциях разных школ и отдельных лингвистов. В качестве примера приведем неполный список терминов для номинации частных значений несовершенного вида (НСВ) в славистике, соответствующих двум семантическим типам прогрессива, выделяемым в западноевропейской лингвистике — 1) *focalized progressive* и 2) *durative progressive* [Dahl 2000: 526–538]; [Bertinetto 2000: 527]: 1) конкретно-процессное, актуально-длительное, актуально-процессное; 2) подчеркнуто-длительное, континуальное, процессное, дуративное, длительное. В данном случае речь идет о параллельных терминах для одного понятия. Такая дублетность терминов, в том числе интернациональных и национальных, не связана с расхождениями в их интерпретации. Поэтому в целом она не мешает взаимопониманию исследователей и может быть устранена при их взаимной договоренности (здесь регламентирующую роль могла бы сыграть Аспектологическая комиссия при Международном комитете славистов). Большие трудности представляют расхождения в понимании одного и того же термина, т. е. трактовки стоящего за ним понятия. Об этом в частности свидетельствуют многолетние и продолжающиеся дискуссии о видовой паре, см. [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015].

В докладе речь пойдет о таких конституирующих для теории славянского вида терминах, как предел и предельность, которые многие годы используются в аспектологии неоднозначно, что создает, по определению С. Г. Татевосова,

«труднопреодолимые» проблемы теории предельности [Татевосов 2015: 62–64]. Как мы постараемся показать в докладе, эти трудности в теории предельности можно преодолеть, если последовательно различать предел лексический и грамматический (о других терминах см. [Горбов, Горбова 2012]). Кроме того, есть необходимость обсудить термины для частных значений НСВ, но не их дублетность, а концептуальное наполнение, в частности трактовку термина «общефактическое значение» и его типы.

2. Лексический и грамматический пределы действия. Термины «предел» и «предельность» в аспектологической терминологии используется в основном в двух значениях: 1) «достижение предела» и предельность как характеристика лексико-грамматического класса предельных (в другой терминологии терминативных) глаголов; 2) актуализация предела (временной границы действия) и предельность как категориальное значение (граммема) СВ.

Широкое распространение получило лексическая трактовка предела, вернее лексико-грамматическая, так как признак достижения предела в лексической семантике глагола значим для видообразования. Напомню, что, по Ю. С. Маслову, предельные глаголы «обозначают действия, которые по своей природе предполагают, хотя бы в отдаленной перспективе, достижение известного предела, кладущего конец действию» [Маслов 1963: 7]. Речь идет о внутреннем (качественном) пределе, который может быть выражен в лексическом значении глаголов как СВ, так и НСВ (*сделать / делать, упасть / падать, записать / записывать*). Предельные глаголы противопоставлены неопредельным, в значении которых нет идеи о завершении действия (*спать, работать, гулять*). Прототипическое значение лексической предельности в славянских языках связано с завершением действия. Это значение нередко переносится на грамему СВ. Недаром среди определений категориальной семантики СВ долгое время, наряду с целостностью, центральное место занимали такие семантические признаки, как ‘достижение предела’, ‘завершенность’, ‘результат’, которые, тем не менее, не соответствуют всем семантическим типам глаголов СВ, в частности с начинательной семантикой (*засмеяться, увидеть, побеждать быстрее*). Отмеченное противоречие снимает определение семантики СВ, данное В. В. Виноградовым: «...Основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе... Результат — это частный случай предела действия». НСВ обладает семантической двойственностью: с одной стороны, обозначает действие в его течении, «не стесненным мыслью о пределе процесса в целом», а с другой — «является основой, нейтральной базой видового соотношения» [Виноградов 1972: 394]. Согласно данному определению, недооцененному, на мой взгляд, в славистике, в семантике глаголов СВ, в зависимости от их лексического значения и словообразовательной структуры, возможна актуализация «одного из моментов процесса

как его предела», как правило, конечного (*Он отремонтировал квартиру*) или начального (*Он вышел во двор и, не прощаясь ни с кем, зашагал к калитке*). В первом примере реализуется ретроспективная позиция наблюдателя [Падучева 1996: 12], а во втором — проспективная по отношению к действию, но в обоих случаях не синхронная ему. Синхронная позиция реализуется в семантике глаголов НСВ, что позволяет представить процесс действия, «не стесненный мыслью о его пределе».

Таким образом, в теории славянской предельности необходимо последовательное разграничение лексической и грамматической предельности. Грамматическую предельность в семантике СВ (актуализацию предела) можно рассматривать как грамматикализацию лексической предельности, а значит — не стоит отказываться от терминов «предел», «предельность», хотя они используются в двух разных смыслах, но четко различать лексический и грамматический аспекты предельности.

3. Система частных значений НСВ. Немаркированной природе НСВ соответствуют три основных его контекстных (частных) значения: процессное, общефактическое и неограниченно-кратное [Маслов 2004: 99–102], которые выделяются во всех славянских языках, но имеют в них разные функциональные границы. Между славянскими языками наблюдаются также различия в переходных, промежуточных типах семантики глаголов НСВ, которые связывают все основные значения НСВ без резких границ в единый континуум [Петрухина 2013].

Глаголы НСВ в процессном значении выражают действия без актуализации предела, т. е. их временных границ, следовательно и без актуализации изменения, смены ситуации. Названные во вступительной части термины для обозначения типов процессного значения не покрывают всей семантической шкалы процессности. Так, необходим особый термин для номинации значения НСВ в плане настоящего исторического. Предлагаем термин «процессно-фактическое» значение НСВ. В докладе обсуждается также связь между отдельными частными значениями НСВ и типами общефактического значения (ОФ) — ОФ типовое (*Ты когда-нибудь поднимался на эту гору?*) и ОФ единичное (*Когда вы защищали докторскую диссертацию?*).

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947 / 1972.
- Горбов А. А., Горбова Е. В. Предел, предельность, трансформативность, telicity — терминологическое недоразумение рубежа веков? // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. Серия: «Studia philologica». М.: «Языки славянских культур». 2015.
- Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.; Л., 1963.

- Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Петрухина Е. В. Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4.
- Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Bertinetto P. M., Ebert K. H., de Groot C. Progressive in Europe // Dahl Ö. (ed). Tense and Aspect in the languages of Europe [Empirical approaches to language typology, EURO-TYP 20–6]. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dahl Ö. (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Empirical Approaches to Language Typology, Euro-Typ 20–6. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.

Дискурсивные функции видовременных категорий в лирике — на примере анализа стихотворений Осипа Мандельштама

Ю. Пионтковская

Варшавский университет (Польша)

Первый план, фон, время и аспект, лирика, Осип Мандельштам.

Summary. In this article I will present analysis of two poems by Osip Mandelstam “The Wind Brought Us Solace...” and “No lies: tonight...” in order to demonstrate how temporal marking could create texture within a lyric text. I will focus on the choice of tense and aspect as not just a matter of location in time and profiling situations as to their completion, but also as a sign of the speaker / writer’s pragmatic intentions to foreground or background certain elements.

В классических определениях *времени* и *вида* внимание сосредотачивается прежде всего на референтных функциях данных категорий: *время* глагола выражает расположение описываемой в речи ситуации на временной оси, а *вид* (*аспект*) обозначает то, как говорящий осмысливает протекание действия во времени (см. например работу Б. Комри [Comrie 1976]). Исследования в области нарратологии (особенно Хоппера и Томпсон [Hopper, Thompson 1980], К. Чвани [Chvany 1985], С. Флайшман [Fleischman 1990]) показали, однако, что вид и время могут выполнять также прагматические, дискурсивные функции, т. е. маркировать уровень салиентности информации в тексте.

Общеизвестно, что в любом дискурсе некоторые информации являются более, а иные менее важными с точки зрения коммуникационных целей говорящего. Представители когнитивной лингвистики применяют к данному разграничению термины *первый план* (анг. *foreground*) и *фон* (анг. *background*) высказывания. В прототипическом, ежедневном нарративе первый план составляет линия событий, а фон — любого рода комментарии к этим событиям (подробнее см. [Hopper, Thompson 1980]). Если обратиться к модели лирического текста, предложенному Т. И. Сильман [Сильман 1977], то в лирическом стихотворении ядром высказывания (первым планом) является обобщающий вывод лирического героя, а фоном — эмпирическая часть, т. е. разного вида факты и подробности, обеспечивающие коммуникативность излагаемого текста.

В наших анализах стихотворений Осипа Мандельштама «Ветер нам утешенье принес» и «Сегодня ночью не солгу» мы намерены показать, как переключение между видовременными категориями может (а) оформлять переход от эмпирической части к «моменту постижения истины» и/или (б) выделять в эмпирической части те моменты, которое имеют самое существенное отношение к обобщающей части лирического высказывания.

Литература

- Сильман Т. Заметки о лирике. Л.: Ленинградский писатель, 1977.
 Chvany C. Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives: Towards a Theory of Grounding in Text // The Scope of Slavic Aspect / Ed. M. S. Flier and A. H. Timberlake. UCLA Slavic Studies. 12. Columbus, Ohio: Slavica, 1985. S. 247–237.
 Comrie B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
 Fleischman S. Tense and Narrativity. Austin: University of Texas Press, 1990.
 Hopper P., Thompson S. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. 56. 2. S. 215–299.

Семантические типы предела и номинализация глаголов в русском, украинском и польском языках

Е. Э. Пчелинцева

Черкасский государственный технологический университет (Украина),
 Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Отглагольное имя действия, аспектальная семантика, типы предела действия.

Summary. The influence of the aspectual perfective semantics on the productivity of verbs in relation to verbal nouns in Russian, Ukrainian and Polish has been investigated.

1. Об определении предела и его типов. Согласно В. В. Виноградову, «основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса, на его пределе» [Виноградов 1972: 394]. Но само понятие предела является неоднородным. Предлагаются разные классификации типов предела в разноструктурных языках (см. работы В. П. Недялкова, С. Е. Яхонтова, В. Г. Гака, В. А. Плунгяна)¹. Активно обсуждается идея о несовпадении семантики совершенного вида в славянских языках (работы А. Барентсена, Р. Бенакьо, С. Дики, Е. В. Петрухиной). Обнаруживается, что и внутри одного языка могут реализовываться разные типы предела, о чем идет речь в работах Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Н. С. Авиловой, М. А. Шелякина. Так, М. А. Шелякин, усматривает в русских перфективных глаголах три семантических типа предела действия: результативный (достижение естественного результата, обусловленного природой самого действия, ср. *переходить* — *перейти*), одноактный (действие совершается «в один прием», ср. *булькнуть*,

¹ В докладе этот вопрос будет подробно проанализирован.

вздоргнуть) и количественно-временной (действие ограничено определенной внешней временной границей, ср. *посидеть, закричать, продудеть*) [Шелякин 1983]. Эта классификация соотносится с типологическими разновидностями семантики перфективности в разноструктурных языках, описанными В. А. Плунгяном: пунктивность (мгновенность / краткость действия, как в *стукнуть, курнуть*), комплетивность (достижение естественного предела, как в *построить*) и лимитативность (вложенность в более протяженный временной интервал, причем важно само наличие временных границ ситуации, как в *посидеть, прогулять* (весь день)) [Плунгян 1998]. Как выясняется, эти разновидности семантики предела имеют непосредственное отношение к номинализации глаголов в конкретном языке.

2. Некоторые особенности номинализации глаголов в русском, украинском и польском языках. В современном русском языке имя действия имеет весьма ограниченные семантические и функциональные возможности: по результатам нашей сплошной выборки из [ССРЛЯ], в русском языке имен действия в 6 раз меньше, чем глаголов (на 33 000 глаголов примерно 5 500 имен действия). Транспозиция русского глагола в имя сопровождается утратой важных семантических компонентов, в частности — ряда аспектуальных значений. В близкородственных славянских языках наблюдаем другое положение дел: в украинском языке, согласно данным нашей сплошной выборки из [СУМ], отглагольных имен действия насчитывается почти в два раза больше, чем в русском, а польский девербатив, по данным [Dubisz 2004], образуется почти от каждого глагола. В литературе уже обращалось внимание на то, что ограниченность в образовании русских отглагольных имен как-то связана с видом. Действительно, легко обнаруживается, что в русском языке гораздо больше вероятности получить имя действия от глагола НСВ, чем от глагола СВ, и тому уже найдены формальные объяснения (см. [Зализняк 2007]). Но анализ показывает, что на возможность образования имени действия от конкретного глагола влияют и семантические факторы. Выясняется, что глаголы, содержащие признак количественно-временного (по М. А. Шелякину) или лимитативного (по В. А. Плунгяну) предела действия, не способны номинализироваться. Этот запрет касается русского и украинского языков. В польском языке мы обнаруживаем некоторое количество таких имен действия в словарях, например в [Dubisz 2004], но сплошная проверка их употребительности по всем доступным корпусам польского языка убеждает в том, что этот запрет действует и здесь, но не уровне словаря, а на уровне узуса. В докладе будут представлены количественные (словарные и корпусные) данные по трем исследуемым языкам.

3. Краткие выводы. Если учесть данные, представленные в работах С. Дики, А. Барентсена, Е. В. Петрухиной, Р. Бенаккьо, принять во внимание убывание количества отглагольных имен действия с запада на восток, а также отличия

в легкости выражения ими видовых значений, если вспомнить еще и о том, что вместе с историческим становлением категории вида в русском языке происходило падение целого ряда форм имен действия, соотносительных с глаголами совершенного вида, и если все эти факты соотнести со строгим запретом на образование имен действия от глаголов, содержащих признак количественно-временного предела, то можно сделать вывод об усилении в глагольной аспектуальной семантике на системном уровне с запада на восток семантического признака количественно-временного предела. Это не означает, что в русском языке все глаголы СВ выражают значение количественно-временного предела, а в польском они его выражать не могут. Это означает, что интересующий нас признак проявляется в русских глаголах чаще и сильнее, и что русский язык располагает большим арсеналом средств для его внутрисловного выражения. Мы считаем, что именно эта особенность русского языка является одной из важных причин «трудностей» с номинализацией русских глаголов и исчезновения у русских отглагольных имен явной аспектуальной дифференциации.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.
- Зализняк Анна А. Связь отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* с глагольным видом // Terra Balkanica. Terra Slavica. М., 2007. С. 43–51.
- Плунгян В. А. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 370–381.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М.: Изд-во АН СССР, 1948–1965 (ССРЛЯ).
- Словник української мови: В 11 т. АН УРСР. Інститут мовознавства / Под ред. І. К. Білодіда. К.: Наукова думка, 1970–1980 (СУМ).
- Шелякин М. А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола (теоретические основы). Таллин: Валгаус, 1983.
- Uniwersalny słownik języka polskiego / Pod red. S. Dubisza. PWN SA, wersja elektroniczna, 2004 (Dubisz 2004).

К уточнению понятия предельность (взгляд сквозь призму нетрадиционной аспектологической теории)

Н. Г. Самедова

Азербайджанский университет языков (Баку, Азербайджан)

Видовая (точечная) и невидовая (линейная) предельность, фазовость, типология начинательной предельности (ингрессивность, инхоативность, инцептивность), значение гомогенного процесса и значение негомогенного процесса.

Summary. Having imbibed classical linguistic traditions, the theory I follow treats *predel'nost'* (boundedness) as the seme 'bound'. Aspectual (punctual) and non-aspectual (linear) boundedness are differentiated. The interpretation of aspectual meaning as a punctual variety of phasal meaning enables, inter alia, to differentiate three types of initiality, namely ingressivity, inchoativity and inceptivity.

1. Следуя классической традиции, принятая нами аспектологическая теория связывает суть видового значения с понятием предельность. Однако трактуется это понятие далеко не традиционно.

Принципиальным для уяснения природы видového значения является то обстоятельство, что оно рассматривается в трех аспектах: классовом, парадигматическом и синтагматическом (см., например, [Мельчук 1998]). Ключом к пониманию его сущности является парадигматический аспект. Как явствует из термина, эта ипостась видového значения выявляется в видовой парадигме. Именно сопоставление имперфективного и перфективного членов видовой парадигмы позволяет заключить, что перфективность представляет собой точечную предельность.

Во-первых, обнаруживается, что перфективный член парадигмы характеризуется одной из трех разновидностей парадигматической предельности: семой 'начальный предел' (ср.: *петь* / *запеть*₁, *петь* / *распеться*), семой 'конечный предел' (ср.: *петь* / *отпеть*, *петь* / *допеть*), семой 'начально-конечный предел' (ср.: *петь* / *попеть*, *петь* / *пропеть*), см. [Самедов 1968].

Во-вторых, обосновывается мысль о том, что следует разграничивать предельность линейную (протяженную) и точечную (непротяженную). В качестве перфективности выступает точечная предельность, т. е. она составляет исключительную особенность глаголов совершенного вида (см. примеры, приведенные выше). Линейная предельность не может быть квалифицирована как видовое значение, потому что может быть присуща глаголам как совершенного, так и несовершенного вида. Так, глаголам *запевать* / *запеть*₂ присуща сема 'линейный начальный предел', а глаголам *допевать* / *допеть* сема 'линейный конечный предел', см. [Самедов 1968].

Можно видеть, что, согласно нетрадиционной аспектологической теории, предельность представляет собой разновидность фазового значения. Соответственно, исходным при ее определении является понятие фазы, т. е. часть процесса. Начальная предельность — это, иначе говоря, значение первой части процесса, конечная — значение последней части, а начально-конечная — значение первой и последней частей процесса.

Отметим, что в литературе содержатся три взгляда на отношения категорий фазовости и аспектуальности. Описываемый подход восходит к самому раннему из них, сложившемуся, по предположению В. В. Виноградова, под влиянием античных и западноевропейских грамматик, см. [Бондарко 1987: 406]¹. Два других представлены в работах Ю. С. Маслова и И. А. Мельчука. По мнению Ю. С. Маслова, это фазовость представляет собой один из типов аспектуального значения, а вовсе не наоборот [Виноградов 1986: 321]. С точки зрения И. А. Мельчука, данные категории друг с другом не связаны: аспект относится к категориям, выражающим количество, тогда как фазовость — категория, выражающая качественные характеристики [Маслов 2004].

¹ Необходимо отметить, что на этом взгляде покоится также нетрадиционная аспектологическая теория, разработанная О. М. Соколовым, см., в частности, [Самедова 2013: 104–117].

Нетрадиционный взгляд на предельность позволяет разработать стройную типологию начальной предельности, или начинательности.

Мы разграничиваем две омонимические разнородные конструкции *стать* + ИНФ (см., например, [Самедов 1986]; [Самедова 2011]). При сравнении перфективного омонима с синонимичной конструкцией *начать* + ИНФ обнаруживается, что он характеризуется точечной (видовой) начинательностью, или ингрессивностью, тогда как начинательность, присущая конструкции *начать* + ИНФ, линейная (невидовая), а именно негомогенная инцептивность.

Сравнительный анализ соотносительных видовых парадигм *стать* / *стать* и *становиться* / *стать* выявляет как их бесспорное семантическое сходство (ср., например, сочетания с перфективами: *стало холодать* — *стало холодно*), так и весьма примечательные различия со стороны синтаксических признаков (позицию зависимого компонента в конструкциях с членами парадигмы *стать* / *стать* занимают исключительно инфинитивы несовершенного вида). Результаты анализа побуждают нас квалифицировать начальную предельность, свойственную членам данных парадигм, как, соответственно, гомогенную инхоативность и негомогенную инхоативность.

Можно видеть, что нетрадиционная аспектологическая теория не использует термины «предельный» / «непредельный» при характеристике присущего глаголам значения процесса (ср., например, [Бондарко 1987]). Соответствующие понятия обозначаются, в частности, терминами «значение гомогенного процесса» и «значение негомогенного процесса».

Литература

- Бондарко А. В. Лимитативность как функционально-семантическое поле // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 46–63.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
- Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 305–364.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва; Вена. 1998.
- Самедов Г. С. К вопросу о трехчленных цепях типа *слабеть* — *ослабеть* — *ослабевать* // Структурно-функциональный анализ слова в русском языке. Баку, 1984. С. 3–11.
- Самедов Г. С. О видах и подвидах русского глагола // Материалы 1-й Республиканской конференции по вопросам языкознания и методики обучения иностранным языкам. Баку, 1968. С. 116–118.
- Самедова Н. Г. К вопросу о форме будущего времени глаголов несовершенного вида в современном русском языке // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Лингвофутуризм. М., 2011. С. 263–276.
- Самедова Н. Г. Омонимические конструкции *стать* + инфинитив: закономерности поведения // Acta universitatis szegediensis. Dissertationes slavicae sectio linguistica XXX. Szeged, 2013. С. 151–170 [http://digit.bibl.u-szeged.hu/00000/00006/00031/dissert_slav_linguistica_030.pdf].
- Соколов О. М. Имплиcitная морфология русского языка. Нежин, 2010.

О разновидностях общефактического значения НСВ в свете их темпоральных соответствий

Светлана Славкова

Болонский университет (Италия)

НСВ, общефактическое значение, перфект, аорист, имперфект.

Summary. Analyzing the uses of the general factual meaning of IPF in Russian in comparison with Bulgarian I identified some regularities in the correspondences between Russian IPF in the past and Bulgarian verbal tenses. The article demonstrates that the Russian general factual meaning of IPF in past tense depending on the context (and sometimes, on Vendlerian-type classes of verbs) can express the semantics of the Bulgarian aorist, perfect or imperfect.

Общефактическое значение НСВ — одно из наиболее активно изучающихся в аспектологии и, вместе с тем, одно из наиболее трудных для определения частных значений НСВ. Традиционно считается, что общефактическое значение НСВ называет факт совершения действия «без учета конкретных условий его осуществления» [Маслов 1984: 73], но при этом позволяет сосредоточить внимание «лишь на факте его наличия или отсутствия» [Грамматика-80: 612]. Тем не менее, углубленное изучение этого частного значения НСВ привело к выявлению нескольких специфических подвидов этого значения: конкретно-референтного, экзистенциального, неопредельного, двунаправленного ([Падучева 1996]). В некоторых из последних работ общефактическая глагольная предикация рассматривается в связи с бытийными предложениями ([Мелиг 2013]) и с референциальным статусом описываемых ситуаций ([Мелиг 1998]; [Шатуновский 2009]).

При описании средств выражения общефактического значения НСВ в болгарском языке ([Славкова 2015]) нами были замечены некоторые закономерности в соответствиях между разновидностями этого значения в русском и болгарскими глагольными временами. В связи с этим, мы задались целью провести более полный сопоставительный анализ семантики грамматических времен в болгарском и разновидностей общефактического значения НСВ в русском языке.

Анализ перевода с русского на болгарский язык таких примеров, как *Я сегодня суп варила* показывает, что прошедшему времени НСВ в болгарском соответствует аорист НСВ (*Днес варих супа*).¹ Если учесть, что аорист традиционно определяется как «единичное, неповторяющееся действие в прошлом, которое завершено и никак не соотносится с настоящим» [Ремнёва 2004: 253],² то нетрудно заметить, что приведенное определение отражает также семантику общефактического конкретного³ значения НСВ, выражающего единичное,

¹ В отношении болгарского языка Маслов называет это значение несовершенного аориста обобщенно-фактическим [Маслов 1959: 268].

² Ср. также определение Р. Ницоловой «Аористът означава действие, чийто интервал е едновременно с минал интервал на референтност и е затворен в рамките на този интервал» [Ницолова 2008: 290].

³ В другой терминологии конкретно-референтное, *token*, единично-фактическое значение НСВ: «Единично-фактическое значение НСВ налицо, когда предикация в НСВ имеет

разобщи́нное с моментом речи действие ([Падучева 1996: 46]). Указанное соответствие позволяет развить мысль В. В. Виноградова о том, что в определенных условиях формы прошедшего времени НСВ могут приобретать «чисто аористическое значение, в котором стираются оттенки несовершенности, длительности, “имперфективности”» [Виноградов 1986: 456], и выявить в этой разновидности русского общефактического значения НСВ семантику аориста.

Другой тип русских высказываний с общефактическим НСВ (*Мы с вами где-то встречались; Мой дядя восходил на Эверест; Ты когда-нибудь вешал рекламные постеры?*) соответствует в болгарском языке высказываниям с перфектом НСВ (соответственно, *Някъде сме се срещали; Чичо ми се е качвал на Еверест; Някога закачвал ли си рекламни постери?*). Как видно из примеров, речь идет об экзистенциальном¹ подтипе общефактического значения НСВ, которое предполагает, что действие успешно осуществлялось в прошлом по крайней мере один раз и что оно имеет некие важные последствия в настоящем — как минимум, приобретение субъектом определенного личного опыта. Именно результативный характер действия сближает семантику этой разновидности ОФ значения НСВ с семантикой перфекта, выражающей «состояние в момент речи, явившееся результатом действия в прошлом» [Ремнёва 2004: 269].² Сказанное говорит о том, что общефактическое значение НСВ способно выражать, помимо семантики аориста, также семантику перфекта.³

Интерес представляет также общефактическое неопределённое значение НСВ (*На этой стене висела картина; В детстве Маша боялась мышей; Вы искали коменданта?*), естественными для которого являются неопределённые, нерезультативные ситуации, представленные как факты прошлого, которые могут характеризовать (или каким-либо образом идентифицировать) участников ситуации. Временной интервал действия может быть как открытым (неизвестно, перестала ли иметь место названная ситуация), так и ограниченным. Эти характеристики полностью соответствуют грамматической семантике имперфекта, что подтверждается переводом указанных примеров на болгарский язык с использованием имперфекта НСВ (*На тази стена висеше [имаше] картина; Като малка Маша се страхуваше от мишки; Вие ли търсехте коменданта?*).

конкретно-референтный статус и никакой видовой характеристики не содержит. Другими словами, при употреблении НСВ в единично-фактическом значении <...> обозначаемая ситуация только называется, констатируется как факт» [Мелиг 2013: 32–33].

¹ Называемом также собственно общефактическое, экспериментальное значение НСВ, *type*.

² Ср. также: «Перфектът е резултативно време, като резултатът в материален или абстрактен вариант е наличен в момента на говоренето» [Андрейчин 1976: 279] и «Неопределеността на вършенето в миналото и актуалността в момента на говоренето са характерните семантични особености на минало неопределено време» [Стоянов 1980: 389].

³ Неслучайно, по-видимому, в Грамматике-80 используется термин ‘перфектная разновидность’ ОФ значения НСВ, определяемый следующим образом: «при употреблении глаголов несов. вида в форме прош. вр. констатируется такое наличие или отсутствие факта в прошлом, которое характеризует состояние субъекта в данный момент» [Грамматика-80; 610].

Приведенные примеры и межъязыковые соответствия показали, что общефактическое значение НСВ в прошедшем времени может актуализировать семантику аориста (*Я сегодня суп варила*), перфекта (*Мы с вами где-то встречались*), имперфекта (*В детстве Маша боялась мышей*). Детальный анализ контекстов употребления общефактического значения НСВ позволит выявить реальное соотношение его семантики с грамматическими значениями трех классических прошедших времен.

Литература

- Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1976.
 Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.
 Грамматика русского языка. Т. I. М.: Наука. 1980 (Грамматика-80).
 Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М.: Издательство академии наук СССР, 1959. С. 157–312.
 Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
 Мелиг Х. Р. Вид, отрицание и референциальный статус глагольной предикации в тексте // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 289–304.
 Мелиг Х. Р. Общефактическое и единично-фактическое значения несовершенного вида в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 19–46.
 Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «Климент Охридски», 2008.
 Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
 Падучева Е. В. Русский имперфектив: инвариант и частные значения // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 7–18.
 Ремнёва М. Л. Старославянский язык. М.: Академический проект, 2004.
 Славкова С. Использование глагольных времен при выражении общефактического значения НСВ в болгарском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. Вып. 3. С. 133–141.
 Стоянов С. Граматика на българския книжовен език: фонетика и морфология. София: Наука и изкуство, 1980.
 Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М.: Языки русской культуры, 2009.

Глаголы с семой итеративности в русском языке

Е. Я. Титаренко

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Россия)

Русский глагол, аспектология, итеративность, аспектологическая терминология.

Summary. The report regards the issues of terminology of the aspect, a group of Russian verbs with iterative seme. We describe semantic and grammatical features of the verbs of this group.

1. Терминология

В целях упорядочения аспектологической терминологии Ю. С. Маслов рекомендовал использовать термины: **семельфактивный**, или **одноактный** — действие, выполненное в один прием: *кольнуть*, *махнуть*, может быть также *ступить*, *сбегать*; со специальным оттенком интенсивности: *толкануть* и т. д.; **многократный**, или **итеративный** (менее обычно: **фреквентативный**) —

бывать, едал, писывал, может быть захаживал; **мультипликативный (многоактный)**: качать, махать, клевать, колоть. При этом Ю. С. Маслов не рекомендовал смешивать понятия и термины **однократный** (как антитеза понятия «многократный» может пониматься шире в смысле конкретно-единичного, разового действия); **многофазисный** (действие изображается как состоящее из ряда одинаковых актов, а не из ряда фаз) [Маслов 2004: 392–393]. Он писал: «Действия (события и т. д.) могут быть *разовыми (однократными)*, *повторяющимися (многократными)*, *обычными (узуральными)* или только *потенциальными (возможными)*; *локализованными во времени (конкретными)* или *нелокализованными во времени (абстрактными, вневременными, атемпоральными)*; *длительными* (в частности, «состоянием») или *мгновенными (точечными)*; *непрерывными* или *прерывистыми* (состоящими из отдельных актов) и т. д.» [Маслов 2004: 378].

Однако неразличение терминов, к сожалению, до сих пор сохраняется в научной литературе. Лингвисты употребляют как синонимы, с одной стороны, термины *одноактность* — *однократность* — *однофазисность* и, с другой стороны, *многоактность* — *многократность* — *многофазисность*.

В докладе обосновываются следующие термины, их синонимы и определения: **одноактность (= семельфактивность)** — глагол называет действие, состоящее из одного акта (*чихнуть, шагнуть, моргнуть*); **многоактность (= мультипликативность)** — глагол называет сложное действие, состоящее из ряда повторяющихся актов (*чихать, мигать, шагать*); **однократность** — глагол называет действие, выполненное в один прием (*подбросить, сказать, выкрикнуть*); **многократность** — глагол называет повторяющееся действие, состоящее из ряда однократных (*подбрасывать, выкрикивать, подпрыгивать*). Этим термином обозначаются и собственно многократные глаголы типа *хаживать, говаривать, сиживать*; **единичность / одноразовость** (разовость) — действие, имевшее место один раз, количество действий равно единице; **повторяемость (= итеративность)** — (однородные) действия, имевшие место в разное время более одного раза (количество действий больше единицы).

Термины **многофазисность / однофазисность** представляются излишними, т. к. нами пока не найдена группа глаголов, изображающих действие как состоящее из ряда фаз (см. определение Ю. С. Маслова). Однако в ходе изучения способов выражения повторяемости действия в современном русском языке нами была обнаружена группа глаголов, имеющих общие семантические и грамматические признаки, термина для которых в аспектологии еще нет. Мы назвали их глаголами с семой итеративности.

2. Глаголы с семой итеративности

Глаголы с семой итеративности, такие как *навещать, случаться, включать, посещать, являться, появляться, оказываться* и т. п. были выделены автором в особую группу на основании следующих признаков:

- имеют видовые пары, фазовые отношения в которых соответствуют типу «один раз (глагол СВ) — много раз (глагол НСВ)»;
- не имеют других глагольных дериватов, за исключением просторечных некодифицированных лексем с префиксом *по-* (*понавещать, повключать, послушаться, попосещать* и т. п.) и некоторых других (очень редко);
- практически не имеют конкретно-процессного значения НСВ, с трудом употребляются в контекстах такого типа (*в этот момент он навещает своего друга*);
- в минимальном аспектуальном контексте выражают повторяющееся действие (*сын навещает мать; друзья посещают бассейн; со мной случаются странные вещи*);
- видовые корреляты этих глаголов называют однократное (единичное) действие: *случиться, навестить, посетить, включить* и т. д. Такие отношения между глаголами похожи на фазовые отношения между одноактными и многоактными глаголами (типа *прыгнуть — прыгать*), однако в отличие от них, описываемые глаголы являются видовыми партнерами.

Особенности такой семантики глаголов НСВ данной группы мы объясняем наличием в ее структуре особой **семьи итеративности**, которая способствует выражению «внутрисловной повторяемости» [Титаренко 2011] в минимальном аспектуальном контексте и даже вне контекста. Видовые партнеры этих глаголов, однако, не имеют никакой специальной семы, поскольку грамматическая сема единичности, по нашему убеждению, входит в грамматическую семантику совершенного вида в целом [Титаренко 2011].

Количественный состав глаголов данной группы, специфика их фазовой парадигматики, особенности функционирования в контекстах и другие особенности требуют дальнейших исследований.

Литература

- Маслов Ю. С. Избранные труды : Аспектология : Общее языкознание. М., 2004.
Титаренко Е. Я. Категория фазовости и вид русского глагола. Симферополь, 2011.

Видовые пары и «видовые тройки»: объект или инструмент описания?

А. Д. Шмелев

Московский педагогический государственный университет,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия)

Позиция обязательной имперфективации, видовая корреляция, видовая пара, супплетивизм, депрефиксация.

Summary. The paper deals with the notions of aspectual pairs and the so-called aspectual triplets. It is claimed that while the former is a useful instrument of linguistic description, the latter can be no more than an object of description. The point is illustrated with various examples.

В докладе уточняются и развиваются положения, выдвинутые нами в совместных публикациях с Анной Зализняк и Ириной Микаэлян, по большей час-

ти вошедших в нашу книгу [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015]. В основе нашего подхода лежит положение, в соответствии с которым специфика русского глагольного вида состоит в наличии позиций «обязательной имперфективации», когда не может быть употреблен перфективный глагол, а для выражения смысла, который в нейтральных позициях выражается глаголом совершенного вида, используется имперфективный глагол. «Замена» глагола осуществляется носителями языка почти автоматически и часто даже не осознается. Для описания такой замены используется понятие видового коррелята: для данного перфективного глагола имперфективным коррелятом является глагол, который «заменяет» его в позиции «обязательной имперфективации»; соответственно, эти два разновидовых глагола составляют видовую пару. Поскольку имперфективный глагол в рассматриваемой позиции выражает тот же смысл, что и «исходный» перфективный глагол, допустимо говорить, что два члена видовой пары различаются только видом¹. Таким образом, понятие видовой коррелятивности и тем самым видовой пары оказывается необходимым инструментом описания способности носителей языка производить замену перфективного глагола имперфективным в позициях обязательной имперфективации.

Стандартным средством установления имперфективного коррелята для заданного глагола совершенного вида может считаться морфологическая имперфективация, т. е. присоединение к основе перфективного глагола имперфективного суффикса (нередко с предварительным усечением уже имеющегося суффикса). Это средство применимо и к бесприставочным, и к приставочным перфективным глаголам (*дать* — *давать*, *раздать* — *раздавать*). Следует иметь в виду, что при наличии стандартного имперфективного коррелята использование в позиции обязательной имперфективации какого-то иного имперфективного глагола представляет собою явление лексической синонимии, а не множественность коррелятов. То, что в позиции обязательной имперфективации в качестве «замены» глагола *выбросить* <мусор> может использоваться не его стандартный коррелят *выбрасывать*, а синонимичный глагол *выкидывать* (являющийся стандартным коррелятом глагола *выкинуть* <мусор>), никак не ставит под сомнение наличие двух синонимичных пар, а не одной «видовой четверки». Точно так же возможность использовать, наряду с глаголом *ударять*, в той же позиции и примерно в том же значении глагол *бить* не подрывает уверенность в том, что мы имеем дело с парой *ударить* — *ударять* и с глаголом *бить*, приблизительно синонимичным глаголу *ударять*. Лишь в тех случаях, когда по каким-то причинам (чисто фонетическим или иным) данное средство оказывается неприменимо и соответствующий морфологиче-

¹ Вне позиции обязательной имперфективации глагол несовершенного вида, входящий в видовую пару, может более или менее существенно отличаться по смыслу от перфективного члена пары.

ский имперфектив не существует, используются иные способы установления имперфективного коррелята: супплетивный и депрефиксальный. Супплетивный способ применим как к префиксальным, так и к беспрефиксным глаголам. Так, признание супплетивных коррелятов у глаголов *взять*, *сказать* и *поймать*, а именно — *брать*, *говорить* и *ловить*, обусловлено как отсутствием у них стандартных коррелятов (морфологические имперфективы *взимать* и *скашивать* семантически оторвались от глаголов *взять* и *сказать*), так и тем, что *брать*, *говорить* и *ловить* не входят в пары ни с какими другими глаголами. Депрефиксальный способ применим лишь к перфективным глаголам, образованным посредством префиксации. Он основан на том, что в неформальной речи «восстановление» исходного имперфективного глагола путем отсечения приставки часто приводит к тому, что «восстановленный» глагол «заражается» смыслом, заложенным в значении приставки и тем самым может функционировать в качестве субститута префиксального перфективного глагола в позиции обязательной имперфективации. Этот способ является конвенциональным средством установления имперфективного коррелята для многих глаголов с приставкой *по-*, семантический вклад которой часто столь невелик, что «заражение» им исходного глагола почти незаметно, а также ряда других (напр., *делать* как имперфектива для *сделать*).

Важно подчеркнуть, что здесь также важно отличать нестандартный способ установления коррелята от лексической синонимии. Глагол *менять* является стандартным коррелятом к глаголу *поменять*, у которого нет вторичного имперфектива. Этот же глагол может использоваться в позиции обязательной имперфективации для «замены» глаголов *обменять*, *сменить*, *переменить*, *заменить*, однако наличие у них стандартных коррелятов *обменивать*, *сменять*, *переменять*, *заменять* показывает, что в этом случае мы имеем дело с синонимической заменой.

Из сказанного ясно, что само понятие «видовой тройки» никак не может быть поставлено в один ряд с понятием видовой пары. Нелепо «наивное» понимание выражения «видовая тройка» как ‘три глагола, различающихся только видом’: вид в русском языке представляет собою бинарную, а не тернарную оппозицию. Показательна необходимость специальных пояснений, что имеется в виду под этим выражением (напр., в статье [Зализняк, Микаэлян 2010]), которые в совокупности более или менее очерчивают объект исследования. Из примеров, приведенных в данной статье, как и в ряде других публикаций, можно видеть, что во всех случаях, когда приставочный перфективный глагол имеет конвенциональный вторичный имперфективный коррелят, его и разумно считать видовым коррелятом, а в случае если бесприставочный имперфектив близок по смыслу этому вторичному имперфективу, мы имеем дело с синонимией. Если вторичный имперфектив не употребителен, можно считать конвенциональным коррелятом исходный бесприставочный имперфектив и говорить о депрефиксации как способе установления коррелята.

При этом необходимо детальное исследование каждого глагола в каждом отдельно взятом лексическом значении; часто для разных значений глагола устанавливаются разные корреляты. Важную роль играет различие представлений носителей языка, свидетельствующее о нестабильности соответствующей точки языковой системы. Сказанное иллюстрируется, в частности, на примере «шахматной» пары *пойти* — *ходить* <конем> и менее стандартных *идти* <конем> и особенно ?? *походить* <конем>, находящихся, по моей оценке, на грани или даже за пределами нормы, но признаваемых некоторыми носителями языка и встречающихся в текстах.

Литература

Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О месте видовых троек в русской аспектуальной системе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010). Вып. 9 (16). М., 2010.

Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Глаголы движения и глагольный вид в верхнелужицком языке в сравнении с русским языком

Л. Шольце

Университет г. Цюрих (Швейцария)

Глаголы движения, вид, аспект, лужицкий микроязык.

Summary. In my talk I will present a comparison between the “verbs of motion” in Upper Sorbian and in Russian from a morphological and a functional point of view, especially with respect to the role of verbal aspect.

Как известно, парные глаголы движения являются морфологической и семантической особенностью славянских языков. Наиболее подробно они исследованы и описаны в русском языке. Глаголы этой группы отличаются от других глаголов характером глагольного действия. Они выступают в парах глаголов несовершенного вида типа *идти* — *ходить*, противопоставленных по значениям «однаправленность — неоднаправленность». Однонаправленный глагол (= глагол определенного движения, *идти*) описывает движение в одном направлении и является в русском языке маркированным глаголом корреляции. Неоднаправленный глагол (= глагол неопределенного движения, *ходить*) описывает все движения, кроме эксплицитной однаправленности. Он немаркирован.

В данном докладе глаголы движения более подробно рассматриваются относительно глагольного вида. При рассмотрении этой проблемы принимаются во внимание критерии аспектуальной теории ИЛА В. Броя (1997).

Система парных глаголов движения русского языка сопоставляется с верхнелужицкой системой как с формальной, так и с функциональной точек

зрения. Важное различие наблюдается в употреблении однонаправленных глаголов этих языков в морфологическом и видовом отношении, так как в верхнелужицком, в отличие от русского языка, их производные формы с приставкой *po-* лишены инфинитива и прошедшего времени, и употребляются только в настоящем времени со значением будущего обоих видов (например, *hić* ‘идти’ — *róńdu* ‘я пойду, буду идти’), а также — в императиве (см. [Scholze 2008: 268]). Действия в прошедшем времени, которые в русском выражаются с помощью глаголов совершенного вида с приставкой *po-*, например, в случае смежных ситуаций (таксис последовательности), в верхнелужицком языке выражаются с помощью неприсовокупной формы однонаправленного глагола, ср. *Она выключила компьютер, встала и пошла к нему.* (*шла) с верхнелужицкой конструкцией *Wona je kompjuter hasnyła, stanyła a k njemu šła.* В то время как в русском языке в прошедшем времени различают между совершенной формой *пошла* и несовершенной формой *шла*, в верхнелужицком языке в обоих случаях употребляется форма *šła*. Двувидовость глагола *hić* ‘идти, пойти’ касается также и инфинитива.

русский язык	верхнелужицкий язык
<i>идти</i> (нсв.) — <i>пойти</i> (св.)	<i>hić</i> (нсв. / св.)

В то время как *идти* и *пойти* в русском языке образуют видовую пару, в лужицком языке нет никакого видового различия между неприсовокупными и присовокупными однонаправленными глаголами. У них чисто временная оппозиция, а именно только между настоящим и будущим временем, например *du* — *róńdu*.

Однако хотя глаголы однонаправленного движения в верхнелужицком языке считаются двувидовыми глаголами, синтетическая форма претеритума у них выражается имперфектом, который, обычно, образуется только от глаголов несовершенного вида, в то время как у глаголов совершенного вида синтетический претеритум выражается с помощью форм аориста, ср. в следующей таблице глагол *hić* с видовой парой *činić* (нсв.) — *sčinić* (св.) ‘(с)делать’ (3 лицо ед. числа):

	верхнелужицкий синтетический претеритум (3. ед. ч.)	
	аорист	имперфект
<i>činić</i> (нсв.)	—	<i>činješe</i>
<i>sčinić</i> (св.)	<i>sčini</i>	—
<i>hić</i> (однонапр., нсв. / св.)	—	<i>džěše</i>
<i>chodźić</i> (неоднонапр., нсв.)	—	<i>chodžeše</i>

В докладе также обсуждается и общий вопрос о взаимодействии оппозиции направленности с оппозицией целостности категории глагольного вида в верхнелужицком языке.

Насчет функций глаголов движения доклад включает, между прочим также и некоторые примеры из польского языка, в котором в случае смены ситуаций тоже выступают однонаправленные глаголы движения, хотя они в этом языке являются действительно глаголами несовершенного вида, как и в русском, у которых есть видовой партнер с приставкой *po-* (*iść* — *pyjść*), ср. *w Wenecji wysiadł w głuchą noc i podczas burzy biegł ku brzegowi, wskoczył w łódź i zginął mi z oczu* 'В Венеции он вышел в глубокую ночь и во время бури побежал к берегу, прыгнул в лодку и потерялся из виду'. Возможно польский язык занимает позицию между русским и верхнелужицким языками. Носители языка комментируют такие примеры следующим образом: «*zdanie nie jest poprawne, powinno być właśnie pobiegł ku brzegowi*».

Литература

- Брой В. Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем (иерархическая модель компонентов) // Кароляк С. (отв. ред.). Семантика и структура славянского вида II. Krakau, 1997. С. 49–72.
- Scholze L. Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Bautzen, 2008.

Общефактическое значение НСВ

H. R. Mehlig

Университет Христиана Альбрехта (Киль, Германия)

Категория вида в русском языке; общефактическое значение; видовая конкуренция; референциальный статус глагольных предикаций; Type vs. Token

Summary. Predications with the ipf. aspect in its generalized-factual meaning (обобщенно-фактическое значение НСВ) refer to the type of the denoted situation. They inform us that at least one situation of the type in question has taken place or will take place. The first section describes the conditions under which predications in the ipf. aspect allow this interpretation. The second section presents and discusses the wide range of terms which are used for this interpretation of the ipf. aspect.

1. Условия, допускающие интерпретацию НСВ как обобщенно-фактического

Понятие «обобщенно-фактическое значение НСВ» было введено в славянскую аспектологию Ю. С. Масловым. Это значение заключается в «общем, принципиальном указании на факт прошлого без какой-либо конкретизации, без рассмотрения этого факта в конкретных условиях его осуществления» [Маслов 1959]. Предикации с НСВ в обобщенно-фактической функции являются бытийными высказываниями. Они отсылают к открытому классу, к «типу» обозначаемой ситуации и сообщают или отрицают, что в течение некоторого временного промежутка по крайней мере одна ситуация данного типа

имела место. Предикации с НСВ в обобщенно-фактической функции имеют статус неспецифической, в другой терминологии нереферентной неопределенности. Обозначаемая ситуация не может быть идентифицирована ни говорящим, ни слушателем. При преобразовании предикации в именное бытийное предложение этот статус может быть маркирован введением номинализованного описания ситуации с местоименным прилагательным *такой*, употребляемой в катафорической функции: *Мы ВСТРЕЧАЛИСЬ. > Такая ситуация, как встреча, имела МЕСТО*. В русском языке при употреблении НСВ в обобщенно-фактической функции видовая оппозиция нейтрализуется. Допускается, в отличие от, например, чешского языка, только НСВ, ср. *Ты уже когда-нибудь ПОДНИМАЛСЯ на эту гору?* vs. *Už jsi někdy LEZL / VYLEZL na tuto horu?* [Петрухина 2013].

В бытийных предложениях отсылка к хотя бы одному объекту или к точно одному объекту различаются морфологически, ср. *У Саши ЕСТЬ дети* vs. *У Саши ЕСТЬ жена*. У глагольных предикатов такой возможности нет [Шатуновский 2009]. Имеем ли мы дело с отсылкой к хотя бы одной или к точно одной ситуации, решает наше знание о мире. Поэтому предикация *Саше удаляли АППЕНДИКС* понимается как отсылка к одноразовой ситуации.

Бытийные высказывания предполагают, что в соответствующем пространстве имеется более чем один объект данного названия. Для глагольных предикатов это обозначает, что НСВ допускает обобщенно-фактическую интерпретацию только тогда, когда обозначаемая ситуация является воспроизводимой. Поэтому уникальные ситуации, если они не могут быть реализованы частично, не допускают употребления НСВ в обобщенно-фактической функции: **Кто первым достигал южного полюса?* Это также относится к предикатам индивидуального уровня (вневременные предикаты), напр., *владеть немецким языком*, так как они по определению обозначают неквантифицируемые ситуации. Обобщенно-фактическое употребление НСВ является вариантом количественной аспектуальности.

Употребление НСВ в обобщенно-фактической интерпретации не ограничивается прошедшим временем, хотя оно там имеет высокую частотность. Оно возможно во всех спрягаемых и неспрягаемых формах: в будущем времени: *Мы еще будем встречаться, и не раз*, в сослагательном наклонении: *Лучше бы он не приходил!*, в императиве: *Приходите к нам!* в инфинитиве: *Стыдно отцу запугивать ребенка* и, хотя крайне редко, в дееспричастии: *Он умер неожиданно, не болев перед этим никакой серьезной болезнью* [Бондарко 1983].

Предикации с обобщенно-фактическим НСВ употребляются в прошедшем, а также и в будущем времени, прежде всего в высказываниях, которые имеют верификативный коммуникативный статус, т. е. в высказываниях, в которых информация о существовании (*modus*) ситуации образует фокус предикации. Они в русском языке характеризуются тем, что интонационный центр

высказывания всегда находится на спрягаемой форме предиката: *Твой дядя ПОДНИМАЛСЯ на Эльбрус?* > *Такая ситуация, как X, ИМЕЛА место?* Однако, допускается и нейтральный коммуникативный статус: *Мой дядя поднимался на ЭЛЬБРУС.* > *Имела место такая ситуация, как X.* В таком случае информация о существовании (modus) и описание ситуации (dictum) вместе являются новой информацией. Наконец, они могут иметь и экспликативный коммуникативный статус. Он имеет место, когда информация о существовании (modus) является предполагаемой информацией и только описание ситуации (dictum) образует фокус высказывания: *[Откуда ты об этом знаешь?] Я читал об этом в ГАЗЕТЕ.* > *Имела место ТАКАЯ СИТУАЦИЯ, КАК X.* Так как ответ в данном контексте с обобщенно-фактическим НСВ на основе нашего знания о мире допускает и интерпретацию как отсылку к точно одной ситуации, возможна видовая конкуренция: *Я прочитал об этом в ГАЗЕТЕ.* При замене вида происходит переход от неспецифической неопределенности (НСВ) к специфической неопределенности (СВ).

Предикации в прошедшем времени с обобщенно-фактическим НСВ могут относиться к временному промежутку, который простирается до точки отсчета: *До этого мы еще не ВСТРЕЧАЛИСЬ.* > *До этого такая ситуация, как X, еще не имела МЕСТО.* Если точка отсчета является моментом речи, то такие высказывания могут соответствовать английскому «Experiential Perfect» (lifetime effect): *Ты когда-нибудь ПРОЧИТЫВАЛ 300 страниц за одну ночь? Have you ever read 300 pages in one night?* Однако предикации в прошедшем времени с обобщенно-фактическим НСВ могут относиться и к промежутку времени, который разобщен с точкой отсчета: *Вы в прошлом году ВСТРЕЧАЛИСЬ?* > *Такая ситуация, как встреча, в прошлом году ИМЕЛА место?* Тогда они должны быть переведены с Simple Past: *Did you meet last year?*

2. Термины, употребляемые для НСВ в обобщенно-фактической функции

Для обозначения обобщенно-фактического НСВ употребляются самые разные термины. В [Петрухина 2013] предлагается термин «общефактическое типовое»; в [Падучева 1996] — «общефактическое экзистенциальное», в [Gršnn 2003] — «Existential Factual ipf. Aspect». При этом Е. В. Падучева и А. Gršnn употребляют этот термин исключительно для предикаций, которые интерпретируются как результативные. Однако предикации с обобщенно-фактическим НСВ могут отсылать и к неопредельным ситуациям: *Саша когда-нибудь РАБОТАЛ за границей?* и даже к предельным ситуациям, которые не достигли своей кульминационной точки. Такая интерпретация является обязательной в случае ситуаций, которые в соответствии с нашим представлением о мире являются воспроизводимыми только тогда, когда они не достигли своей кульминационной точки: *Саша уже тонул, но его каждый раз спасали.*

Чаще всего для обобщенно-фактического НСВ употребляется термин «общефактическое» значение. При этом этот термин употребляется не только для предикаций в НСВ, которые отсылают к типу (Type) обозначаемой ситуации, но также и для предикаций в НСВ, которые отсылают к индивидуализованным ситуациям (Token), если они в силу ситуативного или текстуального контекста понимаются как отсылка к ситуации, которая достигла своей точки кульминации. Е. В. Падучева называет это употребление НСВ «акциональным значением НСВ» [Падучева 1996], в [Grønn 2003] используется термин «Pre-suppositional Factual ipf. Aspect». В этих предикациях часто допускается видовая конкуренция. При замене вида, однако, не происходит переход от неспецифичности (НСВ) к специфичности (СВ), от Type к Token. Такая предикация с «акциональным» общефактическим НСВ, как *Где вы защитили / защищали диссертацию?* обладает как в СВ, так и в НСВ статусом специфической определенности и обозначает в обоих видах ситуацию, которую не только говорящий, но и адресат может идентифицировать. При замене вида ситуация представляется в другом ракурсе. В НСВ тематизируется процессный компонент обозначаемой ситуации, а в СВ достижение кульминационной точки.

М. А. Шелякин вслед за Ю. С. Масловым употребляет для бытийной интерпретации НСВ термин «обобщенно-фактическое значение» [Шелякин 1983]; [Шелякин 2007]; [Маслов 1959]. Для предикаций же в НСВ, которые отсылают к ситуациям, достигшим своей кульминационной точки и в связи с этим часто допускающим видовую конкуренцию, М. А. Шелякин создал термин «единично-фактическое» значение НСВ. При этом он не различает двух принципиально разных условий, при которых в русском языке возможна видовая конкуренция. Она, во-первых, может возникать, когда ситуация, концептуализируемая как отсылка к типу (Type), из-за прагматических причин понимается как отсылка к одной ситуации, и поэтому допускается также употребление СВ, как в примере [*Откуда ты об этом знаешь?*] *Я читал / прочитал об этом в ГАЗЕТЕ*. (Переход от неспецифичности в НСВ к специфичности в СВ). Видовая конкуренция допускается, во-вторых, и тогда, когда предикация с НСВ отсылает к индивидуализированной ситуации (Token) и из контекста понятно, что обозначаемая ситуация достигла своей кульминационной точки. Видовая конкуренция первого типа возможна всегда, когда обозначаемая ситуация является воспроизводимой. Видовая же конкуренция второго типа допускается только тогда, когда у предиката есть процессный компонент. В [Петрухина 2013] и [Мелиг 2013; 2015] употребляется термин М. А. Шелякина «единично-фактический», но исключительно для линейной аспектуальности, т. е. для предикаций, в которых имеет место видовая конкуренция второго типа.

Литература

- Бондарко А. Б. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1959.

- Мелиг Х. Р.* Общефактическое и единично-фактическое значения НСВ в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 4.
- Мелиг Х. Р.* Дискурсивная функция глагольного вида при отрицании // Аспектуальная семантическая зона: Сборник статей. Киото, 2015.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Петрухина Е. В.* Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 4.
- Шатуновский И. Б.* Проблемы русского вида. М., 2009.
- Шелякин М. А.* Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.
- Шелякин М. А.* Категория аспектуальности русского глагола. М., 2007.
- Grønn Atle.* The Semantics and Pragmatics of the Russian Factual Imperfective. Faculty of Arts, University of Oslo: Doctor Artium Thesis, 2003.

Балтославянские языковые, литературные, культурные связи в современном мире

Особенности функционирования фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и литовском языках

О. М. Голубенко

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

*Зоонимный компонент, семантическое содержание, фразеология,
картина мира, идеографическое описание*

Summary. This report considers the semantics of Russian and Lithuanian zoonym phraseological units and performs their semantic and structural systematization. The author identifies the cultural linguistic features of fixed expressions containing a zoonym component in the worldview of native speakers.

В настоящее время большой интерес исследователей вызывает сопоставительное изучение языковой картины мира носителей того или иного языка — зафиксированной в языке и специфической для языкового коллектива схемы восприятия действительности. «Знание различий между языками, — отмечает В. Г. Гак, — позволяет преодолевать языковую интерференцию: влияние одного (родного) языка при пользовании другим языком. Кроме того, оно дает лингвистическое обоснование закономерностям перевода. К тому же, сопоставление имеет немаловажное значение не только для их практического изучения (оно заставляет вникать в самые тонкие оттенки родного языка), но и для развития теории этих языков, способствует более глубокому анализу лингвистических явлений сопоставляемых языков» [Гак 1976: 6]. В области фразеологии проявляется наиболее тесная связь языка и культуры. Фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, «аккумулирующие и передающие из поколения в поколение культурный потенциал народа. В них проявляются особенности всякого национального языка... неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [Зайнуллина 2005: 157].

Генетическое родство славянских и балтийских языков определяет значительное сходство между данными языковыми системами. Русский и литовский языки на протяжении веков сосуществовали в непосредственной близости, в том числе и вследствие этого в их структурах на всех уровнях наблюдается немало общего.

Сравнительный анализ лексических систем вышеуказанных языков в целом не является новой задачей для русского языкознания (см., например, работы И. А. Стернина, Д. Эйгирдене, Й. Русецкой, В. С. Дротвинаса), однако не все стороны процесса формирования и функционирования русских и литовских фразеологизмов исследованы в достаточной мере.

Весьма интересной в этом отношении выступает лексико-грамматическая группа, которую составляют фразеологизмы с компонентом-зоонимом, поскольку они составляют важный пласт лексики русского и литовского языков, отражающий национально-специфические и общечеловеческие категории культуры.

Фразеологизмы-зоонимы в русской и литовской языковых картинах мира отличаются особой природой ассоциаций, базирующихся на глубинной связи оценочной семантики с биологическими признаками животных.

В ходе сравнительного анализа устойчивых выражений русского и литовского языков можно выделить четыре основные группы фразеологизмов по лексико-семантическому составу:

1. Фразеологизмы, одинаковые по значениям и компонентам-зоонимам, входящим в состав фразеологической единицы.
2. Фразеологизмы, одинаковые по значениям, но различные по компонентам-зоонимам.
3. Фразеологизмы, разные по значениям, но одинаковые по компонентам-зоонимам.
4. Фразеологизмы, различные и по значениям, и по упоминаемым в их составе компонентам-зоонимам.

Первая группа фразеологизмов — это эквивалентные сочетания, тождественные по лексическому составу и смысловому наполнению. К ним можно отнести следующие фразеологизмы: *как собаке пятая нога* — *kaip šuniui penkta koja*; *как курица лапой* — *kaip višta su koja*; *как кошка с собакой* — *kaip šuo su kate, mušti kaip*; *волк в овечьей шкуре* — *vilkas avies kailyje*; *собака на сене* — *šuo ant šieno*; *морской волк* — *jūrinis vilkas*; *как от козла молока* — *kaip iš ožio pieno*; *лечь крокодиловы слезы* — *krokodilo asaras lieti*; *медвежья услуга* — *meškos paslauga* и другие.

Вторую группу составляют фразеологизмы, одинаковые по значениям, но различные по компонентам-зоонимам в составе, либо имеющие эквивалент, но без зоонима в составе. Это такие фразеологизмы, как: *собаку съел* — *ant arklio ir po arkliu buvęs*; *как с неба свалилось* — *kaip aklai vištai grūdas*; *как голый в крапиве* — *kaip šuo šulinyje*; *как корова жевала* — *šuns gerklėje buvęs*; *кошка пробежала* — *zuikis perbėgo kelią*; *драть козла* — *ožio balsu*; *всякая жаба* — *rupūžų maišas*; *ослиный разум* — *asilo galva*; *шипучая змея* — *kaip gyvatės įgeltas*.

В состав **третьей группы** входят фразеологизмы, разные по значениям, но одинаковые по компонентам-зоонимам. К данной группе можно отнести сочетания: *синяя птица* — *žydroji paukštė*; *быть на коне* — *kaip ant žirgo pasodintas*; *собачий холод* — *šuns rūga*; *собачий хвост* — *šuns uodega*; *как оса лезет в глаза* — *kaip vapsva į akis lenda*; *рыбья кровь* — *žuvies kraujas*.

Четвертую группу составляют фразеологизмы, наиболее ярко передающие языковую и культурную специфику конкретного народа. К уникальным

фразеологизмам русского языка, не встречающимся в литовском можно отнести следующие фразеологизмы: *петлять как заяц*, *вильнуть умом*, *как пес хвостом*, *как пес смрадный*, *как собака на заборе*, *собачья радость*, *ободрать как волк овцу*, *слаб как вареный петух*, *стоять как петух на насесте*.

В литовском языке это фразеологизмы, в состав которых входят диалектные слова, имена и фамилии, связанные с народной мифологией, сказками, легендами, обычаями: *kudlas raižyti šuniui*, *šunų veseilia*, *šuns litaniją giedoti*, *šuns zakristija*, *Perkūno oželis*, *kaip Samuolio bitės*, *šuns duona*, *kaip iš kalės uodegos*, *šuns dantys*, *kaip ožys į varlę* и т. д.

Семантика компонента-зоонима, безусловно, влияет на общее значение устойчивого сочетания. Проведенный сопоставительный анализ русских и литовских фразеологизмов с компонентом-зоонимом позволяет сделать вывод о том, что все наименования животных неодинаково имеют одинаковую семантику в русском и литовском языках. При этом содержательная область названий животных и частотность их употребления во фразеологии напрямую связаны со значимостью того или иного животного в национальной культурной традиции.

Кроме того, активность тех или иных названий животных обусловлена как внеязыковыми факторами, так и лексико-семантическими свойствами соответствующих зоонимов. Одни и те же наименования животных могут реализовываться в составе устойчивых выражений по-разному: их семантика может совпадать или одни и те же явления культурной жизни этноса могут ассоциироваться с самыми разными объектами животного мира. Таким образом, мотив выбора образов для сравнений определен как опытным восприятием животных, так и магическими, религиозными функциями, которыми они наделяются в разных культурах.

Литература

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1976.
Зайнуллина Л. М. Композиционная семантика производного слова (на материале английско-го, немецкого, русского, башкирского и французского языков). Уфа, 2005.

Русский язык среди языков Латвии

И. В. Диманте

Балтийская международная академия (Рига, Латвия)

Языковые контакты, двуязычие, трехязычие, русскоговорящие.

Summary. The present article is dedicated to the problem of functioning and inter-influencing of languages in the Republic of Latvia. A special place in the history of Latvia belongs to the German and Russian languages, for they determined the language environment in Latvia over a long period of time. As a result of the longlasting language contacts, certain changes of a systematic character appeared in the language spoken by the local people.

1. Двуязычие и трехязычие в Латвии

На протяжении ряда веков в Латвии наблюдается картина сосуществования разных языков, поэтому ситуация явного дву-, трехязычия является здесь

характерной. Основными языками, которые употреблялись наряду с латышским, сменяя друг друга в различные эпохи, были ливский, немецкий и русский. Например, для языковой картины первой половины прошлого века было характерно латышско-русско-немецкое трехязычие, а для второй — латышско-русское двуязычие. Ливский язык является языком исконного населения Латвии. Однако, ввиду малочисленности его носителей, он, в основном, используется как язык бытового общения. С 2004 года Латвия находится в составе Европейского союза. Поэтому можно предположить, что постепенно вновь формируется ситуация трехязычия — латышско-русско-английского. Только в отличие от предыдущих языковых ситуаций, разница будет состоять в том, что английский язык не является родным языком какой-то значительной части населения Латвии (как было с ливским, немецким и русским) — это язык межнациональный.

2. Особенности языковых проявлений

Языковые проявления, порожденные контактами русского и латышского языков, достаточно разнообразны. Обоюдно оказались затронутыми лексико-семантический и морфолого-синтаксический уровни, однако в различные эпохи с разной степенью интенсивности и не всегда равнонаправленно. Что же касается словообразовательных процессов и заимствований, то латышский в большей мере подвергся влиянию со стороны русского и немецкого языков. Длительное время экстралингвистические и структурно-типологические особенности русско-латышского двуязычия обуславливали относительную открытость для интерферирующего воздействия со стороны латышской грамматической системы на грамматическую систему русского литературного языка Латвии. Результатом продолжительных и непосредственных языковых контактов явились определенные изменения в русском языке местного населения, поэтому речь русскоговорящих латвийцев по ряду параметров отличается от речи жителей России. К тому же, в перспективе намечается — сегодня это в планах латвийского правительства — постепенный переход на латышский язык в государственных школах и вузах (исключение составляют частные учебные заведения), что, конечно же, не поспособствует повсеместному закреплению знаний литературных форм русского языка во период обучения. Этого может не произойти в силу каких-либо экстралингвистических факторов. Например, если языковая политика все же изменится. Однако определенная тенденция утраты ориентации на литературную норму уже наблюдается. Это происходит под воздействием не только латышского языка, но и английского. Показательно в этом плане явление (морфолого-синтаксического уровня), которое условно можно обозначить как «*надежные игры*». Характерной разновидностью его проявления является калькирование латышских грамматических конструкций,

эквивалентных по своему значению конструкциям в русском, но не совпадающих в грамматическом оформлении.

3. Лексико-семантический уровень

На лексико-семантическом уровне обнаруживают себя следующие явления: во-первых, повсеместное использование общеизвестных слов английского происхождения (к примеру, «бойфренд» ‘близкий друг, типа гражданского мужа’ — boyfriend, «эмайл» ‘электронная почта, адрес’ — e-mail, «мессидж» ‘сообщение’ — message, «уик-энд» ‘выходные’ — weekend и т. п.). Одной из возможных причин подобных вкраплений, вероятно, может служить определенная экономия языковых средств: употребляемые «заимствования», как правило, более удобопроизносимы и короче русских аналогов. Во-вторых, наблюдается практически полное исключение и даже забвение слов из разряда пассивной лексики русского языка (устаревших или менее употребительных) и незнание их молодежью. Одним из объяснений такого явления может послужить наметившаяся тенденция формирования повседневной деловой, «прагматичной» речи: сегодня в быту и на работе наиболее актуальными темами обсуждения являются вопросы экономического характера. Что касается стилистического аспекта, то следует отметить следующее: местная русская речь обеднела — став более «прагматичной», она стала менее выразительной, практически лишённой какой бы то ни было поэтичности. Здесь в определенной мере сказывается влияние латышского языка, для носителей которого характерны сдержанность и немногословие. В целом же наблюдается резко бросающееся в глаза снижение речевой нормы: жаргонизмы стали обычным явлением. Поскольку это особенно заметно у молодежи, то ситуацию отчасти можно объяснить влиянием распространенной американской кинопродукции не самого высокого качества.

4. Фонетический и синтаксический уровни

На фонетическом уровне обнаруживает себя некоторая растянутость гласных и как бы замедленность речи («на латышский лад»). Кроме того, не является редкостью неправильная постановка ударения. На синтаксическом уровне существенные нарушения нормы отмечаются в письменной речи молодежи. Прежде всего это касается знаков препинания, вернее — их отсутствия на положенном месте. В определенной степени это обусловлено влиянием латышского и особенно английского языков, а также особенностями Интернет-переписки.

5. Языки современной Латвии

По данным Центра статистического управления, в первом полугодии 2015 года число носителей латышского языка составляет 61,6% от общей чис-

ленности всего населения Латвии, русского — 25,8%, белорусского — 3,4%, украинского — 2,3%, польского — 2,1%, литовского — 1,2%. Носители других языков составляют менее 5%. Таким образом этнические славяне, именуемые русскоговорящими или русскоязычными (несмотря на все различия), составляют более 33%, т. е. треть всех жителей страны. Интересно, что в Рижском районе и в Латгалии русскоговорящих более половины от всего числа проживающих. Также в крупных городах Латвии: Риге, Даугавпилсе и Резекне — повсеместно слышна русская речь [www.scb.gov.lv/sites/default/file/skolēniem/iedzivotai/etniskais_sastavs.hdt].

Литература

Диманте И. Языковая ситуация и языковое законодательство в Латвийской Республике. М., 2005.
[www.scb.gov.lv/sites/default/file/skolēniem/iedzivotai/etniskais_sastavs.hdt].

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в Латвии: перевод и интерпретация

А. В. Логинова

Даугавпилсский университет (Латвия)

Перевод, интерпретация, оним, семантика.

Summary. Theses describes the novel by F. Dostoevsky's "Crime and Punishment" in Latvia in terms of translation and interpretation. Problem of crime, made by the person, as well as the inevitable punishment, which was closely linked with the problems of the "superfluous man" — questions that justify the interest in the translation of this text in the Latvian language.

«Великое пятикнижие» Ф. Достоевского, романы, в которых представлено понимание онтологически присущих миру категорий добра и зла, света и тьмы, порядка и хаоса, истинного и ложного, взаимодействие мира и человека, «открытость и незавершенность» русской речи как «неразгаданная тайна» самих текстов — определяют востребованность данных художественных текстов во всем мире, в том числе — в Латвии. Свидетельством актуальности «великого пятикнижия» в Латвии является то, что все эти романы переведены на латышский язык сначала отдельными частями (ср.: «Преступление и наказание» в 1896 г., «Идиот» в 1897 г., «Бесы», «Подросток» в 1898 г., «Братья Карамазовы» в 1899 г.), затем с 1936–1938 гг. в составе полного собрания сочинений Ф. Достоевского на латышском языке.

В контексте развития латышской литературы начала XX века Ф. Достоевского считают источником мотивов, тем, характеров, что неоднократно отмечалось в заметках многих латышских писателей (Ф. Барда, А. Матисс, А. Упитс и др.). Значимость текстов Ф. Достоевского и их перевод на латышский язык были обусловлены идеями реализма — одной из тенденций развития латыш-

ской культуры. Широкий тематический спектр произведений, сложность структурно — семантических отношений, безграничная амплитуда человеческих переживаний — составляющие, которые отличали произведения Ф. Достоевского и оправдывали интерес их перевода на латышский язык. Главный же предмет изображения в текстах Ф. Достоевского — человек, противоречивый, не до конца понятный, заставляющий сочувствовать и сопереживать, непостижимая тайна. Именно эта «таинственность, непознаваемое, не поддающееся определению, дефиниции — в центре портретных описаний Достоевского» [Сырица 2007: 48].

Антропоцентричность произведений Ф. Достоевского, стремление осознать природу человека не только «снаружи», но и «изнутри», поиск «человеческого в человеке» обнаружила и интерес латышской аудитории к переводу романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» — первому роману «великого пятикнижия», роману, «который сейчас читают по всему миру, все, у кого есть еще хоть какое-то понимание о преступлении и наказании» [Mauriņa 1997: 99]. Впервые роман «Преступление и наказание» на латышском языке был напечатан отдельными частями в 1896 году в газете “Dienas lapa” («Дневной листок»), однако самостоятельным тиражом первая часть романа была выпущена в 1926 году. Латышскую аудиторию интересовала проблема преступления, на которое идет человек, а также неизбежного наказания, которая была тесно связана с проблематикой «лишнего человека». В качестве «лишнего человека» рассматривался главный персонаж романа — Родион Раскольников.

Наиболее известным переводом романа «Преступление и наказание» на латышский язык, неоднократно переизданным, а также включенным в полное собрание сочинений Ф. Достоевского на латышском языке, является перевод, выполненный Карлисом Штралсом (1880–1970). Область интересов К. Штралса обширна — поэт, прозаик, драматург, переводчик, редактор журнала «Латвия» («Latvija»), газеты «Утренняя заря» («Rīta blāzma») и др. Творческую деятельность начинал с написания стихотворений, автобиографических рассказов, очерков, пьес. Латышской аудитории наиболее известен как автор романа «Война» («Karš»), первая часть которого была опубликована в 1921 году. Среди значимых переводов К. Штралса русской художественной литературы на латышский язык — лирика А. Пушкина, «Записки охотника», «Накануне», «Рудин» И. Тургенева, «Избранное» М. Салтыкова-Щедрина, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, проза И. Бунина и др.

Принимая во внимание многочисленные попытки интерпретации сюжетной линии романа «Преступление и наказание», исследование психологизма персонажей романа, отметим, что в наименьшей степени описан языковой аспект данного романа, который, на наш взгляд, является наибо-

лее значимым. Сопоставление оригинала романа «Преступление и наказание» и его перевода на латышский язык не было предметом исследования до сих пор.

В сопоставительном анализе первостепенное значение имеет исследование ключевых единиц в тексте оригинала и перевода, установление соответствия их семантики, выявление безэквивалентной лексики, определение количественных соответствий языков единиц и др. Способы восполнения «непередаваемого» в тексте перевода дают возможность исследовать оттенки смыслов искомых единиц в оригинале и переводе, определить проблему перевода единиц художественного текста как специфических, осмыслить текст перевода как нового по отношению к оригиналу, со своими особенностями, а может быть и новыми смыслами.

В качестве примера приведем анализ ключевой единицы романа — онима «Раскольников». В романе «Преступление и наказание» оним встречается 871 раз. При относительном совпадении количественных упоминаний онима «Раскольников» в переводе (778 раз), их эстетическая функция в оригинале и переводе различна. Семантизация онима «Раскольников» в тексте оригинала происходит за счет обыгрывания его внутренней формы, связанной с семантикой префикса «рас- / раз-», передающего значение «разъединения», «распределенности», а также со значением лексем «раскол»; «раскольник». Высокая частотность появления данной единицы в романе задает доминантные смыслы раскола, хаотичности, дисгармонии всему художественному миру романа. Главный герой романа не созидает, а разрушает мир вокруг себя.

В переводе на латышский язык оним «Раскольников» оказывается востребованным только на формальном уровне и передается транслитерированной лексемой «Raskolņikovs». Семантически данная единица не выражает заданных оригиналом текста смыслов. Обращают на себя внимание и другие онимы, обладающие внутренней формой: «Разумихин», «Лужин», «Мармеладов», в том числе — стертой (ср.: «Лебезятников»). В переводе же некоторые из них также утрачивают связь с внутренней формой (ср.: «Razumihins», «Lužins», «Lebezjatnikovs»), другие связь с мотивирующим признаком сохраняют (ср.: «Marmeladovs» от «marmelāde»). Возникает вопрос о значимости всех единиц в художественном тексте, их взаимосвязи, а также о потере эстетической информации в переводе у одних единиц при сохранении этой же информации у других.

Литература

Сырица Г. Поэтика портрета в романах Ф. Достоевского. М.: Гнозис, 2007.

Mauriņa Z. Dostojevskis. Rīga: Zvaigzne ABC, 1997 (Перевод источника на латышском языке наш. — А. Л.)

**Современный язык общения жителей
литовско-беларуского пограничья
Ана Окушкайте**

Университет им. Н. Коперника (г. Торунь, Польша)

Summary. This paper reports the language preferences of people located on the Lithuanian-Belarusian border. The paper aims at showing not just the preferences themselves but also their dynamics, discussing the reasons for the students' language choices depending on their age. The most frequently used languages are Polish, Lithuanian, Russian and a dialectal variety of Belarussian, the so-called simple language.

Главной задачей поставленной в статье является анализ способа высказываний пользователей социальных сетей и интерференций жителей Литвы находящихся в многоязычной среде пограничья. Значительная группа это молодежь, для которой русский как и польский или литовский являются языками повседневного общения, однако русский они знают только в разговорном виде, польский изучали только в школе литовский язык является государственным и воспринимается ими только как необходимый для существования в обществе. Чаще всего используется диалектная форма распространенного там белорусского говора. Он однако значительно отличается от известной нам трасянки, которую используют жители соседней Белоруссии. В этом диалекте мы можем наблюдать формы литовского языка, как и польского. Это совершенно новая форма коммуникации, распространенная среди жителей этого региона. Очень важным является тот факт, что раньше диалект использовался только в разговорном виде. Однако, все чаще он проникает в Интернет, что дает нам возможность наблюдать и оценивать языковую ситуацию общества. Интересны те случаи, когда пользователи изъясняются на русском, однако не зная ни алфавита, ни грамматики создают новые формы слов используя при этом другие языки. Кроме этого, стоит обратить внимание на языковые новшества в лексике, связанные с технологиями и Интернетом. Собранный материал, представляет современную картину использования языков, функционирующих на территории литовско-беларуского пограничья.

Тема пограничья всегда была актуальна в научных кругах. В течение многих лет, ввиду разных обстоятельств, однако не была она широко обсуждаема. В последнее время ситуация изменилась, особенно интенсивно был исследован и описан Вильнюсский край, также многочисленные работы были посвящены исследованию Каунаского региона. В своей работе представлен менее известный регион — южную часть литовско-белорусского пограничья. В данной работе был использован материал, собранный в результате лингвистического исследования, проведенного в этом регионе и окрестностях а также накопленный материал из социальных сетей. Важным фактором исследования является контекст высказываний местного населения и их общительность, открытость, что позволяет дать объективную оценку ситуации, сложившейся в

данном регионе. Целью данного исследования являлось изучение местных диалектов, а также проблем, связанных с феноменом многоязычия.

Разные политические настроения, изменения государственной идеологии, войны — все это неблагоприятно повлияло также на развитие сферы образования. В 20-х гг. XX ст. по просьбам жителей в отдельных деревнях открыты были польские школы. Литовский язык там не преподавался. Вторая мировая война принесла с собой ряд изменений. В 1942–1943 гг. было возобновлено обучение на литовском языке. В менталитете жителей произошел своего рода переломный момент в сфере образования, был остановлен процесс славизации населения. Можно утверждать, что многие родители и учителя смотрели на образование детей как на подготовку к будущим испытаниям, связанным с восстановлением независимости Литвы, однако вскоре ожидания изменились, несмотря на то, что в первые послевоенные годы обучение в школе проводилось на литовском и польском языках.

Исследования показали, что в большинстве жители используют, помимо того, что учатся либо закончили польскую школу, «простую мову» и русский язык. Польский язык занимает лишь третью позицию, а государственный язык отходит на последний план. Причиной такого результата может быть то, что диалект многие используют дома, при разговоре с родителями или со сверстниками. Русский же, знаком многим в первую очередь из масс-медиа. Польский используется в школе, однако лишь малая часть учащихся использует его за пределами школы. В основном это костел (проводятся служения и на

польском и на литовском языках) либо контакты с поляками. Говоря о знании языков стоит отметить, как сами опрошиваемые относятся к уровню знания того или иного языка. Все это будет представлено в подготовленном докладе.

**Отражение национальной специфики языка
в двуязычной лексикографии
(на материале латышско-русского иллюстрированного словаря)**

С. Л. Полковникова

Даугавпилсский университет (Латвия)

Словарь, лексикография, латышский язык, русский язык, перевод.

Summary. The peculiarities of cognitive experience of definite ethnic group, the features of material and spiritual culture of nation are embodied in the units of the lexical level of a language. A bilingual dictionary appears as a rather objective source for the lingua-culturological language description and for the reflection of a language specific.

Современная двуязычная лексикография, несмотря за значительные успехи, по-прежнему испытывает острую потребность в создании переводных словарей нового типа, а именно, полифункциональных и предназначенных для широкого круга пользователей. В последнее время, как отмечает И. Балоде, в двуязычной лексикографии повышенное внимание уделяется двум аспектам — функции словаря и его целевой аудитории. Это находит свое отражение не только в теоретических исследованиях, но и в лексикографической практике. Учитывая рыночные условия, лексикографы ищут новые возможности, как создать такие двуязычные словари, которые, с одной стороны, были бы функционально расширенными (т. е. позволяли не только понимать иностранный язык, но и активно репродуцировать текст на данном языке), с другой стороны, в большей или меньшей степени соответствовали бы интересам обоих носителей языка [Balode 2012: 20–21].

В свою очередь, Ю. Балдунчик в исследовании, посвященном анализу создания словарей в Латвии (1991–2010), отмечает, что не всегда декларируемые принципы строения словаря совпадают с фактическим лексикографическим материалом. Например, неточности наблюдаются в отборе и стандартизации словарных статей, отображении определенных тематических микроструктур лексики и т. д. Таким образом, по мнению Ю. Балдунчика, одним из важнейших аспектов современной лексикографии является критическое оценка словарей, а также исследование их культурно-исторического значения [Baldunčiks 2012: 9–13].

В 2010 году в Латвии был издан «Латышско-русский иллюстрированный словарь с русско-латышским указателем», который, как сказано в его предисловии, является первым изданием подобного типа. Словарь содержит около 16 тысяч заглавных слов, отражающих лексику современного латышского язы-

ка, а также несколько сотен иллюстраций, которые находятся как непосредственно в тексте словаря, так и на цветных вкладках. В конце словаря помещено грамматическое приложение, а также русско-латышский алфавитный указатель. По мнению авторов, словарь предназначен главным образом для тех, кто изучает латышский язык или желает усовершенствовать свои знания по латышскому языку; словарь будет полезен также лицам, изучающим русский язык [Zuicena, Žitāreva, Burkevica 2010: 4].

В лингвистической литературе неоднократно указывалось, что к двуязычным словарям всегда выдвигались дополнительные требования, одно из которых — точно отразить общие и отличительные черты сопоставляемых лексических единиц, к тому же желательно, чтобы отличительные черты сопровождались пояснениями или комментариями. Э. Исаева, исследуя способы отражения культурных знаний в современных лексикографических изданиях, указывает, что при составлении переводного словаря, например, русско-латышского или латышско-русского, и устанавливая эквивалентные соотношения слов и словосочетаний языка русского и латышского, автор тем самым указывает либо на идентичность некоторых элементов действительности этих языков, либо указывает на их частичное сходство, либо констатирует отсутствие таких соответствий. Однако надо признать, что авторы современных лексикографических изданий эпизодически используют возможность показать своеобразие того или иного языка или совсем не придают этому значения [Исаева 2005: 252–253]; [Исаева 2006: 254].

Одна из причин возникновения трудностей при изучении языка связана со стилистической или экспрессивной окраской слова. Как известно, одно и то же слово в различных словарях может быть охарактеризовано по-разному. Авторы словаря, прежде всего должны определить, относится ли слово к общепотребительной лексике или же имеет какие-либо ограничения в своем употреблении. Перечень стилистических помет, используемых в рассматриваемом словаре, наглядно иллюстрирует широкий пласт маркированной лексики, ср.: ироническое, пренебрежительное, поэтическое, разговорное, просторечное и др. Необходимо отметить, что целый ряд стилистически окрашенной лексики в словарь подобного типа был включен впервые, например, *čurāt* sar. — *ни□самь* прост. [LKIV 2010: 49]; *kakāt* sar. — *ка□кать* прост. [LKIV 2010: 112]; *haltūrēt* sar. — *халтурить* разг. [LKIV 2010: 80]; *padauza* sar. — *потаскуха* прост. [LKIV 2010: 175]; *paģirains* sar. — *похмельный* прост. [LKIV 2010: 177] и др.

Однако в некоторых случаях в передаче стилистической маркированности лексики латышского языка наблюдается несистемность, в результате чего, по словам И. Р. Гальперина, идет навязывание читателю понимания слов, явно противоречащее их истинному значению [Гальперин 1982: 553]. Например, существительные *brunči* — *юбка* [LKIV 2010: 41]; *grabažas* — *барахло, рухлядь*,

хлам [LKIV 2010: 76]; *slaists* — лодырь, бездельник [LKIV 2010: 240] согласно выше упомянутому словарю являются стилистически нейтральными, что, бесспорно, противоречит нормам латышского языка. Несоответствия в стилистической окраске наблюдается и при переводе латышских лексем *sušķe* — *грязнуля* разг., *замарашка* разг. (о женщ.); *sušķis sar.* — *грязнуля* разг., *замарашка* разг. (о мужч.) [LKIV 2010: 252]. К сожалению, существительное женского рода *sušķe* в данном словаре не имеет соответствующей стилистической пометы. Таким образом, сгруппировав слова по тематическому принципу, близкие по значению слова оказались рядом, в результате чего и обнаружили неточности перевода.

Во избежание подобного стилистического разнобоя автору двуязычного словаря желательно работать с определенными лексическими группировками слов, что позволит избежать недочетов в характеристике слов и достигнуть однотипности их толкований.

Литература

- Гальперин И. Р. Гносеологический аспект двуязычных словарей и проблемы контрастивной лексикографии // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. Т. 41. 1982. № 6.
- Исаева Э. Отражение культурных знаний в лексикографической практике (на материале двуязычных словарей) // Valoda — 2005. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XV. Daugavpils, 2005.
- Исаева Э. Отражение специфики русского и латышского языков в современных лексикографических изданиях // Valoda — 2006. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XVI. Daugavpils, 2006.
- Baldunčiks J. Priekšvārds // Vārdnīcu izstrāde Latvijā: 1991–2010. Rīga, 2012.
- Balode I. Vācu-latviešu un latviešu-vācu leksikogrāfija (1991–2010) // Vārdnīcu izstrāde Latvijā: 1991–2010. Rīga, 2012.
- Zuicena I., Žitāreva M., Burkevica O. Latviešu-krievu ilustrētā vārdnīca ar krievu-latviešu vārdu rādītāju = Латышско-русский иллюстрированный словарь с русско-латышским указателем. Rīga, 2010.

О некоторых лингвометодических аспектах преподавания латышского языка как иностранного в воскресной школе

Ирита Саукане

Даугавпилсский университет (Латвия)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Воскресная школа, мотивация, интеграционный подход.

Summary. Latvian School in Moscow (Sunday School) has been working since 1994. In 2015 / 16 academic year more than 50 students and their parents learn Latvian language. The aim of the Schools is to arouse interest in Latvia, its culture, language and nature. In the work of the School the integrated approach is used.

Характерной особенностью XXI века является то, что за пределами Латвии открылись многие латышские воскресные школы — школы выходного

дня. Их появление объясняется тем, что многие латыши в силу разных причин, и прежде всего экономических, переехали жить и работать за границу. Школы подобного типа существуют в Германии, Австралии, Соединенных Штатах Америки, Канаде и в других странах уже с конца 40-х годов XX века. Их создали и развивают латыши, эмигрировавшие во время Второй мировой войны. В настоящее время после присоединения Латвии к Европейскому Союзу многие латыши переехали жить и работать в страны, где латышская диаспора вообще не сформировалась (Ирландия) или является сравнительно небольшой (Норвегия), и в связи с этим подобных школ там нет. В России сложилась совсем другая ситуация. Несмотря на то, что в РФ латышской диаспоре уже больше 150 лет (и в свое время были школы с латышским языком обучения), вследствие различных исторических событий она значительно уменьшилась [Штраус 2014].

В настоящее время латыши не переселяются на постоянное местожительство в Россию, можно констатировать лишь незначительное количество таких случаев. В 2015–2016 учебном году в Европе функционируют 52 латышские воскресные школы, из них — 7 в Российской Федерации [www.valoda.lv].

Латышская школа в г. Москве была открыта в 1994 году при посольстве Латвийской республики в РФ: ее организацию активно поддерживал посол, поэт и общественный деятель Янис Петерс. Цель школы — поддерживать интерес к Латвии, ее культуре, языку, природе. В школе обучаются не только дети из семей латышей, но также дети и их родители, носители русского языка как родного. Возраст обучающихся — от 6 до 16 лет, всего 51 человек. В течение учебного года проводится 18–20 уроков латышского языка. В связи с этим актуальным является интеграционный подход в обучении, основанный на взаимодействии навыков говорения, слушания, чтения, письма. Например, подключаются все каналы восприятия текста: чтение, аудирование, говорение (репродуцирование, продуцирование текста). При этом учитываются возрастные, социально-культурные особенности обучающихся разноуровневых по владению языком групп. Развивая интерес к другому языку и культуре, дети учатся с уважением относиться к чужому. В докладе рассматриваются лингвометодические аспекты преподавания латышского языка в школах выходного дня.

Литература

- Штраус В.* Латвийские национальные организации Москвы XIX–XX вв. // Москва гостеприимная. Сборник трудов / Под общ. ред. В. Ф. Козлова. Москва: Москвоведение, 2014.
[www.valoda.lv/latviesu_valoda_arzemes/diaspora].

Социолингвистическая характеристика литовской и латышской диаспоры в г. Москве

О. В. Синёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Ирита Саукане

Даугавпилсский университет (Латвия)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Mother tongue, social environment, linguistic competence, national identity.

Summary. The study provides a comparative characteristic of the linguistic behavior of Lithuanian and Latvian migrants. An important part of saving one's identity and mother tongue, as well as successful social and cultural adaptation in the country of residence. Adult's dominant language are evident in their inner speech and precedential texts.

Доклад посвящен описанию речевого поведения и условий сохранения самоидентичности представителями латышской диаспоры в г. Москве. Проведенными ранее исследованиями, посвященными литовской диаспоре г. Москвы и Московской области, а также мигрантам г. Томска, установлено, что сохранению самоидентичности в значительной мере способствует возможность общения на родном языке с родственниками и друзьями, хотя при этом, как правило, у мигрантов из небалтийских стран замедляются процессы социально-культурной и языковой адаптации в принимающем обществе. Так, у 37,5% опрошенных нами респондентов, один из родителей латыш, носитель латышского языка. При этом 21% опрошенных общаются со своими детьми на латышском языке.

По данным исследований, проведенным в 2010-2015 г. г., взрослые представители балтийских диаспор стремятся компенсировать невозможность употребления родного языка во всех видах речевой деятельности, что свидетельствует о национальном самосознании носителей литовского и латышского языков.

В связи с этим особый интерес представляют члены латышской диаспоры, проживающие в России продолжительное время и интегрированные в российское общество: проживают более 21 года — 70,8%, от 10 до 20 лет — 20,8%, от 6 до 10 лет — 4%, до 5 лет — 0%, до 3 лет — 4% от общего числа опрошенных; 62,5% считают себя латышами, 34,5% — русские и 4% — белорусы. Показательно, что все латышские респонденты независимо от срока проживания в России владеют всеми видами речевой деятельности, свободно общаясь на латышском языке. Существенным показателем проявления стратегии сохранения родного языка является употребление прецедентных текстов и вставки фрагментов латышского дискурса, когда респондент находится в особом эмоциональном состоянии. Среди латышей проживающих более 20 лет в РФ на родном языке:

- употребляют пословицы 26,5 %, из них часто — 50%;
- напевают песенки 33,3% , из них часто 62,5%, иногда 37,5%;
- размышляют 50%, из них часто 50% (поровну в процентном соотношении);
- видят сны 33,3%, из них 37,5% часто, иногда 62,5%;
- переходят на латышский язык в эмоциональном возбуждении 21%, часто 20%, а иногда 80%;
- считают деньги 26,5% из них часто 55,5%, иногда 44,5%.

При исследовании речевого поведения представителей литовской диаспоры, внимание уделялось такому виду речевого поведения, как приговаривание (диалог с вещами). 33,3% представителей латышской диаспоры употребляют отдельные фразы на родном языке в так называемой «возвратной речи», из них поровну 50% — часто. Это полностью коррелирует с показателями речевого поведения латышей, проживающих в РФ от 11 до 20 лет. Исключение составляет употребление пословиц. Оно составляет — 46%, из них часто 18%, иногда 82%.

Эти данные в очередной раз подтвердили наблюдения, сделанные при исследовании литовской и других диаспор РФ: языковые приоритеты у взрослых проявляются в их внутренней речи и в обращении к прецедентным текстам.

Отражение языковых контактов в глаголах ницгальского говора

И. А. Тейлане

Даугавпилсский университет (Латвия)

Говор, контакты, заимствования, глаголы.

Summary. The dialect of the Nicgale region belongs to the ancient dialects of the high Latvian dialect in the southern Latgale region. In article are investigated loan verbs from slavic languages — Russian, Polish or Belarus. In article beginning the characteristic of the circumstances, loan words promoting occurrence in a dialect of Nicgale is given. Ancient loans are completely adapted.

Уже с давних времен у жителей Ницгальской волости (Даугавпилсский округ), так же как и у других жителей Латгальского региона, были тесные культурные и хозяйственные связи со славянскими народами — русскими, поляками, белорусами, — но на определенных этапах исторического развития эти контакты отличались по своей интенсивности и роли.

Контингент населения русской народности в изучаемой местности, так же как и во всей Латгалии, образовывался постепенно из отдельных групп переселенцев (начиная со второй половины XVII века), что, в свою очередь, способствовало изменению состава населения. В результате чего Латгалия стала этнически и культурно неоднобразной территорией. Именно в это время в лексике местных говоров мог возникнуть целый ряд заимствований.

В результате миграции Латгалия стала регионом, где рядом проживали представители различных национальностей, культур и языков. В таких усло-

виях языки находились в длительном, постоянном и более или менее тесном контакте друг с другом. Чтобы состоялось непосредственное и взаимное общение, был необходим общедоступный код. Функцию общения, возможно, выполнял русский или белорусский язык, а также местный говор. В начале билингвами, предположительно, были лишь некоторые индивиды, количество которых постепенно увеличивалось.

В любом языке народа, у которого были тесные связи с другими народами, взаимодействие языков проявляется в заимствовании лексики. Это закономерный процесс — заимствованная лексика отражает, с одной стороны, потребности общества в новых выразительных средствах в процессе общения, с другой стороны, интенсивность социально-экономических и культурных связей между различными этническими группами.

Как правило, характеризуя заимствования, в первую очередь рассматриваются мотивы заимствования. Выделяются экстралингвистические (внешние) мотивы и интралингвистические (внутренние) мотивы. К экстралингвистическим мотивам можно отнести языковые контакты, двуязычие, культурные контакты (в том числе религиозные) и экономические связи между латышами и славянами. Одним из важнейших интралингвистических мотивов является необходимость дополнить лексическую систему языка отсутствующими элементами. Другие лингвистические мотивы характеризуются как количественными, так и качественными преобразованиями в семантике лексем, чтобы устранить полисемию, детализировать или конкретизировать те или иные понятия. Отделить или выделять значимость какого-то отдельного мотива в процессе заимствования невозможно, так как обычно это сплетение нескольких экстралингвистических и интралингвистических мотивов.

Этимологи признают тот факт, что из-за близости форм слов родственных языков довольно сложно определить, из какого именно славянского языка — польского, русского или белорусского — заимствовано слово, поэтому в данной работе используется традиционный термин — славянизмы.

Самую большую группу заимствований в латгальских говорах составляют заимствования из славянских языков. Так как латышский язык и славянские языки генетически связаны, это благоприятно повлияло на усвоение и устойчивость заимствований в системе языка-реципиента.

Чаще всего заимствуются существительные, поскольку это обусловлено номинативными качествами существительного. Однако и заимствованных из других языков глаголов вполне достаточно (как правило, они составляют около 20%). Большинство заимствованных глаголов полностью внедрились в систему глаголов ницгальского говора: они получили характерное ударение латышского языка на первом слоге, характерные говору морфологические особенности, например, спряжение и возможность образовывать формы причастий и т. п. Сохранившиеся до наших дней славянизмы — названия каких-то действий или процессов, в целом являются производными словами.

В ницгальском говоре встречается множество глаголов с формантом *-av-*, главным образом, это заимствования из славянских языков — русского, польского или белорусского. Славянизмами, которые заканчиваются формантом *-av-*, богата группа глаголов с основой на *-ājo* и *-ōjo*. Для ницгальского говора, также как и для других верхнелатышских говоров, характерно совпадение глаголов с основами на *-āio* и *-ōio*. Вторую группу, в которую вошли заимствованные глаголы, образуют глаголы с основой на *-ējo* и *-ījo*. Этим глаголам также характерно совпадение основ.

В исследовании анализируются заимствованные глаголы в одном из говоров верхнелатышского диалекта, а именно, ницгальского говора. Заимствования описываются с точки зрения их внедрения в систему языка-реципиента.

Современные стратегии изучения литературы в условиях диаспоры

О. Л. Филина

Балтийская международная академия (Рига, Латвия)

*Педагогическая стратегия, модель чтения, читательская мотивация, диалог,
сквозная культурологическая тема, проект.*

Summary. The report describes the strategies of literature studying. The author stresses the features of multicultural environment in the Diaspora and analyzes problems of modern reader's crisis. The article is written on a material of the author's own teaching practice. The author pays particular attention to strategy selection of educational content and to student's creation of art projects.

Русский язык в Латвийской республике — язык русского национального меньшинства, проживающего на территории данного государства и составляющего примерно треть населения Латвии. В латвийских школах национальных меньшинств большая часть предметов изучается на латышском языке или билингвально, в средней школе «русскоязычными» остаются только русский язык и литература. Такие предметы, как история и география России не изучаются вообще. Таким образом, недостаточный уровень культурологических (фоновых) знаний учащихся об истории, культуре и ценностях русского народа существенно затрудняет процесс восприятия учениками текстов русской литературы.

В ВУЗ приходят выпускники школы, имеющие, как правило, очень неглубокие знания в области литературы и весьма поверхностную информированность в области русской культуры. Вместе с тем, во многих ВУЗах группы не разделяются по языку обучения. Другими словами, изучение русской литературы происходит в мультикультурной среде, что в значительной степени определяет выбор педагогических стратегий.

Ключевой в данной педагогической ситуации оказывается стратегия отбора учебного содержания. В условиях мультикультурной среды самой важ-

ной задачей становится формирование представлений студентов об уникальном духовном опыте русской литературы. Вместе с тем, принципиально не абсолютизировать своеобразие как некую замкнутую систему свойств и качеств русского народа, его культуры, истории, его психического, интеллектуального, нравственного, эстетического облика, а показывать на конкретных примерах, что культура каждого народа является формой проявления мировой культуры.

Практически для решения этой задачи студентам предлагается курс: «Русский мир в русской литературе». Дидактические задачи курса:

- формировать у студентов отношение к литературе как к системе, в которой воплощены культурные ценности народа, как к особому способу самопознания и самовыражения человека,
- дать студентам возможность заглянуть в «ценностные миры» других народов, сформировать у них представление о культурном многообразии как ценности мира.

Формирование критического мышления, творческого отношения к решению проблем, инициативности студентов связано, прежде всего, с формированием их ценностей, убеждений, мировоззренческих представлений. Поэтому наиболее эффективным способом группировки литературного материала в содержании учебного курса оказывается система сквозных культурологических тем, рассматривающих ценностную проблематику. Ценностный контекст восприятия литературных произведений позволяет студентам не только включать в свой внутренний мир опредмеченные в этнокультурном наследии ценности, но и дает им своеобразный «ключ» к пониманию иных культурных кодов. Самоанализ, сопоставление себя с другими, осознание себя в другом становится отправной точкой в формировании диалоговых умений студентов.

Практически содержание учебного курса выстраивается вокруг культурологических тем, в основу которых положены концепты, отражающие универсальные общечеловеческие ценности в аспекте русской культурной традиции. В центре каждой темы — художественные произведения, которые моделируют человеческое поведение с двух взаимосвязанных позиций: с точки зрения вневременных, неизменных ценностей и с позиции культурных, этических, моральных и т. п. ценностей конкретной исторической эпохи. В процессе чтения и анализа этих художественных произведений у студентов появляется возможность сравнивать внутренний мир людей различных культурных эпох и типов мышления.

Основным критерием структурирования сквозных культурологических тем, является отражение мировоззренческой проблематики, одинаково важной для любого народа, в любой исторический период его развития. Такой подход открывает перед студентами перспективу понимания основных особенностей русской культуры, дает им возможность увидеть изменения, которые в ней

происходят, и таким образом оценить не только базовые ценности русской культуры с точки зрения современности, но и познакомиться с общими истоками культурных традиций разных народов.

Не менее важным критерием отбора тем становится также актуальность художественной проблематики для современных молодых людей, обращенность литературного материала к личностному ценностному опыту студентов и проблемам, которые их волнуют. Именно в этом случае происходит актуализация культурных смыслов. Прежде всего, это означает, что студенту необходимо не просто понять конкретные факты литературы, истории, культуры, но воспринять их как актуальные лично для него проблемы.

Сквозные культурологические темы, включенные в содержание курса:

- *Мифологические истоки русской картины мира.*
- *Православие как основа русской картины мира.*
- *«Неумирающие ценности человеческой жизни» в народной сказке (Е. Трубецкой).*
- *Отражение в русской литературе особенностей русской национальной личности.*
- *Образ женщины в русской литературе.*
- *Личность писателя как символ русской культуры.*

Дидактические стратегии преподавания литературы определяются не **только** особенностями поликультурной учебной среды в диаспоре, но и так называемым кризисом чтения и читателя. Сегодня отнюдь не художественное слово, а разнообразные формы видеокультуры оказываются активными факторами социализации ребенка и подростка. Образный видеоряд задает определенные правила и модели поведения, в том числе, чтения. Другими словами, в настоящее время формируется модель чтения, которая существенно отличается от традиционной. Современный читатель воспринимает книгу не как феномен культуры, и даже не как учебник жизни, а один из источников информации и одно из средств массовой коммуникации.

Получается, что сегодня мы наблюдаем разрыв между поколениями: меняется существовавшая долгое время традиция освоения литературной культуры. Утверждается «новая модель» чтения — точнее, «новые модели», и какими окажутся эти модели пока не вполне ясно. Однако некоторые качества «нового читателя» очевидны уже сейчас:

- читатель «нового типа» с его клиповым сознанием и мозаичным восприятием мира стремится прочесть любой текст быстро, не вникая в его содержание, довольствуясь только поверхностными смыслами;
- преобладает функциональная и развлекательная мотивация чтения;
- предпочтение отдается печатной продукции с ярким и выразительным видеорядом.

Названные особенности читателя «нового типа» определяют дидактические стратегии изучения литературы, которые подтвердили свою эффективность в реальной педагогическом процессе:

- создание артпроектов,
- авторская деятельность в интернет-среде.

Кинетические сигналы агрессии в рассказах А. П. Чехова и Р. М. Блауманиса

М. Б. Халимоне

Даугавпилсский университет (Латвия)

*Невербальные сигналы агрессии, высокая и предельная степени проявления эмоции,
неконтролируемое поведение.*

Summary. The thesis presents materials on the analysis of non-verbal signs of aggression that are the evidence of the extreme demonstration of the basic emotion “anger”. Active hand movements, actions directed to the objects, as well as actions directed to the opponent refer to non-verbal signs of aggression. The conclusion about the apparent similarities in the demonstration of the emotion “anger” at its extreme in A. Chekhov’s and R. Balumanis’s stories has been drawn.

Высокая степень проявления гнева в рассказах А. П. Чехова представлена безотчетным сжиманием пальцев в кулак, которое «является главным жестом агрессии и может указывать на разную ее степень» [Сергеева 2008: 35]. *Яков Иванович, сжав кулаки, не глядя на него, чтобы не ударить, быстро вышел из моленной* [Чехов, т. 9: 153].

Предельное состояние «гнева», связанное с агрессивными намерениями, направленными в адрес обидчика, отражено в словосочетании «потрясать кулаками»: — *Подавись же ты моим ружьем, сатана!* — говорит Слюнка, моргая лицом и дергая плечами. — *Подавись, холера, разбойницкая душа!* Бранясь и потрясая кулаками, он выходит с Рябовым из кабака и останавливается среди дороги [Чехов, т. 6: 111].

Состояние гнева может проявляться в действиях, направленных на неодушевленные предметы: *Дымов выхватил из рук Емельяна ложку и швырнул ее далеко в сторону.* [Чехов, т. 7: 82] *И Аня тоже тревожилась и умоляла его больше не пить, а он вдруг вспыхивал и стучал кулаком по столу* [Чехов, т. 9: 165].

В рассказах А. П. Чехова широко представлены примеры агрессивного, неконтролируемого поведения: *Доктор вскочил и, не отдавая отчета в своих движениях, размахнулся и изо всей силы ударил фельдшера по лицу* [Чехов, т. 7: 143]. *А сам подбежали, словно очумел, размахнулся и давай бить ее кулаками изо всей силы, потом повалил на землю и ну топтать ногами...* [Чехов, т. 7: 346].

«Одна из самых опасных особенностей гнева состоит в том, что он сам порождает гнев, и этот циклический процесс может развиваться по нарастающей» [Экман 2010: 42]. В рассказах А. П. Чехова находим этому подтвержде-

ние: *Фельдишер схватил ее за сорочку около шеи и рванул... А она, шипя от злости, заскользила в его объятиях и, высвободив одну руку — другая запуталась в порванной сорочке — ударила его кулаком по темени* [Чехов, т. 7: 324].

В рассказах Р. М. Блауманиса широко представлены движения руками и жесты, выражающие агрессию. На высокую степень гневного состояния в его произведениях указывают кулаки, которые сжимаются непроизвольно: *Viņa pirksti savilkās dūrēs. „Tā tad šitas cilvēks... šitas plukata... izjauca visu... visu... Un nekā tam nevar darīt pretī”* [Blaumanis, 2: 343]. *Tad viņa pirkstus sažņaudza dūrēs, apcirtās apkārt un sacīja: „Neģēlīgi, neģēlīgi! Mamā, nu es iešu un bučošu to kāju vai trīs reizes no vietas!”* [Blaumanis, 3: 236]. О предельной степени проявления «гнева» свидетельствуют движения кулаками, направленные в сторону обидчика: *„Nāc vien šurpu” Jānis izsaucās, izstiepdams dūri pret Biezumnieku, un, iekam kāds viņu spēja kavēt, viņš iz tiesas istabas bij izgājis* [Blaumanis, 2: 24]. *„Ko jūs esat izdarījusi?” mazgātāja kļiedza, dūres rādīdama* [Blaumanis, 2: 166].

В рассказах Р. М. Блауманиса также найдено большое количество примеров агрессии, выражающейся в неконтролируемых действиях, обращенных на предметы: *...ar dūri sita uz galda, ka tas brīkšķēja vien* [Blaumanis, 2: 24]. *Žīds tur pēdīgi izdauzījis visus logus aiz dūsmām* [Blaumanis, 2: 39]. *Atkal durvis aizvēris, viņš nomauca ātri cimdus un nometa tos dūsmīgi zemē. „E!” viņš izgrūda, zobus sakodis* [Blaumanis, 2: 357].

В ряде примеров наблюдаются явные примеры агрессии, бесконтрольных действий, причиняющих вред объекту нападения: — *Viņš kā nikns zvērs tam uzklupa, sagrāba viņu pie rīkles un žņaudza to ar visu spēku* [Blaumanis, 2: 30]. *„Še tev!” kaitinātais iekļiedzās un cirta Maz-Upmalietim ar grāmatu par acīm, tā ka tā viņam izlēca no rokas un aiz paša uz trepju kāpšļa nokrita zemē* [Blaumanis, 2: 282]. О предельном проявлении гнева свидетельствует сравнение *kā nikns zvērs*, указывающее на звериное, стихийное начало данной эмоции.

Гнев, как известно, побуждает к нападению на врага, обидчика и в то же время провоцирует ответную реакцию: *„Tārps!” Biezumnieks, zobus griezdam, brēca, no dūsmām gluži pārņemts, sagrāba Jāni, kā spalvu kušķi pacēla viņu uz augšu un tad ar visu spēku laida tam nokrist zemē. ...viņš sašutis iekoda Biezumniekam pirkstā un ar dūri iesita tam pa ģīmi* [Blaumanis, 2: 30].

Рассматриваемый иллюстративный материал характеризует высшую стадию проявления эмоции «гнев», при которой контролировать свои эмоции не представляется возможным. Так, в рассказах обоих авторов сжатые в кулак пальцы являются демонстрацией высокой степени гнева, при котором пальцы могут сжиматься непроизвольно, а также предельной степени, когда сжатый кулак направлен в сторону обидчика.

В рассказах А. П. Чехова и Р. М. Блауманиса в ряде контекстов отражены агрессивные неконтролируемые действия, жесты, направленные на предметы и обрушивающиеся на них с необыкновенной силой. В произведениях обоих

авторов гневное состояние передается конфликтующим сторонам и возвращается бумерангом, в чем и заключается опасность анализируемой эмоции.

Литература

- Сергеева О.* Язык жестов. Как читать мысли без слов? 49 простых правил. М.: Эксмо, 2008.
Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т. 6–10. М.: Наука, 1976–1985.
Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб.: Питер, 2010.
Blaumanis R. Kopoti raksti: 9 sēj. 3, 4. sēj. / Sast. I. Kalniņa. R.: Apgāds "Cirulis", 1993–1995.

Библейские традиции. Проблемы кодификации славянских литературных языков

Наследие старославянского языка: пределы проницаемости системы русского литературного языка

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет (Россия)

*Генезис русского литературного языка, рефлексy праславянских сочетаний,
морфонологическая система.*

Summary. The problem of genesis of the Russian literary language from the point of view of mechanisms of interaction of reflexes of an East Slavic and South Slavic origin is considered. Groups in which relationship of genetically correlative elements is built depending on features of adaptation and conditions of their «embedding» in system of Russian that allows to explain essential distinctions between groups of «separate words» and -torot- / -trat-lexemes, on the one hand, and system verbal educations decide on reflexes *tj, *dj — on another by it.

Генезис русского литературного языка представляет одну из сложнейших проблем лингвистики не только по той массе точек зрения и дискуссий, разворачивающихся вокруг нее, но и по тому, что «сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка, ставит этот язык в совершенно исключительное положение» [Трубецкой 1990: 125].

Близость систем старославянского и восточнославянского языков, отсутствие надежных критериев разграничения южнославянских и исконных по происхождению элементов провоцирует признание старославянской основы русского литературного языка или утверждение, что русский литературный язык и есть церковнославянский язык. При этом наиболее достоверные диагностические признаки — генетически соотносительные рефлексy праславянских сочетаний, несмотря на достаточно длительную историю их изучения, во многом, и прежде всего от частого и нередко механического использования в тех или иных исследованиях памятников древнерусской письменности и в целом судьбы русского литературного языка, утратили свою научную привлекательность из-за ложного восприятия однолинейности оппозиций и однозначности критериев дифференциации, усугубляющихся типичными, кочующими из одних работ в другие примерами типа *город* — *град*, *надѣжа* — *надежда*, *свеца* — *свеча*.

Однако практически во всех ставших классическими работах отмечается, что не только древнерусские рукописи — как церковнославянского, так и русского языков — содержат различные «наборы» гетерогенных элементов, но и отдельные группы праславянских рефлексов по-разному реализуют свои гетерогенные возможности. В связи с этим необходим дифференцированный под-

ход к реализации различных рефлексов на русской почве, который позволяет определить группы лексем с соотносительными диагностическими признаками и отношения внутри них, ряд принципов реализации, отбора и закрепления одного из арсенала генетических средств в отдельных памятниках древнерусской письменности, словоформах, стратах и в целом в языке.

Трансплантация южнославянских рефлексов *tj и *dj требовала определенной фонетической ассимиляции на русской почве, которая достаточно быстро произошла для *tj и медленно — для *dj. Кроме того, выбор указанных рефлексов в системных образованиях жестко регламентировался следующими за ними суффиксами или флексиями. Предпочтительность (например, *жд* и *щ* перед суффиксом *-ени[j]*-) или запреты (*жд* и *щ* перед *-ива-*; *жд* перед *-у*) использования гетерогенных альтернантов намного снижали уровень морфонологической дублетности и фактически способствовали генетическому размежеванию рефлексов в формо- и словообразовательных цепочках.

При этом проницаемость южнославянских по происхождению рефлексов в систему древнерусского языка ограничивалась возможностями общеславянских моделей, где они вступали в конкуренцию с восточнославянскими соответствиями. В результате этого в современном литературном языке перед суффиксом глагола *-а-* альтернанты /щ/ и /жд/ соответственно встречаются 3,4 и 1,3 раза чаще, чем /ч/ и /ж/, а существительных на *-щение* в 2,7 раза больше, чем на *-чение*, на *-ждение* в 4,7 раза больше, чем на *-жение*. Несмотря существующую традицию рассмотрения рефлексов *tj и *dj как явлений одного порядка, статистические данные свидетельствуют о значительных различиях их продуктивности, обусловленной изначальным отставанием ассимиляции южнославянского рефлекса *dj на русской почве. Более того, данный процесс привел к запрету употребления /жд/ в форме 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени и нарушению генетической «чистоты» соответствующей альтернации.

Сохранение в общеславянских моделях рефлексов южнославянского происхождения определяет порог проницаемости для них в системе русского языка, поскольку указанные альтернации следует рассматривать как «рудиментарные» и «сравнить с потухшими вулканами» (А. И. Бодуэн де Куртенэ) на фоне продуктивности русских моделей имперфективации с суффиксом *-ива-* и существительных на *-(ива)ние*, где реализуются альтернанты исключительно восточнославянского происхождения. С учетом того, что практически любой глагол с суффиксом *-ива-* может образовывать соответствующее существительное и глаголов типа *запруживать* и *завинчивать* соответственно в 3,9 и 9,7 раза больше, чем глаголов типа *проводить* и *ворочаться*, то очевидно укрепление позиции исконных альтернантов при одновременном значительном ограничении возможностей южнославянских по происхождению эквивалентов.

Ограничения, накладываемые системой восточнославянского и старорусского языка, не касались наиболее востребованной в научных исследованиях

группы -torot- / -trat-лексем и примыкающей к ней группы с начальными *ра-* / *ро-*, *ла-* / *ло-*, *е-* / *о-*, *ю-* / *у-*, поскольку их южнославянские оппозиции достаточно свободно «встраивались» в систему «чужого» языка, сохраняя в ряде случаев специфику своего исключительного использования в текстах церковнославянского языка. К этим группам примыкает и группа «отдельных слов» (по терминологии А. А. Шахматова) после прохождения южнославянскими рефлексими *tj, *kt, *gt, *dj фонетического «фильтра». Их объединяет независимость реализации генетически соотносительных рефлексов от каких-либо позиционных запретов и возможность практически свободной мены пар типа *городъ* / *градъ*, *одинъ* / *единъ*, *хочу* / *хощу*, *ночь* / *нощъ*, *нужа* / *нужда* в пределах рукописи, памятника, отдельного произведения, контекста.

Подобного рода морфонологическая вариативность требовала стилистической или семантической дифференциации, которая проходила, как правило, по линии тех альтернатив, один из членов которых был унаследован благодаря переводам богослужебных книг. Однако и в этом случае самый высокий порог проницаемости для -trat-лексем (более 30%) в определенной степени компенсировался преобладанием корней только с неполногласием (в 6 раз больше) и наличием генетически смешанных словообразовательных гнезд, куда неполногласие входит как периферийный компонент.

Таким образом, закономерности соотношения, взаимодействия и отбора генетически неоднородных рефлексов в разных группах показывают направление заимствования (в систему русского языка), специфику принятия или отторжения по законам принимающего языка и уровень проницаемости системы на уровне слова, словообразовательного гнезда и страты.

Литература

Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114–134.

Максим Грек и филологическая критика библейского текста в «Преводных строках» (РНБ, Сол. 862/752)*

И. В. Вернер

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Максим Грек, критика библейского текста, переводы Псалтыри.

Summary. The paper compares «Преводные строки» with the Annotated Psalter (1522) and the Psalter (1552), both translated by Maximus the Greek, and examines the tools of linguistic criticism used in the texts.

Сочинение под названием «Преводные строки» (ПС), входящее в конвой соловецкого списка Псалтыри 1552 г. (П 1552) в переводе Максима Грека

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Интерлинейрный перевод Псалтыри 1552 г. Максима Грека: лингвистическое исследование и подготовка к изданию» № 15-04-00390.

(РНБ Сол. 862/752, лл. 209-222), было введено в научный оборот Л. С. Ковтун [Ковтун 1975: 35–40], кратко описавшей содержание текста и охарактеризовавшей его как рабочие материалы для переводчика. Текст содержит сравнение пяти греческих переводов отдельных чтений Псалтыри (Септуагинты, Феодотиона, Аквилы, Симмаха и «пятого переводника», имя которого не упоминается) в славянской передаче. Расположение сочинения в рукописи после перевода П 1552 позволило связать его с переводческой деятельностью Максима Грека, однако лишь предположительно, без указания авторства текста и привязки к временному периоду работы над Толковой Псалтырью 1522 г. (ТП 1522) или П 1552.

Сравнение толкуемого текста в ТП 1522 (обозначенного киноварью как «сущее», без указания на номер псалма), комментируемого текста в ПС (предваряемого номером псалма) и перевода П 1552 позволяет сделать вывод о связи «Преводных строк» с работой Максима Грека над последним переводом Псалтыри. Несовпадения псалмов в ПС с текстом ТП 1522 касаются как лексики, так и грамматических форм (многие из которых характерны именно для второго перевода): 58:8 *V* оружїе, во *Ó*сна^x ихъ (ПС и П 1552) — *V* мѣ^ч во *Ó*сна^x ихъ (ТП 1522); 64:9 *V*сходы *Ó*тру *V* врчеръ возвеселиши (ПС) — *V*схвды *Ó*тру, *V* вечеру возвеселиши (П 1552) — *V*схгды *Ó*тра *V* вечера *Ó*сладиши (ТП 1522). В некоторых случаях отличающееся чтение ТП 1522 присутствует в комментарии ПС, но в основном тексте ПС и П 1552 предпочитают иной перевод: 65:8 *Ó*слхшите глза, хваленїа егѣ (ПС и П 1552) — *Ó*слыша^н сътворте глза, хвалы егѣ (ТП 1522).

Сравнение толкований в ТП 1522 и ПС показывает, что последний текст в существенно сокращенном виде цитирует избранные толкования ТП 1522. В последней содержатся цепные толкования Дидима Александрийского, Афанасия Великого, Феодора Мопсуестийского, Астерия Софиста, Феодорита Кирского, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Исихия Иерусалимского, Кирилла Александрийского и Евсевия Кесарийского, в некоторых случаях привлекаются толкования Оригена и Григория Нисского. Поскольку основной масштабной задачей Максима Грека при переводе ТП 1522 было стремление вооружить славянских книжников ранее не доступными им истолковательными инструментами, то ввиду огромного объема перевода толкований включение в них лингво-экзегетических комментариев, связанных с критикой переводов Священного Писания, было лишь сопутствующей, но не самостоятельной целью. Поэтому в тексте ТП 1522 упоминания о разных греческих переводах Псалтыри присутствуют, но только в контексте того или иного (аллегорического, тропологического, анагогического, буквального) толкования Отцов церкви (в первую очередь к сравнению вариантов перевода обращаются Евсевий и Феодор). ПС представляют собой собрание далеко не всех ссылок на разных греческих переводчиков Псалтыри, имеющих в ТП 1522: из обширных ком-

ментариев выделены лишь те фрагменты, в которых содержится актуальная лингвистическая информация. К примеру, очень лаконичному комментарию ПС к чтению 65:6: в рецо пррйду́ть ногю. си^{ма}^х, прейдгша ногю в ТП 1522 соответствуют обширные толкования Афанасия, Дидима, Феодора, и только последний автор приводит процитированный в ПС перевод Симмаха, объясняя его выбор формы прошедшего времени отсылкой к ветхозаветным событиям исхода из Египта, тогда как форма будущего времени в переводе LXX толкуется тропологически как прообраз таинства крещения.

Выбор отдельных лингвистических комментариев из толкований ТП 1522 осуществлялся по нескольким принципам. Прежде всего, это точность соответствия греческого перевода еврейскому тексту Псалтыри, и этим объясняется преимущественное обращение к текстам Аквилы и Симмаха как к наиболее близким оригиналу. Сравнению лексических вариантов посвящена большая часть ПС: 4:5 на лгже^х ваши^х Óмлитесь. _акла V феZдотiw^н преведгша. Óмолчте. симма^х жқ, Óтшшшсь; 46:10 &ко б~жиі крпщїи. сКем\$деса^т, крѣпки^х. _акла щиты. симма^х жқ. защищрніа. В некоторых случаях, как и в комментариях ТП 1522, обозначены предпочтения того или иного варианта перевода или указана его обусловленность еврейским текстом: 84:14 симма^х жқ &вствен'4йше преведq, 67:19 _акла &в\$ствен'4йше преведq, 44:7 акла жқ _евррйскому послпдoвалъ. В части комментариев внимание к лексемам-синонимам связано не с их соответствием оригиналу, но с закрепленным за разными вариантами экзегетическим значением. Таковы относительно пространственные комментарии к лексемам законъ, оправданіе, повелѣніе, свидѣніе и сидьба (псалом 118) и ожити — встати, возбудитися и смерть — испеніе (песнь 5).

Не менее важную и обширную группу комментариев составляют грамматические, причем обсуждаемые варианты соответствуют тем позициям исправлений, которые были актуальными для Максима Грека при переводе П 1552 [Вернер 2013]. Это формы времени (87:7 положтша ме в\$ %мѣ преVспКонѣйшей ... акла, пгложил\$ ма _есV. симма^х. Óчинилъ мя _есV. сїр же Óказател\$ное "есть), наклонения (9:11 да о_уповають на тебq. _акла V си^{ма}^х. будуть Óповати ртша. Óказателно вмѣсто повелттел\$наго положтша слгво), лица местоимений (89:8 пгложилъ _есV бе'закгніа нсша, прКе собгю. сима^х. прКеложилъ _есV безакгніа нсша прКе тобгю), падежные формы (16:1 не во Óтна^х лстивыхъ. си^{ма}^х, нq Óстнами лстивыми, 77:5 и воздвиже свидѣніе вh _аковѣ. си^{ма}^х. _акову), приименные формы субстантивов и атрибутов (118:29 пзть неправды Ъстави Ъ мене. _акла. пзть лжV Ъстави Ъ менq. си^{ма}^х. пзть лгжень БVми Ъ менq. п'атое преведрніе пзть вѣры предаде^м). Так же, как и в отношении лексики, присутствуют отвлеченные от конкретных чтений комментарии к экзегетически маркированным грамматическим формам: отмечается прообразовательное использование прошедшего

времени в переводе Феодотиона и LXX (4же бывша глаголбѣтѣ вса &же w хzртѣ), тогда как Симмах предпочитает настоящее время, а Аквила сочетает прошедшее и будущее.

Структура и содержание «Преводных строк» позволяют с уверенностью связать авторство текста с Максимом Греком, отнести время его создания к периоду работы над Псалтырью 1552 г. и определить его назначение как экспликацию тех принципов лингвистической критики текста, которыми Максим Грек руководствовался при переводе Псалтыри 1552 г.

Литература

Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. / Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики XV Международный съезд славистов. М., 2013.

Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975.

Реформа словацкого литературного языка 1852 г. и ее оценка лингвистами

М. М. Горина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Словацкий литературный язык, кодификация, диалект, реформа.

Summary. The article is dedicated to the history of the standard Slovak language and to the judgments of the reform of 1852. There were two main codifications. One was written by the linguist Ľudovít Štúr. And the authors of the second one were Michal Hodža and Martin Hattala. They transformed Štúr's language by canceling the most dialectical features. We can divide scientists' judgments about it into three groups: confrontational, consensual and critical periods. It depends on the one parameter: linguists' thoughts about the implication of the changes on modern Slovak.

Современный словацкий литературный язык восходит к кодификации Л. Штура (1844–1846), однако уже в 1852 г. в нее были внесены существенные изменения, получившие наименование реформы М. Гатталы и М. М. Годжи. Причиной тому явилась языковая разделенность словаков, обусловленная их конфессиональными различиями. Примерно с XVII века в течение длительного времени словацкие протестанты использовали для богослужений, а также в большей части жанров письменности так называемую библичину — чешский язык Кралицкой Библии. Л. Штур, протестант по вероисповеданию, порывает с данной традицией и кодифицирует новый словацкий литературный язык на базе северных говоров среднесловацкого диалекта. При этом он стремится создать литературный язык, целостно отражающий фонетическую и морфологическую системы северных среднесловацких говоров без учета предшествующей многовековой письменной традиции, что было негативно воспринято единоверцами. Но если старшее поколение протестантов во главе с Я. Колларом в принципе отрицало необходимость создания словацкого литературного языка, то молодое поколение в целом идею принимало, однако полагало,

что в кодификацию Л. Штура нужно внести определенные коррективы. В частности один из лидеров протестантов М. М. Годжа в своих работах «Полезные суждения о слове для добропорядочных словаков» (1847) и «Высказывания о словацком языке» (1848) выступил за изменения системы правописания и предложил ввести в литературный язык графемы *ä*, *u*, изменить написание дифтонгов, различать твердое *l* и мягкое *ľ*, не обозначать мягкость *d*, *t*, *n*, *l* перед *e*, *i*, а также скорректировать некоторые морфологические особенности. Высказывали свое несогласие с кодификацией Л. Штура и католики, которые использовали словацкий литературный язык, сформировавшийся в трнавском культурном центре путем взаимодействия чешского языка и южных говоров западнословацкого диалекта. Более того, этот идиом стал базой для кодификации А. Бернолака (1787). Ввиду значительных отличий между базами литературных языков шутовщина воспринималась католиками как язык диалектный, непригодный для использования в разных функциональных сферах, поэтому они также предлагали произвести замену некоторых наиболее маркированных элементов элементами, типичными для католической письменности. Эти предложения содержатся в грамматике М. Гатталы (1850), написанной на латинском языке, и сведены вместе с предложениями протестантов в «Краткой грамматике словацкого языка» (1852), предисловие к которой подписали по три представителя католиков и протестантов. Таким образом она ознаменовала консенсус между двумя лагерями и стала отправной точкой для развития общенационального литературного языка.

Реформа словацкого литературного языка неоднозначно оценивалась лингвистами и вызывала дискуссии относительно того, были ли изменения, внесенные М. Гатталой и М. М. Годжей неизбежной потребностью или же нововведения только испортили кодификацию Л. Штура. В отношении исследований можно выделить несколько периодов: 1. конфронтационный (до 30-х гг. XX века), который характеризуется активным противостоянием сторонников (Т. Флоринский, С. Цамбел, Л. Новак) и противников реформы (Г. Бартек); консенсуальный (до начала 70-х гг.) с относительной уравниловкой оценок реформы (Е. Йона, К. Габовштякова, А. Едличка); сдержанно-критический (по настоящее время) с усилением негативных оценок реформы (Р. Крайчович, Е. Паулини, Л. Дюрович).

Таким образом, в словакистике сложилась парадоксальная ситуация, когда к ряду закрепившихся в литературном языке явлений сохраняется довольно скептическое отношение. Во многом оно связано и с отсутствием подробного анализа самой реформы и реальной языковой практики того времени. Специальное исследование, посвященное данной проблематике, помогло бы ответить на вопрос, существовала ли необходимость в реформе кодификации Л. Штура и могли ли внесенные изменения иметь иной характер.

О переводах Жития Сергия Радонежского

А. В. Духанина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

*Житие Сергия Радонежского, Пространная редакция Жития Сергия Радонежского,
Епифаний Премудрый, перевод, цитата.*

Summary. The Life of St. Sergius of Radonezh was translated into modern Russian language four times. Each translation has its peculiarities, advantages and disadvantages. Their comparative study allows to clarify the text of the Life, as well as to raise a number of theoretical issues related to translation of Old Russian works into modern Russian language.

Житие Сергия Радонежского — один из немногих древнерусских памятников, которые переводились на современный русский язык неоднократно. На сегодняшний день известны 4 перевода текста Жития, из которых 3 являются переводами текста Пространной редакции ЖСР, созданной предположительно в начале XVI в. и включающей первую половину сохранившейся лишь частично первоначальной редакции Жития, написанной древнерусским книжником Епифанием Премудрым. Первый перевод был выполнен М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланиным для серии «Памятники литературы Древней Руси» (далее — ПЛДР), в которой текст Жития был опубликован не полностью — до главы о преставлении Сергия включительно ([Памятники... 1981: 257–407]; переизд.: [Библиотека... 1999: 254–391]); второй перевод (всего текста редакции) был сделан игуменом Тимофеем Никоновым для издания лицевого Жития ([Житие... 2002]; переизд.: [Житие... 2010]); третий перевод, также всего текста, выполнен нами [Житие... 2015]. Кроме того, существует перевод редакции Жития Сергия, созданной Симоном Азарьиным в начале XVII в. на основе Пространной редакции, которая была дополнена новыми посмертными чудесами [Житие... 1997]. Особенность этого перевода в том, что часть текста, основанная на Пространной редакции, является переработкой перевода М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина (сделанной в Церковно-научном центре «Православная энциклопедия»), т. е. фактически оказывается переводом Пространной редакции.

Каждый из переводов представляет собой перевод конкретного списка Пространной редакции ЖСР и при этом основан на своих принципах и имеет свои особенности. Если переводы собственно Пространной редакции относятся к научным переводам, то перевод редакции Симона Азарьина скорее является художественным: первые три характеризуются стремлением перевести текст по возможности дословно, авторы же перевода редакции Симона Азарьины в большей степени стремились к созданию литературного текста, нередко жертвуя при этом теми или иными нюансами.

Дословный перевод на современный русский язык предполагает выбор стратегии, касающейся передачи синтаксической специфики древнерусских и церковнославянских текстов, в частности особого порядка слов, синтаксических конструкций и т. д. Каждый из переводов в этом отношении отличается

своеобразием: скажем, для переводов в ПЛДР [Памятники... 1981] и в серии *Patrologia Slavica* [Житие... 2015] характерно сохранение порядка слов, однако при этом в первом переводе эта установка сочетается с прояснением смысла путем добавления во фразу или названия субъекта или объекта действия, не имеющих эксплицитного выражения в переводимом тексте.

Для перевода сочинений Епифания Премудрого, написанных в стиле «плетение словес», на современный русский язык особенно актуальна проблема передачи стилистических приемов, а именно синонимических и тавтологических сочетаний, однокоренных слов, синтаксического параллелизма и т. д. Как правило, здесь переводчик сталкивается с проблемой выбора: адекватный смысловой перевод вступает в противоречие со стилистикой исходного текста, для передачи которой в современном языке нет необходимых средств. В итоге во всех переводах ЖСР приоритет отдается смыслу и стилистические приемы Епифания видны очень редко.

Анализ переводов ЖСР показывает также многие другие проблемы, стоящие перед переводчиками древнерусских и церковнославянских текстов. Одной из них является перевод библейских цитат, что имеет особое значение именно для сочинений Епифания Премудрого, уникальных обилием прямых и скрытых цитат и аллюзий (в епифаниевских житиях их насчитываются сотни). Интересно, что в каждом из существующих переводов ЖСР свой, причем не всегда удачный подход к передаче цитат. В переводе для серии ПЛДР [Памятники... 1981] цитаты не отмечены в тексте и переводятся на тех же принципах, что и остальной текст. В редакции Симона Азарьина [Житие... 1997] идентифицированные цитаты даются в синодальном переводе, без учета лексических, морфологических и синтаксических изменений, внесенных Епифанием Премудрым при использовании цитаты в Житии, это иногда приводит к появлению фраз, напоминающих искусственные вставки. В издании лицевого списка ЖСР [Житие... 2002]; [Житие... 2010] цитаты, даже не прямые, вообще оставлены без перевода и обозначены курсивом. Нами предложен еще один вариант (см. [Житие... 2015]): цитаты из Библии даются в синодальном переводе (за исключением цитат из Псалтыри, которые даются в переводе П. А. Юнгера [Юнгеров 1915], в большей степени соответствующем церковнославянскому тексту, чем синодальный), при наличии различий с текстом Библии цитата переводится по возможности с использованием лексики синодального перевода (перевода П. А. Юнгера) и сохранением конструкции переводимого текста.

Среди других проблем, встающих перед переводчиками текста ЖСР, как и других произведений древнерусской литературы, и решаемых по-разному, можно назвать, например, принципы перевода церковной лексики, имен собственных, сложных слов, омонимов, слов, известных в современном русском в других значениях.

Сопоставление 4 переводов Жития Сергия Радонежского позволяет, с одной стороны, прояснить текст Жития, в ряде случаев вызывающий трудности при толковании, а с другой — поднять некоторые вопросы, связанные с переводом древнерусских текстов на современный русский язык.

Литература

- Памятники литературы Древней Руси. XIV — сер. XV в. М., 1981.
 Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV — середина XV века. СПб., 1999.
 Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия Чудотворца. Написано Епифанием Премудрым: Факсимильное воспроизведение рукописной книги 1592 года. М., 2002. Кн. 2.
 Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия, чудотворца, написанное премудрейшим Епифанием. Сергиев Посад, 2010. Кн. 2.
 Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подготовка текста, перевод, комментарии, исследование А. В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015. (Patrologia Slavica. Вып. 3.)
 Житие и чудеса преподобного Сергия, игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным: В переводе на русский язык. М. [Сергиев Посад], 1997.
 Юнгеров П. Псалтырь в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. Казань, 1915.

К вопросу о формировании лексического инвентаря старославянского языка: место калькирования в словотворчестве книжников

В. С. Ефимова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Старославянский язык, лексический фонд, калькирование.

Summary. The important component of word-creation of the medieval Slavic bookmen is different kind of calquing. In relation to the process of the formation of the Old Church Slavonic lexical inventory three main types of calquing — semantic calques, phraseological calques, real morphemic (“structural”) calques — have fundamental differences. Morphemic calques should be studied in the context of word-formation. The bookmen had created one-root derivatives mainly regardless of the Greek samples, taking advantage of the Old Church Slavonic word-formative system.

1. Старославянский язык представляет собой литературный язык особого типа — *средневековый* литературный язык. Его тип определяется, прежде всего, тем, что старославянский (далее ст.-слав.) язык, первый литературный язык славян, создавался в процессе переводов — главным образом, с греческого языка — книг Св. Писания и другой литературы (теологической, юридической). Не менее важным определяющим фактором, во-вторых, является структура его социальной базы. Небольшую, элитарную часть социальной базы составляли книжники, которые были не просто активными носителями языка, но и, по выражению Е. М. Верещагина, «языкотворцами» [Верещагин 1997: 3]. Вместе с тем книжники-языкотворцы должны были учитывать языковую компетенцию многократно большей части социальной базы, которую мы называем «пассивными потребителями», — широких масс христианизировавшихся сла-

вян. Пассивные потребители не генерировали тексты, но задачей книжников было предоставить им возможность эти тексты воспринимать и понимать, причем книжникам приходилось по большей части ориентироваться на восприятие текстов реципиентами (т. е. паствой) «на слух» при линейном развертывании текста. Этими обстоятельствами во многом обуславливались особенности формирования ст.-слав. лексического инвентаря как в процессе первоначальных переводов, так и в ходе их дальнейшего редактирования [Ефимова 2013].

2. Основными источниками лексического инвентаря создававшегося нового литературного языка для книжников были народная славянская речь того времени и собственное словотворчество. Слои народной лексики в ст.-слав. инвентаре — лексические единицы, взятые книжниками в ст.-слав. инвентарь «в готовом виде». К этому слою мы относим также и старые заимствования (грецизмы, латинизмы, германизмы, тюркизмы), проникшие в славянскую речь до эпохи кирилло-мефодиевских переводов. В очень редких случаях «в готовом виде» в ст.-слав. тексты попадали грецизмы в процессе перевода (включение в текст неадаптированных грецизмов — «иномязычных вкраплений», «используемых лексем»), однако, как правило, имела место фонетическая и морфологическая адаптация заимствования.

3. Собственное словотворчество славянских книжников было многообразным. Важнейшей его составляющей следует признать разного рода калькирование, где исходным языком являлся, главным образом, язык греческих оригиналов переводимых текстов. Мы выделяем три основных вида ст.-слав. калькирования, которые по отношению к процессу формирования ст.-слав. лексического инвентаря имеют принципиальные различия: семантические кальки, фразеологические кальки, поморфемные кальки. Семантическое калькирование (ср. «excessive semantic identification» Р. Вечерки [Večerka 1997: 368], «транспозиция» Е. М. Верещагина [Верещагин 1997: 40–41]) расширяло семантический объем уже существующего «в готовом виде» славянского слова благодаря наличию «точек соприкосновения» в его семантической структуре и семантической структуре переводимого им греческого слова. В результате слово обретало новое значение, однако в своем новом значении оно не образовывало новую лексическую единицу, так как употреблялось книжниками и в новом значении, и в старых значениях. Фразеологические кальки имеют своим результатом новые лексические единицы — как правило, в виде несколько-словных наименований. Следует при этом учесть, что фразеологические кальки, переводящие часто греческие фразеологизмы (которые иногда в свою очередь восходят к древнееврейским выражениям), закреплялись в узусе далеко не всегда — как и вообще результаты словотворчества книжников. Обычно в поле зрения славистов попадают закрепившиеся в узусе фразеологические кальки из широко употребительных текстов (ср. совр. русск. *нищие духом, чистые сердцем* и т. п.). Многие же фразеологические кальки, встречающиеся в

толкованиях на книги Св. Писания, агиографической, гомилетической литературе и т. п., остаются единожды употребленными, составляя так называемые «темные места», прочтение которых требует определенных исследовательских усилий. Поморфемные кальки имеют своим результатом новые лексические единицы — как правило, в виде однословных наименований.

4. Поморфемное калькирование служило славянским книжникам одним из основных способов создания новых ст.-слав. лексических единиц. Вместе с тем далеко не всегда формальное соответствие морфемных структур ст.-слав. и греческого слов должно служить нам основанием считать ст.-слав. слово калькой, как это происходит в случае применения общепринятых классификаций ст.-слав. калек, данных в монографиях К. Шуманна [Schumann 1958] и Н. Молнара [Molnár 1985]. Разработанные на основе метода сопоставления слов в «изолированных парах», состоящих из слова языка-источника и слова языка-реципиента, эти классификации не вполне адекватно отражают происходившие в первом литературном языке славян процессы словотворчества. Ст.-слав. калькирование необходимо изучать в общем контексте словообразования, с учетом словообразовательных мотиваций и обстоятельств вхождения слова в ст.-слав. лексический инвентарь. Словообразовательные процедуры создания композитов (сложных слов) и однокорневых дериватов принципиально различались. В композитах соположение двух корневых знаменательных морфем показывает, служил ли греческий композит образцом для подражания при его создании. Однокорневые дериваты в своем большинстве образовывались по продуктивным моделям с помощью классифицирующих морфем и, как правило, были хорошо мотивированы на славянской почве. При этом славянские корни однокорневых дериватов имели подходящую семантику, но не всегда точно соответствовали семантике корней греческих переводимых слов. Таким образом, массу однокорневых ст.-слав. дериватов, появившихся в результате словотворчества книжников, нет никакой нужды зачислять в какие бы то ни было кальки, так как книжники часто создавали их исключительно на славянской почве, используя возможности ст.-слав. словообразовательной системы.

Литература

- Верецагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
- Ефимова В. С. Риторические стратегии древнейших славянских гомилетических текстов // Языковая вариативность и культурный контекст. М., 2013. С. 4–30.
- Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985.
- Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.
- Večerka R. The Influence of Greek on Old Church Slavonic // Byzantinoslavica. Praha, 1997. T. LVIII. Fasc. 2. P. 363–386.

**Кодификация церковнославянского языка в Московской Руси
в первой половине XVII в.:
ретроспектива и перспектива лингвистической рефлексии**

Н. Н. Запольская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Церковнославянский язык, норма и кодификация, грамматика.

Summary. The report focuses on the issue of the Church Slavonic language codification — the object of our study is the handwritten grammar book, which has not previously been put into scientific circulation. Our study found that this handwritten grammar makes up a link in the “chain” of linguistic experiments, which terms retro- and per-spective of the linguistic reflection in South-western Rus and in Moscovia during the 16th and 17th centuries.

Доклад посвящен проблеме кодификации церковнославянского языка: объектом изучения является рукописная грамматика церковнославянского языка, хранящаяся в отделе рукописей ГИМ (Син. 734). Эта грамматика ранее не привлекала внимания исследователей, поскольку была ошибочно атрибутирована в «Описании рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)» как «Грамматика Мелетия Смотрицкого /с издания Евъе 1619 г./». Проведенный развернутый анализ позволил прийти к выводу, что обнаруженное грамматическое сочинение представляет собой существенную и оригинальную переработку нескольких грамматических источников, среди которых основными являются трактат «О осмих частех слова», Грамматика Зизания 1596 г. и Грамматика Смотрицкого 1619 г. Факт знакомства составителя рукописной грамматики с грамматикой Смотрицкого, с одной стороны, и водяные знаки — кувшин под полумесяцем с литерами N/FT на тулове и кувшин под полумесяцем с литерами I/PO, позволяющие датировать рукопись 1631–1633 гг., с другой стороны, задали возможные хронологические границы составления грамматики. Исследование книжного «конвоя», т. е. сопутствующих лингвистическому описанию разножанровых текстов, в которых обосновывалась роль грамматики как инструмента богопознания, позволило определить место составления грамматики и решить проблему авторства грамматики. В «Предисловии...», являющем собой авторски организованное «цитатное пространство» (Иер. 48–10, Втор. 32:7, Ин. 1:9, Мф. 7:6, Мф. 10:14, Мф. 25:26–27), составление грамматики предстает как духовный процесс, смысл которого раскрывается при обращении к евангельской притче о талантах, свидетельствующей о необходимости правильно распорядиться полученным от Бога даром учительства. Изучение цитатного пространства стало точкой отсчета изучения традиции богословского обоснования разного рода филологической деятельности: посредством ссылки на притчу о талантах обосновывалась необходимость обучения грамматике («Житие Иоанна Дамаскина», «Житие Константина»), необходимость переводческой деятельности (предисловие Иоанна экзарха Болгарского к переводу «Богословия» Иоанна Дамас-

кина), необходимость книжной sprawy (Константин Костенеческий «Сказание о письменах», Максим Грек «Слово отвещательно о книжном исправлении»). Теологически ориентированное предисловие к рукописной грамматике предвараля теологически ориентированное предисловие к печатной московской грамматике 1648 г. При анализе следующего за «Предисловием» стихотворного послания был раскрыт именной акrostих, который, возможно, раскрывает и имя автора грамматики: «словамъ антоніи радоватися прісно». Имя «Антоніи» может указывать на Антония Подольского, автора стихотворных посланий, ритора и полемиста, утверждавшего, что «никто совершенно против него грамматики и диалектики в России не знает». Исследование собственно грамматической части рукописи, включающей орфографию, морфологию и фрагмент синтаксиса, позволило выявить особенности схемы грамматического описания и реконструировать принципы кодификации языкового материала. В позициях описания, в которых грамматическая традиция предоставляла выбор, составитель грамматики задавал параметры, позволявшие адекватно представить именно славянский языковой материал. Такая установка мотивировала разный характер отношения к грамматическим источникам: следование источнику (представление семипадежной парадигмы по образцу грамматики Смотрицкого), дополнение источника (выделение у имен особого «неизвестного» рода как реплика на зафиксированную в грамматике Зизания особенность категории рода — «неизвестные слова», т. е. существительные *Pluralia tantum*), комбинирование источников (построение «гибридной» словоизменительной классификации имен, соединившей диагностические признаки разных схем: 10 типов склонения, дифференциация которых была мотивирована лексико-грамматической семантикой по образцу грамматики Смотрицкого и характером «окончания» в И. ед. по образцу грамматики Зизания). Отличительной особенностью рукописной грамматики явилась трактовка «вида» как словообразовательной и лексико-семантической характеристики всех частей речи: основу классификации составляла словообразовательная оппозиция видов — «первообразный / производный», внутри которой виды разделялись на подвиды, каждый из которых разделялся на лексико-семантические разряды. Кодификация языковых элементов подчинялась идее «правильности» языка, которая достигалась посредством решения проблем формальной недостаточности и избыточности, т. е. омонимии и синонимии. Составитель грамматики стремился соотносить разные способы снятия омонимии с разными видами омоформности: в рамках именного словоизменения числовая омонимия снималась орфографическими средствами, а падежная омонимия — грамматическими средствами и лишь при отсутствии грамматических возможностей — орфографическими средствами. Отказ от кодификации нестандартных флексий, которые могли восприниматься как результат влияния польского языка (у имен м. р. флексии -у в Р.=М. ед., -ови в Д. ед., -ове в Им. мн., -овъ в Р. мн.), ограни-

чивал грамматическую синонимию. Юго-западнорусские книжники снимали числовую и падежную омонимию как орфографическими, так и грамматическими средствами и сохраняли синонимию, отдавая предпочтение либо вариативности (Зизаний), либо дифференциации форм (Смотрицкий).

Комплексное исследование рукописной грамматики позволило определить культурно-исторический и филологический статус данного метатекста. В истории России предполагаемое время составления грамматики — это время напряженной книжно-языковой деятельности, контролируемой духовной и государственной властью: время последовательной книжной sprawy, сопровождавшей книгопечатание, книжно-языковой полемики как факта богословской цензуры и первых попыток создания систематического формального обучения. Однако до сих пор считалось общепризнанным, что активная и разнообразная книжно-языковая деятельность в Московской Руси этого времени не привела к появлению развернутых самостоятельных грамматических сочинений. Ценность обнаруженной рукописной грамматики определяется и собственно филологическими факторами: грамматика является ранней репликой на грамматику Зизания и Смотрицкого, поскольку была составлена за двадцать лет до московской грамматики 1648 г., что позволяет иначе взглянуть на проблему бытования лингвистических сочинений в Московской Руси в 20-е — 30-е годы XVII века. Рукописная грамматика заполняет лакуну в «цепочке» лингвистических опытов, задающих ретроспективу и перспективу лингвистической рефлексии в Юго-Западной и в Московской Руси: трактат «О осмих частех слова», Грамматика Зизания 1596 г., Грамматика Смотрицкого 1619 г. < рукописная грамматика > московская Грамматика 1648 г.

Особенности реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г.

Инь Сью

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

История славянской грамматической традиции, церковнославянский язык, грамматическая норма, орфографическая норма, принцип антистиха.

Summary. *Bukovnica* (1592) is considered as an important origin of Slavic grammatical tradition. Unlike other contemporaneous orthographical handbooks, this grammatical (inflectional) dictionary practically showed readers a huge number of homonymous forms. This article mainly analyzes the first part of *Bukovnica*, in which concrete homonymous forms are presented in comparison charts, and summarizes the rules of realization of principle of anti-verse in it.

Буковница Герасима Ворбозомского, дошедшая до нас в сборнике 1592 г. (РГБ, ф. 173.1, № 35, лл. 130–235), представляет собой особый тип грамматического описания, который может быть определен как «грамматический (словоизменятельный) словарь» [Аксенова 1981: 69]. В этом грамматическом словаре в основу построения словарного гнезда положен принцип антистиха (принцип графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке [Кузьминова 2001]; [Кузьминова 2011]): каждое гнездо

состоит из пары грамматических омонимов, «Ѡ нѣж состѡнѣа ѣдѣнство ѣ мнѡжествѡ» (л. 130), противопоставленных на орфографическом уровне (И. ед. ч. // Р. мн. ч. глѡмнѣкъ — глоуѣмнѣкъ л. 133. об., И. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. жидѡвскаа — жыдѡвскаа л. 136. об., Р. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. ж. р. раширѣмыа — рашырѣмыа л. 139., И. ед. ч. м. р. страд. прич. // 1 л. мн. ч. наст. вр. оуспоѣмь — оуспоѣмь л. 141 об.).

Значение Буковницы для истории славянской грамматической мысли определяется, в частности, тем, что она позволяет с достаточной ясностью увидеть, как набор орфографических оппозиций, заимствованный автором из трактата «Ѡ мнѡжествѣ ѣдѣнствѣ» [Ягич 1885–1886: 719–724], прилагается к конкретному языковому материалу.

Вместе с тем способ реализации принципа антистиха, заданный в трактате «Ѡ мнѡжествѣ ѣдѣнствѣ» (а также в соответствующих ему орфографических руководствах «Ѡ гла соуществѣ кнѣжнаго писма», «Ѡ гла существѣ кнѣжнаго писаниа», «Ѡ казаніе ѣ кнѣжной премѡрости» и др.), подвергается в Буковнице переосмыслению и трансформации.

В Буковнице расширен репертуар орфографических оппозиций, наделенных смысловозначительными функциями: стандартный набор средств Ѡ — ѡ, Ѣ — ѣ, а — ѧ, и / ѣ — ѣ, ѧ — ѧ дополнен парами:

а) з — ѣ, что было отмечено В. М. Живовым [Живов 1995: 292] (И. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. жизнодѣтелнаа — жызнѡдѣтелнаа л. 136),

б) Ѡ — ѧ, использующейся только в префиксах типа вос — вѣс, во — вѣ, со — сѣ (И. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. восхвалѣмаа — вѣсхвалѣмаа, И. ед. ч. м. р. страд. прич. // 1 л. мн. ч. наст. вр. водворѣмь — вѣдворѣмь л. 132 об.; И. ед. ч. // Р. мн. ч. совѣсѣднѣкъ — сѣвѣсѣднѣкъ);

в) ѣ — ѣ (И. ед. ч. // Р. мн. ч. врачѣвнѣкъ — врачѣвнѣкъ л. 132 об., ѣдинопричѣтнѣкъ — ѣдинѡпричѣтнѣкъ л. 135 об.);

г) а — ѧ (И. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. прѣвѣжѣннаа — прѣвѣжѣннаа л. 138 об., фѣѡдорѣтовскаа — фѣѡдѡрѣтѡвскаа л. 148 об., фѣѡктѣстовскаа — фѣѡктѣстѡвскаа л. 148 об.);

д) оксия — вария (И. ед. ч. м. р. страд. прич. // 1 л. мн. ч. наст. вр. раширѣмь — рашырѣмь л. 139, таѣмь — таѣмь л. 141, оублажѣмь — оублажѣмь л. 142).

Буковница демонстрирует и иной подход к выбору позиции употребления графико-орфографических показателей. Если в трактате «Ѡ мнѡжествѣ ѣдѣнствѣ» оппозиционные графемы использовались только во флексии, ср. И. ед. ч. // Р. мн. ч. ѧгнецъ — ѧгнецъ (цит. по: [Ягич 1885–1886: 720–721]), то в Буковнице диапазон позиций значительно расширен: во-первых, «числовой» показатель может быть употреблен как во флексии (Т. ед. ч. // Д. мн. ч. вагрѡмь — вагрѡмь л. 131, Р. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. ж. р. велѣкѣа — велѣкѣа л. 132, И. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. грѣшнаа — грѣшнаа л. 133), так и в основе, в том числе — в позиции абсолютного начала слова (И. ед. ч.

ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. Ѡбѣщаа — ѡбѣщаа л. 149 об., И. ед. ч. м. р. страд. прич. // 1 л. мн. ч. наст. вр. Ѡбѣщаемъ — ѡбѣщаемъ л. 149 об., И. ед. ч. // Р. мн. ч. ѡзыкъ — ѡзыкъ л. 151 об.); во-вторых, очевидно стремление к максимальному орфографическому расподоблению омонимичных форм: грамматические омонимы могут быть противопоставлены посредством нескольких пар оппозиционных графем, занимающих разные позиции. Так, для противопоставления форм Т. ед. ч. // Д. мн. ч. существительного м. р. ропотнѣкомъ — ропотнѣкомъ (л. 139 об.) задействовано три пары графем: и — ї, о — ѡ, ь — ѣ, ср. также Т. ед. ч. // Д. мн. ч. ѣдѣноглаголюкомъ — ѣдинѡглаголюкомъ л. 135 (5 пар), Р. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. ж. р. ѣдѣнодышѣщаа — ѣдинѡдышѣщаа л. 135 (5 пар), И. ед. ч. // Р. мн. ч. торжѣственникъ тѡржѣственникъ л. 141 об. (4 пары).

Сам факт появления такого грамматического описания как Буковница, призванного кодифицировать и внедрить в практику книжного письма орфографические оппозиции, наделенные смысловоразличительными функциями, свидетельствует о ключевом значении проблемы омонимии для славянской грамматической мысли и книжно-языковой практики конца XVI в.

Литература

- Аксенова Е. А. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ) // Советское славяноведение. 1981. № 1. С. 66–77.
- Живов В. М. Буковница 1592 г. и ее место в истории русской грамматической мысли // The Language and Verse of Russia / In Honor of Dean S. Worth. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 291–303 (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. II).
- Кузьмина Е. А. Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия, 2001. С. 549–553.
- Кузьмина Е. А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.
- Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1885–1895.

Орфография разных изданий «Российской Грамматики» М. В. Ломоносова, помеченных 1755 годом: проблемы интерпретации В. В. Каверина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Издательская практика XVIII века; титульный лист; год издания; графика и орфография; грамматика Ломоносова.

Summary. The article offers a comparative orthographic analysis of five editions of *Russian Grammar* by M. V. Lomonosov and claims that the orthography of an edition allows the researcher to identify the exact year of the publication as the information on its title page can be often misleading. This should be taken into consideration to prevent misinterpretation, for the books republished in the XVIIIth-century preserved the title page as well the year of publication from any change.

1. Издательская практика XVIII века допускала при переиздании книги дублирование титульного листа с выходными данными первого издания. При

этом год выпуска фактически менялся, но на титульном листе оставался прежним. Если не учитывать этого, можно неверно интерпретировать данные таких изданий и прийти к ошибочным выводам. В частности, так возникла мистификация относительно первого употребления в печати буквы ё, авторами которой стали Е. В. Пчелов и В. Т. Чумаков. По их мнению, первым букву ё использовал И. И. Дмитриев в сборнике «И мои безделки», вышедшем в 1795 г. [Пчелов, Чумаков 2000: 42]. Однако вслед за Я. К. Гротом мы считаем, что впервые буква ё появилась в 1797 г. во второй книжке «Аонид» — альманаха, издаваемого Н. М. Карамзиным. Это убедительно доказал С. В. Власов, заметив, что буква ё была использована во «втором, исправленном издании сборника И. И. Дмитриева «И мои безделки», датированном на титульном листе, как и первое издание», но выпущенном в свет позднее 1797 г., в первом же издании сборника 1795 г. буква ё не обнаружена [Власов 2008: 28].

2. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова увидела свет в 1757 году, хотя на титульном листе значился год 1755 [Российская грамматика 1757]. Второе, еще прижизненное издание, вышедшее в 1765 году, отмечено тем же годом и на вид не отличается от первого [Российская грамматика 1765]: «те же виньетки, тот же шрифт и притом полное совпадение всех строк набора на всех страницах от первой до последней» [Блок, Макеева 1951: 353]. Однако анализ орфографии выявляет изменения: выправлены некоторые опечатки, географические названия начинаются с прописной буквы, слова «рассудить» и «рассуждать» пишутся с приставкой «раз», а глаголы «есть» и «ехать» начинаются с ѓ. Последняя особенность наводит исследователей на мысль о том, что в орфографической правке участвовал сам Ломоносов, который в последние годы жизни отказался от прежней практики писать в указанных глаголах начальную е [Блок, Макеева 1951: 353–354]. 1755 год стоит на титуле еще трех посмертных изданий: 1771–1772, 1777 и 1784–1785 гг. [Блок, Макеева 1952: 858].

3. Сопоставительный анализ графики и орфографии первого [Российская грамматика 1757] и пятого [Российская грамматика 1785] изданий показывает, что набор последнего был произведен в 1785 г. заново в соответствии с принятыми в то время нормами правописания, отличавшимися от узуса середины XVIII в. Перечислим основные разночтения первого и пятого изданий: *Францусскаго* — *Французскаго* (и еще несколько форм данного слова); *есть ли бы* — *есть ли бы*; *сверхЪ* — *сверхЪ*; *церковнымЪ* — *церковнымЪ*; *нельзя* — *не лъзя*; *епанечЪ* — *епанечъ*; *рубежь* — *рубежЪ*; *махче* — *мягче*; *постельница* — *постелница*; *одиннатцать* — *одинатцать* (и еще несколько однокоренных слов); *осмьнатцать* — *осьмнатцать*; *семьдесятый* — *семдесятый*; *осмидесятой* — *осьмидесятой*; *плюскаю* — *плескаю*; *поздно* — *позно*; *орхангельскому* — *Архангельскому*; *навопросЪ* — *на вопросЪ*; *ехалЪ* *москвою* — *ѓхалЪ* *Москвою*.

4. Наиболее показательным различием первого [Российская грамматика 1757] и пятого [Российская грамматика, 1785] изданий является орфография приставок на <з>, отражающая сильную тенденцию к унификации, наблюдавшуюся в узусе второй четверти XVIII в. [Каверина 2010: 312–313]. Приведем эти написания: *происшедшїя* — *произшедшїя*; *рассудимѢ* — *разсудимѢ*; *расширеніе* — *разишеніе*; *расположеніе* — *разположеніе*; *безрассудно* — *безразсудно*; *рассужденіи* — *разсужденіи* (и еще несколько форм данного слова); *происходитѢ* — *произходитѢ*; *рассудительныхѢ* — *разсудительныхѢ*; *рассудительной* — *разсудительной*; *рассудительныя* — *разсудительныя* (и еще несколько форм данного слова).

5. Орфография пятого издания [Российская грамматика 1785] заметно отличается от орфографии двух прижизненных изданий [Российская грамматика 1757]; [Российская грамматика 1765], особенно в области правописания приставок на <з>, где преобладает употребление з перед буквами глухих согласных, о чем сам М. В. Ломоносов говорил: «странно и дико сие кажется» [Ломоносов 1952: 435]. Если не учесть различий в области орфографии и других признаков, различающих пять изданий, помеченных 1755 годом, можно неверно интерпретировать данные и стать автором еще одной мистификации.

Литература

- Блок Г. П., Макеева В. Н. Первые издания «Российской грамматики» Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951.
- Блок Г. П., Макеева В. Н. Примечания // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952.
- Власов С. В. К истории буквы Ё: легенды и факты // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. / Под ред. Б. И. Осипова. Омск: Омск. гос. ун-т, 2008.
- Каверина В. В. Становление русского правописания в XVII–XIX вв.: правописный узус и кодификация : дисс. ... докт. филол. наук. М., 2010.
- Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952.
- Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Два века русской буквы. М: Народное образование, 2000.
- Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 1-е изд. Вышло в свет в 1757 г.
- Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 2-е изд. Вышло в свет в 1765 г.
- Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 3-е изд. Вышло в свет в 1772 г.
- Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 4-е изд. Вышло в свет в 1777 г.
- Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 5-е изд. Вышло в свет в 1785 г.

**«Грамматичное учение» в 1720-х гг.:
из истории преподавания русской / церковнославянской грамоты
Е. И. Кислова**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)
*Феодосий Яновский, русский язык, церковнославянский язык, история русской церкви,
церковное образование, XVIII век.*

Summary. The presentation based on the archival documents (RSHA, f. 796) focuses on the analysis of the ideas of the 1720th russian clergy about methods of teaching children basic literacy in russian / church slavonic languages. I show 2 ways of the basic education possible in 1720th: "latin", traditionally associated with Feofan Prokopovich, and "grammar", produced by his opponent Feodosy Janovsky.

В докладе на примере архивных дел 1722–1724 гг. (РГИА ф. 796, оп. 3, д. 926, оп. 4. д. 402, оп. 4 д. 440) проводится исследование представлений русского духовенства Петровской эпохи о правильном обучении детей грамоте в рамках русского / церковнославянского языков.

25 января 1721 г. появился «Духовный регламент», в котором регламентировалось 2 уровня обучения детей: в разделе «общих дел» описывалась «минимальная модель», в которой обучение сводилось к умению «чисто, ясно и точно честь и разуметь», а также предлагалось заучивать наизусть две книжицы — о догматах веры и о должностях всяких чинов, «когда таковые книжицы изданы будут». Более высокий уровень образования предназначался для детей духовенства и здесь демонстрировалась ориентация образования на латынь. Уже в мае 1722 г. вышел указ Синода, который не содержит требований преподавать детям духовенства латынь, отказ от нее объясняется «скудостью учителей». Обучение теперь предлагалось ориентировать на «Первое учение отрокам» и затем обучать «Славенской грамматике» Федора Поликарпова, арифметике и геометрии.

Сопоставление с документами из фонда Синода показывает, что второй указ явным образом связан с позицией Феодосия Яновского, тогда как «латинская» установка «Духовного регламента» традиционно приписывается Феофану Прокоповичу. Можно предположить, что 3 документа из собрания Синода отражают попытку внедрить альтернативу «латинскому образованию» в виде «грамматического учения» «славенской грамоте».

Дело РГИА ф. 796, оп. 3, д. 926 содержит материалы экзамена учителей духовного звания, обучавших детей в Санкт-Петербурге в 1722-1724 гг., проведенной учителем новооткрытой школы при Александро-Невском монастыре Иродионом Тихоновым.

Тихонов провел оценку учителей «от самого фундамента, то есть от начала азбуки до писма, во чтении и писании». В азбуке проверялись «писмена, слоги, речения, и просодии, произношении правильно употребляют» (т. е. уме-

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-4924.2015.6).

ние правильно читать по-церковнославянски — знать названия букв, правильно составлять из них слоги и правильным образом прочитывать слова, правильно ставить ударения в словах). 7 проэкзаменованных учителей умели читать, но, с точки зрения Тихонова, неправильно. Еще 5 правильно читали, но из них «грамматики и правописания» не знал ни один учитель. Двое, которые «правописание познавали», получили разрешение скопировать рукописную грамматику, которой владел Тихонов, и далее обучать по ней. Остальным велено было сперва изучить буквари.

В деле сохранились развернутые подписки учителей, которые демонстрируют уверенные навыки письма и отсутствие серьезных орфографических ошибок. Что же имел в виду Иродин Тихонов, квалифицируя их авторов как «не знающих правописания»? Это становится ясно, если посмотреть на письменный текст самого Тихонова и тех, кого он признал «познающими правописание»: его тексты — практически точная копия печатных церковнославянских текстов этого периода, с различением всех дублетных букв и всех вариантов надстрочных знаков. Разумеется, с позиции норм, установленных Грамматикой 1648 г. и характерных для церковнославянской печати, скорописный стандарт мог быть квалифицирован только как недостаточно грамотный.

Дело РГИА ф. 796. оп. 4. д. 402 датировано 1723 г. и содержит требование вызвать в Синод человека «знающего грамматику и хотя одну орфографии часть» для обучения канцеляристов Синода: «понеже в стейшем правительствующем синоде повсеуременно бывают самые нужнейшия и ко исправлению блгочестия потребныя дела которые в писме употребления орфографии знающим граматическое художество ведомо требуют», а в канцелярии Синода только одна персона «отчасти знает правописание». Сохранившиеся подписки канцеляристов Синода также свидетельствуют о хорошем уровне орфографических навыков скорописного письма. Вряд ли случайно, что «знающим орфографию» подканцеляристом Синода становится присланный из Новгорода от Феодосия Яновского «певчий Стефан Иоаннов».

Таким образом, мы видим, что в глазах круга Феодосия Яновского графико-орфографическим эталоном было полное подобие печатного церковнославянского текста, при этом попытки внедрить его требовали обязательной опоры на грамматику — многие омонимы различались в грамматиках церковнославянского языка орфографически — с опорой на их грамматические характеристики.

Дело РГИА ф. 796. оп. 4. д. 440 показывает, что Феодосий Яновский делал попытку распространить «правильное грамматическое учение» славянскому и за пределы духовенства. 19 августа 1723 г. Феодосий Яновский подал доношение в Синод, в котором утверждал необходимость запретить «невеждам» обучение детей. В тексте подчеркивалась необходимость знания грамматики церковнославянского языка для правильного чтения и понимания основ-

ных текстов, которые представители духовенства должны были знать наизусть и которым необходимо было обучать детей: десятословия, молитвы господней, символа веры и 10 блаженств.

Во всех трех случаях усердное распространение грамматического подхода в обучении детей связано с деятельностью Феодосия Яновского. После 1725 г., когда Яновский попал в опалу и был заключен в крепость, никаких упоминаний о «грамматическом подходе» в обучении детей «славенскому» не встречается.

Таким образом, в деятельности Феодосия Яновского и его круга мы видим неудавшуюся попытку создания на базе церковнославянского некоего подобия престижного «корпоративного языка» духовенства, наделенного всеми внешними признаками «учености», т. е. собственно грамматическим подходом. Внедряемое таким образом «грамматическое» обучение церковнославянскому явным образом коррелировало с методом преподавания латыни, однако не могло быть успешным из-за нехватки учителей и грамматик — и главным образом из-за избыточности «грамматического подхода» применительно к обучению базовой грамотности: чтению и скорописному письму.

К истории функционирования церковной графики при издании литургических текстов

А. Г. Кравецкий

Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова (Россия)

*Церковнославянский язык, русский язык, гражданская и церковная печать,
богослужебные тексты.*

Summary. On the history of the church graphic art's functioning in the publication of liturgical texts. The report focuses on the history of publishing liturgical texts in civil, not Slavic font. It considers the first publications of this kind and analyses their causes.

1. Как известно, распределение сфер употребления церковной и гражданской печати установилось достаточно рано. В результате Петровской реформы за гражданскими литерами закрепились сфера государственного делопроизводства и светской литературы, а за церковной — сфера церковной письменности. А по мере формирования нового русского литературного языка и закрепления за этим языком гражданских литер противопоставление гражданских и церковных литер превращается в визуальную манифестацию противопоставления церковнославянского и русского языков.

2. В настоящее время достаточно широкое распространение имеют издания церковнославянских текстов, осуществленные гражданской печатью. Широкое распространение такой способ печатания получил во второй половине

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 15-04-12050.

XX века, когда Издательство Московской Патриархии по техническим причинам было вынуждено издавать гражданскими литерами не только молитвословы, но многотомные Служебные минеи. В постсоветское время издания церковнославянских текстов гражданской печатью приобрели большую популярность. Сейчас можно говорить об устойчивой традиции издания церковнославянских текстов гражданской печатью. Было бы интересно проследить истоки традиции издания церковнославянских текстов гражданскими литерами.

3. Для начала следует отметить, что, говоря о соотношении церковной и гражданской графики, мы обращаемся только к текстам, изданным типографски и вписанным в сферу государственного контроля над печатной продукцией. Вне нашего рассмотрения остается народная (лубочная) орфография, где церковная и гражданская кириллица не закреплены за определенными тематическими сферами. Лубочные листы скабрёзного содержания, ориентированные на церковную графику, были столь же обычным явлением, как библейские лубки, ориентированные на гражданский шрифт.

4. Говоря о разграничения сфер употребления церковной и гражданской печати, следует учитывать издания, появившиеся практически сразу после орфографической реформы Петра, в которых нарушается принцип выбора шрифта. Самая ранняя из таких публикаций относится уже к 1714 году. Речь идет о напечатанной гражданской печатью книге «Указ всем во флоте российском обретающимся... коим образом и в которое время по вся дни должны приносить Господу Богу молении». Это краткий молитвослов для матросов, содержащий утренние молитвы. Позже этот сборник переиздавался в разных вариантах, по крайней мере, до середины XVIII века.

5. Наиболее масштабный опыт издания богослужебных текстов гражданскими литерами был предпринят в 1765–1766 годах, когда увидели свет 52 брошюры, содержащие службы на двенадцатые праздники, службы пасхального цикла и избранным святым, в значительной части покровителям членов правящего дома. Судя по архивным документам, инициатором этого издания была Екатерина II. Любопытно, что книги выходили в двух вариантах — церковной печатью для «продажи в народ» и гражданской — для поднесения императрице.

6. Указанные выше опыты издания богослужебных текстов гражданскими литерами кажутся весьма показательными. В обоих случаях речь идет о той специфической ситуации, когда молитва является обязанностью перед государством. Не случайно в молитвослове для моряков содержатся молитвы, которые следует читать в строю, «когда пробьют зарю». Тоже самое можно сказать и об изданных гражданской печатью службах. Большая часть тиража этих изданий была поднесена императрице и ее сыну Павлу. И предназначались эти издания для церковных служб при дворе.

7. Таким образом, мы видим, что первые опыты издания богослужебных текстов гражданскими литерами были связаны с теми ситуациями, когда молитва оказывалась частью государственных обязанностей (один тип издания адресован военным, а другой — придворным). Широкого распространения эти опыты не получили. И лишь в последней четверти XIX века богослужебные тексты вновь начали печатать гражданским шрифтом, но уже с другой целью. Это уже чисто церковные издания, адресованные людям, привыкшим к гражданским литерам больше, чем к славянским.

«Книга глаголема буквы»: стратегия грамматического описания и принципы организации парадигм

Е. А. Кузьминова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*История славянской грамматической мысли, церковнославянский язык,
орфографическая норма, грамматическая норма.*

Summary. The report focuses on the handwritten grammar treatise of the beginning of XVII century which was created as a dictionary of difficulties of Church Slavonic language. Principles of organization of the paradigms were defined by a general strategy of grammar description aimed at identification of wordforms with different grammatical meaning.

Грамматический трактат «**Кни́га глаго́лема бу́квы гра^ммоти́чнаго оу́чѣнїа**» (далее КБ) 1622 г. (РГБ, ф. 299, № 336, л. 23–57 об.) [изд. Кузьминова 2002], содержащий расположенные в алфавитном порядке списки словоформ из канонических текстов, был призван служить «словарем трудностей» церковнославянского языка, справочником, к которому обращаются, чтобы проверить написание или употребление отдельных слов и форм. Цель своего труда автор видит в том, чтобы предупредить типичные ошибки, зафиксированные им в библейских и богослужебных текстах. Основным критерий отбора словарного материала задан в предисловии — объектом нормализации являются языковые единицы, «**по́ два же разѹма ѿмѹца**», т. е. те, которые могут отождествляться в языковом сознании и употребляться безразлично: «**ѿже мно́зѣ^м мнѹтсѧ ед^но бы́ти, ѿ не могѹци^м ра^зсѹдит^и, ѿко тыѧ вѣлїе ра^зтоѹнїе междѹ собо́ю ѿмѹт**» (л. 24). К «мнимо единым» единицам, требующим разграничения, в КБ отнесены омонимы и такие неомонимичные формы книжного языка, которые подвергались смешению под влиянием живого субстрата.

Для преодоления омонимии в КБ введен альтернативный способ реализации принципа антистиха, отличный от традиционного, восходящего к Константину Костенечскому и принятого в орфографических руководствах XVI–XVII вв. и грамматиках Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. По модели греческого алфавита в КБ предложено «двообразное» начертание всех гласных букв: **а** — **α**, **е** — **ε**, **и** — **И**, **ї** — **Ј**, **о** — **О** — **ω**, **ѹ** — **оу**, **ѹ** — **ѹ**, **ѹ** — **ѹ**, **ѹ** — **ѹ**, **ѹ** — **ѹ**. Первый вариант написания кодифицируется в позиции абсо-

лютного конца слова в формах единственного числа, второй — в формах двойственного и множественного [Кузьминова 2001]; [Кузьминова 2011]. В качестве дополнительного автор КБ прибегает к грамматическому способу снятия омонимии путем дистрибуции неомонимичных флексий. Так, с помощью распределения именных и адъективных флексий в КБ дифференцируются совпадающие формы прилагательных и причастий Р. // В. ед. ч. м. и с. р. (**чнста** — **чнстаго** 54 об.) и Т. ед. ч. // Д. мн. ч. м. и с. р. (**вбдренѡ оуѣмо** — **вбдрены людем** л. 27 об.). Помимо омонимичных образований объектом систематизации языкового материала в КБ являются специфически книжные формы, которые под влиянием живого языка могли восприниматься как тождественные варианты, что и обуславливало их смешение в текстах (И. // В. мн. ч. м. р. существительных и прилагательных и И. ед. ч. м. р. // И. ед. ч. ж. р. // И. мн. ч. м. р. кратких действительных причастий).

Если мы определяем общую стратегию КБ как стратегию дифференциации, то становятся понятными принципы организации приводимых наборов словоизменительных форм, которые ранее оценивались как «более чем странные» [Worth 1983: 56]. Создатель КБ не ставил перед собой задачу представить полный инвентарь единообразных парадигм. Словарное формообразовательное гнездо («парадигма») КБ включает только контрастирующие единицы, «**рѣзньство**» которых требуется продемонстрировать. В типичном случае это пара оппозиционных форм. Наиболее разветвленными в КБ являются формообразовательные гнезда действительных причастий. Так, ряд [1] **носѣце**, [2] **носѣцимъ**, [3] **носѣции**. [4] **носѣцие**. [5] **носѣща члѣка**. [6] **носѣщаѣ**. [7] **носѣцаго**. [8] **носѣщаѣ жена** (л. 41 об.) включает четыре пары оппозиций: **1 — 2** Т. ед. ч. // Д. мн. ч. м., с. р., **3 — 4** И. ед. ч. // И. мн. ч. м. р., **5 — 7** В. ед. ч. // Р. ед. ч. м., с. р., **6 — 8** В. мн. ч. м., ж. р. // И. ед. ч. ж. р., в трех из которых омонимы противопоставлены на грамматическом уровне **1 — 2**, **3 — 4**, **5 — 7**, в одной — на орфографическим **6 — 8**.

Стратегия дифференциации словоформ, наделенных разными грамматическими значениями, требовала однозначного определения этих значений. Создатель КБ прибегает к двум способам описания грамматической семантики. В одном случае это грамматическая дефиниция после словоформы или грамматическая помета, надписанная над словом киноварью. Особого внимания заслуживает второй, контекстуальный способ семантизации, при котором грамматическое значение и характер оппозиции отдельных форм определяется отсылкой к библейским или литургическим текстам, где эти формы встречаются. Так, пара омонимов М. ед. ч. // И. мн. ч. **вожди** — **вожди** сопровождается ссылками на **дѣла**, **ѣ** (Деяния Апостолов, зач. 2) и **ма**, **чѣ** (Мф., зач. 95), где представлены соответствующие формы: «**ѡ ѡдѣ, вѣвшемъ вожди ѣмшимъ ѡнѣа**» (Деян. 1:16); «**Вовди слѣпи, ѡцѣждаюци комары, велелѣды же пожираюци**» (Мф. 23:24). Таким образом, КБ отражает специфику языкового

сознания, которое оперирует выученным наизусть корпусом текстов, задающих образцы языковой правильности.

КБ можно рассматривать как памятник переходного этапа от текстологического подхода к грамматическому. Принципы отбора языкового материала КБ, его организация по грамматическим категориям, особенно важным для системы церковнославянского языка, дефинитивный способ описания грамматической семантики, введение элементов лингвистического словаря — грамматических помет, наконец, кодификация орфографических оппозиций и внедрение их в практику письма — все это отражает развитие грамматического подхода к книжному языку. Вместе с тем исходная целеустановка — предотвращение искажений канонического текста, использование контекстуального способа грамматической семантизации свидетельствуют о том, что представленная в КБ систематизация грамматических форм пока еще привязана к текстам.

Литература

- Кузьмина Е. А. Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия, 2001.
- Кузьмина Е. А. Грамматический сборник 1620-х гг. / Издание и исследование Е. А. Кузьминой. AION-SLAVISTICA. Annali dell' Instituto Univesitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell' Europa orientale. Sezione SLAVISTICA. Quaderno № 1. 2002.
- Кузьмина Е. А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5.
- Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895.
- Worth D. S. The Origins of Russian Grammar: Notes on the State of Russian Philology Before the Advent of Printed Grammars. Columbus: Slavica Publishers, Inc., 1983.

Концептуально-когнитивные и терминографические принципы конструирования богословских словарей в славянских странах

В. Г. Кульпина, В. А. Татаринов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Российское терминологическое общество — РоссТерм (Россия)

Терминография, лексикография, богословские словари, терминологический словарь, конструирование словаря.

Summary. The special principles of theological dictionaries compiling are considered. As very important from conceptual, cognitive, and terminographical point of view the following principles are named: the principle of monoconfessional dictionary, the principle of confessional tolerance, the principle of confirmity and variability of theological interpretation, the principle of differentiation of the Holy Scripture's vocabulary and theological texts' vocabulary, the principle of theological collocation of vocabulary.

В докладе речь пойдет о неразделимом и взаимодополняющем единстве концептуально-когнитивных и терминографических принципов формирования словника богословских словарей. Активизация исследовательской и конструирующей деятельности в сфере богословских словарей вызвана в первую оче-

редь свершившимся осознанием лингвотворящей сущности богословской лексики в составе национального языка и ее непреходящей значимости в формировании гуманитарного менталитета. Однако длительный лексикографический перерыв в изучении религиозно ориентированной лексики требует конкретизации некоторых принципов терминографической работы для целей адекватной стратификации вербального состава религиозного дискурса и его последующей фиксации в богословских словарях.

1. Идеальным и исходным принципом богословских словарей является принцип *моноконфессионального словаря* (см.: [Добрушина 2012]; [Добрушина, Польсков, Литвинцева, Хангиреев 2011]; [Добрушина, Польсков, Литвинцева, Хангиреев 2012a]; [Добрушина, Польсков, Литвинцева, Хангиреев 2012b]; [Колотовкин 2013]; [Fediukina 2014]), будь то толковый или переводной словарь. По мнению Е. В. Федюкиной, такой словарь вносит новизну в стилистическую стратификацию национального языка, так как фиксирует конфессиональный вариант языка, а не его стилистическую разновидность [Федюкина 2009].

2. Следующим принципом заявленного терминографического подхода может быть назван принцип *конфессиональной толерантности*. Большинство словарей (особенно многоязычных) являются поликонфессиональными (см., напр.: [Богословская антропология... 2013]; [Матвеев 2006]; [Плисов 2006]; [Плисов 2009]; [Татаринов, Лаврентьев, Мраморнов 2012]). Это обуславливается, в частности, тем, что принципиальное совмещение христоцентризма и конфессиональной толерантности в словаре является производной составляющей светской богословской лингводидактики. Профиль подготовки «Христианская теология, межконфессиональный диалог и межкультурная коммуникация» предусматривает изучение текстов на иностранных языках разных конфессий.

3. Принцип *сообразности и вариативности богословского толкования*. Имеется в виду, что тип толкования и его объем устанавливаются авторами словаря (как в переводных, так и в толковых словарях или их комбинациях — см. [Левицки 2002]).

4. Собственно терминографический принцип богословского словаря заключается в *дифференциации лексики Священного писания* (ставшей в большинстве своем общеупотребительной) (см.: [Николаюк 1998]) и *лексики текстов-интерпретантов*, т. е. собственно богословских текстов (начиная с трудов Отцов Церкви и заканчивая текстами современного научного богословия — см. [Иларион (Алфеев) 2008]). Иногда словари заполняются и обычными повседневными словами (напр.: *employee* ‘служащий’ — см.: [Матвеев 2006]), что трудно объяснить с точки зрения современной теории терминографии. Весьма неопределенным остается статус в религиозной лексике лексических классов религиозной тематики, количество которых довольно многочисленно (от названий церковной утвари — ср.: [Портянников 2001] — и выражений типа «Бог в помощь» [Александрова 1996] до названий религиозных сект — см.: [Алексеева

2011]). В родовом отношении религиозные номинации лексики применяются также непоследовательно: библейская, религиозная, церковная, теологическая, научно-богословская лексика (терминология) (ср.: [Николаюк 1998]; [Питев, Питева 2012]; [Плисов 2009]; [Татаринов, Лаврентьев, Мраморнов 2012]).

5. Принцип *богословской коллокации* религиозной лексики. Словосочетания в богословском тексте дифференцируют богословское миропонимание, поэтому смеем утверждать, что коллокационные пределы лексики богословия имеют большую протяженность, в том числе и конфессионализированные слова: *ein von der Sünde befreites erlöstes Leben* ‘свободная от греха спасенная жизнь’, *das unvergängliches Leben Gottes* ‘непреходящее бытие Бога’ и т. д. [Татаринов, Лаврентьев, Мраморнов 2012]. Благодаря вскрытой сочетаемости устанавливается разграничительная линия между общеупотребительной (возможно, библейской) и научно-богословской лексикой.

Таким образом, богословская лексикография, следуя общим принципам лексикографической работы, нарабатывает свои отраслевые принципы.

Литература

- Александрова Т. С. В помощь читающему христианскую литературу. Опыт краткого немецко-русского и русско-немецкого словаря. М.: Русские словари, 1996.
- Алексеева М. О. Терминология русского православия. М.: МБА, 2011.
- Богословская антропология: Русско-православный / римско-католический словарь. М.: Паломник; Никея, 2013.
- Добрушина Е. Р. Словарь христианской лексики: Состав словника // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2012. Вып. 3 (29). С. 105–113.
- Добрушина Е. Р., Польсков К., Литвинцева К. М., Хангиреев И. А. От «аббата» до «аналога»: Фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2011. Вып. 3 (25). С. 119–146.
- Добрушина Е. Р., Польсков К., Литвинцева К. М., Хангиреев И. А. От «анамнесиса» до «апокрифа»: Фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2012а. Вып. 2 (28). С. 103–118.
- Добрушина Е. Р., Польсков К., Литвинцева К. М., Хангиреев И. А. От «апостола» до «аутодафе»: Фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2012б. Вып. 3 (29). С. 114–133.
- Иларион (Алфеев). Православие. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. Т. 1.
- Колотовкин Н. И. Презентация православной лексики в общих и специальных словарях: на материале английского и русского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Левицки Р. Христианство: русско-польский словарь. Warszawa: Pax, 2002.
- Матвеев С. А. Англо-русский теологический словарь. Иудаизм — Христианство — Ислам. М.: АСТ; Восток — Запад, 2006.
- Николаюк Н. Г. Библейское слово в нашей речи. СПб.: Светлячок, 1998.
- Питев Б., Питева Д. Българско-английски речник на църковните термини. София: Покров Богородичен, 2012.
- Плисов Е. В. Конфессиональная дифференциация христианской лексики в толковом словаре // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. № 1. С. 43–54.
- Плисов Е. В. Словарь религиозной лексики современного немецкого языка. Нижний Новгород: НГЛУ, 2009.
- Портянников В. А. Немецко-русский и русско-немецкий словарь христианской лексики. Нижний Новгород: Изд-во Братства св. Александра Невского, 2001.
- Татаринов В. А., Лаврентьев А. В., Мраморнов А. И. Немецко-русский научно-богословский словарь. М.: Алетей, 2012.

Федюкина Е. В. Православная культура современной Польши. Автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 2009.

Fediukina H. Leksykon terminologii prawosławnej rosyjsko-polski. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2014.

Соотношение бернолаковщины и кодификации А. Бернолака

К. В. Лифанов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Бернолаковщина, кодификация А. Бернолака, норма, транскриптивный вариант, замена элементов.

Summary. In Slovak Studies it is accepted to identify A. Bernoláks' codification (1787) with the literary language, arising from this codification. Our research, however, showed that essential distinctions existed between the codification and the literary language. The codification was only a base on which was formed the norms of the literary language by a substantial narrowing of the number of codified forms.

Бернолаковщиной называют словацкий литературный язык, кодифицированный в 1787 г. католическим священником Антоном Бернолаком. В словакистике принято отождествлять данную кодификацию с самим литературным языком, считая, что А. Бернолак его не только кодифицировал, но и нормировал. Полагая, что нормирование представляет собой процесс, а не одномоментное действие, мы ставили перед собой задачу изучить реальное использование бернолаковщины на практике, выявить ее нормы и сопоставить с кодификацией. Объектом изучения стали тексты, написанные 16 авторами-бернолаковцами и представляющие собой практически полный жанровый состав бернолаковской литературы от важнейших бернолаковских текстов, каковыми являются перевод Священного Писания, осуществленный Ю. Палковичем, перевод поэмы Вергилия «Энеида», автором которого является один из крупнейших словацких поэтов Я. Голлый, «Травник» известного прозаика-бернолаковца Ю. Фандли, до менее значительных литературных произведений, таких, как драма «Кризант и Дария», переведенная М. Клишко, траурные стихотворения А. Шимко, а также обширная духовная католическая литература (проповеди, религиозные трактаты и т. п.) и литература практической направленности (руководства по выращиванию винограда А. Брестанского и Я. Бортницкого). Изученные тексты были изданы в 1790 — 1851 гг., т. е. охватывают практически весь период существования бернолаковщины (после выхода в 1852 г. анонимной «Краткой грамматики словацкого языка», ознаменовавшей собой языковое объединение католиков и протестантов, использование бернолаковщины прекращается).

Сопоставление кодификации А. Бернолака с языком бернолаковских текстов выявило существенные различия между ними, позволяющие утверждать, что в таком виде, как это представлено в кодификации, бернолаковский литературный язык, вероятно, кроме ранних текстов самого А. Бернолака, не существовал. При этом кодификация оказывается шире, нежели формирующаяся

норма литературного языка, поскольку включает в себя целый ряд элементов, которые представлены лишь в кодификации, но для бернолаковского литературного языка были нехарактерны. Основываясь на предшествующей письменной традиции, зародившейся в Западной Словакии и прежде всего в центре рекатолизации общевенгерского значения — городе Трнава, А. Бернолак в качестве базы литературного языка берет не ее основной, трнавский вариант, а периферийный северный среднесловацкий. Последствием этого становится широкая представленность в рассматриваемом идиоме среднесловацких особенностей, которые, однако, кодифицируются наряду с соответствующими западнословацкими, причем, как правило, в качестве дополнительных, допустимых, а не основных элементов. Именно эти элементы и не находят поддержки у других авторов и подвергаются замене соответствующими элементами западнословацкого происхождения. Часть таких элементов вообще не обнаруживается в текстах (лексемы и словоформы с дифтонгом *ge*, форма твор. падежа единственного числа типа *owcow*, форма предл. падежа единственного числа прилагательных мужского и среднего рода типа *peknot* и др.), часть исчезает из них с течением времени (мягкое *l'*, причастия на *-l* со вставным гласным *-o* типа *rékol* и др.). Не нашла отражения в бернолаковских текстах также «ложная» кодификация, которая не имеет опоры ни в одном из словацком диалекте, ни в предшествующей письменной традиции (унификация форм твор. падежа множественного числа существительных, которые имеют флексию *-ti* независимо от рода и финали основы или, напротив, различение форм вин. и твор. падежей единственного числа существительных женского рода *pekni* — *pekni* и т. д.). В связи с этим оказывается, что кодификация А. Бернолака частично является отражением сложившейся периферийной нормы и одновременно представляет собой исходную базу, на основе которой начинает складываться общенациональная норма литературного языка. Примечательно, что изменение характера нормы происходило в направлении классической формы письменного языка, представленной в трнавском центре.

«Грамматика словенская» Федора Максимова (1723 г.): учение о синтаксических связях и их компонентах

Ма Цзя-ин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Дидактическая грамматика, славяно-русская грамматическая традиция,
церковнославянский язык, синтаксис.*

Summary. This article is devoted to the study of one of the first Church Slavonic didactic grammars in Russia — «Grammatika Slovenska» published in 1723 by Fedor Maksimov. Particular attention is paid to the author's main concept of syntax.

В ранней славянской грамматической традиции XVI–XVII вв. специальная синтаксическая концепция (теория синтаксических связей, теория предло-

жения и его членов) разработана не была. В первых грамматиках церковнославянского языка синтаксический раздел либо отсутствует вообще, как например, в грамматике Лаврентия Зизания «Грамматика Словенска Съвершенна Искусства ѿсми частїи слова, ѿ ѿныхъ нѣдныхъ» (Вильно, 1596 г.), либо представляет собой краткое приложение к морфологии («Этимологїи»), повторяя ее композиционно и терминологически, как в грамматике Мелетия Смотрицкого «Грамматикѣ Славѣнскѣи правѣльное Сунтагма» (Евѣе, 1619 г.). В рукописных же грамматических руководствах этого времени термином *синтагма* обозначалась явления совершенно иные — графико-орфографические: либо совокупность всех надстрочных знаков, ср. «пишѣтъ ихъ въ вѣтвѣныхъ писанїихъ верхѣ вѣкѣ, а зоветсѣ верхняѣ силѣ, а по греческы синтаксисъ» (статья «Еще соуть ѿ ѿны воуквы» — цит. по [Ягич 1885–1895: 692]), либо знак соединения, т. е. переноса, который «оуказѣтъ соединѣти рѣчь раѣдѣленю на двѣ строки» («Начало книжѣ глѣмѣи грамматикѣ» [РГБ, ф. 299, ед. хр. 336, л. 94 об.], «Грамматичесство», «ѿ ѣже како просѣдѣа достоитъ писати ѿ глѣти») (см. [Кузьмина 2013: 318]).

Более продвинутый этап в синтаксических штудий в сравнении с тем уровнем, который был достигнут в славянской грамматической традиции XVI–XVII вв., отражен в учебной грамматике учителя новгородской «грекословенской» школы Федора Максимова «Грамматика славенская въ кратцѣ собранна въ Грекословенской школѣ, ꙗже въ великомѣ Новѣ градѣ при домѣ Архїерейскомъ» (СПб., 1723) (далее Г1723). Г1723 представляет собой негативную методическую реплику на «преждезданнѣю» грамматику Мелетия Смотрицкого, которая, по мнению Ф. Максимова, не отвечает базовому дидактическому принципу — принципу *доступности* [Щукин 2008: 230]: «дѣтемъ же во оученїи возмнѣа быти продолжителна, а разѣмѣ ѿ памѣти ихъ множества радѣи ѿтѣготителна» (с. 3).

Ф. Максимов первым в истории славянской грамматической традиции начинает разрабатывать теорию синтаксических связей. Специальный раздел своей грамматики он посвящает проблемам согласования — «ѿ согласїи» (с. 181–187), в котором регламентирует три типа связей: 1) прилагательного с существительным (*сѣществїтелнагѣ ѿменѣ съ прилагѣтельныѣ*); 2) «возносительного», т. е. относительного, местоимения *ѿже* с существительным (*возносїтелнагѣ со предѣдѣщимъ*); 3) подлежащего со сказуемым (*ѿменїтелнагѣ со глѣбломъ*). Детальное описание каждой синтаксической связи в Г1723 включает характеристику вступающих в соединение элементов, перечень признаков, по которым осуществляется согласование / координация, языковой пример и его анализ по указанным признакам.

Учение о согласовании, разработанное Федором Максимовым в Г1723, получило дальнейшее развитие в славяно-русской грамматической традиции — в рукописных грамматических трактатах 20-х гг. XVIII в. Федора Поликарпова

[Поликарпов 2002] и в учебно-методическом пособии «Грамматика беседословная» Ивана Иконника (1733 г.) [Кузьминова 2013].

Литература

- Кузьминова Е. А. «Грамматика беседословная» Ивана Иконника. 1733 г.: поиски синтаксической концепции // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол. М. Л. Ремнёва, Е. Л. Бархударова, А. И. Изотов, В. В. Красных, Ф. И. Панков. М.: МАСК Пресс, 2013. Вып. 47. С. 318–325.
- Поликарпов Федор. Технолоіа. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000.
- Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М., 2008.
- Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской страны о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 289–1023.

Поэтические вольности в произведениях Симеона Полоцкого

А. Ю. Михайленко

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Морфология, поэтический язык, история русского литературного языка, поэтические вольности.

Summary. The article discusses the dynamics of the poetic language development through use of grammatically incorrect forms, consciously employed by the authors to solve various versification challenges in poetic texts of different historical periods. The examples of “poetic licences”, found in Simeon Polotsky’s texts, were analyzed and classified.

Поэтические вольности — система версификационных вариантов, основанных на разных видах изменения слов, сознательно используемых авторами для решения различных задач стихосложения. Возникновение в XVII в. системы поэтических вольностей свидетельствует об изменении функции церковнославянского языка, начинающего обслуживать литературные тексты. В набор поэтических вольностей входят неравносложные лексические и грамматические варианты. В докладе на примере поэтических текстов Симеона Полоцкого проводится сопоставление системы поэтических вольностей, зафиксированной в «Грамматике» (1619) Мелетия Смотрицкого (параграф «О страстях речений») и существующей поэтической практики. Так, например, в текстах Симеона Полоцкого встречаются неравносложные грамматические варианты: инфинитив на *-ти / -ть* (Паче же молюся аз на ня ко Богу, да зло еже / любят казнить по премногу), формы 2-го л. ед. ч. наст. вр. на *-ши / -шь* (Его же ради духом днесь играеш, / Сим землю, море, аер *исполняеш*), рассматриваемые грамматикой как пример «убавления» слога.

Литература

- Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
- Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

- Запольская Н. Н. Грамматика и субграмматика славянских литературных языков (XVI—XVIII вв.): Теория и история норм // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Доклады Российской делегации. М., 2008. С. 199–224.
- Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее новое время / Рос. Акад. Наук; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Учреждение Рос. акад. наук. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2012.

Метафора состязаний как представление о жизни во Христе в переводной древнеславянской книжности

Н. Г. Николаева

Казанский государственный медицинский университет (Россия)

*Древнеславянский язык, переводные богословские памятники, славянские Ареопагитики,
А. М. Курбский, метафора, символ.*

Summary. The paper describes the features of development and functioning of the metaphor of competition as the Christian life in the Old Slavonic literature. It shows how the realities of ancient sports competitions become a symbol of spiritual feats.

Во втором Послании к Тимофею (2 Тим 2: 4–6) апостол Павел последовательно сравнивает христианина с воином, атлетом и земледельцем. Если первая метафора выросла в христианскую культуру (как на Востоке, так и на Западе — ср. понятие *miles Dei*), последняя не столь распространена, но кажется так же вполне логичной, то сравнение христианина с атлетом не получило распространения и остается достаточно уникальным, хотя оно оставило свой след в святоотеческой литературе, гимнографии и своеобразным образом преломилось в славянских переводах богословских сочинений.

Эту метафору развивает в своих трактатах христианский философ, скрывшийся под именем Дионисия Ареопагита. Это неслучайно: он как будто бы продолжает мысль апостола Павла, учеником которого был исторический Дионисий из Афин, и тем самым придает большее правдоподобие своей литературной мистификации. Так, в сочинении «О церковной иерархии» представлена развернутая метафора, суть которой в следующем: Христос представлен как учредитель состязаний и их правил, за соблюдение которых победитель удостоивается награды, при этом сам Христос споборствует в этих состязаниях их участникам, ведя их к победе.

Переводчик на славянский очевидно затрудняется в передаче «спортивной» терминологии: *ῥηθῆτης* ‘распорядитель и судья на состязаниях’ переводится как *подвигоположник*¹, *ῥηθῆσι* ‘судейство на состязаниях’ как *подвигоположение*, *ῥητής* ‘состязатель’ как *страдалец*, *ῥών* ‘состязание, борь-

¹ Слова даются в упрощенной графике. Примеры приводятся по рукописи ГИМ, Увар. собр. 264, лл. 205об — 206.

ба' как *подвигъ*. Из такого перевода не совсем ясно, насколько славянский переводчик воспринимает метафору состязаний: слав. *страдалецъ* может обозначать и 'борец', и 'мученик', *подвигъ* — и 'подвиг, трудное дело', и 'борьба'. Вероятнее всего, метафора борьбы остается, но детализация спортивного состязания не сохраняется.

Обычай увенчивать победителя спортивных соревнований венком присутствует и в метафорике награды истинных христиан, заслуживших ее праведностью жизни (кроме 2 Тим 2: 5, о венце жизни говорится в Иак. 1: 12 и в Откр. 2: 10, о венце правды — в 2 Тим. 4: 7–8, о венце славы — в 1 Пет. 5: 4). Но если состязатели в представлении славянских книжников прежде всего *страдальцы*, то и венец их должен быть мученический.

В обширном гимнографическом наследии именованного святого победителем нередко: *победы венцы носяще* — распространенная формула обращения к святым мученикам (например: *Господи! помяни убиенных союзников моих, во царствии Твоем. / С ними же ныне победы венец носяще, / восхваляет Господа, Дивнаго во святых своих, / в земле нашей славно просиявших* (Из службы священномученику Онуфрию)). Иногда формула сжимается в одно слово, ср.: *Благодати тезоименитый Крестителю Господень и тою обогатився, победоносец преславный показался еси: победил бо еси враги и всякую злобу и великое служение твое мученическим подвигом запечатлел еси* (из акафиста Иоанну Крестителю). Из примеров видно, что *победоносец* не является контекстуальным синонимом слову *мученик* — это дополнительный предикат святого. Однако отождествление этих понятий, по всей видимости, произошло достаточно рано.

Так, например, одна особенность перевода другого богословского сочинения — «Богословия» Иоанна Дамаскина — князем А. М. Курбским заключалась в том, что слову *martyr* 'мученик' князь подбирал разные эквиваленты, из которых *мученикъ* было не самым частотным. Это слово чаще переводится им как *побѣдоносець* (например, л. 61об.) или *почестоносець* (например, л. 137). Причем первый вариант употребляется им и в непереводной части памятника (предисловии)¹. Это говорит о том, что в языковом узусе Курбского слово *побѣдоносець* использовалось в значении 'мученик'.

Интересно, что в исторических словарях славянского и русского языка (начиная с «Лексикона треязычного» Ф. Поликарпова и до современной лексикографии) это слово приводится только в прямом значении *viktrfóros*, *victor*. Словари не фиксируют семантическую тождественность этого слова слову *мученик*. Необычное значение слова *побѣдоносець* 'несчастный человек' фиксирует Словарь русского языка XI–XVII в малоизвестных памятниках XVII века [СлРЯ XI–XVII, вып. 15: 122]. *Победа*, просматриваемая в прозрачной внут-

¹ Текст перевода приводится по [Besters-Dilger 1995].

ренной форме слова, в некоторых русских диалектах имеет значение ‘беда, несчастье’ [СРНГ, т. 27: 189]. То есть одновременно в именовании мучеников победоносцами могли актуализироваться и их победа в Христовом состязании и претерпевание ими земных страданий, выпавших на их долю: (т. е. *побѣдоносець* — все тот же страдалец, как и говорится в славянских Ареопagitиках).

Другой перевод — *почестоносець* — продолжает логику обозначения вознагражденного подвижника. В исторических словарях это слово не фиксируется. Мы его встретили в более позднем, чем перевод Курбского, памятнике — Хронографе 1617 г. (*И тако молитвами святаго новаго почестоносца Христова Димитрия такоу побѣду на сопротивныя дарова Богъ, яко ни единому от благочестиваго воинства убиену быти*). Сам Курбский (или его соратники) ощущает потребность это слово объяснить и на полях глоссирует: *мученики*¹.

Таковы некоторые проявления в церковнославянских переводных памятниках разной хронологии малоразвернутой метафоры спортивных состязаний, истоки которой мы находим в книгах Нового Завета. Объединяет их общий процесс возведения реалий древних спортивных состязаний в символы духовных подвигов.

Литература

- Словарь русских народных говоров. 1–48. Л. (СПб.): Наука, 1965–2015 (СРНГ).
 Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30. М.: Наука, 1975–2015 (СлРЯ XI–XVII).
 Besters-Dilger J. (Hrsg.). Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583). Freiburg i. Br.: Weiher, 1995. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes. Tom. XXXV).

К вопросу о южнославянских источниках евангельского текста Острожской Библии

А. С. Новикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Библия, Евангелие, церковнославянский язык, редакция, книжная школа.

Summary. The article hypothesizes the origination of Evangelic text of the Ostrog Bible and its language features.

Первая печатная на Руси и третья у славян Острожская Библия (1580–1581 гг.) является важнейшим звеном в развитии славянского перевода Библии и восточнославянской письменной культуры. Она в значительной степени предопределила формирование церковнославянского языка русского извода и оказала заметное влияние на формирование русского литературного языка. В основу первого печатного церковнославянского текста Библии лег рукописный список Геннадиевской Библии, присланный царем Иваном Грозным князю К. К. Острожскому. Евангелие в составе Острожской Библии представлено в закрепившемся в науке названии четвертой редакции по Г. А. Воскресенско-

¹ По рукописи ГИМ, Хлуд. 60, л. 138.

му. Эту редакцию давно уже пора именовать афоно-тырновской. Ее текст формировался в течение длительного времени, кодификация которого происходила на Афоне в первой половине XIV в. и затем в Тырновской книжной школе.

Острожская Библия хорошо изучена со стороны книговедческой и искусствоведческой, но лингвотекстологическое исследование ее языка (и в частности Евангелия) изучено мало. Определенный вклад в описание языковых особенностей евангельского текста Острожской Библии в сравнении с текстом рукописной Геннадиевской Библии внесен Хан Чжи Хен в кандидатской диссертации «Острожская Библия 1581 г.: направления книжной sprawy новозаветных книг». В работе выявлены основные направления sprawy, осуществленной острожскими книжниками на графико-орфографическом и частично грамматическом уровнях, но совсем не затронут вопрос о южнославянских источниках евангельского текста этих Библий.

Болгарский славист Диана Иванова на основе сравнительно-сопоставительного изучения ряда чтений в евангельском тексте Геннадиевской Библии и печатном среднеболгарском четвероевангелии 1512 г. Тырновской книжной школы (Търговишкото Евангелие), указывает на общий текстологический характер этих памятников славянской книжности и на близость его к Острожской Библии [Иванова 2007].

На основании проведенного нами лингвотекстологического анализа фрагмента евангельского текста притчи «О милосердном самарянине» (Лк. X, 30–37) на материале трех Библий (Острожской (ОБ), Геннадиевской (ГБ), Елизаветинской (ЕБ)) и десяти евангельских кодексов разных редакций и изводов (Асс., Ват. пал., Савв., Мар., Зогр., Остр., Мст., Чуд., рук. № 1139 НБКМ, № 1140 НБКМ)¹ были выявлены разночтения в области графико-орфографической и грамматической языковых систем, которые позволяют проследить историю развития первоначального кирилло-мефодиевского перевода Евангелия.

Особенности графико-орфографической системы четвероевангелия Острожской Библии

По сравнению с Геннадиевской Библией правописание в Острожской Библии более нормативно. Сфера исправлений, внесенных в текст издателями Острожской Библии, определялась особенностями правописания не только четвероевангелия Геннадиевской Библии, но и какого-то южнославянского списка, известного издателям. Этим объясняется избирательная позиция книжников по отношению к южнославянизмам и вариативность дублетных букв. В графико-орфографической системе ОБ прослеживается влияние норм правописания, принятых в Тырновской книжной школе. Так, для обозначения согласного (t) в тексте изучаемого отрывка употребляются три графемы: обычное Т, т —

¹ Две последние рукописи хранятся в Софии в библиотеке Софийского университета имени Кирилла и Мефодия.

Харалампиев И. Езиково-правописната реформа на Евтимий Търновски и нейните кратици // Св. Евтимий, патриарх Търновски и неговата духовна мисия в Европа. Велико Търново, 2007.

**Кодификаторские решения
в первых сербских грамматиках церковнославянского языка:
русский и западноевропейский контекст XVIII в.**

М. Г. Обижаева

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Церковнославянский язык, сербский литературный язык, грамматика, кодификация.

Summary. The report focuses on the genesis of codification strategies in Serbian (Church) Slavonic grammar-books as a mandatory tutorial grammar of native language on Habsburg Monarchy territory. Both grammar books — by Stephan Vuianovsky (remained in manuscript) and by Avram Mrazovich — were made on the basis of “Anleitung zur deutschen Sprachlehre” by Johann Ignaz von Felbiger and Russian grammar-books by Smotitsky. During the last third of the 18th century both grammars defined Serbian Literary Standards.

Доклад посвящен генезису кодификаторских стратегий в сербских грамматиках (церковно)славянского языка, созданных на территории Габсбургской монархии в качестве грамматик «родного, простого» языка.

В центре внимания — два императивных сочинения, в обязательном порядке употреблявшихся при подготовке школьных учителей для сербских школ, как минимум, в последнее двадцатилетие XVIII — начале XIX века: «Руководство къ славенстѣй грамматикѣ во употребленіе народныхъ училищъ. Въ кесаро-кравлевскихъ державахъ; списано Стефаномъ Вуяновскимъ Наукъ управителемъ...» (до 1785) и «Руководство къ славенской грамматикѣ во употребленіе славено-сербскихъ народныхъ училищъ издано трудомъ Авраама Мразовича...» (Вена, 1794).

Первая грамматика — грамматика Вуяновского — осталась неизданной, тиражировалась путем переписывания. На основании архивных данных я считаю, что она была составлена между 1777 и 1785 г. Долгое время она считалась несохранившейся. К началу XX века были известны три ее списка, теперь же нами был обнаружен лишь один — рукопись под шифром PP II 45 (PP 209–352 D2), инв. № 48. 272 — в собрании Библиотеки Матицы сербской (Нови-Сад, Сербия). Палеографические характеристики этой рукописи позволяют отнести ее к первой половине 80-х годов XVIII века. С высокой вероятностью можно утверждать, что список был составлен в учительском кружке прот. Василия Крстича в г. Рума.

Вторая грамматика — грамматика Мразовича — переиздавалась неоднократно, причем до своего первого издания в 1794 г. в Вене, по утверждению автора, она использовалась им на учительских курсах в течение 20 лет; она же легла в основу «Писменицы србскога иезика по говору простога народа» (Вена, 1814) Вука Караджича. Исследователи, обращавшиеся к грамматике Мразовича, находили, что ее автор обращался к Грамматике Смотрицкого, однако «в значительной степени «Руководство къ славенской грамматикѣ является ори-

гинальным произведением» [Хрущёва 2003: 125]. Однако единственное ее сравнение с грамматикой Вуяновского мы нашли в подготовительных материалах для конференции о родном языке, которая состоялась при дворе духовного главы сербов в Габсбургской монархии, митр. Стефана (Стратимировича): Аврам Мразович при приеме учителей на службу устраивает экзамен, и если оказывается, что кандидат не по его грамматике обучался, то в месте отказывает¹.

Наше исследование показало, что обе грамматики были составлены в рамках крупнейшей европейской школьной реформы, проводившейся среди всех народов Габсбургской империи во время правления Марии-Терезии и Иосифа II, подразумевавший введение т. н. Саганской системы и использование обязательного списка учебников в переводе на «народный» язык. Таким образом, в основу обеих грамматик был положен труд идейного вдохновителя Саганской системы аббата Фельбигера — Johann Ignaz von Felbiger «Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Zum Gebrauche der deutschen Schulen in den Kaiserlichen königlichen Staaten» (Wien, 1779). Безусловно, что оба автора — и Стефан Вуяновский, и Аврам Мразович — обращались к Грамматике Смотрицкого-Ненадовича (Рымник, 1755), а также иным грамматическим сочинениям русского происхождения. В докладе будет представлено, как и почему подвергались переосмыслению те или иные кодификаторские решения предшественников.

Изучение этой единственной в своем роде кодификаторской практики позволяет найти закономерности в адаптации церковнославянского языка для нужд разноликого литературного языка сербов в эпоху, предшествовавшую реформе Вука Караджича, показать не только русские (как многие годы считалось), но и западноевропейские аспекты в изложении грамматического материала, служившего языковым образцом для сербской элиты в течение, как минимум, трех десятилетий.

Литература

Хрущёва А. А. К изучению своеобразия церковнославянского языка русской редакции у сербов («Руководство къ славенстѣй грамматицѣ» Аврама Мразовича) // Славянский вестник. М.: Изд-во МГУ, 2003. Вып. 1.

Соотношение между причастием в краткой формой и предикативом Й. Онда

Токийский университет иностранных языков (Япония)

Старославянский язык, причастие, деепричастие.

Summary. In OCS, participles have the distinction between the short and long forms. Past studies tended to associate them with the expression of definiteness. However, considering the diverse usage of participles, definiteness by itself will not provide a sufficient explanation. The author hypothesized

¹ Архив САНУ в Сремски-Карловци, А, 1793.

that participles in predicative usage take the short form, and confirmed this theory by presenting through parallel texts examples where the participles and predicative verbs appear concurrently.

У причастий в старославянском языке различают краткую и полную формы, как и у прилагательных. Известно, что это противопоставление прилагательных связано с понятиями определенности и неопределенности; краткая форма прилагательных означает неопределенность, а полная форма — определенность [Lunt 2001: 142]. Это различие можно связать с тем этимологическим фактом, что полная форма происходит от сочетания краткой формы и указательного местоимения *i. Однако между причастиями и прилагательными существует синтаксическое отличие, поэтому противопоставление краткой и полной форм прилагательных, т. е. определенности и неопределенности не применимо в полной степени к причастиям.

Причастия можно разделить по синтаксическим функциям следующим образом: 1) выступающие определением к именам существительным, 2) обозначающие второстепенные действия, которые сопровождают действия, выраженные глагольными предикативами, 3) являющиеся дополнением с переходными глаголами, 4) формирующие причастные обороты (дательный самостоятельный, dative absolute). 5) не выступающие в роли определения к именам существительным, а проявляющие функции самостоятельного имени существительного.

В предыдущих исследованиях уже отмечалось, что причастия, означающие второстепенные действия, появляются в краткой форме [Иванова 1977: 160]. Однако все еще остается неясным различие между функциями причастий в качестве определений и второстепенных членов предложения.

В своей работе мы изучали сходные примеры причастий, сравнивая тексты Евангелия из четырех рукописей; Мариинского, Зографского, Ассеманиева и Саввиной книги.

В результате исследований мы хотели показать конкретные примеры того, что причастия прошедшего времени проявляют сходство с глаголами прошедшего времени (аорист). Факт функциональной схожести краткой формы причастия с предикативом не противоречит тому, что краткая форма причастия в старославянском языке соответствует деепричастиям в современном русском языке.

Литература

- Иванова Т. А. Старославянски язык. М., 1977.
 Хабургаев Г. А. Старославянски язык. М., 1977.
 Lunt H. G. Old Church Slavonic Grammar. Berlin; New York, 2001.

«Wówczas to oboje spojrzeliśmy wstecz»: библейская ситуация в художественном тексте

Н. М. Орлова

Саратовский государственный университет (Россия)

Библия, художественная литература, прецедентная ситуация, концепт.

Summary. The article considers the questions connected with the Bible text as a precedent phenomenon in European and Slavic literature and culture. The Old Testament situation of “Lot’s wife” and its key concepts are taken as an example.

Библейские прецедентные ситуации и вся концептосфера Библии являются мощным текстообразующим средством, а Библию как важнейший компонент мирового литературного канона отличает культурный универсализм, что находит выражение на языковом уровне и в общей концептуальной значимости библейских ситуаций.

Для прецедентной ситуации (ПС) «Гибель Содома [и Гоморры]» наиболее значимым представляется концепт ‘содом’, имеющий достаточно сложную смысловую структуру и подвергшийся значительной семантической эволюции в процессе функционирования в русской языковой картине мира. Так, несмотря на то, что многие библейские концепты имеют в европейских языках изначально общий статус, в восточнославянских языках на первом месте среди лексических значений находится ‘шум, беспорядок, суматоха’. Этот семантический процесс не затронул западноевропейские языки, включая западнославянские. Концепт ‘содом’ сохранил более четкую связь с генерировавшей его библейской прецедентной ситуацией, поэтому в толковании значения номинанта актуализирована сема ‘грех, греховность’, ср. в польском *Sodoma i Gomora* — ‘siedlisko występku, gniazdo rozpusty, niemoralności, grzechu, bezbożności’. В поэтическом тексте К. И. Галчинского *jeden z Sodomy i Gomory* (один из Содома и Гоморры, один из содомлян) — ‘грешный, слабый человек’ («Notatki z nieudanych rekolekcji paryskich»).

Дальнейший анализ когнитивной структуры библейской ситуации выявил наличие в ней нескольких основных и наиболее значимых для нее когнитивных линий и, соответственно, несколько пересекающихся концептосфер, служащих для ее (‘ангелы’, ‘грех’, ‘пожар’, ‘непослушание’ — последняя относится к субситуации «Жена Лота»). Субститутотом концепта ‘жена Лота’ служит «соляной столп» — многомерный образ, вбирающий в себя смысловые кванты ‘неподвижность’, ‘непослушание’, ‘грех’. Ср. в рассказе Анны Бердичевской «Соляной столп», эксплицирующем в качестве основного текстообразующего смысла концепт ‘грех’ (прелюбодеяние героини / «содомский» грех героя).

В XX веке европейская словесность при обращении к ситуации «Жена Лота» делает акцент на выяснении причин непослушания библейской героини. В ряде текстов в качестве этой причины указывается любовь к родному городу, нежелание его оставить и — напротив — желание сохранить его (Содом) в памяти, что способствует выработке в сознании авторов и интерпретаторов текстовой информации новой когнитивной линии «память». Весьма существенно, что при этом в смысловой структуре концепта ‘Содом’ проявляются положительные коннотации.

Концептуальный признак ‘непослушание’, который может быть рассмотрен также как самостоятельный концепт, объективированный в языке и чрезвычайно важный для религиозного дискурса, эксплицируется в библейском тексте в предельно лаконично описанной прецедентной ситуации «Жена Лота»: *Когда же вывели их вон из города, то один из них сказал: спасай жизнь твою; не оглядывайся назад; и нигде не останавливайся на равнине сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть... Жена же Лотова оглянулась назад, и обратилась в соляной столп.* В общезыковом употреблении устойчивое сочетание *жена Лота* ассоциируется с неподвижностью, «окаменением» от неожиданности или ужаса. Поступок жены Лота в тексте Библии никак не мотивируется, что дает пищу для самых различных, в том числе опозитированных толкований причин послушания. Достаточно вспомнить известное стихотворение Анны Ахматовой «Лотова жена» (1924 г.): *Не поздно, ты можешь еще посмотреть На красные башни родного Содома, На площадь, где пела, на двор, где пряла, На окна пустые высокого дома, Где милому мужу детей родила.* И далее: *Лишь сердце мое никогда не забудет Отдавшую жизнь за единственный взгляд.*

Ослушание жены Лота как экспликация концепта ‘память’ в той или иной степени вербализуется в современной поэзии, связанной с темой эмиграции, — как *память-ностальгия*.

Современный автор (интерпретатор) текста, строящий свое поведение на сознательном или неосознанном непослушании высшим силам, не осознающий такое непослушание как грех, сочувствует Лотовой жене и часто задается традиционным вопросом: была ли жена Лота наказана соразмерно своей вине и в чем состояла эта вина? Такое восприятие прецедентной ситуации претекста Библии присуще не только русской литературе. В исследовании Эвы Яскулы «Kto to był?» *Żona Lota w poezji XX wieku, czyli rozbijanie stereotypu* (Katowice, 2006) рассмотрены ее художественные интерпретации в творчестве известных поэтов. Проведенный нами анализ показал, что текст Виславы Шимборской «Жена Лота» («*Obejrzałam się podobno z ciekawości...*») весь соткан из перечисления возможных причин, вынудивших библейскую героиню оглянуться, в том числе абсолютно случайных: *Obejrzałam się bez własnej woli. Tylko głaz obrócił się, warcząc pode mną. Szczelina raptownie odcięła mi drogę. Na brzegu dreptał chomik wspięty na dwóch łapkach. Wówczas to oboje spojrzeliśmy wstecz.*

У Юзефа Лободовского причины, заставившие библейскую героиню оглянуться, обозначены в русле традиции XX века: актуализируются концепты ‘память’, ‘любовь’ (к городу и дому) и т. п.; она «застыла в прекраснейший памятник любви» (*Zastygła w najpiękniejszy pomnik miłości*) к родине, к родному Содому. Смерть, которая была ценой за «последний взгляд» женщины, по-

эт также признает «прекрасной»: *Módlcie się o śmierć równie piękną, / śmierć / za cenę ostatniego spojrzenia.*

Среди поистине неисчислимого количества обращений к сюжету в русской филологической традиции особое место занимает цикл Инны Лиснянской «В пригороде Содомы», где также ставится вопрос о вине жены Лота. Концепт ‘непослушание’ в библейском понимании (как грех) в этом поэтическом дискурсе находит очень слабую экспликацию: все, что связано с прецедентной ситуацией «Жена Лота», вербализовано в концептополе ‘память’. *Оглянувшись в прошлое, можно окаменеть, Как случилось совсем недавно с женою Лота <...>.*

Таким образом, можно утверждать, что основной вектор смысловой динамики рассматриваемого сюжета, при сохранении традиционных концептов (*грех, непослушание, наказание*), направлен на актуализацию смыслов, связанных с концептом ‘память’.

Перевод с нескольких разноязычных оригиналов как особый тип библейского текста в поздней восточнославянской традиции

Т. В. Пентковская, Н. К. Котова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Библейские переводы, поздняя восточнославянская традиция, Пересопницкое Евангелие,
Новый Завет Епифания Славинецкого.*

Summary. The paper examines two East Slavonic translations of the New Testament of the 16th — 17th centuries made from several originals on the different languages. Appeal to the different biblical traditions (both classical and modern), the development of a new conceptual and critical apparatus in the field of traditional Church Slavonic repertoire is one of the signs of transition of literature from the Middle Ages to modern times.

1. Практика обращения к нескольким источникам при переводе библейского текста известна с глубокой древности. Так, Ориген впервые сопоставляет между собой еврейский текст Библии с несколькими греческими переводами. Результатом этого сопоставления является Гексапла, которая представляет собой текст книг Ветхого Завета, записанный в шесть столбцов: еврейский неогласованный, греческая транскрипция еврейского текста, перевод Акилы Понтийского, перевод Симмаха, Септуагинта, перевод Феодотиона. При этом текст Септуагинты Ориген сопровождает специальными знаками. Так создается критический аппарат к греческому переводу Библии, в котором помечаются источник (в том числе его наличие или отсутствие) варианта Септуагинты.

2. Гексаплой пользовался блж. Иероним при создании ветхозаветной части Вульгаты. В частности, первая версия перевода Псалтири Иеронима была сделана с Септуагинты. Позже Иероним переводит Ветхий Завет с библейского иврита, однако он продолжал сверять еврейский и греческий тексты, по-

скольку в некоторых местах варианты Иеронима зависимы от греческого, а не еврейского текста (при этом чтения Вульгаты зависимы от разных греческих ревизий) [Юнгер 2003: 287–289].

3. К нескольким оригиналам — латинскому, греческому и еврейскому обращались в позднее время польские переводчики Библии и Нового Завета, принадлежащие различным конфессиям, в чем проявлялось влияние ренессансной критики библейского текста [Kossowska 1968–1969].

4. В поздней восточнославянской традиции можно выделить несколько вариантов взаимодействия разноязычных источников при переводе новозаветного текста.

4.1. При переводе основного текста осуществляется сверка с несколькими оригиналами, принадлежащими к разным традициям (каждая на своем языке). Это, например, созданное на Волыни в 1556–1561 гг. Пересопницкое Евангелие, представляющее собой перевод на простую мову с вкраплениями церковнославянского языка. Главным источником, вероятно, был церковнославянский текст афонской редакции, однако текст на всем своем протяжении сверялся еще с польскими и чешскими переводами Нового Завета. Степень интенсивности этой сверки неодинакова на различных участках текста, однако во многих случаях она была довольно значительной. Результатом такой практики является весьма неоднородный язык, содержащий, с одной стороны, западнославянские элементы, а с другой — церковнославянские, например: 1:14 *и слово плоть стало сѣ есть и мешканѣ в на(с) собѣ оучинило и видѣли есмо славою его славою яко единороднаго сѣща*.

Аналогом такой переводческой практики служит одновременное обращение к нескольким оригиналам при так называемой контролируемой традиции, когда при тиражировании новозаветного текста используется несколько антиграфов для установления «правильных» чтений и повышения уровня стабильности текста [Алексеев 1999].

4.2. Основной текст и дополнительные тексты, составляющие сложное, иерархически устроенное единство, переводятся с разных источников, относящихся к разным традициям и написанных на разных языках. Таков перевод Нового Завета, выполненный в конце XVII в. коллективом московских книжников — справщиков Московского Печатного двора под руководством выходца из Юго-Западной Руси Епифания Славинецкого и его ученика Евфимия Чудовского (НЗЕ). Основной текст НЗЕ был переведен с греческого языка, причем сам греческий текст представлен в рукописях перевода ГИМ, Син. 472 и 473, являющихся диглоттами. Система помет, имеющаяся в двух этих источниках, однако, показывает, что в отдельных случаях текст сверялся с Вульгатой и польским Новым Заветом в переводе Якоба Вуйка 1593 г. (НЗВ) [Пентковская 2016].

В Син. 472 имеется несколько дополнительных текстов, относящихся к различным частям Нового Завета, которые были введены в эту рукопись по образцу польских изданий новозаветного текста и, по замыслу переводчиков, являлись неотъемлемой принадлежностью полноценного критического библейского издания.

Прежде всего, это так называемые аргументы к главам Евангелия и Апостола [Пентковская 2016]. Кроме того, это находящаяся после Деяний особая таблица, содержащая два текста: 1) собрание Деяний св. апостола Петра (л. 285) — НЗВ Summá Dzieciow Piotrá S. Apostoła (л. 510); 2) собрание Деяний св. апостола Павла (л. 285) — НЗВ 1593 Summá Dzieciow Páwła S. Apostoła (л. 512). Кроме того, это таблица-конкорданс евангельской истории, имеющая более сложный генезис: основным источником является составленная Симеоном Полоцким евангельская гармония, восходящая к сочинению Г. Меркатора [Исаченко 2015: 166], дополнительными — аналогичные гармонии польских изданий Нового Завета (ср. НЗВ Summá y porzadek historyey Ewangeliey, л. 33), Библия 1663 г. и основной текст НЗЕ.

Обращение сразу к нескольким библейским традициям, как к классическим (греческой и латинской), так и к современным, разработка нового понятийного и критического аппарата в сфере традиционного церковнославянского репертуара является одним из признаков перехода книжности от Средневековья к Новому времени (XVI–XVII вв.) [ср. Алексеев 2013: 55]. И если для западнорусской практики одновременное обращение к церковнославянской и западнославянской традиции представляло собой обычное состояние дел и было обусловлено культурно-лингвистической ситуацией (ср. также польские переводы Нового Завета М. Чеховича и Я. Вуйка, которые учитывали обращение к ним православных читателей), то для Московской Руси совмещение разных конфессиональных и языковых практик в рамках одного текста являлось новаторским шагом, вызвавшим неоднозначное восприятие НЗЕ в книжной среде.

Литература

- Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Алексеев А. А. Библия и типология литературных языков // А. А. Алексеев. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 43–55.
- Исаченко Т. А. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М.: Азбуковник, 2015.
- Пентковская Т. В. Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (в печати).
- Юнгеров П. А. Введение в Ветхий Завет. Кн. 1. М., 2003.
- Kossowska M. Biblia w języku polskim. T. I–II. Warszawa, 1968–1969.

Настоящее историческое в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на примере Евангелия от Марка)

Е. В. Федорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Переводы с греческого, толковая редакция, настоящее историческое.

Summary. The present paper is devoted to the problem of the translation of praesens historicum in the Gospel of Mark with commentaries by Theophylact of Bulgaria

Употребление презенса в значении прошедшего времени достаточно часто для греческого текста Евангелия. Так, например, глагол $\epsilon\rho\sigma\mu\alpha\iota$ выступает в качестве praesens historicum в Евангелии от Марка 24 раза¹ (это формы 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр.: $\epsilon\rho\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ (11 раз) и $\epsilon\rho\sigma\alpha\iota$ (13 раз), а глагол говорения $\lambda\epsilon\gamma\omega$, вводящий прямую речь в форме настоящего исторического, только в 3 л. ед. ч. встречается 58 раз. Однако в старославянских памятниках зафиксировано лишь несколько случаев употребления настоящего исторического в Мариинском, Ассеманиевом, Зографском и Остромировом Евангелиях [Бондарко 2005: 569]; более частотна данная форма для Супрасльского сборника — там отмечается 28 случаев употребления praesens historicum [Дограмаджиева 1966: 122-128]. Более поздние переводные тексты к. XI — XII вв. также исчерпываются единичными случаями употребления настоящего исторического: так, в восточнославянском переводе к. XI в. Житии Василия Нового греческие формы praesens historicum в большинстве случаев передаются формами аориста, лишь изредка калькируясь в тех случаях, когда они вводят прямую речь [Уржа, Пентковская 2013: 174].

В более поздней славянской переводческой традиции тексты характеризуются более последовательным употреблением настоящего исторического в связи с установкой буквализма новых переводов на различных уровнях языка [Уржа, Пентковская 2013: 175]. Так, устойчивым признаком чудовской редакции Нового Завета, возникшей в XIV в., является систематическое употребление форм настоящего исторического в соответствии с формами praesens historicum греческого текста [Пентковская 2009: 112].

Однако существует особая редакция евангельского текста, возникшая не позднее начала XII в., в которой также встречается употребление презенса в значении прошедшего времени, — это древнейший перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского [далее — ТЕ]. Наличие в данном тексте спорадических форм praesens historicum отмечалось в [Пентковская 2009: 135]. Но при ближайшем рассмотрении данные формы оказываются в далеко неokka-

¹ В качестве источника греческого текста Евангелия от Марка привлекалось издание The New Testament in the Original Greek: Byzantine Text Form. Compiled and arranged by Maurice A. Robinson and William G. Pierpont. 2005 (Bibleworks, BYZ).

зиональном употреблении: действительно, в евангельском тексте они крайне редки, зато в толкованиях они регулярно возникают на месте греческих форм *praesens historicum*.

В ТЕ от Марка надежных примеров употребления настоящего исторического в соответствии с греческим *praesens historicum* для евангельского текста всего два — это Мр. 3:13 и Мр. 7:5, например: Мр. 3:13 ТСЛ 109 и въсходить на гору и призѣваетъ яже самъ въсхотѣ (л. 228 об.) — *avnabai, rei*; в более поздней редакции ТЕ формы презенса устраняются: ТСЛ 108 и възгде на гор¹ и призва (л. 268 об.); кроме того, формы наст. вр. повторяются в толковании: Мр. 3:13–19 (толк.) 109 въсходить анавени на гору якоже молитис- (л. 229) — ТСЛ 108 въсходиU на гор¹ (л. 268 об.) — *VAnabai, rei*.

Кроме того, в ТЕ от Марка встречается два случая, когда форму презенса следует признать неисконной и возникшей вследствие ошибки переписчика: Мр. 1:13 ТСЛ 109 и ангггли служить ему (л. 216) — 331 служахуU (л. 147 об.) — ТСЛ 108 сл'жах¹ (л. 259 об.) — *dihko, noun*. В ТСЛ 109 возникает настоящее историческое на месте имперфекта с приращением в более ранней рукописи № 331, которому в греческом тексте также соответствует имперфект. Скорее всего, в ТСЛ 109 был случайно пропущен слог при переписывании текста; кроме того, в толковании на этот стих и в греческом тексте, и в славянском переводе также содержится имперфект: Мр. 1:12–13 (толк.) ТСЛ 109 ангггли бо служаху¹ ему (л. 215 об.) — *dihko, noun*. Аналогичная ситуация имеет место

в Мр. 15:29: ТСЛ 109 и мимоход-щии хул-ть и кивающе главами своими глгще (л. 322) — ТСЛ 108 х'л-х¹ (л. 348) — *evblasfh, noun*.

Один раз в евангельском тексте ТЕ от Марка форма презенса передает греческий аорист: Мр. 7:10 ТСЛ 109 мввиси бо речѣть (л. 252) — *ei=re*; в остальных редакциях евангельского текста используется форма аориста рече [Воскресенский 1894: 218–219].

Однако если обратиться к толкованиям, можно убедиться, что там представлена совсем другая ситуация: если в толкованиях цитируется евангельский стих, содержащий в греческом *praesens historicum*, то почти всегда в славянском переводе также будет употреблен *praesens historicum*, например:

Мр. 9:2–3 (толк.) 109 на гору же возводить вѣсоку (л. 264) — *avnafē, rei*, однако в евангельском стихе Мр. 9:2 используется форма аориста: 109 и возведе я на гору вѣсок¹ (л. 264) — *avnafē, rei*.

Кроме того, в древнейшем переводе ТЕ многочисленны ситуации, когда в толкованиях формы презенса, вслед за греческим текстом (а иногда и вопреки

ему), передают законченные действия в прошлом в ряду последовательно сменяющих друг друга действий, например:

Мр. 4:35–41 (толк.) 109 поймаеѣ же единѣ учнѣки ... попущаеѣ бѣти бури ... спитъ же ... вставл-ет же я вѣ бѣду ... попущаеѣ убо бѣти вѣтру и спитъ же на възглавии ... запрѣщаеѣ вѣтру ... запрѣщаеѣ учнѣкомъ же (л. 237 об. — 238) — *paralamba, nei ... avfi, hsi ... kaqeu, dei ... Vafi, hsin ... Sugcwrei/ ... kaqeu, dei ... evpitima/|*.

Таким образом, для выявления переводческой манеры в ТЕ информативным оказывается именно текст толкований, тогда как в переводе евангельского текста проявляется влияние традиции, не допускавшей употребления презенса в значении прошедшего времени и отразившейся в древней, преславской и афонской редакциях евангельского текста.

Литература

- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
- Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI–XVI вв. 1894.
- Дограмаджиева Е. Към въпроса за *praesens historicum* в старобългарски език // Български език. 1966. Кн. 2. С. 122–128.
- Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. МАКС Пресс Москва, 2009.
- Уржа А., Пентковская Т. Переводческие стратегии в древних и современных текстах: настоящее историческое // Славистика (Београд). 2013. № XVII. С. 173–180.

Корпус церковно-славянских текстов как инструмент изучения истории русского литературного языка

Елена Шимко

Украинская богословская академия имени святых Кирилла и Мефодия (Ужгород, Украина)

Для истории РЛЯ неизменно актуальным остается вопрос о взаимодействии церковно-славянского и исконного разговорного языка. При этом в разные периоды истории РЛЯ удельный вес церковнославянизмов в памятниках древнерусской, а позже великорусской письменности зависел от многих причин: от «тематики и назначения текстов, уровня образования и социальной принадлежности грамотных людей, литературных направлений... в том числе от сознательного предпочтения (соответственно пренебрежения), которое отдавалось древнерусскому или церковно-славянскому языку» [Филин 1978: 406].

На наличии в великорусской письменности во все периоды ее существования определенного количества церковно-славянских лексем, словообразовательных моделей, синтаксических конструкций основаны все аксиологемы истории РЛЯ как науки, базируются выводы и суждения о непрерывности книжно-письменной традиции в РЛЯ, который, по мнению традиционной лин-

гвистики, к ХУІІ веку оказался «единственным носителем старо-церковно-славянского преемства» [Трубецкой 1995: 173].

В рамках современного логического позитивизма, основным объектом познания считается текст, данный в непосредственном наблюдении и являющий собой ту объективную реальность, с которой имеет дело лингвист: умозаключения о фактах языка делаются на основании непосредственного наблюдения за конкретным текстом. Что же касается церковно-славянского языка, то в этом случае появляется необходимость «исследовать по единой программе язык всех написанных произведений от начала письменности на Руси и до нашего времени, ... не пропуская ничего важного, существенного, причем на всех уровнях языка» [Филин 1981: 3]¹.

Такой единой программой, позволяющей а) системно проанализировать многие языковые факты, б) делать выводы о конкретных элементах нормы на основании реальных связей и соотношений, а не единичных, нередко случайных примеров, в) учитывать все условия употребления той или иной словесной формы как объективного маркера и самой формы, и ее значений является корпус — сформированная определенным образом выборка данных из области реализации языковой системы.

20 мая 2012 года в рамках национального корпуса русского языка для общего доступа открыта пилотная версия церковнославянского корпуса как первого из разделов Исторического корпуса. Основу церковнославянского корпуса составляют современные богослужебные тексты XIX–XX века (60%). Кроме того, в корпусе представлены тексты других периодов (XVII–XVIII века) и жанров (писания, святоотеческая литература и др). Общий объем корпуса — около 4,7 млн. словоупотреблений. Кроме того, на кафедре математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета с конца 70-х годов XX века ведется работа по созданию корпуса агиографических церковнославянских текстов XVI–XVII вв. К настоящему времени корпус охватывает 52 жития, их общий объем — более 500 тысяч словоупотреблений.

В отличие от любого современного литературного языка корпус данных церковно-славянского языка имеет только одно измерение — текстовое (речевое отсутствует) и главная ценность состоит в том, что он может использоваться для истории РЛЯ как системной науки, а не совокупности интроспективных догадок, нередко основанных на «искусственных примерах» [Аверина и др. 1996: 5], интуитивных суждениях [Добрушина, Иванова-Алленова, Поляков 2012: 335], в которых эмпирический материал привлекается лишь на фазе верификации гипотезы, а сами примеры носят случайный («как повезет»), ино-

¹ Эта мысль, высказана Ф. П. Филиным применительно к древнерусскому литературному языку, но она, безусловно, актуальна и для исследования церковно-славянских текстов.

гда даже спорадический характер. Использование корпуса церковно-славянского языка поможет однозначно ответить на ряд актуальных вопросов в истории РЛЯ, а именно:

Дать количественную оценку церковнославянизмов, генетически связанных с языком церковнославянским, или не связанных — так называемых славянорусизмов. Жесткие и прямолинейные схемы, мало обоснованные фактами и ориентированные на формально-генетическую оценку, игнорируют сложную языковую реальность и не помогают выяснению языковых процессов. Количественные определения слов с церковнославянскими приметами в русском литературном языке, нередко нельзя принимать всерьез, поскольку они не основываются ни на каких подсчетах, а представляют собой всего лишь своего рода «символы веры», выражение тенденциозности теоретических установок. (См. об этом [Филин 1978: 411]).

Определить актуальность / неактуальность словообразовательных моделей по отношению к словам с церковнославянскими рефлексам, с церковнославянским суффиксально-префиксальным словообразованием, сложными словами, лексическими и семантическими славянизмами, поскольку немалая часть подобных форм имела еще в праславянском языке и они не являются генетически (этимологически) связанной с книжной традицией.

Решить вопросы кодировки текста — проблемы орфографии, поскольку в процессе подготовки корпуса были выработаны общие принципы и правила представления церковнославянских текстов, а также решены практические проблемы по устранению символов с малой или нулевой различительной способностью, ошибок и опечаток, а также форм фактически не имеющих смысловоразличительной функции.

Детализировать описание грамматических категорий. В отличие от традиционных грамматик, парадигмы представленные в корпусе не заданы априорно, а выведены эмпирически на основе анализа множества словоформ, имеющих однотипные соотношения между грамматическими формами. Таким образом, номенклатура парадигм получается значительно более детальной, чем традиционная, и подчас существенно от таковой отличается. Например, традиционное первое склонение (рабъ), как свидетельствуют материалы корпуса, распадается на 14 подтипов в зависимости от конечного согласного (парный твердый — мягкий, велярный, шипящий, йот), наличия беглого гласного и других особенностей.

Такая работа позволит ответить на основной вопрос истории РЛЯ о прерывности / непрерывности книжно-письменной традиции в русском литературном языке, расширить представления об источниках русского литературного языка, даст возможность восстановить исконное состояние литературной нормы, ликвидировать ошибки, попавшие в тексты по разным причинам,

а также проанализировать большие массивы лингвистической информации, что, в свою очередь, существенно повысит репрезентативность научной гипотезы и доказательную базу выводов.

Литература

- Аверина С. А., Азарова И. В., Кузнецова Е. Л. и др. Язык русской агиографии XVI в.: Опыт автоматического анализа / Под ред. А. С. Герда. Л., 1990.
- Аверина С. А., Азарова И. В., Алексеева Е. Л., Герд А. С., Захарова Л. А. и др. Лексика и морфология в русской агиографической литературе XVI в. / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1996.
- Добрушина Е. Р., Иванова-Алленова Т. Ю., Поляков А. Е. Корпус церковнославянских текстов в составе НКРЯ, первая версия: проблемы и решения Материалы конференции «El'Manuscript-12. Информационные технологии и письменное наследие». Петрозаводск, 2012.
- Международный консорциум по выработке норм электронной разметки текстов: The Text Encoding Initiative [<http://www.tei-c.org/P4X/>].
- Трубецкой Н. С. К украинской проблематике // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Составил В. М. Живов. М., 1995. С. 362–380.
- Филин Ф. П. Исконное и заимствованное в современном русском литературном языке // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
- Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков

Морфология

Формальный контраст между падежами нарицательных существительных в словацком и русском языках

М. Браксаторис

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Аналитизм, падежный сикретизм, несклоняемость, рост предложных сочетаний.

Summary. The paper is focused on the problem of formal contrast between declension forms of Russian and Slovak appellatives and its relation to typological characteristics of mentioned languages.

Доклад посвящен тенденциям в области формального контраста между падежами нарицательных существительных в словацком и русском языках. Фундаментальность проблематики заключается в том, что сведения о формальном контрасте между падежами важны с точки зрения типологической характеристики данных языков. В области морфологии и синтаксиса русского и словацкого языков известна тенденция к аналитизму [Nedomová 2013]; [Kačala 1993: 18]; [Morfológia slovenského jazyka 1966: 60]. По словам Н. С. Валгиной, морфологический аналитизм обнаруживается: «1) в сокращении числа падежей; 2) в росте класса несклоняемых имен <...>; 3) в росте класса существительных общего рода <...>; 4) в изменении способа обозначения собирательности в именах существительных <...>» [Валгина 2001: 156]. В центре научного интереса к упомянутой тенденции находится вопрос о несклоняемости существительных [Brandner 2005: 82]; [Nedomová 2013].

Можно констатировать, что для русского и словацкого языков характерно не только сокращение числа падежей, но и, по сравнению с исходным праславянским состоянием, сокращение количества грамматических форм имен существительных, причем под грамматической формой понимается множество грамматических сем — в данном случае падежа и числа, выражаемых посредством словоформы — в данном случае падежной формы [Смирницкий 1955: 11–53]. Количество грамматических форм равно произведению количества соответствующих грамматических сем [Sgall 2011: 160]; [Ельмслев 2006: 52]. При этом, однако, упрощение падежно-числовой системы (в смысле сокращения количества выражаемых грамматических форм) в обоих языках сопровождалось лишь не столь резким сокращением количества используемых словоформ имен существительных (Braxatoris 2014, 150). Некоторые лингвисты связывают уменьшение формального контраста между падежами с тенденцией

к морфологическому аналитизму, причем груз грамматического выражения перекладывается с падежной формы на предлог [Виноградов 1947: 167]; [Nedomová 2013: 46] и одновременно происходит рост падежных сочетаний [Валгина 2001: 220–221] (ср. [Stanislav 1970: 3–4]). Как известно, падежи и предложные сочетания в определенной степени выполняют сходные функции [Erhart 1973: 105]. По результатам исследования автора [Braxatoris 2014: 150], однако, для словацкого и русского языков в целом (хотя в частных случаях это может быть и иначе), напротив, характерен рост меры падежной однозначности (по сравнению с праславянским состоянием), затагивающий 51% русских и 62,5% словацких типов и подтипов склонения нарицательных существительных славянского происхождения (у 43% русских и 25% словацких типов и подтипов склонения мера однозначности понизилась, а у 6% русских и 12,5% словацких осталась неизменной).

Одним из признаков тенденции к аналитизму считается рост количества несклоняемых существительных, в частности иноязычных заимствований [Nedomová 2013: 93], собственных имен [Nedomová 2013: 94] и аббревиатур [Мучник 1964: 152]. В словацком языке имеется приблизительно 900 несклоняемых заимствованных существительных [Sokolová 2007: 68], тогда как в русском языке — 1281 без топонимов, антропонимов, аббревиатур и сложных слов [Брусенская 1997]. При оценке удельного веса несклоняемых нарицательных существительных, однако, важен тот факт, что они представляют собой всего лишь один тип склонения, что данная группа содержит слова неславянского происхождения и что несклоняемые существительные составляют лишь небольшой процент от общего количества всех существительных [Brandner 2005: 82].

Сокращение числа выражаемых числовых и падежных значений в целом не влечет за собой уменьшения однозначности падежных форм в русском и словацком языках. В рамках грамматической характеристики русского и словацкого языков имеет место тенденция к точности, связанная с одновременным ростом предложных конструкций и тенденцией к падежной однозначности. Примечательно, что по сравнению со словацким, в русском языке в большей мере представлена несклоняемость нарицательных существительных и тенденция к росту предложных сочетаний, в том время как тенденция к падежной однозначности выражена в меньшей степени.

Литература

- Брусенская Л. А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка. Ростов-на-Дону, 1997.
- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. М., 2001.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М., 2006.
- Мучник Н. П. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 148–180.

- Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 11–53.
- Brandner A. Projevy analytismu v ruštině. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity, řada A — jazykovědná. Brno, 2005. Roč. 53. Č. 53. S. 81–93.
- Braxatoris M. Vývin miery substantívnej pádovej homonymie vo svetle kváziteleologických princípov // Jazykovedný časopis. 2014. Roč. 65. Č. 2. S. 139–156.
- Erhart A. Úvod do obecné a srovnávací jazykovědy. 1. vyd. Brno, 1973.
- Kačala J. Kategoriale slova v slovných spojeniach (príspevok k teórii jazykového významu) // Jazykovedný časopis. 1993. Roč. 44. Č. 1. S. 14–24.
- Morfológia slovenského jazyka. Bratislava, 1966.
- Nedomová Z. Tendence k analytismu v současné ruštině (na materiálu jmenných slovních druhů). Ostrava, 2013.
- Sgall P. Soustava pádových koncovek v češtině // Jazyk, mluvení, psaní. Praha, 2011. S. 147–172.
- Sokolová M. Nový deklinačný systém slovenských substantív. Prešov, 2007.
- Stanislav J. Rozhlas a televízia v slovenskej rodine // Kultúra slova. 1970. Ročník 4. Č. 1. S. 3–6.

Славянский местный падеж в молизско-славянском языке и его диалектах

В. Г. Брой

Университет г. Констанц (Германия)

Склонение, местный падеж, молизско-славянский микроязык.

Summary. In my talk I will be dealing with the development of the ancient locative in Molise Slavic, a Slavic minority language spoken in Southern Italy. Due to contact influence of Italian the functions of the accusative and the locative with respect to the expression of place and motion to a place have merged into one form with clear dialectal differences.

Настоящий доклад посвящен особенностям развития местного падежа (локатива) в языке славянского меньшинства южноитальянского региона Молизе, в последующем называемом молизско-славянский язык (МСЯ). На протяжении вот уже 500 лет этот южнославянский микроязык находится в интенсивном языковом контакте с романскими диалектами, в основном с молизанским диалектом, и уже в течение приблизительно 150-ти лет — с итальянским литературным языком. В настоящее время, вследствие поголовного двуязычия носителей языка, контакт с итальянским языком можно назвать «абсолютным (тотальным) языковым контактом». Как видно по икавско-штокавской основе языка, а также другим унаследованным языковым особенностям, предки молизских славян, с наибольшей вероятностью, прибыли из далматинского материкового региона, расположенного западнее реки Неретва. В настоящее время МСЯ употребляется только в трех деревнях: Аквавива (итал. Acquaviva Collecroce), Монтемитро (итал. Montemitro) и Сан Феличе (итал. San Felice del Molise) [Брой 2006: 70–71].

Все славянские литературные языки кроме болгарского и македонского, полностью утративших склонение существительных, относятся к языковому типу, в котором выражение определения **местоположения** отличается от выражения **движения к месту** (направления). В особенности это касается сего-

дняшнего управления праславянских предлогов **vъ(n)* и **na*, местным (предложным) падежом в первом, и винительным падежом в последнем случае, как напр., в русском языке:

(1а) *Иван был в школе.* (место) ≠ *Иван пошел в школу.* (направление)

(1б) *Иван лежит на диване.* (место) ≠ *Иван лег на диван.* (направление)

Но в МСЯ под влиянием итальянского языка и его диалектов, не обладающих никакой формальной оппозицией между указаниями «направления» и «местонахождения» предмета, различие между винительным и местным (предложным) падежами исчезло [Breu 2008]. Поэтому во всех трех молизско-славянских диалектах, у соответствующих предлогов имеется идентичное управление для выражения места и направления, несмотря на то, что система других падежей полностью сохранилась. Например, на оригинальных примерах из деревни Аквавива в (2) и (3) с помощью «минимальных оппозиций» одного и того же существительного (мужского и женского рода) продемонстрировано упомянутое совпадение выражения места (2а, 3а) и направления (2б, 3б) в управлении обоих предлогов при существительных мужского рода:

(2а) *U grad tuna jimahu jena sopranom.* (вин. ед. м., место)

‘В деревне у всех было прозвище’.

(2б) *Aje si sa vrniija jopa oda u grad?* (вин. ед. м., направление)

‘Почему ты снова вернулся сюда в деревню?’

(3а) *Što činiš tota na funaštru?* (вин. ед. ж. место)

‘Что ты делаешь у окна?’ (дословно: на окне)

(3б) *Je pola sa vrč na funaštru.* (вин. ед. ж. направление)

‘Она ушла, чтобы встать у окна’. (дословно: на окно)

Та же самая ситуация с выражением как местоположения, так и движения к месту с помощью винительного падежа, имеется и во множественном числе.

Хотя во всех трех молизско-славянских диалектах наблюдается полное совпадение функций винительного и местного падежа, оно осуществлялось не всегда в той же самой конкретной форме. А именно, главная разница состоит в том, что в диалекте деревни Монтемитро в единственном числе существительных женского рода (и только в этом случае!) в **обеих функциях** употребляется нулевое окончание, которое по фонетическим правилам этого диалекта соответствует старому окончанию *-i* местного и дательного падежей:

(4а) *Je ba pa most tamo dol na rik.* (местн. = дат. ед. ч. ж., место)

‘Это мост упал там внизу на реке.’

(4б) *Mam ujahat, če ta poni dol na rik!* (местн. = дат. ед. ч. ж., направление)

‘Я должен сесть в седло, (лошадь) доставит меня вниз к реке’. (досл. на реку)

Кроме того, у одного класса существительных женского рода в диалекте Монтемитро также встречается и особое окончание *-o*, которое произошло не из винительного и не из дательного / местного падежа. И эта форма употребляется в обоих рассматриваемых случаях:

(5a) *Bihu na-miso oni poči do mrci.* (место)
‘Они были **на мессе** в ту ночь мертвых’.

(5b) *Što po na-miso.* (направление)
‘Мы пойдем **на мессу**’.

В докладе объясняется происхождение этих и других особенностей в области бывшего местного падежа, которые являются существенным элементом для различения молиско-славянских диалектов, но также важно и для общего представления о развитии склонения в славянских языках.

Литература

- Брой В.* Флективный и деривационный глагольный вид в молиско-славянском языке // Вопросы языкознания 2006. № 3. С. 70–87.
Breu W. Der slavische Lokativ im Sprachkontakt. Ein Beitrag zur Binnendifferenzierung des Moliseslavischen // Peter Kosta & Daniel Weiss (eds.), Slavistische Linguistik 2006 / 2007. München, 2008. S. 59–102.

Об объективности категоризации предлогов

Е. Н. Виноградова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Предлог, производный предлог, грамматикализация, объективность.

Summary. The abstract is devoted to the problem of lacking the objective criteria for categorization of prepositions. The main attention is drawn to the considerably distinct lists of prepositions in the Russian Grammar-80 and dictionaries of V. Morkovkin et al and R. Rogozhnikova.

В последние годы особую актуальность приобретают вопросы объективизации лингвистического описания. Работа в проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» [Всеволодова и др. 2013] показала, что круг единиц, включаемых в поле предлога, значительно различается в работах русистов. Если список первообразных, или немотивированных, предлогов в своей большей части един у всех авторов, изучающих служебные единицы языка, то реестры производных, или мотивированных, предлогов как количественно, так и качественно расходятся в различных работах. Продемонстрируем вышесказанное на примере анализа списков отыменных предлогов в РГ-80 [Русская грамматика 1980], СССРЯ [Морковкин и др. 1997] и ТССЭС [Рогожникова 2003].

В РГ-80 выделяется 92 отыменных предлога (здесь мы отвлекаемся от вопросов, связанных с сомнительной интерпретацией ряда предлогов как наречных, в частности *вроде кого-чего-н.*, *вслед кому-чему-н.*, *наверху чего-н.*,

навстречу кому-чему н., посередине чего-н., следом за кем-чем-н. и др.). В. В. Морковкин с соавторами по СССРЯ дает список из 103 отыменных предлогов, Р. П. Рогожников называет в ТССЭС 119 предлогов и их аналогов (47 и 72 соответственно). В объединение указанных трех реестров входит 160 единиц, при этом их пересечение составляет только 59 предлогов, то есть 37%. Целый ряд единиц выделяется только в одном источнике: *без помощи кого-чего-н., без сопровождения кого-чего-н., в границах чего-н., в ипостаси кого-н., в контраст кому-чему-н., вне границ чего-н., вне пределов чего-н., вне рамок чего-н., вне сферы чего-н., в пределах чего-н., в согласии с кем-н., в содружестве с кем-н., в сообществе с кем-н., в сторону от кого-чего-н., в унисон с кем-чем-н., в уровень с кем-н., по образцу кого-чего-н.* (РГ-80, 17 единиц, 11%); *в дополнение* (предлоги даются в той форме, в какой они представлены в источниках), *в меру, в форме, в число, за границы* (но не *за границами!*), *за пределами, за пределы, за рамками, за рамки, именем, имени, насчет, по пути* (СССРЯ, 12 единиц, 8%); *без ведома с р. п., в глубь с р. п., в заключение с р. п., в нарушение с р. п., вне зависимости от с р. п., в обмен на с в. п., в обход с р. п., во вкусе с р. п., во избежание с р. п.,* (предлог, а не аналог!), *в окружении с р. п., в отношении к(о)* (предлог, а не аналог!) с д. п., *в отрыве от* (предлог, а не аналог!) с р. п., *в память с р. п., в плане с р. п., в предвидении с р. п., в предвкушении с р. п., в преддверии с р. п., в ущерб с д. п., на грани с р. п., на имя с р. п., на манер с р. п., на почве* (предлог, а не аналог!) с р. п., *с ведома с р. п., с учетом с р. п.* (ТССЭС, 24 единицы, 15%). Отметим, что, анализируя работу [Черкасова 1967], где из 64 отыменных предлогов «уникальными» (по отношению к трем рассматриваемым источникам) являются 14: *в видах, в подобие, в противность, в рассуждении, в согласность (с), в сообразность (с), в соразмерность, в сходственность (с), в сходстве (с), в сходство (с), в части, подобием, помощью, через помощь*, можно прийти к выводу, что производные предлоги претерпевают значительные изменения в достаточно короткие временные отрезки.

Такой «разброс» в представлении объема и характера предлога как части речи ставит вопрос о целесообразности выработки объективных критериев отнесения тех или иных сочетаний к предлогам. Операциональным критериям перехода слов других частей речи в предлоги посвящен целый ряд работ [Черкасова 1967]; [Тихомирова 1972]; [Всеволодова 2011]; [Виноградова 2016], однако необходимого и достаточного (а также иерархизированного) списка критериев, на основании которых можно было бы однозначно считать сочетание предложившимся, на данный момент, как представляется, не существует. Думается, что подобное положение дел связано, с одной стороны, с «индивидуальностью» каждой единицы, ведь межчастеречный переход осуществляется пословно, а с другой стороны, с различными грамматическими и семантическими особенностями, характерными для определенных групп предложных

единиц, что подчас затрудняет выработку общих критериев, применимых ко всем «переходным» случаям.

Отметим, что при широком понимании предлога, принятом во [Всеволодова и др. 2013], в разряд предложных попадают все единицы, в определенных условиях способные выполнять функцию предлога. Подобное описание реального функционирования единиц предложного типа позволяет увидеть и атрибутировать весь репертуар предложных средств русского языка. Для прикладных целей преподавания русского языка, в том числе для представления в учебных словарях и Лексических минимумах поуровневой системы владения русским языком как иностранным (ТРКИ), на наш взгляд, необходима система категоризации единиц, выступающих в функции предлога, которая позволила бы аргументированно включать их в Лексические минимумы и словари на правах отдельных статей.

Литература

- Виноградова Е. Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1.
- Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 3.
- Всеволодова М. В., Кузюкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2013.
- Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачева Г. Ф. и др. Словарь структурных слов русского языка. М., 1997.
- Рогожникова Р. П. Толковый словарь словосочетаний, эквивалентных слову: Ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. М., 2003.
- Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Тихомирова Т. С. Процессы адverbализации форм творительного беспредложного в польском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
- Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.

О некоторых грамматических проблемах современных славянских языков

М. В. Всеволодова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Грамматикализация, парадигматизация, синонимика,

двуединство полевой и категориальной устроенности языка, подлежащее, сказуемое.

Summary. State of the art linguistics and Slavonic studies inter alia show the necessity and inevitability of some aspects and categories correction in every language and even perhaps linguistics universals as well. This is a question of correlation between a sentence model and its denotative structure. It also concerns inner paradigm of a sentence model containing one subject and one predicate and some other phenomena.

Исследования последних лет показывают правоту концепции А. В. Бондарко о двуединстве полевой и категориальной устроенности Языка. Выпол-

ненные в рамках функционально-коммуникативно лингводидактической модели языке исследования функционально-семантических и функционально-грамматических категорий позволили выявить, ряд положений:

- 1) В выявленных Фр. Данешем трех уровнях предложения семантический уровень следует разделить на денотативный, передающий собственно объективную ситуацию, и собственно семантический, отображающий деятельность нашего мышления и соотносимый с тремя другими уровнями. В отличие от всех известных пока неславянских языков (обычно, с грамматикализованным порядком членов предложения), у славян первым после денотативного уровня оказывается актуализационный, формирующий категорию предикации, или предикирования (но не предикативности) (по С. Д. Кацнельсону и П. А. Леканту), то есть, не просто предложение, а предложение-высказывание. Последним уровнем оказывается формальный, в подавляющем большинстве случаев не связанный с денотативными ролями). Порядок и место членов предложения в славянских языках в предложении-высказывании безразличны, важны тема и рема. В языках с грамматическим порядком членов предложения актуализационный уровень оказывается последним и в ряде языков рема имеет формантный маркёр (например, послелог *i*, *ki* в корейском).
- 2) Синтаксис славянских предложений оказывается богат парадигмами. Парадигматика предложения в подавляющем большинстве случаев очень богата и выявляет, в частности, что одна модель предложения с одинаковыми подлежащим и сказуемым может быть грамматически исходной формой для принципиально разных денотативных структур. Ср.: *Иван увлекается бегом; = любит бегать* — *Иван увлекается чтением стихов Пушкина / чтением Пушкина / стихами Пушкина / Пушкином*. Последний вариант оказывается невозможным для многих неславянских языков. Соответственно, следует выявить потенции наших моделей и принимаемых ими в себя денотативных структур — внутреннюю парадигму предложения.
- 3) Внутренняя парадигма предложения выявляет (но пока нет объяснения в грамматике) удивительные типы поведения отдельных участников денотативной ситуации в предложениях одного типа, ср.: *Он любит красивым видом / красотой вида; Директор удовлетворился молодыми преподавателями* (опытных не было) / но не **молодостью преподавателей; Иван удовлетворился сообразительностью брата* / но не **сообразительным братом*. Другие примеры этой группы и другие грамматические явления будут в докладе.

Опыт количественного описания эволюционной динамики глагольной парадигмы в русском литературном языке на этапе смены нормы

Т. И. Галеев, Ле Туан Линь

Казанский федеральный университет (Россия)

Вариативность, Ngram Viewer, языковая динамика, глагольная парадигма.

Summary. The article discusses the competition of grammatical synonyms — verbs derived with suffixes (-а- / -я-, and -ыва- / -ива-). Based on the data obtained using the Google Books, it was possible to describe the basic patterns of change of the frequency of competing forms.

Проблеме эволюции языка в настоящее время отводится повышенное внимание в теоретической, прикладной и когнитивной лингвистике. Самый острый вопрос филологии, который помимо лингвистов интересует широкие слои общества — это норма, которая постоянно меняется. Основные этапы смены нормы уже изучались и описывались ранее [Горбачевич 2009], [Граудина 2004]. Особое внимание в современных исследованиях стало уделяться своеобразной «точке бифуркации», при которой восходящая норма по распространенности сравнивается с уходящей. Такое положение может длиться годы и десятилетия. В речи появляется вариативность. Л. К. Граудина отмечает, что в русском литературном языке в XVIII в. начинается процесс «преодоления параллелизма глагольных форм», при котором, в частности, вытесняются грамматические синонимы с суффиксом -ыва- / -ива-, который, в свою очередь, ранее вытеснил первичный суффикс -а- / -я-.

Однако, внутри самой глагольной парадигмы данный процесс протекает неравномерно. Согласно исследованиям в области когнитивных наук [Nesset, Janda 2010], парадигма русского глагола может иметь радиальную структуру с центром и периферией. Прототипические формы (3 л. ед. и мн. ч. наст. вр.) сопротивляются языковым изменениям, в то время как периферийные (прочие финитивные, императив, причастия и деепричастия) подвергаются унификации в первую очередь. Эти выводы были получены учеными при анализе процесса унификации глаголов 1 непродуктивного класса по аналогии с основами 1 продуктивного класса (*мерит* → *меряет*).

Целью исследования является выявление закономерностей эволюции вариативных форм центра глагольной парадигмы. Конкретные решаемые **задачи**: выделение случаев смены нормы за 2 века; получение численных характеристик изменений наиболее «консервативных» членов парадигмы. На основе данных корпуса Google Books будет осуществлен анализ частотности словоупотребления консервативных форм т. н. «избыточных» глаголов.

Для изучения эволюции вариативных форм предлагается применить количественный **метод**. На основе данных корпуса Google Books, предоставляющего

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 16-06-00165 А «Когнитивная модель словоизменительной глагольной парадигмы в русском языке: количественный анализ динамики частотности словоформ»).

сервис Ngram, осуществляющего поиск по книгам, изданным в основном с 1800 по 2000 гг., будут построены графики изменения частотности глаголов, имеющих избыточную парадигму. Сбалансированный, но в разы меньший по объему НКРЯ исчерпывающих результатов по малоупотребительным глаголам не дает.

В «Стилистическом словаре вариантов» Л. К. Граудиной было найдено 38 пар приставочных глаголов несовершенного вида с чередованиями *-а- / -я- / -ива- / -ыва-* (*изготавливать / изготавливать*). Для получения более полных и объективных данных было решено по каждому случаю построить 12 пар форм: инфинитив, финитивные формы (1, 2, 3 л. наст. вр. ед. и мн. ч. и форма ед. ч. м. р. прош. вр.), активные причастия наст. и прош. вр. И. п. м. р. ед. ч. (с намерением выстроить полные родовые, числовые и падежные парадигмы в случае необходимости более глубокого изучения места и статуса причастных форм в структуре глагольной парадигмы), деепричастие НСВ, императив ед. ч.

При составлении поисковых запросов по 456 парам глагольных форм было получено и проанализировано 344 графика, в 112 случаях запрашиваемые формы в корпусе встречены не были.

В меньшинстве случаев (38,4%) встречается только одна из форм, другую найти не удалось. Почти всегда единственной функционирующей словоформой оказывался именно вариант с суффиксом *-а- / -я-*, в форме 1 и 2 лица ед. и мн. ч. или деепричастия.

Остальные графики по причине отсутствия их единообразия было решено разделить на 5 групп по типу взаимодействия анализируемых форм:

1. В 25,9% графиков в начале XIX в. преобладает форма с *-а- / -я-*, в конце XX в. — ее «конкурент» с *-ыва- / -ива-* (*осмыслю / осмысливаю*). Такого вида графики способны проиллюстрировать в том числе и смену нормы;

2. В 15% случаев в конце XX в. утверждается только один из вариантов, хотя в течение XIX в. обе формы употреблялись одинаково часто. Среди таких пар больше всего форм 3 л. ед. и мн. ч. наст. и прош. вр. (*осмыслю / осмысливаю*);

3. В 5,2% случаев одна из форм (обычно с суффиксом *-а- / -я-*) стабильно употребляется чаще, чем другая (*обособляет / обособливает*);

4. В 4,7% случаев на протяжении 200 лет обе формы употребляются одинаково часто (*простужается / простуживается*). В основном, это финитивные формы;

5. В 4% случаев обнаруживается начало процесса смены нормы, то есть в XIX в. одна из форм преобладала над другой, а в XX в. они стали использоваться одинаково часто (*оздоравливающий / оздоравливающий*);

6. В 3,7% произошла архаизация глагола, то есть одна из форм в XIX в. употребилась часто, другая — редко, а в XX в. обе формы редки и говорить об изменении нормы говорить уже не приходится (*обрезаете / обрезают*).

В 3,1% случаев данные отображались только после 1917 г. В основном, это глаголы с корневой буквой «ять» (*-мер-, -рез-*). Такие данные нельзя со-

поставлять с остальными, несмотря на высокую динамику словоупотребления этих форм в XX в. Такие слова следует специально проверять по другим корпусам русского языка и в первую очередь — по НКРЯ.

В случаях 1, 2, 3 наиболее часто встречаются формы 3 лица ед. и мн. ч., а также формы прош. вр.

Закономерность, связанная с неравномерностью унификации глагольной парадигмы, выявленная когнитивистами, находит неожиданное применение к другой группе глаголов с избыточной парадигмой. При этом следует отметить активность «консервативных», т. е. устойчивых к вытеснению синонимами, форм 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. помимо случаев типа 2 и 3, когда доминирует одна из форм, но и в случае типа 1, когда форма с *-а-* / *-я-* вытесняет ранее утвердившуюся форму с *-ыва-* / *-ива-* (*накаливает* → *накаляет*). Таким образом, в «центре» парадигмы чаще происходит **повторная смена нормы**.

Статистические данные также обнаружили, что динамика изменения частотности словоупотребления форм **прошедшего времени** схожа с аналогичной динамикой у форм 3 л. ед. ч. настоящего времени, следовательно, и формы прошедшего времени могут входить в «консервативный» центр когнитивной модели глагольной парадигмы. Для более подробного изучения необходимо сопоставить все финитивные формы прошедшего и настоящего времени у этих и других глаголов, обладающих избыточной глагольной парадигмой.

Литература

- Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М.: АСТ: Астрель, 2004.
- Nesset T., Janda L. Paradigm structure: Evidence from Russian suffix shift // *Cognitive Linguistics*. 21 (4). 2010. P. 699–725.

О некоторых актуальных изменениях в морфологии прилагательных в сербском языке

Саня Ж. Джурович

Университет в Крагуеваце (Сербия)

Морфология, прилагательное, категории прилагательных, сербский язык.

Summary. The paper discusses the current situation in the morphology of the adjectives in the Serbian language. Current changes in the morphology of adjectives are formed largely due to the morphological simplification of the system, on the one hand, and due to the influence of foreign languages, on the other. All of these changes result in reduction of the distinctive factors in the morphology, i. e. the reduction of information on certain morphological forms (aspect in adjectives, cases, etc.).

Предметом настоящей работы является морфологический анализ прилагательных как части речи и категорий прилагательных в сербском языке. На

основании грамматики и литературы, будет приведен обзор состояния этой категории и будут указаны инновации. В новейших грамматиках присутствует меньше новизны в описании классов прилагательных (в. [Пипер, Клајн 2013]) по отношению к традиционным грамматикам. Так как речь идет о грамматике, подробнее не подчеркиваются и не комментируются изменения и новизны в морфологии прилагательных, а они всего лишь констатируются. В грамматиках постарше прилагательные делятся на качественные, притяжательные, относительные, прилагательные временного отношения, местного отношения и прилагательные других отношений. В более современных грамматиках указывается более измененное разделение по значению на три группы: качественные, притяжательные и относительные прилагательные. Это разделение является логичнее, так как в рамках одной группы находятся родственные прилагательные. В грамматике [Пипер, Клајн 2013] относительные прилагательные дальше разделяются на настоящие относительные и притяжательные. В работе будет приведен более широкий комментарий по поводу самого разделения.

Целью работы является рассмотрение актуальных изменений в морфологии прилагательных и категории прилагательных, которые будут проиллюстрированы многочисленными примерами. Несмотря на то, что нет много работ, которые отражают современное состояние в рамках этой категории, существующие работы могут использоваться для более точного описания состояния отдельных категорий прилагательных сегодня.

Актуальные изменения в морфологии прилагательных происходят в связи с упрощением морфологической системы с одной стороны, и в связи с влиянием иностранных языков, с другой стороны. К актуальным изменениям относятся:

- исчезновение (или пропажа) существительного склонения прилагательных, которое подтверждается в разговорной речи образованных людей, языке средств массовой информации и литературных произведениях писателей, родившихся после Второй мировой войны. Употребление существительного склонения прилагательных сегодня является маркированным, в то время как прилагательное склонение нейтральное. Сохранилось только в выражениях и постоянных синтагмах типа: *мањи од макова зрна, из чиста мира, гром из ведра неба, тешка срца* (согласился с этим), *од зла оца а од горе мајке* и т. п.
- нейтрализация категории прилагательного вида. В связи с тем, что категория падежа, т. е. склонения была в непосредственной связи с категорией прилагательного вида, и что в зависимости от вида, прилагательные склонялись по существительному или прилагательному склонению, сведением склонения на прилагательное, и категория вида сегодня менее значительна для говорящих на сербском языке, чем это было раньше. Категория прилагательного вида сегодня сохраняется только в формах име-

нительного падежа единственного числа мужского рода, у которых вид выражается морфологическими средствами (окончанием *-и* или *-ø*).

- повышение количества новых несклоняемых прилагательных, как например *кул, супер, фер, беж, браон, тегет, розе, реш* и т. п.
- появление перифрастического сравнения, которым все чаще заменяется грамматическое сравнение, и происходит в результате иностранного влияния. Перифрастическое сравнение вначале присутствовало только у несклоняемых иностранных прилагательных, а сегодня все чаще встречается и у прилагательных с обычным сравнением (нпр. *Више је лепа него паметна ум. лепша*).

Все эти изменения в сущности представляют уменьшение дистинктивных факторов в морфологии, т. е. уменьшение информации об отдельных морфологических формах (прилагательном виде, падеже и др.).

Литература

- Белић А. Историја српског језика: фонетика, речи са деklinацијом, речи са конјугацијом // Избрана дела Александра Белића. Т. 4. Завод за уџбенике и наставна средства. Београд, 1999.
- Буровић С. Придевски вид и деklinација придева у „Пионирској трилогији” Бранка Топића // Лирски, хумористички и сатирички свијет Бранка Топића: Зборник радова са 2. симпозијума (6–7. 9. 2012.) у Грацу / Уредник Бранко Тошовић; Бањалука: Народна и универзитетска библиотека Републике Српске; Грац; Institut für slawistik der Karl-Franzens-Universität, 2013. С. 361–368.
- Ковачевић М. Перифрастичка компарација у српском књижевном језику // Граматичке и стилистичке теме. Бања Лука, 2003. С. 9–45.
- Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013.

Семантическая типология локатива: динамические процессы

А. А. Загнитко

Украинский языково-информационный фонд Национальной академии наук Украины

Семантическая структура предложения, локатив, валентность, директив, трассив.

Summary. The peculiarities of the locative in sentence semantic structure are considered with the defining its regularity, position, the ratio of its basic sentence structure, the directions of its getting into the specifiers class are diagnosed. The patterns of the formal and semantic locative variability, of the correlation with the subjective-objective sentence structure are clarified. Due to defying the levels of the semantic blur of verb locativity within the sentence the grammaticalization directions are identified.

1. Основные положения. Современные исследования славянского предложения охватывают анализ его формальной, семантической, коммуникативной и других структур, что обусловило необходимость установления соответствующих методологических процедур. Их применение позволило истолковать а) типологию синтаксических связей; б) минимальную единицу семантико-синтаксической структуры; в) элементарную единицу семантической структуры; г) значимые величины коммуникативной структуры; д) минимальную

единицу прагматики предложения. Грамматика зависимостей оперирует понятиями семантемы, синтаксемы, семантической и поверхностной синтаксических структур предложения. Актуальным является определение объемов семантики простого предложения, установление иерархии семантических ролей, выявление регулярности, обязательности каждой из них, степени вариативности, позиционной закреплённости. Теории семантических ролей статус локатива исследуют либо в традиционном измерении, либо без внимания к его внутренней вариативности, позиционной нагрузке и т. д.

2. Локатив в семантической структуре простого предложения. Локатив — семантическая роль со значением местонахождения: *Эмиссионный центр будет находиться в Москве* (Из газ.); укр. *Автовокзал знаходиться в південно-західній частині Полтави* (Из газ.). Семантическая роль локатива является сложной и формально, и семантически, и коммуникативно интенционально, и позиционно. Формальная вариативность локатива охватывает ядерные (*там, здесь; на горе, у реки, в избе*), полупериферийные (*под / над / за столом*) и периферийные (укр. *до в'язниці*). Полу- и периферийность определяется нерегулярностью, отсутствием синтаксической обусловленности. Ядерный статус локатива является валентно и позиционно обусловленным, его семантический статус тематически иерархизирован: *Она любила подходить к Трехпрудному переулку* (Л. Улицкая); укр. *Давид підходив до села* (А. Головка). Полупериферийный и периферийный локативы лишены этих дифференциальных признаков, их разграничение осуществляется по признакам регулярности, особенностям связей, коммуникативной интенциональности.

3. Семантические варианты локатива. В современных славянских языках локатив в структуре простого предложения внутренне дифференцирован на локатив (1) место, (2) исходный пункт движения, (3) конечный пункт движения (перемещение по горизонтали). К ним примыкает локатив (4) трасса [*Что за радость идти дорогой в никуда?* (Н. Бехтерева); укр. *Аж ось їде дорогою старець — жебрак* (Б. Антоненко-Давидович)]. Данные варианты локатива реализуют один из ортогональных векторов, охватывая группы предикатов удаления [*уходить, уезжать: Уходит из дому не хотелось* (А. Азольский); укр. *їти, від'їжджати, віддалятися: Як їшла з лісу, то дивилася у ліс* (Нар. тв.)]; приближения [*приходить, приезжать: Когда бываем в Санкт-Петербурге, любим приходит в дом к писателю Святославу Сахарнову* (Из журн.); укр. *приходити, приїжджати: Приходила [Марина] якось святками в село* (Панас Мирний)], движения наружу [*выходить, выезжать: Выходит на палубу заставляя туристское лицемерие* (Из журн.); укр. *виходити, виїжджати: Війта я бачив, коли виходили з села* (Р. Андрияшик)]; движения внутрь [*входить, въезжать: Штрум думал, что Людмила не будет первое время входить в комнату Толи* (В. Гроссман); укр. *входити, в'їжджати: Люди зрідка входять у морок церкви* (И. Багрянный)]. Варианты локатива вертикального

ортогонального вектора дополняют предикаты движения вверх [*взбираться, подниматься*: *Подниматься на крышу* не только бесполезно, но, скорее, даже вредно (В. Полевин); укр. *підійматися, підніматися*: *Я міг би підійнятися угорю По мармурових сходах сіруватих* (П. Воронько)]; предикаты движения вниз [*спускаться, сплавляться*: *И он стал медленно спускаться с горы* (С. Козлов); укр. *спускатися, сплавлятися*: *Вже під'їжджаючи до стежки, що петлею спускалася в западину, він почув химерні звуки* (Д. Белый)]. Сложной является реализация локативом ортогональных векторов ширины и темпоральности. Локатив прямо коррелирует с валентностью различных предикатов локативности: состояния (*быть, находится, оказаться, пребывать*; укр. *бути, знаходитися, опинятися, перебувати*), процесса (*висеть, лежать, сидеть, стоять*; укр. *висіти, лежати, сидіти, стояти*) и действия (*отдаляться, отъезжать, удаляться*; укр. *віддалятися, від'їжджати, піти*).

Следует разграничивать эксплицитный / имплицитный локативы, семантическая обусловленность которых может совпадать и различаться [*Был у нас в селе* один летчик — он отличался в войну, *в школе* его постоянно в пример приводили (Э. Савкина); укр. *На озері* створювалась тиша (А. Довженко)]. Первый тип обнаруживаем вследствие его формального выражения либо валентной обусловленности, выявление другого является сложным в силу его соотнесенности с различными типами ситуаций, реализация которых без него не осуществляется: *Между тем наступала зима* (О. Тихомиров); укр. *А тоді зима така люта була, що на возі не поїдеш* (Ю. Винничук).

Локативная семантика может усложнять и/или усложняться, образуя различные синкретичные производные — локативный протагонист: *В школе* опять ничего не задали? (Е. Павлова); укр. *Тим часом виплатять у школі борги за три місяці* (Б. Антоненко-Давидович); локативный адресат: *В селе* вовремя получили посылку (Из газ.); укр. *На хуторі* зраділи вісті з фронту (Из журн.) и т. д. Валентно обусловленному локативу противопоставлен локатив-спецификатор, выражающий отдельную пропозицию [*На берегу*, они отыскивали шестиметровую лодку, выдолбленную из дуба (Из журн.); укр. *Далі вже розповіли його друзі-італійці, теж поранені разом з ним на річці* (О. Иваненко)].

4. Вместо выводов. Исследование локатива в славянском предложении должно учитывать особенности выражения субъекта и объекта, инструмента, поскольку только определенное лексическое наполнение синтаксической позиции предполагает семантический вариант локатива, не говоря уже о наличии инструмента. Подобное исследование раскрывает механизм утраты первичной семантики локативными предикатами, образование грамматизированных производных. Важным представляется исследование в контрастивном аспекте, позволяя определить общее и национальное в структурно однородных языках для моделирования алгоритма перевода конструкций с локативным наполнением.

Типы склонения в позднем праславянском языке и их судьба в русском и сербском языке

М. Макевич

Белградский университет (Сербия)

Праславянский язык, русский язык, сербский язык, склонения, имена существительные.

Summary. The subject of this work is to show the development of the proto Slavic declension types and to see its remains in the modern Slavic languages, Russian and Serbian. We will also show the causes of changes that have shaped Russian and Serbian declension types.

1. Типы склонения в позднем праславянском языке

В позднем праславянском языке существовали пятнадцать деklinационных типов, по пяти для каждого рода имен существительных. Названия этих склонений остались в наследие праславянскому из праиндоевропейского. Существительные мужского рода склонялись по -ǫ, -ī ǫ, -ŭ, -ī и -n основам. Что касается существительных женского рода, то они склонялись по -ā, -ī ā, -ī, -ū и -g основам. Существительные среднего рода склонялись по -ǫ и -ī ǫ основам, как мужской род, и по основам на согласный — -n, -nt и -s.

2. Типы склонения в русском языке

В современном русском языке существует три склонения. К первому склонению относятся существительные м. р. с нулевой флексией в им. п. ед. ч. и существительные с. и м. р. с флексиями в им. п. ед. ч. -|o| и -|e|. Остатки всех основ м. р. и среднего рода -ǫ и -ī ǫ основ находим здесь. Существительные твердой разновидности полностью сохранили окончания, а мягкой разновидности в основном не сохранили окончание пред. пад. Ко второму склонению относятся существительные с флексией в им. п. ед. ч. -|a| и существительные с той же флексией, относящиеся к м. и к общ. р. Здесь видим остатки -ā, -ī ā, -ū и -g основ. Как и в первом склонении, существительные твердой разновидности полностью сохранили окончания, а мягкой разновидности в основном не сохранили окончание пред. пад. К третьему склонению относятся существительные ж. р. с нулевой флексией в им. п. ед. ч. К третьему склонению по системе падежных флексий относятся также существительные с. р. на -мя с флексией в им. п. ед. ч. -|a|, существительные сред. р. *дитя* и муж. р. *путь*. Существительные -ī основы ж. р. принадлежат этому склонению и они полностью сохранили свои окончания. Здесь тоже остатки существительных -n основ среднего рода. Они получили окончания третьего склонения, кроме им. и вин. падежей. Слово *путь* остаток существительных м. р. -ī основы.

3. Типы склонения в сербском языке

В современном сербском языке существует четыре склонения. Здесь приведено склонение имен существительных по сербскому лингвисту М. Стевановичу. По первому склонению изменяются существительные м. р. на согласный и существительные с. р. на *o* и *e*. В нем мы видим остатки всех основ мужского

рода и среднего рода -ѣ и -і ѣ основ. Все падежи имеют окончания -ѣ основ, кроме пред. пад. По второму склонению склоняются существительные среднего рода с расширенной основой. Старые существительные -п и -nt основ принадлежат этому склонению. Кроме этого, сохранились несколько существительных, остатков -s основ. Все они имеют в ед. ч. окончания -ѣ основ. По третьему склонению изменяются существительные ж. р. на -а, а по четвертому существительные ж. р. на согласный. В третьем склонении видны остатки -ā, -ī ā, -ū и -г основ. Некоторые окончания эти существительные взяли от -ā основ, а некоторые от -ī ā. Что касается четвертого склонения, то здесь мы видим имена существительные старых -ī основ ж. р. Они сохранили свои падежные окончания.

Литература

- Белић А. Историја српског језика. Београд: Завод за уџбенике, 2006.
 Бошковић Р. Основи упоредне граматике словенских језика. Београд: Требник, 2000.
 Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М., Высшая школа, 1981.
 Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., Просвещение, 1990.
 Русская грамматика: В 2 т. / Академия наук СССР. Институт русского языка. М., Наука, 1980.
 Станојчић Ж, Поповић Љ. Граматика српског језика. Београд: Завод за уџбенике, 2008.

Сложное будущее II и глагольная форма с префиксом *uz-* в хорватском языке

К. Митани

Токийский университет (Япония)

Сложное будущее, будущее и предбудущее, ингрессивное значение.

Summary. The paper treats the "second future" (F2) as well as the special verb form prefixed with *uz-* in Croatian. Specificity of F2, compared to the old Slavic future perfect, and the availability of special present forms with the prefix *uz-* as a functional alternative to F2 are discussed. Based on diachronic evidences, the author ascertains that the form with *uz-* is a remnant of an old dialectal feature of the Štokavian, and its emergence can be placed on the conjuncture of the immature use of FII and the ingressive meaning of *uz-*. The usage of the prefix *vz-* to denote the future meaning in old Czech is also considered.

Настоящая работа посвящается синтаксическим и семантическим свойствам сложного будущего II в славянских языках, в том числе в хорватском. В связи с этой формой в работе также рассматривается своеобразное употребление префикса *uz-*, формирующего функциональную альтернативу для будущего II в хорватском языке.

Сложное будущее II в старых славянских языках образовалось от действительного причастия прошедшего времени (причастия на -л) с будущей формой вспомогательного глагола *byti: *b d pisa^л. В старославянском языке данная форма обозначала действие, предшествующее другому действию в будущем.

Наблюдаемая форма встречалась также в древневосточнославянском и старочешском языках, но в процессе изменения этих языков она в них исчезла; в польском и словенском форма превратилась в средство обозначения абсолютного будущего. В отличие от этих славянских языков, хорватский сохранил данную форму в качестве будущего второго (*futur drugi* или *futur egzakt*, далее F2), использование которого синтаксически ограничено в придаточных предложениях условия и времени.

Несмотря на формальное сходство и историческую связанность, F2 в хорватском функционально отличается от будущего II старославянского: старославянское будущее II формировалось от совершенных глаголов и высказывало завершенность действия перед другим действием, хорватский же F2 большей частью образуется от несовершенных глаголов и обозначает действие, одновременно происходящее с другим действием в будущем.

В связи с F2 в хорватском языке известно наличие своеобразной приставочной глагольной формы настоящего времени несовершенных глаголов с *uz-* (*ustreba, uzmogne*), используемой в качестве функциональной альтернативы F2. Форма с префиксом *uz-* (далее, *uz-Vpr*) весьма редка в современном хорватском, но она была неоднократно отмечена в грамматиках прошлых веков. Тексты разных жанров, написанные в XIV–XVII вв., также свидетельствуют, что данная форма нередко употреблялась старыми хорватскими писателями. Все эти материалы указывают, что использование префикса *uz-* в качестве морфологического средства для обозначения будущего отношения является признаком старого штокавского наречия, на котором формировался стандартный хорватский, а наблюдаемая форма с *uz-* в современном языке представляет собой остаток такого специального употребления префикса *uz-*.

Происхождение формы *uz-Vpr* можно связывать с недостаточным развитием F2, а также с функцией префикса *uz-*.

Различное отношение филологов к F2, обнаруживаемое в старых хорватских грамматиках, говорит о том, что в истории хорватского языка грамматическое значение и синтаксические условия использования данной формы воспринимались носителями языка неоднозначно. В этих обстоятельствах, вероятно, ощущалась потребность в четком средстве выражения будущего действия, относящегося к другому действию в будущем. Именно в связи с этим можно объяснить возникновение формы *uz-Vpr*. Префикс *uz-* (<*vъz-) может выражать способ действия ингрессивности, которым маркируется переход от неосуществленности какого-либо действия к его осуществлению. Прагматической импликацией при этом является продолжение того же действие в момент отсчета (*uskipi* = 'переход от состояния не-кипения к кипению и дальнейшему продолжению состояния кипения'). Нетрудно заключить, что глагольная форма настоящего времени с префиксом *uz-* в придаточном предложении стала способна функционировать как средство выражения действия, происходящего после момента высказывания и продолжающегося в момент отсчета в будущем.

В пользу этого толкования можно отметить параллельное употребление префикса *vz-* в старочешском языке. В старочешских текстах, в том числе в самых старых переводах Псалтыря, обнаруживается использование префикса *vz-* для обозначения будущего времени (*vzbydlí* «будет жить», *vzhněvá* «рассердится»). Употребление ингрессивного способа действия как средства выражение будущего основано на том же когнитивном процессе, при котором глаголы с основой **-сьп-* (*начать, роцети, зацети*), имеющей инхоативное значение, семантически весьма близкое со значением ингрессивности, используются в качестве вспомогательных глаголов временных форм сложного будущего в старых славянских языках.

Форма с *vz-* в чешском исчезала на ранней стадии его письменности, а употребление формы *uz-Vpr* в хорватском также подверглось вытеснению и ограничивается отдельными лексическими единицами. Причину таких изменений можно видеть в языковой системе славянских языков, в которых префиксация глагольной основы представляет собой, прежде всего, словообразовательный процесс, а не словоизменительное средство глагола. Так как формы с *vz-* в чешском и *uz-Vpr* в хорватском являются в этом смысле аномальными, они были полностью вытеснены или же подверглись маргинализации.

Литература

- Пешикан М. Староцрногорски средњокатунски и љешански говори. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1965.
- Barić E., Lončarić M., Malić D., Pavešić S., Peti M., Zečević V., Znika M. Hrvatska Gramatika. II. promijenjeno izdanje. Zagreb: Školska knjiga, 1997.
- Galton H. The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite, 1976.
- Katičić R. Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: HAZU, Globus, 2002.
- Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.
- Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 3. Wien, 1856; Bd. 4. Wien, 1868–1874.

О системных предложных единицах, которые не в ладах с нормами русского языка

Т. Е. Чаплыгина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Мотивированные предлоги, предложные единицы, грамматикализация, система языка, морфосинтаксическая парадигма.

Summary. The results of functional grammatical description of the prepositional units with different degrees of codification, motivated by the noun “lad” (harmony) are considered.

Объективная научная картина невозможна без изучения языка во всех его проявлениях. К «объективно-познавательному» отношению к языку призывал А. М. Пешковский, отмечавший, что для лингвиста не существует «ни “пра-

вильного” и “неправильного” в языке, ни “красивого” и “некрасивого”, ни “удачного” и “неудачного”» [Пешковский 2010: 4].

О том, что носитель языка, даже нарушая норму, не выходит за рамки системы языка, писал В. А. Карпов, по мнению которого «в системе заложены возможности и для нормы и для ее нарушения. Норма предполагает конвенционализм на базе высокой употребительности, нарушение лежит в рамках сознательного или бессознательного отступления от конвенций» [Карпов 2009: 49].

Нацеленность на сбор максимально полного корпуса единиц, выполняющих функции предлога, потребовала учета всех реальных случаев употребления таких единиц и позволила выявить системные предлоги с разной степенью кодифицированности.

В ходе анализа предлогов, мотивированных существительным «лад», были зафиксированы следующие единицы, представляющие собой составные предлоги, образованные от существительного «лад» в форме вин. п. ед. ч. (*в лад*), а также в форме предл. п. ед. ч. (*в ладу*) или мн. числа (*в ладах*), в сочетании с препозитивным немотивированным предлогом «в»:

- **в лад, в ладу с, в ладах с**, которые отмечены и в литературных источниках: *С его неясными словами моя душа звучала в лад.* (А. С. Пушкин); *Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу.* (А. Твардовский) и в языке естественного общения: *Слово с делом явно не в ладах* (Устн. публ.); *Клара научилась жить в лад жизни малыша: спала, когда спал он, и вместе с ним просыпалась...; А столешницу в лад к фартуку хочу; Покупающие Ладу явно не в ладу с головой; Как оставаться в ладах с подъездными бабушками?* (Интернет);
- **владу с, владах с** со слитным написанием препозитивного предлога «в», а также варианты с добавлением вокализованного препозитивного предлога «во»: **во владу с, во владах с**, отмеченные только в языке неформального, естественного общения (как в устной, так и в письменной форме): *Не нужен интеллект такой, что не владу с моей душой!! Я не владах с терминологией на английском; А мне страшно оттого, что человек совсем не владах с русским; Если владах с компьютером, возьмите работу на дому по наборке текстов; Кто живет во владу с биосферой, тот нормальный, а кто пилит сук на котором сидит, явно с отклонением; Парень явно не во владах со своими эмоциями; Живи во владах с совестью!!!* (Интернет).

В академических словарях данные единицы либо не фиксируются, либо не маркированы, либо относятся к устойчивым сочетаниям или фразеологизмам. Так, только «в лад с кем, чем» маркирован «в знач. предл.» в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой.

Как оказалось, данные предлоги мотивированы разными лексико-семантическими вариантами существительного «лад», что отражается в их семанти-

ке, и позволяет «развести» по разным группам предлог «в лад» и предлоги «в ладу / в ладах».

Предлог **в лад** имеет синонимико-вариативный ряд реализаций: **в лад + чего / чему / к чему / с чем**: *Игнат весело покрикивал на лошадь в лад песни.* (Л. Толстой); *В лад резному деревянному декору на крыльце и окнах, создавалось не менее выразительное убранство крыши из кружевной жести* (Инт.); — *Но жениться — это не одному с целой половецкой ордой воевать, — подстраиваясь в лад к отцу, зарумянился княжич* (Н. Пахомов); *И, как бы в лад с его настроением, весь октябрь стояла чудесная погода* (И. Бунин); передает значение: ‘подстраиваясь под что-то / кого-то, согласовывая свои действия с чем / кем-либо; соответствуя ритму, темпу чего-либо’.

Предлоги **в ладу, в ладах** отмечены только с управляемым существительным в тв. п. с предлогом «с» и передают значения: а) ‘быть в согласии, в мире с кем / чем-либо’: *Все мы задумываемся, как жить в ладу с богом и с собой* (Инт.); *У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей.* (Солженицын); б) ‘разбираться в чём-либо, хорошо знать, понимать’: в сочетаниях с отрицательной частицей «не»: ‘иметь трудности в изучении чего-либо, не очень понимать, разбираться’: *Кто в ладах или не в ладах с русским языком сразу видно по тому, как излагает мысль и как пишет; Не в ладах с дробями.*

Эти же значения передают и некодифицированные варианты **владу / владах с кем-чем, во владу / во владах с кем-чем**: *Ощущение, что весь диалог ведет один или несколько человек, которые не владу с русской грамматикой; Не все владах с компьютерами; Будьте во владу с собой и окружающей средой...; Что сделать, чтобы остаться во владах с законом?* (Интернет).

Частотны сочетания рассматриваемых предлогов с отрицательной частицей «не»: *Когда наука не в ладах с логикой; Богословская мысль билась не в лад с сердцем Церкви и в конце концов забыла дорогу к этому сердцу; ...этот человек явно не во владах с головой.*

Для рассматриваемых предложных единиц характерен сдвиг в семантике и выпадение из словоизменительной морфологической парадигмы. Ср.: собственно существительное: *лад в семье — без лада в семье — о ладе в семье*, но: *А смуглянка-молдаванка отвечала парню в лад...* — *лад парню, *без лада парню, *о ладе парню; *У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей.* (Солженицын) — *лад / лады с совестью, *без лада / ладов с совестью, *о ладе / ладах с совестью.

Литература

Карпов В. А. Язык как система. М., 2009.

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. М., 2010. С. 3–15.

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков

Синтаксис

Слово *один* в русских количественных конструкциях

И. В. Галактионова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Количественные конструкции, конструкции со значением времени, слово **один**.*

Summary. The paper deals with some peculiarities of using the word *odin* 'one' in a number of Russian numeral constructions naming clocktime.

1. Числительные в русском языке, как известно, весьма своеобразная часть речи, что выражается в том числе в специфике синтаксических конструкций, в состав которых слова этой части речи входят (см. об этом, например, в [Мельчук 1985]). Известно также, что слово *один* по морфологическим и синтаксическим свойствам числительным не является, однако в своем количественном значении оно используется в тех же конструкциях, что и числительные. В работе рассматриваются особенности функционирования слова *один* в одном из семантических типов русских количественных конструкций — конструкциях со значением времени, измеренного в часах и минутах: *Было два часа десять минут, когда он вернулся*. Эти конструкции могут использоваться для обозначения времени (собственно времени — как в приведенном примере — или момента, когда имеет место, начинается или заканчивается какая-то ситуация: *Все произошло <началось, закончилось> в два часа десять минут*) или длительности ситуации (*Заседание продолжалось два часа десять минут*). Наибольшим разнообразием в русском языке обладают конструкции, используемые в контекстах первого типа. Кроме того, подобные конструкции идиоматичны по отношению к другим языкам и по этой причине — а также по соображениям прагматической важности — обязательно включаются в пособия для изучающих русский язык (см., например, подробное описание в [Всеволодова, Потапова 1973: 22–31], а также написанный Ф. И. Панковым раздел в [Книга о грамматике 2009: 210–213]).

2. Выделяется четыре основных конструкции со значением времени (собственно времени и момента действия), каждая из которых ниже представлена в своем полном базовом варианте с помощью условной записи, где количество часов обозначено через *X*, а количество минут — через *Y*:

- (1) *X часов Y минут (два часа десять минут, пятнадцать часов сорок пять минут);*
- (2) *Y минут X-го (десять минут третьего, двадцать пять минут восьмого);*

- (3) *без Y минут X (без пятнадцати минут пять, без трех минут девять);*
 (4) *X-ый час (третий час, двенадцатый час).*

Кроме базовых, у большинства приведенных конструкций бывают сокращенные варианты (например, *два часа десять минут — два десять*) и модификации (*без пятнадцати минут пять — без четверти пять*).

3. Для указания на количество часов и минут (то есть для заполнения позиций *X* и *Y*) используются слова с количественным значением: собственно числительные — в позиции *X* в (1) и (3) и в позиции *Y* во всех конструкциях, имеющих эту позицию, порядковые прилагательные — в позиции *X* в (4), субстантивированные порядковые прилагательные — в позиции *X* в (2). Разумеется, в позициях *X* и *Y* допускаются не любые слова с соответствующими грамматическими характеристиками: лексическое наполнение конструкций определяется прежде всего количеством часов в сутках и минут в часе.

4. Хотя слово *один* морфологически не отличается от прилагательных, благодаря своему «количественному» лексическому значению оно используется в позициях, предназначенных для числительных, а не для порядковых прилагательных, и при этом обнаруживает некоторую специфику. *Один* ведет себя по-разному не только в разных конструкциях, но и в разных позициях в пределах одной и той же конструкции.

4.1. Слово *один* в конструкции (1) может занимать позицию *X* и *Y*: *Первый толчок произошел в один час одну минуту <в один час пятнадцать минут, в три часа одну минуту>.*

Группа *один час* обычно выступает в сокращенном виде: вместо *один час* говорят *час (в час пятнадцать минут)*; причем при ином лексическом заполнении позиции *X* аналогичная группа сокращается до числительного, даже если оно является в этой группе зависимым, подобно слову *один (два часа десять минут — два десять; успеть все сделать до двух часов десяти минут — до двух десяти)*. Таким образом, в группе *один час* слово *один* необязательно. Напротив, слово *час* обязательно (ср. неправильное **в один пятнадцать* при нормальном *в два <три, четыре...> пятнадцать*).

В группе *одна минута* слово *один* обязательно (ср. неправильное **Поезд отправляется в (один) час минуту <в два часа минуту>*). Слово *минута* также обязательно (ср. крайнюю сомнительность *??прибывать в пять одну*; чтобы сделать это сочетание правильным, нужно добавить слово *ноль: прибывать в пять ноль одну*). Таким образом, группа *одна минута* не может выступать в сокращенном виде (в отличие от групп со многими другими числительными: ср. *прибывать в пять пятнадцать*).

4.2. В конструкции (2) слово *один* может занимать только позицию *X*: *Часы показывали одну минуту первого.*

В группе *одна минута* слово *один* скорее обязательно (ср. сомнительное *?Часы показывали минуту первого*). Слово *минута*, безусловно, обязательно

(ср. неправильное **Часы показывали одну первого*; при этом вставка слова *ноль* ситуации не исправляет: **Часы показывали ноль одну первого*, впрочем, она весьма сомнительна и при наличии слова *минута*: *??Часы показывали ноль одну минуту первого*). Таким образом, и в конструкции (2) группа *одна минута* в норме не выступает в сокращенном виде.

4.3. В конструкции (3) слово *один* может занимать только позицию Y: *Звонок прозвенел без одной минуты шесть* (при этом собственно числительные способны занимать и позицию X).

Хотя в качестве точки отсчета (X-а) в этой конструкции может быть выбрано время, равное *одному часу*, употребить именно это сочетание в ней невозможно: нужно использовать слово *час*, ср. *Звонок прозвенел без пяти минут час*, но не **без пяти минут один час* (при этом если речь идет о *двух <трех, четырех...> часах*, то, напротив, невозможно использование слова *час*: *без пяти минут два*, но не **без пяти минут два часа*). Таким образом, для передачи смысла 'один час' используется слово *час*, а для обозначения любого другого времени — соответствующее числительное.

В группе *одна минута* слово *один* обязательно (ср. неправильное **Звонок прозвенел без минуты шесть*). Слово *минута* также обязательно (ср. неправильное **Звонок прозвенел без одной шесть*; при этом вставка слова *ноль* дает неприемлемый результат и при отсутствии слова *минута* и при его наличии: **Звонок прозвенел без ноль одной шесть*, **Звонок прозвенел без ноль одной минуты шесть*). Таким образом, в конструкции (3) группа *одна минута* не может выступать в сокращенном виде.

5. Таким образом, слово *один* в составе рассматриваемых конструкций ведет себя иначе, чем используемые в тех же конструкциях числительные, что можно считать следствием его отличной от числительных морфологической природы. Но это слово ведет себя по-разному даже в пределах одной и той же конструкции и в пределах группы семантически близких конструкций. Так было показано, при слове *минута* слово *один* обязательно, а при слове *час* либо необязательно, либо даже невозможно.

По крайней мере конструкция (1) может иметь и другое лексическое наполнение (в этом случае она, разумеется, обозначает уже не время, а, например, вес (*два килограмма сто грамм*), размер (*три метра восемь сантиметров*), цену (*три рубля пятьдесят копеек*). Некоторые из описанных на материале конструкции (1) особенностей не зависят от лексического наполнения, а значит, связаны с устройством самой конструкции, а не со словами *час* или *минута*.

Литература

Всеволодова М. В., Потапова Г. Б. Способы выражения временных отношений. М., 1973.
Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А. В. Величко. 3-е изд. М., 2009.

Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 16. Wien, 1985.

Аналитические конструкции с семантикой соответствия в русском языке

Н. А. Герасименко

Московский государственный областной университет (Россия)

*Аналитическая конструкция, связочно-субстантивное сказуемое,
бисубстантивное предложение, семантика соответствия.*

Summary. The author describes analytical constructions within copula-substantive predicate of bi-substantive sentences. Using the example «под стать» (to be well matched), the author demonstrates how the meaning of similarity or correlation can be shown in different types of context. Increased usage of case and prepositional-case forms of nouns in the predicative function is determined by increasing rational and estimating character of modern speech. Both processes can be perfectly expressed with the help of sentences with copula-substantive predicate.

1. Аналитизм в связочно-субстантивном сказуемом

Тенденция к развитию аналитизма в современном русском языке активно проявляется в связочно-субстантивном сказуемом, которое предназначено к преимущественному функционированию в информативном речевом регистре [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998], так как отражает мыслительную деятельность человека. Связочно-субстантивное сказуемое [Герасименко 2012: 45] — особый вид составного именного сказуемого, в котором в функции именной части используются падежные и предложно-падежные формы имени существительного, а также синтаксических эквивалентов существительного: местоимений-существительных, субстантивированных прилагательных и причастий: *После этой поездки я чувствую себя старой старухой* (Ю. Буйда); *То, что он рассказал, оказалось подступами к правде* (Е. Чижова); Увеличение частоты употребления падежных и предложно-падежных форм существительного в предикативной функции связано, с одной стороны, с усилением рассудочного характера современной публицистической и художественной речи, проникновением элементов научной речи в разговорную речь, с другой — с усилением оценочной составляющей современной речи. И то и другое явления адекватно выражаются в предложениях со связочно-субстантивным сказуемым (бисубстантивных предложениях), способных передавать мыслительные и оценочные операции, производимые говорящим: *Спорт, бизнес и секс — вот программа среднего американца* (В. Токарева) — обобщение; *Между тем победа на выборах вовсе не была свершившимся фактом* (О. Славникова) — отождествление; *Илья был как в лихорадке: ехать, скорее ехать* (Л. Улицкая) — характеристика состояния лица; *В одном родители сходились безусловно: актриса и режиссер — ягоды одного поля* (Е. Чижова) — оценка.

Аналитическая конструкция в связочно-субстантивном сказуемом формируется в результате взаимодействия основного именного и связочного компонентов, которые совместно выражают вещественное и грамматическое значение зависимого главного члена предложения — сказуемого. При этом грам-

матические значения модальности, времени и лица выражаются формами связки, а содержание приписываемого предикативного признака названо субстантивным компонентом сказуемого. Важно, что определенные разряды связок могут участвовать в выражении содержательной составляющей сказуемого и вносить в его смысл обобщенные значения: *По сравнению с Москвой Ленинград **представлял** очень заграничным, очень прогрессивным городом* (Д. Рубина); *Чем дальше, тем неотступнее Маша думала о том, что в этом лесу, в котором ей довелось родиться, она **принадлежит** к разным, враждебным друг другу племенам* (Е. Чижова).

2. Предложно-падежные формы со значением соответствия

Семантика соответствия в русском языке имеет разные способы обозначения. Прямым выражением этого значения является наименование глаголами: *соответствовать, подходить* и под. Однако в русском языке имеются предложно-падежные формы, которые выражают это значение опосредованно, через наименование предикативного признака предмета путем относительной характеристики: *под стать, в пару, в дополнение, в пандан* (устар., но активизирующееся). В современной речи эти формы со значением соответствия стали синтаксически связанными и употребляются в составе связочно-субстантивного сказуемого бисубстантивного предложения: *Бросает так: «**Под стать** Дикому и Кабаниха» — широкий взмах руки и челки* (Е. Чижова). *Эта твоя кофточка как раз **в пару** к моей юбке* (В. Токарева); *И **в дополнение** к нему [костюму] — галстук* (Ю. Поляков).

Остановимся на семантике фразеологизма *под стать*. В предикативном употреблении в бисубстантивном предложении фразеологизм *под стать* выражает как значение сходства, так и значение соответствия: *Пустынный прицепной вагон сильно раскачивало, подкидывало на стрелках и стыках рельсов, и мои размышления вскоре стали **под стать грезам*** (Ю. Нагибин) — (похожи на грезы). *Она двигалась бесшумно и плавно, и все в ней — незаметная быстрота движений, рост, голос, серые глаза и белокурый цвет волос были **под стать друг другу*** (Б. Пастернак) — (соответствуют друг другу).

В некоторых случаях два описываемых вида значений представляют собой нерасчленимый семантический конгломерат, что свидетельствует о тесной связи этих значений между собой и их исторической общности: *Мрачноватое пыльное помещение **под стать вестибюлю**, но значительно более обширное* (Бр. Стругацкие) — помещение и соответствует описанному ранее вестибюлю, и похоже на него.

Аналитический способ выражения семантики соответствия в русском языке не является экзотически редким и заслуживает специального изучения.

Литература

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общей ред. Г. А. Золотовой. М., 1998.

Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М., 2012 [<http://vestnik-mgou.ru/Books/Index/#book15>].

**К проблеме неоднозначности субстантивных синтаксем
(на материале синтаксемы *перед* + Твор. п.)**

Е. Г. Жидкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

*Творительный падеж, пространственное значение, значение времени,
одушевленные существительные*

Summary. The theses present different meanings of Russian syntaxeme «*перед* + Instrumental case». It focuses on the temporal, locative and subjective meanings.

1. В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой [Золотова 2006] представлен репертуар синтаксем русского языка — минимальных синтаксических единиц, которые являются строительным материалом словосочетаний, предложений и текстов. В словарной статье *перед* + Твор. п. выделяются пространственные, временные, субъектные, объектные и сравнительное значения. Эти значения находятся в сложном взаимодействии. Основным фактором, влияющим на это взаимодействие, является категория одушевленности / неодушевленности. По запросу в НКРЯ *перед* с одушевленными существительными дает 46 222 вхождения, с неодушевленными — 72 172, с местоимениями 1-го и 2-го лица — 11043.

2. Если локативные синтаксемы *перед* + Твор. п. образуются как от неодушевленных, так и от одушевленных существительных, то темпоральные синтаксемы более избирательны. В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой для предлога *перед* отмечается его сочетаемость с одушевленным существительным или местоимением: «Личное имя или местоимение в темпоративной синтаксеме *перед* кем-л. вносит в нее значение субъекта — предшественника в аналогичном действии, занятии» [Золотова 2006: 270]: *А теперь вот сидите сами За конторкою у стола, А сидевшая перед вами Добровольно на фронт ушла.* Г. А. Золотова отмечает, что для одушевленных существительных и личных местоимений возможны случаи совмещения значений, например, локатива и субъекта восприятия: *Вздрыгнув, она глядит... и что же? Пред нею мать* (Пушкин) [Золотова 2006: 268].

В словаре Пушкина для предлога *перед* выделяется значение ‘за некоторое время до чего-н.’, и в ряду примеров встречаем: *Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачевым* [Словарь 2000].

3. В современном русском языке сочетание предлога *перед* с одушевленными существительными в творительном падеже может давать не только

субъектно-пространственное значение (*Перед Ксенией пела одна из habituée аристократических салонов* — Вас. И. Немирович-Данченко), но и субъектно-временное (*Перед Приговым читал стихи воин-афганец* — Н. Климонтович). При отсутствии контекста или конситуации подобные предложно-падежные формы могут давать неоднозначное прочтение. Например, предложение *Перед Пугачевой пел / оказался Киркоров* можно понять, как 1) Пугачева смотрела выступление Киркорова или как 2) Пугачева выступала после Киркорова.

4. Соединение семантики пространства и времени свойственно и для таких предложно-падежных форм, в которых существительные с пространственной семантикой получают дополнительное событийное значение: *перед школой; перед музеем надо заехать домой; И проследи, чтобы она поела перед музыкалкой* (Интернет). Эти предложения отличаются от предложений с субъектно-временными синтаксемами таксисно: пространственно-событийные образуют односубъектные конструкции, субъектно-временные синтаксемы — полисубъектные конструкции.

Литература

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2006.
Словарь языка Пушкина. М., 2000.

Синтаксические конструкции со значением сравнения и образа действия в языке печатных средств массовой информации (на примерах современного сербского языка)

Милка Николич

Университет в Крагуевац (Сербия)

Синтаксические конструкции сравнения и образа действия, газетный текст, стилистическая маркировка, сербский язык.

Summary. The paper discusses the structural and semantic types of comparative-manner syntactic constructions and the ways of their stylistic marking on the corpus of daily, weekly and monthly Serbian newspapers. The analysis showed the following types of comparative-manner constructions: with the comparative word *kao*, with a proposition *poput*, dependent clauses. Journalists mark the comparative structures stylistically with picturesque comparative unit, changing the usual arrangement of constituents, intonation emphasis, marked by stylistically verbal lexemes.

Предметом настоящего рассмотрения являются синтаксические конструкции с семантикой сравнения и образа действия в современном сербском языке на материалах ежедневных, еженедельных и ежемесячных газет, занимающихся актуальными общественными, политическими и экономическими темами. Целью этой работы является изучение (1) распространенности отдельных структурно-семантических типов и (2) стилистического аспекта конструкций со значением сравнения и образа действия в языке газетных текстов на современном сербском языке. Анализ показывает, что конструкции со значением сравнения и образа действия больше всего присутствуют в ежедневных, а мень-

ше всего в ежемесячных газетах. Больше присутствуют в аналитических и литературно-публицистических жанрах, а меньше в информативных жанрах.

Синтаксическая подсистема конструкций со значением сравнения и образа действия в сербском языке охватывает несказуемые и сказуемые синтаксические единицы. В языке печатных средств массовой информации присутствуют все структурно-семантические типы конструкций со значением сравнения и образа действия, характерные для современного сербского языка: (1) конструкции со сравнительным словом *као*, которые самые частотные (присутствуют чаще всех других); (2) конструкции с предлогом *попут*; (3) зависимые обороты с союзом *како*; (4) зависимые обороты с союзом *као да*; (5) зависимые обороты с союзом *као што* (присутствуют меньше всех других).

Приводим характерные примеры несказуемых синтаксических конструкций со значением сравнения и образа действия в сербских печатных средствах массовой информации: (1) конструкции со сравнительным словом *као*: Тада је заиграо *као у трансу*, дигао успавану публику на ногу и на уласку у четврти сет игре добио сет резултатом 7 : 5; (2) конструкции с предлогом *попут*: Наиме, трговци дрогом отимају људе и присиљавају их да се *попут гладијатора у старом Риму* боре до смрти.

Приводим характерные примеры сказуемых синтаксических конструкций со значением сравнения и образа действия в сербских печатных средствах массовой информации: (1) зависимые обороты с союзом *како*: Постоји опасност да он изгуби легитимитет уколико не промени курс деловања и не настави да спроводи политичке реформе *како је предложио*; (2) зависимые обороты с союзом *као да*: Покрајинска власт се према нама понаша малтене *као да нас нема*, а бирократија нас види само када добијемо неко признање, по оној народно „пусти пужу рогове“; (3) зависимые обороты с союзом *као што*: Публици се, потом, обратио сам писац, причајући *као што пише*, без длаке на перу.

В стилистическом плане, в газетных текстах появляются стилистически нейтральные и стилистически маркированные конструкции сравнения и образа действия. Стилистически нейтральными конструкциями со значением сравнения и образа действия осуществляется функция сообщения. С их помощью достигается четкость описания и точность утверждения.

Стилистически маркированные конструкции сравнения и образа действия позволяют автору: (1) высказывать личное мнение, при этом с помощью сравнения обращается внимание на важные детали, подчеркивается суть, выражается ирония по отношению к тому, о чем идет речь; (2) обращать внимание на форму сообщения, в чем проявляется эстетическая функция; (3) внушать читателю определенное мнение, в чем проявляется функция действия; (4) фразеологические сравнения позволяют приближение газетного текста к широкому кругу читателей.

Журналисты стилистически маркируют сравнительные конструкции следующими языковыми средствами: (1) живописной сравнительной единицей (в контексте неожиданным синтаксическим содержанием с определенными коннотационными семантическими нюансами); (2) фразеологизмом; (3) изменением привычной схемы составляющих; (4) интониционным подчеркиванием; (5) стилистически выделенной глагольной лексемой.

Литература

- Ковачевић Милош. Пропорционалне у систему поредбених конструкција са значењем једнакости // Граматичке и стилистичке теме. Књижевна задруга, Бања Лука, 2003. С. 97–140.
- Николић Милка. Поредбено-начинске синтаксичке конструкције с поредбеном речју као у савременој српској прози // Српски језик. 2012. XVII / 1–2. С. 127–146.
- Николић Милка. Предикатске поредбено-начинске конструкције у савременој српској прози // Српски језик. 2014. XIX / 1–2. С. 537–552.
- Вукојевић Лука. Strukturno-semantički status poredbenih rečenica // Filologija. 27. Zagreb, 1996. S. 123–151.

Условные конструкции в резьянском языке

М. Пила

Университет г. Констанц (Германия)

Условные предложения, потенциальность, контрафактичность, имперфект, резьянский микроязык.

Summary. The paper focuses on verbal forms used in conditional sentences in Resian, a Slavic minority language spoken in Northern Italy. While most of the Slavic languages do not distinguish possible from counterfactual conditions, the Resian dialect, which (due to the contact-induced influence of Italian) has not completely lost the imperfect as a synthetic past, expresses this difference, with the preserved imperfect forms assuming the role of counterfactual markers.

В настоящем докладе рассматриваются глагольные формы, употребляемые в условных предложениях (выражающих потенциальность и контрафактичность) в резьянском языке, т. е. в микроязыке словенского меньшинства, населяющего долину североитальянского региона Фриули-Венеция-Июлия. Резьянский язык составляют четыре главных диалекта, на которых говорят в деревнях Сан Джорджо (San Giorgio), Нива (Gniva), Озеакко (Oseacco) и Столвица (Stolvizza), и некоторые смешанные варианты¹. С тех пор, как резьянская долина стала частью Венецианской Республики, т. е. уже с XV века, резьянский язык находится в интенсивном контакте с романскими диалектами, в то время, как связь со словенским языком почти полностью прекратилась. В течение приблизительно последних 150-ти лет он находится в ситуации абсолютного языкового контакта со стандартным итальянским языком.

Как известно, во многих славянских литературных языках для выражения потенциальности и контрафактичности (как в главном, так и в придаточном

¹ Приведенные ниже резьянские примеры относятся к варианту деревни Столвицы.

предложениях) употребляется одна и та же конструкция, которая, таким образом, является двусмысленной. В словенском языке, например, аналогично русскому, частица *bi* сочетается с причастием на -л и выражает как реализуемые условия (и следствия), так и уже нереализуемые условия (и следствия) (1).¹

- (1) *Če bi se odpravili prej, bi prišli točno.*

Если бы (мы) отправились раньше, пришли бы вовремя.

При выражении потенциальности, подобно словескому, резьянский язык в обеих частях предложения употребляет сочетание частицы *be* с причастием на -л (2).

- (2) *Be se odg'al büfol, be tël si snëst nu moja marmelade.*

Если бы банка открылась, я бы съел немного джема (дословно: я бы хотел съесть).

- (3) *Be mola, be tëla [...] tyt w penzjun zütra pojütrë.*

Если бы могла / смогла, я бы ушла на пенсию завтра утром (дословно: я бы хотела уйти).

- (4) *Be to lîlô, karjë ob be tëllo wrast.*

Если бы шел / пошел дождь, много грибов бы выросло (дословно: много грибов хотело бы вырасти).

При выражении контрафактичности, в отличие от словенского, резьянский язык в обеих частях предложения прибегает к формам имперфекта. Чаще всего в придаточном предложении, обычно вводимом частицей *čí* 'если', имперфект вспомогательного глагола управляет причастием на -л главного глагола; в главном предложении имперфект модального глагола *tët* 'хотеть' управляет инфинитивом главного глагола.

- (5) *Či bëshamo se špartili prid, tëshamo dojtyt.*

Если бы (мы) отправились раньше, (мы) бы пришли вовремя (дословно: мы хотели бы прийти).

- (6) *Či bëshë möel, tëshë prodet išo ano zütra tyt w penzjun.*

Если бы мог / смог, я бы продал квартиру и ушел бы на пенсию завтра утром (дословно: я бы хотел продать... и уйти...).

- (7) *Či to mëshë lîlô, tëshajo wrast karjë ob.*

Если бы шел / пошел дождь, выросло бы много грибов (дословно: хотело бы вырасти).

¹ В принципе, в словенском существует еще и второй претеритальный кондиционалис.

Имперфект, который во многих славянских языках (включая и словенский) давно уже исчез, в какой-то мере сохраняется в резьянском языке, в котором он сочетается с модальными или вспомогательными глаголами для выражения контрафактичности. Сохранению в резьянском языке форм имперфекта, скорее всего, способствовал контакт с итальянским разговорным языком, где имперфект свободно употребляется для передачи ирреальных условий и следствий. Именно сохранение форм имперфекта позволяет резьянскому различить контрафактические контексты и потенциальные и избежать той двусмысленности, которая характеризует большинство славянских языков.

Литература

- Benacchio Rosanna.* Il contatto slavo-romanzo nel croato del Molise e nei dialetti sloveni del Friuli // Scholze L., Wiemer B. (eds.). Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag. Bochum: Universitätsverlag, 2009. S. 177–191.
- Breu Walter.* Il verbo slavomolisano in confronto con altre lingue minoritarie: mutamento contatto-dipendente, resistenza e sviluppo autonomo // Walter Breu (a cura di), L'influsso dell'italiano sul sistema del verbo delle lingue minoritarie. Resistenza e mutamento nella morfologia e nella sintassi. Bochum: Brockmezer, 2011. S. 149–184.
- Steenwijk Han.* The Slovene dialect of Resia. San Giorgio. Rodopi. Amsterdam; Atlanta, GA, 1992.

Регистровая принадлежность конструкций с препозитивным атрибутивным оборотом при местоименном подлежащем в абсолютном начале предложения

В. Б. Портнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Коммуникативный регистр, жанр текста, атрибутивный оборот.

Summary. In this paper a prepositive attributive construction that modifies a personal pronoun is regarded in terms of communicative register. The main issue of this report is the relationship between communicative register and genre as two levels of realization of the speaker's strategy in the text.

Цель данного доклада состоит в том, чтобы на основе анализа особенностей регистровой принадлежности конструкции (препозитивный атрибутивный оборот при местоименном подлежащем в абсолютном начале предложения), рассматриваемой в рамках одного жанра, сделать выводы о связях и иерархическом отношении коммуникативного регистра с более общим уровнем реализации коммуникативной стратегии говорящего — жанром текста.

Материалом исследования послужил массив примеров (выборка из НКРЯ) из текстов одного жанра — биографии (или вторичных жанров с элементами жанра биографии). Все контексты содержат одну синтаксическую конструкцию — препозитивный атрибутивный оборот в абсолютном начале предложе-

ния, определяемым словом является личное местоимение третьего лица. Тексты, из которых взяты контексты, относятся к XIX в.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что сочетание коммуникативных регистров в рассматриваемой конструкции способно создавать «эффект» другого регистра (генеритивного), что является проявлением реализации стратегии говорящего на уровне жанра текста.

Теоретической базой исследования являются теория коммуникативных регистров, функционально-семантическая классификация глаголов Г. А. Золотовой, теория первичных и вторичных жанров М. М. Бахтина, работы отечественных грамматистов (А. М. Пешковский, Д. Э. Розенталь, Н. С. Валгина) по пунктуационному оформлению препозитивных атрибутивных оборотов и их семантической нагруженности.

Литература

- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 250-296.
- Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общей редакцией д. ф. н. Г. А. Золотовой. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический ф-т, 1998.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е. М.: Учпедгиз, 1938.
- Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1999 [URL: www.evartist.narod.ru/text1/20.htm (Дата обращения: 05.04.2013)].

К вопросу о структуре предложений в нефикциональных текстах репродуктивного регистра (на примере репродуктивных описаний человека)

Ю. В. Роговнева

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Нефикциональные тесты, тема, рема, репродуктивный регистр, описание.

Summary. In this paper from point of view of communicative-functional approach, we analyze the structure of sentences; this sentences are the part of reproductive texts — description of real person.

Доклад посвящен анализу структуры предложений, входящих в состав нефикциональных текстов-описаний. Большое значение для решения этой проблемы имеет понятие актуального членения, основы которого были разработаны чешским лингвистом В. Матезиусом [Mathesius 1939].

В [Роговнева 2016] представлен анализ нефикциональных репродуктивно-описательных текстов по четырехступенчатой схеме анализа Г. А. Золотовой: А. Предикативные единицы; В. Регистровые блоки; С. Тактика текста; D. Стратегия текста. Там же обращается внимание на то, что подобные нефикциональные тексты создаются с опорой на конкретную ситуацию, а синтакси-

ческая организация текстов, имеющих такую опору, отличается от организации текстов, не имеющих ее.

Нефикциональные описательные тексты представляются нам интересными с точки зрения структуры предложений, входящих в их состав и объединяющихся во фрагменты с различными рематическими доминантами [Золотова 1982]. В первую очередь это касается количества упоминаний в предложениях того объекта, который описывается говорящим. На примере текстов-описаний человека, созданных по заданию «Опишите своего соседа по парте», в докладе рассматриваются следующие случаи:

1. *Светлые волосы, короткая стрижка. Одет в рубашку и джинсы. На ногах — коричневые ботинки-тимберленды. Глаза голубые, кожа светлая. На пальце левой руки — кольцо. Сидит, положив одну ногу на другую, голова наклонена немного набок. В левой руке держит ручку и водит ей по бумаге.*

В этом тексте говорящий не использует названия описываемого объекта, а только описывает его качества, состояния или действия (что и требует от него задание).

2. *Моя соседка по парте одета в черное платье. На левой руке у нее золотой браслет, на правой — часы с крупным циферблатом. На ногах у нее черные балетки с белыми украшениями на мысках. Она стройная и высокая. Волосы у нее темные, на затылке завязан хвост.*

В этом тексте говорящий в каждом предложении использует номинацию описываемого объекта (сосед по парте, в данном случае — девушка) существительным или указанием на него личным местоимением.

3. *Слева от меня сидит мой сосед по парте. Его зовут Игорь. На нем тонкая летняя рубашка в клеточку, серые, потертые на коленках джинсы и зеленая безрукавка, надетая поверх рубашки. Обут в черно-белые адидасовские кроссовки. Пишет левой рукой, правой пощелкивает пальцами. Смотрит вниз, немного улыбается.*

В этом тексте говорящий использует названия описываемого объекта в первых трех предложениях; в следующих предложениях этих названий нет. К этому третьему случаю мы относим все тексты, в которых заданный объект называется говорящим только в начале текста (в одном первом или нескольких первых предложениях).

Таким образом, говорящий может упоминать заданный объект во всех предложениях фрагмента, не упоминать его вообще и упоминать только в первых предложениях, «вводя» этот объект в свой текст. Отметим, что во всех случаях формулировка задания включала в себя название объекта: «Опишите своего соседа по парте». Исходя из этого, можно предположить, что название

описываемого объекта действительности для говорящего является темой, «данным» (оно называется еще в задании), а все части этого объекта и его признаки — ремой, «новым». В результате говорящий может не вводить в свой текст «данное», поскольку оно уже известно, и представлять только «новое». В данном случае подтверждается тезис Л. С. Выготского о потенциальной двусоставности любого высказывания [Выготский 1999].

Анализ предложений, входящих в состав нефикциональных текстов-описаний, показывает, что деление предложений на субъект и предикат или на подлежащее и сказуемое работает не во всех случаях и тем более не приближает исследователя к постижению стратегии говорящего. Так, например, предложения *На ней белая рубашка, Белая рубашка, Рубашка белая* с одинаковой долей вероятности могут появляться в текстах-описаниях соседки, одетой в белую рубашку, и при этом в разных частях этих текстов. На наш взгляд, это связано с тем, что для говорящего при создании нефикциональных текстов-описаний, имеющих опору на конкретную ситуацию, наиболее важным и первичным является деление наблюдаемого объекта на «данное» и «новое». При этом «данным» является объект в целом, «новым» — части этого объекта и его характеристики.

Литература

- Роговнева Ю. В. Коммуникативно-функциональный анализ нефикциональных репродуктивно-описательных текстов: Автореферат канд. филол. наук. М., 2016.
 Выготский Л. С. Мышление и речь. 5-е изд. М.: Лабиринт, 1999.
 Mathesius V. O tak zvaném aktuálním členění věty // Slovo a slovesnost. № 4. 1939. S. 171–174.
 Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Иллокутивная полифункциональность древнерусских высказываний (на материале «Повести временных лет»)

В. С. Савельев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

«Повесть временных лет», иллокутивная полифункциональность высказываний.

Summary. Our lecture is devoted to oral utterances in dialogs of The Tale of Bygone Years. We determine that many of these utterances have a feature which we nominate illocutionary multifunctionality. It means that they are able to be used as some different illocutionary acts in one locutionary act at the same time. We examine the using of illocutionary multifunctional utterances which can be determined as minimum communicative units on the material of Old Russian chronicle.

1. В «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) — древнерусском летописном памятнике, который служит основным источником сведений об особенностях древнерусской устной коммуникации, — можно обнаружить диалогические фрагменты, в которых воспроизводимые летописцем высказывания пер-

сонажей ПВЛ обладают свойством **иллокутивной полифункциональности**. Речь идет о тех случаях, когда одно и то же высказывание используется в процессе одного локутивного акта одновременно в нескольких иллокутивных функциях (далее — ИФ). Таким образом, произнося такое высказывание, говорящий решает одновременно нескольких коммуникативных задач.

2. Иллокутивная полифункциональность свойственна как прямым, так и косвенным речевым актам (далее — ПРА и КРА).

- (1) *И повелѣ Янь вложити има рублѣ въ оуста и привѣзати ко оупругамъ, и пустити я предъ собою в лодьяхъ, а самъ по нихъ иде. И стаиша на оустыи Шекъкъны, и рече има Янь: «Што вамъ молвѣтъ бѣзи ваши?» Ина же рекоста сице: «Намъ бѣзи молвѣтъ: не быти нама живымъ ѿ тебе».*
И рече има Янь: «То вамъ право молвѣтъ бѣзи ваши» (6494 / 986).

Янь Вышатич задает волхвам информативный вопрос, ждет на него ответ, и волхвы отвечают ему. Однако пропозитивное содержание его вопроса не является истинным: ранее он высказал суждение, что так называемые боги волхвов *не боги, а бесы*, и своими действиями — *повелѣ вложити има рублѣ въ оуста и привѣзати ко оупругамъ* и т. д. — это суждение подтверждает. Таким образом, повторяя чужое слово, которое для него самого является ложным, Янь Вышатич насмехается над собеседниками, и эта ИФ накладывается на основную функцию высказывания «требование информации». Такой вопрос является иллокутивно полифункциональным ПРА.

- (2) *Володимиръ же рече: «То како вы инѣхъ оучите, а сами ѿвѣржени бѣа? <...>» (6494 / 986).*

Информативный вопрос кн. Владимира, представляя собой КРА (кн. Владимир не ждет от хазарских евреев ответа на него), является иллокутивно полифункциональным высказыванием (далее — ИПВ): он позволяет говорящему выразить оценочное суждение «*Нельзя, будучи отверженным от Бога, учить вере других*» и отказаться от контакта с этими проповедниками, призвав их к совершению действия «*Не надо нас учить!*» Такой вопрос является иллокутивно полифункциональным КРА.

3. ИПВ может иметь несколько дополнительных ИФ одновременно.

- (3) *Ѧвѣщавъиша же боярѣ и рѣиша: «Аще лихъ бы законъ грѣчкыи, то не бы баба твоя Влѣга прияла крѣщения, яже бѣ мудрѣиши всихъ члѣвкъ».*
Ѧвѣщав же, Володимѣръ рече: «То кде крѣщение приемъ?» Ини же рѣиша: «Кдѣ ти любо» (6495 / 987).

Кн. Владимир задает информативный вопрос, ждет ответа и получает его. При этом его реплика является реактивной и выражает согласие с советом бояр креститься, а также позволяет донести до собеседников информацию о том, что князь принял решение об общем крещении, на что указывает употребление формы мн. числа. Так же, как и в примере (1), такой вопрос является иллокутивно полифункциональным ПРА, однако в этом случае говорящий выполняет более чем одну «дополнительную» коммуникативную задачу.

4. ИПВ может состоять из одной (см. примеры 1, 3) или нескольких (см. примеры 2, 4) предикативных единиц (далее — ПЕ). В последнем случае важно, чтобы каждая из ПЕ не образовывала коммуникативной единицы, которая в рамках данной реплики-высказывания обладала бы «самостоятельной» ИФ. Изменение состава ПЕ в ИПВ, состоящем из нескольких ПЕ, неизбежно привело бы к потере ИФ высказывания в целом. Такие высказывания представляют собой коммуникативные единицы, которые строятся по определенной модели и регулярно используются для достижения определенной коммуникативной цели.

- (4) *В се же времѣ придоша люде новѣгородѣстии, просѣще кнѣзѣ себѣ: «(а) Аще не поидете к нам, (б) то налѣземъ кнѣзѣ себѣ». И рече к нимъ Скътославъ: «А бы кто к вам шель» (6478 / 970).*

(4б) называет действие, которое говорящий собирается совершить в случае осуществления (4а). Ни одна из частей (4) не является в коммуникативном плане самостоятельной: данная реплика является иллокутивно полифункциональным ПРА с функциями «сообщение о намерении при осуществлении условия + предостережение-угроза + призыв к действию».

5. ИПВ может использоваться автономно (см. примеры 1, 3, 4) или входить в состав комплексной реплики-высказывания (см. примеры 2, 5).

- (5) *И послаша к нуну, зѣлице: «(а) По что идеши ипѣть? (б) Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь (6453 / 945).*

(5а) является иллокутивно полифункциональным КРА с функциями «оценочное суждение-осуждение + призыв к действию». (5б) представляет собой монофункциональный ПРА с функцией «сообщение об актуальном положении дел, возникшем в результате события в прошлом». ИФ данной реплики-высказывания тождественно ИФ ИПВ (5а).

6. Произнося ИПВ, древнерусские коммуниканты экономят речевые усилия, используя меньшее количество знаков при сохранении объема передаваем-

мой информации. Происходит это в диалогах с установкой на быструю смену ролей «говорящий — собеседник».

- (6) *Идинъ старецъ <...> се же слышавъ, посла по старѣишины градьскыя и рѣче имъ: «Слышахъ, яко хотите передатисѣ печенѣгомъ». Ини же рѣша: «Не стѣрпѣть людѣе голода» (6505 / 997).*

Старец сообщает старейшинам, что ему известно о планах новгородцев. Оценивая уместность этого сообщения, старейшины понимают, что старец хочет убедиться в достоверности информации и / или понять причину этого решения. В качестве ответа старейшины ограничиваются изложением причины: сообщение о ней было бы бессмысленным, если бы информация не была достоверной. Таким образом, оба высказывания являются ИПВ. В «несвернутом» виде этот диалог должен был бы включать следующие реплики: — *Я слышал, что вы хотите сдаться печенегам. Так ли это? Почему вы приняли такое решение?* — *Да, действительно. Мы так решили, потому что люди не перенесут голода.*

Сравнительный анализ структуры удвоения глагольных аргументов в русском и болгарском языках

К. Суган

Токийский университет иностранных языков (Япония)

*Удвоение глагольных аргументов, информационная структура, грамматикализация,
«качественная конструкция».*

Summary. This report is dedicated to the analyses of the doubling of verbal arguments in Russian. The doubling of verbal arguments is understood as the doubling of verbal arguments by the coreferential personal pronoun within the same propositional structure. Analysis is realized through the comparison with Bulgarian from the syntactic and functional point of view. The goal of this report is to clarify the structural characteristics of the phenomenon in Russian.

Данный доклад посвящен анализу т. н. «удвоения глагольных аргументов» в русском языке. Под термином «удвоения глагольных аргументов» понимается двойное обозначение подлежащего или дополнения с помощью личного местоимения. Анализ данного явления осуществляется с синтаксической, а также функциональной точки зрения в сравнении с болгарским языком, в котором удвоение встречается значительно чаще и в ряде случаев имеет даже обязательный характер. Таким образом, цель этого доклада заключается в том, чтобы выявить структурную характеристику удвоения глагольных аргументов в русском языке.

Во-первых, на основе предыдущих исследований, посвященных данному явлению, будет рассмотрено несколько структурных характеристик и случаев употребления удвоения аргументов в разговорной речи. Удвоение глагольных аргументов чаще всего наблюдается при выдвижении именительного темы в начало предложения или высказывания. При этом именительный темы, имею-

ций местоименный коррелят в следующем за ним предложении, обычно резко выделен интонационно.

Во-вторых, подобное удвоение глагольных аргументов в русской разговорной речи анализируется с формальной и функциональной точки зрения. При этом оно сравнивается с подобным явлением, наблюдаемым в болгарском языке. В болгарской разговорной речи также употребляется удвоение глагольных аргументов, и оно довольно широко распространено и характеризуется разнообразием в формальном плане. Путем сравнительного анализа выясняются характерные черты конструкций с удвоением в русском языке. При анализе в функциональном аспекте применяется теория информационной структуры.

В-третьих, рассматривается специфическое удвоение глагольных аргументов в русском языке. В числе многих исследователей, отметивших «плеонастическое» употребление личного местоимения, особенно в разговорной речи, О. Б. Сиротинина ([Сиротинина 1974]; [Сиротинина 2010]) классифицирует конструкции с удвоением и выделяет «качественную конструкцию», в которой «плеонастическое» местоимение создает особое значение постоянного присутствующего предмету признака, качества. В нашем исследовании проанализировано несколько специфических черт удвоения в данной конструкции в сравнении с таковыми в болгарском языке, и отмечена возможность грамматикализации удвоения в данной конструкции.

По результатам исследования мы пришли к следующему выводу: удвоение глагольных аргументов в русском языке, наблюдаемое при выдвижении именительного темы в начало предложения, является синтаксическим средством тематизации в высказывании, как и в болгарском языке. Однако в формальном плане при этом отмечается и несколько различных черт. С другой стороны, удвоение глагольных аргументов в качественной конструкции имеет формальную характеристику, почти одинаковую с болгарской грамматикализованной конструкцией. Это подсказывает, что оно находится в более грамматикализованной стадии по сравнению с другим видом местоименного удвоения, включающим в себя именительный темы.

Литература

- Сиротинина О. Б. Конструкции с плеонастическим местоимением в разговорной речи // Синтаксис и норма / Отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1974. С. 204–219.
- Сиротинина О. Б. Всё, что нужно знать о русской речи: Пособие для эффективного общения. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: URSS, 2010.

Способы выражения количественности в русском языке (в зеркале японского языка)

Рина Судзуки

Медицинский университет Саппоро (Япония)

Количественность, числительное, предлог, служебные слова.

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности выражения количественности в русском языке в сопоставлении с японским языком на уровне синтаксемы.

Рассматривая выражения количественности, можно отметить, что количественная характеристика затрагивает разные типы выражения. Количество может быть выражено числительным или без числительного. Для выражения количественности без числительного характерны морфологические средства: *газета — газеты; слушает — слушают*, лексические средства: *молодежь, ребята*, а также компаратив: *Береза выше липы; много книг*. Определенные местоимения указывают на обобщенный признак предмета: *всё, каждый, самый, столько, ничто*. Числительное составляет ядро категории количественности и используется для выражения количественности в первую очередь. Выражения, включающие квантитатив, употребляются в рамках разных классов числительных: количественные числительные: *разговаривал с пятью свидетелями*; порядковые числительные: *сидел в первом вагоне*; собирательные числительные: *трое ребят стали призерами конкурса*. Эти единицы принадлежат к разным частям речи: существительное: *написал более десятка статей; поставили пятерку*; наречие: *читал книгу трижды; подняться на высоту двух тысяч метров* и т. п. На уровне языковых структур квантитатив может сочетаться как непосредственно с именем объекта: *четыре чашки*.

При сопоставлении характеристики количества в разных языках выделяется путем определения различия в структуре и способе выражения категории количественности. В японском языке у существительных нет четкой грамматической формулировки категории числа, а спряжение глаголов по числам и лицам отсутствует. Для образования множественного числа могут использоваться японские суффиксы: *гакусэи* («студент») — *гакусэи-тачи* («студенты»); удвоенное слово (начальный глухой согласный второго слова превращается в звонкий): *куни* («страна») — *куни-гуни* («страны»). Неточное количество выражается количественным-наречием: *такусан* («много»), *сикоши* («мало») и т. п. В японском языке имя числительное включается в категорию существительного. Для числительных, обладающих обстоятельственной функцией, характерна необходимость присоединения при конкретном счете вспомогательных числительных, специфичных для разных категорий считаемых объектов: *ко* («штука»), *нин* («человек»), *каи* («раз») и т. п.: ср., *ни-каи* («два раза, дважды»). Предложная система русского языка отличается от соотносимых с русскими предложениями служебных средств японского языка тем, что в японском языке функционируют послелогии — служебные частицы. При употреблении японской частицы квантитатив и вспомогательные числительные определяют существительные: *сан-нин-но гакусэи* («три студента»). Так, в русском и японском языках способы выражения в определенной степени различаются.

Литература

Аида С., Накано Х., Накамура Й. Грамматика современного японского языка. Токуо, 2004.

- Всеголова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.
- Судзуки Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (В зеркале японского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Бессоюзные предложения в современном сербском языке

Срето З. Танасич

Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств (Белград, Сербия)

Сербский язык, синтаксис, бессоюзное предложение, Добрица Чосич.

Summary. Asyndetic Sentences in Contemporary Serbian The paper draws on examples from the novels of Dobrica Ćosić (*Roots, Divisions and A Time of Death*) to shed light on a type of compound sentences most often referred to as *asyndetic sentences* by Serbian scholars. It is customary for Dobrica Ćosić's novels to feature such sentences frequently; as a rule, they are longer than compound sentences with conjunctions. An important trait of these sentences is seen in polysemy, as the semantic relations between simple clauses in a compound sentence are established through the conjunctions. It is typical of Dobrica Ćosić's novels to contain a majority of asyndetic sentences without concretisers, which indicates that they are more suitable for realising the structure of his work and the author's world picture in it.

Настоящий доклад посвящен особому синтаксическому явлению в сербском языке на примере романов Добрицы Чосича «Корни», «Отделы» и «Время смерти». Речь идет об особом типе сложного предложения, которое в литературе обычно называется «бессоюзным», а на сербском материале все еще недостаточно изучено. В грамматиках обычно о них говорится вскользь, в разделах о сложносочиненных и подчиненных предложениях, где упоминается, что сложное предложение может быть и бессоюзным¹. Парадоксально, что в сербских грамматиках, описывающих преимущественно язык художественной литературы, бессоюзные предложения, характерные именно для этого рода текстов, до последнего времени не нашли адекватного описания.

Добрица Чосич — один из величайших сербских писателей и романистов двадцатого века, большое внимание уделявший теме судьбы сербского народа в мировых войнах. Он стал известен читателям после выхода романа «Солнце далеко», посвященного Второй мировой войне, а прославился романом «Время смерти», в котором описываются события Первой мировой войны и сербская трагедия этого времени. Чосич был признан крупнейшим сербским романистом, а его роман назван «сербским *Войной и миром*».

Так же как при описании языка романов Милоша Црнянского обращает на себя внимание обособление частей сложного предложения, так яркой особенностью языка романов Добрицы Чосича являются бессоюзные предложения. В качестве примера приведем одно предложение из Чосича:

¹ Лишь в недавно опубликованной грамматике П. Пипера и И. Клайна данный тип сложных предложений рассматривается в особой главе [Пипер, Клајн 2013].

Тола Дачић трза конопац црквеног звона, да селяци суде селяцима, занесен звоњавом на узбуну, савија се и усправља, дрхти од страха и зиме, Аћим ми је наредио, газда, посланик, власт, цима брзо и нервозно, неправилним, изломљеним ритмом звоно туче по оцацима; он мора да слуша газду и власт, војска иде, иде! цичи у звонари, лелече над селом, стреса иње са брестова, разбија свитање у парампарчад чаша, литрењака, стакла кафанског, оног јучерашњег, оног што је прошцем разбијао, ништа нам није требало да разбијамо Левићеву кафану, до Бога сви су чули, викнуо је, сви су чули, лисице су Преровци, сви ће побећи; Аћим је рекао разбијајте, разбијали су сви, сви, сви, звоно удара у греду, он има ситну децу, он је сиромах, ако га убију, ако убију, убију, хукће по звонари, пробудиће му се деца, сва ће се деца у селу пробудити од буке, само на Велики петак звони ноћу, није Велики петак, иде војска, чета војника, коњаника, војска сече и непунлетне, децу, децу, синоћ се није поиграо с њима, буна, дошла је буна, ко ће му децу исхранити и извести на пут, ноћас су се петлови само једанпут огласили, све се плаши царске силе, знаће да је он лупао на ратно стање, али сиромах мора да слуша газду, шта се њега тиче ко влада, откинуће се конопац и звоно ће му смрскати главу, сто ока је тешко, нека и Турци владају, само њега нек оставе на миру. (Корени. Антологија српске књижевности. Електронска библиотека Учитељског факултета у Београду. С. 47.)

Первое, что бросается в глаза — это необычайная длина предложения. (Правда, в предложении имеется связь с помощью противительного союза *али*, но можно прервать предложение и на этом союзе: структура останется той же). Ни у Добрицы Чосича, ни у Иво Андрича, ни у Милоша Црњанского мы не найдем таких длинных союзных предложений с сочинительной и подчинительной связью. Добрице Чосичу необходим новый тип предложения, чтобы создать литературное произведение, в котором переплитаются повествование, внутренние монологи героев и автора. Известно, что бессоюзные предложения демонстрируют как независимость частей, так и их подчинение друг-другу. Очевидно, что зачастую невозможно точно определить, какой тип отношения представлен между частями предложения: эти отношения могут быть неоднозначны. Если возникает необходимость четко выразить эти отношения, тогда обычно используется союзная связь. Установлено¹, что значение бессоюзных предложений адекватнее всего может быть выражено с помощью несоюзных слов, конкретизаторов. Так, значение вывода выражает слово *дакле* ‘таким образом’, исключение — *само* ‘только’, противопоставление — *напротив* и т. д. Для романов Добрицы Чосича характерны бессоюзные предложения без подобных конкретизаторов, что в большей степени отвечало реализации художественного замысла писателя.

¹ На сербском материале см.: [Танасић 2015].

Литература

Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Београд, 2013.

Танасић Сreto. Асиндетске реченице с конкретизатором // Јужнословенски филолог. LXXI / 3–4. Београд, 2015. С. 91–120.

Особенности двух типов субстантивной предикации в словенском языке

Младен Ухлик, Андрея Желе

Филозофски факултет Университета в Любляне (Словения)

Словенский язык, именное сказуемое, типы предикатов, субстантивная предикация, предикаты состояния.

Summary. The paper deals with two types of nominal predicates in Slovene. The first type is related to the constructions [S nom + V cop + S nom], in which the identifying (e. g. *Tone je ta učitelj*) and the attributive (e. g. *Tone je učitelj*) functions can be clearly distinguished. Such constructions may express a constant but also an actualized subject property. The second type involves constructions such as [S nom+S acc/S dat+V cop] (cf. *Strah me je*, *Dolgčas mi je*), in which the noun in S nom typically denotes physical time-limited state, with the experiencer normally expressed in S dat / S acc. These constructions will be typologically compared with the Russian type [S dat + (V cop) + Adv praed] (e. g. *мне страшно*, *мне холодно*).

1. Тип предикации [Snom + Vcop + Snom]

Доклад посвящен двум типам предикации с составным именным сказуемым с существительным в словенском языке:

В первом типе (структурная формула S nom + V cop + S nom), можно выделить реализацию двух функций:

- а) функции тождества, то есть установление тождества между подлежащим и существительным в составе сказуемого (*Ta učitelj = Tone* / Этот учитель = Тоне)
 - (1) *Ta učitelj je Tone.* (Этот учитель — Тоне)
В данном предложении возможна инверсия: «*Tone je ta učitelj*».
 - б) атрибутивной функции, при которой подлежащему приписывается характеристика:
 - (2) *Tone je učitelj.* (Тоне — учитель)
В данном случае инверсия невозможна: **Učitelj je Tone*.

В словенском языке входящие в именную часть сказуемого существительные, обозначающие лица, в атрибутивной функции могут передавать как постоянное качество, так и актуализируемое свойство:

- (3) *On je že več let učitelj.* (постоянное качество) (Он уже много лет учитель.)
- (4) *Tone je danes spet «učitelj» in nam pridiga.* (актуализируемое свойство) (Тоне сегодня снова «учитель» и читает нам лекции.)

- (5) Tone je bolj učitelj, kakor policaj. (постоянное качество) (Тоне, скорее, учитель, чем полицейский.)

Подобные существительные часто имеют потенциально коннотативный и метафорический смысл, что позволяет им при употреблении со связкой выражать также и актуализируемое свойство. Кроме того, в подобных случаях проблема выражения постоянного качества или актуализируемого свойства связана и с лексическим окружением существительного.

2. Тип предикации [S nom + S acc / S dat + V cop]:

Второй тип субстантивного предиката формируют словенские семантико-синтаксические конструкции [S nom + S acc / S dat + V cop]:

- (6) Strah me je. (Мне страшно.)
 (7) Groza me je. (Мне жутко.)
 (8) Sram me je. (Мне стыдно.)
 (9) Dolgčas mi je. (Мне скучно.)
 (10) Mraz mi je. (Мне холодно.)

В словенском языке в данном типе предикации выступает ограниченная группа существительных («strah» — ‘страх’, «groza» — ‘ужас, жуть’, «sram» — ‘стыд’, «dolgčas» — ‘скука’, «mraz» — ‘мороз’), которые, в отличие от примеров 1–5, изначально обозначают актуализируемое состояние, реализуемую в закреплённых синтаксических конструкциях.

В подобных конструкциях мы видим описание ситуаций, субъектом которых является конкретное лицо, выраженное винительным (примеры 6–8) или дательным падежом. Данное лицо является субъектом состояния, над которым это лицо имеет очень мало контроля.

Разница между приведенными конструкциями с субъектами состояния в S acc и в S dat заключается в том, что в случае с дательным падежом субъект состояния может быть опущен:

- (11) Dolgčas je. Mraz je. (Скучно. Холодно.)
 (12) *Strah je. *Groza je. (*Страшно. *Жутко.)

Перечисленные словенские существительные при других типах предикации сохраняют свое изначальное частеречное значение¹ Они могут иметь определение (пример 13) и являться другими членами предложения (примеры 14–18):

¹ Возможно, таким словенским существительным, как «strah» (‘страх’) и «dolgčas» (‘скука’), синтаксически ближе всего русское существительное «лень», которое сохраняет особенности существительного и, несмотря на то, что чаще всего выступает в составе

- (13) Je *hud mraz*. (Сильный мороз. / Очень холодно.)
- (14) *Strah* ga je zgrabil. (Страх им овладел. / Ему стало страшно.)
- (15) *Mraz* je pritisnil. (Мороз крепчал.)
- (16) *Dolgčas* ga je ubijal. (Скука его убивала. / Он умирал от скуки.)
- (17) Občutil je *grozo*. (Он почувствовал ужас.)
- (18) Sovraži *dolgčas*. (Он ненавидит скуку.)

Словенским примерам субстантивных предикатов [S nom + S acc / S dat + V cop] в русском языке чаще всего соответствуют конструкции [S dat + (V cop) + Adv praed]:

- (19) A ti je kaj *mraz*? Тебе не **холодно**?
- (20) A ti je kaj *dolgčas*? Тебе не **скучно**?
- (21) Kako te ni *sram*? Как тебе не **стыдно**?

В словенском языке подобные конструкции, выражающие актуализируемое состояние, тоже встречаются:

- (22) *Vroč* mi je / *Hudo* mi je / *Težko* mi je. (Мне жарко / Мне плохо / Мне тяжело.)

Однако выражение состояния с помощью предикативных наречий на *-o* и эксплицитно выраженного субъекта состояния в S dat в словенском языке распространено не так широко, как в русском.

Литература

- Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. Москва: Издательство Наука. 1982. стр. 7–85.
- Селиверстова О. Н. (ред). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1963.
- Циммерлинг А. В. Именные предикативы и дативное предложение в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 549–558.
- Halliday M. A. K., Matthiessen Christian M. I. M.: Halliday's Introduction to Functional Grammar (Fourth Edition). Routledge: London; New York, 2014.
- Žele A. Vedno aktualno vprašanje besednih vrst: vprašanje predikativa v slovenščini // Поповић Љ. (уред.). У простору лингвистичке славистике (зборник радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера). Београд: Филолошки факултет, 2015. С. 367–380.

именного сказуемого, может быть и другим членом предложения: *Мной овладела лень. Лень раньше меня родилась. Без лени ни дня не проживу.*

**Вербализация количественных оценочных значений
синтаксическими средствами языка
в текстах детской литературы**

М. Ю. Чикиль

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

*Количественная оценка, оценочное значение,
синтаксические средства оформления оценки.*

Summary. The article deals with syntactic means of expression of quantitative estimation in Soviet and modern texts of child's literature in comparison.

Оценка как языковая категория, которая опирается в своей семантике на аксиологическую константу, с формальной стороны выражена при помощи средств разных уровней языка. Суть и средства реализации категории оценки представлены во многих лингвистических работах (Н. Авганова, Ю. Апресян, Н. Арутюнова, И. Арнольд, А. Ахманова, А. Вежбицкая, Е. Вольф, Т. Космеда, А. Папина, Ю. Степанов, И. Стернин, R. Hare, N. Chomsky, R. Perry).

Актуальность данного исследования определена необходимостью анализа вербализации количественных оценочных значений при помощи средств синтаксиса в конкретных социально и темпорально ограниченных текстах, каковыми являются произведения детской литературы середины XX — начала XXI в.

Цель нашего исследования — проанализировать синтаксические средства вербализации количественных оценочных значений в советской и постсоветской детской литературе в динамике.

А. Ф. Папина пишет, что помимо аксиологической, качественной оценки, в русской речи, как и в других языках, существует количественная оценка, характеризующая меру, объем, величину описываемого предмета, указывающая на признак действия, на признак признака [Папина 2002: 317]. Именно количественную, или количественную оценку мы исследовали в данной статье.

Материалом для исследования послужили тексты произведений советской (В. Ю. Драгунский, Н. Н. Носов) и постсоветской детской литературы (Г. Б. Остер, Э. Н. Успенский).

Парцелляция может служить средством выражения количественной оценки. Г. А. Копнина указывает: «С точки зрения актуального членения предложения, парцелляция представляет собой средство выделения, усиления наиболее важной информации, т. е. средство создания в высказывании нового (дополнительного) рематического центра (или нескольких рематических центров)» [Энциклопедический словарь...: 217]. В лингвистической литературе можно встретить обозначение одних и тех же речевых фактов либо термином *парцелляция*, либо термином *присоединение*. Автор считает, что эти термины не следует смешивать, так как присоединение — это грамматическая категория, об-

ладающая собственным грамматическим значением и собственной грамматической формой. Данный прием репрезентирует различные типы количественной оценки, например, количественную оценку, характеризующую объем описываемого предмета: *Он довольно трудно в меня лился. Я, как только три четверти этого второго стакана выпил, так понял, что я уже полный. До краев* (В. Ю. Драгунский).

Количественная оценка эксплицируется при помощи **анадиплозиса** — стилистической фигуры, заключающейся в повторении конечного элемента какого-либо отрезка речи в начале следующего за ним соответствующего отрезка речи [Энциклопедический словарь...: 33]: *Самым главным из них был малыш-коротыш, по имени Знайка. Его прозвали Знайкой за то, что он знал очень много. А знал он много потому, что читал разные книги* (Н. Н. Носов). Квантитативная оценка часто выражается при помощи **сравнения**: *В одном сказочном городе жили коротышки. Коротышками их называли потому, что они были очень маленькие. Каждый коротышка был ростом с небольшой огурец* (Н. Н. Носов).

Рассмотрим теперь вербализацию количественной оценки в произведениях Г. Б. Остера и Э. Н. Успенского. В текстах постсоветской детской литературы квантитативная оценка также выражена при помощи различных синтаксических средств. Как и в текстах советской литературы указанные оценочные значения эксплицированы **сравнением**: *А вторая была низенькая, с круглыми, как по циркулю, щеками. И другие части тела у нее тоже были как по циркулю* (Э. Н. Успенский).

Анадиплозис может служить для экспликации количественной оценки, выражающей меру: *Корова Мурка, которую кот купил, глупая была и балованная. Но молока много давала. Так много, что с каждым днем все больше и больше* (Э. Н. Успенский). Вербализация количественной оценки может осуществляться при помощи присоединения: *Давай кот, мы тебя продадим. Ты у нас тоже ухоженный. Вон какой толстый сделался* (Э. Н. Успенский). В данном микротексте описана квантитативная оценка, указывающая на объем предмета.

В процессе исследования вербализации квантитативных оценочных значений мы пришли к следующим выводам: экспликация квантитативных оценочных значений в советской детской литературе характеризуется более широким диапазоном синтаксических средств выражения, а также, указанные средства оформляют большее количество видов квантитативной оценки.

Литература

- Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 3-е изд., испр. М.: Рольф, 2001.
 Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учебн. пособие. Минск: Вышейшая школа, 1997.

Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов — журналистов и филологов. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Ред. А. П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2005.

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков

Словообразование

Префиксы *раз-* / *рас-*, *разо-* и *про-* у глаголов движения с пространственным значением в русском и македонском языках — контрастивный анализ

И. Алчевска

Университет „Свв. Кирилл и Методиј“ (Скопје, Македонија)

Зборообразување, префиксација, глаголи на движење, руски јазик, македонски јазик.

Summary. The article considers the basic meanings of verbs with prefixes *раз-* / *рас-* / *разо-* и *про-*. In order to help students to easily absorb theme *Prefixed verbs*, verbs should be allocated on the basis of the group shared meanings. Most active verbs in a practical speech communication, are the verbs of motion studied in humanitarian universities already in the first year. Therefore it is necessary to start with verb denoting the movement or position of an object in space. The classification indicates that the prefix is a critical component in the formation of the lexical meaning of the verb. Method of comparing, which we use in this article indicates the similarities and differences of meaning of the prefix in Russian and Macedonian languages. Comparing prefixes in two languages is very important for effective language acquisition.

Данная работа посвящена сопоставительному анализу приставочных глаголов для задач преподавания русского языка как иностранного.

Глагольное приставочное словообразование в русском языке чрезвычайно продуктивно. Трудности вызывает, однако, выбор приставки, не говоря уже об управлении и о сфере употребления того или иного глагола. Необходимость выбора материала определяется целями, которые преследуются при обучении русскому языку. Наиболее употребительными глаголами в условиях практической речевой коммуникации являются глаголы движения, изучаемые на первом году обучения. Эта группа глаголов объединена общим смысловым значением — перемещением в пространстве.

Анализировались глаголы движения с приставками *раз-* / *рас-*, *разо-* и *про-*. Присоединение приставки к глаголу однонаправленного движения приводит к изменению и лексического, и грамматического значения. Присоединение приставки к глаголам разнонаправленного движения приводит к изменению только лексического значения, грамматическое же значение (вид глагола) при этом сохраняется.

Для обозначения движения от центра в разные стороны в русском языке употребляется приставка *раз-* / *рас-*, *разо-* (например, *разойтись*, *разбегаться*, *расползтись*), тогда как в македонском языке употребляются приставки *раз-*, *разо-*, *за-*, *до-*, *ис-* и *од-* (например, *се разотидува*, *се распрснува*, *заминува*,

доплива, истркалува, одведува), а также некоторые описательные конструкции.

Русские глаголы типа *разбежаться* — *разбежаться* и македонские глаголы типа *се залетува* — *се залета* характеризуются также и по способу совершения действия (с разгоном).

У македонских соответствий русским глаголам *разносить* — *разнести* представлены различные префиксы в зависимости от значения: *разнесува* — *разнесе, доставува, испорачува*.

У глаголов движения, обозначающих действие, направленное мимо объекта (рус. *прошла мимо нас*; мак. *промина покрај нас*) в обоих языках представлена приставка *про-*.

Русским глаголам движения с префиксом *про-* в македонском языке могут функционально соответствовать глаголы с самыми разными приставками в зависимости от значения соответствующего русского и македонского глагола.

В случае с глаголами движения, обозначающими

- а) действие, направленное мимо объекта (рус. *прошла мимо нас* / мак. *промина покрај нас*), в обоих языках представлена приставка *про-*;
- б) движение через, сквозь предмета или пространство, совершаемое с затруднениями (рус. *провез их мимо парка* / мак. *ги провозев покрај паркот*), в русском употребляется приставка *про-*, а в македонском языке *про-*, *по-* и *пре-*;
- в) движение мимо предмета без остановки (рус. *проезжаем много городов* / мак. *поминуваме многу градови*), в русском употребляется приставка *про-*, а в македонском языке *про-* и *пре-*;
- г) движение направленное вперед на небольшое расстояние (рус. *проходите вперед* / мак. *поминете напред*) в русском употребляется приставка *про-*, а в македонском языке *про-* и *по-*;
- д) движение на ограниченное расстояние (рус. *проехали три остановки* / мак. *поминавме три станици*), в русском употребляется приставка *про-*, а в македонском языке *про-*, *по-* и *пре-*;
- ж) ошибочное действие, приносящее вред (рус. *проехала свою остановку* / мак. *поминав / пропуштив својата станица*) в русском употребляется префикс *про-*, а в македонском языке *по-* и *про-*.

Отметим, что самостоятельной классификации глаголов движения в македонском языке не существует.

Использованный в статье метод сопоставительного (контрастивного) анализа позволяет выявить сходства и различия в значениях соответствующих префиксов в русском и македонском языках, что имеет немалое значение для сознательного и эффективного усвоения языка инофоном.

Образование форм сравнительной степени от причастий в русском языке XX–XXI веков

Е. О. Борзенко

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия)

Сравнительная степень, причастие, семантика, адъективация.

Summary. The article is devoted to the study of comparatives formed from participles in the modern Russian language, to their semantics and part-of-speech affiliation.

1. Частеречная принадлежность форм компаратива, образованных от причастий

В современном русском языке очень активны процессы окказионального формообразования. Одним из видов авторских форм являются нестандартные формы степеней сравнения. В частности, это формы компаратива и суперлатива, образованные от причастий:

Семейная жизнь / превратилась / в содом —

*Рыбак / вареного / рака / **ошпаренней*** (Архангельский А. О рыбаке и рыбке, пародия на В. Маяковского) [Санников 2002: 146].

*Та же табачная радуга, обведенная прикрашенным белком, но смотрели глаза **омытые*** (А. Солженицын. Раковый корпус) [Гайломазова 2012: 127].

В исследовательской литературе анализ данных новообразований встречается достаточно редко, что обусловлено их недавним появлением и пока что не очень широкой распространенностью. Чаще всего приводятся примеры подобных компаративов и суперлативов и рассматривается их роль в конкретном тексте, изредка делаются более общие замечания.

Изучение этих исследований приводит к выводу, что существует две точки зрения на образование компаративов и кратких форм от причастий. Первая: эти формы могут образовываться только в том случае, если причастие окончательно адъективизировалось и перешло в разряд прилагательных. Этой точки зрения придерживается, к примеру, Н. Н. Зарецкая [Зарецкая 2001: 111]. Другая точка зрения, выраженная в Русской грамматике 1980 года, состоит в следующем: развитие у причастий адъективных значений не переводит их в разряд прилагательных, т. к. эти значения продолжают соотноситься «с временными, видовыми, залогами значениями соответствующих причастий» [Русская грамматика 1980: 672]. Однако данное пособие не рассматривает образованные от причастий компаративы.

2. Семантика, употребление и статус компаративов, образованных от причастий

Автором было проведено исследование компаративов, лексической базой которых является причастие, на материале текстов сети Интернет при помощи поисковых инструментов Яндекс и Google. В результате этого исследования было выявлено следующее.

Данные формы появляются в художественной литературе, публицистике, форумах и блогах. Их частотность не очень высока (самое большое количество компаративов — 23 формы — образуется от причастия *сделанный*). Лексической базой подобных форм являются страдательные причастия настоящего и (чаще) прошедшего времени (*запоминаемое, сделанное, явленное, решенное, пройденное, принятое, найденное* и др.)

*Я рад был видеть на Советской площади ряд верстовых столбов времени, на которых просто перечислялись факты и даты десятилетия. Если бы эти надписи были **сделанное** (нами) и **запоминаемое** — они стали бы литературными памятниками* (Маяковский В. В. Расширение словесной базы. 1955)

Анализ контекста позволяет выявить, что форма *сделанное* имеет семантику ‘сделаны лучше’, *запоминаемое* — ‘более / лучше запоминаемые’. Следовательно, в данном случае не происходит адъективации причастий, скорее данные формы совмещают в себе два слова, присоединяя суффикс от сравнительной формы наречия *лучше / более* к основе причастия. Целью такой операции является, очевидно, экономия речевых усилий и экспрессивность.

*Мы чаще ориентируемся на западный опыт, не потому, что он обоснованнее <...>, а потому, что он «завершеннее», что соответствует прагматичной и несколько корявой обывательской формулировке — «**сделанное**».* (Николас Коро. Ответы на бизнес-вопросы. Аналитический журнал «Сегмент», 15.08.2013).

В этом примере окказиональная форма является синонимом компаратива прилагательного *завершеннее*. Имея лексической базой причастие *сделанный*, данная форма меняет семантику и адъективизируется.

Таким образом, если лексической базой компаратива является причастие, то оно либо адъективизируется, либо совмещает в форме сравнительной степени свою семантику с семантикой наречия *более / лучше*.

Очевидно, что случаи, когда причастие адъективизируется, являются наиболее частотными. Так, адъективация причастия *сделанный* происходит в 22 случаях из 23. Это вполне естественно, т. к., приобретая качественную семантику, причастия становятся аналогами качественных прилагательных, которые нормативно могут образовывать формы степеней сравнения.

Литература

- Гайломазова Е. С. Квантификация объектов и фактов: когнитивно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики: Дисс. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2012.
- Зарецкая Н. Н. Грамматические девиации в прозе А. И. Солженицына (лингвокультурологический анализ): Дисс. ... кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2001.
- Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955–1961.
- Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
- Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1 М., 1980.

Образования нулевой суффиксации в системе индоевропейского словообразования

Т. А. Корнеева

Казанский федеральный университет (Россия)

Словообразование, нулевая суффиксация, нулевая морфема.

Summary. The article is devoted to the problems of zero suffix origin and the influence of Indo-European word derivation system on the productivity of zero morphemes in the Russian language. Zero derivation is defined as one of the frequency ways of word formation in Indo-European languages.

Нулевая деривация (в терминологии Н. М. Шанского *безаффиксный способ словообразования*) сформировалась «на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов ĭ, ō, ū, а (> ъ, ь), а в общеславянском языке лишь после процессов отпадения конечных согласных и монофтонгизации дифтонгов (что вызвало переразложение основы и превращение прежних суффиксов в окончания — [Шанский 1968: 286]; ранее: [Потебня 1968: 85]). Древние суффиксальные имена, переосмысленные позднее в производные с нулевой морфемой, имели в своей структуре корневую, суффиксальную и флективную морфемы: *бег* (**beg-o-s*), *ход* (**chod-o-s*) [Николаев 2010: 38], таким образом, нулевая морфема имела совершенно определенные материально выраженные прототипы.

«Жизнеспособность» образований нулевой суффиксации и моделей их образования кроется в устойчивой взаимосвязи и взаимозависимости имени и глагола (предикатива), сохранившихся со времени их индоевропейской общности. Ср.: «...каждое из этих образований может быть сравнительно нового происхождения. Но как тип, это словообразование имеет очень большую древность, соответствуя аналогичным построениям древнегреческого и санскритского языков и уходя своими корнями в далекие эпохи выработки категории имени и глагола» [Десницкая 1949: 134].

Г. А. Николаев, рассматривая имена нулевой суффиксации с точки зрения их генетического отношения к однокоренным глаголам, объединяет слова в три группы: 1) образованные независимо от глаголов и параллельно им от одного древнего корневого слова (*бред*, *гром*, *звон* и т. п.), 2) образованные от глагола (*проход*, *укол*, *загон* и т. п.), 3) послужившие производящей базой для глаголов (*ход*, *суд*, *лов*, *клад* и т. п.) [Николаев 2010: 39]. Это косвенно подтверждает универсальную словообразовательную модель, характерную для индоевропейских языков, независимо от именного или глагольного характера «исходного» корня: лат. *canō* (глагол) → *cantus* (имя) → *cantō* (глагол) → **cantitus* (имя) → *cantitō* (глагол) → *cantitatus* (имя); **sol-ti* (глагол; лит. *sál-ti* ‘делать сладким’; ср. рус. *солить*) → **sold-ti* > **sols-ti* (глагол; лит. *sals-ti* ‘становиться сладким’) → **sols-tis* (имя; ст.-сл. *сласть*) и далее → рус. *сластить* (глагол); **klā-ti* (глагол; лит. *kló-ti*) → **klā-dos* (имя; лит. *klo-das*, рус. *кла-д*) →

**klā-d-ti* > **klād-ti* > **klās-ti* (глагол; рус. *клад-у, кла-сть*) → **klās-tos* (имя; лит. *klos-tai* ‘мостки’, *klos-te* ‘сборка, складка’) → **klāst-īti* (глагол; лит. *klóst-yti* ‘расстилать’) [Откупщиков 2005: 110, 145]. В результате утраты первоначальных связей родственных образований оказывается возможным установление новых словообразовательных связей или развитие обратной соотносительности, что особенно показательно для образований нулевой суффиксации (см., например, [Откупщиков 2005: 111–112]; [Марков 1956: 301]; [Николаев 2010: 39–41]).

Отражение в образованиях нулевой суффиксации ранних словообразовательных связей имен и глаголов подчеркивается активным присутствием нулевых словообразующих морфем в других индоевропейских языках. Образования нулевой суффиксации в немецком языке и их словообразовательная синонимия подробно рассмотрены в диссертации О. В. Грицких [Грицких 2005: 10], конверсия во французском языке, например, в [Пшеничная 2012: 147]. Авторы «Morphologie / Morphology. 2» отмечают продуктивность образований нулевой суффиксации на протяжении всей истории английского языка (“The productivity of zero-derivation has been on the constant increase throughout the history of English” [Morphologie 2001: 1675]), однако отмечают сложности в определении производящей и производной лексемы (“It is often difficult to decide which of the pair is primary” [Morphologie 2001: 1258]). То же у К. Аллана: приводя примеры *deverbal substantives* и *denominal verbs* (вслед за Г. Марчандом), автор нередко затрудняется определить направление деривации [Allan 2014: 218]. Нулевую суффиксацию как типологическую особенность славянского словообразования рассматривает Г. А. Николаев в [Николаев 2010: 57 и др.].

Таким образом, несмотря на то что нулевая суффиксация не была изначально присуща словообразовательной системе русского языка и представляет собой более позднее явление, она «генетически» явилась отражением тех законов и закономерностей, которые легли в основу формирования индоевропейской словообразовательной системы и которые позволяют нулевой суффиксации оставаться одним из продуктивных способов пополнения словарного состава языка на современном этапе его развития.

Литература

- Грицких О. В. Словообразовательная субстантивная синонимия в немецком и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.
- Десницкая А. В. К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 14. Л., 1949. С. 105–139.
- Марков В. М. Явления суффиксальной синонимии в языке судебных XV–XVI веков // Уч. зап. КГУ. Том 116. Кн. 1. Общеуниверситетский сб.-к. Казань, 1956. С. 299–306.
- Николаев Г. А. Русское и славянское словообразование. Казань: Казан. ун-т, 2011.
- Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М.: Книжный дом «ЛИБРКОМ», 2010.
- Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования / СПб.: Филологический факультет. М.: Издательский центр «Академия», 2005.

- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968.
- Пшеничная А. Ю. Общая характеристика конверсии как способа словообразования (на материале русского и французского языков) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 1. С. 145–150.
- Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968.
- Allan K. Linguistic Meaning. London; New York: Routledge, 2014. [<http://books.google.ru/books>].
- Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung / Herausgeg. G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas. Berlin: Walter de Gruyter; New York, 2001. Halbband 2. [<http://books.google.ru/books?id=wqikmIpNjjYC&dq>].

Производные с суффиксами субъективной оценки: сопоставительный аспект

Л. В. Красильникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Суффиксы субъективной оценки, коммуникативно-функциональный и когнитивно-культурологический подходы, русский язык, славянские языки.

Summary. The article discusses nouns with the suffixes of subjective appraisal. The author points out the importance of using such nouns by foreigners of high level of Russian language proficiency. The author indicates the relevance of comparing derivatives with the suffixes of subjective appraisal in different Slavic languages from the communicative-functional and cognitive-culturological aspects.

Свободное владение русским языком как иностранным, использование всего богатства эмоционально-экспрессивных особенностей русской речи невозможны без знания инофоном производных с суффиксами субъективной оценки. Выражаемые ими разнообразные прагматические оттенки сложны для иностранцев, так как требуют «погружения» в русскую речь и культуру. Их отличает природный характер существования в языковом сознании носителей русского языка: «Согласно проведенным в Гарварде исследованиям русского национального характера <...>, русские являются людьми «экспрессивными и эмоционально живыми», их отличает «общая экспансивность», «легкость в выражении чувств», «импульсивность»» [Вежицкая 1996: 34].

Производные с суффиксами субъективной оценки отражают как объективные параметры общения, так и тонкие субъективные моменты взаимодействия людей. Во многих типичных ситуациях общения в социально-бытовой сфере употребление образований с уменьшительно-ласкательными формами отличает автоматизм, который определяется свойственным русским типом общения, характеризующимся стремлением к простоте и неформальности в человеческих взаимоотношениях. В определенной степени данный тип общения определил и некоторую общую сниженность современного дискурса, представленного в средствах массовой коммуникации.

При описании суффиксов субъективной оценки в славистике традиционно используются такие характеристики, как ‘уменьшительность’ (уменьши-

тельно-ласкательное значение), ‘увеличительность’ (увеличительное значение) и ‘пейоративное’. Однако данные термины не отражают всю сложную картину оттенков значений, поэтому в исследованиях по словообразованию выделяются также такие значения, как сочувствие, любовь, нежность, сюсюканье или уничижительность, пренебрежительность, презрение, ирония и т. д. В речевой практике носителей русского языка (разговорная речь, публицистика, художественная литература) могут встречаться дериваты с суффиксами субъективной оценки (прежде всего с уменьшительными) практически от любого слова: *храмик, моментик, моментище, остеопорозище*.

В рамках структурно-семантического описания словообразования того или иного славянского языка обычно указываются суффиксы, способные выражать те или иные значения. Например, при описании польского словообразования встречаем: «1. Существительные, образованные от существительных. В этой группе можно выделить некоторые распространенные суффиксы. Прежде всего это суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением: -k-: *pies* „собака“ — *piesek* „собачка“, *kwiat* „цветок“ — *kwia-tek* „цветочек“» [Киклевич, Кожина 2001]. Отметим, что некоторые из устаревших в русском языке суффиксов в других славянских языках активно используются в современной речи. Например, сравним сербский и русский языки: *Bóda* (вода) — *vódiца* (водичка).

В настоящее время при описании производных с суффиксами субъективной оценки в разных языках необходимо в большей степени прибегать к коммуникативно-функциональному и когнитивно-культурологическому подходам. К типичным сферам распространения дериватов с суффиксами субъективной оценки относится речь при неформальном общении людей. Это речь взрослых, обращенная к детям (и соответственно сама детская речь), больным и домашним животным. Интересно, что в сербском языке при обращении к маленьким детям используется уменьшительно-ласкательный суффикс в глаголах: «*спáвате*» (*спите*) — «*спáвкате*», «*шéтате*» (*гуляете*) — «*шéткате*». Ср. в русском языке «детские словечки»: *Пора спатеньки / баюшки*.

Изучение русского словообразования в коммуникативно-функциональном плане предполагает изучение как внутреннего контекста (особенности употребления суффиксов в словообразовательной модели / производном), так и внешнего контекста (особенности употребления производных в определенной синтаксической позиции). Для диминутивов выделяются пять семантических типов производящих: основы с конкретно-предметным значением, со значением лица, со значением процесса, состояния, с временным и вещественным значениями [Резанова 1996: 166–181]. Семантико-синтаксические особенности функционирования образований с субъективными суффиксами проявляются как на уровне словосочетаний, так и на уровне предложений-высказываний, а также текста.

Дериваты с суффиксами субъективной оценки функционируют в предложениях-высказываниях, представляющих собой определенные речевые акты: просьбу или смягченное требование, похвалу, осуждение, предложение, совет и т. п. Иногда такие формы воспринимаются как просторечные, в то же время в речевой практике они имеют широкое распространение.

Итак, сравнение производных с суффиксами субъективной оценки в разных славянских языках может вестись: 1. в структурно-семантическом плане, в том числе по сопоставлению характеристик «современный»–«устаревший», 2. в коммуникативно-функциональном плане, 3. в когнитивно-культурологическом плане, в аспекте проблематики культуры речи как средство выражения эмотивных и экспрессивных значений.

Литература

- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
Киклевич А. К., Кожина А. А. Польский язык. Изд. 2-е, стереотип. Мн.: ТетраСистемс, 2001.
Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное слово. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996.

Эффект «неперфективации» в славянских приставочных глаголах

О. В. Кукушкина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Видообразование, приставочные глаголы, перфективация.

Summary. The article discusses one of the problems of Slavic aspect: the cases when the prefix does not change the aspect of a verb.

1. Как известно, в славянских языках присоединение приставки к глаголу несовершенного вида регулярно приводит к перфективации последнего, т. е. порождает глагол совершенного вида. По мнению А. В. Исаченко, это правило не знает исключений: «исключения из общего правила о перфективации простых глаголов *нс* / *в* путем приставки, оказывается мнимым: *в* с *е* без исключения глаголы *нс* / *в* перфективируются, сочетаясь с приставкой» [Исаченко 1960: 330]. Чтобы прийти к такому выводу, А. В. Исаченко пришлось нетрадиционно решить проблему приставочных производных от глаголов неоднаправленного движения: он предложил рассматривать производные типа *прилетать* как имперфективы от *прилететь*, лишь аналогически связанные с *летать* [Исаченко 1960: 329 и др.]. Приставочные производные от глаголов неоднапр. движения действительно используются для имперфективации однонапр. приставочных глаголов в том случае, если приставка в них имеет пространственное значение (ср.: *налететь на* // *налетать на*, но *налетать много километров* и т. п.). Однако их очевидную словообразовательную связь с раз-

нонапр. глаголами игнорировать трудно. Поэтому приставочные производные типа *при||летать* правомерно рассматриваются как зона отклонения от общего правила перфективации.

2. Представляется интересным обсудить вопрос о том, есть ли в славянских языках другие случаи «неперфективации» и каковы ее причины. В этой связи обращает на себя внимание такое явление, как образование формы будущего простого от глаголов несов. вида при помощи приставок (прежде всего *po-*) в некоторых славянских языках. В русском языке формы типа *я понесу, я повезу, я поведу, я потащу* относятся к совершенному виду, «в то время как соответствующие словацкие (и чешские) формы *ponesiem (ponesu), poveziem (rovezu), poletím* являются формами будущего времени несовершенного вида» [Исаченко 1960: 320]. Простое будущее с приставкой *po-* имеют также чешские эквиваленты глаголов *расти, цвести* [Скорвид 2005: 18]. Аналогичное явление наблюдается и в верхнелужицком языке, где выделяется группа глаголов-исключений несов. вида, образующих будущее время аномально. «К ней относятся глагол *тёс* и ряд глаголов движения: *běžeć, hić, hnać, jěć, lećeć, lězć, njěsć, sahnyć, ćěgić. wjesć, wjezć*. Форма будущего времени этих глаголов является простой и образуется от соответствующего приставочного глагола с приставкой *po-* или *z-*, т. е. формы будущего времени данных глаголов несовершенного вида омонимичны формам настоящего-будущего времени парных им глаголов совершенного вида, образованных с помощью приставок *po-* или *z-*» [Ермакова 1973: 78, 79]. В силу этого в парадигму глагола, например, *тёс* вводятся формы *změju, změje* и т. д. В связи с этим возникает проблема установления функций приставок в таких случаях: имеет ли здесь место реальная «неперфективация» или же приставка все же перфективирует исходный глагол, но имеет такое специфическое аспектуальное значение («начинательное»), которое не позволяет поместить формы с ней в парадигму существующего приставочного глагола СВ. На последнее указывает тот, например, факт, что в словацком языке инфинитивные формы с приставкой *po-*, имеющей то же значение, что в русском *поехать*, отсутствуют. Формально аналогичные инфинитивы есть, но они имеют ограничительное значение [Исаченко 1960: 321, 322].

3. Помимо рассмотренных случаев, правило перфективации нарушается лишь в единичных производных. Так, в русском языке явным «неперфективом» является *глядеть* → *вы||глядеть*. Еще один глагол «зрения» *видеть* имеет в русском языке двувидовое производное *пред||видеть*, аналог которого *řěwidźić* верхнелужицком относится к сов. виду. При этом в *dowidzieć* («понимать, входить в положение») значение несов. вида сохраняется [Ермакова: 201]. Все такие аномалии нуждаются в диахронном семантическом и деривационном исследовании.

4. Рассмотренные случаи подтверждают строгость правила приставочной перфективации в славянских языках и позволяет рассматривать отсутствие

смены вида только как ограниченный эффект, связанный с особенностями видообразования у бесприставочных глаголов движения (см. п. 1). Обязательность смены вида при присоединении к глаголу глагольной приставки (любой, независимо от ее значения) — базовый механизм, на котором строится славянское противопоставление основ по виду.

Литература

- Ермакова М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология. М.: Изд-во «Наука», 1973.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая. Братислава: Изд-во словацкой академии наук, 1960.
- Скорвид С. С. Чешский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Новые явления в категории феминативов (на материале современного польского языка)

О. О. Лешкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Польский язык, словообразовательная категория феминативов.

Summary. The texts in the modern polish press show us an increasing avalanche of names given to women in accordance with their profession, rank or position. The new feminatives become a part of the contemporary language and settle there. In present paper are considered the extra- and intralinguistic factors which affect this process.

В последние десять лет все более распространенным явлением в польском языке становится образование и употребление женских производных от мужских названий профессий, должностей и званий. Слова указанной группы — наглядный пример воздействия экстралингвистических факторов на функционирование системы языка. Такие формы, как *prezeska*, *adwokatka*, *wykładowczyni*, *socjolożka* или же *doktorka* одними считаются проявлением равного (равноправного) восприятия мужчин и женщин в языке, следованием требованиям гендеркорректности, другие же их оценивают как странноватую выдумку феминистических кругов. Спор об этих лексемах не нов. Процессы, происходившие в рамках польских феминативов, в разные периоды времени на протяжении более чем ста лет, были реакцией на изменения в общественной жизни, в прагматике языковых единиц. Первые высказывания, комментарии и размышления о судьбе польских феминативов мы найдем на страницах польских лингвистических периодических изданий еще в начале XX века. Тогда ситуация казалась понятной и предсказуемой: наступает новая эпоха, эмансипация, женщины начинают осваивать новые социальные и профессиональные роли — язык реагирует на эти стимулы, и появляются новые лексические единицы. Восполнение терминологических лакун столкнулось с двумя типами препятствий — социального и языкового характера. К первой группе относилось господствующее мнение (и в женской среде в первую очередь), что про-

явлением равенства полов является употребление для обозначения профессии, должности и звания одного слова, вне зависимости от того, касается это женщины или мужчины. И с середины XX века наблюдается явление выхода из употребления уже существующих женских производных: *adwokatka*, *dyrektorka*, *kierowniczka*, *prezeska* или *redaktorka*. От многих мужских наименований профессий, должностей и званий (особенно высокого социального статуса): *ambasador*, *marszałek*, *minister*, *premier*, *rektor*, *senator* — женских наименований так и не возникло. Снижение производности феминативных типов (постепенно уходят из языка производные формы женских фамилий и наименования жен типа *profesorowa*, *generałowa*) и усиление тенденции к использованию неизменяемых форм лично-мужских существительных для обозначения лиц женского пола — таково положение дел в этой группе существительных на конец прошлого века, таким оно зафиксировано (то есть кодифицировано) в большинстве словарей и справочников по культуре речи.

И вот в начале XXI века к концу первого десятилетия ситуация вновь начинает меняться — все чаще на страницах прессы появляются специализированные, морфологически оформленные женско-личные существительные (вот хотя бы данные из текстов за последние пару месяцев: *prozaiczka*, *prezeska*, *reżyserka*, *szefowa*, *eksministra*, *prawniczka*, *socjolożka*, *użytkowniczki Facebooka*, *analityczka polityczna*, *teoretyczka przekładu*, *antropolożka kulturowa*, *megafonistka*, *filolożka*, *korespondentka wojenna*, *edukatorka seksualna*, *ekspertka*, *superwizorka*, *społeczniczka*, *mentorka*, *mówczyni*, *programistka*, *organizatorka*, *web developerka*, *polityczka*). И параллельно с этим все чаще тема феминативов появляется в лингвистической прессе, в справочниках по культуре речи. Все это есть отражение очередной женской экспансии — в первую очередь во властные структуры, усиления влияния феминистских движений и организаций, которые считают, что феминативы, их распространение и даже насаждение закрепят изменение положения женщин в европейском обществе и сделает «женщину более видимой». И достичь гендерного равноправия можно, не уравнивая женщину с мужчиной (то есть используя для ее именования слова мужского рода), а предоставляя ей собственное имя. Таким образом, лавинообразное нарастание производных наименований женщин в языке польской прессы последнего времени следует рассматривать не как внутриязыковой процесс, а как результат целенаправленных акций — например, определенной редакционной политики или прямых деклараций женщин, облеченных властью.

Итак, как оценивается нынешний этап развития профессиональных и титулярных феминативов в современном польском языке? В целом надо отметить, что отношение польских лингвистов к стихии феминативных новообразований достаточно сдержанное — от снисходительно-субъективных — так, А. Марковский говорит, что женские производные с *-lożka* от слов на *-log* типа

socjolożka, antropolożka ему не нравятся, поскольку ассоциируется с „mała locha” (букв. «свиноматка; кабаниха»), — до подробного выделения объективных внутриязыковых факторов, препятствующих свободному, неограниченному созданию феминативных дериватов как это постулируют поборники гендер-корректности.

Что окажется сильнее — давление извне или внутренние законы языка? В оценке специалистов не все сформулированные внутриязыковые барьеры являются непреодолимыми. Толерантные к новым феминативам исследователи приходят к выводу, что дискуссия о них должна идти в двух плоскостях: хотим ли мы // следует ли их употреблять и как они должны выглядеть. И если в первой плоскости ответ очевиден — потребность в таких наименованиях есть, однако, поскольку и в женской среде существует сопротивление, то насилие тут неуместно и время постепенно все расставит по своим местам (еще 20 лет назад socjolożka, psycholożka резали ухо, а сегодня уже нет), то относительно второго могут быть различные точки зрения. По мнению К. Клосинской, стоит пропагандировать двуродовые образования (ten / ta sędzia, ten / ta pediatra, ten / ta kierowca), с другой — не стоит пытаться феминизировать воинские звания и образовывать дериваты типа poruczniczka, kapitanka, generałka. Наличие полисемии для многих образований с суффиксом -ka не должно быть серьезным препятствием для функционирования в качестве феминатива, поскольку контекст позволяет легко идентифицировать нужное значение. Что касается фонетических ограничений, то здесь могут быть предложены варианты с другими суффиксами: chirurgka — chirurgini; pediatra — ta pediatra (хотя реальный узус свидетельствует, что «труднопроизносимость» здесь вполне преодолима, ср. pediatrka).

Процесс вхождения в узус и закрепления в языке новых лексем или форм процесс длительный, его результат зависит от многих факторов, однако в польском языке существует достаточно универсальный способ, устоявшийся и позволяющий преодолеть многие точки напряженности, возникающие при отсутствии узуального лично-женского существительного — это введение слова pani, которое дает возможность употреблять неизменяемые формы мужского рода во всех косвенных падежах и во множественном числе (z paniami minister; panie docent przyszły) [Łaziński 2006: 230].

Литература

- Jadacka H. Kultura języka polskiego. Fleksja, słowotwórstwo, składnia. Warszawa, 2005. S. 126–131.
 Karwatowska M., Szpyra-Kozłowska J. Lingwistyka płci. On i ona w języku polskim. Lublin, 2005.
 Łaziński M. O panach i paniach. Polskie rzeczowniki tytułowe i ich asymetria rodzajowo-płciowa. Warszawa, 2006.
 Nowy słownik poprawnej polszczyzny / Pod red. A. Markowskiego. Warszawa, 2003.

Активные процессы в славянском глагольном словообразовании

Е. М. Маркова, Т. Григорянова

Университет Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве (Словакия)

Славянские языки, активные процессы, глагол, словообразование.

Summary. Slavic languages is inherent increased verbal verbalization, which further intensified in our days. Within verb conjugations of verbs from substantives are allocated as a result of univerbation phrases, passive-reflexive transitive forms, neologisms, perfektiv and imperfektiv innovations, leading to the development of new aspektual meanings. Similarity of processes in other Slavic languages demonstrates a convergence of their development.

Повышенная глагольная вербализация свойственна славянскому языковому лингвокреативному сознанию в целом, однако сейчас наблюдается значительная активизация глагольного словообразования.

Появление новых глагольных наименований связано с экстралингвистическими и интралингвистическими факторами. К экстралингвистическим факторам относятся появление новых явлений, видов деятельности (рус. *майда-нить*, *куришевелить*, чеш. *resetovat* ‘перезагрузить’, *snowboardovat* ‘кататься на сноуборде’), новых способов коммуникации (рус. *мейлить*, *чатиться*, *гуглить*, *контачить*, чеш. *faxovat* ‘обмениваться факсами’, *tobilovat* ‘звонить по мобильному телефону’ и др.), изменения и тенденции в области экономики, политики и культуры и с ними связанные действия (рус. *пиарить*, *диджеить*, чеш. *globalizovat* ‘глобализировать’, *ekologizovat* ‘экологизировать’, *medializovat* ‘медиализировать’) [Martincová 2005: 119].

К интралингвистическим факторам принадлежит, в частности, усиление в последнее время тенденции к экономии языковых средств и, как следствие, — активизация универбации, выражающейся в том числе и в создании семантически компактных глаголов (как правило, в результате стяжения глагольно-именного словосочетания), в том числе от английских корней: *дефейснуть* ‘сменить внешний вид’ от англ. *deface*, *лукать* ‘смотреть’ от англ. *to look*, *то-кать* ‘разговаривать’ от англ. *to talk*, чеш. *mailovat* ‘писать, переписываться по интернету’ от *mail*, чеш. *mejdanoval* ‘тусоваться’ от *mejdán* ‘тусовка, обычно в квартире одного из его участников’, словц. *žurovat* ‘тусоваться’ от *žúr* ‘тусовка’, словц. *dovolenkovat* ‘быть в отпуске’ от *dovolenka* ‘отпуск’, словц. *prázdninovat* ‘быть на каникулах’ *prázdniny* ‘каникулы’, словц. *letovat* ‘проводить летний отпуск’ от *leto* ‘лето’, *vydličkovat* ‘взбивать вилкой’ от *vydlička* ‘вилка’, *zazmluvniť* (букв. ‘законтрактовать’), которое появилось совсем недавно в результате универбации словосочетания *zmluvne zabezpečiť* (‘обеспечить договором’) в сочетаниях типа: *zazmluvniť pôrodníka, cenu, dodávateľa* (‘законтрактовать врача-акушера, цену, поставщика’). Много глагольных инноваций встречается в рекламных слоганах. К таким неологизмам относится, напр., глагол *bankovať s niekým* (букв. ‘банковать с кем-л.’), ‘вступить во взаимоотношения с банком’, что выражено в рекламном слогане *S kým bankujete?* (букв. ‘С кем вы банкуете?’).

Активно образуются на русской почве глаголы от существительных с продуктивным заимствованным суффиксом **-инг**: *шопинговать, прессинговать, демпинговать, рейтинговать, кастинговать, пирсинговать, тюнинговать* и др. Задействуются в образовании отымённых глаголов суффиксы **-ирова, -ова, -и**: *брендировать, продюсировать, офшорить, мониторить*. Эта тенденция наблюдается и в словацком языке, однако глагольные формы образуются от существительных с суффиксом *-ing* по словацким словообразовательным моделям без участия этого суффикса: *dabing* ‘озвучивание’ — *dabovat'*, *lobing* ‘лоббирование’ — *lobovat'*, *miting* ‘митинг’ — *mitingovat'*, *koucing* ‘коучинг’ *koučovat'*, *forčeking* ‘форчекинг’ — *forčekovat'*, *doping* ‘допинг’ — *dopovat'*, *kemping* ‘кемпинг’ — *kempovat'*, *dribling* ‘дриблинг’ — *driblovat'*, *monitoring* ‘мониторинг’ — *monitorovat'*, *karavaning* ‘караванинг’ — *karavanovat'*, *banking* ‘банкинг’ — благодаря рекламе появилась форма *bankovat'*.

Наблюдается экспансия **пассивно-возвратных** образований (*было пошучено, было поступлено*), использование личных глаголов в значении безличных отмечается и в словацком языке, например, в период выборов появился глагол *zvolebnieva sa* (букв. ‘выборает’) ‘наступают выборы, приходит время выборов’.

В рамках активных процессов в области глагольного словообразования можно отметить **имперфективацию и перфективацию**, образование **пассивных глаголов** и их форм. В аспекте тенденции к **имперфективации** образуются формы типа *озабочивать* (как третий элемент цепочки: *заботить* — *озаботить*), *возненавидживать* (от *ненавидеть* — *возненавидеть*), *разлюбливать* (от *любить* — *разлюбить*), *отмщать* (от *мстить* — *отомстить*), а также заполняются грамматические лакуны типа *отсрачивать* (от *отсрочить*), *составляться* (от *состояться*). В словацком активно функционируют сочетания типа *vidíme sa, počujete sa, voláme si zajtra* (букв. ‘видимся’, ‘слышим друг друга’, ‘звоним друг другу завтра’) в значении будущего времени по образцу скалькированной английской фразы *see you*.

С другой стороны, активно образуются и **перфективные** формы, с помощью приставочного словообразования, причем большинство приставок являются акциональными. В русском языке выделяется активностью префикс **про-**: *простроить* (*выстроить*) (отношения), *прослушать* (курс лекций), *прописано* (в пьесах, в литературе), префикс **от-**: *отксерить* (материал), *отзвонить* (вечером), *отследить* (отклики), *откомментировать* (материал), *отсмотреть* (фрагмент), *отрепетировать*, *отрекламировать*, *отпиарить*, *отсудить*, *отпеть*, *отлюбить*. В современном чешском языке активно используется суффикс **-у-** в сочетании с основами заимствованных глаголов: *vydiskutovat*, *vykomunikovat* (‘изложить свою позицию в форме дискуссии, коммуникации и найти решение’), а также основами чешских глаголов: *vyzískat* (‘заполучить’) [Janovec 2013: 119]. В словацком языке продуктивным глаголь-

ным префиксом является **za-**: *zakatalogizovat* ('занести в каталог'), *zavířit* ('запустить вирус'), *zaheslovat* ('установить пароль'), *zafaxovat* ('отправить по факсу'), *zafixovat* ('зафиксировать'), *zateplit* ('затеплить'), *zadefinovat* ('определить, наметить'), *zadart' sa* ('начать получаться') и др.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о таких характерных чертах современных глагольных дериватов, как **полиакциональность**, способность сочетать в себе несколько способов глагольного действия, а также ярко выраженную эмоционально-оценочную составляющую. В целом славянские языки демонстрируют конвергенцию в области глагольного словообразования, хотя интенсивность, характер и результаты рассматриваемых процессов в разных славянских языках национально специфичны.

Литература

- Маркова Е., Григорянова Т. Динамические аспекты лексики современных славянских языков. Вроц: TRIBUN EU, 2016.
 Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. М.: URSS, 2010.
 Martincová O. Nová slovesná pojmenování // Neologizmy v dnešní češtině. Praha: ÚJČ AV ČR, 2005. С. 119–133.

К вопросу о глаголах с циркумфиксом *до-...-ся*

И. Палоши

Будапештский университет им. Лоранда Этвеша (Венгрия)

Семантика, способ действия, циркумфикс, результативность.

Summary. The paper aims to analyze the semantic structure of Russian verbs with a marker *do-...s'a* — verbs of negative-finished and durative-intensive actionsart. The research shows that the sematic field of both verb groups includes the semes of durativity, repetitiveness, intensity and resultativity. The main distinctive feature between them is connected to the seme of resultativity — the intended or non-intended result of the action.

1. Введение

Настоящая работа посвящена анализу сематической структуры глаголов с формантом *до-...-ся*. Делается попытка сопоставить семантическое поле глаголов длительно-усилительного (типа *достучаться, доискаться, докричаться* и т. д.) и финально-отрицательного способа действия (в дальнейшем — СД) (типа *доработаться до головной боли, догуляться до беды, дошутиться, докричаться до хрипоты, договориться до абсурда* и т. д.). В рамках настоящего исследования мы не будем заниматься глаголами с пространственным значением типа *добираться*.

Цель нашей работы заключается в том, чтобы ответить на следующие вопросы:

1. Какие общие и семы у глаголов длительно-усилительного и финально-отрицательного СД?

2. Какие семы отличают глаголы финально-отрицательного СД от глаголов длительно-усилительного СД? 3) Можно ли отнести все глаголы с формантом *до-...-ся* к одному СД?

2. Семантика циркумфикса *до-...-ся*

В ходе нашего анализа мы исходим из результатов семантического анализа приставки *до-*, проведенного французской формальной школой. Вслед за Добрушиной Е. Р. и Пайаром Д., циркумфикс *до-...-ся* вносит следующее значение в семантику глагола: «действие с результатом, при достижении которого возникают проблемы, преодолеваемые субъектом» [Добродушина, Меллина, Пайар 2001: 49–50]. Из изложенного выше явствует, что ключевым понятием при анализе семантики глаголов с циркумфиксом *до-...-ся* является дистанция.

В связи с этим возникают два вопроса: 1) Можно ли отнести указанное выше толкование к глаголам финально-отрицательного СД?; 2) Как реализуется значение «преодоление дистанции» в семантической структуре обоих типов глаголов с формантом *до-...-ся*? К этим вопросам непременно вернемся при анализе отдельных СД.

3. Семантика глаголов длительно-усилительного СД

По общеизвестному определению, глаголы длительно-усилительного СД обозначают доведение действия до желаемого результата путем приложения длительных, настойчивых усилий [Зализняк, Шмелев 1997: 98]. Бесспорно, что в семантике данных глаголов сочетаются семы результативности, длительности и интенсивности. Однако, ввиду того, что в большинстве случаев имеет место многократное повторение однородных действий в рамках одной ситуации, мы, со своей стороны, добавим к семантической трактовке данных глаголов и сему кратности, а именно мультипликативности. При этом значение преодоления дистанции связано с семами длительности и кратности, поскольку длительные и многократные попытки совершить действие приводят к достижению результата, т. е. к преодолению дистанции между положениями I и R.

С интерпретацией И. Б. Шатуновского по отношению к значению данных глаголов как «моментальный переход к наличию результата» [Шатуновский 2009: 234] мы можем согласиться только с той оговоркой, что моментальному переходу предшествует процесс попыток достичь результата. Наличие такого предшествующего процесса И. Б. Шатуновским не отвергается и называется медиальной фазой. Именно эту медиальную фазу можно рассмотреть как преодолеваемую дистанцию между положениями I и R.

4. Семантика глаголов финально-отрицательного СД

Как известно, глаголы финально-отрицательного СД, которые указывают на чрезмерность действия, доведенного до отрицательного следствия [Крекич 1997: 31]. Эти глаголы часто сочетаются с конструкцией предлог *до* + родительный падеж, эксплицитно указывающей на отрицательное следствие чрезмерно продолжительного, итеративного или интенсивного действия с точки зрения субъекта действия. Следовательно, кроме центральной семы результативности данные глаголы содержат еще семы продолжительности, итеративности, интенсивности и пресыщенности, которые в зависимости от ситуативного контекста могут устранять друг друга, и активизироваться в разных комбинациях.

Что касается вопроса о значении преодоления дистанции между положениями I и R, мы считаем, что в случае глаголов финально-отрицательного СД речь идет о несознательном процессе преодоления дистанции. Субъект не контролирует количественные параметры действия. На вопрос о том, можно ли отнести взгляды Е. Р. Добродушиной и Д. Пайара на данные глаголы, мы допускаем ответить утвердительно, с той оговоркой, что имеет место несознательное, нецеленаправленное преодоление дистанции. Подобно к глаголам длительно-усилительного СД, в семантике глаголов финально-отрицательных СД значение преодоления дистанции связано с семами кратности, длительно-сти и интенсивности.

5. Итоги

Проделанный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

1. Общая особенность глаголов с циркумфиксом *до-...-ся* заключается в том, что центральную позицию в семантической структуре глаголов занимает сема результативности, а семы кратности, длительно-сти и интенсивности относятся к периферии.
2. Два изучаемых СД разграничивает характер результата (желаемый или нежелательный). При этом особую роль играет осознанная направленность субъекта на достижение результата. Прагматическим значением пресыщенности субъекта действием обладают только глаголы финально-отрицательного СД.
3. Оба СД правомерно входят в класс специально-результативных СД, но ни один из них не может включать другого. Глаголы длительно-усилительного и финально-отрицательного СД являются самостоятельными СД.

Литература

- Добродушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство: Сборник. М., 2001.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Лекции по русской аспектологии. (Slavistische Beiträge 353.) München, 1997.
- Крекич Й. Педагогическая грамматика русского глагола. Семантика и прагматика. Szeged, 1997.
- Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М., 2009.

Словообразовательные и семантические инновации в церковнославянских текстах русского происхождения*

А. А. Плетнева

Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

*Церковнославянский язык, русский язык, поэтика, лексикология, лексикография,
семантика, гапаксы*

Summary. Word-formation and semantic innovations in Church Slavonic texts of Russian origin. The report considers derivational and semantic features of the vocabulary in liturgical texts composed in Russia, as compared with those translated from Greek

1. Словарь современного церковнославянского языка, подготовка которого ведется в ИРЯ РАН, предполагает работу со значительным по объему церковнославянским корпусом богослужебных и четьиных книг. В эти книги входит значительное число служб русским святым, созданных в XI–XXI веках. Источники словаря оцифрованы, поэтому у составителей есть техническая возможность анализировать полную выборку вхождений. При этом было выявлено значительное количество лексем, которые встречаются только в текстах русского происхождения.

2. Некоторые из слов, встречающихся только в русских службах, совпадают со словами русского литературного языка в аналогичном значении, в то время как в переводных церковнославянских текстах употребляется слово с другим корнем. Так, «беззащитный» встречается в текстах русского происхождения: *зрим вас гладных... плачущих о чадах оставленных и о матерех их беззащитных* (25 января Новомучеников и исповедников Российских). В текстах, переведенных с греческого, в этом значении, как правило, фигурирует слово «безпредстательственный». В других случаях мы видим в русских службах слово с тем же корнем, что и переводных текстах, но словообразовательные модели при этом будут разные. Например, слово «беззлбный» встречается лишь в службе Феодосия Печерского: *ты иерей Божий беззлбный был еси, яко воистину, оче, безкровныя жертвы принося, священне, и воспевая сердцем чистым ко Господу, празднуя присно*. В переводных службах в аналогичных контекстах встречаются слова «незлбивый», «беззлбивый». Слово «благородство» встречается только в русских службах: *из корене благородна благородством и многими добротами плод процвела еси, возрастиши лоза по всей земли русской и в полосте граде, осеняющи и вином веселия напояющи, Евфросиние, присно молящих ти ся* (2 мая служба Евфросинии Полоцкой). При этом слово «благородие» появляется как в русских, так и переводных текстах.

3. В некоторых случаях слово в службе русского происхождения не совпадает с аналогом в русском литературном языке, и при этом не совпадает и со стандартным церковнославянским. Так, слово «боголепный» имеет в кор-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 15-04-12050.

пусе словаря более 140 вхождений, при этом слово «боголепый» встречается лишь один раз в службе святителю Алексею Московскому: *с царствуемыми миром православныя люди наша от всяких бед зашити, богозданный православия щите, и церкви русския первопрестольный иерарше, всеблаженне Алексие, в боголепое церквей Божиих благостроение, даждь свыше небесную помощь* Подобные гапаксы появляются в русских службах достаточно часто и не всегда они противопоставленные стандартному церковнославянскому слову. В той же службе святителю Алексею Московскому находим слово «благоведрый» в значении 'ясный, безоблачный', которое встретилось в корпусе всего один раз. Аналогичного слова для переводных текстов нет.

4. Кроме словообразовательных инноваций в русских службах встречаются и семантические инновации. Так в слове «благодарение» появляется особое значение 'благой дар, благодаяние', которое встречается исключительно в русских службах (Ефросинии Полоцкой и Леонтия Ростовского). Для переводных текстов актуальны значения 'хвала, прославление', 'благодарность' и 'причащение, евхаристия'. Особое значение для непереводаемых контекстов имеет и слово «благоутишний». Это значение 'несущий мир, утишающий' по отношению к человеку, а не предмету. Встречается оно, например, в русской службе благоверному князю Всеволоду-Гавриилу. Это же слово в переводных контекстах означает 'мирный, спокойный, безмятежный', 'лишенный страстей' и не употребляется по отношению к человеку.

5. Таким образом, работа над словарем современного церковнославянского языка позволят выявить словообразовательную специфику русизмов, а в некоторых случаях и дифференциацию значений в зависимости от переводного или непереводаемого контекста.

Поведенческие стереотипы в лексической и словообразовательной семантике русского глагола

В. Г. Фатхутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Глаголы поведения, словообразование, семантика, лингвокультурология.

Summary. The report analyzes behavioral stereotypes represented in the lexical and word-formative semantics of a Russian verb. It is proved that the estimating and regulating nature of verb semantics can occur in derivatives formed with the help of identical word-formative means.

В сфере акциональных, ментальных и эмотивно-оценочных предикатов глаголы поведения, будучи основными способами языковой объективации поведенческих стереотипов, национального характера и этнокультурных традиций этноса, занимают особое место. Их семантика содержит в себе особенно-сти мировоззрения, ценностные установки, социокультурные нормы, представ-

ление о желательных (эталонных) и нежелательных «моделях поведения» человека.

В «Русском семантическом словаре» лексический класс «Поведение, а также действия и поступки, неотделимые от поведения» охватывает обширный пласт слов, характеризующих поведение и образ действий. В него также включены глаголы и фразеологизмы, непосредственно связанные с мышлением, с убеждениями человека, с его понятиями о нравственных ценностях, а также со случайными реакциями на те или иные стимулы и сложившиеся обстоятельства. В основе классификации, представленной в словаре, лежат четыре основные группы: 1) «общие обозначения», 2) «деятельное, активное поведение», 3) «нерешительное, осторожное поведение, медлительность, бездеятельность, уклонение от деятельности» и 4) «антиобщественное и антисоциальное поведение», каждая из которых получает дальнейшую многоступенчатую детализацию [Русский семантический словарь 2007: 332–333]. Можно констатировать, что данная семантическая сфера описана в русском языке глубоко и последовательно. Тем не менее практически неизученными до сих пор остаются способы опосредованного выражения «семантики поведения», в число которых, по нашему мнению, следует включить словообразовательные типы и модели производной глагольной лексики.

Собранный и систематизированный нами материал позволил выдвинуть следующую гипотезу: оценочно-регламентирующий характер глагольной семантики может возникать у дериватов одного и того же словообразовательного типа, а именно образованных при помощи идентичных словообразовательных средств.

Цель исследования — доказать, что семантика поведения реализуется не только в рамках соответствующей лексико-семантической группы, но и за ее пределами: социально-поведенческие мотивы возникают в актах словообразовательной детерминации стилистически и денотативно нейтральных глагольных основ.

Методологически релевантными для нашего анализа стали лингвокультурологические понятия социокультурной нормы и ценностной ориентации личности. «Если на уровне индивидуального поведения ценности имеют прежде всего прагматическую, эпистемическую или эмоциональную значимость, то на уровне общества они выполняют важную интегративную функцию» [Киклевич 2014: 278].

По мнению Т. И. Вендиной, о социоцентризме языка традиционной русской духовной культуры свидетельствует факт существования обширного пласта лексики, характеризующей человека с точки зрения его способности жить в обществе и соответствовать тем социальным нормам общежития, которые в нем закреплены [Вендина 2012: 56].

В этой связи особого внимания заслуживает сфера межличностного дискурса, где представлена оценка поведения не отдельной личности, а микросоциума — двух и более людей. Ее языковыми репрезентантами, с нашей точки зрения, могут выступать словообразовательные типы глаголов с префиксом *раз-* или с конфиксом *раз-* ... *-ся*. Словообразовательное значение ‘разъединение, разделение чего-нибудь раннее соединенного’ актуализируется в речеповеденческих предикатах типа *разругаться*, *рассориться*, *разбраниться*, *разплеваться*, которые являются системными глаголами поведения и служат обозначениями однотипной экстралингвистической ситуации.

Межличностные отношения занимают важное место в процессуально-событийном мире русского человека, и их прекращение с позиций стереотипного и эталонного поведения оценивается всегда негативно. Об этом свидетельствует устаревшая лексика, широко представленная в словаре В. И. Даля. Так, национально-культурным своеобразием и пейоративной оценкой отмечены глаголы, характеризующие следующие действия: *разбрататься* — «побратавшись, после того поссориться, раздружиться, разойтись»; *раздрянитесь* — «рассориться из-за пустяков»; *раскумиться* — «поссориться после тесной дружбы»; ср. также: *разъякшаться*, *раззнакомиться*. Прекращение отношений в данном случае квалифицируется как определенный тип поведения, оцениваемый отрицательно и предписывающий поступать и вести себя иначе.

Ярко выраженной этнокультурной коннотацией обладает глагол *размири́ться* — «прервать мир, нарушить согласие, поссориться, разбраниться, стать недругом, начать враждовать»; ср. *размирье* — «ссора, несогласие, разрыв мира, объявление войны, военное время, пора, состояние»; *размирная* — «грамота, письмо с объявлением войны».

Глагольные дериваты с префиксом *раз-* могут выступать со значением ‘аннулировать результат действия, названного мотивирующим глаголом; отказаться или заставить отказаться от чего-нибудь’; здесь совмещается значение аннулирования со значением разделения: *раздружить* — «раздружить дружбу, поссорить, развести: раздружится друг — хуже недруга; у них *раздружба* — ссора, несогласие, вражда»; *разсватать* — «расстроить свадьбу»; *разсват* — «расстроивший свадьбу: сват на коне, а разсват на свинье»; *разжени́ть* — «развести, отлучить от жены, уничтожить брак: женив сына, не разженишь, хоть и плохо»; «женитьба есть, а разжени́тьбы нет»; *разжєня* (обл.) — «кто развелся, разженился», «о самовольной разлуке супругов, о невенчанных раскольниках»; ср. также: *развенчать* — «развести супругов, уничтожить брак, дать разводную; худой (и плохой, и глупый) поп свенчает, хорошему (умному) не развенчать».

Таким образом, национально-культурные особенности русского стереотипного поведения находят отражение не только в системной глагольной лексике с инвариантной семой ‘вести себя каким-либо образом’, но и в лексико-

словообразовательной семантике, непосредственно связанной с номинативно-оценочной и регулятивной функцией слова.

Литература

- Киклевич А. К.* Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков: «Гуманитарный центр», 2014.
- Вендина Т. И.* Русская традиционная духовная культура: наследие в слове // *Метафизика*. 2012. № 4 (6). С. 49–64.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том IV. / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: «Азбуковник», 2007.

Славянская диалектология в синхронии и диахронии

Вариативность в говоре пихтинских голендров^{*}

М. М. Алексеева

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Голендры, вариативность, западнopolесские украинские говоры, полесско-волынские украинские говоры, островной говор.

Summary. Golendry (pol. Olędrzy) is a small ethnic group of Dutch ancestry in Syberia that came to the Irkutsk region from the Volyn' region (now Ukraine) in the 1910s. They speak a western Ukrainian dialect which demonstrates a high degree of language variation caused by two reasons: heterogeneous character of the dialect and intensive contacts with the Russian language.

Говор пихтинских голендров — это малоизученный островной переселенческий украинский говор в Сибири.

Голендры — представители этнической группы, компактно проживающие в селах Пихтинск, Среднепихтинск и Дагник Заларинского района Иркутской области, — приехали в Сибирь в начале 1910-х гг. по аграрной реформе П. А. Столыпина из Гродненской и Волынской губерний Российской империи. Их предки, голландские колонисты-меннониты, в XVI–XVII вв. прибыли из Нидерландов в Польшу, а затем после разделов Польши основали голендровские поселения на Волыни. В России голендров долгое время считали немцами во многом из-за созвучности их имен и фамилий с немецкими (Кунц, Гильдебрант, Людвиг и др.). В названных трех деревнях сегодня проживает около 300 голендров.

Голендры — лютеране, причем религиозную сферу обслуживает польский язык (церковные польские книги переселенцы с Волыни привезли с собой). Употребление польского языка ограничивается религиозными службами и фольклором (в частности, польские песни наряду с украинскими звучат во время свадебного обряда). В быту польский язык практически не используется, хотя, по-видимому, до переселения имела место польско-украинская диглоссия (по меньшей мере в некоторых семьях). Судя по всему, это была разновидность юго-восточного периферийного польского диалекта (polszczyzna kresowa).

Основные особенности говора пихтинских голендров позволяют отнести его к западнopolесским или полесско-волынским говорам украинского языка. При этом сами голендры свой идиом называют голендровским или «хохлацким».

^{*} Работа выполнена в рамках гранта «Славянские переселенческие говоры в России (чешские, польские, украинские)» № А-54 «Фонда фундаментальных лингвистических исследований» (<http://www.ffli.ru>).

Говор пихтинских голендров долгое время не попадал в поле зрения ученых. В прессе встречаются упоминания об их «смешанном» польско-украинско-белорусском языке. Причин возникновения подобных формулировок несколько: в говоре голендров немало заимствований из польского языка; на Волыни и среди первых переселенцев, возможно, имела место польско-украинская диглоссия; польский язык до сих пор употребляется в качестве языка религии. На появление «белорусской версии» вероятно повлиял тот факт, что часть голендров переселилась из Гродненской губернии. Однако на юге современной Беларуси функционируют берестейские украинские говоры, являющиеся продолжением западнopolесских. Белорусских черт в говоре сибирских голендров не выявлено.

В говоре пихтинских голендров широко представлено явление вариативности. Вариативность обусловлена несколькими причинами: а) говор пихтинских голендров имеет гетерогенный характер. В указанных трех деревнях проживают переселенцы из разных волынских сел. Отличия между говорами, по-видимому, были не столь значительны и сами носители считают, что говор у них один, тем не менее имеется определенное количество унаследованных различий; б) вариативность во многом обусловлена постоянными контактами с русским языком. В настоящее время все носители голендровского говора двуязычны или же полностью перешли на русский язык. Под влиянием русского языка происходит стирание основных диалектных черт. Отметим, что в случае сибирских голендров (в отличие от сибирских поляков) невозможно говорить о какой-либо метрополии, связи с которой могли бы способствовать сохранению родного идиома.

К проявлениям вариативности, обусловленной гетерогенным характером говора, можно отнести следующие особенности:

- различные монофтонги на месте этимологического *о в закрытых слогах. Чаще всего в этой позиции встречается монофтонг «і» (*v'il* 'вол, бык', *po"rih* 'порог', *m'ih* 'мог', *r'is* 'рос') или «у» (*lyško* 'кровать', *tyk* 'ток', *styko* 'столько'). При этом в слове *vin* 'он' и *bul'she* 'больше' практически у всех информантов находим монофтонг «и»;
- гласный *i* или *y* на месте безударного *ѣ: *m'ishú* 'мешаю', *vydró* 'ведро'. Наличие *y* в безударной позиции — яркая черта волынско-полесских говоров (под ударением последовательно *ѣ > *i*: *s'ino* 'сено', *v'ira* 'вера', *xr'in* 'хрен', *t'isto* 'тесто');
- параллельные формы 2 л. ед. ч. наст. вр. глагола 'есть': *jisy* / *jisyš*;
- наличие глагольных форм 3 л. единственного и множественного числа с и без *l*-эпентетикума: *stavl'et*, *stavl'ut* 'ставят' но: *rob'at* 'делают'.

Унаследованную вариативность в области фонетики и грамматики сами носители говора не считают существенной и утверждают, что говорят они все

одинаково. Однако в отдельных случаях голендры указывают на лексические различия. Так, одна информантка рассказала, что у них в селе жену дяди называют *vujenka*, а в соседнем — *vujášková*.

К вариативности, обусловленной влиянием русского языка, можно отнести:

- наличие форм инфинитива на *-ty* и *-t'*: *vd'ahaty*, *maxaty*, но: *spyvát'*;
- наличие форм с / без морфонологических чередований согласных в Дат. / Пред. п. существительных женского рода: *na r'ičk'i* 'на речке', *v hrúpk'i* 'в печке' но: *v hrúpc'i*, *na ruc'i* 'на руке';
- наличие лексических дублетов: *býdlo* / *skot* 'домашний скот', *pustolý* / *lápt'i* 'лапти'.

Голендры осознают эти лексические различия (*po rusk'i n'et, a po na'somu nymá*) и отмечают, что их язык подвергся сильному влиянию русского языка: *a uže š: 'as ne huvórat skro"báty, čýstyty, fso po rúski vže po"šló* — «обрусевший язык уже».

В отдельных случаях невозможно однозначно указать причину вариативности, поскольку не ясно, исконное ли это явление или же более позднее, возникшее под влиянием русского языка.

Литература

Атлас української мови. Т. 2. К., 1988.

Бютов Э. Происхождение и история бужских голендров // «Тальцы» № 4 (23), 2004. С. 3–22.

Шостакович Б. С. Голендры: этимология термина и понятия // «Тальцы» № 4 (23), 2004. С. 23–35.

О некоторых типах гибридных образований в славянских языках (на материале русского и польского языков)

Н. Е. Ананьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Польский язык, русский язык, языковой гибрид, билингвизм, диалект.

Summary. In this paper the author analyzes the different types of hybrid forms in the Russian and in the Polish languages: those formed by writers (for example the hybrid forms used by N. Leskov) and those which function in the Polish dialects as the result of their contacts with the Russian language.

Феномен гибридности в последнее время привлекает внимание широкого круга исследователей: лингвистов, литературоведов, культурологов. Так, в 2012 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция «Проблема гибрида в славянских языках», материалы которой изданы в 2014 г. [Гибридные формы... 2014].

Под гибридными образованиями в докладе понимается результат контаминации (как правило, двух) самостоятельных языковых форм или их частей. Гибридные образования (языковые гибриды) могут появляться как вследствие

осознанной целенаправленной креативной деятельности творца-писателя (например, гибридные образования у Н. С. Лескова), так и в результате неосознанных языковых процессов (например, у билингвальных диалектоносителей). Генетически гибриды могут быть образованы только из форм родного языка (односистемные, или внутрисистемные), а могут представлять собой объединение форм, относящихся к разным языковым кодам, находящимся в разной степени родства (разносистемные гибриды). При этом к иноязычному по происхождению коду может принадлежать как один из компонентов гибридного образования, так и оба (в обычном случае двухчленного гибрида). Примеры генетически односистемных и разносистемных гибридных образований, являющихся результатом творческой деятельности, из произведений Н. С. Лескова: *бюстры* (объединение слов бюст и люстры), *безрассудок* (предрассудок и безрассудство), *двухсестная* (двухместная и сесть), *мелкоскоп* (мелко и микроскоп), *нимфузория* (нимфа и инфузория), *студинг* (пудинг и студень), *клеветон* (клевета и фельетон), *ажидация* (ажитация 'волнение, возбуждение' с фр. agitation и ожидание) («Левша»); *проствейн* 'водка' (простой и «вейн» 'вино') («Справедливый человек»); *сужект* (субъект и сюжет) («Путешествие с нигилистом»); *долбища умножения* (долбить и таблица), *парфемандрит* (из фр. parfait и архимандрит) («Заметки неизвестного»).

Гибридным образованием может стать также объединение корня слова родного языка (или его части) и иноязычного форманта, например, окончания (ср. у Н. С. Лескова *непромокабли* — от непромокаемый с французским окончанием).

Языковые гибриды известны истории славянских языков. Так, в польском языке с XV в. из латинского языка распространяется окончание *-a* в им. п. мн. ч. существительных м. р. Оно чаще встречается в словах латинского же (или немецкого) происхождения. Но в случаях редкого оформления им польских слов (*pota, pociska, okręta*) может квалифицироваться как составная часть гибридного разносистемного (польско-латинского) образования.

Гибридного происхождения могут быть и отдельные форманты. Так, польское диалектное окончание мазовецкого ареала *-ov'u* (варианты при асинхронном типе произношения мягких губных *-oŭi* и даже *-oŭi*; последний вариант, в частности, представлен в говоре переселенцев мазурского региона, проживающих в настоящее время в деревнях Знаменка и Александровка под Абаканом) — результат контаминации двух флексий дат. п. ед. ч. м. р. *-ov'i* (генетически из *ŭ-основ) и *-u* (генетически из *ō-основ) и пример внутрисистемной гибридности.

Наиболее часто гибридные образования появляются при контакте носителей какого-либо диалекта с иноязычным кодом, особенно в случае близкородственного билингвизма, например, при взаимодействии родной (первичной) польской диасистемы со вторичным русским идиомом (диалектным или

литературным). Так, при заимствовании русизма часто в нем отмечаются фонетические, морфологические, словообразовательные, реже синтаксические «маркеры» первичной польской системы. Например, в русизме *potstrujumy* (русск. *подстроим, пристроим*, польск. *przybudować*), зафиксированном у полноязычного диалектоносителя с. Вершина Иркутской области Боханского района, маркерами первичной системы являются корневое *и* (на месте *о*) и флексия 1 л. мн. ч. презенса *-иту*.

Генетически гибридными формами являются формы с литовскими по происхождению флексиями дат. п. ед. ч. существительных ж. р. *-aj / -ej*, присоединяемыми к польским основам, в северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта (так называемой «польщицны кресовой»), типа *dziewczynkaj* 'литер. *dziewczynce*', *krowaj* 'литер. *krowie*'. В докладе приводятся также другие примеры славянских языковых гибридов.

Литература

Гибридные формы в славянских культурах. М., 2014.

Проблема генезиса самарских переселенческих говоров

Т. Е. Баженова

Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Русский язык, диалектная лексика, переселенческие говоры Поволжья, лингвистическая география.

Summary. This article describes the results of mapping vocabulary of Samara dialects about the interpretation of habitats of dialectal features. Linguistic maps reflect the lexical characteristics, extend the typology of Samara dialects and have diagnostic capabilities, which, along with the facts of other levels of the language can be used in a comprehensive characterization of the dialects of the individual Territories, including such a linguistically complex region as Samara Volga region.

1. Итоги изучения самарских говоров методом лингвистической географии

Проблема лингвогеографического описания переселенческих говоров остается актуальной. В результате картографирования и интерпретации карт по предударному вокализму и лексике, выявлено соотношение лексических особенностей самарских говоров с их основными фонетическими характеристиками. Лексические карты регионального атласа дали возможность выявить регулярные лексические оппозиции, дополняющие картину диалектного членения самарских говоров. Изоглоссы лексем, входящих в двучленные оппозиции, соответствуют той условной границе, которая установилась на территории Самарской области между говорами с владимирско-поволжской основой и говорами с различными южнорусскими основами.

2. Региональная специфика самарских говоров

1. Самарские говоры относятся к числу «вторичных», и, как многие средневожские говоры, они отличаются своей разнотипностью, разновременностью образования и широкими возможностями варьирования под воздействием многих факторов.

2. На сравнительно небольшой территории самарского Поволжья представлены окающие и акающие говоры. Окающие говоры являются продолжением массива владимирско-поволжских говоров, образуют достаточно компактный ареал на севере и северо-западе области. Сформировавшиеся на севернорусской основе говоры отличаются гомогенностью и объединяются наличием целого ряда устойчивых признаков на уровне фонетики и морфологии.

3. Акающие говоры численно преобладают, и значительную часть их составляют говоры среднерусские, которые имеют сходство с восточными среднерусскими акающими говорами. Опыт изучения среднерусских акающих говоров показал, что их системы предупредного вокализма обнаруживают широкие генетические связи. Нами выявлено генетическое единство среднерусских акающих говоров с умеренным яканьем с окающими владимирско-поволжскими говорами. На нашей территории акающие говоры, имеющие очевидное типологическое сходство с владимирско-поволжскими (неполноокающими) говорами, преобладают.

4. В южных и юго-восточных районах области бытуют акающие говоры с южнорусской основой, которые обнаруживают признаки материнских говоров различной типологии. Они объединяются наличием целого ряда признаков, свидетельствующих об их вторичном происхождении. Явные признаки южнорусской основы обнаруживают говоры с ассимилятивно-диссимилятивным и сильным яканьем. Различная степень сохранности материнских основ южнорусских говоров является показателем их изначальной неоднородности и сложном характере миграционных процессов.

5. Некоторые говоры сохраняют признаки обеих полярных основ, но и в этом случае их можно классифицировать с точки зрения преобладания севернорусских или южнорусских особенностей. Для таких говоров характерно: 1) взрывное *z*, которое реализуется в конце слов в *к* или *х*; 2) совмещение устойчивых южнорусских и севернорусских фонетических и морфологических особенностей в различных комбинациях. Южнорусский компонент в их основе повсеместно преобладает. Говоры с полидиалектной основой встречаются на нашей территории повсеместно, они разнообразны с точки зрения типологии и хронологии, и поэтому заслуживают особого внимания.

6. На настоящем этапе мы ставим целью выявление лексических особенностей, которые дают возможность определения генезиса самарских говоров и комплексного представления о них. Учитывая фонетические и морфологиче-

ские особенности, ареально дифференцированную лексику самарских говоров можно разделить на среднерусскую, имеющую владимирско-поволжскую основу, и южнорусскую.

7. На уровне лексики лингвистический ландшафт самарского Поволжья очень часто становится еще более расчлененным и в некоторых случаях приобретает пестроту, но все же можно отметить упорядоченность в лингвогеографическом представлении отдельных лексем. Признаки диалектной приуроченности к материнским основам севернорусских или южнорусских говоров в лексике самарских говоров проявляются нерегулярно, зато в целом ряде случаев их связь с другими говорами Среднего Поволжья просматривается со всей очевидностью.

8. Картографирование лексико-семантических диалектных различий в ряде случаев подтверждает генетическое единство самарских среднерусских акающих и окающих (владимирско-поволжских) говоров.

9. Нередко изоглоссы диалектных лексем образуют дисперсные ареалы по всей картографируемой территории и имеют зоны пересечения с другими диалектными и общерусскими словами.

10. В отдельных говорах зачастую оказываются возможными слова разной диалектной приуроченности. Размытость ареально-типологической характеристики значительной части диалектной лексики и преобладание в частных диалектных лексических системах общенародных (общеупотребительных) слов соответствует статусу самарских говоров как говоров переселенческих и преимущественно среднерусских.

О происхождении рус. *прибамбас*

И. В. Бегунц

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Слово *прибамбас* фиксируется далеко не всеми словарями русского языка; так, его нет в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и других авторитетных изданиях, включая этимологические словари М. Фасмера, А. Преображенского и др. Таким образом, вопрос о происхождении слова *прибамбас* нигде не рассмотрен, а сам факт его наличия в языке неочевиден.

Между тем, слово существует (в НКРЯ около 300 вхождений), а отсутствие его во многих словарях литературного языка объясняется, безусловно, яркой разговорной окраской, выводящей лексему за пределы нормативности. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова находим его с пометой «разг». Лексема *прибамбас* представлена преимущественно в словарях жаргона и арготизмов, таких, как «Словарь русского арготизма» В. С. Елистратова (М., 2000), «Словарь ненормативной лексики» Д. И. Квесселевича (М., 2005), «Большой словарь русского жаргона» В. М. Мокиенко и

Т. Г. Никитиной (СПб., 2000). Для дальнейшего анализа этимологии слова рассмотрим круг его значений, выделяемых в словарях.

Наиболее полную картину дает упомянутый «Большой словарь русского жаргона» (7 значений): 1. Накладная деталь одежды, украшение. 2. Предмет мелкой галантереи, мелкой модной одежды. 3. Что-либо избыточное, орнаментальное. 4. Сложная, дорогая, высокого класса аудио-, видеоаппаратура. 5. Дополнительное аппаратное или программное средство, не входящее в состав вычислительной системы, программы. 6. Что-либо эффектное, неожиданное. 7. Шутка, остроумное высказывание. Нетрудно видеть, что значения 1–6 имеют общую семантику избыточности, декоративности; имеется в виду нечто, не входящее в «базовую комплектацию», излишнее с точки зрения функциональности; украшение, дополнение (в одежде, технике и пр.). В «Словаре ненормативной лексики» для слова *прибамбас* приводится одно лаконичное значение «шутки, шутовщины», видимо, отражающее ту же идею. «Словарь русского арго» выделяет два значения: второе в целом соответствует сформулированному выше («о чем-либо вычурном, ненужном, о разных украшениях и т. п., в армии — об элементах амуниции»); первое — «шутка, розыгрыш, остроумное высказывание, анекдот».

В связи с данными словарей отметим также два существенных момента: во-первых, фиксируются варианты *прибабас* (без «м») и *прибамбаса* ж. р. («Словарь русского арго»); во-вторых, словари отмечают преимущественное употребление слова во множественном числе.

Теперь перейдем непосредственно к вопросу о происхождении слова *прибамбас*. Круг его значений, характер фонетической и грамматической вариативности, а также стилистическая окраска позволяют предположить, что слово имеет диалектную основу и восходит к распространенному в севернорусских говорах слову *прибасы* «украшения».

Корень *-бас-* имеет множество производных в севернорусских говорах, ср. материалы «Словаря русских народных говоров» (далее — СРНГ): *баса* «красота, украшение» (Новг., Арх., Волог., Яросл.), *баской* «красивый», *баско* «красиво», *басить(ся)* (также *басать*, *басоваться*) «наряжаться, прихорашиваться» и мн. др. Северная локализация корня, возможно, связана с его скандинавским происхождением.

Слово *прибасы* приводится в СРНГ в двух начальных формах: *прибас* и *прибаса*. Значения совпадают: «украшение; то, что служит украшением», «украшение на одежде (позумент, ленты и т. п.)», «украшение на обуви в виде разноцветного сукна». Примеры: *С прибасами лопарки шьют; Прибасы у сарафана у платья; Всяк по-своему прибасу-ту ладил, ленты разные там, блонды, пластики, кто что придумат.* При этом только для варианта женского рода приводятся значения «побасенка, прибаутка, припевка, частушка».

Более развернутую картину значений и употреблений можно найти в картотеке «Архангельского областного словаря» (были изучены материалы бумажной и электронной картотек). Действительно, слово имеет вариант как женского рода (*Помогай прибасу-то собрать*), так и мужского (*Заплата — штаны с прибасом; Прибасов-то всего навешано, ужас — у гусар*), причем форм мужского рода больше. Наиболее употребительны формы множественного числа, не позволяющие определить род: *Навешай на себя всяки прибасы — бусы, бумажки навешай; Сарафаны наткут со всякими прибасами, с клеточкой и пр.*). Думается, что именно нейтрализация родов в подавляющем числе употреблений могла вызвать переход слова из одного рода в другой (вероятно, из женского в мужской при исходном *прибаса*, как *баса*); характерно, что родовая вариативность сохраняется и в литературном языке у слова *прибамбас*, которое также обычно употребляется во множественном числе.

Что касается значений слова *прибас(а)*, то здесь, при общей семантике «украшение, дополнение, нечто избыточное», можно говорить более детально о типичных объектах «украшательства». Во-первых, *прибасы* — это собственно женские украшения, ср.: *Прибасами и звали бусы-ти, может, у кого и серёжки были, так скажут: прибасы навесила, это всё прибасы — под одним словом; и у кого, может, и цепка как была, золота ли, серебряна ли — всё прибасами звали, может, брошка ещё у кого*. Чаще всего *прибасами* называют декоративные детали одежды: *Прибасы будут висеть — морхотьё-то это (о кисточках на кофте); Тут такие были прибасы, кружева да бисер; Сперва козыряла, кожаная куртка, да все прибасы отскочили, потрескалось; А это были прибасы, такие чипужечки с бусинками; Дак ведь это для басы загнуто (на рукавах), никак не звали, то у кофты всё прибасы — манжеты, что ли*. Украшения могут нашиваться и на обувь: *У парня красны катанцы (валенки. — И. Б.) были, наверх нашиты — прибасы каки-то были; Полсапожки с прибасами, для красоты*. Затем, *прибасами* называют декоративные элементы избы, как внутри, так и снаружи: *Стены клеены, потолок крашен, разве только прибасов никаких нет; Клавдей как красить-то да опушивать (обшивать снаружи досками. — И. Б.) дом стал, попросил прибасы-то — ко Клавдиеву дому делаю прибасы; Он сделал кружочек, к охлупню (верху крыши. — И. Б.) приколачивать — прибасы*. Затем, *прибасы* могут быть у предметов быта, технических и транспортных средств (прялок, саней, телег): *Больно любви прясницы — вырежут прибасы на пряснице; Вот сколько прибас — все начистят, начистят (у саней); У телеги сзаду сделают таку прибасу и пр*. Таким образом, круг значений слова *прибас(а)* включает в себя декоративные элементы одежды и обуви, технических средств и просто украшения, то есть фактически совпадает со значениями современного *прибамбас*.

Диалектная лексика, проникая в литературный язык, часто имеет сниженную или разговорную окраску (ср. *кондовый*, также субстратного происхожде-

ния). Кроме того, если слово *прибамбас* действительно происходит от *прибас(а)*, следует предполагать экспрессивную редупликацию в корне (ср. *бабахнуть*; вариант *прибабас*, как было сказано выше, фиксируется словарями) и вставку носового перед шумным соответствующего места образования (ср. *купол* — *кумпол*). Оба этих процесса придают слову еще большую экспрессивность, что усиливает его просторечный статус и даже несколько вульгарный оттенок в современном языке.

В заключение рассмотрим значение «шутка, остроумное высказывание, розыгрыш», выделяемое в «Словаре русского арго». Это значение явно периферийно (небольшой опрос показал, что лишь один процент носителей литературного языка его опознают). Тем не менее, оно устанавливается и по данным НКРЯ; связь его с основным значением представляется неоднозначной. С одной стороны, у слова *прибас(а)* также отмечается значение «прибаутка»; возможно, мы имеем дело с развитием именно этого значения, т. е. речь идет о своего рода вербальном украшении, декоративном элементе рассказа, что косвенно подтверждается и данными картотеки АОС (ср. *Да еще тут приписали, прибасили* (о писателе); *прибасить* — «приукрасить»). С другой стороны, здесь можно видеть вторичное сближение с корнем *ба(ј)*- и такими его производными, как *прибасня*, *прибасенка*, обозначающими речевой жанр небольшого объема.

Лингвокультурологическое описание диалектных нарративов

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Диалектный текст, таинственный и суеверный рассказ.

Summary. In the report memorable narratives in Russian dialects are studied as compared to minor genres of folklore. The authors research such genres as mysterious and superstitious story, which are transitional between the folklore and everyday texts.

1. Разноаспектные исследования спонтанного монологического текста — характерная черта современной диалектологии. В настоящее время к активно развивающимся направлениям можно отнести изучение диалектной языковой личности, всестороннее исследование диалектного текста и дискурса, в том числе с использованием методов коммуникативной грамматики и шире — коммуникативной лингвистики, описание жанровых особенностей народной речи в социально-культурном контексте.

2. В экспедициях последнего десятилетия нами был собран представительный текстовый материал, который проанализирован в ряде работ, посвященных диалектной монологической речи [Букринская, Кармакова 2008]. Следует сказать, что самым частотным видом монологов являются воспоминания,

а самым распространенным жанром — рассказ, т. е. нарративный текст разных типов. При анализе диалектных монологов и выявлении их жанровой специфики мы опирались на известные работы по коммуникативной лингвистике [Китайгородская, Розанова 1999], где разработана типология подобных текстов: собственно рассказ (случай), рассказ-повествование, рассказ-пересказ, рассказ-пластинка. В диалектной речи также встречаются названные типы нарративов, а кроме того, достаточно распространены рассказы, которые называют в фольклористике мифологическими [Мифологические рассказы 2015]. Это прежде всего такие несказочные жанры, как былички и бывальщины, органично вплетающиеся в диалектное повествование, что свидетельствует о хорошей сохранности архаического сознания у деревенских жителей преимущественно старшего поколения.

3. Особый интерес представляют рассказы, являющиеся переходными между бытовыми и фольклорными текстами. Нами выделены два типа такого рода нарративов: таинственный и суеверный рассказ. Таинственный рассказ — это история о загадочных, порой страшных событиях, которые могут иметь как реалистическое, так и сверхъестественное объяснение (непонятные звуки, открывание дверей, окон, исчезновение или появление предметов и т. д.). В суеверных рассказах речь идет о разнообразных случаях наведения порчи (через заговор, опасный предмет, пищу), исцелениях с помощью знахарей, нарушениях человеком запретов, установленных традицией, и расплате за это и т. п.¹ Все перечисленные типы диалектных рассказов имеют много общего как в плане построения текста, так и в коммуникативной установке [Букринская, Кармакова 2014].

Приведем в качестве примера суеверный рассказ, записанный в 2009 г. от М. С. Колесниковой (1929 г. рождения, в с. Роговатое Старо-Оскольского р-на Белгородской обл. Здесь Касьяны (день памяти св. Кассиана) отмечается не 29 февраля, как следует из христианского календаря, а в четверг после Троицы. Жители говорят, что *Касьяны — грешный праздник, он вредный, работать на нём нельзя*. Приведем небольшой фрагмент рассказа *про Касьяны* (в орфографической записи): *Вот эта соседка моя, баба Соня, ты знаешь, ...некогда было, ну она, о Касьяны... А ей было, значит, там надо, вот так тучки пошли, да полоть надо было. Ну она, мол, Бог простить, и начала полоть. Ну и шо и ты думаешь? И выполоть не выволола, и малый сын, сын ей поехал на лисапета, ну на лисапета... Уш сказал бы там, хто знает — и рука хряп! упал с лисапета и руки поломал. Руку одну поломал. Ну вот, а ногу зашиб больно. Мы этот Касьяны обходим и ничо не случится — лучше посидим, отдохнём*. Интенцией подобных рассказов является желание поделиться опытом и предостеречь слушающих.

¹ Подобные тексты, как правило, публикуются в числе быличек, хотя по сути быличками они не являются.

4. О слабой стилистической и функциональной дифференциации народно-разговорной речи писали многие лингвисты. При анализе разных диалектных рассказов видно, что это действительно так: границы между фольклорными и бытовыми рассказами разных типов размыты, рассказ-случай может трансформироваться в рассказ-пластинку, а былички и бывальщины можно расценивать как фольклорный вариант рассказов-пластинок, но в отличие от рассказа-пластинки фольклорные тексты не имеют автора, а только транслирующего их рассказчика. О подобной размытости границ пишут и фольклористы, в том числе на примере исследования меморатов о войне [Балашова 2012]. В наших материалах содержится большое количество воспоминаний о войне, которые относятся к разным типам рассказов. Среди прочих есть и истории, близкие к фольклорным. Подобного рода примером может служить рассказ, который представляется попыткой народного осмысления войны. Записан в 2006 г. от Е. Я. Тищенко (1923 г. рождения, д. Лобок Невельского р-на Псковской обл.).

Ну, были́ — хто? — были́ финны очен плохие. Финны, чехословаки, я их не люблю по севодняшний день. Очен вредные были́. А немцы — нет! Вот, бывало... мы их уже понимали, по-ихному. Они со словариком. Один и уоворит: «Пусть бы ваш Сталин, наш Уитлер вышли на дуэль, хто коуо победил — тоуо и власть! «Што мы, уоворит, хотим уоловы ложить здесь, у Росси? Конечно, нет. Ну, заставляють как ваших солдат, так и наших, а мы вот воюем.

До конца осталось неясным, присутствовала ли при этом рассказе сама информантка, или это пересказ, слышанный ею от кого-то. Из опыта общения мы знаем, что Тищенко легко переходит на трансляцию чужих историй. Приведенный текст отражает восприятие войны простым человеком и по смыслу близок к пословице *Паны дерутся — у холопов чубы трещат*.

Литература

- Балашова А. Ф. Устные рассказы о Великой Отечественной войне: общие и локально обусловленные мотивы в системе повествования (на материале русского и белорусского фольклора) // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум. Труды и материалы. М., 2012.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е. Строение и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. III. М., 2008.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е. Из опыта исследования монологической диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2014. СПб., 2014.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Составитель М. Н. Власова. СПб., 2015.

Клитики в паннонской группе диалектов словенского языка**М. М. Громова**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Словенский язык, паннонские диалекты, клитики, порядок слов.

Summary. The article examines syntactic features of pronominal and verb clitics in all Pannonian Slovene dialects. Our goal is to figure out which of them are archaic and which are innovative in comparison with the standard Slovene language and Central Slovene dialects.

Словенский литературный язык реализует частный случай закона Вакернагеля, при котором кластер клитик помещается после первой составляющей / в абсолютном начале утвердительного предложения (в придаточной части — непосредственно после подчинительного союза), а сенценциальные (глагольные и местоименные) клитики располагаются в кластере в следующем порядке: Aux. Praes (кроме 3Sg) / Conj — Refl. Dat — Refl. Acc — Pron. Dat. — Pron. Acc. — Pron. Gen — Aux. Praes.3Sg / Aux. Fut. Большинство периферийных диалектов демонстрирует различные отступления от этого правила.

Паннонская группа диалектов представляет восточную границу словенской языковой территории. На севере она граничит с баварскими диалектами немецкого языка, на юге — с меджимурскими диалектами хорватского языка, на востоке — с венгерским языком, выходя за пределы Словении (Порабье в Венгрии).

Исследования, посвященные порядку слов в паннонских диалектах, немногочисленны. Так, в статье словенской исследовательницы Зинки Зорко «Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih» перечисляются особенности расположения сенценциальных клитик в кластере, а кластера — в предложении, общие для каринтийской, штирийской и паннонской групп диалектов: выпадение вспомогательного глагола 3Sg (реже 3Pl) в форме прошедшего времени; клитики после причастия или именной части сказуемого; тип отрицания с формой сослагательного наклонения *bi ne delal* (при литературном *ne bi delal*); клитическая форма личного местоимения в функции полной формы. Как исключительно паннонская особенность порядка слов упоминается тип отрицания *je ne delal* (при литературном *ni delal*).

Следующие утверждения, приведенные в [Zorko 1998], требуют уточнения:

- «Формы Praes и Fut глагола *biti* могут находиться в абсолютном конце предложения». Примеры демонстрируют наличие в указанной позиции только форм полнозначительного глагола *biti* и глагола-связки при составном именном сказуемом; таким образом, налицо частный случай тенденции к помещению в конец предложения полнозначительных глаголов вообще — калька с немецкого синтаксиса, характерная для северо-восточных словенских диалектов;

- «Глагольная клитика может находиться в абсолютном начале предложения, причем только в случае эллипсиса начальной ударной словоформы / словосочетания». В примерах видим проклитическое положение не только единичной глагольной клитики, но и кластера, состоящего из двух клитик — глагольной и местоименной;
- Возвратная клитика *se* «находится в неожиданном месте» [Zorko 1998: 230]; в примерах наблюдаем особенности порядка слов, не связанные с расположением возвратной клитики.

Статья А. Валх Лоперт и З. Зорко «*Skladnja v panonski narečni skupini*» добавляет к списку особенностей расположения клитик только подъем в начало кластера глагольной клитики *Fut*, а завершается анализ диалектного синтаксиса следующим выводом: «диалекты паннонской группы не имеют существенных отличий от устной формы словенского литературного стандарта, а диалектными особенностями являются союзные средства и частое появление глагола в конце предложения» [Valh Lopert, Zorko 2013: 234].

Анализ сентенциальных клитик во всех диалектах паннонской группы, проведенный нами на обширном диалектном материале (369 страниц), показал, что наиболее характерны для них следующие отличия от словенского литературного языка:

- Подъем глагольных клитик *Fut* в начало кластера (75% всех употреблений данных клитик в кластере) — продолжение общеюжнославянской тенденции к подъему всех глагольных клитик в вершину предложения;
- Пропуск глагольных клитик *Praes* (251 раз на 100 страниц текста). Несмотря на утверждение З. Зорко, что пропуску подвержены только формы 3Sg и (реже) 3Pl, нами отмечено также выпадение форм 1Sg *Praes*, 1Pl *Praes*, 2Sg *Praes* и даже (в единичных случаях) 3Sg *Fut*. Формы 3Sg *Praes* при этом составляют 91% всех пропущенных форм, что объясняется высокой частотностью в речи любого жанра именно этой глагольной клитики;
- Сохранение архаичного типа отрицания при форме *Conj bi ne delal* (71% всех случаев) и при форме прошедшего времени *je ne delal* (155 раз на 100 страниц);
- Приглагольное положение местоименных и глагольных клитик — пост- и препозиция к *l*-причастию (местоименных клитик также — к форме *Praes*, форме *Inf / Sup*) — являющееся отступлением от закона Вакернагеля и, возможно, реализацией более старого состояния системы;
- Полные формы *Dat* личных местоимений в функции кратких, частицы *že*, *že* в составе кластера клитик;
- Кластер (до 4 клитик) в абсолютном начале простого утвердительного предложения (11% всех употреблений), второй и последующих частей ССП, вводимых союзом *pa / in*, и БСП (68,5 и 13,5 раз на 100 страниц соответственно);

- Сместение кластера клитик с ваккернагелевской позиции при топиализации группы наречия или именной группы в простом предложении, в придаточной части СПП и в главной части СПП после придаточной (10, 38 и 6 употреблений на 100 страниц соответственно).

Большая часть этих особенностей представлена во всех диалектах паннонской группы; их частотность возрастает с востока к северо-западу. Расположение клитик в паннонских диалектах демонстрирует значительные отличия от словенского литературного языка, многие из которых присутствуют также в диалектах каринтийской и штирийской групп, что позволяет говорить о самостоятельной системе порядка слов в северо-восточных словенских диалектах.

Литература

Valh Lopert Alenka, Zorko Zinka. Skladnja v panonski narečni skupini // Weiss Peter (ur.). *Dialektološki razgledi*. (Jezikoslovni zapiski. 19. 2013. № 2). Ljubljana: Založba ZRC. S. 221–235.

Zorko Zinka. Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih // Zorko Zinka. *Haloško narečje in druge dialektološke študije*. Maribor : Slavistično društvo, 1998. (Zora; 6). S. 225–233.

Miesto slovanských spisovných mikrojazykov v rodine slovanských jazykov

J. Dudášová-Kriššáková

Prešovská univerzita v Prešove (Slovensko)

Standard Slavonic Micro-Languages, new minority languages.

Summary. The Place of the Standard Slavonic Micro-Languages in the Family of Slavonic Languages. During last four decades a new group of Slavonic languages was formed in Slavistics: Standard Slavonic Micro-Languages (славянские литературные микроязыки). This term is used to mark languages of ethnic minorities, which were codified at the end of the last century and at the beginning of this century after sociopolitical changes in Central, Southern and Eastern Europe and after following desintegration of federated state formations into national languages, within which new minority languages were formed.

1. Slovanské spisovné mikrojazyky je fenomén najnovšej histórie slovanských jazykov. Ide o nové smerovanie v slavistike, ktoré bolo podnietené emancipačným hnutím viacerých slovanských národností po spoločensko-politických zmenách v roku 1989. Dokonca pri Medzinárodnom komitáte slavistov bola na 15. medzinárodnom zjazde slavistov v Minsku (2013) zriadená *Komisia pre slovanské spisovné mikrojazyky*, ktorá sa vyčlenila z *Komisie pre jazykové kontakty*. Svedčí to o aktuálnosti tejto témy.

1.1. Výskum slovanských spisovných mikrojazykov inicioval A. D. Duličenko, žiak ruského slavistu Nikitu I. Tolstého, právnuka veľkého ruského spisovateľa Leva N. Tolstého. Prvým slovanským mikrojazykom, s ktorým sa A. D. Duličenko zoznámil, bola vojvodinská rusínčina vo Vojvodine v Srbsku. To bol začiatok

* Štúdia vznikla v rámci riešenia vedeckého projektu grantovej agentúry VEGA MŠVaV SR č. 1/0072/14 *Dynamické procesy v súčasnej jazykovednej slavistike*.

etablovania sa osobitnej skupiny v slovanskej jazykovej vetve — slovanských spisovných mikrojazykov [Duličenko 2006: 22–46]. **Vojvodinská rusínčina** (starší názov **panónska rusínčina**) je najstarším slovanským spisovným mikrojazykom (1974). Ide o spisovný jazyk vojvodinských Rusínov v mnohonárodnostnom regióne Vojvodina v Srbsku, ktorý sa od ostatných slovanských mikrojazykov etablovaných po roku 1989, líši tým, že bol kodifikovaný za úplne iných jazykových, politických a kultúrnych podmienok v bývalej mnohonárodnostnej Juhoslávii. Vojvodinská rusínčina sa po roku 1989 stala vzorom v otázke demokratického prístupu k riešeniu jazykovej a národnostnej otázky a s tým súvisiacou kodifikáciou tzv. malých jazykov, resp. jazykov národnostných menšín vo viacerých štátoch východného bloku.

Vojvodinská rusínčina [**войводянски руски (руснацки) язык**] patrí medzi záposlovanské jazyky. Z genetického hľadiska má všetky základné znaky východoslovenských (južnozemplínskych) nárečí, na ktoré sa v priebehu vývinu jazyka navrstvili javy ukrajinskej a srbskej proveniencie.

2. Na druhom mieste spomenieme štyri spisovné mikrojazyky v severnej oblasti Karpát, ktoré sa často v odbornej literatúre nazývajú spoločným názvom **karpatská rusínčina (karpatorusínsky jazyk)**.

2.1. **Spisovný rusínsky jazyk na Slovensku** bol kodifikovaný v roku 1995 na základe východnej časti rusínskych dialektov, tzv. východozemplínskych nárečí, ležiacich v oblasti Laboreckej vrchoviny na severovýchodnej časti východného Slovenska v poriečí riek *Výrava*, *Udava* a *Pčolinka*. Ide o územie vymedzené týmito východorusínskymi obcami: *Svetlice*, *Vyšná Jablonka*, *Nižná Jablonka*, *Osadné*, *Zbojné*, *Hostovice*, *Parihuzovce*, *Čukalovce*, *Nechvalova Polianka*, *Pčoliné*, *Pichne*, *Zubné*, ktoré sú administratívne začlenené do okresov Medzilaborce, Humenné a Snina. Pri sčítaní obyvateľov v roku 2011 sa k rusínskej národnosti prihlásilo 33 482 obyvateľov. K rusínskemu materinskému jazyku sa prihlásilo 55 469 obyvateľov. **Kardinálnou izoglosou**, oddeľujúcou západnú časť od východnej časti rusínskych nárečí na slovenskej i poľskej strane, je ustálenie prízvuku na predposlednej slabike slova v západnej časti rusínskeho areálu, kým vo východnej časti rusínskych nárečí sa zachoval pôvodný voľný a pohyblivý prízvuk. Hranica tejto izoglosy prebieha v poriečí riek *Ol'ka* — *Chotčanka* — *Laborec* na slovenskej strane a rieky *Oslava* na poľskej strane.

2.2. Po politických zmenách v roku 1989 prebieha proces reštitúcie a revitalizácie lemkovského areálu na poľskej strane. Výsledkom týchto snáh poľských Lemkov je **lemkovský jazyk**, ktorý získal v roku 2009 status **menšinového jazyka**. V gramatike od H. Fontaňského a M. Chomjak(ovej) *Граматыка лемківського языка* (2000), ktorá je „перша полна ґраматыка сучасного лемківського языка“ (prvé neúplné učebnice vyšli v roku 1992, 1993), sa v úvode konštatuje: „Описуєме лемківську бесіду як стандартний, спільний для вшитких Лемків язык, котрого норми сут випрацуваны передовшыткым в процесі твориня літерацкых тек-

стив через покоління лемківських авторів“ [Fontański 2004: 212]. Ak hovoríme o lemkovských dialeктоch, máme na mysli bývalý areál rusínskych (lemkovských) nářečí v Karpatoch na juhovýchode Poľska. Lemkovské dialekty v juhovýchodnom Poľsku a areál rusínskych nářečí na severovýchodnom Slovensku tvorili až do roku 1944 jeden celok. Na základe poľsko-sovietskej zmluvy z roku 1944 bola väčšia časť lemkovského (rusínskeho) obyvateľstva z juhovýchodného Poľska vysídlená na Ukrajinu. Druhá časť bola na základe uznesenia poľskej vlády presídlená r. 1947 do západných a severných regiónov Poľska. V dôsledku toho na poľskej časti zanikli pôvodné lemkovské obce, zanikol pôvodný areál lemkovských nářečí, preto ak dnes hovoríme o lemkovských nářečiach v Poľsku, máme na mysli **bývalé lemkovské nářečia**.

2.3. **Spisovný rusínsky jazyk (materinský jazyk) na Zakarpatskej Ukrajine** nemá zatiaľ status oficiálneho spisovného jazyka, pretože doposiaľ nebol priznaný zakarpatským Rusínom status osobitnej národnostnej menšiny. Pokusy o štandardizáciu spisovnej rusínčiny na Zakarpatskej Ukrajine trvajú od vzniku samostatnej Ukrajiny (1991).

2.4. Štvrtým spisovným mikrojazykom v karpatskej oblasti je **spisovná rusínčina v Maďarsku**. Prvý pokus o kodifikáciu sa opieral o jazykový systém dialektu v rusínskej lokalite Komloška a pochádza z roku 2004 (G. Benedek). Tento jazyk sa neujal najmä pre pokročilú asimiláciu Rusínov. Preto predstavitelia rusínskej inteligencie a občianskych združení zastupujúcich rusínsku národnostnú menšinu v Maďarsku sa rozhodli pre adaptáciu zakarpatského variantu spisovnej rusínčiny.

Každý z týchto štyroch jazykov predstavuje osobitný spisovný mikrojazyk s vlastným jazykovým systémom na jednotlivých jazykových rovinách, pravidlami pravopisu a výslovnosti, dejinami, ktorý bol kodifikovaný na základe odlišných karpatských dialektov. Všetky štyri mikrojazyky majú východoslovanský základ, na ktorý sa v priebehu vývinu navrstvili mladšie javy slovenského, poľského, ukrajinského, resp. maďarského pôvodu.

3. Kašubčina sa dlho v poľskej dialektológii a vôbec v slavistike pokladala za poľský dialekt. V súčasnosti má **kašubský jazyk (kaszëbsczi jãzëk) status regionálneho jazyka** (od roku 2005). Kašubčina patrí medzi západoslovanské jazyky, lechickú podskupinu a pomoranskú vetvu. Podľa dostupných údajov po kašubsky dnes hovorí asi 200 000 — 500 000 osôb v Poľsku a 10 000–20 000 osôb v emigrácii (najmä v Kanade). 12. decembra 2009 Poľsko ratifikovalo Európsku chartu jazykov, ktorou sa zaviazalo chrániť kašubčinu ako minoritný jazyk.

4. Ďalšie dva nové mikrojazyky vznikli v deväťdesiatych rokoch po rozpade bývalej Juhoslávie na národné štáty: **bosniančina** ako úradný jazyk v Bosne a Hercegovine (1995) a **čiernohorčina** ako úradný jazyk v Čiernej Hore (2007).

5. Domnievame sa, že termín **slovanské spisovné mikrojazyky** je vhodný na pomenovanie jazykov národnostných menšín, ktoré boli kodifikované v posledných

desaťročiach v súvislosti so zmenou spoločensko-politických pomerov v strednej, južnej a východnej Európe a po následnom rozpade federatívnych štátnych útvarov na národné republiky. Tieto spisovné mikroязыky tvoria v slovanskej jazykovej vetve novú skupinu языков, ktoré sa uplatňujú v podmienkach bilingvizmu, resp. trilingvizmu. Táto osobitná jazyková situácia motivuje proces medzijazykových kontaktov a medzijazykovej interferencie.

Literatúra

- Бенедек Г. Літературний язык. Мадярьско // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык / Red. naukowy P. R. Magocsi. Opole: Uniwersytet Opolski — Instytut Filologii Polskiej, 2004. S. 263–374.
- Дуличенко А. Д. Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки // Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Slavica Tartuensia. VII / Ред. А. Д. Дуличенко, С. Густавссон. Тарту: Тартуский университет Кафедра славянской филологии, 2006. С. 22–46.
- Медеш Г., Фейса М. Войводянски Руснаци: Стан и перспективи розвою у культурі, языку и образованию // Studium Carpatho-Ruthenorum. 2012. Штудії з карпаторусиністики / Ед. К. Копорова. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшіві Інститут русинського языка і культури, 2012. С. 19–42.
- Плішкова А., Ябур В. Пряшівська Русь // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык / Red. naukowy P. R. Magocsi. Opole: Uniwersytet Opolski — Instytut Filologii Polskiej, 2004. С. 147–209.
- Фонтанський Г. Літературний язык. Лемковина // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык / Red. naukowy P. R. Magocsi. Opole: Uniwersytet Opolski — Instytut Filologii Polskiej, 2004. С. 213–262.
- Dudášová-Kriššáková J. Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove Ústav rusínskeho jazyka a kultúry PU, 2015.

Архаическое яканье в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области

С. В. Дьяченко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Диалектология, фонетика, предударный вокализм, архаическое яканье.

Summary. The archaic dissimilative pretonic vocalism after “soft” consonants in the dialect of the village of Rogovatoye (Belgorod region, Staryj Oskol district) has appeared to be different with the two groups of informants of the older generation: in one group of idiolects the allophone [e] prevails in preposition of the “soft” consonants (the Zadonsk type of vocalism), in the other group [i] prevails in this position (the “moderate” type of Zadonsk vocalism). This situation may be explained the coexistence of two subdialects in a big village with more than 3000 inhabitants.

0. Архаическое яканье представлено в русских говорах двумя разновидностями: обоянской и задонской. Они различаются только качеством звукотипа, который реализует фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге перед ударными гласными нижнего и среднего подъема. При обоянском яканье это звукотип [и], при задонском — [е].

По данным ДАРЯ, задонское яканье в чистом виде встречается крайне редко, отмечено только в нескольких населенных пунктах Воронежской и Ли-

пецкой областей. Чаще задонский тип бывает совмещен с другими типами яканья, обычно новосёлковским ассимилятивно-диссимилятивным или умеренно-диссимилятивным. Эти «совмещенные» типы яканья предполагают варьирование звукотипов [е], [и] и [а] в предударном слоге в позиции перед ударными гласными нижнего и среднего подъёмов. Варьирование [е] и [а] при этом наблюдается перед ударными гласными /о/ и /а/, варьирование [е] и [и] — перед ударными гласными /е/, ^ʹ/о/, в некоторых типах вокализма и перед ударной ^ʹ/а/. То есть в этих типах вокализма качество предударного гласного зависит не только от качества ударного гласного, но и от твердости / мягкости следующего за предударным гласным согласного — проявляется принцип умеренности.

1. В роговатовском говоре архаический принцип вокализма (аканья и яканья) выдержан очень последовательно (близко к 100% случаев). Ему подчиняется новая лексика, вошедшая в говор в последние десятилетия и даже годы. После мягких согласных представлена особая разновидность архаического вокализма, его схема такова.

Таблица 1.

Гласные первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъема	Ударные гласные
[е]	/о/, /а/
[и] / [е]	/е/, ^ʹ /о/, ^ʹ /а/
[а]	/и/, /у/, /ú/, /ω/

2. Предударный гласный аллофон фонем неверхнего подъема, который произносится перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов, представляет собой долгий дифтонгичный звук, который в процессе своего протекания существенно меняет качество: от верхнего (верхне-среднего) подъема к нижнему, от переднего ряда к среднему. Он регулярно встречается во всех примерах, имеющих ударные гласные /и/, /у/, /ú/, /ω/, у всех информантов.

3. В позиции первого предударного слога перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов фонемы неверхнего подъема совпадают в двух звукотипах: [е] и [и]. Распределение их у большинства информантов таково: при твердом правом консонантном контексте произносится [е], при мягком правом консонантном контексте — [и]. Однако у некоторых информантов, обычно самых старших жителей Роговатки, наблюдается преимущественно [е] даже при мягком правом контексте, то есть их система предударного вокализма представлена близким к классическому задонскому типу яканья. В таблицах ниже приводятся данные о количестве примеров с предударными гласными [и] и [е] в позиции перед ударными гласными /а/ и /о/ (таблица 2) и в позиции перед ударными гласными /е/, ^ʹ/а/, ^ʹ/о/ (таблица 3), зафиксированных в речи разных информантов (всего более 10 ч звучания), полученных в результате сплошной выборки из расшифровок аудиозаписей.

Таблица 2.

<i>Перед ударным гласным</i>	Перед [а]		Перед [о]	
<i>Предударный гласный</i>	[е]	[и]	[е]	[и]
Е. К. Серикова (1919 г. р.)	97	1	47	0
М. И. Плутахина (1926 г. р.)	83	0	57	2
А. А. Дементьева (1926 г. р.)	149	2	122	6
Е. А. Нечаева (1932 г. р.)	93	0	83	1
М. С. Колесникова (1929 г. р.)	18	1	20	2
Е. А. Жильникова (1935 г. р.)	103	1	26	0
Е. Н. Фомина (1939 г. р.)	76	3	22	2

Таблица 3.

<i>Перед ударным гласным</i>	Перед [е]		Перед [иа]		Перед [ио]	
<i>Предударный гласный</i>	[е]	[и]	[е]	[и]	[е]	[и]
Е. К. Серикова (1919 г. р.)	30	4	35	3	33	1
М. И. Плутахина (1926 г. р.)	11	10	42	6	10	7
А. А. Дементьева (1926 г. р.)	28	26	38	6	20	3
Е. А. Нечаева (1932 г. р.)	28	11	18	13	10	2
М. С. Колесникова (1929 г. р.)	3	18	2	6	1	2
Е. А. Жильникова (1935 г. р.)	1	26	2	41	0	3
Е. Н. Фомина (1939 г. р.)	2	40	0	15	2	8

Результаты подсчетов показывают, что наиболее старшие информанты сохраняют относительно чистый задонский тип предударного вокализма, однако и у них есть некоторый процент предударного звука [и] в позиции перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов при мягком согласном между предударным и ударным гласными. Информанты более молодые почти всегда произносят в этой позиции [и], исключения единичны.

Таким образом, задонское яканье, при котором в первом предударном слоге противопоставлены два звукотипа на месте фонем неверхнего подъёма [а] и [е], постепенно трансформируется в роговатовском говоре в тип вокализма, предполагающий трехчленный набор звукотипов ([а], [е], [и]), реализующих фонемы неверхнего подъёма в первом предударном слоге. Противопоставление этих звукотипов происходит на двух уровнях:

- 1) [а] в противопоставлении не-а ([е] + [и]) — в зависимости от ударного гласного;
- 2) [е] в противопоставлении [и] — в зависимости от твердости / мягкости следующего за предударным гласным согласного.

Эту ситуацию можно также объяснять сосуществованием в большом селе двух близких говоров.

Особенности включения славянских диалектов в современную языковую ситуацию

Л. Э. Калнынь

Учреждение Российской академии наук Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Статус диалекта, динамика языковой ситуации.

Summary. Contemporary Slavic speaking communities show less and less of negative attitude towards the dialect forms of language. Dialects are considered to be a necessary means of communication in certain circumstances. That results in greater tolerance towards dialects, and ignites growing interest in dialects as components of national culture. The article shows how such attitudes towards the dialects are explicated in contemporary Russian linguistic situation.

1. Каждый национальный язык имеет в своем составе определенным образом маркированные идиомы, которые могут быть описаны как структурно организованные языковые идиомы. Эти идиомы образуют определенную иерархию, что отражается в их оценке носителями языка и в языковой политике, актуальной в данном обществе.

Наиболее репрезентативными компонентами национального языка являются его кодифицированная форма (стандарт, литературный язык) и территориальные диалекты, отличающиеся как от стандарта, так и друг от друга. В любом современном обществе высок социальный престиж литературного языка как культурного символа нации. Диалекты обычно имеют сниженную оценку, но уровень этой сниженности в разных языковых сообществах варьируется. Колебания достаточно велики: от недопустимости использования диалекта только в официальной ситуации до несовместимости диалектной речи с образованностью и престижным социальным статусом говорящих. Если диалект недопустим лишь в официальных ситуациях, то это сопровождается не только терпимостью к диалектной речи, но и поддержкой ее как формы семейного неофициального общения. Это может сопровождаться и охранительным отношением к диалектам, как компонентом национальной культуры. На этом основано известное в немецкоязычной среде литературно-диалектное двуязычие, т. е. переключение кода в зависимости от ситуации ([Блумфилд 1968: 66]; [Жирмунский 1968: 25]; [Weisgerber 1976: 107]). Иное отношение к диалектам характерно для славянских языков. Здесь основная линия языковой политики с разной степенью интенсивности ориентирована на то, чтобы носители диалекта осваивали литературный язык и заменяли им диалектную форму, т. е. вытесняли ее.

2. Ориентация на полное устранение диалектов получила особую остроту в русском языке. Здесь с 30-х годов XX в. на оценку русских диалектов как не престижных форм языка наложилась их политическая компрометация. Официально утверждалось, что диалекты представляют языковой символ сельского населения, не имеющего политической перспективы и тормозящего социалистическое переустройство деревни ([Чистяков 1935]; [Филин 1938]; [Филин

1973]). Социальный прогресс ассоциировался с исчезновением диалектов. В «Истории русской диалектологии» (М., 1961) было сказано, что «исчезновение русских диалектов уже свершившийся факт». В русской диалектологии (как и вообще в славянской) большое внимание уделялось влиянию литературного языка на диалекты, т. е. усвоению диалектами особенностей литературного языка. Несмотря на пессимистические прогнозы, русские диалекты продолжают оставаться компонентами русской языковой ситуации. Политика, проводимая в течение долгих лет в отношении русского крестьянства, повлияла на русский диалектный континуум — коллективизация, ликвидация перспективных деревень в России привела к исчезновению населенных пунктов и существовавших в них диалектов. Но в тех деревнях, где население было стабильно, диалекты сохраняются и являются формой языка, сосуществующей, как компонент языковой ситуации, с литературным языком.

3. Для характеристики современной языковой ситуации важным показателем является то, как оцениваются сосуществующие формы языка их носителями. В славянской диалектологии обычно констатировалось положительное отношение к литературному языку со стороны диалектоносителей и отрицательное отношение к диалектам со стороны носителей литературного языка. Интенсивности этих видов отношений могла быть различной в разных языках, но сами по себе эти отношения принимались априорно. Между тем отношения между разными формами языка в рамках языковой ситуации могут меняться под влиянием социологических факторов. Так стали интерпретироваться как самостоятельные славянские языки диалекты в отдельных регионах после распада Югославии (Черногория, Босния и Герцеговина); претендуют на статус национального языка русинские говоры (Украина), ятвяжские (Полесье). Но отношение к диалектам в обществе может меняться и в рамках стабильной территории. Для современного общества характерно повышение внимания к народной культуре, компонентом которой являются и диалекты. Диалекты начинают восприниматься как необходимые компоненты создания картины мира. Это нашло отражение в русской литературе 70-х годов XX в. В произведениях, объединенных понятием «деревенская проза», широко используется диалектная лексика. Это произведения писателей Белова, Маслова, Абрамова, Личутина, Астафьева и др. Использование диалектов в литературном тексте расширяет его выразительность. И в тоже время повышает статус диалектов — они перестают однозначно оцениваться как не престижные формы языка. В настоящее время расширяется употребление диалектизмов и в других формах официальной речи. Это тексты в интернете (Вашенко), в СМИ (Щасная). Терпимость к диалектам в официальных текстах означает, что в современной языковой ситуации русские диалекты не только реагируют на воздействие со стороны литературного языка, но и сами влияют на него поскольку расширяют его ресурсы. В этой связи следует отметить, что в современном пособии по

русской диалектологии [Русская диалектология 2005] дается иная в сравнении с ранее принятой оценка диалектной формы языка. Рекомендуется строить так школьное образование, чтобы овладение литературным языком сочеталось с сохранением местных говоров (= немецкоязычная ситуация).

Аналогию русской языковой ситуации можно найти и в других славянских языках. Диалектные формы в определенных сферах коммуникации расцениваются как необходимые средства выражения. Это должно повысить терпимость и интерес к диалектным формам языка в современном обществе.

Литература

Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

Ващенко Д. Ю. Сетевые диалектные словари как объект социолингвистического исследования (на словацком материале) // Исследования по славянской диалектологии. 18, М., 2016.

Жирмунский В. М. Проблемы социальной дифференциации языков // Язык и общество. М., 1968.

Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.

Филин Ф. П. Исследования по лексике русских говоров. М.; Л., 1938.

Филин Ф. П. Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии // Славянское языкознание. VII МСС. М., 1973.

Чистяков В. Ф. К изучению языка колхозника. Смоленск, 1935.

Щастная Е. Д. Диалектная лексика в СМИ // Исследования по славянской диалектологии. 18, М., 2016.

Weisgerber L. Die Leistung der Mundarten in Sprachganzen // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.

Номинация отца в архангельских говорах

И. Б. Качинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русская диалектология, термины родства, кровное родство.

Summary. The report addresses the operation with terms of designation *a father* in Arkhangelsk dialects. Provides an inventory of terms used to refer to *a father* in the nominative and vocative functions, there are metonymic and metaphorical transfers: the use of kinship terms to refer to the stepfather, father-in-law, husband, mythological spirits-masters, etc.

1. Родной отец. Номинация и обращение

Синонимический ряд понятия 'родной отец' в архангельских говорах содержит около 60 лексем, из них в вокативной функции зафиксирована примерно половина, используются и словосочетания с тем же значением (ок. 30 единиц). На словообразовательном уровне значение 'родной отец' затрагивает 4 основных корня (и их вариации): **бать-** / **бач-** (*батьа, батенька, батька, батючко, батюшка, бачко*); **тат-** / **тать-** / **тять-** (*тата, татя, тятя, татенька, татка, татонька, татушка, татынька, татька, татюшка, тятенька, тятка, тятюшка*), **отец-** / **отц-** / **отч-** (*отец, отчишка, отчишко*); **пап-** (*папа,*

папо, папанец, папанька, папаня, папаша, папашка, папенька, папка, папонька, папочка, папушка, папынька). Кроме вышеперечисленных, для номинации отца используется также лексема **родитель** и субстантиват **родной**. Многочисленны и сочетания: *родитель-батюшка (батюшко), отец-родитель, папушка-родитель, татка-родитель, родитель-сударь, сударь-батюшко; родимой (родной) батюшка, сердечной, богородной отец*.

Лексема *папа* и ее дериваты, хотя и является для АГ относительно новой (имеются многочисленные свидетельства информантов о том, что сами они своих отцов папами еще не называли), в настоящее время распространена повсеместно: *Раньше батьком звали, а мы уш таткой, а теперь хто и папой. Папой не звали веком, всё батюшко, а некоторые таткой*. Слово *папа* маркировано как «городское» или бытовавшее среди зажиточной части крестьян, ориентированных на город: *Татушка, папа по-городскому, тата — в деревне зовут. А я жила при городе, там все звали папой*.

Широкая вариативность номинации может сохраняться и в одном говоре: *Ну там раньше батюшко да матушка, али мама да татя, или мамка и татько, или мама да папа*. Это характерно не только для номинации, но и для обращения: *У нас Мишку всего запутали — хто татей зовё, хто папой. Спрашиват у своего тати: папа, ты татя ли папа?* Все основные корни, обслуживающие понятие ‘родной отец’, используются и в функции вокатива: *Батько, кура-то, глядилося, во! Батюшка, цего сёдни будем делать? Если выпил, то извините, мати, отец, заложил немножко. Папка, я, наверно, домой боле перейду. Татенька, разрешите мне Таню взять взамуж*.

Слова, включающие понятие ‘отец’, распределены по 1–2 склонениям, большинство из них относится к 1 склонению. В 1 скл. они относятся к мужскому роду, во 2-м лексемы на -о склоняются по модели среднего рода, синтаксическое согласование идет по мужскому роду. Наблюдается очень много соответствий между словами 1 и 2 склонений: *батька — батько, татка — татько, татенька — татенько, тятенька — тятенько* и т. д.

2. Метонимические и метафорические переносы. Десемантизация

Существительные, обозначающие в архангельских говорах отца, регулярно употребляются для обращения к неродному отцу (отчиму), к свекру и (реже) к тестю, к мужу, к мужчине-неродственнику; к крестному отцу и к священнику; к мифологическому персонажу (хозяину дома, леса, бани) и христианскому Богу; уходят в зону междометий.

Так, по отношению к свекру в вокативной и номинативной функциях используются корни **бат-** (*батько, батюшка, батя*), **тат-** / **тать-** / **тят-** (*тата, татка, татушка, татя, татенька, тятка, тятя, тятенька*), **пап-** (*папа, папаша, папенька, папонька*), **отец-** (*отец*). При этом существуют две разно-

направленные тенденции: одна — называть свекра так же, как и отца, другая, противоположная, — разъединить номинацию родного отца и свекра: *Раньше папами не звали, мы отца звали татко, некоторые звали татенько, татушко; ну, татушко — это свёкр. Отца-то звали тата, а маму — мама, така уж есть, а свёкра — батя. Отца я звала татя, батька, татенькой невестка называла. Раньше татой только своего звали, а свёкор — батюшка. Отца всё таткой, а свёкра — батюшка, а свекрова — матушка.*

Гораздо реже термин кровного родства с протозначением ‘родной отец’ используется для номинации или обращения к тестю: *А зять тёшишу должен звать мамаша, а тестя — папаша. Татка — так звали раньше отца. А тёшишу, тестя, свёкра, свекрову звали мамаша, папаша.*

Для номинации отчима, помимо специальных лексем (*отчим, отчей, отчина*), используются и термины кровного родства: *Раньше, давно, родителей называли так, моя мама отца называла батюшко, хотя он ей не родной. Мне было пять лет, мать сошлась, так я звала таткой. Отчим быва, в глаза-ти папой зовут, а так-то отчим. Используются также словосочетания другой (неродной, чужой) батько, не родной отец (папа): Неродной он ему, батько неродной, а отчим не гоорили. А батько неродной, а так-то он её не обижат, а что неродной, то неродной, что уж. На инвалидности девка сидела — чужой батько так налупил ей. А потом неродный папа пришёл.*

Для обозначения священника из всех терминов кровного родства, называющих отца, используется только корень **бат-** (*батька, батько, батенька, батюшка, батюшко*): *Батенька-то приезжает в церкву. Батько кольцами переменяет. Я ещё помню, батюшка подал нам причастие, красненько вино. Я отца зову батюшом, а ты попа — почто? Он нам ведь не отец! В пословице: Для нас кто поп — тот и батько.*

Только этот корень используется и при обращении к неродственнику, лицу мужского пола любого возраста: *Коленька, скажи, батюшко-то. На, батюшко, я тебя вытру (ребенку двух лет). Работай, Ондрюша, батюшко. Ой, Олёша, суп занеси, батюшко. Нет, батюшко, недосуг дремать.*

Только этот корень используется в междометиях и междометных конструкциях: *батеньки, батюшки, батеньки мои, батеньки-светы, батюшки-светы, государи-батеньки (батюшки), батюшки родные, батюшки исусе: А сколько этово леса нарубят, батеньки! А как пятилетки были, ой, батеньки! Как я поглядела (на жениха) — государи-батеньки!*

Используются термины родства с протозначением ‘родной отец’ и для номинации и обращения к мифологическим персонажам: хозяевам дома, хлеба, леса, воды: как однословные лексемы, так и сочетания. Корни *отец-, бат-* употребляются для номинации и обращения к христианскому Богу — *батюшкой, отцом* будет и ‘Бог-отец’ (Саваоф) и ‘Бог-сын’ (Иисус Христос).

Семантика прилагательного *красный* в архангельских говорах

Е. В. Колесникова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Диалектология, семантика, общерусское слово.

Summary. This article considers the semantics of the adjective «*krasnyi*» (red) in the modern Russian language and the dialects of Archangelsk region. In these dialects the adjectives have another, more detailed semantic structure in comparison with the literary language. The adjectives “*belyi*” (white) and “*krasnyi*” (red) in the dialects are potential synonyms. These facts prove once again, that the system of the Russian literary language develops independently of the system of the Russian dialect language.

К проблеме функционирования и семантики прилагательных со значением цветообозначения в последнее время проявляется большой интерес со стороны исследователей.

Прилагательное *красный* в качестве объекта лингвистического исследования привлекает внимание ученых в первую очередь древностью происхождения. По данным исторических и толковых словарей русского языка, прил. *красный* функционировало в древнерусском языке как слово, характеризующие положительные абстрактные качества предметов, и значительно позже стало называть один из основных цветов спектра. По вопросу времени появления у прилагательного *красный* цветового значения у исследователей нет единого мнения ([Иссерлин 1951]; [Бахилина 1975]; [Алимпиева 1986] и др).

С точки зрения этимологии, существует несколько точек зрения происхождения данного слова (Бецценбергер, А. Фик, В. Махек, В. Пизани, Е. Бернекер, П. Я. Черных и др). Нам представляется убедительной концепция О. Н. Трубочева о происхождении о.-слав. **krasa*. Ученый полагает, что данное слово имеет «признаки типичного индоевропейского отглагольного имени (подобно **kara*, **slava* и др.) с долгим гласным а, построенного на базе глагола с корневым е», т. е. глаголам **kresati* и **kresiti* [ЭССЯ: 96]. Значение, которое исследователь реконструирует для данной лексемы, — «цвет жизни», «красный цвет, румянец (лица)», «цветение, цвет (растений)» и, наконец, более общее «красота». [ЭССЯ: 97].

Т. В. Бахилина, анализируя особенности семантики данного прилагательного, отмечает его многозначность и вместе с тем расплывчатость, синкретичность значений. Автором высказывается мнение, что, возможно, в говорах цветовая семантика у данной лексемы возникла раньше, чем в литературном языке [Бахилина 1975: 166]. Прил. *красный* в говорах обозначает окраску широкого ряда оттенков от розового до коричневого.

Покупáл щас в магазíне красну бутылку, за вóсьмь-то ты́сяч, красноту́-то э́ту (Онеж. АБ.). Ско́лько их наростёт — красно́ (Онеж. Прн.). Киселя́ бе́лово (молочного), наваря́т красново́ (Онеж. АБ.). Кума́ч — полотно́ ны́нешно, красной кума́ч, бу́рой, голу́бой (Пин. Квр.). Гли́ко, како́ красно не́бо (Онеж.

Трч.). *Шуры-те на по́ле че́рви, кра́сны, дли́нны* (Пин. Влт.). *Манькой самова́р, кра́сный (медный), розогра́ла* (Пин. Кшк.). *У Та́си во́лосы кра́сны. У сы́на мойево то́жэ кра́сны во́лосы* (Мез. Сфн.). *Таракáны-то кра́сны, их морóзили* (Пин. Влт.). *Да соба́ка кра́сная — то́жэ ры́жая* (Мез. Сфн.). *Пегова́ты таки́ бара́ны да кра́сны* (Мез. Сфн.). *Земля́ с раку́шкой не софсе́м красна́ — кори́чнево-бу́ра* (Мез. Свп.).

Очень продуктивным по количеству примеров в семантике прилагательного *красный* в архангельских говорах является значение ‘здоровый, крепкий, полный жизненной силы’:

Молода́, кра́сна то́жо, то́лстая, кра́сная. Большо́й, хоро́шой, кра́сный был (Мез. Цлг.). *Ма́рфа, сама́ така́ гла́тка, кра́сна, но́ги худы́, де́сятеро ребя́т нано́шэно* (Пин. Влт.). *Она, горит, на рабо́те красна́* (Шенк. Ктж.). *Де́фки красны́ вели́ки. Я так красна́ была́, никакому́ мужыку́ не уступала́. Я красна́ была на лоша́дях си́льно йезди́ть. Он йеи́чэ молодой, э́тот Жырино́фский, красён. Она́ паха́ть по́йе́хала, ой, стару́ха-от была́, све́кро́фка-то красна́, паха́ть, уме́ла* (Усть. Стр.). *И не пове́рю, што́ мужы́к красня́е ба́бы* (Усть. Снк.).

Довольно большую группу значений в семантике данного прилагательного объединят общая сема ‘красивый, прекрасный, превосходный, лучший’.

‘Красивый, прекрасный’. *Красён го́лос-то* (Усть. Стр.). *Так што́ жы́сь тепе́рь не бо́льно красна́* (Плес. Фдв.). *Ле́нт не было, се ре́мни заплета́ли, кра́сно, доро́дно* (Плес. Мрк.). *Ко́ни-то красны́, тро́йки веть* (Усть. Стр.). *Повойники́ бы́ли таки́е шы́ли, кра́сны, шо́лковы. Надева́ли шо́лковы кра́сны платы́, их мно́го, платá три-четы́ре на́де́нут и ле́нтоф зза́ди на́весят* (Пин. Влт.).

‘Хороший, приятный, милый’. *Сы́н да до́чь — кра́сны де́ти* (Пин. Влт.). *Ну вот, хоро́шо, кра́сны де́ти — сы́н да до́чка* (Пин. Чкл.).

‘Богато украшенный, красиво оформленный’. *Цэ́рква фся кра́сна была́* (изукрашена) (Мез. Кмж.). *Кра́сный-то передо́к. Нарядный*. (Мез. Сфн.).

Отвлеченные положительные качества и характеристики предмета в семантике прил. *красный* реализуются в говорах и в многочисленных устойчивых словосочетаниях.

Р. В. Алимпиева полагает, что имя цвета *красный* несет положительный оценочный смысл и выступает потенциальным синонимом слова *белый*. Красный и белый цвета, выражающиеся соответствующими словами, выступают как необходимые составные компоненты возвышенного, прекрасного, то есть оказываются эстетически тождественными [Алимпиева 1986: 69]. Выводы ученого подтверждаются материалами говоров.

Прилагательное *красный* в литературном языке обладает широким семантическим потенциалом, однако диапазон различий значений диалектного слова и литературного достаточно велик, в диалекте представлено гораздо больше

значений, чем в литературном языке, кроме того, многие из представленных в литературном языке значений стилистически маркированы. Необходимо отметить факт сохранения в диалекте многих архаических значений, бытовавших в древнерусском языке. Обратим внимание на то, что в говорах прил. *белый* и *красный* являются потенциальными синонимами.

Литература

- Алиптиева Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: На материале прилагательных — цветообозначений рус. яз. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986.
- Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., Наука, 1975.
- Иссерлин Е. М. История слова «красный» // Русский язык в школе. 1951. № 3. С. 85–90.
- Этимологический словарь славянских языков. Вып. 12. М., Наука, 1985 (ЭССЯ).

Репрезентация образа жизни русского крестьянина в диалектных глаголах с семантикой физического воздействия (на материале тульских говоров)

Н. А. Красовская

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (Россия)

Русские диалекты, глагол, семантика, физическое действие, тульские говоры.

Summary. Analyzed dialect verb denoting physical impact. Inside this field is allocated semantic variations that represent the characteristics of the traditional way of life, world outlook of the Russian peasant.

Общая организация диалектной антропоцентрической глагольной лексики

Антропоцентрические диалектные глаголы, бытующие в тульских говорах, дают возможность выделять в их составе целый ряд крупных объединений, которые можно определить как лексико-семантические макрополя. Внутри макрополя глаголов физического действия и состояния, по данным наших исследований (См. более подробно: [Красовская 2013]), вполне возможно выделять отдельные лексико-семантические поля, к которым мы, например, относим лексико-семантическое поле (ЛСП) глаголов физического воздействия, ЛСП глаголов физического состояния, ЛСП физического состояния, ЛСП глаголов движения. Целью нашего исследования становится рассмотрение ЛСП глаголов физического воздействия. Применяя полевой подход, удастся определить для каждого поля ядерную и периферийные зоны. Отдельные ЛСГ и составляют указанные зоны. Принадлежность тех или иных ЛСГ к зонам выявляется нами на основании использования параметрической методики определения частотности реализации семантического потенциала, позволяющей находить наиболее насыщенные по своей лексико-семантической представленности группы и наиболее продуктивные для всего континуума диалектной антропоцентрической лексики семантические объединения. Важно, что полевая

структура дает возможность делать выводы о том, какие действия в народном языковом сознании получают более частотную номинацию, какие смыслы репрезентируются в языковой системе говоров прежде всего.

2. Особенности организации жизни и существования человека, отраженные в системе глаголов физического воздействия

Свое рассуждение мы строим на преобладании определенных ЛСГ в рамках той или иной зоны ЛСП глаголов физического воздействия. Мы останавливаемся на том, какие семантические группировки представлены в данном поле. Наблюдается преобладание глаголов с семантикой удара, удар получает разную интерпретацию: это удар, совершенный единожды, совершенный с помощью различных орудий, сопровождающимся определенным звуком, нанесенный субъектом самому себе. Семантика удара, таким образом, является преобладающей в поле глаголов физического воздействия. Удар является смысловым центром ЛСП глаголов физического воздействия, он концентрирует в себе и иную семантику, которая так или иначе оказывается связанной с ним. Все ЛСГ, обозначающие указанные выше разновидности нанесения удара, составляют ядерную зону в данном поле. В периферии поля семантика удара несколько ослабевает, но получают большее отражение другие семантические группировки, например, обобщая данные по всему полю, мы видим, что довольно часто представлена семантика царапания, сгребания, укола. Это незначительное воздействие на поверхность объекта или самого субъекта оказывается также широко представленной в говорах: это ЛСГ глаголов с семантикой царапания, сгребания, укалывания, цепляния, загрязнения, растирания, вытирания, засевания, прокалывания. Несколько разные, на первый взгляд, группировки, по нашему мнению, имеют общее: это неглубокое проникновение в поверхностные структуры объектов, незначительное их разрушение. Эти глаголы входят в ближнюю периферию рассматриваемого поля. Структура периферийных зон оказывается семантически более диффузной, чем ядерная, поэтому уже в зоне ближней периферии, а также в зоне дальней периферии проявляется семантика, связанная с семантикой присоединения-отсоединения, сюда можно отнести более частную семантику загибания, одевания, раздевания, сшивания, расположения рядом с иным объектом. Эта семантика распространяется и в зону крайней периферии.

Таким образом, по нашим данным в ЛСП диалектных антропоцентрических глаголов физического воздействия преобладают единицы, во-первых, с семантикой удара, во-вторых, с семантикой царапания, укола, цепляния, в-третьих, с семантикой соединения-разъединения. Количественное преобладание глаголов с такими смыслами (всего нами было проанализировано более двух тысяч словозначений, около 960 из них входит в ЛСП глаголов физического воздействия, это самое объемное ЛСП из всей рассматриваемой совокупности диалектных антропоцентрических единиц) способно в определенной

степени репрезентировать самые важные для традиционного крестьянского миропонимания, образа жизни действия, процессы, явления. 1. Видимо, все-таки исторически так формировался социум на данной территории, что очень важно было осуществлять целый комплекс действий, связанных с нанесением удара. Можно предположить, что удары были важны в борьбе за территорию проживания с соседями, врагами, важны для расчистки территории, для строительства жилья, для добывания пищи, для организации быта. 2. Незначительное проникновение в поверхностные слои объекта не имеет, как мы уже подчеркнули, такой концентрированно-единообразной семантики, но ее легко можно связать с действиями, связанными с обработкой почвы, с заготовкой сена, с любым растиранием в процессе приготовления пищи. 3. Семантика соединения-разъединения: есть целый ряд единиц, которые несут смыслы соединения непосредственно (например, положить рядом, придавить, загнуть один конец и соединить его с другим), с другой стороны, рассматривая полевую структуру данного образования, мы обратили внимание на то, что довольно определенно выделяются сквозные образования, которые пронизывают всю зонную организацию, мы назвали их парцеллами, они в данном поле связаны с реализацией семантики соединения или разделения. Получается, что многочисленные физические действия, традиционно совершаемые крестьянином, так или иначе направлены на соединение чего-либо или разъединение чего-либо. В целом ряде случаев семантика соединения настолько тесно переплетается с семантикой разъединения, что порой трудно отделить одно от другого.

Литература

- Красовская Н. А. Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов (на материале тульских говоров): Дис. ... докт. филол. наук. Курск, 2013.
 Нефедова Е. В. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М.: МАКС Пресс, 2008.
 Русская глагольная лексика: денотативное пространство / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

Предлог *у* < *и, *въ в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика

А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Южнорусские говоры, предлог, падеж, контекстное значение.

Summary. In the South Russian dialect of Rogovodka, the noun forms with preposition *у* < *и, *въ have genitive singular and locative plural suffixes — a series of endings different both from the series of endings of locative and of genitive in other contexts.

1. В докладе рассматривается семантика и функционирование предлога *у* (<*и, *въ) в говоре с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области. В результате нескольких экспедиций в 2012–2015 гг. был собран обшир-

ный материал, часть из которого легла в основу корпуса расшифрованных текстов объемом около 80000 слов. Изучение предлога у проведено на материале этого корпуса.

Трактовка у (ѳ) < *и, *ѵъ как единого предлога, который управляет род., вин. и местн. падежами и имеет несколько фонетических вариантов (и вариантов написания), принята в описаниях украинского и белорусского языков. Принципиально те же фонетические варианты представлены и в юго-западных русских говорах территорий, смежных с Украиной и Белоруссией.

2. Фонетическое совпадение предлогов *и и *ѵъ выражается в говоре в следующем позиционном распределении. Оба предлога 1) после согласного и после паузы перед согласным имеют вид [у]: *И вѳт у нѳс мѳмѳшь свар'ѳль ѳткѳйу сл'ивѳху; Рабѳтът' у прѳз'н'ик ѳр'ѳх; Скѳкъ хр'ѳцѳѳ у кѳпн'ѳ?* *Стѳкѳт' у стѳп'ѳ; У хр'ѳцѳ тр'ѳнѳцѳт' снаѳѳѳ;* 2) после гласного перед согласным — [ѳ] или [w]: *Шч'ѳ там Шѳръ ѳ т'ѳб'ѳ с вѳдѳѳ? Йѳ w с'ѳб'ѳ нѳ ѳрѳд'ѳ нас'ѳила кѳнѳп'ѳ; Ну вѳт ѳтъ расл'ѳ w нѳл'ѳ;* 3) перед гласным — [uw], [ув]: *ув ѳкнѳ, у^w ѳднѳй кѳмнѳт'ѳ; uw ѳтѳй д'ѳвѳч'к'ѳ, uw авѳмѳт, uw ыѳурѳ и др.;* 4) перед сочетанием согласных, между которыми находился слабый *ѳ или *ѳь, представлены [ува] / [увѳ]: *ува wс'ѳм у ч'ѳрнѳм, ува wсѳх* (единично у wс'ѳх), *ува ѳс'ѳ, ува wс'ѳ, увѳ wс'ѳкѳй, ува мнѳѳѳх, ува ржѳѳ*, однако также *ува дѳѳр (и ва дѳѳр)*. Перед глухими согласными, преимущественно щелевыми, в небольшом числе примеров встретился [ф]. Наиболее частотен вариант [у], отмеченный во всех перечисленных позициях. Наряду с [w], [ѳ] фиксируется шумный губно-губной [в].

3. В говоре представлена система склонения, типичная для юго-западных русских говоров. С опорой на понятие однопадежного ряда ([Зализняк 1967 / 2002: 38–42]; [Бромлей, Булатова 1972]), в говоре выделяются падежи именительный, винительный, родительный с предлогом у, родительный с другими предлогами, родительный без предлогов, родительный количественный, счетная форма, дательный, «распределительный» (при предлоге *по*), творительный, местный, предложный (при предлоге *при*). В этой многопадежной системе различаются твердая и мягкая, ударная и безударная разновидности в I и II субстантивных и в местоименном склонении.

Далее мы покажем совпадения и отличия «однопадежного ряда» родительного с предлогом у от «однопадежных рядов» родительного с другими предлогами, местного и предложного падежей.

Во мн. числе существительных в говоре практически завершилось совпадение флексий местного и родительного с предлогом у (последний в большинстве примеров оформляется, как и местн. мн., флексией *-ѳх*). Все «другие родительные падежи» сохраняют флексию род. мн. *-ѳв*. Флексия *-ѳв* наряду с *-ѳх* выступает также в контекстах с предлогом *при* во мн. числе (в предложном падеже мн. числа):

Род. мн. с предлогом *у*: -ах (редко -ѡв, -ей, -Ѧ);

Род. мн. с другими предлогами и без предлогов: -ѡв, -ей, -Ѧ;

Местн. (с предлогами *у*, *на*): -ах;

Предл. (с предлогом *при*): -ах, -ѡв, -ей, -Ѧ;

У местоимений и прилагательных формы этих падежей одинаковы: *нас*, *вас*, *н'их*, *ус'ѣх*, *ѣтих*, *маѣх*, *аднѣх*, *какіх*, *мѣладыих*, *п'ар'с'ѣцкых*.

В ед. числе бóльшая часть типов склонения характеризуется совпадением флексий родительного с предлогом *у* и родительного с другими предлогами и отличием их от местного и предложного падежей (одноподлежащих рядов). Синкретизм обоих родительных с предлогами и местного падежей, на первый взгляд, свойствен I и III склонениям; однако в I склонении (во всех его разновидностях) разница этих падежей проявляется в количественном соотношении форм с флексиями -ѣ / -ы(*и*) и в противопоставлении твердой и мягкой разновидности склонения в местн., отсутствующем в род.; в III склонении совпадение родительных и местного имеется у слов с неподвижным ударением на корне или окончании, тогда как у слов с подвижным ударением эти падежи различаются местом ударения:

Род. с предлогом *у*: I скл. -ѣ / -ы(*и*), II скл. -а; III скл. -и, редко -ѣ;

Род. с другими предлогами: I скл. -ѣ / -ы(*и*), II скл. -а / -у; III скл. -и;

У местоимений и прилагательных единые флексии в род. падеже с предлогами: *м'ин'ѣ*, *т'иб'ѣ*, м. *н'егѡ*, ж. *н'ѣй*, *ус'ѣй*, *ѣднѣй*, м. *мѣладѡго*, ж. *мѣладѡй*;

Местн. (с предлогами *у*, *на*): I скл. тверд. основы -ѣ / -ы(*и*), мягк. основы -и, редко -ѣ; II скл. тверд. основы -ѣ / -у, мягк. основы -у, III скл. -и, реже -ѣ;

Предл. (с предлогом *при*): I скл. как в местн., II скл. *у*, редко -ѣ, тверд. и мягк. основы одинаково; III скл. -и (тенденция к объединению с дательным падежом);

У местоимений и прилагательных единые флексии в местн. и предл. падежах: *мнѣ*, *табѣ*, м. *н'ѡм*, ж. *н'ѣй*, *ус'ѣй*, *ѣднѣй*, м. *мѣладѡм* и *мѣладѡму*, ж. *мѣладѡй*.

4. Частичный синкретизм флексий род. с предлогом *у* и местного падежа, несомненно, изначально вызван фонетическим неразличением предлогов *и и *ѡ. Однако существуют и семантические причины, способствующие объединению этих падежей.

Предлог *у* употребляется с предложным и винительным падежами чаще всего в пространственных (места, направления), временном и целевом значениях: *у калхѡз'ѣ*, *у сѡд'ѣу*, *у мѡльдѣст'ѣ*, *в ѣй'ѣн'ѣ*, *у бал'н'ѣцу*, *у субѡту*, *у вѣй'ѣн'ѣ*, *у ѡст'ѣ*, с род. падежом чаще в значении принадлежности: *у Тѡн'к'ѣ*, реже в пространственном значении: *у р'ѣк'ѣ*. В лит. языке значение пребывания при ком-то / чем-то, у кого-то обычно оформляется предлогом *у* и родительным падежом: *был у друзей*, *у чужих людей*, *у соседей* или формой предложного

падежа с предлогом *в*: *в гостях, в людях*. В говоре Роговатки фонетическое неразличение предлогов **и* и **въ* и частичный синкретизм флексий родительного с предлогом *у* и местного падежа приводит к нейтрализации такого рода конструкций: *Он у сас'ѣд'ѣх; Н'е знайу, ид'ѣ йа была — у сас'ѣд'ѣх. А ш'ас у ѣт'иу у д'им'ѣх* (живет); *У цыг'ан'ѣх* мы был'и; «Дѣ как ж ты йѣла там у л'уд'ѣх? Ув'ез' д'ѣн' прах'од'е — н'а х'оч'е у л'уд'ѣх йѣс'т'; Он уър'ѣцк'ой, и вот он, нав'ѣрнѣ, уд'ѣ-тѣ жыл у л'уд'ѣх; У уѣс'т'ѣх, дѣ как'ѣх-тѣ п'ор.

Литература

- С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова. Очерки морфологии русских говоров. М., 1973.
А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967 (2-е изд. — М., 2002).

«Словарь української мови» Б. Д. Гринченко в контексте русской лексикографии

С. А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Словарь, украинский язык, диалект, русские говоры.

Summary. The aim of this work is the analysis of the materials presented in «Dictionary of the Ukrainian language» of B. D. Grinchenko, in comparative historical and etymological aspects of the East Slavic lexical continuum. For the analysis on the basis of Russian used the entire body of Russian lexicography.

«Словарь української мови» (тт. 1–4, 1907–1909 гг.) Б. Д. Гринченко является одним из наиболее важных словарей украинского национального языка. На его страницах представлена лексика начиная с конца XVIII по начало XX века. К украинскому словнику в качестве толкований приводятся русские слова-эквиваленты либо описательные толкования на русском языке. В словаре в целом представлено около 70 тысяч лексических единиц. О его качестве, большой информативности свидетельствует тот факт, что этот труд Б. Д. Гринченко был отмечен премией Петербургской академией наук.

Целью данной работы является анализ материалов, представленных в данном словаре, в сравнительно-историческом и этимологическом аспектах в восточнославянском лексическом континууме. Для анализа на русской почве использовался весь корпус русской лексикографии, нужных для анализа.

В ряде случаев материалы словаря дают возможность ареально-сопоставительного анализа, например: **Талина'**, ж. Растаявший санный путь. *Не хоче талиною їхати, а щоб я їхав*. Н. Волын. уезд (Гринченко, 4). Слово широко представлено на русской почве в сходных значениях: **Та'ли'на** 'проталина' Арх., Краснояр. (СРГН, 43). Ср. также: **Таль**, и, с. ж. 4 скл. 1) Говоря о погоде зимней: оттепель, от которой снег тает. 2) Вещи оттаянные или оттаявшие (САР 2). **Таль**, и, ж. *Устар.* и обл. Таяние снега, оттепель (БАС). Причем, слова, которые в словаре Б. Д. Гринченко представляют собой единицы лите-

ратурного языка, а в академических словарях нередко русского языка отмечаются как диалектные.

Весьма интересен анализ заимствованной лексики словаря на восточнославянской почве. В словаре представлено значительное число тюркизмов, например: **Ар'ян**, м. Кислое козье молоко. Кубан., 1862 (Гринченко, 1).

В словаре Даля зафиксировано несколько вариантов для значения «простокваша, разболтанная водою для питья, употребляемая татарами, чувашами, мордвой, а местами и русскими»: **пре'нь** Тамб., **пря'н** Дон., **айра'н**, **айря'н** Оренб. (Даль). **Арья'н** 'квашеное молоко с водой; молочный квас' Оренб. (Даль). В татарских диалектах представлены этимологически первичные различные фонетические варианты: *эйран*, *аран*, *эрэн*, *эрийэн*, *айран*.

Весьма интересны случаи широкого распространения в восточнославянском континууме некоторых единиц терминологического характера. Например: **Балбе'рка**, ж. Поплавков в рыболовных сетях. Уменьш. **Балберочка**. Черномор. (Гринченко, 1). Имеются обширные материалы, зафиксированные в русских говорах: **Балбе'ра** 'поплавок рыболовной снасти' Терск. Мурман. **Балбе'ра** 'поплавок из коры дерева или из пенопласта' Волог., Мурман. (СРГК, 1). Сходные данные отмечаются в казачьих говорах: **балбе'рка** 'поплавок' Юго-вост. Кубан., **балбера'** 'поплавки у невода': — *Правильно балбера'*, *а мы называем чинбура'*. Дон. (Миртов).

Следует подчеркнуть, что анализируемые данные отмечались в словарях русского языка с XVIII века, хотя фиксировалась их региональная специфика: **балби'рка**, **баба'шка** «поплавок, сделанный из древесной коры, прикрепляемой к удам на самоловах, или к называемой так шашковой снасти, употребляемой на Волге и в Сибири рыболовами» (САР 2); **балби'рка**, **баба'шка** «обл. поплавок из древесной коры, прикрепляемый к удам а самоловах, употребляемых на Волге и в Сибири» (Слов. Акад. 1847); **балбе'ра**, **балбе'рка** 'бабашка, шашка', 'поплавок из дерева или коры на неводах и переметах' (Слов. Акад., 1895); **балберочная снасть** 'перемет с крючьями, с удочками без наживы для ловли красной рыбы' (Слов. Акад. 1895).

В ЕСУМ украинские данные наряду с русскими трактуются как заимствование из итал. *barbaia* 'большая рыболовная сеть', с мотивацией на итальянской почве, связанной с названием рыбы, которую ловят такой сетью (ЕСУМ, 1: 125). Эту версию А. Е. Аникин рассматривает как неприемлемую, при румын. *bulber* 'поплавок самоловной снасти из русского' (Аникин, 2: 131–132). На почве белорусского языка, белорусск. *балберка* 'поплавок', трактуется как слово темного происхождения, хотя и высказывается предположение о исконной основе **балаб-*, **балб-* 'что-либо круглое, кругляшок' (ЭСБМ, 1: 290).

В ряде случаев неисконные единицы, которые отмечены в словаре Б. Д. Гринченко представляют собой результат общевосточнославянского единства, особенно это касается финно-угорских заимствований, вошедших в об-

щенародный русский язык через периферические говоры и далее ставшими достоянием какой-либо терминологической системы. Например: **Ке'ндя**, ж. чаще во мн. ч. **Ке'нди**. 1) Валенки, валеные калоши. 2) В насмешку так называют большие сапоги (Гринченко, 2).

Ср. использование этой обуви в России в XIX веке: *Зимой путники и часовые поверх сапог или валенок надевали кеньги — высокие, выше щиколоток, кожаные, меховые или валяные галоши. В сырую непогоду в XIX в. стали носить низкие галоши, сначала кожаные, с конца XIX в. — резиновые.*

Эти единицы описывались лексикографически, ср., например в САР 1: **Ке'ньга**, употребительнее во множ. **Ке'ньги** «зимняя из телячьей или оленьей кожи с шерстью обувь, которая и внутри подпушена мехом или бпйкою, похожая на коты и надеваемая для тепла сверх башмаков и сапогов»: — *Купить кеньги. Надеть кеньги.* (САР 1, 3).

В Слов. Акад. 1847 представлены следующие данные: **ке'ньга** «зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкою, и надеваемая сверх башмаков или сапогов» (Слов. Акад. 1847). Традиция подачи этого слова продолжается в БАС: **Ке'ньги**, мн. (ед. кеньга, ж.). Обл. Особая зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкой и надеваемая сверх башмаков или сапог. // Сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу (БАС, 5).

Белорусские и украинские данные традиционно рассматривались как русизмы: белорусск. *кеньгі* 'валенки', укр. *кенді* 'зимние чулки', 'большие сапоги' (Фасмер, 2; SKES: 181), вероятно, уже из русского языка (ЕСУМ, 2).

Материалы словаря Б. Д. Гринченко весьма обширны и их сравнительно-сопоставительный анализ может многое дать для осмысления дихотомии литературный язык — народные говоры. Кроме того, следует также отметить, что в словаре Б. Д. Гринченко наметились основные пути становления общекрипского лексикона, нередко на пуристических основах.

Литература

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2. Б — Бдынь. М., 2008.
 Гринченко Б. Д. Словарь української мови. Т. 1–4. Киев. 1907–1909.
 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.
 Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
 Словарь Академии Российской. Т. 1–6. СПб., 1789–1794 (САР 1).
 Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Т. 1–6. СПб., 1806–1822 (САР 2).
 Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6 (СРГК).
 Словарь русских народных говоров. М., Л. / СПб., 1965–2015. Т. 1–48 (СРНГ).
 Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965 (БАС).
 Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Т. 1–4 (Слов. Акад. 1847).
 Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–2010. Т. 1–13 (ЭСБМ).

Виртуальное и актуальное в семантике глагольного слова (на материале говоров архангельского региона)

Е. А. Нефедова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Диалект, семантика, глагольное слово.

Summary. The report discusses functional characteristics of the verbs with *do-* (*do-*) prefix and *-ся* (*-sja*) postfix in spoken dialectal language. The dialects represent variability of their semantics, caused by the folding of the original structure, common for literary language and dialects.

В «Русской грамматике-80» выделяются глаголы с префиксом *до-* и постфиксом *-ся* (*до-V-ся*), имеющие значение ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’. Этот словообразовательный тип является продуктивным, особенно в разговорной речи и просторечии [Русская грамматика 1980: 386]. Глаголы *до-V-ся* характеризуются интенсивно-результативным способом глагольного действия. Значение полноты, исчерпанности результата может сочетаться у них со значением интенсивности и экспрессивности действия. Семантика глаголов *до-V-ся* самонедостаточна и реализуется либо в конструкции с *до того*, *что*, либо в сочетании с дополнением с предлогом *до*.

Продуктивность данного словообразовательного типа характерна также и для современных русских говоров. Так, в картотеке «Архангельского областного словаря» (АОС) представлен большой по объему материал, содержащий образования как от общерусских, так и диалектных основ. В 11 и 12 вып. АОС описано более тысячи глагольных слов, характеризующихся интенсивно-результативным способом глагольного действия. Функционирование этих глаголов в говорах имеет существенные отличия от литературного языка. Они касаются структуры и особенностей реализации глаголов *до-V-ся*.

В говорах архангельского региона возможны образования в конструкции с *до того* и *до чего* не только с постфиксом *-ся*, но и без него (*до-V*), причем часто встречаются параллельные образования от одной и той же основы: *до того* *добе* *гался* и *до того* *добе* *гал*, *до того* *доре* *велся* и *до того* *доре* *вел*,

до того *до* *жил* и *до чего* *дожи* *лся*.

Глаголы без постфикса *-ся* могут быть образованы от основ непереходных и переходных глаголов и обозначать действие самого субъекта и действие, направленное на объект: *До того* *допла* *кала*, *до того* *доходила*, *до того* *добу* *чила* *чай*, *до того* *дожалела* *кота*.

Как и в литературном языке, в говорах глаголы *до-V-ся* (*до-V*) обозначают продолжительное и / или интенсивное действие. Отрицательный, нежелательный результат предопределен высокой степенью проявления действия, превышающей некую общепринятую норму. Таким образом, сема 'отрицательный результат' заложена в семантике самого глагола. Конкретизация этой семы происходит в тексте: а) в сложном предложении с союзами *что* или *дак*: *До того □ добежа □ лась, что лежа □ ла до □ лго*; *До того □ догребу □ т, дак ру □ ки гото □ вы отпасть*; *До того □ догуля □ л, что у □ хо оторва □ ли*; б) в сложном бессоюзном предложении: *До того □ добежа □ лась, завздыха □ лась*; *Споте □ ла, до того □ добежа □ ла*; *До того □ добе □ гают, ско □ ро го □ лову стрясу □ т*; в) в контексте более широко, чем предложение: *Во □ рзаются молоды □ е ребя □ та, до того □ дово □ рзаются, бу □ дет вам во □ рзаться, рва □ ть пла □ тья рипака □ ми*.

Одним из существенных отличий от литературного языка является то, отрицательный результат продолжительного и / или интенсивного действия может не иметь вербального выражения: *До того □ догоня □ ли мы, добе □ гали её иска □ ть*; *Она □ до того □ добараба □ нила*. В коммуникативном акте он может выражаться с помощью интонации, жеста, а также вытекать из общего знания ситуации: *Я у □ тром до того □ с ни □ ми добыю □ сь* 'долго заставляю кого-н. сделать что-н. и затрачиваю на это много усилий'; *До того □ доброди □ ла по гря □ зи* 'долго бродила и устала, испачкалась' и т. п.; *Ну, я пошла □, до того □ довопе □ ла* 'долго кричала и охрипла, сорвала голос' и т. п. Очевидно, что семантика глаголов *до-V-ся* (*до-V*) содержит пресуппозицию и ассерцию, и не-вербализованной может быть именно ассертивная ее часть.

Один и тот же глагол может функционировать в высказывании как с выраженной, так и невыраженной ассерцией: *Она с одни □ ми порося □ тами до того □ доводи □ лась, дак с но □ г вали □ лась*. *С коро □ вами то □ же до того □ доводи □ лась*. Второе высказывание представляет собой как бы свернутый вариант первого. Отрицательный результат в нем не конкретизирован, но именно он предопределяет общую негативную оценку описываемой ситуации.

Глаголом может обозначаться действие, как бы заранее предполагающее его отрицательный результат, что усиливает негативную окрашенность высказывания: *Вчера □ к нам приходи □ ли, до того □ добыа □ нили*; *До того □ догло-ти □ ли э □ того ви □ на*; *Ва □ нька до того □ добереди □ л Ве □ ньку ва □ шего*. В других случаях семантика мотивирующего глагола может быть нейтральной, а негативная оценка связана прежде всего с чрезмерной интенсивностью и / или продолжительностью действия: *Я до того □ догляде □ ла, дождала □* 'очень, слишком долго смотрела и ждала'. Показательно объяснение семантики подобных конструкций носителем диалекта: *До того □ доби □ лись с се □ ном, э □ то зна □ чит — си □ лы все □ исся □ кли*. *До того □ доби □ лись с се □ ном — да то □ же до □ лго-до □ лго би □ лись, уста □ ли*.

Возможны такие высказывания, в которых результат действия может оцениваться как нейтральный или даже положительный, а семы ‘очень, слишком’, заключенные в семантике глагола, создают общую экспрессивность высказывания: *До того □ доплёл корзи □ н э □ тих* ‘очень долго плел, очень много наплел’.

Значение интенсивности и экспрессивности действия, приводящего к нежелательному результату, в говорах может быть выражено глаголами *до-V-ся* (*до-V*) и вне сочетания с *до того □*, *до чего □*: *Они □ ско □ ро допасу □ т, што коро □ вы одну □ зе □ млю бу □ дут йи □ сь. Добра □ кала вчера, пора □ то (сильно, долго) пла □ кала.*

Наблюдаемая в говорах вариативность реализации семантики глаголов *до-V-ся* (*до-V*) объясняется условиями устной, не скованной строгой кодификацией речи. В речевой практике говорящих отражены этапы постепенного свертывания исходной конструкции, общей для литературного языка и говоров: 1) *до того □*, *до чего □ до-V-ся* (*до-V*), *что (дак)* — 2) *до того □*, *до чего □ до-V-ся* (*до-V*) — 3) *до-V-ся* (*до-V*). Формальное упрощение конструкции сопровождается семантической конденсацией глагольного слова.

Иное решение этого вопроса представлено в [Гецова 2001: 7–12]. Оно состоит в том, что глаголы *до-V-ся* (*до-V*) в говорах обозначают длительное и / или интенсивное действие, а сема ‘отрицательный результат’ может быть представлена только в контексте (см. [Гецова 2001: 7–12]).

Литература

- Архангельский областной словарь. Вып. 1–. М., 1980–.
 Гецова О. Г. Предисловие / Архангельский областной словарь. Вып. 11. М., 2001.
 Русская грамматика. Том I. М., 1980.

Номинации праздников в честь «парных» святых в говорах архангельского региона*

Ж. А. Панина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)
«Парные» святые, архангельские говоры, праздники, диалектология.

* Исследование выполнено на материале «Архангельского областного словаря» (1–, изд. продолжается), картотеки «Архангельского областного словаря» и собственных полевых записей автора, сделанных в диалектологических экспедициях 2006–2015 гг.

Summary. Author analyses nominations of Saints duos' holidays in Arkhangelsk's dialects.

1. Особую группу наименований праздничных событий составляют названия праздников, посвященных так называемым «парным» святым (далее ПС). Под «парными» святыми мы понимаем связанных персонажей христианской истории, память которых отмечается в один день. Как правило, эти святые были связаны родственными отношениями. Названия праздников в честь «парных» святых интересны тем, что они «на своем пути из антропонимов в хрононимы переживают разные стадии конденсации, соответствующие этапам утраты антропонимической функции (соотнесенности с сакральными лицами)» [Толстая 2005: 380].

2. Этнографический словарь «Русский народный календарь» [Русский народный календарь 2015] отмечает около двух десятков праздничных событий, связанных с «парными» святыми. В говорах архангельского региона отмечаются следующие события в память ПС (приведены официальная календарная формула и диалектные названия):

- праздник в честь Славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июня / 12 июля): *Петро□в день, Пётр день, Петро□вник, Петро□вье, Петро□вни, Пётр, Па□вел, Петры и Па□влы, Пётр и Па□вел, Пётр-Па□вел*;
- праздник в честь равноапостольных царя Константина и матери его Елены (21 мая / 3 июня): *Мать Еле□на, Мать Еле□на и царь Константи□н*;
- день Святых бессребренников Космы и Дамиана (1 / 14 июля): *Кузьма□-Демьян, Кузьмадемя□н, Кузьма□нов день*;
- день Святых мучеников Кирика и Иулитты (15 / 28 июля): *Ки□риков день, Ки□рики-Ули□ты, Ки□рики и Ули□ты, Ки□рики, Ули□ты*;
- день Святых великомучеников Флора и Лавра (18 / 31 августа): *Фроло□в день, Фроль□, Хроло□в день, Хроль□, Хрол*;
- Память праведных Богоотцев Иоакима и Анны (9 / 22 сентября): *Екима□нь день*.

3. В составе наименования праздничного события могут сохраняться оба имени святых. В таком случае хрононим может представлять собой формулу, взятую из месяцеслова практически без изменений: *Ма□ть Еле□на и царь Константи□н*;

Гораздо чаще название праздника в честь ПС служит наименованием, свернутое до ключевого компонента — имен святых, стоящее в единственном числе:

- с сохранением сочинительного союза: *Пётр и Па□вел*;
- без союза: *Кузьма□-Демья□н, Пётр-Па□вел, Ки□рик-Ули□та*;
- образовавшее единое сложное имя-хрононим: *Кузьмадемя□н*;
- образовавшее единое сложное имя-атрибут при опорном компоненте *день*: *Екима□нь день*.

Отмечены и наименования, имеющие форму множественного числа и обозначающие при этом единичные события (проявление плюрализации, в целом характерной для диалектных названий праздников):

- с сохранением сочинительного союза: *Петры* и *Па*влы, *Ки*рики и *Ули*ты;
- без союза: *Ки*рики-*Ули*ты.

4. Часто второй компонент двухчастного наименования — имя святого, называемое вторым — опускается, и в составе хронониме остается только имя первого святого. Этот однокомпонентный хрононим может употребляться:

- в форме единственного числа: *Пётр*, *Хрол*, *Мать Еле*на;
- в форме множественного числа: *Ки*рики, *Фролы*, *Хролы*, *Петру*шки.

В таком случае также прослеживается тенденция к плюрализации, что соотносится с выводами, сделанными С. М. Толстой на полесском материале в [Толстая 2005: 381].

В качестве названия праздника, посвященного «парным» святым, могут использоваться и существительные, образованные от имени святого, которое в календарной формуле идет первым, как в единственном: *Петро*вник, *Петро*вье — так и во множественном числе: *Петро*вни — а также субстантивированное прилагательное: *Петро*вские.

Первый элемент некогда двучленного хрононима может не использоваться самостоятельно, а выступать в качестве атрибута при опорном компоненте *день*: *Ки*риков *день*, *Кузьмя*нов *день*, *Петро*в *день*, *Петро*вин *день*, *Пётр* *день*.

5. Редко для обозначения праздничного события используется имя святого, идущее вторым в официальной календарной формуле, как в единственном числе: *Па*вел — так и во множественном: *Ули*ты.

Литература

- Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецевой. М., 1980 — . Вып. 1 — .
 Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М., 2015.
 Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

Ватный, полуватный, алгодоновый: лексика одежды в русских говорах Южной Америки*

О. Г. Ровнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

* Тезисы доклада подготовлены в рамках проекта «Старообрядцы Латинской Америки: исследование языка и экономики», поддержанного грантом РГНФ 14-04-00380 (рук. О. Г. Ровнова).

Диалектология, старообрядцы, русские говоры зарубежья, диалектная лексика.

Summary. The report is based on the material of the Russian dialects of the old believers living in different countries of the South America. The words included in the lexical set “Clothes” are examined. The meanings of the dialect and all-Russian lexicon are described, and the examples of the dialect neologisms are given.

Носители русских говоров в Южной Америке — две группы старообрядцев-часовенных, которые оказались там в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в результате миграции из Китая (из Западного Синьцзяна и окрестностей Харбина), в Китай их предки бежали в 1930-е гг. из Казахстанского Алтая и с Дальнего Востока, спасаясь от советской власти. Среднерусские акающие говоры «синьцзянцев» и «харбинцев» сформировались на севернорусской языковой основе, являются очень близкими, хорошо сохранившимися в условиях почти столетней изоляции от других русских говоров и литературного языка.

Доклад основан на диалектном материале, собранном в старообрядческих общинах Аргентины, Боливии, Бразилии, Уругвая во время экспедиций 2006–2014 гг. При работе над этнографическим описанием современной одежды старообрядцев была выявлена находящаяся в активном употреблении диалектная лексика, часть которой представляет собой лексические этнографизмы [Ровнова 2016].

Старообрядческая культура является культурой традиционалистского типа, и современная повседневная одежда старообрядцев (женский *сарафан* и мужская *русская рубаша*, подпоясанные поясом) выполняет в ней важную знаковую функцию, показывая принадлежность к этноконфессиональной группе и верность древлеправославию. С одной стороны, стремление к сохранению традиционного костюма способствует сохранению и употреблению в живой речи соответствующей лексики, с другой — неизбежная трансформация одежного комплекса ведет к изменению лексических значений некоторых слов, а появление новых видов одежды требует новых номинаций, что приводит к расширению тематической группы «Одежда». В ней можно выделить лексические единицы трех видов.

1. Лексические диалектизмы: *вы́резка* ‘вырез горловины у сарафана-горбача, платья-галички’; *горба́ч* ‘разновидность сарафана с закрытой спиной’; *запо́н* ‘фартук’; *застёжнѣй* ‘имеющий застежку, застегивающийся’; *косокли́нный сарафа́н* ‘сарафан с вшитыми в боковые швы косыми клиньями’; *коше́нный* ‘расклешенный’; *кроса́* ‘головной убор невесты в виде матерчатой круглой шапочки с плотно нашитыми по всей поверхности цветками из нарядной ткани’; *кру́глый сарафа́н* ‘прямой сарафан со складками’; *кружа́вный* ‘кружевной’; *ла́стовка* ‘верхняя деталь рукава женской рубашки’; *нагру́дка* ‘отрезная верхняя часть фартука’; *нагру́дь* ‘верхняя часть сарафана, закрывающая грудь’; *обу́тки* ‘обувь’; *оде́жа* ‘одежда’; *ошлага́* ‘манжеты’; *перёдинка* ‘плетенное из бисера женское украшение в виде сетки, закрывающее верхнюю часть груди’;

перёдняя(я), сущ. ‘отрезная верхняя деталь сарафана-горбача и платья-талички’; *перелінка* ‘отрезная верхняя часть сарафана, к которой пришиваются проймы’; *подборá, подбóрочкя* ‘оборка внизу сарафана и фартука’; *припóлок* ‘разрез-застежка мужской рубахи’; *саи́мұра* ‘головной убор замужней женщины в виде шапочки из легкой материи, завязывающейся сзади’; *спáльна(я) одёжа* ‘одежда для сна’; *стану́шка* ‘нижняя юбка, пришиваемая к рубахе’; *тёмна(я) одёжа* ‘траурная одежда темного цвета в противоположность повседневной *светлой одёже*’. Существуют понятия «христианская рубаха» и «христианский сарафан» — рубаха и сарафан, сшитые со строгим соблюдением правил традиционного кроя: рубаха должна состоять из восьми *разрядов* (деталей, частей), а сарафан — иметь вшитые в боковые швы косые клинья. Отмечены слова, употребляющиеся в говорах старообрядцев с расширенным значением: *бисеры* ‘бусы’ (ср. толкование *перéдинка*); *куфа́йкя* ‘мужская и женская короткая утепленная верхняя одежда (куртка, пиджак, кофта, свитер и т. п.)’.

2. Общерусские слова с диалектными значениями: *ва́тный* (о ткани) ‘хлопчатобумажный’, *полувáтный* ‘сделанный из смешанных хлопчатобумажных и искусственных волокон’; *подбóл* ‘отрезная по груди или талии нижняя часть сарафана, платья’; *полосá* ‘прямоугольный кусок ткани, из которого шьются передняя и задняя детали сарафана и рубахи’; *рукава́* ‘женская нижняя рубаха с широкими рукавами, на которую надевается сарафан’. Некоторые значения являются в современном литературном языке устарелыми или стилистически сниженными: *товáр* ‘материя, ткань для шитья’, *товáрный магази́н* ‘магазин тканей’; *тря́пка, тря́почка* ‘кусочек ткани для шитья одежды, обуви и т. п.’, *тря́пошные обу́тки* и *барéтки* ‘обувь с матерчатой верхней частью’.

3. Диалектные неологизмы, обозначающие новые предметы одежды или предметы, имеющие отношение к ней. Одни слова образованы по русским словообразовательным моделям: *ли́фтик* ‘бюстгальтер’; *спáльник* ‘ночная пижама’; *та́личка* ‘отрезное по груди и талии платье со складками и пришитым поясом’. Другие неологизмы представляют собой освоенные заимствования из испанского и португальского языков. Это названия тканей: *алгодóновый* ‘хлопчатобумажный’ (исп. algodón, порт. algodão ‘хлопок’), *на́йловый* ‘нейлоновый’ (исп. nailon, порт. náilon ‘нейлон’), *мусоли́нь* (порт. musselina ‘легкая и немного прозрачная ткань из хлопка’), *сачи́нь* ‘сатин’ (порт. cetim), *тарга́л* (исп., порт. tergal ‘ткань, содержащая полиэстер и вискозу), а также название комплекта для купания *шóрцы* и *ма́йкя* (исп., порт., англ. shorts ‘шорты’).

В докладе приводятся примеры употребления ряда диалектных слов, дается анализ их значений в сопоставлении с литературным языком и другими говорами.

Литература

Ровнова О. Г. «Маленько переформили сарафан»: современная одежда старообрядцев Южной Америки // Живая старина. 2016. № 2 (в печати).

Прилагательное *божественный* и его значения в архангельских говорах

М. Г. Соломатина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русская диалектология, архангельские говоры, народное православие.

Summary. The report addresses the operation of terms (indicating) defining 'a father' in Arkhangelsk dialects, provides the inventory of terms used to refer to a father in the nominative and vocative functions. Also noted are metonymic and metaphorical transfers: the use of kinship terms to refer to the stepfather, father-in-law, husband, mythological spirits-masters, etc.

1. При исследовании проекций религиозного сознания на язык народной культуры мы рассматриваем лексемы, отражающие представления человека о высшей, божественной силе (*Бог, Господь, Дух, Троица, Исус Христос, Богородица* и т. д.), имена канонических святых (*Никола Угодник, Артемий Веркольский* и др.), героев народной агиографии (*Юда и Оника, Власий-Медосей*), ветхо- и новозаветных персонажей в народных пересказах Библии (*Адам, Ева, Илья Пророк, Иуда* и др.), лексемы, называющие духовных лиц (*поп, монашесна, игуменша* и др.), предметы религиозного обихода (*божницы, молёнушки* — 'полки для икон' и др.), сакральные места и постройки (*ответные кресты, божественные колодцы* и др.), а также многочисленные «божественные» прозвища.

2. Вышеперечисленные лексемы (*Бог, Христос, Богородица*, и др.) в говорах развивают переносные значения, не встречающиеся в литературном языке. Для лексемы *Бог* в архангельских говорах, помимо прямого, фиксируется 4 переносных значения: 1) 'икона': *У меня прошлой год мужик в Ленинград увёз одного бога. У хозяйки возьмите богов-то, она не молится.* 2) 'Святой, изображенный на иконе': *Вот тут стоит плакат какой-то, на нём нарисован бог какой-то, он заслужил, перенёс много пыток. Не больно и знали, какие иконы. Бог — и всё тут. Ещё изображения какие были, кто знает, какой бог.* 3) 'Прозвище': *Татку Бог звали, а нас Богородицами.* 4) 'Употребление в качестве вводного слова': *Бог свидимся, а бог и нет.* Развивают многозначность и дериваты этих лексем. Например, существительное *боженька* употребляется не только в значении 'верховное божество', но и 'священник': *Мы так называем боженки, как попы они служат. Боженки или попки, как хочешь называй.* Однако бо́льшую часть словообразовательных дериватов составляют прилагательные (*божественный, богородский, исусов, троцкий* и т. д.), которые в сочетании с существительными именуют объекты самых разных областей внеязыковой действительности: высшие силы, мир людей, растений, животных, предметный мир, а также область абстрактных понятий. Одному из таких прилагательных — прилагательному *божественный* и его дериватам — будет посвящен доклад.

3. Значение, в котором прилагательное *божественный* употребляется в говорах, сходно с тем, которое указывается в общерусских толковых словарях ([МАС]; [Ушаков]): ‘имеющий отношение к религии, церковный’. Однако сочетаемость прилагательного в диалектной речи гораздо шире, чем в литературном языке. *Божественными* могут быть люди и окружающие их предметы, участки пространства и отрезки времени, конкретные и абстрактные понятия. О верующем, воцерковленном человеке скажут, что он *божественный*: *Надо к какой-нибудь божественной старушке, сходи к Анне Селивёрстовне. Божественных старушек нет, уж выбыли боле.* Библию, Псалтырь или молитвослов называют *божественной* книгой: *Книги божественны Господом Богом писаны, хоть не самим, а еговы служонки или служаки, по-славянски было писано, меня отец было научил читать.* Божественным также будет данное при крещении имя: *По церкви-то его божественно имя — Трифон, а так зовут Виктор.* Божественными оказываются календарь церковных праздников (*Мы-то сейчас по радио слушаем, когда Пасха-то, али календарь божественный нужен*); приходская газета (*В газете божественной читала. Опять она мне газет этих божественных нанесёт*). Зафиксированы также сочетания с прилагательными *божовый, божий, набожный* и т. д., синонимичные рассмотренным выше. Исследование опирается на материал вышедших 16-ти выпусков «Архангельского областного словаря» [АОС] и его картотеки.

Литература

Архангельский областной словарь. Вып. 1–16. М., 1980–2015– (изд. продолж. — АОС).
Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999 (МАС).
Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940 (Ушаков).

Новые данные о формах, восходящих к плюсквамперфекту, и близких им по значению конструкциях в южнорусском говоре

А. В. Тер-Аванесова, А. В. Малышева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

*Южнорусские говоры, плюсквамперфект, антирезультатив,
неактуальное прошедшее.*

Summary. In the South Russian dialect of Rogovodka, the forms developed from “Russian” pluperfect are extremely rare. Both forms with auxiliary verb and with a particle are used. The synonymic constructions with verbal forms *bylo* and *byvalo* are frequently used.

В южнорусском говоре с. Роговатое (Роговатка) Старооскольского р-на Белгородской области встречается два рода форм, восходящих к формам плюсквамперфекта: это сочетания форм прош. времени со склоняемым вспомогательным глаголом *был (была, были)* и с частицей *было* (и *был* как следствие редукции). Эти формы в говоре очень редки (всего 11 примеров в 80-ты-

сячном текстовом корпусе). Зато развитие получают конструкции с вводными словами (частицами) *было(че)* и *бувало(че)*, при которых возможны формы наст. / буд. и прош. времени. Аллегривые формы синонимичных вводных слов (частиц) *было(че)* и *бувало(че)* иногда трудно разграничить.

1. Формы прош. времени совершенного вида с частицей *было* (*был*) имеют антирезультативные значения: прекращенного действия (1), действия, результат которого отменен вследствие последующего действия (2); неосуществленного намерения (3, 4):

- (1) *Бы́л лѣ и у нас ста́л'и урьба́ прѣдѣвѣ́т', мѣуаз'ѣн аткры́л'и, а патомъ закры́л'и.*
- (2) *И вѣт он был саб'ѣ куп'ѣл маши́ ну, рас ка мн'ѣ пр'ийѣхъл, а нѣ друго́й д'ен' уш н'ѣ нѣ ч'ем* (потому что продал машину).
- (3) *И то́л'къ събрали́з' былъ ит'ѣт' — ты́ ид'еш.*
- (4) *Кѣк увѣшла́ — н'икѣ́о н'ѣт у хат'е, ѣа́ как был нѣзѣ́т* (но выйти уже было невозможно, так как появилась сторожевая собака).

2. Формы прош. времени (сов. и несов. вида) с вспомогательным глаголом *был* (*была́, бы́ли*) (5–7) или с частицей *было* (8), имеют значение действия или состояния, завершившегося в прошлом и неактуального для настоящего.

В примерах (5–6) это действия, относящиеся к давнему прошлому; в примере (7) речь о только что завершившейся части разговора. Возможно, в (7) и (8) выражено предшествование действия моменту речи; в примере (8) форма *был* *шла* может маркировать вставку в повествование.

- (5) *Снѣха́ н'ек'е́т, ѣа н'ѣт. П'екла́ ѣа, н'екла́ тады́ была́ и ус'ѣ д'ѣлѣ́л, хѣраи́ѣ д'ѣлѣ́л. Ну вѣт. А ш'иш'а́с т'ип'ер' уш ч'е́о, н'ѣт. Ш'иш'ас вѣт вы́ ду, пѣс'ижу́ во́ ид'е* (вот где) *дѣ у ха́ту. Д'ѣлѣ́т' ѣа н'и́ч'е́о н'а д'ѣлѣ́у.*
- (6) *Какъ зѣхад'ѣл'и <в колхоз> — был д'ѣт врод'ѣ бѣ́а́ч'ѣм ѣтл'и́ч'ѣлс'и, ба́т'ин ѣт'ѣц, вѣт пѣ́ѣтѣ́му нас и бѣ́рахл'ѣл'и.*
- (7) *Вѣт тѣб'е так'и́ѣ, м'и́л'ин'к'ѣѣ, д'ела́. Ну хтѣ́ зна́, ч'ѣ́ таб'е ии́иѣ рѣ́скѣ́зат'. Можѣ́ та́к нѣ́бубн'и́лѣ́ а́бы ѣѣ́ была́.*
- (8) *Пр'ишла́ ѣ́тѣ сас'ѣ́тѣ́, кѣ́ка́ѣ́ был суды́ шла́* (которая только что шла сюда и уже прошла мимо), *пр'ишла́ и ѣ́вар'ѣ́т': «А ѣа́ w т'и́б'е картѣ́х'и пѣ́ул'ажу́».*

Все формы со склоняемым вспомогательным глаголом не имеют антирезультативных значений (5–7); формы, образованные при помощи частицы

было (был), могут иметь антирезультативные значения или маркировать регресс в повествовании.

3. Вводные слова *бувало(че)*, *было(че)* употребляются с формами наст. / буд. и прош. времени, обозначая часто повторявшиеся, обычные действия в прошлом.

3.1. *бувало(че)* + форма буд. времени:

- (9) *Ч'и нарѡинъ стрѣишѡл'и, бѡпкъ бѡвѡла выѡд'а у дл'иннѡй рубѡх'и, халс'т'иннѡй, дл'иннѡй, в'иск'и (волосы) распѣс'т'а и стрѣишѡла вот ѡт'их мѡладыѡ х.*
- (10) *Бѡвѡлѡч'ѡ ѡх-ѡх, пѡдѡйде ѡтрѣ, ан'и у шкѡлу з'б'ирѡйѡцѣ, а ѡа бѡл ска-жѣ: рѡспѣд'и, рѡспѣд'и, дѡ н'и тѡ ш ѡа т'ип'ѣр' даждѣс', щѡп н'ихтѡ н'и хад'ил, у шкѡлу!*

- (11) *Вот бѡвѡлѣ пѡлѣжѡцѣ нѣ п'ач'и д'ѡт'и, и наинѡт', зѡдѡч'и там р'ешѡт', зѡдѡвѡйѡт'им, а ѡа хажѣ.*

3.2. *было(че)* + форма наст./буд. времени:

- (12) *Бѡлѣ пѡсажѣ — ч'ѣр'ѣз двѡ дн'а уш он пр'ин'ѡлс'и, ѡстѡпѡр'илс'и и стѡит'.*
- (13) *И вѡт мы ѡѣѡ тѡрх ѡтѡт, вѡт ѡтѡ пр'ѡйѡд'иш бѡлѡч'ѡ — нас сѡб'ирѡйѡт' ув артѣ.*
- (14) *И ѡа хѡт' ид'ѣ бѡл пѡйѡм.*

3.3. *бувало* + форма прош. времени несов. вида:

- (14) *Бувѡлѣ как тѡдѡ нѣ рабѡту хад'ил'и, дѡ ид'ѣ-тѣ хот' с'илѡм, а зѡсм'ѣй-ѣс'с'и.*
- (15) *Дѣ ѡнтѡ зѡлатѣха, зѡлатѣха зѡл'ипл'ѡла бувѡла ѡс'ѣ рѡлѣву!*
- (16) *А у м'ин'ѣ ѡѣпка д'в'ѣ пѡлѡтн'ишѣ, дѡ сѡмѣѣ пѡла, как ѡт'и бал'е-р'ѡны-т хад'ил'и бувѡла, ѡт вот у м'ин'ѣ м'итѡл'ѡч'иск'ѡй прѡвѣлѣк, а ѡѣпка ѡт ат м'ин'ѣ.*

3.4. *было* + форма прош. времени несов. вида:

- (17) *А ѡа бѡл ч'ѡстѣ с мужѣѡм с свѡйм бран'ѡлѣс'ѡ.*
- (18) *С кѡрѣвѡнѣм бѡлѣ з д'ѣвѣм'и, с р'ѣб'ѡтѣм'и хад'ил'и зѣ ѡѡѣдѣм'и.*
- (19) *Бѡлѣ, знѡиш, шѡ у стар'ѡнѣ, кѡк-тѣ ѡрам'ѡл'и вѡт бѡѣч'ѣй ѡт'их, скѡт'ѡнѣ вѡт ѡдѡбрѡл'и.*

4. Конструкции с частицей *было* и формами прош. времени совершенного вида 'имела место такая ситуация, что...; был случай, что...':

- (20) *Пѣхѡт', зѡпр'ѡл'ѡ бѡлѣ пѣхѡт' — он у нас ч'ѡтѣѣ р'ѣ ѡрѡдѣ прѣвалѡк, хтѡ знаѣ, ѡс'ѡ пѣѡспѣхѡл.*
- (21) *Бѡлѣ с'ѣл'ѡцѣѣй (глава сельской администрации) бѡл, м'ѡл'ѡцѣѡн'ѣры, ѡнашл'ѡ, пѣзѡбрѡл'и ѡтѡт (спирт).*

5. «Модальное» (условное) употребление вспомогательного глагола *было* 'было бы':

- (22) «Дв'енацѣтъ пѣлѣч'аиши (тысяч рублей), а скѣкъ ш таб'ѣ наѣдѣ?» — «О, дѣ, дѣ вот туды наѣдѣ, вон туды наѣдѣ, вѣ!» — «Ну дѣ ишишѣ таб'ѣ м'ешѣ к быль наѣдѣ таб'ѣ!»

6. В говоре Роговатки, севернорусских архангельских ([Пожарицкая 2015]; [Шевелёва 2007]) и среднерусских муромских [Тер-Аванесова 2013] говорах представлены совершенно идентичные классы форм, восходящих к плюсквамперфекту, а также конструкции с *бывало* / *бувало* и *было* (включая чрезвычайно редкие конструкции с модальным *было*). Эти формы выступают в одинаковых или сходных значениях и типах контекстов (с некоторыми оговорками для севернорусских говоров). Различия между говорами лежат в области частотности рассмотренных форм и конструкций, а не их устройства и набора их значений.

Литература

- Пожарицкая С. К. Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 373–403.
- Тер-Аванесова А. В. Производные формы отглагольной парадигмы и некоторые отглагольные частицы в одном среднерусском говоре // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 211–239.
- Шевелёва М. Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–352.

Этнокультурное сознание староверов Эстонии*

В. П. Щаднева

Тартуский университет (Эстония)

Этноконфессиональное сообщество, этнокультурное сознание, «свое» — «чужое», старообрядцы Эстонии.

Summary. This study is devoted to ethnocultural consciousness of the Old Believers of Estonia. The analysis covers material, which have been collected in different times, and takes into account the intersection of the concept of religion with other concepts that are important for Old Believers: work, home, family. The analysis suggests that the worldview of the Old Believers is conservative, because to this day the Old Believers seek to preserve the traditions of their ethnoreligious community.

1. Характеристика исследования

Цель данного исследования — обозначить основные особенности этнокультурного сознания староверов западного Причудья и примыкающего к нему о. Пийриссаар. Эмпирическим материалом послужили сделанные в разное время диалектные записи, выполненные преподавателями и студентами отделения славистики Тартуского университета за нескольких десятилетий. В ходе анализа бумажных (тетрадных) и электронных записей учитывались содержание рассказов и языковые факты, представленные и в уже изданных ([Очерки I

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта № 09102 «Староверы как носители культурной памяти» государственной программы Эстонии.

2004; Очерки II 2007; Очерки III 2012]), и в еще неопубликованных диалектных материалах.

2. Основы этнокультурного сознания староверов

Для этноконфессиональной концепции старообрядцев значимо пересечение концептов «религия», «труд» (см. подробнее: [Щаднева, Паликова 2011]), «дом», «семья». Во взаимосвязи этих концептов, отраженных в рассказах старообрядцев о прошлом и настоящем, воплощается этнокультурное сознание староверов. Их духовная и материальная жизнь изначально опирается на идею времени, что отражено уже в названии этноконфессионального сообщества, а уклад жизни, нормы поведения определяются древними консервативными канонами, которые сформировали старообрядчество как обособленное этнорелигиозное объединение и обуславливают этнокультурное сознание староверов. Однако преданность старой вере у старообрядцев изначально сочеталась с необходимостью приспосабливаться к новым условиям существования и с потребностью создавать новое «старое» учение — без церковной иерархии, полноты таинств и др. [Зеньковский 1995: 341]. Это означает органичное сочетание традиций и новаций, ибо условия постоянно изменяющегося окружающего мира приводят к неизбежности адаптации к новому и порождают удивительную мобильность (в широком смысле слова) во всем — ради сохранения чистоты веры предков. Взаимосвязь традиций и нововведений и сейчас наблюдается в разных сферах жизни староверов и отражается в языке.

3. «Свое» и «чужое» в этнокультурном сознании староверов

Для этнокультурного сознания старообрядцев значимо противопоставление «своего» и «чужого». Во-первых, жизнь в инонациональном окружении требует адаптации к среде проживания, поэтому в рассказах староверов упоминается общение с эстонцами. Стремясь жить по-своему, староверы обладают истинной толерантностью, позволяющей им иметь добрососедские деловые отношения в любой инонациональной среде: *Тут ещё одна эстоночка — яна□ таперь умерши — ещё ро□стила цигорий <цикорий>, так у меня ещё было от ей взято сямьн* (Варнья, 2003). Жизнь в инонациональном социуме порождает материальные и языковые заимствования. При этом староверы активно используют исконные русские топонимы параллельно с эстонскими: *Воронья (Varnja), Тухотка (Tiheda)* и др. Во-вторых, для старообрядцев типично противопоставление себя «православным христианам» (так причудские староверы называют приверженцев официальной Русской православной церкви), ибо в картине мира староверов закрепилось почитание своей ветви православия как более правильной. В-третьих, староверы порой называют живущих на восточном берегу *русманами* (даже в случае дружеских отношений), по-видимому, не в полной мере осознавая себя русскими, что объясняется и конфессиональ-

ми, и геополитическими причинами: *Русма́ны — с России, аль российские, аль как? Как называть? Русма́ны, аль русские, аль... Я эти за оскорбление не считала сама* (Желачек, 2009). В-четвертых, старообрядческое мировоззрение проявляется в гендерном вопросе: сохраняется и обычай надевать при крещении на мальчиков и девочек кресты разной формы, и обычай шить скромные мужские и нарядные женские *ле́стовки* — матерчатые или кожаные чётки староверов. В то же время статус женщины-староверки по демографическим причинам претерпел изменения: теперь после ухода из жизни книжников-мужчин наставниками могут становиться и женщины. Такой социальный сдвиг отражается даже в смысловом согласовании по категории рода: *И у нашей ба́бтjушки такой голос яркий, хороший* (Кольки, 2005).

4. Выводы

Направленность в прошлое является важной чертой мировоззрения носителей традиционной этноконфессиональной культуры. Традиции сохраняются не только в религиозных ритуалах и богатом пласте религиозной лексики, но и определяют быт. При этом в этнокультурное сознание староверов органично входит многоплановое разграничение «своего» и «чужого».

Литература

- Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. [Репр. изд.; München: Fink, 1970]. Москва: Церковь. 1995.
- Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004 (Очерки I).
- Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007 (Очерки II).
- Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Acta Slavica Estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012 (Очерки III).
- Щаднева В. П., Паликова О. Н. Труд в системе социально-религиозных представлений староверов западного Причудья (на материале говора). Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. Humaniora: Slavica Tartuensia IX / Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. 2011. С. 376–389.

История и предыстория славянских языков

Морфология глагола в идиолекте Григория Цамблака как отражение ретроспективной нормы и живых особенностей болгарского языка XIV–XV вв.

М. Н. Белова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

*Болгарский язык, Тырновская книжно-литературная школа, глагольное словоизменение,
историческая грамматика.*

Summary. In the present paper the verbal morphology of Tsamblak's idiolect is discussed and summarized with special attention to some of his unedited or poor studied homilies and other works.

Сведения о морфологических особенностях глагольной системы в идиолекте Григория Цамблака (ГрЦ) — одного из основных представителей Тырновской книжно-литературной школы — можно обнаружить в частных исследованиях языка автора, однако все они построены на материале некоторых или единичных сочинений писателя. В настоящем докладе обобщаются и значительно дополняются результаты имеющихся исследований с привлечением материала неизданных проповедей ГрЦ и некоторых других, не привлекаемых ранее к подобному анализу произведений ГрЦ.

В целом система глагольных форм в языке Цамблака отражает основные тенденции, выявляемые и в других среднеболгарских памятниках. В языке Цамблака полностью отсутствует супин, что характерно для всех письменных памятников того периода в связи с его полной утратой в живой речи. Инфинитив на *-ти* последовательно сохраняется. В этом отношении тырновские писатели строго следуют кирилло-мефодиевской традиции.

В настоящем времени сохраняется пять глагольных классов без признаков перегруппировки. Группа глаголов третьего класса на *-аЕ*, *-аЕ*, *-иЕ* с ударением на слог, предшествующий суффиксальному *-а-*, в результате выпадения *-j-*, ассимиляции и дальнейшего стяжения гласных образовавшая в болгарском языке III «новоболгарское» *а*-спряжение, по нашим наблюдениям, сохраняет старые формы настоящего времени, хотя известно, что описанные процессы в подобных глаголах начались еще в старославянский период (ср. примеры из Сав., Зогра. и особенно Супр.) [Харалампиев 1983: 30–31]. В памятниках нетырновского круга того периода есть несомненные свидетельства существования нового типа спряжения в болгарском языке, однако Цамблак, как и другие тырновские авторы, старательно избегает данного живого языкового явления. В числе особенностей образования форм настоящего времени

следует также отметить: последовательное сохранение /-эпентетикум при спряжении глаголов с основой на губную, регулярное окончание -ши во 2 л. ед. ч. без сокращения, использование в форме 1 л. мн. числа у атематических глаголов вместо старого окончания -мь окончания -мы для разграничения форм ед. и мн. числа после падения редуцированных. Переноса этого окончания на тематические глаголы, наблюдаемого в среднеболгарских памятниках, в языке ГрЦ не происходит.

В языке ГрЦ сохраняются две аористные формы: старый сигматический (на -х-) для глаголов с инфинитивной основой на гласный и новый сигматический аорист (на -ох-) для глаголов с основой на согласный (флексии остаются неизменными, в том числе -сте во 2 л. мн. ч., -шия в 3 лице мн. ч.). Датский исследователь Г. Сване отмечает стремление Цамблака к архаизации при употреблении аористных форм: 1. Глаголы второго класса (с суффиксом -нU-), имевшие в старославянском языке регулярные формы аориста с усеченной основой (без суффикса), уже в древнеболгарскую эпоху начинали образовывать аорист с сохранением суффикса; в среднеболгарский же период эти формы получают широкое распространение. Цамблак использует архаичные формы (этот тезис подтверждают и данные [ПЕ] и проповедей); 2. Используется аорист на -тъ, который утрачивался еще в XI в. (ср. его сокращение в Супр. рук.) [Сване 1981: 103].

Остаются вопросы, связанные с использованием форм имперфекта в идиоме ГрЦ. Формы с контракцией встречаются в древнейших памятниках XI в., в болгарской Манассиевой хронике, а особенно в Троянской притче (XIV в.) они преобладают. В произведениях же тырновских авторов нестяженные формы весьма частотны. Исследователи предпринимали попытки выявления закономерностей употребления одних и других, например, использование лишь стяженного имперфекта от конкретных глаголов: быти, мьнѣти, тешти, зьрѣти, веселити ся, жити, грядти, молити ся, Тти и производных от них, а также стоати, въпити, имѣти [Харалампиев 1984: 231]; анализ форм в [ПЕ] позволяет добавить в этот список глаголы носити, грядти. Другая особенность развития имперфекта в истории болгарского языка — закрепление основы настоящего времени в формах имперфекта, что вызвано совпадением окончаний аориста и имперфекта и стремлением к их разграничению. Начало процесса относится еще к древнеболгарскому периоду, однако среднеболгарские памятники все еще слабо отражают эти явления. У ГрЦ немало примеров имперфекта с замещенными основами (чаще у гл. с чередованием -ov- / -uj- в инфинитиве / наст. времени), указывающих на живые процессы в болгарском языке того периода, ср. ношаше (в проп. л. 11а), объемлаше (ЖСД 62.11) и объемахи се (ЖСД 89.17); бесѣдуаше (ЖСД 48.22), любомУдрьствуаше (ПЕ 11.3), милуаше (ПЕ 23.4).

С тенденцией строгого сохранения тырновскими писателями языкового синтетизма связано сохранение и активнейшее использование в произведениях

Цамблака всех пяти причастий. В живом болгарском языке под действием аналитических тенденций причастия (кроме *л*-причастия) начинают довольно рано исчезать и к XIV в. уже не являются категорией разговорного языка.

В употреблении форм будущего времени ГрЦ также следует традиции, используя простое будущее время. Конструкции с глаголами (*въ-*, *на-*, *за-*)чяти, имѣти, хотѣти сохраняют модальное значение, однако в произведениях писателя можно обнаружить примеры явной грамматикализации конструкции *хотѣахъ* + инфинитив, из которой в дальнейшем развивается болгарское *будущее в прошедшем*.

Литература

- Давидов А., Данчев Г., Дончева-Панайотова Н., Ковачева П., Генчева Т. Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София, 1983 (ЖСД).
 Русев П., Гълъбов И., Давидов А., Данчев Г. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971 (ПЕ).
 Сване Г. Новосъздаденото и унаследеното в езика на Григорий Цамблак // Български език. 1981. 2.
 Харалампиев И. По история на българския глагол (възникване на а-спрежение) // Български език. 1983. 1.

Судьба праславянского слова в свете новых данных Общеславянского лингвистического атласа

Т. И. Вендина

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Праславянский язык, славянские диалекты.

Summary. The report is devoted to the history of the Proto-Slavic word, presented on maps common Slavic Linguistic Atlas.

Изучение словарного состава праславянского языка долгое время было сопряжено с такой объективной трудностью, как отсутствие надежной фактографической базы. Известно, что праславянская «словарная коллекция» создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции. «Достаточно было фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду» [Толстой 1997: 111]. Между тем «науку двигают вперед... не общие теории, а факты, накопление фактов. Мы стремимся сосредоточиться на изучении последних, не оставляя, впрочем, надежды, что совокупное или достаточно однозначное свидетельство фактов найдет отражение и в формулировке общих идей и теорий, без которых также невозможен научный прогресс» [Трубачев 2003: 453]. И таким бесценным источником новых фактов и новых возможностей стал Общеславянский лингвистический атлас. Благодаря Атласу мы имеем возможность прикоснуться к «живому» праславянскому сло-

ву и в необозримой реализации его словообразовательных моделей почувствовать «дыхание времени».

О чем же говорят карты Общеславянского лингвистического атласа?

Прежде всего, они говорят о жизни праславянского слова в современных славянских диалектах. Судьба его оказалась разной. Одни слова, обладая огромной жизненной силой, сумели противостоять времени, которое оказалось над ними не властно. Плотнo покрывая всю территорию Славии, они образуют т. н. системные ареалы (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как **vod-a*, **kon-j-ъ*, **pol-j-e*, **mor-j-e*, **zem-j-a*, **med-ъ* и др. Другие оказались подвержены влиянию времени, ибо их ареалы стали разрушаться (ср., например, ареалы лексем **ot-ъc-ъ*, **ov-ъc-a*, **ovъs-ъ*, **gost-ъ*, **krъt-ъ*, *měk-a*, *sq-sěd-ъ*, *pros-i-tъ* и др.). Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление, тогда как второй — широко распространенное. Разрушение ареалов праславянских лексем прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии. Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше праславянских лексем, способных ее «освоить» (или «удержать») полностью.

О разрушительных процессах, протекающих в этих ареалах, свидетельствует факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареал лексемы **dъb-ъ*, которая широко распространена в северной Славии, но имеет ограниченные ареалы — в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ней конкурируют лексемы *xv□st-ъ*, *gor-un-ъ*, *cer-ъ*).

Вместе с тем и одни, и другие слова говорят о реальном существовании праславянского языка, причем не просто как о некоей абстрактной модели, а как о живом языке, во всем его диалектном многообразии. Об этом свидетельствуют ареалы лексем, имеющих индоевропейское происхождение, но не имеющих статус общеславянских, ср., например, распространение лексем **v□s-y*, **brъv-i*, **žel-qd-ъk-ъ*, **lyž-ъk-a*, которые отсутствуют в южнославянских языках.

На картах Атласа отчетливо видно, что разрушение ареала лексем, имеющих праславянское происхождение, может происходить как в центре современной Славии, (см. например, разрушенные ареалы лексем **ov-ъc-a* или **žen-a* в украинских и белорусских диалектах) так и на периферии, причем такой периферией чаще всего является юго-восток южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение

лексемы **ob-ěd-ъ*, которую в южнославянских диалектах вытесняют лексемы *už-in-a*, *rqč-ъk-ъ*, *pol-u-dъn-e*).

Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов, в соответствии с которой архаизмы лучше сохраняются на периферии, нежели в центре.

Карты Атласа говорят о том, что ареалы архаизмов часто локализуются не на периферии, а в центре. Кроме того, они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления.

Карты Атласа позволяют проследить, как происходит разрушение ареала праславянских лексем, имевших ранее общеславянское распространение. Показательна типология этого процесса, ибо он связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой. Обладая огромной жизненной силой, слова праславянского происхождения способны к порождению производных. И в этих новых лексемах продолжается жизнь праславянского слова (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *ov-ъč-ъk-a*, *žen-ъk-a*, // *ež-ъk-ъ*, // *ež-ak-ъ*, // *ež-ik-ъ*, *měst-ъc-e*, *myš-ъk-a*).

Нередко в процессе языковой эволюции на основе базовых значений праславянских слов возникают переносные, о чем свидетельствует метафорический характер значения некоторых лексем (ср. ареалы лексем *gor-a* в значении 'лес', *konj-ъk-ъ* в значении 'кузнечик' или *do-by-t-ъk-ъ* 'общее название скота', характерных для южно- и восточнославянских диалектов).

Таким образом, мы видим, что материя не исчезает бесследно, на месте уходящих праславянских слов появляются новые, в которых сохраняется как бы «мерцающий свет» старых. Несомненно, что лингвистическая карта несет в себе уникальную информацию, которая еще только начинает изучаться. В этом отношении «Общеславянский лингвистический атлас» является бесценным источником для изучения истории праславянского слова. Используя метафору польского ученого В. Дорошевского можно сказать, что «слова в нем — это мосты, переброшенные над веками».

Литература

- Толстой Н. И. Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. Т. 1., М., 1997.
Трубачев О. Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // XIII Международный съезд славистов в Любляне. Доклад пленарного заседания. М., 2003.

Возвратные причастия на -сь в истории русского языка**Е. А. Галинская**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

А. Ч. Пиперски

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва, Россия) /

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

*Причастия, отпадение конечных гласных, возвратный постфикс, язык поэзии,**Николай Гнедич.*

Summary. The paper discusses the form of the reflexive postfix in Russian participles. Since Russian participles were borrowed from Church Slavonic, they uniformly employ *-sja* as a reflexive postfix, whereas other verbal forms have *-sja* after consonants and *-s'* after vowels. Participles ending in *-s'* are almost unattested in prose, but they occurred in Russian poetry up to the beginning of the 19th century. They are used to achieve metrical well-formedness or serve a stylistic purpose, since they sound (pseudo-)archaic, which can be best observed in the translation of the *Iliad* by Nikolay Gnedich.

Возвратный постфикс в русском языке имеет два варианта: *-ся* и *-сь*. Вариант *-ся* используется после согласных (напр., *испугался, раздаётся*), а вариант *-сь* — после гласных (напр., *испугаетесь, раздались*). Этому правилу подчиняются все глагольные формы за исключением причастий, которые всегда употребляются с постфиксом *-ся* (*испугавшийся, раздающиеся*).

Такое не вполне тривиальное с синхронной точки зрения распределение легко объяснимо исторически. В русском языке отпадали те конечные безударные гласные фонетического слова, которым предшествовал одиночный согласный или группа [ст], при условии, что такие гласные не составляли отдельного морфа [Зализняк 2002: 552]. Однако причастия не являются исконно русскими формами: древнерусские причастия были утрачены или лексикализованы (ср. *горячий, кипучий*), а современные русские причастия были заимствованы из церковнославянского языка. Церковнославянское происхождение причастий проявляется в огласовке показателя действительных причастий настоящего времени, которые имеют суффиксы *-ущ-*, *-ащ-*, где согласный опосредованно восходит к одному из южнославянских вариантов реализации праславянского сочетания **tj*. Таким образом, будучи церковнославянизмами, полные действительные причастия с возвратным постфиксом не подчиняются закону отпадения конечных гласных и сохраняют конечный безударный гласный, хотя он и не защищен группой согласных.

Тем не менее, причастия на *-сь* после окончаний на гласный ограниченно встречаются в русском языке. В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) встречаются два примера таких форм, причем оба они относятся к XVIII веку (запросы вида «**ицаясь*», «**ишаясь*», «**ищесь*», «**ищесь*» и т. д. в поиске точных форм с последующей ручной фильтрацией результатов):

Кто выколет вранови око, вперившеесь в ночь? [Григорий Сковорода. Наркисс (1760–1769)]

а больше того о сем никому не приглашал и не пригласил, между тем, собравшимись в устье р. Дуная казаками слышал он, что... [Материалы Азовской губернской канцелярии по делу Якова Черногора (1777)]

Впрочем, такое количество причастий на *-сь* пренебрежимо мало на фоне общего количества причастий от возвратных глаголов (427 659 вхождений по запросу «*ся, partcp» в лексико-грамматическом поиске). Однако есть тип текстов, в котором причастия на *-сь* представлены гораздо лучше, — это силлаботоническая поэзия. Такие формы встречаются в XVIII веке и вплоть до 20-х годов XIX века:

*Там **зыблющаясь** тень и падающи воды
Прохладу мне дарят...*

(Михаил Муравьев, «Ода шестая», 1776)

*У нас в земле найдут могилу
Враги, **гордившиесь** над ней*

(Павел Катенин, «Мстислав Мстиславович», 1819)

*Но можно ли исчислить бедства,
На сей **низвергшиесь** предел...*

(Василий Капнист, «Убивство», 1822)

По всей вероятности, эти формы служат в первую очередь средством соблюдения размера. Так, у Катенина можно встретить и причастие на *-ся* после гласного:

*Не — **сорвавшаяся** с плена
Львица, гладная людьми...*

(Павел Катенин, «Гений и Поэт», 1830)

Однако есть один автор, который явно осознанно использовал причастия на *-сь* как стилистический прием. Речь идет о Николае Гнедиче (1784–1833), известном в первую очередь благодаря переводу «Илиады» Гомера на русский язык. Его перевод характеризуется многочисленными лексическими и грамматическими средствами архаизации, в число которых встраивается последовательное употребление причастий с *-сь* после окончаний на гласный:

*Он ожидал Ахиллеса великого, **несшегось** прямо* (22: 92)

*Быстро Атрид возгласил к **находившемусь** близко Аяксу* (11: 464)

*Крепкое вынести копье, у него **сохранявшеесь** в куще* (13: 168)

*В прах голова, перед Гектора ноги, **крутящаясь** пала* (13: 205)

*Брата увидевши кровь, **изливавшуюсь** током из язвы* (4: 149)

*Оба они пред высоко **вздымавшеюсь** башней стояли* (12: 131)

*Вспять покатились к потоку прекрасно **струящиеся** воды* (21: 382)

*Их защитила своими **катящимись** пышно водами* (21: 239)

Во всем тексте «Илиады» нет ни одной причастной формы, которая оканчивалась бы на *-ся* после гласного, и, разумеется, ни одной причастной формы, которая оканчивалась бы на *-сь* после согласного.

Однако, по всей видимости, этот прием показался современникам слишком необычным, так что он не прижился как стилистическое средство, в отличие от многих других стилистических находок Гнедича: например, сложных слов, имитирующих гомеровское словообразование. Это можно доказать, рассмотрев употребление возвратных причастий в переводе «Одиссеи», сделанном Василием Жуковским и опубликованном в 1949 году — спустя 20 лет после перевода Гнедича:

	муж.	ср.	жен.	мн.
И.	17	0	0	0
Р.	0	0	3	7
Д.	0	0	0	2
В. = И.	4	0	—	0
В. = Р.	0	0	—	9
В.	—	—	0	—
Т.	3	0	2	0
П.	2	3	0	2

Табл. 1. Распределение форм возвратных причастий по падежам, родам и числам в переводе «Илиады» В. Жуковского

Из табл. 1 следует, что Жуковский никогда не употребляет возвратные причастия в тех формах, которые оканчиваются на гласный (соответствующие ячейки выделены в таблице серым). Очевидно, что Жуковский не мог использовать в этих формах причастия на *-ся*: это привело бы к появлению безударных слогов на метрически сильных местах строки, поскольку в причастиях типа *раздающиеся* ударение падает не правее 4-го слога от конца, а значит, следующее после этого ударения сильное место дактилического гекзаметра будет приходиться на безударный слог в пределах того же слова (*раздаю[́]щие^я*). Однако пропуски схемного ударения в трехсложных размерах стали допускаться в русской поэзии лишь в Серебряном веке [Гаспаров 2000: 242]:

И невы[́] полоты[́] е заносы
На оконный ползут парапет.
За стака[́]нчиками[́] купороса
Ничего не бывало и нет.

(Борис Пастернак, «Зима», 1913)

Показательно, что Жуковский не использовал прием Гнедича и не ввел в свой перевод ни одного причастия на *-сь*. Таким образом, последовательное употребление таких причастий так и осталось единичным экспериментом Гнедича.

Использование причастий на *-сь* в качестве стилистического приема примечательно тем, что оно противоречит общей тенденции использовать для архаизации церковнославянские языковые черты. Напротив, здесь мы видим употребление исконно русского правила для создания архаического эффекта (другими примерами архаизмов такого рода служат слова с полногласием типа *полон*, *ворог* и слова с закономерным падением редуцированных типа *сбирать* vs. *собирать*).

Таким образом, причастия на *-сь*, соответствующие общему правилу распределения возвратных показателей, используются для достижения метрических и стилистических целей в русской поэзии XVIII — начала XIX века, а единственным автором, употребляющим их последовательно, является Николай Гнедич.

Литература

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 2000.

Зализняк А. А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550–558.

О неким моделима глаголских допуна у српском језику (на примерима из XVI и XVII века)

М. Гочанин

Институт сербского языка Сербской Академии наук и искусств (Белград, Сербия)

Глагол, глаголска допуна, модел глаголске допуне, историјска синтакса.

Анотација. В статье анализируются некоторые модели глагольного управления на основании материала риторического и поэтического дискурсов в сербском языке XVI и XVII веков.

Овим радом актуализују се питања са којима се сусреће истраживач синтаксички проучавајући глаголе и њихове допуне у српском језику на примерима из XVI и XVII века почевши од формалних — која се могу односити на осмишљавање формула којима се представљају модели глаголских допуна па до суштинских — која се тичу сагледавања рекцијског потенцијала појединачних глагола, те међусобног односа рекције одређеног глагола и његове семантичке реализације.

Узевши у обзир морфосинтаксичку и лексичку сложеност овог феномена, ексцерпирани истраживачки материјал обухвата, с једне стране, реторички дискурс (односно пословноправну писменост), а са друге стране, поетски дискурс — који укључује изворе из сфере религиозности и белетристике.

Под глаголском допуном подразумевамо употребу:

- (1) именске фразе (или израза) у одговарајућој падежној форми (нпр. глагол **завити**):

свето тијело [...] завише у платно [Змајевић 1996, 1: 193];

- (2) инфинитива (нпр. глагол **желети**):

1elie[e vidieti ga (Дубровачки зборник, 141), ви [...] *желите видјет* кугоди изврсну ствар [Držić 1987: 307], душа наша *жели састати се* з Богом и у Богу *починути* [Divković 2013: 218];

- (3) комплементне клаузе (нпр. глаголи **забрањивати, запов(и)едати**):

Црква *забрањује да се у н'јека времена ни жени ни удаје* [Divković 2013: 407], *заповиједаше да се све главе цркве свете пофиту и одведу у Рим везане* [Змајевић 1996, 1: 201];

које бивају дефинисане инхерентном лексичком семантиком глагола у функцији управног реченичног члана. Глаголском допуном се заправо садржински конкретизује глаголска лексема која са њом успоставља рекцијску релацију. У зависности од семантике свог лексичког представника и инхерентне лексичке семантике управног глаголског члана, глаголска допуна може се појављивати у различитим синтаксичко-семантичким реализацијама:

- (1) као објекатска допуна (нпр. глагол **благовати**):

kruh5 carn5 blaguie[5 (Дубровачки зборник, 178), *blagovas5te hleb5 bol|15nivi* (Дубровачки молитвеник, 43), лав *имаше* у јаслицах *благовати сламу* [Змајевић 1996, 1: 77], И тко би *благовао* у коризму *месо* алити *који бијели смок*, будући моћан, смртно сагрјешује [Divković 2013: 261]. фиг. када се причешћујемо тијелом Исусовијем [...] *благујемо тијело и крв Исусову* [Divković 2013: 285];

- (2) као адвербијална допуна:

- (а) спацијални комплемент (нпр. глагол **живети**):

1ivi u tomui liepomu miestu (Дубровачки зборник, 86);

- (б) каузални комплемент (нпр. глагол **постидети се**):

баре[м] *се постиди обичаја људскога* [Divković 2013: 127]; и др.

Рекцијски потенцијал глагола као управног члана рекцијске везе показује се на основу његове валентности. Она намеће како ће бити уређена одређена реченична структура, колики ће бити број реченичних аргумената и какви ће бити односи међу њима. Гледано на то колики број рекцијских конституената учествује у релацији, рекцију одређујемо као:

- (1) просту (уколико садржи регенс и ректум; нпр. глаголи: **абандонати, благословити**):

немо'мо га абандонат [Držić 1987: 332], да га *blagoslovi svetitel*⁵

(Душанов законик чл. 45, 51);

- (2) сложену, комплексну (ако има регенс и два или више ректума; нпр. глагол: **даровати**):

*hoxu mu j darovati ovi bogati dar*⁵ (Дубровачки зборник, 114), *daroval | nam*⁵ *sv0ie bo1as5tvo* (Дубровачки молитвеник, 59), да сињори ја реало рубин и дијамант [...] *дарујем* [Držić 1987: 346], *дарова му веригу златну* [Змајевић 1996, 1: 196].

У зависности од тога да ли се глагол удружује са једном рекцијском допуном или са више њих, говори се о глаголима просте или комплексне (сложене) рекције. И у једном, и у другом случају могу се јавити беспредлошке и(ли) предлошке конструкције.

Литература

- Divković Matija*. Nauk krstjanski za narod slovinski. Sto čudesa aliti zlamen'ja Blažene i slavne Bogorodice, Dvice Marije. Sarajevo: Kulturno-povijesni institut Bosne Srebrene, 2013.
Držić Marin. Djela. Zagreb: Cekade, 1987.
Змајевић Андрија. Летопис црковни. Т. I и II. Цетиње: Обод, 1996.
Радојчић Никола. Законик цара Душана. Београд: Научно дело, 1960.
Решетар Милан. Либро од мнозијех разлога. Дубровачки ћирилски зборник од г. 1520. Сремски Карловци: Српска краљевска академија, 1926.
Решетар Милан; Банели Тиро (приређивачи). Два дубровачка језична споменика из XVI вијека. Београд: Задужбина Милана Кујунџића, 1938.

Андрей Курбский как переводчик

Т. А. Жангобекова

Львовская средняя школа № 51 (Украина)

Л. М. Устюгова

Ужгородский национальный университет (Украина)

Юго-Западная Русь, церковнославянский язык, прошедшие времена глагола, действительные причастия.

Summary. The authors in the report described some language features of translations by Andrei Kurbsky "Lives of the Blissful St. John Chrysostom". These features are described for example of the past tense verbs and the actual participles.

Андрей Курбский, представитель древнего рода ярославских князей, военачальник, государственный и общественный деятель, высокообразованный писатель-публицист, находясь в эмиграции, ревностно боролся против распространения католицизма на православных землях. В его имении Миляновичи под Ковелем сформировался настоящий книжный центр, где создавались, переводились и переписывались различные сочинения, но в первую очередь — классика православной литературы. Им составлены книги «Новый Маргарит»,

«Иоанн Дамаскин», «Симеон Метафраст». При участии князя Андрея в Остроге в 1581 г. печаталась полная русская Библия (Острожская Библия) на церковнославянском языке. Однако некоторые исследователи (Э. Кинан, П. Кральнок) культурно-просветительскую деятельность А. Курбского на Волыни рассматривают как миф, созданный, по мнению П. Кральнока, украинскими эмигрантами, которым «належить і апокрифічне листування князя А. Курбського та царя Івана Грозного, а також “Історія про великого князя Московського”». У кінці XVII ст. миф про культурно-просвітницьку діяльність А. Курбського допомагав українським емігрантам ввійти в московське середовище».

В докладе на примере форм прошедших времен глагола и действительных причастий, зафиксированных в переводе «Жития блаженного Иоанна Златоуста», показаны некоторые особенности переводческой техники Андрея Курбского. В своем исследовании мы исходили из положения о том, что в XVI в. в Юго-Западной Руси функционировало как минимум две разновидности языка памятников конфессионального содержания: традиционная, тяготеющая к соблюдению норм церковнославянского языка древнерусской редакции (язык Острожской Библии [ОБ]), и та разновидность, нормы которой складывалась не без воздействия «простой мовы» (язык Пересопницкого Евангелия [ПЕ]). Для целей нашего исследования особый интерес представляет язык памятников типа Пересопницкого Евангелия.

В Пересопницком Евангелии в соответствии с тремя прошедшими временами, представленными в Острожской Библии (аорист, имперфект, перфект), употребляются преимущественно формы нового перфекта, так называемые л-формы. Ср.: и *рече* юнѣишій єю отцу [ОБ] — и *рекль* моло(д)шій сѣнь [ПЕ]; "же *д#ху* свини~~и~~ [ОБ] — *которми едали* свинѣ [ПЕ]¹.

В переводе анализируемого Жития тоже наблюдается экспансия л-формы (167 словоупотреблений) при 9 (5%) примерах книжных форм: И "кою бодро(сти)ю *науца*(л), и "ковы(м) *тщание*(м) *бра*(л)ся сопропи(в) еретики(в)... [45]; Но от высокие горы *гро*(м) *приде* [46]; ... которые *жити*" их *нехот#ше* наслѣдова(ти) [45].

Однако по особенностям употребления действительных причастий перевод Жития принципиально отличается и от Острожской Библии, и от Пересопницкого Евангелия. В ПЕ причастия представлены довольно широко, однако в формах, которые по суффиксу и / или по окончанию можно квалифицировать как разговорные: *слоуту*. и *спыталь* его *рекоучи**, *оуслышавши* то, и *розгн#валс#*. Тогда *о#цѣ* его *вышодши* *почаль* и его *просити*. *Меншїи* сѣнь все *забравши* и пошоль в сторону далекую.

¹ В связи с заданным объемом тезисов паспортизацию примеров из Острожской Библии и Пересопницкого Евангелия см. в статье Т. А. Джангобековой [Джангобекова 2006].

В переводе Жития нет словоформ с разговорным суффиксом *-уч-* / *-ач-*, но при этом зафиксирован только один пример причастия с нейтральным суффиксом *-а-*: не хот#. В указанном тексте в форме мужского рода ед. числа последовательно употребляются причастия настоящего времени с книжным суффиксом *-ущ-* / *-ащ-*: И пребы^А оу него лѣ^тп чепыре, бѣ^жестве^н писании <...> оукротеваю^ще и возст^а зую^ще... [43]. Характерно, что флексии *-е* / *-и* здесь находятся в отношениях дополнительного распределения: окончание *-е* связано с книжным суффиксом *-ущ-* / *-ащ-* (маю^ще, размышл^аю^ще), а разговорная флексия *-и* — с нейтральным суффиксом *-ви-* / *-и-* (прилоучивши, смовѣ^ивши). Отступления от этой закономерности ограничиваются 8 примерами (преставая^ющи, возложи^{вше}) при 111-ти примерах причастий на *-уще* / *-аще* и 33-х — на *-виши* / *-иши*.

Словоформы на *-уще* / *-аще* и *-виши* / *-иши* чаще соотносятся с грамматической основой в ед. числе, хотя встречаются примеры и с грамматической основой во мн. числе: Оу^ж ѡ^смьнаде^ст^и лѣ^тп маю^ще, и ины^м свобо^аны^м наоукамъ приле^жны^е труды приложи^а (ед. число), юно^{ст}и^и быспропу труды безпрестанными оусмир^аю^ще <...> оуже египеские бѣ^жества к со^вружению храма г^рн^а оутовл^аю^ще [43]; ...ходили (мн. число) всю но^щь по гра^ду. Воспеваю^ще свое ереси пѣ^нни^и, "кобы исповѣ^даю^ще вселенское заблужение... [47]. Это указывает на то, что представленные в переводе Жития причастия уже обладают морфологическим признаком неизменяемости, однако квалифицировать их как деепричастия считаем нецелесообразным, поскольку для них характерна разная степень нейтрализации предикативного значения. Ср.: Елифани^и своею простоптою не рассмотр^аю^ще ѡ^сѡ^фила лоукавства [51] (самостоятельное сказуемое); слоучило^с и^ж самъ прогнѣ^вавши^и цесар^я до цр^кви оутек [46] (обстоятельство причины).

Таким образом, в переводе «Жития блаженного Иоанна Златоуста» отчетливо проявляется тенденция к выработке определенной стилистической системы, базирующейся на совмещении элементов церковнославянской книжности и живой разговорной речи. Такое совмещение было исконной особенностью древнерусского литературного языка.

Литература

- Джангобекова Т. А. Текст как объект истории литературного языка // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Випуск 14. Ужгород, 2006. С. 114–120.
- Ерусалимский К. Ю. Назначение «Истории» // Курбский Андрей. История о делах великого князя Московского / Подг. К. Ю. Ерусалимский; Перевод А. А. Алексеев. М.: Наука, 2015. С. 222–287.
- Кралюк П. Культурно-просвітницька діяльність князя Андрія Курбського на Ковельщині: міф чи реальність? // Минуле і сучасне Волині та Полісся: Ковель і Ковельщина в історії України та Волині. Луцьк, 2003. Ч. 1. С. 78–81.
- Курбский А. М. Житие блжен^аго Иоанна Златоуста // Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI–XVII вв. Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI — перв. пол. XVII в. Приложение. М., 1888. С. 43–59.
- Острозька Біблія. Львів, 2005.

Пересопницьке Євангеліє 1556–1561. Дослідження. Транслітерованій текст. Словопоказчик / Видан. підгот. І. П. Чепіга за участ. Л. А. Гнатенко; Наук. ред. В. В. Німчук. К., 2001.

Функционально-семантические особенности адъективов с суффиксом *-ьск-* в языке летописных сводов

И. В. Ерофеева

Казанский федеральный университет (Россия)

Адъективное словообразование, суффикс, грамматическая семантика, летописный текст.

Summary. The report examines the derivational and functional features of derivative adjectives with the suffix *-ьsk-* in the language of the chronicles. It determines the specificity of their lexical and grammatical semantics, established their manufacturing bases.

Особое место среди производных прилагательных в древнерусском языке занимали адъективы с суффиксом *-ьск-*. Индоевропейское происхождение суффикса *-ьск-* определяло широкое распространение производных образований с ним в первых письменных произведениях, в том числе летописных сводах. В системе адъективного словообразования данный суффикс занимал особое место, соединялся с определенным кругом производящих основ, прежде всего с основами личных имен существительных. Данное обстоятельство определяло способность имен на *-ьск-* выражать значение принадлежности, что приближало их по грамматическому значению к притяжательным прилагательным.

Для летописного повествования, отразившего исторические процессы в их темпоральной и локальной прикреплённости, наиболее характерны производные адъективы на *-ьск-*, образованные от топонимических и этнонимических наименований (от названий народов, стран, городов, волостей и под.). Подобные прилагательные выражают не индивидуальное, а родовое отношение, что связано со спецификой семантики производящего имени, которое обозначает не конкретное, единичное лицо, а выступает с обобщённым значением: *оугорьскими, болгарьскими, словѣньскими новгородьскими* и др.

Достаточно широко представлены в летописных текстах производные прилагательные с суффиксом *-ьск-*, образованные от именных основ, называющих лиц по полу, возрасту, социальному положению, религиозным признакам. При этом адъективы на *-ьск-* могли выражать первичное для них значение личной принадлежности. Однако, будучи соотнесёнными с существительными с обобщённым значением лица, они постепенно приобретали значение категориальной принадлежности или отнесённости.

Большинство прилагательных на *-ьск-* в тексте летописных сводов мотивируются существительными (прежде всего греческого происхождения), называющими лиц по религиозному сану: *иночьскими, священничьскими, чернечьскими, дьяконьскими, мнишьскими* — или наименованиями лиц, имеющими отношение к области сакрального: *ангельскими, апостольскими, пророчьскими, хрестьяньскими* и др. Грамматическая семантика подобных прилагательных зави-

сит от значения мотивирующего существительного. При соотносении с существительными с широким значением они могли приобретать качественные оттенки, например *ангельскыи* — это и «свойственный ангелу», и «святой».

К числу чрезвычайно распространенных в летописном языке слов относится прилагательное *христианьскыи*, что связано с прагматической и коммуникативной установками древнерусского текста, в котором область сакрального представлена очень широко. Образование *христианьскыи* не способно выражать значение индивидуальной принадлежности, так как мотивируется существительным, обозначающим совокупность лиц.

Мотивирующими основами для образований на *-ьск-* могли быть наименования лиц по социальному положению, хотя в количественном отношении они значительно уступают образованиям от наименований лиц религиозной семантики: *боярьскыи*, *княжьскыи*, *королевьскыи*, *царьскыи*. Адъективы данной группы выступают в основном с притяжательным значением, первичным и наиболее древним значением прилагательных с суффиксом *-ьск-*.

Если же прилагательные на *-ьск-* соотносятся с личными существительными с широким, гиперонимическим значением, они обнаруживают способность к семантическому переосмыслению, выходя за рамки значения принадлежности. Это отражается в грамматической семантике производных адъективов с суффиксом *-ьск-*, мотивированных наименованиями лиц по полу, например *женьскыи* и *мужьскыи*, которые в большинстве случаев в летописном языке выступают с общим относительным значением.

Чем обобщеннее значение производящего существительного, тем больше возможностей для реализации качественно-относительных оттенков у прилагательных на *-ьск-*. Прилагательные *людьскыи* и *человѣчьскыи*, как формы, производящие основы которых имеют самое общее значение лица, выступают прежде всего с относительным значением «свойственный, присущий человеку, людям».

Формант *-ьск-* уже в древнерусском языке имел семантическую специализацию и поэтому довольно редко осложнял основы нарицательных неодушевленных существительных, так как в этой сфере функционировал более продуктивный суффикс *-ьн-*. Однако определенные лексико-семантическим разрядами существительных могли быть производящими основами для прилагательных на *-ьск-*, а именно: названия населенных пунктов, географических понятий. Специфика семантики топонимических наименований заключается в возможности обозначения ими не только места, пространства проживания людей, но и населения этого места. Таким образом, обнаруживается их семантическая близость к производным от основ одушевленных существительных.

Прилагательные на *-ьск-* данной группы показывают отнесенность не столько к месту, сколько к жителям этого места: *городьскыи*, *земьскыи*, *улицьскыи*, *монастырьскыи* и др. Значение принадлежности, изначально свойствен-

ное суффиксу *-ьск-*, модифицируется в подобных производных адъективах. Обозначая принадлежность не отдельному лицу, а совокупности лиц, которая подразумевается под топонимом с общим родовым значением: *городъ, улица* и под., — данные формы выражают самое общее отношение к тому, что названо мотивирующим словом.

Образования на *-ьск-* связаны с определенным кругом производящих основ: именами собственными, топонимами и этнонимами, личными нарицательными существительными и существительными с локальным значением, способными к выражению также собирательного значения. Примеры из летописных сводов иллюстрируют тенденции в развитии грамматической семантики прилагательных на *-ьск-*: от выражения личной принадлежности — наиболее древнего, первичного значения, свойственного данным адъективам, и категориальной принадлежности — наиболее типичного значения образований на *-ьск-* в древнерусском языке, к относительному значению и, наконец, в редких случаях — к качественному. Появление указанных оттенков находится в прямой зависимости от семантики производящих имен существительных.

Литература

- Зверковская Н. П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. М.: Наука, 1986.
- Мейе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951.
- Московский летописный свод 1479 года. Уваровский список летописи // Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25.
- Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1. С. 1–286.

Русское влияние на сербскую письменность в XVI веке (Лесновский список Толковых пророчеств)*

В. В. Калугин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Архетип, протограф, список, разночтения, редактирование.

Summary. Serbian copy of Explanatory Prophecies from 1560s–1580s (Хлуд-1) was made from the Russian manuscript, which is close to Old Testament Compendium from the middle 16 century (Рум-28). Alternative readings of this texts show, that their connection is not direct, but there was a middle copy (or copies) between them.

Южнославянская рукописная традиция Толковых пророчеств (далее — ТП) незначительна. Она насчитывает всего лишь один неполный среднеболгарский список кон. XIV в. (РНБ, F. I.461), его славяно-молдавскую копию 1474 г. (ГИМ, Щук-507) и две сербские рукописи XVI в. из молдавского Ня-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00059 «Глаголица в Толковых пророчествах 1047 г. (Опыт текстологической и палеографической реконструкции)».

мецкого монастыря (Библиотека Румынской АН, № 84) и Лесновского в северо-западной Македонии (ГИМ, Хлуд-1).

Лесновский кодекс был создан в 60-е–80-е гг. XVI в. Книга написана на бумаге с несколькими вариантами водяного знака «якорь» с контрамаркой в углу листа (см.: Mošin, № 1772 — 1574 г., № 1776 — 1560 / 75 гг.; № 1073 — 1566 г., № 1075 — 1560 / 70 г., № 1076 — 1565 / 70 гг.; № 1903 — 1570 / 80 гг.; № 1468 — приблизительно 1570 г., № 1469 — 1570 г., № 1949 — 1565 / 75 гг., № 1958 — 1560 / 75 гг.). Правописание сербское (ресавское, с болгаризмами), с отражением экавского произношения. По особенностям текста, его позднейшим изменениям лесновский список близок русскому ветхозаветному сборнику РГБ, Рум-28 (см.: [Евсеев: LXIV]). Последний был написан в сер. XVI в. на бумаге с водяным знаком «двуручный кувшинчик» (см.: [Лихачев, № 1686, 1687–1540 г.]).

Почти все русские списки ТП, а также Хлуд-1 содержат позднейшее добавление. Они восполняют пропуск в части Иер 1: 1–8, 11–17, Иер 2: кон. 1–12, унаследованный от архетипа: греческого оригинала преславского перевода ТП. Тексты добавили, вероятно, в кон. XV в. — не позднее 1489 г., когда в Москве переписали ТП с таким же дополнением (РГБ, МДА-20, л. 288–289). Источником вставки был Паримийник. В ТП главы Иер 1–2 даны не полностью, а с лакунами. Пропущены стихи Иер 1: 9–10, 18–19, почти весь стих Иер 2: 1 и более двух третей второй главы (Иер 2: 13–37). Именно в таком объеме эти статьи известны уже в древнейших болгарско-македонских списках Паримийника: в Григоровичевом кон. XII–нач. XIII в. и Лобковском кон. XIII — нач. XIV в. (1294–1320 гг.). В этих рукописях пропуски указанных стихов проходятся на границы трех паримийных чтений: 1) Иер 1: 1–8, 2) Иер 11–17, 3) Иер 2: кон. 1–12 (РГБ, Григ-2, л. 101 об.–102 об.; ГИМ, Хлуд-142, л. 168–170). Независимо от того, по какому именно списку вносилась правка в ТП, ясно, что она велась по Паримийнику, так как лакуны в Иер 1–2 в ТП точно совпадают с границами паримийных отрывков.

Между русскими списками ТП и Хлуд-1 есть одно важное отличие. Во всех известных русских рукописях ТП текст Иез 45: 12–25 и вся глава Иез 46: 1–24 находятся не на своем месте, но вставлены в Иез 48: 4, причем четвертый стих разделен этой вставкой на две части. Ошибка идет от общего протографа. Очевидно, листы были неправильно подобраны и сшиты при его переплетании. Объем ошибки составляет ровно одну тетрадь из восьми листов в 1^о при письме некрупным уставом или обычным полууставом. Эти тексты перепутаны и в Рум-28 (л. 366в–368г, 371в–372б), но в лесновской рукописи они расположены правильно. Впрочем, есть одно обстоятельство, позволяющее предположить наличие дефекта в списке-предшественнике Хлуд-1.

Редактор извлек отрывок Иез 45: 12–25 и 46: 1–24 из стиха Иез 48: 4 и вернул его на свое место. Эта операция была проделана почти безупречно. Но

при редактировании в самом начале вставки «потерялось» несколько слов — «мѣры же двадесѣти» (Иез 45: 12) — как раз на стыке перепутанных частей Иез 48: 4 и Иез 45: 12 (Хлуд-1, л. 246об.). Этот пропуск указывает, видимо, на то, что восстановленный порядок текста в Хлуд-1 вторичен. (В среднеболгарском и славяно-молдавском списках ТП Иез обрывается на толковании к стиху 40: 1.)

Лесновская рукопись сохранила несомненные следы редакторских перестановок. В Рум-28 на л. 374б пропущен отрывок от Иер 26: 2 до Иер 30: 21 (почти весь стих). Этот кусок из Иер вставлен в стих Иез 48: 8 и разрывает его после слов «...да станет начало» (л. 368г). И только после этого продолжается Иез 48: 8–35 (л. 371в–372б). Ошибка произошла, очевидно, по вине переплетчика, неправильно подобравшего листы в тетрадах в кон. XV — 1-й пол. XVI в. Границы вставки в Рум-28 проходят не по стыкам листов, а в середине текста. Следовательно, дефектен был оригинал или протограф Рум-28. К этой же группе списков принадлежит и немецкая рукопись ТП, где этот отрывок из Иер также помещен в конце Иез на л. 253–259 (см.: [Panaitescu 1959: 109]).

Такая же вставка из Иер в Иез 48: 8 была в оригинале или протографе лесновской рукописи. В Хлуд-1 после слов Иез 48: 8 «...да станетъ начело» уцелело несколько слов из стиха Иер 26: 2 (л. 251). На этом в лесновском списке Иез обрывается. Начиная с этого места Хлуд-1 отражает целый ряд неверных редакторских решений. Редактор вернул на свое место Иер 26: 2–30: 21, но, не разобравшись, он перенес вместе с этим фрагментом следующее за ним окончание Иез 48: 8–35, а также допустил несколько мелких структурных ошибок.

По сравнению с Рум-28 Хлуд-1 представляет собой следующий этап в истории текста. В Хлуд-1 исключены толкования, почти все вступительные статьи к пророческим книгам, нередко лексические замены, мелкие пропуски, ошибки, переосмысления, неверные конъектуры и т. п. Так, только серб мог прочитать глагол *минути* как два слова *ми поути*, обнаружить «ошибку» *ми* ‘мне’ и заменить ее по смыслу текста на свою разговорную местоименную энклитику *моу* ‘ему’: «не приложоу моу поути его» (Ам 7: 8) (Хлуд-1, л. 23 об.). Хлуд-1 имеет своим источником русскую рукопись, близкую по тексту Рум-28. Однако они связаны друг с другом не прямо, а опосредованно, через промежуточный список (или списки).

Нижняя переплетная доска Хлуд-1 оклеена с внутренней стороны сначала пергаменом, а потом бумагой. Верхний слой частично отстает от нижнего, и можно видеть развернутый пергаменный лист из Октоиха (отрывок канона), вероятно, нач. XV в. По языку фрагмент сербский, но его источником был русский список. На это указывает цоканье в одном и том же слове: *трислнцьноу*, *трислнцьнаа*, *трислнцьна*[го].

Литература

- Евсеев И. Е. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.
Лихачёв Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3.
Mošin V. Anchor watermarks. Amsterdam, 1973.
Panaiteacu P. P. Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. București, 1959. Vol. 1.

Падение редуцированных как реформа орфографии

Е. Ф. Киров

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Падение редуцированных, орфографическая норма, фонема, графема, буква.

Summary. The cause of the “fall reduced” can be very simple: the old Russian language had no such phonemes, and scribes in the 12th century, moved to a new spelling rule, abandoning the old Church (bulgaruaplace) manners letters Ъ and Ѣ. In the new orthography Ъ and Ѣ turned into hard and soft signs, because there is an urgent need of the fixation of the letter formed of the correlation of hardness and softness.

О возможных причинах падения редуцированных было высказано немало гипотез (акад. А. А. Шахматов, акад. А. И. Соболевский, В. И. Борковский, Б. А. Успенский, В. К. Журавлёв, В. М. Живов, М. Л. Ремнёва и мн. др.). Подчеркнем, что все гипотезы исходят из недоказанного предположения о том, что в древнерусском языке XIX–XII веков реально существовали редуцированные гласные фонемы, которые исчезли по правилу Гавлика (в сильной четной позиции относительно конца слова проявились в гласные полного образования, в слабой нечетной позиции почему-то просто исчезли). Следует подчеркнуть, что не является доказанным тот факт, что редуцированные как фонемы реально были в древнерусском языке этого периода, а не исчезли гораздо раньше еще в общеславянскую эпоху). Таким образом, мы исходим в целом из теории сосуществования древнерусского и церковнославянского языков (Б. А. Успенский, Shenker, Townsend & Janda и др.), преимущественно, в варианте, изложенном М. Л. Ремнёвой (2003). Кстати, церковнославянский и современный русский продолжают сосуществовать и в наши дни (в церковной службе и мирской жизни). В целом придется констатировать, что древнерусский язык в звучащей форме мог не столь сильно отличаться от русского языка последующих эпох — при этом орфографическая норма могла сильно отличаться от звучащей речи и не передавать более или менее точно древнерусскую звучащую речь, будучи построенной на церковнославянской базе в своих истоках.

Причина «падения редуцированных» может быть очень простой: писцы в середине XII века перешли на новую орфографическую норму, отказавшись от чуждой болгароцентричной орфографии церковнославянского языка, т. е. отказались писать графемы отсутствовавших в древнерусском языке «фонемы ер» и «фонемы ерь», которые до того момента писали по церковнославянской традиции. Это положило начало новой логике формирования орфографической нормы с ориентацией на собственно древнерусский язык, в результате на

письме стали отражаться особенности той речи, которая реально звучала, т. е. древнерусской речи без гласных редуцированных фонем и звуков. Все дело в том, что орфографическая норма в эпоху древнерусского языка не была выработана имманентно, а заимствовалась вместе с христианством и формировалась под южно-славянским (древнеболгарским) влиянием церковнославянского языка, в котором фонемы «ъ» и «ь» реально существовали, как и в древнеболгарском языке. Однако собственно в древнерусской речи того периода этих фонем могло просто не быть (их могло не быть вообще уже с эпохи формирования древнерусского языка), поэтому письменная традиция отражения древнерусского языка в начальный период использовала еры и ери по образцу церковнославянской орфографической нормы, которая могла не соответствовать звучащей древнерусской речи. Это значит, что уже в древнерусский период X–XII веков слово звучащее и слово написанное могли расходиться, во всяком случае, подобия транскрипции в рамках фонетического принципа орфографии в тот период, скорее всего, не было: фонетический принцип возникает только в том случае, когда орфографическая норма формируется имманентно, а не заимствуется из другого языка. Вполне понятно, что в древнерусский период тексты на церковнославянском читались со звучащими ерами, а в обычной древнерусской речи за пределами церкви еры и ери, возможно, не звучали, однако на письме отражались по образцу церковнославянской орфографии, что признавалось «грамотным» образцом письма. Не исключено, что осуществлялся своеобразный перевод на церковнославянскую орфографию в том случае, когда нужно было записать текст, а не просто его произнести, поэтому и в берестяных грамотах мы обнаруживаем образцы церковнославянской орфографической нормы с написанием еров и ерей. Однако позже, приблизительно во второй половине XII века неминуемо возникала тенденция к формированию имманентной собственно русской (точнее — древнерусской) орфографической нормы, которая стремилась передавать древнерусскую речь прямо, без внутреннего перевода на чужую орфографию, в результате возникла орфографическая норма без еров и ерей как графем несуществующих гласных фонем. Поэтому в определенный период возникает описанная многими исследователями неизменная путаница при написании, когда еры и ери заменяются друг на друга, пишутся непоследовательно, пропускаются, а потом и вовсе заменяются апострофами, например, в «Путятиной Минее» (В. М. Марков и др.). Возникает слом старой орфографической нормы и возникает новая древнерусская орфография, не лишенная генетической связи с церковнославянской орфографией (у нас нет уверенности, что шипящие звучали в древнерусском языке только как мягкие, возможно, написание *жи-ши* — это также просто орфографическое правило из церковнославянского, дошедшее до наших дней), но видоизмененная в отношении написания редуцированных: на их месте пишутся реальные графемы реальных фонем «полного образования» древнерусского языка.

В середине XII в. возникла ситуация, когда любые тексты (и на церковнославянском, и на древнерусском) начинают писаться в соответствии с фонемным составом древнерусского языка — без редуцированных псевдофонем, а высвободившиеся графемы Ъ и Ь приобретают новую важнейшую функцию — отображения корреляции твердых и мягких согласных фонем. Возможно, именно формирование этой корреляции послужило причиной смены орфографической нормы, и буквы ер и ерь замечательно пригодились для отражения этой корреляции фонем на письме, т. е. Ъ и Ь стали мягким и твердым знаками, что внешне привело к «падению редуцированных» в письменной традиции той эпохи. Пожалуй, этим можно объяснить столь стремительное исчезновение редуцированных как графических знаков в древнерусском языке. Невозможно поверить в то, что так быстро могут исчезнуть реальные гласные фонемы языка: для этого понадобились бы века и тысячелетия (в болгарском, например, гласная фонема Ъ есть до сих пор). Таким образом, буквы не пропали даром: позже писцы, как уже говорилось, стали использовать еры и ери для обозначения твердости и мягкости, что до 1918 года было в русской орфографии обычным правилом и частично сохранилось до наших дней в плане отражения мягкости согласных в конце слова (твердый знак в конце слова стал как бы нулевым, а сохранившийся Ъ в середине слова — разделительным).

Литература

- Иванов В. В. Редуцированные гласные // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Журавлёв В. К. Гавлика закон // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. 2-е изд., испр. и дополн. Казань: Казан. ун-т, 2007.
- Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
- Havlík A. K otázce jerové v staré češtině // Listy filologické. 1889. № 16. S. 45–51.
- Schenker Alexander M. The Dawn of Slavic: An Introduction to Slavic Philology. New Haven: Yale University Press, 1995.
- Townsend Charles, Janda Laura. Common and Comparative Slavic Phonology and Inflection: Phonology and Inflection: With Special Attention to Russian, Polish, Czech, Serbo-Croatian, Bulgarian. Bloomington, USA: Slavica, 1996.

Имперфективный аорист в древнерусских летописях^{*}

Е. А. Мишина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
Аорист, имперфект, вид глагола, древнерусский язык, древнерусские летописи.

^{*} Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Summary. This paper deals with the quite rare forms of imperfective aorist that attested in Old Russian chronicles, and discusses some contextual and semantic factors that determine and support the use of these specific forms.

Как известно, аорист употребляется в старославянском и древнерусском в качестве основного повествовательного времени для обозначения единичных событий в прошлом, не соотносимых с настоящим. Говоря о семантике славянского аориста, обычно отмечают его немаркированность и нейтральность в отношении характера протекания действия: аорист никак не указывает на то, было ли действие длительным или нет, что определяет такое свойство аориста как «фактичность» — чистое обозначение факта в прошлом. Потенциально аорист может образовываться от глаголов обоих видов. Однако в действительности в древнерусских (как и в старославянских) памятниках аорист преимущественно встречается от глаголов СВ. Ясно, что при обозначении завершённых событий в прошлом семантические компоненты СВ (фокусирование внимание на достижении действием своего внутреннего предела, ретроспективность, событийность и др.) хорошо сочетаются с семантикой аориста (обозначение события в прошлом). Аорист СВ может обозначать отдельное единичное событие, но чаще аористы образуют цепочку, обозначая последовательно сменявшие друг друга события в повествовании: идущю же емы ѡплатъ приде къ дѹнаєви и възлюбѣ мѣсто. и сруби городокъ малъ (ПВЛЛ, л. 4).

В отличие от аористов от глаголов СВ, аористы от глаголов НСВ редки и, как правило, их употребление связано с разными контекстуальными ограничениями. Одно из таких контекстно-обусловленных употреблений форм аориста засвидетельствовано в древнерусских памятниках с глаголами пространственного положения (лежати, сѣдѣти, стоати). В древнерусских памятниках от глаголов пространственного положения регулярно образуются формы имперфекта, имеющие процессуальное значение и выполняющие фоновую функцию: обозначаются состояния, на фоне которых происходят другие события, ср.: она же поклонивши главѹ стояше. аки г҃ба напаѣема. внимающѣ оученья. [и] поклонившисѧ патрѣрхѹ г҃л҃ши (ПВЛЛ, л. 17об.). Однако от этих глаголов встречаются также формы аористов в том случае, когда в тексте есть эксплицитное указание на то, как долго длилось действие (дѣлго, мѣного, все лѣто, малъ часть, три дѣни, недѣлю, до замороза и др.), см. статистику в [Мишина 2015: 178]. Наличие в контексте временных ограничителей не единственное условие для появления формы аориста (есть и другие факторы), но эта особенность самая заметная. Большинство подобных употреблений зафиксировано в древнерусских летописях, где такие аористы встречаются достаточно регулярно (в других памятниках они единичны):

- (1) сѣпоплкъ же вст҃҃пи городъ. а дѣдъ въ градѣ. и стоа сѣпоплкъ ѡколо города ѣ. неѣ (ПВЛИ, л. 92об.);

- (2) и повелѣ Лазарь взати Игоря· и понести и в цр̑квь стаг Мнѣхана в Новгородьскю Божницю· и тѣ положивша и в гробъ ѣхаста на Горѣ· и лежа нощ тѣ сѣботѣ же свитающи· посла митрополитъ игумена· Ананью стаг Феодора· и приѣхавъ игуменъ видѣ и нагого· и облече и· и ѿпѣ (СЛ, л. 106);
- (3) он же приде к стрѣквѣ своѣмѣ Ярополкѣ Кѣйковѣ· и да ѣмѣ Вѣшего· родѣ и тѣ сѣдѣ· лѣт· ѿдино (СЛ, л. 101).

Выбор формы аориста в сочетании с обстоятельствами, ограничивающими протекание действия, по-видимому, обусловлен такими семантическими свойствами аориста, как «непроцессность» и «фактичность». Аорист, в отличие от имперфекта, изображает действие не в самом процессе его протекания (что в данном случае не нужно), а просто как факт. Протяженное действие, о котором идет речь, изображается как этап в последовательном развертывании рассказа, поэтому форма аориста от указанных глаголов часто оказывается включенной в цепочку других аористов в повествовании¹, как в (2). Форма же имперфекта напротив всегда фокусирует внимание на самом процессе (действие представляется как фоновое), ср.:

- (4) Вѣ лѣт· ѣ·х·на· стоише вса осенина дѣждева· ѿ гѣина дѣи до корочюна· тепло дѣжгѣ· и бѣ вода велика вельми· вѣ волхове (Новг. I, л. 23).

Необходимость временных ограничителей, контекстуально «поддерживающих» употребление формы аориста от глаголов положения в пространстве, вытекает также из семантики самих глаголов. Еще Ю. С. Маслов отмечал, что глаголы *imperfectiva tantum* (включающие класс пространственного положения) обозначают процессы, которые, с одной стороны, «не могут мыслиться как мгновенные или очень кратковременные», а с другой, — «объективно не заключают в себе необходимости своего прекращения» даже в отдаленной перспективе [Маслов 2004: 80]. Хорошо известно, что обозначенные семантические свойства (невозможность моментализации и внутренняя беспредельность) препятствуют перфективации глаголов этой группы², однако она становится возможной при условии «внешнего» ограничения длительности обозначаемого процесса. Так, например, *посидеть*, *полежать*, *постоять* значит «в течение какого-то ограниченного времени». По-видимому, именно этими особенностями семантики глаголов пространственного положения можно объ-

¹ Об употреблении в современном болгарском языке в нарративе аориста НСВ в сочетании с обстоятельствами длительности см. в [Маслов 1954/2004: 191–192].

² Глаголы пространственного положения, а также многие стативы плохо перфективировались и в древнерусском [Кузнецов 1953: 246; Мишина 2001: 202].

яснить необходимость временных ограничителей в контексте в древнерусском. Семантический компонент событийности, который имеется в аористе, плохо сочетается с компонентом беспредельности в семантике данных глаголов, но это противоречие снимается при указании временного интервала.

Литература

- Кузнецов П. С. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка // Труды института языкознания. М., 1953.
- Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Маслов Ю. С. Избранные труды. М., 2004. С. 80–90.
- Маслов Ю. С. Имперфект и аорист в славянских языках // Маслов Ю. С. Избранные труды. М., 2004. С. 141–175.
- Мишина Е. А. Настоящее узусальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2001. С. 199–228.
- Мишина Е. А. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото. 2015. С. 174–180.
- Новгородская Первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. III. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (Новг. I).
- Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001 (ПВЛЛ).
- Суздальская летопись // ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001 (СЛ).

Грамматические особенности церковнославянского научного текста XVII в.: система служебных слов

Н. В. Николенкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Церковнославянский язык, система служебных слов.

Summary. The question of repertoire of grammatical means in the Church Slavonic texts of the second half of the XVII century is analyzed in the paper presented above. This period is considered as a formation stage of Church Slavonic language in grammatically organized form when the standard registry is realized in a number of different functional frameworks. The authors are focused on not only the sample texts of the previous eras, but also on the grammatical compositions. The latter aspect is analyzed, how the authors of XVII century do the choice of service words.

Грамматические признаки, позволяющие отнести текст к определенному регистру книжно-письменного языка средневековой Руси, современными исследователями описаны подробно. В области морфологии первенство принадлежит системе глагольных форм, в первую очередь претеритов; системе склонения существительных, формам двойственного числа у слов разных частей речи. К синтаксическим параметрам книжности / некнижности текста относят способы выражения целевых, императивных, временных, атрибутивных отношений; использование или неиспользование грецизированных конструкций.

В работах последних десятилетий большое внимание уделено также использованию в письменном тексте союзов — способов выражения связи предикативных единиц — и предлогов, выбираемых для выражения отношений между словоформами. Так, А. А. Зализняк ставит вопрос о возможности отнести к церковнославянским чертам использование «еже» в тексте НБГ № 9 [Зализняк 1987: 128]. Им же определен набор восточнославянских союзов, использованных в оригинальных русских текстах разного содержания [Зализняк 2004: 190–200]. Сегодня анализ использованных в тексте восточнославянских союзных средств и некоторых предлогов применяется при определении критерия локализации перевода памятника [Пичхадзе 2011]. Противопоставление собственно церковнославянских и восточнославянских союзов как показатель статуса текста на шкале книжности использовано в работах М. Л. Ремнёвой [Ремнёва 2003].

Для памятников письменности второй половины XVII в. неперенным условием описания нормативных установок должно стать сопоставление текста с рекомендациями грамматик XVII в. (Грамматика Смотрицкого 1619 г. (далее ГС), ее московское издание 1648 г. (далее ГМ) и Грамматика Лаврентия Зизания). Ориентация на грамматики более ярко выражена в сочинениях киевских книжников, тогда как московские книжники 50-х гг. XVII в. проявляют себя лишь в знании орфографических правил разных грамматик [Николенкова 2016].

Мы исследуем научный текст (по нашему мнению, первый в истории русской письменности) середины XVII в. — перевод географического атласа, составленного известными картографами Блау [Blaeu 1645]. Перевод сделан киевскими книжниками под руководством Епифания Славинецкого. Московские писцы готовили беловые экземпляры, не осуществляя грамматическую редактуру текста в соответствии с московской редакцией церковнославянского языка. Так в научный стиль проникают новые черты: расширение функций родительного падежа, устранение энклитических местоимений, согласование относительных местоимений с главным словом и т. д. [Успенский 2002: 451–462].

Использованные в переводе союзные средства (союзы и относительные местоимения в функциях союзных слов) совпадают с предложениями ГС и ГМ [Грамматики... 2000: 387–388; Грамматика... 2007: 315]. Так, для выражения временных отношений используются союзы **егда**, **внегда**. По данным [СлРЯ XI–XVII 1975, 2: 237] для рассматриваемого периода союз **внегда** не характерен. Можно предположить, что его использование Славинецким имеет прямую связь с ГС. Грамматики включают в свои списки **недоумѣтелныи** союз **еда**, также мало распространенный в русской письменности, особенно оригинальной [СлРЯ XI–XVII 1978, 5: 14]. Этим союзом пользуется Славинецкий для перевода латинского «utrum».

Список предлогов, данный в ГС и ГМ, не выявляет существенных различий московского и югозападнорусского вариантов церковнославянского языка. Однако Славинцкий и Сатановский расширяют список за счет использованного в югозападнорусском варианте предлога **презъ**, тем самым также расширяя список используемых служебных слов.

Репертуар служебных слов, представленный в исследуемом переводе Атласа Блау, будет также сопоставлен с некоторыми другими переводами, осуществленными Епифанием Славинецким и его киевскими товарищами в Москве.

Литература

- Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой. М., 2000. С. 31–470.
- Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007. С. 9–492.
- Зализняк А. А. О языковой ситуации в Древнем Новгороде // *Russian Linguistics*. (11). 1987. С. 115–132.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Николенкова Н. В. Орфографические особенности двух рукописей XVII в.: об авторстве черновика и беловика // *Филологические науки (Научные доклады высшей школы)*. 2016. № 1. С. 8–19.
- Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. 1975– (СлРЯ XI–XVII).
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
- Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum / Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645 (Blaeu).*

Факторы присоединения существительными мужского рода окончания -у в местном падеже единственного числа

А. И. Плотникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Местный падеж, нестандартная флексия.

Summary. In the Old Russian language some masculine singular nouns in the locative case may add non-standard inflexion -у as well as standard flexion -ѹ. This is caused by the interference of the praslavic **ǫ*- and **ǫ̆*-paradigms. But the criteria of choosing the inflexion are more complex and the analysis of the texts from the 17 century may help to detect the most reliable of them.

В современном русском языке наряду с предложным падежом выделяется «второй предложный» или «локатив» со значением пространственной локализации и формальным выражением (у существительных мужского рода в единственном числе) в виде окончания -у: *говорить о шкафе*, но *прятать в шкафу*. Появление данного окончания в современном предложном падеже объясняется процессом унификации **ǫ*- и **ǫ̆*-склонений, происходившим еще в праславянскую эпоху. Вариативность окончаний -ѹ и -у в местном падеже наблюдается и

в древнерусском языке, причем окончание -у принимают не только существительные, относившиеся в праславянскую эпоху к *й-склонению (*в ве^рху* — № 238, л. 1, *у себя в дому* — № 186, л. 3 [Пам. Влад. 1984]), но и многие существительные с изначальной ъ-основой (*въ снегу* — № 194, л. 5., *в лугу* — № 77, л. 8 [Пам. Влад. 1984]). Таким образом окончание -у «проникло» в парадигму *ѡ-склонения, но присоединяли его не все существительные.

Учеными высказывались предположения о причинах более или менее охотного принятия окончания -у существительными мужского рода в местном падеже. Ядром принятия данной флексии считаются неодушевленные существительные мужского рода, однако для юго-западной и северо-западной диалектных зон возможно расширение данного класса за счет одушевленных существительных мужского рода, а для юго-западной зоны — еще и за счет слов среднего рода. В качестве критериев более охотного принятия окончания -у предлагались следующие: значение падежа (временная или пространственная локализация), сочетание с предлогами *в* и *на*, конструкция со значением объекта насилия или ответчика по иску (формула собственно юридического характера: <...> *Искал... на курском пушкарю на Василью Ребинине... <...> на Федору на Мелехаву напою двѣ гривнѣ <...>* [Хабургаев 1990: 102]), отсутствие определения, соотнесенность с глаголом, охотное принятие словом окончания -у в родительном падеже, русское происхождение, подвижное ударение, односложная или двусложная с полногласием основа (или отсутствие слога в основе в косвенных падежах), задненебный согласный или непарный по твердости / мягкости согласный в исходе основы.

Как показало исследование 767 деловых текстов XVII века различных диалектных зон (памятники деловой письменности Владимирского края [Пам. Влад. 1984], южновеликорусские деловые документы [Южн. чел. 1993] и памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. [Пам. Смол. 1912]), ни один из данных критериев в одиночку не работает. Однако можно выделить факторы, при которых вероятность принятия словом флексии -у заметно повышается. Такими факторами являются: значение пространственной локализации, принадлежность существительного к а. п. с, односложная основа (или двусложная при полногласии) с заднеязычным в исходе основы.

Гипотеза А. А. Шахматова о более охотном принятии окончания -у существительными без определения не подтверждается в достаточной мере, что видно из следующей таблицы (процент принятия окончания -у существительными с определением и без него по трем группам памятников):

	Пам. Влад.	Пам. Смол.	Южн. Чел.
С определением	26%	19%	33%
Без определения	23%	23%	36%

В первой группе памятников существительные с определением даже чаще принимают нестандартную флексию, а по остальным памятникам различие в процентах небольшое. Кроме того, зафиксированы частные случаи присоединения существительным окончания -у с определением и -ѣ без определения, например, *на розделе понятые были* (№ 2 л. 105об.) и *на то^м помѣсно^м розделу* (№ 3 л. 137об.) [Пам. Влад. 1984].

Но если рассматривать вместе два фактора: наличие / отсутствие определения и акцентная парадигма, можно заметить, что в контексте с определением все существительные а. п. а принимают только стандартную флексию (здесь результат 100%), существительные а. п. с в обоих контекстах более склонны к флексии -у, а слова а. п. б — к стандартной флексии.

Фактор «сочетание с предлогами *в* и *на*» не может рассматриваться как отдельный и самостоятельный, когда речь идет о присоединении окончания -у, поскольку он неотделим от фактора падежного значения. Действительно, большинство существительных с предлогами *при*, *о*, *по* имеют окончание -ѣ, а большинство существительных с предлогами *в* и *на* — окончание -у, однако существительные с предлогами *о* и *при* встречаются в изъяснительном значении и в значении временной локализации, а неодушевленные существительные с предлогами *в* и *на* — в собственно местном значении.

Фактор принадлежности к древнему *ѣ-склонению оказывается связанным с акцентной парадигмой и характером основы (односложная или двусложная с полногласием / многосложная основа). Так, только окончание -у принимают слова *верхъ*, *пиръ*, *рядъ*, *станъ*, *миръ*, *садъ*, *станъ*, *чинъ* (все односложные, а. п. с), а только окончание -ѣ бывает у слов *списокъ*, *разрядъ*, *пересудъ*, *посадъ*, (а. п. а), *судъ* (а. п. б), *сынъ* (одушевленное а. п. с). В группе текстов [Пам. Влад. 1984] вариативность окончаний проявляют слова *остатокъ* (а. п. а), *дом*, *миръ* (а. п. с), а в группе [Южн. чел. 1993] — *судъ* (а. п. б).

Анализ материала показал, что ядро присоединения окончания -у в местном падеже (как и в родительном) формируют следующие существительные: *голодъ*, *искъ*, *лѣсъ*, *медъ*, *мостъ*, *станъ*, *торгъ*, *берегъ*, *верхъ*, *долгъ*, *дѣлъ*, *лугъ*, *пиръ*, *снѣгъ*. Как можно заметить, все они односложные или двусложные с полногласием (*голодъ*, *берегъ*), все принадлежат а. п. с, половина оканчивается на заднеязычный согласный. Следовательно, данные факторы, работая комплексно, обеспечивают самую высокую вероятность принятия существительным нестандартной флексии.

Литература

- Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984 (Пам. Влад.).
Памятники обороны Смоленска 1609–1611. М., 1912 (Пам. Смол.).
Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. М., 1993 (Южн. чел.).

К вопросу об этимологии старосербского термина *soh(e)*

Владимир Р. Поломац

Университет в Крагуеваце (Сербия)

Этимология, старосербский язык, история сербского языка, soh(e).

Summary. The paper discusses current explanations of the origin of the term *soć(e)* (primary and permanent tax in the Serbian medieval lands) and proposes a new origin explanation based on the metonymic model *the means of measuring feudal giving — feudal giving*. Since *soć(e)* could be paid with money or with trade the paper argues the belief that in the core of this term is the greek origin word *σάκκιον* meaning “little sack”.

Основным предметом работы является попытка этимологического объяснения старосербского термина *soh(e)* в контексте совокупности старосербской терминологии феодальных поборов. Усилиями нескольких поколений историков сербского средневековья установлено значение термина *soh(e)* (ср. [Благоевич 2001: 41]: «основной и постоянный налог в сербских средневековых странах начиная с XIV века, в сумме одной перперы¹ или одного кабла² зерен»), в то время как его происхождение до сегодняшнего дня оставалось загадочным. В работе систематизируются предшествующие попытки этимологического объяснения этого термина и со ссылкой на объяснения П. Скока [ERHSJ, III: 300] и И. Божича [Божич 1956: 34–35], формулируется новая трактовка.

Происхождение лексемы *soh(e)* П. Скок (ERHSJ III: 300) связывает с лат. *saccus, sacculus* (серб. «кеса (мешок), сакуља»), откуда и греч. *Σακέλλη* «отделение императорского казначейства в которое поступают деньги», в отличие от греч. *Βεστιάριον* «отделение императорского казначейства для поступления продуктов в натуральном виде». Историк И. Божич [Божич 1956: 34–35] эксплицитно высказывается против такой связи³ и предлагает искать происхождение этой лексемы в славянском языковом корпусе⁴. Основная методологическая ошибка рассуждений Божича состоит в поисках прямой связи старосербского термина *soh(e)* с некоторыми из известных византийских феодальных повинностей. Средневековые названия для общественных учреждений имеют, но не всегда, параллели с византийскими учреждениями. Старосербская лексе-

¹ Денежная единица в средневековье, которая состояла из 12 динаров.

² Большой сосуд, который в средневековье можно было использовать и в качестве меры для мелких предметов.

³ Ср.: «Однако и название *σακέλλη* последний раз было упомянуто в источниках в 1143 году, а затем оно исчезает, поскольку само учреждение было вытеснено учреждением под названием *βεστιάριον*. Нельзя предположить, что в Сербии в XIV веке мог быть принят греческий термин, который в Византии исчез из практики в XII веке и который никогда не означал никакого налога, но обозначал одно из отделений императорского казначейства. Само латинское слово *sacculus*, из которого пришло греческое слово *σακέλλη*, вошло в сербские памятники в виде *сакула* без преобразования *a* в *o*, которое надо было бы предполагать, если считать, что слово *soh(e)* произошло от него» [Божич 1956: 34–35].

⁴ Ср.: «Согласно этому, можно считать, что не обнаружена этимологическая связь слова *soh(e)* с каким-либо известным термином и что его происхождение остается неясным. Вероятно, его следует искать в славянском лексическом корпусе» [Божич 1956: 35].

ма *soh(e)* — на наш взгляд — могла возникнуть путем метонимического семантического сдвига по модели «предмет которым измеряется феодальный побор» → «название феодального побора». Если мы будем следовать точке зрения П. Скока [ERHSJ, III: 300] и предположим, что название предмета, которым измеряются феодальные поборы, может быть выведено из лат. *saccus*, *sacculus* (в сербском языке подтверждено и формами *сакул*, *сакулија* (XV век, через греч. *σακκούλι(ο)ν*, *σάκκουλον*, согласно [Фасмер 1944: 129] *сакуль*, *сакуља*, *сакульица* (ср. [PKC, III: 74]; [PJA, XIV: 526]; свидетельства XV века), остается необъясненным происхождение /h/ в *soh(e)*. В связи с этим более вероятным будет выведение *soh(e)* из греческого уменьшительного существительного *σάκκιον* ‘мешочек’, причем переход /a/ в /o/ указывал бы на значительную древность заимствования (примерно до 1000 года).

Литература

- Благојевић Милош*. *Соће* — основни порез средњовековне Србије // Глас Српске академије наука и уметности. 2001. 11. С. 1–44.
- Божичић Иван*. Доходак царски (поводом 198. члана Душановог законика Раковачког рукописа). Београд: САНУ, 1956.
- Даничић Буро*. Рјечник из књижевних старина српских I–III. Биоград, 1863–1864 (PKC). *Rječnik hrvatskog ili srpskog jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1886–1976 (PJA).
- Skok Petar*. Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. I–IV. Zagreb, 1971–1974 (EPHCJ).
- Vasmer Max*. Die griechischen Lehnwörter im Serbokroatischen, Berlin: Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, 1944.

Церковнославянизмы в лексико-семантическом поле «Безумие»

М. В. Турилова

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Россия)

Старославянский язык, св. Кирилл и Мефодий, этимология, мотивационная модель, лексико-семантическое поле «Безумие».

Summary. The article explores Church Slavonic lexemes of the semantic field «Madness, Insanity». Methods of translation from Greek to Old Church Slavonic are considered. (1) It could be choosing a word with necessary meaning or (2) semantic development of a word that doesn't mean 'insanity' in Proto-Slavic, but the motivational model fits the Slavic language picture of the world, (3) there are some calques of Greek lexemes, (4) cases of Proto-Slavic word-families semantics development, and (5) direct borrowings from Greek. Motivational models appeared in the Old Russian language with the Church Slavonic lexemes: 'fury, rage' → 'madness, insanity', 'to darken' → 'to drive mad', 'to come out' → 'to go out of one's mind', 'to be caught by a storm, to be stroken with the storm waves or wind, to be reeling from side to side on the waves' → 'to rage', 'speechless, dumb' → 'unwise, fool, mad', 'without the God' → 'unwise, fool, mad'.

Св. Кирилл и Мефодий и их последователи вставляли перед необходимостью выбора славянских лексем для передачи греческих слов. Они находили подходящее по семантике славянское слово, калькировали греческие лексемы или использовали заимствования. Выделены типы отношений между церковнославянизмами, которые входят в ЛСП «Безумие», греческими лексемами, древне-

русской лексикой, семантикой праславянских этимологических гнезд **bujъ(jь)*, **běsъ*, **jbstъ(jь)*, **lbstъ*, **mьrk-* / **mork-*, **rodъ*, **sluti*, **stopiti*, **umъ*, **vylati*.

1. Старославянская лексема точно соответствует греческой лексеме, ее семантика этимологически исконна, старославянизм имеет соответствия с тем же значением в славянских языках. Семантика многих лексем ЭГ **běsъ* связана с представлением об одержимости злыми духами, ц.-слав. *bъсновати сѧ*, *bъсити сѧ* ‘быть одержимым (бесом), помешанным’ используются для перевода греч. *δαίμονια* □ v, *δαίμων* □ ζεῖναι ‘быть одержимым злым духом’, *μαίνεσθαι*, *λῦττα* □ v ‘бесноваться, неистовствовать’ [СС: 106–107].

Ц.-слав. *бродивый* ‘глупый, неразумный, безумный’, ‘юродивый’, *бродъ*, *бродьство* (наряду с др.-рус. *уродивый*, *уродъ*, *уродьство* [ТСРЯ, III: 1255–1256, 1629]), продолжающие праслав. **rodъ* с отрицательной приставкой **r-*, букв. ‘не в род, выродок’ [Черных 1999, II: 461] (модель ‘отличающийся от прочих в роду, окружающих’ → ‘глупый, неразумный, безумный’) выбраны для перевода греч. *μωρ* □ ζ, *οφρων* ‘глупый, неразумный’.

Иногда неясно, являются ли лексемы продолжениями праславянского этапа или кальками: ст.-слав. *безоумие* ‘безумие, неразумие, глупость’ (греч. *φροσύνη* ‘глупость, неразумие’, *νοία* ‘потеря рассудка, безумие’) [Виноградов 1994: 80–81], *безоумьнъ* и *безоумьль* ‘неразумный, не в себе’ (греч. *οφρων* ‘неразумный, не в себе’) [Molnár 1985: 81], «отрицание + мудрость, разумность, здравый смысл / разумный, здравомыслящий», либо исконные (О. Н. Трубачёв).

2. Искомой семантикой наделяется слово, которое на праславянском этапе не обозначает потерю рассудка, мотивационная модель соответствует представлениям, существующим у славян. В ЭГ **lbstъ* с первичной семантикой ‘хитрость, обман’ (заимствование гот. *lists* ‘хитрость, козни’ [ЭСРЯ, 9: 82], в славянских языках продолжения праслав. **lbstъ* развивают значения ‘лесть’, ‘обман’, ‘коварство, хитрость’, ‘лживость’) семантика старославянизмов *прѣльстити* ‘привести в изумление, свести с ума’, первонач. ‘обмануть’, также *πλανάω*, ввести в заблуждение’, ‘увлечь, прельстить’, *прѣльститисѧ* др.-русск. ц.-слав. ‘заблудиться’, ‘впасть в соблазн’, *прѣльсть* ‘обман’, ‘помрачение рассудка’ [СРЯ XVIII, XVIII: 267] отвечает славянским представлениям о связи обмана, обольщения и потери рассудка.

В ЭГ **bujъ(jь)* ‘расти, становиться сильным’, ‘буйствовать, бушевать’ — к и.-е. **bhō-* / **bhū-* ‘расти, становиться сильным’, откуда ‘сильный, бурный, буйный’ [ТСРЯ: 65]) семантика ‘неразумный, глупый’, ср. ц.-слав. *боуи* *μωρ* □ ζ, *οφρων*, *πάνθροπος*, *боуиство*, *боуѣсть* *μωρία* ‘глупость, неразумие’ [СС: 102–103], не является исконной и реализует семантическую потенцию гнезда (ср. ту же семантическую параллель между русск. *вы* □ *махать* ‘сильно вырасти’

и *маховатый* диал. ‘опрометчивый’ [Даль, II: 309]). Церковнославянизмы, взаимодействуя с исконной лексикой со значением ‘буйствовать, бушевать’ (др.-

русск. *буеть* ‘буйство, неистовство’ [СДРЯ, I: 323], *буи* ‘дерзкий, непокорный’, ‘сильный, смелый’ [Срезневский, I: 191], *буиство* ‘смелость’ [Срезневский, I: 192]), семантически развиваются до ‘безумие, бешенство’. Далее ц.-слав. *обуити* сливается с *обуати* ‘овладеть’, что дает *обуать* ‘овладеть до крайнего предела, до безумия’.

3. Старославянизмы калькируют греческие слова и вносят новые модели; выбор ЭГ для калькирования обусловлен существованием в нем близких по семантике слов, которые развиваются по другим (исконным) моделям.

В ЭГ **jьstь(jь)* ‘тот самый, настоящий, истинный’ старославянизмы *неистовъ*, *неистовыи* ‘безумный, помешанный’, *неистовьство* и *неистовление* ‘*μαῖνῐ́α*, безумие, помешательство’ [Цейтлин 1977: 149–150] являются производными с отрицанием *не-* лексем, восходящих к праслав. **jьstь(jь)* ‘тот самый, именно тот’ (ср. ст.-слав. *истъ*, ц.-слав. др.-рус. *истыи* ‘этот, тот’, ‘истинный’ и др.) [ТСРЯ: 311]. Очевидно, основанием выбора слов с корнем *-ист-* для перевода греч. *μαῖνῐ́α* ‘безумие, помешательство, бешенство, неистовство’ (от греч. *μαίνομαι* ‘беситься, бушевать, быть безумным’, ‘ярость, бешенство’ → ‘безумие, помешательство’ [Buck 1988: 1216], становится существование уже в праславянскую эпоху в гнезде **(ne)jьstь(jь)* значений ‘буйствовать, бушевать’: ср. др.-русск. *неистовыи* ‘жестокий’, др.-русск. *неистововатисѧ* ‘разъяриться, неистовствовать’ [Срезневский, II: 390]. Таким образом, церковнославянизмы вносят новую мотивационную модель ‘ярость, бешенство’ → ‘безумие, помешательство’. Под влиянием первичной семантики гнезда (*истовыи* ‘истинный, настоящий’) ц.-слав. *неистовыи*, *неистовьство*, *неистовление* получают дополнительные коннотации: этическую оценку безумия, помешательства как следствия несправедности, отклонения от истины, нарушения Божиих заповедей, актуализуется модель ‘обманывать’ → ‘лишать ясности сознания, рассудка’.

Входящие в ЭГ **тъrk-* ст.-слав. *помрачити*, *помрачати* [Даль, 3: 476], *омрачати*, *омрачити* ‘*σκοτίζειν*, затмить, омрачить’ (*просвѣти*, *языкъ нашъ слабостію омраченныи оумъ нашъ*. — Конст. I) [СС: 411–412] калькируют греч. *σκοτίζειν* ‘затмить, затемнить’, ‘ослепить’, перен. ‘ошеломить’ от греч. *σκοτός* ‘темнота, мрак’, ‘помрачение (ума)’. В языке появляется новый метафорический семантический переход ‘сделать темным’ → ‘лишить ясности рассудка’. При этом в праслав. гнезде **тъrk-* есть слова, обозначающие потерю рассудка, соответствующие модели ‘мерцать, колебаться (о свете)’ → ‘лишать ясности сознания’) [Меркулова 1972].

Ц.-слав. *иступление*, *иступъ* являются кальками греч. *ἐκστασις* ‘смещение, перемещение, выход наружу, перен. измененное состояние сознания, помешательство, помрачение’. Распространение глаголов сочетанием существительного с предлогом (ст.-русск. *исступитися ума* ‘сойти с ума, лишиться рас-

судка' [СРЯ XI–XVII, VI: 312], *исступити из себя, исступити из ума, разума, исступити ума* 'потерять рассудок' [СРЯ XVIII, IX: 147]), вероятно, указывает на актуализацию заимствованной мотивационной модели 'выйти наружу' → 'лишиться рассудка' в ЛСП «Безумие».

Ц.-слав. *вляюции* 'припадочный, бесноватый' [СРЯ XI–XVII, II: 158] и *вълатисѧ* 'бесноваться' [СРЯ XI–XVII, II: 158], букв. 'быть застигнутым бурей в море, подвергаться ударам волн', 'качаться на волнах' [СРЯ XI–XVII, II: 158], образованы от глагола *влати* 'волноваться (о море)' (праслав. **vylati* 'волновать, качать' [Фасмер, I: 327]), используются для перевода греч. *χεῖμα ῥιμενός* 'бесноватый, припадочный', букв. 'обуреваемый, подвергающийся непогоде' и *χεῖμα ῥω* 'подвергаться ударам ветра, шторма, непогоды' [ТСРЯ, III: 378]. Семантический переход 'подвергаться ударам волн, ветра, шторма' → 'бесноваться' не имеет примеров среди исконной лексики.

Примером частичного калькирования является ст.-слав. *бѣсновати сѧ на новъ мѣсѧць*, которым переводится греч. *σεληνιαζομαι* 'быть помешанным, досл. лунатиком'. Модель соответствуют славянским представлениям о связи луны и болезни, несчастья [СД, III: 143–147], ср. бел. *прылунэлы, аблунэлы, аблунэйшы, лунявѧты, лунькавѧты* 'сумасшедший, психический больной', *лунь* 'ненормальный, психический больной' [Срезневский 1958, 67].

4. Результатом расширения семантики праславянского гнезда **sluti, slovo* греч. *λόγιστος* 'необдуманный, нелогичный' (от *λόγος*), 'неискушенный в беседе, споре' являются ст.-слав. *бесловеснь, бесловьнь, несловеснь* 'неразумный, глупый, безрассудный'. Калькирование поддерживается тем, что в ряде славянских языков есть продолжения праслав. **bezslolvъ(jь)* 'бессловесный, безмолвный' [Цейтлин 1977: 189]. В поле «Безумие» вносится новая модель, связанная с представлением о связи слова и смысла, способности мыслить, ясности рассудка, а поскольку вместе с христианскими текстами на древнерусском этапе актуализуются дополнительные значения лексемы *слово* (*Бог Слово — Иисус Христос*), модель осмысляется как 'без Бога' → 'неразумный, глупый, безрассудный'.

5. Прямым заимствованием из греческого является ц.-слав. *салось, саллось* 'юродивый' [СРЯ XI–XVII, XXIII: 25]) (греч. *σαλός* 'глупый, слабоумный', 'юродивый').

Источники

- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Воспроизведение 2-го издания: СПб.; М., 1880–1882. Т. I–IV (Даль).
 Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р. И. Аванесов (т. I–V), И. С. Улуханов (т. VI), В. Б. Крысько (т. VII–VIII). М., 1988–. Т. I– (СДРЯ).
 Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–). Л., 1966–. Вып. 1– (СРНГ).
 Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Т. 1– (СРЯ XI–XVII).

- Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: «Наука», 1984–. Т. 1– (СРЯ XVIII).
- Срезневский И. И. Дополнения к материалам для словаря древнерусского языка. Репринт издания 1895 г. М., 1958 (Срезневский).
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Репринт издания 1895 г. Т. I–III.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007 (ТСРЯ).

Литература

- Виноградов В. В. История слов. М., 1994.
- Меркулова В. А. К истории становления народной медицинской терминологии. // Slawisches Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 11–13. 10. 1972. Bautzen, Domovina — Verlag, [1975]. С. 132–143.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–. Т. I– (СД).
- Старославянский словарь (По рукописям X–XI вв.) / Слав. ин-т Акад. наук Чеш. Респ., Ин-т славяноведения и балканистики Рос. АН; Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994 (СС).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2003. Т. I–IV.
- Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М.: «Наука», 1977.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: «Рус. яз.», 1999.
- Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского (вып. 1–10), А. Ф. Журавлева (вып. 9–11). М., 1963–2014–. Вып. 1–11– (ЭСРЯ).
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачёва. М.: «Наука», 1974. Т. I– (ЭССЯ).
- Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago; London, 1988.
- Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985.

Древнейшие ономастические следы праславянского вида в Восточной Европе

А. К. Шапошников

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Этимология, гидроним, топоним, антропоним, этноним.

Summary. Some results of etymological research of ancient onomastic examples of Common Slavonic type from the East Europe are submitted in this report: Alutus, Berzovia, Maris, Morimarus, Oseriates, Pathissum, Pelsonis lacus, Porolissum, Pribina, Sauia, Tiverici, Tsierna, Ūlitji, Urbanus, Vrbas, Uulca. Areas of ancient place names are connected to places of residing of ancient ethnos Agathyrsi-Auchatae-Trausi.

1. Древние ономастические примеры праславянского вида

Гидроним римского времени Alutus доносится позднепраслав. *Olъть «имеющий вкус пива», вост.-ром. Олть.

Топоним римского периода из юго-зап. Дакии *Berzovia* и топоним из провинции Дардании Βερζόβις [Detschew 1976: 53] неотделим от праслав. форм **berzovъjъ*, **berzovъje* производных от прилагательного **berzovъ* по сущ. **berza* ‘берѣза’ [Трубачёв 2003: 92, 317, 359].

Гидроним Трансильвании Μάρις ποταμός (Hdt.), венг. Maros, румын. Mureș, продолжает раннепраслав. **mari-* ‘море’, расширенное суф. -s-.

Гидроним *Morimarusa hoc est mortuum mare* (Plin.) и хороним, венгер. комитат *Maramaros*, румын. ист. обл. *Maramureș* возводят к раннепраслав. словосложению **mari-mřusia* ‘море умерших’, ‘мертвое море’ > позднепраслав. **mor’e mřъgъse* [Трубачёв 2003: 43, 44, 268].

Античный этноним Ὀσερίατης, *Oseriates* ‘племя близ озера Балатон’ [Mayer 1957: 251] предлагают трактовать как производный с греко-римск. суф. -at- от корня праслав. **ozero* / **ezero* [Трубачёв 2003: 87, 109, 140, 251, 298, 315].

Античный хороним *Pathissus*, *Pathissum* (Plin.) напоминает праслав. приставочное образование **pa-* / **po-* [Непокупный 1969] от **Tiss*, где второй компонент гидроним Тиса, нем. *Theiss*, венгер. *Tisza*, румын. *Tisa* [Moor 1930: 131]. Вероятность того, что в основе этого гидронима лежит раннепраслав. **teisas*, **teisa*, **teisan* (праслав. **tixъ*, **tixa*, **tixo* ‘тихий, тихая, тихое’), невелика [Трубачёв 2003: 42]. Немецкий рефлекс закономерно отражает прототип **tiß-* < **đit-*?

Античный гидроним *Pelsonis lacus* (Plin.) в Паннонии сопоставляют с праслав. **pleso* ‘открытая широкая часть течения реки, глубокое место в озере’ [Трубачёв 2003: 140] < раннепраслав. сущ. ср. р. **pl’asan*?

В топониме и хорониме Πορόλισσον, Παράλισσον, *Porolissum*, *Dacia Porolissensis* = *Transylvania* выделяется травс. (агафирс.) приставка #*poro-*, *para-* # ‘trans-’ [Трубачёв 2003: 323], ср. русск. пере-, и **liss-* ‘silva; лес’.

Имя собственное в эпитафике Паннонии *Pribina... filius ex alia coniuge...* сравнимо с праслав. формой **pri-jebina* [Трубачёв 2003: 42].

Античный топоним из Скифии Ὀλβία Σαυία, вероятно, следует толковать как «левобережная Ольвия», необязательно выводить только из синдо-меотск. диал. **savia* ‘благая’ [Трубачёв 1979: 124–125]; [Трубачёв 1999: 273]. Форму Σαυία можно считать близкородственной раннепраслав. **s’auia*, прототипу др.-рус. шуи, шуя, шуе ‘левый, -ая, -ое’ < праслав. **s’auj-* < и.-е. **seuio-* / **souio-* [Фасмер 1988, IV: 484].

Этноним тиверцы — очевидное праслав. словообразование с суф. -ъсь от заимствованной и фонетически адаптированной основы **tiver-* < **tivr-* (ср. **svarog-* < **svarg-*). Здесь уместно напомнить, что античный гидроним Τύρης, Τύρας *Tyras* наиболее убедительно толкуется на базе др.-инд. *tivrā-* ‘быстрый, резкий’, инд. гидронима *Tivrā*. От подобного гидронима и произведен слав. этноним **tiverъsi*. При этом этноним отвлечен, вероятно, от уменьш.

формы гидронима *Тиверьць к *Тиверь, т. е. некий «малый» Тиверь (= Днестр). Ср. Ингул — Ингулец, Дон — Донец, Каль — Калец.

Гидроним античной Паннонии *Tierna, Tsierna* действительно напоминают праслав. *čьrna ‘черная (река)’ [Трубачёв 2003: 42, 44].

Др.-русс. этноним оуличч < *ŭl-itji предполагает регулярное словообразование от эпонима родоначальника Оуль или Оуль, который имеет соответствия в виде скиф. антропонима Αὔλος (флейта?), лит. *aulys, avilys*, лтш. *aulis* ‘вид улья’, др.-русс., ст.-слав. оулинь ‘углубление в дереве’.

Гидроним античного Иллирика *Urbanus, Vrbas*, приток реки Савы, сопоставим с праслав. *vьrba ‘верба’ [Трубачёв 2003: 383, 384].

Имя собственное в античной эпиграфике Иллирика *Ulka, Uulca* напоминает праслав. *vьlkъ [Трубачёв 2003: 49, 250].

Эти примеры определенно свидетельствуют о наличии в Вост. Европе ареала раннего и позднего праславянского языкового состояния. Ареал древней ономастики праслав. вида простирается от Сред. Подунавья, Потисья до Карпатского хребта, Позднее в междуречье Дестра и Днестра.

2. Сопряжение древней ономастики с древним этносом

Совокупная античная традиция указывала четыре места поселения агафирсов-авхатов-травсов:

1) юго-восточная Фракия, в мифические времена Агафирс локализуется в области Геллеспонта [Apollod. 2.5.10; Hdt. IV, 10], который в древности именовали Борисфеном [St. Byz. 176.12–14];

2) в исторические времена некие травсы (Τραυσοί, Thrausi) все еще обитали в восточных Родопах, недалеко от своей прародины [Detschew 1976: 521].

3) основным местом расселения травсов-агафирсов в историческое время (VI–I вв. до н. э.) являлась Трансильвания, «в более внутренних областях горного хребта Гем». Геродот сообщал, что река Марис, вытекая из области агафирсов, смешивает свои воды с Истром [Hdt. IV, § 48, lin. 15]. Иными словами, река *Marīsis* (позднепраслав. *Могъшь → румынск. *Mureș*), протекает по стране агафирсов, прежде впадения в Дунай. Кажется, и река *Alutus* (позднепраслав. *Олѣтъ) в своем верхнем течении протекала через страну агафирсов. Этнос Травс обитал поблизости от кельтов, своих западных соседей. Северные части Малой и Великой Скифии, простирающиеся внутрь материка вверх по Истру, граничили сначала на всем протяжении с агафирсами, затем с неврами, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами [Hdt. IV, 100].

4) Последние упоминания агафирсов помещают их уже в Северном Причерноморье, в Побужье. Так, римский писатель Помпоний Мела (ок. 44 г. н. э.) в своем лаконичном перечне народов азиатской Сарматии упоминает агафирсов между буками, савроматами и амаксобиями (*scythae, arimasporae, essedones, buces, agathyrsi, sauromatae, amaxobioe*) [Mela II, 3]. Он же добавляет, что ага-

фирсы наносили татуировки на лица и другие части тела. Плиний Старший (до 79 г.) выражается несколько определеннее. По его мнению, вокруг Гипаниса (Березань) на континенте обитали авхеты, невры, гелоны, фиссагеты, будины, базилиды, агафирсы, номады, антропофаги, савроматы, эседоны (auchetae, neuroe, geloni, thyssagetae, budini, basilidae, agathyrsi, nomades, anthropophagi, sauromates et essedones). Из данного сообщения следует, что в последней четверти I в. н. э. агафирсы оказались в окружении своих дальних родственников — скифов-базилидов (паралатов), авхаты же — в восточном Прикарпатье, к западу от долины Днестра.

Литература

- Непокупный А. П. Дегидронимические названия поселений в балтийских и славянских языках (балт. ра- / слав. по-) // День Артура Озола: Проблемы словообразования в современном языкознании. Материалы научной конференции. Рига, 1969. С. 38–43.
- Трубачёв О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье // Этимология. 1979. М., 1981. С. 124–125.
- Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука. 1999.
- Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / Отв. ред. Н. И. Толстой. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2003.
- Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка: В 4 т., СПб., 1988.
- Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste 2. Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976.
- Georgiev V. Theiss, Temes, Maros, Szamos (Herkunft und Bildung) // Beiträge zur Namenforschung. 1961. XII. № 1.
- Mayer Anton. Die Sprache der alten Illyrier. Bd I: Einleitung; Wörterbuch der illyrischen Sprachreste. Wien, 1957.
- Moor E. Die slawischen Ortsnamen der Theissebene // Zeitschrift für Ortsnamenforschung. 1930. VI. № 2.

К вопросу о хронологии процесса перестройки системы прошедших времен в восточнославянском ареале: диалектные различия

М. Н. Шевелёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Перестройка системы прошедших времен, древнерусские диалектные различия.

Summary. The paper deals with the dialectal distinctions in the chronology of the Past Tense System transformation in Old Russian.

1. Сейчас уже мало кто сомневается в том, что в восточнославянском ареале процесс перестройки старой системы прошедших времен и превращения перфекта в претерит относился к очень раннему времени — раннедревнерусской эпохе. Грамматически правильное употребление старых форм в оригинальных книжных текстах, в том числе в летописях, объясняется, очевидно, сохранением их вплоть до конца XIV в. в «пассивном знании» — аналогично сохранению аориста, например, в современной сербской литературной тради-

ции, где можно предполагать стадию в истории временной системы, сходную с древнерусской [Зализняк 2004: 174]. Процесс вытеснения старых простых претеритов перфектом, известный во многих славянских языках и других языках Европы [Маслов 2004: 293–302], наиболее ранним в славянском мире был в восточном его ареале; процесс этот, несомненно, в целом был длительным — переходная стадия, завершившаяся окончательной утратой старыми простыми претеритами грамматической мотивированности и превращением их только в признаки книжности текста, выбор которых обусловлен воспроизведением устойчивых трафаретов или пересчетом на видовое значение основы, заняла более трех столетий.

В живом употреблении перфект превращается в универсальный *-л-* претерит уже в XI в. (см. [Горшкова, Хабургаев 1981: 306–313 и др.]). Традиционно считалось, что перестройка системы раньше осуществилась на юге Древней Руси, чем в Новгородской земле, — на основании долгого сохранения аористов в формулах новгородских договорных грамот, с одной стороны, и случаев употребления перфекта в роли универсального прошедшего в ранних киевских памятниках, с другой [Кузнецов 1953: 236–238 и др.]. Данные древненовгородских не книжных источников показали, что и в Новгородской земле перфект употребляется как универсальное прошедшее уже в XI в. С другой стороны, есть основания предполагать большую архаичность древнекиевской временной системы XI–XII вв. сравнительно с древненовгородской и в таком случае распространение процесса перестройки не с юга на север, а с севера на юг.

2. Различия между южнодревнерусскими (ю.-др.-рус.) диалектами и древненовгородским (и древнепсковским) обнаруживаются в сфере плюсквамперфекта. По данным старейших киевских памятников, в ю.-др.-рус. диалектах XI–XII вв. новая форма плюсквамперфекта типа *-л- + быть* еще синонимична старой типа *-л- + бѣ / бѣше*: спектр значений их совпадал и противопоставлены они были как формы не книжная книжной — аналогично противопоставлению аориста и имперфекта новому разговорному прошедшему на *-л-*. В древнейших памятниках киевского происхождения встречаются случаи употребления нового плюсквамперфекта в результативном значении (*не лѣнива мѣ быть створилъ* — Поуч. Влад. Мономаха и др.), в антирезультативном значении в идентичном контексте возможны обе формы. Употреблений новой формы в значениях, неизвестных для формы старой (книжной), не засвидетельствовано — семантического отрыва ее от исконного славянского плюсквамперфекта еще предполагать нет оснований.

В северо-западных раннедревнерусских диалектах такой отрыв уже, видимо, произошел: здесь не зафиксировано употреблений новой формы в исконном результативном (смещенно-перфектном) значении, с одной стороны, с другой — есть примеры употребления ее в значении дистанцированного прошедшего, не связанного с результатом (*оставили мѣ были людѣе* — БГ

№ 724 и др.), что характерно уже только для новой формы плюсквамперфекта и свидетельствует о ее семантической эволюции, напрямую связанной с формальной перестройкой — превращением *-л*-формы в претерит.

Для северо-восточной зоны XII в. есть только косвенные свидетельства, позволяющие предполагать развитие этого вторичного значения давнопрошедшего, при этом возможность выражения результативного значения новой формой еще сохраняется.

Таким образом, ю.-др.-рус. система плюсквамперфекта XI–XII вв. оказывается наиболее архаичной, а северо-западная того же времени — наиболее инновационной.

3. В ю.-др.-рус. книжных памятниках XI–XII вв. широко представлено особое грамматически мотивированное употребление имперфекта СВ в кратноперфективном значении, практически неизвестное в старославянском, однако хорошо известное также в древнечешских памятниках [Маслов 2004: 141–175]. В древненовгородских памятниках такое употребление утрачивается раньше: оно встречается в переводе Жития Андрея Юродивого рубежа XI–XII вв., но уже в XII в. новгородские летописцы такие формы, имевшиеся в их киевском источнике, устраняют (*аще кто вылѣзѣше ис хоромыны... абые оуѣзвень будише невидимо ѿ бѣсовъ* — 1092 г., Лавр., л. 71об. → *аще кто из ыстьбы вылезеть, напрасно убьень бывашие невидимо* — 1092 г., НПЛст, л. 6 и др.), а в своих оригинальных записях не используют. Отраженное в книжной традиции пассивное владение грамматикой употребления имперфекта на северо-западе утрачивается раньше — потеря связанного с особой грамматической семантикой имперфекта СВ обнаруживает эту утрату, имевшую место уже в нач. XII в., тогда как в Киеве такое употребление известно на протяжении всего XII в. Более ранняя утрата имперфекта СВ в северо-западной книжной традиции, свидетельствующая об угасании пассивного знания грамматики формы, может быть следствием более продвинутого этапа перестройки системы прошедших времен.

4. Видимо, процесс перестройки временной системы на северо-западе Древней Руси в XII в. был более продвинут, чем в ю.-др.-рус. диалектах, дольше сохранявших архаизмы и пассивное знание грамматической семантики вышедших из разговорного употребления форм, а генетически в большей степени связанных с южнославянскими; возможно, этот процесс и начался с древнерусского северо-запада.

Литература

- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

Гипотеза о западно-южнославянском праязыке: критический обзор

Матей Шекли

Университет в Любляне (Словения)

*Сравнительное языкознание, генеалогическая классификация языков,
западно-южнославянский праязык, словенский язык, средне-южнославянский язык.*

Summary. The question of the Western South-Slavic proto-language revisited. In the historical-linguistic and dialectological literature of the Central South-Slavic area, the so-called *Western South-Slavic proto-language* (in Croatian “*zapadni južnoslavenski prajezik*”, cf. [Brozović 1970]; [Lončarić 1996] is usually reconstructed, from which Slovene and Central South Slavic (i. e. Kajkavian, Čakavian as well as (West and East) Štokavian) have arguably emerged. The present contribution attempts to define the phenomenon of *Western South-Slavic* and discusses it in the context of divergent and convergent changes, which are responsible for the linguogenesis of the individual (Western) South-Slavic languages.

При моделировании языкового происхождения отдельных геолектов, которым мы даем определение *язык* в генеалогическом смысле, современная геолингвистическая реальность (точнее, ее видение исследователем) проецируется в прошлое, а языковое состояние прошлого (архаизмы и инновации) интерпретируется в перспективе современного состояния.

В литературе по сравнительно-историческому языкознанию и диалектологии средне-южнославянского региона в процессе моделирования лингвогенеза западно-южнославянских языков реконструируется т. н. *западно-южнославянский праязык* (в хорватском языке — *zapadni južnoslavenski prajezik*) [Brozović 1970]; [Lončarić 1996], из которого, предположительно, сформировались словенский язык и средне-южнославянский язык (а именно кайкавский, чакавский и (западный и восточный) штокавский), то есть два языка в генеалогическом смысле. В данной работе представлена попытка поместить понятие *западно-южнославянский* в контекст дивергентных и конвергентных изменений в процессе лингвогенеза отдельных (западно-)южнославянских языков.

Позднепраславянский язык (до около 800 г. н. э.) (далее — псл.) вследствие древнейших необщеславянских языковых изменений, в первую очередь, звуковых (с IX века), разделился на три славянских макродиалекта (южный, восточный и западный), которые, в свою очередь, также разделились на меньшие геолекты. Некоторые из данных звуковых изменений еще являлись связанными с праславянскими языковыми тенденциями (тенденция к восходящей звучности и закон слогового сингармонизма), а другие уже от них не зависели, например, в южном регионе: псл. **tl, *dl* > **tl, *dl* vs. **l* (псл. **šidlo* ‘шило’); псл. **tj, *dj* > **ć, *j* vs. **ć, *đ* vs. **št, *žd* (псл. **světja* ‘свеча’, **medja* ‘межа’), psl. **šč, *žž* > **šč, *žž* vs. **št, *žd* (псл. **puščati* ‘пропускать’, **droždžje* ‘дрожжи’). На славянском юге вследствие данных дивергентных звуковых изменений уже очень рано сформировались пять геолектов: 1. **šidlo; *svěća, *meja; *puščati, *droždžje*; 2. **šilo; *svěća, *meja; *puščati, *droždžje*; 3. **šilo;*

*svěća, *međa; *puščati, *droždžje; 4. *šilo; *svěća, *međa; *puštati, *droždje; 5. *šilo; *svěšta, *mežda; *puštati, *droždje. Границы данных геолектов не совпадали с геолектами, которые обычно обозначаются как альпийский, паннонский, приморский, динарско-рашский и восточно-южнославянский.

Отдельные южнославянские звуковые изменения X века, которые распространялись из двух центров инновации, западного и восточного, и происходили приблизительно по изоглоссе звукового изменения псл. *tj, *dj > *ć, *j / *đ vs. *št, *žd, сначала сформировали два крупных геолекта. Это были западно-южнославянский (далее — зап. юсл.) и восточно-южнославянский (далее — вост. юсл.): 1. западно-южнославянская односторонняя инновация: псл. *ъ, *ь > вост. юсл. *ь, *ь vs. зап. юсл. *ə (псл. *dъnъ 'день' : *mъхъ 'мох' > вост. юсл. *dъn : *mъх vs. зап. юсл. *dъn, *mъх); 2) восточно-южнославянские односторонние инновации: а) псл. *pǫ, *bǫ, *mǫ, *vǫ > зап. юсл. *pǫ, *bǫ, *mǫ, *vǫ vs. вост. юсл. *pǫ, *bǫ, *mǫ, *vǫ (псл. *zemǫ 'земля' > зап. юсл. *zemǫ vs. вост. юсл. *zemja); б) псл. *l̥, *n̥ > зап. юсл. *l̥, *n̥ vs. вост. юсл. *l̥, *n̥ (псл. *polē 'поле' > зап. юсл. *polē vs. вост. юсл. *pole).

Младшие южнославянские геолекты, которым мы даем определение *язык* в генеалогическом смысле, со своими главными определяющими характеристиками начали формироваться в X–XI веках. Древнейшие западно-южнославянские геолекты в рамках конвергентных изменений соединились в два западно-южнославянских языка (словенский и средне-южнославянский), в то время как древнейший восточно-южнославянский геолект в рамках дивергентного развития разделился на два восточно-южнославянских языка (македонский и болгарский).

Понятие *западно-южнославянский* в данной модели лингвогенеза западно-южнославянских языков относится не к единому геолекту, из которого сформировались словенский и средне-южнославянский языки, а к группе звуковых изменений, которые на непродолжительное время объединили западно-южнославянские геолекты в конвергентном развитии.

Литература

- Brozović Dalibor. Standardni jezik: Teorija, usporedbe, geneza, povijest, suvremena zbilja. Zagreb, 1970.
- Brozović Dalibor. Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar južnoslavenskih i drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mijene kao jezika hrvatske književnosti. *Hrvatska književnost u evropskom kontekstu*. Zagreb, 1978. S. 9–83.
- Brozović Dalibor. Srpskohrvatski jezik kao geneolingvistički, tipološki i sociolingvistički fenomen // Zbornik za filologiju i lingvistiku. 1984–1985. 27–28. S. 99–105.
- Ivić Pavle. Die serbokroatischen Dialekte. Haag, 1958 (1994).
- Ивић Павле. Основные пути развития сербохорватского вокализма // Вопросы языкознания. 1958. 7/1. С. 3–20.
- Ивић Павле. Српскохрватски дијалекти: њихова структура и развој 1: Општа разматрањ и штокавско наречје // Целокупна дела III / С немачког превела Паница Мразовић.

- Редактор издања Милорад Радовановић. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1994.
- Kapović Mate*. Povijest hrvatske akcentuacije: Fonetika. Zagreb, 2015.
- Lisac Josip*. Povijest hrvatskoga jezika. 1. Srednji vijek. Zagreb, 2009. S. 261–281.
- Lončarić Mijo*. Kajkavsko narječje. Zagreb, 1996.
- Lukežić Iva*. Zajednička povijest hrvatskih narječja: 1. Fonologija. Zagreb; Rijeka; Čavle, 2012.
- Ramovš Fran*. Kratka zgodovina slovenskega jezika. I. Ljubljana, 1936.

Классические языки в славянском мире

Praetoriola в Vulg. Ezech. 27:6 и его соответствия в церковнославянском и русском переводе

О. С. Павлова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Вульгата, перевод, Септуагинта, Иезекииль, Елизаветинская Библия.

Summary. In the paper I study some interpretations of the noun *praetoriola* which is found in the Jerome's Vulgate (Ezechiel XXVIII, 3) in the description of a richly decorated Phoenician ship. It has been suggested by Meibomius and some other scholars that *praetoriola* was a technical word in Latin which may have designated a sort of cabin on the ship. I claim, in my turn, that *praetoriola* is a non-technical word chosen by Jerome in order to translate οἰκουὶς ἑσώδεις of the Septuagint. I suggest, further, that Jerome's *praetoriola* may be correctly rendered into Russian as 'сень'.

Плач о Тире в книге пророка Иезекииля начинается описанием богато украшенного финикийского судна. Среди прочих деталей в латинском тексте встречается слово *praetoriola* (pl < praetoriolum -i, n *demin.* < praetorium, -i n). Сам Иероним объясняет его следующим образом: *praetoriola sive cellaria, in quibus merces pretiosissimae reponuntur*, т. е. некое маленькое помещение, однако все же не «шкаф», как толкует А. П. Лопухин¹. В Латино-англо-саксонском словаре, изданном Я. Гессельсом, интересующее нас слово предстает в виде *preteriola*² и объясняется как *domuncula micina*³, *in naue unius cubiti in quibus abscondunt cibos suos*⁴, а также в более привычном виде: *praetoriola — domuncula in naue*⁵.

В Тезаурусе Иоганна Фридриха Шлейснера приводится перевод Аквилы, который цитирует блж. Феодорит; там мы находим несколько неожиданное объяснение интересующего нас слова: οἰκουὶς ἑσώδεις — 'domos e lucorum arboribus'. Это объяснение было бы совсем странным, если бы не добавление: *id est proceris*⁶, действительно, вряд ли для постройки судна вырубались бы

¹ «...Вулг. *praetoriola*, чем блж. Иероним по его собственным словам хотел обозначить шкафы для хранения драгоценностей (от praetor — на корабле адмирал)» [Толковая Библия 1904–1913, комм. к Иез. 27:6].

² В рукописях Латино-англо-саксонского словаря встречаются также формы *praetoriala* и *praetoriocla* [A Late Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary 2011: 173] (s. u. *preteriola*).

³ Вместо *micina* в Кембриджской рукописи словаря находим *vicina*, однако встречается и *micinos*. Возможно, *micinus* = *micidus*, т. е. 'маленький'; Du Cange s. u. *micina* 'uno vase de nave' (Glossar. Lat. Ital. MS).

⁴ [A Late Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary 2011].

⁵ Cf. Glossae Scaligeri CGL. V. 609, 3; [The Corpus Glossary 1921: 144, 665].

⁶ Цитата по: Novus thesaurus philologico-criticus sive lexicon in LXX et reliquos interpretes Graecos ac scriptores apocryphos Veteris Testamenti. Post Bielium et alios viros doctos congegissit et ed. J. F. Schleusner. Lipsiae, 1820, p.170 s. u. οἰκος ἑσώδης.

священные рощи. Это толкование было перенесено из перевода Мейбомия, где есть объяснение, что он подразумевает под «*lucorum*»¹. У Шлейснера мы встречаем и такое толкование: *domus praetoria, ut vulgo redditur, seu praetoriolum, ut transtulit Vulgatus*, т. е. он полагает, что *praetoriolum* — это «палатка полководца».

Сходное с этим мнение высказывал и Мейбомий, который считал, что *praetoriola* — флагманская каюта², т. е. каюта на флагманском судне, а капитанские каюты на прочих судах назывались просто *tentorium*³ (как σκηνή⁴ у греков). Ход его мысли таков: *praetorium* — палатка главнокомандующего на суше, причем размеры этого помещения, сооруженного на суше, были гораздо больше, чем размеры аналогичного по своему назначению помещения, которое можно было бы соорудить на борту судна. Именно поэтому путем добавления уменьшительного суффикса получилось слово *praetoriolum* — каюта главнокомандующего. Слово *praetorium*, по мнению Мейбомия, не имеет какого-либо другого значения в латинском языке, поэтому и *praetoriolum* его иметь тоже не может (т. е. слово *praetoriolum* — латинский морской термин, обозначающий каюту капитана), а в противоречащее этой версии толкование самого Иеронима он предлагает добавить слово *simul* и читать его следующим образом: *praetoriola sive cellaria, in quibus simul merces pretiosissimae reponuntur*. Однако если учесть обстоятельства, при которых это слово появилось в тексте, есть все основания интерпретировать его иначе.

Существуют два варианта толкования древнееврейского *bth*: в масоретском тексте мы встречаем огласовку *bath*, т. е. «дочь», однако некоторые исследователи предлагают читать как *beth*⁵. В частности, Мейбомий полагает, что это слово следует читать как *beth* «дом», для доказательства правильности такого чтения он приводит такое же чтение в парафразе Ионафана, οἶκος 'λσώδεις в Септуагинте и в переводе Аквилы [Reider 1917], на который ссылается блж. Феодорит, эта цитата и приводится в лексиконе Шлейснера.

В словаре Септуагинты под редакцией Йохана Люста 'λσώδης в настоящем стихе трактуется как «woody», а в словаре Гесихия слово 'λσώδης является синонимом слова «тенистый» (σύνσκιος)⁶.

С другой стороны, совершенно очевидно, что сооружение это не является палаткой или шатром: масоретский текст можно толковать по-разному, однако из него следует, что это некая деревянная конструкция, что подтверждает-

¹ *ex arboribus lucorum, quae proceres erant.* (курсив Мейбомия) [Marci Meibomii 1671: CXL–CXLI].

² [Marci Meibomii 1671: CXXXVIII].

³ [Marci Meibomii 1671: CXLIII].

⁴ Poll. Gram. I 89 (ed. W. Dindorf, Leipzig, 1824); Palaephatus 29 (ed. N. Festa / Mythographi Graeci, III (2), Leipzig, 1902).

⁵ См., например, [Marci Meibomii 1671: CXXXVII].

⁶ Hesych. Lex. s. v. *ψυκτήρια* cf. Athen. XI 109. Возможно, произошел семантический сдвиг «лесистый» — «тенистый»?

ся и комментарием блж. Феодорита: οἰκοὺς ἑλσώδεις, τούτέστι σανάσι κεκαλυμμένους. οὐτὼ γφρ καὶ Ἰ Ἀκύλας ἠρμενεύσε (id est tabulis tectas в переводе Мейбомия).

Таким образом, блж. Иероним, который, очевидно, опирался и на греческий, и на древнееврейский текст, при переводе настоящего стиха воспользовался интерпретацией Септуагинты (возможно, древнееврейский текст показался ему неоднозначным) и постарался подобрать латинское слово, которое бы означало небольшую крытую деревянную постройку¹, что-то вроде беседки.

Что касается сравнительно новых переводов, этот вариант чтения, опирающийся на Септуагинту, принят в английском переводе Вульгаты (Дуай-Реймс, 1899 г., «cabins») и Елизаветинской библии (1751 г., «дома древяны»). В новейших переводах на русский язык² принимается другое чтение.

Нам кажется, что при переводе этого стиха Вульгаты на русский язык адекватным было бы использование слова «сень», которое по значению наиболее близко к словосочетанию «οἰκοὺς ἑλσώδεις» ‘тенистые (изначально — из-за листвы) постройки’ и слову praetoriola ‘беседка’. Кроме того, слово «сень» имеет дополнительные коннотации: сень (киворий) располагался над могилой для того, чтобы подчеркнуть ее значимость и уберечь от погодных явлений. Именно это значение среди прочих есть и у латинского слова praetoriola.

Итак, слово praetoriola, по всей видимости, не имеет никакого отношения к мореходной лексике. В рассматриваемом нами отрывке блж. Иероним придерживается интерпретации 70 толковников и ищет подходящее латинское слово для точного перевода. Таким образом, в своем комментарии к этому слову он не разъясняет значение термина, а уточняет свой вариант перевода греческого οἰκοὺς ἑλσώδεις.

Литература

- Толковая Библия / Под ред. А. П. Лопухина. Ветхий Завет. Т. IV. Петербург, 1904–1913 (2015).
 A Late Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary / Ed. Jan Hendrik Hessels. Cambridge, 2011 (repr. 1906).
 Corpus glossariorum Latinorum / Ed. Gustav Loewe, Georg Goetz. T. I–VII. Lipsiae, 1888–1923.
 Glossarium mediae et infimae latinitatis, conditum a Carolo Du Cange. Niort: L. Favre, 1883–1887.
 Marci Meibomii De fabrica triremium liber. Amstelodami, 1671.

¹ hunc praetoriolum cum hortulo et heroo (CIL V 4057),

praetoriolum pertinens ad <her>oum suum ... a solo exstruxit (CIL VI 32308).

² «Из башанских дубов смастерили они твои вёсла; из кипариса с Кипрских берегов сделали твою палубу, выложив костью слоновой» (Восточный перевод = “Central Asian Russian Scriptures” = CARS); «Из дубов Васанских делали весла твои; скамьи твои делали из букового дерева, с оправою из слоновой кости с островов Киттимских» (Синодальный перевод); «Из васанских дубов смастерили они твои весла; из кипариса что с кипрских берегов сделали твою палубу, выложив слоновой костью» (Новый библейский перевод МБО); cf.: “Of the oaks of Bashan have they made thine oars; the company of the Ashurites have made thy benches of ivory, brought out of the isles of Chittim” (King James Version).

Novus thesaurus philologico-criticus sive lexicon in LXX et reliquos interpretes Graecos ac scriptores apocryphos Veteris Testamenti / Post Bielium et alios viros doctos conguessit et ed. J. F. Schleusner. Lipsiae, 1820.

Reider J. Prolegomena to Greek-Hebrew and Hebrew-Greek index to Aquila. Chapter IV: The Hebrew text underlying Aquila's version // The Jewish Quaterly Review. New Series. Vol. 7. No. 3, Jan. 1917.

The Corpus Glossary / Ed. W. M. Lindsay (with an Anglo-Saxon Index by Helen M. Buckhurst). Cambridge, 1921.

Перевод В. А. Жуковского поэмы «Одиссея» в русской литературной критике

О. М. Савельева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Одиссея, Жуковский, перевод, критика, художественные средства.

Summary. The article is dedicated to the analysis of the Zhukovskij's translation of the poem Odyssey in the Russian critical literature. The critics marked that the Zhukovskij's translation maintains a manner of romantic poems of early Russian romanticism, it is written with poetisms and elements of archaic syntax and with the imitation of the epic hexameter verse in Russian. Especially is remarkable the translator's poetical gift.

В 1842–1849 гг. в Германии, Жуковский выполняет перевод «Одиссеи», который считал «своим лучшим, главным поэтическим произведением», как он написал в программном для него письме С. С. Уварову. В середине 1848 г., он поместил часть этого письма «Вместо предисловия» к переводу первой половины поэмы в ее первом издании. Вторая часть перевода вышла в 1849 г. Глубокое постижение мира древности, поэтическое дарование, «могущество и разнообразие слога» (А. С. Пушкин) позволили Жуковскому создать перевод высоких художественных достоинств. Мечтая о том, «...чтобы чтение «Одиссеи» сделалось доступным всем возрастам», он прекрасно понимал, сколь нереально было бы ожидать в современном ему мире сильного воздействия поэмы. В общем ходе европейских событий конца 40-х гг. вполне понятным предстает слабый интерес публики к древнегреческому эпосу. Однако было важно, что перевод сразу вызвал одобрение писателя и критика К.-А. Фарнгагена фон Энзе, который, как известно, владел и русским, и греческим языками, превосходно знал русскую словесность и пропагандировал ее. Он писал о переводе: «Мы, немцы, не имеем чего-либо столь удавшегося». В 1849–1850 гг. в России в основных журналах вышло большое количество статей, где было выражено мнение ведущих критиков. В рецензиях И. И. Давыдова, Б. Н. Ордынского (в 1853 г. он перевел «Илиаду»), Г. С. Дестуниса, О. И. Сенковского, С. П. Шевырева, В. И. Водовозова главными были два вопроса: о сопоставлении труда Жуковского с текстом гомеровской поэмы и о характере языка нового перевода. Критически были отмечены «элемент романтической элегии» (Дестунис), привнесенный Жуковским; «введение своей личности» (Давыдов), что определило отдаление перевода от оригинала и даже «изменение духа по-

эмы»; внесение сентиментальности и оттенка христианской морали (Ордын-ский). Однако столь же единодушно критики высоко оценивали выразительность и живость языка перевода. Залог его успеха все видели в том, что он был сделан крупным поэтом (Ордынский). Г. С. Дестунис, не приветствуя «пышность, идеализацию, отклонения от языка подлинника» и то, что Жуковский... «часто дорисовывает картину», восхищался эстетической высотой перевода и талантом поэта: «Гомер тут сквозь слезы улыбается, — пишет критик, — ...И как естественно было такому поэту, каков Жуковский, размахнувшись своей рукой-владыкой, не стесняться уроком ученого профессора, пособием докучливого филолога», — признает Гавриил Дестунис, профессор греческой словесности Санкт-Петербургского университета. Он по достоинству оценил, что в переводе сохранена верность общечеловеческим началам гомеровского эпоса — любви к родине и близким людям. С. П. Шевырев подчеркивал, что «можно жить в Германии и носить в себе родину в убеждениях своего ума и сердца и в языке...». Н. В. Гоголь пристально следивший за ходом работы Жуковского, ознакомился с отдельными частями перевода во время встреч с поэтом в Германии и выразил свой восторг в одной из глав «Выбранных мест из переписки с друзьями», известной как статья «Об Одиссее», переводимой Жуковским», предварившей издание самого перевода с целью подготовить публику (1846). Критики высоко оценили метрическую сторону перевода. Жуковский уже в ранний период творчества без колебаний выбрал гексаметр как единственно возможный размер, способный воплотить стиховую форму античного эпоса. Тщательная отделка музыкально-интонационной стороны стиха позволила ему в переводе «Одиссеи» (и позже в I песни «Илиады») полноценно отразить средствами русской метрики совершенный в своей организации гомеровский гексаметр. Спондей в начале стиха обычно представлен восклицаниями: «о! когда!», «но когда!», «о царица!» и т. п. Известно часто приводимое сопоставление: если Гнедич в «Илиаде» допускал дактилические замены хореическими в каждой пятой строке, то Жуковский в «Одиссее» — в каждой сотой. При такой редкой замене особенно примечательным становится единственное место в поэме, где имеет место значительное скопление спондеев, — это описание страданий Сизифа: «Тяжкий камень снизу обеими влек он руками / В гору» (Од. 11. 594–595). Критики отмечали, что здесь спондеическое утяжеление стиха, вслед за античной традицией метрических модификаций как стилистических средств, абсолютно оправданно и вызывает ассоциации с мучительной и бесконечной работой Сизифа. Имитируя построение гомеровского стиха, Жуковский редко ставит на первое место слова с второстепенным значением: союзы, односложные слова etc. Чаще они употребляются им как вставки для заполнения «свободных» слогов русского 17-сложного гексаметра. Переводчик, стремившийся, «...чтобы гомеровский стих был ощутителен в стихе русском», выполнил свою задачу. Жуковский был тонким мастером по-

этической формулы (достаточно того, что слова «гений чистой красоты», «прекрасный наш союз» были впервые сказаны им), и он в полной мере проявил эту сторону своего искусства, передавая формульный стиль гомеровского языка.

«Одиссея» Жуковского стала не только ценным фактом русской литературы и важным явлением русского просвещения. Одновременно перевод «Одиссеи» оказался импульсом для развития критического направления в русской филологической науке.

Литература

- Homeri Odyssey / Rev. by G. E. Dimock. Loeb Classical Library. Harvard University Press. Cambridge. London, England, 1998.
- Гомер. Одиссея / Перевод В. А. Жуковского; Изд. подготовил В. Н. Ярхо. М., Наука, 2000.
- Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: В 2-х тт. М.: Радуга, 1985. Т. 2.
- Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984.
- Дестунис Г. О переводе Одиссеи В. А. Жуковского // ЖМНП. 1850. № 8. Ч. 67. Отд. II.
- Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.: Индрик, 2001.
- Шевырев С. П. Рецензия. Замечания о языке переводов // Москвитянин. 1849. № 4. Отд. IV.
- Шестаков С. П. В. А. Жуковский как переводчик Гомера // Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина. Кн. XXII. Казань, 1902.

Греческая трагедия в русских переводах (опыт М. Л. Гаспарова)

Т. Ф. Теперик

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Миф, трагедия, перевод, поэтика, смысл.

Summary. The paper presents analysis of M. Gasparov' Russian translation of Euripides' "Iphigenia in Tauris". By comparing translator's strategy — as it transpires from the translation's text — with his theoretical postulates, it is possible to come to the conclusion that in this case the translation's author is true to his own "aspiring to precision" postulate, meaning in this case not metrical, lexical or syntactical similarity, but staying true to, and conveying the precise artistical sense and meaning of the oeuvre, just as he came to understand it.

«Ифигения в Тавриде» Еврипида принадлежит к жанру так называемой трагедии интриги, предтечи романа ([Euripides 1999: 5]; [Ярхо 2000: 205]), и несмотря на то, что сюжет построен на мотиве жертвоприношения, развитие событий приводит к благополучному для героев финалу [Фрейденберг 1998: 431]. Точно так же, как в другой трагедии Еврипида, «Ифигении в Авлиде», где не была принесена в жертву сама героиня, в этой трагедии не будет принесен в жертву ее брат, хотя пролог сначала создает и иное впечатление. Переводом этого пролога М. Л. Гаспаров открывает серию переводов нового типа, наиболее полная подборка которых позже войдет в книгу его эксперименталь-

ных переводов, где собраны переводы самых разных поэтов: Верхарн, Гельдерлин, Рильке, Киплинг, Борхес, Элюар [Гаспаров 2003], но важно, что начинался этот эксперимент именно с «Ифигении в Тавриде». Пролог этой трагедии в версии Гаспарова — явление уникальное. Во-первых, перевод принадлежит филологу-классику, посвятившего себя проблемам истории и теории античной литературы. Во-вторых, автор к этому моменту и сам — состоявшийся переводчик с древних языков. В-третьих, он является не только практиком, но и теоретиком перевода — явление редкое. Кроме того, тексту предпослано объяснение стратегии, откуда следует, что перевод «рассчитан на то, чтобы читатель сверял его не с греческим подлинником, а с предшествующим русским переводом — переводом Иннокентия Анненского» [Гаспаров 1972: 270].

Соглашаясь с тем, что Еврипид Анненского является признанной классикой русской переводной литературы, Гаспаров констатирует, что «научное изучение переводов Анненского еще не начиналось», формулируя при этом: «вряд ли где нагляднее выявляется поэтическая индивидуальность Анненского, чем при сравнении с подлинниками его переводов — будь то переводы из «парнасцев» или Еврипида» [Гаспаров 1972: 269]. Иными словами, утверждается, что анализ поэтического перевода может иметь значение не только для понимания особенностей техники перевода, но и для понимания поэтической личности автора, взявшегося за этот перевод.

Что конкретно Гаспаров предлагает здесь в противовес Анненскому? Какие черты вызывают его оппозицию? Первая о претензия Гаспарова состоит в многословии переводчика, вторая в это разорванности синтаксиса, то есть обе черты скорее относятся к форме, чем к содержанию. Но предложенная Гаспаровым «сжатость» вместо многословия и «связность» вместо эмоциональной разорванности, меняют *смысл* переводимого текста, вынуждая требовательнее относиться как к отбору лексики так и к самому построению фразы, потому что «именно так лучше всего можно передать на русский язык то сочетание мужественности и рассудочности, которое так специфично для стиля греческой трагедии» [Гаспаров 1972: 271]. Поскольку «мужественность» и «рациональность» — категории скорее содержания, чем формы, то понятно, почему Гаспаров не считает необходимым придерживаться точности в размере, который у него не эквиметрический, шестистопному греческому ямбу противопоставлен пятистопный ямб с преимущественно мужскими окончаниями, стих, более короткий, по словам Гаспарова, чем стиль подлинника и «обычных русских переводов». Обычных- то есть традиционных, привычных, укоренившихся в XX веке. Но почему нужен стих более короткий? Одна из причин — потому что в греческом языке масса предлогов, союзов, энклитических частиц, удлиняя метр, они не имеют ключевой содержательной нагрузки, из-за отсутствия их в русском языке переводчик, имитирующий размер, вынужден вставлять новые слова. Об этом хорошо сказано Ф. Ф. Зелинским: «Рассудочный ха-

рактер античной поэзии ведет к тому, что ее мысли сцеплены между собой либо взаимной подчиненностью, либо всякого рода союзами и частицами. Это для переводчика — один из камней преткновения».

Приведем рассказ о сне Ифигении в переводах Анненского и Гаспарова.

Гаспаров: «Мне снилось, что покинув этот край // я в Аргосе спала среди подруг // как вдруг удар сотряс родную грудь; // я в ужасе бросаюсь из дворца // и вижу: пали в прах зубцы стены // и рухнула возвышенная кровля // где отчий дом стоял, там столп стоит, / и русые с него свисают кудри, // И голос человеческий звучит. // А я, служить привыкшая смертям // его последней влагой омываю, // рыдающая. — Ясен этот сон! Орест погиб; его я обряжала!»

Анненский: «Мне грезилось, что я уже не здесь, // А в Аргосе меж девами покоюсь... // И вдруг удар подземный... Выбегаю // Из терема и вижу, что карниз // обрушился, что крыша вся в обломках, // вся на земле... и будто из колонн // всего одна осталась в нашем доме, // И дивно: с капители волоса сбегает золотистые, и голос // Мне слышится оттуда человека. Я ж, соблюдая долг свой обряжать // на смерть гостей, — колонну орошаю. Предсмертной влагой, — и слезами лик. // Прозрачен сон: Ореста больше нет, Ореста я богине посвящала...».

Кроме семантических анахронизмов («терем», «грездиться»), в переводе Анненского ложные многоточия, про избыточность которых хорошо сказано тем же Зелинским [Гаспаров 1972: 272]. Во-вторых, лексические расхождения: «Золотистые волоса» — не то же, что «русые кудри», а «человеческий голос» — не совсем то же самое, что «голос человека». И «покоиться» — не то же самое, что «спать», а «орошать слезами» не то же, что «рыдать». И что же именно «орошается слезами»? Из гаспаровского перевода следует, что столп, у Анненского сказано, что это «лик». Но чей это может быть «лик»? Если переводчик хочет сказать, что Ифигения видит за колонной — лик Ореста (оттого и слышит «голос человека»), то такой перевод не очень понятен. Но возможно, из-за того, что это сновидение? Однако героиня ведь истолковала его содержание, пусть ошибочно¹, так что в гаспаровском переводе этот пассаж выглядит яснее и точнее. Избранный им размер также доказывает, что точность он понимает как художественную, а не как простое следование букве: метрике и лексике. Назвав свой перевод экспериментальным, Гаспаров подчеркнул его латинскую составляющую, то есть «опыт». Пусть это не целиком, не полностью перевод, но это опыт, учитывающий предшествующую традицию, отталкивающийся от нее, и дискутирующий с ней. Здесь и полемика с

¹ «У Еврипида, близкого по времени к средней комедии, иллюзионного элемента больше, чем у Эсхила и Софокла. Оттого и сон — ложный» [Фрейденберг 1998: 431].

одним из переводческих *credo*: не знать предшественника. «Не только знать, но и изучать, иначе движение вперед невозможно» — как бы говорит Гаспаров фактом своего перевода пролога трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде».¹

Литература

- Гаспаров М. Л. Начало «Ифигении в Тавриде» Еврипида // Античность и современность. М., 1972. С. 269–277.
- Теперик Т. Ф. «Электра» Еврипида в переводе М. Л. Гаспарова // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб., 2011. С. 497–506.
- Теперик Т. Ф. «Орест» Еврипида в переводе М. Л. Гаспарова // Материалы «Гаспаровских чтений» — 2014. М.: Изд. РГГУ, 2015. С. 53–64.
- Фрейденберг О. М. Трагедия // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 372–622.
- Ярхо В. Н. Еврипид. «Ифигения в Тавриде» // Ярхо В. Н. Собрание трудов. Древнегреческая литература. Трагедия. М., 2000. С. 202–225.
- Euripides. Iphigenia in Tauris / Edited with Introduction and Commentary by M. Platnauer. London, 1999.

¹ Этот опыт впоследствии будет распространен и на другие трагедии об Оресте: «Орест» и «Электру». См. [Теперик 2014]; [Теперик 2011].

Концептосферы славянских языков: традиции и развитие

Метафора *фауна* в сучасному публіцистичному дискурсі

О. І. Андрейченко

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Таврическая академия (структурное подразделение) (Симферополь, Россия)

*Публицистический дискурс, концепт, фрейм, политическая метафора,
метафорическая модель.*

Summary. The article is devoted to a conceptual analysis of the present-day publicistic metaphor. It describes the frame structure of the metaphorical model for “Political Realities — Animal World”.

Сучасний публіцистичний дискурс багатий на метафори, які образно характеризують суб'єктів політики, їхні погляди, дії. Згідно з уявленням сучасної когнітивної семантики метафоричне моделювання — це засіб пізнання й оцінки певного фрагмента об'єктивної дійсності за допомогою сценаріїв, фреймів, слотів, які належать до іншої поняттєвої сфери. Використовуючи в сучасному публіцистичному дискурсі метафоричну модель замість прямої номінації, автор має на меті спрямувати думку реципієнта в заданому напрямку, робить спробу нав'язати свою систему оцінок і поглядів.

Природа здавна слугує людині свого роду моделлю, згідно з якою вона інтерпретує політичну реальність, створюючи таким чином мовну картину політичного світу. Природне середовище відіграє вельми важливу роль у формуванні образних еталонних стереотипів сприйняття та осмислення дійсності, крізь які етнос “бачить” світ. Їх можна визначати як національні інтелектуально-оцінні концепти [Голубовська 2003: 61]. Таке стереотипне проектування у етносвідомості мовців ґрунтується на наявності особливої внутрішньої форми, пов'язаної із дискурсивно стереотипною комунікативно-прагматичною ситуацією [Алефиренко 2002: 280].

Фауна неодноразово ставала об'єктом метафоричного переосмислення [Голубовська 2003]; [Гутман 1997]; [Чудинов 2001]; [Шейгал 1999]. У текстах публіцистичного дискурсу зоологічні метафори, виступаючи носіями певних національно детермінованих стереотипів, мають здатність репрезентувати сприйняття політичної дійсності мовцями.

Метафорична модель “Політичні реалії — світ тварин” репрезентована такими фреймами.

Фрейм 1. Фауна. Надзвичайно продуктивними у текстах політичного дискурсу є зооніми-концепти, характерні для нашого лінгвокультурного ареалу, зокрема **вовк, коза (козел), кіт, кінь, качка, лебідь** тощо, пор.: *І з гидкого*

качеляти — науковця співробітника якого інституту поставив **красень лебідь** — народний депутат України. Та все це в минулому (ДУ). Наприклад, конотація, пов'язана з метафоричною іпостасю зооніма **кіт**, асоціюється із пристосуванством, пор.: *Насамперед, йому слід “запустити” у власну адміністрацію такого собі “санітара лісу”, аби видворити звідти — перекладуючи Кучму — 94 року — відверто вже “зажирілих котів”* (ПіК). На нашу думку, метафора **“зажирілі коти”** набула фразеологічного значення ‘надзвичайно багаті люди, олігархи’ і може розглядатися як інноваційна ФО.

Зооморфна політична метафора слугує засобом вербальної агресії, суть якої полягає у спрямованості на усунення опонента, зниження його політичного статусу [Шейгал 1999: 204–206], пор.: *...Найсмішніше ж буде, коли жоден із цих павуків у банці, котрі змагаються за право виборювати звання наступника, діючого гаранта не влаштує* (УМ). Зоонім **павук** спричинює негативні емотивно-сміслові асоціації, пов'язані з образом жорстокої, підступної, хитрої у ставленні до когось людини. Прикладом вербальної агресії публіцистичного дискурсу може бути також метафора **яструби**, тобто ‘досвідчені й агресивно налаштовані високопосадові особи’, пор.: *Рішенню... про зміну прем'єра і уряду передували консультації у вузькому колі “яструбів” політики* (ВК).

Продуктивними зооморфними метафорами у публіцистиці є й назви риб: **акули** (економіки, політики, пера) ‘досвідчені фахівці у своїй справі’; **піранії** ‘агресивні, жорстокі (кровожерні) люди’; **кілька** ‘маленька, незначна людина’; **медуза** ‘хитра, слизька людина’ тощо, пор.: *Класичної піраміди організованої злочинності, де б нагорі стояв “хрещений батько” і далі — за субординацією, закінчуючи тими “піраніями”, що підбирають шматки зі столу, в Україні ми не спостерігаємо* (ГУ).

Фрейм 2. Характерні дії тварин. Як засвідчує матеріал, адресанти публіцистичного дискурсу свідомо апелюють до лайливих слів, вульгаризмів як засобів вербальної агресії. Прикладами такої апеляції може слугувати зооморфна метафора, яка зображує відношення між політичними партіями, їх лідерами, окремими політиками як агресивні дії тварин. Такі метафоричні моделі дозволяють висловити особливу безжальність, жорстокість боротьби за владу. Показовими є метафори **гризня, кусати, жерти, гавкати** тощо, пор.: *12 грудня почнеться гризня за парламентські комітети* (УС)

Фрейм 3. Спосіб життя тварин. У публіцистичному дискурсі характеристика дій політиків, політичних інститутів метафорично інтерпретується як спосіб життя тварин. Наприклад, метафори **період “линьки”, змінити колір** характеризують політика як зрадника, пор.: *У списку Блоку Юлії Тимошенко 62-річний учений муж займав високе 9-те місце... Але потім настав період “линьки”, і Петро Петрович змінив колір* (УМ). На іншу ознаку — пуста, безпредметна, нікому не потрібна, безкорисна, марна — вказує метафора **яло-**

вий у такому контексті: *Комуносоціалісти зуміли своєю демагогією вивести з-під удару за тяжке матеріальне становище Верховну Раду, яловість якої очевидна*” (МУ). Метафори цього типу відзначаються негативною конотацією.

Фрейм 4. Поводження з тваринами. Зооморфні метафори образно характеризують дії, вчинки політиків, які **полюють один за одним, ловлять на гачок, притискають хвости** тощо, пор.: *Тоді Тимошенко наважилась... притиснути хвоста* припалим до топливно-енергетичної “годовниці” тіньовикам (УМ).

Отже, метафоричні моделі використовуються як засіб маніпулювання свідомістю адресата сучасного публіцистичного дискурсу. Прагматичний зміст метафори *фауна* націлює реципієнта на оцінку важливості політичної реальності. Загальною ознакою виявлених метафоричних моделей є негачія та агресивність. Зумовлено це не особливістю вихідної поняттєвої сфери, а реаліями політичного життя, добром тих емотивних смислів, яких потребує політична ситуація.

Умовні скорочення

ВК — газета “Вечірній Київ”;	ГУ — газета “Голос України”;
ДУ — газета “Демократична Україна”;	МУ — газета “Молодь України”;
ПіК — тижневик “Політика і культура”;	УМ — газета “Україна молода”;
УС — газета “Українське слово”.	

Література

- Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания, культуры. М.: Academia, 2002.
- Голубовська І. О. Метафорико-символічні іпостасі зоонімів у рамках фрагмента мовної картини світу “царство тварин” (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) // Мовознавство. 2003. № 6. С. 61–68.
- Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1997. С. 147–165.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
- Шейгал Е. И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 204–222.

Славянский мир в проповедях Яна Коллара

Э. Бртанёва

Институт словацкой литературы САН (Братислава, Словакия)

Ян Коллар (1793–1852); проповеди и речи; Славяне; словацкое национальное возрождение; религия

Summary. The personality of Ján Kollár (1793–1852) represents one of the peaks of the Czech and Slovak National Uprising also in religious terms. It is evidenced by his most extensive literary work *Nedělní, sváteční a příležitostné Kázání a řeči* (1831, 1844).

The content of sermons reflects Ján Kollár’s thinker personality and comprises all areas of life and brings answers to national, linguistic, cultural-educational, ethical and social questions. Kollár en-

deavours to raise the Slovak faithfuls' national awareness by stressing their attachment to their mother tongue and nationality. He leads them to the sense of belonging with the great Slavic fellowship as well, while highlighting the fact that the Slavs are not just the most numerous nation on the European continent, but they also made a contribution to the advancement of the European civilization by participating in the development of its religious life (reformation) and with their farming craft.

According to Kollár's interpretation, the nationality has its place both in the church and in God's plan. The religiousness and nationality are two complementary components that pursue the same objective: the moral perfection of man. The religiousness refines the human life from within, the nationality from without, the religiousness leads to spiritual, eternal welfare, the nationality to terrestrial happiness and comfort. The cultivation of religion contributes to the improvement of relations among nations.

Kollár demands high moral standards from the Slavic nation and calls upon Slavs to practice religious and national tolerance.

Личность Яна Коллара (1793-1852) и его деятельность являются одной из вершин чешского и словацкого национального возрождения в плане религиозном. Доказательство тому — обширное произведение под названием «Воскресные, праздничные Проповеди и речи и Проповеди и речи по случаю» (1831, 1844), которые содержат 110 проповедей, занимающих почти 1 500 страниц. Этот двухтомник в ценностном отношении связан с остальным — прозаическим и поэтическим — творчеством Коллара и равноценен ему по качеству.

Содержание проповедей отражает образ мышления Яна Коллара, весь спектр его интересов и деяний. Проповеди затрагивают все сферы жизни и дают ответы на национальные, языковые, культурно-просветительские, этические и социальные вопросы. Учитывая деятельность Коллара (в 1819–1848 гг.) в качестве словацкого проповедника в евангелическом церковном коллективе в Пеште, членами которого кроме словаков были также немцы и венгры, прежде всего, возникает вопрос о совместном проживании народов. Национальное самосознание словацких верующих Коллар стремится пробудить путем акцентирования внимания на родном языке и на собственной идентичной принадлежности. Одновременно он хочет внушить словакам мысль об их принадлежности к Славянству, акцентируя при этом внимание на том, что Славяне являются не только многочисленным народом на европейском континенте, но что они содействовали развитию европейской цивилизации как в религиозном плане (реформация), так и в плане развития сельского хозяйства.

К. Кузмани в прощальной речи на похоронах Коллара констатировал, что тот прославился больше «проповедничеством национального», нежели «проповедничеством евангелия». По Коллару, категория национального занимает такое же место в храме, как и в представлении Божьем. Религиозное и национальное — две составляющие, у которых одинаковые цели — забота о нравственном совершенстве человека. Религия способствует воспитанию человека изнутри, национальное — снаружи, религия способствует духовному, вечному благу, национальное — земному счастью и благополучию. Религиозное воспитание содействует улучшению взаимоотношений между народами.

Народ для Коллара является нравственной категорией. Высоких нравственных качеств он требует, прежде всего, от славянских народов. Поэтому он обращает внимание не только на их положительные качества, но и на серьезные недостатки их характеров: на эгоизм, зависть и недоброжелательность. Он апеллирует к Славянам как к христианам и призывает их к религиозной и национальной терпимости.

Литература

- Ivantišynová T.* Ján Kollár a slovanská vzájomnosť. Genéza nacionalizmu v strednej Európe. Bratislava: SDK SVE Stimul, 2006.
- Kollár J.* Nedělní, sváteční a příležitostné Kázně a Řeči. Díl 1. V Pešti: tiskem Trattnera a Karolicho, 1831.
- Kollár J.* Nedělní, sváteční a příležitostné Kázně a Řeči k napomožení pobožné národnosti. Díl 2. V Budíně: tiskem Jana Gyuriana a Martina Bagó, 1844.
- Kraus C.* Ján Kollár (1793–1993). Zborník štúdií. Bratislava: VEDA, Vydavateľstvo SAV, 1993.
- Kuzmány K.* Nábožné kázání [...] k posvěcení památky Jana Kollára. Ve Vídni: tiskem Vel. Congregacie PP. Mechitaristů, 1852.
- Lochman J. M.* Duchovní odkaz obrození: Dobrovský, Bolzano, Kollár, Palacký: náboženské profily. 1. vyd. Praha: Ústřední církevní nakladatelství, 1964.
- Michalko J.* Kázňové smery. Liptovský Mikuláš: Tranoscius, 1955.
- Mráz A.* Ján Kollár. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1952.
- Pynsent R. B.* Mýtus slovanství: P. J. Šafářík a Jan Kollár // Pátrání po identitě. Jinočany: H & H, 1996. S. 67–128.

Балто-славянские параллели в сфере низшей мифологии

М. М. Валенцова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Этнолингвистика, демонология, балто-славянские параллели.

Summary. The paper deals with the common mythonyms in Slavic and Baltic languages which could be regarded as the common IE inheritance, the relics of Balto-Slavic commonality or common loan words.

Усиление интереса к балто-славянской проблематике, наблюдающееся с 50–60-х годов XX в., имело результатом значительные достижения как в области лингвистики, лингвистической контактологии, текстологии, так и в области этнолингвистики, культурологии и мифологии. В. Н. Топоров отмечал, что интерес к мифологическим темам возрос благодаря ряду причин, среди которых и «усиливающаяся роль языковых данных в мифологических исследованиях» [Топоров 1998: 29].

Круг исследуемых тем оказался достаточно широк: реконструкция мифологии, в первую очередь, балтийского и славянского пантеона, этимология божественных имен, традиционная народная культура балтийских и славянских народов, в том числе: мифологические образы Матери-Земли, небесных светил и атмосферных явлений, животных, растений; обряды; мифологические мотивы, фольклорные жанры и сюжеты; концепты традиционной культуры и др.

Однако собственно низшей мифологии — сопоставлению названий и образов демонов и духов в балто-славянской перспективе уделялось, как представляется, недостаточно внимания. Отчасти потому, что «вопреки близости балтийских и славянских языков сохранилось удивительно мало общих мифологических терминов» [ЕВМ: 196], отчасти из-за языкового барьера у самих исследователей, отчасти из-за трудоемкости такого исследования, необходимости привлечения широкого круга знаний из разных научных дисциплин, включая этимологию, этнографию, историю, индоевропеистику.

Между тем, в корпусе славянской и балтийской демонологической лексики есть ряд терминов, которые могут быть интересны для решения этногенетических вопросов и их хронологии.

Среди таких схождений — слав. мифоним *vlko(d)lak*, имеющий наиболее близкую и единственную параллель в балтийских языках (этому слову посвящен ряд работ В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова и др.); в.- и ю.-слав. названия с корнем **nav-* (полес. *навѣи, навѣ, Навский великдень* и под., карпато-укр. *нав-ки, наўкы, маўкы* и под., з.-болг. *нави, навяци*, макед. *нави, навјаци* и др., в.-серб. *нави, навке, навоји, мави* и др., словен. *navje, tavje* [Агапкина 1999: 152–153], чеш. и ст.-чеш. *náv, náva, náva* ‘загробный мир’, словац. *nava* ‘место, где обитают души хороших людей’ [Дукова 2015: 65] — соотносимые с латыш. *Nāves māte* ‘мать смерти’, *nāve* ‘смерть’ [ЕВМ: 131] и под. (подробный этимологический разбор в [Дукова 2015: 62–68]). Тожественная фразеологическая единица: лит. *navikaulis* ‘опухоль’, *naujōs kaulas, novės kaulas* ‘то же’ и рус. (брян., калуж., курск., тул., дон.) *навья кость*, полес. *навья кісь* (ПА) расширяет возможности для сравнения, выходя за рамки простого этимологического тождества корней; родственными являются литовская богиня судьбы *Dalia* и славянское божество *Доля*, как персонаж сохранившийся в поверьях и сказках, и др.

Западнославянско-балтийским схождением (общим заимствованием?) является звуковая форма имени с корнем *Pikul- / Pikal-*: словац. *pikulík* ‘антропоморфный дух-обогадатель’, чеш. *pikal* ‘домашний божок’, *pikous, pikus* ‘бог гнева’, *pikulík* ‘домашний божок’, ст.-чеш. *pikulík* ‘властитель умерших душ в аду’ [Зайцева 1975: 252, 252]; пол. *pikulik, pikula* [Санникова 1990] — и балтийских *pikulas, pecols, pikols, pykullis*, лит. *Pikulis* ‘бог нижнего мира и темноты’; прус. *Pekols / Pikols* [ЕВМ: 157–158].

О генезисе мифонима с.-х. черногор. *баба Рога*, или *баба Руга* ‘страшилище, которым пугали детей’, до сих пор нет единого мнения: либо первичным признается имя *Рога* (на основании того, что у демона на голове рог), которое позже трансформировалось в *Руга*, так как демоническая Баба *ругала* детей [СМР: 18–19]; либо полагают, что речь идет о заимствовании из лат. *rūga* ‘морщина; старость’, получившем атрибутивное значение к слову *баба*, которое позже под влиянием народной этимологии и в связи с представлением о

рогатости некоторых демонов, было заменено на *roga* [Раденковић 2016, в печати].

Есть основание сопоставить этот мифоним с лит. *Rugių boba* ‘житная баба’ (< *rugys* ‘рожь, жито’, то есть букв. «баба ржи»), образ которой восходит к прусскому божеству. В нач. XX в. *Ругю боба* деградировала в страшилище, которым пугали детей: «В жите сидит Житная баба и хватает детей. Она до тех пор прижимает детей к своей железной груди, пока не задушит, или заставляет их сосать деготь из своих грудей, а непослушным детям сует грудь в уши; это строгая женщина, в правой руке держит прут, иногда обута в железные боты, которые она надевает также пойманным детям [ЕВМ: 165–166].

Параллели к образу Житной бабы имеются в польском: *rżana, żetna, żarna baba* ‘полевой дух в виде старой бабы’ [Санникова 1990: 25]; полес. *Житна*, или *Зализна баба*, *Баба зелізна* о которой рассказывали, что у нее железная грудь (ПА), соотносима с литовским образом по имени и по признакам «житный» и «железный».

Таким образом, серб. *бабу Ругу* как «ржаную бабу» следует отнести к балто-славянскому наследию, полученному еще до балканской миграции.

В польской и белорусской традициях, несомненно, больше балтизмов, ввиду территориальной близости их расселения, все они имеют признаки поздних заимствований, напр., пол. *lawty* ‘демон, подменивающий младенцев’, бел. *лаўма, лаўме* ‘ведьма, колдунья’, рус. смолен. *лаума* ‘ведьма’ < лит. *Laitmė* ‘ведьма’; пол. *kautki* ‘гномы-краснолюбки, помогающие в хозяйстве’ < лит. *kaiškas* ‘домовой; душа некрещеного ребенка; черт’, латыш. *kauks* ‘домовой гном’ [Санникова 1990: 109].

Несмотря на неполный список собранных славяно-балтийских соответствий в мифологической лексике, уже сейчас можно делать предварительные выводы об их типологии и хронологии, которые, в свою очередь, при сравнении, например, с типологией, германских параллелей и заимствований в славянских языках (вместе с системой соответствующих верований и мифологических представлений), дадут дополнительные возможности для определения взаимных связей и положения этих языков во времени и пространстве.

Литература

- Агапкина Т. А. О тодорцах, русалках и прочих навях (мертвецы-демоны и «нечистые» покойники в весеннем календаре славянских народов) // *Studia mythologica Slavica* II. 1999. С. 145–160.
- Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М., 2015.
- Зайцева Н. И. Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Дисс. ... канд. филологических наук. Минск, 1975.
- Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970 (СМР).
- Топоров В. Н. Некоторые вопросы изучения славянской мифологии // *Studia mythologica Slavica*. I. 1998. С. 29–34.
- Санникова О. В. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. ... канд. филологических наук. М., 1990.
- Běťáková M. E., Blažek V. *Encyklopedie baltské mytologie*. Praha, 2012 (ЕВМ).

Модели ассимиляции иноязычного прототипа в славянских языках

Н. В. Габдреева

Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А. Н. Туполева (КАИ)

Заимствования, прототип, семантическая структура, модель.

Summary. This article focuses on the reception of foreign language prototype model of genetically related languages (Russian, Polish, Ukrainian) in diachronic perspective. Analyzes the linguistic changes that can be traced to the structure and semantics of interlanguage correlates that accompany the process of borrowing and assimilation.

В классической контактологии центральной категорией, характеризующей процесс миграции языковых единиц, является ассимиляция. Процесс приспособления к новой системе анализируется на всех уровнях: фонетическом, грамматическом, семантическом и носит название комплексной. На материале сравнительно-исторического изучения процессов рецепции в славянских языках (русском, украинском, польском) мы выделяем понятие модель рецепции, которая характеризуется определенным набором формальных (грамматических), фонетических и семантических показателей и способов выражения. Данное понятие — модель можно применять и интралингвистически, т. е. на основании сравнительных данных различных исторических срезов внутри одного языка или системы. Так, прослеживая лингвистические изменения в прототипе, которые сопровождают процессы заимствования и ассимиляции, можно говорить о том, что русский язык на протяжении XVIII–XIX вв. вырабатывает определенные модели усвоения иноязычного материала. Например, фонетическая ассимиляция иноязычного прототипа в русском языке сопровождалась значительным вариативным разбросом, так при переводе произведений Монтескье в переводах XVIII — начала XX в. отмечены около 10 форм: *Монтескьюй*, *Монтескио*, *Монтескюль* и др. В середине прошлого века устанавливается единая компилятивная модель передачи французских финалей на *-et*; *-iet*; *-eux*. Аналогичные типы, или модели, можно проследить и на других примерах и установить константные субституции. Однако в настоящем докладе мы остановимся на семантической рецепции одного иноязычного прототипа разными лексическими системами.

Мы рассмотрим некоторые модели, отражающие особенности ассимилирующего воздействия языков-рецепторов (русского, польского, украинского) при заимствовании одного прототипа. Под прототипом понимается лексико-фонетический комплекс, слово из другого языка, которое послужило основой для коррелята в языке-рецепторе. В данном докладе в качестве прототипов анализируются слова французского происхождения, однако очевидно, что к анализу могут быть привлечены прототипы иных этимологий.

Первая модель может быть представлена как качественные изменения, связанные с сужением семантического объема в языках-рецепторах и иллюст-

рируется следующими примерами. Лексема *партер* (букв. «на земле») была заимствована обоими языками (русским и польским) из французского в XVIII веке, в котором функционировали основное значение ‘цветник’ и переносное ‘задние места в зрительном зале’. Ядерная сема ‘нечто, находящееся на земле’ сохранена обоими языками. В русском языке XVIII века семантическая структура галлицизма была представлена перераспределенным по значимости комплексом значений: основное — театральный термин ‘задние кресла зрительного зала’ (места дешевые по сравнению с передними местами, которые были дорогими и назывались кресла, пространственное расширение слова *партер* отмечается во 2-й пол. XX века), второстепенное ‘цветник’, архаизированное к концу XVIII в. В современном русском языке отмечается наращение значений: *партер* — спортивный термин в классической борьбе. В польском языке при сохранении ядерной семы наблюдается семантическая деривация — на первый план выходит развившееся значение ‘нижний этаж’, которое дает ряд производных: *parternia* ‘место консьержа или хранителя ключей’, *parterowy* ‘одноэтажный дом’. Нумерация этажей в русском языке не совпадает с европейской, где нижний этаж (фр. *rezdechaussee*, польск. *parter*) обычно считается нулевым.

Несколько иначе семантически адаптируется слово *magasin*: сохраняется основная прототипическая сема ‘место хранения, собрание чего-либо’. В русском языке XVIII века весьма распространены контексты *магазин памяти, рукописей, продуктов, оружия*, ср. например, название журнала «Магазин натуральной истории, физики и химии» который выходил в 1788–1790 гг., однако в XIX в. в русском языке происходит метонимический перенос: место, где хранят и продают что-либо. В польском языке на первый план выходит и сохраняется основная сема: *magazyn* ‘склад, хранилище’, *magazynowy* ‘складской’, *magazynowac* ‘хранить на складе, копить’.

Таким образом, можно наблюдать, что в данной модели при заимствовании одинаковых прототипов в русском и польском языках, при сохранении основной центральной семы происходит перераспределение периферийных сем, которое находит выражение в развитии новых значений и различных семантических модификациях.

Вторая модель представляет собой редукцию прототипа в русском языке на более позднем этапе с сохранением и образованием семантических и иных производных в польском и украинском. Иллюстрацией является французское *sense*, заимствованное в русский язык в Петровскую эпоху. Знаменитое кредо переводчиков того времени «хранить сенс от сенсу». Судьба слова в русском языке была недолговременной: к концу XVIII века оно выходит из активного словоупотребления. Однако в украинском и польском языках прототип закрепляется и функционирует до настоящего времени: польско-русский словарь Р. Стыпулы приводит *sens* «смысл». Другой иллюстрацией может служить французский прототип *mur* ‘стена’, заимствованный русским языком в Пет-

ровскую эпоху (Смирнов). Однако уже к концу XVIII века слово редуцируется. В украинском языке мур ‘стена’ сохраняется, в польском mur ‘стена из камня’ даст ряд производных, например murovac ‘строить из камня’, которое, видимо, на более позднем этапе было именно через польский заимствовано русским языком в форме *замуровать*.

Третья модель иллюстрирована процессом сохранения французских лексем в трех языках с семантической структурой прототипа, это русско-польско-украинские корреляты: *миллион* — *million* — *мільйон*, *коллекция* — *kolekcja* — *колекція* и др. При сохранении плана содержания, однако, в плане выражения возможны фонетические, морфологические, орфографические изменения, связанные с особенностями принимающих систем: это и субституции звуков, смена грамматических характеристик, удвоение согласных, йотация и т. д.

Четвертая модель характеризуется заимствованием прототипа только польским и украинским языками: пол. *kravatka* ‘галстук’ (фр. *cravate*), укр. фарб, пол. *farba* ‘краска’ (фр. *farbe*), пол. *kawiar* ‘икра’ (фр. *caviar*), укр. фотеля, пол. *fotel* ‘кресло’ (фр. *fauteil*). В дальнейшем предстоит выяснить, почему в русском языке звенья этой цепи оказались свернутыми.

Полная картина рецепции прототипа в славянских языках может быть представлена при диахроническом изучении процесса заимствования и привлечения различных источников и словарей. Представленная работа, отчасти носящая фрагментарный характер, является первым опытом такого изучения. В лексикографическом виде проблема взаимодействия прототипов и соответствующих коррелятов в славянских языках решается в словаре Й. Айдуковича. Дальнейшую перспективу мы видим в описании процессов ассимиляции на всех уровнях языка в различных принимающих системах, а также в изучении прототипов иных этимологий.

Закон в русском языке и картине мира

Л. А. Жданова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Языковая картина мира, концепт, закон, власть, пространственная метафора.

Summary. The perceptions of law and power as reflected in the combinability of words largely coincide with or correspond to each other in the Russian linguistic worldview. On the one hand, the latter is characterised by an opposition of law and lawlessness, on the other hand, it contrasts law and justice, and also includes an idea of a perfect law. There are no singularia tantum meanings for the word “zakon” (law) recorded in the dictionaries, however, context analysis shows semantisation of the number-based opposition. A large number of contexts bring a specific meaning to the fore, representing law as an instrument of power and implying negative evaluation.

Концепт закона подробно описан Ю. С. Степановым в кн. «Константы. Словарь русской культуры» [Степанов 1997: 427–454]. Автор выделяет три основных значения слова: 1) закон юридический, 2) закон божеский (прежде всего христианский), а также закон нравственный, 3) закон науки. Мы рассмотрим другой аспект концепта — включенность закона во властное отношение.

Особенностью русской языковой картины мира является тесная связь между концептами закона и власти: закон мыслится либо как властная сила (в том числе источник власти), либо как инструмент субъекта власти. Закон концептуализируется при помощи пространственной вертикальной метафоры, как и вся лексика властного отношения: субъект власти располагается сверху, а ее объект — внизу¹. Рассмотрим устройство «властной вертикали», чтобы выяснить, где на ней локализуется закон. В русском языковом сознании властная вертикаль является иерархически градуированной, на ней существуют помимо «основного» субъекта власти (*верховой власти*) «промежуточные» субъекты, которым делегируются некоторые властные полномочия. Подобная иерархичность, многоступенчатость свойственна представлениям о власти независимо от сферы ее реализации. Положение закона на «властной вертикали» неочевидно. По В. И. Далю, закон определяет власть каждого должностного лица, а верховная власть выше закона [Даль 1981: I, 213]. То есть закон занимает некоторую промежуточную позицию в иерархии властных структур на «властной вертикали», а высшее место занимает *верховная власть*, создающая (дающая) законы. Однако в языковой картине мира подразумевается существование идеального источника власти, который помещается еще выше на «властной вертикали», может *дать власть*, *привести к власти* и которому всякая власть подотчетна.

Языковые данные позволяют реконструировать следующие представления о законе и его месте на «властной вертикали».

1. Бог — закон — субъект власти — объект власти (*Всякая власть от Бога*). Такой закон распространяется не только на социальную, но и на моральную сферу, сомнению не подвергается, однако может нарушаться или плохо исполняться субъектом или объектом власти, что оценивается отрицательно.

2. Воля народа — закон — субъект власти — объект власти. Идеальное положение дел: субъект и объект власти равно подчиняются закону, что представляется идеальным (утопическим) и описывается обычно в деонтической модальности.

3. Субъект власти — закон — объект власти. Субъект власти создает закон (*законы*), направленные на объект власти, и сам их *использует*. Такое положение дел описывается значительным количеством контекстов, обычно представляется как реальное, но недолжное и оценивается отрицательно. Такой закон (*закон писанный*) противопоставлен *справедливости* как нравственному закону, который соотносится с *правдой* и *совестью*. Конкретные же законы, сотворенные людьми — субъектами власти, подвергаются сомнению (*Строгий закон виноватых творит*), как и их исполнение (*То-то и закон, что судья знаком*).

¹ Ср. толкование: «Нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой» [ССРЛЯ, II: 304].

Словари не фиксируют для слова *закон* значения *singularia tantum*, однако анализ контекстов показывает семантизацию противопоставления по числу. В тех случаях, когда речь идет о конкретных «постановлениях государственной власти», используются обе числовые формы. Если слово употребляется для описания идеальной (должной) ситуации верховенства закона над земной властью или получения права на власть, то используются преимущественно формы единственного числа, не допускающие замены на множественное число (...вечный выше вас Закон, власть должна подчиняться закону, вершить закон).

Для русского сознания характерно, с одной стороны, противопоставление закона («+») и беззакония («-»), с другой — закона («-») и справедливости («+»), а также представление о должном — идеальном законе и идеальной власти. В подавляющем количестве контекстов (от паремий до современных СМИ) описывается не идеальное, а реальное положение дел, и закон становится объектом преимущественно отрицательной оценки. С представлением о законе как силе и тверди в наивной картине мира сосуществует и другое — закон мыслится как объект влияния и манипулирования.

Юридический закон предполагает письменную фиксацию: *издать, опубликовать закон, текст закона, ссылаться на закон*. Такой закон предстает прежде всего как текст. В отличие от *неписаного закона* он обязательно кем-то создан — у него есть *автор* (иногда автор является субъектом власти — *законодателем*). По данным сочетаемости *писанный закон* (в противоположность *закону неписаному*) предстает как непонятный текст, допускающий разные трактовки: его можно и нужно *толковать, обсуждать, рассматривать, разъяснять*, в нем можно *запутаться, увязнуть*. Он часто весьма несовершенен: в нем обнаруживаются *ошибки, недочеты, неточности* и прочие *изъяны*. Закон как текст может подвергаться различным манипуляциям со стороны законодателей: *над ним работают*, в него могут *вносить поправки, обсуждать, отзываться*, в нем могут что-нибудь *прописать*.

В стандартной сочетаемости закон подвергается общей оценке (*хороший / плохой, ужасный*) и разным видам частных оценок: этической (*справедливый / несправедливый, добрый / злой, гуманный / жестокий*), утилитарной (*полезный / бесполезный, вредный*), интеллектуальной (*разумный / глупый, тупой*) телеологической (*эффективный / неэффективный, целесообразный / нецелесообразный*). В коллективном сознании закон, как и власть, тяготеет к отрицательной оценке и мыслится как тяжелый предмет (*тяжесть, груз, бремя закона*), связывается с идеей сжатия, давления (*закон давит, сжимает*).

В современных СМИ широко представлены отрицательные утилитарные и телеологические оценки закона, часто отрицательная оценка интенсифицирована: *свиный, звериный, драконовский*. Предикаты отрицательной оценки обычно отражают ситуацию, когда закон направлен против интересов обще-

ства в целом (объекта власти) и защищает интересы представителей (субъектов) власти: *вредоносный, нанесет ущерб обществу, помеха для полезной деятельности, взяточемкий, стимулирует коррупцию.*

Для русской картины мира характерно представление о должном — идеальном законе и идеальной власти, которые связываются с признаками ‘сила’ и ‘справедливость’, причем такая власть достается *по закону*, сама *следует закону* и следит за его *соблюдением*. В понятийной составляющей позиция личности (общества, народа) — объекта властного отношения и объекта действия закона — оказывается нерелевантной. Сублогические представления о законе и власти, проявляющиеся в сочетаемости слов, во многом совпадают или согласуются (*утверждать закон / власть, закон ограничивает власть*), как и власть, закон связан с идеей долженствования. Представление о законе как инструменте власти, направленном против объекта власти (народа, общества, личности) представлено в большом количестве контекстов и связано с отрицательной оценкой закона.

Литература

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1981. Т. 1.
Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. М.: «Русский язык», 1991–1994. Т. II–VI (ССРЛЯ).
Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: «Языки русской культуры», 1997.

Элементы фольклорной концептосферы в творчестве Ф. М. Достоевского: рецепция и интерпретация

С. В. Капустина

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» (Симферополь, Россия)

*Ф. М. Достоевский, фольклорная концептосфера, индивидуально-авторский концепт,
концепт-реконструкция.*

Summary. In the analysis of the Fyodor Dostoyevsky's prose reconstructed his view on the genetically folklore categories “*bohatyrstvo*” and “*strannichestvo*”. It is established that these concepts relate to each other as phenomena of the same nature, and directly reflects Orthodox world-view of its author.

Введение. Изучение фольклорных концептов сегодня весьма актуально как в сфере когнитивной лингвистики, так и в культурологическом преломлении. Обращаясь к элементам былинной концептосферы, исследователи, как правило, стремятся воссоздать те самобытные ментальные образования, которые составляют «остов» русской культуры. Продуктивным же с позиции литературоведения представляется и иной ракурс реконструкции фольклорных концептов: в данном случае, первостепенно важны не столько узуальные смыслы зафиксированных в народном эпосе констант, сколько их оригинальные интерпретации, данные мастерами отечественной словесности. Воссозда-

ние же индивидуально-авторских концептов, генетически восходящих к фольклору, способствует решению таких фундаментальных литературоведческих задач, как:

- 1) составление духовного портрета автора на основе созданного им конкретного текста (корпуса текстов), выявление мировоззренческих предпочтений писателя (поэта) и способов художественной презентации таковых;
- 2) установление неповторимого и общезначимого в творчестве различных авторов посредством сопоставления их концептосфер;
- 3) рассмотрение закономерностей и диалектики функционирования концептов в литературном процессе.

Целью работы является реконструкция этимологически фольклорных индивидуально-авторских концептов Ф. М. Достоевского «богатырство» и «странничество», позволяющая уточнить представление об аксиологических доминантах и особенностях творческого метода писателя. Достижение поставленной цели сопряжено с решением следующих **задач**:

- выявить наличный спектр контекстов, реализующих идейно-образные преломления концептов «богатырство» и «странничество» в наследии Ф. М. Достоевского;
- смоделировать систему основных субконцептов и оппозигов, поясняющих ядерные и периферийные значения изучаемых единиц концептосферы классика;
- квалифицировать характер взаимосвязи концептов «богатырство» и «странничество» в поле художественных ретрансляций Ф. М. Достоевского.

Результаты исследования. Заметки и публицистические тексты Ф. М. Достоевского демонстрируют, что «богатырство» воспринимается им не просто как связанное с былинным эпосом явление, а как особенное качество просветленных духом людей. Актуализация «народной этимологии» в трактовке понятия «богатырство» (= сила, дарованная Богом для сопротивления бездне зла) была свойственна для современной писателю эпохи. Например, в «Книге о Киевских богатырях» В. П. Авенариуса, экземпляр которой был приобретен Ф. М. Достоевским для чтения детям, имелось пояснение, согласно которому, «слово “богатыри” некоторыми учеными производится от слова Бог, в виду того, что богатыри, по представлению народному, — существа с высшими божественными качествами, полубоги» [Книга о киевских богатырях 1876: 340] Олицетворением истинного *богатырства* в глазах писателя всегда оставался «великий, целомудренный и смиренный христианский богатырь Илья Муромец» (25: 69)¹. Сподвижниками славного богатыря, согласно Ф. М. Достоевскому, выступают как воины, одаренные большими физическими и нравствен-

¹ Произведения цитируются по изданию [Достоевский 1972–1990] с указанием соответствующего тома и страницы.

ными возможностями (например, замученный иноверцами русский герой Фома Данилов), так и внешне немощные люди, избравшие своей целью подвиг жизни во Христе (например, святые старцы Оптиной Пустыни). Примечательно, что в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский неоднократно говорил о смирении, как особом проявлении богатырской силы. Например, размышляя над фигурой Власа, он констатировал «...страшную, пугающую даже, силу смирения» некрасовского героя (21: 32). А, рассуждая в Пушкинской речи о выведенном великим предшественником типе русского инока-летописца, отметил его «беспорную, смиренную и величавую духовную красоту» (27: 144).

Концептуально важным считаем то, что в известном Ф. М. Достоевскому «Словаре живого великорусского языка В. И. Даля» при истолковании понятия «калика» выстраивается ряд смысловых эквивалентов, среди которых значатся «богатырь во смирении» и «странник». Аналогичная синонимика характерна и для творчества мастера. Авторитетными литературоведами была неоднократно отмечена антитетичность в идиостиле классика «странничества» как народного искания Правды во Христе и «скитальчества» как отрыва от Основы Основ, бесцельного шатания с трагическим финалом. «Богатырству», уподобляемому, согласно нашим разысканиям, «силе от Бога», противопоставляется «беспорядок» как «порядок, инспирированный бесами». Показательно, что обе концепт-оппозиции могут реализовываться у Ф. М. Достоевского на идентичных примерах. Так, в черновых тетрадях к роману «Подросток» по отношению к «русскому скитальцу» Версилу не единожды используется емкая характеристика «беспорядок». Однако этот герой, признавая собственные одержимость и бесцельность своего бытия, в одном случае проповедует Подростку «богатырство», которое «выше всякого счастья», а в другом — призывает его к поиску такового словами: «Давай будем *странниками* <...>!» (16: 419 — курсив автора). Умозаключения Версилова, закружившегося в вихре беспорядка, не влияют на Подростка так, как вдохновленные живой жизнью рассказы Макара Долгорукого. Именно повествования странника, несущего Христа в своем сердце, открывают Аркадию идею, скрепляющую русский народ, и наделяют его той волей, которую по сути можно сравнить с даром, полученным Ильей Муромцем от калик перехожих.

Выводы. Последовательный анализ этимологически фольклорных индивидуально-авторских концептов Ф. М. Достоевского «богатырство» и «странничество» демонстрирует, что они соотносятся как явления одной природы и непосредственно отражают православное мировосприятие своего создателя.

Литература

- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 (Произведения цитируются по этому изданию с указанием соответствующего тома и страницы).
Книга о киевских богатырях. Свод 24 избранных былин древне-киевского эпоса / Сост. В. П. Авенариус. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1876.

**Этнокультурная специфика паремий
с компонентом-антропонимом
(на материале русского и польского языков)**

Е. И. Колосова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Концептуальная картина мира, идиомы, русский язык, польский язык.

Summary. The following research pays attention to ethnocultural peculiarities of paroemias consisting of anthroponyms. The comparative analysis of proverbs and sayings functioning in the Russian and Polish conceptual picture of the world was performed. Qualitative associations, frequency of anthroponym usage in paroemias and structural peculiarities of proverbs and sayings were revealed.

Современное состояние лингвистики приобрело ярко выраженный антропоцентрический характер. Приоритет идеи антропоцентризма позволяет рассматривать язык в широком контексте бытия человека, в тесной связи с его сознанием, мышлением, духовной, практической деятельностью, культурной средой. На современном этапе активно разрабатываются проблемы языковой концептуализации мира для конкретных языков, исследуются фрагменты наивной картины мира, различные языковые явления рассматриваются в аспекте «язык — человек — культура» — см. работы Н. Д. Арутюновой (1991, 1999); А. Вежбицкой (1997, 1999); В. И. Карасика (2000, 2004); Ю. Н. Караулова (2000); О. А. Корнилов (1999); Е. С. Кубрякова (1999); И. А. Стернин (2001) и др. Предметом изучения чаще всего являются языковые средства выражения ментальных действий, эмоций, различные категории и культурные концепты, специфичные для той или иной лингвокультуры: «правда», «душа», «истина», «жизнь» и под.

На наш взгляд, наиболее полно концептуальная картина мира отражается в этнокультурном сознании, которое представлено традиционными паремиями. Известно, что пословицы и поговорки правдиво отражают самобытный, богатый ум любого народа, его опыт, взгляды на жизнь, на природу, на общество. В устном языковом творчестве народ запечатлевает свои обычаи и нравы, чаяния и надежды, высокие моральные качества, национальную историю и культуру.

В русском и польском фольклоре широко используются устойчивые выражения с именем собственным, в которых содержится оценочность поведения человека, особенностей его характера. Личные имена являются внешней одеждой пословиц. Они большей частью взяты наудачу, либо для рифмы, созвучия, меры: таковы, например, пословицы, в коих поминаются: *Мартын* и *алтын*, *Иван* и *болван*, *Григорий* и *горе*, *Петрак* и *батрак*; *Тотка* — *krotka*, *Kazimierza* — *zwierza* и пр. Вряд ли кому-нибудь придет в голову искать сюжеты этих «устойчивых сравнений»: ясно, что они обусловлены случайными ас-

социациями под влиянием рифмы. Пословицы подчеркивают «случайность» имени. Одно имя могло заменяться другим. Имя выбиралось в большинстве случаев «под рифму» и лишь в незначительной степени создавало обобщенный образ человека.

Так, весьма популярны рифмованные поговорки с именами, ставшими постоянной характеристикой в русском языке: *Алёха не подвоха; Андрей-ротозей; Ананья-каналья; Афонька-тихонька; Илья-свинья; Федора-дура; Федул губы надул; Фома пьёт до дна* и т. п. Для большинства русских имя *Емеля* ассоциируется с характеристикой «болтун, краснобай». Она обусловлена чисто формальным сходством с глаголом *молоть*, вошедшим в прибаутку: *Мели Емеля твоя неделя*. Может быть, некоторые имена и взяты изначально от известных в самом тесном кругу лиц, и в пословицах оставалось то же самое значение: *Иванушка* и *Емеля* — «дурачки»; *Фомка* и *Сергей* — «воры, плуты»; *Кузька* — «горемыка».

Значение личного имени в структуре пословицы и поговорки отличается от имени в обыденном общении. Отсутствует привычная связь имени с индивидуальным человеком. Пословица применяется в жизни к конкретной ситуации и к конкретному лицу, у которого есть свое собственное имя, не совпадающее с именем в пословице. Именно этим столкновением двух имен — настоящего и «ненастоящего» — достигается обобщение. Речь в пословице, когда ее применяют в жизни, идет не о пословичном *Емеле*, *Филе*, *Фоме*, *Ерёме*, *Кирюхе*, *Ерохе* и т. д., а о конкретных жизненных персонажах, поступающих так, как поступают *Емеля*, *Филя*, *Фома*, *Ерёма*, *Кирюха* и т. д. Антропоним приобретает обобщенный смысл, тяготеющий к имени нарицательному. Развитие образной основы имени, его переосмысление происходит на основе случайных ассоциаций. В дальнейшем эти ассоциации закрепляются в народной памяти как обобщение каких-либо свойств человека. В польском языке также имеются примеры подобного типа: *Co wie Grześ, to i cała wieś; Bóg Kubie oczu nie wydłubie; Dawnej Piotr był Piotrem, a lotr lotrem* (букв. *Ранее Петр был Петром, а злодей злодеем*) и др.

Социальная оценка многих имен прочно закрепились в языке. Нередко знание этой оценки помогает понять пословица. Например, греческим именем *Филипп*, превращенным на русской почве в *Филю*, *Фильку*, *Филюху*, бары часто называли своих слуг. Достаточно вспомнить фамусовское обращение к своему Фильке: «Ты, Филька, ты прямой чурбан, В швейцары произвел ленивую тетерю...»? Не удивительно, что типизированное имя слуги пополнило синонимический ряд со значением «глупый и ленивый человек». Этому способствовало и употребление имени *Филя* в русских пословицах, где его обладатель выступает в роли простака, неудачника, простофили: *У Фили пили да Филю и побили; Филипп ко всему привык; Обули Филю в чёртовы лапти* (обманули); *Спит*

Филька без подстилки и др. Подобные качественные ассоциации характерны и для имени *Кузьма* в русских пословицах. *Кузьма* злой и драчливый: *Наши Кузьма всё бьёт зла; Не грози, Кузьма, не дрожит корчма*. Он беден, поэтому ему достается все самое плохое и негодное: *Что хромо, что слепо, то Козьме* (речь идет о домашней птице, жертвующей в день Козьмы). Он несообразителен: *Эта пословица не для Кузьмы Петровича*.

Таким образом, мы видим, что пословичное имя является обобщением характерных свойств человека с таким наречением. Чаще всего пословицы с личными именами характеризуют отрицательные черты человека. Одно и то же имя отражает чаще всего одну и ту же характеристику. Использование антропонимов в пословицах очень распространено, однако в большинстве случаев пословица формулируется как «носитель такого-то имени обладает таким-то свойством», причем свойство рифмуется с носителем имени. Обращает на себя внимание тот факт, что в польском языке подавляющее количество пословиц и поговорок с компонентом-антропонимом относится к народным приметам или связано с религиозными праздниками: *Jak w święty Kazimierz jasno, to ziemniakom w rzędach ciasno; Kiedy w Teodora deszcz nie pada, suchy rok zapowiada; Na święty Jan jagod dzban; Gdy pada w dniu świętej Anny, pada aż do Zuzanny* (26 июля — 11 августа) и др. В языковой картине мира осмысление человеческих качеств проявляется через пословицы, поговорки, цитаты из художественной литературы и переносное употребление разнообразных кличек и антропонимов.

**«Переведи меня через майдан»:
о развитии деривационного потенциала
одного из ключевых слов эпохи в русском и словацком языках**

В. А. Косова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Д. Саболова

Прешовский университет (Словакия)

*Лексическая единица, неология, словообразовательное гнездо,
общественно-политический дискурс.*

Summary. The paper analyses the social-political discourse lexical unit *maidan* and its affixation derivatives. The Internet materials (mass media, blogs, forums and social networks) were used for revealing the derivatives. The authors came to the conclusion that the derivatives of *ukrainism maidan* has actively been formed in the Slovak language and broadening of verbal derivative units with expressive-evaluative connotations is registered in the Russian language.

В современной лингвистике ключевыми принято называть слова, «обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [Земская 2000: 92]. Этому определению соответствует, бесспорно, лексема

майдан — одна из наиболее частотных в общественно-политической коммуникации начала XXI века единиц славяноязычного интернет-пространства. Будучи заимствованием (< тюрк. «ровное; свободное место»), это слово прошло в русском и украинском языках общий путь семантического развития, закрепив в качестве основного следующее значение «1. В южных областях России, на Украине: площадь, где происходят сходки, собрания, митинги, а также в торговые дни — базары» [БТС 2000: 513].

Известные политические события, происходившие в 2004 г. на Майдане Независимости г. Киева, послужили толчком к началу активных деривационных процессов на базе рассматриваемого микропонима (собственно семантических и аффиксальных). Исследователи констатируют появление у него, помимо исходного пространственного значения, еще двух ЛСВ: *майдан 2* — '(бессрочная) акция протеста; социальный бунт, противостояние с властью; борьба за смену режима, революция' и *майдан 3* — 'участники акции протеста; лагерь, объединение людей, осуществляющих протестную акцию' [Полякова 2014: 174]. Важно подчеркнуть, что именно семантический дериват с событийным значением (ЛСВ 2) послужил производящей базой для целого ряда аффиксальных неологизмов, формирующих обширное, постоянно растущее словообразовательное гнездо (СГ). Результаты проведенной нами фронтальной выборки из интернет-источников (СМИ, блогов, форумов, социальных сетей) свидетельствуют о высокой интенсивности рассматриваемого деривационного процесса.

Субстантивный блок словообразовательного гнезда с базовым словом *майдан* включает в себя, прежде всего, производные наименования лица, созданные как по узואльным, так и по окказиональным моделям: *майданичик, майдановец, антимайдановец, эксмайдановец, немайдановец, автомайдановец, майданист, майданостоятель, майданоустроитель*, в том числе модификаты со значением женскости: *майданищица*; невзрослости: *майданята*; дериваты с ярко выраженной негативной оценочностью *майданоид* и *майданушка*. Большую группу составляют абстрактные (отвлеченные) наименования, представляющие собой оценочные модификаты исходной единицы, как то: *мини-майдан, мега-майдан, псевдомайдан, лжемайдан, полумайдан, недомайдан, антимайдан, контрмайдан, противомайдан*; сложные слова: *майданофобия, майданоцентризм, майдано-мониторинг*. Обладают частотностью, кроме того, дериваты со значением субъективной оценки: *майданище, майданчик, майданишко, мини-майданишко*; зафиксировано омонимичное субстантиву с личным значением производное *майданушка* («частушки-майданушки»).

Адъективный блок анализируемого СГ (*майданный, майданский, майдановский*; прилагательные с временным значением *предмайданный, предмайданный, домайданный, постмайданный, послемайданный, новомайданный, старомайданный*; экспрессив *майданутый* и др.) пополнился экспрессивами *майдановидный* (скакун) и *майданоидный* (кошмар).

Наиболее яркое развитие получил в СГ с вершиной «майдан» глагольный блок производных (*майданить, майданничать, майдануться*; их префиксальные и конфиксальные дериваты: *помайданить, взмайданить, взмайданиться, промайданить, промайданиться, намайданить, намайданиться, перемайданить, размайданить, измайданить, измайданиться, смайданить, смайданиться, умайданить, умайданиться, домайданить, домайданиться, вмайданить, вымайданиться, вымайданить, замайданить, замайданиться, помайданиться, примайданить, обмайданить, обмайданиться*). В преобладающем большинстве эти дериваты имеют каузативно-результативную семантику и выражают отрицательную оценку обозначаемого действия / состояния.

Лексическая единица *majdan* в рассматриваемом значении в словацком языке до украинской оранжевой революции отсутствовала. В настоящее время она встречается в словацких СМИ очень часто. Это слово стало производящей базой для целого ряда новообразований, причем возникли имена существительные (10, в их числе названия лица: *majdanista, majdanec, majdanovec, majdančikovec*; слова с абстрактной семантикой: *antimajdan, majdanovština, majdanizovanie*), глаголы (9: *majdanovať, pomajdanovať, premajdanovať, majdanizovať, zmajdanizovať*), имена прилагательные (7: *majdanový, pomajdanový* и др.), наречия (2). Из способов образования в сформировавшемся СГ встречается сложение (*euromajdan, majdanparlament*), префиксация (*antimajdan, zmajdanizovať*), суффиксация (*majdanista, majdanovec, majdanový*), конфиксация (*antimajdanský*). Обратим внимание также на неустойчивость оценочного компонента в значении этих производных. Если для официальных СМИ, как правило, характерна положительная оценка событий на майдане, в комментариях читателей путем неологизации часто достигается их негативная характеристика, к примеру: «To by bol zážrak, ak by z Budapešti nedokecaval *majdanutý* Peter Morvay»¹; «Ked' je niekto proti sankciám, prichádzajú mimovládky *pomajdanovať...*»²; «Zdá sa že Hlopci si *premajdanovali* krajinu»³.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000 (БТС).
 Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М.: «Языки русской культуры», 2000. С. 90–141.
 Полякова Т. М. Функционирование украинизма *майдан* в русском политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2014. 4 (50). С. 173–179.

¹ [<http://tv.sme.sk/diskusie/2268679/1/Madari-opat-volili-Orbana-o-ferovosti-volieb-viaceri-pochybuj.html>].

² [<http://www.sme.sk/diskusie/2388383/1/Unia-varuje-Grecko-pred-vlastnou-politikou-voci-Rusku.html>].

³ [https://www.facebook.com/permalink.php?id=1452891718289546&story_fbid=1533922546853129].

Концепт «красота» в славянских народных песнях**А. Н. Матрусова**

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Славянские песни, красота, сербский язык, русский язык, концепт.

Summary. Beauty is one of the universal concepts that exists in any culture and explicates in any language. Talking about language groups, we generally speak about language morphology and grammar, while the concept studies have started only recently and there are not many of them dedicated to the comparison of the most common Slavic concepts. The study is performed based on song texts as these texts were being created during centuries and represent the concepts in their deepest way.

Концепт «красота» как один из ключевых в картине мира рассматривался многими учеными, например, в оппозиции «красивое — безобразное» (В. З. Демьянков), в сопоставлении с другими языками (Ю. В. Мещерякова исследует данный концепт в русском и английском языковом сознании), в прецедентных текстах (О. Н. Карасенко).

Известно, что концепты репрезентируются в текстах, прежде всего в лексических формах. Однако в разных текстах они предстают по-разному, можно сказать, на разных уровнях, в разных аспектах.

Говоря об общности языков, ученые обычно начинают с генеалогической и типологической классификации. Можно рассматривать и общность в концептуализации основных составляющих картины мира, и в этом отношении базовые концепты, такие, как красота, могут продемонстрировать сходство (или различие) языковых картин мира родственных народов и языков, в частности, славянских.

Выбор материала, на котором осуществляется описание и исследование концепта, может быть обусловлен различными факторами. Принимая решение в пользу славянских народных песен, мы руководствуемся следующими мотивами: народные песни создавались, перерабатывались, выкристаллизовывались в течение столетий, и те из них, что до сих пор поются и любимы носителями славянских языков, вероятно, содержат определенный культурный код, не утративший своей актуальности. Жанр народной песни с языковой точки зрения не описан, однако можно говорить, что любая народная песня уже сама по себе репрезентирует красоту самой своей формой, и таким образом украшает, облагораживает любое содержание, сообщая ему черты красоты. То есть народная песня — это своего рода квинтэссенция красоты, как по форме, так и по содержанию.

Рассматривая славянские народные песни, мы видим, что концепт «красота» может быть представлен непосредственно лексемой «красота», «лепота» и т. д., а также — различными лексемами, охватывающими периферию семантического поля «красота». Так, в отношении женщины, девушки, которые чаще всего сопрягаются с красотой в славянском языковом сознании, кроме эпи-

тетов «красивая», «прекрасная», «лепа», «згодна», используются и такие, как «ясная», «светлая», «бистра» и т. д.

Например, сербская народная песня так описывает действие женской красоты на любящего человека:

Ti jedina moja jesi,
Ti mi tuge vedriš noć,
Mutnog oka pogled bistriš,
Bolnoj dusi daješ moć.

(Ты моя единственная, с тобой становятся ясными ночи, мутные очи становятся ясными, больная душа оживает. — Перевод наш. — А. М.).

Как видим, красота обладает двумя яркими признаками: она может делать ясным, прозрачным что-то тяжелое, мутное, и может исцелять, придавать силу. Такого рода «эффект красоты» можно обнаружить в текстах всех славянских народных песен, и таким образом в концепте «красота» славянских лингвокультур можно выделить важное качество: не столько эстетическое, сколько духовное свойство человека или воздействие на человека, которое облагораживает и «осветляет» его.

Литература

- Демьянков В. З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 169–208.
Мещерякова Ю. В. Красота // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 88–101.
Тарасенко О. Н. Концепт «красота» в паремиологическом представлении // Вестник Нижегородского университета. 2012. № 6. С. 350–353.

Митско биће змај код древних Срба и Руса

Теодора Мијић

Филозофски факултет, Нови Сад (Србија)

Змај, словенска митологија, обичаји.

Summary. Mythical creature-dragon, is common for all Slavic people. This paper focuses on investigation of forms, characteristic and traits of dragon at Russian and Serbian nations. This daemon has certain authenticities and differences when it comes to these two nations, which are denoted by distance, geographic characteristics and historical contexts of its origin. The basis of dragon remains the same; the only difference is its role which is adapted to living in a certain surroundings, mentality and customs. That is why it is not strange that these two nations have similar perception of these creature, but also present it completely differently through folk's creativity.

Српска и руска митологија имају заједничке корене, дубоко и међусобно прожете, који воде порекло из словенске митологије и фолклора. Обзиром да је словенска митологија у својој суштини била анимистичка, уврежено је веровање код свих словенских народа, посебно код Срба и Руса, да демони природе имају утицаја на многе природне појаве и да их могу контролисати. Свакако најпознатије биће у словенском пантеону, које је утицало на

атмосферске појаве, био је змај. Када говоримо о змају, важно га је одвојити од негативног демона, јер је међу њима изузетно велика разлика. Код Руса, овај демон назива се „дракон“, а код Срба „ала“.

Митско биће змај нема увек исте карактеристике код свих словенских народа. Змај је у руској митологији представљен са физичким карактеристикама птице, коња или змије, док је у српској митологији представљен као ватрена птица. Осврнула бих се на веровања и предања о змају, која су уврежена у српском и руском народу. Оба народа имају веома сличну подлогу, која чини ово биће.

Руска предања приписују му демонска својства, надљудску снагу, познавање лековитих трава и живе воде. Али, оно што змаја чини посебно необичним и занимљивим је његова способност промене изгледа. Наиме, он може променити свој чудовишни изглед и преобразити се у лепог и наочитог младића, који заводи младе жене и девојке. Руски етнолог и фолклориста, А. Н. Афанасјев, наводи да је обичан народ веровао да су звезде падалице и метеори, заправо змајеви, који лете својим изабраницама.

Код руског народа сачувало се до данашњег дана веровање да змај може да настани колибу или кућу. Ако се усели у нечији дом, тог домаћина очекује просперитет, напредак и богатство. Али, да би задобио наклоност змаја, домаћин мора да га храни и чува. Ноћу би се на пећи остављала храна за змаја, у виду каше, млека или меса. Змај би, кроз димњак, слетао у кући и хранио се даровима које му је оставио домаћин. Такође, сматрало се великим грехом отерати или убити свог змаја-заштитника. Код Срба се оваква веровања јављају у веома сличном предању, само што је у центру збивања кућна змија, заштитница дома и породице.

Срби верују да је змај дужан да, као добар демон атмосферских појава, посредује у корист људи, обезбеђује своје селу кишу и чува га од града. Заузврат, сељани пазе свога змаја и брину о њему. У случају да змај не врши своје дужности, сељани имају право да га отерају. Обичај протеривања змаја задржао се у Источној Србији и у 20. веку.

Змај, по српским предањима, живи крај шумских вода у планини или у шупљој букви. Настаје од шарана, смука или од овна. Ако постаје од шарана, када наврши одређен број година, излази из реке, добија крила и одлеће у планину или шуму, притом одбацујући своје крљушти, које се називају «змајеве отресотине». Оваква предања, о змајевима насталим од шарана, веома су честа међу рибарима. Зато је у појединим деловима Србије било забрањено јести месо ове рибе.

Као и код Руса, и у српским веровањима, змај је диморфно биће. Док лети, он је представљен као ватрена птица дугог репа, али када се прикаже људима, узима облик лепог младића. Као што је напоменуто, одлази младим женама или девојкама, са којима одржава љубавне везе. Сматрало се да жене,

које имају контакт са змајем, поседују испијено и бледо лице. Такође, никоме нису смеле говорити о овим везама и тешко су их се ослобађале. Најпознатији српски змајеви су Виден-змај и змај од Јастребца. Од потоњег, настаће чувени јастребачки пантеон, епицентар српског јунаштва.

Као плод везе змаја и жене, сматрало се да се рађају деца са посебним физичким и умним квалитетима. Код Руса, оваква деца звала су се «богатыри» и «кикиморы» (*грозовые люди*), а код Срба „змајевити људи“. У српским предањима, „змајевити људи“ могу бити или велики јунаци, или „здухачи“ и „ветровњаци“, тј људи који терају градоносне облаке и боре се против ала које предводе природне непогоде.

Улога змајевитих јунака је веома дубоко уврежена у души српског народа. Они су били заштитници српског рода при најезди Турака, доживљавани су као бранитељи српства и православља. Најпознатији јунаци наших епских песама, који су упамћени као «змајевити» били су, у већини случајева, и историјске личности. Марко Краљевић, Змај Огњени Вук, Стојан Чупић — Змај од Ноћаја, Стефан Лазаревић, Милош Обилић, Сибињанин Јанко, само су неки од славних имена српске историје и народних предања, којима су приписиване надљудске моћи. У биткама их је увек пратио веран пас, *караман*, крилати коњ и «посестрима вила».

У руским биљинама, змај је представљен или као чудовиште или као велики јунак. Ако је представљен као борац, поседовао је јуначког коња, црног гаврана и пса, који се називао «хорт». На овакав начин, представљен је Тугарин Змај, док је чудовишни образ додељен Змају Гориничу, бајковитом непријатељу Добриње Никитича. Али, најпознатији змај руске народне литературе је Кошчеј Бесмртни. У српским бајкама, пандан руском Кошчеју је *Баиш-челик*, који има изузетно много сличности са својим руским парњаком.

У руском фолклору, поред огњених змајева, помињу се и многоглава чудовишта са три, шест, седам, девет или дванаест глава. По броју глава, одређује се и сила змаја. Код Срба такође постоји биће са великим бројем глава, али оно се зове „аждаја“, коју у народним бајкама побеђује храбри јунак.

Змај је, као демонско биће веома сличних карактеристика и у руском и у српском народу. Разлике се стварају историјским сплетовима, географским поднебљима и просторном удаљеношћу наших народа. Али суштина постојања змаја је иста и за њега се везују бајке, које су се сачувала до данашњих дана, са фабулом потпуно идентичном и у српским и у руским устним предањима.

Литература

- Афанасьев А. Н. Мифология древней Руси. М.: Эксмо, 2007.
Зечевић Слободан. Митска бића српских предања. Београд: Службени гласник, 2008.
Караџић Вук Стефановић. Српске народне пјесме. I–IV. Београд: Нолит, 1969.

Лешин В. Русские сказки. Книга первая. СПб.: Тропа Троянова, 2008.

Петровић Сретен. Српска митологија у веровању, обичајима и ритуалу. Београд: Невен, Народна књига, Алфа, 2004.

О метафорическом потенциале прилагательного *агрессивный* в современном русском языке

Н. И. Миронова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русский язык, прилагательное «агрессивный» (-ая, -ое, -ые),

когнитивная теория метафоры, метафорические модели, персонификация.

Summary. The adjective «агрессивный (-ая, -ое, -ые)» and its metaphoric potential are under consideration in this paper.

Признанный эксперт в области изучения агрессии, известный психолог С. Н. Ениколопов отмечает рост агрессии в обыденной жизни [Ениколопов 2014], называя одной из причин такого положения нестабильность современного общества. С кризисным, нестабильным существованием государства, переустройством власти, экономики, мировоззрения, изменением образа жизни людей, сменой ценностных приоритетов и ростом негативных явлений связывают также происходящие в последние десятилетия изменения в русском языке [Петрова, Рацибурская 2013: 8]. Так, в конце XX века в словарях русского языка было зафиксировано новое значение слова *агрессия* [Якимова 2011]; агрессия перестала считаться исключительно прерогативой государства, ее стали соотносить с человеком.

Мы предположили, что изменения затронули и дериваты слова *агрессия*, в частности, прилагательное *агрессивный*. Гипотеза о том, что изменения могут быть связаны с расширением метафорического потенциала, была верифицирована экспериментальным путем.

Чтобы определить основные направления (в терминах когнитивной теории метафоры — модели) метафоризации прилагательного и получить представление о широте ее распространения в речи носителей русского языка, мы провели письменный опрос студентов нескольких московских вузов, в котором приняли участие 100 человек. На первом этапе респонденты должны были подобрать определяемые слова к прилагательному *агрессивный* (-ая, -ое) и позже к прилагательному *агрессивные*. На втором этапе нужно было дать толкование некоторых полученных словосочетаний.

Анализ ответов показал, что респонденты привели приблизительно равное количество примеров на употребление прилагательного в прямом и переносном, метафорическом значении, и только для среднего рода количество примеров метафорического употребления (по понятным причинам) было приблизительно в три раза больше.

В прямом значении примеры были связаны с наименованием людей и животных. Это наименование человека по постоянному социальному признаку

(статусу), например, по роду деятельности (*кондуктор, охранник, продавец, учительница, продавщица, поэтесса*), по переменному социальному статусу (*попутчик, прохожий, пассажир, покупатель, докладчица, подруга*), по типу родства (*отец, родственник, муж, брат, жена, бабушка*), по возрасту (*мальчик, подросток, юноша, мужчина, девочка, девушка, женщина, старушка*) и т. п. Это также названия животных (*пес, кот, слон, медведь, собака, кошка, змея* и др.). Формирование переносного значения происходило на основе метафорической модели персонификации (олицетворения) [Баранов]. Помимо природных явлений (*климат, мороз, ветер, погода, атмосфера*), природных объектов (*море, небо, Луна, Солнце*), флоры (*дерево, дуб, апельсин, растение*), категорий времени и пространства (*век, день, утро, время; мир, город, страна, дорога*), в сферу действия персонификации попали конкретные предметы, постоянно используемые человеком в повседневной жизни (*наряд, прикид, одежда, обувь, украшение, платье, помада, очки*). Список таких предметов оказался достаточно широким.

Респонденты использовали следующие стратегии толкования: описание внешнего вида (цвета — *красный* или *кислотные цвета*; формы, размера очков и / или их отдельных частей — *узкие, каплевидные, маленькие стекла, тонкие дужки*; декоративных элементов — *шипы*); описание функций (*вызывают страх, раздражают, причиняют неудобства или самому владельцу, или себе-седнику* и т. п.); категоризацию (отнесение к определенному классу предметов) — *солнцезащитные очки; очки «авиатор»; монокль*; ограничение сферы использования (*праздник, карнавал, хэллоуин*); общую оценку (*необычные*). Некоторые словосочетания, например, *агрессивная поза, агрессивный цвет*, были привычными для носителей русского языка, но были и такие, в отношении которых этого нельзя было сказать, например *агрессивные очки*. Судя по реакциям (*непонятное сочетание слов, я бы не стала использовать это словосочетание; выражение режет слух*), возможность употребления этого словосочетания вызвала у некоторых респондентов сомнения. При этом в Интернете словосочетание *агрессивные очки* уже довольно широко используется в рекламе, рассчитанной на понимание широкой аудитории. Этот пример, как и другие аналогичные примеры, позволяет нам наблюдать динамику формирования новых метафорических значений.

По мнению А. Н. Баранова, персонификация свидетельствует об утрате человеком личностных свойств, о передаче их объектам внешнего мира, иными словами, о его деперсонификации. С нашей точки зрения, перенос свойства агрессивности на неживые объекты нельзя трактовать однозначно. Расширение, распространение агрессивности на объекты, «близкие» к человеку и постоянно используемые им в повседневной жизни, может быть связано как с демонстрацией собственной агрессивности окружающим, так и с защитной реакцией, своеобразной мимикрией. Не надо забывать и о том, что сегодня

агрессивные элементы одежды и аксессуаров модны и, следовательно, престижны.

Высказанная нами гипотеза подтвердилась. Метафорический потенциал прилагательного *агрессивный*, в основе которого лежит универсальная модель персонификации, расширяется, захватывая все более обширную область неживых объектов.

Литература

- Баранов А. Н. Метафоры в романах А. Платонова «Чевенгур» и «Счастливая Москва» [http://www.lexrus.ru/inout/12-04-12055/metaph-Internet.pdf].
- Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
- Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2013.
- Якимова Н. С. Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2011. № 1 (45). С. 184–188.

«Петр с колосом, Илья с колобом»: календарная оппозиция в культурном и языковом кодах восточных славян

О. В. Моргунова (Атрошенко)

Уральский государственный медицинский университет (Екатеринбург, Россия)

Этнолингвистика, хрононимы, хрононимические дериваты, паремии.

Summary. The article presents Slavic calendar opposition «St. Petr and Pavel's day (12.07) — St. Ilya's day (2.08)». Analysis of dialect dates' names, their derivats and proverbs reveals basic motives for comparison two days.

Особое место в летнем цикле календаря восточных славян занимают даты 12 июля и 2 августа¹. В народном сознании они приобретают хозяйственную и сакральную значимость, набор же этнокультурных смыслов у них несколько различен. Сопоставление мотивов, заложенных в названиях дат, их дериватах и в паремиях с участием хрононимов, позволяет говорить о существовании оппозиции «Петров день — Ильин день».

Прежде всего это **именины** апостолов Петра и Павла (12 июля) и св. Илии (2 августа): рус. приказ. *Павел*, костром. *Павел и Петр* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 300], белорус. *Пятро і Паўла* [Лозка 2002: 115]. Ср. полес., рус. *Илья* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 190]; [Толстая 2005: 114], нижегород. *Ильин праздник*, киров. *Илья-Именинник* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 188, 195].

Почитание праздников обуславливает появление запретов на работу и приготовление ритуальной пищи: полес. *На Петра... як сонцэ зайдзе, так ужэ*

¹ Календарные даты приведены по новому стилю.

мы празднуем — ницто такого не робим [Толстая 2005: 171]; рус. костром. *Петров день... братчину делали*; прикам. *На Петров день грех работать, праздновали* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 316]; том. *Нельзя работать в Ильин день... шибко его читили* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 185]. Важность этих дат подтверждается наличием у них дней-«спутников»: рус. нижегород. *Илья-Ильенок* ‘2 августа’, севернорус. *Полупетр* ‘13 июля’ и др. [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 193, 333].

Петров и Ильин дни противопоставлены в народном сознании как **непостный** и **постный праздники**. Петровым днем завершался летний пост: рус. *На Петров день барашка в лоб — можно разговеться* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 316]. В Ильин день, напротив, устанавливался пост: рус. карел. *Ильинский день — молока не ем* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 190]. Чтобы «задобрить» праздник, в Ильин день приносили ритуальную жертву: ср. рус. *Илья-Бараний Рог. На пророка Илью баранью голову на стол*; прикам. *ильинский барашек* ‘баран, заколотый 2 августа’ [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 193, 187].

Если непочтительное отношение к Петрову дню наказывалось социумом (рус. забайкал. *петровская кила* ‘лошадиная голова, которую привязывают к крыльцу того, кто не праздновал Петров день’ [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 318]), то за пренебрежение «правилами» Ильина дня можно расплатиться имуществом и жизнью (рус. *В Ильин день скота в поле не выгоняй — либо грозой убьет, либо гад укусит*; прикам. *В Ильин день мужик полез на черемуху, пал и убился* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 185]).

Разговение в Петров день включало народные гуляния: рус. тамбов. *Под Петров день молодежь всю ночь гуляют*; ср. севернорус. *петровские хороводы*; полес. *На Петра вешают качелю и гайдаюца* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 316, 319]; [Толстая 2005: 171]. Если Петров день носит **светский характер**, то Ильин день **более сакрализован**. Так, день св. Илии представлял угрозу для человека: рус. пензен. *Ильин день Страшный*, прикам. *Илья Сердитый* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 188, 195]; рус. прикам. *Илья ругается ‘о громе 2 августа’, Ильин кладь перевернет ‘о запрете заготавливать сено 2 августа’* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 187, 192].

Если дружеские наименования Петрова дня говорят о **взаимной «расположенности»** праздника и народа (рус. смолен. *Петрушечка* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 323], белорус. *Пятрок* [Лозка 2002: 115]), то уменьш.-ласк. названия Ильина дня (рус. смолен. *Ильюшечка*, самар. *Илюшкин день* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 190, 196]) указывают на **умилистивление праздника**.

Отрицательная оценка дня св. Илии, возможно, создала ему репутацию **«нечистого» праздника**: прикам. *ильинский волос* ‘водяной червь, появляющийся в реке 2 августа’; вологод. *С Ильина дни купаться нельзя — черт с со-*

люю приехал [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 187, 185]. Связь с нечистью приписывается и Петрову дню: полес. *Не ходзиць, бо зар ходзяць русаўки, у Петровицу* [Толстая 2005: 173]. Это обусловлено его календарной близостью ко дню Ивана Купалы, ср. забайкал. *Иван Колдовник* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 170] и др.

Обоим дням приписывалась **способность управлять погодой, влиять на урожай**. Эти дни считались грозowymi: прикам. *Петров день Грозный*; самар. *Илья-Грозовик*, прикам. *Илья-Громовник* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 320, 193]. По поверьям, святые — покровители грозowych дней выполняют сходные действия (катаются по небу): рус. вят., тамбов. *Илья-Пророк на колесах ездит*; ср. прикам. *Петр и Павел ездят 'о грозе 12 июля'* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 195, 314].

В Петров день гроза и дождь были желательны, поскольку благоприятно влияли на поспевающие хлеба: костром. *На святого Петра дождь — жито как хвоиц* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 313]. В Ильин день дождь портил неубранное сено: полес. *Прышоў Ілья, наробіў гніля* [Толстая 2005: 114]. В отношении «грозowych дел» **Ильин день воспринимался как преемник Петрова дня**: рус. прикам. *Егорий Храбрый ездит... до Петрова дня; потом Петр и Павел ездят до Ильина дня. А после уж Илья ездит*; костром. *Илья и Петр расстаются 'о грозе 2 августа'* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 192].

Петров и Ильин дни противопоставлены друг другу как **сезонные маркеры**: заонеж. *Петр лето зачинает, Илья лето кончает*, ср. рус. *Петр-Павел Летний* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 313, 314]. Нередко **Петров день является предвестником сезонных изменений** Ильина дня: рус. нижегород. *Петр и Павел час убавил, Илья-Пророк два уволок* (об укорочении светового дня); прикам. *Придет Петрок — опадет листок, придет Илья — упадет два* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 314, 323] и др.

Обе даты являются **с / х временной границей**. Это время созревания даров природы и начало их заготовки: архангел. *петровская страда* 'начало уборки сена', архангел. *петровские грибы*; ильинский сот 'соты, богатые медом'; ильинское сено; вологод. *ильинский сев* 'ранний сев озимых' [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 318, 188].

День св. Илии превосходит Петров день обилием урожая (рус. *Петр с колосом — Илья с колобом* (о хлебе из свежего зерна) [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 191]), а значит, оценивается положительно, в отличие от 12 июля: рус. смолен. *Дай Боже два Илюшки в году, а Петрушки хоть ни одного. Илюшка и накормил, и напоил* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 323].

Так, Петров и Ильин дни противопоставлены по хозяйственной значимости, природным изменениям и народной оценке. Если 12 июля — разгар лета и

летних с / х работ, то Ильин день — их завершение. Первый получает положительную оценку в связи с завершением поста, народными забавами, последний — в связи с обилием урожая.

Литература

Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь: этнолингвистический словарь. М., 2015.

Лозка А. Ю. Беларускі народны каляндар. Мінск, 2002.

Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

Рука / руки как объект оценки в русском языке

Анна Нью

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия) / КНР

Определение руки, признаки, объект, субъект, оценка.

Summary. We want to research the definition of hand in Russian and how Russians treat its different features. In this article we find that the standard of value is variable and the judgment of hand valuation is related to many things: gender, age, profession and so on.

Цель статьи заключается в том, чтобы исследовать, как человеческие руки подвергаются оценке и определяют характер. В русском языке *рука* представляется в качестве члененного объекта: *плечо, предплечье, локоть, запястье, кисть, ладонь, пальцы* — все это — составляющие части руки. В словаре Шведовой дано такое определение слова *рука*: «Рука — одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также ее часть от запястья до кончиков пальцев, кисть» [Шведова 2002: 490]. Русское слово «рука» может переводиться на китайский несколькими словами, в зависимости от того, какая именно часть руки имеется в виду: «手» (ладонь, включая пальцы), «胳膊» (от запястья до плеча) и «肩» (плечо). [魏建功 1998: 454]. Определение и понимание такого обыкновенного, на первый взгляд, объекта, как «рука», в русском и китайском языках не совпадают.

Существительное «рука» может соотноситься с *рукой* в целом и такой ее частью. Когда ребенка спрашивают, помыл ли он руки перед едой, имеют в виду не руку в целом, а только кисть. Эта важная особенность русского обозначения верхних конечностей человека распространяется и на те свойства, которые приписываются руке в целом и ее частям. Здесь действует не только метонимия рода, но и метонимия вида: когда говорят *сломанная рука*, могут иметь в виду и сломанное плечо, и сломанное запястье и сломанную кисть. Идиома *дырявые руки* — это метонимия целого, поскольку речь идет о кистях рук; атрибут «дырявый» представлять собой когнитивную метафору, позволяющую обозначать такое свойство, как непригодность к использованию. И наконец, идиома *дырявые руки* соотносится с человеком — перед нами метонимия по типу часть — целое. Какими физическими признаками наделяются в русском языке человеческие руки, и какие из этих признаков попадают в поле оценки (имеется в виду атрибутивная оценка, выраженная прилагатель-

ным)? Для ответа на этот вопрос мы обратились к данным Национального корпуса русского языка.

Рука представляется как часть целого, и как материальный трехмерный объект, рассматриваемый с точки зрения параметров: длины, ширины, толщины, силы, твердости и поверхности. Если сочетание *широкие руки* охватывает все части (руки, плечи, запястья, ладони), то сочетание *узкие руки* метонимически указывает только на кисть рук. Здесь стоит также отметить оценочную коннотацию, которая отличается в зависимости от пола обладателя рук. Так, обладателем *узких рук* чаще всего выступает женщина, кроме того для женщины такая характеристика является положительной, связанной с эстетической категорией красоты. Для мужчины же более характерны *широкие руки*, ассоциативно связанные с физической силой.

Физический признак длины также приобретает дополнительные значения. *Длинные руки* могут быть у пианиста. В этом значении мы наблюдаем метонимию «целого — части»: под *длинными руками* подразумеваются длинные пальцы. Второе же значение фразеологично. «Руки длинные — у кого. Разг. Неодобр. О вороватом человеке» [Мокиенко 2007: 581]. Со значением «достать что-либо» связано и сочетание *короткие руки*, употребляемое чаще в краткой форме прилагательного: «руки коротки у кого — о том, у кого нет возможности сделать что-н.» [Шведова 2002: 492].

Атрибутивные сочетания, характеризующие руки с точки зрения размера, могут указывать на пол и возраст обладателя рук. Они также используют метонимию «целого — части»: и «маленькие», и «большие» руки указывают только на кисти рук. Обладателями *маленьких рук* чаще всего выступают дети, иногда женщины. Для женщины такая характеристика является положительной, т. к. связана с эстетической категорией красоты. *Маленькие руки* у мужчин в контексте дворянской эпохи также имели положительную коннотацию. *Большие руки* указывали на тяжелый труд.

Выступая с такими атрибутами, как *толстый, полный, пухлый, худой, пухленький, худенький*, «рука» метонимически указывает на плечо и предплечье, но не на кисть. Сочетания *толстая рука* и *полная рука* отличаются субъектом, которого они характеризуют: так, «полная» и «пухлая» рука чаще выступает атрибутом женщины, имея при этом положительную оценку. *Толстые руки* не зависят от пола характеризуемого субъекта, это сочетание несет в себе негативный смысл.

Когда речь идет о силе, рука может быть определена такими прилагательными, как *сильный, слабый, мускулистый, бессильный и мощный*. Но, например, в сочетании *мускулистая рука* подразумевается только плечо или предплечье.

Прилагательные *твердый, железный, мягкий* репрезентируют свойства руки на основе твердости, силы. «*Железной (твердой) рукой* (управлять) — действовать твердо, жестко, беспрекословно диктуя свою волю» [Шведова,

2002: 491]. *Железная рука* соотносится с человеком — перед нами метафора и метонимия по типу «часть — целое».

Когда говорят о поверхности рук, могут иметь в виду цвет кожи (*красные, красноватые, белые, бледные, розовые, черные*) и ее состояние (*гладкие, грубые, бархатные, шершавые, атласные, мозолистые*). *Белоручка* соотносится с человеком — метонимия по типу «часть — целое»: «человек, который чуждается физической или вообще трудной работы» [Ожегов 2006: 43]. *Шершавые руки* указывают на принадлежность человека к классу людей, занимающихся физическим трудом.

Как следует из сказанного выше, в зависимости от контекста слово «рука» может обозначать как целое (человека), так и название частей (плеча, кисти и пальцев). Дескриптивные прилагательные могут указывать на физические свойства рук, а использование метафоры позволяет переносить значение атрибутов на субъект.

Литература

- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.
- Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2002.
- Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>] (НКРЯ).
- 魏建功, 恽逸群 新华字典 商务印书馆 1998年 700页

Щи в культурно-языковой традиции Русского Севера*

К. В. Осипова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Севернорусские говоры, этнолингвистика, семантика, мотивация, традиционная пища.

Summary. The report reconstructs the cultural and linguistic symbolism of Russian traditional soup «щи». It is based on the vocabulary of northern Russian dialects, folk texts and ethnographic data. The composition of food, the role in the ration, territorial variation of names are determined. It examines the secondary semantic of the word «щи»: for example, the motivation of the expression «щи пролить» ‘something suddenly happened to the man’.

На Русском Севере щи были одним из основных блюд как повседневного, так и праздничного рациона. Они могли употребляться за любой трапезой и в богатых, и в бедных домах. Значимая роль щей в крестьянском питании определила разработанность культурно-языковой символики.

Цель доклада — этнолингвистическая характеристика щей как части рациона севернорусского крестьянина. Исследование выявляет состав блюда,

* Работа выполнена в Уральском федеральном университете (Ural Federal University) в рамках реализации программы конкурентоспособности УрФУ (2013–2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)».

специфику приготовления, роль в традиционной трапезе, территориальное варьирование состава и названий, а также особенности вторичной семантики слова *щи*. Кроме того, затрагивается культурная символика щей, проявленная в фольклорных текстах и традиционных обрядах. Географически исследование ограничено Русским Севером: Архангельская и Вологодская области, а также северо-восток Костромской.

На юго-востоке Вологодской и в северо-восточных районах Костромской области словом *щи* обозначали любой суп или суп с овсяной крупой. Это название воспринималось как устаревшее по отношению к современному общенародному *суп*. В Архангельской области *щи* могли обозначать похлебку только с мясом и солью, куда иногда добавляли немного крупы или картофеля. Такие щи были признаком достатка хозяев: «Раньше кто богатый, в щи и картошки не ложил — одно мясо» [СГРС, 1: 95]. В районах, где основу рациона составляла рыба, щи варили с сушеной рыбой и крупой, в противоположность ухе, которую готовили из свежей рыбы.

По цвету различались *белые*, *серые* и *зеленые щи*. Например, в Вологодской обл. *белые щи* варились из кочанной, белой капусты, *серые* — из ее зеленых листьев, а *зеленые* — из заквашенной капусты. Капустные щи были самой привычной пищей и символизировали однообразие крестьянского рациона, ср. *Шти капусте замена, капуста особая перемена* (арх.) [Ефименко, 2: 250]. По времени приготовления в посты или дни без пищевых ограничений выделялись волог., костр. *щи постные* ‘суп без мяса с овсяной крупой и картофелем’ и волог. *щи скоромные* ‘мясной суп с крупой’ [ЛКТЭ]; [СВГ, 12: 115]. Контаминацией *молосный* ‘скоромный’ и *молочный*, скорее всего, объясняется волог. *щи молочные* ‘мясной суп’ [СВГ, 12: 115].

Иногда *щи* как название супа с мясом противопоставлялись уменьшительному однокоренному наименованию постной похлебки — волог., костр. *ште□чки* [ЛКТЭ]; [СВГ, 12: 115] или арх. *ште□ицьки* [Дуров: 447]. В связи с этим интересно рассмотреть присловье *Щи да щечки, да щи в горшочке* (череп.) [Тенишев, 7: 201], где, возможно, обыгрываются названия мясного и постного супов.

Яркий звуковой облик слова *щи* определил появление присловий, основанных на рифме *щи* — *полощи*, *щи* — *шли* и относящихся к жидкой похлебке: *щи — хоть портянки полощи* (КСГРС), *Эти щи из Питера пеши шли* [Бурцев, 1: 347]. Здесь можно вспомнить, что названия жидких блюд и напитков нередко связаны с мотивом «хождения по воде», ср. *Эти щи по заречью шли, да по воде к нам пришли*; *Квас вор: воду в жбан свел, а сам ушел* ‘о жидком квасе’ [Даль, 4: 657; 3: 713]. Возможно, мотивом «убегания» жидкого супа объясняется поверье пинежских крестьян о том, что в щи следует «крошить крошево» (хлеб), иначе убежит жена [Ефименко, 1: 174].

Значение, далекое от «пищевой» семантики, развивает костромское выражение *шти про□ли□ть* ‘о чем-либо, внезапно произошедшем с человеком:

упасть, заболеть, умереть и пр.' «Упал, хлестнулся, быстро и нечаянно — дак упал как шти пролил» [ЛКТЭ]. Поскольку этот фразеологизм относится к физическим действиями человека, а сквозным мотивом в большинстве контекстов является мотив падения, удара, скорее всего, выражение является эффе-мизмом по отношению к *кровь пролить*.

В обрядовой сфере щи получали символические функции на свадьбе. Так, на этапе сватовства щи варили в доме невесты в качестве угощения желанным сватам (костр.) [Тенишев, 1: 200]. Совместное употребление щей символизировало согласие и породнение семей: на Мезени, когда дело доходило до рукобיתья, выносили на стол щи, накрывали их тарелкой и объявляли имя повари-хихи (*штинница*), которая целовала всех сидящих, и только после этого все начинали есть [Ефименко, 1: 130].

Литература

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4 (Даль).
 Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011 (Дуров).
 Ефименко П. С. Матеріали по этнографії русскаго населенія Архангельской губерніи. М., 1877. Ч. 1: Описаніе внѣшняго и внутренняго быта (Ефименко).
 Картотека Словаря говоров Русского Севера. Кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург (КСГРС).
 Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета. Кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург (ЛКТЭ).
 Обзор русского народного быта Северного края. Его нравы, обычаи, предания, предрассудки, притчи, пословицы... / Собр. А. Е. Бурцев. СПб., 1902. Т. 1. Русские народные сказки. Пословицы (Бурцев).
 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического Бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004 (Тенишев, 1).
 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. Череповецкий уезд. СПб., 2009 (Тенишев, 7).
 Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12 (СВГ).
 Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001–. Т. 1– (СГРС).

Антропоцентрические коннотации в номинациях животных (руско-польские сопоставления)

А. Пиасецка

Лодзинский университет (Польша)

Е. П. Иванян

Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Антропоцентрические коннотации, зооморфизмы, фразеологизмы.

Summary. Comparisons of Russian and Polish anthropocentric connotations in the nominations of animals (*ram, sheep*) in dictionaries and a poll of Slavic-speaking informants are presented in the article.

Исследование является фрагментом международного проекта «Коннотативные связи в номинациях животных в польском и русском языках», который

состоит из серии экспериментов с информаторами-носителями славянских языков и сопоставления с лексикографическими источниками. Изучение антропоцентрических коннотаций лексем *баран* и *овца* в русском и польском языках позволяют сделать следующие обобщения.

Значительное количество коннотаций в изучаемых славянских языках основано на ассоциациях, которые порождаются внешним видом барана и овцы: размер тела; вид волосяного покрова (его кудрявости, цвете); наличие кожного заболевания; части тела; стрижка данного домашнего животного.

Так, с помощью определения размеров барана характеризуются рыбы, животные или растения, так в русских народных сравнениях *большой как баран* говорится о животном или птице больше обычных для него размеров [Мокиенко, Никитина, 2008a].

Кудрявость барана порождает антропоцентрические коннотации, которые находят отражение в узуальных сравнениях и фразеологизмах русского и польского языков: *зарости волосом что баран* 'о давно не стриженном, обросшем человеке'; *кудрявый (курчавый) как баран* 'шутл.-ирон.' Данные коннотации проявляются и в польской фразеологии: *głowa barania* 'о кудрявом человеке' [Słownik języka polskiego 1990–1927].

Антропоцентрический характер коннотаций проявляется в сравнениях, которые содержат характеристику цвета волосяного покрова животных: *будешь знать до конца, будешь сив как овца* 'будешь много знать, быстро состаришься'. Пример содержит проецирование человеческих ценностей: слишком — это всегда плохо. Ср., *белый как овца* 'о поседевшем человеке' [Мокиенко, Никитина 2008a]. В сленговой молодежной речи фиксируется *белолобая овца* 1) шутл. блондинка; 2) пренебр. 'девушка с отталкивающей внешностью' [Мокиенко, Никитина 2008b].

Заметим, что если раньше светлый цвет волос (шерсти) вызывал положительные ассоциации, то теперь в славянских языках он все чаще ассоциируется с глупостью и умственной отсталостью (блондинки). Ярче всего это проявляется в шутках и анекдотах. Полагаем, что названные ассоциации наведены фактором глобализации, сильным влиянием англосаксонской культуры.

Шутливые положительные коннотации содержат польские и русские фразеологизмы, в которых говорится о черном цвете шерсти животных: *чёрная как овечка* 'о черноволосой или с волосами, окрашенными до иссиня-черного цвета девушке, женщине' [Мокиенко, Никитина 2008a]; *gdzieżeś to bywał, czarny baranie?* 'оборот из народной песни, который стал пословицей и употребляется в шутливом значении в ситуации, когда кто-то долго отсутствует'. Попутно заметим, что в русском языке тоже существует народная шутливая песня «Где же ты был, мой черный баран?».

Отталкивающе выглядят баран или овца, болеющие паршой (собирательное название заболеваний кожи, волос и ногтей, при которых на коже обычно

возникает твердая корка). Отсюда возникли антропоцентрические коннотации, которые закрепились во фразеологизме *паршивая овца*, так говорят о порицаемом человеке. Польское языковое пространство включает эквивалентные единицы: *parszuwa owca* 'о человеке, осуждаемом общественной сферой, к которой он принадлежит; изгой'; *parszuwa owieczka* 'о плохом человеке, поступающем не так, как следует'. Дословно *паршивый* / *parszuwy* в обоих языках обозначает 'больной паршой; шелудивый'. В переносном значении прилагательное характеризует никчемного, подлого, злого человека. Однокорневые слова *паршивец* / *parszuwies* и *паршиветь* / *parszuwieć* семантически в русском и польском языках связаны с лексемой *паршивый* / *parszuwy*.

Разные части тела животных вошли в состав диалектных или устаревших названий растений, например: *бараний язык* 'растение *Onosma echinoides*, румяница, румянка, ословонник'; *бараньи язычки* — фиксирует словарь В. И. Даля [Даль 1978]; в диалектах польского языка есть вид огородного растения под названием *baranie jajka*.

Изучение антропоцентрических коннотаций в номинациях животных (*баран* и *овца*) по лексикографическим источникам мы дополнили опросом информантов. Испытуемые отвечали на вопрос «Назовите внешние черты, которые у вас ассоциируются с бараном, овцой». В опросе приняли участие 120 человек, мужчины и женщины, в возрасте от 11 до 76 лет, школьники, студенты, стажеры, строители, врачи, медсестры, тренеры, слесари, повара, фотографы, пенсионеры, домохозяйки из г. Самары и Самарской области, а также Москвы, Сургута, Саранска, Уральска (Казахстан), Киева (Украина).

По результатам опроса мы ранжировали называемые признаки на доминирующие (составляющие более 10% от общего количества представленных признаков), сопутствующие (менее 10%) и незначительно представленные (менее 1%).

Для леммы *баран* доминирующие признаки *большие завитые рога* 47,8%; *светлая шерсть* 31%; *кудрявый* 12,8%; сопутствующие признаки *пушистый* 3,9%; незначительно представленные *парнокопытное*, *копыта*, *парень-балбес*, *маленький хвостик*, *сильный*, *большой* (по 0,9%).

Для леммы *овца* доминирующие признаки *кудрявая шерсть* (40%); *пушистая* (19,6%), *безрогая* (13,6%); сопутствующие признаки *маленькая* (6,8%); *копыта* (4,9%); *меховая* (2,9%); *хвост завитком* (2,9%); *млекопитающее*, *маленькие уши*, *пугливая и кроткая* (по 1,9%); незначительно представленные признаки *девушка-дура*, *подушка*, *барабаны*, *маленькие глаза* (по 0,9%).

Обобщая результаты эксперимента, заключаем, что для носителей русского языка при слове *баран* возникают доминирующие признаки животного с большими завитыми рогами, светлой шерстью, свитой в кудряшки. При слове *овца* — возникает образ животного с кудрявой шерстью, пушистого по форме и безрогого. Для барана признак «пушистости» оказывается только сопутству-

ющим, что, вероятно, объясняется половым различием барана и овцы, а также наложением в сознании носителей языка «гендерной» модели овцы как более округлой по форме, что как раз осуществляет «пушистость» животного.

Литература

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.
Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь народных сравнений. М., 2008а.
Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2008б.
Słownik języka polskiego. T. I–VIII / Red. J. Karłowicz, A. A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Warszawa, 1900–1927.

Вербальная символика розового в русской фразеологии

О. А. Сеничева

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

Фразеологизм, цвет, колоризм, розовый, языковая картина мира.

Summary. The research deals with the analysis of proverbial phraseological units with the component «pink» which has colour and light meanings. The symbolic meaning of pink, the peculiarities of language universal in Russian ethnic culture have been described.

Одним из фрагментов языковой картины мира является система цветообозначений в языке. Цветообозначения изучались достаточно широко А. И. Беловым, А. П. Василевич, В. Г. Гаком, А. А. Залевской, Р. М. Фрумкиной и др., однако до сих пор цвет не имеет общей концепции как в пределах какой-либо одной науки или целого направления, так и в художественном творчестве.

В последнее время внимание лингвистов-фразеологов привлекает изучение символики цвета как своеобразной языковой универсалии в русском языке (В. Г. Кульпина, Н. В. Коптева, В. М. Мокиенко и др.).

С каждым цветом у разных народов связаны определенные ассоциации, что обусловлено историческими, политическими, религиозными, культурологическими и другими национальными особенностями. Прежде всего, розовый соответствует оттенку человеческой кожи (особенно в младенческом возрасте), отсюда и т. н. розовые ассоциации — мягкость, нежность, детство. Розовый — это смешение красного и белого цветов, цвет обольщения, живительной росы, символ невинности, любви, верности. Это цвет всего живого, жизни. Он говорит о необходимости любить и быть добрее.

Особенностью фразеологизмов является их способность номинировать противоположные явления действительности. Эта особенность фразеологических единиц (далее ФЕ) отражена, на наш взгляд, в русских фразеологизмах с компонентом-колоронимом «розовый»: *в розовом свете (или цвете) видеть / увидеть (или представлять / представить)* и т. п. *кого-что; сквозь розовые очки смотреть / посмотреть на кого-что* — «идеализировать кого-, что-л., не замечать недостатков, темных сторон кого-, чего-л.» [ФСРЯ: 242], *розовые мечты* — «приятные, сулящие радость, счастье». Компонент *розовый* несет в себе семантику оптимизма и в то же время грез, мечтаний.

Символы цвета связаны с обычаями народа. Традиционно у разных народов розовый свет ассоциировался с благодушием, совершенством, с добрым здоровьем и благополучием [СРФ: 518]. *Розовые очки, розовые мечты, видеть мир в розовом цвете, розовый слон* — все это выражает романтичность, добро-ту и комфортность данной гаммы. Этот цвет издавна признан символом жен-ственности. В русской культуре розовый — это также цвет сказки: *Розовые облачка, похожие на помадки, слились и увенчали башни золоченого прянично-го замка, а розовые младенческие пальчики почек на деревьях, казалось, рас-топырились и тянулись к ним из всех сил* (Г. К. Честертон. «Волшебная сказ-ка отца Брауна»). В современном мире розовый — цвет дамского любовного романа, может указывать на эмоциональную изоляцию и даже одиночество. Розовый цвет использует молодежная субкультура «эмо», где мрачная роман-тика готического черного цвета оттеняется сентиментальностью, ранимостью и инфантильностью розового. Несмотря на все достоинства, избыток розового цвета может символизировать также поверхностность и легкомысленность.

В языковом сознании людей, в основном, розовый — это цвет детства, юности, нежности, наивности, незащищенности: *Я советовал ему просить звания историографа; он считал это невозможным, говоря, что по обычаю моему вижу все в розовом свете* (И. И. Дмитриев. «Взгляд на мою жизнь» — ФСРЛЯ). ФЕ *видеть в розовом свете* употреблена в значении «преувеличи-вать достоинства, качества и т. п. чего-либо, не имея о нем реального пред-ставления».

В процессуальных фразеологизмах компонент-колоризм *розовый* репре-зентирует человека романтического, инфантильного, наивного, оторванного от реальности, излишне впечатлительного: *Ладно. Не переживайте. Все будет хорошо... Я ожидал верстку. Жизнь представлялась в розовом цвете...* (С. Д. Довлатов. «Ремесло» — СФОСРЯ). Говорящий выражает свое мироощу-щение, используя ФЕ, среди которых *представлялась в розовом цвете* упот-реблена в значении «лучше, чем на самом деле, приукрашенный». Компонент *розовый* несет сему «наивный», потому что и в языках европейских культур, и в русском языке традиционно символика розового цвета обладает оценочно-стью.

Изучая особенности цветового восприятия, контекстуальный анализ по-казал, что данные фразеологизмы вербализуют как мелиоративную, так и пей-оративную оценку действительности, так как традиционно в народном созна-нии тот или иной цвет ассоциируется с самой жизнью, которая не может быть только хорошей или только плохой.

Таким образом, *розовый* можно дефинировать как цвет детства, грез, фан-тазий, наивности, что является национальной особенностью русской языковой картины мира; розовый цвет одних людей привлекает, кажется им романтич-ным, других — раздражает, а третьи в нем прячутся от накопившихся проблем.

Література

- Фразеологічний словар російського літературного мови [Електронний ресурс. Режим доступу: <http://phraseology.academic.ru/> (Заголовок з екрана)] (ФСРЛЯ).
- Фразеологічний словар російського мови / Сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 3-є изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2007 (ФСРЯ).
- Словарь русской фразеологии / Сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб.: Фолио-пресс, 2001 (СРФ).
- Словарь фразеологических омонимов современного русского языка [Електронний ресурс. Режим доступу: <https://books.google.com.ua/books> (Заголовок з екрана)] (СФОСРЯ).
- Честертон Г. К. Рассказы о патере Брауне [Електронний ресурс. Режим доступу: http://lib.ru/DETEKTIWY/CHESTERTON/chest2.txt_with-big-pictures.html#5] (Заголовок з екрана).

Фразеологізми на позначення мовленнєвої діяльності у слов'янських мовах

А. М. Сердюк

Бердянський державний педагогічний університет (Україна)

Фразеологізм, спілкування, вербальна комунікація, мовленнєва діяльність.

Summary. The study considered the features of the phraseological units to refer to verbal communication in Ukrainian and Bulgarian languages. The author defines the iso- and allomorphic properties in their semantics on the material of the resistant expressions, that denoting speech activity.

Вивчення сталих виразів на позначення мовленнєвої діяльності не втрачає своєї актуальності з огляду на антропоцентризм сучасної лінгвістики. Мета нашої розвідки полягає у зіставному вивченні фразеологізмів на позначення вербального спілкування у слов'янських мовах. Досліджені нами українські та болгарські стійкі вирази на позначення вербального спілкування умовно поділяються на семантичні групи. Одна із них — «Види мовленнєвої діяльності» — складається із наступних рядів, які є спільними для обох мов: «п л і т к у в а т и»: укр. *точити бали* (баляси; ляси; баляндраси); *травити баланду*; *розводити боби* (на бобах); *перебирати* (розбирати; перебрати; розібрати) *по кісточках*; *брати на зуби* (на решето); болг. *говоря* (тръбя; разтръбявам; разтръбя) *наляво и надясно*; *чужди уста* (хорскитеезици) *не се връзват*; «п л а я т и»: укр. *задати перцю з маком*; *О, як затрусить зеленим маком, так держись берега!* болг. *правя* (направя) *на бъзе икоприва*; *злословно адрес*; «відмовлятися від своїх слів»: укр. *повертати* (повернути) *слово* (назад); болг. *говоря* (приказвам) *слова на ветер*; *взимам* (взема) *сидумите назад*; «почати розмову»: укр. *мову почати* (розпочати, завести); болг. *отварям* (отворя) *дума*; *взимам* (взема) *думата*; *правя* (направя) *на въпрос*; *правя* (направя) *дума*; «розповісти усю правду»: укр. *відкривати* (розкривати; відкрити; розкрити) *очі*; болг. *казвам* (кажа; изказвам; изкажа; изплаквам; изплача) *си болката*; *говоря* (казвам; кажа) *право* (направо) *в очите*; «повчати»: укр. *вставляти* (вставити) *клепку* (клепки); болг. *вкарвам* (вкарвам; докарвам;

докарам) акъл (акъла) в главата; давам (дам) акъл; навчавам (научам; уча) на акъл; «досягнути згоди»: укр. знаходити (знайти) спільну мову; болг. разбирамеси от думата; говоря на един и същезик; приставам (пристана) на акъла; «запитувати»: отворям (отворя) въпрос; поставям (поставя) въпрос; «висловитися» казвам (кажа) сидумата; «довіритися»: укр. відводити (відвести) душу; болг. хващам (хвана) вяра; «обіцяти»: укр. давати (дати) слово; казав чоловік — маку дам; болг. говоря (приказвам) големидуми (приказки); давам (дам) дума.

Крім того, нами виявлено ще ряди, специфічні лише для української мови: «давати пораду, докоряючи»: читати (вчитувати; прочитати; вчитати) нотації (нотацію; мораль); «повідомляти про свої плани»: розкривати (розкрити) карти; «давати корисні поради»: наставляти (спрямовувати; наставити; спрямувати) на(добру; вірну) путь (шлях; стежку); брехати» намов три мішки маку і всі з горохом; зводити (звести) наклеп; «звалити вину»: вішати (всіх) собак; «вимагати»: гризти (прогризти) голову; «клопотати»: замовити (закинути) слово (слівце) та одиничні фразеологізми у болгарській мові: «просити пораду» искамакъл; «не досягати згоди» говоря на разниезици.

Результати нашого дослідження показують, що стійкі вирази мікросистеми «Спілкування» займають важливе місце в українському та болгарському фразеологічних корпусах. Головна функція мови — комунікативна — є основним чинником утворення універсалій у семантиці фразеологізмів. Що стосується аломорфних рис, то специфіка яскравіше спостерігається в українській мові. У болгарській мові відмінності проявляються лише в окремих фразеологізмах, які не утворюють ряди.

Отражение культурных ценностей польского общества в польской языковой картине мира

О. Н. Шапкина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Языковая картина мира, культурные ценности, национальная независимость, личная свобода.

Summary. The report attempts to create a linguistic image of freedom (wolność) in the Polish linguistic picture of the world. The analysis of usage of lexical item wolność, its synonyms and derivatives allows to draw certain conclusions on the value of individual and national freedom in the Polish society, on the polarity of concepts, expressed by wolność/swoboda and niepodległość / niezależność, on the close link between specific national connotations of the concept wolność with the historic development of ethno-cultural consciousness.

1. Свобода в иерархии ценностей польского общества. Среди ценностей наиболее значимых для польского общества *свобода (wolność)* занимает особое место. Это подтверждают не только результаты социальных опросов носителей польского языка, но и существующий у других народов стереотип

поляка, неперенным элементом которого является свободолюбие. Польский лингвист В. Писарек [Pisarek 2003: 95], изучавший так называемые «слова-штандарты», т. е. слова наиболее значимые для носителей польского языка, включает слово *wolność* в пятерку наиболее значимых для польского общества, наряду с такими как *miłość*, *rodzina*, *dom*, *przyjaźń* («любовь», «семья», «дом», «дружба»).

2. Свобода в контексте исторического опыта польского народа. Такая большая значимость слова *wolność* для носителей польского языка обусловлена трагическим историческим опытом, а именно утратой Польшей независимости в результате разделов в конце XVIII века. Поэтому на протяжении последних столетий слово *wolność* стало синонимом национальной независимости и стояло в одном ряду с такими словами как *Ojczyzna*, *niepodległość*, *patriotyzm* («Родина», «независимость», «патриотизм»). Обращаясь к истории, следует также вспомнить и о таких выражениях как „*złota wolność*”, „*wolność szlachecka*” («золотая свобода», «шляхетская свобода»), которые относятся к XVI и XVII векам, когда польская шляхта пользовалась огромными, неизвестными остальной Европе привилегиями. В то время слово *wolność* еще не ассоциировалось с борьбой и самопожертвованием, а только с привилегиями одного социального класса [Wierzbicka 1999: 518]. Социально-политические перемены, которые произошли в Польше на рубеже 1989 / 1990 годов, привели к тому, что свобода надолго стала наиболее популярной темой для политических дискуссий. Известный лозунг тех лет «*Nie ma wolności bez „Solidarności”*» («Без “Солидарности” нет свободы») показывает, с какой политической силой связывали поляки осуществление своей мечты о свободе от тоталитаризма [Abramowicz 1993: 148].

3. Семантическая и словообразовательная структура лексемы *wolność*. Семантическая структура таких слов как *wolność*, имеющих большую идеологическую нагрузку является отражением исторического опыта народа. Именно исторический опыт влияет на то, что одни элементы значения становятся более существенными, а другие уходят на второй план. Такая динамика семантической структуры во многом определяет своеобразие языковой картины того или иного языка. Словарные определения лексемы *wolność* представляют свободу как независимость одного государства от других, суверенность; возможность поступать в соответствии с собственным желанием волей, личная свобода как состояние; свободы — это также гражданские и демократические права. С точки зрения словообразовательной *wolność* является дериватом от прилагательного *wolny* («свободный») и имеет тесную семантическую связь со словами *woleć* («хотеть»), *wola* («воля»), *wolno* («можно»). Данный корень присутствует в целом ряде слов: *zwolnić*, *uwolnić* («освободить»), *zwolnienie* («освобождение»), *zniewolić* («принудить», «поработить»), *samowola* («своеволие»), *niewola* («неволя») и *zniewolenie* («принуждение»).

4. Сочетаемость существительного *wolność*. Анализ сочетаемости данного существительного дает возможность ответить на вопрос, какая она, свобода, в польской языковой картине мира. Многочисленные устойчивые выражения указывают на то, что свобода носит абсолютный характер: *wolność zupełna, całkowita, nieograniczona, powszechna, wieczysta* («полная, абсолютная, неограниченная, всеобщая, вечная свобода»). Хорошо известный с XIX века лозунг польских повстанцев «*Za wolność naszą i waszą*» является, кроме всего прочего, иллюстрацией того, что свобода неделима, что один народ не может быть свободен, когда другой в неволе [Abramowicz 1993: 153]. О том, что свобода имеет большую ценность, свидетельствуют такие выражения как *wy tęskniona wolność* («желанная свобода»), *bronić, strzec wolności* («защищать, беречь свободу»), *cieszyć się, upijać się wolnością* («наслаждаться, упиваться свободой»), *pragnąć wolności* («жаждать свободы»). Стабильные черты, приписываемые свободе, иногда вступают друг с другом в противоречие. Такие выражения как *wywalczyć, wyjednać, zyskać wolność* указывают на то, что свобода не может быть дарована извне, что ее можно добиться, завоевать. В то же время употребляются устойчивые сочетания *dać, darować, nadać, przynosić wolność* («дать, даровать, приносить свободу»), *odebrać, ograniczyć wolność* («лишить свободы», «ограничить свободу»).

5. Лексема *swoboda*. Ближайшим синонимом лексемы *wolność* в польском языке является *swoboda* («свобода, непринужденность»). Словарные определения лексемы *swoboda* отличаются от определения *wolności* отсутствием значения «государственная независимость» и наличием дополнительного значения «естественный, свободный способ поведения». Таким образом, *swoboda* — это возможность поступать в соответствии с собственными желаниями; естественная легкость поведения. Слово *swoboda* появляется обычно в контекстах не возвышенных, а тривиальных (*swoboda ruchów* — «свобода движений», *swoboda postępowania* — «свобода поведения»). «Пара *wolność / swoboda* отражает поляризацию концептов, которая отделяет временные и поверхностные жизненные обстоятельства (*swoboda*) от фундаментальных условий бытия (*wolność*)» [Вежбицкая 1999: 470].

6. Другие синонимы лексемы *wolność*. Кроме существительного *swoboda*, *wolność* имеет еще ряд частичных синонимов. Так существительное *niezależność* («независимость») совпадает со словом *wolność* в отдельных значениях: оно относится к государственной независимости или к личной свободе. *Niepodległość, niezawisłość, suwerenność* обозначают только «государственную независимость». Существительное *luz* имеет семантическую близость к существительному *swoboda*: «свободное и естественное поведение», «свободное время». Дериваты этого существительного (*luzacki, luzacko, luzak, na luzie*) носят разговорный характер и часто употребляются в молодежной речи, обозначая нарочито свободный стиль поведения [Antosiak 2003: 366].

Литература

- Вежбицкая Анна. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Abramowicz Maciej. Wolność // Nazwy wartości. Studia leksykalno-semanticzne. Lublin: W-wo UMCS, 1993.
- Antosiak Aneta. Obraz wolności w czasopiśmie młodzieżowym „Brawo Girl” // Język w kręgu wartości. Lublin: W-wo UMCS, 2003.
- Pisarek Walery. Wybory słów sztandarowych jako kryterium stratyfikacji społeczeństwa // Język w kręgu wartości. Lublin: W-wo UMCS, 2003.
- Wierzbicka Anna. Język — umysł — kultura. Warszawa: W-wo PWN, 1999.

Честь и совесть в сербской народной культуре

Е. И. Якушкина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Сербский язык, народная аксиология, народная этика, честь, совесть.

Summary. The present paper describes the words which mean honor and conscience in Serbian vernacular language. The concept of honor in folk culture is presented by such words as *obraz* ‘face’ and *poštenje* ‘respect’, while the lexem *čast* developed this semantics just in modern language. The word *savest* ‘conscience’ was borrowed to standard Serbian from Church Slavonic.

Славянская этнолингвистика в последние годы все большее значение придает изучению народной аксиологии. Подобные исследования активно проводятся Люблинской и Московской этнолингвистическими школами [Leksykon aksjologiczny... 2015]; [Категория оценки... 2015]. В рамках проекта Люблинской школы в 2015 г. вышел сборник работ сербских ученых, в котором дано описание таких ценностей как свобода, честь, дом [О вредностима... 2015]. Настоящий доклад продолжает данное исследование: в нем рассматриваются слова, обозначающие морально-этические регуляторы, такие как честь, совесть, достоинство и порядочность на материале словарей диалектного и литературного языка, этнографических описаний и фольклорных текстов.

В сербской системе этических обозначений можно выделить несколько пластов. Первый пласт — это собственно народная лексика, присущая крестьянскому языку начала XIX века (понятия нравственного лица и стыда) и отраженная в словаре Вука Караджича (1818 г.). Ко второму пласту мы относим слова и понятия, которые не фиксировались Караджичем в народном языке начала XIX в., но присутствуют в современном литературном, а иногда и диалектном языке. В этой группе слов выделяется «городской», или «европейский», пласт (понятия достоинства, приличия) и церковно-славянский, к которому принадлежит понятие совести.

В традиционной сербской этической системе, которая сохранилась и в некоторых современных диалектах, центральным было понятие нравственного «лица» (серб. *образ*). В своем исходном значении серб. лексема *образ* обозначает часть человеческого тела, щеку [Карацић 1935] или лицо [РМС]. Как термин народной этики *образ*, во-первых, указывает на внутреннее нравственное

чувство, которым человек руководствуется в своих поступках [РМС]. Это чувство человек может иметь или нет (*нема образа*), и у каждого человека оно развито в разной степени *Ако ти може образ поднијети* ('если твое лицо это вынесет') [Карацић 1935]. Во-вторых, *образ* может обозначать нравственную репутацию человека, которая может быть человеком утрачена (*узети образ* 'опозорить', букв. 'лишить чести'), замарана (*ударија ми на образ* букв. 'он ударил по моей репутации') или «освещена» (*освијетлити образ* 'совершить что-то значительное, букв. осветить лицо' [Станић 1990]. Эти два значения обычно реализуются синкретично. Ср. характеристику черногорцев, данную знаменитым этнографом Й. Цвиичем: «Тому человеку, который потерял *образ*, жизнь не нужна, потому что остаться без *образа* значит остаться без главного атрибута человека» [РМС]. В современном литературном языке слово *образ* сохранилось только в составе фразеологизмов и в пословицах, однако в нем широко распространилась производная отрицательная оценка *безобразан*, *безобразник* 'наглый, неприличный'. В народном языке, наряду со словом *образ*, существует лексема *поштење* 'честность, порядочность', производная от устаревшего *поштити* 'уважать, почитать' [Карацић 1935]. Часто слова *образ* и *поштење* выражают очень близкие, а возможно, и идентичные понятия: *ако би тко узео поштење другому, дужан је повратити говорећи да није истина што је рекао* 'если кто-то замарал чужую честь, то должен восстановить доброе имя человека, признав, что сказал неправду' [RJA, 11; 91 (Баћић)].

На смену слову *образ* в современном языке пришло слово *част* 'честь' и заняло главное место в лексике социальной этики. В словаре Вука Караджича слово *част* имело значение 'почесть, почет, уважение': *весело пити, у части бити* 'весело пить, в чести жизнь проводить'. То же значение было свойственно слову *чьсть* в церковнославянском языке, в языке сербского фольклора и в литературном языке первой половины 19 в., современные же значения 'совокупность высших морально-этических принципов личности' и 'достоинство' в крестьянском языке, очевидно, отсутствовали и впервые были зафиксированы лишь в 1936 г. [Бакотић 1936]. Современная лексема *достојанство* 'чувство достоинства' в словаре Караджича в этическом значении также не зафиксирована, а представлена только с семантикой 'звание, сан' и в обращениях к церковным иерархам *Ваше достојанство*. Однако в современных черногорских говорах встречается то же этическое значение 'чувство достоинства', что и в литературном языке: *Чоеку достојанство не допушта да чини зла дјела* 'Чувство собственного достоинства человеку не позволяет совершать злые дела' [Станић 1990].

Понятие совести (*савест*) в сербской культуре, очевидно, книжного происхождения, в словаре Вука Караджича оно не представлено, а получило широкое распространение в сербском языке, благодаря его переводу Нового завета [Petrović 2014, 312].

Литература

- Бакотић Лујо*. Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1936.
- Караџић В. С.* Српски рјечник. Београд, 1935 [Електронско издање. Верзија 2.1].
- Категорија оцјени и система вредности у језику и култури. М., 2015.
- О вредностима у српском језику. Београд, 2015.
- Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1–6. Нови Сад, 1967–1976 (РМС).
- Станић М.* Ускочки речник. Књ. 1–2, Београд, 1990.
- Leksykon aksjologiczny słowian i ich sąsiadów. Т. 1–5. Lublin, 2015.
- Petrović S.* Svest 'consciousness' and savest 'conscience' — Slavic layers in the Serbian lexicon // Etymological Research into Old Church Slavonic. Praha, 2015.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Т. 11. Zagreb, 1935 (РЈА).

Лексикология и лексикография славянских языков

Междометия-метарефлективы в македонском языке

Н. В. Боронникова

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

Е. В. Верижникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Междометие, метаязыковая функция, метарефлексия, македонский язык.

Summary. The paper deals with a group interjections which are used in the metalinguistic function in Macedonian texts. The research is based on literary texts of the Macedonian language to select interjections and onomatopoeia and to make the Macedonian interjections and onomatopoeia dictionary. We consider the functions of the various subgroups of interjections.

Метаязыковая функция, по Р. Якобсону, связана с толкованием кода, объяснением языковых фактов с помощью самого языка [Якобсон 1975]. Она проявляется в использовании языка для описания самого себя, в том числе для пояснения или уточнения собственной речи. Метаязыковую функцию обычно связывают с ситуациями, в которых общение затруднено: при разговоре с ребенком, иностранцем или любым другим человеком, не вполне владеющим данным языком либо некоторым социальным или функциональным подязыком.

Одной из групп единиц, в которой проявляется данная функция, являются междометия малоисследованного разряда, схожего со звукоподражаниями, но имеющего определенную специфику. Речь идет о междометиях, имитирующих человеческую речь. Единицы такого рода мы назовем метарефлективы. Очень часто в контекстах, где используются подобные междометия, метаязыковая функция переплетается с квазиреферентивной и экспрессивной (см. [Боронникова, Верижникова 2012]).

В македонском языке метарефлективы представлены довольно широко. Еще Б. Конеский, один из кодификаторов македонского литературного языка, обратил внимание на единицы наподобие *магара* — *магара*, *тандара* — *бандара*. Это весьма широко представленный в македонском языке, но мало исследованный разряд, схожий со звукоподражаниями, однако имеющий собственную специфику. В словаре, редактором которого был Конеский, *магара* — *магара* толкуется как междометие „za označavanje i podražavanje žagora, graje od glasova mnogih ljudi koji govore svi u isto vreme“ [PCXT 1966: 554]. Единица того же разряда *минтири* — *минтири* получает объяснение „koješta, prazne priče, gluposti“ [PCXT 1966: 382].

Материалом для нашего исследования послужили контексты употребления метарефлексивов, входящие в корпус будущего словаря междометий и звукоподражаний македонского языка, работа над которым ведется в течение нескольких лет авторами (подробнее о концепции словаря см. [Боронникова, Верижникова 2014]).

Как показал анализ, группа метарефлексивов распадается на несколько подгрупп. Прежде всего, это подражания детской речи, «протословам», которые ребенок использует в коммуникации со взрослым. Наивный носитель языка наблюдая речь детей, выделяет наиболее характерные ее особенности: строение слога (чаще всего, это открытый слог), тенденцию к редупликации, повышенную эмоциональность, синтаксическую упрощенность: **Ва, ва, вааа!** *Важен телекс! / Вика Владе штом е гладен. / Ва, ва, вааа!* *Ваму, леле, / треба веднаш да се јаде!! / Гу, гу, гууу!* *Гуга весел / и за игра пруже раче. / Гу, гуу, гууу!* *Гулаб весел / и за игра пружа раче. / Гу, гуу, гууу!* *Гула блесен / сака да е врз нас качен. / Сака да е врз нас качен* (Г. Болиновски) (подр. об этой подгруппе см. [Боронникова, Верижникова 2012]).

Еще одна подгруппа — это изображение непонятной речи, чаще всего иностранной. В данном случае слушающий ориентируется на свои перцептивные образы: *Се исплашија кога начуја дека по скалите некој се качува. Се чу некоја врева. Некој нешто барае. Не ќе разбере, но по гласот ги препознаа оние двајца Французи. Не се видоа како луѓе. Се набараа во мракот, се испофакаа за раче. Братучедите беа збунети додека не го расебетија зборот «Оревуар». Зашто прво нешто како **бум-бум** им се чу, а тоа да ти биде дека тие се враќаат назад на фронтот, еве сега ноќе, што можат кога така им е пишано ама барем да се поздрават. «Оревуар», рекоа (М. Јовановски); *За тоа време, ние посматрачите се дереме по вьетнамски: «**Мау! Мау!**»* (С. Мацановски-Трендо). Имитироваться может и неразборчивая речь на родном языке (слишком тихая, излишне громкая и пр.): *Дежурниот доктор нешто **шуш-буш** со жена ми и брат ми...* (К. Ангеловски).*

Кроме того, метарефлексивы могут выступать как эвфемизмы при изображении речи либо в ситуации интимного общения, либо при имитации неприятной для собеседника, излишне любезной речи: *Пред публиком све фино, мед и млеко, **циле-миле**, а на само, сваѓе и туче...* (К. Ангеловски).

И самый большой пласт составляют метарефлексивы-подражания речи, которая представляется говорящему незначашей, раздражающей, глупой (*бла-бла; дрн-дрн; сер-сер; тангар-мангар; тангара-мангара; тандар-мандар; тандара-мандара; тинтири-минтире; џагара-магара; чачара-начара; шитлики-митлики* и др.). Очень часто подобные лексемы выступают в качестве заместителя той части высказывания, которую говорящий не хочет озвучивать собеседнику, считая ее либо уже известной, либо незначимой, ненужной: *Морам да напишам некоја своја лична исповед, како се осеќам, што*

правам, за што размислувам, што сакам, **бла-бла-бла...** (Ж. Мирчевска); Се шетаа пцовките од човек до човек, ги раскажуваа луѓето, ги дотеруваа, ги повторуваа едно-задруго и кој знае дали Силјан и Велјан ги имаа сите кажано и толку искажано, колку што ги кажуваа луѓето, пренесувајќи им ги, **чачара-начара**, ту на едниот, ту на другиот, садејќи им во душиите: трескот и пелин, чемер и грмотрн и разни горчливи и самоникнати растенија што растат (П. М. Андреевски).

Литература

- Боронникова Н. В., Верижникова Е. В. Метаязыковая функция междометий в литературе для детей (на материале македонского языка) // Филологические заметки / Ред. Ј. Мојсиева-Гушева, Т. Ерофеева, М. Пинтарич, З. Ковач. 2012. 10. Ч. 2. Скопје; Пермь; Люблина; Загреб. С. 323–335.
- Боронникова Н. В., Верижникова Е. В. Междометия в македонском языке (разработка концепции словаря) // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски. 5 / Во редакција на Максим Каранфиловски. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2014. С. 59–82.
- Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик: Д. I, II. // Конески Б. Избрани дела во седум книги. Т. 6. Скопје: Култура, 1967.
- Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Сост. Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски; Ред. Б. Конески. Т. 3. Скопје, 1966 (РСХТ).
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975 [http://philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm (Дата обращения: 11.02.2016)].

Некоторые вопросы этимологического описания заимствований в русском языке начала XXI века

А. А. Горбов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Современный русский язык, заимствование, этимология.

Summary. Based on case studies, the paper argues against the overestimation of the influence of English on modern Russian and offers new and more well-grounded etymologies for some new loanwords.

Вопросы, касающиеся содержания и объема этимологических сведений, возникают в связи с описанием заимствованных лексических единиц вне зависимости от «давности» их вхождения в словарный состав русского языка, однако в отношении новых заимствований из европейских языков проблемы становятся особенно очевидными на фоне доступности современных лексикографических описаний языков — вероятных источников заимствования и экстралингвистических сведений об объектах номинации.

Учет данных современных лексикографических источников, а также времени, условий и обстоятельств вхождения в словарный состав русского языка новых иноязычных лексических единиц позволяет точно установить их происхождение, сняв выдвинутые ранее гипотезы об их английском происхождении.

В частности, Л. П. Крысин считает, что «слово *бутик* попало в русский язык не прямо из французского (ср. фр. *boutique* ‘небольшой магазин, лавка’),

а через посредство английского, где оно в процессе освоения было “повышено в ранге” и обозначает магазин, торгующий модными товарами» [Крысин 2010а: 162]. Однако анализ показывает, что во французском языке такое семантическое развитие имело место, возможно, несколько раньше, и в английский язык слово пришло в 1960-е гг. уже в новом значении: в статье «BOUTIQUE» на сайте Национального центра текстовых и лексических ресурсов (Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales, [CNRTL]) пример, иллюстрирующий новое значение¹, взят из текста, опубликованного в газете «Figaro» от 15 ноября 1951 г. При этом, по данным НКРЯ, в русском языке существительное *бутик* употреблялось в качестве экзотизма — для обозначения соответствующей реалии в западных странах — уже в 1960–1970-е гг.

Хотя данное существительное в принципе могло быть заимствовано и через посредство английского языка, наличие или отсутствие такого посредничества в данном случае не так важно, как сам факт происхождения данного слова, как и других слов, характерных для дискурса индустрии моды (*кутюрье, дефиле, от-кутюрь, прет-а-порте*), из французского языка. В английском языке существительное *boutique* также сохраняет признаки слова французского происхождения — чтение буквосочетания *ou* как /u:/, написание с конечным *que*, ударение на последнем слоге — и воспринимается как французское заимствование.

Исходя из сказанного выше, непосредственным этимологом существительного *бутик* в русском языке следует считать французское слово *boutique*, причем, вопреки мнению Л. П. Крысина, не в значении «лавка, небольшой магазин», а в более узком значении, идентичном тому, в котором и употребляется существительное *бутик* в современном русском языке.

Имеются и другие новые слова, фразеологизмы и значения ранее заимствованных слов, вошедшие в активное употребление на рубеже XX–XXI веков, происхождение которых иногда ошибочно связывают с влиянием английского языка. Примером, помимо лексического заимствования *mundial* (*мондиаль*) ‘чемпионат мира по футболу’, фразеологической кальки *серый кардинал* и т. п. может служить слово *легионер* в значении ‘спортсмен, выступающий на контрактных условиях за иностранный клуб или сборную команду чужой страны’.

Согласно ранее выдвинутой гипотезе (см., например, [Крысин 2010а: 163]), данное слово в указанном значении является «незаконным» производным от *league*² ‘лига’, что представляется крайне маловероятным.

¹ Это значение толкуется следующим образом: «Magasin élégant vendant des articles de confection portant la griffe de créateurs, grands couturiers, etc.» («модный магазин, торгующий одеждой с фирменной символикой известных дизайнеров и модельеров и т.п.») [CNRTL] (перевод мой. — АГ).

² В цитируемом издании в написании предполагаемого этимона допущена опечатка: напечатано «*leage*».

Гораздо более мотивированным является предположение о связи нового значения с уже имеющимся значением «солдат легиона [...]» [Крысин 2010б: 430], точнее, «военнослужащий Иностранного легиона» [wiktionary]. Наиболее известной войсковой единицей нового времени с таким названием является французский Иностранный легион — войсковое соединение сухопутных войск Франции, в котором служат по контракту лица, не имеющие французского гражданства. Таким образом, в данном значении слова содержится элемент ‘иностранец, состоящий на службе’. В русском языке до 1990-х гг. слово *легионер* не входило в круг активно употребляемой лексики. Актуализации данной лексемы способствовала, по-видимому, популярность в России в 1990-е — начале 2000-х годов двух фильмов, где главными героями являются солдаты французского Иностранного легиона — «Самоволка» (1990 г.) и «Легионер» (1998 г.). Из сказанного следует, что в данном случае перед нами, вопреки предположению Л. П. Крысина, не «вторичное заимствование», а вполне естественное самостоятельное развитие семантики существующей в русском языке лексической единицы на основе метафорического переноса.

Аналогичным образом, опираясь на данные современной иноязычной лексикографии и имеющиеся энциклопедические сведения можно показать, что лексеме *мундиаль* и кальку *серый кардинал* не следует возводить к английским этимонам. Эти лексические единицы имеют, соответственно, испанское и французское происхождение.

Таким образом, к утверждению о том, что «неологизмы последних лет попадают в русский язык почти исключительно... из английского языка в его американском варианте» [Крысин 2010а: 160], следует относиться с большой осторожностью. В эпоху глобализации русский язык, наиболее активно заимствуя лексику из английского языка, пополняет свой словарный состав и иноязычными единицами иного происхождения, причем не обязательно через английское посредство. При этимологизации заимствований и, в частности, иноязычных неологизмов наиболее вероятной следует признавать ту гипотезу, которая, не вступая в противоречие с современными лингвистическими данными, в наибольшей степени подкрепляется энциклопедическими сведениями о самом объекте номинации и времени появления наименования.

Литература

- Крысин Л. П. Проблемы представления новых лексических явлений в словарях (на примере иноязычных неологизмов) // Современный русский язык: Система — норма — узус / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010а. С. 151–167.
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010б.
- Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [http://www.cnrtl.fr/definition/] (CNRTL).
wiktionary [https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80].

Семантическое поле ИНТЕРНЕТ: к проблеме лексикографического описания

О. В. Дедова, В. В. Подольская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Интернет-коммуникация, лингвистика Интернета, неология, лексико-семантическое поле, компьютерный жаргон.

Summary. В докладе рассматривается специфика семантического поля ИНТЕРНЕТ в современном русском языке и проблемы его изучения.

Последние годы отмечены тем, что т. н. интернет-лингвистика становится все более популярной сферой научных интересов. Как известно, данный термин был введен Д. Кристаллом для обозначения исследований, направленных на выявление и изучение разноаспектных сдвигов, происходящих под влиянием Интернета и других форм электронной коммуникации. Ученый выделяет четыре «концепции» в русле интернет-лингвистики: социолингвистическую, образовательную, стилистическую и практическую, — которые, взаимодействуя, дополняют одна другую своими данными.

Одним из самых существенных аспектов влияния электронной коммуникации на национальные языки являются активные неологические процессы. Русский язык также вырабатывает множественные номинации для обозначения различных реалий интернет-дискурса. Особенности данного процесса определяются, во-первых, влиянием английского языка и необходимостью коммуникативной адаптации значительного количества англицизмов, а во-вторых, неологической стихийностью, находящей выражение в использовании разговорных словообразовательных моделей, живых метафорических сдвигов и т. д. На процесс формирования лексики, называющей интернет-реалии, влияют и возрастные характеристики людей, наиболее вовлеченных в данный тип коммуникации. В результате здесь можно наблюдать игровую адаптацию англицизмов (*хозяк* — ‘домашняя страница’, от англ. *home page*), образность некоторых номинаций (*морда* — ‘первая / главная страница’). Эти и подобные явления заставляют исследователей подходить к данной лексике с позиций того, что Д. Кристалл называет стилистической концепцией интернет-лингвистики. Специфическая лексика, обслуживающая сетевой дискурс, в целом рассматривается как интернет-жаргон, интернет-сленг и т. д. С нашей точки зрения, такой подход сужает суть проблемы. Исходя из критериев ограниченности в употреблении / общеупотребительности лексики в пределах поля ИНТЕРНЕТ, можно выделить различные группы:

1. Жаргонизмы, распространенные в определенных социальных группах (*геймеры, контент-менеджеры, сео-копирайтеры* и т. д.).
2. Стилистически маркированная лексика, общеупотребимая в пределах сетевой коммуникации (*постить, лайкать, забанить* и т. д.). Стилистическая

маркированность подобной лексики, которая зачастую трактуется как жаргонная принадлежность, во многом объясняется характером денотата, а не способом его обозначения. При этом для передачи целого ряда понятий нейтральные корреляты отсутствуют, что не позволяет считать слова жаргонизмами. Владение / невладение данной лексикой отражает степень вовлеченности в интернет-дискурс.

3. Стилистически нейтральная лексика, обозначающая, как правило, отправные понятия электронной коммуникации (*сайт, тег, блог* и т. д.).

Исходя из этого, при анализе поля ИНТЕРНЕТ более продуктивным следует считать практический подход (или практическую концепцию, по Д. Кристаллу). Этот подход подразумевает последовательную работу, направленную на лексикографическое описание и систематизацию данного материала. Ввиду все возрастающей роли сетевой коммуникации данный лексический материал уже невозможно рассматривать как языковую маргиналию, несмотря на его очевидную «неологичность» и, вследствие этого, наличествующую в ряде случаев стилистическую маркированность.

Считаем, что задача является важной для современной лексикографии, поскольку единицы семантического поля ИНТЕРНЕТ крайне непоследовательно представлены в современных толковых словарях русского языка. Так, в «Толковом словаре русского языка XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г. Н. Складчиковой (М., 2006) отсутствуют словарные статьи, посвященные таким ключевым реалиям сетевой межличностной коммуникации, как *тег, стена, профиль, пост* и т. д.; ряд предлагаемых толкований нельзя признать адекватными (**Страница** — *Информ.* Электронная страница; **Интернетчик** — Пользователь Интернета, член интернет-сообщества). Вместе с тем в том же Интернете представлено значительное количество непрофессиональных словарей интернет-лексики, интернет-жаргона и т. д., что свидетельствует об актуальности подобной информации для носителей языка.

Одной из причин отсутствия должного лексикографического описания поля ИНТЕРНЕТ является то, что эта денотативная сфера бурно развивается и ее понятийная структура не до конца осознана ни исследователями, ни самими носителями языка. Поэтому одной из задач является выявление «четко очерченной целостности, состоящей из ряда участков, имеющих каждый свою собственную организацию»¹. Частеречная принадлежность, словообразовательная и семантическая специфика лексем, формирующих поле, отражают функционирование денотативной сферы: преобладают имена существительные конкретной денотативной соотнесенности и глаголы; последовательно представлены глагольные лексемы, являющиеся структурными неологизмами, образованными от именных основ данного поля. О регулярности данного типа словообразования свидетельствует тот факт, что практически от всех названий браузеров существуют соответствующие дериваты (*яндексить/-ся, рамбле-*

рить/-ся, файерфоксить/-ся). Интересно, что глагол *гуглить/-ся* становится гиперонимом по отношению к другим подобным лексемам, поскольку он может обозначать поиск информации в Интернете в принципе: «Гуглить (англ. to google) — глагол, происходящий от названия поисковой системы Google, обозначает поиск информации в Интернете при помощи Google (иногда — при помощи любого поисковика) [<http://www.wikireality.ru/гуглить>]. Проведенный нами анализ позволил выделить основные типы регулярных отношений, формирующих поле — синтагматические, парадигматические и словообразовательные связи.

Литература

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2002.

Карактеристики на соматската фразеологија

Јасминка Делова-Силјанова

Универзитет „Свв. Кирила и Мефодия“ (Скопје, Македонија)

Соматска фразеологија, когнитивистика, телесност.

Summary. Phraseology is like a mirror of the peoples' culture. Its richness at the same time reflect the richness of the language, the way people think and its cultural basis. The external language factors, environment, nature, climate, level of development of the country, religion, tradition, customs, and the like influence the language, especially the set phrases. Yet, regardless of the living conditions of the human beings, one thing is the same for all peoples, in all languages, and in all cultures, and it is the human body.

Many complex and contemporary pieces of research in the area of psychology, ethnolinguistics, ethnology and anthropology bring more and more final and more convincing proves that the human being realizes the processes of personal identification and self-cognition always starting from him / herself, from his / her position, most frequently in direct correlation with the cognition of his / her being and body. In this regard, by cognition of his/her body and its parts, the human being has started creating the basic spatial coordination of the space in his / her environment. The human body and its parts have an important place in the cultural and mythical cognition of the space and as mythical codes participate in the creation and recreation of the structure of the world.

Фразеологијата е како огледало на културата на народот. Нејзиното богатство го одразува богатството на јазикот, начинот на мислење на народот и неговата културна основа. Исклучок не се ниту фраземите од областа на анатомската лексика и токму оваа категорија е најинтересна во општи рамки.

Фраземите по карактерот на својот израз и од стилистички аспект, во основа имаат силно изразена емоционално — експресивна карактеристика. Затоа е разбирливо зошто соматските фраземи воопшто се јавуваат како изрази во чија основа лежат согледувања за поведението на човекот; тие изразуваат емоции, психички состојби и однесување на човекот во светот што го опкружува. Исто така, многу од нив носат и мошне изразен негативен карактер. Многу студии се занимаваат со анализа на човечкото тело како

базичен културен код или како систем од симболи, кои зависно од културната и општествената традиција, различно можат да се толкуваат и анализираат.

Во соматската фразеологија спаѓаат зборовните споеви што содржат компонента со директно значење 'дел од човечкото тело' или називи на телесни течности и материјали. Оваа област е интересна од аспект на меѓујазичната компаратистика, бидејќи е можно да се најдат бројни универзалии во рамките на фразеолошкиот фонд на словенските јазици. Причина може да биде антропоцентричноста на човечкото мислење, но исто така и тоа што телото функционира како поврзување / спојување на човекот со светот и следствено на тоа е основа за реализација на контактот со околната средина. Соматската фразеологија е израз на антропоцентризам и антропоморфизам на јазикот и на човечката потсвест.

Интересен аспект во областа на соматските фраземи е, пред сè, тоа што иако секој народ има исти делови на телото, од аспектот на фразеологијата ги гледа на различен начин — одредени делови од телото ги сфаќа како мошне важни и ги употребува во голем број фраземи, додека друг во сопствените фразеолошки единици воопшто не ги опфаќа или само во мал број. А, во случај да ги опфаќа, на дадените делови од телото во фразеолошките единици им дава такви пренесени значења што не одговараат со пренесените значења во другите јазици. Општо земено, за студентите што изучуваат странски јазици областа на фразеологијата на дадениот јазик еден од најтешките делови за усвојување.

Од погоре изнесеното произлегува дека во соматската фразеологија изразито се пројавува нашата телесност. За телесноста и нејзината важност при концептуализација на емоциите и др. зборува и когнитивната лингвистика која „произлегува од фактот дека јазикот — неговата граматика, зборовниот фонд, фразеологијата, внатрешната заемна испреплетеност на неговите единици, начините на нивните споеви — искажува нешто мошне важно за принципите на нашето мислење, за тоа како поединечните нешта / предмети и појави ги сфаќаме, како ги вреднуваме и каков однос имаме кон нив. Како и луѓето: кои се одделуваат, на пример, со специфичната телесност (што се вкотвува во просторот), сетилноста, антропоцентричноста — но и со способноста за размислување, апстракција и имагинација; со тоа што повеќе размислуваме во метонимиски кратенки, метафори, аналогии отколку во алгоритми.

Во соматските фраземи мошне често се јавуваат глава, око и очи, рака, срце, но и влакно или нокт. Називите на деловите на човечкото тело секојдневно (врз основа на метафориско или метонимиско пренесување) се употребуваат за означување на големо мноштво предмети / нешта, телото служи за броење (прстите) и помагало за определување на квантитет и мерка

(мерки за далечина како стапка, потоа палец, лакот, чекор, грст, голтка, залак). Глаголите што примарно се однесуваат на телесноста, движењето, сетилната перцепција, манипулација со предмети во просторот и сл. добиваат низа пренесени значења, упатуваат на емоциите, когнитивните процеси, социјалните односи, комуникации и др. (оди понатаму, притиска на некого, влече некого, виси на некој, носи одговорност, стои цврсто на земја).

Да се рефлектираат фраземите од семантички аспект значи да се работи со јазичен материјал кој не подлежи на кодификација, кој сведочи за јазикот и за искуството на генерациите пред нас и кој што е специфичен за секој јазик, односно народ.

Да се рефлектира соматската фразеологија значи дека треба да си поставиме прашања што се во врска со телесното искуство на човекот; значи да се бара чистото, природно искуство на нашето тело навлезено во јазикот; значи да се открива интерпретацијата на перцепираниот / восприеманиот и проживаениот свет преку нашето сопствено тело; значи да се бара врска меѓу тоа како околниот свет допира до нас и како тој свет следствено на тоа го рефлектираме во јазичниот израз.

Значи дека соматската фразеологија се сфаќа како особен јазичен материјал кој ни дава до знаење во каква заемна врска се чистото инстинктивно телесно воспримање со јазичната активност.

Мелиоративные переименования улиц г. Самары советского периода

Т. С. Козлова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара, Россия)

Топонимы, годонимы, мелиоративные переименования.

Summary. As the title implies the article describes the ennobling rename. It gives a detailed analysis of rename the streets in the Samara of Soviet era. Valid and invalid renames have been chosen on the regional material basis. This article might be interesting for the linguists who study the names of streets as well as the language policy of Soviet times.

В советское время в г. Самаре было переименовано значительное количество улиц. Большинство переименований были связаны с влиянием советской власти на языковую политику города. Наименования улиц, не отвечающие требованиям советской политики, были заменены на новые. Так, к примеру, улица *Святоニコльская* стала *Первомайской*, улица *Успенская* — *Комсомольской*, а улица *Александра Невского* — улицей *Ленина*. Данные замены связаны с гонениями на религию и дореволюционную политику России.

Однако не все переименования можно объяснить только целями политического воздействия на сознание людей. Некоторые замены названий улиц были осуществлены с целью облагородить данный годоним, сделать его лучше с

точки зрения произношения, семантики. Такие переименования называются **мелиоративными**.

Облагораживающее (или мелиоративное) переименование приходило на смену таким номинациям, которые были громоздкими (например, *Переулок около питомника и Фабрики-кухни Рабочего пос.*), неблагозвучными или имели в своем значении негативную коннотацию (например, *ул. Кладбищенская*), а также которые переставали выполнять свою основную функцию — адресность данного топонима из-за возникающей омонимии названий (например, *Второй Запанской переезд, Второй проезд, Вторая Толевая, Вторая ул. Безымянки, Вторая линия*) и т. д.

Проанализировав различные переименования улиц улиц г. Самары советского периода, мы выделили ряд удачных и неудачных примеров среди топонимов, подвергшихся мелиорации. Остановимся подробнее на каждой из этих групп.

К неудачным переименованиям можно отнести следующие примеры.

Восьмой переулок в 1930 году был назван *улицей Карла Либкнехта*. Данное мелиоративное переименование мы считаем неудачным из-за иноязычности происхождения топонима. Консонантные сочетания звуков [пкн'] и [хт] не свойственны русскому языку. Стечение трех согласных в середине и двух согласных звуков в конце слова вызывает неблагозвучие, а произношение двух взрывных [п] и [к] и заднеязычного [х] и переднеязычного [т] затрудняет произношение.

Столь же неудачным можно считать и название *улицы Клары Цеткин* (до 1934 года — *Набережная р. Волги в Рабочем пос.*). С одной стороны, данный пример отражает явление мелиоративного переименования, где громоздкое название было заменено антропотопонимом. Однако, с другой стороны, новое название улицы явно неудачно, так как носители русского языка не осознают слово *Цеткин* как фамилию человека. Годоним часто произносится с метатезой (перестановкой звуков), в результате чего вместо *улицы Клары Цеткин* можно услышать *улица Карлы Цеткин*, а также по аналогии с русским словом, возникает название с опорой на «народную этимологию» — *улица Цепким*.

Схожее явление наблюдается и в случае переименования в 1964 году *Садового проезда* в *улицу Мориса Тореза*, названную в честь французского деятеля международного коммунистического движения, имя которого — Морис Торез. Большинство людей не знают, кто это такой, зато русскому языковому обыденному сознанию известно имя *Тереза*. Таким образом, в результате паронимической аттракции годоним *Мориса Тореза* заменяется годонимом, представляющим собой сочетание двух имен: мужского и женского, появляется *улица Мориса — Тереза*.

Примерами удачных мелиоративных переименований могут служить следующие. В связи с активным строительством города в Самаре появлялись в огромном количестве новые улицы. Часто люди не задумывались над их наименованием, улице присваивалось название на основе порядковых числительных, при этом создавалось явление омонимии. Существовали два *Восьмых проезда*, три *Восьмых переулка*, *Восьмая линия Безымянки* и т. д. Переименование таких топонимов облагораживало карту города.

Подобная омонимия наблюдалась и в названиях улиц, содержащих один корень: ул. *Сталинградская* и ул. *Сталинабадская*, ул. *Зубчанинова* и ул. *Зубчаниновская*, ул. *Водников* и ул. *Водопроводная*. Данные названия могли привести к путанице. Их переименование не позволяло ее допустить. Кроме того, являясь единичной номинацией, такие топонимы выполняют функцию адресности (индивидуализации), в связи с этим данные примеры мелиоративных переименований мы считаем удачными.

Иногда переименование улицы возникало из-за желания изменить негативную характеристику названия. Так бывшая улица *Кладбищенская* в 1964 году была переименована в улицу *Лунную*. Здесь имя собственное вступает в отношения эвфемистической замены, когда название с негативной характеристикой заменяется облагороженной номинацией. Необходимо заметить, что первоначальное, топографически оправданное название (на этой улице располагается кладбище) сохраняет с новым названием связь; по мифопоэтическим представлениям, луна считается «символом смерти и местом пребывания душ умерших» [Маковский 1996: 211]. А кладбище — это место, предназначенное для погребения умерших [СРЯ, 2: 53].

Подводя итог сказанному, хочется заметить, что переименования улиц и в XXI веке являются частотным явлением. Большинство таких замен возникают из-за желания вернуть улице историческое название, однако почему-то слово *историческое* приравнивается к *дореволюционному*, *досоветскому*. Однако приведенные выше примеры доказывают, что не все, что «сделано» в СССР следует помянуть и забыть. Говоря о переименованиях улиц, стоит помнить слова К. Г. Паустовского: «Названия нужно уважать. Меняя их в случае крайней необходимости, следует делать это, прежде всего, грамотно, со знанием страны и с любовью к ней. В противном случае названия превращаются в словесный мусор, рассадник дурного вкуса и обличают невежество тех, кто их придумывает» [Мурзаев 1982: 160].

Литература

- Горбаневский М. В., Нерознак В. П. Советский «новояз» на географической карте (о штампах и стереотипах речевого мышления). М., 1991.
Липатова А. М. Самарских улиц имена. Самара, 2008.
Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.

Мурзаев Э. М. География в названиях. М., 1982.

Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка. Спецкурс: Учеб. пособие. М., 2006.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1986 (СРЯ).

Улицы Самары. Справочник / Составитель Е. Я. Суровников, Самара, 1997.

Названия холодных цветов в русских и сербских вербальных ассоциациях

С. Коларевич

Белградский университет (Сербия)

Холодные цвета, ассоциации, русский язык, сербский язык.

Summary. In this paper we will conduct a research about verbal associations. The material will be taken from the association dictionaries of Serbian and Russian. The paper will show a comparative analysis of the verbal associations of the lexemes used for colours. Furthermore, it will depict the similarities and differences in the cultural aspect of the two given languages and the reality of the contemporary language world.

1. О вербальных ассоциациях

Краткий обзор истории исследований вербальных ассоциаций.

2. О названиях холодных цветов в сербском и русском языках

Предоставим краткую информацию о том, как холодные цвета получили такие названия в сербском и русском языках.

3. Плав – голубой, синий

Приведем определения лексем плав, голубой, синий. Рассмотрим их ассоциативные поля. Укажем на структуру семантического поля каждой лексемы. Все ассоциации будут рассмотрены на нескольких уровнях: грамматическом, культурном, лингвистическом. Полученные данные сравним и прокомментируем.

4. Зелен – зеленый

Сначала укажем на определения каждого цвета. Потом проанализируем данные, полученные из Ассоциативных словарей русского и сербского языков. Сравним данные из словарей двух языков и укажем на структуру семантического поля каждой лексемы.

5. Љубичаст – фиолетовый

Во-первых, расскажем об определении лексем *љубичаст* и *фиолетовый*. По уже данному образцу проанализируем ассоциативные поля двух лексем, сформируем структуру семантического поля каждой лексемы. Потом данные опишем на грамматическом и культурном уровнях. В конце сравним ассоциации данных лексем.

Литература

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Издательство «Наука», 1975.

- Драгићевић Р. Вербалне асоцијације у семантичким истраживањима // Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика. Увод; Београд: Београдска књига: Службени лист: СЦГ, Филолошки факултет, 2005.
- Драгићевић Р. Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2010.
- Дајовић В. Преглед проучавања вербалних асоцијација у савременој русистици: дипломски рад. S. I. Београд. 2009.
- Ивић М. О зеленом коњу: нови лингвистички огледи. Београд: Словограф, 1995.
- Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В. и Черканова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1: От стимула к реакции. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Пипер П. Асоцијативни речници словенски језика и етнокултурни стереотипи // Славистика. 7. 2003.
- Пипер П. Називи језика у мрежи вербалних асоцијација // Српски између великих и малих језика. Треће издање. Београд: Београдска књига, 2010.
- Пипер П., Драгићевић Р. и Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика. Део 1: Од стимулуса ка реакцији. Београд: Београдска књига, Службени лист, СЦГ, Филолошки факултет, 2005.
- Стефановић М. Граматика у асоцијативним речницима руског и српског језика // Славистика. 8. 2004.
- Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.

Словенские глаголы падения в лексико-типологической перспективе

М. Л. Кулешова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Словенский язык, лексическая семантика, лексическая типология, глаголы падения.

Summary. Slovenian language contains approximately 48 aspectual pairs of verbs of falling, which are divided into several groups including falling of a person or of different substances, falling out or into, raining or snowing etc. Some of the criteria are not typical, for instance, Slovenian verb *strmoglaviti* has a meaning of falling from a great height with an unusual speed. Multiple prefixal derivatives make the system even more diverse.

В докладе рассматриваются словенские глаголы падения как фрагмент общей лексико-типологической системы в языках мира. Ключевым термином для нас является понятие фрейма — ситуации употребления глагола, «в которой фиксированы прототипические участники» [Рахилина, Резникова 2013: 12]. В настоящей работе мы рассматриваем такого рода фреймы, а также микрофреймы (как более узкое понятие [Рахилина, Резникова 2013: 12]), выделенные нами при анализе материала современного словенского языка.

Данные «Словаря словенского литературного языка» ([SSKJ]) и корпуса GigaFida, а также результаты анкетирования 10 носителей языка свидетельствуют, что для номинации процесса падения в словенском языке присутствует не менее 48 видовых пар глаголов. Отметим, что падение мы понимаем как неконтролируемое перемещение субъекта сверху вниз без соприкосновения с поверхностью.

Доминантным глаголом в рассматриваемой системе является *pasti* / *padati* (далее приводится только один из членов видовой пары. — Прим. автора). Сфера его применения весьма широка, и чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить с русским языком следующие примеры: «Številni predmeti so *padli* iz torbe» («Многие предметы *выпали* из сумки»); «Njihov tovornjak je ob treh zjutraj *padel* skozi led na Ladoškem jezeru» («Их грузовик *провалился* под лед в три часа утра на Ладожском озере»).

Очевидно, что для русского языка, в отличие от словенского, нехарактерно употребление доминантного глагола *upasti* в рамках фреймов ‘выпадение из контейнера’ и ‘провал под лед’. Однако на словенский глагол *pasti* также накладываются определенные ограничения: в частности, он не используется в ситуациях провала под снег или пол, обрушения дома или моста, падения предметов вперед (‘опрокидывания’), выпадения волос и зубов, отделения части от целого (как например, хвоста у животного). Семантика лексемы *pasti*, как и других глаголов падения, также служит базой для различных метафор: например, *pasti na izpitu* «завалить экзамен» (‘падение как движение вниз’) или *pasti v apatijo* «впасть в апатию» (‘падение как внезапный переход из одного состояния в другое’).

От доминантного глагола образовано несколько приставочных дериватов: 1) *izpasti*, обозначающий выпадение из контейнера, и — в качестве отдельного фрейма — выпадение волос и зубов: «*Izpadli* so mu vsi lasje» («У него *выпали* все волосы»); 2) *odpasti*, употребляющийся по отношению к сыпучим субъектам и совокупностям: «*Listi* so že *odpadli*» («Листья уже *опала*») и отделению частей от целого: «*Avtomobilu* je *odpadel* blatnik» («У автомобиля *отвалился* брызговик»); 3) *popasti*, сочетающийся с совокупностями: «*Vsako leto jim popade* na tla precej jabolk» («Каждый год у них *опадает* довольно много яблок»); 4) *zapasti*, обозначающий исключительно выпадение снега: «*Ponoči je zapadel* sneg» («Ночью *выпал* снег»). Таким образом, на семантической карте вышеперечисленные глаголы накладываются друг на друга и дополняют доминантную единицу.

Тип субъекта является главным параметром разграничения фреймов падения, и словенский язык отличается достаточно подробной дифференциацией глаголов, базирующейся на данном критерии. В нем присутствуют глаголы для номинации выпадения осадков: отдельно дождя: *deževati* «идти (о дожде)», *pršeti*, *rositi* «моросить, накрапывать» и снега: *snežiti*, *naletavati* «идти (о снеге)»; «падения» жидкостей: как капель: *kapniti*, *kaniti* «капнуть», так и потока: *liti* «литься»; сыпучих субъектов и совокупностей: *sipati se* «сыпаться», *usuti se* «посыпаться», *vsuti se* «всыпаться», *krušiti se* «обсыпаться, обваливаться»; обвала здания, моста, крыши: *zrušiti se* «обрушиться»; обрушения крыши, провала снега или льда: *udreti se* «обрушиться, провалиться». Следует упомянуть значимый для словенского языка микрофрейм ‘сход оползня, лавины’, пересека-

ющийся со многими крупными фреймами: с упомянутым ‘падением сыпучих и совокупностей’ (*usuti se*), с ‘соскальзыванием’ (*zdrseti*, *zdrsniti*), а также с ‘падением прикрепленного субъекта’ (*utrgati se*), например: «V švicarskih Alpah se je *utrgal snežni plaz*» («В швейцарских Альпах сошла снежная лавина»).

При анализе средств описания падения человека особый интерес вызывает глагол *zgruditi se*, обозначающий падение человека (реже крупного животного) от бессилия: «House zdravi najstnika, ki *se* je sredi košarkaške tekme *zgrudil* zaradi bolečin v medenici» («Доктор Хаус лечит подростка, которого во время баскетбольного матча *подкосило* из-за болей в тазу»). Данная лексема представляет собой пример достаточно нестандартного параметра при классификации глаголов падения. Еще один нетипичный критерий — ‘падение с большой высоты’ — позволил выделить отдельный фрейм для глагола *strmoglaviti* «упасть, рухнуть». Рассмотрев контексты употребления данного глагола, мы пришли к выводу о том, что падение с большой высоты должно быть дополнено параметром ‘нетипичная скорость’. Такого рода перемещение в воздухе сигнализирует о потере контроля, поскольку употребление *strmoglaviti* возможно по отношению к летательным аппаратам: «Letalo je *strmoglavilo*» («Самолет *упал*») и более легким субъектам: «Galeb je *strmoglavil* v morje» («Чайка *рухнула* в море»), но невозможно по отношению к бомбе и метеориту, для которых высокая скорость падения является нормой.

Словенские глаголы, в семантике которых эксплицируются особенности начальной и / или конечной точки падения, отличаются меньшим числом противопоставлений. Мы зафиксировали три лексикализованных фрейма: ‘падение в жидкость’ (*čofniti*, *štrbunkniti* и др.), ‘падение твердого на твердое’ (*treščiti*), ‘падение мягкого на твердое’ (*čofniti* и др.).

Таким образом, разнообразие словенских глаголов падения обеспечивается не только обилием префиксальных дериватов, но и разграничениями, базирующимися на нетипичных дифференциальных признаках (‘высота и скорость падения’, ‘причина падения’).

Литература

- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
Slovar slovenskega knjižnega jezika. Elektronska izdaja [<http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>] (SSKJ).

Суммарное параметрическое ядро славянской лексики и его характеристика

И. А. Меркулова

Воронежский государственный университет (Россия)

Лексико-семантическое ядро, параметрический анализ, славянские языки,
семантическое поле.

Summary. The investigation introduce the concept of the summary parametric core of the Slavonic vocabulary. This core is the source for description of the important concept for the Slavs.

Суммарное параметрическое ядро лексики — это множество слов, полученное путем сложения частных параметрических ядер группы языков. Методика получения таких ядер на примере восточнославянских языков пояснялась в публикации [Меркулова 2014]. Данное исследование проводилось на материале 14 современных славянских языков: белорусского, русского, украинского, верхнелужицкого, кашубского, нижнелужицкого, польского, словацкого, чешского, болгарского, македонского, сербского, словенского, хорватского. Размерность ядер славянских языков колеблется от 141 (в верхнелужицком языке) до 702 (в словацком языке) слов. Суммарное ядро составили 4866 лексем. Отсортировав полученное множество по дефинициям, можно выявить значения, объединяющие наибольшее и наименьшее количество языков, уникальные значения, имеющиеся в ядре какого-либо одного языка и не нашедшие параллелей в других ядрах, а также эксклюзивные связи, объединяющие только одну пару языков. При этом мы осознаем, что совпадающие дефиниции в некоторых случаях не будут гарантировать абсолютного тождества лексем. Как отмечал А. Е. Супрун, «соответствия между лексемами двух славянских языков далеко не всегда сводится к соотношению: одна лексема языка А — одна лексема языка В. Сплошь и рядом отношение сложнее...» [Супрун 1994].

В ядра всех 14-ти языков входят только одна лексема со значением 'удар'. Можно предположить, что это главный объединяющий всех славян смысл, что характеризует славянские языки как языки европейские, так как по материалам исследования [Кретов, Воевудская, Титов 2015] концепт 'удар' доминирует в лексической составляющей средневропейского языкового стандарта. Примечательно, что один из ранних славянских этнонимов — *чех*, по мнению О. Н. Трубачева, связан с боевыми качествами племен-предков и возводится к глагольной основе *česati / *čexati, передающей рывок, резкое движение, удар. Таким образом, *čexъ — этноним-эпитет, обозначающий воинские качества кельтских племен [ЭССЯ 1977].

Тринадцать языков объединены значением 'мера'. По 12 языков объединяют значения 'идти', 'ряд' и 'иметь'. Далее идут значения общие для 11 языков: *бить, иметь, круг*; 10 языков: *дать, игра, сила, работа, схватить*; 9 языков: *есть, верх, гнать, поднять, жечь, дух, дом, голова, говорить, время, часть, резать, тяжелый, держать, ход*; 8 языков: *кусок, рвать, грязь, писать, голос, добро, злой, тянуть, род, час, брат, выйти, дело, плохой, конец, лицо, колоть, рог, живой, женица*; 7 языков: *бег, человек, куча, поле, бок, взять, доска, дуть, дыра, линия, знать, край, красивый, получить, свет, сказать, слабый, стучать, сухой, течь, ехать, упасть, цвет, чистый, шар*.

Затем следуют значения, объединяющие от 6 до 3 языков.

Значения, объединяющие только два каких-либо языка, относятся к числу эксклюзивных. Таких значений 793, что составляет 32,6% суммарного ядра. Очевидно, что они требуют отдельного исследования в рамках другой статьи.

Распределение представленных значений по семантическим полям отражено на графике 1.

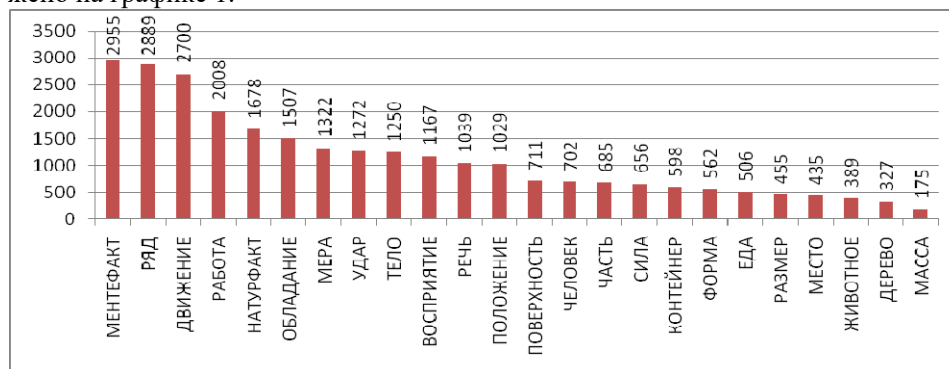

График 1. Семантизация славянского лексико-семантического пространства.

Таким образом, осуществив семантизацию лексико-семантических единиц, мы выявили наиболее важные фрагменты славянской семиосферы. Это семантические поля, объединяющие большинство славянских языков:

- *ментефакт*. Основная дефиниция — дух. Это состояния, представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации. Ментефакт описывается категориями сверхъестественное, идеальное, социальное.
- *порядок*. Это все, что связано с упорядочиванием мира человеком, с внесением им порядка в окружающую действительность.
- *движение*. Это поле включает в себя слова, обозначающие различные способы перемещения человека или предмета в пространстве, направление движения. Основной дефиницией этого поля является идти.
- *работа*. Всё это действия человека, различающиеся объектом, инструментом и целью.

Если рассматривать *удар* как часть семантического поля *работа*, то оно займет лидирующее положение.

Таким образом, анализируя суммарное ядро лексики славянских языков, можно выявить основные наиболее важные смыслы, характерные для лингвокультуры славян и обнаружить значения, дифференцирующие славянское лексическое пространство.

Литература

- Меркулова И. А. Близость лексических ядер восточнославянских языков: квантитативный аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 575–576.

- Супрун А. Е. О комплексном подходе к построению славянской сопоставительной лексикологии // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков / Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1994. С. 38–51.
- Кретов А. А., Воеводская О. М., Титов В. Т. Ментальное членение языков Европы в зеркале эксклюзем // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 32–41.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. Вып. 4. М.: Наука, 1977. С. 33–35 (ЭССЯ).

**Нестандартные глагольные лексемы,
употребляющиеся для описания действий на компьютере,
в интернете и социальных сетях в сербском языке**

М. М. Милякович

Новисадский университет (Сербия)

Нестандартные глагольные лексемы, словообразование, способ действия.

Summary. This paper analyzes verbal loanwords in the Serbian language which are used to describe activities on the computer, Internet and social networks. The corpus has been collected via surveys with native speakers of Serbian, in everyday communication and on the Internet. The paper examines adaptability of verbal loanwords to the grammatical category of aspect and the lexical aspect (Aktionsart). The thorough analysis indicates that *-овати* appears to be the suffix most frequently used in formation of bi-aspectual verbs.

Технологический прогресс и изменения в современном обществе влекут за собой изменения в языке, прежде всего, в его лексике. Слова обозначающие новые реалии называются неологизмами [ЛЭС 1990: 331]. Неологизмы образуются разными способами. В последнее время самый активный способ — заимствование из других языков, особенно заимствование из английского языка. В данной работе на материале сербского языка рассматриваются заимствованные глагольные лексемы, употребляющиеся для описания действий на компьютере, в интернете и социальных сетях (напр. серб. *лајковати*, *твитовати*, *едитирати*, *копирати*, *копинејствовати* и т. д.).

Работа основана на материалах анкетного опроса, проведенного над сербоговорящими, материалах из повседневного общения и интернет-общения.

При адаптации новых глагольных лексем задействованы словообразовательные механизмы аффиксации — суффиксация и префиксация. Нередко заимствуются и имена существительные из других языков (напр. англ. *like* — серб. *лајк*), так что заимствованный глагол можно рассматривать и как деноминальный (напр. *лајковати*). Целью работы является описание процесса адаптации нестандартных глагольных лексем к категориям славянской аспектуальности и способу действия (Aktionsart).

Проведенный анализ показал, что при заимствовании образуются глаголы с двувидовым значением. Самым распространенным суффиксом для образования двувидовых глаголов в сербском языке является суффикс *-овати*. Категория вида тесно связана с категорией способа действия [Шелякин 2008: 123–128]. Отличительным признаком способов глагольного действия оказывается отсутствие у глаголов видовых коррелятов. Хотя у двувидовых глаголов нет

формалних коррелятов (напр. *лајковати*), в разговорном языке вознікают формы, у которых есть семантические модификации. Анализ показал, что в группе адаптированных глаголов в сербском языке различаются следующие семантические модификации: инхоативный (напр. *зафолововати*), финитивный (напр. *одтаговати*, *анфрендовати*), делимитативный (напр. *позуглати*), семельфактивный (напр. *твитнути*), итеративный (напр. *твитовати*), взаимно-итеративный (напр. *поуковати се*), интенсивно-результативный (напр. *префотопирати*, *преедитирати*), кумулятивно-дистрибутивный (напр. *излајковати*, *наспамовати*), сатуративный (напр. *нафејсбучити се*) и другие способы глагольного действия.

Литература

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990 (ЛЭС).
Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Електронските јазични корпуси и нивната примена во наставата и истражувањата

Биљана Мирчевска-Бошева

Универзитет Св. Кирил и Методиј (Скопје, Македонија)

Корпусна лингвистика, електронски корпуси, македонски јазик.

Summary. The aim of this paper is to discuss some issues in the field of corpora linguistics with special focus on the possibilities to use available corpora of Macedonian language in the process of linguistic researches, translating or language teaching.

Научните истражувања во последните децении сè повеќе се базираат на електронско пребарување на потребните информации имајќи предвид дека бројот на анализираните единици, брзината на нивната обработка, исцрпноста и точноста на анализата се едни од најважните сегменти на скоро секое истражување.

Ваквиот тренд не ја одминува ни науката за јазикот каде постојано се бараат начини за забрзување на процесот на превод, на учење на странските јазици, на истражување на јазикот и говорот и во тој контекст сè повеќе и сè погласно се зборува за потребата од електронска обработка на јазичните податоци, нивно вклучување во бази и овозможување слободен пристап на поширок круг на заинтересирани. Електронски помогнатото лингвистичко истражување е побрзо, поопфатно, попрецизно, попроверливо, поевтино и попристапно [Никодиновски 2013: 12–13].

Во овој труд ќе се фокусираме на корпусот како моќна алатка во рацете на лингвистите која го забрзува и го олеснува процесот на анализа на јазикот и овозможува истражување на теми и проблеми кои во „преткорпусната“ ера не биле можни.

Употребата на корпусите и во процесот на учење на странски јазик е исто така од непроценливо значење имајќи предвид дека покрај граматиката и речниците кои се неопходни за совладување на еден јазик, корпусите на текстови од дадениот јазик даваат претстава за живиот јазик и неговото функционирање.

Во услови на непостоење на македонски национален корпус, во овој труд ќе бидат разгледани можностите за користење на други македонски електронски корпуси. Во оваа прилика ќе дадеме преглед на можностите за употреба на:

- корпусот кој се состои од 200 книги и тоа најголемиот дел се од македонската класика (Кочо Рацин, Славко Јанески, Ванчо Николевски, Петре Андреевски, Стале Попов, Симон Дракул и др.) кој е достапен на адресата <http://www.makedonski.info/>;
- македонскиот корпус развиен во рамки на проектот ГРАЛИС под раководство на проф. Бранко Тошовиќ кој содржи дел од творештвото на Блаже Конески, монографии и статии, а исто така и македонски народни и модерни песни. Овој корпус е достапен на следната адреса <http://www-gewi.uni-graz.at/gralis/projektarium/Mak-Korpus/Mak-Bibliothek.html>;
- паралелниот чешко-македонски корпус во кој се застапени книги кои се преведени и достапни на двата јазика, како и сценарија на филмови и сл. Овој корпус е поставен на https://kontext.korpus.cz/first_form?shuffle.

Покрај ова, дел од статијата е посветен и на актуелите проекти за создавање на корпуси. Овде вниманието е насочено кон проектот на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ за создавање паралелни фразеолошки корпуси на македонски, руски, полски и чешки јазик.

Литература

- Никодиновски З. Електронските алатки на лингвистот // Електронските ресурси и филолошките студии. Скопје, 2013. С. 12–26.
- Рибаров К., Паневова Ј. За ползноста на електронските јазични корпуси (врз примери на еден тип на именска фраза во чешкиот јазик) [<http://ufal.mff.cuni.cz/publications/year2002/zutop-f.pdf>].
- Johansson S., Oksefjell S. On the role of corpora in cross-linguistic research // Corpora and Cross-linguistic Research: Theory, Method, and Case Studies. Amsterdam; Atlanta, 1998. P. 3–24.

Современная картина мест общественного питания в России

Й. Митурска Бояновска

Щецинский университет (Польша)

Родовые понятия мест общественного питания.

Summary. Besides the restaurants, cafe, bars, bistro, pizza houses some pre-revolutionary food enterprises appear in many Russian cities, for example taverns, pubs, inns. The Soviet style pot-houses, bars, cafeterias, vodka houses, beer houses, refectories reborn nowadays.

В Советской России места общественного питания были во всех городах одинаковы: преимущественно они назывались ресторанами, столовыми, пивными, кафе, закусочными. Тесное взаимодействие России со странами Запада в сфере ресторанного бизнеса привело к появлению различных заведений, в которых человек может не только поесть, но и отдохнуть в соответствии со своими запросами. Сегодня в российских городах кроме ресторанов и кафе найдем бары, бистро, пабы. При этом в названиях кафе происходит уточнение его направления: *кафе-блинная, спорт-кафе, арт-кафе, кафе-мороженое, клуб-кафе, кафе-гриль, кафе-шашлычная, кафе-закусочная, кафе-кондитерская, кафе-бутик, джаз-кафе* и др. То же самое происходит со словом *бар*, ср. *кино-бар, спорт-бар, караоке-бар, суши-бар, пиво-бар, пив-бар, гриль-бар* и др. Слова *кафе* и *бар* обыденным сознанием воспринимаются как синонимичные. В словарях значения этих слов различаются тем, что в кафе нет бар-стойки, которая есть в заведениях типа бар [БТС 2003: 59, 423].

Очередной тип мест общественного питания в России представляют рестораны¹. Сегодня характер таких заведений также уточняется, ср.: *ресторан-пивоварня, пивной ресторан, ресторан-музей, клуб-ресторан, клуб-ресторация, бар-ресторан, ресторан домашней кухни* и др.

В последнее время в России «восстановились» дореволюционные заведения типа корчмы, кабаки, трактиры, кофейни и советские рюмочные². В современных лексиконах лексема *корчма*³ в дальнейшем фиксируется с пометой *ист.*, хотя окружающая нас действительность показывает, что во многих российских городах открываются корчмы, в основном предлагающие блюда украинской кухни (напр. петербургский бар-ресторан *Корчма*). Кабаки обозначали питейные заведения низшего разряда [СРЯ 1988: 211]; [ТССРЯ 2001: 321]⁴; [ТСРЯ 2002: 298]; [БТС 2003: 407]; [Скляревская 2006: 431]⁵. Сегодня среди

¹ Первые рестораны (ресторации) стали функционировать в России в первой четверти XIX века, вычлняясь из общего ряда мест «трактирного промысла». Первоначально они состояли исключительно при гостиницах. Первый ресторан под названием *Славянский Базар* открылся в Москве в 1873 г. (сгорел в 1993 г.).

² Согласно данным словарей русского языка, корчмы были характерны для дореволюционной Украины и Белоруссии. Они функционировали в южных областях России и обозначали постоянный двор, трактир [ТСРЯ 2002: 298]; [БТС 2003: 460].

³ Во многих российских городах родовые понятия *корчма, трактир, кафе* применяются в качестве номинатора либо являются составной частью названия.

⁴ Ср. словарную статью: разг. неодобр. 'о баре, кафе, ресторане и т. п.' [ТССРЯ 2001: 321]; [Скляревская 2006: 431].

⁵ Согласно письменным источникам первый кабак в Москве появился около 1552 г. [Прыжов 1914: 103]. В царских, московских кабаках можно было пить только одним кре-

разнообразных мест общественного питания найдем и такие, которые именуются кабаками, напр. пивной бар *Кабкак № 8* в Новосибирске, омские: ресторан-кабак *Разгуляй* и кабак *Распутинь* (с дореволюционной орфографией) и др. В СРЯ слово *трактир* представлено с пометой *устар.* и первоначально обозначало гостиницу с рестораном, позднее — ресторан низшего разряда [СРЯ 1988: 658]. В настоящее время данное заведение означает ресторан с доступными ценами (ср. словарные статьи позднейших лексиконов уже без пометы *устар.* [ТСРС 2002: 807]; [БТС 2003: 1338]; см. также [Поспелова 1997: 58]), напр. московские: ресторан *Трактирь*, *Трактирь Пожарского* (все названия с дореволюционной орфографией). Кофейни¹, как и трактиры², были широко распространены в дореволюционной России. В настоящее время данные заведения также пользуются популярностью, ср. кофейня *Кофемания* в Москве, *Фамильная Выпечка* в Санкт-Петербурге.

В отличие от вышеприведенных типов заведений, в России сохранились еще рюмочные — реликты Советского Союза (напр. петербургская *Русская Рюмочная № 1*). В словарях В. И. Даля и Д. Н. Ушакова эта лексема отсутствует, что может свидетельствовать о чисто «советском» происхождении не только слова, но и самого заведения. В ТСРЯ рюмочная определяется, как ‘торговое заведение с распивочной продажей вина рюмками’ [ТСРЯ 2002: 690].

На городских вывесках появляется и название *трапезная*. Согласно данным словарей *трапезная* — это помещение для трапезы в монастыре [БТС 2003: 1340]. Появляющиеся на российских улицах заведения, содержащие в названии компонент *трапезная* далеко не напоминают своим характером монастырских помещений. Они скорее замещают слова *кафе* и *столовая* [Поспелова 1997: 58], ср. ресторан *Трапезная* в Суздале, антикафе *Трапезнай* в Якутске (с дореволюционной орфографией).

стьянам и посадским. Рядом с царскими кабаками во 2-й половине XVI века по городам распространялись и кабаки боярские [Прыжковъ 1914: 106].

¹ Первые кофейни появились в России при Петре I и просуществовали до 1917 г. При советской власти их закрыли. Они восстановились лишь в начале 90-х гг. минувшего столетия. Единственные кофейни при советской власти продолжали существовать в некоторых регионах Закавказья, Прибалтики и Западной Украины. Ср. словарные статьи *кафейня*: в СРЯ с пометой *устар.* [СРЯ 1988: 243] и позднейшие — без пометы *устар.* [ТСРС 2002: 301]; [БТС 2003: 464].

² Трактиры, также как и кофейни появились в России при Петре I. Первоначально это были гостиницы или постоялый двор с харчевней или рестораном, обычно невысокого класса. Трактиры были предназначены для привилегированной публики. С течением времени их статус понижается и в XIX в. трактиры стали местами для простой публики. В советское время трактир как тип заведения исчезает. В настоящее время в названии ряда кафе и ресторанов используется слово *трактир*, обычно для того чтобы подчеркнуть традиционность своей кухни.

На российских улицах появились и новые типы мест общественного питания — *пиццерии* и *бистро*. Оба принадлежат к заведениям «быстрого питания». Пиццерии функционируют во всех европейских странах и предлагают клиентам в основном традиционное итальянское блюдо — пиццу. Заведения типа бистро также известны во всей Европе. Первое бистро в Москве, как утверждает Г. М. Поспелова, появилось в 1996 году в самом ее центре, на улице Варварка. С течением времени открылись новые, но «по решению городских властей основу меню подобных заведений составляют блюда русской кухни. Именно поэтому для таких “торговых точек” приготовлены вывески *русское бистро*» [Поспелова 1997: 62]. Кроме столичных, бистро открываются и в других городах, напр.: бистро *Дежавю* в Петрозаводске, столовая-бистро *Еды Палата* в Краснодаре, *Сибирское Бистро* в Томске и др.

В России постепенно и «возраждаются» заведения, которые были характерны для советского городского пейзажа — пельменные (*Пельменная Дюжина* в Санкт-Петербурге), блинные (кафе *Блинная на Воронцовой* в Москве), шашлычные (*Антисоветская Шашлычная* в Москве).

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Изд-во «Норинт», 2003 (БТС).
Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 1988 (СРЯ).
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азбуковник», 2002 (ТСРС).
Поспелова Г. М. Как изменились городские вывески // «Русская речь». 1997. № 1. С. 56–62.
Прыжковъ И. Г. История кабаковъ въ Россіи. 1914 [http://imwerden.de/pdf/pryzhov_istoria_kabakov_v_rossii_1914.pdf (доступ: 13.12.2015)].
Рекламный дискурс и рекламный текст / Ред. Т. Н. Колокольцева. М., 2011.
Толковый словарь русского языка начала XXI века / Ред. Г. Н. Складарская. М.: Эксмо, 2006 (Складарская).
Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века / Ред. Г. Н. Складарская. М.: «Астрель», «АСТ», 2001 (ТССРЯ).

Лексические особенности профессионального жаргона польских моряков

В. О. Нечаевский

Военный университет МО РФ (Москва, Россия)

Профессиональный жаргон, лексика, польский язык.

Summary. These theses are designed to study the lexical features of Polish sailors' slang, stem from the peculiarities of the working conditions and everyday life of the members of the occupational group.

В среде людей, объединенных общей профессией, рано или поздно возникает некий идиом, объединяющий наиболее часто используемую данной социальной группой лексику. Подобную разновидность социального диалекта на-

зывают *профессиональные диалекты (подъязыки, лексические системы)* [Бондалетов 1987: 47], *профессиональные жаргоны* [Крысин 2003: 69], а также *профессиональные языки, профессиональные говоры и профдиалекты* [Общее языкознание... 1970: 478]. В нашей работе будет использоваться термин *профессиональный жаргон*, под которым понимается совокупность средств выражения, используемых в общении (устном или письменном) представителей каких-либо отраслей профессиональной деятельности [Гарбовский 1988: 18]. Рассмотрим лексические особенности профессионального жаргона польских моряков, связанные с особыми условиями труда и повседневной жизни представителей данной профессиональной группы.

Ограниченность жизненного пространства корабля, являющегося как средой обитания, так и местом осуществления трудовой деятельности моряков, а также его постоянное перемещение накладывает определенный отпечаток на употребляемую в означенных условиях лексику. Даже вербализация движения корабля в пространстве является для моряков предметом выражения своего отличия от «сухопутных». Если для обычных, не связанных с судоходством людей корабль *pływa, płynie* ‘плавает, плывет’, то у настоящего моряка корабль *idzie, chodzi* ‘идет, ходит’ (*iść w morze, iść do Indii, chodzić na Afrykę, wchodzić do portu*) [Kołodziejek 1994: 174]. При этом следует отметить, что у моряков-речников на Одре в этом случае употребляется глагол *jeździć* (*statek jedzie w dół [rzeki]* ‘судно идет вниз по реке’) [Słownik].

Однополый характер экипажа корабля усиливает экспрессивность употребляемой моряками лексики. В замкнутом мужском коллективе язык становится более выразительным, фамильярным, порой вульгарным, изобилующим крепкими ругательствами [Kołodziejek 1991: 172].

Четкое разделение команды в зависимости от выполняемых на судне функций приводит к возникновению определенной напряженности. Наибольшие антагонизмы присутствуют во взаимоотношениях машинного отделения и палубной команды. И те, и другие убеждены в исключительной важности выполняемых ими задач, хотя, фактически, члены палубной команды занимают в неофициальной корабельной иерархии несколько более высокое положение. В связи с этим, *механик* носит несколько уничижительные наименования *brudas* (‘неряха, грязнуля’), *smoluch* (от *smoła* ‘деготь’), *zężol* (от *zęza* ‘подтрюмное пространство’), а представители палубной команды — *gwiazdołap* (от *gwiazda* ‘звезда’ и *łapać* ‘ловить’), *laluś* (‘франт, пижон; неженка’). В свою очередь, обе означенные группы моряков с пренебрежением относятся к представителям вспомогательных служб из числа экипажа: *кок* — *asfalcjarz* (от *asfalt* ‘асфальт’), *kowal* (‘кузнец’), *parzygnat* (разг. *шутл.* ‘горе-повар, кашевар’); *па-дуч* — *trzęsilapa* (от *trząść* ‘трясти’ и *łapa* ‘лапа’), *wytrychowski* (от *wytrych* ‘отмычка’); *стюард* — *parasol* (‘зонт’); *судовой врач* — *darmozjad* (‘дармоед, тунеядец’) [Sosnowski 1984: 64–66].

Частые контакты с носителями других языков в иностранных портах, а также все более частые случаи формирования интернациональных экипажей способствуют проникновению в жаргон моряков иноязычных (в большинстве случаев англоязычных) заимствований. Это могут быть команды: *singel ap!* — *отдать дополнительные концы, оставить по одному продольному и шпрингу!* (от англ. *single up!*), *midszips!* — *прямо руль!* (от англ. *midships!*), *lec gou!* — *отдать швартовы!* (от англ. *let go!* ‘отдать!’), отдельные жаргонизмы: *bridż* — *мостик (ходовой, навигационный и др. — от англ. bridge ‘мост’)*, *bunkrować* — *грузить* (от англ. *bunker*), а также входить в состав устойчивых словосочетаний: *siedzieć na biczu* — *ожидать зачисления в состав экипажа корабля* (от англ. *beach* ‘пляж’) [Kołodziejek 1994: 173–174]. Несколько особняком в этом отношении стоит жаргон, употребляемый моряками-речниками на Одре, в котором благодаря непосредственному соседству с Германией содержится большое количество немецкоязычных заимствований: например, *anker* (от нем. *Anker*) — *якорь*, *sztajerman* (от нем. *Steuermann*) — *рулевой*, *keta* (от нем. *Kette* ‘цепь’) — *якорная цепь* и др. [Słownik].

В этой работе мы лишь коротко остановились на некоторых лексических особенностях профессионального жаргона польских моряков, который в связи с особыми условиями труда и повседневной жизни представителей данной профессиональной группы представляет для филологов несомненный интерес.

Литература

- Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987.
- Гарбовский Н. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале русского и французского языков). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Крысин Л. П. Социальная дифференциация системы современного русского языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 33–100.
- Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / Под ред. Б. А. Серебrenникова. М.: «Наука», 1970.
- Kołodziejek E. Ekspresywność i emocjonalność słownictwa marynarzy // Język a kultura. T. 4: Funkcje języka i wypowiedzi / Pod red. J. Bartmińskiego i R. Grzegorzewskiej. Wrocław, 1991. S. 169–176.
- Kołodziejek E. Gwara marynarska — język środowiska czy język subkultury? // Język a kultura. T. X: Język subkultur / Pod red. J. Anusiewicz i B. Sicińskiego. Wrocław, 1994. S. 171–181.
- Słownik marynarskiego slangu wiślanego i odrzańskiego [http://www.zegluga.wroclaw.pl/articles.php?article_id=123 (дата обращения: 17.02.16)] (Słownik).
- Sosnowski A. Środowisko społeczno-zawodowe marynarzy. Warszawa; Poznań, 1984.

Местные наименования — хранилище знаний о культурном наследии региона Яцек Новаковский

Лингвистический университет в Варшаве (Польша)

Ономастика, внутригородские наименования, местные региональные урбанонимы.

Summary. The names of local — repository of knowledge about the cultural heritage of the region. In connection with the general urbanization we observe that the number of urban facilities is continuously increasing. In most cases, they have their own individual names. The present paper discusses urbanonyms of the north-eastern region of Poland.

Развитие ономастической науки в настоящее время характеризуется прежде всего освоением неразработанных областей онимического пространства, одной из которых долгое время оставалась урбанонимия.

Если представители других обществоведческих дисциплин, таких, как история, социология, экономика, давно сделали город одним из основных объектов своих исследований, то ономасты лишь два десятилетия назад стали обращаться к городской проблематике.

Актуальность городской проблематики сейчас объясняется не только тем, что в связи со всеобщей урбанизацией неуклонно растет процент городского населения, что все увеличивается влияние, но и тем, что и без изучения городов невозможно в достаточной мере четко представить содержание исторического процесса в целом.

Необходимость специального изучения урбанонимной лексики возникает как закономерная потребность в заполнении белых пятен, образующихся вследствие отсутствия материала урбанонимии при описании онимического пространства. Непосредственно к урбанонимическим изысканиям приводят краеведческая, диалектологическая, лексикологическая работа, выявляющая целые группы хронологически и территориально приклепленных и лингвистически изученных единиц, которые могут быть далее использованы ономастами, занимающимися анализом онимических полей.

Немаловажным фактором, определяющим важность урбанонимических исследований, — изучение истории языка. Обследование широкого круга памятников письменности с точки зрения анализа урбанонимных единиц дает ценный материал, позволяющий историкам языка делать обоснованные выводы.

Орфографические проблемы и вопросы передачи иноязычных названий внутригородских объектов также приводят к необходимости изучения урбанонимной лексики.

Актуальность темы обусловлена и тем, что в ней учтены такие аспекты, как:

- просветительский. Развернувшаяся на страницах прессы дискуссия о названиях улиц свидетельствует о низком уровне урбанонимической культуры населения;
- педагогический. Имеются сведения, что во многих вузах в целом ведется работа по изучению урбанонимов: читаются спецкурсы, проводятся спецсеминары, выполняются курсовые и дипломные работы. Преподаватели географии, истории, языка — отмечают высокую эффективность и целесообразность использования данных урбанонимии во время занятий;

— официально-деловой. Необходимость наименования, переименования и возвращения исторических названий внутригородских объектов требует научно обоснованной урбанонимической концепции: нельзя эти вопросы решать без веских оснований, без тщательного изучения поступающих предложений и мотивировок.

Актуально в связи с подъемом национального самосознания (урбанонимия — ценнейший источник сведений о далеком прошлом народа, его языке и культуре), а также в связи с тем, что урбанонимия, обладая общим для урбанонимных систем иных территорий чертами, характеризуется рядом особенностей, обусловленных спецификой самой территории, заключающейся прежде всего в большом количестве населений, многие из которых значительно древнее самих сведений о них. И уже поэтому в названиях внутригородских объектов могли найти отражение более ранние особенности развития языка и в первую очередь древние черты лексики, утраченные позднее.

Языковые особенности региона заключаются также в том, что фиксация урбанонимов, в отличие от письменной регистрации внутригородских названий северо-восточных городов Польши, осуществлялась на древнерусском, старобелорусском, польском, русском, ятвяжском и белорусском языках (старославянский язык, сыгравший большую роль в формировании личных имен, в урбанонимии не нашел отражения), а урбанонимия Белостокщины встретила в своей истории две волны полонизации и две волны русификации, в результате чего до сих пор характеризуется сосуществованием польско- белорусско- и русскоязычных форм названий (см. [Wolnicz-Pawłowska 2004]).

Судьба городов Белостокщины, территория которой явилась ареной всех без исключения военных и политических конфликтов в Европе, наложила свой отпечаток и на внутригородские названия этого региона, проявляющийся в существовании специфических ареалов как структурных, так и семантических типов наименований.

Особенность изучаемого предмета состоит и в том, что, лингвистический изначально, он включает также культурный и социологический компоненты (см. [Nosowicz 2013]).

Повышает актуальность работы и тот факт, что если за рубежом урбанонимика приобрела статус самостоятельного раздела топонимики и активно разрабатывается, то отечественная урбанонимика делает пока первые шаги.

Литература

- Nosowicz J. F. Nazwy miejscowe jako składnik kształtowania wiedzy uczniów o swojej „małej ojczyźnie” // Estetyczne, społeczne i prawne aspekty funkcjonowania szkolnictwa wyższego w Polsce / Pod. red. J. Wyleżałek, K. Najder-Stefaniak, K. Bogackiej. Warszawa: Wydawnictwo SGGW, 2013. S. 270–289.
- Wolnicz-Pawłowska E. Nazewnictwo obszarów pogranicznych // Polskie nazwy własne. Encyklopedia / Pod red. Ewy Rzetelskiej-Feleszko. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2004. S. 397–401.

Коммуникативно-прагматический аспект эргонимии современного города (на примере польских наименований)

Ян Носович

Лингвистический университет в Варшаве (Польша)

Городская ономастика, наименования учреждений, эргонимы вузов.

Summary. An image of a company is also created by its name. All the names of companies or other financial structures whose main goal is to make a profit we may call commercial ergonyms. The subjects of the article are the most important onomastical models which can help firm to create an attractive image, such as: transonymisation of anthroponyms (names of the owners mostly); values, tradition, history (archaisms); stereotypical way of thinking of “European / American high quality” (English words and grammar mostly); various onomastical neologisms.

Время конца XX — начала XXI века характеризуется огромными переменами в экономической, социальной жизни, что не смогло не отразиться на языке: произошел так называемый «ономастический бум». Прошли времена однотипных, идеологизированных названий. Номинаторы в условиях рыночной экономики и жесткой конкуренции, стремясь привлечь клиента, начали выбирать такие названия для своих предприятий, которые были бы не похожи на другие, запоминались и одновременно служили рекламой заведению. В настоящее время различные городские объекты получают индивидуальные собственные имена (СИ), в то время как старые названия, связанные с другой формой собственности, заменяются новыми, соответствующими текущим потребностям.

Как известно, эргоним это собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка. Однако, можно утверждать, что сегодня создание эргонимов осуществляется без опоры на какую-либо теоретическую базу, что отражается как в низком качестве рекламы, так и конкурентоспособности продукции на рынке. В лучшем случае номинаторами оказываются сотрудники многочисленных рекламных агентств, нередко не имеющие специальной подготовки, но чаще всего это — сами владельцы, не всегда способные критически оценить свое изобретение. В результате на рынке представлено огромное множество ни о чем не говорящих и не благозвучных названий. А ведь номинативная функция выполняет роль идентификации объекта — это главная функция любого собственного имени.

Однако являясь носителями номинативного значения эргонимы, также содержат в себе большое количество самой разнообразной информации. Каждое название выполняет целый комплекс различных функций, совмещает в себе определенную гамму значений. Одно и то же слово приобретает особый смысл относясь к разным объектам номинации.

Например, “*Tęcza*” в названии магазина красок в Варшаве символизирует красочную палитру цветов; в названии детского сада “*Tęcza*” в Познани пре-

вращается в символ детства; а название Лодзинской фабрики трикотажного полотна “*Tęcza*”, говорит о широком секторе предлагаемого товара. В названии хлебного магазина “*Kłos*” является символом хлеба, изделия из муки; а название ресторана “*Kłos*” (в городке Zbąszyń) представляет образ села, сельского уюта.

Ряд исследователей сходятся во мнении, что главными функциями «товарного» эргонима являются информативная и рекламная (см. [Breza 2004]). Благодаря информации, заключенной в собственном имени, и способу ее подачи, эргонимы достигают своей основной цели — привлечения внимания клиентов с целью реализации товаров и услуг. Так, условно-символические имена с точки зрения характера содержащейся в них информации можем подразделить на три основные группы: информативные, рекламно-информативные, рекламные — и они подробно будут рассмотрены в нашем докладе.

Для реализации рекламной функции используется целый набор различных средств. Наиболее универсальными среди них являются:

1. Лексемы, характеризующиеся определенными семантико-стилистическими качествами.
2. Структурно-словообразовательные средства, где для реализации рекламной функции могут использоваться названия с различными словообразовательными компонентами «престижности», которые символизируют высокое качество предлагаемой продукции.
3. Лексические средства других языков, главным образом английского.
4. Особое графическое оформление эргонима, которое часто бывает сопутствующим средством создания рекламного эффекта.

Информативность эргонима по-разному воспринимается и оценивается номинаторами и потребителями. Номинаторы в целом преувеличивают значение рекламной стороны СИ, стараются создавать яркие, возвышающие фирму названия. Однако информацию, заключенную в СИ, потребитель воспринимает в целом намного более обобщенно и огрублено, чем представляют себе номинаторы.

Информативность эргонима для потребителя — приоритетный компонент (см. [Букчина, Золотова 1986]). Именно рациональная информация, прежде всего, играет главную роль при продаже товара. Поэтому номинаторы, делающие выбор в пользу информативности перед рекламной броскостью, неизбежно выигрывают. Не случайно в настоящее время прослеживается заметная тенденция к увеличению числа информативных эргонимов.

Особую и малоисследованную область в эргонимии представляют собой наименования учебных заведений (см. [Nosowicz 2010]). Подвергаются

ли они таким же самым языковым процессам, как остальные названия учреждений современного города? В нашем выступлении рассмотрим это на примере эргонимов вузов Польши. Однако следует отметить, что это тот разряд ономастической лексики, который всегда находится в динамике, в высшей степени зависит от проявления динамических и экономических процессов.

Литература

- Бужчина Б. З., Золотова Г. Л. Слово на вывеске // Русская речь. 1986. № 3. С. 49–56.
- Breza E. Nazwy obiektów i instytucji związanych z nowoczesną cywilizacją (chrematonimy) // Polskie nazwy własne / Ред. Ewa Rzetelska-Feleszko. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2004. С. 343–362.
- Nosowicz J. Akademiomania // W dialogu języków i kultur. Warszawa: Wydawnictwo Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie, 2010. С. 235–250.

Контрастивное описание семантической истории терминов родства (на материале русского и сербского языков)

И. С. Правдина

Воронежский государственный университет (Россия)

*Контрастивная лингвистика, термины родства, национальная специфика,
сопоставительный анализ.*

Summary. A contrastive study of the lexical material is a reliable tool to identify the national specificity of semantics, giving the opportunity to prevent errors of interference in comparing closely related languages. In line with this approach, our attention was drawn to the lexical-semantic group of kinship terms in Russian on the background of Serbian.

Контрастивное исследование лексического материала является надежным инструментом выявления национальной специфики семантики, дающим возможность предупреждать ошибки интерференции в сопоставляемых близкородственных языках. В русле данного подхода наше внимание привлекла лексико-семантическая группа терминов родства в русском языке на фоне сербского.

На первом этапе методом сплошной выборки из толковых словарей русского языка, а также исторических словарей ([СРЯ XI–XVII вв.]; [СРЯ XVIII в.]; [СУС]; [Фасмер]) был составлен список лексем, относящихся к группе «Термины родства» — всего 105 лексем, называющих кровное и свойственное родство. Данные лексемы разделены на две большие группы: термины кровного родства и термины свойственного родства. В первой группе насчитывается 80 лексем, которые распределены по двум подгруппам: кровное родство по прямой линии и кровное родство по линиям отца или матери. Вторая группа содержит 25 лексем.

Второй этап представлял собой работу с двуязычными русско-сербскими словарями [Сербско-хорватско-русский словарь 1957], толковыми словарями

сербского языка [Skok 1988] и текстами, в которых были найдены все возможные соответствия русских лексем в сербском языке. В итоге выделено 93 лексемы, которые стали контрастивными парами для наименований родства в русском языке.

Своеобразие собранного материала состоит в том, что исследуемая лексика относится к разновременным пластам в русском и сербском языке, что связано с различием в процессах архаизации в сравниваемых языках.

В результате контрастивного анализа, проведенного по методике И. А. Стернина [Стернин 2006], нами было выделено несколько видов русско-сербских межъязыковых соответствий. Первая группа представлена линейными парами, которые демонстрируют полное соответствие значения (семное), а также отсутствие расхождений в форме слова (соответствие звуковой и морфемной оболочки слова). Так, актуальными для двух языков являются лексемы: *брат*, *сестра*, *тетка* и др. Векторные соответствия — это вторая группа, в пределах которой установлено несколько видов межъязыковых различий. Во-первых, лексемы, у которых наблюдаются различия в звуковой и морфемной характеристике при семантическом сходстве (например, рус. *своячина* — серб. *сваст* «сестра жены»). Во-вторых, лексемы с семантическими различиями (наличием в значениях безэквивалентных сем) (например, рус. *братанич* — «племянник, сын старшего брата», сербск. *братаник* — «племянник», нет семы старшинства). Третья группа представлена лакунарными единицами. Она сформирована по принципу выявления наличия или отсутствия в современном языке отдельного термина для наименования родственных отношений. Например, в русском языке лакуной является следующая лексема из сербского языка: *познАнче / пожњАк* — ребенок пожилых родителей; в сербском нет лексемы для общего наименования детей брата, в русском языке этот термин существовал — *братучада*.

Подробная характеристика и анализ контрастивных пар приведена в основной работе.

Выявленные расхождения в наименованиях терминов родства русского и сербского языка представляют собой готовый материал для методических разработок по предупреждению ошибок словоупотребления в речи инофонов.

Литература

- Сербско-хорватско-русский словарь / Сост. И. И. Толстой. М., 1957.
Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–6 / Гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова; Т. 7–10 / Гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Г. А. Богатова; Т. 11–14 / Гл. ред. Д. Н. Шмелев, ред. Г. А. Богатова; Т. 15–24 / Гл. ред. Г. А. Богатова (СРЯ XI–XVII вв.).
Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992 (СРЯ XVIII в.).
Словарь устаревших слов. М.: Рольф, 1997, АЙРИС — пресс Москва, 1997 (СУС).
Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. М.: «Восток-Запад», 2006.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987 (Фасмер).

Skok Petar. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Pretisak]. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1988.

Об образном компоненте коннотации

Г. С. Сырица

Даугавпилсский университет (Латвия)

Коннотация, образный компонент, внутренняя форма, лексика, фразеология.

Summary. The article considers the specificity of the figurative component of the connotations, as well as the group's vocabulary and phraseology, including this component.

Общеизвестно, что коннотативный аспект семантики является одним из самых сложных и проблемных. Среди традиционно выделяемых компонентов коннотации (экспрессивный, эмоциональный, оценочный, стилистический) стилистический компонент является дискуссионным, т. к. он связан не столько непосредственно с семантикой, сколько со сферой использования языковой единицы. Еще более дискуссионным является образный компонент, который также относится к коннотации. В частности, до конца неясным остается вопрос о его содержании, о том, какие группы лексики и фразеологии его содержат.

Образный компонент коннотации как живое, наглядное представление о чем-либо прежде всего включают лексемы, обладающие внутренней формой. В его основе лежит семантика сходства, уподобления. Образный компонент является первичным в тематических группах зоонимов и фитонимов, члены которых постоянно участвуют в создании антропоморфных метафор. При этом преобладание зооморфизмов, по сравнению с фитоморфизмами, во многом объясняется большим количеством денотативных признаков, позволяющих установить сходство сопоставляемых объектов. Лексемы со словообразовательной мотивацией включают признаки, воссоздающие образное представление о предмете. Это могут быть лексемы, в гиперболической форме отражающие наиболее характерный признак реалии. Так, фитоним *тысячелистник* передает образ растения с большим количеством листьев, гиперболически обозначенным цифрой «тысяча». Ср. тот же принцип номинации в лексеме *соколоножка*, ср. это же слово в польском и чешском языках — *стоножка* (*stonoga*; *stonožka*), в немецком — *тысяченожка* (*Tausendfüßler*). Фитоним *лисохвост* дает представление о форме соцветия растения, которое образно соотносится с пушистым хвостом лисы (ср. также: *кувшинка*, *горицвет*, *огоньки* и др.). Двучленные метафорические номинации *пастушья сумка*, *вороний глаз*, *медвежье ушко* также воссоздают образ реалии, с которой устанавливается внешнее сходство частей растения.

Культурно-специфичный характер носит семантическая внутренняя форма. Основу семантической мотивации составляет сравнение. Метафорические

номинации в группе фитонимической и зоонимической лексики восходят к этнокультурной оценке образов животного и растительного мира. Образный компонент, лежащий в основе единиц вторичной номинации, устанавливает ассоциативно-семантические связи с прямым значением. Семантическая мотивация часто строится на ассоциативном закреплении признаков прямого значения, во многом предопределяющих оценочность: *роза* (красивый цветок — красивая девушка, женщина), *перекати-поле* (растение, отрывающееся от корня и переносимое ветром — человек, не имеющий привязанности к постоянному жилью, легко переезжающий с одного места на другое), *орел* (сильная птица — сильный, мужественный человек), *петух* (драчливая птица — задиристый человек).

В ряде случаев за номинацией лица закрепляется устойчивый эпитет, конкретизирующий образ и дающий направление ассоциаций. Так, номинация лица *старый гриб* воссоздает образное представление именно о старом грибе, т. к. ассоциативный фон лексемы *гриб* (ср. также *грибок*) скорее мелиоративно оценочен. Определение *старый* призвано изменить коннотативный фон вторичной номинации. В номинации *мокрая курица* (о человеке, имеющем жалкий вид) значимым является определение *мокрая*, дающее образное представление о жалком виде мокрой курицы. В номинации *темный лес* (о чем-либо трудном, непонятном) пейоративная коннотация связана с образом именно темного леса, вызывающего неприятные чувства (отсутствие света, возможность заблудиться, испугаться). Семантику незрелости, неопытности передает номинация *желторотый юнец*, воссоздающая образ желторотого птенца (ср. также другие номинации, образно передающие младенческий возраст: *молокосос*, *молоко на губах не обсохло*). В польском языке значение «неопытный, незрелый» передает фитоморфизм *щавелек* („szczawik») («żartobliwie: młody, niedoświadczony chłopec; młodziak, wyrostek»). При этом в создании образной коннотации участвует диминутивная форма лексемы, воссоздающая образ молодого растения. Кроме того, с незрелостью, неопытностью ассоциируется зеленый цвет.

Культурно-обусловленная коннотация, строящаяся на негативной оценке деревенского как отсталого, ретроградного, во многом является универсальной, при этом специфичным является выбор лексем, передающих это значение. Так, в польском языке в систему антропоморфных метафор вовлекается фитоним *свекла* (*burak*), дающий два значения («деревенский житель, деревенщина» и «некультурный человек, простака» (ср.: 2. *pogard.* «o osobie pochodzącej ze wsi» 3. *pogard.* «o osobie zachowującej się prostacko»). В немецком языке эти коннотации развивает лексема *Landpomeranze* («деревенский померанец») — «aus ländlicher, dörflicher Umgebung stammende, in Aufmachung und Auftreten ungeschickt, unbeholfen wirkende weibliche Person»), при этом слово *Land* (*деревенский*) входит в состав номинации в качестве мотивирующего признака. Первоначально слово характеризовало лиц женского пола, позже — мужского

тоже. В русском языке в качестве сниженной номинации, характеризующей необразованного, некультурного человека, выступает лексема *лапоть*, воссоздающая образное представление о старинной простонародной обуви.

Образность во фразеологии базируется прежде всего на воспроизведении наглядного представления о прототипной ситуации, на основе которой возник фразеологизм (*приклеился как банный лист, надоел как горькая редька, как с гуся вода*) или об образе животного, растительного мира, к которому восходит этот фразеологизм. Образными являются прежде всего фразеологические единства, имеющие внутреннюю форму. Во фразеологизме *нет розы без шипов* — закрепляется наглядный образ розы, дающий представление о прекрасном цветке и о шипах на стебле, которые колются, вызывают боль, фразеологизм *цвета воронова крыла* («черный, смоляной») дает образное представление об оперении птицы, фразеологизм *работать как лошадь* — о тяжелом труде. Образный компонент коннотации ярко проявляется в эталонных сравнениях, устанавливающих связи с конкретными реалиями: *мягкий как пух, сладкий как мед, чистый как слеза, нежный как мимоза, худой как жердь*.

Итак, образный компонент коннотации в лексемах и фразеологизмах с внутренней формой базируется на признаках сопоставляемых объектов, которые могут быть эксплицированы, названы или присутствовать в номинации имплицитно, являясь ее ассоциативным фоном, частью импликационала. В том и другом случае образный компонент апеллирует к воображению носителей языка, в той или иной степени воссоздающих наглядный образ, и в этом смысле является интерпретируемой частью семантики. Образный компонент в известной степени носит субъективный характер, является культурно-специфичным и тесно взаимодействует с оценочным компонентом.

Литература

Słownik języka polskiego. Warszawa: PWN, 2002 [<http://sjp.pwn.pl/sjp/burak;2446760.html>].
Deutsches Universalwörterbuch. Berlin: Dudenverlag, 2011.

Парадигматические отношения в общелитературном и профессиональном юридическом лексиконе

О. Е. Фролова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Гипероним, гипоним, литературный язык, юридическая терминология, правонарушение, преступление, толковые словари, специальные словари, употребление в речи, Национальный корпус русского языка, частотность.

Summary. The meanings of the words *offense* (*pravonarushenie*) and *crime* (*prestuplenie*) are considered as they are reflected in the dictionaries of the standard Russian language and specific Russian law dictionaries. Dictionary of standard language describes the special and non-special meanings of the word *crime*. The word *offense* has only one juridical meaning. The generic concept of the literary language is termed by the noun *crime*. In the special law dictionaries generic

concept is denoted by the word *offense*. Analysis of the use of the words *crime* and an *offense* in the National corpus of the Russian language shows that the word *crime* is much frequent.

Системные парадигматические отношения в лексике общелитературного и профессионального языка организованы не одинаково (см. [Шмелёв 1997]). Наша задача — показать, как выделяется гипероним в общелитературной лексике и юридической терминологии.

Сравнивая семантизацию значений слов *правонарушение* и *преступление* в толковых и специальных словарях, получаем несовпадение в отношении гиперонимии и гипонимии. В литературном языке у существительного *преступление* описываются два значения — специальное и неспециальное, причем второе шире первого по объему понятия: «1. *Юрид.* Противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности. *Преступление против государства. Уголовное, должностное, военное, государственное, политическое преступление.* <...> *Состав преступления (юрид.; совокупность признаков общественно опасного действия, при наличии которых закон предусматривает уголовную ответственность).* <...> 2. Предосудительный, недопустимый проступок. <...> [БТС 2002]. Более ранние словари — МАС; С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой; Д. Н. Ушакова — не считают первое значение специальным. Что касается слова *правонарушение*, БТС выделяет в этом случае только одно значение и также сопровождает толкование стилистическом пометой *юрид.*: «Нарушение права, действующих законов, преступление» [БТС 2002]. Толковый словарь не вполне проясняет различие между *преступлением* и *правонарушением*, у второго существительного слово *преступление* введено в зону толкования. Словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой у слова *правонарушение* дает иную стилистическую помету *официально* [Ожегов, Шведова 2006]. В литературном языке гиперонимом является существительное *преступление*, поскольку обозначает как противозаконное деяние, так и вообще нечто недопустимое вне юридической плоскости — поступок или поведение.

Специальные юридические словари, во-первых, четко обозначают родовидовые отношения слов и обозначаемых ими понятий, во-вторых, показывают, что в сравнении с литературным языком, эти отношения организованы иначе. *Правонарушение* — «родовое понятие, означающее любое деяние, которое нарушает какие-либо нормы права. Подразделяются на: гражданские (причинение вреда личности, имуществу гражданина или организации) (см. Гражданское правонарушение), административные (напр., нарушение правил дорожного движения), дисциплинарные проступки (прогул). Наиболее опасным видом является преступление. «За П[реступление] законом предусматривается соответственно гражданская, административная, дисциплинарная и уголовная ответственность» [БЮС]. Как видим, в системе юридической терминологии существительное *правонарушение* является гиперонимом, на что прямо

указывает толкование. Видовое понятие *преступление* определяется только Уголовным кодексом и толкуется словарем как: «по ст. 14 УК РФ “виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству”» [БЮС]. Различие между родовым и видовым понятиями заключается в особой тяжести последнего.

Несовпадение слов, выражающих родовидовые отношения в литературном языке и юридической терминологии, свидетельствует о том, что ранжирование по тяжести проступка не принимается в расчет вне специальной сферы, носитель литературного языка выбирает слово *преступление*, называющее наиболее тяжелое по ущербу и последствиям нарушение закона. Категориальная сетка носителя русского языка, не являющегося профессиональным юристом, не учитывает менее тяжкие правонарушения, обозначаемые существительным *правонарушение*.

Обращение к Национальному корпусу русского языка [НКРЯ] отражает родовидовые отношения, как их показывают толковые словари, и дает такую картину: для подкорпуса 2000–2015 гг. существительное *правонарушение* встречается в 437 документах и в 2034 контекстах, а *преступление* — соответственно в 2162 документах и в 6049 контекстах. Частотность отражает данные лексикографических источников: слово, осознаваемое как специальное, значительно уступает общелитературному.

Литература

- Большой толковый словарь / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2002.
Большой юридический словарь [http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php (дата обращения 12.02.2016)] (БЮС).
Национальный корпус русского языка [<http://ruscorpora.ru> (дата обращения 12.02.2016)] (НКРЯ).
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.

Соматические фразеологизмы в аспекте профессионально-коммуникативной компетентности медиков

С. И. Христова, В. А. Няголова

Медицинский университет — Варна (Болгария)

Соматические фразеологизмы, фоновые знания, профессиональная коммуникативная компетентность.

Summary. The paper offers a concept for including phraseological units with an element of somatism in the teaching of Bulgarian as a foreign language to students of Medicine. Various

strategies are discussed for implementing them in the development of the students' linguistic and oral discourse competence in a doctor-patient communication.

Преподавание болгарского языка в медицинском вузе, направленное исключительно на профессиональную коммуникативную компетентность, привело к значительному редуцированию культурно-семантической информации и сферы разговорного стиля в содержании учебных программ, прежде всего учебных текстов. На клиническом этапе обучения, включающем работу студента с пациентом, часто возникают учебные и практические ситуации, требующие от будущего врача иной, более широкой языковой компетентности.

Для студентов, владеющих английским языком в качестве первого иностранного, а также немецким, испанским, итальянским или греческим как родным, болгарский является языком новой языковой группы. Снятие трудностей при его изучении предполагает поиск общих с европейскими языками единиц и категорий как в языке, так и в современной культуре. В болгарском языке национальное своеобразие и естественная связь с культурой просматриваются в содержании тематических единиц на уровне информативности и в меньшей степени — на уровне языковых единиц или стиля. Очевидно, что понимание даже преднамеренно адаптированных текстов не может обойтись без «распредмечивания», для которого необходимы как лингвистические, так и энциклопедические знания [Тарасов 1994: 110].

Несомненно, «полифония человеческой речи складывается из многих регистров» [Телия 1986: 131]. Наблюдения показывают, что академические учебные тексты, эксплицирующие ситуации межличностной и межкультурной коммуникации «врач — пациент», не раскрывают характерную, часто разговорную образность аутентичной речи пациента, объясняющего свои ощущения и состояния. Одним из проявлений этой образности являются фразеологизмы, что дает нам основание расширить рамки преподавания общелитературного болгарского языка элементами лингвокультурологического анализа.

Как правило использование пациентом лексики и фразеологии в описании человеческих качеств, физических и эмоциональных состояний происходит на основе фразеологизмов с номинативным элементом — соматизм. «Двойная антропоцентричность» соматических фразеологизмов, стереотипы и общие фоновые знания, языковые универсалии, эквивалентность фразеологических единиц, наблюдаемые при сравнительных исследованиях, структура готовой речевой единицы делают целесообразным их изучение и будут способствовать при распознавании и понимании иноязычной речи пациента [Молхова 2012].

Одним из характерных условий учебного общения в нашем случае является многоязычие и различие культур. В поисках подхода к преподаванию соматических фразеологизмов, нами был проведен небольшой ассоциативный эксперимент со студентами медицинского университета, носителями различ-

ных языков и культур, владеющими английским как языком межкультурной коммуникации. Мы проверяли следующие позиции: понимание положительного или отрицательного оценочного компонента; интуитивное понимание значения болгарских соматических фразеологизмов; активное знание фразеологических единиц с соматизмами на родном языке.

При отборе соматических фразеологизмов мы использовали следующие критерии:

- активность и частотность в речи современного носителя языка;
- прозрачность переносного значения;
- значения: человеческие качества; эмоциональное состояние, физическое состояние; действие, образ действия;
- активность в речи пациента при субъективном описании состояния здоровья.

С точки зрения семантической слитности компонентов исследуемые нами в устном медицинском дискурсе фразеологические сочетания представляют собой фразеологические сочетания (*златно сърце*), фразеологические единства (*имам на сърце*) и фразеологические выражения (*сърцето ми се качва в гърлото*). На основе семантического и структурного принципа классификации мы определили методическую последовательность введения фразеологизмов. Функционирование описываемых единиц в разных типах дискурса предполагает различный комментарий [Брагина 1999: 133]. В медицинском дискурсе соматические фразеологизмы, передающие состояние болезни или результат лечения, в речи пациента остаются на уровне стиля и регистра: *светна ми пред очите* («рассвело / свет перед глазами»), *буца в гърлото* («ком в горле»), но представляют также индиректно выраженный симптом. По этой причине они могут декодироваться врачом как симптом: *сърцето ми ще изхвъркне* («сердце вылетит») — тахикардия. В зависимости от речевой ситуации некоторые словосочетания могут функционировать и как фразеологические, и как свободные: *треперят ми коленете* («колени дрожат»), *гълтна си езика* («язык проглотил»). В случае когда словосочетания теряют переносное значение, они эксплицируют реальное физическое состояние и таким образом «возвращаются» к первоначальному прямому значению.

Литература

- Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Ковшова М. Л. Оценочность идиом и наивная этика паремий: лингвокультурологический аспект исследования // Филология и культура. 2013. № 3.
- Молхова Г. Я. Соматични фразеологизми, представящи възприятия, сетива, усещания в български и английски език. Бургас, 2012.
- Тарасов Е. Ф. Язык и культура: методологические проблемы // Язык, культура, этнос. М.: Наука, 1994.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Славянские литературы: типологические схождения и национальное своеобразие

«Каждый раз, когда я смотрю на этот снимок...» Фотография в польской прозе 1990–2000-х гг.

И. Е. Адельгейм

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Польская проза, фотография, текст в тексте, проза малой родины, дети Холокоста.

Summary. The report focuses on a surge of interest in photography in Polish prose after 1989 and the analysis of its role in the texts of the 1990s and 2000s. Photos contribute to the autotherapeutic function of narrative, helping to enroot in time and space, to process traumatic experience related with the past, to reach integrity of identity and biography — its own, their ancestors', space's.

Доклад посвящен всплеску интереса к фотографии в прозе Польши после 1989 г. и анализу ее функций в текстах 1990-х и 2000-х гг.

В прозе 1990-х гг. фотография присутствует в значительной степени как маркер ностальгического восприятия бытия. Лишь старые фотографии воспринимаются как ценные и значимые, процесс же «фоторепродукции мира» (М. Беньчик) ощущается как симптом неспособности к непосредственному восприятию реальности.

Беспрецедентный интерес литературы к фотографии в 1990-е гг. связан, в первую очередь, с прозой «малой родины», особенно той ее ветвью, которая обживала словом травмированное и травмирующее пространство Возвращенных территорий (отошедших к Польше по условиям Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г., а также переговоров с СССР 1945-1956 гг. бывших немецких земель, которые были после Второй мировой войны заселены «репатриантами» с окончательно утраченных Восточных Кресов и добровольными переселенцами) — текстами С. Хвина, П. Хюлле, А.-Д. Лисковацкого и др. Спустя десятилетия после трагедии военной и послевоенной миграции оказалось, что для детей переселенцев полное укоренение в пространстве детства невозможно без рефлексии над судьбами предков — как собственных, так и бывших жителей этих территорий. Топос Возвращенных территорий восходит к закрепившейся в польской литературе традиции художественного осмысления памяти о Восточных Кресах, которые стали символом утраты. В прозе о Возвращенных территориях остро переживается уже двойная и даже тройная утрата (т. е. травма, пережитая, во-первых, собственными предками-переселенцами, во-вторых, изгнанными с этой земли немцами, и, наконец, самим пространством-палимпсестом). Это переживание воплощается, прежде всего,

в своеобразную ностальгическую археологию: Возвращенные территории описываются как «палимпсест на листе времени» [Turczyński 1998: 129], а повествователь интересуется, в первую очередь, предметным миром и топонимикой — безмолвными (но охотно одушевляемыми) свидетелями Истории, точками, в которых сфокусировано напряжение между прошлым и настоящим, своим и чужим, данным и отсутствующим.

В этом художественно-психологическом процессе огромную роль играют описания фотографий. Фотография обостряет ощущение преходящести и неумолимости времени и Истории, как в линзе сконцентрированных в конкретной судьбе. Герой одновременно переживает прошлое и будущее, словно бы минуя настоящее: то, что «уже» было, изображается как то, что «еще лишь только» произойдет, и наоборот. Фотографии словно бы дают эффект присутствия в настоящем и прошлом одновременно. Фотографии используются в прозе «малой родины» также непосредственно, это «текст в тексте», служащий авторской игре с автофикциональностью и автобиографичностью, отсылающий к внетекстовой реальности, историческому и биографическому фону, разнообразно объединяя разные тексты (описываемая в одной книге фотография может быть опубликована в другой).

Для поколения молодых польских прозаиков, вступившего в литературу в 1990-е гг., после исторического перелома, интерес к фотографии оказался важным элементом механизма адаптации к новой реальности — без ее непосредственного изображения. Ностальгия, испытываемая молодым повествователем, оказавшимся в ситуации исторического перелома, словно бы удваивается, будучи воспроизведенной от лица глядящих с фотографий предков, переживших подобные периоды. Образы, запечатленные в кадре, оживляют память и воображение, исподволь подтверждают существование скрытого за кадром порядка, непрерывности жизни, целого, из которого были вырваны. Они создают ощущение «встроенности» частной биографии в общее целое, дают иллюзию целостности и осмысленности. Происходит ностальгическая, не лишённая сентиментальности мифологизация детства и судьбы повествователя, а также самого пространства Возвращенных территорий, безмолвных свидетелей и участников его истории.

В 2000-е гг. фотография (присутствуя в тексте как опосредованно, так и непосредственно) играет особую роль в прозе так называемого «второго поколения» детей Холокоста, росших в тени материнской травмы (Э. Курылюк, А. Тушиньской, М. Тулли и др.). Здесь она также служит основной сверхзадаче повествования — нарративизации травмы и преодолению ее последствий. Это и результат «расследования» (по различным причинам, в первую очередь, сильного антисемитизма в послевоенной Польше, пережившие Холокост скрывали от детей свое происхождение: потомки вынуждены восстанавливать историю семьи на основе информации, полученной от разных людей, на основе

обнаруженных документов, в процессе посещения мест, связанных с историей семьи.), и стремление прикоснуться к прошлому родных. Фотография оказывается реальным, осязаемым доказательством существования родных, общения с которыми и отчасти даже памяти о которых лишил потомков Холокост, порой словно бы заменяет отсутствующие воспоминания. Кроме того, россыпь уцелевших фотографий, их разрозненность — свидетельство и своего рода символ необратимости прошлого, невозможности сконструировать связное повествование о нем. В случае матери Э. Курьюлюк попытки вытеснить воспоминания о Холокосте приводят к психическому заболеванию. Фотография здесь — безмолвное, но выразительное воплощение контраста между свидетельствами нормальной семейной жизни и скрывавшейся за ними трагедией.

Таким образом, и в 1990-е, и в 2000-е гг. фотография способствует выполнению автотерапевтической функции художественных текстов (очень характерна в этом смысле потребность в ностальгическом не просто описании, но специфически подробном описывании фотографии), помогая укоренению во времени и пространстве, переработке травматического опыта, связанного с прошлым, обретению цельности идентичности, цельности биографии — собственной, своих предков, пространства.

Фотография подчеркивает ощущение фрагментарности, рассеянности следов прошлого и одновременно создает иллюзию обладания прошлым. Неслучайно в русской литературе можно наблюдать явление, названное И. Кукулиным «фотоэлегизмом»: «тексты и книги, основанные на демонстрации противоречивого, но очень напряженного по своему “градусу” отношения к старым, советского времени частным фотографиям — эмоции, соединяющей ностальгию, отвращение, стремление заново “перечитать” прошлое» [Кукулин 2008: 223].

Литература

- Кукулин И. Фотографическое печенье «мадлен» // НЛО. 2008. № 92. С. 223.
Turczyński A. Spalone ogrody rozkoszy. Warszawa, 1998. S. 129.

Опыт создания хрестоматий по современной русской литературе для иностранных учащихся

Н. В. Баландина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Художественный текст, современная русская литература, хрестоматия.

Summary. The presented report discusses a very important issue — the necessity to prepare reading-books on the basis of modern Russian literature's works oriented at foreign learners. The main principles important in preparing the manual are considered, also types of exercises presented to foreign students while analyzing works of fiction are taken into consideration in the report.

В процессе преподавания русского языка иностранным учащимся художественный текст является объектом особого внимания. Фрагменты из худо-

художественных произведений часто включаются в разделы учебных пособий, посвященные различным лексическим и грамматическим темам, а также в пособия, содержащие разнообразный страноведческий материал. На высших этапах обучения русскому языку (прежде всего, при обучении иностранцев-филологов) неизбежно возникает потребность в обращении к художественному тексту. Художественный текст становится не только средством обучения, но и самостоятельным объектом изучения.

Опыт показывает, что иностранные учащиеся хотят читать художественную литературу на русском языке, при этом они хотят читать не адаптированные тексты, которые с психологической точки зрения воспринимаются ими как учебные, а оригинальные тексты произведений. Интерес у иностранцев вызывают не только произведения русской классической литературы (со многими из них они знакомятся еще на родине), но и произведения современных российских авторов. Как правило, у многих иностранных учащихся, даже обучающихся на филологическом факультете, нет ясного представления о современной русской литературе. Желание учащихся можно понять: они живут и учатся в России, поэтому им интересно читать литературу, в которой отражается современная российская действительность. Им также интересны различные особенности современного русского языка, в частности, особенности разговорной речи — те лексические единицы и грамматические конструкции, которые часто используются в устной разговорной речи, но которые не находят отражения в учебниках и учебных пособиях (а именно такая речь, как правило, составляет диалоги, представленные в современных литературных текстах). При попытке самостоятельного чтения художественных произведений у иностранцев возникают неизбежные трудности, связанные не только с незнанием некоторых языковых единиц, но и с непониманием многих экстралингвистических реалий. При этом даже обращение к словарям и специальным справочникам не всегда может помочь. К тому же нужно принять во внимание тот факт, что современной русской литературе (например, произведениям, относящимся к постмодернизму) присуще такое качество, как интертекстуальность, — следовательно, необходимо обладание обширными знаниями, связанными с культурным фоном, а подобные знания у иностранных учащихся в силу известных причин либо отсутствуют, либо имеются в минимальном объеме.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ работе с художественным текстом всегда уделялось большое внимание. А с недавнего времени коллектив преподавателей, которым приходится наиболее часто обращаться к художественному тексту при обучении иностранцев русскому языку, приступил к созданию учебных материалов нового типа — хрестоматий, адресованных иностранным учащимся. Создание хрестоматий обусловлено потребностью собрать воедино тексты, дающие

представление о современной русской литературе и российской жизни в целом, а также необходимостью способствовать выполнению главной задачи преподавателя русского как иностранного — повышать у учащихся уровень владения русским языком. Для выполнения этих задач предназначен комментарий к каждому художественному тексту, представленному в хрестоматии.

В процессе создания хрестоматий перед составителями стоял целый ряд задач. Прежде всего — отбор материала, при котором учитывалась не только значимость литературных произведений в контексте современной литературной парадигмы, но и многие другие факторы. Так, в хрестоматию были включены не только произведения авторов, имена которых «на слуху» (В. Пелевин, Е. Гришковец, З. Прилепин и др.). В задачу составителей также входило стремление познакомить иностранных учащихся с новыми именами в современной русской литературе — малоизвестными авторами, но, несомненно, способными вызвать интерес в силу определенных художественных достоинств созданных ими произведений (М. Бару, Л. Скрыбина и др.). Также предложенный выбор произведений дает представление о делении литературы на подтипы (метапроза, неореализм, мидл-литература, *ultra-fiction*, христианская проза и др.).

Что касается объема представленных в хрестоматии литературных текстов, то в силу понятных причин большая часть произведений в сборнике представлена в отрывках. Однако выбор отрывков происходил таким образом, чтобы их чтение помогло ощутить сюжетную и смысловую «канву» произведения, а также обнаружить индивидуальные стилистические особенности авторского текста.

Кроме задачи отбора наиболее интересных с литературной и стилистической точек зрения произведений, необходимо иметь в виду специфику потенциального читателя — это не только человек, не являющийся носителем русского языка, но и, прежде всего, учащийся (студент, магистрант, аспирант, стажер). Поэтому комментарий, которым снабжается каждый литературный текст, имеет не только информативный, но и учебный характер. Одной из важных особенностей комментария является его интерактивность: наряду с объяснением каких-либо лексических единиц, грамматических конструкций или культурно-исторических реалий предлагаются различные задания коммуникативного характера, направленные на активизацию полученных знаний, на формирование умения высказывать свое мнение по какому-либо вопросу, продуцировать диалогическую речь.

Таким образом, создание хрестоматий обусловлено давно назревшей потребностью в создании сборников художественных произведений современной литературы, которые снабжены комментариями как информативного, так и интерактивного характера, что позволяет иностранным учащимся не только

получить представление о современной русской литературе и различных культурно-исторических российских реалиях, но и развить различные навыки и умения, необходимые в процессе овладения иностранным языком, что в конечном счете помогает иностранцу ощутить себя не «сторонним наблюдателем», а частью того «мира», язык которого он выбрал для изучения.

Литература

Современная русская проза — XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный / Под общ. ред. Е. А. Кузьминовой, И. В. Ружицкого. Ч. 1. М.: Русский язык. Курсы, 2009.

Современная русская проза — XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный / Под общ. ред. И. В. Ружицкого. Ч. 2. М.: ИНФОТЕХ, 2013.

Творческое наследие Я. П. Полонского: автобиографический аспект

Е. М. Баранская

Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Россия)

*Автобиографизм, житнетворчество, литературная личность,
литературно-исторический образ*

Summary. Multidimensional manifestations of autobiographism in the creative heritage of the poet of the XIX century Polonsky Y. P. are discussed. The constructing literary-historical and worldly image of the poet proceeds from the context of Polonsky's life-creative trends.

Среди документальных источников жизнеописания Я. П. Полонского особенное место занимают автобиографическая и мемуарная проза, а в значительной степени и поэзия. Следует помнить, что биографические реалии поэтической личности становятся реалиями ее поэтического мира. В этом плане значим индивидуально-психологический фактор (событийно-биографический) в создании литературного образа поэта.

Событийно-биографический ряд в творчестве Я. П. Полонского актуализируется в 1860–1890-е гг., когда поэтически-постулируемая откровенность сменяется открытым автобиографизмом. В условиях же реального бытования литературной личности, салонного общения актуальны поведенческие установки на житнетворчество, которые направлены на сознательное моделирование литературного амплуа поэта. В этом духе отрабатывается автобиографическая проза Я. П. Полонского, которая хранит видимые следы авторского осознания себя и своей судьбы в истории России, авторской работы над своим историческим и литературным образом, что в целом характерно для мемуарного жанра вообще, основанного на ретроспективном осмыслении прошлого.

В автобиографической прозе Я. П. Полонский эстетически организует материал в соответствии с собственным представлением о том, «какой должна

быть автобиография поэта» [Павлова 1989: 141]. Обращение Я. Полонского к мемуаристике — не только следствие возрастной ностальгии, но и способ утверждения своего писательского имени. Ю. Никольский заявлял в 1917 г., что для Полонского «не было радостью быть безымянным, народным поэтом», смысл «действия искусства» он видел в личном бессмертии [Никольский 1917: 103]. Мысль труднодоказуемая. Но верно: «автобиографическая проза» Я. П. Полонского создавалась довольно долго (почти 30–35 лет) и в рамках авторизованного биографического мифа. Тем более, с середины 1850-х гг. возрос интерес читательской аудитории к личности литератора. Появляется ряд публикаций биографического плана. Публика осталась «крайне довольна и <...> устроила моду на поэзию и литераторов» (И. И. Панаев) [Современные заметки 1854: 98].

Воспоминания, дневниковые записи Я. П. Полонского также рассчитаны на широкую читательскую аудиторию. Потому его дневниковые записи нерегулярны, как правило, носят «итоговый» характер. В частности, записи за 1858–1860 гг. объединены авторским вступительным словом (в дневнике!): «У меня нет памяти, я не помню собственных имен, чисел, но у меня много воспоминаний. Записать их, однако же, дело нелегкое, для меня, по крайней мере» [Полонский: л. 23]. Последующие слова Полонского дают ключ к восприятию его дневников: «Я <...> очень желаю, чтоб когда-нибудь, кто-н. из старых, переживших меня друзей моих открыл эту книгу... и мысленно пережил несколько минут из жизни уже несуществующего Полонского. Вот в этом-то и заключается наше земное бессмертие» [Полонский: л. 24–25]. Дневники Полонского, его воспоминания переписаны Ж. А. Полонской. (Ныне хранятся в архиве РГАЛИ, частично опубликованы в № 1–4 «Голоса минувшего» за 1919 г.). Нет сомнения: в них, а также в эпистолярной Полонский сознательно работает над своим писательским образом, предусматривая будущее прочтение этих материалов и многомерное восприятие своего «я» в историко-литературном и бытийном контексте.

Один из аспектов проявления автобиографизма в творчестве Я. П. Полонского — вовлеченность в исторический процесс. В формировании литературно-исторического образа поэта особую роль играют ключевые события российской истории (в частности, пласт поэзии периода Крымской войны 1853–1856 гг., национально-освободительного движения на Балканах 1870-х гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). В зрелые годы Я. Полонский предъясняет читателю свою поэтическую автобиографию (второе «Письмо к музе»; «Старая няня», 1876). Очевиден подчеркнуто-национальный характер «музы» «рязанского поэта» Полонского — уроженки земли рязанской («Письма к музе»).

К концу 1880–1890-х гг. усиливается влечение поэта к жанру мемуаристики, произведениям автобиографического плана: это обуславливает видение

своего «я» как в процессе собственного поэтического становления, так и на фоне социальных событий общероссийской значимости. В 1890 г. (№ 2, 6) и 1891 г. (№ 5) «Русский вестник» публикует воспоминания Я. П. Полонского «Старина и мое детство». «Русская школа» в 1890 г. (№ 1, 2) помещает «Школьные годы» — воспоминания поэта об ученичестве в рязанской гимназии. (Номера журнала отосланы в Рязань А. В. Селиванову). Незадолго до смерти Полонский отправляет в редакцию ежемесячного литературного приложения к журналу «Нива» «Мои студенческие воспоминания» (1898): не только фрагменты автобиографии, но свидетельства о лицах, сыгравших видную роль в русской жизни.

Однако, воссоздавая личность поэта из его произведений, необходимо учитывать работу автора над собственным историко-литературным образом. Его автобиографическое, художественное «Я» отражает «Я» литературное. Художественное положение авторского «Я» — центровое, а мир — вокруг авторской личности. В целом же автобиографическая проза Полонского, на наш взгляд, — лишь один из путей создания литературного образа: работа над этим образом слишком очевидна для читателя-современника, и писатель-психолог, каким был Я. П. Полонский, никогда не изберет автобиографический жанр в качестве основного пути литературного самопредъявления.

Литература

- Никольский Ю. История одной дружбы. Фет и Полонский // Русская мысль. М.; Пг., 1917. № 5–6. С. 82–127.
- Павлова И. Б. К вопросу об автобиографиях Александра Блока // Факт и художественный образ: Межвуз. сб. науч. трудов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1989. С. 135–142.
- Полонский Я. П. Дневниковые записи. Копия, сделанная рукой Ж. А. Полонской. 1856–1860 гг. // РГАЛИ. Ф. 403. Оп. 2. Ед. хр. 7.
- Современные заметки. Письма «Иногородного подписчика» о русской журналистике. Б. п. // Современник. СПб., 1854. Т. 44. С. 96–108.

Литература и этика: оскорбления в литературе в Словении

Александр Бельчевич

Философский факультет Университета в Любляне (Словения)

Литература, этика, оскорбление, фикция.

Summary. In 1999 B. Smolnikar was sued for insulting family Nakrst in her novel *Ko se tam goriolistajo breze*. She received broad public support by writers, journalists and literary scholars. Their most frequent argument was that all literature is fiction and that all literary characters are fictional beings and that similarity between literary character and a real person is only a coincidence. In this article I propose a fourfold definition of fiction in order to prove that their argument is false.

С 1999 по 2012 годы в Словении было не менее 12 разбирательств, в которых отдельные личности или группы людей (т. н. гражданская инициатива) публично протестовали против некоторых художественных произведений,

утверждая, что те аморальны или выставляют некоторых людей в оскорбительном свете.

Самым громким было «дело Смолникар»: в 1999 году семья Накрст обвинила писательницу Б. Смолникар в оскорбительном описании членов семьи в романе «Ko se tam gori olistajo breze». Общественность сразу же приняла сторону писательницы: ее защищали писатели, журналисты и некоторые теоретики литературы. Для ее защиты привлекались различные аргументы. Все аргументы, использованные в публичной дискуссии, представляются мне ошибочными. Цель публичных защитников заключалась в том, чтобы любым способом оправдать писательницу, несмотря на эмпирические факты, которые могли бы быть представлены на суде; это было бы возможно лишь в том случае, если бы было доказано, что писательница никоим образом не может быть виновна. Поэтому защитники должны были предоставить аргументы, которые были бы справедливы **априори**.

Самый распространенный и интересный с теоретической точки зрения аргумент заключался в том, что **вся** литература является вымыслом (**фикцией**), а все литературные персонажи всегда вымышлены и любое сходство между литературным персонажем и реальной личностью всегда случайно. Если это правда, то **принципиально** невозможно, что писательница описывает реальных людей, кого-либо оскорбляет и виновна в оскорблении. Однако неверно считать, что литература — это всегда вымысел, следовательно, данный аргумент ошибочен. Реален ли персонаж или вымышлен, это эмпирический, а не принципиальный, литературно-теоретический вопрос: большинство литературных персонажей вымышлено, но некоторые не вымышлены и имеют референцию к реальным личностям. Описала ли Смолникар семью Накрст, это эмпирический вопрос; оскорбила ли она семью Накрст, это уже юридический вопрос.

Чтобы доказать свою точку зрения, я предлагаю четырехчастное определение художественного текста. В случае Смолникар сходство семьи Накрст с литературными персонажами была столь очевидной, что можно сказать, что семья послужила для них образцом (во втором издании романа писательница опубликовала судебную документацию, которая позволяет провести подобную параллель). Верховный суд оправдал писательницу в 2007 году, постановив, что та не оскорбляла семью Накрст умышленно. Аргументы, высказанные общественностью, оказались непригодными.

Литература

Решение Конституционного суда от 12 апреля 2007 года: *Odločba o razveljavitvi sodbe Višjega sodišča v Ljubljani in sodbe Okrožnega sodišča v Ljubljani*, Stran 5031 [<http://www.uradni-list.si/1/content?id=79799&smode=site>].

Smolnikar Breda. Najbolj zlata dépuška pripovedka o ihanski ruralki. Samozaložba, 2004.

Синтез приемов киноискусства и литературы как форм выражения авторского сознания в повести В. С. Маканина «Голоса»

Гун Цинцин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия) / Китай

Маканин, «Голоса», синтез киноискусства и литературы, авторское сознание.

Summary. As a famous contemporary Russian writer, Vladimir Makanin's name was pinned the mantra of "a living classic". Connections to both modern and classical Russian prose traditions form the consistent patterns of his writing. This paper is devoted to analysis of the synthesis forms of film and literature, which are used to express the artistic consciousness in prose «Voices» by Vladimir Makanin.

1. Синтез разных видов искусств

как художественная основа выражения авторского сознания

Творчество В. С. Маканина составляет одну из интересных и ярких страниц современной литературы. Он по праву считается одним из уникальных художников второй половины двадцатого столетия, знаковой фигурой литературного процесса послевоенного времени XX–XXI вв. Его новаторские художественные открытия развиваются, обогащаются и постепенно образуют новые традиции литературы.

Критик Н. Роднянская, называя Маканина художником «по преимуществу» [Роднянская 2006: 633], подчеркивает, что большие вопросы времени он ставит так, как это свойственно только искусству: он не поражает, а исподволь заражает ими» [Роднянская 2006: 633]. Будучи не только талантливым писателем, но и оригинальным мыслителем, Маканин, используя синтез разных видов искусства, создал собственную художественную философию творчества. Не случайно именно синтетические художественные формы служат выявлению особенностей авторского сознания в прозе писателя. Примером такого рода синтеза является повесть Маканина «Голоса», в которой взаимодействуют литературные и кинематографические приемы. Наибольший интерес представляет использование монтажной композиции как неканонический прием выражения сознания писателя.

2. Роль кинематографических приемов

в структуре хронотопа повести Маканина «Голоса»

Рассуждая о прозе Маканина, Т. Толстая подчеркивала, что «для понимания построенного им мира чрезвычайно важной кажется <...> сама форма, структура его произведений, особенно последних» [Толстая 1988: 84]. В организации «структуры» «Голосов» важную роль играют «принцип интеллектуального монтажа» (термин С. М. Эйзенштейна) и прием создания «мозаики». Интерес писателя к художественным возможностям кино был обусловлен не только биографически (в 1964 г., он поступил на Высшие курсы сценаристов и режиссеров), но и спецификой его эстетических исканий.

Диалектика времени и вечности является одной из центральных тем философской рефлексии Маканина, о чем свидетельствует повесть «Голоса».

В ней автор воссоздавал две формы проявления времени: идеализируемое прошлое и повседневное, «скоротечное» настоящее. Их уникальность и взаимосвязь раскрывается автором с помощью приемов монтажной композиции. При этом каждой из форм времени соответствует определенный тип пространства. Одна разновидность пространства — большой город. В нем преобладает хаотическая жизнь, которая соотносится со «скоротечным» настоящим. Другой тип пространства — старый поселок или желтые горы Урала, символизирующие вечность бытия. Антитеза жизни в большом городе и в поселке в авторском сознании соотносится с антитезой вечности (бытия) и быстротечности (быта).

Однако специфика монтажа в «Голосах» также обусловлена тем, что автор предстает как современник изображаемых жизненных событий, который изначально отказывается от их оценки. Не случайно произведение вбирает в себя калейдоскоп различных жизненных явлений, что обусловило «мозаичность» повествовательной структуры «Голосов», ее «разбитую композицию» [Иванова 1988: 216]. Хаотичность «скоротечного» времени подчеркивается и использованием «в качестве развязки» кинематографического приема «стоп-кадра, который выхватывает героев из потока существования, но нечего принципиально завершающего в их жизни не вносит» [Пискунова, Пискунов 1988: 54].

Использование приема монтажа способствует тому, что композиция «Голосов» становится одной из форм отражения авторского видения мира, отличающегося многоплановостью и эпической широтой. Эффект объемности авторского сознания создается и при помощи приема, отмеченного Т. Толстой в контексте анализа других особенностей прозы Маканина. Она говорит о принципе «голограммы», «любой кусочек» которой «заключает в себе тоже весь предмет, но без детализации, без объема, более нечетко, размыто, плоско». Именно по этому принципу, по ее мнению, построены «Голоса»: «В результате мы оказываемся во Вселенной, организованной и функционирующей на всех уровнях — от микроструктур до макроструктур — на основе некоего принципа, заявленного в заглавии (всегда очень точном у Маканина). Это дает мощнейший эффект эмоционального погружения читателя в «космос» произведения...» [Толстая 1988: 85].

Таким образом, синтез возможностей литературы и киноискусства помогает Маканину выразить свое представление о сложности мира, о его экзистенциальном потенциале, способствуя выражению авторского художественного сознания.

Литература

- Иванова Н. Точка зрения: О прозе последних лет. М., 1988.
Пискунова С., Пискунов В. Все прочее — литература // Вопросы литературы. 1988. № 2.
Роднянская И. Б. «Незнакомые знакомцы» // Движение литературы. Т. 1. М.: Знак: Языки славянских культур, 2006.
Толстая Т. Голос, летящий в купол. Беседа прозаика Татьяны Толстой и критика К. Степаняна // Вопросы литературы. 1988. № 2.

**Жанр «беседы»
в словацкой литературе рубежа XIX–XX веков**

Д. Гучкова

Институт словацкой литературы САН (Братислава, Словакия)

*Словацкая литература на рубеже XIX–XX столетий, исследование жанров,
фельетон, очерк.*

Summary. The study researches the genre of “besednica” (feuilleton, tale, chat, gab fest) in the context of the evolution of small fiction genres in Slovak literature, roughly from the 1860s until 1914. It focuses on its formation and discusses its terminological delimitation (being aware of terminological and contents ambiguity). It also deals with developmental typology of texts and researches concrete works by individual authors. “Besednica” in the given period had rather different forms (polymorphism). The goal of the study is to research how this genre evolved in contact with other short narrative forms, and to trace its productive line in the development of the Slovak literature of given period.

Жанр «беседы»¹, будучи кратким прозаическим жанром, относительно распространенным в словацком литературном пространстве последней трети XIX века — первых двух десятилетий XX века, пользовался популярностью среди тогдашних авторов. Небольшие тексты — нечто среднее между публицистикой и художественной литературой, — в жанровом отношении близкие фельетону и очерку, регулярно появлялись на страницах периодических изданий того времени: «Беседа» — так назывались рубрики во многих газетах. Таким образом, название жанра «беседа» функционировало в двух значениях, которые взаимно пересекались и со временем выкристаллизовались: 1) название жанра («беседа» — как словацкий фельетон с положительным содержанием и одновременно синоним очерка); 2) название части структуры тогдашних периодических изданий («беседа» — как рубрика в газетах и журналах, обычно содержащая материал литературного или развлекательного характера, графически отделенная чертой, размещенная в нижней части издания). Вопреки тому, что произведения, написанные в жанре «беседы», встречались довольно часто и были популярны в свое время, они и по сей день не стали предметом изучения словацкой литературоведческой науки в плане их происхождения или исторической поэтики, хотя уже само обозначение данного жанра — «беседа» — является исключительно словацким. В чешском культурном пространстве аналогичные произведения получили названия «фельетон», «очерк», «картинка» или «картинка жизни», которые появились в чешской литературе уже начиная с 40-х годов XIX века (Й. К. Тыл, Б. Немцова, Я. Неруда, Й. Арбес) и в которых можно наблюдать сближение литературы и публицистики. Название «беседа» использовалось в Словакии с начала 60-х годов XIX века.

¹ Сл. «besednica» — исключительно словацкий беллетристический жанр публицистического стиля, близкий по стилю фельетону, написанный в духе дружеского разговора, без иронии и острой сатиры.

В словацкую журналистскую и литературную терминологию его ввела словацкая политическая газета *«Пештбургске новины»*, которая выходила в Пеште в период 1861–1870 гг. В 1862 году редакции обратилась к читателям с вопросом, каким исконно словацким словом можно заменить французский термин «фельетон»? Речь шла не только о названии: важно было определение его тематического, содержательного наполнения, а также «национальное» обоснование жанра. Дискуссия на данную тему показала внутренние противоречия между консервативной, национально-охранительной стратегией (акцент на словацкое своеобразие) и либеральной открытостью к импульсам, исходящим от зарубежных культур (опасения консерваторов по поводу профанации языка и литературы). Из предложенных названий жюри выбрало название «беседа»; газета *«Пештбургске новины»* использовала его регулярно с 1 апреля 1862 года. В качестве названия рубрики данный термин позже стали употреблять и другие периодические издания (напр. *«Народне новины»*, *«Словенски денник»*, *«Словенски тыжденик»*). Во второй половине XIX века жанр «беседы», благодаря своему промежуточному положению между беллетристикой и публицистикой, открывал возможности для обогащения современных представлений о литературе. Поиски новых способов и форм выражения новых жизненных ситуаций и нового опыта, характерные для словацкой литературы того времени, были связаны с неприятием авторами объемных эпических форм и их тягой к кратким формам, таким как новелла, рассказ, жанровая картинка, картинка жизни, зарисовка, очерк, сказка, фельетон, репортаж и т. п. Именно эти формы являются фоном, на котором выкристаллизовывался жанр «беседы». Одновременно можно утверждать, что все эти жанры в свою очередь оказывали воздействие на разнообразие формы «бесед». «Беседы» писали: Вилиам Паулини-Тот, Густав Казимир Зехентер-Ласкомерский, Коломан Баншелл, Густав Маршалл-Петровский и др. Значительную роль в развитии данного жанра в конце XIX столетия сыграли короткие произведения Мартина Кукучина, описывающие пражскую жизнь, которые с точки зрения типологии и жанра схожи с рассказами и фельетонами чешского писателя Яна Неруды. О развитии темы жизни провинциальных городов свидетельствуют «беседы» Ладислава Надаши Еге, Янко Есенского, а также Ивана Лилге Лысецкого.

Формирование жанров краткой прозы в словацкой литературе рубежа XIX–XX столетий свидетельствует о процессе «модернизации» словацкой литературы, об ослаблении ее идейных и познавательных функций (литература как средство поддержания национального искусства и активизации общественной жизни) и о переходе к модели эстетической доминированности и художественной самобытности. Эти жанры являются свидетельством отказа писателей от романтического идеала или романтического взрыва и перехода к изображению реальной действительности, ее повседневности и одновременно ее исключительности и эксклюзивности.

Литература

- Csáky Moritz*. Das Gedächtnis der Städte // Kulturelle Verflechtungen: Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa. Wien: Böhlau Verlag, 2010.
- Čepan Oskár*. Literárne dejiny a literárna veda. Bratislava: Veda, 2002.
- Fránek Michal*. Maloměsto v satirickém zrcadle. Píseň míru Jana Liera // Gílk Erik (ed.). Karel Poláček a žánry beletristické publicistiky. Boskovice: Albert, 2012. S. 80–86.
- Mikulová Marcela*. Paradoxy realizmu. „Neklasickí“ klasici slovenskej prózy. Bratislava: Veda, 2010.
- Ratuszna Hanna*. „Błysk obrazu“ — z zagadnień krótkich form narracyjnych w literaturze Młodej Polski. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2009.
- Tureček Dalibor*. Fejeton Jana Nerudy. Praha: Arsci, 2007.

Работа с документом как творческий принцип

А. И. Солженицына и Д. Чосича

Е. В. Жуйкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*А. И. Солженицын, «Красное Колесо», Добрица Чосич, «Время смерти»,
использование документа в художественном произведении*

Summary. This paper is an attempt to compare Alexander Solzhenitsyn's *The Red Wheel* with novel of D. Chosich *A Time of Death*. What unites Solzhenitsyn and Serbian writer is the incorporation of historical documents into their texts. Both authors use historical documents: newspapers, letters, diaries and other documents of the time.

По мнению Варлама Шаламова, на место романа в XX веке, веке страшных катастроф и мировых катаклизмов, становится документ: «Сегодняшний читатель спорит только с документом и убеждается только документом. У сегодняшнего читателя есть и силы, и знания, и личный опыт для этого спора. И доверие к литературной форме. Читатель не чувствует, что его обманули, как при чтении романа» [Шаламов].

Многие художественные произведения А. И. Солженицына ориентированы на документ, что объясняется стремлением автора к объективному изложению событий русской истории. Апогея этот художественный принцип достигает в эпопее «Красное Колесо», где немалую часть книги занимают вставки из газет, различных документов, писем и дневников. Исследователи называют это «исторической цитатностью»: «Ощущение такое, что цитируются не первоисточники, не документы, а само время, в которое переместился автор» [Штруман 1993: 146].

Казалось бы, сложно в мировой литературе найти произведение, в котором документальный материал использовался бы так широко и разнопланово. Но оно есть, это роман-эпопея Добрицы Чосича «Время смерти». Принципы работы с документами у сербского писателя во многом схожи с Солженицыным. В романе-эпопее «Время смерти, начиная с пролога и заканчивая эпило-

гом, содержится большое количество выдержек из газет, дневников, телеграмм и других документальных источников. И русский, и сербский писатели обращаются к одной общей теме — Первой мировой войне. Порой при описании событий оба автора даже прибегают к одному и тому же источнику (например, переписке Николая II с Вильгельмом II).

«Красное Колесо» А. И. Солженицына и «Время смерти» Д. Чосича представляют собой уникальную жанровую форму: синтез художественного видения и исторического научного исследования. Историческая основа обоих эпосов настолько сильна, что вымышленных персонажей, когда они находятся в окружении исторических событий и деятелей, читатель нередко воспринимает как реальных. Исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом [Алтынбаева 2013: 20], указывали на то, что при передаче ключевых событий Солженицын использует более десяти разных печатных изданий. Кроме того, во всем «Красном Колесе» более ста наименований газет и журналов, как столичных, так и провинциальных.

Историческая подлинность представленных событий и судьбы в романе «Время смерти» основывается на фундаменте из большого количества документального материала, который у писателя представлен не столько в качестве иллюстрации, но систематически, умышленно, с четким видением своего художественного замысла. Основную часть документов, использованных автором, представляют собой письма, брошюры, прокламации, приказы, донесения, поздравительные открытки, газетные статьи. Наиболее распространенным среди них являются письма Ивана к родителям, его дневник, записи короля Петра, обращения престолонаследника Александра к армии. Часто они объединяются в коллажи. Пролог и эпилог романа по своей структуре образуют замкнутую кольцевую композицию: пролог «Времени смерти» состоит из 18 источников о начале войны, а эпилог — из 28. Однако некоторые исследователи упрекают писателя в том, что при отборе документов он был пристрастен, пытаясь подтвердить свою концепцию войны, что приводит к искажению исторической объективности.

Сгущение, уплотнение действия — одна из черт, которая ярко характеризует манеру письма и того, и другого автора. Это помогает организовать обширный документальный материал, который привлекается в произведениях.

Таким образом, роман «Время смерти» и эпопею «Красное Колесо» роднит не только общая тема Первой мировой войны, но и сходство формальных приемов, и принципы построения текста, а также взгляд авторов на историю, на роль нации в мировом историческом процессе. Но в данном случае нельзя говорить о прямом заимствовании каких-либо приемов. Сходная политическая обстановка и исторический путь Сербии и России породили двух близких по

художественному осмыслению мира. И принцип работы с документом — только одна грань из многих, которые их объединяют.

Литература

Алтынбаева Г. Окололитературная среда начала XX века в «Красном Колесе» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу». Материалы Международной научной конференции. М.: Русский путь, 2013.

Шаламов В. О прозе [Режим доступа: <http://shalamov.ru/library/21/45.html>].

Штруман Д. М. Остановимо ли Красное Колесо? Размышления публициста над заключительными Узлами эпопеи А. Солженицына // Новый мир. 1993. № 2.

Образы неволи у Ф. М. Достоевского и И. Андрича

И. Е. Иванова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Ф. М. Достоевский, И. Андрич, «Записки из Мертвого дома», «Проклятый двор»,
неволя, каторга

Summary. The report compares Fyodor Dostoyevsky's *THE HOUSE OF THE DEAD* and Ivo Andrić's *THE DAMNED YARD*, which share the main theme — the imprisonment of the main hero. Some excerpts from the two texts contain similarities in their themes: they describe the location and organization of the prisons, the manners and speech of inmates. The comparison of the two works brings to light some of their literary features.

Доклад посвящен сопоставлению двух художественных произведений, «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и романа югославского писателя И. Андрича «Проклятый двор». Сравнение некоторых аспектов их произведений поможет увидеть особенности видения мира каждым из этих авторов.

Композиционно «Проклятый двор» и «Записки из мертвого» дома близки. Известие о смерти главного героя романа И. Андрича фра Петра предшествует изложению истории его пребывания в стамбульской тюрьме. Вводная часть «Записок из Мертвого дома» также знакомит читателя с личностью и историей Александра Петровича Горянчикова уже после его смерти, за ней следует текст оставшейся после него рукописи.

В «Записках из Мертвого дома» присутствуют два независимых повествователя. Вводная часть написана неким путешественником, личностью, обладающей иронично-саркастическим взглядом на чиновничью сибирскую жизнь. Основной текст представляет собой воспоминания о пребывании на каторге А. П. Горянчикова, дворянина, интеллигента, осужденного за убийство жены. Повествование Александра Петровича включает отрывки из диалогов или отдельные высказывания других заключенных, выполняющие функцию иллюстраций к наблюдениям главного героя или являющиеся предметом его размышлений. Для произведения И. Андрича характерна множественность героев, рассказывающих свои истории, но все повествования оказываются автор-

ским пересказом. В «Проклятом дворе» повествователь один, это автор-рассказчик. Но при этом роман насыщен высказываниями разных персонажей, различающимися по объему, от фразы до развернутого рассказа, по-разному оформленными. Такой прием создает многомерность произведения, сохраняя при этом единый, авторский взгляд на мир. Как и в повести Ф. М. Достоевского, в романе И. Андрича присутствуют диалоги заключенных, но их роль несколько иная. Они не служат иллюстрацией к тому или иному наблюдению или выводу рассказчика. Возможность производить наблюдения и делать выводы предоставлена читателю. Они вносят звуки живой жизни, придают еще большую естественность событиям романа.

«Записки из Мертвого дома» представляют собой в значительной степени опыт физиологического очерка каторги, подобно другим физиологическим очеркам натуралистической школы XIX века. Они производят впечатление документального повествования. Первый рассказчик документально представляет другого рассказчика, скончавшегося автора записок, который в свою очередь документально подробно, с подчеркнутой фактографичностью, рисует жизнь каторжан. Тщательно обрисовано устройство каторжной тюрьмы. Если сравнить два описания тюремного двора и ворот, то станет очевидно, что отрывок из «Записок из Мертвого дома» напоминает техническую документацию. Речь идет о расположении объектов на местности и их устройстве (*острог стоял на краю крепости, у самого крепостного вала, столбы глубоко врыты в землю, столбы крепко прислонены друг к другу ребрами, столбы скреплены поперечными планками, двор обнесен тыном, в одной из сторон ворота*), их форме (*двор большой, двор в форме неправильного шестиугольника, столбы наверху заострены*), размерах (*двор шагов в двести длины и шагов в полтора ширины, тын высокий, столбы высокие*), качестве (*ворота крепкие*), наименованиях, принятых в отношении данных объектов (*столбы, то есть пали; тын, то есть забор*). Описание Андрича соотносит технические моменты устройства тюрьмы с заключенным в ней человеком. Положение на местности: *местоположение странное, будто нарочно рассчитано на то, чтобы увеличивать муки и страдания заключенных*; поэтому, когда речь идет о траве, возникает образ множества мающихся в одном месте людей: *серая и твердая утрамбованная земля, сквозь которую не может пробиться ни единая травинка, так как с утра до вечера здесь топчутся арестанты*; о деревьях, но в действительности о жизни и поведении заключенных: *два-три убогих худосочных деревца посреди двора с изрезанной и ободранной корой обречены на муку мученическую и даже не чувствуют смены времен года*. Здесь много развернутых метафор, текст насыщен страдательными причастиями, относящими нас к субъектам, к людям, обитающим здесь, производшим различные действия с описываемыми объектами, предикативность присутствует в причастиях, характеризующих объекты.

Главный герой «Записок из Мертвого дома» хочет познакомить современников с миром отверженных: Это подчеркнуто в повести восприятием его первого читателя, современника, издателя записок: Описываемые события локализованы во времени, прослеживается желание автора классифицировать все, что он увидел в этом мире. Так, он описывает арестантов по разрядам преступлений, соответствующим классификации наказаний. Называются разные разряды убийц: *убийцы невзначай* и *убийцы по ремеслу, разбойники* и *атаманы разбойников*. События, описываемые в «Проклятом дворе», не привязаны к определенному времени. В романе нет деталей, которые соотносили бы события с каким-то историческим периодом. Мы знаем лишь, что события происходят в Османской империи. Вся эта история имеет характер притчи. Поэтому при описании заключенных автор называет не связанные с определенным историческим периодом официальные наименования преступников, а вечные пороки и несчастья, приводящие человека в такое место. Страдания героя рассказанной фразы Петром истории, невинного человека, причина которых заключается в глупости, страхе, безответственности, бесчеловечности чиновника, маленького винтика бездушной государственной машины, могут случиться в любом обществе.

Автора «Записок из Мертвого дома» волнует устройство пенитенциарного заведения в России в определенное время, проблема преступлений и отношения русского человека к преступлению, милосердия к преступникам, нормы поведения внутри этого отдельного мира каторги. Для автора «Проклятого двора» важны общечеловеческие темы: заложенные в личности от рождения и проявляющиеся в период взросления особенности характера, трагическая судьба невинного человека, феномен рассказчика, создающего мир, надолго сохраняющийся в памяти его слушателей.

Литература

Андрић И. Сабрана дела Иве Андрића. Књ. 4. Београд, 1963.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 томах. Т. 3. Л., 1988.

Хорватская литература в современной России

Г. Я. Ильина

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Хорватская литература, переводы на русский язык, кроатистика, истории литератур.

Summary. Since the second half of the XIXth century reception of the Croatian literature in Russia had its own peculiarities. By the 1990's was established the scientific basis on which appeared the possibility to write histories of foreign Slavic literatures, *Lexicon of South Slavic literatures* (2012) and the monograph by Galina Ya. Ilyina *Croatian literature of the XXth century* (2015).

Рецепция югославских литератур в России со второй половины XX в. имела свои особенности, связанные с взаимоотношениями Югославии и СССР. Существенно иные условия развития хорватской литературы (как и других югославских литератур) с середины 1950-х гг. и далее, где шел процесс расширения эстетических границ, реабилитации модернизма и авангардизма, воз-

вращения ранее репрессированных писателей, создавали в нашей стране определенные трудности в восприятии и распространении произведений хорватских писателей и ученых. В тоже время, они в какой-то мере становились здесь своеобразными посредниками в знакомстве с новыми веяниями в зарубежном искусстве и науке. Одновременно хорватские ученые в своей культуре становились проводниками опыта русской науки — формальной школы — и русской художественной литературы 1920-х гг., а затем авангардизма и литературы периода «оттепели» в нашей стране. Так происходила встреча этих двух потоков и ее результаты в разные периоды и в разных масштабах проявлялись и в хорватской и в русской практике.

В Советском Союзе хорватская литература переводилась достаточно активно, сейчас, к сожалению, она представлена количественно более скудно, чего нельзя сказать о научной кроатистике. В журналах и сборниках появлялось много статей по проблемам русско-хорватских связей, типологии в славянских литературах, взаимоотношений литератур в многонациональном контексте, вопросам периодизации и современного состояния прозы, поэзии и драмы. Издания произведений хорватских авторов сопровождались предисловиями и комментариями, выходили рецензии на новые художественные тексты и научные труды в журналах «Вопросы литературы», «Иностранная литература», «Художественная литература за рубежом» и др., опубликованы монографии Я. Б. Яковлевой «Современный роман Югославии», Н. М. Вагаповой «Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии», компаративистские исследования А. Шешкен. Так складывалась научная база, на основе которой стало возможным создание обобщающих (включая хорватскую литературу) коллективных трудов: «Истории литератур западных и южных славян» (в 3 т., 1997–2001), «Истории литератур Восточной Европы» (в 2 т., 1995–2001), «Лексикона южнославянских литератур» (2012), в котором представлено более пятидесяти хорватских писателей, и монографии Ильиной Г. Я. «Хорватская литература XX века» (2015).

Интермедиаальный дискурс модернистской новеллы

Е. П. Колинко

Бердянський державний педагогічний університет (Україна)

Модерністська новела, інтермедіальність, живопис, семиотичний код.

Summary. In this article a modernist short story is presented as an intermedial text, in which the synthesis of elements of various arts, such as painting and literature (on the example of Russian and Ukrainian writers' works of the late nineteenth and the beginning of the twentieth century such as A. Amfiteatrov, F. Sologub, A. Kuprin, A. Chekhov, M. Yatskov, Ulyana Kravchenko, Christya Alchevska, E. Mandychevskiy etc.) are traced.

Для современной компаративистики актуальным является исследование взаимосвязей литературы с разными видами искусств. Художественная ком-

муникация между различными видами искусств интенсифицируется в историко-культурные переходные периоды, когда усиливаются экспериментально-поисковые аспекты творчества. Закономерно, что склонность к многоуровневому синтезу стала основным показателем переходного сознания конца XIX — начала XX в., в очередной раз продемонстрировав такие его амбивалентные черты, как: эклектизм, острое чувство распутья, растерянность и отчаяние, с одной стороны, а с другой — поиски общественного и эстетического идеала, стремление к душевной и телесной гармонии, целостности, или, по В. Соловьёву, «всеединства». Дифференциация искусств, начатая в античные времена и обусловлена распадом первобытного синкретично-мифического сознания, в конце XIX — начале XX в. была преодолена.

М. Эткинд, исследуя этот период, писал: «На рубеже 1900–1910 гг. идея художественного синтеза захватила многих поэтов, музыкантов, художников» [Эткинд 1989]. В. Стасов отмечал, что «главная наша сила в том, что новое российское искусство так крепко обнялось с русской литературой. <...> Наша литература и искусство — это как два неразлучных близнеца, врозь невысказанных» [Стасов 1968]. А. Чехов также говорил о необходимости писать так, «чтобы после прочтения, когда закроешь глаза, оставалась картина» [Чехов, т. I: 242].

Рубеж XIX–XX вв. давал повод для подобных рассуждений, поскольку демонстрировал неслыханный всплеск художественного синтетизма. Модернистская новелла в рубежный период свою жанровую принадлежность тоже проявляла через уровень корреляции с различными видами искусств. В ней важное значение приобретала ритмическая организация текста, живописно-лингвистические средства выразительности, например особая техника цвета, тона, полутона, когда вербальное воспроизведение цветовой палитры придавало особый эффект, вызывало ассоциативные впечатления, внушало определенное настроение без дополнительных объяснений. Сложный интермедийный текст новеллы создавался путем проникновения знаковых систем других видов искусств в ее структуру. В модернистской новелле прослеживаются указанные виды взаимосвязей между литературой и живописью, однако ими не исчерпываются, потому что иногда связи между видами искусств приобретают характер не внешнего соприкосновения, а внутреннего, органического взаимопроникновения.

Например, в новеллах А. Амфитеатрова, М. Яцкова прослеживается общность художественных идей с картинами Джеймса Вистлера, англо-американского художника XIX в., о жестокой природе женщины, когда за красивой внешностью скрывается «хищная страсть». Правда, в отличие от М. Яцкова, у Амфитеатрова нет эксплицитных изобразительных реминисценций, но многие эпизоды косвенно объединяют его новеллу с традициями европейской живописи XIX в.

Творчество прерафаэлитов повлияло на создание образов женщин с мраморной кожей, с таинственным взглядом меланхолических глаз, с глубокими морщинами на лбу, бледных и молчаливых лиц, бескровных тел, что создавало настроение мортализма. Такими есть героини новелл Амфитеатрова «Казнь», «Киммерийская болезнь»; Ф. Сологуба «Красногубая гостья». А вот в новеллистике А. Чехова («Дом с мезонином», «Ионыч», «Нервы», «О любви», «Страдальцы», «Дачники», «В потёмках» и др.) наблюдается стилистическая близость с импрессионистическим искусством, в частности, с живописью В. Серова, с принципами «школы Моне». Очень графичны в ней и образы женщин, и пейзажные зарисовки, с использованием пленерной техники, цветообозначений, рисунка.

Модернистские новеллы А. Куприна также являются интермедийальным текстом, в котором взаимодействуют семиотические коды живописи и искусства слова. В известных «песнях» о Соколе и Буревестнике М. Горького, которые являются разновидностями модернистской новеллы, образы бури, шторма, «разгневанного» моря ассоциируются с картинами И. Айвазовского, они подчинены неоромантическим задачам создания образа мужественной и храброй личности, протестующей против среды и рвущейся *ins Blau*.

В творчестве большинства украинских новеллистов рубежного периода наблюдаются стилевые аналогии с импрессионистической живописью: у Ульяны Кравченко (новелла «Голос сердца»), Христи Алчевской (новелла «Асан и Зейнеп»), Днипровой Чайки («Плавні горять»), Михаила Жука («Дора»), Е. Мандичевского («Буря»), Леся Гринюка («Через гори»), Натали Романович-Ткаченко («Будиночок над кручею», «Мій осінній спочинок»), Якова Мамонтова («Під чорними хмарами»), М. Грушевского («Предок») и др. очень эффективно выражена связь с импрессионизмом в создании пейзажей-впечатлений и портретных характеристик.

Таким образом, очевидным есть то, что произведения разных видов искусств могут влиять друг на друга не только с содержательной стороны, но и структурной и формальной, в том числе и на морфологию литературного произведения. И новелла рубежа XIX–XX в. как один из наиболее мобильных жанров малой прозы является интермедийальным текстом, в котором живописный элемент, имеющий различные пути проникновения и выражения, становится одним из важных структурообразующих компонентов и показателем ее модернизации.

Литература

- Стасов В. В. Избранные статьи о русской живописи. М.: Детская литература, 1968.
 Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука.
 Эткинд Марк. А. Н. Бенуа и русская художественная культура конца XX — начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1989.

Босния и Герцеговина в литературно-критическом наследии Ивана Ловреновича

П. В. Королькова

РАН, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

*Литература Боснии и Герцеговины, хорватская литература, Иван Ловренович,
культура хорватов Боснии и Герцеговины, война в Боснии и Герцеговине.*

Источники

В докладе предлагается комплексный анализ литературных, критических, публицистических и научных текстов одного из самых известных современных боснийско-герцеговинских и хорватских писателей — интеллектуала, критика, историка и философа Ивана Ловреновича. Мы обратимся прежде всего к тем из них, которые стали вехами в развитии его литературной, философской и политической концепции Боснии — стихотворениям (сер. 1970-х гг.), роману «Путешествие Ивана Франа Юкича» (1977), книгам «*Liber memorabilium*» (1994), путевым очеркам «Семь дней по Боснии» (2009), культурно-историческим эссе, важнейшие из которых — «Боснийские хорваты, эссе об агонии одной европейско-ориентальной микрокультуры» (2003), «Внутренняя земля, краткий обзор истории культуры Боснии и Герцеговины» (1998), «Босния и Герцеговина, будущее неоконченной войны» (2010), «Пропавшие в столетии» (2013), а также интервью, эссе, очеркам разных лет, вплоть до самых современных, относящихся к 2016 г.

Цели и задачи исследования

В докладе прослеживается эволюция позиции И. Ловреновича относительно феномена боснийского культурно-исторического пространства и роли хорватов, сербов, бошняков, евреев в создании уникального мира на границе Востока и Запада. Подобный анализ поможет нам приблизиться к ответам на вопросы: а) в какой степени пространство Боснии и Герцеговины воспринимается И. Ловреновичем как пространство, в каждой точке своего исторического существования потенциально скрывавшее опасность межрелигиозных и межнациональных конфликтов; б) как военные события 1990-х гг. повлияли на эту позицию и как в целом изменилось литературно-критическое творчество автора после 1995 г.; в) что представляют собой менталитет и культура хорватов Боснии и Герцеговины и к каким изменениям в этой «европейско-ориентальной микрокультуре» привел военный конфликт на территории страны.

Итоги исследования

(1) В восприятии И. Ловреновича Босния и Герцеговина представляют собой пространство, которое на протяжении всей истории в каждой точке своего существования скрывало опасность конфликта, но вместе с тем пространство уникальной, сложившейся естественным образом культуры на границе

Восточной и Западной цивилизаций, которую невозможно представить без четырех ее составляющих — сербско-православной, хорватско-католической, боснийско-мусульманской и еврейско-иудейской.

(2) На ментальной карте хорватов — народа, принадлежащего центрально-европейскому региону, Босния и Герцеговина, с одной стороны, воспринимается как «свое» пространство, колыбель хорватской государственности, а с другой стороны, как «чужое» пространство с совершенно иной исторической судьбой. Однако в настоящее время аутентичность и уникальность многослойной культуры боснийских хорватов, прежде всего в силу политических реалий и векторов развития в послевоенной Боснии и Герцеговине и Республике Хорватии, все меньше принимается во внимание, поскольку политики и историки склонны акцентировать (и преувеличивать) связь каждой из трех национальных парадигм с культурными и политическими центрами за пределами Боснии и Герцеговины.

(3) Как историк и философ, И. Ловренович ищет выход из ситуации «неоконченной войны», результатом которой стало появление на карте Европы «политического гибрида», «псевдостраны» (И. Ловренович), поскольку «для каждого из этих народов БиГ как политическая общность имеет смысл исключительно в том случае, если они смогут свою идентичность в абсолютной степени» [Lovrenović 2010b: 8].

Tražeći izlaz iz situacije *nezavršenog rata* (jer je BiH stvorena kao *politički hibrid, pseudodržava* i (citat) „za svaki od tih naroda BiH kao politička zajednica ima smisla samo ako će u njoj svoj identitet moći prakticirati u apsolutnoj mjeri“ („Bosanski Hrvati“, drugo izdanje, s. 8), dakle, tražeći izlaz iz ove situacije, Lovrenović ga zapravo vidi u obraćanju se oblasti kulturnog pamćenja, ali ne na način na koji to rade savremeni političari svih triju naroda, koji većinom pozivaju zapravo na obračune i daju obrazloženja neminovnosti novih sukoba, nego na način da se priseti i obnovi bogatstvo one kulturne slojevitosti koja je nastala kao rezultat dugogodišnjeg uzajamnog postajanja i komuniciranja više religija, naroda, kultura i identiteta.

I književni tekstovi i kulturno-istorijske studije Ivana Lovrenovića su tekstovi o sećanju, jedinstvena koncepcija sećanja. Bosanskohercegovački identitet jedinstva i raznolikosti, zajedništva i posebnosti, uzajamnosti i odvojenosti, treba najpre da se traži u kulturnom nasleđu, pismenosti, književnosti, graditeljstvu, slikarstvu, oblicima narodne kulture. Identitet je hibrid nacionalnog i nadnacionalnog. U nastojanju da sačuva kulturnu i moralnu supstancu tog prostora, ozbiljno narušenu ratom, Lovrenović posebno inzistira na razotkrivanju pojedinih mitova.

Međutim, Lovrenović je izgleda uvek bio svestan koliko je opasno ustrajati na razlikama među pojedinim nacionalnim paradigmama, ali istovremeno i koliko je opasno idealizirati njihov zajednički život. I jedno i drugo će još dugo vreme biti izvor potencijalnih konflikata.

Литература

- Lovrenović I. Obalašća i basanja. Sarajevo, 1975.
Lovrenović I. Putovanje Ivana Frane Jukića. Mostar, 1977.
Lovrenović I. Labirint i pamćenje, kulturnopovijesni esej o Bosni. Sarajevo, 1989.
Lovrenović I. Unutarnja zemlja: Kratki pregled kulturne povijesti Bosne i Hercegovine. Zagreb, 1998.
Lovrenović I. Liber memorabilium. Zagreb, 2003a.
Lovrenović I. Bosanski Hrvati, esej o agoniji jedne evropsko-orijentalne mikrokulture. Zagreb, 2003b.
Lovrenović I. Sedam dana po Bosni u kolovozu godine 2008 (s fotografijama Josipa Lovrenovića). Zagreb 2009.
Lovrenović I. Bosna i Hercegovina, budućnost nezavršenog rata / S Miljenkom Jergovićem. Zagreb, 2010a.
Lovrenović I. Uz drugo izdanje // Bosanski Hrvati, esej o agoniji jedne evropsko-orijentalne mikrokulture. Sarajevo; Zagreb, 2010b. S. 7–15.
Lovrenović I. Nestali u stoljeću. Zagreb, 2013.
Luketić K. Unutarnja zemlja [<http://ivanlovrenovic.com/2014/02/katarina-luketic-unutarnja-zemlja/>].
Đuričković D. Pogovor romanu Putovanje Ivana Frane Jukića [<http://ivanlovrenovic.com/2014/02/dejan-durickovic-pogovor-romanu-putovanje-ivana-frane-jukica/>].

Традиции словацкой религиозной поэзии

Е. И. Курсакова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Религиозная поэзия, литературная молитва, библейские мотивы.

Summary. The text examines the literary transformation of the Slovak religious poetry: the emergence the first spiritual songs and cantionals in the Slovak language and finally — the appearance of the original Slovak spiritual poetry and strong spiritual traditions.

Словацкая религиозная поэзия имеет богатую историю. Безусловное влияние на развитие словацкой религиозно-книжной традиции оказала просветительская миссия славянских первоучителей Константина-Кирилла и Мефодия. До 15 века центрами христианской письменной культуры были монастыри.

В период с X по XIV вв. зарождаются первые духовные песни и молитвы на словакизированном чешском языке. Наиболее известный памятник письменности этого периода со словацкими глоссами — сборник молитв Вацлава Бзенецкого (1385).

Центральное место в духовной литературе Ренессанса занимает библейский стиль. Но существенным отличием от предыдущего периода становится зарождение субъективной духовной лирики. Эти тексты принадлежат авторам-протестантам, писавшим на словакизированном чешском языке. В духовной поэзии католиков до середины XVII века преобладают канонические формы, восходящие к западноевропейскому типу литургических песнопений — григорианскому хоралу.

Главным религиозным поэтом эпохи словацкого Возрождения становится евангелический священник Ян Сильван (1493–1573). Его религиозная лирика отличается выраженным субъективизмом, за что его считают первым словац-

ким поэтом-лириком. В книге «Песни новые на семь псалмов покаянных и другие псалмы» / «Písne nové na sedm žalmů kajících i jiné žalmy» (1571) помимо прямых парафразов псалмов Давида находятся собственные неканонические рассуждения автора на религиозную тематику. В сборнике наблюдается противостояние двух начал — религиозного праведника с героем-мытарем, не чуждым людских страстей. Другой представитель духовной лирики эпохи Ренессанса — Элиаш Лани (1570–1618). Существенным отличием песен Лани становится углубление в стихах мистицизма, фатализма, чувства вины и страха. Появляются новые религиозные мотивы: грех и его искупление, христианское самоуничижение, аскетизм. Интимно-религиозная лирика Лани занимает первое место по концентрации мистических элементов, что говорит о преобладании барочного начала в творчестве автора.

В XVII–XVIII вв. заметно усиливается влияние католической церкви на культурную жизнь Словакии. Это связано с религиозной борьбой католиков и лютеран. В произведениях священнослужителя Ондreja Луцае (1596–1670) «Латинские и словацкие двустушия» / «Disticha Latina et Slavica» (1658), «Ритмические молитвы» / «Orationes rytmicae» (1669) барочная мистика сочетается со скрытой критикой на социально-общественный строй. Следующая не менее важная книга этого периода — перевод катехизиса Д. М. Лютера (1634), сделанный священником Даниэлем Прибишем (1580–1645). Помимо песен с латинского, немецкого и чешского сборник составляют стихи словацких авторов-анонимов. Новаторством книги становится обращение к социальным вопросам «на злобу дня», что в целом не было типичным для духовной поэзии: неравенство, угнетение бедных, бесправие богачей.

В 1636 году вышел сборник духовных песен, ставший образцом для всех последующих поколений духовных поэтов. Эту книгу под названием «Цитра святых» / «Cithara sanctorum» издал словацкий священник Юрай Трановский (1592–1637). Сборник состоит из переводных чешских, латинских, немецких текстов, а также песен на словацком языке и поэтических опытов самого Трановского. Несколько позднее по образцу евангелических сборников создаются первые католические канционалы. В 1655 году священник-иезуит Бенедикт Солоши (1609–1656) издает католический канционал («Cantus catholici»). Автор продолжает кирилло-мефодиевскую традицию о величественном прошлом словаков. В отличие от евангелического канционала Трановского сборник Солоши «ословакизирован», в нем практически отсутствует барочная символика. Католический «Cantus catholici» и лютеранский «Cithara sanctorum» книги объединяет более 100 общих текстов, что говорит об универсальности и абстрактном характере жанра духовной песни.

Традиции религиозной поэзии переняли писатели XIX века. В книге «Католический песенник» классициста Яна Голлого (1785–1849) воплотилась преемственность религиозной поэтической традиции. Сборник состоит из лири-

ческих песен-молитв, подобранных автором на все случаи жизни праведного христианина: повседневные, праздничные, благодарственные Богу и др. Лирические миниатюры Голого отличаются от так называемой «церковной молитвы» более подвижной формой, усиленным субъективным началом.

Крупнейший словацкий поэт XIX века Павел Орсаг Гвездослав продолжает традицию духовной лирики. Сборник его стихов «Псалмы и гимны» / «Ĥalmy a hymny» (1985) отсылает читателя к библейским псалмам. Вместе с медитативностью, характерной для этого жанра, в псалмах Гвездослава преобладает «бунтарская» патетика. Автор затрагивает в книге сложную тему взаимоотношений вероотступника с Богом.

Словацкая духовная поэзия прошла долгий исторический путь. Литературная трансформация средневекового григорианского хораля способствует появлению первых канционалов, измененных до авторских духовных песен и псалмов с выраженным субъективным началом. В начале XX века традиции религиозной лирики переняли поэты Словацкой Модерны, литературного течения 1900–1918 гг. В лирике одного из ведущих представителей Модерны Ивана Краско ключевыми становятся христианские образы-символы (сб. «Ночь и одиночество» / «Nox et solitudo», 1909; сб. «Стихи» / «Verše», 1912). В 20-е гг. XX века традиции духовной поэзии воспринял крупнейший словацкий неосимволист — Эмиль Болеслав Лукач (1900–1979). Позже, в 30–40-е гг., вырастает самостоятельное литературное течение (словацкая Католическая Модерна), продолжившее развивать многовековые христианские традиции в лирике и обогатившее литературу новыми формами (лирическая медитация) и трактовками библейских мотивов.

Литература

- История литератур западных и южных славян. Т. 1. М., 2001.
 Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. Ч. 1. М., 1997.
 Antológia zo slovenskej renesančnej poézie. Slovenská renesančná lutna. Bratislava, 1982.
 Minárik J. Písne nové Jána Silvána. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. 1966.
 Zambor J. Žalm a žalmickosť u Ivana Krasku a v slovenskej poézii 20. Storočia // Interpretácia a poetika. O poézii slovenskýcj básnikov 20. Storočia. Bratislava, 2005.

Тип героя в болгарской «инфантильной прозе» 1970-х гг.

Н. А. Лунькова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Болгарская литература, проза, болгаристика.

Summary. The aims of this paper are to describe and to analyze the typical character of young Bulgarian authors of the 1970-s.

Целью данного доклада является поиск типических черт героя молодых болгарских прозаиков 1960-1970-х гг. и сопутствующий анализ развития жанров малой прозы указанного периода. В качестве материала для исследования

выбраны сборники рассказов и повести таких писателей, как Георги Величков, Янко Станоев, Кольо Николов, Станислав Стратиев, Петър Ковачев, Рашко Сугарев. Эти прозаики, войдя в литературный процесс в конце 1960-х — начале 1970-х гг., сосредоточили свое внимание на исследовании внутреннего мира человека. Как правило, в центре изображаемого находился их современник, молодой человек, по тем или иным причинам вступивший в конфликт с действительностью. Формирование нравственных идеалов, проявление юношеского максимализма, переход из «мира детей» в «мир взрослых», поиски своего пути в жизни — вот центральные мотивы творчества писателей, которое получило в болгарской литературной критике название «инфантильная проза». Этот термин неоднозначен, поскольку может характеризовать и юный возраст самих авторов, и специфику образов главных героев (дети, подростки, молодые люди), уже обнаруживающих и оценивающих негативные стороны окружающей их социальной действительности, но еще не способных ее преобразовывать. Появление такого типа героя закономерно исходя из развития болгарского литературного процесса. Как отмечается критиками, уже в 1960-е гг. развитие истории и общества предстает в болгарской культуре «преимущественно через индивидуальное переживание» [Вичев 1990: 132]. Это приводит к синтезу романских структур и малых форм прозы, усилению автобиографизма. Утверждается более свободная композиция эпизодов, большое внимание уделяется самоанализу, воспоминаниям героя. Важную функцию приобретает деталь как структурообразующий элемент, учащается ее применение как средства раскрытия характера персонажа. К середине 60-х гг. на первый план в литературе выходит не лишенный каких-либо недостатков положительный герой, а «обыкновенный человек», художественный образ которого не идеализируется. Примерно в это же время получает распространение «литература будней»: ориентированная на изображение современности, она исследует стремление молодых людей к внутренней психологической зрелости. На рубеже 1960–1970-х гг. такие герои становятся объектом изображения и авторов «инфантильной прозы». Лучшие произведения молодых болгарских прозаиков этого времени связаны с проблемой обретения героем своего «я», попыткой реализации своих стремлений в соответствии с предложенной реальностью. Рассказы и повести молодых писателей — это путь героев к самим себе. Будничная жизнь, чувства, мысли, переживания едва вступившего во взрослую жизнь человека — основные объекты изображения исследуемых авторов. Такой тип героя — «инфантильного» молодого человека — оказал существенное влияние как на жанровые особенности произведений, так и на средства художественной выразительности и спектр приемов, используемых для его создания. В докладе планируется исследовать общие тенденции в изображении героя «инфантильной прозы» и обозначить индивидуальные особенности его

воплощения в произведениях вышеуказанных авторов. Материал представляет интерес для литературоведов-славистов и болгаристов.

Литература

Вичев Д. С поглед отвън: Развойни тенденции и жанрови структури в българската проза. София, 1990.

Мир «кино» в поэтических текстах Ю. Левитанского: деривационно-семантический аспект

Н. Н. Матвеева

Казанский федеральный университет (Республика Татарстан)

Ю. Левитанский, семантическая сфера, индивидуально-авторская картина мира.

Summary. The article deals with issues related to the study of semantic sphere of the “movie” in the poetic texts by Yuri Levitansky. It is spoken in detail the linguistic means by which reveals the conceptual content of the semantic field. Much attention is given to metaphors representing space “movie” in the system of art. It is given to answer the question of what is a “movie” for the author.

Юрий Давидович Левитанский — русский поэт последней трети XX века, которого по праву ставят в один ряд с Иосифом Бродским и Давидом Самойловым. Каждое стихотворение Левитанского — это результат глубоких философских размышлений, это «биение пульса жизни» с ее извечными потерями и обретениями [URL: http://www.leonid_gomberg.ru].

В поэзии Ю. Левитанского можно обозначить круг наиболее значимых для автора тем: это стихи о юности, о человеческих взаимоотношениях, о роли искусства в жизни человека. Тема искусства занимает важное место в поэзии Ю. Левитанского. Предметом нашего исследования стала семантическая сфера «кино», являющаяся идейным центром в системе творчества изучаемого поэта.

Исследованием творчества Ю. Левитанского занимался, в основном, литературовед Л. Гомберг и некоторые другие ученые. Однако в настоящее время его поэтическое наследие изучено недостаточно. Семантическое пространство «кино» в поэзии Левитанского представляет, на наш взгляд, особый интерес с точки зрения лингвокультурологии, что определяет актуальность и новизну нашей работы.

Цель исследования — лингвистический анализ семантической сферы «кино» в творчестве Юрия Левитанского, предполагающий выявление языковых средств, с помощью которых репрезентируется ее содержание.

Существуют различные подходы к анализу определенной семантической сферы в системе художественного творчества. Согласно традиции, в семантической сфере выделяются ядро и периферия [Попова 2007: 179].

Ключевой у Левитанского является лексема *кино* (9 употреблений). Так как слово *кино* многозначно, для определения его значений мы обратились к данным толковых словарей: Д. Н. Ушакова [Ушаков 1995], словаря С. И. Оже-

гова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1992] и словаря Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000]. В результате проведенного анализа мы установили, что слово *кино* объективирует следующие смыслы: 1) род искусства; 2) театр (кинотеатр); 3) фильм.

Ядро понятия «кино» может быть расширено за счет его дериватов. В текстах Левитанского нам встретились следующие: *кинематограф* (6), *киноэкран* (1), *кинофильм* (1): «...Но — и полотно **киноэкрана**, // и — незаживающая рана, // и — неутрачивающая мука // повторенья пройденного круга...» [Левитанский 1970: 64]. Следует отметить, что у Левитанского отсутствуют такие слова, как *кинематография*, *киносеанс*, *кинотеатр*, поскольку они не входят в ценностную картину мира автора.

Наряду со словом *кино* в стихах Левитанского встречаются и его синонимы. Это, прежде всего, лексема *фильм* (4): «...Это было // почти перед самой войной, // мы смотрели немецкий **фильм**...» [Левитанский 1970: 62].

Наибольший интерес для нас представляют метафорические номинации, объективирующие концепт: «жизнь — черно-белое кино», «роль, доставшаяся мне», «дважды роли не играют, только раз играют роль», «монтирует различные куски ликованья и отчаянья, веселья и тоски».

Периферия семантической сферы строится на сочетаемости лексем, входящих в «мир кино», с другими существительными («детства нашего кино», «развитие сюжета»), прилагательными («черно-белое кино», «плохо сыгранная роль») и глаголами («начинается кино», «перед камерой стою»).

На композиционно-синтаксическом уровне можно пронаблюдать, как с помощью намеренного разделения текста на короткие емкие предложения создается несколько перекликающихся сюжетных линий: «Вот начало фильма. // Дождь идет. // Человек по улице идет. // На руке — прозрачный дождевик...». Другими словами, «кинематографические» стихи Левитанского построены по принципу киномонтажа, способного в рамках поэтического текста показать целую жизнь человека.

Ассоциативное поле ключевого слова включает в себя следующие номинации: *театр* 65; *фильм* 34; *экран* 11; *смотреть* 9; *хорошее* 8 и другие лексемы [Караулов и др. 1994]. Если соотнести понятия, входящие в данное ассоциативное поле, и понятия, образующие семантическое пространство «кино» в творчестве Ю. Левитанского, то можно обнаружить их абсолютную противоположность. Две различные картины мира совпадают лишь в таких лексемах, как: *фильм*, *экран*, *зал* и некоторых других. Иными словами, значение лексемы *кино* в поэзии Левитанского интерпретируется очень индивидуально.

Лингвистический анализ семантической сферы «кино» позволил нам сделать вывод о том, что Юрий Левитанский как носитель индивидуально-авторской картины мира вкладывает в содержание понятия «кино» личностные смыслы, не входящие в сферу культурных представлений русского этноса.

Литература

- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
- Иронический человек Юрий Левитанский (штрихи к портрету). Война и мир Юрия Левитанского [http://www.leonid_gomberg.ru (Дата обращения: 5.04.2015)].
- Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I. М.: Помовский и партнёры, 1994.
- Левитанский Ю. Д. Кинематограф. М.: «Советский писатель», 1970.
- Ожегов С. И., Шведова Н. А. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1995.

О некоторых особенностях поэтики прозы Павла Виликовского

А. Г. Машкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Сквозное исследование, постмодернизм, темы, герои, поэтика, интертекстуальность, коллажная композиция, хронологическое устройство текста.

Summary. This report covers the main themes, characters and some specific features of the poetics of the prose written by Pavel Vilikovsky, the leading representative of Slovak postmodernism. Particular attention is paid to his collage composition, diverse types of texts interaction, specifics of space-time organization of his works and other things.

Рубеж XX–XXI вв. — время расцвета постмодернизма в литературе Словакии, когда поэтика постмодернизма становится доминирующей в творчестве писателей, дебютировавших в 1960–70-е гг. (С. Ракус, Я. Йоганидес, П. Голка, Д. Митана, Д. Гевьер), а также тех, кто в то время еще только родился (П. Карпинский, В. Климачек, П. Ранков, П. Криштуфек, В. Балла, В. Панковчин, Д. Тарагел и др.).

Признанным писателем-постмодернистом в словацкой литературе является Павел Виликовский (рожд. 1941), произведения которого пользуются большой популярностью не только в Словакии, но и за ее пределами. Правомерно «вертикальное», сквозное рассмотрение его творчества, включая тематику, мотивы, поэтику. Многие мотивы, сюжетные линии переходят из книги в книгу, вследствие чего, несмотря на появление в них новых героев и повествователей, они воспринимаются как единый гипертекст.

Виликовский затрагивает проблемы, вполне согласующиеся с идеями постмодернизма, с постмодернистским мироощущением (самоидентификация личности, язык и коммуникация, писатель и творческий процесс, соотношение духовного и телесного, потеря Бога в современном обществе, смерть и преступление и др.).

Герои Виликовского — типичные персонажи постмодернистской литературы. Они лишены индивидуальных черт, обезличены. Все они — своего рода маски, что вполне отвечает постмодернистской концепции утраты индивиду-

альности в современном обществе. Подобное обезличивание, стирание всяческих рамок и границ касается не только отдельного человека, но и целых народов, что является способом реализации одной из типично постмодернистских идей: «мир — как хаос».

Раскрытию идеи «мира как хаоса» подчинена присутствующая во многих книгах проблема коммуникации. В мире, где царит хаос, герои разобщены, они не понимают друг друга, не могут ни с кем договориться. Это состояние Виликовский обычно передает как с помощью лексических средств: (инверсии, незаконченные конструкции, эллипсы, многоточия, передающие недоговоренность и т. п.), так и «многоязычия». Одновременно, с точки зрения автора, владение иностранными языками расширяет умственные возможности человека, формирует его мировосприятие. С этим неразрывно связана и проблема способности субъекта высказаться. Так, в повести «Конь на лестнице, слепой во Вrabлях» присутствует типичная для постмодернизма концепция существования власти языка над сознанием человека. В книге «Вечнозелен...» ничего не значащая болтовня, героя становится олицетворением бессцельности существования, что вполне совпадает с постмодернистским представлением о «мире как хаосе». Нередко эта болтовня служит средством разрушения традиционных представлений, снижения канонических образов.

С темой коммуникации связана тема литературы, писателя, творческого процесса, которая присутствует во многих книгах Виликовского. Для этого он часто пользуется маской писателя, литературного критика, журналиста («Конь на лестнице, слепой во Вrabлях», «Жестокый машинист», «Последний конь Помпеи» и др.). Автора интересует как вопрос статуса словесности, так и сам процесс творения текста, который реализуется им в русле одного из основных постулатов постмодернизма — «мир как текст». Иначе говоря, литература, согласно его теории, создает лишь иллюзию жизни, она является своеобразной заменой бытия, ее симулякром.

Излюбленная тема Виликовского — тема противопоставления духовного и телесного начал. С темой души и тела связаны мотивы преступления, смерти, секса («Первая фаза сна», «Конь на лестнице, слепой во Вrabлях», «Пешая история», «Последний конь Помпеи», «Волшебный попугай и другие химеры» и др.). При этом смерть обычно рассматривается как освобождение от тела, от материальной субстанции, что переключается с постмодернистской художественной установкой («Воспитание чувств в марте», «Первая фаза сна», «Конь на лестнице, слепой во Вrabлях» и др.).

Для художественного мира Виликовского характерно децентрирование дискурса, а отсюда — коллажная композиция, призванная передать хаотичность мира. Перед читателем разворачиваются скорее не события, а ощущения от них, их эмоциональное восприятие. Однако при более пристальном прочтении книг становится очевидным глубинная связь между этими ощущениями,

которая формирует сюжет («Конь на лестнице, слепой во Врблях», «Мимолетный снег»).

Активно использует автор различные типы взаимодействия текстов. Ведя с читателем игру и провоцируя его на домысливание, он разрушает устоявшиеся сюжеты и образы. При этом смыслом игры нередко является демифологизация действительности или разрушение сложившихся историко-культурных клише об известных фигурах или сюжетах, которые пародируются при помощи использования метода гипертекстуальности («Конь на лестнице, слепой во Врблях» и др.).

Хаотичность, неупорядоченность мира раскрывается автором с помощью смешения жанровых форм, что позволяет говорить об использовании автором модели архитектурности. Законы жанра, как правило, не соблюдаются, семантика формы разрушается, а порой и просто пародируется. В итоге интимно-лирический жанр письма обретает характер официальных политических лозунгов, фраз и противоречит изначальному назначению жанра («Словацкий Казанова»), детектив превращается в повод для психологического эксперимента, исследования мотивации совершения преступления, для изучения мотивации зла и агрессивного поведения человека («Пешая история», рассказ «Общий взгляд на Марию Б.») и т. п. Включение в произведение различных стилизованных дискурсов (газетные статьи, письма, путевые заметки, всякого рода инструкции, выдержки из художественных произведений и т. п.) позволяет определить книги Виликовского как вариант постмодернистского пастиша. Взяв на вооружение модель паратекстуальности, которая проясняет отношение текста произведения к заглавию, эпиграфу, автор намеренно неправильно цитирует известные произведения, отсылает к литературным аллюзиям («Повесть о настоящем человеке»).

Отсутствие целостной картины жизни, диффузность бытия писатель передает с помощью особой пространственно-временной организации произведений. В частности, важным моментом хронотопического устройства текстов является доминирующее положение настоящего в нем, то есть момент говорения, относительно которого расположены все события. При этом остальные временные пласты могут смешиваться, накладываться друг на друга. Подобные приемы позволяют расширить временные и пространственные рамки произведений («Вечнозелен...», «Мимолетный снег»).

В произведениях 2000-х годов Виликовский продолжает экспериментировать с постмодернизмом. Многие мотивы и приемы художественного изображения, характерные для его произведений предыдущего периода, получают в них свое дальнейшее развитие; от некоторых он отказывается. Все более отчетливо в поэтике проступают черты постреализма, которые порой перекрывают постмодернистскую поэтику («Автобиография зла», «Первая и последняя любовь», «Повесть о настоящем человеке»).

Литература

- Vilikovský P.* Citová výchova v marci. Bratislava. 1965
Vilikovský P. Prvá veta spánku. Bratislava. 1983
Vilikovský P. Kôň ma poschodí, slepec vo Vrábľoch. Bratislava. 1989
Vilikovský P. Večne je yelený. Bratislava. 1989
Vilikovský P. Slovenský Casanova. Bratislava. 1991
Vilikovský P. Peší príbeh. Bratislava. 1992
Vilikovský P. Krutý strojvodca. Bratislava. 1996
Vilikovský P. Posledný kôň Pompejí. Bratislava. 2001
Vilikovský P. Čarovný papagáj a iné gýče. Bratislava. 2005
Vilikovský P. Vlastný životopis. Bratislava. 2009
Vilikovský P. Prvá a posledná láska. Bratislava. 2010
Vilikovský P. Letmý sneh. Bratislava. 2014
Vilikovský P. Príbeh ozajského človeka. Bratislava. 2014

**Мотив странствия в романах Драго Янчара
 «Галерник», «Северное сияние» и «Звон в голове»**

А. С. Моругина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Современная словенская проза, экзистенциальная философия, мотив странствия.

Summary. This work is dedicated to the study of the motif of wandering in the novels of the Slovenian writer D. Jančar *Galiot*, *Northern Lights* and *Ringing in the Head* and their literary role in the composition of these novels, particularly in their imagery and problems.

Прозаик, эссеист и драматург Драго Янчар (р. 1948) является одним из ведущих современных словенских авторов, его произведения переведены на многие иностранные языки. Центральное место в его творчестве занимает философская проблематика в ее экзистенциальном аспекте. Одним из устойчивых элементов поэтики писателя является мотив странствия. В докладе на материале трех романов «Галерник» (1978), «Северное сияние» (1984) и «Звон в голове» (1998) анализируется значение этого мотива в прозе Янчара.

В основе романа «Галерник» лежит тема столкновения личности и эпохи, человека и власти. Форма экзистенциального романа-путешествия свидетельствует о том, что основное внимание автор уделяет духовной эволюции героя, находящегося в зависимости от исторических обстоятельств, преследуемого «Колесом Фортуны». Герой романа Йохан От, уроженец немецкого княжества Нейсе, вынужден спасаться бегством от преследований инквизиции. Этапы его странствия имеют четко обозначенные границы, при этом ни один из предыдущих не взаимодействует с последующим, а сам процесс напоминает перемещение вниз по социальной лестнице: от жизни богатого ремесленника к рабству на галере. Важность социальной иерархии отражена уже в заглавии романа: галерник — это последний уровень социального падения героя и одновременно высшая точка духовного освобождения, когда внутренняя свобода оказывается для него выше свободы физической.

Во многом схож с Отом странствующий герой-одиночка коммивояжер Йозеф Эрдман («Северное сияние»), первого января 1938 г. прибывший в свой родной город Марибор. Понимая, что мир стоит на пороге катастрофы, он пытается убежать от враждебной реальности, отправившись в путешествие по закоулкам собственной памяти, воскрешая места детства в поисках потерянного дома, а в конечном итоге — самого себя. Трагическая любовная история (герой влюбляется в замужнюю красавицу Маргариту) стремительно развивается на фоне исторических событий: в городе проходят манифестации, парады, небо над Европой озаряет кроваво-красное северное сияние, которое становится для Эрдмана последним шагом на пути к безумию.

В романе «Звон в голове», так же, как и в «Северном сиянии», странствие главного героя обращено во временной план прошлого, что во многом обуславливает дневниковую, исповедальную форму произведения. Отбывая наказание в югославской тюрьме за ограбление почты, главный герой романа Кебер в августе 1971 г. устраивает бунт, в ходе которого заключенным удается захватить здание тюрьмы. Военный наемник, радист на судне, Кебер большую часть жизни странствовал по миру. Такой образ жизни приводит к тому, что герой не может с уверенностью сказать, где же его настоящая родина. Повествовательным центром романа являются наиболее значимые для героя воспоминания (военная кампания во Вьетнаме, пребывание в Одессе, жизнь с возлюбленной и совместное путешествие в Израиль). Нахождение странствующего героя в тюрьме становится отражением его внутреннего кризиса, следствием неудавшихся поисков моральных ориентиров в реальном мире. Однако именно в тюрьме герой приходит к выводу, что постоянно сопровождающий его «звон» в голове — это, по сути, призыв к действию, толчок к осознанию собственной свободы, а, значит, и ответственности за нее.

В рассматриваемых романах мотив странствия тесно связан с раскрытием образа главного героя и экзистенциальной проблематикой. Главным героем романов Янчара является типичный для философии экзистенциализма герой-аутсайдер, одиночка. Странствие для него — не только попытка уйти от враждебного окружающего мира, но и способ определить нравственные ориентиры, найти свой жизненный путь. Этапы путешествия отражают внутреннее развитие (как эволюцию, так и инволюцию) героя, а конец пути связан с достижением иного понимания свободы, которое обретается в парадоксальной ситуации физической несвободы (на галере, в психиатрической клинике, в тюрьме). Это соответствует экзистенциальному представлению о подлинной свободе, сугубо внутренней, не зависящей от внешних факторов. Мотив путешествия у Янчара всегда присутствует в оппозиции замкнутому пространству. Странствие реальное является в его романах неподлинным способом бытия, тогда как путешествие героев вглубь самих себя, — возможный путь к обретению внутренней свободы.

Литература

- Коссак Е. Экзистенциализм в философии и литературе. М., 1980.
- Словенская литература XX века. М.: «Индрик», 2014.
- Старикова Н. Н. Философские мотивы в историческом романе Словении XX в. // *Slavistična revija*. Ljubljana. 2007. № 1. S. 619–626.
- Benhart F. Galjot in tisti drugi. Temne strani življenja // *Naši razgledi*. Ljubljana, 11.8.1989. Št. 15. S. 458.
- Bogataj M. Zgodovina ljubi variacije: Drago Jančar: Zvenenje v glavi // *Literatura*. Ljubljana, 1998. Št. 83 / 84. S. 209–212.
- Glušič H. Jančarjev roman *Galjot* // XX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj. Ljubljana, 1984. S. 179–185.
- Inkret A. Tujci, disidenti in blodniki. Drago Jančar. *Galjot*. Ljubljana, 1984. S. 440–441.
- Osti J. Zgodba o temi v človeku in povsod okoli njega (ob romanu Draga Jančarja *Severni sij*) // *Sodobnost*. Ljubljana, 2001. Št. 9. S. 1166–1172.
- Peršak T. Drago Jančar, *Severni sij* // *Sodobnost* Ljubljana, 1985. Let. 33. Št. 11. S. 1102–1109.
- Žižek A. Kronotop poti v romanih *Galjot*, *Posmehljivo poželenje ter Katarina*, *pav in jezuit* Draga Jančarja. Diplomsko delo. Ljubljana, 2002.
- Zupan Sosič A. *Zavetje zgodbe*. Sodobni slovenski roman ob koncu stoletja. Ljubljana. 2003.

Тексты

- Янчар Д. Галерник // Ненадич Д., Янчар Д., Куленович С. Доротей. Галерник. Подземная река. М., Радуга, 1982.
- Янчар Д. Северное сияние. М., Радуга, 1990.
- Jančar D. *Galjot*. Ljubljana, 2004.
- Jančar D. *Severni sij*. Murska Sobota, 1984.
- Jančar D. *Zvenenje v glavi*. Ljubljana, 1998.

**Темы и мотивы в семейном цикле стихов о «Гасанагинице»
в сербском языке (лингвокультурологический аспект)**

Видан Николич

Университет в Крагуевац, Учительский факультет в Ужице (Сербия)

*Баллада Гасанагиница, семейный цикл стихов о Гасанагинице, гомеровский вопрос,
сербский язык*

Summary. The paper discusses the themes and motifs in the cycle of family poems about Hasanaginica, heroine of the ballad *The Mourning Song of the Noble Hasanaginica*, which has been recorded by the Italian Alberto Fortis (1774) in his travel diary *Across Dalmatia*. The corpus of this work is made from less famous lyric and epic poems about Hasanaginica and Hasanaga, which have been preserved in manuscripts in the archives and in the lesser known collections of poems collected in the southern Slavic soil.

В настоящей работе речь идет о темах и мотивах в семейном цикле стихов о Гасанагинице, героине баллады *Печальная песня о благородной Гасанагинице*, которую записал итальянец Альберто Фортис (1774 года) в своих записках путешественника *Путешествие по Далмации*, на которые большое внимание обратил знаменитый немецкий романтик И. В. Гете. Популярность этой баллады позднее позволила Вуку Стефановичу Караджичу показать ученой Европе ценность народной поэзии в процессе реформы сербского литературного языка.

В тени баллады *Печальная песня о благородной Гасанагинице*, одного из самого переводимого произведения в мировой литературе, остались забытыми лирические и эпические стихи о Гасанагинице и Гасанаге, сохранившиеся в архивах и в менее известных сборниках стихов, собранных на южнославянской территории.

В связи с тем, что *Печальная песня о благородной Гасанагинице* исследована со всех аспектов, была создана своего рода «гасанагинициология» с объемной библиографией, переводами и поиском возможных вариантов песни и ее подлинника. Также, на мотивах этой баллады, были созданы авторские пьесы (Алекса Шантич, Милан Огризович, Любомир Симович и др.). Если бы внимательно и систематически были собраны все лирические и эпические стихи из семейного цикла стихов о Гасанагинице и Гасанаге, которые сохранились в архивах и менее известных сборниках стихов народной поэзии, то в одном целом можно собрать народную эпопею.

К темам и мотивам из семейного цикла стихов о Гасанагинице относится широкий спектр о сватовстве, женитьбе, маскировке невесты в мужской одежде для того, чтобы дойти до своего избранника, Гасанагиницы как невесты, Гасанагиницы как матери, судьбе Меримы, дочери Гасанагиницы (в варианте баллады *Смерть Омера и Меримы*).

В сербской литературе были попытки создания народной эпопеи о некоторых больших событиях (например, Косово), которые в основном были неудачными, но в народной эпосе Гасанагиницида можно приблизиться к решению вопроса о том, как Гомеру удалось в греческой литературе создать из частей большие поэмы (*Илиада* и *Одиссея*). Некоторые иностранные исследователи (особенно большого успеха в этом достигли американские ученые Альбер Лорд и Мильман Пари в первой половине 20 века) попытались на южнославянской территории, где эпический период еще не был закончен, поставить задачи народным певцам создать из частей известных эпических стихов новые более широкие версии, показать, как можно решить **гомеровский вопрос**. Таким способом из эпических стихов о гайдуке Костреш арамбаше (о котором, как о своем эпическом герое пели и христиане, и мусульмане) была создана поэма «Костреш арамбаша» гусларом Авдо Меджедовичем из Санджака в западной Сербии. Однако никто не решился создать такое произведение из семейного цикла о Гасанагинице. По всей вероятности, одной из причин того, что большое внимание не было уделено другим стихам о Гасанагинице и Гасанаге является то, что известная баллада просто содержала всю семейную драму всего лишь в 93 стихах. И второе, женщина в исламе, особенно на окраине Турецкого царства средних веков, не могла проявлять какой-нибудь своей внешней общественной жизни, в которой могли происходить другие драмы.

При внимательном прочтении стихов из семейного цикла можно получить ответы на некоторые вопросы об этой комплексной личности: была ли

Гасанагиница грамотной; было ли у Гасанаги желание привести другую жену рядом с Гасанагиницей и т. п.

Литература

- Хасанагиница // Караџић Вук Стеф. Српске народне пјесме. Књига III. Београд, 1894 (према издању 1846, приредио Љуб. Стојановић). С. 513–519.
Canone dolente dela nobile sposa d' Asan aga // Fortis Albeto. Viaggio in Dalmazia. I. Venezia, 1774. P. 99–105.
Hasanaginica 1774–1974 / Priredio Alija Isaković. Sarajevo: Svjetlost, 1975.

Творчество С. Довлатова в американском научно-критическом дискурсе (вторая половина 1990-х гг.)

Ю. П. Прядко

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

Личность и творчество С. Довлатова, рецепция, американское литературоведение, статья, монография, диссертация

Summary. This article analyzes the reception of S. Dovlatov's personality and oeuvre by American specialists in literature of the second half of the 1990s. The author affirms that the importance of critical works he studies is undoubtful because they revealed a wide range of S. Dovlatov's subject matters.

Актуальность исследования определена отсутствием в современном литературоведении комплексного анализа научной и критической рецепции творчества С. Довлатова американским литературоведением. Несмотря на тот факт, что литературное наследие писателя стало предметом многих аналитических работ не только российских, украинских, но и американских, британских, итальянских, канадских ученых, многие аспекты прозы С. Довлатова, например, исследование специфики его рецепции американскими литературоведами, остались нераскрытыми.

Первой серьезной научной работой о С. Довлатове и его творчестве стала книга “Contemporary Russian Satire” [Ryan-Hayes 1995] заслуженного профессора кафедры славянских языков и литературы университета Виржиния (США) К. Л. Риан-Хэйс, опубликованная в 1995 году. В контексте русской и европейской литературных традиций американская ученая детально исследует сатирические тексты пяти писателей-эмигрантов “третьей волны”: В. Войновича, С. Довлатова, В. Ерофеева, Ф. Искандера и Э. Лимонова. Книга состоит из пяти глав, в одной из которых — “The family chronicle revisited: Dovlatov's Ours” — ученая, раскрывая историю развития популярного жанра семейной хроники в русской литературе XVIII–XX веков (С. Аксаков, Н. Лесков, И. Рукавишников, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, И. Бунин и др.), последовательно доказывает, что повесть С. Довлатова «Наши» является пародией на данный жанр.

Образ имплицитного автора в произведениях С. Довлатова стал предметом исследования А. Прохорова (статья “The Case for The Implied Author in the Works of Sergei Dovlatov”) [Prokhorov 1997]. Автор анализирует прозу писателя-эмигранта, используя основные постулаты постмодернизма. Рассматривая вопрос о довлатовском имплицитном авторе, А. Прохоров опирается на теорию российского литературоведа М. Липовецкого, описывающего постмодернистское мировоззрение как хаос, “with which many contemporary Russian writers, among them Sergei Dovlatov, attempt in their texts to establish a dialogue” — «с которым многие современные русские писатели, среди которых и Сергей Довлатов, пытаются в своих текстах построить диалог» [Prokhorov 1997: 75].

Американский профессор Д. Гелловэй в диссертации “The Prison Camp Theme in Russian Literature as Reworked by L. Razgon and S. Dovlatov” (1999) [Galloway 1999], рассматривая эволюцию «лагерной» темы в русской литературе, выбирает в качестве объекта исследования произведения Л. Разгона и С. Довлатова и утверждает, что довлатовская «Зона» представляет собой альтернативу уже существующей традиции «каторжной» литературы, так как состоит из рассказов, объединенных письмами писателя к издателю. Эта отличительная особенность позволила исследователю рассматривать повесть как метатекст: именно переписка делает «Зону» метатекстом, иллюстрирующим вовлеченность русского прозаика в дискурс «каторжной» прозы.

Проблеме трансформации «лагерной» темы в творчестве С. Довлатова посвящена диссертация американской исследовательницы М. Бурлацкой — “Soviet Prison-Camp Literature: The Structure of Confinement” [Bourlatskaya 1999]. Автор называет главной инновацией С. Довлатова изображение трагической стороны «лагерной» жизни, а не будней. Довлатовский литературный метод, по утверждению М. Бурлацкой, берет свое начало в «лагерной» эстетике, при этом прозаик дистанцирует себя от реальности, о которой пишет, устраняет разницу между жертвами и палачами, лагерем и остальным миром, и первым среди писателей, разрабатывающих данную тему, привносит в «каторжную» литературу юмор как структуроорганизующий компонент произведения.

Во второй половине 90-х годов XX в. имя С. Довлатова появляется и в изданиях словарно-энциклопедического характера: “Cyclopedia of World Authors II” (Ed. by Frank N. Magill. Vol.2. Salem Press, 1997), “Reference Guide to Russian Literature” (Ed. by Neil Cornwell. Fitzroy Dearborn, 1998), “Encyclopedia of World Literature in the 20th Century: A–D” (Ed. by Stevan R. Serafin. St. James Press, 1999) и др.

Таким образом, в рецепции личности и творчества С. Довлатова американским литературоведением во второй половине 90-х годов XX в. наблюдается определенная динамика: появляется ряд научных статей, диссертаций и монография, отличающиеся глубиной исследования прозы российского писателя и его творческой манеры. Несмотря на свою немногочисленность, данные ра-

боты могут существенно пополнить современное довлатоведение. Ценность данных исследований, на наш взгляд, заключается в определении новаторства писателя в жанре «каторжной» прозы (М. Бурлацкая); определении повести «Зона. Записки надзирателя» как метатекста (Д. Гелловэй), что позволило ввести С. Довлатова в постмодернистский контекст; изучении довлатовского имплицитного автора (А. Прохоров, К. Л. Риан-Хэйс); рассмотрении довлатовского нарратива, особенностей сатиры и юмора писателя (Дж. Глэд, К. Л. Риан-Хэйс).

Литература

- Bourlatskaya M.* Soviet Prison-Camp literature: The Structure of Confinement: Ph. D. Dissertation. University of Pennsylvania, 1999.
- Galloway David James.* The prison camp theme in Russian literature as reworked by Lev Razgon and Sergei Dovlatov: Ph. D. Dissertation. Cornell University, 1999.
- Prokhorov A.* The Case for the Implied Author in the Works of Sergei Dovlatov // Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures. Vol. 10. 1997. P. 75–80.
- Ryan-Hayes Karen L.* Contemporary Russian Satire. Cambridge University Press, 1995.

Актуальные проблемы изучения русской литературы в Китае (на примере творчества И. С. Тургенева)

Сай На

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия) / Китай

*Литературные взаимосвязи, русская литература, китайская литература,
традиции И. С. Тургенева*

Summary. The history of translating Russian literature into Chinese is closely connected with the creative process of modern Chinese literature and has had a big influence on him. Till our days in China the most popular Russian writer is I. Turgenev. I. Turgenev's oeuvre influenced the classics of Chinese literature, so entitled to talk about Turgenev's tradition in their writings.

Развитие китайской современной литературы тесно связано с русской литературой. «Движение 4 мая» 1919 г. в Китае было культурным движением, цель которого — отход от китайских феодальных культурных традиций и усвоение западной демократической идеологии. В основе этого заимствования — идеи французских просветителей, теория немецкого марксизма и русская литература. Китайская «новая литература» зародилась во время «Движения 4 мая» (поэтому оно еще называется «движением новой культуры» или «движением новой литературы»), и ее развитие тесно связано со становлением искусства перевода русской литературы на китайский язык. Основоположники новой китайской литературы выступили и в качестве переводчиков русской литературы. Первопроходцем в этом процессе был Лу Синь (1881–1936, наст. имя Чжоу Шужэня). Он бы первым распространителем русской литературы как переводчик, и как исследователь. Он перевел произведения Гоголя, Чехова, Горького и др. Мао Дунь, ставший позже министром культуры Китая и председателем Союза китайских писателей, еще в 1920-е гг. перевел рассказы Льва Толстого, Чехова, Горького и др. В это время он был главным редактором

шанхайского ежемесячника «Сяошо юебао» («Проза»), где было опубликовано много переводов произведений русской литературы. В 1940-е гг. Мао Дунь продолжил свою переводческую работу, но теперь он переводил преимущественно советских писателей: «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Сын полка» В. Катаева и др. В эти же годы вслед за переводами русской литературы в Китае появились и книги по истории русской литературы и о русских писателях. Хотя эта работа была лишена систематичности и всесторонности, она заложила основу для дальнейшего изучения.

Имя Тургенева в Китае было известно еще до студенческой демонстрации 4 мая 1919 г. Он был упомянут в книге «История России», опубликованной издательством Хуан Чзи в 1903 г. Там кратко описывался стиль прозы Тургенева. По мере развития нового культурного движения в Китае его романы неоднократно переводились на китайский язык. Тогда же китайские ученые начали сравнительное изучение образа мыслей общества, насущных вопросов, персонажей и художественных методов русской и китайской литературы. После создания КНР в изданиях Тургенева появилась новая тенденция: стали публиковать избранные произведения Тургенева. Так, в 1983 г. Чжан Ю Сон перевел и издал сборник «Избранные повести и рассказы Тургенева». И сегодня творчество Тургенева представляет большой интерес для китайских ученых.

На первом этапе большинство исследований и оценок давалось во введениях к переводам, а специальных работ было очень мало — всего две. Первая из них — это статья «Тургенев», написанная Ху Юй в 1920 г. Ее автор подробно рассказывает о творчестве Тургенева и сопоставляет его с Л. Толстым, чтобы подчеркнуть, что Тургенев — «гениальный художник». Вторая специальная работа — это статья «Исследование о “Записках охотника”», в которой говорится о общественном значении произведения и его художественной ценности. С 90-х годов XX в. количество специальных статей о Тургеневе неуклонно увеличивается: в 90-х писалось около 30–40 статей в год, а в начале XXI века — до 130 статей в год. Это доказывает, что исследование Тургенева очень актуально в наши дни для китайских литературоведов. Ученые пишут о любви тургеневских героев, анализируют их психологию.

Влияние творчества И. С. Тургенева на китайских писателей — факт общеизвестный. Китайские писатели по-разному воспринимали эстетический пафос его произведений. «Отец современной китайской литературы» Лу Синь видел в тургеневских творениях «добрую душу, горечь, агонию угнетенных». В произведениях Тургенева Лу Синь нашел идейноблизкую себетеку: невежество, индифферентность массы-народа и трагическую судьбу первых революционеров. Го Можо (1892–1978) больше привлекали такие тургеневские традиции, как создание образа «лишнего человека», повествование от первого лица, искренность, простота и чистота слога, тема любви матери, дружбы и сознание смерти и жизни. Тургенев был литературным учителем и для Юй Дафу (1896–

1945), что чувствуется, например, в его лирическом стиле, отборе персонажей, композиции, эстетике и т. д. Но среди китайских писателей наиболее всесторонне воспринимает творчество Тургенева Ба Цзинь (1904–2005). Ба Цзинь единственный из основоположников современной китайской литературы, кто дожил до XXI века. Он переводил немало русских писателей, в том числе Гречена, Гоголя, Горького. В 1959 г. Ба Цзинь и его жена вместе издали «Избранные повести и рассказы Тургенева». В осмыслении жизни, в выборе темы, в использовании художественных приемов обнаруживается много сходного между этими двумя писателями. Не зря одна из первых русских исследовательниц творчества Ба Цзиня Л. А. Никольская называет его «китайским Тургеневым».

Литература

Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // НЛО. 2004. № 69.

Никольская Л. А. Ба Цзинь. М., 1976.

Третьяков В. Русская литература в Китае // НЛО. 2011. № 110.

屠格涅夫与中国, 孙乃修, 上海, 1988 [Тургенев в Китае / Под. ред. Сунь Найсюй. Шанхай, 1988.]

Барнаул в творческой рефлексии Ф. М. Достоевского

Е. Ю. Сафронова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Ф. М. Достоевский, сибирская ссылка, творческая рефлексия, Барнаул.

Summary. The report considers the position of the city of Barnaul as a special topos in the F. M. Dostoevsky's works.

Традиционно имя Достоевского связывается с Санкт-Петербургом, хотя этапами его биографии волею судьбы оказались и небольшие сибирские города, среди которых Барнаулу принадлежит особое место. В апреле 1849 г. в числе других участников кружка М. В. Буташевича-Петрашевского Ф. М. Достоевский был арестован, заключен в Петропавловскую крепость. 22 декабря 1849 г. после инсценировки подготовки к смертной казни через повешение на Семеновском плаце Николай I «смягчил» приговор: писателя ожидали четыре года каторги в Омском остроге и пять лет солдатчины в Семипалатинске. Только в 1859 году, будучи прапорщиком, писатель получил отставку и смог вернуться в европейскую Россию.

Несмотря на утверждение В. Я. Кирпотина о том, что «в сибирском периоде биографии Достоевского таятся ключи для объяснения многих особенностей его дальнейшего развития и творчества с их разительными противоречиями» [Кирпотин 1959: 211], тема «Достоевский и Сибирь» остается недостаточно разработанной.

Место Барнаула в творческом наследии классика ранее не изучалось, сама постановка вопроса казалась дискуссионной. Выявление связей Достоевского с Барнаулом движет не праздное любопытство, поскольку «даже самые незна-

чительные связи писателя с провинцией имеют выход к художественному произведению и пониманию творческой индивидуальности художника слова» [Кузнецова 2008: 4]. «Мелкая подробность, вновь открытый факт иногда по-новому позволяют взглянуть на писателя, а порой пролить дополнительный свет на его произведения» [Маркин 1985: 92].

Барнаул в середине XIX века был признанной столицей горного дела Сибири, самым культурным и просвещенным городом региона, в котором был театр, хор, картинная галерея. Именно поэтому Достоевский шестикратно обращался к прокурору округа барону А. Е. Врангелю с просьбой о переводе в статскую службу в Барнаул. Настойчивые и многократные просьбы похлопотать о переезде в Барнаул объясняются тем, что, во-первых, через Барнаул лежал путь в Кузнецк, где жила возлюбленная, а затем первая жена, Мария Дмитриевна Исаева; во-вторых, Барнаул в отличие от Семипалатинска имел славу интеллигентного города, «Сибирских Афин».

Автор «Бедных людей» бывал в Барнауле проездом трижды (если учитывать остановки туда и обратно, но можно говорить о шести посещениях): в июне 1856 г., в ноябре 1856 г. и в конце января-начале февраля 1857 г. по пути в Кузнецк и обратно. В эпистолярном наследии русского классика Барнаул занимает значимое место. В письмах он упоминается 45 раз, хотя Достоевский провел в городе в сумме не более полумесяца.

Первым сибирским произведением писателя, созданным им в ссылке, была комедия «Дядюшкин сон», вполне возможно, предназначавшаяся именно для барнаульской сцены. Мотив создания благотворительского театра, сборы от представлений которого пойдут на помощь раненым, отсылает к Крымской войне, тем самым обеспечивая точную временную привязку текста между 1854 и 1856 гг., как отмечается в комментариях к Полному собранию сочинений¹ (2; 516). Жители Мордасова, без приглашения «нагрянувшие» вечером в дом Москалевой, объясняют свой внезапный приход необходимостью обсуждения театральных дел: «ведь надобно же, непременно надобно когда-нибудь кончить все наши сборы с этим театром» (2; 369). На наш взгляд, временную границу создания повести можно еще сузить — это 1856 г., когда Достоевский посещает Барнаул и вынашивает планы переезда в город.

Во второй приезд писателя в Барнаул в ноябре 1856 г. во время обеда у начальника горных заводов А. Р. Гернгросса с Достоевским произошел казус. «За столом я сделал маленькую неловкость: сын их, мальчик лет 8, мне очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возразила, что нет сходства. Я начал подробно разбирать это сходство. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом!»

¹ Здесь и далее текст произведений и писем цитируется по изданию: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 с указанием тома, полутома и страницы в круглых скобках.

(28–1; 252), — делился автор «Дядюшкина сна» с другом А. Е. Врангелем в письме от 21 декабря 1856 г. Воспоминание об этом «комплименте» «чадолюбивой» Екатерине Иосифовне, которой не нравилось лицо родного сына, позволяют предполагать, что в образе города Мордасова из повести «Дядюшкин сон» отразились впечатления о Барнауле.

В повести упоминается «здешняя скверная речонка с неприличным названием» (2; 324). Под этим перифразом Достоевский утаил реку Барнаулку, которая ранее называлась просто Барнаул. Именно эта речка (в переводе — «волчья река») и дала название городу. Барнаулка — правый приток Оби, расположена рядом с Сенной площадью, где останавливался ссыльный писатель во второй и третий приезд в город. Заметим, что номинация «волчья река» ассоциативно связывается с поговоркой «волки в овечьей шкуре» и может быть адресована жителям Мордасова, под «гостеприимством» которых кроется желание «облапошить» женитьбой, в конечном счете, обобрать князя.

В письме А. Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г. Достоевский как бы мимоходом делает следующее наблюдение: «со многими познакомился; *хлопотливый* город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов!¹» (28–1; 252). Удивительно, что в повести «Дядюшкин сон» видим дословную, но более развернутую характеристику Мордасова. Матримониальные хлопоты являются сюжетобразующими: «Марья Александровна погрузилась в свои размышления. Нечего сказать: они были *хлопотливы* (334; курсив наш. — Е. С.). Описывая «первую даму города» Достоевский говорит о ее умении «себя держать так, что, глядя на нее, в голову не придет, чтоб эта сановитая дама была первая сплетница в мире или по крайней мере в Мордасове» (2; 296). Виртуоз интриги Марья Александровна сравнивается даже не с Талейраном, а с самим Наполеоном. В противоположность французскому императору провинциальная «львица» всегда останется «первой дамой», поскольку у нее никогда «не закружится голова от собственной высоты» и она не вспомнит «свое настоящее место» (2; 297).

Тема Талейрана будет продолжена в повести «Село Степанчиково и его обитатели», а также в романе «Идиот», где Талейраном назван мелкий чиновник Лебедев. Он, однако, является пружиной главных событий произведения: продает Настасью Филипповну Рогожину (8; 166), искушает деньгами генерала Иволгина, сообщает факты для пасквиля на князя Мышкина Бурдовскому, наконец, поселяя Мышкина у себя на даче, управляет его контактами. Шутовское поведение Лебедева — только маска кукловода, подлинного режиссера событий. На наш взгляд, образ Лебедева мог иметь барнаульский прототип. Таким образом, даже кратковременное посещение Достоевским Барнаула оставило в памяти яркий след и нашло отражение в творчестве.

¹ Шарль Морис де Талейран — французский политик и дипломат, чье имя стало нарицательным и используется для обозначения хитрости, ловкости и беспринципности.

Литература

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Кирпотин В. В. В Сибири, по местам Достоевского // Октябрь. 4 кн. Апрель 1959. С. 208–223.

Кузнецова Е. Г. Ф. М. Достоевский и Казань (писатель и культура русской провинции второй половины XIX — начала XX в.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2008.

Маркин П. Ф. Достоевский в Барнауле (факты и домыслы) // Алтай. 1985. № 3. С. 92–96.

**Современный словенский роман
как отражение социокультурных трансформаций***

Н. Н. Старикова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Словенская литература, словенский роман, социокультурный контекст,
гендерный аспект.*

Summary. The novel is the leading genre of contemporary Slovenian literature. After declaration of Slovenia independence (1991), it was able to adapt successfully to new social conditions and socio-cultural context. It was supported by a number of factors: update of subjects, the gender component of the literary process, eclecticism of poetics, genre syncretism.

Обретению государственной самостоятельности словенцев предшествовал почти тысячелетний путь, на протяжении которого языку и литературе как главным средствам конституирования национального самосознания придавалось особое значение. После провозглашения независимости в Словении сложилась парадоксальная ситуация: новоиспеченное государство перестало рассматривать художественную печатную продукцию как инструмент национальной самоидентификации и переадресовало эту обязанность частному издателю. Политические и экономические трансформации запустили механизм саморегуляции национальной литературной системы, движимой необходимостью приспособиться к новым условиям, «встроиться» в глобализованную западную культуру, что способствовало возникновению в стране новой литературной ситуации, развивающейся по законам рынка. Утверждение в общественной жизни принципа плюрализма привело к сосуществованию в словенском культурном пространстве множества эстетических систем. В результате для современной литературной практики Словении характерен небывалый эклектизм, в ней сочетаются самые разнообразные поэтики и дискурсы. В 2000-е гг. произошло существенное перераспределение жанровых сил: на первое место вновь, как в 1980-е гг., вышел роман, потеснив традиционного лидера национальной словесности — поэзию. Число опубликованных в первое десятилетие XXI в. романов приближается к тысяче. Кроме ощутимых количественных из-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 15-04-00161а.

менений, принципиальное значение имеют качественные: введение в литературный обиход новой тематики. Прежде всего, это попытка осмысления эпохи Тито и последствий распада его империи, сделанная М. Маццини и Г. Войновичем в романах «Король грохочущих духов» (2001), «Вычеркнутая» (2014) и «Чефуры вон!» (2008) и «Югославия, моя страна» (2011). По-новому предстает в произведениях 2010-х гг. Вторая мировая война: романы Д. Янчара «Этой ночью я ее видел» (2011) и М. Кресе «Я боюсь» (2012). Авторами больше не замалчиваются такие болезненные страницы национальной истории, как идейный раскол словенского общества в период фашистской оккупации, повлекший за собой гражданскую войну, военные столкновения добровольческих вооруженных подразделений с партизанами и частями ЮНА, расправа новой власти над пленными словенскими солдатами, воевавшими на стороне противников. На авансцену возвращается и актуальная политическая тематика, о чем свидетельствует роман А. Скубица «Только приди домой», посвященный коррупции, политехнологиям, олигархическим властным структурам, который был признан лучшим национальным романом 2015 г.

Еще одним зеркалом общественных трансформаций является гендерный состав словенских литераторов — доля авторов-женщин составляет уже почти сорок процентов. Количество романов, написанных ими за последнее десятилетие, увеличилось в разы и, перестав быть набором отдельных произведений, превратилось в феномен культуры. Н. Пирьевец, Б. Швигель-Мера, К. Маринчич, Н. Кокель, М. Новак, С. Тратник, М. Кумердей, В. Симонити, Н. Крамбергер и др. интересно и результативно экспериментируют, внедряя в художественную практику гибридные жанровые разновидности: «женскую» антиутопию, семейную хронику с элементами постмодернистского романа, автобиографию, соединенную с семейной сагой.

В целом можно констатировать, что современный словенский роман успешно адаптируется к новым социокультурным условиям, продолжая быть востребованным и читателями и писателями.

Литература

- Старикова Н. Н. Проблема «женского письма» в современной словенской литературе и критике // «Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (серия «Современные литературы ЦЮВЕ»). М.: ИСл РАН, 2013. С. 95–111.
- Старикова Н. Н. По следам «Югославской Атлантиды». Эпоха СФРЮ и последствия ее распада в словенском романе начала XXI в. // Художественный ландшафт «нулевых». Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI века (серия «Современные литературы ЦЮВЕ»). М.: ИСл РАН, 2014. С. 208–235.
- Čander M. Kuvertirana poteza. Ljubljana, 2008.
- Obdobja 21. Slovenski roman. Ljubljana, 2003.
- Obdobja 29. Sodobna slovenska književnost 1980–2010. Ljubljana, 2010.
- Zupan Sosič A. Na pomolu sodobnosti ali o književnosti in romanu. Maribor, 2011.

Мученический трагизм и поэтика контраста в повести Ю. Кавальца «На солнце»

О. В. Цыбенко

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Польская литература, поэтика контраста, деревня и город.

Summary. The poetics of contrast in the novel "In the Sun" by J. Kawalec helps to present vividly one of the variants of the tragic fate of the man who becomes the martyr and victim of history. The poetics of contrast transfers the concrete social problems and conflicts in the novel onto the plane of philosophical and psychological ones.

«Мученический трагизм более, чем когда-либо ранее, укоренился в реальности истекшего столетия, когда великому множеству людей довелось существовать в условиях поистине нечеловеческих, утрачивая при этом и физические силы, и духовную энергию» [Хализев 2004: 83], — отмечает современный исследователь. Бессмысленное мученичество, трагедия «безвинной» вины, изображенные во многих повестях Ю. Кавальца, сближает их с другими произведениями литературы XX в., в которых жертвы истории даны с сочувственным вниманием и состраданием.

Один из вариантов мученического трагизма раскрывается в повести Кавальца «На солнце» (1963). В центре произведения один из «опоздавших», кого новое время, а именно технический прогресс, город, пришедший на место его деревни, сделали несчастным. Оппозиции: город — деревня, прошлое — настоящее крайне заострены. При этом главным контрастом оказывается внутренний надлом в душе героя: его жестокость, совершенное им преступление и возвышенная поэтичность его натуры, живая совесть. Это противоречие выражено и в стиле монолога Старика, пытавшегося совершить самоубийство.

Откровенный натурализм в описании внешности Старика, некоторые его жестокие высказывания не мешают повествователю обнаруживать подлинную поэзию, все еще живущую в душе героя. Поэтика контраста способствует художественной выразительности, усиливает эмоциональное воздействие повести.

Символично название повести «На солнце», выбранное как бы наперекор мрачному, трагическому колориту повести. Кроме того, «на солнце» — означает в лучах правды, правды полной, иногда беспощадной. Свет правды не только высвечивает тайники подсознания Старика. Правда противостоит еще любой фальши, искусственности, а это уже соотносится с противопоставлением в повести природы и цивилизации, деревни и города, старых, подлинных ценностей и заменивших их суррогатов.

Внутренний мир персонажей Кавальца расколот, противоречив, драматичен не менее, чем сознание какого-нибудь рефлектирующего интеллигента. Поэтика контраста позволяет глубже понять проблематику повести, переводит ее из социально-конкретного плана в философско-психологический.

Литература

Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2004.

**Художественная утопия и художественная антиутопия
в русской литературе (конец XVIII — начало XX века)**

М. Ш. Шарифов

Российская Академия адвокатуры и нотариата (Россия)

Художественные утопии известны русской литературе. Как и в европейской литературе, модели идеального государства рисуются как на основе монархий (абсолютных и конституционных), так и республик. Утопия П. М. Захарьина «Арфаксад, халдейская повесть» содержит в себе рассуждения об идеальности патерналистского государства, которое поддерживает баланс между общинами. П. М. Захарьин является сторонником сильной царской власти, сосредоточившей в своих руках абсолютные полномочия. Именно такая власть способно обеспечить социальную справедливость и стабильность в стране. Просвещенная монархия представлена в утопии М. М. Хераскова «Нума Помпилий, или Процветающий Рим». М. М. Херасков описывает идеальное государство с царем-философом на троне. Республиканская идеальная модель описывается в утопиях Ф. А. Эмина Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном разговоры» и «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда». Утопии Ф. А. Эмина воспроизводят модели государств Фракии, Эолии, Тефилиа и Нисефы. Ф. А. Эмин, находящийся под идеологическим влиянием Ж. Ж. Руссо, является сторонником «естественного права».

Следует отметить, что в XX веке утопии традиционного использовались для обоснования сильной государственной власти. Социалистические утопии XX века продолжили традиции утопий XIX века. Если, утопии более ранних периодов отражали аристократические и либеральные модели идеального общества и государства, то в этот период социализм и коммунизм занимают основное внимание писателей-утопистов.

Идеальное социалистическое общество рисует А. Богданов в романе «Красная звезда», опубликованное в период реакции сразу после подавления Первой русской революции. А. Богданов описывает путешествие на Марс, на котором уже утвердился коммунизм. В преддверии Первой мировой войны в 1913 году А. Богданов выпускает продолжение «Красной звезды» роман «Инженер Мэнни». Художественное время «Инженера Мэнни» предшествует художественному времени «Красной звезды». В «Инженере Мэнни» описывается сам процесс зарождения коммунизма на Марсе.

Постмодерн используется для критики тоталитарных режимов, создавая художественные антиутопии. В антиутопической форме критикуется тотали-

тарный политический строй. Повествование в перечисленных произведениях включает в себя сатирические отрывки.

Тоталитарное общество конструируется Е. Замятиным в романе «Мы». Это роман-антиутопия с элементами сатиры. Роман построен как дневник героя Д-503, талантливого инженера, строителя космического корабля «Интеграл». Свои записки Д-503 именует «Мы» и посвящает описанию жизни Единого Государства под руководством несменного руководителя — Благодетеля. Е. Замятин «обезличивает» социум в Едином государстве. Не имеющие право на собственные интересы и эмоции жители страны идентифицируются цифрами. Имен и фамилий нет. «Унификация» касается не только персональных данных. Одежда, питание, быт жителей Единого государства также унифицированы, а сами люди подвергнуты Великой операции, цель которой обеспечение машиноравности. Население лишено права выбора, в том числе и выбора руководителя страны. «Выборы» Благодетеля на безальтернативной основе превращают в фарс День Единогласия. Замятниновские «Мы» это художественная пародия на социализм.

Словацкий исторический роман. 1970-1980-е гг.

(В. Шикла, Я. Йоганидес, П. Ярош)

Л. Ф. Широкова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Словацкая литература, историческая проза, роман.

Summary. The rise of historical prose in Slovakia was often connected with the increased interest in national history and with the need for its revaluation and correlation with present reality. 1970–1980-ies were the period of reflection of the past and a conscious departure from the present in Slovak literature; then was created a number of novels with historical subjects.

Осмысление прошлого, ключевых моментов национальной истории издавна, еще со времен романтизма, было важной составляющей словацкой литературы. Жанр исторического романа (повести, новеллы) развивался в Словакии на протяжении длительного времени, становясь в разные периоды то особым, единичным феноменом, то явлением определяющим, общим для творчества целого ряда писателей. Подъем исторической прозы был часто связан со всплеском интереса к самой истории, с необходимостью ее соотнесения с настоящим.

Таким периодом рефлексии, переоценки прошлого и в то же время — ухода от необходимости отражать современную действительность времен «нормализации» стали для словацкой литературы 1970–1980-е гг. Тогда ведущими писателями среднего поколения были созданы крупные прозаические произведения с тематикой недавнего или более отдаленного прошлого. В их числе трилогия В. Шиклы «Мастера» (1976–1979) и его роман «Матей» (1984); романы П. Яроша «Тысячелетняя пчела» (1979) и «Немое ухо, глухое

око» (1984); романы Я. Йоганидеса «Конюх Марек и венгерский папа римский» (1983) и «Самая печальная оравская баллада» (1988), а также романы Л. Баллека «Помощник» (1977), «Акации» (1981), «Лесной театр» (1987), трилогия И. Габая «Колонисты» (1980–1986) и др. Данное явление было неоднородным как в идейно-художественном, так и в жанровом отношении; среди произведений этих лет встречается и социальный роман (Шикула, Ярош, Габай), и психологический роман с элементами детектива (Йоганидес), и роман-биография (Гикиш, Шикула).

Критика того времени приветствовала возрождение крупного эпического жанра, «нового историзма прозы» (В. Шабик), возможно, не всегда верно определяя идейную сущность произведений. Современное словацкое литературоведение (Р. Билик и др.) рассматривает волну исторической прозы 1970–1980-х гг. в историко-литературном контексте, связывая ее с идейными поисками национальной идентичности конца 1960-х гг. (эссе В. Минача, Д. Татарки). Эти произведения представляют несомненный интерес для исследования и по праву занимают достойное место в словацкой литературе XX в.

«Грамота о Крестном монастыре» патриарха Никона

С. Н. Юсупова

Московский государственный строительный университет (Россия)

Патриарх Никон, грамота, крест.

Summary. Studying “The Charter of the Krestny Monastery” written by Patriarch Nikon we can realize his ideas and the importance of the location chosen by him for the monastery.

Патриарх Никон всегда уделял особое внимание образу креста, воспринимая свою собственную жизнь как крестный путь. Так, патриарх произносил проповеди о благодатной силе креста, писал о помощи креста царю Алексею Михайловичу, находившемуся в военных походах против Польши. Шел с преднесением креста на собор 1666 года. Поэтому не удивительно, что в «Грамоте о Крестном монастыре» он также рассуждает о кресте. Рассылаемая по всей России, «Грамота» была предназначена для широкого круга читателей и по жанру представляла собой проповедь, поэтому патриарх начинает «Грамоту» со слов «всем, повсюду и каждому» и обращается к своей пастве с любовью — «чада любезные». Лев Лебедев отмечает проповеднический талант патриарха Никона: «Он сам служил неспешно, благоговейно, стремился к тому, чтобы церковные службы были как можно более учительными, любил говорить проповеди и, что важно, — умел их говорить!» [Лебедев 2006: 585, 594]. К сожалению, до нас дошли лишь два его произведения, относящихся к этому жанру: «Поучение о моровой язве» и «Грамота о Крестном монастыре».

Надо сказать, что Грамота неоднократно переиздавалась и оказала влияние не только на духовную литературу, но и на поэзию (поэт середины XVII ве-

ка, подъячий приказа Большого дворца Онуфриев Алексей Захарьевич создал цикл из 123 стихотворений о Животворящем Кресте Господнем).

Композиционно Грамоту можно разделить на две части — о христианском милосердии и о христианском кресте. В первой части, цитируя Библию и поучения отцов Церкви в подтверждение своих слов, патриарх Никон призывает верующих к пожертвованию средств на строительство Крестного монастыря. Напоминая читателям евангельские сюжеты о вдове, которая принесла две лепты в храм, и о блуднице на вечери фарисея Симона, которая помазала голову Иисуса Христа миром и омыла его ноги слезами, Никон показывает связь между милосердием Божиим и милосердием человека. Тот, кто не жертвует на монастырь, уподобляется Симону, пригласившему к себе Христа, но не оказавшему ему уважения (не омыл ноги гостю), потому что он добровольно принял крещение, но ведь не воздает почестей Богу своими пожертвованиями на строительство храма. Симон получает осуждение, а грешная, но милостивая блудница — прощение. Таким образом, пожертвования на строительство Крестного монастыря воспринимаются патриархом как проявление главных христианских добродетелей — любви к Богу и милосердия. Опираясь, как всегда, на источники, Никон приводит цитаты из 22-го нравоучения Иоанна Златоуста «О милостыни». По наблюдению С. К. Севастьяновой, «...Никон выбирает из многословных и витиеватых рассуждений Иоанна Златоуста простые, запоминающиеся и понятные для широкого читателя определения милостыни» [Севастьянова 2011: 365].

Во второй части Грамоты патриарх поднимает три темы: значение креста, крестное знамение и крест Константина. Используя цитаты из рассуждений святителей Церкви о кресте, Никон подчеркивает важность установления на Кий-острове копии палестинской святыни. Также чрезвычайно важным был для патриарха Никона вопрос о замене двоеперстия на троеперстие, и патриарх пишет об этом в «Грамоте».

Очень интересна часть Грамоты, посвященная деяниям императора Константина Великого. Никон рассказывает о видении Константину Креста Господня на небе (Пролог). Он не просто цитирует текст, а творчески переделывает его, убирая излишние подробности сражений. Показательно, что царя Алексея Михайловича в то время считали новым Константином и с ним связывали надежды на освобождение православного Востока от мусульман. Святейший вспоминает об одном из крестов императора Константина, привезенном при князе Владимире в Киев, и проводит параллель с тем, как Константин принес Крест из Иерусалима. По словам Севастьяновой С. К., «...сравнение Алексея Михайловича с императором Константином в Грамоте Никона имело не только религиозный, но и политический оттенок. Призыв Никона ко всем православным христианам делать вклады на строительство Кийского монастыря становился призывом к духовному единению православных людей во-

круг самой главной палестинской святыни — Животворящего Креста Господня — символа власти и победы православия» [Севастьянова 2011: 388].

Патриарх написал грамоту на создание монастыря, сохранив таким образом для потомков исторические факты, и, изучая памятник, мы можем яснее понять замысел Святейшего и важность возведения обители именно в этом месте.

Тема креста проходит через все творчество патриарха Никона. Патриарх так говорит о важности креста и в своем самом большом по объему и важности труде «Возражение, или разорение»: «...им же побеждаем... и воинствуем, и влечемся к Христу, умерщвляя страсти, изгоняем врагов и сами сохраняемся от всякого искушения». Находясь в ссылке, Никон вместе с монахами выложил из камней рукотворный остров и установил на нем крест.

Литература

- Гнутова С. В. Кийский крест // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, портреты: из собраний Государственного Исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белозерского музея-заповедника, музея-заповедника «Коломенское», Российского государственного архива древних актов. М., 2002.
- Лебедев Лев, протоиерей. Патриарх Никон // Патриарх Никон: Трагедия русского раскола. М., 2006.
- Севастьянова С. К. Литературно-публицистическое наследие патриарха Никона: принципы работы автора середины-второй половины XVII века. Германия: Lap Lambert, 2011.

Преподавание славянских языков: теория и практика

Методика обучения употреблению видов русского глагола в турецкой аудитории

Тюлай Акбаба

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Методика обучения; употребление видов русского глагола;
систематизация, развитие и презентация материала; турецкая аудитория.*

Summary. The report focuses on the Methods of teaching the theme of Russian verbs in the Turkish communities. The most complicated moments are marked. The contents of two actual Turkish textbooks of Russian is analyzed. The attention is emphasized on the Principles of material Systematization, Development and Presentation.

Преподавание русского языка в Турции имеет достаточно давнюю историю. В стране создан целый ряд учебников и учебных пособий как для средней школы, так и для вуза. Но в наши дни образовательные стандарты переходят на новый уровень и требования к учебной литературе растут. В ряде турецких университетов в настоящее время ощущается недостаточность материала по такой ключевой теме, как вид русского глагола. С этой точки зрения мы проанализировали два наиболее популярных турецких университетских учебника русского языка, чтобы предложить некоторые способы усовершенствования и развития учебного материала, а также формы его презентации в учебном процессе.

В обоих учебниках морфологические и словообразовательные сведения вводятся параллельно на ограниченном круге глаголов. Сообщается, что глаголы *читать*, *писать*, *посещать* являются глаголами НСВ, а такие глаголы как *прочитать*, *написать*, *посетить* — глаголами СВ [Fono Acikogretim Kurumu 2006: 351–355]. Сразу же даются некоторые типичные модели образования СВ и НСВ. После этого вводится очень краткий список основных значений каждой видовой формы отдельно: НСВ означает общий факт, длительное и повторяющиеся действие, а СВ завершённое действие, которое имеет результат [Pamir Ayse 2004: 175–181]. Это, безусловно, очень важный и полезный материал. Но, усвоив его, турецкие учащиеся оказываются на самом сложном этапе, на этапе овладения функционированием видовых форм в речи. И дело здесь не только в том, что в турецком языке нет вида, но и в том, что турецкая глагольная система картирует действительность иначе. Для турецко-говорящих привычны такие смыслы, как категоричность высказывания, легкость / быстрота / внезапность совершения действия, близость действия к осуществлению и др. С другой стороны, ряд аспектуальных значений русских видо-временных форм является непривычным.

Так, с трудом постигается общефактическое значение, аннулированный или сохраненный результат движения и т. д. [Гловинская 1982: 116–144].

Наши предложения в целом сводятся к следующему. Во-первых, двигаясь от простого к сложному, аспектуальные значения лучше давать парами (а ныне после введения общефактического значения прошедшего времени несовершенного вида в наших учебниках дается либо значение однократности, либо значение завершенности действия, которые в употреблении не противопоставлены друг другу).

Значения легче понять и запомнить в оппозициях. То есть, необходимо сделать акцент на том, что произойдет при замене формы НСВ формой СВ или наоборот. Например:

- (1) — *У ребенка температура, вызовите врача!* — а) *Мы уже **вызывали*** (не надо звонить в поликлинику: отмена аналогичного действия); б) *Мы уже **вызвали*** (врач скоро придет, не волнуйтесь: сохраненный результат действия) [Грекова 2003: 4–12].

Во-вторых, каждое аспектуальное значение необходимо вводить не абстрактно, а в реальных типовых ситуациях современной речи, причем разной стилевой принадлежности. Например, общий факт (бытийность) — в формате телефонного разговора:

- (2) — *Можно попросить Анну Ивановну?*
— *Ее сейчас нет, что передать?*
— *Передайте, пожалуйста, что **звонила** (*позвонила) Елена.*

Нужно вводить в первую очередь такие ситуации, где иностранцам трудно самим определить аспектуальную доминанту.

В-третьих, для пар аспектуальных значений (повторяемость — однократность; длительность — мгновенность; общий факт — перфектность (сохраненный результат) необходимо активизировать ключевые слова и словосочетания-помощники (соответственно: *часто, всегда, каждый день — один раз, в 7 часов; долго — за две минуты; когда-то, где-то — уже и др.*).

В-четвертых, нужно развивать систему упражнений для введения — закрепления — автоматизации навыков употребления видовых (видовременных) форм русских глаголов.

Нами разработана также последовательность разнообразных практических заданий. На наш взгляд, они должны иметь как зрительную, так и слуховую опору. Нам представляется, что до сих пор в турецких университетах аудированию уделялось недостаточное внимание. Учебная тема «Употребление вида русского глагола» должна отрабатываться на занятиях в разных формах. Всё перечисленное должно привести к дальнейшей интенсификации учебного процесса.

Литература

- Гловинская М. Я. Семантические типы видового противопоставления русского глагола. М., Наука, 1982.
- Грекова О. К. Общий ли факт, или Практические заметки–3 о выборе глагольного вида // Слово. Грамматика. Речь (Сборник научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного). Вып. V. М., Изд-во МГУ, 2003. С. 4–12.
- Fono Acikogretim Kurumu., Fono Rusca Dilbilgisi. Istanbul, 2006.
- Pamir Ayse. Rusca Dilbilgisi. Istanbul, 2004.

Час у школској библиотеци

Љ. Бајић

Универзитет у Београду (Београд, Србија)

Библиотека, настава, књижевност, час у школској библиотеци.

Summary. Class in the school library. The school library is considered a key that opens the door to the entire library-information system. As a center of educational, cultural and public activity, the library should meet the needs of modern users. The paper presents an overview of the class in the school library, which stands out as a special type of didactic class in teaching literature.

У контексту савремене наставе књижевности школска библиотека улази у фокус интересовања ученика и наставника као радни простор и библиотечки ресурс који удовољава новим читалачким потребама својих корисника, посебно њиховом истраживачком односу према наставним садржајима који се проучавају и усвајају у предметној области књижевности. Значај библиотеке доводи се у непосредну везу са улогом књиге у васпитању и образовању ученика и са функцијом читања којим се књига запућује у духовни свет и живот ученика.

На судбину школске библиотеке пројектује се амбивалентан однос према читању. Понекад, на пример, када мислимо о Борхесу, може нам се учинити да читалачке амбиције не познају границе. Наше навике да читамо свугде а не само у библиотеци и истраживање виртуелне збирке могу нас заварати да помислимо како живимо у друштву књижевно образованих читалаца. Али свест о значају читања, посебно о сложености самог читалачког чина, умногоме је релативизована. Ослобођено од сваког напора, од емоционалног уношења и фантазијског пројектовања читаоца у уметнички свет књижевног дела, па и од промишљања његовог смисла, читање је често површно схваћено као разбигра и пука доколица. Али оно је сложен процес, на шта се посебно указује у методичкој литератури, у којој се вишеструка сложеност делатности читања доводи у везу са чињеницом да се читање очитује као физиолошки и доживљајно-сазнајни процес и као језичка, комуникацијска и стваралачка делатност. Ученику, зато, треба помоћи да научи да чита, да заволи читање и да у њему ужива. Приоритетни задатак наставе, који се остварује у сарадњи са библиотеком, јесте да појача мотивацију и коришћењем библиотечког фонда развије књижевну културу ученика.

Ученике на плански и систематичан начин треба упознавати са важношћу и функцијом школске библиотеке, а посебно са активношћу школске библиотеке која омогућава креативно деловање и стваралачко ангажовање ученика (коришћење збирки, базе података, проналажење и вредновање информација и слично). У пракси се испитују и налазе адекватни начини мотивисања ученика да користе услуге школске библиотеке у наставним и ваннаставним активностима, путем радионичарског и интерактивног рада, који погодује развијању стваралачких активности, функционалних знања и интелектуалних, радних и вољних особина ученика.

Као креативни и библиотечко-информациони центар који има значајну образовно-васпитну, културну и јавну делатност, школска библиотека обезбеђује поуздан ослонац наставној пракси, омогућавајући јој да се одвија у складу са принципима научности и васпитности. Приоритетни задатак наставе, која се остварује у сарадњи са библиотеком, јесте да појача мотивацију ученика за коришћење библиотечког фонда и да развија читалачку културу и истраживачку / креативну делатност ученика. У том смислу, библиотека је подршка наставном процесу. Зато наставник и библиотекар у заједничком раду са ученицима анализирају њихова интересовања и потребе и у складу са њима налазе адекватне начине подстицања за учење и креативно ангажовање.

Делатност школске библиотеке повезује се са разним облицима наставног рада и ваннаставним / слободним активностима ученика (радом секција као што су литерарна, драмска и новинарска, радом у рачунарској и библиотечкој радионици, радионичарским радом на промоцији књига, књижевним и музичко-поетским вечерима, књижевним квизовима знања и сличним културно-јавним активностима које се изводе у читаоници). Могуће је организовати и образовне радионице, намењене развијању навика и културе читања, у чијем извођењу до изражаја долазе тимски рад и сарадња ученика, наставника, свих сарадника у настави и родитеља. О активностима које обухватају читање књига током одређеног периода, обично од месец дана, и обављају се према инструкцијама наставника ученик води забелешке — дневник читања. Периодично се проверава напредовање ученика, а на крају се представљају резултати и вреднују читалачка постигнућа.

Могуће је да се у школској библиотеци повремено одрже и часови књижевности, нарочито посебни типови часова, као што су, на пример, час драмски спектакл и час систематизације градива. Први се повезује са наставом драмске књижевности и делатношћу драмске дружине јер преузима елементе драмске педагогије и театрологије (на пример, сценско читање и тумачење улога и редитељске и сценографске замисли). На другом часу ученици могу сачинити и образложити попис књига из школског фонда које су међусобно повезане по тематској сродности или по књижевноисторијским и поетичким критеријумима, и/или истражити интернет-ресурсе о датој теми и припремити

њену презентацију на основу сакупљене грађе. Посебно средњошколцима било би занимљиво сачинити преглед књига које би волели да имају а / али не знају да ли су написане. Час систематизације и његова методичка организација омогућавају корелацију и са другим наставним предметима. Као пример може се поменути међупредметна корелација на завршном часу о епохи ренесансе. Час се изводи у школској читаоници и праћен је изложбом одговарајућих књижевних и ликовних дела из тог периода. Путем ових и других делатности школска библиотека оспособљава ученика да се служи њеним ресурсима и да са пажњом и зналачки користи књиге у њеним витринама.

Час у школској библиотеци може се издвојити и као посебан дидактички тип / врста часа. Он се одвија у радном простору изван учионице и претпоставља тимски рад свих учесника (учитеља, наставника, библиотекара и ученика), корелацију наставних садржаја, посебну врсту припремања, поуздано планирање, ваљано предвиђање и методолошко условљавање резултата рада. На часу се методичка знања и умења наставника функционално повезују са стручним знањем и планирањем библиотекара. Овај тип часа посебно је погодан за обраду изборних и факултативних садржаја и за слободне активности ученика. У пракси, он се често доводи у везу са радионичарским облицима рада на промоцији књига и књижевних квизова знања, или са организовањем радионица намењених развијању навика и културе читања, креативног мишљења, сценског представљања.

Треба подсетити да у савременој настави књижевности улога школске библиотеке у васпитно-образовном процесу постаје специфична посебно у одговарајућим системима наставе књижевности и језика, као што су: корелацијско-интеграцијски (када се у радионичарски рад укључују садржаји различитих наставних предмета, ученици, библиотекари и спољашњи сарадници) и мултимедијски и тимски систем (у коме се на начелу интердисциплинарности остварују међупредметне везе наставних садржаја).

Школска библиотека помаже и унапређује васпитну-образовну праксу, како у домену садржаја рада, тако и у области средстава за рад (од књига, преко рачунарске опреме до аутоматизације библиотечког пословања), што у данашње време библиотеку чини информационо-комуникационим центром школе. Зато се од подршке васпитно-образовном процесу путем праћења, планирања, програмирања и вредновања васпитно-образовног рада, у методологији рада школског библиотекара тежиште помера према раду са корисницима и учењу и подучавању намењеном свима (ученицима, наставницима, родитељима, локалној средини). У новим околностима, у којима се усложњава образовно-васпитна и културна делатност школске библиотеке, од библиотекара, као сарадника у разредној и предметној настави у основној и средњој школи, очекује се да стекне и развије одговарајуће компетенције које удовољавају потребама савременог корисника.

Коммуникативная грамматика: проблемы и перспективы использования в курсе чешского языка для иностранцев

В. В. Белоусова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Чешский язык, методика, коммуникативная грамматика, языковая ситуация, оценка.

Summary. The article argues the need for an updated and explicit description of Communicative Grammar. Suggested ways of grammar presentation must transfer attention from system and structural qualities of language code to speech usage and functioning of language. The author lays stress on different effective ways to present grammar.

Чешский язык — один из самых популярных славянских языков, изучаемых во всем мире, чему в значительной степени способствовала идея языкового плюрализма, закрепленная в документах Совета Европы. Многочисленные курсы, языковые школы, частные репетиторы обещают научить языку в кратчайшие сроки и с минимальными усилиями, подкрепляя эти обещания ссылками на коммуникативную методику, позволяющую «с помощью моделирования реальных жизненных ситуаций превратить знание грамматики в умение ею пользоваться».

В чешской традиции до сих пор нет единого термина, соответствующего английскому CLT (Communicative Language Teaching), а в методической литературе на русском языке почти взаимозаменяемыми являются составляющие неотъемлемую часть этой методики «коммуникативная», «активная» и «продуктивная» грамматика.

В стремлении соответствовать желаниям «курсистов» заговорить на чешском языке легко и без утомительной зубрежки (drill), преподаватели пытаются обойти ряд сложностей, неизбежных при профессиональном изучении языка студентами-богемистами. При этом приходится решать множество вопросов, связанных как с необходимостью упростить «презентацию» языка, сохраняя при этом его потенциальное многообразие, так и с потребностью сместить акценты с системно-структурных характеристик языковых единиц на их функционирование и речевое использование.

Главная проблема, однако, заключается не в том, как сделать занимательным и увлекательным изучение грамматических структур, а в поиске ответа на следующие вопросы:

- можно ли вообще изучать флективные языки «коммуникативно»
- как специфика чешской языковой ситуации отражается на «коммуникативном обучении»
- что важнее при оценке ответа на сертификационном экзамене — решение коммуникативной задачи или «грамматическая адекватность»

В синтетическом, флективном языке особое значение имеют отношения между синтаксисом и морфологией. Это отношение оказывается основным критерием классификации моделей в концепции «Коммуникативной грамма-

тики русского языка» [Золотова и др. 1998]. Коммуникативная грамматика основывается на идее триединой сущности языковой единицы (единство формы, значения и функции), и тем самым соединяет системное и текстовое исследование этой единицы. Г. А. Золотова применила триаду терминов «свободный — обусловленный — связанный» к синтаксическим объектам как шкалу зависимости значимых единиц языка от контекстуальных условий, то есть как три ступени отношений единицы и контекста.

Грамматикализованной лексикой, а не лексикализованной грамматикой считал язык М. Льюис [1993]. Он описал свободные, обусловленные и связанные коллокации, и заложил тем самым основы лексического подхода в методике преподавания, при котором главная роль в процессе формирования коммуникативной компетенции отводится аудированию и чтению (*comprehensible input*), а также запоминанию моделей (*patterns*), служащих образцами для продуцирования новых высказываний.

Актуализация этих идей находит отражение в современных учебниках чешского языка для иностранцев. В частности, Л. Гола (*Lída Holá*) очень последовательно придерживается правила: любая лексическая тема представляет собой сложный комплекс (*multidimensional syllabus*), в рамках которого формируются произносительные навыки, расширяется лексический запас, выявляются языковые функции и отрабатываются речевые умения, а грамматика представлена только одним явлением, релевантным для этой темы. Отбор грамматических явлений и последовательность их введения осуществляется на основании частотности употребления, определяющим является функционально-прагматический подход. Вместо объяснения грамматики используется индуктивный метод SOS “*sammeln — ordnen — systematisieren*” [Funk, Koenig 1999].

Выбираемый многими чешскими преподавателями «эвристический» подход подводит студентов к самостоятельным открытиям на основе анализа языка — опираясь на приобретенный ранее речевой опыт, они выводят новые понятия, формулируют грамматические определения и правила. С одной стороны, это хорошо закрепляет речевые навыки, но с другой — требует в два раза больше времени для усвоения материала и часто вызывает негативное отношение студентов определенных этнических групп.

Характерное для современной чешской языковой ситуации «смешение кодов» значительно усложняет процесс обучения чешскому языку, причем трудностей у преподавателей-носителей языка возникает больше, чем у их зарубежных коллег. Двойственное отношение самих чехов к *obecné češtině* из уст иностранца иногда вызывает не очень толерантные действия — нежелание понимать несовершенное произношение, исправление незначительных ошибок, ответная реплика на английском или немецком языке и др.

Споры о целесообразности, последовательности и этапе введения элементов обиходно-разговорного чешского языка в учебный процесс ведутся на протяжении многих десятилетий. Конструктивной основой для разрешения этих споров могла бы стать модель коммуникативной концепции членения этнического языка, которая в отличие от общепринятой стратификационной модели, выделяет центральные и периферийные области регулируемого и нерегулируемого речевого поведения [Нещименко 2003], и дает студентам представление о функционировании и обусловленности употребления обecné češtiny.

В соответствии с Европейскими стандартами владения иностранным языком (Společný evropský referenční rámec — SERR) «исходя из особенности чешской языковой ситуации и наличия двух вариантов языкового кода, необходимо руководствоваться функциональным подходом и стараться избегать субъективной оценки и излишнего языкового пуризма при квалификации допущенных студентом ошибок».

«Коммуникативная грамматика», максимально точно отражающая языковую систему и при этом формирующая у студента коммуникативную компетенцию на требуемом уровне, в идеале может являться результатом комбинации трех подходов — когнитивного, концептуального и коммуникативного.

Литература

- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
 Нещименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003.
 Lewis M. The lexical approach: The state of ELT and the way forward. Hove, England, 1993.
 Funk H., Koenig M. Grammatik Lehren und Lernen // Fernstudieneinheit 1, Langenscheidt, 1999.
 Společný evropský referenční rámec pro jazyky. Olomouc, 2006.

Методика преподавания русского языка как иностранного в КНР: история и современность

Ван Минь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русский язык как иностранный, эволюция лингводидактических концепций, КНР.

Summary. There is 308 years' history of Russian teaching in China. Through reviewing, analyzing this progress, we achieved successes and gathered a lot of experience, but we also realized that, there were problems and difficulties in our Russian teaching.

Современная история преподавания русского языка в Китае восходит к 1708 году, когда указом Цинской династии Канси было утверждено первое в истории Китая учебное заведение, где преподавали русский язык, — Школа русского языка при Дворцовой канцелярии [Ван Миньюй 2005]. Главной целью создания Школы, которая просуществовала 154 года, была подготовка переводчиков, преподавание велось на двух языках, в составе преподавателей

были русские и китайские преподаватели. В августе 1862 года Школа русского языка при Дворцовой канцелярии вошла в состав института иностранных языков — Школы Тунвэнь. Цели обучения русскому языку в XIX веке изменилась: в то время требовалась подготовка не только переводчиков, но и специалистов более широкого профиля, которые владели бы гуманитарными и естественными знаниями. Главным методом обучения являлся грамматико-переводной, слова и тексты заучивались учащимися наизусть. Эти две Школы за время своего существования подготовили много дипломатов и переводчиков для корпуса чиновников китайских посольств.

Период расцвета в изучении русского языка и культуры пришелся на 50-е годы XX века, когда в Китае появилось множество факультетов и курсов русского языка и литературы [Лю Лимень 2009]. В этот период были открыты три университета иностранных языков, на базе которых формировалась вузовская система обучения русскому языку, разрабатывались учебники и учебные пособия. Основной целью преподавания русского языка по-прежнему оставалась подготовка переводчиков, в связи с чем грамматико-переводной метод продолжал занимать центральное место в методике. Почти прекратившись в 60-е годы, в эпоху 10-летней Великой пролетарской культурной революции, преподавание русского языка в Китае после Реформ и Открытости, в конце 70-х годов было вновь восстановлено и набирало силу вплоть до середины 90-х годов под влиянием расцвета торговли между двумя странами.

3. В истории развития методики этот период называют рациональным. К концу 90-х годов более 60 китайских вузов имели в своем составе факультеты русского языка; активно вела работу Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ); были выпущены четыре базовых комплекта учебников русского языка для студентов (наиболее распространенный — «Восток» Пекинского университета иностранных языков); появились аудиовизуальные средства обучения. Именно в это время была создана первая системная образовательная программа по русскому языку и, что самое важное, грамматико-переводной метод перестал быть единственным — в вузах приняли и другие методы, такие как прямой, сознательно-сопоставительный, аудиовизуальный, аудиолингвальный и коммуникативный. В 1990 году ввели единый государственный экзамен по русскому языку ТРЯ4 (Тесты по русскому языку 4-го уровня для студентов второго года обучения).

Несмотря на достижения в методике, обозначился и целый ряд проблем: не вполне рациональное увеличение факультетов русского языка привело к избытку рабочей силы в профессиональных областях, связанных с русским языком; снижение профессионального и научного уровня массового преподавателя-русиста; упор на языковую составляющую и развитие речи в ущерб изучению русской культуры и истории, получению страноведческих и гуманитарных знаний о России и СНГ. При всем разнообразии методов обучения на занятиях преподаватель продолжал играть ведущую роль, учебный процесс от-

личался однообразием, студенты не имели достаточных возможностей проявлять активность в учебном процессе, и в результате после окончания университетов выпускники не отвечали требованиям рынка труда, не справлялись с определенными видами практической работы.

За последние 15 лет XXI века сфера преподавания русского языка в Китае быстро развивается. По данным КАПРЯЛ, число китайских вузов, готовящих специалистов по русскому языку, к 2016 году уже достигло 140, на факультетах русского языка работают более чем 1 000 преподавателей, большинство которых прошли обучение в России и странах СНГ, имеют ученую степень кандидата и доктора наук, что, в свою очередь, способствует повышению уровня научных исследований в области русистики, повышает эффективность учебного процесса.

Сегодня почти каждый университет старается использовать современные педагогические технологии, освобождаться от традиционных способов преподавания и включать в обучение технические средства, мультимедиа, Интернет. В хорошо оборудованных аудиториях студенты слушают русские песни, смотрят российские новости, фильмы, что не только повышает интерес к изучению русского языка, но и уровень их языковой и культуроведческой компетенции. Во многих китайских вузах учебно-методические планы координируются в соответствии с потребностями современной рыночной экономики, а также с учетом современных условий и тенденций развития сотрудничества между КНР и Россией. В настоящее преподавание русского языка строится на двух направлениях: традиционном — русский язык и литература; и новом — русский язык плюс профильный предмет (например, «русский язык и права интеллектуальной собственности», «русский язык и международная политика», «русский язык и деловое администрирование» и т. д.), методическую основу которого еще предстоит разработать. В этом отношении важно отметить, что в 2016 году начнет свою работу первый российско-китайский университет в Шенчжене, в котором курс русского языка будут вести преподаватели МГУ имени М. В. Ломоносова, имеющие опыт преподавания русского языка в специальных целях.

Таким образом, в XXI веке методика преподавания русского языка в Китае имеет хорошие перспективы развития благодаря дальнейшему расширению и углублению экономического, политического, культурного и образовательного сотрудничества между двумя странами. В то же время отмечается ряд нерешенных вопросов, в особенности связанных с профессионально ориентированным преподаванием русского языка. Некоторые из них будут рассмотрены в докладе.

Литература

Ван Минъюй. Преподавание русского языка в Китае: история, нынешняя ситуация и тактика развития // Преподавание русского языка в континентальном Китае и на Тайване. Сямэнь, 2005.

Лю Лимень. 60 лет обучение русскому языку в Китае // Русский язык в Китае. 2009. № 04.

Развитие филологического образовательного пространства Крыма с учетом культурологических и исторических региональных особенностей

Н. В. Величко

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
в г. Севастополе (Россия)

Филологическое образовательное пространство, русский язык, русская литература.

Summary. The author analyses integration of Crimean educational system into Russian educational space and gives prospects for development of Crimean philological educational space taking into account cultural and historical aspects of the region.

Вхождение Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации обусловило инициализацию коренных изменений во всех сферах, не стала исключением и сфера образования. Интеграция системы образования новых субъектов в российское образовательное пространство проводится интенсивно, а вместе с тем это многогранный, сложный, противоречивый и длительный процесс, что усложняется еще тем, что нет известной практики и аналогов в современной России. На модернизацию образования Крыма, внедрение российских стандартов образования выделены значительные средства, которые должны обеспечить первоочередные шаги по обеспечению отрасли, в том числе учебниками и литературой.

Анализ новых учебных планов и программ средней школы в сравнении с действовавшими в украинской системе образования показал значительную разницу, особенно в блоке предметов социально-гуманитарного цикла. Если комплекс математических и естественнонаучных дисциплин в украинской школе в сравнении с программой в советской школе не претерпел значительных изменений, то программы по предметам социально-гуманитарного цикла переписывались за двадцатитрехлетний период неоднократно.

Особое место среди учебных предметов, зазвучавших в новом качестве, принадлежит русскому языку и литературе. Педагогическому сообществу учителей русского языка хорошо известны проблемы в украинской школе, которые долгие годы в Крыму было невозможно преодолеть, среди которых определяющей было значительное сокращение количества часов на изучение русского языка и литературы в школах с русским языком обучения, а позже вообще исключение предмета «Русский язык» из учебных планов школ с украинским языком обучения с предоставлением изучать русский язык по выбору в качестве второго иностранного. Сложность положения учителей русского языка и литературы заключалась в том, что практически не было выработано методик преподавания русского языка в условиях русско-украинского двуязычия для средних учебных заведений, а учебники были составлены таким образом, что зачастую знакомство с языковыми категориями, формирование стройной системы языка проходило на уроках украинского языка, при этом не учитывалось, что уровень языковой компетенции влияет на интенсивность интерфе-

ренционного процесса близкородственного языка. Отсутствие итоговой аттестации по русскому языку и перспектив у выпускников школ с русским языком обучения продолжить образование на русском языке в высшей школе на территории Украины снижали мотивацию к их изучению у школьников. Предмета «Русская литература» в украинской школе не было вообще, русская литература в небольшом объеме изучалась как зарубежная, позже как мировая.

В ходе адаптации системы образования Крыма к российским стандартам важно сохранить все то лучшее, что было выработано русистами Крыма и г. Севастополя за годы сложнейшей работы в условиях украинизации, сокращения часов, уничтожения значимости преподаваемых ими предметов и их труда.

В настоящее время система образования нуждается в отборе, систематизации и анализе накопленного богатого педагогического опыта. По сути уникальной является ситуация, когда учитель русского языка и литературы должен преодолеть значительный во многих случаях разрыв между сформированными знаниями у учеников и программой подготовки выпускника. И здесь он должен проявить педагогическое мастерство, использовать накопленный опыт методической работы, чтобы успеть выработать у школьников необходимые умения и навыки и достойно подготовить их к итоговой аттестации. Особое внимание необходимо уделить грамотности. Учитель русского языка, особенно в выпускных классах, должен обращать особое внимание на сходные, частично сходные (перемежающиеся), противоположные и специфические языковые факты в русском и украинском языках, среди которых частично сходные и специфические языковые факты вызывают значительные затруднения у школьников. Сопоставления необходимы, прежде всего, для учителя с целью определения зон интерференции, а сопоставления для учащихся нужны лишь в определенных рамках, предупреждающие интерференцию, что поможет решить проблему репродуктивного торможения. Несомненную радость у учителей и учеников вызывает возможность изучать русскую литературу не в составе мировой и не на фоне украинской, а как самостоятельный предмет с достаточным количеством часов на изучение. На уроках русской литературы учителем должна проводиться работа по формированию русского национального сознания, в чем ему призваны помочь программные произведения, которые можно изучать не в сокращенном варианте, а полноценно на уроках.

Для преподавателей-филологов открываются новые возможности строить филологическое образовательное пространство широко, открыто. А поскольку филологию принято понимать как совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературе, перспективной представляется возможность моделировать филологическое образовательное пространство с опорой на культурологическую и историческую основу с учетом региональных особенностей новых субъектов, специфики полилингвокультурной ситуации в Крыму. Под филологическим образовательным пространством принято понимать «организацию образовательных систем различного уровня, объединяю-

щих образовательные учреждения разного типа, реализующие образовательные программы, связанные с обучением русскому языку и литературе, формирующие языковую картину региона, обеспечивающие языковое и литературное развитие личности [Лукьянчикова 2012]. В работах Д. Б. Эльконина, И. Д. Фрумина, М. Н. Груздева и др. раскрывается понятие «образовательное пространство». Терминологические сочетания с лексемой пространство в современной филологии весьма распространены: *когнитивное пространство, коммуникативное пространство, межкультурное пространство, языковое пространство, ментальное пространство*. Сложность и многообразие понятия пространства обусловили многообразие значений и сочетаний. Как утверждает Ю. С. Степанов, «нет ничего более естественного, как представить себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи» [Степанов 1985]. И здесь уже определяющим выступает антропоцентрический подход в лингвистике, согласно которому язык изучается не ради языка, а для человека. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, «важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации» [Тер-Минасова 2008].

Филологическое образовательное сообщество новых субъектов Федерации должно согласованно формулировать базовые принципы и сообща участвовать в определении и формировании региональных программ филологического образования с учетом особенностей многонационального Крыма и его истории.

Литература

- Лукьянчикова Н. В. Программа «Русская филология XXI в.: актуальные проблемы образования» в системе формирования филологического образовательного пространства // Ярославский педагогический вестник. 2012.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Слово, 2008.

Образовательные статусы русского языка как первого иностранного

Маханбет Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Узбекистан)

Educational status, Russian language, the first foreign, Russia, CIS, far abroad.

Summary. Nowadays, the Russian language has seven educational statuses. Two out of them are the Russian language as a first foreign in Russia and in CIS, for far foreign country's citizens. The prime foreign language is characterized features of linguodidactics description and methodology of implementation it in educational process and deals with functioning of the Russian language in foreign speaking sphere in which absences natural Russian speaking social linguistic situation.

Русский язык в современном мире обладает семью образовательными статусами (см.: [Джусупов 2012]; [Джусупов 2013]), функционирование кото-

рых не зависит от того обладает он на этих территориях официальным статусом или не обладает. Образовательный статус инофонного языка в зарубежном государстве закрепляется Госстандартом образования страны. Для граждан дальнего зарубежья, обучающийся в России или в странах СНГ, нами определены два международных образовательных статуса:

1. Русский язык как иностранный для иностранцев дальнего зарубежья, обучающихся в России;
2. Русский язык как иностранный для иностранцев дальнего зарубежья, обучающихся в странах СНГ.

Это пятый и шестой образовательные статусы русского языка в современном мире. Эти международные образовательные статусы русского языка характеризуются сходствами и различиями. Сходства и различия диктуются их внутренним содержанием. Главное сходство заключается в том, что в обоих случаях для обучающихся русский язык является иностранным как по административно-географическому признаку, так и по социолингвистическому признаку (т. е. по очень малому объему социальных функций русского языка в странах дальнего зарубежья). В обоих случаях для обучающихся иностранцев русский язык — полностью незнакомый язык. Они им не владеют даже на уровне понимания отдельных слов, предложений. Обучение русскому языку на основе пятого и шестого международных образовательных статусов русского языка как первого иностранного, в отличие от обучения русскому языку как неродному в странах СНГ, начинается с нуля. Лингводидактическое описание русского языка как первого иностранного имеет свои особенности, которые характеризуются меньшей теоретизацией, чем, например, лингводидактическое описание русского языка как неродного для граждан СНГ (О лингводидактике подробно см.: [Щукин 2006]).

Пятый и шестой международные образовательные статусы русского языка (русский язык как первый иностранный для иностранных граждан в России и в СНГ) функционируют в трех социолингвистических условиях:

- 1) русский язык как первый иностранный для иностранцев в России, где полностью присутствуют русская языкоречевая среда, русская культура поведения в официальных и неофициальных взаимоотношениях;
- 2) русский язык как первый иностранный для иностранцев за пределами России, в основном в странах СНГ, где присутствует полноценная русская языкоречевая среда, русская культура поведения в официальных и неофициальных взаимоотношениях, а также местная национальная (например, казахская, или узбекская, или ...) языкоречевая среда и культура взаимоотношений;
- 3) русский язык как первый иностранный для иностранцев за пределами России, в странах дальнего зарубежья, где отсутствует русская языкоречевая

среда, русская культура поведения в официальных и неофициальных взаимоотношениях. Обучающиеся русскому языку находятся в условиях родной языковой стихии, родной культуры поведения.

Обучение русскому языку как первому иностранному в этих трех социолингвистических условиях сопровождается серьезными лингвокультурно-логическими, психолингвистическими и лингводидактическими реалиями, которые характеризуются существенными различиями, при наличии одного общего сходства — русский язык как первый иностранный язык.

Сходства пятого и шестого образовательных статусов русского языка как первого иностранного в трех условиях его преподавания в основном заключаются в следующем:

1. Во всех трех социолингвистических условиях русский язык как первый иностранный внутри России и за ее пределами изучается не как неродной, а как иностранный.

2. Во всех трех социолингвистических условиях обучения русскому языку как первому иностранному в инофонной аудитории русский язык первоначально не является членом билингвизма или полилингвизма, которыми уже владеет определенная часть обучающихся (китайско-английский, японско-английский, арабско-французский, арабско-французско-английский и т. д.)

3. Во всех трех условиях обучения русскому языку как первому иностранному он преподается не как язык ближнего зарубежья, а как язык дальнего зарубежья, с которым родной язык обучающихся (арабский, японский, китайский и т. п.) не был в состоянии близкого и долговременного взаимодействия и взаимовлияния, а, следовательно, у обучающихся отсутствуют как умения и навыки собственно языко-речевой, так и межкультурной коммуникации, которые нужно формировать с самого начала, т. е. с нуля.

Русский язык как первый иностранный может преподаваться не только коренным представителям народов дальнего зарубежья, но и, например, коренным представителям казахского народа, родившимся и живущим в Китае, Монголии, Афганистане, Турции, но приехавшим на историческую родину — в Казахстан для получения образования или же для постоянного проживания. Такая малая социолингвистическая картина наблюдается, в определенной степени, и в других странах СНГ, например, в Кыргызстане.

Литература

- Джусупов М. Образовательные статусы русского языка в современном мире // Русский язык за рубежом. 2012. № 6. С. 15–21.
- Джусупов М. Взаимопроницаемость внутриросийских и международных образовательных статусов русского языка // Русский язык за рубежом. 2013. №4. С. 17–27.
- Шукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М., «АСТ — Астрель-Хранитель», 2006.

**Дискурсивные особенности
русской и английской диалогической речи
в аспекте лингводидактики**

Н. А. Емельянова, Л. В. Ершова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Русский язык как иностранный, дискурс, диалог, лингводидактика,
межкультурная коммуникация.*

Summary. The article is devoted to the typical features of Russian dialogical speech. Special attention is paid to the task of teaching Russian as a foreign language to English-speaking students comprehending or producing the above-mentioned type of discourse.

Изучая проблемы межкультурной коммуникации, лингвисты пришли к общему мнению о том, что основной причиной коммуникативных неудач следует считать межнациональные различия моделей дискурса. Даже когда речь говорящего является понятной для слушателей на уровне лексики и синтаксиса, фонетики и интонации, все же иногда приходится констатировать, что основной смысл высказывания оказывается неверно понятым или интерпретированным.

Исследование проблем восприятия дискурса показывает, что для англоговорящих учащихся ситуация непонимания русской диалогической речи нередко связана со специфической особенностью презентации главной идеи. Дело в том, что в соответствии с дискурсивной стратегией, характерной для носителей английского языка, основной тезис должен быть помещен в самое начало высказывания. Именно он, а не предисловие и различные подступы к теме, стоит на первом месте и максимально четко формулирует сущность позиции говорящего по какому-либо вопросу. Только после этого ведущего тезиса могут следовать различные конкретизации, уточнения, примеры, аргументы, ассоциации, лирические отступления и т. п.

Для носителя русского языка характерной оказывается принципиально другая композиция высказывания. Здесь говорящий вначале делает развернутое предисловие, приводит примеры, воссоздает довольно широкий общий фон для того, чтобы затем логически прийти к выводу, сформулировать основную идею почти в самом конце своего выступления.

Таким образом, различие национально маркированных моделей дискурса может привести к непониманию между участниками диалога. Восприятие речи слушателями происходит в соответствии с их определенными ожиданиями. Поиск главной информации, с одной стороны, и второстепенной, с другой, слушающие осуществляют в соответствии со своими, свойственными носителям определенного национального языка пресуппозициями. То есть англоговорящий собеседник ожидает услышать главную мысль в самом начале высказывания, а при продуцировании собственной реплики — поставит основной тезис на первое место. Подсознательно ожидая аналогичной коммуникативной

стратегии от собеседника, он может испытывать некоторые трудности при перцепции, встречаясь с иным композиционным построением диалогической речи.

Для британских носителей английского языка характерно активное использование многочисленных метаслов, описательных выражений и развернутых комментариев. Соответственно, от собеседников-иностранцев они тоже рассчитывают услышать высказывание, организованное по сходному принципу. Нередко их ожидания оказываются напрасными, что воспринимается англоговорящими учащимися как стилистически маркированные речевые примеры: странные, слишком прямолинейные и даже грубо звучащие.

В этой связи следует особо остановиться на профессиональных задачах преподавателя-филолога, обучающего англоговорящую аудиторию русскому языку как иностранному. Для практики такого преподавания, безусловно, необходимо учитывать особенности межкультурной коммуникации. Опыт преподавания как русского, так и английского языка как иностранного показывает, что если участники коммуникации не придают должного значения межкультурным различиям, взаимопонимание между ними становится неполным даже при удовлетворительном владении лексико-грамматическим и фонетическим материалом. До некоторой степени подобное общение схоже с разговором представителей разных поколений или социальных групп. Важно отдавать себе отчет в том, что изучение иностранного языка — это и изучение неродной культуры, шаг по направлению к аккультурации в мире изучаемого языка.

Особенности речевой коммуникации, типичные для англоговорящих, характеризуются рядом условий, принятых ее участниками, а именно:

- 1) каждому собеседнику необходимо предоставить возможность высказаться, никто не должен «монополизировать» речевое поле, напротив, каждого следует выслушать до конца;
- 2) все участники диалога четко осознают свои коммуникативные роли;
- 3) важно обладать умением понять, *когда* следует вступать в разговор, сообщать информацию и *когда* нужно выслушать собеседника, воспринять информацию;
- 4) следует быть взаимно терпимыми по отношению к информации, высказанной собеседником, к его мнениям и чувствам. Необходимо дать говорящему и слушающему возможность сохранить в высказываниях определенную степень невыраженности или неточности восприятия. Условием успеха диалога является принятие собеседниками коммуникативной недосказанности и возможность ее устранения с помощью перефразирования или уточнения.

Диалог характеризуется определенным набором этикетных формул, особенно в его начале или конце, а также при смене темы. Важным для разговора

при этом является, конечно же, прежде всего выбор темы, она должна быть приемлемой для всех участников.

Для русского дискурса столь строгая композиционная организация диалога нехарактерна. Беседа обычно носит весьма эмоциональный характер, существенную роль играют интонационные и невербальные средства выражения смысла, которые иной раз могут придать высказыванию прямо противоположное значение. В русском языке различные возможности выражения иронического несогласия, отказа выполнить действие и отрицательного ответа на вопрос, безусловно, представляют опасность коммуникативной неудачи для иностранца.

Русскому дискурсу в меньшей степени присущи различные формы выражения и такого менталитетного свойства, как политическая корректность. Именно яркие эмоции, стремление обосновать и отстоять свою точку зрения, увлеченная полемика характеризуют национально маркированную коммуникацию на русском языке.

Таким образом, для успешной межкультурной коммуникации необходимо сформировать у инофона систему знаний и умений, необходимую для реализации процесса речевого взаимодействия. Решать эту задачу следует комплексно, принимая во внимание или сознательно формируя фоновые знания культурологического характера, адекватную оценку речеповеденческой роли каждого из участников диалога.

Контрастивная лексикология как лингвистическая база кросс-культурного обучения языкам учащихся-билингвов

В. Ф. Загороднова

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

*Межкультурная коммуникация, поликультурное образование, кросс-культурное обучение,
учащиеся-билингвы, контрастивная лексикология.*

Summary. In the work there have been scientifically grounded the meaning and defined the contents of cross-cultural teaching of bilingual pupils the language oriented on: recognition of common to mankind values; forming of respectful attitude to people of other nationalities; development of cross-cultural ideology, ways of tolerant speech behaviour; providing of interaction of social, cultural and language orientation on polycultural environment; creating the conditions for realizing the individuality and specification of native and Ukrainian languages and cultures, and also contacts with these languages and cultures.

Поликультурное образование в Украине дает возможность для внедрения нового подхода к обучению украинскому и родному языкам национальных сообществ, обусловленного комплексным изучением отображения в языковой системе результатов взаимодействия языка и культуры в рамках этноса, определения значимости его специфики в межкультурном формате общения.

Поэтапное формирование языковой компетентности предвидит ориентирование и систематическую презентацию стержневой темы, которая бы испол-

няла роль обновленного средства сосредоточия всех составляющих языковых уровней и более эффективно осуществляла бы коммуникативную направленность в использовании языковых единиц. В качестве такого средства предлагается взять категорию значения языковых единиц, которая будет соотноситься с ее проявлением в двух изучаемых языках.

Для примера возьмем ориентацию на категорию значения лексической единицы, которая важна, поскольку в качестве теоретического основания мы опираемся на кросс-культурный подход, позволяющий последовательно воспитывать в учащихся толерантность, уважение и знание как своей культуры, так и иной.

Значение слова рассматривает лексическая семантика, которая предполагает работу над связью слова с контекстом (коннотация, экспонирование специфических понятий) и внутрилексическими связями (синонимы / антонимы, гипонимия, колокация, отношение типа «часть — целое», компонентный анализ, эквивалентность). Такие особенности лексической семантики дают возможность предложить убедительный и яркий материал для использования ее как методического средства в процессе выбора (семантического, этнического) более подходящей лексической единицы для коммуникации.

Таким образом, на наш взгляд, лексическая семантика должна рассматриваться как коммуникативно нацеленная система изучения языка в национальной школе. Эта система должна быть поострена с учетом положений кросс-культурной лингводидактики и охватывать все звания средней школы, обеспечивая преемственность обучения.

Не случайно, поэтому предметом нашего рассмотрения избрана контрастная лексикология славянских языков применительно главным образом к изучению украинского языка как государственного и, например, русского как родного в славянском языковом мире. Одной из причин такого ракурса рассмотрения изучения славянских языков является также и сохраняющаяся тенденция сопоставлять и описывать так называемые явные различия, оставляя без особого внимания малейшие нюансы, которые так характерны для родственных и в особенности близкородственных языковых сопоставлений. Учителя общеобразовательных школ хорошо знают, что решение данной задачи имеет огромную прикладную значимость, поскольку при обучении близкородственным языкам возрастает желание отождествления «своего» и «чужого», и здесь очень важно увидеть различие там, где их почти нет. Здесь важно подчеркнуть одну существенную особенность: славянские лексические параллели в большинстве своем не выходят за пределы общих семантических блоков в отличие от неродственных языков. Эти параллели, как правило, взаимопонятны, поскольку их смысл закодирован общими генетически устойчивым каркасом общеславянского языкового мира. В связи с этим особая роль принадлежит слову не только как основной единице языка, но и как особому человеческому творе-

нию, имеющему не мимолетный (как единицы синтаксиса) статус, а предназначенному хранить стабильную информацию для целых поколений людей.

Несмотря на все внешние и внутренние изменения, естественные расхождения и несовпадения, славянские языки сохраняют удивительное единство, что свидетельствует не только о крепких генетических корнях, а и об общности особенностей славянской ментальности. Наиболее ярко отмеченное единство славянской ментальности отражается в лексике. Это хорошо демонстрируют специальные исследования Ю. О. Жлуктенка по контрастивной лексикологии языков.

Кросс-культурный подход к изучению лексики гармонизирует с идеей единства всечеловеческого разума, которую разрабатывал В. И. Вернадский. Языку он отводил особую роль в создании новой формы биогеохимической энергии и называл ее «энергией человеческой культуры». То, что О. О. Потебня, например, понимал как единство законов душевной (духовной) деятельности, является фундаментом ноосферы, по терминологии В. И. Вернадского. Язык на уровне ноосферы В. Н. Манакин [Манакин 1994: 26] называет единым когнитивно-семантическим континуумом, который выступает в роли организующей силы всех языков и знаний о мире в невербальной форме. На ноосферическом уровне общий когнитивно-семантический континуум растворен в квантах единого ментального пространства. Содержательно-семантическая сторона — предмет анализа лингвистики, поскольку языковыми двойниками квантов информации выступают мельчайшие элементы языкового сознания — семы, существование которых уже доказано и теоретически, и экспериментально. Неповторимые комбинации универсальных и ограниченных по количеству сем (смысловых компонентов) в разных языках создают неповторимые семантические структуры слов, лексические значения, что и отражает неповторимость разных языковых картин мира в целом.

Одним из аспектов контрастивной лексикологии, который имеет значительные перспективы для кросс-культурного обучения языкам учащихся-билингвов, является изучение внутренней формы слов, т. е. сопоставление первичных мотивирующих признаков, положенных в основу наименований. Внутренняя форма слова — это лингвистический показатель гносеологической функции человеческого сознания действительности и наиболее яркий маркер национально-культурной самобытности языка. При овладении словами другого языка гораздо интереснее и эффективнее не просто запомнить слово, а осознать также связанный с ним признак номинации, сравнив его со словом родного языка.

Литература

- Вернадский В. И. Научная мысль как природное явление // *Философские мысли натуралиста*. М.: Наука, 1988.
- Жлуктенко Ю. О. Аспекты контрастивной лексикологии // *Мовознавство*. 1989. № 6. С. 2–8.
- Манакин В. Н. Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки. Кировоград: Центр.-Укр. изд-во, 1994.

Обучение этикету общения в аспекте русского языка как иностранного

О. Н. Короткова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Русский язык как иностранный, современный этикет общения, речевой этикет,
невербальные средства коммуникации*

Summary. This article studies the peculiarities of teaching Russian etiquette to foreign students. The author describes some mistakes both in the students' speech and in their behaviour caused by inexperience in Russian norms of behaviour, speech etiquette and non-verbal means of communication.

1. В программу обучения русскому языку как иностранному входит знакомство с принятым в России этикетом общения. Что представляет собой современный этикет общения, каковы его основные составляющие, как научить студентов-иностранцев этикетным нормам — все эти вопросы затрагиваются в сообщении.

2. Этикет как сложное многообразное явление включает в себя три составляющих: а) систему принятых в определенных ситуациях общения правил социального поведения, б) систему устойчивых формул общения, которые используются для установления контакта собеседников, поддержания общения соответственно социальным ролям коммуникантов в официальной и неофициальной обстановке (речевой этикет), в) систему невербальных средств коммуникации (позы, жесты, мимика, взгляд, дистанция общения).

3. В процессе общения с русскими в речи и поведении иностранных учащихся наблюдаются коммуникативные сбои, вызванные незнанием этикетных норм. Этикетные ошибки могут быть разделены на три группы.

- *Ошибки, вызванные невладением стереотипами поведения.* Например, мужчины-иностранцы не подают своим спутницам пальто, что воспринимается русскими как невежливость.
- *Ошибки, вызванные незнанием речевого этикета.* Например, многие иностранные студенты, услышав фразу: «Загляните к нам как-нибудь вечером», воспринимают ее как приглашение в гости и уточняют, когда и куда приходиться.
- *Ошибки, вызванные незнанием невербальных средств общения.* Например, тайваньские студенты, подзывая кого-либо, поднимают руку, разворачивая ладонь от себя, и несколько раз быстро сгибают и разгибают пальцы. Русские, видя этот жест, считают, что им говорят: «До свидания!», т. е. воспринимают его как жест прощания. При анализе ошибок учитывается этикет жеста, этикет взгляда, этикет позы, этикет дистанции.

4. Как научить студентов, изучающих русский язык, этикетным нормам, принятым в русской культуре? Как нам кажется, существует два пути. Первый путь — это анализ отрывков из художественных текстов и кинофильмов с точ-

ки зрения представленных в них норм современного этикета. В комментариях к текстам анализируются стереотипы поведения, обращается внимание на речевой этикет, а также на невербальные средства общения. Таким образом, читая текст, смотря отрывки из фильмов, студент расширяет свои познания в области современного этикета общения, принятого в русской культуре. Этот подход представлен в хрестоматии «Из истории русской культуры» [Короткова 2008].

5. Второй путь обучения этикету — это создание учебников, которые бы учили иностранных учащихся общаться на русском языке. А реальное общение невозможно без знания этикетных норм. Один из таких учебников — «Загадай желание!» [Короткова, Одинцова 2013]. Большое внимание в нем уделяется проблемам этикета. Учащиеся знакомятся с определенными правилами поведения, принятыми в России, получают представление о существующей системе разрешений и запретов, принятых в нашем обществе. Знакомство, приглашение, прием гостей, выбор и преподнесение подарков, правила делового общения и т. д. — в этих и многих других ситуациях описаны правила поведения, отражающие национально-культурную специфику организации и содержания общения. Коммуникативные упражнения, связанные с речевым этикетом, помогают сформировать у учащихся навыки речевого поведения в разных ситуациях общения. Задания, предлагаемые учащимся, можно разделить на три группы:

- задания, предполагающие проведение «компаративного культурологического анализа» [Шахардина 2003: 28], основанного на принципах идентификации и дифференциации;
- задания, направленные на то, чтобы элиминировать «этикетные ошибки», вызванные незнанием правил речевого этикета, социально-ролевых аспектов коммуникации;
- задания, предлагающие учащимся определить этикетные ошибки, допущенные героями книги.

Выполнив всю цепочку коммуникативных упражнений, студенты-иностранцы не только получают достаточно полное представление о правилах поведения, принятых в России, но и учатся действовать в реальных ситуациях общения.

Таким образом, изучая принятый в России этикет общения, иностранные учащиеся делают еще один шаг к пониманию русской культуры.

Литература

- Короткова О. Н. Современный этикет общения // Из истории русской культуры. Хрестоматия. М.: Изд-во «Гуманитарий», 2008. С. 49–81.
- Короткова О. Н., Одинцова И. В. Загадай желание. Пособие по развитию речи для изучающих русский язык. 3-е изд. СПб.: Изд-во «Златоуст», 2013.
- Шахардина Л. Н. Межкультурный диалог на уроках по иностранному языку как фактор развития личности учащегося: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2003.

Другому как понять тебя? (анализ художественного текста на занятиях РКИ)

А. Г. Лилеева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Художественный текст, принципы анализа на занятиях РКИ, ключевые метафоры,
лексико-тематические поля.*

Summary. The article refers to the interpretation in the process of teaching Russian as a foreign language of contemporary Russian literature with varying degrees of sophistication and structure of various stylistic strategies, as well as the example of the interpretation of the fragments of the novel by Mikhail Shishkin "Maidenhair". It proposes an interpretation algorithm of these fragments, which allows to provide a key to the understanding of the whole literary work. The analysis is based on the description of the key concepts of the novel concept of "word".

Одна из актуальных проблем современной методики РКИ — выработка методических принципов анализа языка современного художественного текста на занятиях РКИ, ориентированного на инофона филолога, владеющего русским языком в объеме третьего сертификационного уровня.

В последнее десятилетие произведения с усложненной структурой, отличающиеся синкретичностью повествовательной ткани и глубиной философской концепции, являются фактом современного литературного процесса. Они вызывают особый интерес у иностранных учащихся-филологов. Рамки урока и ограниченность времени учебного процесса не позволяют читать эти произведения полностью, поэтому преподаватель вынужден ограничиваться фрагментарным анализом художественного произведения. Перед ним стоит непростая методическая задача выбора фрагмента художественного текста (ХТ) и стратегии его представления на занятии по русскому языку как иностранному. Короткий фрагмент ХТ должен предоставить учащимся возможность, как в капле воды, увидеть структуру всего романа, и дать ключ к пониманию литературного произведения в целом.

Мы предлагаем как наиболее целесообразную в иностранной аудитории методику интерпретации ХТ — методику «медленного чтения», которая вырабатывает у учащихся умение видеть и понимать роль и значимость любого лингвистически выраженного элемента художественного текста в порождении его глубинного смысла.

В сообщении будет представлен анализ фрагментов романа Михаила Шишкина «Венерин Волос» из хрестоматии «Современная русская проза — XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный» [Хрестоматия 2009: 112–139]. Эти отрывки кажутся нам репрезентативными для понимания замысла и структуры всего романа.

Один из способов учебной интерпретации ХТ в иностранной аудитории — выделение ключевых слов (концептов) и структурообразующих метафор ХТ.

В своем определении понятия концепт мы опираемся на статью Д. С. Лихачёва «Концептосфера русского языка» [Лихачёв 1993] и на работы Ю. С. Степанова [Степанов 1997] и исследователей его школы. Концепт — «пучок»

представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слова. Иными словами, концепт — это смысл слова, или, по терминологии Д. С. Лихачёва, «алгебраическое значение слова».

Слова — языковое выражение концепта, поэтому наш путь к «смыслу» — выделение групп слов, описание лексико-тематического поля, составляющего ключевой концепт романа (концепт слово) и его интерпретация. В лексико-тематическое поле «слово» романа Михаила Шишкина «Венерин волос» входят слова-заместители, его контекстные синонимы. а) существительные, обозначающие всё, что написано и рассказано словами: *книга, рассказ, история, страница книги, строчка, буква, знаки препинания, паузы между словами*; б) названия жанров текстов: *протоколы собеседований, письма, записки, роман о певице, дневник и множество других историй; житие, книга по персидской истории, дневник в компьютере, возлюбленной толмача, апокрифы (история о Дракуле), мифы (Дафнис и Хлоя, Тристан и Изольда)*; в) существительные, обозначающие материальные «носители слова» или инструменты его создания: *открытка, послание, ксерокопия дневника, записная книжка, тетрадь в чудесном теснённом переплёте, почерк, краска, записи, карандаши, фломастеры*; г) слова, характеризующие существительные, т. е. эпитеты и сравнения:

- 1) слово письменное:
скороспелая (открытка), драгоценные (тетради), разноцветные допотопные (переплеты), (почерк) неряшливый, всё время разный <...> то страницы шили, как вышитые гладью, то каракуль; беспорядочные (записи);
- 2) слово устное:
*двух слов связать не может...
дикция, как у водопроводного крана...*
- 3) глаголы,
 - характеризующие действия «слова» (текста): слова — *сгущаются* из тумана; дневник певицы — (страницы) *скользили*, не хотели *переворачиваться*; (тетради) *выпрыгивали*; *пробивался* запах (слежавшегося в исписанных страницах времени); дневники *пахли* старыми окурками; *пахло* чем-то женским, вернее, старушечьим, какими-то старыми духами; чернила *выцвели*; иногда *шли* белые листы — будто хотела заполнить их позже; страницы *были вырваны*;
 - обозначающие ключевые действия персонажей: *объяснить, выяснить обстоятельства, узнать, что было на самом деле, переводить, записывать, верить, поверить, врать, рассказать так, чтобы тебе поверили, лепетать, бормотать, сочинять, писать, читать.*

Анализ лексико-тематического поля «слово» позволяет сделать вывод: семантическими синонимами «слова» в художественном мире романа Михаила Шишкина могут быть не только слова, обозначающие материальные носители слова (*книга, тетрадь, страница* и пр.), но и их нематериальное содер-

жание — воспоминания, личные истории, которые рассказывают (описывают) десятки персонажей на разный манер. А само слово через эпитет (*скороспелая* открытка), ряд сравнений и описания запахов слова приравнивается к органической, живой природе, слово становится плотью, переводится в трехмерное пространство. Словом обозначается пространство и измеряется время: *Время — буквально, вот я эту строчку пишу, и моя жизнь на эти буквы продлилась, а жизнь сейчас читающего на эти же буквы сократилась* [Шишкин 2007: 416].

Концепт «Слово» в мире романа Михаила Шишкина является ключевым, он ассоциативно связан с другими концептами романа (любовь, жизнь, смерть, бессмертие (в слове подлинное бессмертие), память (слово воскрешает прошлое), время (оно измеряется словами), Бог (буквы даны Богом), подлинность, подобие), а также лежит в основе структурообразующей метафоры произведения («человек — это рассказанная им история»).

Методика «медленного чтения», основанная на пристальном изучении индивидуального авторского стиля, адресована прежде всего учащимся филологам и билингвам, она помогает глубже проникнуть в замысел автора, расширить словесный запас учащихся, а также дает возможность получить представление об эстетической функции языка и его лингвострановедческом потенциале.

Литература

- Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
- Современная русская проза — XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный / Под общ. ред. Е. А. Кузьминовой, И. В. Ружицкого. М., 2009. Ч. 1 (Хрестоматия).
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Шишкин Михаил. «Венерин Волос». М.: ВАГРИУС, 2007.

Ошибки в речи чешских студентов, изучающих русский язык как иностранный

Т. Х. Лоикова-Насенко

Университет Я. А. Коменского (Прага, Чехия)

Foreign language, interference, language levels.

Summary. Czech students who studies Russian as a foreign language make mistakes which are typical for Russian speech of Czech native speakers but not for other Slavonic students. According to the language levels the above mentioned mistakes can be subdivided into several groups, from phonetic mistakes group to syntactic one. The reason of such mistakes is both the beginner's level of knowledge of the students and the interference of their Czech and Russian as well.

Студенты, в разной степени владеющие русским языком как иностранным, в процессе устной речи совершают различного рода ошибки. Анализ неправильного использования слов, их формы или сочетаний слов показывает,

что имеющиеся в речи студентов ошибки — это показатель не только плохого знания или начального уровня знания языка, но и своего рода языковая интерференция. В целом наблюдаются ошибки на различных уровнях языка, т. е. начинающая неправильным прозношением и заканчивая построением предложения.

1. Неправильное произношение слов

На фонетическом уровне можно отметить чрезмерно правильное произношение слов, согласно их написанию, например: *что* [čto], *конечно* [konečna], т. е. в тех случаях, когда написание в русском языке не соответствует произношению и где происходит замена одного звука на другой, не составляющий ему пару по звонкости — глухости и др. параметрам.

В некоторых случаях происходит неразличение произношения и написания слов, в которых в группе согласных происходит упрощение с вымещением одного из звуков: *солнце* [solnce] вместо [sonce] и др. Под влиянием чешского языка в некоторых словах, особенно иностранного происхождения, безударное *e* произносится как [je или e]: *метро* [metro] вместо [mi^čtro], *умер* [umer] вместо [umi^čɾ].

2. Ошибки на лексическом уровне

На лексическом уровне можно отметить неразличение слов русского и чешского языка. Вместо русского слова студент использует чешское слово, ошибочно и заведомо зная или предполагая, что это слово в обоих языках звучит одинаково: *я быдлим* (чеш. bydlím) вместо *живу*, *спортovat* (чеш. sportovat) вместо *заниматься спортом*, *остатним* (чеш. ostatním) вместо *остальным*, *рок* (чеш. rok) вместо *год*, *заклады* (чеш. základy) вместо *основы*, *в завислости* (чеш. v závislosti) вместо *в зависимости*.

3. Ошибки в словообразовании

В случае начального или плохого знания языка студенты создают слова, в которых присутствуют смешанные по происхождению морфемы: *с женициноу* (с окончанием *-ои*) вместо *с женщиной*, *я ходим* (с окончанием *-ím*) вместо *я хожу*, *укончила* (с префиксом *и-*), *о соревнованию* (с окончанием *-и*), *писемный стол* (с основой *písemn-* и окончанием *-ый*), *финанцование* (чеш. financování с дополнительным окончанием *-е* как в рус. яз.), *театрув* (со смешанным чешско-русским окончанием *-ів*, т. е. окончание *-ї* как в чеш. яз. и *-ов* как в рус. яз.), *ездиме* (с окончанием *-іте*).

4. Ошибки на морфологическом уровне

Среди частых ошибок в русском языке в использовании окончания можно отметить первое лицо единственного числа у глаголов: *(я) встретимся*, *садим*, *ходим*, *готовимся*, где форма третьего лица множественного числа в русском языке совпадает по звучанию с формой первого лица единственного числа в чешском языке. Часто также встречаются случаи, когда вместо рода существи-

тельного одного языка используется род существительного другого языка: *банка* (*banka* — жен. род), *метода* (*metoda* — жен. род), *мой хобби*, *моей образования* вместо *моего образования*, *с душей* (*sprcha* — жен. род).

При составлении словосочетаний наблюдаются ошибки, связанные с неправильным использованием предлогов: *блюда про 700 ребят* вместо *блюда (еду) для 700 ребят*, где предлог использован в значении предлога *pro* (кого?, со?); *работа на домне* вместо *работа в доме*, где предлог *на* дан в значении предлога *na* (ком?, чем?); *ехать в метро или в автобусе* вместо *на метро или на автобусе*; *я еду в работу* вместо *на работу*; *гулять по горах* вместо *по горам*, где предлог *по* использован в значении предлога *po* (ком?, чем?); *к морю* вместо *на море*, то есть согласно традиции чешского языка; *по работе* вместо *после работы*, где *по* дано в значении предлога *po* (кому?, чему?); *готовился на экзамен* вместо *к экзамену*, т. е. калька с чешского языка *připravoval se na zkoušky*.

Видовые отличия глаголов также сложны для носителей чешского языка, особенно у глаголов движения: часто вместо *пойду*, *поеду*, *побегу*, *полечу* и др. используется *иду*, *еду*, *бегу*, *лечу*.

Эллипсис глагола *есть* в значении «существовать» в настоящем времени в русском языке приводит к его опущению в речи иностранцев и в случае, когда он должен присутствовать, т. е. в предложении используется в значении «иметь»: *у меня тоже муж* вместо *у меня тоже есть муж* и наоборот, использование глагола на месте, где он должен быть опущен: *образование есть хорошее* вместо *образование хорошее*.

Отрицание чего-либо в чешском языке строится при помощи глагола *netám* (кого?, со?), в русском языке на этом месте используется глагол *нет* (кого?, чего?). В связи с этим различием возникает конструкция *у меня нет автомобиль* вместо *автомобиля*; *у меня нет свободное время* вместо *свободного времени*.

При составлении сочетаний числительных с существительными, чаще всего студенты, особенно на базовом уровне, делают ошибку, которая связана с различием постановки падежа существительного при числительном: *два сыны*, где *сыны* это перевод с чешского (*dva synu*) в форме именительного падежа множественного числа; *18 тысяч люди* вместо *людей*, где также перевод с чешского (*18 tisíc lidí*); часто также встречаются случаи, когда искусственно создается форма множественного числа родительного падежа: *59 годов* или *25 годов* при наличии в чешском языке одинакового по форме и значению слова: *59 let* и *25 let*.

Часто при использовании глагола *работать* в русском языке чешские студенты добавляют местоимение *как*, таким образом калькируя чешскую конструкцию в русском: *я работаю как менеджер* вместо *я работаю менеджером* (перевод с чешского *pracuji jako manažer*).

5. Ошибки на синтаксическом уровне

В сложных предложениях часто происходит замена союзов или союзных слов: *автобус или автомобиль* вместо *автобус и автомобиль*; *и потому что* *я не могу спортоват* вместо *и поэтому я не могу заниматься спортом*; *когда я бы был здоровый* вместо *чтобы я был здоровым*; *я думал об этом, что я буду* вместо *я думал о том, что я буду*.

Приведенные примеры показывают, что при изучении русского языка как иностранного в устной речи чешских студентов, для которых русский язык является неродным, возникают ошибки в использовании слов, словосочетаний и предложения. В результате начального знания языка, либо плохого владения языком, либо в результате интерференции в речи студентов возникают ошибки, которые в некоторых случаях являются специфичными только для носителей чешского языка, однако в некоторых случаях эти ошибки являются общими для всех славяноязычных студентов.

Литература

- Михайлов М. М. Двужычие и взаимовлияние языков // Проблемы двужычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 197–203.
 Середнецкая Т. Основные причины появления ошибок в сочетаемости лексем // РЯНШ 1971. № 1. С. 58–61.
 Liškár Ć. Transfer a interference ve vyučování cizím jazykům. 1. vyd. Krajský pedagogický ústav v Brně, 1970.
 Šourková A., Zajíčková J. Interference v ruské morfologii. Praha: SPN, 1968.
 Veselý J. Problematika vyučování ruštině jako blízkce příbuznému jazyku. Praha: SPN, 1985.

Лингводидактический аспект изучения словообразовательной системы (на материале дезоонимической деривации)

А. В. Моргун

Мукачевский государственный университет (Украина)

Словообразовательная парадигма, словообразовательное значение, зооним, дезоонимический дериват.

Summary. The author proves that the study of word formation as a system contributes to the spelling literacy, mastering the laws of the nomination, characteristic of the modern Russian language, acquaintance with the stylistic variety of the Russian language.

Как известно, пополнение словарного запаса учащихся осуществляется не только через пословное усвоение отдельных лексических единиц, но и через усвоение системы словообразования. Однако в ныне действующих программах для общеобразовательных школ изучению словообразования как системы внимания уделяется недостаточно. Изучение словообразования в школе базируется на наборе разрозненных фактов, из поля зрения выпадают такие комплексные единицы, как словообразовательная категория, словообразовательная парадигма, словообразовательное гнездо.

Необходимость изучения словообразования как системы обусловливается тем, что системное изучение русского словообразования способствует повышению орфографической грамотности, овладению закономерностями номинации, характерными для современного русского языка, знакомству со стилистическим многообразием русской речи и тому подобное. Изучение русского словообразования как системы ускорит и упорядочит процесс овладения русской лексикой.

На материале дезоонимической деривации предлагается система упражнений с одной из комплексных единиц словообразования — словообразовательной парадигмой.

Словообразовательная парадигма русских зоонимов включает 22 словообразовательных значения и делится на четыре блока: субстантивный, адъективный, глагольный и адвербиальный. Включает следующие единицы: «лицо, характеризующееся отношением к животному, названному мотивирующим существительным» (*кошатник, гусятник, свинарь*), «место, пространство, территория, имеющее отношение к животному, названному мотивирующим существительным» (*коровник, фазанарий, муравейник*), «мясо животного как пища» (*свинина, осетрина, баранина*), «самка» (*зайчиха, львица, индюшка*), «незрелость» / «детеныш животного» (*слоненок, утенок*), «принадлежащий, свойственный» (*ежовый, мартишкин*), «производить а свет» (*жеребиться, щениться*), «признак по отношению к животному, названному мотивирующим словом» (*волком, ериом*) и т. д.

Необходимо учесть, что значительная часть словообразовательных значений зоонимов характеризуется относительно регулярным приращением смысла. Поэтому работа с данным материалом будет способствовать развитию и совершенствованию интеллектуальных (сравнение и сопоставление, соотношение, синтез, обобщение, абстрагирование, оценивание и классификация) и информационных (умение осуществлять библиографический поиск, извлекать информацию из различных источников, умение работать с текстом) общеучебных умений.

Так, словообразовательное значение «лицо, характеризующееся отношением к животному, названному мотивирующим существительным» делится на следующие частные словообразовательные значения:

- а) «специалист» (*свинарь, гусятник* — «работник, пастух данных животных»; *конник* — «воин, всадник, кавалерист»);
- б) «любитель» (*кошатник*);
- в) «охотник» (*соболятник, соколятник, псарь* — «тот, кто охотится на данное животное» и «тот, кто охотится с данным животным»).

В рамках данных частных словообразовательных значений можно рассматривать и структуру производных слов: дериваты простые и дериваты сложные:

- а) «специалист» (*ослятник* — *конецод*, *пчеловод*);
- б) «охотник» (*соболятник* — *барсолов*, *краболов*, *китобоец*).

Изучение слов блоками дает возможность ученикам ознакомиться с семантикой базовых слов и словообразовательных аффиксов, которые используются в создании слов определенной части речи, помогает овладеть основными закономерностями словообразовательного синтеза. Например, зная значение слова *собака*, нетрудно определить значение слов *собачонка*, *собачища*, *собаковод* и тому подобное. Этому помогает внешнее (формальное) и внутреннее (семантическое) сходство мотивирующего и мотивированного слова.

Введение в процесс обучения слов блоками приводит к тому, что связи между однокоренными словами оказываются в поле зрения учащихся, у них развивается обоснованная языковая догадка, а следовательно появляется возможность эффективного обучения толкованию значений производных слов.

Углубить и закрепить представления учащихся о системных отношениях в языке можно на материале словообразовательных синонимов, антонимов и омонимов.

На материале словообразовательной парадигмы зоонимов рассмотрим явление словообразовательной синонимии. Например, ученикам предлагается создать слова со значением «самка животного» от существительных *волк*, *барсук*, *медведь*, *мул*, *осел*, *паук*, *скворец*, *журавль*, *заяц*, *кролик* с помощью суффиксов *-их(а)*, *-иц(а)*, то есть суффиксов, имеющих одно и то же словообразовательное значение (ср.: *волчиха*, *волчица*, *ослиха*, *ослица*), однако характеризующихся стилистическими различиями или разной сферой употребления. На данном материале ученики могут выполнять следующие задачи:

- 1) продолжить список названий животных, от которых можно образовать производные с данным значением;
- 2) определить стилистические различия или сферу употребления слов с данными суффиксами;
- 3) определить, какой из суффиксов употребляется чаще;
- 4) отметить случаи чередования согласных в корнях слов, например: *волк* — *волчиха* (к / ч), *скворец* — *скворчиха* (ц / ч) и др.

Работа на материале словообразовательной парадигмы русских зоонимов позволит выйти за пределы учебного лексического минимума, поможет сэкономить много времени, которое можно использовать для работы над произношением, образованием словосочетаний, предложений и т. д.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986.
- Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
- Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во Московского университета, 1980.
- Юсупова Н. Г. Структура словообразовательных парадигм зоонимов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент: Укитувчы, 1982. С. 298–301.

Проблема представления фоновых знаний в учебном тематическом словаре

С. А. Москвичева

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Л. А. Нестерская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Тематический словарь, концепт, фоновое знание, фрейм, событие.

Summary. This article is devoted to a problem of elaborating an ideographic translation dictionary. It is considered that the theoretical base of such work is made up by the following terms: event, concept, background knowledge. It is also expected to use a frame as a key unit of this type of thesaurus.

Учебный идеографический русско-французский словарь «Le russe contemporain. Des mots à l'expression. Lexique thématique» был подготовлен коллективом авторов (Э. Андерлайн, Г. Димова-Сарвари, С. А. Москвичева, Л. А. Нестерская) и издан в 2009 году.

Авторами ставилась задача создать учебный переводной словарь активного типа, который позволил бы понимать и комментировать современную российскую прессу. Однако он не должен был стать словарем тезаурусного или энциклопедического типа, и еще меньше словарем терминов по разным областям науки, поскольку целью было отразить в словаре тривиальные знания среднего носителя языка и читателя современной газеты.

Авторы являются адептами тематического подхода в обучении, в том числе при обучении газетной лексике, но тематический подход, по верному замечанию А. Н. Латышевой, должен быть «модернизированным». Словарь имеет не просто коммуникативную направленность, но коммуникативно-семантическую, с учетом, насколько это оказалось возможным, когнитивного компонента знаний о мире. А это значит, что методически необходимо учитывать в выказывании пропозицию, иллюкутивные функции и фоновые знания.

Методологические принципы данного словаря строятся на достижениях психолингвистики и когнитивной лингвистики, в первую очередь на идеях М. Л. Минского, Р. С. Шенка, Л. Абельсона, Р. М. Фрумкиной, Е. С. Кубряковой, В. Я. Шабеса. Дидактические принципы организации словаря опираются на работы А. Н. Латышевой [Латышева 2007]. Ключевыми теоретическими концептами для нас стали *фоновое знание, фрейм, событие, концепт, образ и сцена*. Мы исходили из понимания целостной картины мира (системы знаний о мире) как состоящей из двух частей: единиц коммуникативного компонента, представляющего собой вербально-оформленные знания (понятие концепт, и шире — текст), и единиц когнитивного компонента (представление, образ, сцена), которые сводятся к модели события. Не оформленный вербально когнитивный компонент составляет основу *фоновых знаний*.

Информационный фон является общим для участников акта коммуникации, собственно поэтому, он не вербализуется и относится к фоновым знаниям.

ям, хотя может серьезно варьироваться в зависимости от уровня анализа. Поскольку речь шла о создании словаря, ориентированного на широкую аудиторию, изучающих русский язык, нас интересовал социальный аспект фоновых знаний, то есть типизированные, тривиальные (обыденные) знания «нормального» взрослого индивида.

В словнике эксплицитно может быть отражена только семантическая категоризация мира — вербализованные образы и понятия. В сознании же носителей языка фоновые знания существуют в виде модели события, понимаемого как инвариант сцены (уникальной реализации данного события) или образа, то есть лишенных экспрессивной оценки фреймов или, что достаточно близко, гештальтов. О противоречии между дискретным (семантическим), линейным устройством языка и нелинейным, синкретическим характером мышления в лингвистике говорится давно. Синтетический характер мысли подчеркивал еще Л. С. Выгодский.

Познание мира идет через перцепцию динамических сцен, как вариантов события, на базе которых формируются статические образы и представления (гештальты), которые вебализуются специфическим для каждой культуры образом. Именно это обуславливает лингвокультурологическую направленность словаря. Многие концепты по своей природе являются гештальтами, но будучи единицами коммуникативно-семантического уровня знаний, события, концепты и понятия способны к дискретному вербальному оформлению. Однако слово и текст это только надводная часть айсберга, подводной же являются фоновые знания, когнитивно-семантические динамические категории чувственно-воспринимаемых сцен, образов и представлений, основы фреймов и гештальтов. В когнитивных процессах гештальту и фрейму, как способу организации знания, принадлежит совершенно особое место. В коммуникативных процессах мы имеем дело со словом. Лингводидактика должна учитывать обе составляющие. Работая с лексикой и текстом, необходимо принять во внимание фреймовую организацию события, а также «когнитивную тему» фоновых знаний, тривиальных для носителей языка, но неизвестных для иноязычной аудитории.

В словаре фоновые знания, насколько это возможно, находят выражение через фреймовые структуры во второй части словаря «Говорить и писать» и в разделе «Экспрессия и оценка на страницах газет и журналов».

Первая часть словаря «Читать и понимать» представляет собой вполне классический тематически организованный двуязычный словарь, отражающий однако лингвокультурную специфику российской прессы. Оригинальность лексико-семантического компонента тем выше, чем выше оригинальность той сферы жизни, которую он отражает.

Фоновые знания в силу своей тривильности не находят прямого выражения в акте коммуникации. Однако, частотность и характер номинаций косвенно говорят о коммуникативном фоне общества.

Во второй части словаря «Говорить и писать» реализуется фреймовый подход, изложенный и обоснованный в работах А. Н. Латышевой [Латышева 2007]. Идея фреймного представления знания восходит к работам М. Л. Минского [Минский 1979]. Фрейм относится к категории инвариантов, то есть является единицей уровня анализа. К теории фреймов близко примыкает теория сценариев и ее скорректированная версия теория целей и планов Р. Шенка и Л. Абельсона [Shank, Abelson 1977]. Вторая часть Словаря представляет собой типизированные сцены и событий, оформленных во фреймы, то есть дополняет статическое представление концептов первой части динамическим измерением.

Литература

- Латышева А. Н.* Учебные русского языка и «фреймовый подход» к обучению инофонов // Мир русского языка и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ. Т. 6(2), София: Heron Press, 2007. С. 260–267.
- Минский М. Л.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
- Шабес В. Я.* Событие и текст. М.: «Высшая школа», 1989.
- Enderlein E., Dimova-Sarzari G., Moskvitcheva S., Nesterskaia L.* Le russe contemporain. Des mots à l'expression. Lexique thématique. Paris: L'Asiathèque, 2009.
- Shank R. C., Abelson R.* Scripts, Plans, Goals and Understanding. Hillsdale; NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1977.

Межъязыковое понимание в преподавании русского языка

М. М. Муцнинина

Университет г. Майнц (Германия)

Межъязыковое понимание, дидактика родного (русского) языка.

Intercomprehension, L1-teaching.

Summary. The article deals with the phenomenon of intercomprehension and with using intercomprehensive methods for purposes of language teaching. Intercomprehensive methods are suitable not only to promote language awareness and linguistic analysis skills, they also contribute significantly to strengthening the motivation of learners. Therefore they can be used effectively by learning new languages as well as by L1-teaching. An experiment using intercomprehensive methods will demonstrate the possibilities of intercomprehensive methods for purposes of language teaching.

В докладе будут представлены некоторые дидактические методы, основанные на явлении межъязыкового понимания. В частности, будет показано, что применение этих методов положительно влияет на уровень владения родным языком. В основе наблюдений, которые будут описаны в докладе, лежит эксперимент, проведенный в ходе занятий русским языком с русскоязычными детьми, проживающими в Германии.

Термин «межъязыковое понимание» обозначает особый вид коммуникации, при котором каждый из собеседников говорит на родном (или другом знакомом ему) языке, не владея языком собеседника. Обычно понимание при такой коммуникации основано на родстве языков общения. В широком смысле

феномен межъязыкового понимания охватывает не только устное общение, но и другие формы коммуникации. В основе этого явления лежит построение связанного языкового сообщения (инференция). Если язык незнаком, то инференция затруднена и в значительной степени зависит от наличия языковых (в основном лексических) элементов, которые как в иностранном, так и в родном языке имеют похожую форму. Значение этих элементов в родном языке активируется в памяти и переносится на элементы иностранного языка. Одновременно с этим происходит проверка того, насколько это значение в семантическом и прагматическом отношении приемлемо в данной коммуникативной ситуации. Это сравнение происходит путем анализа знакомых лексем, что способствует повышению языкового сознания. Именно этот механизм и использовался в эксперименте, который будет представлен в докладе.

Дидактические методы, основанные на межъязыковом понимании, используются в западно-европейской дидактике с 70-х годов прошлого века. Основной их целью является изучение большего числа иностранных языков. Однако при этом часто упускается из виду тот факт, что эти методы могут с успехом применяться и для повышения уровня владения родным языком. Примером тому может служить вышеупомянутый эксперимент.

Литература

- Heinz Ch. „Understanding what you’ve never learned?“ Chances and limitations of spontaneous auditive transfer between Slavic languages // WU Online Papers in International Business Communication, Series One: Intercultural Communication and Language Learning. Paper 5. WU Vienna University of Economics and Business. Vienna, 2009.
- Meißner F.-J. & alii (eds.). Intercomprehension: Learning, teaching, research. Tübingen, 2011.
- Mushchinina M. (to appear). Zur Förderung von Sprachkompetenz durch Interkomprehension // Tinnfeld Th. (ed.). Fremdsprachenvermittlung zwischen Anspruch und Wirklichkeit: Ansätze — Methoden — Ziele. Saarbrücken, 2011.
- Tichomirowa A. Schüler mit slawischsprachigem Hintergrund im Fremdsprachenunterricht Russisch // Mehlhorn, G.; Heyer, Ch. (eds.). Russisch und Mehrsprachigkeit. Tübingen, 2011. S. 109–133.

Интерактивность дистанционного обучения

Е. Ю. Николенко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Дистанционное обучение, интерактивность,
информационно-коммуникационные технологии, эффективность обучения.*

Summary. To be effective Distance Education should be interactive.

1. Распространение дистанционного образования

В последние десятилетия в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий и применением этих технологий в практике преподавания широкое распространение получило дистанционное образование (обучение) — далее — ДО, причем это не только лекционные курсы, но и практические курсы иностранного языка, в частности русского как иностранного.

2. Что такое дистанционное образование (обучение)

Рассмотрим, что такое дистанционное образование (обучение) в современном понимании. **Дистанционное образование** — образование, которое полностью или частично осуществляется с помощью компьютеров и телекоммуникационных технологий и средств. Субъект дистанционного образования удален от педагога, и / или учебных средств, и / или образовательных ресурсов.

Взаимодействие учителя и учащихся между собой происходит на расстоянии, без потери компонентов учебного процесса и реализуется посредством интернет-технологий. Помимо интернета, популярной технологией является пересылка учащимся образовательных контентов (электронных учебников, лекционных видеокурсов, видеосеминаров и др.). Преподаватель имеет возможность работать с каждым учеником отдельно со своего планшета или другого компьютера, комментировать работу учеников, давать и проверять задания посредством единой системы «планшет учителя — интерактивная доска — планшет ученика».

Данная технология интерактивна: в режиме реального времени учащиеся проходят тестирование знаний, консультируются с педагогами и т. д.

3. Что такое интерактивность

Мы считаем, что **интерактивность** является важнейшим показателем среды обучения иностранному языку. Интерактивность в современном понимании означает активное двустороннее взаимодействие преподавателя и студента, предполагающее большую активность студента, творческое переосмысление им полученных знаний [Инновационные... 2006: 18–19].

В результате теоретического анализа выявлены сущностные характеристики интерактивного обучения:

- личностная ориентированность,
- активность,
- деятельность,
- рефлексивность,
- коммуникативность,
- наличие прямой или опосредованной средствами обучения обратной связи между субъектами обучения, как по вертикали, так и по горизонтали,
- профессиональная направленность.

Указанные характеристики интерактивного обучения позволяют расценивать его как максимально соответствующее потребностям современного образования.

4. Интерактивность дистанционного обучения

Интерактивность понимается нами как важнейший параметр эффективности системы обучения, как то, что позволяет учащимся быть активными не только во время занятий, но и вне их. При этом невозможно переоценить роль

информационно-коммуникационных технологий в организации интерактивной учебной среды, что легко достигается при ДО.

Сочетание возможностей современных информационно-коммуникационных технологий и традиционных форм обучения создает интерактивную дидактическую среду воздействия на учащихся, которая активизирует их и в значительной мере повышает эффективность обучения.

Основные требования к обучающей системе при ДО: «индивидуальный подход к обучению, диалоговый характер взаимодействия преподавателя и учащегося, сочетание онлайн-ового способа и офлайн-ового, проведение текущего и итогового контроля...» [Азимов 2005: 59] по существу являются характеристиками интерактивного обучения.

Итак, чтобы быть эффективным, необходимо, чтобы ДО было интерактивным.

Литература

- Азимов Э. Г. Методика организации дистанционного обучения русскому языку как иностранному. М.: Макс Пресс, 2005.
Инновационные технологии в образовании. Глоссарий. М., 2006.
[<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

«Тематические примитивы» — основа обучения иностранному языку

И. В. Одинцова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

«Тематические примитивы», «повседневность», начальный этап обучения, фрейм.

Summary. The article deals with «Thematic primitives» — themes which are characteristic for the initial stage of learning a foreign language. Thematic primitives are analyzed in the context of the theory of «everyday life».

Темы, которые предлагают учебники иностранных языков, ориентированные на начальный этап обучения, традиционны: семья, мой день, дом, город, транспорт, посещение театра, в магазине и т. д. Подобные темы являются привычным достоянием человека, они воплощают осадок его прошлой деятельности. Запас знаний, формирующий их, «мы принимаем как само собой разумеющееся (будь то мышление или действие)» [Щюц 2004: 290]. При обучении языку эти темы становятся релевантными именно в силу своей универсальности для представителей разных языков и культур. Из них, как из кубиков, складывается фундамент дальнейшего обучения языку. Эти темы мы называем «тематическими примитивами» [Одинцова 2012]. В них отражены наши повседневные, поведенческие и речевые, практики, конституирующие тему. «Тематические примитивы» отсылают учащихся к их бытийному социальному опыту, в окаймлении которого они возникли. Этот опыт является разделенным (полностью или частично) для представителей разных национальностей и воспринимается учащимся как общий для него и других.

Тематические примитивы отражают повседневное бытие человека, то есть то, чем человек занимается в повседневной жизни в условиях домашнего быта и трудовой деятельности. Это бытие многократно воспроизводится и воплощается в повседневной практике человека. Мир повседневности в современной науке трактуется как «мифо-практическое» восприятие мира (Э. Гуссерль), как «плави́льный тигль рациональности», «привычное, упорядоченное, близкое» (Б. Вальденфельс), как уровень элементарных порядков интеракции «лицом-к-лицу», обладающий собственной организацией и когнитивным стилем (В. Вахштайн). Благодаря миру повседневности поддерживается стабильность функционирования человеческих обществ.

Содержание тематических примитивов является максимально разделенным и исходит из тезиса «взаимных перспектив» (А. Щюц), то есть учащиеся видят предметы и события в максимально идентичной системе типизаций. Несмотря на то что мы принадлежим разным культурам, говорим на разных языках и каждый из нас в каждый момент своей жизни находится в биографически детерминированной ситуации, мы автоматически и бессознательно принимаем допущение, что от перемены наших мест мир вокруг нас не изменится. Такое допущение формирует непроблематичное отношение человека к окружающему миру.

Тематические примитивы актуальны как для начального этапа обучения, так и для продвинутого. Что определяет динамику в овладении языком? Желание высказаться и возможность это сделать. Эти две движущие силы в учебном процессе должны быть максимально гармонизированы. Однако в зависимости от этапа обучения их соотношение меняется. На начальном этапе желание регламентируется возможностями. Тематические примитивы, отражая идентичность отдельных культур и являясь объединяющим фоном межкультурного дискурса, ставят культурный опыт учащихся разных национальностей в одинаковые условия. Это дает возможность преподавателю на начальном этапе обучения минимально касаться периферийных областей человеческого опыта, ограничивать желание учащихся говорить на проблемные темы, создавая при этом иллюзию естественного общения. На продвинутом же этапе, когда уровень возможностей достаточно высок и на уроке необходимо провоцировать уровень желаний, тематические примитивы создают основу для развития межкультурного диалога, поскольку в них эксплицитно содержатся все основные узлы противоречий, создающих уникальность, неповторимость социокультурного опыта носителей разных языков.

В основе тематических примитивов лежат сильные фреймы [Одинцова 2011] — максимально алгоритмичные, стандартизированные и конвенциональные фреймы. Основу сильных фреймов, формирующих тематические примитивы, формирует максимально типизированный контекст наиболее разделенных в обществе фоновых знаний, прагматически релевантный для носите-

лей разных языков. В этих фреймах отношения, действия, контакты, ценности максимально разделяются всеми участниками учебной деятельности или — поскольку учебная деятельность это всегда вторичная, замещающая, реальность — учащиеся принимают соглашение, что различия, связанные с уникальностью их биографического, личностного и социально-исторического, опыта, не имеют значения для решения учебных задач. Если сильные фреймы являются инвариантной когнитивной структурой, сформированной опытом, общечеловеческим и личностным, то тематические примитивы — это наиболее прототипическая форма ее реализации.

Особенности фреймов, лежащих в основе материала обучения на начальном этапе, характерны не только для содержательной стороны тематических примитивов (фреймы предметной и социокультурной реальности — РФ), но и для языковых фреймов (ЯФ) — лексических и грамматических. ЯФ, формирующие тематические примитивы, реализуются, как правило, с помощью языковых средств, составляющих ядерные и центральные зоны лексико-семантических, тематических, лингво-культурологических, функционально-семантических полей русского языка.

Литература

- Одинцова И. В. Роль темы в учебнике по развитию речи // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 1.
- Одинцова И. В. Сильные и слабые фреймы как единицы коммуникативно-когнитивного аспекта речевой деятельности. Мир русского слова. 2011. № 1.
- Щюц А. Размышления о проблеме релевантности // Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Лингвокультуроведческий минимум для инофонов: практика создания и использования в России и за рубежом

М. Рунс-Соррилья Крусате

Университет г. Барселона, Испания,

Л. А. Дунаева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Linguocultural minimum, Russian as a foreign language.

Summary. This paper is focuses on the analysis of different approaches to the development of the linguocultural minimum for foreigners that are used in the practice of teaching of foreign (Russian) language and certification testing.

В 2007 году на XI Конгрессе МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире» А. Мустайоки, обращаясь к проблеме важности культуроведческих знаний для полноценного общения, предложил свое понимание иноязычной коммуникативной компетенции, основывающейся на трех типах знания (знание языка, знание общества, знание мира) и соответствующих им умениях и навыках (общих, лексико-грамматических, диалогических, терминологиче-

ских, профессионально-стилевых, поведенческих, культурологических и энциклопедических) [Мустайоки 2007]. Указывая на культуроведческую составляющую как на неотъемлемую и важнейшую часть коммуникативной компетенции инофона в целом, он поставил вопрос о необходимости разработки соответствующего минимума для изучающего русский язык иностранца. В минимум, который должен представлять собой не только ориентир для построения системы культуроцентрического обучения русскому языку как иностранному, но и компонент системы сертификационного лингводидактического тестирования, предлагалось включить «представления о семье, образовании, работе, транспорте и т. п.; способы оценки разных черт характера и способностей, знания речевого этикета, коммуникативных тактик, табу и т. п.); конкретизаторы исторической памяти (прецедентные тексты, исторические явления и лица, эстрадная музыка и другие ценности, проявляющиеся в коммуникативном поведении и отношении к родителям, друзьям, природе, слову, юмору, спорам и т. п.)» [Мустайоки 2007]. При всей очевидной потребности в минимумах такого рода и существовании определенного круга исследований [Верещагин, Костомаров 2005] и словарей российской лингвокультуры (см. обзор в [Анисимова 2014]) область преподавания русского языка как иностранного (РКИ) и лингводидактического тестирования по русскому языку (ТРКИ) материалами данного типа до недавнего времени не располагала.

Практика создания культурологических минимумов в последние годы получила развитие в сфере интеграционного экзамена, который используется в разных странах мира для проверки готовности иностранных граждан к вхождению в новое общество. Так, в 1998 г. Нидерландах успешное прохождение такого экзамена при уровне владения языком A2 требуется для претендующих на допуск в страну, разрешение на временное проживание, вид на жительство и гражданство (тематика вопросов: национальные, социальные и политические институты, факты истории, Конституция, демократические ценности и парламент, соблюдение прав человека). С 2014 г. в Испании иностранцы проходят единое тестирование на знание языка (уровень A2) и культуры страны (в форме собеседования); в Чешской Республике функционирует стандартная процедура получения гражданства, предполагающая прохождение помимо языковых тестов (уровень B1) «тестовых заданий по чешским реалиям» (социально-культурным, географическим и историческим); с 2005 г. в Великобритании иностранцы, желающие проживать в стране на постоянной основе и получить гражданство, сдают тест «Life in the United Kingdom», делающий акцент прежде всего на культурные ценности британского общества (знание истории и современности страны, персоналий — известных английских композиторов, художников, писателей, политических и общественных деятелей, ученых, инженеров, промышленников); с 2007 г. в Германии введен интеграционный экзамен по немецкому языку, истории и обществоведению, основная цель которо-

го заключается в демонстрации иностранными гражданами «своей воли к интеграции в немецкое общество» (тематика вопросов: история, культура, политика, основы права, положения конституции и пр.); во Франции вводится новая система тестирования, включающая вопросы по культуре, истории, географии Франции и ее роли в европейском и мировом сообществе (уровень владения языком B1). С 2015 г. в России также введен интеграционный экзамен, который распространяется на лиц, желающих получить работу, временное проживание на территории страны и вид на жительство (уровень владения языком А2) и включает наиболее важные факты, события и даты российской истории (17), праздники (8), ключевые персоналии (45), основы конституционного строя РФ, гражданского, семейного и трудового права, базовые правила въезда, выезда и пребывания на территории РФ и др.

Анализ существующей практики составления минимумов для интеграционных экзаменов показывает, что отбор входящих в них фактов и реалий основывается преимущественно на экспертном подходе, который при всех его известных плюсах характеризуется определенной долей субъективности, провоцируя критику в адрес составителей.

В докладе предлагается обсудить альтернативные способы составления лингвокультуроведческих минимумов. Первый подход, основанный на методике исчисления смыслов (долей лексического фона и рече-поведенческих тактик, реализуемых в текстах), представлен в фундаментальной монографии Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [2005]. Вторым подходом реализован на основе синтеза энциклопедического и тематического принципов при создании лингвокультуроведческого словаря «Decouvrir la Russie» («Откройте для себя Россию») ¹ [Дунаева, Нестерская, Яценко 2014], который по аналогии с моделью вводного тома «Россия» Большой Российской энциклопедии [2004] содержит 55 специально составленных сжатых текстов, содержащих актуальные сведения по ключевым темам в рамках разделов «Природа», «Люди», «Города», «Культура», «Общество», «Экономика», «Политика», «Средства массовой информации» (имеющих детализированную внутреннюю рубрикацию) и выделенный на этой основе культуроведческий минимум (650 единиц), включающий сведения о реалиях, персоналиях и наиболее значимых событиях российской истории и современности, в значительной степени отличающийся от содержания лингвокультуроведческого минимума, применяемого в настоящее время для проведения комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ. Третий подход, на наш взгляд, в наибольшей степени объективный и адекватный задачам составления каких бы то ни было минимумов вообще, базируется на применении статистического и тематического подходов, позволяющих на основе автоматической обработки ре-

¹ Публикуется объединением издательств «Le Courrier de Russie» и «L'Asiathèque» при поддержке Франко-российской торгово-промышленной палаты (CCIFR).

презентативных корпусов аутентичных текстов заданной тематики выявить частотность единиц и их тематическую принадлежность. Количественные, качественные и технические принципы создания репрезентативных корпусов текстов с целью разработки лингвокультуроведческого минимума, особенно-сти их автоматизированной обработки и интерпретации полученных результатов будут представлены в докладе.

Литература

- Анимова О. К. Словари лингвокультуры: формирование корпуса и построение типологии // Наука и Мир (Science and World). 2014. № 9 (13). С. 86–91.
- Бердичевский А. Л. Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе // Русский язык за рубежом. 2002. № 2. С. 60–65.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. М.: «Индрик», 2005.
- Дунаева Л. А., Нестерская Л. А., Яценко И. И. Опыт создания двуязычного (русско-французского) учебного культурологического словаря «Откройте для себя Россию» // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015.
- Должикова А. В., Козьменко В. М., Мосейкина М. Н. и др. Интеграционный экзамен для иностранных граждан: зарубежный опыт, проблемы и перспективы проведения в России. М.: РУДН, 2014.
- Мустайоки А. Знание общества как элемент коммуникативной компетенции // XI Конгресс МАПРЯЛ: Пленарные доклады. СПб., 2007.
- Россия. Вводный том. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004.

Эффективный способ увеличения словарного запаса с использованием радиальной категории префиксов *про-* и *пере-*

Г. Саяма

Токийский университет иностранных языков (Япония)

Корпусная лингвистика, глагольные префиксы, обучение лексике, частота.

Summary. This paper is aimed to vocabulary learning with “the radial category” of verbal prefixes, which is a semantic network of a prototype and other meaning, mentioned in the work of Janda et al. (2013). Russian verbal prefixes have a large meaning. It is, however, not necessarily a good method to learn all of them in time-limited situations. We selected the important meanings for vocabulary expansion in terms of the frequency and the productivity using the framework of the radial category.

1. Введение

В ограниченных условиях времени для увеличения словарного запаса требуется некий эффективный метод обучения лексике. По нашему мнению, здесь главную роль играет обучение глагольным префиксам и их значениям в рамках радиальной категории¹. Но, поскольку русские глагольные префиксы

¹ В радиальной категории объясняется распределение значений префиксов от прототипического когнитивным посредством метафоры и метонимии [Janda et al. 2013]. Подобное представление значений должно быть полезным для их закрепления в памяти.

многозначны, запоминать все значения крайне неэффективно. В настоящей работе рассматривается отбор важных значений префиксов *пере-* и *пере-*, полезных для увеличения словарного запаса. При этом были использованы данные¹ частоты и продуктивности² из Национального корпуса русского языка [Ляшевская и Шаров 2009: 1063–1064].

2. Подтверждение эффективности обучения глагольным префиксам

Для русского языка характерно богатство производных слов, и из этого следует, что с целью обогащения словарного запаса учащимся полезно освоить деривационных аффиксов. Среди данных аффиксов особенно важны глагольные префиксы, так как именно они включены в производные слова в большинстве случаев:

Таблица 1. Частота и продуктивность *пере-* и *про-* в Основном и Устном корпусах³

Префикс	Часть речи, производящего слова	Частота (item per million)		Продуктивность	
		ОК	УК	ОК	УК
<i>пере-</i>	глагол.	973,7	1034,4	19	33
	сущ., прил., нареч.	0	0	0	0
<i>про-</i>	глагол.	1993,3	1583,8	31	39
	сущ., прил., нареч.	0	0	0	0

3. Отбор значений префиксов важных для увеличения словарного запаса

В литературе, в которой упоминается о русских префиксах (Например, АН СССР 1980, [Janda et al. 2013]) представлено много их значений (в выше названных работах количество значений префикса *про-* составляет от 5 до 8, а *пере-* — от 10 до 11) Ниже приведена радиальная категория значений префикса *пере-* [Janda et al. 2013: 67]⁴:

¹ С точки зрения обучения РКИ лучше не учитывать редко встречающиеся слова, и поэтому в настоящей работе предмет анализа ограничен наиболее часто употребляемыми 5 000 словами.

² В настоящей работе показатель «продуктивность» представляет собой количество определенных деривационных аффиксов, отраженное в нашей базе данных.

³ Основной корпус (далее — ОК) репрезентирует письменную речь, а Устный корпус (далее — УК) — устную речь [Ляшевская и Шаров 2009].

⁴ Префикс *про-* имеет 5 значений [Janda et al. 2013: 106] — THROUGH, THOROUGH, DURATION, DISTANCE, PASS.

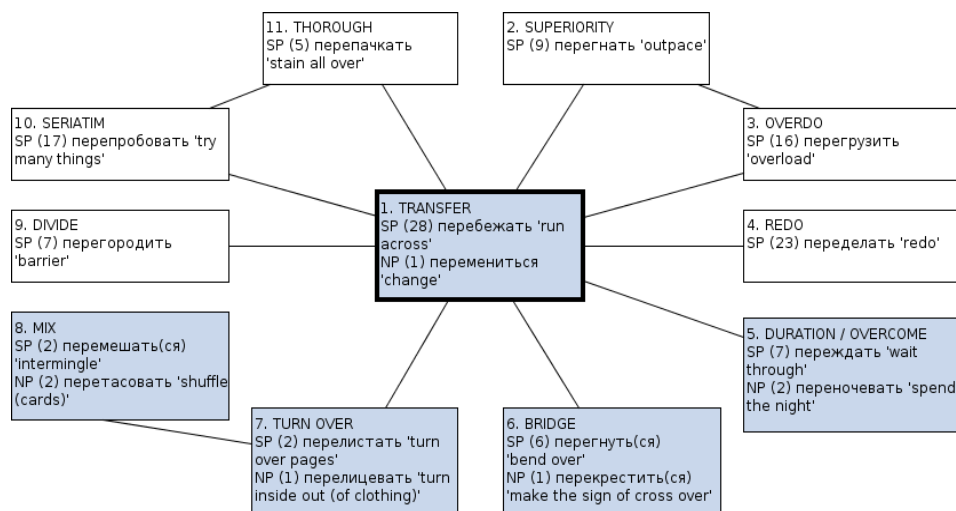

График 1. Радиальная категория префикса *пере-* [Janda et al. 2013: 67]

В условиях ограниченного времени с методической точки зрения не все эти значения одинаково важны. В настоящей работе отобраны значения, важные при обучении РКИ, на основе частоты и продуктивности каждого значения. Было выявлено, что среди всех значений высокую частоту и продуктивность имеют TRANSFER, REDO, THOROUGH, SERIATIM¹. По нашему мнению, на основе данного результата для учащихся должна быть переделана радиальная категория следующим образом:

00251659264

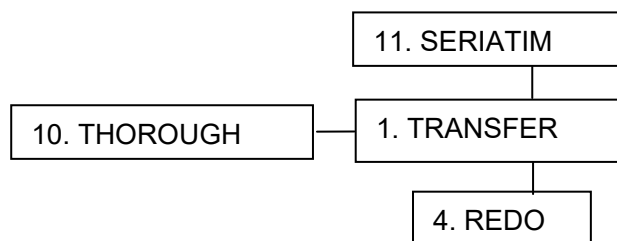

График 2. Радиальная категория префикса *пере-* в контексте преподавания РКИ

4. Выводы: радиальная категория для учащихся

С точки зрения частоты и продуктивности следует запоминать только TRANSFER, REDO, THOROUGH, SERIATIM, поскольку *пере-* с данными значениями наиболее часто встречаются в производных словах.

¹ Что касается значений префикса *про-*, то высокую частоту и продуктивность имеют THROUGH, THOROUGH, DURATION.

Литература

- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009.
- Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
- Lyashevskaya O., Makarova A., Neset T., Sokolova S. Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty: Prefixes as Verb Classifiers. Bloomington: Slavica, 2013.

**Формирование лингвометодических компетенций
студентов-словесников национальных групп
в процессе изучения русского правописания**

Л. В. Эглит

Казахский национальный педагогический университет им. Абая (г. Алматы, Казахстан)

*Лингво-методические компетенции, навыки правописания, дедактический комментарий,
орфограммы, пунктограммы.*

Summary. The report envisages the ways of formation of linguistic and methodical competences of students-philologists studying the "Russian Language and Literature in the Schools with Non-Russian Language of Education" specialty during the process of learning of Russian orthography and punctuation.

Новая образовательная парадигма приоритетной задачей профессиональной подготовки студентов-русистов в процессе изучения дисциплин лингвистического цикла признаёт формирование лингвометодической компетентности, под которой современная лингводидактика понимает способность обучать русскому языку на основе системы знаний о языке и методике его преподавания через призму аксиологических категорий педагогической деятельности и осознания языка как национально-культурного феномена.

Для выработки у студентов навыков осознанного грамотного письма следует систематизировать знания студентов по орфографии и пунктуации русского языка, полученные ими в школе и на предыдущих смежных вузовских курсах, дополнив и углубив их. В ходе работы необходимо научить студентов понимать принципиальную основу формулировок правил правописания, вырабатывая лингвистическую зоркость, а также мыслительную и речевую активность обучающихся, важно научить применять эти правила к речевым фактам, совершенствуя при этом навыки свободного владения письменной и устной формами современного русского литературного языка в условиях интерферирующего влияния родного языка.

Оттачивая орфографические и пунктуационные навыки, студенты бакалавриата одновременно приобретают известные навыки профессионального владения методами и приемами, которые применяются в процессе обучения орфографии и пунктуации. Умение самостоятельно находить в тексте орфограммы и пунктограммы и, как следствие, способность предвидеть степень трудности определенного материала — именно такое умение составляет профессиональный навык будущего учителя-словесника, и его необходимо фор-

мировать у студентов в ходе работы над данным курсом, развивая «учительское чутьё», т. е. умение оценивать учебный языковой материал с точки зрения его дидактической целесообразности.

В то же самое время, при изучении русской орфографии и пунктуации акцент делается на формировании лингвистической компетенции, т. е. владение языком в нескольких его социальных вариантах: устном и письменном, официальном и разговорном, профессиональном и политическом и т. п., а через нее и других предметных компетенций и, прежде всего, коммуникативной (речевой) — способность к эффективной речевой коммуникации в различных сферах человеческой деятельности, осведомленность в лингвистической теории, осознание ее в качестве системы правил, регулирующих употребление языковых и речевых средств, владение видами речевой деятельности, способность анализировать речевую ситуацию для выбора речевого поведения и лингвокультурной, которая представляет собой проявляющуюся в общении совокупность взаимосвязанных представлений о нормах, правилах и традициях вербального и невербального общения в рамках русской лингвокультуры.

Эффективность формирования готовности к качественной профессиональной деятельности определяется включением в содержание теоретического материала методического аспекта, в рассмотрении лингвистических и литературоведческих понятий с дидактическим комментарием и, непременно, с соответствующим материалом, изучаемым в средней школе, созданием комплекса комбинированных упражнений и заданий, сочетающих в себе решение лингвистических и методических проблем.

Так, ряд заданий данного курса строится на основе специальной лингвистической литературы, например, для выработки навыков грамотного письма студентам предлагаются выдержки из работ Ф. Ф. Фортунатова «Сравнительная морфология индоевропейских языков», Д. Н. Овсянико-Куликовского «О значении научного языкознания для психологии мысли», «Этюды о творчестве А. П. Чехова», А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», «Школьная и научная грамматика», Е. Д. Поливанова «Где лежат причины языковой эволюции?», В. В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» и т. д. При выполнении подобных заданий познавательная деятельность студентов направляется как на осознанное соблюдение норм орфографии и пунктуации, так и на осмысление содержания текста и адекватную передачу его с обязательным использованием изученной и освоенной лингвистической терминологии.

Многофункциональна и работа с текстами, содержащими интересные сведения из биографий известных русских лингвистов, составителей словарей (В. И. Даля, А. А. Потебни, Л. В. Щербы, С. И. Ожегова, В. В. Виноградова, Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского, Ф. П. Филина и др.), что кроме основной задачи — объяснения трудных случаев орфографии и пунктуации — спо-

способствует расширению лингвистического и профессионального кругозора студента-филолога, выполняет воспитательную функцию.

Создание разноуровневых заданий, способствующих развитию познавательной самостоятельности, характер и объем учебных занятий, позволяет осуществить личностно ориентированный подход к организации деятельности студентов в стенах педагогического вуза, когда студент воспринимается в качестве субъекта образовательного процесса, в котором он сам выбирает, с каким заданием по уровню сложности способен справиться в данный момент, а с каким — на продвинутом этапе. Это позволяет развивать субъектную, сознательную активность студента в процессе обучения, закладывает основы формирования индивидуального стиля будущего учителя.

В заключение отметим, что формирование лингвометодической компетенции студентов-филологов национальных групп осуществляется на основе теории контекстного обучения и компетентностного подхода, реализуя принципы фундаментальности, ориентированности на практику, креативности подхода к аудиторным и самостоятельным заданиям, профессиональной направленности, межпредметной интеграции.

Этнокультурное сознание и проблемы перевода

Инвективы в чешском тексте: к проблеме перевода

С. М. Белякова

Тюменский государственный университет (Россия)

Инвективы, чешский язык, русский язык, перевод.

Summary. In operation the invective of the Czech language used in the novel by J. Hasek, their typology, the main features of their translation into Russian language. The conclusion is made more expressive Russian equivalents in the text of the translation.

Инвективы в любом языке составляют особый пласт экспрессивной лексики, привлекающий внимание лингвистов, которые рассматривают его как с позиций нормативности языка, так и в рамках изучения народной культуры (или антикультуры). (См. работы И. В. Беляевой, В. И. Жельвиса, Е. Е. Королевой, А. В. Курьянович, Н. Б. Лебедевой, Б. Я. Шарифуллина и др.) Такая лексика с одной стороны, отражает некоторые общечеловеческие константы, а с другой — обладает яркой национальной спецификой. Это создает определенные проблемы в переводе текстов, включающих в себя инвективы, на другие языки.

В рамках данной работы рассмотрено употребление инвектив в романе Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (часть I «В тылу») и особенности их перевода на русский язык. Для анализа привлечен перевод романа, сделанный П. Г. Богатыревым.

Роман весьма насыщен экспрессивной лексикой такого рода. Как писал сам Я. Гашек в послесловии к этой части, «если необходимо употребить сильное выражение, которое действительно было произнесено, я без всякого колебания привожу его здесь. Смягчать выражения или применять многоточие я считаю глупейшим лицемерием».

Осознавая сложность сопоставления текста оригинала и перевода для человека, владеющего лишь литературным чешским языком и поверхностно знакомого с субстандартом, мы тем не менее сделали некоторые наблюдения и выводы, которые, возможно, носят предварительный характер и могли бы быть скорректированы при обращении к информантам — носителям чешского языка. Однако и в этом случае следует иметь в виду, что со времени создания романа прошло более ста лет, а следовательно, современная языковая среда, особенно ее экспрессивный потенциал, значительно отличается от той, в которой «существовал» Йозеф Швейк.

Выделяются следующие семантические группы инвектив, употребленных в романе (приводим примеры из русского перевода):

- анимализмы (зоосемизмы): *скот, скотина, зверь, бестия, осёл, жеребец, свинья, морская свинья, сиамский слон, гиена пятнистая, собака, сукин сын, корова, гидра, обезьяна, верблюд, петух*;
- выражения, содержащие наименования персонажей inferнального мира (чёрт): *идите к чёрту; чёрт побери; в них сам чёрт не разберётся; чёрт их знает; чёрт его дёрнул; словно черти*;
- библеизмы: *валаамова ослица, олух царя небесного, блудный сын*;
- лексемы со значением «глупец»: *дурак безмозглый, болван, олух царя небесного, идиот, балда, балбес*;
- лексемы, обозначающие человека низких моральных качеств: *мерзавец, прохвост, мошенник, жулик, негодяй, подлец, пройдоха, грубиян*;
- отрицательные характеристики внешнего вида человека: *верзила, огородное пугало, чучело для оплеух, потасканный вид, противная фурия, харя, урод, уродина, дохлятина*;
- инвективы «в чистом виде», т. е. оскорбительная лексика, яркие экспрессивности: *тварь, сволочь, стерва, хрыч, дрянь, дерьмо, отвратительный тип*.

Наиболее обширной является первая группа, т. е. зоосемизмы, но в то же время максимальную частотность в тексте имеют слова *скот, болван, осёл, подлец, дурак*. Необходимо отметить и различную структуру данных лексических объединений. Так, группа зоосемизмов содержит гиперонимы и гипонимы: *скот, зверь / жеребец, корова, обезьяна* и др., а группа со значением «глупец» — синонимы (рус. *дурак, идиот, балда, балбес*; чеш. *blbec, pitomec, trouba, darebak*).

Выделение семантических групп важно не только само по себе как классификация и необходимый элемент описания материала. Почти каждая из них обладает спецификой в плане перевода. Так, практически все анимализмы находят эквивалент в языке перевода: *зверь* — *zvíře*, *свинья* — *prase*, *бестия* — *bestie*, *собака* — *pes*, *гиена пятнистая* — *hyena skvrnitá* и др. Исключение составляет *vůl* (вол), что переводится при помощи лексемы *осёл*. Однако чешское слово и его русский аналог отличаются лишь формально, называя разные денотаты, но коннотативные части значения у них совпадают, таким образом, перевод вполне адекватный. В ряде случаев чешские синонимы передаются при помощи одного русского слова, например, чеш. *dobytek* и *hovado* — рус. *скот (скотина)*. Известное русское выражение *сукин сын* используется переводчиком в качестве аналога чешского слова *holomek* «негодяй», не являющегося анимализмом.

Анализ перевода инвективной лексики чешского языка на русский позволил сделать следующие выводы.

1. В целом семантические группы анализируемых лексем, выделенных в чешском тексте, находят соответствие в переводе. Однако в некоторых случаях переводчик чаще использует анимализмы.

2. В чешском оригинале используются выражения со словом *čěrt*, однако в русском переводе их количество значительно больше. Так, выражение *to by v tom musel být hrom* заменяется на *Чёрт побереги!*; *Nedali jsme ti nic* — на *Чёрта с два мы ему дали!* В оригинале отсутствуют эквиваленты русским фразеологизмам *ну их к чёрту*; *ни черта (не пьёт)*; *к чёртовой матери*; *чёрт бы вас подрал*; *суля всех чертей*.
3. Русский перевод следует признать более экспрессивным. Об этом свидетельствует, прежде всего, использование знаков препинания: запятые в чешском тексте и восклицательные знаки в русском, например: *Vy hovado, vy dobytci, vy vole, vy hajzle jeden.* — *Скотина! Тварь! Осёл! Дерьмо!* Кроме этого, в русском переводе используется такое средство экспрессивации, как утроение букв: *Дурррак!*, тогда как в оригинале находим обычное написание: *pitomče*. Некоторые чешские слова, имеющие, на наш взгляд, статус стилистически нейтральных, заменяются лексемами с ярко выраженной сниженной окраской: *Ty kluku socialistická!* — *Социалистическая тварь!*

Использование инвективной лексики в тексте романа тесно связано с его сюжетом, системой персонажей, художественными задачами автора, временем и местом действия. Все это необходимо учитывать при переводе текста на другой язык.

**Об отсутствии отражения в переводе
некоторых речевых отступлений от литературных норм
(на материале сербских переводов повести
М. А. Булгакова «Собачье сердце»)**

Е. С. Вучкович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Отступление от литературной нормы, художественный прием, перевод.

Summary. The article considers to the semantic and stylistic function of some devices based on the violation of literary norm in “The Heart of a Dog” by M. Bulgakov. It analyzes the methods of its translation into the Serbian language.

Речевые отклонения от литературных норм представляют несомненный научный интерес не только как недостатки речевого общения, речевой коммуникации, но и с лингвоэстетической стороны как источник комического, как средство создания литературных образов. Широко используемые в художественной литературе, речевые ошибки из недостатков речевой коммуникации фактически превращаются в их противоположность — эстетически значимое достоинство, сближаются со словесным искусством. Целью данной работы является осмысление художественной функции речевых неправильностей и анализ способов передачи этой функции в переводах.

В работе рассматривается функционально мотивированное употребление речевых неправильностей в художественном тексте. Эти отклонения от норм не являются речевыми ошибками в узком, школьном смысле, их употребление функционально обосновано, они намеренно употребляются в эстетических целях. Индивидуальное использование автором языковых средств позволяет решать творческие задачи, а также становится отличительной особенностью его стиля.

Под речевыми неправильностями и ошибками в строгом терминологическом смысле мы понимаем отклонения от кодифицированных литературных норм, закрепленных в ортологических словарях-справочниках и научной, учебной литературе в виде правил и рекомендаций.

Материалом для анализа послужил текст повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и его переводы на сербский язык Миливое Йовановича (Јовановић) и Дайича Путника (Putnik). Примеры из переводов приводятся шрифтами оригиналов (перевод Йовановича — на кириллице, Путника — на латинице).

Были проанализированы примеры отступления от словообразовательной, морфологической, синтаксической, лексической, морфологической, фразеологической и стилистической нормы, а также способы перевода таких отступлений на сербский язык.

Наиболее сложными для перевода оказались случаи нарушения морфологической, словообразовательной и фразеологической нормы. Причем, судя по проанализированным примерам (10 примеров), переводчики в этих случаях или не замечают нарушения нормы, или сознательно игнорируют его:

«Ухватили животную, исполосовали ножичком голову, а теперь гнушаются». Изменение родовой принадлежности слова служит для речевой характеристики Шарикова, подчеркивая его необразованность. Оба переводчика употребляют слово «животиња», которое в сербском языке относится к женскому роду. В последующем тексте это упущение никак не компенсируется. Возможно, под влиянием родного языка переводчики не заметили замены рода.

Так же не отражается в переводе авторский неологизм, вносящий в текст просторечную экспрессию: «Походка у него была развалистая» (вероятно, от «идти вразвалку»). Один переводчик использует выражение «гегати се у ходу», что и означает «идти вразвалку», а второй в переводе этой фразы допускает неточность: «Hod mi je bio težak».

Автор в речи профессора Преображенского трансформирует фразеологизм, лишая его привычной отрицательной формы, передавая таким образом разочарование и возбужденное состояние ученого: «Мое открытие... стоит ровно один ломаный грош». В переводах сербский фразеологизм, эквивалентный русскому, воспроизводится без изменений: «Моје откриће... не вреди ни по луле дувана», „Moje otkriće... ne вреди ni prebijene pare“.

Отклонения от нормы, используемые автором с определенной целью, могут, в частности, опираться на нереализованные возможности языковой системы и использовать нетрадиционные, не характерные для литературного языка средства. Тенденция переводить фразы, содержащие отклонения от нормы, используя конструкции, соответствующие нормам переводящего языка, может свидетельствовать о консерватизме переводчиков, так как схожие системы близкородственных языков часто позволяют отразить в переводе авторские приемы, основанные на нарушении языковой нормы.

Литература

- Булгаков М. А. Собачье сердце // Булгаков М. Избранные сочинения. Т. I. М.: Литература, 1999.
- Булгаков М. Псеће срце / Предео Миливоје Јовановић // Булгаков М. Дела у осам књига. Књ. II, Београд, 1985.
- Bulgakov M. Pseće srce / Preveo Dajić Putnik. Beograd: LOM, 2008.

Переводы русской литературы для детей и молодежи в культурно-историческом контексте 50-х годов XX века

Наталья Дукатова

Институт мировой литературы Словацкой академии наук (Братислава, Словакия)

*Детская литература, переводы, 50-е годы XX века, социализм,
самые переводимые авторы.*

Summary. After 1948, the sociocultural and national-political context in Slovakia changed as Czechoslovakia fell under the influence of the Soviet Union. The biggest number of translations of Soviet works was produced in the 1950s, including not only literary fiction, but also a significant number of children's books.

В 1945-м году, после окончания Второй мировой войны, а затем в 1948-м году после победы на выборах коммунистов и перехода политической власти к ним, наш национально-политический и социально-культурный контекст изменился. Чехословакия попала под влияние Советского Союза на более чем 40 лет, и это оказало влияние не только на общественную жизнь, но и на жизнь литературы, как национальной, так и переводной. В то время как до Первой мировой войны Чехословакия имела склонность к традиционной русофилии, которая поддерживалась.

Поэтому 1945–1948 годы можно назвать также переходным периодом [Sliacky, Stanislavová 1998: 10], или, как их определил Рене Билик, *конфликтом ориентации* [Bilik 2008: 23]. После них ситуация на словацком книжном поле быстро изменилась. Литература, включая книги для детей и молодежи, должна была служить новому режиму, и правила построения их сюжета должны были соблюдаться еще строже, чем в литературе для взрослых [Sliacky, Stanislavová 2008: 186]. В 1949-м году при *Союзе словацких писателей* [Brtková 2013: 25] возник круг переводчиков, который способствовал значительному увеличению количества переводной литературы, главным образом из

республик Советского Союза. Интересно при этом, что в это время, когда количество превышало качество, словари для переводчиков практически не существовали. Первый том такого словаря вышел только в 1960-м году [Brtková 2013: 25].

Литература, как известно, на протяжении всей своей истории в разных обществах исполняла функцию культурную, эстетическую, а также развлекательную. Учитывая то, что Чехословакия попала под влияние Советского Союза, наша литература в целом перестала существовать сама по себе, и давление с востока именно в 50-х годах XX века было наиболее сильным. В то время как процесс контроля литературы в Советском Союзе начался уже в середине 20-х годов, когда происходила сильная институционализация литературных событий [Eliáš, Kusá a iní 2013: 143], ситуация в нашей стране изменилась только после смены режима в 1948-м году. Постепенно вводится термин «социалистический реализм», о котором впервые упоминается в русской «Литературной газете» в 1932-м году, у нас же он был официально закреплён в 50-х годах [Eliáš, Kusá a iní 2013: 146]. Партийность, народность и отображение реальности в ее развитии [Pašteková 1998: 89] — вот те принципы, которые должны были присутствовать ясно: чтобы показать настоящее, пропагандировать коммунистические идеалы, был необходим искусственный образ реальности (поскольку такая реальность, которую нужно было описывать, не существовала). Детская литература должна была стать средством новой идеологии [Sliacky 2008: 13] и воспитания будущего социалистического человека. В духе этого начали творить и наши писатели, ставшие позднее ведущими представителями литературы для детей и молодежи, такие как Йозеф Горак и его *100 кубиков сахара* и *Пионерское сердце* или Криста Бендова и ее *Пионерский марш* и под. [Sliacky 2008: 14–15]. Другие авторы, чтобы избежать указания описывать настоящее, возвращались в детство. Эта литература позже получила название *Литература возврата в детство*, например: Мария Яначова — *Сказки бабушки*, Карол Томашчик — *Джарковия*, Мария Разусова-Мартакова — *Лето мальчика* и т. д.

Наиболее переводимым автором детской литературы в 50-х годах стал Аркадий Гайдар [Kusá 2005: 66–74]. Его книга *Тимур и его команда* была в числе обязательной литературы для школьников в течение целых десятилетий и стала культовой, хотя в СССР ее впервые напечатали в 1940-м году (за год до смерти автора), в нашей же стране она вызвала ажиотаж гораздо позже смерти Гайдара, то есть в 1950-м году, когда она была напечатана впервые тиражом 5000 экземпляров. В ее втором издании количество экземпляров выросло в три раза и составило 15 000 экземпляров. В 4-м издании 1954-го года тираж достиг 20 270 [Bibliografia... 1980] экземпляров (парадоксом остается, что сегодня в библиотеках не найти ни одной книги). Но надо заметить, что послевоенное поколение наших и советских детей приняло книгу очень хорошо, Тимур стал образцом для подражания для целых поколений мальчишек.

Идеологический критерий, как может показаться, все же не был единственным, в 50-х годах получили шанс также переводы в жанрах приключенческой, путеводительной и научно-фантастической литературы, главными представителями которой были: Михаил Ильин и его образовательные сказки о вещах, Виталий Бианки и его сказки из жизни животных, которых он не персонифицировал, а вел своего рода дневник из их жизни. Эти книги также стали примером для творчества наших авторов. С 1951-го года начали издаваться книги-гармошки как самостоятельный жанр детских книг для самых маленьких детей. Мы можем даже найти несколько переводов, выжившие в настоящее время, например книгу Николая Носова *Приключения Незнайки* (первая публикация 1957-го года) и книгу *Мой Мишка* Зинаиды Александровой (1953-й год).

Распространенное мнение, что литература не всегда выполняет исключительно литературные функции, для 50-х годов XX века звучит особенно верно. В небольших странах роль переводной литературы чрезвычайно важна, некоторые исключительные произведения в одинаковой мере становятся текстами как страны оригинала, так и частью литературы той страны, на язык которой они переводятся. Из периода 50-х годов XX века сохранилось не много ценных текстов, но этот период с точки зрения количества переводов является важным этапом, заслуживающим исследования не только с точки зрения литературы, но и истории, связанной с ней.

Литература

- Bibliografia prekladov literatúry zo Zväzu sovietskych socialistických republík na Slovensku za roky 1945–1959. Bratislava, 1980.
Bílik René. Duch na reťazi. Bratislava, 2008.
Brtková Kamila: Osobnosť Márie Rázusovej-Martákovcej na pozadí recepcnej tradície. Banská Bystrica, 2013.
Eliáš Anton, *Kusá Mária a iní*. Ruská literatúra 18.–20. storočia. Bratislava, 2013.
Kusá Mária. Preklad ako súčasť dejín kultúrneho priestoru. Bratislava, 2005.
Pašteková Soňa. Transformácie obrazu ruskej literatúry (1945–1970) // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996. Zv. 4. Ruská literatúra. Bratislava, 1998.
Sliacky Ondrej. Dejiny slovenskej literatúry pre deti a mládež do roku 1960. Bratislava, 2008.
Sliacky Ondrej, *Stanislavová Zuzana*. Kontúry slovenskej literatúry pre deti a mládež v rokoch 1945–1997. Prešov, 1998.

Темпоральные смыслы стихотворения Б. Л. Пастернака «Когда разгуляется»: оригинал и перевод на английский язык

М. Н. Коннова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

Темпоральность, перевод, семантика, аксиология.

Summary. The article focuses upon the “time” and “space” concepts in Boris Pasternak’s “When it Clears up” (1956) and its English translation by Lydia Pasternak-Slater.

Заглавие стихотворения «*Когда разгуляется*» представляет собой свободное придаточное времени и, «будучи открытым формально и семантически,

размыкается в будущее» [Малеванная 2009: 71]. Энергоцентричный характер возвратной глагольной формы «разгуляется», оттеняющей неконтролируемость, спонтанность действия (ср. [Петрухина 2007: 87–90]), указывает на непостижимость, над-мирность грядущего. Ценностное наполнение глагола *разгуляться* в идиостиле Б. Л. Пастернака раскрывается в сопоставлении с предельно высоким контекстом употребления синонимичного глагола *распогодиться* в заключительной строфе стихотворения «На Страстной»: «Но в полночь смолкнут тварь и плоть, // Заслышав слух весенний, // Что только-только *распогодь* — // Смерть можно будет побороть // Усиьем *воскресенья*».

В тексте стихотворения к заглавию отсылает союз «когда» в начале третьей строфы («*Когда в исходе дней дождливых / Меж туч проглянет синева...*»). Именной оборот «в исходе», совмещающий в своем значении мысль о «завершении, конце» одного этапа и переходе к другому (ср. «в исходе — по времени, по поре» [Даль 1956, II: 64]), оттеняет грань между двумя временными планами — между прежним и новым. Внутренняя сущность этой поры раскрывается в завершающем строфу двойном восклицании: «*Как небо празднично в прорывах, / Как торжества полна трава!*», которое свидетельствует о качественно ином времени. Структурно, параллелизмом стихов, содержательно (синонимическим повтором «*празднично*» — «*торжества полна*») и мелодически — аллитерацией «*празднично в прорывах*», «*торжества <...> трава*» — они сближаются с текстом пасхального канона: «Сей нареченный и святой день <...> *праздников праздник, и торжество есть торжество*» (ирмос 8-й песни). В английском переводе внезапность новизны, передаваемая причастной формой *burst* (от *to burst* — «разрываться, лопаться»), многократно усиливается эмфатически выделенным пространственным прилагательным *open* («открытый»), что в совокупности создает величественный образ «распахнутого» праздничного неба («*How festive is the sky / Burst open*»). Лексема *triumph* («торжество») вносит в эту картину ликующей природы дополнительный оттенок победы («*How full of triumph of is the lawn*»).

Вневременная сущность образов преображенного мира со всей полнотой раскрывается в пятой строфе: «В церковной росписи оконниц / Так в вечность смотрят изнутри / В мерцающих венцах бессонниц / Святые, схимники, цари». Внутренняя его природа, не абстрактно-холодная, но сугубо личная, раскрывается метонимически, через символический тройственный образ — «*святые, схимники, цари*». Существительное «*святые*» собирательно называет здесь тех, кто в условиях земного бытия стяжал Духа Святого и тем самым стал «начатком будущего всеобщего и полного освящения» [Осипов 1995: 19]. Слово «*схимники*» (от греч. *shema* — «образ»), обозначающее тех, кто «дал особые обеты в <...> достижении идеала христианской святости», подчеркивает светлую «инаковость» святых, которые «в мире, но не от мира» [Осипов 1995: 14–15]. Синкретичная лексема «*цари*» отсылает, с одной стороны, к образу царей земных,

в самом временном служении своем приблизившихся к святости, с другой — иносказательно именует всех уверовавших во Христа как избранных для вечности Царства Небесного [Клименко 2008: 423]. Символом этого царственного священства (1 Пет. 2: 9) становится метафорический образ «*венцы бессонниц*». Парафрастически описывая «нимб, ореол» в изображении святых («*в церковной росписи*») это сочетание имплицитно указывает на преодоление *вечного сна* — смерти (ср. [Даль 1956, IV: 270]). Сближаясь своим внутренним аксиологическим наполнением с устойчивыми сочетаниями *венец жизни* («бессмертие»), *венец живота* («Царство Небесное») [Дьяченко 2007: 114] метафора «*венцы бессонниц*» становится в контексте стихотворения символом совершившейся в Воскресении Христовом победы жизни над смертью.

В английском варианте существительное *вечность* передается контекстуальным антонимом *time* («время»), что изменяет пространственно-временную перспективу: из храма («*from the church's narrow windows*»), являющего собой атемпоральное пространство вечности, святые пристально вглядываются во время («*gaze into time*»), которое метонимически обозначает пространство земного бытия. Смысловым центром оказывается, таким образом, не устремленность в вечность, как в тексте оригинала («*в вечность смотрят изнутри*»), но мысль о теснейшей связи между двумя мирами — земным («*time*») и небесным («*saints*»). Эта взаимосвязь дольного и горнего оттеняется сочетанием «*sleepless vigil*», выступающего аналогом окказиональной формы *бессонницы* в метафоре «*в мерцающих венцах бессонниц*». Восходящее к многозначному латинскому *vigilia* («ночное бдение; караул; ночное богослужение; неусыпные заботы; бессонница») существительное *vigil* сочетает в своей семантической структуре смысловые компоненты бдения, заботы и молитвы.

Ключевым темпоральным маркером шестой строфы становится наречие «*иногда*»: «Как будто внутренность собора — / Простор земли, и чрез окно / Далекий отголосок хора / Мне слышать *иногда* дано». Восходящее к прилагательному *иной* («другой, отличающийся от этого») оно совмещает в себе мысль об «инаковости», выделенности описываемых дней из череды обыденного течения времени (*иногда* — «в *иное* время») и указание на возможность повторения этих дней в едином непрерывном годовом богослужебном круге (*иногда* — «порой, <...> нечасто»). При переводе на английский язык наречие *иногда* опускается.

В заключительной кульминационной седьмой строфе — «Природа, мир, тайник вселенной / Я службу долгую твою / Объятый дрожью сокровенной, / В слезах от счастья, отстою» — эмфатически выделенная в конце стиха глагольная форма «*отстою*» придает стихотворению необычайно открытое, вневременное звучание. Она подчеркивает слияние планов настоящего и будущего: выражаемое действие «как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате» ([Виногра-

дов 1972: 452], цит. по: [Петрухина 2009: 164]). Это открытое завершение, свидетельствующее о конечном преодолении временных и пространственных границ, высвечивает глубинные смыслы вынесенного в заглавие стихотворения обстоятельного оборота «*Когда разгуляется*». Обращенная своей семантикой в будущее эта темпоральная конструкция иносказательно указывает на тот таинственный миг последнего свершения времен, когда «вся совокупность мироздания войдет в полное единение с Богом» [Лосский 2004: 305] и «будет Бог всё во всё» (1 Кор. 15: 28). В английском тексте — «With secret trembling, to the end, / I will thy long and moving service / In tears of happiness attend» — добавление нового эпитета *moving* («трогательный») привносит чуждый оригиналу оттенок внешней, чувственной эмоциональности. Конкретизация приводит к ускользанию символических смыслов, к упрощению образов, в которых вертикальный вектор ценностных координат вытесняется горизонтальным.

Литература

- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1956.
 Дьяченко Григорий, свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.
 Клименко Л. П. Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири. Н. Новгород, 2008.
 Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.
 Малеваная Д. Книга стихов Б. Пастернака «Когда разгуляется»: итог творческого пути // Балтийский филологический курьер. 2009. № 7. С. 70–82.
 Осипов А. И. Святыне как знак исполнения Божия обетования человеку // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 9–32.
 Петрухина Е. В. Концептуальный анализ языка и семантические доминанты языковой картины мира // Концептуальный анализ языка: современные направления следования. М.; Калуга, 2007. С. 80–94.
 Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени. М., 2009.

Специфика передачи некоторых словацких реалий средствами русского языка

А. Ю Краев

Католический университет в Ружомберке (Словакия)

Д. Саболова

Прешовский университет (Словакия)

Безэквивалентная лексика, словацкий язык, русский язык, перевод.

Summary. The paper deals with some examples of “translation” of Slovak culture-specific word combinations, the referents of which do not have direct equivalents in the Russian language.

Поиск, систематизация и исследования безэквивалентной лексики при сравнении двух или более языков уже довольно давно представляют собой неисчерпаемый источник лингвистических и научно-популярных языковедческих описаний. В любом естественном языке всегда можно найти такие лекси-

ческие единицы (далее — ЛЕ), которые крайне затруднительно передать аналогичными (т. е. с помощью другой ЛЕ) средствами иного языка. Не представляют исключения также генетически и типологически родственные языки, так как в разных сферах жизни и деятельности обслуживаемого ими социума всегда можно найти предметы, явления, процессы, являющиеся специфичными именно для данного языкового и культурного ареала.

В рамках нашей публикации нам бы хотелось остановиться на описании и анализе некоторых ЛЕ, обозначающих «реалии» жизни и деятельности словацкого общества, присутствующие в картине мира носителей словацкой лингвокультуры как данность, но которые, совершенно естественным образом, очень сложно передать посредством ЛЕ на русском языке в силу отсутствия таких предметов/явлений в русском языке и в русской лингвокультуре в целом.

Предметом нашего рассмотрения будут являться, в основном, реалии, отраженные и номинированные в словацком языке с помощью словосочетаний, а не просто отдельным словом как единицей номинации.

В начале обратимся к самой обыденной из вышеперечисленных сфер — кулинарной. Первым примером нам послужит словацкая кулинарная реальия, номинированная по-словацки словосочетанием *dukátové buchtičky*. В самом общем виде словацкое *buchta* (или же *buchtička*) обозначает «сдобная булочка с начинкой». Хотелось бы отметить, что существуют также *buchty na pare*, представляющие собой как раз такие сдобные булочки с начинкой, однако приготовленные отсутствующим для таких блюд в традиционной русской кухне способом — на пару. Таким образом, если слово *buchta* / *buchtička* все же в общем виде можно перевести как «булка / булочка», то вышеупомянутые *dukátové buchtičky* представляют собой маленькие печеные в духовке булочки из сдобного теста, но политые сверху кремом. Совершенно очевидно, что средствами русского языка данное наименование невозможно передать с помощью простого номинативного словосочетания со связью согласования, а требуется прибегнуть к более развернутому толкованию «маленькие сдобные булочки, политые сверху кремом».

Еще более специфический и, в некотором роде, дискуссионный с точки зрения эквивалентности случай представляет собой название международно признанного кулинарного бренда Словакии — *bryndzové halušky*. Простой, казалось бы, «перевод» этого наименования как «брынзовые галушки» не отразит для носителя русского языка всех нюансов, имеющих в способах приготовления и сервировки данного блюда. В первую очередь, словацкие *halušky* — это кусочки теста из муки и тертого картофеля, сваренные в горячей воде, а не просто мелкие кусочки обычного, «мучного» несдобного теста, что более характерно для образа слова «галушки» в русской лингвокультуре. Также хотелось бы отметить, что словацкое слово *bryndza* не полностью соответствует

русскому «брынза», хотя в общем виде оба слова обозначают сыр из овечьего молока. Наиболее адекватно словацкая ЛЕ *bryndzové halušky* была бы передана по-русски как «галушки из картофельного теста и муки, перемешанные с мягким, растертым овечьим сыром».

К сфере трудовых отношений и их особенностей в словацкой культуре относится, например, ЛЕ *stravný listok*, которая обозначает отсутствующую в российских трудовых отношениях реалию — обязанность работодателя частично компенсировать работнику расходы на питание в течение рабочего дня. В наиболее общем случае каждый работник имеет право получить от своего работодателя такой *listok* и оплатить им обед, хотя большая часть этой оплаты будет внесена работодателем (что и подтверждает эта «бумага»), работник же оплачивает только часть цены такого обеда. Нам представляется, что наиболее адекватным способом передачи реалии *stravný listok* было бы словосочетание «талон (билет) на питание», хотя оно и не отражает всего содержания данного понятия.

В сфере словацкого образования, в частности, высшего, присутствует реалья, номинированная ЛЕ-словосочетанием *rektorské* (или *dekanské*) *voľno*. Данное явление не имеет аналога в российской реальности и обозначает «официальное освобождение студентов вуза (или факультета) от занятий приказом ректора (или декана) на один конкретный рабочий день или его часть по какой-либо важной причине». В силу специфики данного явления крайне трудно подобрать более сжатый и точный русский эквивалент.

Что же касается официально-деловой сферы, то там, конечно, также присутствует определенное количество ЛЕ, номинирующих специфичные черты юридической и экономической систем словацкого общества. Нам хотелось бы остановиться на примере словосочетания, которое обозначает цифровой код, имеющийся у каждого гражданина Словакии и у каждого проживающего в Словацкой Республике иностранца — *rodné číslo*. Имя прилагательное *rodné* отсылает нас к наиболее общему значению «родной», но более точно было бы объяснить это через одно из значений, проявляющихся в наименовании по-словацки свидетельства о рождении — *rodný list* или же *rodné priezvisko* — «девичья фамилия». В частности, сужение объяснения до вышеприведенных примеров показывает нам, что этот код (комбинация 10 цифр) получается каждым гражданином Словакии при регистрации его рождения органами записи актов гражданского состояния и сопровождает его всю жизнь. Можно предположить, что данную реалию возможно бы было выразить словосочетанием «личный код», графа для записи которого присутствует в паспорте гражданина Российской Федерации образца 1997 года, но реализацию данной идеи оказалось невозможно осуществить, поэтому во всех существующих документах граждан России в настоящее время данная графа остается незаполненной.

Литература

Krátky slovník slovenského slovníka. Bratislava: VEDA, 2003.

Veľký rusko-slovenský a slovensko-ruský slovník: Bratislava: Lingea, 2011.

**Некоторые трудности перевода
общественно-политических текстов
с русского на болгарский язык (методический аспект)**

Ю. В. Кудрявцева

Высшие курсы иностранных языков МИД РФ

*Общественно-политический перевод, лексические трудности перевода,
грамматические трудности перевода, межъязыковая интерференция*

Summary. This paper observes the lexical and grammatical difficulties of the translation of political texts from Russian into Bulgarian, experienced by advanced learners of Bulgarian, and ways of dealing with them.

Для оценки уровня языковой подготовки студентов-филологов и переводчиков старших курсов языковых вузов, а также госслужащих, активно участвующих в международной профессиональной коммуникации, в том числе дипломатических сотрудников, используется такая форма промежуточного и итогового контроля как общественно-политический перевод. Для перевода чаще всего предлагаются публицистические тексты общественно-политической тематики, а также фрагменты официальных документов (ноты, меморандумы, коммюнике), то есть тексты официально-делового стиля.

В данном докладе рассматриваются некоторые лексические и грамматические трудности, с которыми сталкиваются носители русского языка, владеющие болгарским языком на продвинутом уровне при переводе общественно-политических текстов с русского на болгарский язык. Под «продвинутым» подразумевается уровень владения не ниже B2 по Европейскому языковому портфелю или *второ ниво* по критериям, разработанным Департаментом языкового обучения СУ [Български език за чужденци 2003].

Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о переводе с родного языка на иностранный. Перевод на иностранный язык является, как известно, достаточно сложной задачей, требующей знания специальной лексики и терминологии, внимания к лексическим элементам, их значениям, правилам сочетаемости и, следовательно, обращения к справочным материалам — словарям, глоссариям, и, не на последнем месте, отличного знания грамматики иностранного языка.

Большая часть работ, посвященных теории и практике перевода для языковой пары русский-болгарский, посвящена анализу лексических и стилистических ошибок, возникающих вследствие межъязыковой интерференции (так называемого «гипноза оригинала» [Васева 1987]) при переводе с иностранного языка на родной. То есть интересующее нас направление перевода (с русского

на болгарский) рассматривается в основном болгарскими исследователям (Л. Андрейчин, С. Влахов, И. Васева и др.) с позиции носителя болгарского языка. Кроме того, трудности перевода анализируются зачастую на материале художественных текстов. Мы же рассматриваем этот вид перевода немного под другим углом — как одну из форм комплексной диагностики уровня владения языком на продвинутом этапе, позволяющую, кроме того, выявить грамматические и лексические трудности у носителей русского языка, систематически проявляющиеся вследствие межъязыковой интерференции и грамматической асимметрии.

Если не говорить о проявлениях межъязыковой омонимии и полисемии, в целом, лексические трудности при переводе политических текстов можно назвать, скорее, индивидуальными. Из-за незнания политической лексики и терминов, нехватки фоновых знаний (например, о государственном устройстве той или иной страны), невнимательной работы со словарем и недостаточной проработки на занятиях подобных текстов на болгарском языке переводчик подвергается сильному влиянию русского оригинала. Этот «гипноз» приводит к появлению многочисленных буквализмов (**лица с ограничени способности* вм. *хора с уверждения*). Даже если лексические ошибки не вызывают искажений смысла на уровне высказывания, они существенно затрудняют восприятие текста на болгарском.

В отличие от лексических, некоторые грамматические трудности при переводе на болгарский могут быть спрогнозированы заранее, так как они связаны с межъязыковой грамматической асимметрией. Другие, более частные, выявляются в процессе анализа переводов. Грамматические ошибки имеют систематический характер (могут проявляться также в других продуктивных видах речевой деятельности) и часто являются причиной серьезных искажений смысла.

В первую очередь, прогнозируемые трудности связаны с:

- выбором правильного грамматического времени из болгарской системы прошедших времен для передачи разных типов информации в прямой и косвенной речи [Андрейчин 1987] (*Според наблюдателите, изборите *минаха* вм. *са минали без нарушения*);
- тема-рематическим членением и порядком слов в переводимом предложении;
- проявлениями категории определенности;
- выбором предлогов (*Съветът за сигурност, Федералната агенция по туризъм*).

Как показывает анализ переводов, корректировочная работа должна проводиться также для преодоления следующих трудностей:

- перевод русского инфинитива и безличных конструкций (*необходимо / планируется сделать что-либо*);

— перевод различных типов придаточных (изъяснительных с *чтобы* и придаточных цели с *чтобы*) и др.

Определенную сложность представляет также перевод заголовков.

Ввиду отсутствия на данный момент актуального пособия по общественно-политическому переводу в докладе представлены отдельные образцы упражнений и другие виды работы для преодоления обозначенных трудностей, апробируемые в данный момент при работе со слушателями курсов повышения квалификации Высшие курсы иностранных языков МИД РФ. Анализ трудностей проводился на материале переводов слушателей уровня В2, освоивших основной лексико-грамматический курс болгарского языка.

Литература

Андрейчин Л. Преводът на руското минало време // Езикови проблеми на превода (руски език). София, 1987. С. 11–15.

Български език за чужденци. Тестове за ниво. Книга за самостоятелни упражнения. Софийски университет «Св. Климент Охридски». Департамент за езиково обучение ДЕО-ИЧС. София, 2003.

Васева И. Хипнозата на оригинала. Типични прояви на интерференция и буквализъм в превода от руски език // Езикови проблеми на превода (руски език). София, 1987. С. 35–50.

Язык СМИ:

Трудности перевода с русского на македонский

Э. Ниами

Университет имени святых Кирилла и Мефодия (Македония)

СМИ, язык СМИ, трудности перевода, аббревиации, названия.

Summary. This article deals with the language of Russian media and the problems of translation into Macedonian language. Our focus is on the abbreviations and the names of different organizations and companies. The problem of translation from Russian into Macedonian language starts with the fact that both of them are Slavic languages.

Язык является важнейшим средством коммуникации и выражения мысли. Язык — это не только средство для передачи мысли и для хранения информации, но и инструмент, с помощью которого формируются новые понятия, которые передают человеческое мышление. Выбор языковых средств влияет на процесс восприятия и воспроизведения действительности. Язык СМИ — это отдельный мир, исследование которого требует длительного анализа текстов не только как лингвистических произведений, но и как общественных явлений.

Доклад фокусируется на трудности перевода текстов СМИ с русского на македонский язык. Главный источник материала для анализа — это переводы текстов на сайте „Руска реч на македонски“, который является частью проекта Russia Beyond The Headlines. Мы фокусируемся на двух пунктах:

1. Передача аббревиатур с русского на македонский язык.
2. Передача названий компаний, организаций, марок.

Считаем, что первый пункт вызывает трудности в связи с тем, что в русском языке очень часто используются аббревиатуры, которые не всегда понятны македонскому читателю. Предлагаются разные подходы к их передаче: раскрытие (расшифровка), «перевод» (если это позволяет контекст) или транслитерация.

При передаче названий компаний, организаций, марок существуют несколько подходов, в зависимости от контекста и от того, насколько они близки македонскому языку. Главная помощь переводчику, но вместе с тем и его «головная боль» заключаются в том, что и македонский, и русский языки — славянские.

Литература

- Ильясова С., Амири Л. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы, М., 2015.
Кормилицына М., Сиротинина О. Язык СМИ: Учебное пособие. М., 2015.
Правопис на македонскиот јазик. Скопје, 2016.
Рацибурская Л., Петрова Н. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. М., 2011.
Черникова Е. Грамматика журналистского мастерства. М., 2015.
Чернышова Т. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2014.

Межъязыковая грамматическая асимметрия как проблема перевода (анализ студенческих переводов)

Е. В. Тимонина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Художественный перевод, грамматические трудности перевода, различия в грамматических системах, глагольная система, категория эвиденциальности, именная система, категория определенности.

Summary. The current paper is devoted to grammar difficulties of translation from Bulgarian into Russian. The report contains a concise review of problems caused by differences in verb systems of two languages. More attention is devoted to possible difficulties concerned with Bulgarian category of definiteness, which is not found in Russian.

Один из важнейших элементов филологического образования — овладение навыками в сфере профессионального перевода, в том числе и художественного. Студенты филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, изучающие болгарский язык, активно участвуют в студенческом конкурсе художественного перевода с болгарского языка на русский, который проводится в Москве ежегодно с 2001 г. филологическим факультетом и факультетом иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова при содействии Посольства Республики Болгарии в РФ и Болгарского культурного института в Москве. Каждый год в конкурсе участвуют 30-50 студентов, изучающих болгарский язык. Кроме студентов факультетов-организаторов, свои пе-

реводы представляют студенты исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, филологического факультета СПбГУ, Государственной академии славянской культуры (Москва), Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва), МГИМО и др.

Выбирая литературное произведение для конкурса, организаторы руководствуются не только художественно-эстетическими, но и профессионально-переводческими соображениями: произведение как объект художественного перевода непременно должно содержать определенную переводческую задачу (например, проблему, связанную с реалиями, с представленной в тексте разговорной, диалектной или детской речью, с окказиональной лексикой).

Анализ конкурсных переводов позволяет сформулировать ряд проблем, решение которых позволит уточнить направления подготовки будущих специалистов-славистов, совершенствовать различные стороны учебного процесса.

Обычно специалисты по теории и практике художественного перевода, говоря о переводческих трудностях и проблемах, чаще всего имеют ввиду лексические и стилистические трудности, а также проблемы, связанные с сущностью перевода как одного из видов межкультурной коммуникации, в то время как другой аспект — грамматический — гораздо реже становится объектом профессионального теоретического и практического анализа.

В данной работе рассматриваются проблемы, связанные с так называемой межъязыковой грамматической асимметрией, выражающейся в том, что в принимающем языке отсутствуют те или иные грамматические категории, представленные в языке оригинала.

При переводе с болгарского языка на русский могут возникать, с одной стороны, грамматические трудности, которые легко прогнозируются (связанные прежде всего с различиями глагольных систем указанных языков), а с другой стороны, трудности, оказывающиеся в определенной степени неожиданными для преподавателей, работающих со студенческими переводами.

Среди прогнозируемых трудностей на первом месте оказываются трудности, вызываемые грамматической категорией эвиденциальности.

О глагольных временах как о переводческой проблеме говорят реже, однако опыт анализа конкурсных текстов показывает, что и тут переводчик сталкивается со сложностями (связанными прежде всего с относительными временами), когда неправильное переводческое решение приводит к смысловым (логическим) ошибкам.

К неожиданным проблемам (и соответственно — к неожиданным студенческим ошибкам) следует отнести трудности, связанные с категорией определенности. (Стоит отметить, что эта категория, глубоко и всесторонне изученная теоретически, крайне редко анализируется как категория, порождающая переводческие проблемы).

Значительная группа ошибок в этой сфере связана с так называемыми предложениями тождества — предложениями, где в болгарском языке сказуемое имеет именную часть. В этом случае в болгарском языке предикатив с артиклем не дает новую характеристику подлежащему, а называет предварительно определенное множество, к которому причисляется и подлежащее. В русском языке это делается с помощью частиц или интонационно (в устной речи).

Анализ студенческих работ показывает, что студенты не всегда осознают различие между именной частью сказуемого с артиклем и без него и переводят такие предложения одинаково, т. е. фактически не дают эквивалентного (и адекватного) перевода предложений с предикативом с артиклем. Например:

*Ние зубрехме с машинално упорство и тайно се надявахме подир две години, в единайсетия клас, някой от нас да бъде **забелязаният, удостоеният**.*

Студенческий перевод:

*Мы зубрили с машинальным упорством и втайне надеялись, что через два года, в одиннадцатом классе, кто-то из нас будет **замечен, удостоен**.*

Фактически это перевод совсем другого болгарского предложения, с другой коммуникативной направленностью и соответственно другим логическим ударением:

*Ние зубрехме с машинално упорство и тайно се надявахме подир две години, в единайсетия клас, някой от нас да бъде **забелязан, удостоен**.*

Для точного перевода исходного предложения необходимо проделать серьезные грамматические трансформации:

*Мы зубрили с машинальным упорством и втайне надеялись, что через два года, в одиннадцатом классе, кто-то из нас окажется **тем, кого заметили, удостоили**.*

Еще одна сложная (и при этом достаточно распространенная) переводческая проблема связана с подлежащим, не имеющим артикля, в начале предложения:

*На перона отведнъж се възцари тишина... **Посрещачи и заминаващи** стояха в замръзнал разкряч.*

Студенческий перевод:

*На перроне вдруг воцарилась тишина... **Встречающие и отбывающие** стояли словно застыв.*

Такой перевод не может быть признан адекватным. Коммуникативная направленность болгарского предложения — сообщение о том, что происходит на перроне, коммуникативная направленность русского перевода — сооб-

щение о том, что делают встречающие и отбывающие, т. е. русское предложение фактически представляет собой перевод другого болгарского предложения, где подлежащее употреблено с артиклем:

На перона отведнъж се възцари тишина... Посрещачите и заминаващите стояха в замръзнал разкряч.

Более адекватным вариантом перевода представляется русское предложение с обратным порядком слов (с реализацией синтаксической трансформации):

На перроне вдруг воцарилась тишина... Словно застыв стояли встречающие и провожающие.

О некоторых причинах неадекватности эквивалентного перевода (на материале перевода на сербский язык повести С. Довлатова «Заповедник»)

Тыртова Г. П.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Адекватность, юмор, ирония, эмоциональное сопереживание.

Summary. Questions of meaning equivalence and adequacy of translation connected with rendering irony and humor in Dovlatov's long story "The Pushkin memorial museum" into the Serbian language are considered in this abstract

Русскоязычный читатель «Заповедника» восхищается легкостью изложения, авторской иронией, юмором, умением поговорить о непростых проблемах без излишней тяжеловесности. На каждой странице есть фрагменты, вызывающие улыбку и смех. Насколько адекватно воспринимают это произведение сербские читатели? Работа с информантами показала, что степень адекватности не самая высокая, и причина кроется в том, что во многом потерян неповторимый колорит довлатовской повести. Среди прочего этот колорит создают:

1) элементы просторечия, жаргона или диалектные особенности, которые автор использует прежде всего для речевой характеристики героев:

— А если на *кир* перевести? По *руль* четыре?

— А kad se prevede na *piće*? Po četiri kinte?

— Дом-то *маткин*... А matka во Пскове. У *ей* ноги *распухши*.

— Kuća je *matina*... A majka je u Pskovu. Noge su joj *otečene*.

Передача подобных слов — всегда проблема. Особенно трудно найти соответствие для слова *кир* (популярное в советскую время обозначение выпивки), которое ушло вместе с эпохой, и теперь оно плохо узнается даже русскоязычным читателем. Поскольку на месте всех выделенных русских слов в сербском переводе присутствуют их литературные аналоги, читатель недополучает значительную часть информации.

2) диалоги, в которых юмористическая ситуация создается тем, что ответная реплика противоречит нашим ожиданиям, содержит элемент неожиданно-

сти. Подобные диалоги разнятся по реакции реципиента. Некоторые вызывают у сербского читателя такую же реакцию, как и у русского: «Через минуту появился официант... — Что вам угодно? — Мне угодно, — говорю, — чтобы все были доброжелательны, скромны и любезны». «*Za minut se pojavio konobar... Šta želite? — Želim da svi budu gostoljubivi, skromni i ljubazni — kažem*».

2а) есть случаи, когда сербский читатель воспринимает авторскую иронию, но не в полной мере:

— Давайте познакомимся. — *Hajde da se upoznamo*.

— Аврора, — сказала она, протягивая липкую руку. — *Aurora — rekla je pružajući mi lepljivu ruku*.

— А я, — говорю, — танкер Дербент. — *A ja sam — rekoh — tanker Derbent*.

Читателя перевода смешит, что герой вдруг назвал себя танкером. Можно предположить, что у читателя оригинала есть и другие основания для улыбки. Известно, что писатель «...может сознательно вводить в свой текст национально-культурные реалии, ассоциирующиеся к тому же с определенным временем в жизни народа. Все реалии в художественном тексте можно разделить на упомянутые и неупомянутые, присутствующие имплицитно, в виде фоновых знаний, наличие которых у читателя писатель сознательно или бессознательно предполагает. Примером сознательной апелляции к фоновым знаниям может служить аллюзия: автор намекает на какое-то событие, провоцируя появление у читателя совершенно определенных ассоциаций, необходимых для понимания авторской мысли. Часто же у писателя расчет на наличие общих с читателем фоновых знаний бывает подсознательным. ...обычно писатель представляет себе своего возможного читателя, ориентируется на людей с... определенными знаниями, определенным уровнем восприятия, настраивается на этот уровень» [Сдобников, Петрова 2006: 359]. С. Довлатов хорошо представлял своего читателя, советского интеллигента, более-менее критично или иронично настроенного по отношению к советскому строю. Он сразу считывает две представленные реалии: название крейсера, залп с которого послужил сигналом для начала штурма Зимнего, и название популярного в советское время романа Ю. Крымова о стахановском движении тридцатых годов. Использование серьезных, но уже набивших оскомину пафосных советских реалий в ироничном ключе, в контексте легкой, необязательной беседы у такого читателя вызывает улыбку.

2б) случаи, когда сербы не считывают заложенные в текст реалии. «Я думаю, любовь к березам торжествует за счет любви к человеку. И развивается как суррогат патриотизма». «*Mislim da ljubav prema brezama trijumfuje na račun ljubavi prema čoveku. I razvija se kao surogat patriotizma*». Здесь Довлатов иронизирует над примитивно понимаемой ностальгией, которую должен, как считалось в советское время, испытывать человек, оказавшись за пределами род-

ной страны. Символом этой ностальгии были березки, по которым полагалось тосковать в первую очередь.

Приведенные примеры показывают, что в подавляющем большинстве случаев сербский перевод очень точно следует за оригиналом, денотативная (фактологическая) информация передана полностью. Однако точная копия довлатовской повести не вызывает у сербского читателя должного эмоционального сопереживания, тех же эмоций, что и у читателя русского. Сербский текст еще раз доказывает, что в художественном переводе велико различие между эквивалентностью и ценностью перевода. В этом виде перевода на первом плане оказывается не точное воспроизведение оригинала, а обеспечение высоких литературных достоинств текста перевода, более-менее равноценных достоинствам текста оригинала.

Программа-максимум любого переводчика — познакомить читателя с творчеством иностранного писателя, с его стилем, манерой письма, с культурой и жизнью другого народа. К сожалению, творчество С. Довлатова очень сложно для выполнения такой задачи, т. к. главные отличительные черты его произведений — юмор и ирония, а подобная коннотативная информация всегда активно сопротивляется передаче на другой язык. Тем не менее перевод познакомил сербского читателя с содержанием «Заповедника», одной из лучших книг такого интересного писателя, как Сергей Довлатов.

Литература

- Довлатов С. Д. Заповедник. СПб.: Азбука, 2001.
Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
Попович А. Проблемы художественного перевода. М.: Высшая школа, 1980.
Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. «Восток-Запад», 2006.
Dovlatov S. Spomen-muzej. Novi Sad: Stylos, 2004.

Славянские языки в современных средствах массовой коммуникации и в Интернете

Тактики отождествления и солидаризации в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным»

Го Бинь

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Тактика отождествления; тактика солидаризации; политический дискурс; прямая линия.
Summary. The source material for this article is the text of the program “Direct line with Vladimir Putin” of the period 2013–2015. Special attention is paid to tactics of identification and solidarity.

В рамках изучения политического дискурса специалисты акцентируют внимание на анализе речей политических лидеров. В. В. Путин — один из наиболее популярных представителей политической элиты, изучение того, как он использует в своих речах лексические средства, имеет немаловажное значение.

Для создания позитивного имиджа каждый политик активно ищет способы общения с народом. «Прямая линия» как нетрадиционное речевое событие дает возможность публичного диалога между обычными людьми и представителем власти. Как говорил В. В. Путин, «такие прямые контакты с гражданами дают очень верный срез того, что на данный момент времени волнует и интересует общество. Поэтому такой прямой обмен мнениями, прямая информация, получение обратной связи из регионов — чрезвычайно важно и в высшей степени полезно» [«Прямая линия», 25.04.2013].

Самая первая «прямая линия» в прямом эфире состоялась 24 декабря 2001 года. Ведущие телекомпаний передавали президенту вопросы, поступившие по телефону и на сайт в интернете. В. В. Путин в тот раз ответил на 47 вопросов граждан России. До сегодняшнего дня прямая линия уже проводилась 13 раз, в том числе, когда В. В. Путин был в должности премьер-министра. В последний раз глава правительства ответил на 74 вопроса в ставшем уже традицией ежегодном общении с россиянами.

Исследовав коммуникативные и структурные особенности «прямой линии», О. Н. Паршина пришла к выводу, что «новые модификации, возникающие в устной форме политического дискурса в результате жанровых трансформаций, делают его жанровую систему разнообразнее и сложнее» [Паршина 2012: 32]. На наш взгляд, жанр «прямая линия» входит в рамки сложного диалога и фактически является новоизобретенной комбинацией жанров интервью, пресс-конференции и ток-шоу.

Изучив текст и видеоматериалы за период 2013–2015 гг., мы заметили, что «прямая линия» обладает собственной спецификой. Ее особенности: 1) участником может стать любой желающий, в студии есть представители всего российского общества, вне студии — это все население. Понятно, что адресаты старательно фильтруются; 2) тематика вопросов не ограничена, почти охватывает все «горячие» и обычные проблемы. Некоторые вопросы тщательно отбираются и снабжаются заранее подготовленными ответами, многие координаторы и модераторы внимательно следят за установленной заранее очередностью вопросов. Обнаруживается хорошая осведомленность президента с малоизвестными статистическими данными; 3) имеет место непосредственный вербальный, иногда визуальный контакт с высшей властью. Создается впечатление, что власть заботится о повседневной жизни рядовых граждан.

Для выявления общих взглядов и интересов, психологического ощущения близости между говорящим и адресатом, в ответных репликах В. В. Путин умело использует речевые тактики отождествления и солидаризации.

Формирование имиджа политического лидера невозможно без тактики отождествления, которая помогает политику идентифицировать себя с определенной общественной группой. Рассмотрим примеры (с указанием дат в скобках).

1. В первую очередь, с помощью местоимения «мы» передаются значения «правительство», «народ» и даже «Россия».

*Но это не значит, что **мы** должны надувать губы, сердиться на кого то, устраняться, изолироваться [16.04.2015].*

***Мы** — территориально большая страна в целом, по европейским меркам, и по населению большая страна. **Мы** — страна с огромным потенциалом развития, с большими природными ресурсами [16.04.2015].*

2. Использование эмоционально окрашенной лексики выражает отношение говорящего к адресату.

*Я своим партнерам говорю: «Это правильный, замечательный призыв, но тогда армию **оттащите** от гражданского населения» [17.04.2014].*

3. В следующем примере В. В. Путин показывает себя как обычный собеседник и семьянин и отождествляет себя с конкретным адресатом.

Так что давайте мы его попросим просто, скажем: «Борис, пожалуйста, будь добр, разреши жене купить собаку» [16.04.2015].

4. Используются также и такие языковые средства для реализации тактики отождествления с адресатом, как пословицы и крылатые выражения.

Вы знаете, у нас всегда в России есть такое выражение: «Тяжела ты, шапка Мономаха». [17.04.2014].

Я в этой связи напому — Вам, думаю, будет это приятно услышать, — напому слова Александра III, нашего императора, который сказал, что в России есть только два союзника: армия и военно-морской флот [16.04.2015].

Тактика солидаризации и тактика отождествления как «близнецы» иногда трудно разграничиваются.

При установлении контакта В. В. Путин обращается по имени и отчеству.

Я отвечу и Василию Илларионовичу, и другим ветеранам Великой Отечественной войны, которые имеют право на получение жилья [16.04.2015].

Галина Яковлевна, вопрос, конечно, не из простых, Вы правы. [16.04.2015].

2. В ответе на вопрос аудитории часто встречаются следующие выражения согласия с оценкой проблемы: *Правильно; Я с Вами согласен; Вы абсолютно правы.*

Я с Вами полностью согласен. Обязательно с губернатором на этот счет поговорю [16.04.2015].

Вы правильно сказали, я полностью с Вами солидарен. Для кого то, может быть, даже это, так скажем, чтобы не обидеть никого, стыдно даже [16.04.2015].

3. В. В. Путин солидаризируется с гражданами России, давая положительную оценку личности и деятельности адресата.

Я думаю, что Вы, как специалист, специалист высокого класса, можете дать оценку той технике, которая сейчас имеется в войсках [25.04.2013].

Вы и Ваши товарищи честно, очень профессионально и достойно исполняли свой служебный долг. Это вызывает безусловное уважение и к Вам, и ко всем вашим товарищам, к вашим бойцам [17.04.2014].

Указанные языковые средства в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» адресованы не только участнику разговора, но и всем телезрителям. Прямой диалог с реальным адресатом очень полезен для составления личного представления о главе государства.

Литература

Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и Практика / Под ред. О. Б. Сиротиной. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
[<http://www.kremlin.ru/> (Дата доступа: 01.02.2016)].

Текстовые метафоры в русскоязычных журналистских публикациях

Л. Р. Дускаева

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Медиа́текст, метафора, развертывание.

Summary. Analysis techniques of metaphorical deployment of the texts of the media show that journalists use at least two types of methods, analytical and figurative art. The report is expected to reveal the specifics of each of the techniques.

Одна из актуальных проблем лингвистики массмедиа — это лингвистический анализ медиатекстов различных жанров. Среди эффективно воздействующих речевых средств в журналистских текстах лингвисты выделяют метафору, что вполне закономерно. В традиции, сложившейся в исследовательской литературе, метафорический перенос традиционно описывается путем выделения двух сфер — сферы-источника (то, с чем сравнивается) и сферы-мишени (то, что сравнивается) (Д. Лакофф). Важность исследования такого высокоэффективного способа организации журналистских текстов, направленных на формирование картины мира у массовой аудитории, очевидна. Однако многие стороны функционирования метафоры в медиатекстах остаются нераскрытыми. Наш доклад посвящен анализу семантико-стилистических особенностей употребления в журналистских текстах.

В предыдущих работах мы показали, что в силу принципиально диалогического характера журналистского творчества развертывание журналистского текста вполне правомерно представить как последовательность, чередование и взаимодействие интеракций различных форм: «Он — Я», эксплицирующих диалог автора с третьими лицами, «Я¹ — Я² — Вы», эксплицирующих своеобразный внутренний монолог (Л. Р. Дускаева) и т. п. Анализ материала показывает, что метафорическое развертывание журналистских текстов встраивается в такие формы интеракции.

Так, в следующем текстовом фрагменте, представляющем интеракцию «Он — Я», развертыванием метафоры передается динамика развития социально-оценочных смыслов во взаимодействии смысловой позиции автора с «чужой» позицией «третьего лица»: *...приходится согласиться с обвинениями... украинских мыслителей, что Россия никак не может отказаться от роли «старшего брата».* В косвенной речи передается позиция «третьего лица», которая из-за использования двойного отрицания и введения ключевого элемента текстовой метафоры звучит упреком. Введение уже в чужую речь компонента текстовой метафоры открывает автору возможность высказать и обосновать возражение, развернув текстовую метафору: *Вся штука лишь в том, что «брат» этот — персона своеобразная. Он не то что не руководит своей нравной сестрицей, а, наоборот, холопствует перед ней. Потакает всем капризам, со смирением принимает все гадости, которые она сладострастно*

ему устраивает. Большой и неповоротливый, он только пыхтит и отдувается, когда она выставляет его дураком перед всем миром. А пуще всего боится публичного шума и скандалов. Все ждет, что «сестренка» вот-вот перебежится и заживут они на зависть всему свету. А пока можно прощать все — и воровство, и обман, и оскорбления. (Литер. газета. 14-20.02.01). Сферой — мишенью выступают в этом фрагменте текста отношения двух государств — России и Украины. Источник метафоризации — ‘неродственное поведение людей, находящихся в близких родственных отношениях’. Текстовая метафора разворачивается в двух цепочках лексем: первая — для характеристики поведения России, другая — Украины. Государства наделяются человеческими качествами, что позволяет иронично представить действия России (*брат — персона своеобразная; не руководит, холопствует, потекает, со смирением принимает, пыхтит, отдувается, боится, ждет, прощает*) и продемонстрировать, как кажется автору, весьма неродственное поведение Украины — «младшей сестрицы» (*своенравной, проявляющей капризы, сладострастно устраивающей гадости, выставляющей брата дураком, бесящейся, допускающей и воровство, и обман, и оскорбления*). Развертывание метафоры позволяет автору наглядно продемонстрировать свою оценку отношений между двумя странами.

Развертывание метафоры в журналистском тексте иногда вызывает образование особой надстройки, так сказать, «метафорического метатекста», с помощью которого читателю разъясняется динамика этого развертывания: *Тут, мне кажется, уместно будет вспомнить о разнице между охотой и рыбалкой. На охоте зверя нужно убить быстро, одним точным смертельным выстрелом, в идеале в глаз, чтобы не испортить шкуру. На рыбалке, наоборот, рыбу водят — водят по кругу, берут измором, то ослабляя натяжение, то сматывая леску, чтобы в конечном счете ее, обессиленную, бережно подхватить в сачок. Всё происходящее в Минске похоже либо на плохую охоту, либо на хорошую рыбалку... Но то, что наш президент скорее рыбак, чем охотник, внушает, как говорится на дипломатическом языке, **осторожный оптимизм*** (В. Левенталь, *Охота или рыбалка*. 12.02.2015. Известия). Важнейшие особенности метафорического метатекста: авторская самоманифестация в тексте местоимениями 1 лица (*мне, наши*) и передачей актов речемышления (*кажется, уместно вспомнить, похоже, внушает*), в том числе сравнения или сопоставления (*разница между, наоборот, похоже*).

Анализ журналистских текстов показывает, что, с одной стороны, в развертывании метафоры, как правило, отражается динамика познавательной деятельности автора, направленной на оценку социальных явлений и процессов, персон, чужих позиций. С другой стороны, использование метафоры помогает обосновать оценку, сделать изложение наглядным, вовлечь в словесную метафорическую игру читателя, устанавливая с ним прочный коммуникативный контакт.

Српски језик и језик масовних медија.**Социолошки аспект****Адела Зобеница**

Република

Универзитет у Новом Саду, Педагошки факултет у Сомбору (Србија)

Српски језик, језик масовних медија, социолошки аспект.

Summary. Serbian language and language of mass media. Sociological aspects. The paper presents a sociological determinants of mass media, and indicates the relationship changed reality that requires a change in language. Describe two general types of linguistic changes caused by mass media. Changes are happening in the Serbian language due to the need of forming new words to the appointment of new technology and because of the "new" information language.

Резиме: У раду се даје социолошка одредница масовних медија, те указује на везу промењене реалности која тражи промене у језику. Описују се две опште врсте језичких промена које изазивају масовни медији. Промене се дешавају и у српском језику како због потребе творбе нових речи за именовање нових технологија тако и због „новог“ информационог језика. Разматра се дилема преузимања речи из другог језика, односно творба нових речи и њихова оправданост. Надаље „нови“ информациони српски језик именујемо као онлајн језик и описујемо његове карактеристике. Рад завршавамо поруком да језички редукционизам „новог“ језика подрива општи ниво писмености популације.

Анализа мас медија као универзалних појава савремености и незаобилазних вредности свакодневног живота не може се сместити у поље једне научне дисциплине. Њима се баве комуниколози, социолози, психолози, лингвисти, политиколози и други. Средства масовне комуникације имају велику улогу у напуштању и промени вредности традиционалне културе стварајући нову, аудиовизуелну културу. Масовни медији су институције које задовољавају потребу друштва за јавном комуникациом у којој могу учествовати сви појединци у друштву. Масовни медији су истовремено комуникациони облици / производи, институције и културне формације [Коковић 2007]. Феномен ширења глобалне комуникације са свим софистицираним техникама захтева и праћење утицаја на писани и говорни језик. Информационе технологије су ушле у свакодневни живот појединаца, и то не на површинском термиолошком нивоу, него много дубље, на нивоу нужне писмености. Информационе технологије мењају свет, а овако промењен свет тражи и промењен језик. Промене се неминовно дешавају и у српском језику како због потребе формулисања нових речи за именовање нових технологија тако и због „новог“ информационог језика који је промењен и са много више могућности од оних које се уче у школи. Промене су се у српском, као и другим језицима, дешавале кроз историју и пре него што су средства масовне комуникације постала део наше свакодневице. Језичке промене су

током ранијих историјских периода биле постепене, трајале су вековима, а у нашем времену су оне брзе у квалитативном и квантитативном смислу. Развој материјалне културе мора да прати одговарајући развој језика. Утицај мас медија је у језику најочљивији у области лексике. Одређени народи у одређеним историјским периодима имају глобални утицај на материјалну културу који се нужно одражава и у језику. Тако неки језици постају лексички емитенти а други језички реципијенти. Ово су историјски токови који се могу схватити и као проблем „туђица“ (туђице — као координисане политике ширења економског, војног, политичког и културног утицаја у оквиру језичких политика) и као проблем српског језика. Преузимање речи из другог језика оправдано је када су стандардни начини стварања речи немогући, односно када у језику не постоји реч или израз која може да пренесе значење неке стране речи или када се процесом творбе речи не може створити нова реч у језику која ће адекватно да објасни неки нови, до тада непознат концепт. Српски језик има довољно префикса и суфикса, творбених елемената, за творбу нових речи, али се они не користе довољно. Преузимају се речи из страног (обично енглеског језика) не уважавајући стандард и правила пралагођавања гласовном систему и правопису српског језика. На пример, писање „компактдисц“ или „е-мајл“ су облици неприлагођени особинама српског језика, правилно је „компактдиск“ и „имејл“. Међународном комуникацијом данас у практично свим областима живота доминира енглески језик. Опште је мишљење да су сви језици на планети угрожени енглеским који јаким утицајем уноси посебне језичке термине. Компјутерска терминологија данас се још увек схвата као жаргон са проблемом да ли ова терминологија обогаћује или осиромашује језик. Задатак је социолингвиста и психолингвиста да проучавају и прате велике језичке промене чији је век врло непердвидив, понекад врло кратак (нове речи брзо нестану), или дуг, па нове речи постану део стандардног језика за свега неколико година. Посебно је занимљив језик онлајн комуникације, комуникације на интернету и мобилним телефонима. Овакав језик Дејвид Кристал [Crystal 2005] назива онлајн језиком сврставајући га у трећи медијум: писани, говорни и онлајн језик. Онлајн језик се посебно развио у енглеском језику, као матерњем језику нових технологија. Основне карактеристике у енглеском језику су скраћенице, честа употреба сленга као и емотикони. Наведене карактеристике показују се и у српском онлајн језику. Српски онлајн језик је склон ниском нивоу у избору речи, има одређени код и располаже одређеним речима и знаковима који ће на јасан и разумљив начин изразити садржај саме поруке. Овај језик пресликава друштвено понашање, речи губе морфолошку вредност и постају низ слова која формирају ново значење. Она често занемарује правопис и интерпункцију, једна од главних карактеристика је неформалност па у великој мери користи подкодове и маркиране облике у односу на стандард. Онлајн језик пише се са

укидањем размака између речи, честом употреба акронима, често се прибегава скупу графичких обмана за изражавање нијанси које су у говорном језику поверене прозодији или мимици. Користе се графичке могућности медија да би замениле и симулирале карактеристичне особине усмене комуникације (емотикони — који представљају изразе лица), честа је употреба оноματοпеја. Овакав ниво писмености подрива општи ниво писмености популације, стварајући псеудописменост јер интернет пошта и СМС поруке, у генерацијама које долазе, постаје најраширенији облик индивидуалне писане комуникације на српском језику. Нови језик је лингвистички редукционизам који доводи до ампутирања кулурних, естетских, духовних и других димензија српског, али и других језика. Мишљење се у говору (и писању) развија и обогаћује, писао је Лав Виготски. Постоји ли нада да ће мишљење моћи да се кроз овакав вид говора и писања развија и обогаћује?

Литература

Виготски Л. Мишљење и говор. Београд: Просвета, 1977.

Crystal D. Language and the Internet. New York: Cambridge Univ. Press, 2005.

Коковић Д. Увод у социологију масовних медија. Нови Сад: Филозофски факултет, 2007.

Метафора как средство мифологизации в публицистическом дискурсе

Т. В. Калугина

Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Россия)

Метафора, информационная война, мифологизация, Мордор.

Summary. The article discusses the formation of metaphors *Mordor* and its impact on public consciousness.

В условиях информационной войны повышается активность манипулятивного использования образных средств языка, главным из которых является, на наш взгляд, метафора. Лежащие в ее основе когнитивные механизмы установления ассоциативных связей между предметами позволяют оказывать скрытое влияние на подсознание человека, так как являются очень древними и связаны с архетипами.

Цель статьи — проанализировать механизмы формирования метафоры *Мордор* и отождествления с ним России в текстах СМИ России и Украины. Именно этот образ наиболее информационно распиарен и опасен, что подтверждает история с переводом слова «Россия» как «Мордор» в «Гугл-переводчике». Можно ли считать такое совпадение случайным?

Хотелось бы для начала определить причины выбора данного образа. Он относится к мифопоэтическим и был создан Дж. Р. Р. Толкином в романе-эпосе «Властелин колец», опубликованном в 1954 г. В романе Мордор — это царство злого властителя Саурона, населенное орками.

Выбор данной метафоры, видимо, не случаен, так как она еще при создании использовалась в идеологической борьбе с Советским Союзом, несмотря на возражения автора. Позже эта метафора обрела вторую молодость в устах Валерии Новодворской и стала активно раскручиваться либеральной оппозицией.

Важнейшим фактором выбора метафоры является целевая аудитория, на которую рассчитано ее использование. Как известно, книга Дж. Р. Р. Толкина очень популярна среди поклонников жанра фэнтези, по ней снята кинотрилогия.

Кроме того, на ней построены еще и компьютерные игры, погружающие в виртуальную реальность, то есть образы «Властелина колец» имеют высокую частотность употребления. Понятно, что при их использовании закладывается программа самоидентификации не с темными силами, в которые включается Россия, а с некими «светлыми» силами, ведущими с ней борьбу и не имеющими четкой идентификации до какого-то момента в будущем.

Метафора может быть средством выражения идеи целой статьи. Например, в статье Л. Д. Бершидского под названием «Мордор-2013» [Бершидский] разворачивается целая система по отождествлению фантастических персонажей и ситуаций с реальностью: Путин — злой властелин Саурона, Навальный — эльфийский король Фелагунд, Украина — Шир, ее жители — добрые хоббиты, Россия — Мордор, ее жители — злые орки, Останкинская башня — башня Саурона. Реальностью становятся и вызываемые эмоции, и отношение к этим персонажам и их метафорическим двойникам. Через эмоции образ материализуется, предлагая реальный объект для ненависти.

Дополнительным средством создания негативного образа и влияния на подсознание читателя становится звуковое подобие «орки — урки». Орки боятся своего злого покровителя, но не могут покинуть службу. Иносказательно

проводится мысль о том, что сторонники официальной власти — уголовники, а дальше читатель как бы сам делает вывод — с ними надо бороться.

Помимо языковых средств, используется изобразительный ряд, который усиливает мрачное впечатление. В качестве иллюстрации к своей статье Л. Д. Бершидский выбрал кадр из фильма «Властелин колец».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что метафора манипулятивно используется в информационной войне против России. Целевая аудитория — российская молодежь. При этом метафора разворачивается на различных уровнях восприятия: от зрительных до звуковых и смысловых. Она многократно повторяется, усиливается, создавая искаженный мифический образ темной и злобной России.

При использовании мифопоэтического образа в информационной среде метафоре нечего противопоставить на официальном уровне информационного противодействия, так как она лежит вне этого поля в архаическом иррациональном подсознании.

Метафора позволяет спрятать истинные цели автора за красивым фасадом и ложно благородной целью. Создавая искаженную картину реальности, можно изменить сознание целого поколения и превратить его в слепое орудие по самоуничтожению.

Информационному сообществу России необходимо выработать способы противодействия манипуляции общественным сознанием. Один из таких путей — объяснение информационно-когнитивных механизмов, лежащих в основе манипуляции.

Литература

Бершидский Л. Д. Мордор-2013 // Журнал «Сноб» [<https://snob.ru/selected/entry/60043>] (Дата обращения: 11.01.2016).

Ситуация

как фактор жанровой обусловленности устного медиадискурса

Р. А. Каримова

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

*Коммуникативная ситуация и параметры устного дискурса;
факторы динамизма дискурса.*

Summary. The report regards the significance of the situation for genre characteristics of oral discourse.

Современные СМИ, прежде всего радио и телевидение весьма активно представляют сферу устного публичного общения, которая расширилась и дифференцировалась в связи с изменениями в общественном сознании. В этих медиа заметны появление и активизация новых жанровых разновидностей дискурса.

Согласно методологии науки подход к речевым произведениям не ограничивается включением их в сферу деятельности (по А. Н. Леонтьеву), но связан, с другой стороны, с проблематикой культурной и социальной идентичности и находится в гуманитарном русле [Беседа В. А. Лекторского и Л. Гараи 2015: 30], что в лингвистическом преломлении означает их освещение с когнитивно-функциональной позиции, направленность прежде всего на их типологическую отнесенность.

С этим коррелирует внимание социолингвистов к связи ролевых отношений коммуникантов со стилистической дифференциацией языка, стилистов, прослеживающих обусловленность структуры речевых жанров характером социокультурной деятельности индивидов [Беседа В. А. Лекторского и Л. Гараи 2015].

С целью выявить факторы организации дискурса как разновидности беседы остановимся на устном общении, представившем в «Главной роли» (14.10.2015) на телевизионном канале «Россия. Культура» в дни юбилея «Сатирикона» К. Райкина (№ 2) в диалоге телеведущим Юл. Макаровым (№ 1). Жанровая отнесенность данного дискурса обуславливается его целеустановкой — представить порождаемые в весьма динамической ситуации общения [Звегинцев 1996: 187] текущее культурное событие. При этом в качестве фоновых учитываем материалы бесед с К. Райкиным: Вл. Познера на «Первом канале» ТВ (31.10.2011) и Д. Спиридоновой в «Белой студии» канала «Россия. Культура» (2.11.2013), которые (беседы) как развернутые дискурсы значимы для представлений о сфере сознания коммуниканта (№ 2); в целом же данные вербализации являют гипердискурс.

Знание и понимание коммуниканта (№ 2) проявляется в его реакциях на представляемую тематику общения (и дискурса), отличающихся в общем содержательной полнотой, — о премьерах спектаклей двух режиссеров (Я. Ломгина и самого К. Райкина) и вызываемых каждой из них кругом вопросов:

- 1) о трактовке пьесы В. Шекспира в постановке Я. Ломгина;
- 2) о режиссерской работе самого К. Райкина с новой пьесой ирландца Макдонаха, раскрываемой в конситуации путем развернутого мнения об этом авторе К. Райкина, постановщика «Королевы красоты», теперь же — «Сиротливого Запада». Наконец, видную часть дискурса (диалога) занимает тема исполнительства (включая молодых участников спектаклей), освещаемая говорящим (№ 2) в связи с его постижением сути драматургии Макдонаха. Характерно, что названную тематику в дискурсе, в репликах № 2 отмечает насыщенностью смыслами.

Наблюдения над динамизмом данного диалогического дискурса показали, что представление говорящим № 2 (К. Райкиным) его знания (отличающегося событийной и тематической насыщенностью) неоднородно по способу вербализации — спонтанной / квазиспонтанной речи, что выявляется по просоди-

ческим показателям, далее — по реализациям грамматической основы коммуникации.

Ср. фрагменты дискурса:

- 1) ...я^T сам все-таки не полный хозяин^P... этой постановки... // это^T э в общем [жест] работа... мм Якова... Ломгина^P как режиссера... //; я^T доверил ему... вот... сделать... так сказать такую ^Pпопытку... рискованную конечно..., но очень интересную //;
- 2) ...он^T [Макдонах] вообще написал семь ^Pпьес...мм // у^T него такой ирландский^P цикл... / это^T ирландская ^Pтрилогия — грандиозный... // три [жест] просто ^Pвеликих пьесы он^T написал // ...первая / вторая и третья // первая^T это была пьеса ээ / вот... «Красавицы^P из Линейна» / или «Королева^P красоты» / как она у нас называлась // это^T вообще первая^P пьеса / с которой он прогремел по всему миру // ээ да / он^T жесткий^P драматург / жесткий эмм / заставляющий зрителя смеяться над тем / над чем смеяться не принято // вот в чем / так сказать / я думаю / наибольшая сложность //.

Первый фрагмент (о постановке шекспировской пьесы режиссером Я. Ломгиным) отмечен дистанцированностью говорящего от референта, являя дискурс с характерными знаками спонтанности.

Напротив, с переходом говорящего к тематике, близкой его когнитивно-эмоциональной сфере и соответствующему опыту (т. е. со сменой референта), это представляется вербально со значительным участием средств рассуждения / умозаключения, данная вербализация осуществляется посредством квазиспонтанной речи [Златоустова 2005: 42].

Приведенные фрагменты различаются, во-первых, просодически: степенью синтагматической, фразовой членимости, насыщенности паузами и их видами, мелодическим оформлением, по представленности дискурсивных слов и элементов генерализации (в общем, вообще); далее — в семантико-грамматическом отношении (в частности, по характеру семантического поля текста, по оценочной лексике, а также по видам синтаксических моделей, их реализаций, степени осложненности высказываний).

Литература

- Беседа В. А. Лекторского и Л. Гараи. О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего в них недостает // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 25–37.
- Звегинцев В. А. Язык и ситуация // Мысли о лингвистике. МГУ, 1996.
- Златоустова Л. В. Изменение моделей русского фонетического слова в квазиспонтанных текстах ораторского функционального стиля // Тр. Междунар. конференции «Функциональные стили звучащей речи». М., 2005. С. 41–43.
- Салимовский В. А. Речевой жанр в его отношении к сфере деятельности // Русский язык сегодня. Вып. 6. Речевые жанры современного общения. Сборник докладов междунар. конф. М.: Флинта, 2015. С. 293–302.

Поликодовый печатный текст: авторы и создатели

В. И. Коньков

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Автор, печатный текст, поликодовый текст, рукопись, фотоизображение.

Summary. Text of summary. The basis of the printed text is a manuscript — linear text. Printed text is created on the basis of several sign systems and is the product of collective creativity.

Будем называть печатным текст, опубликованный на газетной полосе, в журнале; текст, опубликованный в виде книги, рекламного буклета, листовки и т. п. Опубликовать — значит предать гласности, довести до всеобщего сведения.

Печатному тексту противопоставлен автограф, подлинная авторская рукопись. Текст, имеющий статус рукописи, может быть как написан от руки, так и напечатан на пишущей машинке или набран на компьютере. В современном понимании автограф, или рукопись, — это текст, выполненный самим автором, независимо от того, какие технические средства при этом использовались. Рукопись является основой для создания печатного текста, но сама при этом как текст не предназначена для предания гласности, не предназначена для доведения до всеобщего сведения.

Рукопись характеризуется тем, что здесь доминирует линейный принцип расположения речевого материала и используется, как правило, одна знаковая система — вербальная. Автограф-рукопись при создании печатного варианта имеет статус монокодового линейного текста.

Разумеется, можно указать на многочисленные рукописи известных произведений классиков русской литературы, на страницах которых писателями делались многочисленные рисунки, не лишённые подчас художественной ценности. Однако следует иметь в виду, что эти рисунки не являлись частью текста художественного произведения. Их соседство с вербальным текстом носит внешний характер, они не являются частью структуры художественного текста. Данные рисунки могут быть воспроизведены при опубликовании самой рукописи как артефакта эпохи, как документа.

Точно так же можно указать и на тот факт, что некоторые рукописи изначально имели поликодовый характер, потому что само произведение уже замысливалось как сочетание слова и изображения. В качестве примера можно привести публикации В. Пескова из цикла «Окно в природу», где текст состоял из вербального компонента и фотографии. Но при этом надо отметить, что сам вербальный компонент в такой рукописи представал монокодовым линейным образованием — последовательностью слов, практически полностью лишённой средств позиционирования данного текста, которые появляются только на стадии опубликования.

Что касается опубликованного печатного текста, то он, в отличие от рукописи, изначально носит поликодовый характер. Это объясняется тем, что

здесь неизбежно совмещаются линейный и плоскостной принцип расположения речевого материала: как особые знаковые системы используются шрифт, приемы членения и расположения речевого материала в плоскости газетной полосы.

Поликодовый характер печатного текста в значительной степени обусловлен тем, что печатный текст, как текст опубликованный, оправдывает смысл своего существования, если востребован читателем. Именно по этой причине создается целая система позиционирования текста, задача которой — установить контакт с читателем, вызвать у читателя интерес к данному тексту и желание его прочесть, облегчить при этом сам процесс чтения.

Так, например, система позиционирования медиатекста включает в себя не только приемы верстки, выбор шрифта. Элементами системы позиционирования являются название газетной полосы, рубрика, заголовок и подзаголовок, внутренние заголовки, различного рода врезки, фамилия автора, многочисленные невербальные изобразительные компоненты, развитая инфографика.

С точки зрения назначения вся система позиционирования печатного текста выполняет метатекстовую функцию, это невербальный аналог метатекста.

Таким образом, можно утверждать, что газетный печатный текст имеет по меньшей мере двух создателей. Первый — автор рукописи, второй — это создатель системы позиционирования текста. В случае медиатекста система позиционирования текста носит по отношению к содержанию текста внешний характер и практически не влияет на смысл, сформированный автором в рукописи.

Печатный медиатекст может легко переходят из одной коммуникативной среды в другую, уменьшая степень поликодовости или утрачивая ее, но первоначальный смысл автографа при этом не теряется. В качестве примера можно указать на ситуацию, когда печатный медиатекст трансформируется в вордовый файл при размещении на каком-либо сайте.

В то же время в некоторых случаях элементы невербальных знаковых систем печатного текста могут вступать в совершенно иные, гораздо более сложные, отношения с автографом.

В 2013 году Культурно-просветительским центром «Булгаковский дом» был издан роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с фотоиллюстрациями Е. Мартынюк. Автор поставила перед собой цель переложить некоторые сцены из «Мастера и Маргариты» на язык фотографии. Очевидно, что основу печатного текста (книги) составляет рукопись автора. Однако читателю в дополнение к вербальному тексту рукописи представлен параллельный текст, созданный на основе другой знаковой системы: образы персонажей создаются на основе не словесного, а фотографического изображения. Данный визуальный текст, очевидно, несамостоятелен. Если бы не существовал роман, то невозможен был бы и параллельный, сопровождающий его видеоряд. Если гово-

речь о его функциональном назначении, то перед нами комментарий к булгаковскому тексту, истолкование образов романа, который фотографом прочитан и, следовательно, по М. Бахтину, переведен в статус произведения.

Семантический статус такого видеоряда нам представляется многофункциональным.

В известной степени для читателя, читавшего роман фотографии представляют собой полноценный текст. С одной стороны, на основе визуального изображения формируются знаки с предметной семантикой, которые в контексте произведения одновременно получают в книге и событийное прочтение. С другой стороны, ярко выражены значения субъективно-модального и оценочного типа, на что указывает наличие у фотографа ярко выраженной творческой индивидуальной манеры.

Таким образом, у данного печатного текста три создателя. Первый — автор рукописи. Второй — автор фотоиллюстраций. Третий — тот, кто оформлял расположение вербального текста в плоскости страницы, выбирал шрифт и т. д.

Украинские вкрапления в русских медиатекстах как прием создания антиимиджа Украины

О. В. Красовская

Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко

Медиатекст, антиимидж, «чужое слово», украинское вкрапление.

Summary. The way of formation of Ukraine's antiimage based on the use of Ukrainian inclusions in Russian mediatexts from the information confrontation between Russia and Ukraine is considered. It is ironic refutation (in different tonalities) of established positive statements about the Ukrainian reality hidden behind Ukrainisms that belong to the first persons of Ukraine. Indirect refutation of Ukrainian politicians' slogans is created by the description of negative facts from Ukrainian society' life, that demonstrate the gap between political statements and reality.

Агональность политического дискурса обостряется в ходе информационных войн (ИВ) между государствами-оппонентами.

Представленные в докладе наблюдения основаны на анализе медиатекстов, продуцируемых участниками сегодняшнего информационного конфликта между Россией и Украиной. В этом информационном противостоянии с Россией солидаризуются образованные в результате украинского кризиса Луганская и Донецкая Народные Республики (ЛНР, ДНР).

На реализацию базовых стратегий речевого воздействия (повышения себя и понижения оппонента), которые также составляют основу формирования политических имиджей и антиимиджей, направлено использование самых разнообразных тактик и языковых средств. Прежде всего это несущие заряд конфликтности приемы противопоставления, поляризации политических оппонентов: *Тарифы на отопление и горячую воду в ЛНР гораздо ниже, чем в Украине*

(lug-info.com, 07.09.2015). Ср. аналогичным образом оформленный прогноз — создание «светлого будущего» для себя и «темного будущего» для оппонента [Руженцева 2004]: *Украина будет богатеть, а на Донбассе будет хуже и хуже* (politnavigator.net, 12.12.2015).

Каждый дискурс обогащает набор реализаций этих стратегий. Лингвисты справедливо отмечают, что в полемической среде активизируется взаимодействие «своего» и «чужого».

Распространенным приемом создания антиимиджа Украины в нашем материале является использование украинских вкраплений «в оппозиционных коммуникативных целях» [Арутюнова 1992]. Прием состоит в ироническом опровержении (разных тональностей) скрывающихся за украинизмами широко известных позитивных утверждений, принадлежащих первым лицам Украины, об украинской действительности.

В качестве инкрустируемых украинских лексем в русских текстах часто используются ключевые слова современной киевской риторики *здобули* (при передаче на письме русскими буквами: *здобулы*; рус. *приобрели*) и *перемога* (рус. *победа*). Приведем контексты, в которых эти лексемы становятся предметом критической рефлексии, развенчивающей демагогические заявления украинских политиков: *Есть такое популярное украинское слово — «здобулы». Корректно перевести его на русский язык непросто. Однокоренное существительное «здобутки» переводится как «достижения». Но вот сам глагол — это не столько «достигли», сколько «добились»... Поэтому и слышится в дружном возгласе «мы здобулы» отзвук дележа казацких ватаг. Одним словом, «здобулы» — это что-то такое, чего достигли, заплатив за это немалую цену в бою.*

Итак, чего же они, украинцы, «здобулы», заплатив своими жизнями за то, чтобы вместо Виктора Януковича в президентском кресле оказался министр экономики в правительстве этого самого Януковича и кум предыдущего президента Виктора Ющенко (novorossy.ru, 18.09.2014);

Вот чего у сторонников майдана не отнять, так это способности видеть перемогу везде, даже там, где ее, казалось бы, не может быть совсем; Это даже не оптимизм, это уже просто жизнь в какой-то другой реальности, в которой перемога становится аксиомой; Кругом либо перемоги, либо временные трудности, которые все равно ведут к перемоге, неизбежной и большой (samlib.ru, 20.02.2015).

Косвенное опровержение лозунгов украинских политиков создается описанием негативных фактов из жизни украинского общества, которые демонстрируют разрыв между политическими заявлениями и реальностью. Помещенные в негативный контекст украинизмы приобретают пародийное звучание. Ср. следующие примеры: *«Здобули»: доходы украинцев упали почти на четверть* (www.vitrenko.org, 02.07.2015); *Воны здобулы: майдан обрек пациен-*

тов киевских больниц на смерть (antifashist.com, 13.11.2014); *Перемога: Рост цен на Украине установил 22-летний рекорд* (rusvesna.su, 07.01.2016).

Использование «чужого слова» с полемической целью, как правило, сопровождается его переосмыслением, употреблением в противоположном значении: которое в следующих примерах становится эксплицитным: *Перемоги Украины, которые ведут к поражению* (www.news.li, 02.01.2016); *До Порошенка наконец-то дошло: в Дебальцево был разгром, а вовсе не «перемога»* (pandoraopen.ru, 04.03.2015).

Полемичность дискурса усиливается при вопросительном использовании украинских вкраплений. Цитатные вопросы эквивалентны отрицательному утверждению: *Здобули? Украина взяла обязательства перед МВФ сократить количество школ* (www.politforums.net, 12.03.2015); *Мы «здобули»? Эксперт о самой бедной европейской стране* (strana404.info, 24.10.2015).

Итак, использование украинских вкраплений в русских медиатекстах, принадлежащих дискурсу ИВ, представляет собой прием сообщения тексту коннотации обличения.

Развенчание политической риторики киевских политиков, пародийное представление украинской патетики через имплицитное опровержение стоящих за украинизмами лозунгов, безусловно, подрывают имидж Украины, выступая средством создания ее антиимиджа.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т. В. Булыгина. М., 1992.
 Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
 Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004.

Об особенностях некоторых текстообразующих признаков в письменной разговорной речи

Е. И. Литневская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Письменная разговорная речь, когезия, когерентность.

Summary. Cohesion and coherence as the text forming features have specific realization in written colloquial speech.

В теории текста, оформившейся во второй половине XX века в самостоятельную лингвистическую дисциплину, большое внимание уделяется выделению признаков, делающих совокупность знаков текстом. В традиции рассмотрения «от формы» существенным параметром текста становится его формальная связность (когезия), при подходе же «от содержания» на первый план выходит его осмысленность (когерентность). Однако в большинстве классифика-

ций формальные и содержательные текстовые признаки объединены, при этом понятия когезии и когерентности далеко не всегда четко осмыслены и разграничены и нечасто используются в русистике, несмотря на их распространенность в западных работах. Так, Л. Е. Гриневская, О. В. Зимина и В. Б. Киселева употребляют эти термины синонимично: «Понятие когезии (когерентности) имеет широкое трактование и представляет собой соотнесенность составляющих текст компонентов» [Гриневская, Зимина, Киселева 2006: 39]. Мы же — вслед за западной традицией — исходим на важности разграничения этих понятий.

Началом привлечения внимания к когезии текста принято считать труд «Когезия в английском языке» («Cohesion in English», 1976) М. А. К. Халлидея и Р. Хассан (здесь и далее перевод наш. — *Е. Л.*). Когезия в их работе понимается как совокупность поддающихся описанию лингвистических механизмов, обеспечивающих связь между высказываниями. Халлидей и Хасан выделяют пять основных механизмов когезии: 1) референция (анафора и катафора), 2) эллипсис (опущение слов вместо их повторения), 3) субституция (замена слов вместо их повторения), 4) лексическая когезия (повторение лексических элементов, обеспечивающее связь между предложениями), 5) использование коннекторов для установления логических и временных связей между высказываниями [Halliday, Hasan 1976: 27]. Халлидей и Хасан утверждают, что когезия является единственным источником целостности, когерентности («фактуры») текста, фактически отождествляя два понятия.

Однако в дискуссии о текстообразующих признаках такие лингвисты, как Дж. Морган, М. Селлн, П. Карелл ([Morgan, Sellne 1980]; [Carell 1982]), разводят понятия когезии и когерентности, полагая, что связи между элементами текста не обязательно должны быть эксплицитно выражены, чтобы текст мог считаться когерентным. К. Нутталл справедливо отмечает, что «мысленная обработка текста — процесс, во время которого взаимодействуют текст и изначальные фоновые знания <...> слушателя или читателя» [Nuttall 1982: 15–17].

Справедливость этой точки зрения наиболее ярко видна при рассмотрении текстов разговорной речи.

Известно, что еще в конце 60-х годов XX века при исследовании устной разговорной речи в русистике была отмечена высокая роль конситуативности (конкретной ситуации данного коммуникативного акта) и общности апперцепционной базы (общих предварительных сведений и опыта коммуникантов) [Земская 1968: 98]. Е. А. Земская постулирует необходимость изучения РР «на фоне целостного коммуникативного акта, формируемого несколькими (не только вербальными!) семиотическими системами» [Земская 2004: 292]. При устной разговорной коммуникации «вербальный ряд активно взаимодействует с предметным, жесто-мимическим и акциональным» [Китайгородская, Розанова 2010: 210–211]. Приводимые в работах по коллоквиалистике примеры пока-

зывают, что акциональная конситуация значительно снижает роль когезии в текстах разговорной речи, однако при этом текст остается осмысленным и понятным собеседникам, т. е. когерентным.

Обратимся к письменной разговорной речи (обоснование ее выделения см., например, в [Литневская 2011]). Ее отличительным признаком также является конситуативность, однако это конситуативность не акциональная, а семиотическая: без учета технических особенностей коммуникативной площадки, на которой текст создается и отображается, текст часто кажется бес-связным.

В качестве примера приведем фрагмент переписки в скайпе А и Б, матери (около 50 лет, образование высшее) и дочери (24 года, образование высшее), находящихся в разных городах, но ежедневно поддерживающих контакт.

[22:00:45] А: *привет) ты как?*

[22:01:04] А: *у нас выпал снег*

[22:01:34] А: *сегодня весь день (!) показывают подряд Игры престолов, прикинь*

[22:02:21] А: *Зайцев прибился. Он, оказывается, всего Мартина прочитал и теперь ищет (и, понятное дело, находит) несоответствия*

[22:02:30] А: *но смотрит с удовольствием*

[22:03:34] А: *олиииииик*

[23:39:37] Б: *хехе, ура) ему должно быть интересно, потому что последний сезон уже не по книгам*

[23:39:48] Б: *янасмеме*

[23:39:54] А: *говорит, что по книгам*

[23:39:59] Б: *опять не обновила клавиатуру*

[23:40:06] А: *что на этом и заканчивается*

[23:40:14] А: *может, ты не дочитала?*

[23:40:16] Б: *так что пр зодится тыкать буквы по одной*

[23:40:57] А: *посмотрела у вас погоду, на неделе обещают до 18 градусов*

[23:41:07] Б: *Я не дочтала, но уверена, что по некоторым сюжетным лин ям сериал ужн перегнал ктгги*

[23:41:23] Б: *мне лень исправлчьб лпечатки*

[23:41:31] А: *хорошо*

[23:41:36] А: *пойду наверх*

[23:41:38] А: *пока)*

[23:41:39] Б: *Да ну? Днем был ноль*

[23:41:58] Б: *пока*

Как мы видим, сначала А пишет «впрок», набирая текст на клавиатуре компьютера, поэтому начальный фрагмент, во-первых, представляет собой относительно связное повествование, и, во-вторых, не содержит опечаток. Б вы-

ходит на связь только через полтора часа. При этом Б пишет на клавиатуре телефона и явно занята (*янасьме* = *я на смене*). Эти обстоятельства влекут за собой множество опечаток, характерных для использования клавиатуры *qwerty*, а также такой порядок, при котором часть реплик является ответной реакцией на помещенные значительно выше реплики-стимулы, а часть описывает текущие события. Когезные связи в тексте прослеживаются весьма слабо, однако текст для собеседников абсолютно когерентен.

Иной способ осмысления текста требуется при прочтении веток комментариев (каментов), третий — при чтении текстовых трансляций. Без преувеличения можно сказать, что семиотическая конситуативность является таким же универсальным свойством письменной разговорной речи, как и акциональная конситуативность текстов устной разговорной речи.

Литература

- Гринева Л. Е., Зимица О. В., Киселева В. Б. Текст как доминирующая единица перевода // Лингводидактические аспекты перевода в процессе подготовки переводчиков. Материалы международного научно-практического семинара 15 ноября 2005 года. Иркутск, 2006.
- Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976.
- Morgan J. L., Sellne M. B. Discourse and linguistic theory // Spiro R. J., Bertram B. C. and Brewer W. F. (eds). Theoretical issues in reading comprehension. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1980.
- Carell P. Cohesion is Not Coherence // TESOL Quarterly. 16. 4. 1982. P. 479–488.
- Nuttall C. Teaching Reading Skills in a Foreign Language // Practical Language Teaching. 9. London: Heinemann Educational Books, 1982.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь (Прспект). М.: ИРЯ РАН, 1968.
- Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Литневская Е. И. Письменные формы русской разговорной речи (К постановке проблемы): Монография. М.: МАКС Пресс, 2011.

Прагматические функции газетного заголовка

Т. С. Моница

Новый гуманитарный институт (г. Электросталь, Московская область, Россия)

Прагматика, функция, газетный заголовок.

Summary. The article discusses the pragmatic features of a newspaper headline from the point of targeting of utterance. Factors that form the functional specificity of the headline may include a psychological model of advertising exposure AIDA (Attention, Interest, Desire, Action), proposed by E. Lewis. Along with informative function in the contemporary press headline activates attraction, meditation, axiological and imperative functions.

Очевидно, что средствам массовой информации во все времена присуща идеологическая установка (версия социальной действительности, представленная печатным органом «пресуппозитивно принимается адресатом на веру

из-за недостаточного личного опыта и авторитетного статуса источника информации» [Жуков 2002: 4], в условиях современного информационного пространства специфика воздействующего фактора приобретает новые черты. Сообщение актуальной информации в конечном итоге реализует цель информационного воздействия журналиста на массовую аудиторию. Таким образом, представляется оправданным заключить, что современный газетный дискурс отмечен манипулятивно-ориентирующим способом подачи информации. Учитывая все возрастающее прагматическое значение заголовка, представляется очень важным исследование психолингвистических особенностей восприятия заголовка. Учет позиции реципиента при исследовании заголовка помогает вскрыть механизмы создания заголовка. Выступая в качестве предтекста, заголовок в современной газете должен обеспечивать прагматические эффекты разных типов. Основные прагматические функции заголовка коррелируют с известной американской моделью рекламного воздействия AIDA, предложенную Э. Левисом, АИДА — это акроним от английского AIDA — Attention, Interest, Desire, Action — *внимание, интерес, желание, действие*, которые являются номинациями основных ступеней коммуникативного диалога между рекламой и потребителем [Крыловский К., 2006]. Область применения данной технологии давно вышла далеко за рамки непосредственных продаж и охватывает широкий спектр межличностных коммуникаций. Динамику восприятия газетного заголовка, на наш взгляд, можно описать, опираясь на структурное представление этой модели.

Основываясь на модели рекламного воздействия, структурируем процесс восприятия читателем газетного заголовка на четыре этапа. Первым этапом восприятия заголовка является аттракция — привлечение непроизвольного внимания читателя к форме заголовка. Возникновение непроизвольного внимания может быть вызвано особенностью воздействующего раздражителя (объективными факторами), а также обуславливаться соответствием этих раздражителей прошлому опыту или психическому состоянию человека (субъективными факторами). К объективным факторам относятся факторы неожиданности, новизны, силы, динамичности раздражителя. К субъективным факторам относятся интеллектуальные, эстетические и моральные чувства (удивление, восхищение, восторг и т. п.), которые могут быть вызваны насыщенными цветами, мелодичными звуками, запахами и т. д. [Тихомиров 1984: 7–10]. Непроизвольное сосредоточение внимания на газетном заголовке формируется одновременно необычностью его видеоформы и новизной его семантической структуры.

На втором этапе восприятия непроизвольное внимание к заголовку сменяется произвольным. Физиологическим механизмом произвольного внимания служит очаг оптимального возбуждения в коре мозга, поддерживаемый сигналами

лами, идущими от второй сигнальной системы. Психологической особенностью произвольного внимания является сопровождение его переживанием большего или меньшего волевого усилия, напряжения, нередко вызывающего утомление. Отличительным свойством произвольного внимания является устойчивость, т. е. длительность, в течение которой сохраняется на одном уровне концентрация внимания.

Третий этап восприятия характеризуется нацеленностью адресата на выявление соотносительности объективного и субъективного компонентов в информации, на определение отношения к информации. Стратегия чтения элементов заголовочной подсистемы такова. После того, как заголовки распознаются читателем в качестве таковых в коммуникативной модели «Я читаю газету», у него активизируются знания о той функции, которую выполняют заголовочные элементы: диктумной или модусной. В случае если перед ним заголовки диктумного характера — сообщение сведений, имеющих высокую познавательную характеристику, приведение фактов, статистических сведений, различного рода прогнозов и проектов, он извлекает из памяти типовые модели (сценариев, по Т. А. ван Дейку). Фоновые знания (время, место, интересы, цели), оживленные названием текста, позволяет читателю принять решение «Мне (не) интересен этот текст», а значит, обратиться или нет к его прочтению.

Четвертый, завершающий этап — побуждение коммуникативного адресата к чтению самой статьи. Оно возможно только в том случае, когда читатель уверен, что заявленная в заголовке информация ему нужна. Чтобы читатель обратился к чтению статьи, журналисты часто применяют воздействие на так называемый инстинкт любознательности, отнесенным Уильямом Мак-Дугаллом — англо-американским психологом, основателем гормической психологии — к основным человеческим инстинктам.

На каждом этапе восприятия к информативной функции заголовка добавляются, соответственно каждому этапу, прагматические функции: аттрактивная, медитативная, аксиологическая и императивная. Такая организация механизма восприятия показывает, что уже на первом, прогнозирующем, этапе читатель способен определиться в дальнейших действиях: ограничиться информацией, представленной заголовком или обратиться дополнительно к информации, заключенной в дискурсе.

Литература

- Жуков И. В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998–2000 гг.: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002.
- Крыловский К. Психология рекламы. СПб.: Изд-во ПИТЕР, 2006 [http://www.ideaura.com/psychology/aida_advertising_influence_mechanism.php].
- Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: МГУ, 1984.

Манипулятивные стратегии и тактики политического дискурса**Т. И. Никишина**

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

Политический дискурс, стратегия, тактика, манипуляция.

Summary. The article analyzes the manipulative strategies and tactics of political discourse as a complex linguistic activities aimed at achieving communicative goals.

Политический дискурс — это совокупность политических дискурсов социума: дискурса власти, контрдискурс, публичной риторики, которые закрепляют сложившуюся систему общественных отношений, дестабилизируя ее. Интерпретируя целостность политического дискурса, нельзя ограничиваться только языковыми моментами, иначе суть и цель его останутся незамеченными. Понимание политического дискурса как динамического процесса речевой деятельности предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и популярных логических переходов, существующих в конкретную эпоху, а знания стратегий и тактик поможет лучше определить приоритеты и истинные намерения в речи политического деятеля.

О. Готта утверждает, что завоевание и удержание симпатии электората, его привязанности, доверия, поддержки — главная задача политического деятеля, которая очень часто решается при помощи противоположных рациональному и логическому доказательств. Коммуникативную стратегию исследовательница понимает как план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, при которых происходит акт коммуникации и которые, в свою очередь, вызывают не только внешнюю и внутреннюю структуру политических текстов, но и использование определенных языковых средств [Готта 2008: 8].

В работе Е. Сагайдачной «Манипуляция в политическом дискурсе» охарактеризовано и приведены примеры каждого из видов политической стратегии, а именно: идентификационные формулы (широко применяемые обороты, при помощи которых адресат пытается идентифицировать, отождествлять себя с партией, вызвать ощущение причастности, общности, коалиции и др.); употребление слов-эпистемиков (слова с общим значением «знать», «понимать»: как известно, как мы все знаем, нет сомнения в том, что и др.); представление субъективного мнения как объективного факта или истины, не требует доказательств, в форме категорического суждения; ссылка на авторитет (авторитетная, известная или просто уважаемая личность предлагает свое видение проблемы); выражение уверенности говорящего в согласии адресата; «похвала» адресату (завоевание расположения аудитории средством воспроизведения полного захвата и похвалы в адрес слушателя, особенно в условиях массовой аудитории); риторический вопрос (с помощью бессмысленных вопросов, ответы на которые вполне очевидны, говорящий пытается подчеркнуть значимость и подлинность собственных идей); риторическая фигура (внедрение в текст

мысленной речи оппонента, которая должна раскрыть его истинные мысли и интересы); «редукция комплексности» (согласно Н. Луману, человек не может охватить весь спектр вопросов, невозможно, «чтобы все занимались всем». Поэтому каждая подсистема (политика, право и др.) позволяет провести секторный анализ и тем самым упрощает «свою часть комплексности»); риторические стратегии идеологических текстов («стратегия мобилизации» и «стратегия демобилизации» общественного мнения) [Сагайдачная 2007: 121].

О. Петров выделил несколько стратегий, которые широко применяются в политической коммуникации, а именно: «программная» стратегия (в основе такого подхода гипертрофированна роль программных основ и документов партии или блока, при этом подчеркивая, что каждый избиратель должен ознакомиться с содержанием программ различных партий и выбрать из предложенных приемлемую для него); «аппаратная» стратегия (использование в ходе ее организации различных средств (например, СМИ) и технологий, направленных на то, чтобы в процессе выборов использовать ресурсы «руководства»); «проблемная» стратегия (выбор нескольких важнейших для электората проблем, которые кандидат или партия предлагают тем или иным способом решить); «социально-экономическая» стратегия (ориентация на исключительно экономические интересы различных групп избирателей); «рекламная» стратегия (создание положительного имиджа кандидата, который затем «продвигается» в среду избирателей); «лидерская» стратегия (избиратели имеют некоторое представление о той совокупности политических, деловых, личных качеств, которыми должен обладать определенный политик); «адресная (дифференцированная)» стратегия (определение на основе проведения глубоких социологических исследований групп избирателей по разным критериям — региональным, образовательным, возрастным, психографическим, согласно моделями электорального поведения и т. д. с последующим обработкой стратегии) [Петров 2006: 21].

Е. Шейгал [Шейгал 2000] выделяет в политическом дискурсе такие виды стратегий:

- 1) стратегия завуалированности, затушевывания нежелательной информации (позволяет погасить, сделать менее очевидными неприемлемы факты);
- 2) стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение);
- 3) стратегия анонимности (деперсонализации) как прием снятия ответственности).

Исходя из вышесказанного, отметим факт актуальности манипуляции сознанием в политической борьбе. Из функций, которые выполняет политический дискурс, формируются стратегии политического дискурса как средства и способы осуществления определенных задач, которые ставит перед собой политический деятель. Мы привели примеры наиболее употребляемых приемов,

которые характеризуются манипулятивным воздействием на реципиента в письменном и устном вариантах дискурса. Также констатируем, что в подходе в сочетании этих составляющих создается мощное оружие продуманных схем коммуникаций, происходит влияние политиков на поведение людей, раскрытия запланированных целей и создания иллюзии так, что реципиент сам делает навязывание выводы.

Литература

- Готта О. М. Прагматика функционирования ключевых концептов в риторике датских политических партий: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Петров О. Стратегії політичних сил на парламентських виборах 2006 року // Політичний менеджмент (український науковий журнал / Голов. ред. Ю. Ж. Шайгородський). 2006. № 1. С. 18–26.
- Сагайдачная Е. Н. Манипуляция в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2007. № 22. С. 121–126.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дисс. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2000.

Номинация должности и рода занятия лица в современном российском медиатексте

Т. Г. Рошкетая

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Номинация, должность, вариант, медиатекст.

Summary. The report presents an analysis of variant forms of position's nomination, the method of formation and stylistic functions of this nomination in modern Russian media text.

1. В современном российском медиатексте в номинации лица указывается имя, отчество, фамилия и должность, которую занимает человек. Данный тип номинации используется для персонификации субъекта медиатекста, например, эксперта, слова которого приводит автор. В современном медиатексте используются формы трехчленной антропонимической номинации (имя, отчество, фамилия) и их варианты, когда дается, например, только имя и фамилия. Номинация должности относится к номинации группы однозначных слов, то есть таких слов, которые соотносятся только с одним объектом действительности и которые не определяются контекстом. В речевой структуре медиатекста указание должности позволяет определить полномочия и обязанности лица в сфере трудовых отношений. В современном российском медиатексте номинация должности обычно состоит из многокомпонентного словосочетания.

2. Помимо официального наименования должности в современном медиатексте указывается и род занятия лица. Данный тип номинации можно отнести к вариантной номинации лица, определяющей род занятия, которое не связано с регламентацией трудовой деятельности человека.

3. В номинации лица по роду занятия используются имена существительные, которые образуют группу слов, обозначающих личностные предпочтения

людей в сфере общественных и социальных отношений. Данные предпочтения не связаны с трудовыми функциями человека и не содержат квалификационных характеристик должности.

4. В современном медиатексте наблюдается тенденция включения в номинацию должности лица индивидуализирующего компонента, который обычно выражен именем прилагательным. Использование индивидуализирующего компонента в номинации должности, профессии, рода занятия лица позволяет автору медиатекста выразить оценочное отношение к человеку, фамилия которого указывается в высказывании. Данный тип номинации можно отнести к вариантной номинации должности и рода занятия лица.

5. Анализ вариантных номинаций должности и рода занятия лица, используемых в современном российском медиатексте, позволяет сделать вывод, что данные вариантные номинации относятся к средствам оценочности, которые характерны для разговорной речи.

6. При изучении языка средств массовой информации на занятиях по русскому языку как иностранному необходимо объяснять учащимся способы образования вариантной номинации должности и рода занятия лица, так как это поможет иностранным студентам понять семантико-синтаксическую структуру данной номинации и позволит выявить особенности функционирования номинации должности и рода занятия лица в современном российском тексте.

Тексты СМИ, культура речи и общий жаргон

Т.В. Чернышова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Медиатекст, стилистический узус, общий жаргон, нормативность, узуальность.

Summary. In the report based on the data of "the Russian National Corpus", was raised the problem of acceptable use of the not standard lexicon and slang in the field of media information in aspect of linguistic, sociolinguistic and pragmatic characteristics of media texts.

Проблема выбора языковых средств нелитературных сфер языка для использования их в текстах (в том числе и текстах СМИ), явно претендующих на статус литературных, была поставлена в начале XXI века в статье Е. Н. Ширяева «Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках [Ширяев 2000: 13–21]. Отмечая, что такие средства используются сейчас в самых разных жанрах, ученый задает вопрос: «Где границы того, что можно и что нельзя?», а также поясняет, что задача лингвиста состоит не в том, «чтобы присоединиться к каким-то запретам или, наоборот, отвергнуть их», а в том, чтобы дать объективные характеристики нелитературных компонентов, которые смогут способствовать проведению по отношению ним обоснованной языковой политики [Ширяев 2000: 19].

На наш взгляд, еще более остро проблема использования ненормативных языковых единиц в СМИ и повседневном общении раскрывается в исследова-

нии Л. П. Крысина. Так, исследователь акцентирует внимание читателя на широком распространении разговорно-просторечных и профессионально-маркированных языковых элементов, проникающих в литературный язык из речи чиновников, например: *озадачить* (в значении 'поставить перед кем-нибудь какую-либо задачу'), *подвижка*, *наработки*, *конкретика* [Крысин 2000: 34–35]. Сюда же, видимо, следует отнести глагол *озвучить*, широко распространившееся в настоящее время как в обиходной речи, так и в СМИ в значении, которое с пометой «разговорное» дает поисковый набор в Google: «Сообщить, сделать общим достоянием», например: *озвучить решение кабинета министров* и др. По данным «Национального корпуса русского языка» (газетный корпус) [НКРЯ: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%E7%E2%F3%F7%E8%F2%FC&mode=paper (дата обращения: 24.02.2016)], глагол *озвучить* в указанном значении наибольшего пика популярности в СМИ достиг в 2011 году. В 2012–2014 гг. его использование зафиксировано в таких газетных изданиях, как «Известия», «Комсомольская правда», «РБК Дейли», «Советский спорт» и др., например: *Но сейчас для нас всё закончилось и я могу озвучить свое мнение* (Известия, 2014.06.27); *Какие убытки Auchan несет, пока не торгует алкоголем, представитель сети затруднилась озвучить* (РБК Дейли, 2013.11.12); *Я вам ничего не могу озвучить сейчас* (Комсомольская правда, 2013.10.04) и др. (всего найдено 722 документа, 743 вхождения).

Кроме того Л. П. Крысин обращает внимание читателя на формирование **общего жаргона**, под которым понимается «языковое образование, составляющее, по-видимому, часть словаря, используемого носителями современного литературного языка» [Крысин 2000: 35], источник которого вполне определен, — «это уголовная или полууголовная среда, теневой бизнес и т. п.» [Крысин 2000: 34–35], из которого в общенародный язык пришли такие единицы, как *крутой* (парень), *разборка*, *наехать* (на кого-либо), *тусовка*, *беспредел* и др. Проиллюстрируем распространение ненормативных языковых элементов в текстах современных печатных СМИ на примере статьи «Академические разборки», опубликованной в журнале «Status» (октябрь 2008 г.). Заголовок статьи («Академические разборки») представляет собой словосочетание, в состав которого входит лексема «разборки», значение которого — «*Жарг.* Препирательство, ссора. *Бандитские разборки*» [СТСРЯ: 663]; «*Жарг.* Разбирательство, выяснение отношений, ссора, драка (обычно между враждующими сторонами, конкурентами)» [Химик 2004: 518–519]. В соответствии с данными «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ: http://search1.ruscorpora.ru/plot-paper.xml?smoothing=3&stat=gr_created_&env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexgramm&mode=paper&sort=gr_tagging&lang=ru&parent1=0&level1=0&lex1=%F0%E0%E7%E1%EE%F0%EA%E0&gramm1=&sem1=&flags1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lex2]

=&gramm2=&sem2=&flags2= (дата обращения: 24.02.2016)] пик употребительности этой лексемы приходится на 2003 год. В то же время вплоть до наших дней слово активно функционирует в текстах СМИ, постоянно наращивая свой семантический потенциал (найден 1 323 документа, 1 417 вхождений), например: *Такие разные мы. Конфликт поколений — это не просто разборки отцов и детей* (Комсомольская правда, 2014.07.24); *Иначе это очень смахивает на политические разборки, а вникать в них — не дело судей* (Известия, 2014.06.26); *Среди беглых преступников — криминальные авторитеты, маньяки-душегубы и даже участники бытовых разборок со всех концов страны*. (Комсомольская правда, 2014.05.30) и др.

Нельзя не согласиться с мнением Е. Н. Ширяева, утверждающего, что при ответе на вопрос, «какие отступления от идеальной нормы в речи носителей литературного языка оправданы и не выводят их из числа литературно говорящих», необходимым условием для достижения объективных культурно-речевых оценок в этой области должно быть «предъявление реальной картины функционирования нелитературных компонентов в современном литературном языке с исчерпывающим набором собственно лингвистических, социолингвистических и прагматических характеристик этого функционирования» [Ширяев 2000: 21].

Литература

- Крысин Л. П. Социолингвистический аспект изучения речевых «неправильностей» // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 29–36.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru/>] (НКРЯ).
- Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Л.: Норинт, 2001 (СТСРЯ).
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. Л.: Норинт, 2004.
- Ширяев Е. Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 13–21.

Интерактивное телевидение: перспективы изучения языка

О. М. Ятчук

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

Диалог, интерактивное телевидение, телеведущий, прямоефирное телевидение, речевая коммуникация.

Summary. The article describes new perspective trends of interdisciplinary study of speech communication through interactive TV programs and on-line television dialogue-based projects. It proves that the traditional sub-system anchor — guest-audience is a potential ground for research of speech and analysis of the Web impact on new speech strategies application.

Интерактивное телевидение, уже несколько лет сохраняет статус не только инновационной телевизионной технологии, но и востребованного коммуникативного процесса в сфере телевидения.

Существует много направлений исследований этого коммуникативного процесса среди журналистов, представителей социальных коммуникаций, но пока вне интересов научной общественности остается филологический аспект интерактивного телевидения — речь, звучащая в эфире.

В контексте изучения языка, прямая телевизионная трансляция является уникальным явлением — носители языка, которые участвуют в процессе телевизионного общения, не могут заранее следовать точно выученным и отрепетированным текстам — так называемым «закрытым текстам», ведь момент создания «живого диалога» и момент создания телевизионного продукта полностью совпадают во времени. Поэтому речь участников данной коммуникации является отражением и уровня развития языка и его социокультурных норм. С другой стороны данный коммуникативный акт фиксируется, как эфирный продукт телеканала (контрольная запись прямого эфира, самостоятельная фиксация с последующим хранением для изучения любым зрителем данного продукта). Возможность обращаться к уже записанной программе, которая была в эфире, дает возможность не только изучать ее с точки зрения журналистики или социальных коммуникаций, но и раскрывает перспективные направления для изучения филологами.

Если мы рассмотрим интерактивные программы, которые идут в прямом эфире, то можем выделить в них несколько типов, которые, как отмечала российская исследовательница Е. Поберезникова [Поберезникова 2004], базируются на таких парных сентенциях: зрелище — реакция, вопрос — ответ, суждение — контрсуждение и действие — контрдействие. Можно разделить их по способу организации речевой коммуникации — на собственно «диалог» (в большей мере это касается модели суждение-контрсуждения, но также имеет отношение и к модели вопрос-ответ), и «действие» (в большей мере это касается модели действия-контрдействия, но также имеет отношение и к модели зрелище — реакция). Таким образом, программы, которые условно можно выделить в группу «диалог» — это разнообразные викторины, беседы и дискуссии в студии, разнообразные ток-шоу и телебедаты, а яркими программами из категории «действие» могут быть представлены разнообразные реалити-шоу.

Для программы «действие» активным участником создания речевой коммуникации в прямом эфире чаще всего являются ведущие или участники проекта, которые ограничены жестким сценарием и не строят свои выступления на импровизации, следуя жестким образам и речевым стратегиям.

Поэтому для дальнейшего изучения наиболее интересными, «открытыми» [Эко 2006] речевыми коммуникациями представлена группа «диалоги». В процессе диалогического прямого эфира, которое строится чаще всего на различных формах бесед и дискуссий в студии с привлечением зрителей, можно выделить три стороны участника беседы, а соответственно и три слоя носителей языка: ведущий (ведущие) — профессиональные коммуникаторы-теле-

визионщики, гости в студии (профессионалы, яркие представители общества) и зрители (они могут принимать участие в проекте находясь, как в студии, так и перед телеэкранами).

Каждая из этих групп: ведущий — гость — зритель, представляет различный уровень владения, как коммуникативными технологиями, так и речевыми аспектами. Ведущие чаще всего быстрее интегрируют новые выражения, слова, мемы — являясь проводниками «новых идей»; гости расширяют наше представление о профессиональных выражениях в современном языке; а зрители — как представители различных социальных групп, демонстрируют бытовую лексику.

Интеграция интерактивного телевидения и современных коммуникативных процессов, расширяет границы «зрителей», привлекая к их числу и пользователей сети Интернет, чаще всего, через различные соцсети. Здесь уже мы видим иной тип коммуникации и иной язык [Городенко 2012]. Таким образом, расширяя не только границы участников экранного диалога, но и расширяя речевые стратегии и коммуникации.

Таким образом, на наш взгляд перспективным является направление изучения интерактивного телевидения и результатов его прямозфирной коммуникации, как изучение междисциплинарной проблемы, которая должна раскрывать не только коммуникативные связи в сфере социальных дисциплин, но и давать дополнительный материал для изучения филологами современного языка. Используя различные группы участников коммуникации, которые могут быть представлены в цепочке ведущий-гость-зритель, что позволит исследователям раскрывать не только «живую речь», но и учитывая влияние сети Интернет на изменения и внедрения новых речевых стратегий.

Литература

- Городенко Л. М. Інтенції соціальних комунікацій: мобільні комунікації // Наукові записки Ін-ту журналістики. К.: Ін-т журналістики, 2012. Т. 48. С. 8–11.
- Поберезникова Е. В. Телевидение взаимодействия: интерактивное поле общения: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2004 (Серия «Телевизионный мастер-класс»).
- Эко У. Открытое произведение / Пер. с итал. А. П. Шурбелева. СПб.: Симпозиум, 2006.

Славяноязычная коммуникация: текст, стиль, дискурс

Лингвокультурема «жизнь» в языковой матрице идиостиля А. Аверченко (на примере сборника «Нечистая сила»)

Э. А. Бахича

Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Россия)

*Лингвокультурема, культурный смысл,
культуроносные семы, коннотация, жизнь.*

Summary. In the article are analysed positive and negative connotations language unit *life*.

Введение. Изучение лингвокультуремы целесообразно рассматривать с точки зрения ее содержания и формы выражения.

Вслед за В. А. Масловой мы понимаем под этим термином совокупность форм языкового знака, рассматривающая взаимосвязь и взаимовлияние языка, его содержания и культурного смысла, вложенного в него отдельной личностью или нацией.

Особенной чертой лингвокультуремы является то, что, в отличие от концепта, изучающего знания, хранящиеся в памяти нации или в памяти отдельной личности, она рассматривает значение и смысл, вложенный в языковую единицу, с целью изучения языкового сознания, ментальности, культурных традиций и ценностей, национальной или индивидуальной картин мира [Маслова 2004].

Согласно В. В. Воробьеву, в отличие от слова и лексико-семантического варианта как собственно языковых единиц, лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком.

Лингвокультурема как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания [Воробьев 1997: 45].

Исследователи Н. Н. Кириллова и А. Л. Афанасьев рассматривают лингвокультуруму как «абстрактную сущность, конкретным выражением которой является языковая единица определенной структуры (лексема или фразеологическая единица, включающая в себя не только денотативно-сигнификативное значение, но и культууроносные семы, выражающие определенные культурные коннотации)» [Кириллова, Афанасьев 2008: 73]. Лингвокультурема обладает коннотативным смыслом, она существует в активном употреблении до тех пор, пока живет контекст, ее породивший.

Цель статьи — выявить культурные коннотации лингвокультуры ЖИЗНЬ в языковой матрице идиостиля А. Аверченко.

Изложение основного материала. Лингвокультура ЖИЗНЬ является важным структурно-семантическим компонентом лингвокультурологического пространства любого языка. Отметим, что лингвокультурологическое пространство представляет собой интеграцию и обобщение представлений о мире сквозь призму ментальной и нравственно-этической характеристики языкового сознания.

Чтобы представить лингвокультуру ЖИЗНЬ в данном разрезе, следует выделить и описать ее понятийный, образный и ценностный слой. Понятийный слой, а точнее, ядро представленной лингвокультуры, определен в ходе анализа толковых и энциклопедических словарей. Здесь выделены следующие дефиниции лингвокультуры ЖИЗНЬ: «материя», «физиологическое состояние», «период существования», «образ существования», «деятельность общества», «бытие».

Для лингвокультурологического исследования интерес представляют образный и ценностный слои языковых единиц — лингвокультурем.

Выявим особенности содержания лингвокультуры «жизнь» в контексте сатирических рассказов А. Аверченко (на примере сборника «Нечистая сила»). Сборник рассказов «Нечистая сила» пропитан болью за разрушенное большевиками Отечество, горит едким сарказмом в их адрес и вдохновлен искренней уверенностью в том, что кошмар, происходящий на Родине — всего лишь дурной сон, который вот-вот закончится.

В сборнике рассказов «Нечистая сила» действие большинства рассказов происходит в стране большевиков. Реальность фантастична и абсурдна, поэтому огромную роль играет сюжетная линия рассказов. Аверченко создает ряд запоминающихся персонажей, существующих в какой-то ирреальной действительности. Люди превращаются в некие вымышленные образы, но при этом автор заставляет своих персонажей жить обычной человеческой жизнью.

Жизнь человека представлена здесь следующими положительными коннотациями: «прежняя жизнь», «старая жизнь», «прекрасная жизнь», «красивая, полная пышной грезой и блеска жизнь», «бодрая, нормальная, веселая, деловая, хлопотливая, суетливая, энергичная жизнь». Данные коннотации наиболее ярко эксплицируются в следующих контекстах: «*Веселой гурьбой* рассыпались по городу школьники... покупали бублик за копейку, маковник за копейку, вареное яйцо за копейку, перо за копейку» [Аверченко].

«А юная сестра ее... шагает в тенистый городской сад, и *золотая коса*, украшенная *пыльным лиловым бантом*, еще больше *золотится и сверкает на летнем воскресном солнце*...» [Аверченко].

Копеечная «прежняя жизнь» изображена автором в самых светлых, солнечных красках: «золотая коса», «лиловый бант», «летнее воскресное солнце»,

«веселая гурьба». «...И прекрасная белокурая девушка», с «милым девичьим русским лицом» — символ новой, но вечной старой России.

Представления о хорошей (нормальной) жизни сменяются негативной оценкой, которые передаются в таких языковых единицах: «В красивую, полную грез и блеска жизнь ворвалась *пошлая, тяжелая проза, потускнела* вся американская позолота», «дьявольское наваждение», «бесовское действо», «глухое, грозное, печальное *momento mori*...».

Таким образом, лингвокультурема ЖИЗНЬ представлена перед нами как антитеза «хороший — плохой», что актуализируется через структурированную совокупность положительных и отрицательных коннотаций лингвокультуры ЖИЗНЬ. Культурная специфика плана содержания анализируемого лингвокультурологического концепта проявляется в таких культурных установках, эталонах, ценностях русского человека, как *свет, надежда*.

Литература

- Аверченко А. Дюжина ножей в спину революции [http://www.rulit.me/books/dyuzhina-nozhej-v-spinu-revolyucii-read-63943-1.html].
- Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997.
- Кириллова Н. Н., Афанасьев А. Л. Практическое пособие по лингвокультурологии: французский язык. СПб., 2008.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004.

Речевой экстремизм как вид речевой агрессии

С. В. Доронина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Речевой конфликт, речевая агрессия, экстремизм.

Summary. Any language community seeks to limit the manifestations of aggressiveness. Restrictions on speech manifestations of aggression are in the field of law. From the point of view of jurisprudence, verbal aggression is presented as a speech freedom infringement, resulting in the moral detriment of another person. A variety of verbal aggression is verbal extremism. One of the main tasks of the linguist expert is to determine the object of hate speech and illocutionary utterances function. National hyperidentity promoting is not a manifestation of hate speech, but the speech form of extremism.

Неизбежность проявлений различных форм языковой агрессии обусловлена стремлением каждой языковой личности к самовыражению и самоутверждению. Тем не менее, развитое языковое сообщество всегда стремилось ограничить проявления агрессивности коммуникантов. Отражая нацеленность говорящего субъекта на нанесение ущерба другому лицу, в юридической плоскости речевая агрессия предстает как злоупотребление свободой слова, ведущее к нарушению неимущественных прав другого лица. Однако в сферу правового регулирования попадают не все конфронтационные тексты, поскольку задачей общества является лишь ограничение враждебности до уровня, необходимого для сохранения социальной стабильности.

К сожалению, речевой экстремизм — вид агрессии, прочно вошедший в российский дискурс. Речевая деятельность, носящая признаки экстремизма, ограничивается статьями 280 и 282 УК РФ. В последнее время в сферу правового регулирования по данной статье попадают высказывания, функционирующие не только в публичной, но и в межличностной сфере. Одной из главных задач лингвиста-эксперта является определение объекта речевой агрессии, что в современных экстремистских текстах не всегда выражено буквально. Закон четко определяет, достоинство каких социальных групп не должно быть задето высказываниями: «по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии» [Ст. 282 УК РФ].

Закон об экстремистской деятельности выполняет предупредительную функцию. Его главная цель — сохранение стабильности в многонациональном и конфессионально неоднородном обществе. Поэтому вопрос о перлокутивном компоненте конфронтационного высказывания не является значимым для квалификации высказывания. В то же время иллокутивный и перлокутивный компоненты текстов негативнооценочного содержания далеко не всегда тождественны. Экспериментальное исследование экстремистских материалов зачастую обнаруживает эти расхождения. Например, крайне агрессивная листовка «Я работать не хочу — Вам меня кормить! Буду все взрывать, Буду русскую свинью Из дома выживать... и т. п.» имеет, по данным проведенного опроса, практически нулевой прагматический эффект. На вопрос, может ли данный текст стать средством разжигания розни, люди русской национальности разных возрастов и типов речевой культуры ответили отрицательно. Яркие выпады в адрес русских были оценены как провокационные и не достойные того, чтобы воспринимать их всерьез. Вместе с тем, согласно утвержденной методике проведения экспертизы по данной категории дел, в данном тексте следует усмотреть коммуникативную цель возбуждения ненависти и вражды, поскольку иллокутивный компонент текста, содержащего негативную информацию, имеет решающее значение при квалификации его как экстремистского. Согласно методике по проведению судебной лингвистической экспертизы по делам об экстремизме и терроризме «экстремистскими» речевыми целями признаются любые формы открытой речевой агрессии: побуждения к насильственным действиям, угрозы, обвинения, унижение, причиной которого является принадлежность к этнической или религиозной группе.

В то же время речевой экстремизм оказывается шире понятия «языковая агрессия». Пропаганда национальной гиперидентичности, выражающаяся в различных — эксплицитных и имплицитных — формах убеждения в превосходстве одной социальной группы над другой, не является проявлением речевой агрессии, однако представляет собой разновидность речевого экстремизма. Различия между агрессией и пропагандой заключаются, в первую очередь,

в векторе воздействия. Агрессия направлена против группы, которой себя противопоставляет говорящий, пропаганда гиперидентичности — на группу, с которой он себя отождествляет. Агрессия предполагает использование экспрессивных языковых средств, для пропаганды же этот признак не является обязательным.

**Способы подключения
к пространственно-временной точке зрения героя
(на материале оригинала и английского перевода
повести В. Маканина «Лаз»)**

В. А. Немкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Перцептивация, пространственно-временная точка зрения, монтажное повествование,
репродуктивный регистр, позиция наблюдателя.*

Summary. The subject of this report is spacio-temporal point of view in V. Makanin's "Escape Hatch" and its English translation. Elements of non-verbal narration are transformed, making point of view shift from the main character's perspective to a more objective position of the bystander.

В докладе будут освещены средства подключения к пространственно-временной позиции героя в хронотопе повести В. Маканина «Лаз», а также те трансформации, которые претерпевает точка зрения в английском переводе. Проблема точки зрения является одной из ключевых при исследовании текста: мы конструируем художественный мир произведения в зависимости от того, чьими глазами смотрим на повествуемое. В качестве определяющей может быть выбрана позиция героя либо повествователя, другими словами, разные варианты фокализации — «отношения между видением, видящим агентом и видимым объектом» [Bal 2009: 149].

В работе Б. А. Успенского «Поэтика композиции» различие между внутренней (принадлежащей герою, субъективной) и внешней (принадлежащей повествователю, объективной) точками зрения проведено последовательно на нескольких уровнях. Нас будет интересовать уровень пространственно-временной характеристики. Различаются случаи «пространственного прикрепления автора к своему герою», с одной стороны, и случаи несовпадения пространственно-временных позиций повествователя и персонажа, с другой [Успенский 1995: 81, 83].

Подключение к пространственно-временной точке зрения героя происходит в репродуктивном регистре, где «говорящий воспроизводит непосредственно, сенсорно наблюдаемое (или представленное так в воображении), в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, находясь в хронотопе происходящего» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29].

Повесть В. Маканина насыщена такими эпизодами, в которых преобладает изобразительное начало. Таким образом, перцептивация как «обогащение изобразительного плана путем замены общеперцептивного выражения на частноперцептивное» [Золотова, Онипенко, Сидорова: 425–426] в данном тексте выступает как средство подключения к точке зрения героя в плане пространства и времени.

Основной тезис доклада заключается в том, что если в оригинале произведения безглагольное повествование помогает представить художественное пространство как перцептивно воспринимаемое главным героем, то насыщение перевода повести глагольными формами в английском переводе способствует переключению точки зрения с внутренней на внешнюю.

Рассмотрим на примерах, представленных ниже, как трансформируется точка зрения в порой практически безглагольном повествовании при переводе на английский язык. В переводе нередки случаи замены номинативного предложения на двусоставное. При этом статичная картинка меняется на развернутую ситуацию, локализованную во времени и пространстве и представленную как объективно существующую.

№	Оригинал	Перевод
1.	Магазины, расцвеченные в час распродажи.	The stores are brightly decorated at sale time.
2.	Пустая квартира.	The apartment is deserted.
3.	Дамочка в годах.	The lady is getting on in years.
4.	Сначала вдоль мощных заборов, глухих, как стена.	First he passes a massive fence as impenetrable as a wall.
5.	Оторванные пуговицы на рубашке не смущают Ключарева, сверху свитер.	Klyucharyov isn't embarrassed by the missing buttons on his shirt — his sweater covers it.

В примерах 1, 2, 3 в оригинале представлены бытийные предложения, то есть такие, в которых «заранее данным считается некоторый набор, комплекс признаков, а суждение касается реализованности этих признаков в субстанции» [Арутюнова 1976: 205]. В терминах синтаксиса актуального членения перед нами рематические высказывания, лишенные темы, несущие только новую информацию. Действительно, магазины, квартира и «дамочка в годах» представляют собой объекты восприятия главным героем окружающей реальности, то, что попадает в поле его зрения. Таким образом, оригинальные предложения представляют собой ответ на вопрос «Что видит Ключарев?», что соответствует наполнению модальной рамки репродуктивного регистра.

В переводе трансформации на первый взгляд незначительны: в первых двух примерах глагол *to be* не несет смысловой нагрузки, а в третьем сказуемое не добавляет принципиально новой информации. Тем не менее, изменение актуального членения влечет за собой изменение логико-семантической структуры предложений. Магазины, квартира и дамочка становятся темой предложений-характеризаций, в которых «заданной считается субстанция (пресуппозиция существования), которой затем приписываются (предсказываются) те или другие признаки» [Арутюнова 1976: 205]. В английском тексте на это указывает также определенный артикль, маркирующий изначально заданную информацию в предложениях.

В следующих примерах (4, 5) дейктические элементы отсылают к позиции героя в плане времени («сначала») и пространства («сверху»), которая существенно меняется в переводе. В примере 4, несмотря на опущенные подлежащее и сказуемое, мы сразу понимаем, кто является основным субъектом. Точка зрения главного героя по умолчанию принимается нами за отправную. Оригинальное предложение можно воспринять и как элемент внутренней речи Ключарева. В переводе, однако, 3-е лицо в глагольной и местоименной формах заставляют читателя отстраниться от его позиции и посмотреть на ситуацию со стороны.

В примере 5 дейктик «сверху» указывает на то, что «точкой отсчета», опять же, становится фокальный персонаж. В переводе вместо этого употреблен глагол *covers*, который указывает на внешнюю точку зрения стороннего наблюдателя.

Таким образом, при переводе рассмотренных примеров зачастую смещается пространственная перспектива. Монтажное повествование, организованное как череда картин, разворачивающихся перед глазами главного героя, сменяется нарративом, в котором представлена более объективная позиция. Если в оригинале условным «объективом», через который подается визуальная информация, становятся глаза Ключарева, то в переводе уже камера направлена на него в виде некоего «всевидящего ока» — повествователя.

Как видим, сопоставление перевода художественного текста с оригиналом нередко помогает заметить специфические композиционные особенности последнего. Смещение точки зрения в сферу объективного в переводе обращает внимание исследователя на монтажное построение русского текста, в котором доминирует субъективная позиция главного героя.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
Bal Mieke. Narratology: Introduction to the Theory of Narrative. Third Edition. Toronto: University of Toronto Press, 2009.

**Языковая мозаика
в романе Маргариты Хемлин «Дознаватель»**

О. А. Остапчук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Язык города, языковая стилизация, русский язык, украинский язык, идиш,
языковой ландшафт, Чернигов, середина XX в.*

Summary. The paper is devoted to the problem of linguistic stylization on the material of the novel "The investigator" (2012) by Margarita Khemlin. Under analysis is language of the novel, which represents not only soviet official cliché's, but also colorful picture of the language mosaic in a small Ukrainian town in the half of the 20th century. Diverse combination of Russian, Ukrainian, Yiddish and mixed elements could be viewed also throw the prism of the linguistic landscape's theory.

Роман «Дознаватель» Маргариты Хемлин, вышедший в 2012 г. и ставший вскоре после выхода финалистом двух самых престижных российских литературных премий — «Русского Букера» и «Большой книги», несомненно, относится к числу лучших образцов современной русской прозы. Мое внимание как лингвиста, однако, привлекли не острая проблематика или по-настоящему увлекательный детективный сюжет и яркие характеры романа, а собственно языковая форма произведения. Выбор автором сказовой манеры, в которой о загадочном убийстве, произошедшем при невыясненных обстоятельствах в Чернигове в 1952 г., рассказывает следователь — капитан милиции Цупкой, позволил автору создать яркий речевой портрет типичного жителя украинского заштатного городка в середине XX в. Специфическая языковая мозаика в романе создается благодаря использованию элементов различных стилистических регистров: официально-деловые клише, отсылающие к сухому стилю рапорта (который, собственно, составляет главный герой), соседствуют с сочными фразеологизмами и разговорными элементами, среди которых особую роль играют украинизмы и идишизмы, а также разного рода смешанные элементы (лексемы, синтаксемы и под.).

Стилистический потенциал элементов, маркированных в русской художественной речи как иностранные (в том числе близкородственные: польские и украинские), уже неоднократно являлся предметом анализа, как с собственно лингвистической точки зрения [Ананьева 2013], так и с учетом широкого культурологического фона [Левкиевская 2012]. Исследование техники языковой стилизации на материале украинских вкраплений в польской классической художественной прозе позволило выделить характерные для нее средства и приемы. Особо отмечались, наряду с прямой цитацией, макаронизация текста за счет насыщения его стилистически маркированными (как «чужие») элементами, а также заместительная стилизация на основе введения в текст сниженных (но не отличающихся по своему происхождению от языка основного текста) элементов [Strycharska-Brzezina 2005].

Языковая ткань романа Маргариты Хемлин в этом отношении представляет особый интерес. Использование украинизмов и идишизмов в повествовании, имитирующем письменную речь персонажа — украинца по происхождению, интегрированного в русскоязычное пространство Чернигова, как правило, не маркированы «как чужие», а призваны воссоздать характерную для этой части Украины ситуацию, в которой лишь часть иноязычных элементов используется в русской речи сознательно и функционирует на правах цитат. В подавляющем большинстве случаев влияние украинского (и идиш) проявляется в интерференции (смещении кодов), заметной на разных уровнях (в лексике, семантических сдвигах, словообразовательных и синтактико-грамматических кальках, например, в предложно-падежных конструкциях). В докладе подробно разбираются отмеченные в тексте интерферемы, выделяются их типы и стилистические функции.

Помимо собственно лингвистических особенностей речи персонажа, в романе воссоздается более общая картина языковой ситуации. Так, очерчиваются условия, при которых герой вынужден осуществлять сознательный выбор языка (украинского или — в исключительном случае — идиш). В этом случае происходит переключение кодов, в тексте отмеченное как смена языка партий текста (чаще всего при этом меняется и говорящий, хотя главный герой в разговоре со своим бывшим школьным учителем Диденко также переходит на украинский язык). Коммуникативные условия, сопровождающие ситуацию переключения кодов, в докладе являются предметом особого внимания.

Признавая в полной мере условность литературного текста, нельзя не отметить типичности воссозданной в романе картины языковой ситуации для этой части Украины (заметим, родной для автора). В целом коммуникативная модель многоязычия, представленная в романе, может быть проанализирована с учетом современной теории языкового ландшафта, позволяющей максимально учитывать многомерность языкового общения и оценить баланс языков, присутствующих в городском пространстве [Linguistic Landscape... 2006].

Литература

- Ананьева Н. Е. Полонизмы в произведениях Дины Рубиной // *Amicus Poloniae: Памяти Виктора Хорева* / Институт славяноведения РАН; Под ред. Н. Н. Стариковой. М.: Индрик, 2013. С. 31–46.
- Левкиевская Е. Е. Украинский язык в русском языковом пространстве (на примере советского кинематографа) // *Русские об Украине и украинцах: Сборник* / РАН, Институт славяноведения; Отв. ред. Е. Ю. Борисенок. Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. С. 415–453.
- Linguistic Landscape: A new Approach to Multilingualism / Ed. by D. Gorter. Clevedon; Buffalo; Toronto, 2006.
- Strycharska-Brzezina M. Kozak ukraiński. Studium językowe. Kraków: Universitas, 2005.

Рождение апокрифа

С. Б. Потемкин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Школьное сочинение, Ленин, история, современные реалии.

Summary. The birth of an apocrypha on the most significant person of the 20th century, at least in the Russian history, Vladimir Ilyich Lenin. Now, a century after Lenin lives, when the official Soviet hagiography and the subsequent perestroika criticism gradually parish, the own understanding of Lenin's role in the World history and his biography are forming in the youths' minds. We analyze an essay about Lenin by a school graduate, which has all the hallmarks of apocrypha, compiled without a specific ideological orientation and which reflects the current realities of our life.

1. Житие Ленина и апокриф

Определение апокрифа по И. Я. Порфирьеву сформулировано следующим образом: «Апокрифическими сочинениями или апокрифами называются такие сочинения, которые составлены в подражание священным библейским книгам, о библейских лицах и событиях и большей частью от имени библейских лиц; но священные истины в этих сочинениях смешаны с разными вымыслами фантазии» [Порфирьев 1909]. В новейшее время апокриф получил расширенное толкование как сочинение об известных исторических лицах, изложенное с отступлениями от официальной традиции. В этом смысле апокриф, безусловно, вечен и будет жить в народном сознании поскольку существует это самое народное сознание и его носители.

Немаловажную роль, с точки зрения И. Я. Порфирьева, апокрифы играют и как исторический источник, поскольку «для истории имеет значение не одна истинность событий, но и то, как события в разные времена были понимаемы народными массами, как они настраивали их воображение, какие воспитывали в них чувства и стремления» [Порфирьев 1872: 3–5]. Можно даже предположить, что и вся историческая наука в той или иной степени апокрифична, ибо основана на не вполне достоверных записях о фактах минувшего и их искажении последующими толкователями в угоду тем или иным политическим взглядам.

Интересно в этом контексте рассмотреть рождение апокрифа о самой значительной личности XX века, по крайней мере, в русской истории, Владимире Ильиче Ленине. Теперь, век спустя после жития Ленина, когда постепенно стирается официальная агиография советских времен и последующая перестроечная критика, в сознании молодежи сохраняется собственное понимание его значения и истории жизни. Проведем анализ сочинения выпускника средней школы о Ленине, которое имеет все признаки апокрифа, составленного без определенной идеологической установки и отражающего существующие реалии нашей жизни.

2. Ученическое сочинение

Объем сочинения [Сочинение о Ленине] составляет около 4000 печатных знаков, т. е. 0,1 авторского листа, что раз в 10 уступает Краткой биографии В. И. Ленина [Владимир Ильич Ленин. Краткая биография 1955].

В начале автор сочинения констатирует: «Это был великий человек». Про учебу в школе (гимназии): «Ленин не любил драться, но приходилось защищаться и защищать своих друзей», — это несомненный положительный отзыв нашего современника, что Ленин не был трусом, но не был и хулиганом. Далее характеристика дореволюционной России: «Прилавки в магазине были почти пусты», — признак бедности, но бедности социалистической. Ленину приходилось трудиться: «Он бегал и раздавал листовки по улице с огромной пачкой книг, подбегал к **машинам** и продавал эти газеты». — Мальчишки что-то продают пассажирам машин на перекрестке, современная реалья.

Автор честно признается: «Не знаю, как Владимир Ильич стал лидером», но справедливо отмечает: «наверное, он как-то проявил себя перед людьми». Последствия революции: «Из-за революции в стране началась голодовка». И далее, причины несчастий: «[Ленин] не мог давать людям больше еды лишь потому, что немцы подходили все ближе и ближе, они сжигали посевы, силой отнимали продовольствие у стариков и женщин». Автор вспоминает про Брестский мир, но сразу перескакивает к временам Великой Отечественной Войны. «Народ в стране взбунтовался и начал громить город», — вероятно, реминисценция, связанная с событиями 15–16 октября 1941 года. Есть также намек на блокаду Ленинграда: «Воды нигде не было, а если и привозили, то давали кусок хлеба, да половину кружки с водой». Затем «Ленин приказал солдатам успокоить людей. Солдаты не щадили ни детей, ни женщин». Действительно, паника прекратилась на четвертый день, когда был издан приказ применять к трусам, паникерам, мародерам любые меры вплоть до расстрела [История России... 2010, 2: 237] Интересно, что жестокость Ленина не снижает его образ в глазах автора.

Далее «революционеры... Ленина поймали и посадили за решетку», — что это за «революционеры» можно только гадать — имел ли автор в виду троцкистов, меньшевиков, эсеров, все слилось у него в это понятие, вероятно, связанное с советской историографией. Но далее автор перескакивает к периоду до Октябрьской революции, когда Ленин действительно сидел в тюрьме: «За решеткой Ленин читал книги при свече, на полях книги он писал молоком послание, но революционеры узнали о его планах и отобрали книги». В этом пассаже прослеживается житийная традиция, когда святой должен претерпевать мучения и стойко переносить их, но также и известная история Бонч-Бруевича о Ленине для детей [Бонч-Бруевич 1976]. После освобождения Ленина «советскими войсками» Ленин «направил все свои войска на немецкую

армию» и «Советская армия окончательно разбила вражескую армию». Образ Ленина и Сталина (нигде не упомянутого) сливается у автора в одно. И сразу: «После этой победы в стране началась перестройка». Затем следует покушение на Ленина, которое совершила «старушка, которая ничего не видит» — Фанни Каплан. От ранения Ленин умер и был похоронен в мавзолее.

Автор, вероятно, сам посещал мавзолей и видел: «Когда на него падает свет, то кажется, что он светится изнутри». Высказывается пожелание: «Надеюсь, что в будущем его похоронят, как человека, а то он как манекен там лежит и все на него смотрят, он же тоже человек, как и мы, пусть же его похоронят, как подобает, а не как манекена». Действительно ли автор хочет захоронить Ленина или это внушено современной либеральной пропагандой? Но очевидно желание автора приблизить Его к нам, «он же тоже человек, как и мы».

Литература

- Бонч-Бруевич В. Д. Наш Ильич. М.: Детская литература, 1976.
Владимир Ильич Ленин. Краткая биография. М.: Государственное издательство политической литературы. 1955.
История России с древнейших времен до наших дней: В 2 т. / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 2010.
Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. С. 3–5.
Порфирьев И. Я. История русской словесности. Ч. 1. Устная народная и книжная словесность до Петра Великого. 8-е изд. Казань, 1909. С. 237.
Сочинение о Ленине [<https://www.youtube.com/watch?v=w6sJGcHJHW4> (проверено 02.02.2016)].

Личность В. И. Ленина в жанре «письма вождю» (на материале открытых писем А. Т. Аверченко В. И. Ленину)

Е. В. Суровцева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Эпистолярная литература, «письмо вождю», литература и власть,
В. И. Ленин, А. Т. Аверченко.*

Summary. We analyze genre of «letters to chief», i. e. letters, that is, high-ranking persons, created in the Soviet era. Rightly regarded, in addition to the distinctive features of this genre and image of the destination, and also the image of the destination. We allocated in the group of recipients of those whose individualized way, and those who had limited utility function. The first is V. I. Lenin. We know writing pamphlets by A. T. Averchenko to V. I. Lenin, in which the satirist ridicule leader.

Письма представителей интеллигенции вождям являются интереснейшими и важными документами советской эпохи, в которых «отразился век» и с иной, неожиданной стороны предстает личность писателя, знакомого по художественным произведениям и отзывам современников. Есть в этих текстах и еще один существенный аспект. Это то, каким предстает собственно адресат, личность не менее реальная, чем автор письма, однако отмеченная в эпистолярном контексте субъективным авторским отношением.

Мы бы выделили в группе адресатов тех, чей образ принципиально индивидуализирован (В. Ленин, И. Сталин и др.) и тех, у кого он исчерпывается служебной функцией (А. Енукидзе, А. Андреев и др.). Степень индивидуализации образа адресата зависит от многих факторов. Расчет на проявление вождем человеческих качеств или здравого смысла мотивирован жанром письма, целью которого является восстановление справедливости по отношению к писателю. В таких текстах нередко формируется идеализированный образ адресата. Иного рода индивидуализация характерна для писем, близких к жанру памфлета. Здесь в характере, человеческом облике адресата вычленяются как раз слабые стороны, дающие повод для иронии и иронической полемики (Маяковский — Луначарскому) и даже для сатирических обобщений (Аверченко — Ленину).

«Королю смеха» А. Т. Аверченко, одному из самых читаемых сатириков предреволюционной России, принадлежат два послания-памфлета В. И. Ленину, образцы редкой разновидности жанра «письма вождю». Одно из них — «Моя симпатия и сочувствие Ленину» написано сатириком весной 1918 года, второе — «Приятельское письмо Ленину» — двумя годами позже, уже в эмиграции (в Константинополе). Оценка, которую исследователи дают стилю «нового Аверченко» применительно к книге «Дюжина ножей в спину революции» (1921), справедлива и для писем-памфлетов, о которых идет здесь речь: «...читатель встретится с новым Аверченко, не добродушным критиком “веселых устриц...”. Его памфлеты — не безобидные камешки на ладони, а увесистые булыжники, пущенные ловкой рукой. Смех писателя стал негодующим...» [Спиридонова 1991]. Письма написаны живым разговорным языком с элементами просторечия и новояза революционной эпохи. Им свойственна непринужденная, дружеская, почти задушевная (в первом) и фамильярная (во втором) интонация, за которой едва прячется насмешка, язвительная критика новых властей и «новой» России.

В письмах-памфлетах Аверченко в неожиданном ракурсе представлен образ вождя пролетарской революции. Тексты Аверченко по цели и форме близки сатирическим произведениям писателя. Образ Ленина, в них создающийся, близок персонажу сатирической литературы, с ним связаны элементы вымысла («я знаю тебя по Швейцарии») и домысла (автор предполагает, чего хочется его адресату). Арсенал сатирических приемов помогает писателю передать реальное восприятие им человека, ставшего у руля власти в России после революционного переворота, а через призму этого восприятия выразить свое отношение ко всему происходящему на Родине.

В изображении сатирика Ленин «очень сухой человек», лишенный простых человеческих радостей, зато ставший «неограниченным властителем всея России». Грандиозности амбиций, масштабности социально-политической и исторической роли вождя комически противоречат снижающие детали внешности и поведения («плутоватые глазенки», «кричал во все горло»), биографии

(«ведь ты — я знаю тебя по Швейцарии, — ты без кафе, без “бока”, без табачного дыма, плавающего под потолком, — жить не мог»). В том же стиле представлены предполагаемые размышления «председателя Советской республики»: «Небось, хочется иногда снова посидеть в биргалле, поорать о политике, затянуться хорошим кнастером...». Для Аверченко Ленин является как объектом для едких насмешек, так и объектом для жалости: «неуютно ты, брат, живешь, по-собачьему».

В первом письме автор обращается к «председателю Советской республики» на «вы», хоть и без всякого пиетета и «без платформы» — «Слушайте, Ленин...», «гражданин Ленин», «господин Ленин», «брат мой Ленин! Зачем Вам это?». Иронично само по себе это смешение разностильных обращений, призванное подчеркнуть неопределенный, не освященный ни русской, ни мировой исторической традицией статус вождя новой России. Во втором письме автор с адресатом исключительно на «ты», идут в ход фамильярности: «Какой ты к черту Людовик, прости за откровенность!», «Эка, куда хватил!», «А ловко ты, шельмец, устроился» и т. п. При этом делаются намеки на якобы общее прошлое («я знаю тебя по Швейцарии», «брось ломаться — я ведь знаю...»), общих знакомых (Луначарский, Урицкий, «знаменитая курсистка товарищ Хайкина», Троцкий) и звучат дружеские предложения: «могу сколотить немного деньжат», «плюнь ты на это дело... приезжай ко мне» и т. п.

Обращают на себя внимание стиль и язык текстов сатирика, преобладание просторечно-разговорных элементов, живых интонаций: иронически окрашенных восклицаний, вопросов, создающих ощущение непринужденной приятельской болтовни. В результате Ленин предстает в письмах-памфлетах Аверченко «зарвавшимся приятелем» автора, натворившим много безобразий, которого автор призывает одуматься, признать свои ошибки, прогнать плохих советников (Троцкого).

Спасительная ирония и гуманистический пафос писем Аверченко не скрывают, конечно, горького и негативного отношения их автора к властителю, из-за которого лишился Родины не только он один.

Создающийся в его письмах образ Ленина, человека, изначально не чуждого радостям жизни, но утратившего способность просто жить в процессе завоевания власти, «засохшего» в разгар собственноручно разработанного социально-исторического эксперимента, противостоит советскому мифу о «самом человечном человеке».

Таким образом, анализ личности адресата писем поможет нам уточнить и дополнить наши представления о восприятии адресантом данной личности, известное нам по статьям, воспоминаниям и другим текстам.

Литература

- Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко // Столица. 1990. № 1. С. 20–21.
Спирidonova Л. Новые люди глазами юмориста // Вопросы литературы. 1991. № 3. С. 224–236.

Вокруг интерпретируемого текста: модусная семантика переводческих сносок

А. В. Уржа

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Перевод, сноска, реалии, модусная семантика, прагматика.

Summary. The report is focused on epistemic and evaluative semantics and pragmatics of translators' footnotes used to comment on the original realia. The material of the research includes four Russian translations of "The Adventures of Tom Sawyer" (by E. Kudasheva, M. Engelgardt, N. Daruzes and K. Chukovsky). The use of footnotes in each translation is a part of the individual strategy of text interpretation, depending greatly on the target audience the translator addresses.

Переводческие сноски, содержащие толкование интерпретируемой реалии или необходимый комментарий к ее диалектной, стилистической окраске, каламбур и т. д., восходят к средневековым маргинальным глоссам [Пентковская, Уржа 2016]. В отличие от внутритекстовых, маргинальные глоссы всегда были визуально противопоставлены основному тексту перевода [Bachet de Méziriac 1635 (1998): 16], и эта отделенность при сохранении конкретной привязки к комментируемому элементу оказалась предпочтительной в переводах позднего времени. Поскольку интерпретация реалий стала в XX веке одним из наиболее популярных объектов переводоведческих исследований (А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, G. Mounin, J. Vinay & J. Darbelnet, E. Nida, Л. С. Бархударов, С. И. Влахов и С. П. Флорин) и остается им по сей день (J. Munday, B. Hatim, J. Mason, M. Baker, Н. К. Гарбовский и др.), переводческие сноски нередко оказываются в фокусе анализа, однако их изучение, несмотря на разнообразие материала, сводится к двум основным аспектам. С одной стороны, комментарии в сноске рассматриваются как способ интерпретации реалии (в силу ее ограниченной переводимости) и сопоставляются с другими способами (перифразом, генерализацией, подбором функционального аналога и т. д.) [Влахов, Флорин 2009: 83–89 и мн. др.] В этом случае сноска рассматривается как толкование или пояснение, способствующее реализации когнитивной функции сообщения и при этом вынесенное на поля текста. С другой стороны, сноска расценивается как некий микротекст, эксплицитно принадлежащий не-автору и тем самым «противоречащий реализации основной функции художественного текста — поэтической» [Гарбовский 2004: 455]. Именно поэтому в пособиях по переводу сноска обычно выступает как «крайняя» переводческая мера в том случае, когда все средства внутритекстовой интерпретации переводимой номинации, идиомы и т. д. исчерпаны. Неудивительно, что в большинстве случаев редакторы, и издатели, как замечает, например, Я. И. Рецкер, «противились включению подстрочных примечаний в переводы художественной прозы» [Рецкер 2007: 68], и не нашла широкой поддержки позиция В. Набокова, называвшего себя «сторонником обширных сносок, сносок, достигающих, наподобие небоскребов, верхнего края той или иной страницы, так что остается

лишь просвет в виде одной строки текста — между комментарием и вечностью» [Nabokov 1955: 512].

Объектом исследования, представленного в докладе, стал специфический аспект изучения переводческих сносок, а именно — их модусная семантика, степень ее вербализации и функциональная соотнесенность этого явления со смысловым и грамматическим устройством перевода в целом, с его ориентацией на определенную целевую аудиторию. Материалом для анализа послужили четыре русских перевода романа Марка Твена “The Adventures of Tom Sawyer”, выполненных М. А. Энгельгардтом, Е. Кудашевой, Н. Дарузес и К. Чуковским. Автор оригинального романа использует всего несколько сносок, поясняющих специфические обозначения, принятые в описываемом им регионе, например: “*evening — south-western for afternoon*”. Е. Кудашева (1911) и М. А. Энгельгардт (1911) сохранили только одну из авторских сносок, не добавив своих. В этих переводах названия реалий нередко транслитерируются и остаются непонятными читателю (*сахем, серане, сумак*). Варианты Н. Дарузес и К. Чуковского включают немалое количество переводческих сносок (у Н. Дарузес их 28, у К. Чуковского — 40). Интересно, что в диктумном плане ряд комментариев в значительной степени совпадает — возникает вопрос о взаимодействии между переводчиками (перевод К. Чуковского опубликован впервые в 1929 г. и переиздан в 1950 г., вариант Н. Дарузес вышел из печати в 1949 г., переводчики тесно общались друг с другом). Однако более показательны различия модусной семантики сносок, ср.: [Из сноски Н. Дарузес к слову *Константинополь* — «Американцы часто дают своим маленьким городам громкие названия столиц. <...>»] — [Из сноски К. Чуковского к слову *Санкт-Петербург* — «Американцы часто дают своим **мелким городишкам** громкие названия столиц. <...> Город, изображаемый в этой книге, они назвали именем **тогдашней** русской столицы»]. Комментарий Чуковского, помимо энциклопедической информации, содержит эмотивные и аксиологические смыслы, а кроме того, указывает на темпоральную локализацию точки зрения переводчика и читателя. В сноске к слову *гипнотизёр* Чуковский указывает, что «в Америке гипнотизированием нередко занимались **шарлатаны**», *ханаанский бальзам* же называется средством, «**якобы** исцеляющим от всех болезней». Интересно, что оба перевода включают пояснения к словам, известным взрослым читателям (*шериф, Конгресс, суд линча*), а кроме того — к реалиям, связанным с христианским вероисповеданием («*Отче наш*», *имена первых апостолов*). К. Чуковский поясняет даже, что такое Священное писание, при этом авторизационные смыслы, отраженные в орфографии и пунктуации его комментария, подчеркивают отношение говорящего (и потенциального адресата) к сообщаемому: «Священным писанием христиане **считают** библию — книгу, где собрано много **легенд** о божестве и всевозможных “святых” <...>». Все эти признаки указывают на то, что переводы Н. Дарузес и К. Чуковского ориентированы на дет-

скую аудиторию, выросшую в СССР, причем в переводе К. Чуковского учет фактора адресата воплощен наиболее явно. Ориентация на незрелых читателей проявляется в этом переводе даже в специфической модусной перспективе подстрочных комментариев, где порой раскрываются мысли, интенции героя, известные... переводчику. Так, в комментарии к неправильному слову Тома «иероглифы» написано: «Том хотел сказать “иероглифы” — знаки древних египетских надписей <...>». Реализация модусной семантики в подстрочных комментариях становится одним из аспектов единой переводческой стратегии К. Чуковского, воплощенной также в субъективизации повествования, дополнительной актуализации и перцептивизации описываемых событий [Уржа 2015], в формировании интригующих названий глав романа и т. д. Целью этой единой стратегии становится привлечение внимания незрелого читателя к повествованию, стимулирование эмоционального восприятия приключений Тома, сопереживания главным героям, субъективной «вовлеченности» в изображенные ситуации.

Литература

- Влахос С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 2009 (1980).
 Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Московского университета, 2004.
 Пентковская Т. В., Уржа А. В. Прагматические функции глосс в древних и современных русских переводах // Славистика (Београд). 2016 (в печати).
 Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007.
 Твен М. Похождения Тома Сойера. Том Сойер за границей / Перевод М. А. Энгельгардта // Твен М. Полное собрание сочинений / Ред. И. И. Ясинский. Кн. 2–3, Санкт-Петербург: П. П. Сойкин, 1911.
 Твен М. Приключения Тома Сойера / Перевод Н. Дарузес // Марк Твен. Избранное: в 2 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1949.
 Твен М. Приключения Тома Сойера / Перевод К. Чуковского. Рига: Латвийское государственное издательство, 1950.
 Твен М. Приключения Тома Сойера / Пер. с англ. кн. Е. Кудашевой. Москва: «Польза» В. Антик и Ко, 1911.
 Уржа А. В. Функциональные спутники настоящего исторического в русских переводах нарративных текстов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 1. С. 76–94.
 Bachet de Méziriac C.-G. De la traduction [1635] / Dans: Ballarci M. Introduction. Artois, 1998.
 Nabokov V. Problems in Translation: Onegin in English // Partisan Review 22. 1955. No. 4.

Авторские метафоры как средство формирования идиостиля М. А. Булгакова (На материале романа «Мастер и Маргарита»)

Д. Ч. Чанг

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Индивидуально-авторские метафоры, идиостиль, мировоззрение.

Summary. In the article we analyze the author's metaphors, which are used in the novel "The Master and Margarita", identify the metaphors as a means of M. A. Bulgakov's idiostyle formation.

В последнее время тема идиостиля мастеров художественной литературы привлекает многих исследователей. Это связано с тем, что изучение идиостиля

писателя с помощью рассмотрения его художественных произведений позволяет выявить как основные идеи произведений, так и мировоззрение самого писателя. Под понятием «идиостиль» мы подразумеваем систему, формирование которой тесно связано с использованием средств выражения или стилистических приемов, которые системно отличаются неповторимостью и являются доминантами и константами в произведениях писателя.

Будучи одним из важнейших компонентов художественного текста, индивидуально-авторская метафора является одним из языковых средств, стилистической фигурой, и ее постоянное и системное использование, доминирующее в определенный период творчества конкретного писателя или в течение всей его творческой жизни, может формировать идиостиль этого писателя, что способствует созданию его авторского кода.

Согласно нашему анализу, индивидуально-авторские метафоры, которые используются в романе «Мастер и Маргарита», часто образуются на базе 1) зрительного восприятия и 2) комплекса различных видов восприятия. В нашем исследовании делается акцент на изучении этих двух групп метафор, извлеченных из указанного произведения.

Метафоры первой группы, образованные на базе зрительного восприятия, разделяются на метафоры, имплицитно проявляющие эмоции персонажей с помощью описания фона действия. Следует отметить, что в романе «Мастер и Маргарита» используются оппозиции Солнце — Луна и Свет — Тьма для построения как ершалаимского, так и московского сюжетов (например, *Прокуратор поднял глаза на арестанта и увидел, что возле того* [т. е. Иешуа. — Ч. Д. Ч.] *столбом загорелась пыль* [28]¹; *Луна властвует и играет, луна танцует и шалит* [413]; *Лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны* [413]; <...> *в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель* [413]; *Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала то там, то тут в <...> небе белые пятнышки звезд* [394]; *Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плащи и, содрав их с плеч, разоблачала обманы* [394]; *Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам* [394] и др.). Рассмотрение метафор первой группы позволяет выявить, что эти метафоры направлены на переосмысление общепринятого представления о природных образованиях и состояниях, а также выявить индивидуальное мировоззрение писателя.

Метафоры второй группы, созданные на базе комплекса различных видов восприятия, разделяются на метафоры, имплицитно проявляющие эмоциональное состояние персонажей (например, *Он* [т. е. Мастер. — Ч. Д. Ч.] *сложил руки рупором и крикнул так, что эхо запрыгало по безлюдным и безле-*

¹ В скобках указываются номера страниц по [Булгаков 2011].

сым горам: <...> [398]) и метафоры, показывающие сознание персонажей (например, <...> *истина со дна души на мгновение прыгает в глаза* <...> [174]; *Его* [т. е. Ивана. — Ч. Д. Ч.] *воля как будто раскололась, и он почувствовал, что слаб, что нуждается в совете* [95]). Несмотря на то что количество метафор, образованных на базе зрительного восприятия, по сравнению с количеством метафор, созданных на базе комплекса различных видов восприятия, существенно больше, последние метафоры проявляют как способность адресанта установить далекую связь между явлениями, так и его художественное мастерство.

Обобщая, отметим, что изучение метафор, которые используются в романе «Мастер и Маргарита», позволяет выявить, что индивидуальные метафоры как основные неповторимые образные средства неизменно присутствуют в указанном художественном произведении и играют существенную роль в осознании действительности, в описании духовного мира персонажей, в переосмыслении общепринятого представления о природных образованиях и состояниях, в придании нового смысла прошлому адресата, в достижении поставленных целей и т. п., т. е. эти метафоры направлены на решение конкретных авторских задач, и в этих метафорах наблюдается доминирование окказиональной семантики над узуальной. Все вышеизложенные характерные черты показывают, что постоянное и системное использование метафор, в частности авторских метафор, формирует идиостиль одного из ярчайших представителей русской литературы XX века М. А. Булгакова.

Литература

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: Роман. СПб., 2011.

Займствования из славянских языков в русской поэзии XX века

Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Лексикология, лексикография, поэзия XX века, словарь поэтического языка.

Summary. The analysis which was carried out on the base of multivolume composite «Dictionary of Language of the XXth Century Russian Poetry» (Moscow, 2001, 2003, 2008, 2010, 2013, 2015) allowed to demonstrate the role of borrowings from Slavic languages in Russian poetic language, in the lexical structure of the language of Silver Age poetry.

Вхождение в русский язык слов из других языков, их соотношение с исконной лексикой и особенности функционирования — это проблемы, на которые можно взглянуть через призму поэтического языка. Примечательна в этом отношении поэзия XX столетия, и особенно эпохи Серебряного века, поскольку характерная для последней установка на диалог культур предполагает и взаимопроникновение языков.

Основой проведенного исследования стала работа по составлению словарных статей многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» [СЯРП] с привлечением для сопоставления данных поэтического подкорпуса [НКРЯ]. СЯРП — сводный (по творчеству десяти поэтов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой), хронологически выстроенный словарь поэтического языка конкретной эпохи, соединяющий в себе черты регистрирующего и объяснительного справочников. В настоящее время опубликовано шесть томов СЯРП, готовятся к печати седьмой и восьмой.

Как показывают материалы вышедших и подготавливаемых томов Словаря, поэтические произведения названных авторов содержат заметное число иноязычных вкраплений [Шестакова, Кулева 2015]. Зачастую они представлены в русской передаче (транслитерированные иноязычные слова, словосочетания, фразы соседствуют в Словаре с укоренившимися в общенациональном языке заимствованиями); характерны и некириллические включения (такие единицы планируется представить в последнем томе Словаря отдельным блоком). Иноязычные элементы, встречающиеся в рассмотренных поэтических текстах, очень разнообразны по своей структуре, источнику заимствования, отношению к общенациональному языку. Обычно, когда заходит речь о заимствованной лексике, в центре внимания оказываются лексические единицы из западноевропейских языков. Однако в текстах выбранных поэтов нередко встречаются и заимствования из различных восточных языков (обычно в русифицированной форме, поскольку их представление в оригинальной графике едва ли было возможно), а также из славянских языков.

Как представляется, славянские вкрапления в русском поэтическом тексте менее заметны, поскольку меньше осознаются как «чужие». Зачастую трудно провести границу между собственно русским словом, устаревшей или областной лексемой, церковнославянизмом и словом из другого славянского языка. Тем не менее такие включения представляют значительный интерес, поскольку позволяют более точно судить о мире, отраженном в поэтическом произведении.

Так, в статьях СЯРП встречаются лексемы других славянских языков Российской империи: украинского и белорусского, а также польского, причем польский представлен преимущественно русифицированными формами. Ср. (приводятся сокращенные указания на автора и год создания текста по [СЯРП]):

ДЗЕНКУЮ [польск. *dziękuję* — спасибо] Я как щенок кидаюсь к телефону На каждый истерический звонок. В нем слышно польское: «дзенкую, пане»,
Иногородний ласковый упрек *ОМ931 (178)*

ПИВЕНЬ [укр. *півень* — петух] И ежели пивни захлопали И песни вечерней любви, Наверное, стройные тополи Смотрят на праздник в пыли. *Хл/913/ (86)*

СВИЧАДО [польск. *zwierciadło* — зеркало] В старинном дереве свичадо, Дар князя польского Сапеги, Невест прабабушек отрада, Свидетель ласк усталой неги, *Хл*[912-13] (237).

Наблюдается включение в произведение не отдельных слов, а целых фраз. См., к примеру, «украинский» фрагмент из сверхповести Хлебникова «Дети выдры»: [Казаки:] Славни молодцы паны запорожцы. Побачили вони цаплю на болоте. Отаман каже: «От же, братцы, дивка!» А есаул каже: «Я з нею кохався». А кошевой каже: «А я и повинчався». *РП Хл*911-13 (436).

Особенно интересны случаи, когда в тексте отражается авторская языковая и межкультурная рефлексия, как, например, у Хлебникова и Мандельштама: О, день и динь, и дзень! О, ночь, нуочь и ничь! Морской прибой всеобщего единства. *РП Хл*911-13 (446) — в этих строках соплагаются русский, украинский и белорусский варианты слов; «Что» — голова отяжелела. «Цо» [польск. *co* — что] — это я тебя зову! И далеко прошелестело: — Я тоже на земле живу. *ОМ*918 (120.1).

Встречаются и примеры из других славянских языков, причем как в качестве инокультурного маркера, так и в индивидуально-авторском переосмыслении:

НАЗДАР [чеш. *nazdar* — привет] В хрустальное подземие Уйдя — готовь удар: Богемия! Богемия! Богемия! Наздар! *Цв*939 (II,357)

СЛОВАЧИТЬ [нов.; ср. СЛОВАКИЯ] С объятьями удавьями Расправится силач! За здравие, Моравия! Словакия, *словачь!* *Цв*939 (II,357)

ЮНАК [серб. *jūnāk* — герой, молодец (герой народного южнославянского эпоса, прославляющего борьбу против турецкого владычества)] Ах, юнак молодой, Дай тебе венок надену! Ты забудешь разбой, Ты забудешь измену. *Хл*911-12 (214).

Более очевидны случаи, когда лексема передается средствами оригинальной (латинской) графики. Так, стихотворение Мандельштама, начинающееся словами «Поляки! Я не вижу смысла В безумном подвиге стрелков: Иль ворон заклюет орлов? Иль потечет обратно Висла?», озаглавлено «*Polacy!*» (польск. — поляки).

В поэтическом подкорпусе НКРЯ находим (помимо встречающихся в материалах СЯРП) и другие примеры, причем обращает на себя внимание круг авторов: *дзенкую* — И. Сельвинский; *коханий* — С. Кирсанов, Б. Корнилов, К. Симонов; *юнак* — П. Антокольский, Д. Самойлов, А. Туфанов и т. д. См., например: Цо не снимает / черный жупан / пан? (С. Кирсанов); Будешь петь, дитя жалеть: / «Мое детско, спи, кохано. // Спи, кохано, сладко спи. <...>» (Д. Самойлов).

Как представляется, славянское культурное поле в русской поэзии XX века заслуживает специального изучения.

Литература

Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>] (НКРЯ).

Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. Т. I–VI. М., 2001–2015 (СЯРП).

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 68–76.

Методологические аспекты изучения и преподавания славянской филологии

Изменение русского обыденного метаязыкового сознания в эпоху ЕГЭ

Е. М. Болычева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русский язык, обыденное метаязыковое сознание, наивная лингвистика, ЕГЭ, основная образовательная программа среднего (полного) общего образования.

Summary. Excluding the theoretical component from the State Examination materials signifies the end of studying the foundations of Russian linguistics and the substitution of this subject, the way it is perceived by an average native speaker, by unwanted creativity and by the task of spelling the words correctly and of using the right punctuation.

Термин «обыденное метаязыковое сознание» описывает совокупное представление рядовых носителей языка о своем языке, о его единицах и законах [Голев 2009: 371], [Орлова 2009: 387], [Болычева 2007], [Болычева 2010].

Факт важности обыденного метаязыкового сознания как культурного феномена неоспорим. Язык, на котором общаются люди, может служить объектом научной, дидактической и наивной мысли лишь в том случае, когда общество достигло определенного уровня интеллектуального развития и национального самосознания. И этот уровень нельзя потерять!

Со времени появления ЕГЭ по русскому языку характер заданий, с которыми должны справиться выпускники школ, не раз корректировался. неизбежно изменялась и практика обучения предмету: учитель концентрируется на изучении тем, которые вынесены в итоговый экзамен, а остальных касается обзорно. В результате объем представлений о предмете у разных поколений выпускников отличается.

Последние изменения формата ЕГЭ произошли в 2015 году, когда экзамен существенно упростился за счет исключения ряда теоретических заданий. Помимо выполнения заданий практического плана ученики должны были уметь опознавать грамматическую основу, дифференцировать обособленные члены, различать ПП / БСП / ССП / СПП с одной придаточной частью и с несколькими при их последовательном / параллельном / однородном подчинении, мотивировать постановку знаков препинания типом предложения, определять морфологическую характеристику слова, виды подчинительной связи в словосочетании, разряды ОСП и способы словообразования. Знания или остаточные воспоминания о наличии каких-то из перечисленных особенностей в

русском языке и составляли общетеоретический базис обыденного метаязыкового сознания.

С 2015 года отвлеченно-абстрактные задания в ЕГЭ упразднены, и теперь итоговая работа выпускника носит исключительно практический характер. Целый ряд упражнений ориентирован на понимание текста и отдельных слов в нем. Фактически проверяется умение бегло читать, когда интеллектуальные усилия человека тратятся не только на дешифровку графического кода (читаю, но не понимаю), но и на осмысление полученной информации (читаю и понимаю). Задача более чем скромная, учитывая полутестовый характер заданий (из пяти возможных надо выбрать один или несколько правильных ответов, и в большинстве случаев указывается сколько именно).

Орфографические и пунктуационные задания устроены похожим образом: в пяти словах надо вставить букву или решить вопрос о слитности / раздельности написания, а знаки проставляются в основном в отдельной фразе, где проблемные места маркированы цифрами. Мотивировать выбор не надо, возможность угадать высокая. Как бы адекватно / неадекватно ни проверяли задания уровень реальной грамотности ученика, их количество в ЕГЭ симптоматично: 12 из 24. В этой связи актуальной представляется мысль Н. Д. Голева об орфографоцентризме русского обыденного метаязыкового сознания, когда «между правописанием и русским языком ставится знак равенства» [Голев 2000]. Следует отметить также, что нелепость записи правильных ответов без пробелов и запятых запоминается как главный нонсенс всей работы (что-то типа «впоследствиитоже» [Цыбулько 2016: 327]).

Задания стилистического плана связаны с анализом особенностей текста с точки зрения типа речи и использованных выразительных средств, в связи с чем в обиход вводятся термины лексического, синтаксического и текстового уровней. Взятые бессистемно, они воспринимаются как задача угадать среди очевидных для обыденного сознания явлений (синонимы, фразеологизмы или вопросно-ответная форма изложения), что-то непонятное (анафоры, литоты или парцелляции).

Некоторые стилистические задания направлены на исправление грамматических ошибок. Используемые формулировки внушают надежду на определенную академичность знаний: неправильное построение предложения с причастным / деепричастным оборотом, нарушение связи между подлежащим и сказуемым... Однако надежда иллюзорна. Учащимся предлагается научиться соотносить вид ошибки с повторяющейся формулировкой. Знаний операция не добавляет, поскольку мудреное (несогласованное приложение) переосмысливается в обыденное (название в кавычках).

Написание эссе — самая сложная задача. Учащиеся привыкли скачивать куски текста из интернета и соединять их. Даже вооруженные шаблоном и Энциклопедией литературных аргументов (при чем тут русский язык?), при со-

здании текста с нуля выпускники испытывают трудности, которые становятся визитной карточкой предмета.

Исключение теоретического материала из ЕГЭ знаменует фактический конец изучения основ русского языкознания и подмену предмета в обыденном сознании носителей языка непростым сочинительством с поиском литературных примеров, а также задачей грамотно записывать слова, интуитивно расставляя при этом знаки препинания.

Литература

- Болычева Е. М. О презумпции буквы в наивных представлениях о языке и некоторых актуальных проблемах фонетики // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г. Труды и материалы. М., 2007. С. 340–341.
- Болычева Е. М. Интуитивное фонетическое знание и лингвистические теории: противоречия и соответствия // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее — Вопросы русского языкознания. Выпуск XIII. М., 2010. С. 120–131.
- Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание носителей русского языка и содержание школьного курса [<http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z51.html>].
- Голев Н. Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Часть 1. Коллективная монография. Кемерово; Барнаул: изд-во Алтайского государственного университета, 2009. С. 371–386.
- ЕГЭ-2014. Русский язык: Типовые экзаменационные варианты: 30 вариантов // Под ред. И. П. Цыбулько. М.: Национальное образование, 2013 (ЕГЭ-2014. ФИПИ-школе).
- ЕГЭ-2016. Русский язык: Типовые экзаменационные варианты: 36 вариантов // Под ред. И. П. Цыбулько. М.: Национальное образование, 2016 (ЕГЭ-2016. ФИПИ-школе).
- Орлова Н. В. Русский язык и его изучение в школе (картина языкового мира школьника) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Часть 1. Коллективная монография. Кемерово; Барнаул: изд-во Алтайского государственного университета, 2009. С. 387–399.

Протодейксис и речевая модусная рамка

М. Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена / ИЛИ РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

Коммуникативность, речевая модусная рамка, протодейксис.

Summary. The concept of protodeixis is introduced against the background of a revised concept of communicativity based on the recent analysis of communication failures. Protodeixis is defined as a neurophysiologic mechanism, a part of the situational afferentation. Protodeixis forces the perceiver to an instantaneous and unconditional attribution of a signal to his actual present and to himself. It is stressed that protodeixis plays a primary role both in glottogenic and ontogenesis as well as in everyday communication being reflected in the speech modus frame incorporated in every human utterance.

Анализ коммуникативных неудач показывает, что успешность реализации коммуникативной функции зависит от ясной для адресата соотнесенности факта высказывания с базовыми параметрами текущей коммуникативной ситуации. В то же время коммуникативность — качество, сообщаемое высказыванию самим фактом его осуществления, качество, для возникновения которо-

го достаточно наличия коммуникативной интенции и не требуется никаких специальных языковых средств, кроме интонации (подробнее см. [Дымарский 2005]; [Дымарский 2013].

Имеет смысл попытаться ответить на вопрос, почему для реализации коммуникативности не требуется специальных языковых средств, кроме интонации.

В стандартном случае (при успешной коммуникации) отнесенность факта высказывания к базовым параметрам текущей коммуникативной ситуации осуществляется автоматически. Нейрофизиологической опорой этого процесса служит механизм, который побуждает воспринимающего к мгновенному и безусловному отнесению сигнала к своему актуальному настоящему и к самому себе, — механизм, отработанный миллионами лет эволюции в системах коммуникации животных, а затем унаследованный человеком. Этот механизм можно назвать **протодейксисом**.

Протодейксис относится к нейрофизиологическим механизмам, управляемым лимбической системой мозга. Можно полагать, что протодейксис сформировался в филогенезе (и формируется в онтогенезе) как составляющая фундаментального механизма обстановочной афферентации, описанного П. К. Анохиным [Анохин 1966: 9]; [Леонтьев 1969/2003: 145–146].

Можно предположить, что одна из самых ранних стадий речевого онтогенеза, когда ребенок достигает способности фиксировать внешний сигнал и начинает учиться реагировать на него, представляет собой стадию актуализации протодейксиса. Дальнейший протодиалог между матерью и ребенком развивает эту способность и формирует коммуникативную интенцию, в результате чего протодиалогические «реплики» малыша постепенно достигают уровня полноценных в коммуникативном отношении (но необязательно в грамматическом и лексическом отношениях) реплик диалога.

Представляется возможным рассматривать протодейксис как дограмматический прообраз языковых категорий лица, времени и модальности — другими словами, как дограмматический прообраз предикативного значения. Если принять это предположение, то развитие естественных языков по пути формирования предикативной структуры и, соответственно, всего комплекса образующих ее средств предстает предопределенным задолго до своего начала.

Будучи явлением нейрофизиологической природы, протодейксис не может непосредственно присутствовать в высказывании. Однако всегда наличествует его лингвистически выявляемый «след» — речевая модусная рамка (далее — РМР) вида ‘Я говорю тебе здесь и сейчас’ (с позиций слушающего — аналогично, с соответствующей меной ролей)¹. РМР не является вербализацией протодейксиса, так как это не значение и не ментальное образование, а лишь

¹ Исходим при этом из определения: «Конструкция, соединяющая ментально-речевой предикат с субъектной словоформой (синтаксемой), называется модусной рамкой» [Онипенко 2013: 97]. Подразумевается, в том числе, и невербализованная МР.

импульс, побуждающий человека осознать себя в качестве участника коммуникации. Это осознание порождает оппозицию говорящего и слушающего со всеми вытекающими следствиями.

Структура РМР, неизбежно присутствующей в любом высказывании, оказывает существенное влияние на прагматику диалога и монолога. Высказывание, содержащее номинации элементов структуры РМР или хотя бы косвенные отсылки к ним, оказывается более «дружественным» к адресату.

В случаях непрототипической коммуникации ее участники подсознательно стремятся приблизить ее к прототипу, в частности — воспринимать любую реплику собеседника как высказывание со стандартной РМР. Появление телефонной связи сделало эту тенденцию наблюдаемой и привело к возникновению асимметричной коммуникации, когда один участник является субъектом двух параллельных коммуникативных актов. В подобной ситуации он может избежать неудач только если будет сопровождать переключения с одного адресата на другого хотя бы частичной вербализацией РМР. Однако ср. типичное «*Это я не вам*».

Появление технологии hands-free довело тип ситуаций асимметричной коммуникации до логического завершения. В этом случае заблуждаться могут уже двое: как телефонный абонент, так и участник прототипического коммуникативного акта (что выразительно продемонстрировано, например, в фильме «Ирония судьбы. Продолжение»¹). Подобные (и другие) коммуникативные провалы возникают потому, что действие механизма протодейксиса безусловно.

Литература

- Анохин П. К. Кибернетика и интегративная деятельность мозга // XVIII Междунар. психологический конгресс. Симпозиум 2. Кибернетические аспекты интегральной деятельности мозга. М., 1966. С. 3–20.
- Дымарский М. Я. Принцип толерантности и некоторые виды коммуникативных неудач // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 74–84.
- Дымарский М. Я. Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Коллект. моногр. / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 2005. С. 292–332.
- Дымарский М. Я. Протодейксис как опора коммуникативности // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко): М-лы Всеросс. науч. конф. (СПб., 13–15 ноября 2013 г.). СПб., 2013. С. 177–183.
- Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. 2-е. М., 2003 [1-е изд.: М., 1969].

¹ Ср.: На д я. *Вроде бы ничего не взял.* И р а к л и й. *Да, ну, слава богу. Привет, Владик!* К о н с т а н т и н. *Здрасьте, только я не Владик!* И р а к л и й. *Искал, искал, чуть попозже мне перезвони, только обязательно перезвони.* Да. *Давай! Встал, быстро! Ты меня слышишь?* К о н с т а н т и н. *А это вы мне?* И р а к л и й. *Да я с тобой сейчас разговариваю* (автор сценария А. Слаповский [<http://vvord.ru/tekst-filma/Ironiya-sudjbyi-Prodolzhenie/>]). См. также еще один тип коммуникативных неудач, возникающих в ситуации разговора по телефону с радиослушателем в прямом эфире, описанный в [Дымарский 2004].

Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. СПб., 2013. С. 92–121.

Новый самоучитель чешского языка для русских

А. И. Изотов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Чешский язык, самоучитель, коммуникативный подход.

Summary. New manual of Czech language for Russian speaking students is presented. Not only grammatical competence, but also sociocultural competence and discourse competence are taken into account. Teaching occurs by using authentic Czech texts mainly.

Основной особенностью предлагаемого самоучителя является последовательный коммуникативный подход к излагаемому материалу. В классических учебниках иностранных языков основной упор всегда делался на грамматику — именно проработке тех или иных грамматических особенностей изучаемого языка и было посвящено подавляющее большинство предлагаемых заданий, если не все эти задания. Лексический же материал вводился, как правило, в форме текстов явно искусственного характера, насмешки над которыми давно стали общим местом (герой этих текстов, как правило, был холост и учился на юридическом факультете университета, его сестра была замужем и училась на медицинском или филологическом факультете, отец героя был инженером и работал на большом заводе, а мать — учительницей в школе или врачом в поликлинике и т. д.).

В предлагаемом же самоучителе чешский язык подается прежде всего в виде диалогов и микродиалогов, имитирующих реальные ситуации повседневного общения. Вся действительно жизненно необходимая грамматическая информация (то есть то, без чего никак нельзя обойтись даже на самом начальном этапе) излагается во «Вводном курсе». Помимо правил чешского произношения это спряжение чешских глаголов в настоящем, прошедшем и будущем времени, ведь в чешском языке высказывание почти всегда «держится» именно на глаголе, будь то смысловой глагол или глагол-связка. В принципе этой грамматики уже достаточно, чтобы «видеть» внутреннее строение высказываний, составляющих приводимые в самоучителе диалоги и микродиалоги, что помогает усваивать материал не механическим зазубриванием, а осознанно. Тот же, кто привык при изучении иностранного языка постоянно опираться на грамматику, может воспользоваться грамматическими темами «Имена существительные», «Повелительное наклонение», «Условное наклонение» и т. д., а также грамматическими комментариями, делаемыми по ходу изложения. При этом максимально используется сформулированный в «Великой дидактике» Я. А. Коменского принцип опоры на уже известный обучаемому материал — в данном случае на русский язык, когда постоянно подчеркиваются сходство

того или иного чешского грамматического феномена с системно ему соответствующим русским или же, наоборот, его отличие.

Автор сознательно отказался от традиционного поурочного деления, разбив и лексику, и грамматику основной части самоучителя на крупные темы, чтобы читатель мог сам выбирать, какими порциями осваивать материал. Более того, совершенно не обязательно переходить к следующей теме, только полностью исчерпав предыдущую. Ведь когда мы усваиваем язык естественным путем, мы идем не от первого склонения ко второму и не от несовершенного вида к совершенному. Мы узнаем сначала понемногу обо всем, а уже потом наращиваем свои знания то в одной, то в другой области.

Так и в случае предлагаемого самоучителя можно, например, сначала ознакомиться с юмористическими миниатюрами и микродиалогами, предваряемыми значком ☺ — их сотни! Все они снабжены переводом на русский язык (при переводе по возможности сохранялась внутреннюю структуру чешских предложений, чтобы читатель мог уже на этом этапе соотносить чешские слова с русскими). Ведь даже если мы просто будем читать эти миниатюры, вслух проговаривая чешские слова, то и наше подсознание будет привыкать к чешской речи.

Затем можно перейти к крупным диалогам в начале каждой темы. Словарики в конце каждого диалога содержат **все** полнозначительные чешские слова, которые в данном диалоге встречаются (а не только новые слова, как это обычно бывает в учебниках). Так читатель не будет отвлекаться на поиск в большом словаре тех слов, которые хоть и встречались в предыдущих текстах, но еще недостаточно хорошо освоены. Упражнения после диалогов составлены так, чтобы многократно повторять наиболее употребительные чешские слова и выражения и тем самым запоминать их естественным путем, без зазубривания. Эти упражнения снабжены ключами для самоконтроля.

На завершающем этапе можно обратиться к микротекстам культурно-исторического характера — Svatý Václav ‘Святой Вацлав’, Národní muzeum ‘Национальный музей’, Pražský hrad ‘Пражский кремль’ и т. д. Эти микротексты могут состоять всего из нескольких предложений, однако они не адаптированы (или очень мало адаптированы). Иначе говоря, в таком или почти таком виде они могут встретиться и в справочнике, и в чешском отделе Википедии. Их задача — подготовить читателя не только к повседневному общению на чешском языке, но и к пониманию более сложных, чем дорожный указатель, текстов, с которыми он может в Чехии встретиться. Ну и конечно же, в случае с данными микротекстами речь идет о значимых явлениях чешской истории и культуры, знакомство с которыми небесполезно при общении жителями Чешской республики. Эти микротексты также снабжены словариками (если у читателя несмотря ни на что все же возникнут затруднения с каким-нибудь словом, отсутствующим в таком словаре, он найдет его в словаре в конце самоучи-

теля). Восемьдесят шесть (!) цветных фотографий в конце самоучителя («Карлов мост», «Сад Валленштейна», «Национальный театр» и т. д.) иллюстрируют данные микротексты.

Чтобы не попасть в глупое положение в чужой стране, одного знания иностранных слов и грамматики недостаточно. Нужно также знать, как заплатить за проезд в трамвае или автобусе, сколько дать на чай официанту, как обратиться на улице к прохожему, чтобы тот не шарахнулся в ужасе в сторону и т. д. Поэтому предлагаемый самоучитель содержит необходимую страноведческую информацию, а также устойчивые обороты, используемые в тех или иных типовых ситуациях общения (разделы «Полезные слова и выражения»).

Литература

- Изотов А. И. Самоучитель чешского языка. М.: Филоматис, 2016.
 Изотов А. И. Чешско-русский и русско-чешский учебный словарь: 40 000 слов. 3-е изд. испр. и доп. М.: Филоматис, 2014.
 Изотов А. И. Материалы к «Чешской грамматике» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 42. М.: МАКС Пресс, 2011. Вып. 42. С. 85–144.
 Изотов А. И. Программа по чешскому языку (курс по выбору) для студентов русского отделения филологического факультета // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 44. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 105–112.
 Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1955.

Постмодернизм и славянская филология: проблемы теории и методологии современных исследований славянских языков, литератур и культур

А. К. Киклевич

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie (Польша)

*Славянская филология, парадигмы науки, методология филологических наук,
постмодернизм*

Summary. The address will discuss the problem of the theory and methodology of modern philology. The author examines the influence of the postmodernism on the research in the field of language and literature. The report shows that postmodernism promotes the interdisciplinary research and the emergence of the symbiotic disciplines. On the other hand, the author sees also some negative consequences of this effect, and namely, irrationalism, speculative, and crisis of scientific discourse.

В современных гуманитарных науках широкое распространение получила точка зрения, согласно которой все области человеческого знания так или иначе связаны с изучением человека — человеческой личности или человеческого общества [Weigand 2011: 546], в связи с чем предметность научного знания стала рассматриваться в контексте интердисциплинарности и кооперации наук. Доминирующее положение, особенно в странах Западной и Центральной Европы, а также Северной Америки, заняла идеология культурного релятивизма, а также связанный с ней универсализм, холизм и разные версии антропологии: антропология культуры, антропология языка, антропология СМИ, ан-

тропология истории и т. д. В гуманитарных науках это отразилось в множестве конфигураций научного знания, в частности, в том, что возникли и активно развиваются симбиотические дисциплины, такие, как когнитивная лингвистика, когнитивная поэтика, юрислингвистика, лингвокультурология, критический анализ дискурса, лингвистическая прогностика, евролингвистика и др. Позитивное влияние постмодернизма состоит в том, что с научных исследований были сняты оковы узкоспециальной запрограммированности, альтернативой для которой стала синергическое взаимодействие научных программ и научных методов. Так, когнитивное языкознание поставило важную проблему (отчасти решаемую ранее психолингвистикой) о том, как языковая система обрабатывается в сознании и как функционирование языка отражает перцептивные и познавательные способности (и ограничения) человека. Лингвистическая прогностика поставила своей задачей футурологическое представление языковой деятельности с учетом множества релевантных параметров, не только и даже не столько лингвистических, сколько социальных, культурных, политических, экономических, демографических и др. [Кретов 2007: 13 и сл.].

Одновременно теоретики языка и литературы признают, что в какой-то степени постмодернизм означает кризис классической науки [Jędrzejko 2000: 59]; [Szumska 2007: 5 и сл.]. Сформулированный А. Е. Кибриком принцип «от описания к объяснению» на практике означает маргинализацию дескриптивных подходов и практик, а заодно — таких традиционных методов языкознания и литературоведения, как экспликация, формализация, моделирование, квантитативный / статистический анализ, сопоставление и др. Так, многие выводы лингвокультурологических исследований, например, о культурной специфике отдельных языковых явлений, делаются без какого-либо сопоставительного фона, в результате чего, например, «ключевые идеи русской языковой картины мира», описанные Анной А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелевым [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], на поверку оказываются культурно неспецифическими — их можно встретить в других европейских и неевропейских культурах.

В докладе, главным образом, на примере польских и восточноевропейских филологических исследований, показывается, роль философии постмодернизма в развитии нескольких современных направлений славянской филологии: лингвокультурологии, лингвистической концептологии, герменевтики и когнитивной семантики.

Литература

- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской картины мира. М., 2005.
- Кретов А. А. О праве на экстраполяцию // Проблемы лингвистической прогностики / Ред. А. А. Кретов. Вып. 4. Воронеж, 2007. С. 13–21.
- Jędrzejko E. O językowych wykładnikach pojęcia „wstyd” w różnych koncepcjach opisu // Język a Kultura. 2000. № 14. S. 59–75.

Szumski D. Dekada dekadencji? Frustracje lingwisty(ki) XXI wieku // Polonica. 2007. XXVIII. S. 5–11.

Weigand E. Paradigm changes in linguistics: from reductionism to holism // Language Sciences. 2011. № 33. P. 544–549.

Процесс становления письменной нормы в период активных языковых изменений

И. В. Нечаева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

*Языковые изменения, орфографическая нестабильность,
дестабилизирующие факторы письма, системность письма.*

Summary. The report is concerned with norm formation in the Russian writing in the period of linguistic changes. The destabilizing effect of extraneous factors is described, and the notion of systemacy in orthography is analyzed.

Языковые изменения последних десятилетий затрагивают и саму языковую систему, и отношение к ней носителей русского языка. Среди очевидных факторов таких перемен можно назвать тенденцию к тотальному обновлению языковых средств выражения, повышение темпов языковой динамики, размытость границ языкового стандарта, восприимчивость к внешнему влиянию, шаткость норм и повышенная вариативность. Происходит пополнение лексической системы за счет заимствований, смешение сфер употребления лексических единиц и стилей. Одновременно растут нигилизм по отношению к традиционной норме и разногласия в понимании того, как она формируется.

В письменной сфере норма обычно является более твердой по сравнению со всеми уровнями устного языка. Однако нельзя не заметить, что изменения последних лет существенно поколебали устойчивость орфографической нормы, которая под влиянием упомянутых факторов потеряла свою убедительность для многих пишущих. Можно сказать, что активные языковые перемены обернулись своеобразной проверкой на прочность орфографических традиций. Возникло представление о необходимости обновления самих нормализаторских подходов, что в данных обстоятельствах представляется вполне закономерным.

Следует заметить, что при очевидном усилении вариативности письма расшатывание норм не тотально, зона орфографической нестабильности имеет свои границы. Прежде всего она охватывает те области, которые подвержены внешним (по отношению к языку) влияниям. Такими орфографически нестабильными подсистемами языка являются, в частности, иноязычные заимствования (внешнее влияние посредством воздействия иных языковых систем) и область языковой номинации, связанная с употреблением прописной графемы (влияние экстралингвистических факторов).

Так, в сфере иноязычного заимствования внешнее дестабилизирующее воздействие на русскую орфографию проявляется в таких, например, явлении-

ях, как отдельные написания композитов различной структуры (*биг мак, фаст фуд, комфорт класс, супер хит, реалисти шоу...*), что с точки зрения русской орфографической традиции совершенно неприемлемо. Здесь очевидным образом проявляется влияние английского языка, в котором подобные конструкции представляют собой словосочетание, в отличие от русского языка, где это одно слово.

В области правописания собственных имен и составных наименований колебаниям подвержены новые по семантике или структуре виды номинаций, не описанные в существующих кодифицирующих источниках (например, громоздкие бюрократические построения типа *Муниципальное образовательное учреждение Заокская средняя общеобразовательная школа имени Героя России Сергея Бурнаева* и т. п.; товарные бренды типа *ниссан «Кашикай»*, *«тойота камри»*, *«Форд Фокус»* и др., предполагающие большое количество вариантов написания). Внешнее воздействие на выбор буквенного регистра оказывают лингвистически не признанный аксиологический подход к обозначаемому на письме явлению (тяготение к применению прописной «в знак уважения», для обозначения высокого социального статуса), включение наименований в различные бюрократические номенклатуры, факторы автоматизированной компьютерной обработки текстов и т. п.

При нормировании новаций в орфографически нестабильных подсистемах языка желательно учитывать действие современных тенденций письма и при этом удерживаться в рамках системного подхода в правописании. Следует иметь в виду, что понятие системности письма не имеет ничего общего с догматизмом и не означает запрет на изменение орфографических норм и на развитие представлений о норме в целом. При ложно понимаемой системности письма господствует формальное уподобление одного орфографического явления другому, в чем-то внешне ему подобному. Такое письмо по принципу формального прецедента приводит к ошибкам.

Так, 16 слов на *блиц...* (*блицанализ, блицвикторина, блицинтервью, блиц-опрос, блицтурнир* и др.) зафиксированы в слитном написании по образцу более раннего заимствования *блицкриг*; напротив, *мини(-)вэн* (при этимоне *mini-van*) получило первоначально дефисное написание по прецеденту слов на *мини...*, типа *мини-юбка*. Корректность таких решений сомнительна, они не оправдываются спонтанной письменной практикой (речь идет о письме, в целом соответствующем среднему уровню грамотности). Между тем соблюдение системности письма отнюдь не предполагает постоянную борьбу с узусом, если речь идет не о сокрушении основ, а всего лишь о частном кодификаторском решении. В области употребления прописной ложная системность может выражаться в злоупотреблении принципом унификации, чему в ряде случаев сопротивляется орфографическая практика (например, написание аббревиатуры *ВИП-* / *vip-*, при ее достаточно широкой освоенности, тяготеет к понижению буквенного регистра, несмотря на словарную фиксацию).

Словообразовательный словарь современного русского языка: новые решения

Г. А. Николаев

Казанский федеральный университет (Россия)

*Словообразовательное гнездо, полимотивация, словообразовательная омонимия,
обратная соотнесенность.*

Summary. In the word-formation dictionary of the Russian language must be taken into account and be reflected such actual characteristics of derived words as polymotivation, word-formation homonymy (as a result of the interaction between morphemic and semantic derivation), reverse correlation of derivative forms. In the existing dictionaries these characteristics are not taken into account.

Существующие словообразовательные словари современного русского языка, представляют совокупность словообразовательных гнезд, расположенных по алфавиту вершинных слов и включают все словообразовательные цепочки и парадигмы аффиксальных производных слов. Главный недостаток этих словарей — они ориентированы на этимологическую производность слов и не учитывают реальных изменений в системе словопроизводства.

Предлагается отмечать в словарях следующие характеристики производных слов:

- 1) множественную мотивацию (полимотивацию) дериватов (*лесной* — *лесн-ик* и *лес* — *лес-ник* и т. п.);
- 2) результаты семантической деривации в сфере аффиксальных слов, раскрывающиеся в фактах словообразовательной омонимии (*двор* — *двор-ник* ‘лицо’ и *дворник* — *дворник* ‘орудие действия, стеклоочиститель’);
- 3) морфологизированные семантические дериваты, установившие мотивационные отношения с производящим своего производящего (*истребить* — *истреби-тель* ‘лицо, летчик’ и *истребить* — *истреби-тель* ‘орудие, самолет’);
- 4) обратную соотнесенность производных слов в пределах словообразовательной цепи (ср.: *учитель* — *учитель-ство* ‘собирательное значение’, но *учительствовать* — *учительств-во-о* ‘действие’);
- 5) словообразовательную синонимию в пределах словообразовательной парадигмы в гнезде (*ходить* — *ход-о*, *ходь-ба*, *хожд-ение* в одном гнезде парадигмы).

Существующие словообразовательные словари эти параметры производных слов, к сожалению, не учитывают, а потому неадекватно отражают картину словообразовательных связей и отношений применительно к определенным группам производных слов.

Предложенное решение может быть использовано при составлении словообразовательных словарей и других славянских языков.

**Новые ракурсы Московской этнолингвистики
в свете культурно-языковой ситуации
в Болгарии и России в XXI в.***

И. А. Седакова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Болгаристика, русистика, этнолингвистика, сопоставительный анализ.

Summary. New Perspectives of Moscow Ethnolinguistic School in the Light of Linguo-Culutral Situation in Bulgaria and Russia of 21st century. Classical Moscow ethnolinguistic (Nikita I. Tolstoy's) school aims at reconstructing the archaic Slavic traditional culture, and Slavic languages and cultures are in the core of these studies. The paper provides a comparative Bulgarian-Russian analysis of new reconstructive perspectives open for the ethnolinguists with the drastic changes in the modern linguo-cultural situation in the two countries.

Московская этнолингвистическая школа, созданная Никитой Ильичом Толстым в рамках широкой проблематики «язык и этнос», одной из главных целей всегда ставила реконструкцию архаической славянской культуры. Отличающаяся междисциплинарностью и интегральностью (С. М. Толстая), этнолингвистика относит к важнейшим объектам исследования современные славянские языки и культуры, которые вместе с тем служат и источником для реконструкции. В языковых и культурных материалах, преимущественно в диалектных, региональных, ученые ищут «живую старину», реликты древних воззрений. За годы существования школы многое в ее подходах изменилось, что предвидел и специально оговаривал Н. И. Толстой [Толстой 1994: 39], при этом особенно заметно изменился состав и характер современных источников.

Этнолингвистика как школа формировалась в 1970-е гг., в годы атеизма и доминирующей коммунистической идеологии, когда народная традиция, некоторые области духовной культуры и обслуживающий ее язык находились на периферии общественных интересов. После перестройки и распада социалистического лагеря в большинстве стран в корне изменилось отношение к фольклору и обрядам, народной и ортодоксальной религиозности, как со стороны общества, так и со стороны государства. Русская, болгарская и славянские традиции, архаические поверья, календарь и пр. факты духовной культуры получают новую жизнь и становятся важной составляющей разных дискурсов. К этому следует добавить технологическую революцию последних десятилетий и массовое вхождение Интернета во все сферы научных исследований и общественной жизни. В результате современные этнолингвистические исследования значительно расширились, а подход к материалу, его сбор и анализ изменился.

«Языческая» и «народно-религиозная» информация, которая прежде специально отыскивалась этнолингвистами в архаических диалектах и фольклор-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00546а «Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии и трансформация русско-болгарских языковых взаимоотношений: XXI век».

но-этнографических материалах, теперь эксплицируется в публичном дискурсе (в СМИ, Интернете, коммерческих текстах и рекламе и пр.). Таким образом, в наши дни этнолингвистика несколько сблизилась с социолингвистикой, от которой, как отмечал ранее Н. И. Толстой, она отличается своей хронологической направленностью [Толстой 1994: 28]. Этнолингвисты все чаще опираются на современное развитие лексики, усматривая даже в жаргонных выражениях базовые когнитивные и аксиологические представления. Анализ языковых и народно-культурных фактов наших дней позволяет выявить универсальные модели трансляции традиции в веках, определить, какие зоны остаются релевантными, востребованными, а какие постепенно утрачивают свою значимость. Это, в свою очередь, способствует реконструкции архаичного состояния духовной культуры славян.

Изменился и сам статус этнолингвистики — в наши дни она превратилась в важнейший источник разного рода языковых и народно-культурных сведений. Этнолингвистические изыскания и фундаментальные публикации (в Болгарии — это энциклопедии по мифологии [Българска митология 2006], народной медицине [Българска народна медицина 1999] и др., в России — пятитомный словарь «Славянские древности» [Славянские древности 1995–2012]) стали служить пособиями для тех, кто пытается воссоздать традицию или же ее «изобрести». С опорой на наработки этнолингвистов, воспроизводится «мифологический», народный контекст для разных объектов и явлений, «брендируется» географическое пространство, развиваются туристические объекты. Публикации этнолингвистов мультиплицируются через Интернет и творчески перерабатываются в коммерческих текстах, поскольку апелляция к традиции повышает привлекательность рекламируемых товаров (косметических средств, лечебных чаев и т. д.).

Центральное место занимают подобные сведения в современных обрядовых текстах: сайты, посвященные рождению ребенка, подготовке к свадьбе и пр. представляют собой смесь аутентичных славянских источников (в том числе и заимствованных из этнолингвистических публикаций), трансформированных, модифицированных и изобретенных сведений. Особое развитие получили специальные фольклорные тексты, например, заговоры, которые воспроизводятся или сочиняются по классическим опубликованным образцам. Восстановление и развитие календарных праздников, а также установление новых государственных праздников, дней города и пр. повторяет фундаментальную конструкцию традиционного праздника, описанную этнолингвистами.

При сходстве ситуаций в Болгарии и России можно говорить об очень серьезных отличиях в лингвокультурных ситуациях двух стран. Болгария хоть и славянская православная страна, использующая кириллический шрифт (это тоже в данном случае важно), вместе с тем страна балканская, исторически испытывавшая продолжительное османское влияние в области языка и культу-

ры. В Болгарии сохраняется определенная степень патриархальности, которой в России нет. Это особая балканская ментальность, трансляция памяти рода (через выбор имени в семье, празднование «службы» или «курбана» и др.) и большее количество фольклорных и этнографических фактов, которые остаются активным знанием в обществе, даже в городском, столичном, в его повседневной жизни, в разговорном и официальном дискурсе.

В докладе будет представлен сопоставительный анализ ряда фрагментов лингвокультурной ситуации в России и Болгарии в XXI в. с учетом специфики новейших источников и их роли в развитии этнолингвистических исследований, их потенциала в реконструкции славянской архаической культуры.

Литература

- Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 2006.
 Българска народна медицина. Енциклопедия. София, 1999.
 Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М.: «Международные отношения», 1995–2012.
 Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: «Индрик», 1994.

Русский естественнонаучный учебный текст в эпоху понятийного обучения и англификации науки и образования

М. Ю. Сидорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русский язык, учебный текст, английский язык, язык науки, язык образования.

Summary. The maintenance of the Russian language status as one of the languages of world science is both a sociolinguistic and a linguistic problem. Its solution requires comparative studies of knowledge transfer by means of Russian and English as well as research in scientific concept formation, readability, lexical burden, representational formats and other parameters of Russian texts used for vertical and horizontal knowledge transfer in natural sciences. The papers examines the challenges facing the Russian language in this communication domain and the prospects of linguistic research to avoid the domain loss situation in natural science education as being experienced by a number of European languages.

За последние годы произошли существенные изменения в статусе русского языка как средства «горизонтальной» и «вертикальной» трансляции знания в сфере естественных наук. Научным фоном этих изменений является существенный недостаток лингвистических исследований, которые могли бы способствовать сохранению полнофункциональности русского языка в этой области.

1) Русский язык начал испытывать конкуренцию со стороны английского в качестве языка преподавания естественнонаучных дисциплин в России как в высшем профессиональном, так и в общем образовании, при этом сопоставительные исследования передачи научного знания на русском и английском языках отсутствуют.

2) Российские ученые-естественники многих специальностей находятся в сложной лингвистической ситуации: для «горизонтальной» передачи знания в международной профессиональной коммуникации они используют английский язык, для «вертикальной» передачи знания (от старшего поколения к младшему внутри страны) — русский язык. При этом лингвистическое обеспечение «переходов» в обоих направлениях (от русского языка к английскому и наоборот), которое является условием сохранения функции русского языка как языка современных естественных наук, отсутствует.

3) Русский язык, в соответствии с целями программы «Образование на русском», должен вступить в конкуренцию с английским как язык, на котором предлагается современное научное знание в зарубежных странах. При этом уровни изученности лингвистических аспектов использования русского языка и английского как средств передачи и распространения научного знания резко отличаются. Для русского языка отсутствуют имеющиеся в большом количестве для английского исследования языковых параметров эффективного ввода информации в естественнонаучных текстах: «лексического бремени», плотности терминов, «критических» научных понятий, подвергающихся особенно сильной интерференции со стороны обыденного языка, взаимодействия репрезентационных форматов и т. п.

Для того чтобы решить обозначенные проблемы, правильно используя опыт, наработанный в англоязычных исследованиях, требуется движение в двух направлениях:

- 1) социолингвистическом (здесь цель составляют изучение способов распространения английского языка в национальных и мировой системе образования, мониторинг современного состояния билингвального обучения в мире и использование полученной информации для разработки системы мер, позволяющих поддержать и укрепить статус русского языка как инструмента вертикальной и горизонтальной передачи научного знания);
- 2) собственно лингвистическом (здесь целью являются компенсация отставания в проведении исследований, которые уже осуществлены для английского языка, на материале русского и экспертиза и совершенствование русскоязычных учебных и научных текстов и коммуникации на этой базе).

В первой области следует задуматься над очевидным различием в подходах к двум аспектам билингвального образования в мире:

- 1) билингвальное образование как сочетание обучения на «более сильном» (родном) и «более слабом» (государственном или одном из государственных) языках в тех странах, где национальный состав населения создает такую необходимость — обзор подобных программ билингвального образования по странам на конец 1990-х годов и список ссылок см. в [Krashen], на начало 2000-х — в [Nieminen 2006];

- 2) билингвальное образование как сочетание обучения на родном / государственном языках с обучением на английском языке.

При рассмотрении первого аспекта акцент, как правило, делается собственно на лингвистической и / или предметной составляющей: решается вопрос о большей или меньшей эффективности обучения математике, естествознанию или другим предметам на «более сильном» и «более слабом» языках. Во втором случае лингвистическая проблематика часто подменяется политико-экономической. Тем не менее обе этих составляющих мирового опыта требуют анализа, если мы хотим понять, к чему может привести активный допуск английского как языка обучения специальным предметам в российскую систему образования на фоне отсутствия серьезного лингвистического сопровождения для функционирования русского языка в этом качестве.

В докладе будут рассмотрены перспективы разработки научно обоснованных критериев лексической и синтаксической сложности, индексов читабельности русскоязычных учебных текстов по естественным наукам, а также оценки их информационной эффективности в эпоху понятийного обучения, требующую внимания к взаимодействию быденно-языковых и научных понятий при передаче научного знания.

Литература

- Krashen S. Do Other Countries Do Bilingual Education? [<http://www.languagepolicy.net/archives/UW-euro.htm>].
- Nieminen K. Aspects of Learning Foreign Languages and Learning with Foreign Languages: Language Immersion and CLIL. JAMK University of Applied Sciences. Jyväskylä, 2006.

Текст как единица культуры в обучении русскому языку

З. Ф. Юсупова

Казанский федеральный университет (Россия)

Русский язык, лингвометодика, текст как единица культуры.

Summary. The article discusses the use of text as units of culture as a didactic material in the process of learning Russian. According to the author, working with text on lessons of the Russian language includes the following aspects: 1) the study of linguistic units on the basis of the text; 2) understanding how speech works, which absorbed the regularities of functioning of language in speech; 3) the use of text as a means of familiarizing students to the culture of the native speaker.

Текстоориентированный (или текстоцентрический) подход в обучении русскому языку на сегодняшний день является одним из основных подходов. Он включает в себя разные аспекты: 1) изучение языковых единиц на основе текста; 2) восприятие текста как речевого произведения, на основе которого усваиваются закономерности функционирования языка в речи; 3) использование текста как средства приобщения учащихся к культуре народа — носителя языка.

Изучение языка как средства презентации культуры, традиций народа обеспечивается прежде всего через текстовой фонд этого языка. Как справед-

ливо отмечает Л. З. Шакирова, «связь языка и культуры следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, с точки зрения того, как учащиеся в процессе овладения коммуникативно — речевой функцией русского языка познают культуру и традиции его носителя, и, во-вторых, как средствами русского языка они углубляют свои познания в области культуры других народов» [Шакирова, Андрамонова 2003: 55].

Связь текста как коммуникативной единицы высшего уровня с культурой очевидна. По мнению Л. Г. Саяховой, это обусловлено следующими факторами: 1) текст — это порождение определенной социокультурной ситуации: страна, природа, его история, обычаи, традиции представляют широкий фон, контекст, который определяет содержание и концептуальную направленность создаваемых текстов; 2) текст порождается в контексте времени и в определенном культурном пространстве, выполняет функцию коллективной культурной памяти, отражает тенденции развития общества и др. [Воробьев, Саяхова 2006].

В связи с этим подход к тексту как феномену культуры обуславливает необходимость лингвокультурологического подхода, который обобщает и синтезирует все остальные подходы к изучению текста: лингвистический, литературоведческий, психолингвистический, коммуникативно-деятельностный и др. (см.: [Левушкина 2013]; [Ходякова 2012]; [Юсупова 2014]; [Юсупова 2015]).

Безусловно, важнейшим звеном в реализации текстоориентированного подхода в обучении русскому языку как неродному является учебник, составленный с учетом специфики предмета и родного языка учащихся. Поэтому в центре внимания авторов современных учебников оказываются высокохудожественные, научно-познавательные тексты, насыщенные, с одной стороны, грамматическим материалом, с другой стороны, отражающие культурные ценности русского народа. Художественные тексты как источник культуры занимают особое место, так как они содержат не только лексический и грамматический материал, но и богатую культурологическую информацию. Вопрос об отборе и способах системного, нормированного представления текстов с национально-культурным компонентом на сегодняшний день получил оптимального решения у многих авторов учебников и учебных пособий по русскому языку. Например, учебно-методические комплексы по русскому языку как неродному, разработанные авторским коллективом под руководством Л. З. Шакировой, отличаются умелым сочетанием лингвистического материала с культурологическим. Отличительной чертой учебников является тематический принцип организации дидактического материала, предусматривающий включение различных аспектов этнокультурологических знаний. Например, в учебнике для 5 класса — «Самая большая ценность народа в его языке» (Д. С. Лихачев), «Хорошая речь слаще меда», «Книга — это величайшее из чудес, созданное человеком» (М. Горький), «Нет счастья вне Родины» (И. С. Тургенев) и др. Духовная культура народов более концентрированно представлена в учебных по-

собиях «Русская речь» для 5, 8, 9, 10–11 классов. В них авторы представили тексты, объединенные речевыми темами «Язык, слово, речевое общение», «Мал золотник, да дорог», «Праздник, который всегда с нами» и др. (5 класс); «Бессмертие народа — в его языке», «Слово — одежда всех фактов, всех мыслей», «Память — основа совести и нравственности», «Звуковая палитра русской речи» и др. (8 класс); «Искусство живописи. Красота вокруг нас», «Мир музыки», «Мир дивных слов — залог прекрасных дел», «Произведения русского народного искусства» и др. (9 класс); «Язык и диалог культур», «Слово и речевое общение», «Искусство: литература, музыка, балет, живопись» и др. (10–11 классы). Тексты позволили авторам ввести языковые единицы в соответствии с их коммуникативной функцией и обеспечить получение учащимися культурологической информации. В учебниках и учебных пособиях по русскому языку осуществляется сопоставительный анализ текстов разных культур в аспекте «диалога языков — диалога культур» на уровне языковых картин мира, содержания, структурной организации текста, лингвокультурологических концептов, на уровне языковых и изобразительно-выразительных средств. Взаимосвязь языка и культуры авторами иллюстрируется на примерах языковых единиц с национально-культурной спецификой, тематически подобранных текстов, отражающих традиции, быт, обычаи, культуру русского и других культур.

Литература

- Воробьев В. В., Саяхова Л. Г. Текст в национально-культурном аспекте // Русский язык в диалоге культур. М.: Ладомир, 2006. С. 158–165.
- Левушкина О. Н. Методическая интерпретация лингвокультурологической характеристики текста на уроках русского языка. Монография. Ульяновск: УлГТУ, 2013.
- Ходякова Л. А. Методика интерпретации текста как феномена культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. С. 76–81.
- Шакирова Л. З., Андрамонова Н. А. Этнокультурный компонент в учебно-методической литературе по русскому языку как неродному // Известия АПСН. М.; Воронеж, 2003. Вып. 7. С. 223–228.
- Юсупова З. Ф. Художественный текст как единица культуры: лингвометодический аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 4. С. 229–234.
- Юсупова З. Ф. К вопросу о лингвометодических традициях изучения именных частей речи в аспекте преподавания русского языка как неродного // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): В 2 ч. Ч. I. С. 213–217.

Научная фантастика славянских стран: взгляд в прошлое и будущее

**Баланс фантастичности и прогностичности
в экологической фантастике, создаваемой учеными
(на материале повести «Популярная глобалистика»
Р. Р. Габдуллина, И. В. Ильина, А. В. Иванова, Е. Е. Захарова)
О. С. Бочкова**

Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина (Россия)

Повесть «Популярная глобалистика» — попытка авторов создать текст на стыке научно-фантастической и научно-популярной литературы со вполне практической целью — донести знания до читателя в наиболее привлекательном виде. Стиль повести не содержит принципиальных отличий от стиля научно-популярной литературы по другим дисциплинам. Авторы «Популярной глобалистики» активно используют разнообразные способы ввода терминов в текст популяризируемого повествования, однако явное предпочтение отдается истолковывающему контексту, прямым дефинициям, этимологическим экскурсам и синонимическим заменам при лидирующей роли истолковывающего контекста. Наибольшее распространение в тексте романа со стилистической точки зрения получил прием олицетворения, и прежде всего создание антропоморфных глагольных метафор. Олицетворенной оказываются силы природы, выступающие здесь в качестве противника человека, образ которых и доносит до читателя пессимистичные прогнозы ученых.

**Фантастика славянских авторов
в восприятии современного читателя
(из опыта чтения межфакультетских курсов
в МГУ имени М. В. Ломоносова)**

Е. Н. Ковтун

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Межфакультетские курсы МГУ, фантастика, славянские писатели.

Summary. The publication contains statistics on the popularity of Slavic writers' science fiction with modern students that the author got while delivering interdepartmental courses in Lomonosov Moscow State University.

В 2013–2015 гг. автор публикации прочитал в МГУ имени М. В. Ломоносова три межфакультетских курса (МФК) фантастоведческой проблематики: «Кросс-культурные коды фантастики» (весна 2013 г.), «Кросс-культурные ко-

ды фантастики: проблемное поле XX–XXI вв.» (осень 2014 г.), «Вымысел и фантастика в литературе XX–XXI столетий» (осень 2015 г.). Слушатели курсов представляли большинство структурных подразделений¹ университета: весна 2013 г. — 263 чел., 28 факультетов; осень 2014 г. — 554 чел., 29 факультетов; осень 2015 г. — 470 чел., 26 факультетов.

В рамках курсов студентам давались письменные задания с целью выявления читательских предпочтений в сфере фантастической литературы. В частности, предлагалось ответить на вопросы: «Кто ваш любимый писатель-фантаст?» (2013, 2014), «Ваша любимая фантастическая книга» (2015), «Анализ каких фантастических текстов вы хотели бы услышать в рамках курса?» (2015), «Приведите пример хорошо, на ваш взгляд, продуманного фантастического мира» (2013), «Что понравилось (запомнилось) из рассмотренного в рамках курса?» (2015). Ответы на задания демонстрируют любопытный спектр мнений о том, кто из писателей-фантастов востребован современной молодежной аудиторией, какие типы и жанры фантастики пользуются спросом, что именно ищет и ценит читатель в фантастическом тексте. В данной публикации мы прокомментируем ту часть полученной статистики, которая связана с фантастикой² славянских авторов, в том числе русскоязычных.

В перечнях популярных фантастов и фантастических книг из года в год закономерно лидирует русская и российская фантастика XIX–XXI вв. как наиболее многочисленная, разнообразная по тематике и выигрышная с точки зрения художественной формы произведений. В списке любимых писателей 2013 г. — А. Беляев, А. Н. Толстой, Е. Замятин, И. Ефремов, А. и Б. Стругацкие, К. Булычев, В. Крапивин; из современных авторов — Ник Перумов, Генри Лайон Олди, Макс Фрай, М. и С. Дяченко, Е. Лукин, С. Лукьяненко, Д. Глуховский, В. Панов, О. Громыко, А. Пехов, А. Белянин, П. Воробьев, А. Парфенова, А. Рудазов, Л. Каганов, А. Коростелева, В. Пелевин, В. Сорокин.

В 2014 г. 255 выполнивших письменное задание студентов представили следующую «топ десятку» авторов. Первое место — А. и Б. Стругацкие (87 упоминаний), оттеснившие на вторую позицию планетарного лидера фэнтези Д. Р. Р. Толкиена (81). На пятом месте современный российский фантаст С. Лукьяненко (41), на восьмом — один из крупнейших представителей восточноевропейской социально-философской фантастики С. Лем (32). Вне рамок «десятки» нередко упоминался Е. Замятин.

¹ Межфакультетские курсы обязательны для посещения студентами всех подразделений МГУ, кроме того, на котором читается данный курс.

² Термин «фантастика» в рамках курсов использовался для обозначения совокупности художественных текстов, относящихся как к научной фантастике (НФ), так и к фэнтези; кроме того, в МФК 2015 г. рассматривались также родственные фантастике жанры и области литературы — волшебная сказка, утопия и антиутопия, современные литературные притча и миф, а также фантастическая сатира.

В 2015 г. при 232-х отвечавших «Топ-10» любимых фантастических книг сформировали в том числе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова (34 упоминания; второе место после «Гарри Поттера» Дж. Роулинг), «Пикник на обочине» А. и Б. Стругацких (18; седьмое место) и вновь «Мы» Е. Замятина (17; девятое место). Кроме того, двенадцати и менее упоминаний удостоились «Понедельник начинается в субботу», «Отягощенные злом», «За миллиард лет до конца света», «Жук в муравейнике», «Обитаемый остров», «Далекая Радуга», «Волны гасят ветер», «Трудно быть богом», «Улитка на склоне», «Страна багровых туч», «Сталкер», «Отель “У погибшего альпиниста”» А. и Б. Стругацких, «Собачье сердце» М. А. Булгакова, а также тексты еще более чем трех десятков русскоязычных писателей — в том числе «Вий» и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского, «Приглашение на казнь» В. Набокова, «Кысь» Т. Толстой, «Шлем ужаса», «Священная книга оборотня», «Generation “П”» В. Пелевина.

Упоминания инославянских фантастов гораздо менее частотны. Помимо С. Лема (наиболее популярны его «Солярис», «Эдем», «Футурологический конгресс»), как правило, в перечнях устойчиво присутствует лишь современный польский автор А. Сапковский с фэнтезийным циклом «Ведьмак». Правда, в 2013 г. в списках оказались также чешские писатели К. Чапек, Я. Вайсс и Й. Несвадба. Роман К. Чапека «Война с саламандрами» был приведен как пример хорошо продуманного вымышленного мира.

Приведенная статистика, помимо очевидных выводов о забвении или сохранении в памяти поколений тех или иных имен и текстов, позволяет сделать еще ряд интересных наблюдений. В частности, представляющееся важным заключение о нерасчлененности в сознании слушателей МФК — о чем свидетельствуют упоминания книг Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Т. Толстой, В. Пелевина, В. Сорокина — фантастических «мейнстрима» («серьезной» литературы) и «гетто» («собственно фантастики», текстов менее известных писателей, за которыми прочно закрепилось обозначение «фантасты»), что косвенно подтверждает недостаточную обоснованность такого (увы, весьма традиционного в фантастоведении) разграничения. Или не менее приятный для автора публикации вывод о том, что фантастические произведения ведущих представителей национальных славянских литератур выдерживают испытание временем.

Наконец, стоит, безусловно, обратить внимание на отзывы студентов о прослушанных курсах и особенно их разделах, связанных с творчеством славянских писателей. Так, в отзывах высказывалось желание услышать курс о Стругацких, о советской фантастике. Выражалось намерение познакомиться с книгами Чапека, Лема и Сапковского; присутствовала даже особая благодарность за рассказ о чешских авторах (слушатель написал: понравились «ссылки на чешских писателей, т. к. люблю Прагу в литературных произведениях»).

Все это дополняют просьбы о более глубоком биографическом и социологическом контекстном анализе фантастических текстов.

Исходя из сказанного, можно рассчитывать на определенный успех курса лекций о славянской фантастике с обзором творчества ведущих писателей в историко-культурном контексте. В курс, на наш взгляд, могут быть включены разделы: «Славянская фантастика XIX в.» (темы: «Фантастика романтиков от В. А. Жуковского до А. Мицкевича», «Сатирики и фантасты эпохи реализма»), «Двадцатый век в осмыслении фантастов славянских стран» (темы: «Чешская межвоенная фантастика (К. Чапек, Я. Вайс, И. Гауссманн)», «Творчество С. Лема и польская фантастическая традиция», «П. Вежинов и фантастическая литература Болгарии», «Фантастика балканского постмодерна», «Научная фантастика советской эпохи»), «Новейшая российская и инославянская фантастика».

Утопическое государство в рассказе В. М. Шукшина «Штрихи к портрету»

Б. А. Ланин

Институт стратегии развития образования Российской академии образования
(Москва, Россия)

Утопия, Шукшин, утопическое государство, коммуникация, иерархия

Summary. It is impossible to see Shukshin's name in SF or Utopia reference books. Nevertheless, his contribution into this branch of the Soviet Russian fiction is quite remarkable. One of his characters, Nikolai Kniazhev, tries to formulate his concept of utopian society. He considers himself real philosopher and thinker. Analysis of his utopian writing discovers new aspects of Shukshin's style.

В библиографиях утопистов и писателей-фантастов имени Василия Шукшина не встретить. Однако в его произведениях герои часто размышляют не только о своей жизни, о судьбах других людей, но и задумываются о создании идеального государственного устройства. Для них государственное устройство зачастую является устройством самой жизни. Его персонажи патриоты своей страны, отчизны, государства. Две наиболее популярные категории мироощущения шукшинских героев — «праздник» и «воля» — обусловлены прежде всего государственным устройством. В. М. Шукшин знал только советских людей, о них только он писал, именно их думы и чаяния метафорически воспроизводил. Даже обращаясь к историческим сюжетам, Шукшин оставался в привычной советскому читателю парадигме. В этом смысле его «чудики» всегда оставались вариантами «советской» психологической нормы.

В центре доклада — Н. Н. Князев, «человек и гражданин», главный герой рассказа «Штрихи к портрету» (1973). Заметим, что рассказ этот был сразу же замечен читателями и критикой. Кроме того, в 1978 году по рассказу был снят одноименный фильм. Конечно, само название первой части «О государстве» пародийно. Оно обращает и к Платону, и к Макиавелли, заведомо настраивая читателя на ироничное отношение к главному герою. Живет Князев в «райго-

родке Н.». Местному философу — а он ощущает себя философом с детства, когда уже проявлялись у него «проблески философского сознания», — не удастся найти ни читателя, ни слушателя. Спиноза возникает в его самопрезентации не случайно: Князев считает себя мыслителем не менее значительным. Он излагает свою концепцию государственного устройства, «схему построения целесообразного государства», заезжему циркачу-мотоциклисту Григорию Кайгородову. По Князеву, государство — это многоэтажное здание, которое суживается кверху, пока не остается лишь одна комната. В ней размещен «пульт управления». Он читает свои записки циркачу-мотоциклисту, и уже в первой фразе готов заявить главное: «Смысл такого государства состоит в следующем...» — но не формулирует этого смысла никогда. Его государственная утопия лишена смысла. Ее назначение — в самосохранении и самоподдержании. В этом государстве нет человека: только «население этажей», состоящее из фигур. Их предназначение — держать на себе всю громаду государственного здания, все этаже которого «прозваниваются». Однако держится это здание на двух государственных технологиях: доносах и прослушке, которые у Князева изящно названы «люди доброй воли и современная техника». Коммуникации между этажами нет никакой, диалога между властью и населением в этом государстве не происходит: оно лишь реагирует на опасные для его существования события, оправдывая свое вмешательство тем, что нарушаются «закон справедливости» и «закон равновесия».

Во «всеобщей государственности» Николай Князев видит и смысл жизни. Человек процветает только тогда, когда процветает государство. Но с Князевым происходит определенная эволюция, которая отражается и на его утопической модели во второй части рассказа «О смысле жизни». Теперь это не здание, поддерживаемое «фигура», а могильный курган — угрюмый холм. Цель каждого гражданина — бросить свою горсть земли в основание этого холма, который теперь символизирует «целесообразное государство». Князев, человек малообразованный, но успешно овладевший приемами демагогии, убежден, что именно так и создавались все государства на свете, «от Урарту до современных суперов». Он не может сформулировать жизненные интересы своего собеседника Юрия Викторовича Сильченко, зато убежден, что объективно они совпадают с государственными интересами. Впрочем, государственных интересов он тоже не понимает, не осознает и сформулировать не в состоянии.

Князев тем временем вживается в роль философа-государственника. В третьей части рассказа «О проблеме свободного времени» он даже обижается за государство, когда подвыпивший посетитель зоопарка высказывает совершенно невинную мысль о том, что зоопарки приносят выгоду, потому их и содержат. Теперь для него государство — это «разумная организация людей», оно «ускоряет ритм», из телеги превращается в его воображении в «лайнер». Тут его собеседник, не в силах выносить князевскую демагогию, попросту переходит к рукоприкладству.

В четвертой части рассказа «Конец мыслям» (это единственная часть, чье название не заключено в кавычки, т. е. «авторское», в не князевское, название) семилетний труд Князева завершен. Почтовые работники не советуют ему отправлять его (тем более что неизвестно, куда же он хочет отправить свой трактат «в восьми общих тетрадах»). Впервые можно прочесть первую страницу этого взлелеянного Князевым труда, так сказать, историю утопического замысла. Всегда и во всем с самого начала Князев исходил из того, что государство живет «структурой», и что все конкретные человеческие мысли ничтожны и должны быть подчинены глобальной мысли о государстве.

Фетишизируя «государство», а на самом деле — смутное и опьяняющее его понятие о государстве — Князев является идеальным Homo Sovieticus, который душит всякую мысль в себе и в каждом встречном, отравляет ему работу и отдых во имя смутной утопии, зародившейся когда-то в его не обремененной ученостью голове и постоянно меняющей свои границы, цель и смысл. Он, конечно, еще один шукшинский чудик, но развенчанный автором, лишенный доброты и обаяния, вызывающий лишь сочувствие продукт тотальной пропаганды.

Художественная философия истории в современной исторической фантастике

А. М. Лобин

Ульяновский государственный технический университет (Россия)

Литературная философия истории. Историческая фантастика XX–XXI вв.

Summary. The paper discusses various models of historical process as shown in fantastic literature of XX–XXI centuries: the cryptohistorical and alternative historical novel, as well as the historical fantastic thriller.

Историческая фантастика, в которой события прошлого описываются и объясняются с помощью каких-либо фантастических допущений — машины времени, вмешательства инопланетян, возникновения альтернативных реальностей и пр. — является одним из наиболее популярных жанров НФ. Так, один из наиболее востребованных сюжетов о путешествиях во времени породил множество вариантов, в которых человек будущего переживает в прошлом множество приключений и даже меняет его, тем самым создавая альтернативную историческую реальность. Не менее популярна и криптоистория, объясняющая ход исторического процесса фантастическими причинами.

Каждый из этих магистральных сюжетов опирается на определенную концепцию истории, включающую ответы на ряд принципиальных вопросов историко-философского характера: возможно ли такое изменение в принципе, и какого масштаба должно быть необходимое воздействие; приведет ли оно к изменению будущего или созданию новой «параллельной реальности» и пр.?

Фантасты второй половины XX века, как советские, так и зарубежные — А. и Б. Стругацкие, С. Гансовский, И. Варшавский, А. Азимов, П. Андерсен,

Г. Гаррисон и др. — скептически относились к идее «улучшения истории». Они считали невозможным управление историческим процессом, более того, полагали, что любая попытка такого вмешательства приводит к негативным эффектам. Так, Р. Брэдбери в рассказе «И грянул гром» сформулировал т. н. «эффект бабочки»: любое, даже самое микроскопическое изменение естественного хода событий в прошлом приводит к глобальным переменам в будущем. Последним заметным произведением, где звучит эта мысль, стал роман С. Кинга «11/22/63», в котором главному герою удалось предотвратить убийство президента Кеннеди, однако, вернувшись обратно в 2011 год, он обнаруживает, что спасение президента обернулось серией ядерных войн.

Художественная философия научной фантастики XX века основывалась на точке зрения исторической науки, которой «свойственно исходить из неизбежности того, что произошло» [Лотман 1992: 24]. Большинство фантастов XX века воспринимало современность как результат событий, жестко связанных причинно-следственными связями и обусловленных объективными законами исторического процесса. Следствием такого подхода становилась онтологическая абсолютизация реальности в целом, поэтому считалось, что любое изменение в причинно-следственной цепи приводит к катастрофическим последствиям.

Авторы альтернативной истории также рассматривали исторический процесс как последовательность взаимосвязанных событий, однако их результат не считали единственно возможным и неизбежным. Любое изменение в этой цепи — случайное или ставшее результатом чьей-то целенаправленной деятельности — приводило к созданию альтернативной реальности или возникновению еще одного параллельного мира [Володихин 2000: 232]. В зависимости от авторской оценки настоящего новая реальность могла быть улучшенной или ухудшенной версией реальной истории.

Альтернативные историки, негативно оценивающие существующее положение дел, рассматривают его как результат ошибки, в качестве которой может рассматриваться любое событие или целая эпоха: Петровская реформа или Октябрьская революция, установление Культа личности или его отмена — в любом случае исторический процесс предстает не как закономерная реализация объективных общественных законов, а как цепь случайностей, которые могут быть исправлены.

На рубеже XX–XXI вв. преобладала скептическая точка зрения на постсоветскую реальность, поэтому в русской фантастике этого периода — романах «Гравилет Цесаревич» В. Рыбакова, «Штурм Дюльбера» К. Булычева, «Русский аркан» А. Громова, «Евразийская симфония» Х. Ван Зайчика и многих других — оптимальный вариант будущего возник без вмешательства извне.

Другое, не менее известное направление альтернативно-исторической фантастики, опирающейся на ту же концепцию истории, описывает процесс изменения прошлого пришельцами из будущего. «Это делается с двумя глав-

ными целями: чтобы Россия не проигрывала войн, и чтобы в ней не случилось революций» [Фишман] — писал политолог Л. Фишман. Первым известным произведением такого рода стал цикл романов В. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку» (1983–2000). В XXI веке у этого автора появилось множество последователей: Р. Злотников (трилогия «Царь Федор», тетралогия «Генерал-адмирал»), С. Буркатовский (роман «Вчера будет война»), И. Конюшевский («Попытка возврата»), А. Баренберг («Первым делом самолеты») и многие другие.

Кроме того, существует и другая, менее научная концепция истории, в рамках которой сознательно снижается жесткость причинно-следственных связей. Предполагается, что исторический процесс движется поступательно и закономерно, поэтому действия пришельцев из будущего не могут оказать существенного влияния на конечный результат. Эта концепция была реализована в романе Р. Хайнлайна «Дверь в лето», повести К. Булычева «Гостя из будущего», а также более современных произведениях В. Полищука («Зенитчик»), О. Верещагина («Клятва разведчика»), Ю. Корчевского («Пилот штрафной эскадрильи») и др.

Проведенный анализ приводит к выводу, что в современной исторической фантастике происходит все более заметный отход от научных принципов мышления, поэтому идея значимости и взаимосвязи отдельных составляющих исторического процесса авторами систематически игнорируется. Это объясняется отсутствием единой концепции истории, а также влиянием постмодернистской поэтики. Существенное влияние оказывает также активное распространение компьютерных игр, для которых характерна унификация прошлого и исторических событий, превращаемых в т. н. игровой «квест».

Литература

Володихин Д. Призывая Клио // Если. 2000. № 10. С. 231–238.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис: Прогресс, 1992.

Фишман Л. Х. Мы попали [URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/4/fi17.html> (дата обращения 10.11.2015)].

Постмодернизм и формализм в современной российской альтернативно-исторической фантастике

К. Г. Фрумкин

Журнал «Компания» (Москва, Россия)

Постмодернизм, альтернативная история, коммунизм, фашизм, карнавал.

Summary. When the post-modern phase of development of the “ideological” novel continues to maintain all the external signs of the genre, but also its author and the reader all the more difficult to maintain a serious attitude to meaningful statements. And as compensation in the novels begins to grow gaming narrative component. Literary postmodernism is a symptom of decadence and a tool in the novel, such as alternative historical novels dealing with communism and fascism.

Термину «постомодернизм» можно предавать не только историческое, но и «типологическое» значение. В этом случае «постомодернистской» можно

называть особую фазу развития любого художественного направления, которое само осознает свою истощенность, когда его творцы чувствуют пресыщенность и отсутствие возможности серьезного отношения к собственным занятиям — и поэтому ищут спасения в иронии, в комбинаторных играх с наработанными ранее материалами, в количественном увеличении используемых формальных приемов и упоминаемых фактов. При наступлении постмодернистской фазы развития «идейный» роман продолжает сохранять все внешние приметы своего жанра, но и его автору, и его читателю все труднее сохранять серьезное отношение к содержательным высказываниям. И в качестве компенсации начинает разрастаться игровое начало, эстетизация, становятся все более изощренными приемы, с помощью которых это утратившее жало высказывание сервируется и подается.

«Драйвером» развитие фантастики, посвящено реальным историческим событиям и прошлым эпохам русской истории всегда была пусть косвенная, но легко просматриваемая связь с актуальной политической повестки дня. Это относится даже к самым низкопробным писаниям про пришельцев из будущего, ставших советниками товарища Сталина. Постмодернистская фаза в развитии русскоязычной историко-политической фантастики наступила после того, как — или по крайней мере синхронно с тем — как после прекращения серии массовых протестов в России в России сократилось пространство публичной политики. В свете этого литературный постмодернизм является симптомом и инструментом декаданса политизированном романе — в частности, альтернативно-исторических романах, посвященных коммунизму и фашизму.

Так, сюжет романа Андрея Валентинова «Нуар» свидетельствует о том, что в альтернативно-исторической фантастике все простые ходы, способные изменить ход истории уже отработаны, и теперь писатели, претендующие на качественное продолжение темы, должны находить неочевидные, изощренные фабыльные решения, при этом обсуждение морально-политических вопросов затрудняется эстетическими усложнениями повествования — в том числе и постмодернистского свойства.

Роман Дмитрия Казакова «Черное знамя» хотя и имеет все внешние признаки политического высказывания, однако подчинен чисто формалистической задаче с достаточно высокой степенью точности перенести на историю России историю нацистской Германии. Придание имеющемуся комплексу культурно-исторических материалов чуждой, но уже готовой структуры — это формальная задача, которая не связана с политическим мировоззрением, а имеет внутреннюю, игровую и комбинаторную логику.

Роман Андрея Мартынова и Елены Хаецкой «Der Architekt» виден конфликт между двумя ролями писателя — ролью исторического мыслителя и ролью угождающего вкусам публики мифолога: реалии Третьего рейха обеспечивают интерес к материалу, однако, как исторический мыслитель Андрей

Мартьянов видит бесперспективность гитлеровского режима и понимает необходимость его устранения. Поэтому художественная задача «Der Architekt» самопротиворечива — преодолевать нацистский режим но насколько возможно исключительно в обстановке и среди реалий нацистского режима, чтобы не уйти из сферы мифов, интересных для коллективного бессознательного.

Роман Юрия Арабова «Столкновение с бабочкой» обычно оценивается как «сюрреалистический», хотя в намерение автора не входило создание поражающих воображение фантазмагорий ради них самих, но попытки исправления русской истории приводят именно к такому результату, так что все события «Столкновения» неправдоподобны, а все герои — карикатурны.

Именно на фоне таких фантастических романов, как «Нуар», «Черное знамя», «Столкновение с бабочкой» и «Der Architekt», то есть романов историко-политических, затрагивающих проблематику фашизма и коммунизма — следует рассматривать роман Марины Галиной «Автохтоны» поскольку эстетика «Автохтонов» носит ярко выраженный динамический характер: автор «Автохтонов» от альтернативно-исторической фантастики, которую Галина одновременно и ложно имитирует, и разрушает, и преодолевает, не отказываясь, тем не менее, от некоторых реликтовых жанровых примет.

Андрей Мартьянов, Юрий Арабов и Дмитрий Казаков создают игровые комбинации из известных лиц немецкой и русской истории, создавая игру, которая во многом держится на воспоминаниях о времени, когда тема была актуальной. «Архитект» и «Черное знамя» — в значительной степени результат инерции нашего политизированного коллективного сознания, которое не может быстро отказаться от обсуждения любимых вопросов, но уже начинает понимать, что действует всего лишь по инерции. «Столкновение с бабочкой» — скорее плод отчаяния того же коллективного сознания, понимающего, что сценарий спасения может выглядеть лишь сюрреалистически и неправдоподобно. Марина Галина подхватывает эту игру, и создает пародийную имитацию политически значимых сюжетов, при этом тут же отказываясь от сочиненных историй, демонстрируя невозможность реконструкции их аутентичных версий, и таким образом насмехаясь над самим интересом к истории. Если Мартьянов, Козаков и Арабов создали энциклопедически проработанные альтернативы реальной политической истории, то Галина — энциклопедически проработанную гносеологию подобных альтернативных историй, демонстрируя механизм создания мифов, их разрушения и отказа от окончательных вердиктов по поводу их достоверности.

В общем и целом Марина Галина прежде всего демонстрирует следующую — после Валентинова, Мартьянова, Козакова — фазу прогрессирующего декаданса литературно-философской мысли, а именно новую фазу в процессе утраты серьезности по отношению к истории и политике — при сохранении реликтовой любви к ним как к формам фольклора. Роль следующей точки мо-

жет играть роман Сергея Носова, который, не обладая никакими бросающимися в глаза признаками интереса к политической истории, тем не менее, имеет множество параллелей с «Автохотнами».

Литература

Gavriel D. Rosenfeld. The World Hitler Never Made: Alternate History and the Memory of Nazism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Бочаров А. В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 2002.

Лабазов И. Альтернативная история в сети.

Сравнительный анализ художественной утопии и антиутопии: жанровая природа, особенности фантастического допущения и философского дискурса

Салида Шаммед кызы Шарифова

Развитие научной мысли нередко оказывает влияние на фабулу и сюжет произведения. Это взаимодействие приводит к формированию устойчивых романских форм, в том числе фантастического романа. Термин «научная фантастика» был введен в оборот в 1926 году Х. Гернсберком. Х. Гернсберг этим понятием охватывал широкий пласт произведений технологических приключенческих повествований. Как разновидности фантастического романа можно выделить научно-фантастический роман, роман-утопию и романа-антиутопию.

Жанр романа-утопии, из которого рождается антиутопия, берет начало от платоновского мифа об Атлантиде. Романы-утопии опираются на научные истины своего времени или на возможное развитие науки в будущем. Следует особо подчеркнуть также, что роман-утопия выступает как «метажанр» как по отношению к своим производным, так и к роману-антиутопии и его разновидностям (квазиутопии, дистопии, какотопии) [Шадурский 2007: 84–89]. Следует отметить, что в утопии и антиутопии проявляются черты научно-фантастической литературы, но эти понятия не являются тождественными по своему содержанию: не всякое научно-фантастическое произведение является утопией или антиутопией. Л. О. Мошенская отмечает, что научно-фантастические произведения в литературоведении несправедливо отождествляются с такими жанровыми формами, как утопия и атиутопия [Мошенская 1983: 11]. В некоторых случаях утопию и антиутопию представляют как отдельный жанр. Например, А. Н. Воробьева отмечает, что «утопия и антиутопия рассматриваются как единый жанр, совмещающий противоположные знаки одних и тех же эстетических установок» [Воробьева 2009: 8]. А. Н. Воробьева дает также перечисление жанровых признаков. Необходимо обратить внимание, что среди перечисленных ею признаков нет ни одного, который бы характеризовал композицию, сюжет и фабулу. А. Н. Воробьева перечисляет следующие признаки:

«(1) Изображение коллектива, организации, общества как модели лучшего (утопия) или худшего (антиутопия) государственного строя; (2) Отказ от настоящего, который выражается в радикальных формах: разрыв с привычной средой, эскапистский уход в другое, закрытое пространство, переход в другое время; (3) Коллективный характер утопической цели» [Воробьева 2009: 8].

Утопия (utopia) и антиутопия (dystopia) являются формой проявления фантастической литературы. Фантастика же представляет собой творческий метод, предполагающий использование особого литературного приема для усиления тех или иных качеств текста. В теории литературоведения нет единой позиции о жанровой природе фантастики: является ли она (жанр) жанром или же особой жанровой формой. Хотелось бы обратиться к творчеству (перу) Аркадия и Бориса Стругацких. Перу этих выдающихся братьев-фантастов принадлежат как фантастические романы («Град обреченный», «Отягощенные злом или сорок лет спустя» и т. д.), фантастические повести («Стажеры», «Понедельник начинается в субботу», «Попытка к бегству», «Путь на Амальтею» и т. д.), так и фантастические рассказы («Забывтый эксперимент», «Шесть спичек», «Испытание СКИБР» и т. д.). Жанровая природа этих произведений различна: роман, повесть и рассказ. Объединяющим же их в один литературный цикл (одно литературное направление) является обращение к единому творческому приему (методу).

Сказанное относится и к утопии и антиутопии. Мировая литература знает множество образцов романов-утопий («Люди как Боги» (Men Like Gods) Г. Д. Уэллса, «Вести ниоткуда» («News from Nowhere») У. Морриса, «Туманность Андромеды» И. Ефремова, «Конец радуг» В. Винджа и т. д.) и романов-антиутопий «1984» (Nineteen Eighty-Four) Дж. Оруэлла, «Мы» Е. И. Замятина, «О дивный новый мир» (Brave New World) О. Хаксли, «451 градус по Фаренгейту» (Fahrenheit 451) Р. Брэдбери и т. д.). Гораздо реже встречаются повести, а тем более рассказы, написанные в духе утопий и антиутопий. Например, к повести-утопии относят произведение М. А. Булгакова «Дьяволиада». К повести-антиутопии относят «Скотный двор» (Animal Farm) Дж. Оруэлла, «Котлован» А. Платонова. Рассказом-утопией является произведение татарского общественного деятеля, публициста и беллетриста Исмаил-Бея Гаспринского (Гаспралы) «Страна блаженства» (Müsülmanî Darur Rahat).

Следует отметить, что в стиле утопии и антиутопии создаются также лирические и драматические произведения. Испанский автор Лопе де Вега является автором поэмы-утопии «Золотой век» (El siglo de oro, 1635). Одним из известных произведений шведского поэта Х. Мартинсона является поэма-антиутопия «Аниара» (Aniara, 1956), повествующая (эпос) о гибели человечества после тотальной войны. Бельгийский поэт-символист Верхарн Эмиль является автором пьесы-утопии «Зори» (Les Aubes, 1898). Перу А. М. Булгакова принадлежит пьеса-антиутопия «Адам и Ева».

С учетом вышесказанного фантастику (так же, как и утопию, и антиутопию) целесообразно было бы рассматривать как литературное направление, в рамках которого могут создаваться произведения в различных жанрах. В этой связи хотелось бы обратиться к позиции белорусского исследователя М. И. Шадурского: «Жанровый конгломерат, сочетающий в себе черты романного жанра и утопического мировидения, номинируется романом-утопией или утопическим романом» [Шадурский 2009: 38].

Во всех трех вышеназванных вариациях фантастической романистики имеет место быть сочетание мифологизма и научности: на композицию, сюжет и фабулу оказывают параллельное влияние оба фактора. Но в научно-фантастическом романе имеет место быть доминирующее влияние представлений о состоянии и перспективах развития «точных» отраслей науки, естествознания и техники, тогда как для утопии и антиутопии большое значение имеет развития социально-политических и философских наук. Условно можно выделить два типа фантастического допущения: естественно-научное допущение и гуманитарно-научное допущение. В научно-фантастическом романе, романе-утопии и романе-антиутопии присутствуют оба типа допущения, но в научно-фантастическом романе превалирует естественно-научное допущение, а в романе-утопии и романе-антиутопии — гуманитарно-научное допущение. Кроме характера фантастического допущения роман-утопия и роман-антиутопия отличаются от иной научной фантастики также и обращением к элементам сатирических жанров.

Возможно присутствие этих двух типов фантастического допущения в одном произведении. Например, «Эревол» («Erewhon» — анаграмма от «Nowhere», в переводе с английского — «нигде») С. Батлера, «О дивный новый мир» (Brave New World) и «Остров» (Island) О. Хаксли, являясь научно-фантастическим романом, в то же время являются и антиутопией. В романе «Эревол» Самуэль Батлер в сатирическом стиле описывает эволюцию машин, классифицируя их по семействам, родам и видам, по способам питания и т. д. Не случайно, что первые три главы романа «Эревол», вначале появившиеся под названием «Дарвин среди машин», были пародией на книгу Дарвина «Происхождение видов методом естественного отбора, или выживание благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life, 1859). В романе О. Хаксли «О дивный новый мир» (Brave New World) также высмеивается дарвиновская теория и культ машины. «Остров» (Island) содержит в себе сатиру на нравы и идеи английского общества второй половины XIX века.

Отличительной чертой фантастического допущения в утопиях и антиутопиях является его философско-мировоззренческая содержательность. Например, французский мыслитель, считающийся основателем теории разделения

государственной власти на три ветви, III. Монтескьё в своем романе «Персидские письма» — *Lettres persanes* (Persian Letters), 1721 — не только критикует общественную жизнь современной ему Франции, но и отображает философские размышления об идеальной республике [Кириянова 2007: 97].

Если философские размышления в утопии обусловлены тем, что в ней проектируется идеальное будущее, то в антиутопии они связаны с факторами социально-политического характера, которые могут привести человечество в тупик, к катастрофе. По словам А. Т. Бегалиева, путь развития литературной утопии — «это движение от философской идеи к художественному образу, от декларируемой концепции совершенного мира к его художественной модели» [Бегалиев 1989: 8]. Философское начало проявляется в антиутопии в связи с тем, что в ней автор дает проекцию на воображаемый социум тех характеристик современного ему общества, которые вызывают наибольшую неприязнь [Browning 1970]. Именно перенос реальных характеристик и тенденций на антиутопическое общество имел ввиду итальянский писатель и филолог У. Эко, когда говорил в интервью о своем романе «Маятник Фуко» (*Il pendolo di Foucault*, 1988): «Многие думают, что я написал фантастический роман. Они глубоко ошибаются, роман абсолютно реалистический». Авторский замысел «Маятника Фуко» (*Il pendolo di Foucault*) сосредоточен вокруг проблемы трансформации религиозных мифов и эзотерических учений в современном обществе: когда «светлые» религиозно-эзотерические концепции способны привести к коллапсу.

Особенностью философского дискурса в антиутопии является не только гиперболическое отображение в нем существующих социально-политических противоречий, но и наличие философских размышлений о пагубных последствиях мер по установлению «идеального» и «справедливого» порядка. Максимализм и необузданность, игнорирование духовных ценностей при принятии тех или иных решений на государственном уровне — на этом построен роман португальского писателя Ж. Сарамы «Слепота» (*Ensaio sobre a Cegueira*, 1995). Вводя в сюжет произведения распространение болезни, приводящей к слепоте, автор раскрывает «моральную слепоту» общества и доминирующей системы управления. В. С. Воронин справедливо отмечает, что «веру в человеческий разум, присущую утопии, в антиутопии сменяет утверждение бессилия человеческого интеллекта» [Воронин 1999: 60].

Литература

- Бегалиев А. Т. Современная советская литературная утопия: герой и жанр: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. С. 8.
- Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX — начала XXI веков в контексте мировой антиутопии. Автореферат дис. ... доктора филол. наук. Саратов, 2009. С. 8.
- Воронин В. С. Законы фантазии и абсурда в художественном тексте. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999.
- Кириянова Н. В. История мировой литературы и искусства: Учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2007.

- Мошенская Л. О.* Жанры приключенческой литературы. Генезис и поэтика. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Шадурский М. И.* Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: ЛКИ, 2007.
- Шадурский М. И.* Художественная модель мира в романах-утопиях С. Батлера и О. Хаксли. Дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 2009.
- Browning W.-G.* Toward a Set of Standards for Antiutopian Fiction // *Cithara*. 1970. № 10. P. 18–32.

Славянский фольклор: история и современность

Символика образа печи в поверьях, приметах, обычаях и обрядах

Дарина Антонякова

Прешовский университет в Прешове (Словакия)

Поверье, примета, обычай, обряд, паремия.

Summary. An oven played an important role in the Russian life. Many superstitions, signs, customs and rites (birth, wedding, death, healing the sick etc.) were related to the oven and therefore, not surprisingly, this notion was reflected in phraseology, paremiology and other conventional metaphorical expressions. The paper deals with phraseological units and paremia connected with this important part of the house and everyday life of common people.

1. Суеверные представления

У каждого народа существует своя система предрассудков, примет, обычаев и обрядов, которые являются составной частью его духовной культуры. Хотя суеверные представления зародились в давние дописьменные времена, в сознании людей существуют по сей день, потому что связаны с их ежедневной жизнью, что проявляется в поведении и речи.

2. Восприятие суеверия в русской культуре

Суеверию подвластны люди всех наций, разного уровня образования и возраста. В русской культуре к понятию *суеверие* подходят по-разному: суеверными считают не только такие явления, в которых невозможно установить причинно-следственные объективные связи, но и такие, которые уже в настоящее время поддаются научному объяснению (сглаз — тонкий биоэнергетический обмен; круглый стол, угол стола — психотопография и т. п.). Из этого вытекает, что суеверие и суеверное поведение прочно сохраняются в психике человека, и когда наступает подходящий момент, то человек начинает действовать согласно его предписаниям.

3. Определение суеверия

В данной работе под суеверием понимаем веру в явления, у которых отсутствует причинная связь, а также, согласно русской лингвистической традиции, явления, связанные с гаданием, ворожбой, знахарством, чародейством и т. п., т. е. явлениями, пока что непознанными, на данном этапе развития общества необъяснимыми, хотя и существующими. Это явления, которые во многих культурных пространствах получили название «явления между небом и землей».

4. Образ печи в культуре славян

В культуре русского народа печь играла важную роль не только в повседневной жизни каждой семьи. На печи и в печи готовили еду, по традиции на ней спали старики, дети и больные. В печи также сжигали весь домашний мусор, так как согласно запретному суеверию нельзя было выносить мусор из дому, а сжигать его на домашнем очаге, чтобы всё домашнее оставалось дома. Это делалось по двум причинам. Первой из них было верование в то, что за печью, под печью или в печи живут духи предков данного рода, которые греются теплом печки, питаются паром и таким образом находятся в определенном контакте с членами семьи. Согласно языческим представлениям дух предков известен и под именами Род, Чур, Щур т. е. пылающий в печке огонь, или Дедушка Домовой, т. е. домовой — хранитель имущества и богатства семьи, а также всех членов данного рода. Второй причиной было убеждение в том, что мусор может стать средством сглаза. С этим поверьем связана фразеологическая единица (далее ФЕ) *выносить сор из избы* — ‘разглашать семейные тайны’.

5. Связь печи с рождением, предками и со смертью

Связь печи с предками данного рода и со смертью наблюдаем и в других культурах и языках. А. Івченко, который занимается ономазиологическим, ареальным и этимологическим анализом фразеологии украинских говоров пришел к заключению, что эту связь можно наблюдать во всех языках праславянского происхождения. Так, например, словосочетанием *níč rozvalilasя* выражалось рождение ребенка, а словосочетанием *níč rozvalюется* — ‘ребенок скоро родится’. В чешском языке существует выражение *být z jedné pece* (быть из одной печи) — ‘принадлежать к одному роду’ [Zaorálek 1963: 286]. В украинской народной фразеологии существует ФЕ *народитися у пічурці* в значении ‘быть особенно счастливым’, ‘быть особенно везучим’. В. Пропп, который анализировал комплекс мотивов волшебного рождения в русских сказках пришел к заключению, что печь является не чем иным, как могилой. Если герой выходит из печи — это значит, что выходит предок, который возвращается в жизнь, но уже в другой ипостаси [Пропп 1976: 216–225]. В словацком фольклоре тоже встречаемся с поверьем и приметой, связанными с печью. Широко известно поверье о том, что новорожденного и некрещенного ребенка могут похитить ведьмы и русалки и поменять его на ребенка некрасивого и постоянно плачущего. Такого ребенка сажают на лопату, суют в теплую печь, приговаривая: «Черт, бери себе своего ребенка, а мне верни моего». Как видно, и здесь проявляется мотив перерождения; из печи на лопате вынимают другого ребенка — красивого, доброго и здорового. Известно, что у славян существовал обычай хоронить мертвых под порогом дома. Позже, когда печь становится символом дома, это место ассоциируется с печью.

6. Связь печи со свадебным обрядом

Печь играла важную роль и в народных обрядах. В болгарском народном свадебном обряде точно также как и в русском, сваха, вступив в комнату сначала подошла к печи и грела руки у открытого огня. Если дело было летом, то это действие выполняла чисто символически. Поведение свахи преследовало две функции: 1) символизировало приобщение невесты ко всем живущими в данном доме; 2) выражало просьбу о помощи, чтобы всё было хорошо и можно было сыграть свадьбу. Похожий свадебный обряд существовал и в России, но в некоторых областях невеста должна была выразить свое согласие выйти замуж так, что прыгала с печи на понёву, т. е. юбку в виде круга. Таким образом, устойчивым словосочетанием *прыгать в понёву* стало выражаться 'публичное согласие на брак'.

Литература

- Ивченко А. Українська народна фразеологія: ономазіологія, ареали, етимологія. Х: Фоліо 1999.
 Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1976.
 Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Гл. ред. акад. Ю. В. Бромлей. М., Наука, 1987.
 Zaorálek J. Lidová řeči. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963.

«Советская пастораль» А. Н. Егунова

Г. М. Васильева

Новосибирский государственный университет экономики и управления (Россия)

Флейта, дудка, хоровая песнь, частушка, страдания.

Summary. It concerns a novel written by a classical scientist. As in an ancient tragedy, there is a choral interlude. «Chorus» consists of a big foundation of folklore works, which was the source of lines and scenic ideas for the characters. In folklore of late 20s geographic differences of separate districts, the country appears as Arcadia. In limericks, non-ceremonial songs entirely reflects national axiology.

Антиковед А. Н. Егунов (1895–1968) опубликовал роман «По ту сторону Тулы» в 1931 г. под псевдонимом «Андрей Николев» [Николев 1931]¹. Действие происходит в «древнем тульском районе»: «верст шестьдесят до Куликова Поля» (39) и «верст тридцать» до Ясной Поляны (118). Выделяются loci deputati, представительные места: их роль в культуре России неоспорима. Все топонимы подлинны и засвидетельствованы исторически, кроме «волшебного села Мирандино». Сергей Сергеевич Толстой совершает путешествие открытия в мир манящий, влекущий, достойный удивления. Именно таково значение латинского слова *mirandus*. Подзаголовок «советская пастораль» разъясняет интригу, заключенную в тексте, и жанр. Буколика, идиллия, пастораль пред-

¹Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, в круглых скобках указываются страницы.

полагают вольные вариации на условно греческом материале, «в саду под яблоней» (170). «Советская пастораль» — не столько название жанра, сколько свидетельство о качестве. С одной стороны, пастораль продолжает традицию идеализируемого прошлого (например, греческой античности). С другой, она есть утопия, предвосхищающая будущее совершенство. И. И. Садофьев — земляк Толстого, родом из Тульской губернии, — является автором «Индустриальной свирели». «К любви творящей призывает / Индустриальная свирель» [Садофьев 1971: 172]. В 1923 г. музыковед и композитор А. Н. Авраамов создает пролеткультовскую «Симфонию гудков».

Николев писал роман в период, когда отношение к фольклору было неопределенным. За ним еще не утвердилась окончательно роль творчества прогрессивных классов. Не возникли четкие критерии для отбора «хороших» жанров и текстов. Впрочем, советский фольклоризм уже созрел. В фольклоре конца 1920-х гг. исчезают географические различия районов, региональные особенности и культурные традиции края. Страна предстает вроде Аркадии. Она являет собой поэтическое единство: простор, напоенный светом, образ песни мира и поющего мира. Один из главных героев, инженер Федор Стратилат, обслуживает «сто пять дудок» (39). «Что же! Мы на них и заиграем скоро. Вся страна запоет» (14). Страна превращается во флейту многоствольную.

Николев возвращает русский быт в его естественной форме. Первая часть романа завершается цитатой из «Слова о погибели Русской земли» (середина XIII в.): «О светло-светлая и красно украшенная земля Русская!» (66). Проявляется полисемантизм народного мелоса: оплакивание оборачивается славлением, ликованием-восхвалением. Тема продолжена в кантах-виватах петровских времен. Вряд ли Николев думал об «этнической» преднамеренности, о том, как ему создать произведение этнически маркированное. Автор обращается к «порождающей модели» фольклора, чистой глоссолалии. Музыка построена на куплетно-песенном материале. В пространстве песен выделяются медиативные образы: река, ветер, птицы, сад, цветы (олицетворяют парные отношения). Через весь роман проходит русская народная песня «Ветерочек».

Этнографический материал дает представление о грехе в его «наивной» («неотрефлексированной») версии. «Пел, очевидно, Гриша Ермолов: “Ах ты, сад, ты, мой сад, сад, зеленый виноград”» (105). Необрядовые песни представляют собой картины народного быта, образ «собираательницы» семьи. Гриша Ермолов тянет «горемышную песню» «Соловушка молодой», выражая ее печаль и меланхолию (105). Этнофор, черкес по имени Сервир, исполняет черкесскую песню в ритме народного плача. Особую выразительность придает напеву заунывная протяжность. Он сам переводит, в духе красноречия народных импровизаторов. «Зачем ты мне даешь, Бог, плохо, мне хочется харашо!» (184). «Доносится “унылая песнь” “Вечор поздно из лесочка”: Нашу бедную

Параню хотят с барином венчать — две собачки впереди, два лакея позади» (23). Авторство песни приписывается крепостной актрисе графа Н. П. Шереметева Прасковье Жемчуговой.

Исполняются бойкие песни. Вслед за ними лирически-исповедальные частушки: корильные, элегические, идилические, шуточные. В частушках всецело отражается народная аксиология. Двух-четырёх-шестистрочные «страдания» — мотив до такой степени естественный и необходимый для песенной традиции, что может заменить любые другие эпизоды из истории персонажей. В частушке разные голоса звучат в унисон. Они образуют частушечный «спев». «Девушки переглянулись, зашептались: страдательные песни, страдательные песни» (76). Оперная дива Лямэр тоже исполняет двухстрочные «страдания» (179). «Теперь мне ясно, — прошептала она, — “страдать” означает по-тульски просто любить. Вот и все» (146). В структуре частушек ключевыми экспрессемами являются «любить — страдать». В музыкальной конкретности частушки скрывается аллегорический образ страдания девушки — Гретхен из трагедии Гёте. Народное сознание воспринимает те образы и сюжетные коллизии, которые совпадают с особенностями их быта, материального и духовного. «Хорошо читает твой приятель. Маргариту до слез жалко, а этот, как его, такой нехороший» (46).

Николев выражает национальный характер через инструментально-вокальный стиль мелоса: распев и наигрыш, частушечный перепляс и причитальная мелодия. В «переливчатом» ладе чередуются мажоро-минорные интонации. Такое приближение понятия «культура» к участи человека означало свободу от метафизического снобизма.

Литература

Николев А. По ту сторону Тулы. Л., 1931.

Садкофьев И. И. Индустриальная свирель. Стихотворения, поэмы. Л., 1971.

Семантика невыразимого в русском фольклоре

М. Ю. Михайлова

Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Невыразимое, фольклор, функционально-семантическая категория.

Summary. Specifics of representation of functional and semantic category of inexpressible in the Russian folklore is analysed in the article.

Хотя до сих пор нет ни одного специального лингвистического исследования по семантике невыразимого (СН), эта функционально-семантическая категория в XX–XXI вв. становится предметом пристального внимания языковедов. В частности, Г. С. Сырица исследует этнокультурный аспект СН, говорит о наличии общего и особенного в плане выражения названной категории в разных языках [Сырица 2009]. Материалом настоящего исследования явились на-

родные русские сказки, составленные А. Н. Афанасьевым (в 3 т.). Общее количество языковых единиц, выявленное методом сплошной выборки, составило 103. Среди них — однословные единицы и фразеологизованные выражения (ФВ): *неописанный; несказанный; несказанно; невообразимый; ни в сказке сказать, ни пером описать; сказать нельзя; невесть как; ни вздумать, ни взгадать*. ФВ представлены в вариантах, напр.: *ни в сказке сказать, ни пером описать / написать*.

Рассматривая функционирование СН в русском фольклоре, мы решали две задачи: 1) как представлено в фольклорном дискурсе то или иное средство выражения СН; 2) каковы денотативные сферы, репрезентируемые средствами передачи СН.

I. С точки зрения частотности план выражения СН представлен так. Высокочастотны *ни вздумать, ни взгадать...* ; *неописанный*; среднечастотны *ни в сказке сказать...*; *несказанно; сказать нельзя*; низкочастотны *невесть как; невообразимый; несказанный*.

II. Денотативные сферы плана выражения СН представлены следующим образом. Заметим, что невыразимое в сказках соотносится не с миром обыденного, а с миром необычайного, волшебного, с тем, что составляет сказочную специфику. Средства передачи СН возникают в ситуациях, когда герой, покинув мир обыденного, вступает в мир, где царят законы волшебного. Невыразимым с точки зрения рассказчика в народных русских сказках представляются 1) красота; 2) чудесное превращение птицы или животного в человека; 3) предметы мира волшебного (ковер, еда, дворец и т. п.); 4) чувства, переполняющие персонажа (преимущественно радость).

Исследование средств передачи СН показало, что каждое из средств не способно свободно выразить СН, но обладает некоторой специализацией по денотативным сферам.

1. Прилагательное *несказанный* в народных русских сказках применяется в двух денотативных сферах — при описании необычайной красоты, преимущественно женской (красоты царевны, королевны, купчихи, купеческой дочери, красной девицы); единично — при описании предметов волшебного мира: *Узяли яны з дзеда и пасеяли, да враздзівся ж авёс, так етакай авёс **нисказанной*** (Надзей, папов унук).

2. Отадъективный дериват *несказанно* применяется при необходимости описать чувства персонажа, преимущественно радости, единично — усталости.

3. Прилагательное *неописанный* функционирует только в одной денотативной сфере — описании красоты, единичны описания мужской красоты: *А на том острове живет прекрасная королевна с четырьмя сыновьями; три сына красоты **неописанной** — по колена в серебре, по грудь в золоте* (По колена в серебре, по грудь в золоте).

4. Прилагательное *невообразимый* употребляется только при описании женской красоты: *Сумел ты показать мне стрельцову жену — красоту **невообразимую*** (Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что).

5. Среди ФВ наиболее частотно в народных русских сказках *Ни вздумать, ни взгадать...* Это средство СН функционирует в трех сферах: а) при описании красоты: *Вот у царя дочь прекрасная, что не можно **вздумать, ни взгадать, ни в бумаге пером написать*** (Илья Муромец и змей); б) необычайных свойств предметов: дворца, убранства помещения, еды, напр.: *Она вывезла ковер такой славный, что **ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать*** (Доброе слово); в) при описании оборотничества, т. е. волшебной ситуации, в которой птица (ястреб, сокол, горлица или голубица) превращается в человека с необычайными качествами и красотой, напр.: *стрелок поднял правую руку, ударил ее наотмашь легохонько — пала горлица наземь и сделалась душой-девицей, да такую прекрасною, что **ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!*** (Поди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что).

6. Разнообразно по сферам применения и ФВ *ни в сказке сказать...* Оно применяется в трех денотативных сферах: описании необычайной красоты, в ситуации волшебного превращения в человека (оборотничестве), при характеристике предмета.

7. ФВ *сказать нельзя* употребляется в народных русских сказках в описании а) красоты в ситуации оборотничества: (...) *и хочет рубить львице голову; она обернулась душой-девицей, такую красавицей, что и **рассказать нельзя*** (Два Ивана солдатских сына); б) чувства радости (*обрадовался / возрадовался, что и **сказать нельзя***). Данное ФВ представлено в двух денотативных сферах, которые не обнаруживаются в других средствах передачи СН, это в) описание отношений: *Жили себе дед да баба, у них был один сыночек **Ивашечко**; они его так-то уж любили, что и **сказать нельзя!*** (Ивашко и ведьма); г) описание денежного состояния: (...) *да еще был мужик, такой бедный, что и **сказать нельзя!*** (Чудесная дудка); (...) *продал эти камушки за несчетные суммы — так разбогател, что и **сказать не можно!*** (Доброе слово). В последней денотативной сфере имеет место пересечение СН и семантики крайности.

8. ФВ *невесть как* применяется исключительно в одной сфере, при описании сферы чувств: *Вот этим делом-то **невесть как** все обрадовались* (Правда и кривда).

Подведем итоги. Как показал анализ функционирования средств передачи СН в русском фольклоре, они многообразны; одни из них — высокочастотны, другие, напротив, низкочастотны. Некоторые обслуживают одну денотативную сферу, таковы *невообразимый*; *невесть как*; другие применяются в трех денотативных сферах (*ни вздумать, ни взгадать...* ; *ни в сказке сказать...*; *сказать нельзя*). ФВ *сказать нельзя* помимо двух традиционных для русских сказок денотативных сфер (описания красоты при оборотничестве и чувств)

применяется в нетипичных для других средств СН сферах (описании отношений и денежного состояния). Частотность употребления того или иного средства СН не коррелирует с признаком распределения по одной или нескольким, и также тем или иным денотативным сферам. Однако можно говорить о средстве-фаворите СН, это ФВ *ни вздумать, ни взгадать...*: оно высокочастотно и представлено в трех денотативных сферах. Актуальным представляется изучение средств передачи СН и в других аспектах.

Литература

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Худ. лит., 1957–1958.

Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 294–295.

Отрицание в русской народной загадке

Н. И. Федорова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Загадка, фольклор, паремология, отрицание.

Summary. Russian folk riddle has been an object of linguistic research for a long time. The riddle is closely connected with ancient folk customs and traditions. The author claims that the structure of the riddle plays a great role in this folk genre. One of the most popular constructions is negation. The article explores the most typical ways of negation representation and analyses its link with ancient way of thinking.

1. История изучения русской народной загадки

Русская народная загадка представляет собой объект лингвистического исследования уже довольно длительное время. Уже в XVIII веке выходит сборник загадок под редакцией В. А. Левшина «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени» (1773 г.).

Позднее загадки стали собираться параллельно с пословицами, поговорками, так как загадку не выделяли в самостоятельный жанр фольклора. Со временем же она начала обращать к себе все больше внимания, о чем говорит и многочисленное появление соответствующих сборников. Сборники делились по тематическому принципу и по территориальному принципу (например, загадки Вологодской области).

Причину сбора загадок совместно с пословицами можно объяснить и тем фактом, что иногда загадка по форме похожа на пословицу. В качестве доказательства можно привести сборник И. П. Сахарова «Сказания русского народа» (1836 г.), где наблюдается смешение загадок и пословиц ввиду внешней формы жанра.

Мы полагаем, что структурное оформление загадки требует к себе особого внимания, так как оно напрямую отражает логику мышления этноса в определенный период развития. Кроме того, способно репрезентировать имевшиеся на тот момент представления об окружающем мире. Анализ загадок, пред-

ставленных в сборнике Д. Н. Садовникова позволяет нам утверждать о том, что одним из наиболее типичных явлений структуры данного жанра является отрицание.

2. Загадка и национальное мышление

Загадка является важным культурным компонентом, так как неразрывно связана с мировоззрением этноса и его восприятием окружающего мира. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, подтверждающие тесную связь загадки с обрядом (например, обряд инициации). Со временем ценность обряда или отдельных его элементов начинала утрачиваться — и загадка развивала «самостоятельное бытование», утратив культурную связь с обрядом и представлениями, послужившими причиной возникновения обряда. Однако именно подобные «обособившиеся» загадки позволяют воссоздать древние верования народа. Так, В. В. Иванов и В. Н. Топоров отмечают, что именно загадки и другие малые жанры фольклора позволяют реконструировать существовавшие ранее ритуалы и верования [Иванов, Топоров 1974].

3. Способы выражения отрицания в загадке

Нами отмечено несколько способов выражения отрицания.

Часто встречается употребление однородных членов предложений, соединенных повторяющимся союзом *ни-ни*: *На окошке пятак, никому его не взять: ни попам, ни дьякам, ни гороховикам.* (Сучок); *Раскладу я клетку. Не скласть эту клетку ни попам, ни дьякам, ни серебреникам* (Постель). Примечательным в данной конструкции является то, что отрицание в предложении является довольно насыщенным. Так, часто в подобных предложениях подлежащее выражено отрицательным местоимением (никто), которое выполняет функцию обобщающего слова.

Отрицание встречается и при глаголе: *Много соседей рядом век живут, никогда не видятся* (окна); *Чего из избы не вытащишь?* (печь). Отрицательная частица *не* в данном случае указывает невозможность осуществления какого-либо действия.

К разряду отрицаний хотелось бы также отнести использование обстоятельства, выраженного существительным в форме родительного падежа с предлогом *без*, так как данные конструкции имплицитно подразумевают отсутствие называемого признака. Более того, подобные конструкции можно заменить предложением с отрицанием: *ни топора, ни клина, ни ножичка не использовала, а сама себя сделала. Кто в избе родится без отца, без матери?* (щель в бревне); *Сама самodelка, сама сделалася, без топора, без клина, без ножичка* (щель в бревне). Подобное отрицание встречается не однократно: как мы видим, для автора важно подчеркнуть характер называемого действия (мы встречаем 2–4 отрицания в предложении, которые образуют градацию отсутствующего признака действия).

4. Отрицание как отражение мировоззрения

Детальный анализ текста загадок позволяет утверждать, что отрицание в загадке используется для наименования какого-либо действия, которое совершается нетипично, если его передать в предельно приближенных для современного автору условиях жизни. Так, в загадке *Кто в избе родится без отца, без матери?* актуализируется процесс рождения. Для автора типичным является наличие двух родителей для рождения существа. Загадка же при помощи отрицания указывает на непитичность описываемого явления, придавая ему образность.

Загадка *Раскладу я клетку, не скласть эту клетку ни попам, ни дьякам, ни серебренникам.* В данном контексте подчеркивается невозможность осуществления действия, причем в качестве субъектов действия называются наиболее могущественные лица: религиозные деятели. Иногда этот ряд может быть дополнен упоминанием царя и царицы. Перечисленные лица указывают на важность царя и религиозных деятелей. В результате анализа загадки получаем, что даже самые сильные мира сего не способны осуществить необходимое действие.

Мы полагаем, что конструкции с отрицанием используются в загадке для описания какого-либо явления, процесса, но при помощи иного действия, предельно знакомого и понятного обывателю, именно поэтому искомое действие поражает своей нелогичностью. *На окошке пятак, Никому его не взять: Ни попам. Ни дьякам. Ни гороховикам.*

Литература

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974.
Садовников Д. Н. Русские народные загадки. М., 1957.

Символика цвета в македонской свадебной обрядности (балканская триада)

А. И. Чиварзина

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Балканская триада, свадебная символика, балканославянские обычаи.

Summary. The report considers the representation of various color terms in wedding ceremonies on the territory of Macedonia and in the Macedonian language.

Цвет имеет непреходящую значимость во всех элементах свадьбы: проявляется в цвете одежды, в обрядовых текстах и песнях через использование цветотерминов.

Доминирующими цветами свадебного обряда македонцев являются белый, черный и красный. Эта триада встречается в национальном костюме не только данного этноса, но в целом характерна для Балканского полуострова.

1) Белый цвет в первом словарном значении — *со боја на млеко или нов снег* [Мургоски 2005: 38–39] ‘цвета молока или свежеснегавшего снега’ — можно встретить в текстах свадебных песен, где встречается символическое описание свадьбы через образы природы: *бела пченица* ‘белая пшеница’, *бол босилек* ‘белый базилик’. Часто это метафорические образы, скрыто описывающие свадебные события и молодых.

Широко представлено употребление во втором словарном значении: *светла боја наспроти оно што е темно*¹ ‘светлый цвет в сравнении с аналогичными предметами темных оттенков’ — такие примеры направлены на восхваление красоты невесты: *бело лице* ‘белое лицо’, *бели рамена* ‘белые плечи’.

В поэтических текстах прямые значения цвета могут переплетаться с переносным — обозначать сакральность, чистоту, благородство. Белый цвет имеет репродуктивную силу: это цвет молока, белка, семени. Свадебная одежда или ее элементы белого цвета символизируют неоскверненность, невинность невесты [Петреска 2002: 424–425].

С положительным восприятием белого цвета также связаны примеры его употребления с именами участников, гостей торжества: *бели сватови* ‘белые сваты’, *бели гости* ‘белые гости’. Белый в текстах символизирует счастье, радостную жизнь без тревог и забот, которую желают молодым: *белата промена* ‘белая перемена’, *бела постела* ‘белая постель’.

Некоторые исследователи рассматривают белый цвет как символ жалости, тоски, цветом изменения, перехода, ритуальной смерти — это значение относится к праславянскому и балканскому наследию [Елијаде 1886]. В обрядах белый символизирует путь к смерти, постепенное умирание старого человека, старой жизни. За цветом этой фазы следует противоположный — черный цвет, траур.

2) Черный и синий цвета (*морно цубе* ‘темно-синяя риза’) соответствуют «переходному» состоянию невесты на свадьбе, также символизируя временную смерть. Элементы темного цвета в наряде, наименование свадебного наряда *црнета*, *црн*, даже если эти элементы и вовсе отсутствуют, объясняется народным выражением *поцрнување на невестата со нејзината мажачка* ‘почернение невесты с ее замужеством’ [Петреска 2002: 425].

Украшения синего цвета на свадебном поезде имели апотропейное значение, защищая участников торжества от сглаза, завистливого ока. Известно также, что в некоторых районах невеста должна была надевать синие бусы.

Черный цвет в текстах песен может встречаться и в прямом значении, обозначая темные оттенки, при описании внешности молодых, подчеркивая яркие черты лица. Тогда он трактуется как позитивный признак, это единственное употребление в контексте свадебного обряда, когда его можно толковать положительно.

¹ Дигитален речник на македонскиот јазик [<http://www.makedonski.info>].

3) Красный противопоставлен ахроматическим цветам и является воплощением цвета как такового. В свадебном обряде македонцев он наряду с белым занимает доминирующее положение. В текстах, приуроченных к обряду, помимо основной лексемы *црвен*, встречаются *аловен*, *ален*, *ѓувезен*, относящиеся к турецким заимствованиям и использующиеся преимущественно в диалектных текстах.

В прямом значении цвета лексемы используются в обрядовых поэтических текстах при описании цвета яблока, соцветий, которые призваны подчеркивать красоту невесты. Яблоко, привязанное к древку свадебного знамени, часто было красным или золоченым. Оно наделялось разными символическими значениями: румянец, красота и здоровье молодых и их будущих детей [Треф. ЭМС: 386]; «честность», непорочность невесты [Гура 2012: 302].

Часто встречается выражение *бело ем црвено*, которому в русском языке соответствует выражение «кровь с молоком». Сочетание красного с белым также рассматривается в качестве оппозиции мужского и женского: двухцветное красно-белое знамя, распространенное у болгар и македонцев, символизирует брачную пару [Гура 2012: 722].

4) Помимо этих архаичных цветов, соответствующих первым ступеням эволюции цветотерминов, в поэтических обрядовых текстах есть упоминание желтого и зеленого. Желтый используется преимущественно в качестве эвфемизма к золоту при выкупе невесты, при характеристике цвета монет или украшений из золота. Термин может также использоваться в прямом значении цвета.

5) Зеленый, фигурирующий в текстах в прямом значении при описании природы, метафорически характеризует молодых, символизирует молодость, жизненные силы. Образ зеленого венца, который плетет девушка из разных растений, обязательно присутствует в одной из свадебных песен и отсылает к супружескому венцу, который предстоит принять молодым. Есть случаи употребления в непосредственно переносном значении, когда зеленый трактуется как незрелый, неопытный. Наиболее частотным предстает образ зеленой горы и зеленых лугов «как срединного момента обрядового пути».

Таким образом, белый цвет в свадебной обрядности балканских славян трактуется преимущественно как чистый, благородный, красивый; черный — как цвет «перехода», ритуальной смерти; красный — символ «честности» невесты, непосредственно соотнесен с прямым значением «цвета крови». Другие цвета оказываются на периферии свадебной символики: зеленый соотносится с молодостью и незрелостью; желтый — с деньгами («золотом»); серый трактуется как благородный цвет.

Литература

- Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012.
Мургоски З. Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005.

Петреска В. Свадбата како обред на премин кај македонците од Брежачката етнографска целина. Скопје, 2002.

Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян

М. В. Ясинская

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

*Фольклор, этнолингвистика, традиционная культура, запреты, зрение, глаза,
логические пропозиции, субъект, объект.*

Summary. The paper deals with the prohibitions that are related to the vision, the types of subjects and objects, to which they are extended as well as the motivation of prohibitions. From the point of view of the role of subject and object, the prohibitions may be divided into two types: in the first one the subject of vision plays the main role; in the second one it is the object that plays the main role. Within each type the motivation can vary (when it motivates the danger from the point of view of subject or object).

1. В традиционной культуре славян многие действия и состояния подвергаются регламентации, то есть существует целая система запретов: кому, что и при каких обстоятельствах нельзя делать. Это касается, в том числе, и зрительного восприятия. Прежде всего, запреты связываются с активным зрительным восприятием (выражаемым глаголами со значением ‘смотреть’), так как оно поддается контролю со стороны субъекта действия.

В ситуации зрительного контакта участвуют два актанта — это субъект восприятия (тот, кто смотрит) и объект восприятия (тот или то, на что смотрят). В основе мотивации запретов смотреть на что-либо лежит представление об опасности зрительного контакта, причем опасность может исходить как от субъекта восприятия (частным случаем опасности, исходящей от субъекта, является *сглаз*), так и от объекта. Запреты смотреть на те или иные объекты можно разделить на две группы — одна из них связана с субъектом зрения, другая — с объектом. Причем внутри каждой группы есть мотивировки, защищающие субъект, и мотивировки, защищающие объект, в зависимости от того, кто или что находится в опасности во время зрительного контакта (иногда субъект может быть опасным и подверженным опасности одновременно).

2. Анализ запретов, связанных с субъектом, позволяет выделить параметры, которые оказываются существенными для оценки зрительного контакта с позиции субъекта (мотивировки: субъект в опасности / взгляд субъекта опасен). К этим параметрам относятся:

- Возраст (младенчество, старость): младенцу нельзя смотреть в зеркало, иначе он долго не начнет говорить, нельзя смотреть на свою тень, чтобы не страдать бессонницей (укр., рус.) [Славянские древности, т. 1: 169].
- Пол: если мужчина посмотрит в дежу, у него не будет расти борода (дежа считается «женским» предметом).

- Физиологические состояния (беременность, послеродовой период, время регул, бесплодие, болезнь, голод). В Боснии человеку, которому заговаривают змеиный укус, не разрешается смотреть на огонь, чтобы не усугубить жжение в ране [Ђорђевић 1958: 154]. Значительная доля «визуальных» запретов приходится на долю беременной: все, что попадает в поле ее зрения, может повлиять на внешность, здоровье и судьбу ее будущего ребенка, в том числе негативное.
- Обрядовая роль (невеста, участник похоронной процессии). На северо-западе Болгарии считали, что если невеста первой посмотрит на своего будущего супруга, он умрет раньше нее [Узенева 2010: 108]. Поляки в Мазовии верили, что если оглядываются участники похоронной процессии, это может привести к негативным последствиям [Barthel 1922: 7].

3. Запреты, связанные с объектом (мотивировки: объект в опасности / объект опасен для взгляда субъекта), представляют вторую группу. Негативному воздействию подвержены человек и связанные с ним объекты — скотина, урожай, орудия труда, продукты, а также деятельность человека (прием пищи, тканьё, прядение, снование и т. п.). Объектами чаще всего могут выступать:

- Человек в лиминальных состояниях (больной, умирающий, новорожденный, беременная, женщина в период регул, роженица и пр.). Например, если в хате лежал больной, то при входе нужно было сначала посмотреть на печь, потом на красный угол, чтобы не пристала болезнь. Этот запрет мог быть мотивирован и интересами самого больного: чужой взгляд способен спровоцировать ухудшение его самочувствия.
- Участники переходных обрядов. У сербов Боснии и Герцеговины по приезде невесты в дом жениха свекровь пряталась от нее: считалось, что она умрет, если сразу увидит невесту [Брак... 1988: 121]. Беременной нельзя смотреть на покойника, потому что ребенок родится мертвым, или его в лице «ни кровиночки не будет».
- Сакральные персонажи (демоны или, наоборот, представители «божественного» мира — святые, ангелы и др.). Поскольку они, как правило, являются невидимыми, речь идет о запретах смотреть на объекты, в образе которых (или рядом с которыми) предполагается их появление (например, в роли таких объектов выступают небесные светила). Например, нельзя смотреть на падающую звезду — считается, что ее несет дьявол (болг., родоп.) [Славянские древности 1999, т. 2: 294]. Нельзя было смотреть на русалок, потому что они строили страшные гримасы, которые «навсегда искажали лица людей, видевших это» [Виноградова 2000: 223].

4. Ряд запретов связывается с обстоятельствами зрительного контакта — образа действия, цели, времени, места (запрет смотреть назад; запрет смотреть на веретена на святках, чтобы не встречать летом змей и др.).

5. Зрительное восприятие в традиционной культуре каждый раз сопряжено с оценкой, причем оценка выражается в категориях «опасный — безопасный». Оценка зависит от участников зрительного контакта, субъекта и объекта, и базируется на традиционных представлениях о том, как устроено зрительное восприятие: между субъектом и объектом образуется своего рода канал, по которому происходит взаимный обмен информацией. В зависимости от класса (состояния) субъекта и объекта эта информация может быть нежелательной и негативно сказываться на них. Информация, передаваемая от субъекта объекту и наоборот, может быть и положительной, что приводит к возникновению предписаний смотреть на тот или иной объект для достижения определенных целей, но таких примеров значительно меньше, поскольку для традиционной культуры характерна фиксация на «негативном» полюсе — антинорме.

Литература

- Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская. М., 1988.
- Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-риутальная традиция славян. М., 2000.
- Ђорђевић Тихомир Р. Природа у веровању и предању нашега народа. Књ. II. Београд, 1958.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1999.
- Узенева Е. С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010.
- Barthel de Weydenthal M. Uroczne oczy. Lwów, 1922.

Актуальные вопросы изучения фонетики славянских языков

Соотношение консонантизма и вокализма в славянских языках в контексте обучения произношению

Е. Л. Бархударова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Фонетическая система, консонантизм, вокализм, позиционная мена, обучение произношению.

Summary. Consonant and vowel systems correlation in slavic languages is subject to be taken in consideration not only with the purpose of typological analysis, but also with a view to work out and improve methods of teaching pronunciation to foreigners.

Одно из направлений типологического анализа звукового строя языка предполагает изучение соотношения консонантизма и вокализма в фонетической системе. Данное направление восходит к работам Р. О. Якобсона, показавшего в докладе на I конгрессе славистов (1929 г.), что типологическое разделение славянских языков берет истоки в эпохе падения редуцированных, когда возникло противоречие в развитии консонантизма и вокализма. В одних языках (сербском, хорватском, словенском, чешском) утвердилось господство вокализма и усилилась система гласных с такими дифференциальными признаками, как высота тона и длительность звуковых единиц. В других языках (русский, польский, болгарский, белорусский, украинский) укрепилась система согласных и возникла их корреляция по твердости / мягкости, которая в разных славянских языках оказалась в разной мере значима.

Проблемы соотношения консонантизма и вокализма в славянских языках в дальнейшем рассматривались во многих работах [Горшкова 1963]; [Исаченко 1963]; [Панов 2009]; [Пирогова 1985]. К числу показателей соотношения в языке консонантизма и вокализма относятся, во-первых, количественно-пропорциональный состав согласных и гласных звуковых единиц, во-вторых, — особенности их функционирования.

Первый показатель предполагает определение пропорционального соответствия согласных и гласных в звуковом строе языка, второй — учет степени позиционной зависимости согласных и гласных друг от друга и частотности их варьирования, в особенности, частотности нейтрализаций в области консонантизма и вокализма.

Доминанция консонантизма и вокализма в звуковом строе в значительной мере отражается в поведении сонорных согласных [Бромлей 1985: 25]. В системах с господством вокализма сонорные намного «подвижнее»: они вступают в позиционные чередования по месту образования, иногда нейтрализуются с шумными, довольно часто происходит их вокализация. В системах с господ-

ством консонантизма, напротив, активная позиционная мена сонорных отсутствует, существующие же позиционные изменения сонорных достаточно часто сопряжены с их оглушением.

Анализ звукового строя русского языка на иноязычном фоне показывает, что доминанция в фонетической системе вокализма или консонантизма вряд ли может носить абсолютный характер. В этом можно убедиться, проанализировав практически любой из показателей соотношения консонантизма и вокализма в языке (подробнее см. [Бархударова 1999: 14–16, 60–67]). В частности, функционирование русских сонорных согласных свидетельствует как о консонантном характере русского языка, так и о наличии в нем некоторых явлений, присущих языкам с господством вокализма: наряду с оглушением сонорных в консонантных сочетаниях возможна их вокализация, а чаще — появление перед сонорными гласных вставок.

В то же время указанное явление отличается непоследовательностью. Во-первых, во всех подобных ситуациях параллельно оказывается возможным оглушение сонорного. Это достаточно часто используется в стихосложении: *Оркестр гремит басами* (А. Аронов) и *Оркестр веселое играет* (А. Ахматова). Во-вторых, в некоторых случаях вокализация сонорных мало вероятна и граничит с просторечием. Например, в позиции абсолютного конца слова после фрикативных согласных, в основном, имеет место оглушение носовых (слова *жизнь, казнь, песнь* и подобные).

В связи со сказанным интересно проанализировать чтение стихов, ритм которых не допускает оглушения сонорных, например:

*Поцелуями в детстве считал
Я счастливую жизнь свою.*

(М. Ю. Лермонтов)

Носители русского языка, как правило, произносят слово *жизнь* в один слог, допуская нарушение ритма. Напротив, иностранцы, носители языков с доминанцией вокализма, читают эти стихи ритмически правильно, произнося *жизнь* в два слога.

В процессе обучения произношению важно учитывать показатели соотношения консонантизма и вокализма в родном и изучаемом языках. Так, при обучении славян русской фонетике основной, безусловно, является задача освоения противопоставления согласных по твердости / мягкости. В ходе этого освоения нередко возможна опора на родной язык: чем сильнее в нем доминанция консонантизма, тем больше общего в «контактирующих» системах. Например, в польском языке по твердости / мягкости противопоставлены губные и заднеязычные, в болгарском — губные, переднеязычные и заднеязычные (о методике работы над противопоставлением твердых и мягких согласных подробнее см. [Брызгунова 1977]). При обучении произношению славянских языков с доминанцией вокализма важным является противопоставление гласных.

В процессе работы над произношением существенные сложности могут быть обусловлены позиционными закономерностями, сопряженными с доминанцией в языке вокализма или консонантизма. Так, в русскоязычной аудитории должна специально изучаться позиционная мена носовых по месту образования в сербском и хорватском языках. Наоборот, при обучении носителей названных языков русской фонетике важно обратить внимание на устойчивость русских носовых и возможность их сочетания с разными по месту образования согласными: *ломтик, санбат, санпросвет, сонм*.

Провокационным фактором для иностранцев является факультативность гласных вставок в сочетаниях «шумный + сонорный»: это явление настраивает на возможность вставных гласных в любых консонантных сочетаниях. Таким образом, показатели соотношения консонантизма и вокализма в звуковом строе необходимо учитывать как в процессе обучения носителей славянских языков русскому произношению, так и при обучении носителей русского языка фонетике славянских языков.

Литература

- Бархударова Е. Л. Русский консонантизм: типологический и структурный анализ. М., 1999.
Бромлей С. В. Модификации сонорных согласных, связанные с различиями фонетических систем по признаку «вокальность — консонантность» // The Eleventh International Congress of Phonetics Sciences (August 1–7, 1987). V. 4. Tallinn, 1987. С. 150–153.
Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
Горикова К. В. Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка // Славянская филология. Вып. 5. М., 1963. С. 40–53.
Исаченко А. В. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 106–121.
Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика: Учебник для вузов. 2-е изд., стереотипное. М., 2009.
Пирогова Н. К. Вокализм и консонантизм русского языка (синтагматика, парадигматика): Дис. ... доктора филол. наук. М., 1985.

Новые данные о коартикуляционных процессах русского вокализма (по результатам МРТ-исследования артикуляторных механизмов русского языка)

Г. Е. Кедрова, Н. В. Анисимов, Л. М. Захаров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русская фонетика, вокализм, коартикуляция, МРТ.

Summary. The paper deals with intricate problem of vowel-to-vowel coarticulation in Russian language being one of the disputable aspects in phonetics for many years. Based upon results of MRI investigation of Russian cardinal vowels' articulation, we argue that the Russian language has vowel-to-vowel anticipatory coarticulation, though its character depends on the motor stereotypes of the vowels' production determined by articulatory base of the language.

В фонетической литературе достаточно давно обсуждается вопрос о наличии / отсутствии взаимовлияния артикуляторных особенностей реализации гласных звуков русского языка, разделенных одиночным согласным либо сочетанием согласных звуков. Несмотря на достаточно давнюю историю изуче-

ния этого вопроса, в фонетической литературе до сих не сложилось единого мнения ни о степени проявления такого рода коартикуляционных процессов (если они все же присутствуют в артикуляторной базе русского языка), ни о возможных причинах отсутствия (либо чрезвычайно слабой выраженности) коартикуляции русских гласных звуков. Известно, что коартикуляционные процессы в отношении гласных звуков, т. е. связь артикуляции одного гласного звука с особенностями производства последующего (или предшествующего) гласного звука, между которыми может находиться согласный звук (либо несколько согласных звуков), по-разному реализуются в языках мира [Beddor, Harnsberger, Lindemann 2002]. Однако, начиная с известной работы S. Öhman, принято считать, что в русском языке, как и в большинстве славянских языков, либо совсем не наблюдается такого рода коартикуляционных явлений, либо в них можно обнаружить лишь очень слабую взаимозависимость артикуляции двух последующих гласных звуков [Öhman 1966]. В то же время хорошо известно, что английский язык (а также другие западноевропейские языки, напр., шведский, испанский, итальянский, каталанский — и не только западноевропейские) демонстрируют достаточно сильную зависимость артикуляторных механизмов реализации гласного звука в зависимости от типа его вокалического окружения [Magen 1997]; [Recasens 1987]. Более того, недавно было показано, что артикуляционное взаимовлияние гласных, наиболее сильно и последовательно проявляющееся в английском языке, в достаточно слабой степени зависит от количества разделяющих гласные звуки согласных (т. е. от размера интервокального консонантного кластера) и даже от наличия слоговой границы между гласными звуками [Мок 2012]. Наряду с работами, данные которых не поддерживают наличие вокалической коартикуляции в русском языке [Öhman 1966]; [Purcell 1979], в некоторых экспериментально-фонетических исследования, специально посвященных этому вопросу, показано, что ряд славянских языков (в первую очередь, русский и болгарский, а также, в меньшей степени, польский языки) все же демонстрируют статистически значимую коартикуляцию гласных звуков в сочетании ГСГ (VCV) [Choi, Keating 1991]. Однако степень проявления такого рода коартикуляции существенно меньше, чем, например, в английском языке, где наблюдается сильная связь артикуляционных механизмов реализации соседствующих гласных, причем эта зависимость актуальна в обоих направлениях — как предвосхищающая коартикуляция, так и приспособление способа реализации последующего гласного к артикуляторной модели предыдущего. Вместе с тем, причины экспериментально наблюдаемой слабой зависимости артикуляций гласных звуков в русском языке до сих пор остаются предметом дискуссий. Öhman связывал отсутствие вокалической коартикуляции в русском языке с наличием в фонетической системе языка противопоставления согласных звуков по твердости / мягкости и вовлеченности в реализацию этого противопоставления основной массы тела язы-

ка. Эта точка зрения оспаривается в работе [Choi, Keating 1991], авторы которой подчеркивают, что этот вопрос нуждается в более тщательном изучении. Нам представляется, что существенный вклад в изучение вопроса может внести использование новейших методов изучения артикуляционных процессов, в первую очередь, магниторезонансной технологии (МРТ). Поэтому в нашем экспериментально-фонетическом исследовании русского вокализма основным средством объективизации (визуализации) артикуляционных процессов при производстве русских гласных звуков в изолированном произнесении и при произнесении в составе псевдослов со структурой ГСС`Г / VCC`V был выбран магнитно-резонансный томограф (МРТ). Основные методики постановки томографического лингвистического эксперимента и используемые технологии обработки полученных МР-изображений подробно изложены в [Кедрова, Захаров, Анисимов 2011]. Полученные в результате проведенного исследования данные свидетельствуют в пользу наличия предвосхищающей коартикуляции в первом предупредном слоге экспериментальных стимулов, которая определяется качеством последующего гласного звука. Таким образом, можно утверждать, что степень проявления коартикуляционных процессов в русском вокализме существенно зависит от моторных стереотипов реализации гласных разного качества. Вслед за известными представителями русской фонетической школы (см. [Kedrova, Borissoff 2013]) мы полагаем, что эти динамические модели определяются составом артикуляторной базы языка. Представляется, что разработанные методики целесообразно применить к изучению коартикуляционных процессов в других славянских языках, что позволит объяснить причины особого проявления вокалической коартикуляции в этих языках.

Литература

- Кедрова Г. Е., Захаров Л. М., Анисимов Н. В. Сопоставительное МРТ-исследование артикуляционных моделей гласных звуков в разных языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 13 (619). Языкознание: Речеведение и прагмалингвистика. М.: МГЛУ, 2011. С. 82–95.
- Beddor P. S., Harnsberger J. D., Lindemann S. Language-specific patterns of vowel-to-vowel coarticulation: acoustic structures and their perceptual correlates // Journal of Phonetics. 2002. No. 30. P. 591–627.
- Choi J. D., Keating P. Vowel-to-vowel coarticulation in three Slavic languages // UCLA Working papers in Phonetics. No. 78. 1991. P. 78–86.
- Kedrova G., Borissoff K. The Concept of 'Basis of Articulation' in Russia in the First Half of the 20th Century // Historiographia Linguistica. 40: 1/2. 2013. P. 151–197.
- Magen H. S. The extent of vowel-to-vowel coarticulation in English // Journal of Phonetics. 1997. No. 25. P. 187–205.
- Mok P. K. Effects of consonant cluster syllabification on vowel-to-vowel coarticulation in English // Speech Communication. No. 54 (2012). P. 946–956.
- Öhman S. Coarticulation in VCV utterances: spectrographic measurements // JASA. 1966. No. 30. P. 149–154.
- Purcell E. Formant frequency patterns in Russian VCV utterances // JASA. 1979. No. 66. P. 1691–1702.
- Recasens D. An acoustic analysis of V-to-C and V-to-V coarticulation effects in Catalan and Spanish VCV sequences // Journal of Phonetics. 1987. No. 15. P. 299–312.

**Особые русские звуки [ц] и [ш':]:
традиции фонетической интерпретации
в учебной литературе Турции**

О. И. Климкина

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Фонетика РКИ, турецкий язык, учебная литература, методический аспект.

Summary. The article examines approaches, suggested by Turkish publishing companies of educational materials, to familiarization Turkish speaking students with the specific perceptive-articulatory basis of certain Russian sounds [ц] (the letter *ц*) and [ш':] (the letter *ш*). Difficulties relating to these sounds are due to their absence in the phonological system of the Turkish language. Theoretical and practical recommendations are offered for teaching the pronunciation of these sounds.

Вводно-фонетический курс русского языка в учебниках по РКИ, издаваемых сегодня в Турции, традиционно строится с учетом подобия двух языков, т. е. ориентирован на освоение звуков изучаемого языка с максимальным использованием произносительных навыков родного языка. Особое место в фонетической работе отводится звукам [ц] и [ш':], которые отсутствуют в фонологической системе турецкого языка, а, следовательно, не имеют прямых аналогов в произношении.

Артикуляцию русской аффрикаты [ц] отличает сложный характер. Иногда этот звук обозначается как [ʦ], так как «представление буквы *ц* вызывает представление согласного дифтонга [ʦ] переднеязычного глухого» [Бодуэн де Куртенэ 2012].

Обладающий непривычными перцептивно-артикуляционными характеристиками звук [ц] постепенно проникает в речь турок вместе с интернационализмами, прежде всего, терминологического значения, иностранными лингво-реалиями, онимами. Фонетический облик таких заимствований претерпевает различные звуковые искажения, обусловленные стремлением языка к облегчению чуждого, не характерного произношения. На письме эти изменения фиксируются с помощью нескольких фонетико-графических вариантов.

Например, в заимствованном из русского языка слове *царь* «неудобная» фонема заменяется имеющей место в турецком языке второй глухой аффрикатой [ч]: рус. *царь* → тур. *çar* [чар] [Türkçe Sözlük 2011: 496]; [Nişanyan 2007].

В пришедшем через английский язык итальянском слове *pizza* 'пицца', в соответствии с языком-источником большинством европейских языков произносимом с долгим [ц], буквосочетание *zz* озвучивается по правилам турецкого произношения как долгое [з]: итал. *pizza* [пицца] → англ. *pizza* ['pi:tsə] → тур. *pizza* [пизза] [Nişanyan 2007].

Также присутствует вариант, ориентированный на передачу оригинального звучания иностранного слова, когда звук [ц] передается с помощью буквосочетания *ts*. Примером может служить перенятое через посредничество английского языка японское слово *цунами* (буквально: *цу* 'гавань' + *нами* 'боль-

шая волна'): англ. *tsunami* [tsu:'na:mi] → тур. *tsunami* [цунами] [Türkçe Sözlük 2011: 2383]; [Nişanyan 2007]. В этом направлении идет и графическое освоение большинства иностранных онимов, заимствованных устным путем из языков, использующих альтернативные латинице системы письма, например японского, грузинского, русского: *Mitsubishi* (Мицубиси), *Tsubasa* («Цубаса» — популярное японское аниме и видеоигра на его основе), *Tshinvali* (Цхинвали), *Tsargrad* (Царьград — древне-поэтическое название Константинополя — Стамбула), *Tsarskoye Selo* (Царское село), *Tsiolkovskiy* (Циолковский), *Tsvetaeva* (Цветаева) и др.

В целом, звуковые сочетания [т + с] характерны для турецкого языка. Поэтому в учебниках, опирающихся на аналогю с родным языком, произношение звука [ц] часто иллюстрируется примерами: *satsa* 'если я буду продавать', *yatsa* 'если я лягу', *gitse* 'если я уйду' [Gültek 2005: 59]; [Kendi Kendine Hızlı Rusça: 4], *kutsal* 'святой', *katsayı* 'коэффициент' [Norman, Norman 1997: 24].

Однако аффриката только похожа на сочетание звуков, но на самом деле принципиально отличается от него. Основу звукосочетания [тс] составляет артикуляция двух переднеязычных согласных — смычного [т] и щелевого [с]. В аффрикате [тс] смычка [т] и щель [с] являются элементами общей артикуляции звукового «монолита». При этом «границу между смычным и щелевым элементами уловить невозможно ни на слух, т. е. на восприятие, ни артикуляционно, они слиты в единый, хотя и сложный звук» [Матусевич 1976: 144]. Чтобы «прочувствовать» правильную артикуляцию аффрикаты [ц], методисты советуют отрабатывать произношение этого звука с помощью слов, в которых имеет место сочетание орфографических *т(д)* с последующим *ц*: *отцы*, *молодцы* и т. д. В этом случае артикуляция согласного [т] накладывается на артикуляцию [ц], начинающуюся с такого же смычного элемента, что фонетически дает один долгий звук [ц:] [Битехина, Климова 2011: 40].

В турецких же словах между звуками [t] и [s] проходит морфо-слоговая граница (например, *sa|se* аффикс условного наклонения), препятствующая произнесению этих звуков как нечленимого единства, а, следовательно, и их объединению в аффрикату. Многие авторы акцентируют внимание на максимально кратком (без внутренней паузы) произнесении данного сочетания, однако при проговаривании привычных турецких слов это дается с трудом. Поэтому для демонстрации специфического русского звука [ц] больше подходят заимствованные слова, типа *цунами*, которые не подвержены фонетической интерференции со стороны родного языка [Klimkina, Zaripova 2015: 7].

Аффриката [ц] остается одним из самых трудных для говорящих на турецком языке русских звуков. Однако процессы межъязыкового взаимодействия способствуют уменьшению «экзотичности» этого звука, постепенно снимая трудности по его освоению при изучении русского языка.

Фрикативный согласный [ш:] в силу ряда исторических изменений в фонологической системе русского языка имеет два варианта произношения: мяг-

кое долгое [ш':] и сочетание [ш'ч']. Оба изображаются буквой *ш*. В XX веке и тот, и другой вариант считались орфоэпически равными, при этом [ш':] был шире распространен в литературном произношении; а [ш'ч'] считался особенностью ленинградского произношения [Матусевич 1976: 140]. На сегодняшний день нормативным является долгий мягкий согласный, хотя на стыке приставки и корня (сочетания *зч*, *сч*) возможен и вариант прочтения [ш'ч'], кроме того отдельные немногочисленные слова по-прежнему произносятся только через [ш'ч'] (*бросче*, *трясче*) [Бешенкова, Иванова 2012: 19].

Фонетическая интерпретация звука [ш':] в учебниках, адресованных студентам с родным турецким языком, следует двум сменившим одна другую в связи с меняющимися нормами русского литературного произношения традициям.

В учебной литературе, издававшейся в Турции во второй половине прошлого века, звук [ш':] представлен произносительным вариантом [ш'ч']. В русском языке вариант [ш'ч'] более всего вероятен на стыке разных морфем, т. к. именно морфологическая граница мешает «осуществлению монофтонгизации сочетания в пользу мягкого долгого согласного» [Матусевич 1976: 141]. В турецких примерах-иллюстрациях между [ş] и [ç] также проходит морфо-словговая граница (*çi|çi|çu|çü* — аффикс профессиональной принадлежности лица): *işçi* 'рабочий' [Norman, Norman 1997: 24], *taşçı* 'каменщик' [Stilman, Harkins 1997: 10], *aşçı* 'повар' [Kendi Kendine Hızlı Rusça 2005: 4], *kuşçu* 'орнитолог' [Gültek 2005: 61]. Однако в турецком языке морфологическая граница ощутима сильнее, самостоятельность звуков отчетливее, поэтому отдельные авторы обращают внимание на необходимость более слитного по сравнению с турецким произношения звуков [ш] и [ч] с целью максимально приблизить их прочтение к русскому.

Новое поколение учебных изданий звук [ш':] объясняет как «*yumuşak uzun* [ş':]», т. е. мягкое долгое [ш':]. Основной для постановки его произношения служит артикуляция звука [ş], который не только присутствует в фонологической системе турецкого языка, но и по сравнению с русским [ш] звучит несколько мягче. Кроме того, звук [ş] дается в сочетании с последующим [i] — звуком-помощником для поднятия средней части языка при постановке произношения [ш':] [Битехина, Климова 2011: 43–33]. В качестве иллюстраций используются примеры: *şimşek* 'молния', *şimal* 'север', *şimdi* 'сейчас' [Köksal 2006: 17], [Gültekin 2009: 1; Zaripova 2015: 9–12]. Как правило, постановка произношения этого звука проходит быстро и легко, не вызывая особых затруднений при переходе от турецкого *şimdi* к русскому *ш*.

Издаваемая в Турции учебная литература для изучающих русский язык с нуля, т. е. с фонетического старта, демонстрирует многообразие подходов авторов, которые, используя различия и сходства фонологических систем двух языков — родного и изучаемого, успешно справляются с артикуляционными трудностями студентов-турок при овладении звуковой стороной русской речи.

Литература

- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила русской орфографии с комментариями. Тамбов, 2012.
- Битехина Н. Б., Климова В. Н. Русский язык как иностранный: фонетика. Методы, приемы, результаты. М., 2011.
- Бодуэн де Куртене И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. М., 2012.
- Мамусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
- Dietrich A. P. Rusça Gramer. Грамматика русского языка. Ankara, 2007.
- Gültek V. Rus Dili Grameri. Ankara, 2005.
- Gültekin T. Rusça Gramer ve Diyaloglar. İstanbul, 2009.
- Kendi Kendine Hızlı Rusça. 1. Basamak Seti-Kutulu. İstanbul, 2005.
- Klimkina O. I., Zaripova Çetin Ç. Rusça Konuşmanın Etik Formları. Türkçe Konuşan Türk Öğrencilere Yönelik Rus Dili Ders Kitabı. Basit Seviye. Ankara, 2015.
- Köksal N. Rusça Dilbilgisi. Грамматика русского языка. Ankara, 2006.
- Nişanyan S. Sözlüklerin Soyağacı (Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü). İstanbul: Adam Yayınları, 2007 [http://www.nisanyansozluk.com/].
- Norman P., Norman N. 50 Derste Rusça / Türkçeye uyarlayan Behramoğlu A. İstanbul, 1997.
- Stilman G., Harkins W. E. Yeni başlayanlar için Rusça dilbilgisi / Türkçeye uyarlayan S. Ünver. Ankara, 1997.
- Türkçe Sözlük / Haz. Şükrü Halûk Akalın ... [ve bask.]. Ankara, 2011.
- Zaripova Çetin Ç. Rusça I. Gramer ve Alıştırmalar. Ankara, 2015.

**Ассимиляция согласных на стыках слов
как показатель отсутствия просодического шва
в современном русском языке***

С. В. Князев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Просодическое членение, внешнее сандхи, коартикуляция, паузальный маркер.

Summary. The paper reports some results of the instrumental research, aimed at finding out whether the presence or absence of regressive palatalization assimilation available in clusters of homorganic velar consonants /x/ + /x'/ in an external sandhi position in Modern Standard Russian may serve as a cue for detecting the location and depth of prosodic breaks.

В соответствии с существующими описаниями фонетики современного русского литературного языка (далее — СРЛЯ) принято считать, что в нем контекстные изменения по твердости / мягкости, имеющие статус фонетических законов внутри слов, не действуют на границах фонетических слов [Панов 1979: 168]. Тем не менее, эта закономерность, не всегда действует в сочетаниях заднеязычных согласных: данные экспериментально-фонетических исследований [Крючкова 2012] позволяют утверждать, что в сочетаниях типа *маленьких хищников* внутри синтагмы преобладающим среди носителей СРЛЯ является произношение мягкого заднеязычного в позиции конца первого фонетического слова перед гомоганным мягким в начале следующего слова¹.

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 15-06-06103.

¹ В указанной позиции (данные 21 диктора) смягчение заднеязычного согласного происходит более, чем в половине всех случаев после гласного непятого ряда и более, чем в 80% всех случаев после гласного переднего ряда (всего, без учета качества предшествующего гласного, — в 73% всех случаев) [Крючкова 2012].

Данная работа посвящена вопросу о том, может ли ассимиляция по мягкости на стыках фонетических служить одним из способов маркировки / детектирования просодических границ в связном тексте при отсутствии физической паузы. Предыдущее исследование [Крючкова 2012] было посвящено анализу реализации указанных консонантных сочетаний **внутри синтагмы** (при отсутствии просодических швов между тестовыми словами); его результаты свидетельствуют о том, что реализация эта, тем не менее, зависит от характера просодического оформления высказывания: при наличии тонального акцента на одном из слов, особенно на первом, увеличивается количество реализаций без коартикуляции ([x#x']).

Целью настоящего исследования была проверка гипотезы о том, что характер реализации согласных на месте глубинного сочетания <x#x'> как [xx'] или [x'x'] зависит от наличия / отсутствия просодической границы между словами, в которых находятся данные фонемы. В качестве **дикторов** в эксперименте принял участие 41 информант (преимущественно женщины в возрасте 17–20 лет), носители современного литературного произношения.

Материалом исследования служили 4 тестовых предложения с сочетанием слов *тех химиков* (*тех химики*) без физической паузы и без знаков препинания между ними; варьируемым параметром была просодическая организация высказывания:

- 1.1. наличие тонального акцента на слове *тех*, отсутствие его на слове *химиков* (*Но учтите, это именно тѣх химиков нужно наградить, а этих — наказать*);
- 1.2. отсутствие тонального акцента на слове *тех*, наличие его на слове *химиков* (*А если тех хѣмиков позвать, а физиков не трогать?*);
- 1.3. отсутствие тонального акцента на словах *тех* и *химиков* (*Когда тех химиков уволят, лаборатория совсем развалится*);
2. наличие тонального акцента на словах *тех* и *химиков* (*Этих студентов учат физики, а тѣх хѣмики*).

Предложения были зачитаны информантами вслух в составе связного текста и записаны непосредственно в память компьютера. Анализ производился при помощи программ *PRAAT* и *Speech Analyzer*, в его ходе был измерен характер формантного перехода на отрезке гласного, предшествующего первому согласному сочетания *тех хими...* **Алгоритм принятия решения** был следующим: первый согласный сочетания считался мягким в том случае, если значение F_2 на предшествующем ему участке гласного совпадало (отличалось не более, чем на 7%) со значением F_2 на начальном участке гласного, следующим за вторым (мягким) согласным — см. ниже рис. 1 и рис. 2 соответственно. В ходе анализа результатов из рассмотрения были исключены те прочтения, в которых фиксировались темпоральные (физические) паузы. Таких случаев оказалось 3 из 164; все — в предложении № 2. Все другие данные этих дикто-

ров были также исключены из рассмотрения, таким образом, окончательное число испытуемых, от которых был получен материал, проанализированный в ходе настоящего исследования, составило 38, общее число обработанных произнесений — 152.

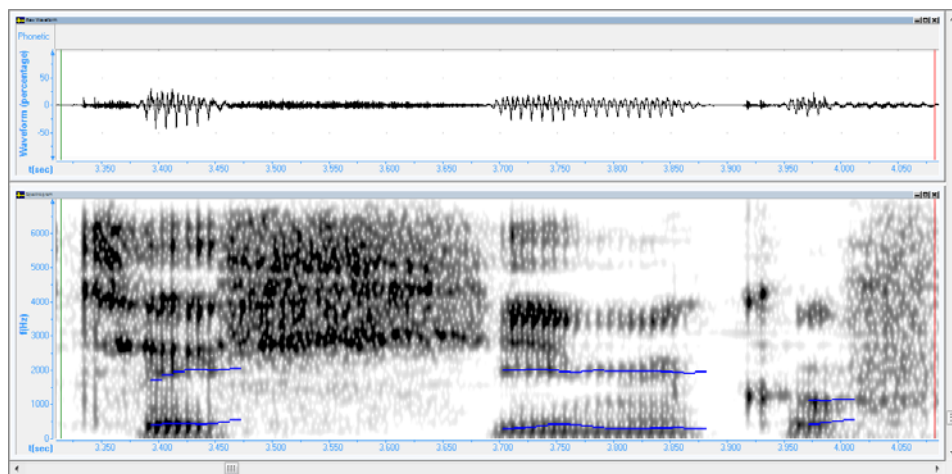

Рисунок 1. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания *тех химиков* из фразы 1.3 *Когда тех химиков уволят, лаборатория совсем развалится* (реализация [x'x']).

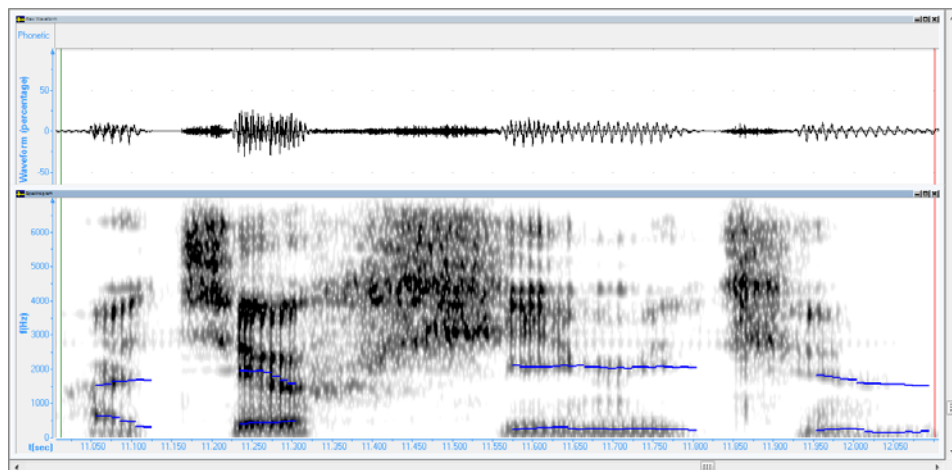

Рисунок 2. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания *тех химики* из фразы 2. *Этих студентов учат физики, а тех химики* (реализация [xx'])

Полученные в ходе исследования **результаты** для всех дикторов во всех фразах обобщены в Таблице 1. В таблице сначала приводится количество реализаций, затем в скобках — процент от их общего числа.

Таблица 1.

Количество произнесений [x'x'] [xx'] на месте сочетания <x#x'> во фразах:

- 1.1. (Но учтите, это именно *тѣх* химиков нужно наградить, а *этих* — наказать);
- 1.2. (А если *тех* хіміков позвать, а физиков не трогать?);
- 1.3. (Когда *тех* химиков уволят, лаборатория совсем развалится);
2. (Этих студентов учат физики, а *тѣх* хіміки)

при отсутствии физической паузы между ними

фраза \ кол-во	[xx'] (%)	[x'x'] (%)	всего
1.1	7 (18%)	31 (82%)	38 (100%)
1.2	2 (5%)	36 (95%)	38 (100%)
1.3	1 (3%)	37 (97%)	38 (100%)
2	35 (92%)	3 (8%)	38 (100%)

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что произношение [xx'] (без коартикуляции) при наличии просодического шва наблюдается в 92% всех проанализированных реплик (35 из 38), а при его отсутствии — лишь в 9% (10 из 114). В последнем случае вероятность отсутствия коартикуляции увеличивается при наличии тонального акцента на первом слове.

На основании полученных результатов можно сформулировать **вывод** о том, что отсутствие коартикуляции согласных по мягкости на месте сочетания <x#x'> на стыках фонетических слов может служить достаточно надежным показателем наличия просодической границы между этими словами, а наличие уподобления согласных по мягкости в этом положении — показателем отсутствия просодического шва.

Литература

- Крючкова М. А. Ассимиляция заднеязычных согласных по мягкости на стыках фонетических слов в современном русском литературном языке. Дипломная работа. МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2012.
- Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

Межъязыковая интерференция русскоговорящих носителей польского и чешского языка

С. А. Крейчи, О. Е. Фролова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Артикуляторная модель, интерференция, безакцентный, иноязычный.

Summary. In this paper we consider cross-linguistic interference at a segmental and supersegmental levels of native Polish and Czech speakers, learners of Russian language. Basis for the study of cross-language interference was the database of the sounding Russian speech, developed in the laboratory of phonetics and speech communication and comprising two similar parts organized: orthoepically the correct pronunciation and Russian pronunciation with the accent: samples recorded from native speakers of different languages.

Многообразие позиций органов артикуляции, необходимых для формирования звуков, нормативных для разных языков (артикуляторная база), мож-

но представить как межъязыковое пространство артикуляционных поз, в котором эти позы могут не совпадать при произнесении русских слов, что требует перестройки артикуляторной базы родного языка [Колосов 1971] для овладения безакцентным произношением на русском языке.

Положение органов артикуляции, или артикуляционные позы, образующие нормативные для родного языка звуки, формируются у человека с детства, по мере развития его речи [Зиндер 1984], и неизбежно оказывают влияние на произнесение звукотипов и их сочетаний в иностранных словах. Отдельные артикуляционные позы могут быть как достаточно близкими по действию и конфигурации активных и пассивных органов артикуляции, так и достаточно сильно отличаться или вообще отсутствовать как определенный артикуляционный навык. В то же время, известно, что результат действия различных комплексов артикуляционных конфигураций и движений может на перцептивном уровне восприниматься как достаточно сходный, поскольку артикуляторная база языка самым тесным образом связана с моделями восприятия речи на данном языке [Бернштейн 1976].

Изучение межъязыковой интерференции носителей польского и чешского языка проводилось нами на основе разработанной в Лаборатории фонетики и речевой коммуникации базы данных звучащей русской речи, включающей как орфоэпическую часть, так и часть с аналогичными иноязычными явлениями. Звучащий материал базы позволяет исследовать межъязыковую интерференцию на сегментном и на суперсегментном уровнях. Сегментный уровень представлен словарем ритмических структур [Златоустова 1993], а суперсегментный — чтением анкетных вопросов и спонтанными ответами на них.

База данных звучащей русской речи содержит также иностранные слова, заимствованные из других языков: например, *парк, порт, пункт, спорт, текст, темп, тон, штат*. Такие слова либо полностью сохраняют свое звучание, либо частично изменяют его под влиянием артикуляторной базы русского языка. Последние представляют собой наибольшие трудности для носителей иностранного языка при освоении нормативного русского произношения. Родная артикуляторная база препятствует «искаженному» произношению знакомого слова из родного языка, и перестройка ее стоит больших усилий.

На сегментном уровне славянские языки, как родственные русскому, характеризуются достаточно большим количеством лексико-семантических совпадений и, соответственно, совпадением артикуляционных поз. Однако имеется и значительное число несовпадений артикуляционных поз при лексико-семантических совпадениях, что приводит к акцентному произношению. Например, при чтении анкетного вопроса: «Сколько вам лет?» носители польского и чешского языка произносят [сколко вам лэт]. При этом словарный состав фразы на родном языке может почти полностью совпадать: «Kolik je vám let». К межъязыковой интерференции на сегментном уровне следует отнести полу-

мягкое произнесение носителями чешского языка звуков [т, д, н] в русских словах с их твердым звучанием, например: *когда*, *откуда*, и характерное польское [л] в слове *число* [чисуо].

На суперсегментном уровне мы исследовали влияние интонационного строя родного языка информантов на вид интонационного контура [Брызгунова, 1977] при чтении русского вопросительного предложения, в тексте которого нет указаний на фразовое ударение и локализацию семантического фокуса. Правила просодической реализации для разных языков могут не совпадать. Это проявляется, в частности, в локализации семантического фокуса, зависящей от специфики грамматических правил конкретного языка, например, порядка слов, принятого в данном языке. В русском языке семантический фокус часто локализуется на вопросительном слове: «Где Вы родились?», тогда как в эквивалентных иноязычных выражениях он может сдвигаться. Лексико-семантические формы высказываний также могут отличаться в разных языках в зависимости от принятых в конкретном языке норм обращения к собеседнику с вопросом. Например, в польском языке принята более вежливая форма: «W jakiej miejscowości Pan się urodził?». То есть местоимение «Вы» заменено более вежливым обращением «пан», на котором в данном случае находится семантический фокус.

Исследование интонограмм показало, что устное высказывание «Где вы родились?» реализовано носителем русского языка с использованием интонационного контура ИК-2. При этом семантический фокус локализован на вопросительном слове «где». Польский диктор практически реализует интонационный контур ИК-1, который коррелирует с интонационным контуром эквивалентного высказывания на польском языке: «W jakiej miejscowości Pan się urodził?».

Проведенное исследование показало, что межъязыковая интерференция русскоговорящих носителей польского и чешского языков имеет свои особенности, проявляющиеся как на сегментном, так и на суперсегментном уровнях.

Литература

- Бернштейн С. И. Вопросы обучения произношению: применительно к преподаванию русского языка иностранцам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. Издательство «Русский язык». М., 1977.
- Зиндер Л. Р. К вопросу об артикуляторной базе // Экспериментально-фонетический анализ речи. Вып. 1. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.
- Златоустова Л. В., Вещикова И. А., Омелянова Е. Б. Компьютерный словарь частотных слов и ритмических структур русской речи // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1993. № 5.
- Колосов К. М. О роли артикуляторной базы в обучении произношению // Иностранные языки в школе. Вып. 1. 1971. № 5. С. 38–45.

Языковая ситуация и языковая политика в славянских странах

О языковой ситуации в Республике Армения

Г. Г. Амбардарян

Гюмрийский государственный педагогический институт им. М. Налбандяна (Армения)

Русский язык, возрастающая роль русского языка, практический курс русского языка.

Summary. In the thesis we investigate the language situation in Armenia. Economical, geopolitical factors that influences on the forming of common language politics. Proposing to increase the number of hours of Russian language in the non special branches of Armenia universities with the aim to master practical Russian, which is necessary for the growth of the labor mobility provisions and for provide information and cultural fields.

История русско-армянской дружбы и братских отношений исходит со времен Киевской Руси и продолжается до сегодняшнего дня.

За последние два десятилетия прошлого века положение русского языка в бывших союзных республиках СССР изменилось: русский язык потерял статус официального языка, затем приобрел статус языка межнационального общения, ныне он имеет статус иностранного языка.

Статус русского языка на пространстве СНГ и в других странах мира определяется в зависимости от того, какие функции он выполняет, для каких целей и в каких сферах используется, какие коммуникативные потребности пользователей удовлетворяет.

Русский язык в Армении традиционно имеет сильные позиции. Многовековая общая история предопределила особое отношение армянской интеллигенции к русскому языку не только как к средству межнационального общения, но и как к одному из способов продвижения армянской культуры в современное европейское пространство.

Русский язык на территории СНГ является не только средством коммуникации, но и идеологическим, нравственным, культурным фактором. Именно русский язык обеспечивает информационное и культурное поле.

Согласно «Закону о языке РА» преподавание на русском языке для школьников — граждан Армении запрещено, так как статья 2-я данного закона гласит: «Языком преподавания и воспитания в системах образования и обучения является литературный армянский язык. Во всех среднеспециальных, специально-технических и высших учебных заведениях вступительный экзамен по армянскому языку и изучение армянского языка обязательно».

Однако русский язык воспринимается не как инструмент перевода и обслуживания определенных коммуникативных потребностей пользователей, а как нечто большее, что привносит с собой определенные культурные ценности.

В российско-армянское межрегиональное сотрудничество вовлечены практически все области Армении, порядка 70 российских регионов имеют торгово-экономические и гуманитарные связи с Арменией.

На территории СНГ Россия инициировала проект Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Ныне в Армении в ключевых сферах экономики — газовой, транспортной, финансовой, телекоммуникационной работает около 1300 армяно-российских компаний. Россия является крупнейшим инвестором и торговым партнером Армении. В Армении издаются 3 русскоязычные газеты: «Голос Армении», «Новое время», «Республика Армения». В 2012 году русский язык вошел в список ЕГЭ «иностранные языки» наряду с английским, французским, немецким.

Со 2 января 2015 года Армения стала четвертым полноправным членом Евразийского экономического союза вместе с Россией, Беларусью и Казахстаном. Страны союза намерены сотрудничать в промышленности, энергетике, транспортной отрасли и агросекторе.

Военно-политическое сотрудничество России с Арменией является ключевым элементом системы безопасности. С 2002 Армения стала членом основанного Россией и другими странами ДКБ военно-политического блока — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Армения единственный союзник России по ОДКБ на Южном Кавказе.

Исходя из данных экономических, геополитических факторов и с целью роста мобильности трудовых резервов необходимо хорошее владение русским языком. Считаем необходимым увеличение количества часов по русскому языку в сфере образования.

В вузах Армении на неспециальных факультетах учебный предмет «Практический курс русского языка» изучается от 2 до 4 часов в неделю (2–4 семестра), зависит от решения ученого совета вуза. Например, в Гюмрийском госпединституте русский язык изучается в объеме 48 часов за 1 семестр и всего 2 семестра (98 часов), что не соответствует востребованности русского языка в важном геополитическом регионе — в г. Гюмри стратегического назначения, где размещена 102-я Российская военная база. Гюмри имеет глубокие исторические и лингвистические традиции и особую предрасположенность к русскому языку, русской нации и русской культуре.

Предлагаем: разработать единые госстандарты по изучению русского языка на неспециальных отделениях для всех вузов Армении. Предлагаем изучить «Практический курс русского языка» — 8 учебных семестров с нагрузкой по 4 часа в неделю (так изучают в Ереванском госпедуниверситете им. Х. Абовяна).

Общая вера, цивилизационное единство и стремление к правде всегда сплачивало нас. Вступление Армении в Евразийский экономический союз подтверждает, что Россия и Армения и дальше видят путь своего развития только вместе.

Литература

- Васильева Т. В., Ускова О. А., Саакян Л. Н. Русский язык в социокультурном контексте Армении: взгляд из России: Материалы II Международной научно-практической конференции преподавателей русского языка Армении, России и других стран СНГ. Ванадзор 2011.
- Григорян Э. А., Даниелян М. Г. Языковая политика и языковая практика в современной Армении // Журнал «Русский язык в Армении». Ереван, 2008. № 5.
- Золян С. Т. Русский язык и культурно-цивилизированное пространство СНГ: Материалы Международной научной конференции «Проблемы функционирования русского языка в Республике Армения», 2006.

Основные факторы формирования языковой ситуации

А. Л. Вусик

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

Языковая ситуация, языковая политика, языковое планирование, этноязыковая политика.

Summary. The author considers the language policy and language planning as the major factors shaping a language situation. Concludes that it is impossible to conduct effective language policy outside the specific social, political, economic historical conditions.

Актуальность темы. В многонациональных обществах языковая ситуация отличается особой сложностью, так как в данном случае должны учитываться многие факторы языковой политики и языкового планирования. Прежде всего во внимание должны браться типологические характеристики этнических групп, специфика межнациональных отношений, роль автохтонного языка и его носителей в общественно-политических процессах. Следовательно, изучение мирового опыта проведения в действие факторов формирования языковой ситуации (языкового планирования и языковой политики) в многонациональных обществах представляется важным и необходимым для оптимизации межнациональных отношений.

В своей работе мы определяем перечень ключевых международно-правовых документов, которые дают оценку языковых прав коренных народов и национальных меньшинств, а также основные документы, которыми руководствуются многонациональные общества.

Целью исследования является определение основных факторов формирования языковой ситуации.

Поставленная цель диктует необходимость решения следующих **задач**:

1. Анализ международных документов, устанавливающих языковые права малочисленных этнических групп.
2. Определение критериев выбора государственного (официального) языка в многонациональных обществах.
3. Изучение факторов формирования языковой ситуации ряда многонациональных стран, чей опыт может быть полезен для международного сообщества.
4. Демонстрация влияния конкретных исторических условий на этноязыковую политику в многонациональных государствах.

5. Выявление факторов, способствующих возникновению языковых конфликтов и, соответственно, установление путей их предотвращения.

Языковая политика и языковое планирование — основные факторы формирования языковой ситуации в любой стране. Языковая политика связанная с регулированием языковых отношений в обществе, и закрепляется в конституции, законодательных документах, а также в специальных национальных программах. Закон, определяющий, каким языком следует пользоваться в тех или иных официальных ситуациях, — часть языковой политики.

Есть страны, где большое значение придается законодательству. Особенно яркий пример Франция, языковая политика которой ориентирована, как правило, на поддержку только французского языка как единственного государственного. На сегодняшний день во Франции существует большое количество структур, организаций и комиссий, призванных воздействовать на языковую сферу.

Языковое планирование — сознательные, конкретные мероприятия по воздействию на языковое поведение носителей языка, изменение функционирования языков (статусное планирование), регулирование структуры языка (корпусное планирование), создание условий для овладения языком (планирование усвоения).

В некоторых странах, таких, как Ирак, Италия, Испания существует один государственный язык для всей страны и, в дополнение к нему, государственные языки для отдельных регионов. Некоторые страны, такие, как Америка, не имеют государственного языка для всей страны, но имеют таковой для отдельных своих частей, например, штатов. В некоторых странах понятие государственного языка вообще отсутствует, например, в Австралии, Эритрее, Люксембурге. В подобных случаях де-факто существует какой-то один основной язык, а также имеется целый ряд официальных документов, которыми устанавливаются сферы использования тех или иных языков.

Следует отметить, что африканские государства, а также Филиппины (как наследие своего колониального прошлого) сохраняют государственные языки, которые не являются национальными языками населения этих стран или, по крайней мере, языками, на которых говорит большинство населения.

В противоположность этому ирландский язык, на котором говорит меньше трети населения Ирландии, является национальным языком и первым государственным языком этой страны, а вот английский язык, на котором говорит большинство населения, то он назван в конституции Ирландии лишь как второй государственный язык.

Таким образом, мы приходим к таким **выводам**, что невозможно проведение эффективной языковой политики вне учета конкретных социальных, политических, экономических, исторических условий.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут послужить основой для разработки практических рекомендаций по дальнейшему совершенствованию национальных отношений.

Материалы исследования могут быть использованы при чтении спецкурса по социолингвистики для студентов высших учебных заведений.

Литература

- Вусик А. Л. Мовна політика 20–30 років в Україні та її вплив на розвиток освітньої справи мовами національних меншин // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. пр. К.: Київський університет, 2003. С. 36–40.
- Вусик А. Л. Мовна ситуація України в історичному аспекті // Науковий вісник Чернівецького університету: Слов'янська філологія. Вип. 321–322. Чернівці: Рута, 2007. С. 314–319.
- Вусик А. Л. Вплив соціального середовища на мову і на мовленнєву поведінку // Теоритические и пракладные проблемы русской филологии: научно методический сборник. Вип. XXIII / Отв. ред. В. А. Глушенко; Отв. за вып. В. М. Калинин. Славянск: Предприниматель Маторин Б. И., 2012. С. 271–275.

Актуелни процеси словенских језика на простору бивше СФР Југославије

Мара Кнежевић

Универзитет у Новом Саду, Педагошки факултет у Сомбору (Србија)

Српски, хрватски, црногорски, бошњачки, језик.

Summary. By splitting the SFR Yugoslavia, after the inevitable war and creation of new states, there came to the changes in the culture of the peoples which lived in these areas. In the newly created states, former republics, there were introduced new official languages: in Montenegro — Montenegrin, in Croatia — Croatian, in Bosnia and Herzegovina, with two entities, there were introduced Serbian, Croatian and Bosniak, in Serbia — Serbian, in Macedonia — Macedonian, in Slovenia — Slovenian.

СФР Југославија, која је разорена деведесетих година 20. века састојала се из следећих република: Република Србија у саставу које су биле две покрајине: АП Војводина и АП Косово и Метохија (службени језик био је српскохрватски), Република Хрватска (службени језик био је хрватскохрватски), Република Босна и Херцеговина (службени језик био је српскохрватски), Република Црна Гора (службени језик био је српскохрватски), Република Македонија (службени језик био је македонски), и Република Словенија (службени језик био је словеначки). На простору бивше Југославије у свим Републикама изучавао се српскохрватски језик. Националне мањине су у образовном систему имале заступљен српскохрватски као нематерњи језик.

Разбијањем СФР Југославије након неизбежног рата и стварања нових држава дошло је и до промена у језику и култури народа који су живели на њеним просторима Тако је у новоствореним државама, бившим републикама, уведен службени језик: у Србији — српски, у Македонији — македонски, у Словенији — словеначки, у Црној Гори — црногорски, у Хрватској — хрватски, у Босни и Херцеговини са два ентитета: Федерација Босна и Херцеговина, језик бошњачки и хрватски, писмо латиница, док је у Републици Српској службени српски језик и ћирилично писмо. Бошњачки језик проширио се и на јужни део Србије, Санцак, и употребљава се равноправно са српским у школама и институцијама. (У Хрватској се користи назив босански

језик, у Црној Гори босански и бошњачки су наведени као два засебна језика. Одбор за стандардизацију језика Института за српски језик САНУ објавио је 2015. године да је једини исправан назив за језик бошњачког народа бошњачки језик. Бошњачки језик је варијанта српског језика «оплеменења» турцизмима). У међувремену Покрајина Косово је дугогодишњим напорима, уз подршку страних сила, прогласила тз. Републику Косово и сходно територији увела албански језик у званичну употребу. Бивша Република Македонија је задржала свој дотадашњи службени македонски језик, као и Република Словенија у новоствореној држави службени словеначки језик. По Уставу из 2006. у службеној употреби у **Републици Србији, је српски језик и ћирилично писмо**. Службена употреба латинице је регулисана законом и у службеној је употреби у срединама где су присутне националне мањине. У српском језику дошло је до промена које усложњавају језик, чине га тежим за учење како својим грађанима тако и иностраним. Најочигледнији пример је, «како би се задовољила родна равноправност», за функцију и занимање уведен је и женски род: *педагог — педагошкиња, психолог — психолошкиња, посланик — посланица, социолог — социолошкиња*, итд. Промена тих именица по падежима додатно оптерећује језик. (У Републици Србији по Уставу из 1990. у службеној употреби је српско-хрватски језик и ћирилично писмо, а латиничко писмо је у службеној употреби на начин утврђен законом. Дакле, Србија је најдуже задржала назив српско-хрватски.) **Црногорски језик** је према Уставу Црне Горе од 2007. постао њен службени језик као резултат нормирања још једног стандардног језика заснованог на новоштокавским дијалектима. У употреби су два писма: **ћирилично и латиничко**. У службеној употреби су још: **српски, босански, албански и хрватски**. Први Правопис црногорског језика чији су аутори: Миленко Перовић, професор Новосадског универзитета, Људмила Васиљева, професор Универзитета у Лавову и Јосип Силић, пензионисани професор из Загреба, представљен је 2009. године по којем су црногорском језику додали два нова слова (**с** и **з** у ћириличној и **ś** и **ź** у латиничној верзији), тако да језик има 32 слова. Поред прихватања два нова слова за писма, уводи се и архаизација језика и необразложених хрватизама, који немају упориште у црногорском језику. *О употреби српског језика у Црној Гори у Закону о народним школама из 1907. године каже се у члану 1. „Задатак је народнијем школама, да васпитавају дјецу у народном и религијском духу и да их спремају за грађански живот, а нарочито да шире просвјету и српску писменост“.* У истом закону се јасно наглашава да се похађа српска школа и да су предмети **српски језик и српска историја**. У Уставу Републике Црне Горе од 1992. године у члану 9. каже се: „У Црној Гори у службеној употреби је **српски језик ијекавског изговора**“. **Хрватски језик** је Уставом из 1990. године проглашен службеним језиком у **Републици Хрватској**, у употреби је писмо **латиница**.

У самосталној хрватској држави језику се придаје посебна пажња. Форсира се архаизација језика, а масовно се кују нове речи ради што већег разликовања од српског језика. Хрватски језик је унео и наставља да уноси архаизме и кованице, како би се што више разликовао од српског језика са којим је био равноправан. *Српски, хрватски, бошњачки и црногорски језик, који још није доживео пуну лингвистичку афирмацију, стандардизовани су на истом дијалекту — источнохерцеговачком. У 20. веку (југословенски период) ови језици су сматрани јединственим српскохрватским, односно хрватскосрпским језиком и “штокавски дијалекат заузима највећи део српскохрватског језичког простора: целу СР Србију, СР Босну и Херцеговину, СР Црну Гору и велики део СР Хрватске”* [Пецо 1978: 11].

Македонски језик је Уставом из 1991. службени у Републици Македонији, у употреби је **македонска ћирилица**. Током постојања Краљевине Србије и Краљевине Југославије, говори на територији данашње Републике Македоније су се сматрали јужним дијалектима српског језика. Македонци су признати као посебан народ 1944. године и од тада је македонски језик постао званичан језик те Републике.

Словеначки језик је Уставом из 1991. службени језик у Републици Словенији, писмо је **латиница**.

Тако је на територији бивше СФРЈ формирањем нових држава, сходно територији, установљен већи број словенских језика: српски, хрватски, црногорски и бошњачки, који су по пореклу, граматички и речничком фонду слични, тако да је у потпуности могуће споразумевање на овим језицима.

Литература

- Пецо Асим. Преглед српскохрватских дијалеката. Београд: Научна књига, 1978.
Стевановић Михаило. Савремени српскохрватски језик. I. Београд: Научна књига, 1973.
Устав Републике Србије // Сл. гласник РС. Бр. 1 / 1990.
Устав Републике Србије // Сл. гласник РС. Бр. 98 / 2006.
Ustav Bosne i Hercegovine [http://www.ccbh.ba/public/down/ustav_bosne_i_hercegovine_bos.pdf].
Ustav Crne Gore // Službeni list Crne Gore. Broj 1 / 2007.
[pdfww.sfid.mk/comp_includes/webdata/documents/USTAV%20precisten%20tekst%20+.p].
[<https://zakonodaja.com/ustava/urs>].

Стандартный украинский язык: варианты

Е. С. Крючкова

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Стандартный язык, украинский язык, заимствования, лексикография.

Summary. This article discusses options for Ukrainian standard language. As part of the two allocated options are considered the cause of the differences.

1. Варианты стандартного украинского языка

Формирование современного украинского языка происходило под влиянием большого количества факторов, в числе которых особенно стоит отметить политические. По причине долгого пребывания территорий современной Украины под властью многих государств и империй, на диалекты и стандарт украинского языка оказывалось различное влияние, включающее запрет на использование украинского языка, а также искусственное формирование нового стандарта языка.

Вследствие многих факторов, которые непосредственно влияли на стандартный украинский язык в XX веке, и продолжают влиять и в настоящее время, в современной Украине возникло несколько стандартных языков, которые сосуществуют и продолжают развиваться и взаимодействовать.

Джеффри Халл и Галина Кошарски [Hall, Koscharsky] выделяют два стандартных украинских языка по их происхождению:

1. Восточный диалект треугольника Киев-Харьков-Полтава.
2. Язык диаспоры, основанный на Львовском койне.

Такое разделение авторы отмечают с присоединения в 1944 году Галиции к составу Украины и вызванный этим отток украиноязычного населения. Эмигранты, воспринимающие Львовское койне, как родной украинский язык (в противовес восточному диалекту, который был ближе к русскому) создавали на нем литературные произведения и научные работы. В настоящее время произведения эмиграции включаются в школьные и университетские программы по украинскому языку, не смотря на специфику лексики и синтаксиса.

Сильное противодействие восточному диалекту украинского языка со стороны эмиграции также было вызвано тем, что на его основе создавался язык советской Украины, терминология, а также большинство лексических единиц которого калькировали слова из стандартного русского языка.

Достаточно популярная типология украинских стандартных языков (классификация И. Матвияс) [Матвияс 1988] также включает в себя русинский язык, что, в большей мере, отражает политическую точку зрения, по которой русинский язык является одним из диалектов или вариантов украинского. Также в данной типологии указывается все разнообразие субстандартов восточноукраинского языка, но совершенно не указывается разнообразие западного (три субстандарта против шести).

Андрей Даниленко [Andrii Danylenko], уточняя классификацию, приводимую И. Матвияс, указывает на большее разнообразие субстандартов западно-

украинского языка, а также включает разновидности русинского в западный стандарт украинского языка.

На наш взгляд, рассмотрение русинского языка, как одного из стандартов украинского языка не является правомерным, вследствие его самостоятельности и кодифицированности. В то же время отвергать влияние его на западно-украинские говоры не стоит.

2. Русский против украинского

Противостояние русского и украинского языков на территории Украины в научной среде еще с конца XIX века приводит к созданию словарей двух типов:

1. С заимствованиями из русского языка.
2. С заимствованиями из польского языка.

Сосуществование таких словарей и литературных произведений, написанных на основе разных стандартов языка, началось задолго до присоединения Галиции и последующей за ней эмиграции. Исходя из рассмотренных словарей украинского языка XVII–XX вв. (по классификации Т. Кульчицкой) [Кульчицка 1999] стоит отметить, что подобное разделение появилось в конце XIX века и максимального расцвета (в лексикографии) достигло перед созданием Советского Союза. Не смотря на последующий спад и развитие, в большей мере, восточного варианта украинского языка, словари и научная литература, основанные на западном варианте языка, продолжали развиваться.

Начиная с конца XX века на территории Украины происходит популяризация западного стандарта языка, которая значительно дополняется заимствованиями не только из соответствующих диалектов и польского языка, но и английского. Значительный пласт англоязычной лексики вносит не только общемировое влияние английского языка (как языка науки и технологий, в большей мере), но и значительный вклад украинской диаспоры в Канаде. Большинство носителей западного стандарта украинского языка за рубежом находится в англоязычной среде, что значительно отражается на процессе заимствования лексики.

Таким образом, на основании проведенного исследования, в рамках которого было рассмотрено более 40 словарей украинского языка XX века, можно подтвердить классификацию Дж. Хала и Г. Кошаски с некоторыми уточнениями:

1. Стандарт украинского языка, основанный на диалектах региона Киев — Полтава — Харьков, с большим пластом заимствований научной лексики из русского языка.
2. Стандарт украинского языка, основанный на львовском койне, с большим пластом заимствований научной лексики из английского и польского языков.

Литература

- Данилевська О. Мова в революції та революція в мові. Київ, 2009.
- Кульчицька Т. Українська лексикографія XIII–XX ст.: Бібліографічний показник. Львів, 1999.
- Матвійс І. Г. Варіанти українського літературного мови. Київ, 1988.
- Українська мова у XX сторіччі / Под ред. Лариси Масенко. Київ, 2005.
- Danylenko Andrii. How many varieties of standard Ukrainian does one need? [<http://researchgate.net/publication/286464156> (дата обращения 19.02.2016)].
- Hall Geoffrey, Koscharsky Halyna. Contours and Consequences of the Lexical Divide in Ukrainian [<http://ualberta.ca> (дата обращения 19.02.2016)].

**Русский язык в формировании
полиязычной и поликультурной личности
студентов-репатриантов Казахстана**

А. Д. Маймакова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (г. Алматы, Казахстан)

*Русский язык, студенты-репатрианты, социокультурный подход,
поликультурная личность, интерактивные методы.*

Summary. The article is devoted to the formation of multilingual and multicultural personality student repatriate at training Russian language in Kazakhstan's universities. Using specific examples, with the assistance of modern language material and through the use of interactive technology shows that such training is considered as a component of polylingual language ability and has a great personality and developmental potential.

Внедрение полиязычного образования в языковой стратегии Республики Казахстан «Триединство языков» становится одним из важнейших направлений на современном этапе развития страны. Казахско-русское двуязычие, казахско-русские лингвокультурные параллели являются обязательным условием языковой подготовки студентов казахских отделений как будущих специалистов в различных отраслях науки, позволяющим направлять процесс языкового образования на приобщение обучающихся к новому (неродному) для них средству общения, на познание ими чужой культуры и осмысление собственных лингвокультурных истоков, привитие им готовности к диалогу и одновременно толерантности по отношению к иным языкам и культурам.

В связи с чем значительно возрастает роль общеобязательной дисциплины «Русский язык» на неязыковых факультетах вузов. Русский язык выступает как средство повышения коммуникативной компетенции и личностно-профессионального развития студентов и необходимое условие успешной профессиональной деятельности специалиста-выпускника современной высшей школы.

В этом контексте языковой подготовки студентов неязыковых факультетов вузов особое направление представляет работа со студентами-представителями казахских диаспор дальнего и ближнего зарубежья. В работе с ними мы избираем методику русского языка как иностранного, которая имеет свои выраженные особенности в данном случае. С одной стороны, указанная категория студентов свободно владеет государственным (казахским) языком страны, хорошо знает исконные казахские обычаи и традиции, с другой стороны,

ей незнакомо современное социо- и лингвокультурное состояние Казахстана, в котором довольно сильные позиции занимает русский язык. Поэтому обучение русскому языку студентов-репатриантов в разработанном автором (в соавторстве) учебном пособии построено на социокультурном подходе [Маймакова, Кадырова 2013]. Такой подход, на наш взгляд, позволяет совместить две задачи: с одной стороны, изучить русский язык, с другой — через язык поближе познакомиться с социокультурными особенностями современного Казахстана, с сегодняшней лингвокультурной ситуацией в казахстанском обществе, что поможет молодым репатриантам адаптироваться к социокультурным реалиям современного Казахстана и успешно интегрироваться в казахстанское общество.

Структура и содержание настоящего учебного пособия представляет в практическом преломлении концепцию языкового образования студентов-репатриантов, отвечающую запросам современного образовательного процесса, условиям кредитной системы обучения в Республике Казахстан.

В предлагаемом учебном пособии каждая лексическая тема начинается с фонетической разминки, направленной на отработку навыков произношения трудных звуков русского языка. Данный вид работы основан на сопоставлении двух языков. Такая форма работы способствует снятию трудностей овладения русским языком и преодолению интерференции.

Следует отметить, что отбор текстового материала для данного учебного пособия проводился с учетом языковой подготовленности студентов, их социально-психологических и национальных особенностей, интересов и индивидуальных возможностей. В пособии реализуется мысль о том, что современный текст — это не только источник информации, а прежде всего, содержательный материал всего учебного процесса по русскому языку в казахской аудитории. Поэтому система текстов, предложенная нами, охватывает темы с учетом их лингвокультурологической ценности, определяемыми их познавательной ценностью и национально-культурной значимостью («Статус русского языка в Республике Казахстан», «Я сделаю все, чтобы люди узнали Казахстан», «Наурыз», «Масленица» и др.).

Лексико-грамматические задания строятся в данном учебном пособии на основе интерактивных методов и приемов, среди которых значатся: ситуативные реплики, диалоги, работа в группах, коммуникативные тренинги, рефлексия и др. Например:

1) Объединившись в группу из 3–5 человек, выберите тему, обсудите ее в группе и коллективно защитите выбранную тему (предварительно распределив между членами группы фрагменты-подтемы общего выступления).

Темы для обсуждения:

1. Что объединяет праздники Наурыз и Масленица?
2. Какие различия существуют между праздниками Наурыз и Масленица?

Готовя свое выступление, используйте формы речевого этикета «Выражение своей точки зрения», предложенные ниже.

- Объективно оцените свою работу в группе.

Таким образом, в данном учебном пособии авторы попытались совместить обучение русскому языку с социокультурной адаптацией студентов к современным казахстанским реалиям, к его лингвокультурным особенностям и через обучение русскому языку помочь молодым репатриантам интегрироваться в казахстанское общество.

Изучение русского языка в социокультурном аспекте позволит успешно решить проблему формирования поликультурной и полиязычной личности — личности, способной выражать себя, национальный дух своего народа в гармоничном согласии с другими национальными культурами в рамках языковых союзов и в контексте всех человеческих языков.

Литература

Маймакова А. Д., Кадырова Г. Р. Добро пожаловать в Казахстан! Учебное пособие. Алматы: TST Company, 2013.

Украинский язык в Аргентине и Парагвае: социолингвистическая ситуация

Г. П. Пилипенко

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Украинский язык, языковая ситуация, интерференция, заимствование, Южная Америка.

Summary. The fieldwork among the Ukrainians in Argentina and Paraguay was carried out in 2015. The main goal of the research is to show the contact traits in Ukrainian speech as well as the traces of the primary dialect of the settlers. The ways of migrations of Ukrainians was also analyzed.

1. В докладе будет проанализирована речь украинцев, проживающих в Аргентине и Парагвае, а именно: контактные особенности, возникшие под влиянием испаноязычной среды. Украинская диаспора в странах Южной Америки была объектом изучения историков, подробно описана история переселения и формирование диаспоры [Ціпко 2013]; [Cipko, Lehr 2006]; [Gerus 1986], однако синтетического социолингвистического и этнолингвистического описания до сих пор нет. Настоящее исследование основано на результатах полевой работы, проводившейся весной 2015 года в странах Южной Америки.

2. Украинская диаспора в странах Южной Америки формировалась на протяжении XX века. Выделяются несколько волн миграций. Миграции украинцев начались с конца XIX века и продолжались до первой мировой войны. В этот период переселяются, в основном в Аргентину, крестьяне из Австро-Венгрии (главным образом — из Галиции), носители галицко-буковинских и карпатских говоров. В межвоенный период переселения продолжают из

Польши, среди мигрантов появляются жители Волыни, носители волынского-польских и южноволыньских говоров. После распада СССР в Аргентину устремляется третья волна переселенцев, в которой можно увидеть выходцев из всех регионов Украины.

3. Наиболее многочисленные поселения украинской диаспоры расположены в Парагвае (провинция Итапуа, город Энкарнасьон и окрестные населенные пункты), в Аргентине в провинциях Мисьонес (Апостолес, Посадас, Обера, Леандро Алем), Чако, Буэнос-Айрес.

4. При рассмотрении социолингвистической ситуации важно учитывать и конфессиональный состав мигрантов: среди мигрантов из Галиции преобладали греко-католики, выходцы из других украинских земель — православные, есть также последователи протестантских течений. Отдельно будет рассмотрен вопрос сохранности языка, исследованы условия, влияющие на этнолингвистическую витальность украинского языка. В речи представителей украинской диаспоры можно выделить диалектные черты, характерные для той местности, откуда происходило переселение. Кроме того, фиксируются многочисленные контактные особенности (заимствования, переключение кода), свойственные испанскому языку и языку гуарани в Парагвае. Испанский язык представлен в своей региональной разновидности (т. н. *español rioplatense*). Украинский язык контактирует не только с официальными языками стран Южной Америки. В муниципалитете Апостолес он находится в контактной ситуации с польским языком, носители которого переселились туда практически одновременно с представителями украинской диаспоры. В языке переселенцев третьей волны отмечается влияние русского языка.

Литература

- Цінко С. Історія досліджень про українців в Аргентині // Українознавство. 2013. № 1. С. 203–206.
- Cipko S., Lehr J. C. Ukrainian settlement in Paraguay // *Prairie Perspectives* University of Winnipeg. 2006. P. 31–46.
- Gerus O. W. Ukrainians in Argentina: A Canadian Perspective // *Journal of Ukrainian Studies*. 1986. № 2. P. 3–18.

Некоторые актуальные вопросы функционирования русского языка в качестве государственного

О. Ю. Усачева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Липецкий филиал (Россия)

*Государственный язык, государственная языковая политика,
федеральные целевые программы.*

Summary. The report discusses some of the conditions of successful implementation of language policy in sphere of use of Russian language as the state.

Функционирование русского языка в качестве государственного, как известно, предусмотрено Конституцией Российской Федерации, ст. 68 [Российская Федерация. Конституция 2001], Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» [О государственном языке Российской Федерации 2005], Указами Президента РФ, правительственными нормативными актами. Задаче полноценного функционирования русского языка как государственного отвечают меры целевой государственной поддержки русского языка, выразившиеся в реализации трех федеральных целевых программ (ФЦП) «Русский язык» в течение 2002–2015 годов. Очередная ФЦП «Русский язык» на 2016–2020 годы была утверждена Постановлением Правительства РФ от 20.05.2015 № 481 [Постановление Правительства РФ... 2015]. Несмотря на достигнутые успехи, ряд вопросов языковой политики по-прежнему остается нерешенным, что обуславливает актуальность их постановки в данном докладе. Кратко остановимся на некоторых из них.

1. Говоря о необходимости «совершенствования нормативно-правового и научно-информационного обеспечения реализации Федерального закона “О государственном языке Российской Федерации”» [Постановление Правительства РФ... 2015: 11], следует сделать акцент на законоприменительной практике в системе нормализаторской (кодификационной) и образовательной деятельности, в работе органов государственной власти. В действующем российском законодательстве практически отсутствуют правовые механизмы кодификации норм русского языка, не определены конкретные требования к квалификационному уровню владения русским языком государственных служащих, других специалистов, использующих государственный язык, не установлена степень ответственности и полномочий органов государственной власти в сфере использования русского языка в качестве государственного и т. д.

2. Если учитывать приведенный в 53-ФЗ перечень сфер функционирования государственного языка, то можно увидеть, что они не представляют собой единства ни в коммуникативном, ни в стилистическом плане. Так, если сфера государственного делопроизводства имеет субъектом коммуникации государственную власть и органы государственного управления и связана с использованием официально-делового стиля, то сфера рекламы охватывает коммуникацию главным образом субъектов предпринимательской деятельности и опирается на использование публицистического стиля. Поэтому можно заключить, что понятием «функционирование в качестве государственного» охватывается не одна, а несколько сфер использования ЛЯ, в каждой из которых используется свой функциональный стиль. В связи с этим полноценная реализация № 53-ФЗ в сфере СМИ и рекламы предполагает учет соответствующей стилистической специфики и границ варьирования нормы.

3. В Программе поставлена задача создания специального научно-информационного ресурса, ориентированного на фиксацию норм современного русского литературного языка, и мультимедийного справочно-информационного ресурса по вопросам функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации. Однако очевидно, что содержательное наполнение такого ресурса невозможно без детальной проработки собственно лингвистических аспектов предмета, что с неизбежностью требует активного привлечения специалистов в области теории языка и коммуникации, теории нормы, лексикографической практики, методики преподавания и т. д. Придание лингвистической кодификации юридического статуса означает законодательное утверждение и ввод в действие языковых стандартов, с тем чтобы они не вступали в противоречие с устоявшимися языковыми нормами. Только правовая кодификация дает право ссылаться на соответствующие стандарты авторам нормативных словарей, учебников и учебных пособий, преподавателям и экзаменаторам. При этом должна быть разработана и соблюдаться прозрачная и четкая процедура лингвистической экспертизы норм, представленных в действующих и актуализованных, а также во вновь создаваемых грамматиках, словарях и справочниках [Усачева 2013]. Решение всего комплекса этих задач необходимо тем более, что в Программе предусматривается реализация широкой системы мер по дополнительному профессиональному образованию специалистов, учителей и преподавателей, в том числе и в рамках региональных программ преподавания и изучения русского языка как государственного.

4. В тексте ФЦП отсутствует постановка задачи о формах и принципах контроля за соблюдением норм русского языка при его использовании в качестве государственного, при том, что в обществе отмечается запрос на соответствующие меры. Так, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в ЦФО Мурат Зязиков считает, что следует обязать говорить и писать по-русски без ошибок всех, кто формирует массовое сознание посредством СМИ, а также контролировать рекламу с целью недопущения искажения норм государственного языка. Поэтому должны быть выработаны строгие критерии и требования, которые будут препятствовать воспроизведению ошибок. Речь идет о профпригодности или квалификации в СМИ, науке, органах госвласти и т. д. [Зязиков 2016].

На наш взгляд, проработка указанных в докладе неотложных вопросов могла бы содействовать действительно успешному осуществлению государственной языковой политики в сфере использования русского языка как государственного.

Литература

Зязиков Мурат. России нужна системная «языковая» политика // Российская газета. 2016. 11 февраля [http://www.rg.ru/printable/2016/02/11/reg-cfo/murat-ziazikov-rasskazal-o-rol-i-russkogo-iazyka-v-sovremennom-mire.html (дата обращения — 18 февраля 2016 г.)].

- О государственном языке Российской Федерации: Федер. закон. Рос. Федерации от 1 июня 2005 г. № 53 — ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 мая 2005 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 мая 2005 г. // Российская газета. 2005. 7 июня.
- Постановление Правительства РФ от 20.05.2015 N 481 «О федеральной целевой программе “Русский язык” на 2016–2020 годы» // Консультант Плюс [www.consultant.ru (Дата обращения: 31.10.2015)].
- Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: Официальный текст. М.: Маркетинг, 2001.
- Усачева О. Ю. Русский язык в функции государственного как лингвометодический объект // Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: Всероссийская научно-практическая конференция (Москва, 7 декабря 2012 г.): Сб. ст. / Отв. ред. О. Н. Киянова. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 126–130.

Славянские народы в двух интеграционных группах

Ян Черногурский

Я передаю вам привет из города Братиславы с реки Дунай!

Летописец Нестор пишет в своей летописи, что сначала все славяне проживали вокруг Дуная, но позже большинство переселились в другие страны, приняли новые имена, только некоторые из них, остались жить на первоначальных территориях. Переселившись, славяне заняли обширные территории и распространили свою культуру от Крушных гор в Чехии до Тихого океана. С другой стороны раздробление вело к тому, что со многими врагами мы воевали в одиночку и вели междоусобные войны. Но в исторической перспективе мы двигались вверх и не ждали пока нас к этому призовет философ Гердер. В первой очередь сохранил свою независимость русский народ и использовал ее на защиту не только своей культуры и свободы, но и других народностей. Сербь приносили величайшие жертвы при обороне европейских ценностей на Балканах. Чехи удержали свою самобытность и культуру в немецком окружении. Каждый народ распространял свою культуру в округе. Формы были разные, но язык и культуру мы удержали, а они удержали нас. Мы бы могли говорить о диалектике истории. В начале XIX века Россия была единственным славянским государством, но до конца века присоединились и другие, а обе мировые войны в XX веке мировая историография оценивает, как победу славян. Мы опирались на христианство и опираемся о него и сейчас — восточное или западное. В славянских странах люди посылают друг другу открытки с рождеством и не только *season's greetings*; женщины могут во всех наших странах носить на груди крест, не боясь быть уволенными с работы. Стратегическим защитником христиан в Сирии сегодня — Россия. В течении веков славяне создавали богатство, а оно притягивает. Американский госсекретарь Медлин Олбрайт высказались, что какая несправедливость, что вся Сибирь принадлежит России.

Самым великим вызовом для культурной и духовной близости славянских народов в современности кажется принадлежность наших народов к разным интеграционным группам. Вокруг России создается Евразийский союз, в середине и на западе Европы уже десятилетия функционирует Евросоюз. Евросоюз приобрел великую атрактивность и сейчас мы являемся свидетелями, как миллионы людей из Азии и Африки хотят попасть в Евросоюз, прежде всего в самые развитые страны, даже ценой очень опасной дороги через Средиземное море. Тоже в славянских странах, может быть за исключением России, Евросоюз популярен, а на Украине стал причиной взрыва цветной революции. Хотя Евросоюз и не является славянским проектом, но это не является причиной выхода из него. Евросоюз создал хорошие организационные, технические и финансовые условия для развития стран — членов, но не смог создать европейский патриотизм. Евросоюз удержится так долго, как долго будет способен предоставлять лучшие условия, чем другие международные объединения. Евросоюз не способен защищать себя, не только с точки зрения военной защиты, но и сохранения своей культуры. Навязывая мультикультурализм, таким образом наносит вред народам, ослабляя их внутреннюю обороноспособность. Европейские газеты печатают предупреждающие и пугающие статьи о признании национальной европейской идентичности во многих европейских странах. Против идеологии мультикультуры мы должны противопоставить наши народные культуры, развитие наших национальных языков и наше историческое единство. У славянских народов центральной-восточной Европы совсем недавний исторический опыт с другой попыткой интеграции на базе марксизма-ленинизма. Союз Экономической Взаимопомощи тоже предлагал своим членам модель сотрудничества на базе дешевого сырья, дешевых изделий, путем производства только согласно плану, таким образом подавляя человеческое творчество. В конце концов он распался. У ЕС подобная проблема. Если кто бы сегодня в Евросоюзе сказал, что Россия ведет оборонную войну против Запада, что политика президента Путина правильная, тот уже так легко в СМИ не попадет. Политкорректность ему это не позволит. В ЕС хотят принять новые государства и миллионы людей, но этот союз уже свой пик перешагнул. Если через полтора года Великобритания будет голосовать в референдуме за выступление из ЕС, если во Франции изберут президентом Марин ле Пен, если повторится финансовый кризис в каком-нибудь государстве, Евросоюз развалится. Моей целью не является говорить на этом форуме о проблемах ЕС, и я их не желаю. Я хочу только сказать, что наши культуры и наша духовная связь являются для славянских народов более мощным ручательством для нашего будущего, чем любые юридические или политические конструкции.

Санкт-Петербург, 15 декабря 2015 г.

Улогата на советот за македонски јазик во јазичното планирање во Република Македонија

Елка Јачева-Улчар

Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“ (Скопје, Македонија)

Language planning,

*National strategy for development of culture in Republic of Macedonia in the period of 2012–2017,
Council for Macedonian language, Orthography of Macedonian language.*

Советот за македонски јазик е стручно тело со советодавна функција при Владата на Република Македонија. Ова тело е формирано во 1998 година кога, всушност, е и донесен Законот за употреба на македонскиот јазик. Советот за македонски јазик е составен од претседател и осум членови на истакнати поединци од областа на културата (главно писатели, актери...), од науката и образованието (главно, доктори на науки од областа на македонскиот јазик, литература и историја, вработени на филолошките факултети, најчесто, на Филолошкиот факултет „Блаже Конески“ во Скопје или во националните институти, пред сè, во Институтот за македонски јазик „Крсте Мисирков“ — Скопје. Членовите на Советот се назначуваат од Владата на Република Македонија, по предлог на Министерството за култура, како и на Министерството за образование и наука на Р Македонија, со мандат од четири години со можност за повторно именување.

Советот за македонски јазик, врз основа на чл. 9 и чл. 10 од Законот за употреба на македонскиот јазик, од самото формирање до денес ги врши следниве работи:

- дава мислења, предлози, упатства и препораки за употребата, односно заштитата, унапредувањето и збогатувањето на македонскиот јазик, вклучувајќи ја и терминологијата од сите научни области;
- дејствува во правец на изнаоѓање форми и решенија за заштита, унапредување и збогатување на македонскиот јазик;
- предлага програми за заштитата, унапредувањето и збогатувањето на македонскиот јазик во сите области на службената комуникација, што ги доставува до Владата на Република Македонија;
- дејствува на полето на соодветна јазична образованост и култура;
- соработува со научни институции во Републиката и во странство;
- издава публикации за македонскиот јазик и врши други работи.

Министерот за култура, по предлог на Советот, основа комисија за полагање испит за лектор, која е составена од претседател и двајца членови, од редот на стручни лица за оваа област, со мандат од четири години, со можност за повторно именување. Со последните измени во Законот за употреба на македонскиот јазик, полагањето на лекторскиот испит е предвидено да се изведува електронски.

Последниот состав на Советот за македонски јазик со мандат за периодот 2012–2016 година, поднесе свои предлози, кои се јавуваат како приоритетни за македонскиот јазик, во Националната стратегија на Министерството за култура на Р Македонија за периодот 2012–2017 година. Како најприоритетни СМЈ ги постави следниве прашања кои се од особено значење за македонскиот јазик: дополние на Правописот на македонскиот јазик кој излезе од печат во 2015 година, изработка на Етимолошки речник, изработка на Академска граматика на македонскиот јазик, како и формирање Комисија за стандардизација на географските имиња.

Содержание

<i>В. А. Садовничий. Приветственное слово</i>	5
<i>М. Л. Ремнёва. Приветственное слово</i>	8

Аспектология:

проблемы славянского вида и аспектологической терминологии

<i>Р. Бенаккьо. Образование видовых пар в резьянском диалекте</i>	11
<i>Е. В. Горбова. Словоизменение в рамках русского видообразования — еще раз о болевых точках</i>	13
<i>О. К. Грекова. Миративность, эвиденциальность, выделенность: общий факт, территория запрета</i>	15
<i>А. Дерганц. Глагольный вид словенского глагола 'iti' и чешского глагола 'jit'</i>	18
<i>Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян. «Вечные вопросы» русской аспектологии: вариант ответов</i>	20
<i>Зорихина-Нильссон Н. В. Еще раз о нейтрализации видового противопоставления в современном русском языке</i>	22
<i>Ю. Канэко. Словообразовательный потенциал выражения аспектуальных значений в русском и японском языках</i>	24
<i>Е. В. Падучева. Термин «ракурс» и семантика вида в дискурсивном контексте</i>	26
<i>Е. В. Петрухина. О терминологических проблемах славянской аспектологии (предельность лексическая и грамматическая, типы процессного и общефакти- ческого значений)</i>	29
<i>Ю. Пионтовская. Дискурсивные функции видовременных категорий в лирике — на примере анализа стихотворений Осипа Мандельштама</i>	32
<i>Е. Э. Пчелинцева. Семантические типы предела и номинализация глаголов в русском, украинском и польском языках</i>	33
<i>Н. Г. Самедова. К уточнению понятия предельность (взгляд сквозь призму нетрадиционной аспектологической теории)</i>	35
<i>Светлана Славкова. О разновидностях общефактического значения НСВ в свете их темпоральных соответствий</i>	38
<i>Е. Я. Титаренко. Глаголы с семой итеративности в русском языке</i>	40
<i>А. Д. Шмелев. Видовые пары и «видовые тройки»: объект или инструмент описания?</i>	42
<i>Л. Шольце. Глаголы движения и глагольный вид в верхнелужицком языке в сравнении с русским языком</i>	45
<i>Н. R. Mehlig. Общефактическое значение НСВ</i>	47

Балтославянские языковые, литературные, культурные связи в современном мире

<i>О. М. Голубенко. Особенности функционирования фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и литовском языках</i>	52
<i>И. В. Диманте. Русский язык среди языков Латвии</i>	54
<i>А. В. Логинова. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в Латвии: перевод и интерпретация</i>	57
<i>Ана Окушкайте. Современный язык общения жителей литовско-беларуского пограничья</i>	60
<i>С. Л. Полковникова. Отражение национальной специфики языка в двуязычной лексикографии (на материале латышско-русского иллюстрированного словаря)</i>	62
<i>Ирита Саукане. О некоторых лингвометодических аспектах преподавания латышского языка как иностранного в воскресной школе</i>	64
<i>О. В. Синёва, Ирита Саукане. Социолингвистическая характеристика литовской и латышской диаспоры в г. Москве</i>	66
<i>И. А. Тейлане. Отражение языковых контактов в глаголах ницгальского говора</i>	67

<i>О. Л. Филина.</i> Современные стратегии изучения литературы в условиях диаспоры.....	69
<i>М. Б. Халимоне.</i> Кинетические сигналы агрессии в рассказах А. П. Чехова и Р. М. Блауманиса	72

Библейские традиции.

Проблемы кодификации славянских литературных языков

<i>Е. Н. Бекасова.</i> Наследие старославянского языка: пределы проницаемости системы русского литературного языка	75
<i>И. В. Вернер.</i> Максим Грек и филологическая критика библейского текста в «Преводных строках» (РНБ, Сол. 862/752)	77
<i>М. М. Горина.</i> Реформа словацкого литературного языка 1852 г. и ее оценка лингвистами	80
<i>А. В. Духанина.</i> О переводах Жития Сергия Радонежского	82
<i>В. С. Ефимова.</i> К вопросу о формировании лексического инвентаря старославянского языка: место калькирования в словотворчестве книжников	84
<i>Н. Н. Запольская.</i> Кодификация церковнославянского языка в Московской Руси в пер- вой половине XVII в.: ретроспектива и перспектива лингвистической рефлексии	87
<i>Инь Сюй.</i> Особенности реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г.	89
<i>В. В. Каверина.</i> Орфография разных изданий «Российской Грамматики» М. В. Ломоносова, помеченных 1755 годом: проблемы интерпретации	91
<i>Е. И. Кислова.</i> «Грамматичное учение» в 1720-х гг.: из истории преподавания русской / церковнославянской грамоты	94
<i>А. Г. Кравецкий.</i> К истории функционирования церковной графики при издании литургических текстов	96
<i>Е. А. Кузьмина.</i> «Книга глаголема буквы»: стратегия грамматического описания и принципы организации парадигм	98
<i>В. Г. Кульпина, В. А. Татаринов.</i> Концептуально-когнитивные и терминографические принципы конструирования богословских словарей в славянских странах	100
<i>К. В. Лифанов.</i> Соотношение бернолаковщины и кодификации А. Бернолака	103
<i>Ма Цзя-ин.</i> «Грамматика словенская» Федора Максимова (1723 г.): учение о синтаксических связях и их компонентах	104
<i>А. Ю. Михайленко.</i> Поэтические вольности в произведениях Симеона Полоцкого	106
<i>Н. Г. Николаева.</i> Метафора состязаний как представление о жизни во Христе в переводной древнеславянской книжности	107
<i>А. С. Новикова.</i> К вопросу о южнославянских источниках евангельского текста Острожской Библии	109
<i>М. Г. Обижаева.</i> Кодификаторские решения в первых сербских грамматиках церковнославянского языка: русский и западноевропейский контекст XVIII в.	112
<i>Й. Онда.</i> Соотношение между причастием в краткой формой и предикативом	113
<i>Н. М. Орлова.</i> «Wówczas to oboje spojrzeliśmy wstecz»: библейская ситуация в художественном тексте	114
<i>Т. В. Пентковская, Н. К. Котова.</i> Перевод с нескольких разноязычных оригиналов как особый тип библейского текста в поздней восточнославянской традиции	117
<i>Е. В. Федорова.</i> Настоящее историческое в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на примере Евангелия от Марка).....	119
<i>Елена Шимко.</i> Корпус церковно-славянских текстов как инструмент изучения истории русского литературного языка.....	122

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков. Морфология

<i>М. Браксаторис.</i> Формальный контраст между падежами нарицательных существительных в словацком и русском языках	125
<i>В. Г. Брой.</i> Славянский местный падеж в молиско-славянском языке и его диалектах	127

<i>Е. Н. Виноградова.</i> Об объективности категоризации предлогов	129
<i>М. В. Всеволодова.</i> О некоторых грамматических проблемах современных славянских языков	131
<i>Т. И. Галеев, Ле Туан Линь.</i> Опыт количественного описания эволюционной динамики глагольной парадигмы в русском литературном языке на этапе смены нормы	133
<i>Саня Ж. Джурович.</i> О некоторых актуальных изменениях в морфологии прилагательных в сербском языке	135
<i>А. А. Загитко.</i> Семантическая типология локатива: динамические процессы.....	137
<i>М. Макевич.</i> Типы склонения в позднем праславянском языке и их судьба в русском и сербском языке.....	140
<i>К. Митани.</i> Сложное будущее II и глагольная форма с префиксом <i>из-</i> в хорватском языке	141
<i>Т. Е. Чаплыгина.</i> О системных предложных единицах, которые не в ладах с нормами русского языка	143

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков. Синтаксис

<i>И. В. Галактионова.</i> Слово <i>один</i> в русских количественных конструкциях	146
<i>Н. А. Герасименко.</i> Аналитические конструкции с семантикой соответствия в русском языке	149
<i>Е. Г. Жидкова.</i> К проблеме неоднозначности субстантивных синтаксисом (на материале синтаксемы <i>перед</i> + Твор. п.).....	151
<i>Милка Николич.</i> Синтаксические конструкции со значением сравнения и образа действия в языке печатных средств массовой информации (на примерах современного сербского языка).....	152
<i>М. Пила.</i> Условные конструкции в резьянском языке	154
<i>В. Б. Портнова.</i> Регистровая принадлежность конструкций с препозитивным атрибутивным оборотом при местоименном подлежащем в абсолютном начале предложения	156
<i>Ю. В. Роговнева.</i> К вопросу о структуре предложений в нефикциональных текстах репродуктивного регистра (на примере репродуктивных описаний человека).....	157
<i>В. С. Савельев.</i> Иллокутивная полифункциональность древнерусских высказываний (на материале «Повести временных лет»)	159
<i>К. Сугаи.</i> Сравнительный анализ структуры удвоения глагольных аргументов в русском и болгарском языках	162
<i>Рина Судзуки.</i> Способы выражения количественности в русском языке (в зеркале японского языка).....	163
<i>Срето З. Танасич.</i> Бессоюзные предложения в современном сербском языке	164
<i>Младен Ухлик, Андрея Желе.</i> Особенности двух типов субстантивной предикации в словенском языке	166
<i>М. Ю. Чикиль.</i> Вербализация квантитативных оценочных значений синтаксическими средствами языка в текстах детской литературы.....	169

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков. Словообразование

<i>И. Алчевска.</i> Префиксы <i>раз-</i> / <i>рас-</i> , <i>разо-</i> и <i>про-</i> у глаголов движения с пространственным значением в русском и македонском языках — контрастивный анализ.....	172
<i>Е. О. Борзенко.</i> Образование форм сравнительной степени от причастий в русском языке XX–XXI веков	174
<i>Т. А. Корнеева.</i> Образования нулевой суффиксации в системе индоевропейского словообразования.....	176
<i>Л. В. Красильникова.</i> Производные с суффиксами субъективной оценки: сопоставительный аспект	178
<i>О. В. Кукушкина.</i> Эффект «неперфективации» в славянских приставочных глаголах	180

<i>О. О. Лешкова.</i> Новые явления в категории феминативов (на материале современного польского языка).....	182
<i>Е. М. Маркова, Т. Григорянова.</i> Активные процессы в славянском глагольном словообразовании.....	185
<i>И. Палоши.</i> К вопросу о глаголах с циркумфиксом <i>до-...-ся</i>	187
<i>А. А. Плетнева.</i> Словообразовательные и семантические инновации в церковнославянских текстах русского происхождения.....	190
<i>В. Г. Фатхутдинова.</i> Поведенческие стереотипы в лексической и словообразовательной семантике русского глагола.....	191

Славянская диалектология в синхронии и диахронии

<i>М. М. Алексеева.</i> Вариативность в говоре пихтинских голендров.....	195
<i>Н. Е. Ананьева.</i> О некоторых типах гибридных образований в славянских языках (на материале русского и польского языков).....	197
<i>Т. Е. Баженова.</i> Проблема генезиса самарских переселенческих говоров.....	199
<i>И. В. Безуг.</i> О происхождении рус. <i>прибамбас</i>	201
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Лингвокультурологическое описание диалектных нарративов.....	204
<i>М. М. Громова.</i> Клитики в паннонской группе диалектов словенского языка.....	207
<i>J. Dudasova-Krissakova.</i> Miesto slovanských spisovných mikrojazykov v rodine slovan- ských jazykov.....	209
<i>С. В. Дьяченко.</i> Архаическое яканье в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области.....	212
<i>Л. Э. Калынь.</i> Особенности включения славянских диалектов в современную языковую ситуацию.....	215
<i>И. Б. Качинская.</i> Номинация отца в архангельских говорах.....	217
<i>Е. В. Колесникова.</i> Семантика прилагательного <i>красный</i> в архангельских говорах.....	220
<i>Н. А. Красовская.</i> Репрезентация образа жизни русского крестьянина в диалектных глаголах с семантикой физического воздействия (на материале тульских говоров).....	222
<i>А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова.</i> Предлог <i>у < *и, *въ</i> в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика.....	224
<i>С. А. Мызников.</i> «Словарь української мови» Б. Д. Гринченко в контексте русской лексикографии.....	227
<i>Е. А. Нефедова.</i> Виртуальное и актуальное в семантике глагольного слова (на материале говоров архангельского региона).....	230
<i>Ж. А. Панина.</i> Номинации праздников в честь «парных» святых в говорах архангельского региона.....	232
<i>О. Г. Ровнова.</i> <i>Ватный, полуватный, алгодоновый:</i> лексика одежды в русских говорах Южной Америки.....	234
<i>М. Г. Соломатина.</i> Прилагательное <i>божественный</i> и его значения в архангельских говорах.....	236
<i>А. В. Тер-Аванесова, А. В. Малышева.</i> Новые данные о формах, восходящих к плюсквамперфекту, и близких им по значению конструкциях в южнорусском говоре.....	238
<i>В. П. Щаднева.</i> Этнокультурное сознание староверов Эстонии.....	241

История и предыстория славянских языков

<i>М. Н. Белова.</i> Морфология глагола в идиолекте Григория Цамблака как отражение ретроспективной нормы и живых особенностей болгарского языка XIV–XV вв.....	244
<i>Т. И. Вендина.</i> Судьба праславянского слова в свете новых данных Общеславянского лингвистического атласа.....	246
<i>Е. А. Галинская, А. Ч. Пиперски.</i> Возвратные причастия на <i>-сь</i> в истории русского языка.....	249
<i>М. Гочанин.</i> О неким моделям глагольных допуна у српском језику (на примерима из XVI и XVII века).....	252

<i>Т. А. Джангобекова, Л. М. Устюгова.</i> Андрей Курбский как переводчик.....	254
<i>И. В. Ерофеева.</i> Функционально-семантические особенности адъективов с суффиксом <i>-ьск-</i> в языке летописных сводов	257
<i>В. В. Калугин.</i> Русское влияние на сербскую письменность в XVI веке (Лесновский список Толковых пророчеств).....	259
<i>Е. Ф. Киров.</i> Падение редуцированных как реформа орфографии	262
<i>Е. А. Мишина.</i> Имперфективный аорист в древнерусских летописях	264
<i>Н. В. Николенкова.</i> Грамматические особенности церковнославянского научного текста XVII в.: система служебных слов	267
<i>А. И. Плотникова.</i> Факторы присоединения существительными мужского рода окончания <i>-у</i> в местном падеже единственного числа.....	269
<i>Владимир Р. Поломац.</i> К вопросу об этимологии старосербского термина <i>soh(e)</i>	271
<i>М. В. Турилова.</i> Церковнославянизмы в лексико-семантическом поле «Безумие»	273
<i>А. К. Шапошников.</i> Древнейшие ономастические следы праславянского вида в Восточной Европе	277
<i>М. Н. Шевелёва.</i> К вопросу о хронологии процесса перестройки системы прошедших времен в восточнославянском ареале: диалектные различия.....	280
<i>Матей Шекли.</i> Гипотеза о западно-южнославянском праязыке: критический обзор.....	282

Классические языки в славянском мире

<i>О. С. Павлова.</i> <i>Praetoriola</i> в Vulg. Ezech. 27:6 и его соответствия в церковнославянском и русском переводе	285
<i>О. М. Савельева.</i> Перевод В. А. Жуковского поэмы «Одиссея» в русской литературной критике	288
<i>Т. Ф. Теперик.</i> Греческая трагедия в русских переводах (опыт М. Л. Гаспарова)	290

Концептосферы славянских языков: традиции и развитие

<i>О. І. Андрейченко.</i> Метафора <i>фауна</i> в сучасному публіцистичному дискурсі.....	294
<i>Э. Бртанёва.</i> Славянский мир в проповедях Яна Коллара.....	296
<i>М. М. Валенцова.</i> Балто-славянские параллели в сфере низшей мифологии	298
<i>Н. В. Габдреева.</i> Модели ассимиляции иноязычного прототипа в славянских языках.....	301
<i>Л. А. Жданова.</i> Закон в русском языке и картине мира	303
<i>С. В. Капустина.</i> Элементы фольклорной концептосферы в творчестве Ф. М. Достоевского: рецепция и интерпретация.....	306
<i>Е. И. Колосова.</i> Этнокультурная специфика паремий с компонентом-антропонимом (на материале русского и польского языков)	309
<i>В. А. Косова, Д. Саболова.</i> «Переведи меня через майдан»: о развитии деривационного потенциала одного из ключевых слов эпохи в русском и словацком языках	311
<i>А. Н. Матрусова.</i> Концепт «красота» в славянских народных песнях	314
<i>Теодора Мијић.</i> Митско биће змај код древних Срба и Руса.....	315
<i>Н. И. Миронова.</i> О метафорическом потенциале прилагательного <i>агрессивный</i> в современном русском языке.....	318
<i>О. В. Моргунова (Атрошенко).</i> «Петр с колосом, Илья с колобом»: календарная оппозиция в культурном и языковом кодах восточных славян	320
<i>Анна Нью.</i> Рука / руки как объект оценки в русском языке.....	323
<i>К. В. Осипова.</i> <i>Щи</i> в культурно-языковой традиции Русского Севера.....	325
<i>А. Пиасецка, Е. П. Иванян.</i> Антропоцентрические коннотации в номинациях животных (русско-польские сопоставления).....	327
<i>О. А. Сеничева.</i> Вербальная символика розового в русской фразеологии.....	330
<i>А. М. Сердюк.</i> Фразеологізми на позначення мовленнєвої діяльності у слов'янських мовах	332
<i>О. Н. Шапкина.</i> Отражение культурных ценностей польского общества в польской языковой картине мира.....	333
<i>Е. И. Якушкина.</i> Честь и совесть в сербской народной культуре	336

Лексикология и лексикография славянских языков

<i>Н. В. Боронникова, Е. В. Верижникова.</i> Междометия-метарефлективы в македонском языке	339
<i>А. А. Горбов.</i> Некоторые вопросы этимологического описания заимствований в русском языке начала XXI века	341
<i>О. В. Дедова, В. В. Подольская.</i> Семантическое поле ИНТЕРНЕТ: к проблеме лексикографического описания	344
<i>Јасминка Делова-Силјанова.</i> Карактеристики на соматската фразеологија	346
<i>Т. С. Козлова.</i> Мелиоративные переименования улиц г. Самары советского периода	348
<i>С. Коларевич.</i> Названия холодных цветов в русских и сербских вербальных ассоциациях	351
<i>М. Л. Кулешова.</i> Словенские глаголы падения в лексико-типологической перспективе	352
<i>И. А. Меркулова.</i> Суммарное параметрическое ядро славянской лексики и его характеристика	354
<i>М. М. Милкович.</i> Нестандартные глагольные лексемы, употребляющиеся для описания действий на компьютере, в интернете и социальных сетях в сербском языке	357
<i>Биљана Мирчевска-Бошева.</i> Електронските јазични корпуси и нивната примена во наставата и истражувањата	358
<i>Љ. Митурска Бояновска.</i> Современная картина мест общественного питания в России	359
<i>В. О. Нечаевский.</i> Лексические особенности профессионального жаргона польских моряков	362
<i>Јацек Новаковски.</i> Местные наименования — хранилище знаний о культурном наследии региона	364
<i>Јан Носович.</i> Коммуникативно-прагматический аспект эргонимии современного города (на примере польских наименований)	366
<i>И. С. Правдина.</i> Контрастивное описание семантической истории терминов родства (на материале русского и сербского языков)	369
<i>Г. С. Сырица.</i> Об образном компоненте коннотации	371
<i>О. Е. Фролова.</i> Парадигматические отношения в общелитературном и профессиональном юридическом лексиконе	373
<i>С. И. Христова, В. А. Няголова.</i> Соматические фразеологизмы в аспекте профессионально-коммуникативной компетентности медиков	375

**Славянские литературы:
типологические схождения и национальное своеобразие**

<i>И. Е. Адельгейм.</i> «Каждый раз, когда я смотрю на этот снимок...» Фотография в польской прозе 1990–2000-х гг.	378
<i>Н. В. Баландина.</i> Опыт создания хрестоматий по современной русской литературе для иностранных учащихся	380
<i>Е. М. Баранская.</i> Творческое наследие Я. П. Полонского: автобиографический аспект	383
<i>Александр Бельчевич.</i> Литература и этика: оскорбления в литературе в Словении	385
<i>Гун Цинцин.</i> Синтез приемов киноискусства и литературы как форм выражения авторского сознания в повести В. С. Маканина «Голоса»	387
<i>Д. Гучкова.</i> Жанр «беседы» в словацкой литературе рубежа XIX–XX веков	389
<i>Е. В. Жуйкова.</i> Работа с документом как творческий принцип А. И. Солженицына и Д. Чосича	391
<i>И. Е. Иванова.</i> Образы неволи у Ф. М. Достоевского и И. Андрича	393
<i>Г. Я. Ильина.</i> Хорватская литература в современной России	395
<i>Е. П. Колинко.</i> Интермедиаальный дискурс модернистской новеллы	396
<i>П. В. Королькова.</i> Босния и Герцеговина в литературно-критическом наследии Ивана Ловреновича	399

<i>Е. И. Курсакова.</i> Традиции словацкой религиозной поэзии	401
<i>Н. А. Лунькова.</i> Тип героя в болгарской «инфантильной прозе» 1970-х гг.	403
<i>Н. Н. Матвеева.</i> Мир «кино» в поэтических текстах Ю. Левитанского: деривационно-семантический аспект	405
<i>А. Г. Машикова.</i> О некоторых особенностях поэтики прозы Павла Виликовского	407
<i>А. С. Моругина.</i> Мотив странствия в романах Драго Янчара «Галерник», «Северное сияние» и «Звон в голове»	410
<i>Видан Николитч.</i> Темы и мотивы в семейном цикле стихов о «Гасанагинице» в сербском языке (лингвокультурологический аспект)	412
<i>Ю. П. Прядко.</i> Творчество С. Довлатова в американском научно-критическом дискурсе (вторая половина 1990-х гг.)	414
<i>Сай На.</i> Актуальные проблемы изучения русской литературы в Китае (на примере творчества И. С. Тургенева)	416
<i>Е. Ю. Сафронова.</i> Барнаул в творческой рефлексии Ф. М. Достоевского	418
<i>Н. Н. Старикова.</i> Современный словенский роман как отражение социокультурных трансформаций	421
<i>О. В. Цыбенко.</i> Мученический трагизм и поэтика контраста в повести Ю. Кавальца «На солнце»	423
<i>М. Ш. Шарифов.</i> Художественная утопия и художественная антиутопия в русской литературе (конец XVIII — начало XX века)	424
<i>Л. Ф. Широкова.</i> Словацкий исторический роман. 1970–1980-е гг. (В. Шикла, Я. Йоганидес, П. Ярош)	425
<i>С. Н. Юсупова.</i> «Грамота о Крестном монастыре» патриарха Никона	426
Преподавание славянских языков: теория и практика	
<i>Тюлай Акбаба.</i> Методика обучения употреблению видов русского глагола в турецкой аудитории	429
<i>Љ. Бајић.</i> Час у школској библиотеци	431
<i>В. В. Белоусова.</i> Коммуникативная грамматика: проблемы и перспективы использования в курсе чешского языка для иностранцев	434
<i>Ван Минь.</i> Методика преподавания русского языка как иностранного в КНР: история и современность	436
<i>Н. В. Величко.</i> Развитие филологического образовательного пространства Крыма с учетом культурологических и исторических региональных особенностей	439
<i>Маханбет Джусупов.</i> Образовательные статусы русского языка как первого иностранного	441
<i>Н. А. Емельянова, Л. В. Еришова.</i> Дискурсивные особенности русской и английской диалогической речи в аспекте лингводидактики	444
<i>В. Ф. Загороднова.</i> Контрастивная лексикология как лингвистическая база кросс-культурного обучения языкам учащихся-билингвов	446
<i>О. Н. Короткова.</i> Обучение этикету общения в аспекте русского языка как иностранного	449
<i>А. Г. Лилеева.</i> Другому как понять тебя? (анализ художественного текста на занятиях РКИ)	451
<i>Т. Х. Лоикова-Насенко.</i> Ошибки в речи чешских студентов, изучающих русский язык как иностранный	453
<i>А. В. Моргунов.</i> Лингводидактический аспект изучения словообразовательной системы (на материале дезономической деривации)	456
<i>С. А. Москвичева, Л. А. Нестерская.</i> Проблема представления фоновых знаний в учебном тематическом словаре	459
<i>М. М. Муцинина.</i> Межъязыковое понимание в преподавании русского языка	461
<i>Е. Ю. Николенко.</i> Интерактивность дистанционного обучения	462
<i>И. В. Одинцова.</i> «Тематические примитивы» — основа обучения иностранному языку	464

<i>М. Руис-Соррилья Крусате, Л. А. Дунаева.</i> Лингвокультуроведческий минимум для инофонов: практика создания и использования в России и за рубежом.....	466
<i>Г. Саяма.</i> Эффективный способ увеличения словарного запаса с использованием радиальной категории префиксов <i>про-</i> и <i>пере-</i>	469
<i>Л. В. Эглит.</i> Формирование лингвометодических компетенций студентов-словесников национальных групп в процессе изучения русского правописания.....	472

Этнокультурное сознание и проблемы перевода

<i>С. М. Белякова.</i> Инвективы в чешском тексте: к проблеме перевода.....	475
<i>Е. С. Вучкович.</i> Об отсутствии отражения в переводе некоторых речевых отступлений от литературных норм (на материале сербских переводов повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»).....	477
<i>Наталья Дукатова.</i> Переводы русской литературы для детей и молодежи в культурно-историческом контексте 50-х годов XX века.....	479
<i>М. Н. Коннова.</i> Темпоральные смыслы стихотворения Б. Л. Пастернака «Когда разгуляется»: оригинал и перевод на английский язык.....	481
<i>А. Ю Краев, Д. Саболова.</i> Специфика передачи некоторых словацких реалий средствами русского языка.....	484
<i>Ю. В. Кудрявцева.</i> Некоторые трудности перевода общественно-политических текстов с русского на болгарский язык (методический аспект).....	487
<i>Э. Ниами.</i> Язык СМИ: Трудности перевода с русского на македонский.....	489
<i>Е. В. Тимонина.</i> Межъязыковая грамматическая асимметрия как проблема перевода (анализ студенческих переводов).....	490
<i>Тыртова Г. П.</i> О некоторых причинах неадекватности эквивалентного перевода (на материале перевода на сербский язык повести С. Довлатова «Заповедник»).....	493

Славянские языки

в современных средствах массовой коммуникации и в Интернете

<i>Го Бинь.</i> Тактики отождествления и солидаризации в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным».....	496
<i>Л. Р. Дускаева.</i> Текстовые метафоры в русскоязычных журналистских публикациях.....	499
<i>Адела Зобеница.</i> Српски језик и језик масовних медија. Социолошки аспект.....	501
<i>Т. В. Калугина.</i> Метафора как средство мифологизации в публицистическом дискурсе.....	503
<i>Р. А. Каримова.</i> Ситуация как фактор жанровой обусловленности устного медиадискурса.....	505
<i>В. И. Коньков.</i> Поликодовый печатный текст: авторы и создатели.....	508
<i>О. В. Красовская.</i> Украинские вкрапления в русских медиатекстах как прием создания антиимиджа Украины.....	510
<i>Е. И. Литневская.</i> Об особенностях некоторых текстообразующих признаков в письменной разговорной речи.....	512
<i>Т. С. Моница.</i> Прагматические функции газетного заголовка.....	515
<i>Т. И. Никишина.</i> Манипулятивные стратегии и тактики политического дискурса.....	518
<i>Т. Г. Роцектаева.</i> Номинация должности и рода занятия лица в современном российском медиатексте.....	520
<i>Т. В. Чернышова.</i> Тексты СМИ, культура речи и общий жаргон.....	521
<i>О. М. Ятчук.</i> Интерактивное телевидение: перспективы изучения языка.....	523

Славяноязычная коммуникация: текст, стиль, дискурс

<i>Э. А. Бахича.</i> Лингвокультурема «жизнь» в языковой матрице идиостиля А. Аверченко (на примере сборника «Нечистая сила»).....	526
<i>С. В. Доронина.</i> Речевой экстремизм как вид речевой агрессии.....	528
<i>В. А. Немкова.</i> Способы подключения к пространственно-временной точке зрения героя (на материале оригинала и английского перевода повести В. Маканина «Лаз»).....	530
<i>О. А. Остапчук.</i> Языковая мозаика в романе Маргариты Хемлин «Дознатель».....	533

<i>С. Б. Потемкин.</i> Рождение апокрифа	535
<i>Е. В. Суровцева.</i> Личность В. И. Ленина в жанре «письма вождю» (на материале открытых писем А. Т. Аверченко В. И. Ленину)	537
<i>А. В. Уржа.</i> Вокруг интерпретируемого текста: модусная семантика переводческих сносок	540
<i>Д. Ч. Чанг.</i> Авторские метафоры как средство формирования идиостиля М. А. Булгакова (На материале романа «Мастер и Маргарита»)	542
<i>Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева.</i> Заимствования из славянских языков в русской поэзии XX века	544

Методологические аспекты изучения и преподавания славянской филологии

<i>Е. М. Большевича.</i> Изменение русского обыденного метаязыкового сознания в эпоху ЕГЭ	548
<i>М. Я. Дымарский.</i> Протодейксис и речевая модусная рамка	550
<i>А. И. Изотов.</i> Новый самоучитель чешского языка для русских	553
<i>А. К. Киклевич.</i> Постмодернизм и славянская филология: проблемы теории и мето- дологии современных исследований славянских языков, литератур и культур	555
<i>И. В. Нечаева.</i> Процесс становления письменной нормы в период активных языковых изменений	557
<i>Г. А. Николаев.</i> Словообразовательный словарь современного русского языка: новые решения	559
<i>И. А. Седакова.</i> Новые ракурсы Московской этнолингвистики в свете культурно-языковой ситуации в Болгарии и России в XXI в.	560
<i>М. Ю. Сидорова.</i> Русский естественнонаучный учебный текст в эпоху понятийного обучения и англификации науки и образования	562
<i>З. Ф. Юсупова.</i> Текст как единица культуры в обучении русскому языку	564

Научная фантастика славянских стран: взгляд в прошлое и будущее

<i>О. С. Бочкова.</i> Баланс фантастичности и прогностичности в экологической фанта- стике, создаваемой учеными (на материале повести «Популярная глобалистика» Р. Р. Габдуллина, И. В. Ильина, А. В. Иванова, Е. Е. Захарова)	567
<i>Е. Н. Ковтун.</i> Фантастика славянских авторов в восприятии современного читателя (из опыта чтения межфакультетских курсов в МГУ имени М. В. Ломоносова)	567
<i>Б. А. Ланин.</i> Утопическое государство в рассказе В. М. Шукшина «Штрихи к портрету»	570
<i>А. М. Лобин.</i> Художественная философия истории в современной исторической фантастике	572
<i>К. Г. Фрумкин.</i> Постмодернизм и формализм в современной российской альтернативно-исторической фантастике	574
<i>Салида Шаммед кызы Шарифова.</i> Сравнительный анализ художественной утопии и антиутопии: жанровая природа, особенности фантастического допущения и философского дискурса	577

Славянский фольклор: история и современность

<i>Дарина Антонякова.</i> Символика образа печи в поверьях, приметах, обычаях и обрядках	582
<i>Г. М. Васильева.</i> «Советская пастораль» А. Н. Егунова	584
<i>М. Ю. Михайлова.</i> Семантика невыразимого в русском фольклоре	586
<i>Н. И. Федорова.</i> Отрицание в русской народной загадке	589
<i>А. И. Чиварзина.</i> Символика цвета в македонской свадебной обрядности (балканская триада)	591
<i>М. В. Ясинская.</i> Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян	594

Актуальные вопросы изучения фонетики славянских языков

<i>Е. Л. Бархударова.</i> Соотношение консонантизма и вокализма в славянских языках в контексте обучения произношению.....	597
<i>Г. Е. Кедрова, Н. В. Анисимов, Л. М. Захаров.</i> Новые данные о коартикуляционных процессах русского вокализма (по результатам МРТ-исследования артикуляторных механизмов русского языка).....	599
<i>О. И. Климкина.</i> Особые русские звуки [ц] и [ш':]: традиции фонетической интерпретации в учебной литературе Турции	602
<i>С. В. Князев.</i> Ассимиляция согласных на стыках слов как показатель отсутствия просодического шва в современном русском языке.....	605
<i>С. А. Крейчи, О. Е. Фролова.</i> Межъязыковая интерференция русскоговорящих носителей польского и чешского языка.....	608

Языковая ситуация и языковая политика в славянских странах

<i>Г. Г. Амбардарян.</i> О языковой ситуации в Республике Армения	611
<i>А. Л. Вусик.</i> Основные факторы формирования языковой ситуации	613
<i>Мара Кнежевић.</i> Актуелни процеси словенских језика на простору бивше СФР Југославије	615
<i>Е. С. Крючкова.</i> Стандартный украинский язык: варианты.....	617
<i>А. Д. Маймакова.</i> Русский язык в формировании полиязычной и поликультурной личности студентов-репатриантов Казахстана	620
<i>Г. П. Пилипенко.</i> Украинский язык в Аргентине и Парагвае: социолингвистическая ситуация	622
<i>О. Ю. Усачева.</i> Некоторые актуальные вопросы функционирования русского языка в качестве государственного	623
<i>Ян Чарногурский.</i> Славянские народы в двух интеграционных группах.....	626
<i>Елка Јачева-Улчар.</i> Улогата на советот за македонски јазик во јазичното планирање во Република Македонија	627

Организационный комитет III Международного научного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире»

В. А. Садовничий
(председатель)	– академик, доктор физико-математических наук,
профессор, ректор МГУ
М. Л. Ремнёва
(заместитель председателя,
председатель
Программного комитета)	– доктор филологических наук, профессор,
декан филологического факультета МГУ
О. В. Дедова
(заместитель председателя)	– доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка филологического факультета МГУ
А. С. Евтихиева
(ответственный секретарь)	– кандидат филологических наук, преподаватель
кафедры русского языка для иностранных
учащихся филологического факультета МГУ
А. А. Варламов
(секретарь по компьютер-
но-информационным
вопросам)	– программист Учебно-научного компьютерного
центра филологического факультета
О. В. Александрова	– доктор филологических наук, профессор,
зам. декана по научной работе, зав. кафедрой англ-
ийского языка филологического факультета МГУ
Н. Е. Ананьева	– доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой славянской филологии
филологического факультета МГУ
Е. В. Петрухина	– доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка филологического факультета МГУ
А. И. Изотов	– доктор филологических наук, профессор
кафедры славянской филологии филологического
факультета МГУ
О. В. Синёва	– кандидат филологических наук, директор Центра
баллистики филологического факультета МГУ
Г. Е. Кедрова	– кандидат филологических наук,
заместитель декана по международным связям
филологического факультета МГУ

Т. И. Вендина	– доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром ареальной лингвистики славяноведения РАН
Е. Ф. Киров	– доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Института русского языка им. А. С. Пушкина
С. Танасич
(Сербия)	– доктор филологических наук, директор Института сербского языка Сербской академии наук
Я. Чарногурский
(Словакия)	– доктор философии, профессор, председатель Словацко-российского общества
В. Гладров
(Германия)	– доктор философии, профессор, почетный доктор МГУ имени М. В. Ломоносова
Розанна Бенаккио
(Италия)	– профессор отделения языка и литературы Университета г. Падуи
М. Ухлик
(Словения)	– доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Отделения славистики философского факультета Университета г. Любляна

В. А. Садовничий
ректор МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН,
председатель Оргкомитета симпозиума

Глубокоуважаемые члены Президиума, дорогие коллеги!

Я рад приветствовать вас на III Международном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» — представительном форуме филологов-славистов из разных стран, изучающих древние и современные славянские языки, фольклор и славянские литературы в самых разнообразных аспектах. Все эти дисциплины составляют славянскую филологию — науку, формирование которой начинается в первые десятилетия XIX в., и Московский университет был среди первых центров, в котором славистика стала научной и учебной дисциплиной. 205 лет назад, в 1811 году, в Московском университете на отделении словесных наук была открыта первая в России кафедра славянской словесности, а в 1835 г. была учреждена кафедра истории и литературы славянских наречий. Первыми учеными-славистами Московского университета были М. П. Погодин, М. Т. Каченовский и О. М. Бодянский.

Ученых-славистов Московского университета с самого начала отличал живой интерес к работам зарубежных славистов, в частности трудам Я. Коллара, П. Й. Шафарика, Й. Добровского и др., которые они пропагандировали на лекциях и которые стали исходной базой в создании ими собственных концепций лекционных курсов. Со многими зарубежными славистами они были лично знакомы, вели переписку и обменивались литературой. Славистический материал широко использовался и при чтении курсов по русскому языку и русской истории. Так, М. П. Погодин писал следующее: «История всякого славянского племени и государства тесно и необходимо связана с первоначальной историей всего славянского народа... с его корнем. Познание корня необходимо для познания отраслей, кои без него... остались бы непонятными».

Первые слависты Московского университета популяризировали сведения о славянах среди широкой общественности, публикуя свои работы на страницах российской периодики. Так, М. П. Погодин издавал журналы «Московский вестник» и «Москвитянин», первый профессор истории и литературы славянских наречий, а в 1837–1842 гг. ректор Московского университета М. Т. Каченовский —

журнал «Вестник Европы», О. М. Бодянский публиковал работы о славянах в журналах «Московский наблюдатель», «Сын отечества» и др. Первые слависты Московского университета сами переводили труды выдающихся зарубежных славистов. Так, М. П. Погодин перевел на русский язык книгу Й. Добровского о Кирилле и Мефодии и грамматику славянских языков, знакомство с которой являлось обязательным условием для поступления в Московский университет. О. М. Бодянский публиковал собственные переводы произведений П. Й. Шафарика. Существовали даже планы приглашения этого выдающегося чешского и словацкого слависта, а также автора первой болгарской грамматики Ю. И. Венелина на работу в Московском университете, однако им не суждено было сбыться.

В последующие годы также сохранялись тесные связи славистов Московского университета с коллегами из других славянских стран. Так, например, в 1867 г. Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете издает под названием «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная» перевод трактата лидера словацкого Возрождения Людовита Штура — страстный призыв к объединению славян: «Внемлите словам моим во всех землях и во всех округах, где только раздается Славянская речь: ознакомьте с ними всех, кто только может их понять и чувствует в себе силы на дело! Мы еще никогда не сговаривались, но зато никогда и не действовали сообща, между тем как мы все, родные братья, испытали одинаковую судьбу и наследуем одно и то же будущее».

Тесное сотрудничество выпускников и профессоров Московского университета с зарубежными славистами продолжалось и в последующие десятилетия. Их исследовательская и преподавательская деятельность была высоко оценена в славянских странах. Так, например, академик А. А. Шахматов был членом Сербской Академии наук, доктором философии Пражского университета, членом-корреспондентом Краковской Академии наук, академик В. В. Виноградов — членом Болгарской Академии наук, почетным доктором Пражского университета, академик Н. И. Толстой — иностранным членом Словенской академии наук и искусств, Сербской Академии наук, Македонской Академии наук, почетным доктором Люблинского университета имени М. Складовской-Кюри.

Значение сотрудничества славистов всех славянских стран еще более возрастает в наши дни, так как востребованные ныне комплексные знания невозможны без совместных усилий ученых, соединяющих национальные научные традиции и современные инновационные методики. Это особенно важно для сохранения особого славянского культурного и языкового пространства во всем его многообразии. Важную роль в этом деле играют такие масштабные форумы, как открывающийся ныне симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Остается только пожелать его участникам плодотворной и интересной работы.

В. Садовни

М. Л. Ремнёва
декан филологического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова
заместитель председателя Оргкомитета симпозиума

Глубокоуважаемые коллеги!

Я рада приветствовать вас на III Международном научном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире», открывающемся накануне отмечаемого во многих славянских странах Дня славянской письменности и культуры. Истоки этого праздника восходят к дню равноапостольных Кирилла и Мефодия, который отмечался в Болгарии 11 мая по старому стилю уже в XII веке. Этот праздник является одной из нитей, связывающей славян в единое целое. Славянский мир отличается тесной взаимосвязью составляющих его народов, восходящей к общности их происхождения и еще более углубившейся в результате взаимодействия и взаимопроникновения их культур. У истоков этого культурного взаимодействия и стояли славянские первоучители Кирилл и Мефодий, создавшие старославянский язык и переведшие на него все основные христианские тексты. Таким образом, славяне оказались объединены не только общностью своего происхождения, но и духовно. Благодаря первоучителям славяне стали вровень с наиболее развитыми народами древнего мира, поскольку их язык значительно раньше других языков Европы наряду с классическими языками — древнееврейским, греческим и латинским — стал языком христианского богослужения.

С самого своего возникновения литературный язык славян не был узколокальным, а приобретал общеславянский характер. Созданный на основе говора македонских славян, он начинает использоваться в Великой Моравии, затем распространяется в Сербии, Хорватии и Болгарии и, наконец, на Руси. Возникшие варианты этого языка сохраняли преемственность по отношению к его более раннему состоянию и связи друг с другом, формируя удивительное единство в многообразии. Славянская азбука — кириллица — в настоящее время используется болгарами и сербами, македонцами и южными русинами, русскими, украинцами и белорусами. Другая славянская азбука — глаголица — до конца XVIII века применялась в Хорватии. Даже у тех славянских народов, у которых литургия на

старославянском языке не сохранилась, языки демонстрируют связь со старославянским языком. Так, например, основной фонд чешской христианской терминологии по происхождению в значительной степени является старославянским.

На протяжении веков многие деятели культуры были искренними сторонниками идеи славянской взаимности, находившей разное проявление в их деятельности, в частности в создании общеславянского языка. Так, еще в XVII веке выдающийся хорватский лингвист Юрий Крижанич описал грамматику и лексический состав общеславянского языка, созданного им на основе славено-русского и хорватского. Сторонником создания общеславянского языка был и словак Ян Геркель, опубликовавший в 1826 г. «Основы общеславянского языка» и введший термин панславизм. Страстным сторонником идеи славянской взаимности был активный деятель чешского и словацкого Возрождения поэт Ян Коллар, который в своем знаменитом трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» написал следующее: «Славянский народ стремится опять к своему первоначальному единству... Это понятие и явление в Европе совершенно новое и не имеет сходства ни с каким другим». Идея славянской взаимности является одной из ведущих тем его творчества. Вот перевод одного из его сонетов:

О, если б все славяне предо мной
Металлами явились, — их собрание
Я б сплавил, слил — и в статуе одной
Великое б представил изваянье!

И русский бы узрелся головой,
А туловищем — лях при том слиянье,
Из чехов вышли б руки, склад плечной,
Из сербов ноги: крепкое стоянье!

Меньшие же все отрасли славян
Пошли бы в одеянье, в складки, в тени,
В оружие: воздвигся б великан —

И вся Европа, преклонив колени,
Взирала бы! А он — превыше туч —
Мир попирает бы, грозен и могуч!

Среди сторонников идеи славянской взаимности можно назвать кодификаторов славянских литературных языков чеха Йозефа Добровского, словака Людовита Штура, серба Вука Караджича, хорвата Людевита Гая.

На протяжении веков славянские культуры обогащали и дополняли друг друга, не утрачивая при этом своей самобытности. Межславянские контакты способствовали ускорению развития культур разных славянских народов. В связи с этим идея славянской взаимности остается актуальной и в наше время, поскольку она может способствовать решению проблем, существующих между славянскими народами, укреплению отношений России с другими славянскими странами и сохранению специфики культур отдельных славянских народов в условиях глобализации.

Желаю всем участникам симпозиума успехов в работе!

Аспектология: проблемы славянского вида и аспектологической терминологии

Образование видовых пар в резьянском диалекте

Р. Бенаккьо

Падуанский университет (Италия)

Видовая пара, префиксация, суффиксация, резьянский диалект

Summary. The present paper examines how the grammatical category of verbal aspect is expressed on the morphological level in the Resian dialect. It is our aim to establish the principles underlying the process of formation of aspectual pairs (i. e. prefixation and suffixation) of Resian verbs.

Изучение глагольного вида в резьянском диалекте представляется весьма интересным, что уже было отмечено в [Бенаккьо 2015]. Этот диалект, аналогично другим (прежде всего терским и надижским) фриульским диалектам в Италии, с одной стороны, представляет собой говор, находящийся на периферии славянской языковой системы (и в связи с этим он обладает разными архаичными чертами), с другой — это говор, существующий веками внутри романского языкового окружения, в ситуации абсолютного контакта с ним.

Мы обратили внимание на морфологические особенности проявления категории глагольного вида, точнее на префиксацию исконно славянских глаголов. Мы увидели, что префиксы превращают глагол НСВ в глагол СВ, либо образуя пару с исконной бесприставочной формой (Natural Perfectives по терминологии, предложенной в [Janda et al. 2013]), либо придавая базовой форме определенное, новое лексическое значение (Specialized Perfectives). В данном случае новый, приставочный, глагол обязан создать себе партнера с тем же значением путем т. н. вторичной имперфективации. Речь идет, естественно, о предельных глаголах, так как непредельные глаголы, являющиеся Imperfectiva tantum, в большинстве случаев не порождают форму СВ, а если и порождают ее, то мы имеем дело со способами действия, в основном инхоатитвного типа (делимитативный способ действия в резьянском диалекте нам почти не встречался).

В данной работе мы хотим расширить поле исследования, с одной стороны, рассматривая роль суффиксации бесприставочных глаголов в процессе образования видовых пар, а с другой, обращаясь к заимствованным глаголам германского (в более древнее время) и романского происхождения.

Итак, по крайней мере относительно исконно славянской лексики можно сказать, что в резьянском диалекте префиксация базового глагола является са-

мым распространенным способом образования видовой пары, точнее, образования видового коррелята СВ¹.

Существует, однако, и другой способ образования видового коррелята. Это имперфективация, появляющаяся тогда, когда от базового безприставочного глагола образуется путем суффиксации глагольная форма НСВ, являющаяся партнером мотивирующей, бессуффиксальной формы. Это, правда, редкие случаи, видимо отражающие более древний способ образования. См. *gnjyt / gnjīwat se* ‘гнить’, *šyt / šīwat* ‘шить’. В этих случаях, очевидно, исконный, предельный глагол воспринимается как результативный глагол, который в создавшейся путем суффиксации паре играет роль партнера СВ.

Интересно, что тот же способ образования видового коррелята применяется регулярно в (предельных!) глаголах фриульского и итальянского происхождения. См.: *maladyt / moladiwat* ‘проклинать’ < *maledire*; *rišpondāt / rišpundawat* ‘отвечать’ < *rispondere*; *rivināt / ruvinawat* ‘уничтожать’ < *rovinare* (см. [Benacchio 2009]). В самом деле, при заимствованных глаголах романского происхождения префиксация практически исключена. Ее можно встретить, только в (предельных!) заимствованных глаголах германского происхождения (см. *driukat / zdriukat* ‘нажимать, толкать’ < *drücken*; *pücinat / spücinat* ‘чистить’ < *putzen*).

Естественно, и в случае заимствованных глаголов, неопределенные глаголы входят в видовую систему в качестве форм НСВ и таковыми (*imperfectiva tantum*) и остаются (см.: *baštāt* ‘быть достаточным’ < *bastare*; *gūjāt* ‘играть’ < *giocare*). Только в редких случаях эти глаголы становятся глаголами СВ, образуя однако не видовые пары, а способы действия (в основном, инхоативный).

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Морфологическое выражение категории глагольного вида в резьянском диалекте, ровно как и в других славянских языках, происходит соответственно акциональным свойствам глаголов: в то время как неопределенные глаголы видовой пары не образуют, предельные глаголы (которые несут в себе как значение процесса, ведущего к результату, так и результативное значение) могут образовывать видовой коррелят либо путем префиксации (т. е. перфективизации), либо путем суффиксации (т. е. имперфективизации).

2. В то время как для глаголов славянского происхождения более продуктивной оказывается префиксация (и перфективизация), для заимствованных глаголов, наоборот, более продуктивна суффиксация, по крайней мере, когда речь идет о романских заимствованиях: более древние, германские, заимствования, как мы видели, допускают префиксацию. Предполагается, что внесение

¹ Стоит упомянуть, что видовой коррелят совершенного вида в резьянском диалекте может образовываться также посредством суффикса *-nu*, имеющий как семельфактивную, так и вообще перфективирующую функцию. См., например, *tučat / tuknut* ‘молчать / замолчать’, *pjūwat / pjūwnut* ‘плевать / плюнуть’. Статус этого суффикса требует отдельного изучения.

суффикса воспринималось как менее сильное «нарушение» внешней структуры заимствованного глагола, по сравнению с добавлением префикса. Не случайно, эта тенденция касается больше глаголов романского происхождения, в которых префиксация вообще является периферийным явлением, чем глаголов германского происхождения, в которых, как известно, префиксы очень распространены и играют важную роль.

Литература

- Benacchio R.* Il contatto slavo-romanzo nel croato del Molise e nei dialetti sloveni del Friuli // Scholze L., Wiemer B. (Hrsg.) Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Bochum, 2009.
- Benacchio R.* Morfološkoje projavlenie vida v rez'janskom dialekte: prefiksacija i suffiksacija // M. Kitajo (pod red.). Aspektual'naja semantičeskaja zona: tipologija sistem i scenarii diachroničeskogo razvitija: Sbornik statej V Meždunarodnoj Konferencii Komissii po Aspektologii Meždunarodnogo Komiteta Slavistov. Kyoto, Universitet Kioto Sange. S. 21–26.
- Bre W.* Flexivischer und derivativer Verbalaspekt im Moliseslavischen // Berger T., Gutschmidt K. (Hrsg.). Funktionale Beschreibungslavischer Sprachen. München, 2003.
- Breu W.* Verbalaspekt und Sprachkont akt. Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprachen (SWR / MSL) // Kempgen S. (Hrsg.). Slavistische Linguistik 2003. München, 2005.
- Steenwijk H.* The Slovene dialect of Resia. San Giorgio [Studies in Slavic and General Linguistics. 18]. Amsterdam; Atlanta, GA, 1992.

Словоизменение в рамках русского видообразования — еще раз о болевых точках

Е. В. Горбова

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Словоизменяемая категория, словоклассифицирующая категория, русский вид, регулярность

Summary. The paper discusses some 'sore points' of Russian aspectology, formulated by Victor Khrakovskij, especially the problem of characterization of the Russian aspect as classifying vs. inflectional category and the regularity of suffixed imperfectivization.

В докладе на V-ой Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Киото, 13–15 ноября 2015 г.) и в соответствующей публикации В. С. Храковский сформулировал перечень утверждений, относительно которых имеется консенсус, и обозначил несколько «болевых точек» русской аспектологии, см. [Храковский 2015]. Одной из них, по мнению автора, является квалификация категории вида русского глагола как последовательно словоизменяемой, последовательно словоклассифицирующей (*писать* — *написать* и *записать* — *записывать* равно обнаруживают отношения деривации) или гибридной — словоизменяемой в части суффиксальной (т. наз. вторичной) имперфективации и словоклассифицирующей в части приставочной перфективации [Храковский 2015: 322–323]. При

этом автор полагает, что в работах [Горбова 2014, 2015a] представлена гибридная оценка русской категории вида, в то время как основной целью его сообщения является приведение аргументации в пользу последовательно словоклассифицирующей трактовки.

Главной задачей предлагаемого доклада является разъяснение предложенной в [Горбова 2014, 2015a, 2015b] позиции. Она является не гибридной (хотя таковую мы также признаем возможной, в особенности при приоритете функционального подхода), а последовательно словоизменительной, однако несколько отличающейся от сформулированной в [Храковский 2015: 322] с опорой на Ю. С. Маслова. Кроме того, поставлена дополнительная задача анализа аргументации В. С. Храковского, приведенной в пользу последовательно словообразовательного подхода, и приведение контраргументов, базирующихся на языковом материале, извлеченном из НКРЯ (ruscorpora.ru). В частности, в ответ на запрос, сформулированный в [Храковский 2015: 328], предлагается комплекс правил, мотивирующих запреты (и / или ограничения) на суффиксальную имперфективацию префигированных глаголов СВ. В упомянутых правилах используется предложенная в [Храковский 2015: 326–327] классификация производных перфективов с точки зрения их взаимоотношений с результатом применения к ним суффиксальной имперфективации в рамках спектра от невозможности имперфективации через ее осуществление с нестандартными семантическими эффектами до полюса совершенно стандартной (и по форме, и по результирующей семантике) имперфективации.

Затрагивается также поднятый В. С. Храковским вопрос о количественных параметрах регулярности грамматического феномена, позволяющих говорить о наличии словоизменения. Этот вопрос рассматривается, с одной стороны, с привлечением теории грамматикализации, а с другой, в связи с вопросом о предмете исследования с точки зрения источников привлекаемого материала (НКРЯ vs. поисковые системы, например, Google и Яндекс) и, соответственно, тесно связанной с источниками материала проблеме ограничения рамками кодифицированного варианта общенационального языка (литературного языка) или учета фактов современного разговорного русского языка, в том числе спонтанного.

Наконец, в докладе предполагается остановиться и на предложенном в самом начале публикации [Храковский 2015] перечне общепринятых для русской аспектологии утверждений. На наш взгляд, представление о том, что включенные в этот перечень утверждения разной степени обобщенности являются бесспорными для аспектологов, все же излишне оптимистично. В качестве подтверждения приведем два примера. Первое утверждение — «У глагола есть бинарная категория вида, иначе аспекта» [Храковский 2015: 321] — явным образом ставится под сомнение в докладе Д. В. Герасимова, прочитанном на той же конференции в Киото, и, соответственно, в [Герасимов 2015]. Еще

одно утверждение (номер 5) — «Видообразование происходит при помощи двух морфологических механизмов: префиксального и суффиксального...» [Герасимов 2015] — расходится со взглядами С. Г. Татевосова, ср., в частности, с утверждением «(360) Видовая семантика не является семантическим компонентом таких основ, как *писа-* и *написа-*» [Татевосов 2015: 272], которое далее обосновывается в разделе «“Видовые” основы без видовой семантики» [Татевосов 2015: 277–279].

Литература

- Герасимов Д. В. Есть ли в русском языке категория вида? // Китадзё М. (сост.). С. 49–53.
- Горбова Е. В. Заметки о видообразовании русского глагола и словоизменительной vs. словоклассифицирующей трактовке вида // Дмитренко, С. Ю. & Заика, Н. М. (ред.), *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata. Acta Linguistica Petropolitana*. Вып. X / 3. СПб.: Наука, 2014. С. 181–211.
- Горбова Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и / или суффиксация? // Вопросы языкознания. 2015а. № 1. С. 7–37.
- Горбова Е. В. Словоизменение или словообразование, или является ли русский вид «видом славянского типа»? // Китадзё М. (сост.). 2015б. С. 62–72.
- Китадзё М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13–15 ноября 2015 г. Киото, 2015.
- Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянских культур, 2015.
- Храковский В. С. Категория вида в русском языке: болевые точки // Китадзё М. (сост.). С. 321–334.

Миративность, эвиденциальность, выделенность: общий факт, территория запрета

О. К. Грекова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Mirativity, Evidentiality, Salience, General Fact meaning.

Summary. The paper deals with a rank of situational prohibitions in terms of using the General Fact meaning of the Past Tense Perfect Russian Verbal forms. The key criteria, like Mirativity, Evidentiality, Salience — for creating the Explanatory Model — are analyzed.

Изучающим славянский (русский) глагольный вид его выбор носителями языка иногда представляется принципиально неуправляемым хаосом. Во многом это связано с тем, что прежде обозначения ситуации языковыми средствами последнюю надо мысленно опознать, вычленив аспектуальные характеристики действия и их доминанту. Не без труда поддается осознанию и наличие возможности номинировать действие вне каких бы то ни было характеристик типа его протекания, распределения во времени: так называемое общефактическое значение.

Представляя в учебном курсе общефактическое значение форм прошедшего времени несовершенного вида (далее ПН), приходится сообщать и об ограничениях в его реализации, одним из которых является сообщение о миративности действия, передаваемой обычно лексическими средствами *вдруг, неожиданно, внезапно*. В аспектологических трудах были сделаны попытки создания объяснительной модели данного ограничения, которые, однако, требуют корректировки. Одна из таких моделей была в свое время предложена М. Я. Гловинской: «Обстоятельства неожиданности... мешают выражению общефактического значения, т. к. характеризуют протекание действия» [Гловинская 1982: 143]. На наш взгляд, неожиданность, безусловно, характеризует действие, но при этом не подпадает ни под один из известных в мировой аспектологии типов его протекания. В области РКИ была сделана ложная, с нашей точки зрения, попытка ассоциировать его со значением 'действуйте немедленно' по признаку 'сразу'.

Миративность во многих работах понималась как «неожиданность сообщаемой информации для говорящего», как передачи информации, противоположной ожидаемой, рассматривалась либо как самостоятельная категория, либо в составе категории эвиденциальности [Скрибник, Зезинг 2012: 39].

Нам ближе позиция Е. С. Кубряковой, писавшей об особой прагматической категории, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий выделенности (релевантности) и выдвижения: эти два термина нашли место в Кратком словаре когнитивных терминов [Демьянков, Кубрякова, Панкрац, Лузина 1996]. Понятием выделенности оперируют также такие исследователи как Т. ван Дейк, Л. Талми, Н. Д. Арутюнова, А. Е. Кибрик, П. Б. Паршин и др. Нас термин привлекает как относящийся к коммуникативной организации смысла и как охватывающий разные уровни языка и разные процессы.

В динамическом мире выделенность проявляется при наличии ряда действий, состояний, событий и т. д. Выделение происходит на основании как объективного, так и субъективного сравнения элементов, на основе разнообразных отношений между ними, с использованием определенной, иногда априорно ясной, шкалы. Например:

- [i] — *Что вы делали вчера вечером?*
— *Ничего особенного. Была дома. Читала. Занималась. *Вдруг мне звонили родители.*

Последовательность описания элементов множества может быть различной. Выделяемый элемент редко является инициальным, чаще занимает иную, произвольную позицию. Именно миративный показатель делает указанный элемент самым релевантным.

- [ii] — Как прошла аттестация на кафедре?
— Ничего особенно страшного. **Выступал** руководитель. Я **рассказывала**, что сделано за год. ***Вдруг спрашивали**, успею ли закончить в срок. Да, еще **выступала** моя бывшая руководительница курсовой. В общем **хвалила**.

Выделенность одного из элементов неравнозначного для говорящего множества за счет показателя миративности происходит в ситуации так называемой прямой эвиденциальности, личной засвидетельствованности говорящим информации, полученной по слуховым, зрительным, тактильным или иным каналам (Ср.: **Вдруг, как говорят, мне позвонили родители*).

Иначе говоря, миративное эвиденциально и выделенно. Представление же действия как общего факта говорит о том, что оно не входит в зону внимания говорящего и говорящий не выделяет его, не фокусируется на нем, не считая необходимым давать ему какие-либо характеристики. В этом мы видим несовместимость наречий *вдруг, внезапно, неожиданно* с идеей общего факта. В сознании носителей языка выделенность в плане прошедшего времени выражается с помощью формы совершенного вида.

Ограничения реализации общефактического значения базируются на разных признаках. Известное в аспектологии явление невозможности реализации общефактического значения определенными классами глаголов находит различное толкование. Одна из объяснительных моделей была предложена Г. М. Зельдовичем, утверждавшим, что «Если несовершенный вид употребляется в... общефактическом смысле, то почти всегда предполагает, что данная ситуация в принципе повторима» [Зельдович 2012: 30]. Однако, предложенная трактовка, применяемая к ряду случаев, охватывает далеко не все ситуации. Одним из скользких моментов, как ни странно, является проведение границы между в принципе воспроизводимыми и в принципе не воспроизводимыми действиями.

- [iii] Она **родилась** в деревне, **воспитывалась** в городе у доброй тетушки (Т. Толстая).

Если замена первой глагольной формы, СВ, на форму НСВ невозможна по причине невозпроизводимости момента рождения, то вторая форма вызывает сомнения в отношении того же признака. Если само действие *воспитывать(ся)* в принципе воспроизводимо, то можно ли считать его таковым в проекции на индивидуальную судьбу? Тем не менее этот глагол употреблен в форме ПН и реализует общефактическое значение.

Другими словами, дескриптивный инструментарий, действующий на территории запретов реализации общефактического значения, нуждается в доработке. Новые критерии, вводимые в лингвистический обиход для трактовки

все более широкого круга понятий и явлений, ведет также к уточнению места аспектуальных смыслов в смысловой организации русского простого и сложного предложения, в ориентации их относительно модуса и диктума, а также к уточнению установленных в этой сфере связей явлений.

Литература

- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Демьянков В. З., Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Зельдович Г. З. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Скрибник Е. К., Зезинг О. А. К описанию эвиденциальности и миративности в калмыцком языке // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 39–72.

Глагольный вид словенского глагола 'iti' и чешского глагола 'jít'

А. Дерганц

Люблянский университет (Словения)

*Глагольный вид, биаспектуальность, словенский глагол движения 'iti',
чешский глагол движения 'jít'*

Summary. The paper deals with the idiosyncratic features of the basic Slovene verb of determined motion 'iti' which is defined as biaspectual. 'Iti' is compared to the Czech verb 'jít', which, however, is usually defined as imperfective.

Принадлежность словенского и чешского языков к западной группе славянских языков в отношении видового поведения глаголов уже не подлежит сомнению. Так как многие различия между русским языком как представителем восточной группы и чешским и словенским языками как представителями западной группы уже неоднократно обсуждались (см. работы Е. В. Петрухиной, О. С. Плотниковой, S. M. Dickey, A. Derganc), настало время обратить внимание на отличия между словенским и чешским языками в этом отношении.

В докладе будут рассмотрены поведение и видовая интерпретация глаголов детерминированного движения 'iti' в словенском и 'jít' в чешском языках. В обоих языках этот глагол — в сравнении с русской парой *идти* — *пойти* — имеет довольно необычные характеристики. В прошедшем времени, например, в обоих языках существует только бесприставочная форма 'šel', в отличие от русского языка, где рядом с НСВ формой 'шел' имеется и СВ форма 'пошел'. Ср.:

Šel je obiskat prijatelja Puja, ki sta z njim velika prijatelja. (23)

Šel na návštěvu k svému příteli Medvídkovi Pú, je to jeho dobrý známý.

«Он **пошел** в гости к своему другу Винни-Пуху. Они, знаешь, какие с ним друзья!»

Zato **je šel** domov kosit. (31)

A **šel** domů na oběd.

«И **он пошел** домой обедать».

Zato **je šel** v shrambo in stopil na stol in segel na zgornjo polico — na njej pa ni našel ničesar.

Šel tedy do spížky, vystoupil na židli, natáhl se na nejhořejší poličku a — nic nenašel.

«**Он поплелся** к буфету, влез на стул, пошарил на верхней полке и нашел там пустоту».

В будущем времени между грамматическими формами этих глаголов в словенском и чешском языках существуют большие различия (слов. *pojdem*, *bom šel* — чеш. *půjdu*).

Но в словенском языке 'iti' считается биаспективом, а в чешском языке глагол 'jít' обычно считается глаголом НСВ ([Stankovska 2009], также [Dickey 2003]). В докладе будет рассмотрена трактовка этих глаголов в лингвистической литературе.

Литература

- Derganc A.* Einige Unterschiede im Gebrauch des perfektiven bzw. des imperfektiven Präsens im Russischen und Slowenischen // Huber Dieter (ur.), Worbs Erika (ur.). *Ars transferendi: Sprache, Übersetzung, Interkulturalität: Festschrift für Nikolai Salnikow zum 65. Geburtstag*, (FASK, ISSN 0941-9543. Reihe A. Abhandlungen und Sammelbände. Bd. 24). Frankfurt am Main: P. Lang, 1998. S. [55]–63.
- Derganc A.* Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovenskih jezikih. *Slavistična revija*. 2014. Vol. 62. No 4. P. 537–543. [http://www.srl.si/sql_pdf/SRL_2014_4_04.pdf].
- Derganc A.* Глагол детерминированного движения 'iti' в словенском языке // *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития* / Отв. ред. Мицуси Китадзё. Киото: Университет Киото Сангё, 2015. С. 73–78.
- Dickey S. M.* *Parameters in Slavic Aspect*. Stanford, California: Center for the Study of Language and Information, 2000.
- Dickey S. M.* Verbal Aspect in Slovene. Slovenian from a typological perspective. *Sprachtypologie und Universalienforschung = Language typology and Universals*. 2003. Vol. 56. No. 3. P. 182–207.
- Stankovska P.* *Češka slovnica za bohemiste*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete v Ljubljani, 2009.
- Петрухина Е. В.* Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков). // *Типология вида. Проблемы, поиски, решения* / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 356–363.
- Петрухина Е. В.* Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках // *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития* / Отв. ред. Мицуси Китадзё. Киото: Университет Киото Сангё, 2015. С. 197–208.
- Плотникова О. С.* Проблемы сопоставительного изучения славянского вида в диахронии // *Типология вида. Проблемы, поиски, решения* / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 364–370.

«Вечные вопросы» русской аспектологии: вариант ответов**Анна А. Зализняк**

Институт языкознания РАН (Москва, Россия),
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН (Москва, Россия)

И. Л. Микаэлян

Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Контексты Маслова, видовая пара, видовая тройка.

Summary. The paper discusses a number of key issues that have been a long-lasting concern of scholars dealing with Russian aspect but have not found a consensual answer. Most of these issues revolve around the notion of aspectual pair.

В теории русской аспектологии имеется целый ряд вопросов, не имеющих ответа, и при этом продолжающих волновать научное сообщество. Большинство из них группируется вокруг понятия видовой пары; а именно, это как минимум следующие вопросы:

1. Существуют ли видовые пары?
2. Как установить, является ли некоторая пара глаголов противоположного вида видовой парой?
3. Существуют ли префиксальные видовые пары?
4. Существуют ли видовые тройки? (Что следует называть видовой тройкой?)
5. Как соотносятся видовые пары и видовые тройки? Какой из двух глаголов несов. вида — простой или вторичный имперфектив — является видовым коррелятом к префиксальному глаголу сов. вида?
6. Почему невозможно составление списка русских видовых пар?

Не имея в виду предложить ответы, которые устроили бы всех, сформулируем все же некоторые тезисы.

1. Существование видовых пар в русском языке обусловлено тем обстоятельством, что владение русским языком предполагает умение заменять глагол СВ на глагол НСВ — в некоторых контекстах, в которых глагол СВ употреблен быть не может (напр., при повествовании о прошлых событиях в наст. времени). Именно это отношение субституции и конституирует видовую пару.
2. Пожалуй, единственное утверждение относительно видовой пары, с которым согласятся все аспектологи, состоит в том, что видовую пару образуют два глагола противоположного вида, имеющие тождественное лексическое значение (и различающиеся только видом). Что касается способов установления этого тождества, то, во-первых, оно может быть установлено лишь в направлении от СВ к НСВ; во-вторых, с помощью лишь

тех контекстов, где глагол НСВ обозначает то же событие, которое обозначается глаголом СВ, который он «заменяет» (так называемые «контексты Маслова», ср. *пришел, увидел, победил* → *приходит, видит, побеждает*). Те глаголы НСВ, которые могут заменять некоторый глагол СВ в «контекстах Маслова», входят в видовые пары, а те, которые не могут, являются непарными. При этом, поскольку тест Маслова опирается на оценку допустимости такой замены с сохранением смысла, здесь возникает шкала: от такой степени автоматизма, что говорящий может вообще не замечать, что в пересказе он заменил совершенный вид на несовершенный (как в вышеприведенном примере) — до полной невозможности такой замены (как в случае, напр. *Он узнал, что жена ему изменила и застрелился* → **Он знает, что жена ему изменила и застреливается*); между этими полюсами находится весь спектр промежуточных случаев, когда замена возможна в той или иной степени, и при этом оценка этой степени может различаться у разных носителей языка. Иными словами, категория видовых пар имеет довольно ограниченное по своему объему ядро (где находятся «образцовые» суффиксальные пары, не входящие в тройки, ср.: *открыть* — *открывать*, *запереть* — *запирать*, *достичь* — *достигать*, *войти* — *входить*), а также некоторая часть префиксальных пар (см. ниже). Вокруг этого ядра расположена обширная периферия, включающая видовые пары, в разных отношениях и в разной степени «ущербные» (в докладе будут проанализированы примеры разных типов периферийных пар).

3. Префиксальные (точнее, «депрефиксальные») видовые пары существуют: вхождение в видовую пару таких глаголов как, скажем, *краснеть* и *покраснеть*, обусловлено исключительно тем обстоятельством, что глагол *краснеть* среди своих значений имеет значение ‘сделаться красным’ (ср. *Тут она покраснела и выбежала из комнаты* → *Тут она краснеет и выбегает из комнаты*). Депрефиксальные пары также бывают более и менее «образцовыми» — в зависимости от того, насколько автоматически простой имперфектив «берет на себя» значение данного префиксального глагола СВ; здесь имеется спектр возможностей, от хрестоматийных пар *сделать* — *делать* и *построить* — *строить* до сугубо периферийных разговорно-жаргонных корреляций типа *записать* — *писать* <на цифру>, *распилить* — *пилить* <бюджет> и т. п.
4. Биимперфективные видовые тройки (ср. *намазать* — *мазать* / *намазывать*) являются интегральной частью русской аспектуальной системы, так как они возникают в силу действия того же механизма, который порождает «образцовые» видовые пары. Существование биимперфективных

видовых троек не противоречит существованию видовых пар, потому что это явления разного уровня: видовая пара — это отношение субституции, принципиальным образом бинарное, поскольку в русском языке всего два вида. Тройка возникает в результате наложения аспектуального отношения видовой коррелятивности между глаголами противоположного вида и отношения (квази)синонимии между двумя глаголами НСВ; соответственно выбор между простым и вторичным имперфективом регулируется правилами выбора между синонимами.

5. Список видовых пар не может быть составлен, так как категория видовых пар имеет ядерную и периферийную зону, и граница между ними для разных носителей языка проходит в разных местах.

Еще раз о нейтрализации видового противопоставления в современном русском языке

Зорихина-Нильссон Н. В.

Стокгольмский университет (Швеция)

Нейтрализация видового противопоставления, конкуренция видов.

Summary. The present paper deals with different definitions of the notion of aspectual neutralization. The relation between the notions of aspectual neutralization and aspectual competition in Modern Russian is examined in more detail.

Термин «нейтрализация», который начал применяться в конце 30-х годов прошлого века прежде всего для описания фонологических систем разных языков (см. [Трубецкой 1960]), широко используется в настоящее время для анализа особого типа отношений между различными языковыми единицами и на других языковых уровнях, в том числе и на уровне отдельных граммем. Согласно общему определению, при нейтрализации происходит «позиционное снятие противопоставления элементов языковой структуры» [Журавлёв 1990: 328]. Так, например, в условных придаточных предложениях французского языка, в позиции после условного союза *si*, происходит нейтрализация противопоставления «презенс — футурум»; в этой позиции употребляется только немаркированное время презенс. Ср.: *Si je te vois (*verrai) demain, je te dirai la vérité*, букв. *Если я тебя вижу завтра, я скажу тебе правду* [Мельчук 1998: 21].

Таким образом, одним из важных признаков позиции нейтрализации является снятие, или нерелевантность, противопоставления форм по значению в этой позиции. Представляется естественным считать, что противопоставление снимается в тех случаях, когда в той или иной позиции возможна **т о л ь к о о д н а ф о р м а**. Так, при существовании категориального противопоставления форм совершенного (далее СВ) и несовершенного (далее НСВ) вида в русском языке, это противопоставление оказывается, например, нерелевантным в

настоящем историческом однократного действия, в прошедшем времени повторяющегося действия, в отрицательных формах императива. Во всех этих случаях (за некоторым исключением) употребляются формы НСВ.

Первое условие является необходимым, но не вполне достаточным при определении нейтрализации. К другим важным признакам позиции видовой нейтрализации можно отнести употребление одной формы (формы НСВ) вместо другой (формы СВ). Как отмечает А. В. Бондарко: «...несовершенный вид употребляется не только в свойственных ему функциях, но и выступает вместо совершенного — происходит н е й т р а л и з а ц и я видового противопоставления» [Бондарко 1971: 226].

С термином «нейтрализации видового противопоставления» тесно связан другой термин — «конкуренция видов», который трактуется как взаимозаменяемость видов, когда «оба вида описывают, в сущности, тождественную ситуацию и различаются только тонкими оттенками, так что скорее следует говорить о видовой синонимии» [Маслов 1984: 72]. Если при нейтрализации в одном и том же контексте возможна только одна форма, то при конкуренции первое, отмеченное нами условие, не соблюдается: в одном и том же контексте могут употребляться и формы СВ, и формы НСВ. Таким образом, оба термина называют различные, хотя и связанные между собой явления. Эта точка зрения представлена в работе Ю. С. Маслова [Маслов 1984: 82–84].

Несколько другую точку зрения на соотношение понятий «нейтрализация» и «конкуренция» находим, в частности, в работах М. А. Шелякина [Шелякин 1983: 63–111]; [Шелякин 2012: 602–603], а также Е. В. Петрухиной [Петрухина 2009: 69], в которых допускается и пересечение в употреблении терминов: синонимическое использование глаголов обоих видов рассматривается как конкуренция на основе ч а с т и ч н о й нейтрализации. В докладе более подробно рассматриваются эти и другие точки зрения, уточняются понятия синонимии и квазисинонимии видовых форм.

Литература

- Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
Журавлев В. К. Нейтрализация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
Маслов Ю. С. Система частных видовых значений и типы противопоставлений совершенного и несовершенного вида // Очерки по аспектологии. Л., 1984. С.70 — 84.
Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва; Вена, 1998.
Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009.
Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.
Шелякин М. А. О понятиях и типах грамматической синонимии // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М., 2012.

Словообразовательный потенциал выражения аспектуальных значений в русском и японском языках

Ю. Канэко

Университет иностранных языков г. Кобэ (Япония)

Аспект, результат, процесс, словообразовательный потенциал.

Summary. Both the verbal affixation in Russian and the verbal compounding in Japanese are used to express aspectual meanings. The semantic relations between the constituents of derivatives in Russian could be functionally parallel to those of compounds in Japanese. However, significant differences in interpreting dynamic situations can be found between these languages, when semantic modification takes place in the domain of language-specific prominent notions (LIMIT in Russian and STABILITY in Japanese).

1. «Японский как неопределенный язык»

О сравнительно слабой степени обозначения предела действия у японских глаголов в сравнении с английскими глаголами писали многие японские исследователи. По словам Ё. Икегами, «представляется, что положение дел, которое описывают японские, так называемые, глаголы действия (action) в сравнении с английским языком по толкованию ближе к процессу (process), чем к действию» [Ikegami 1981: 273]. Т. Кагэяма, автор книги под названием «Японский как неопределенный язык» (*Кэдзимэ но наи нихон-го*), пишет:

Английский язык уделяет большое внимание семантике границ, и самим глаголом или самим существительным можно выразить результат изменения действия или контур предметов. В противоположность этому японский язык не очерчивает действие или предмет не столь отчетливо, как это делает английский язык. Следовательно, если назвать данный характер английского языка «языком, очерчивающим границы», то японскому языку соответствовало бы название «язык, не очерчивающий границ» [Кагэяма 2002: 148].

Немало японских глаголов без дополнительных уточнений аспектуальных значений может соответствовать и глаголам СВ, и глаголам НСВ. К тому же, в связи со сравнительно слабой степенью осознания идеи предела / границ в японском языке особенно затрудненным, зато важным, является интерпретация функционально-семантического поля глаголов СВ.

2. Словообразовательный потенциал — актуализация результата и процесса

Слабая степень предельности в японских глаголах вовсе не значит, что в данном языке трудно выразить смысл достижения предела действия. Его обозначение обеспечивается лексическими, словообразовательными способами, употребление которых в речи, однако, получает более повышенную интенциональность, чем в языках с сильной степенью предельности (например, в английском и русском языках). Другими словами, в языках, в которых значение предела содержится непосредственно в лексической семантике самих глаго-

лов, кроме того, в русском языке, еще и в грамматическом значении СВ, снижается осознаваемость его употреблении в речи.

Во внутриглагольном словообразовании японского языка вспомогательный глагол *-киру* 'резать', выступая как аспектальный модификатор, создает на основе мотивирующих глаголов (обычно дуративных) комплетивы. Формант придает основному смысловому глаголу значение 'завершить начатое действие; довести состояния до максимального предела', например, *ёми-киру*, читать-РЕЗАТЬ, 'прочитать, дочитать до конца'; *синдзи-киру*, верить-РЕЗАТЬ, 'доверять до конца, полностью'. При этом он нередко передает глаголам действия субъективно-оценочный оттенок 'для его выполнения требуются особые усилия со стороны агенса'. Грубо говоря, данная словообразовательная модель, в некотором смысле, могла бы считаться японским вариантом интенсивно-результативных способов глагольного действия.

В последние годы, однако, появились новые комплетивы, мотивированные не от дуративных глаголов, а от глаголов достижений, в лексической семантике которых уже зафиксировано значение удачного достижения результата [Падучева 1996: 110–111]. Это такие комплетивы, как *кати-киру*, выиграть-РЕЗАТЬ, 'победить (в чем-н.)', *кимэ-киру*, добиться (цели)-РЕЗАТЬ, 'добиться (цели)'. Они по содержанию не отличаются от мотивирующих простых глаголов *кацу* (> *кати-*) 'выиграть', *кимэру* (> *кимэ-*) 'добиться (цели)'. Разница между простыми глаголами и комплетивами заключается в том, что в последних, благодаря формальному выражению идеи предела, результат актуализируется более отчетливо, чем в первых, и вместе с тем, акцент уделяется не просто факту достижения результата, но и его субъективной оценке и качественным характеристикам процесса, приводящего к данному результату.

Аналогичное явление актуализации словообразовательного потенциала мы наблюдаем и в русском языке. Притом, речь идет об актуализации не результата, а процесса действия, обозначаемого глаголом достижения: «Оно и не может быть иначе, так как это *побеждение* плоти духом и составляет сущность жизни» (строка из письма Л. Н. Толстого, цитируемого В. В. Лопатиным [Лопатин 1973: 92]). По поводу данного авторского окказионализма, В. В. Лопатин отмечает, что «Толстой говорит здесь о самом процессе, обозначаемом глаголом *побеждать*, а не о его результате», а эту мысль писатель выразил с помощью продуктивного словообразовательного типа *-ниѣ-*, который «лучше всех других суффиксов выражает процессуальность» [Лопатин 1973: 92]. Напомним, что глаголам достижения чужд процесс как таковой, а у них предшествующий результату этап выражается как состояние субъекта, как тенденция к достижению более вероятного результата, см. [Падучева 1996: 113–114].

В докладе будут рассмотрены некоторые результативные способы глагольного действия в японском и русском языках с учетом речевого намерения говорящих при создании внутриглагольных дериватов.

Литература

Лопатин В. В. Рождение слова. М., 1973.

Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.

Ikegami Y. Suru to Naru no gengogaku (Linguistics of DOING and BECOMING). Tokyo, 1981.

Kageyama T. Kejime-no nai Nihongo (Japanese as an unbounded language). Tokyo, 2002.

Термин «ракурс» и семантика вида в дискурсивном контексте

Е. В. Падучева

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН (Россия)

Вид, если отвлечься от его функции выражения многократности, характеризует ситуацию по отношению к **моменту наблюдения** (в отличие от времени, которое характеризует ситуацию по отношению к **моменту речи**).

В самом деле, общим свойством глаголов совершенного вида (СВ) является то, что они задают **ретроспективный взгляд** на ситуацию, иначе — ретроспективный **ракурс** (перевод термина **viewpoint** из [Smith 1997]); ретроспективную **точку отсчета** по Рейхенбаху; ретроспективную **перспективу** или ретроспективную **позицию наблюдателя** в терминах [Падучева 1986]; [Падучева 1996: 12, 269]. На ретроспективную позицию наблюдателя у глагола СВ указывают: отсутствие у глагола СВ формы наст. времени (наст. время порождает синхронного наблюдателя); несочетаемость с фазовыми глаголами, с показателями включенного времени и длительности.

А глагол несовершенного вида (НСВ) может выражать **синхронный** и ретроспективный ракурс в прошедшем времени; синхронный и **проспективный** — в будущем (Падучева 2010). Но в настоящем времени (при речевом, т. е. не нарративном, режиме интерпретации) глагол НСВ выражает однозначно синхронный ракурс — имеет синхронную точку отсчета, синхронный момент наблюдения. Синхронная точка отсчета понимается как одновременность ситуации и момента наблюдения, ретроспективная точка отсчета — как предшествование ситуации моменту наблюдения; проспективная точка отсчета означает, что ситуация следует за моментом наблюдения. Ср. о моменте наблюдения [Гловинская 1982: 128].

Ракурс — это необычная перспектива, возникающая в результате неодинаковой удаленности частей объекта от наблюдателя. При ретроспективном ракурсе на ближайшем расстоянии от наблюдателя (т. е. от момента наблюдения) находятся финальные фазы ситуации, при проспективном — начальные, при синхронном — срединные.

Термин ракурс (иначе — временная перспектива) — из [Smith 1997]. Но в [Smith 1997] ракурсы делятся на перфективные и имперфективные. Между тем ракурсы должны описывать семантику видового противопоставления, и им надо дать не грамматическую, а семантическую характеристику.

В докладе будет продемонстрирована роль ракурса при **дискурсивном** употреблении языка.

Общепризнанным считается тот факт, что соположенные или сочиненные формы СВ выражают **последовательные** события, а формы НСВ — **одновременные**. Этот факт считается отдельным, независимым семантическим свойством глаголов СВ и НСВ. Между тем, можно показать, что дискурсивные свойства глаголов СВ и НСВ являются прямым следствием их значений внутри фразы, т. е. в отдельном независимом высказывании. В докладе идет речь о глаголах совершенного вида.

Форма СВ обозначает событие и предполагает момент наблюдения, расположенный «в середине» перфектного (т. е. финального) состояния события, которое, в обычном случае, отстоит во времени от начального состояния. (Это уточнение понятия ретроспективного ракурса, характеризующего глагол СВ.) Отсюда тот факт, что соположенные или сочиненные формы СВ выражают **последовательные** события: следующее событие начинается тогда, когда кончается предыдущее. Точнее говоря, начало следующего события приходится на конец (а именно, на перфектное состояние) предыдущего. Например.

- (1) Медвежонок *схватил* веник, *подмёл*. Ёжик *распахнул* дверь. Все трое <инопланетян> *вошли* и *поздоровались*. [Сергей Козлов. Новогодняя сказка // «Мурзилка», 2003]

Однако это не всегда так (см. [Падучева 1996: 363]).

- Сочиненные глаголы СВ могут, в определенном контексте, обозначать одновременные события. Так, в (2) события *вздрыгнул* и *уронил* моментальные (не обычные), и они, скорее всего, одновременны:
- (2) Первоклассник, стоявший рядом с ее кабинетом, *вздрыгнул* и *уронил* на пол деревянный пенал. [Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)]
- Причинно-следственные отношения затемняют временные — скорее всего, ломает не после того, как упадет, а одновременно:
- (3) Дождутся эти пьяницы, что он у них куда-нибудь опять *упадет* и *ломает* себе шею. [Андрей Геласимов. Жанна (2001)]
- События одновременны, если есть обстоятельство времени или длительности, общее для двух предикаций:
- (4) Выходит, надеяться на женскую снисходительность Аркину не приходится, и вообще он *выдохся* и *подустал* за сегодняшний день. [Дарья Симонова. Без Россини (2002)]
- (5) Ляля сразу сдала, в один год *расползлась* и *постарела*. [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002)]

- Глаголы изменения состояния часто обозначают одновременные события:
- (6) Мне кажется, что я *оглох и ослеп*. [Владимир Спектр. Face Control (2002)]
В частности, это могут быть эмоциональные состояния:
- (7) Все ужасное, что случилось когда-то на полигоне, так *напугало и расстроило* Абдулку, что после всякая всячина производила на него именно это впечатление вечности. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]
- В примерах (8) — (10) конфигурация «глагол СВ + И + глагол СВ» тоже не выражает временной последовательности событий. Первый СВ — глагол интерпретации; он обозначает то же событие, что второй:
- (8) Не было случая, чтобы он рассчитал неправильно, *ошибся и отпустил* жертву целой и невредимой. [Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)]
- (9) Не усыновлять же, в самом деле, — шипел Антон, надеясь, что Елена *смиловится и подскажет*, как быть, [Дарья Симонова. Без Россини (2002)]
- (10) Только мальчик *изловчился и куснул* себя за локоть. [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996]
- Глаголы с начинательным значением и делимитативы тоже часто обозначают одновременные события.
- (11) Звук был такой силы и страсти, что у Вячика внутри, там, где, как говорят, располагается душа, все *напряглось и завибрировало*, он даже забеспокоился, как бы опять не стошнило. [Федор Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное // «Звезда», 2002]

Так что не обязательно два глагола СВ обозначают последовательные события. Для этого недостаточно, чтобы два глагола были глаголами СВ, т. е. имели ретроспективный ракурс. Нужно еще, чтобы начало следующего события приходилось на перфектное состояние (момент наблюдения) предыдущего.

В (12) (пример, приведенный Д. В. Сичиной) каждое следующее событие синхронно перфектному состоянию предыдущего, но события едва ли можно назвать последовательными:

- (12) Король страшно *расстроился, заплакал и сказал*, что тому, кто найдет амулет, он отдаст в жены прекрасную принцессу и еще половину царства в придачу. [Сергей Седов. Доброе сердце Робина // «Мурзилка», 2002] (вероятно, *заплакал*, не прекращая расстраиваться; *сказал*, не прекращая плакать; *расстраиваться* — это перфектное состояние от *расстроиться*; *плакать* — перфектное состояние от *заплакать*).

Литература

- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413–424.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры. Изд-е 2-е, 2010 [<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>].
- Падучева Е. В. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 3. С. 16–20 [<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/symmetr-2010.pdf>].
- Smith C. S. The parameter of aspect. 2d ed. Dordrecht, 1997.

О терминологических проблемах славянской аспектологии (предельность лексическая и грамматическая, типы процессного и общефактического значений)

Е. В. Петрухина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Глагольный вид, предел, процессное, общефактическое значение.

Summary. The report deals with problems of Slavic aspectology: doublet terms to express the same concept and usage of one term with different meanings. The report analyzes the concepts of the grammatical and lexical limit, as well as the system of contextual meanings of imperfective verbs.

1. Вступление. Известно, что многие термины в славянской аспектологии далеко не тождественны в концепциях разных школ и отдельных лингвистов. В качестве примера приведем неполный список терминов для номинации частных значений несовершенного вида (НСВ) в славистике, соответствующих двум семантическим типам прогрессива, выделяемым в западноевропейской лингвистике — 1) *focalized progressive* и 2) *durative progressive* [Dahl 2000: 526–538]; [Bertinetto 2000: 527]: 1) конкретно-процессное, актуально-длительное, актуально-процессное; 2) подчеркнуто-длительное, континуальное, процессное, дуративное, длительное. В данном случае речь идет о параллельных терминах для одного понятия. Такая дублетность терминов, в том числе интернациональных и национальных, не связана с расхождениями в их интерпретации. Поэтому в целом она не мешает взаимопониманию исследователей и может быть устранена при их взаимной договоренности (здесь регламентирующую роль могла бы сыграть Аспектологическая комиссия при Международном комитете славистов). Большие трудности представляют расхождения в понимании одного и того же термина, т. е. трактовки стоящего за ним понятия. Об этом в частности свидетельствуют многолетние и продолжающиеся дискуссии о видовой паре, см. [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015].

В докладе речь пойдет о таких конституирующих для теории славянского вида терминах, как предел и предельность, которые многие годы используются в аспектологии неоднозначно, что создает, по определению С. Г. Татевосова,

«труднопреодолимые» проблемы теории предельности [Татевосов 2015: 62–64]. Как мы постараемся показать в докладе, эти трудности в теории предельности можно преодолеть, если последовательно различать предел лексический и грамматический (о других терминах см. [Горбов, Горбова 2012]). Кроме того, есть необходимость обсудить термины для частных значений НСВ, но не их дублетность, а концептуальное наполнение, в частности трактовку термина «общефактическое значение» и его типы.

2. Лексический и грамматический пределы действия. Термины «предел» и «предельность» в аспектологической терминологии используется в основном в двух значениях: 1) «достижение предела» и предельность как характеристика лексико-грамматического класса предельных (в другой терминологии терминативных) глаголов; 2) актуализация предела (временной границы действия) и предельность как категориальное значение (граммема) СВ.

Широкое распространение получило лексическая трактовка предела, вернее лексико-грамматическая, так как признак достижения предела в лексической семантике глагола значим для видообразования. Напомню, что, по Ю. С. Маслову, предельные глаголы «обозначают действия, которые по своей природе предполагают, хотя бы в отдаленной перспективе, достижение известного предела, кладущего конец действию» [Маслов 1963: 7]. Речь идет о внутреннем (качественном) пределе, который может быть выражен в лексическом значении глаголов как СВ, так и НСВ (*сделать / делать, упасть / падать, записать / записывать*). Предельные глаголы противопоставлены неопредельным, в значении которых нет идеи о завершении действия (*спать, работать, гулять*). Прототипическое значение лексической предельности в славянских языках связано с завершением действия. Это значение нередко переносится на граммему СВ. Недаром среди определений категориальной семантики СВ долгое время, наряду с целостностью, центральное место занимали такие семантические признаки, как ‘достижение предела’, ‘завершенность’, ‘результат’, которые, тем не менее, не соответствуют всем семантическим типам глаголов СВ, в частности с начинательной семантикой (*засмеяться, увидеть, побеждать быстрее*). Отмеченное противоречие снимает определение семантики СВ, данное В. В. Виноградовым: «...Основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе... Результат — это частный случай предела действия». НСВ обладает семантической двойственностью: с одной стороны, обозначает действие в его течении, «не стесненным мыслью о пределе процесса в целом», а с другой — «является основой, нейтральной базой видового соотношения» [Виноградов 1972: 394]. Согласно данному определению, недооцененному, на мой взгляд, в славистике, в семантике глаголов СВ, в зависимости от их лексического значения и словообразовательной структуры, возможна актуализация «одного из моментов процесса

как его предела», как правило, конечного (*Он отремонтировал квартиру*) или начального (*Он вышел во двор и, не прощаясь ни с кем, зашагал к калитке*). В первом примере реализуется ретроспективная позиция наблюдателя [Падучева 1996: 12], а во втором — проспективная по отношению к действию, но в обоих случаях не синхронная ему. Синхронная позиция реализуется в семантике глаголов НСВ, что позволяет представить процесс действия, «не стесненный мыслью о его пределе».

Таким образом, в теории славянской предельности необходимо последовательное разграничение лексической и грамматической предельности. Грамматическую предельность в семантике СВ (актуализацию предела) можно рассматривать как грамматикализацию лексической предельности, а значит — не стоит отказываться от терминов «предел», «предельность», хотя они используются в двух разных смыслах, но четко различать лексический и грамматический аспекты предельности.

3. Система частных значений НСВ. Немаркированной природе НСВ соответствуют три основных его контекстных (частных) значения: процессное, общефактическое и неограниченно-кратное [Маслов 2004: 99–102], которые выделяются во всех славянских языках, но имеют в них разные функциональные границы. Между славянскими языками наблюдаются также различия в переходных, промежуточных типах семантики глаголов НСВ, которые связывают все основные значения НСВ без резких границ в единый континуум [Петрухина 2013].

Глаголы НСВ в процессном значении выражают действия без актуализации предела, т. е. их временных границ, следовательно и без актуализации изменения, смены ситуации. Названные во вступительной части термины для обозначения типов процессного значения не покрывают всей семантической шкалы процессности. Так, необходим особый термин для номинации значения НСВ в плане настоящего исторического. Предлагаем термин «процессно-фактическое» значение НСВ. В докладе обсуждается также связь между отдельными частными значениями НСВ и типами общефактического значения (ОФ) — ОФ типовое (*Ты когда-нибудь поднимался на эту гору?*) и ОФ единичное (*Когда вы защищали докторскую диссертацию?*).

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947 / 1972.
- Горбов А. А., Горбова Е. В. Предел, предельность, трансформативность, telicity — терминологическое недоразумение рубежа веков? // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. Серия: «Studia philologica». М.: «Языки славянских культур». 2015.
- Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.; Л., 1963.

- Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Петрухина Е. В. Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4.
- Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Bertinetto P. M., Ebert K. H., de Groot C. Progressive in Europe // Dahl Ö. (ed). Tense and Aspect in the languages of Europe [Empirical approaches to language typology, EURO-TYP 20–6]. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dahl Ö. (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Empirical Approaches to Language Typology, Euro-Typ 20–6. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.

Дискурсивные функции видовременных категорий в лирике — на примере анализа стихотворений Осипа Мандельштама

Ю. Пионтковская

Варшавский университет (Польша)

Первый план, фон, время и аспект, лирика, Осип Мандельштам.

Summary. In this article I will present analysis of two poems by Osip Mandelstam “The Wind Brought Us Solace...” and “No lies: tonight...” in order to demonstrate how temporal marking could create texture within a lyric text. I will focus on the choice of tense and aspect as not just a matter of location in time and profiling situations as to their completion, but also as a sign of the speaker / writer’s pragmatic intentions to foreground or background certain elements.

В классических определениях *времени* и *вида* внимание сосредотачивается прежде всего на референтных функциях данных категорий: *время* глагола выражает расположение описываемой в речи ситуации на временной оси, а *вид* (*аспект*) обозначает то, как говорящий осмысливает протекание действия во времени (см. например работу Б. Комри [Comrie 1976]). Исследования в области нарратологии (особенно Хоппера и Томпсона [Hopper, Thompson 1980], К. Чвани [Chvany 1985], С. Флайшман [Fleischman 1990]) показали, однако, что вид и время могут выполнять также прагматические, дискурсивные функции, т. е. маркировать уровень салиентности информации в тексте.

Общеизвестно, что в любом дискурсе некоторые информации являются более, а иные менее важными с точки зрения коммуникационных целей говорящего. Представители когнитивной лингвистики применяют к данному разграничению термины *первый план* (анг. *foreground*) и *фон* (анг. *background*) высказывания. В прототипическом, ежедневном нарративе первый план составляет линия событий, а фон — любого рода комментарии к этим событиям (подробнее см. [Hopper, Thompson 1980]). Если обратиться к модели лирического текста, предложенному Т. И. Сильман [Сильман 1977], то в лирическом стихотворении ядром высказывания (первым планом) является обобщающий вывод лирического героя, а фоном — эмпирическая часть, т. е. разного вида факты и подробности, обеспечивающие коммуникативность излагаемого текста.

В наших анализах стихотворений Осипа Мандельштама «Ветер нам утешенье принес» и «Сегодня ночью не солгу» мы намерены показать, как переключение между видовременными категориями может (а) оформлять переход от эмпирической части к «моменту постижения истины» и/или (б) выделять в эмпирической части те моменты, которые имеют самое существенное отношение к обобщающей части лирического высказывания.

Литература

- Сильман Т. Заметки о лирике. Л.: Ленинградский писатель, 1977.
 Chvany C. Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives: Towards a Theory of Grounding in Text // The Scope of Slavic Aspect / Ed. M. S. Flier and A. H. Timberlake. UCLA Slavic Studies. 12. Columbus, Ohio: Slavica, 1985. S. 247–237.
 Comrie B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
 Fleischman S. Tense and Narrativity. Austin: University of Texas Press, 1990.
 Hopper P., Thompson S. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. 56. 2. S. 215–299.

Семантические типы предела и номинализация глаголов в русском, украинском и польском языках

Е. Э. Пчелинцева

Черкасский государственный технологический университет (Украина),
 Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Отглагольное имя действия, аспектальная семантика, типы предела действия.

Summary. The influence of the aspectual perfective semantics on the productivity of verbs in relation to verbal nouns in Russian, Ukrainian and Polish has been investigated.

1. Об определении предела и его типов. Согласно В. В. Виноградову, «основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса, на его пределе» [Виноградов 1972: 394]. Но само понятие предела является неоднородным. Предлагаются разные классификации типов предела в разноструктурных языках (см. работы В. П. Недялкова, С. Е. Яхонтова, В. Г. Гака, В. А. Плунгяна)¹. Активно обсуждается идея о несовпадении семантики совершенного вида в славянских языках (работы А. Барентсена, Р. Бенакьо, С. Дики, Е. В. Петрухиной). Обнаруживается, что и внутри одного языка могут реализовываться разные типы предела, о чем идет речь в работах Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Н. С. Авиловой, М. А. Шелякина. Так, М. А. Шелякин, усматривает в русских перфективных глаголах три семантических типа предела действия: результативный (достижение естественного результата, обусловленного природой самого действия, ср. *переходить* — *перейти*), одноактный (действие совершается «в один прием», ср. *булькнуть*,

¹ В докладе этот вопрос будет подробно проанализирован.

вздрызнуть) и количественно-временной (действие ограничено определенной внешней временной границей, ср. *посидеть, закричать, продудеть*) [Шелякин 1983]. Эта классификация соотносится с типологическими разновидностями семантики перфективности в разноструктурных языках, описанными В. А. Плунгяном: пунктивность (мгновенность / краткость действия, как в *стукнуть, курнуть*), комплетивность (достижение естественного предела, как в *построить*) и лимитативность (вложенность в более протяженный временной интервал, причем важно само наличие временных границ ситуации, как в *посидеть, прогулять* (весь день)) [Плунгян 1998]. Как выясняется, эти разновидности семантики предела имеют непосредственное отношение к номинализации глаголов в конкретном языке.

2. Некоторые особенности номинализации глаголов в русском, украинском и польском языках. В современном русском языке имя действия имеет весьма ограниченные семантические и функциональные возможности: по результатам нашей сплошной выборки из [ССРЛЯ], в русском языке имен действия в 6 раз меньше, чем глаголов (на 33 000 глаголов примерно 5 500 имен действия). Транспозиция русского глагола в имя сопровождается утратой важных семантических компонентов, в частности — ряда аспектуальных значений. В близкородственных славянских языках наблюдаем другое положение дел: в украинском языке, согласно данным нашей сплошной выборки из [СУМ], отглагольных имен действия насчитывается почти в два раза больше, чем в русском, а польский девербатив, по данным [Dubisz 2004], образуется почти от каждого глагола. В литературе уже обращалось внимание на то, что ограниченность в образовании русских отглагольных имен как-то связана с видом. Действительно, легко обнаруживается, что в русском языке гораздо больше вероятности получить имя действия от глагола НСВ, чем от глагола СВ, и тому уже найдены формальные объяснения (см. [Зализняк 2007]). Но анализ показывает, что на возможность образования имени действия от конкретного глагола влияют и семантические факторы. Выясняется, что глаголы, содержащие признак количественно-временного (по М. А. Шелякину) или лимитативного (по В. А. Плунгяну) предела действия, не способны номинализироваться. Этот запрет касается русского и украинского языков. В польском языке мы обнаруживаем некоторое количество таких имен действия в словарях, например в [Dubisz 2004], но сплошная проверка их употребительности по всем доступным корпусам польского языка убеждает в том, что этот запрет действует и здесь, но не уровне словаря, а на уровне узуса. В докладе будут представлены количественные (словарные и корпусные) данные по трем исследуемым языкам.

3. Краткие выводы. Если учесть данные, представленные в работах С. Дики, А. Барентсена, Е. В. Петрухиной, Р. Бенаккьо, принять во внимание убывание количества отглагольных имен действия с запада на восток, а также отличия

в легкости выражения ими видовых значений, если вспомнить еще и о том, что вместе с историческим становлением категории вида в русском языке происходило падение целого ряда форм имен действия, соотносительных с глаголами совершенного вида, и если все эти факты соотнести со строгим запретом на образование имен действия от глаголов, содержащих признак количественно-временного предела, то можно сделать вывод об усилении в глагольной аспектуальной семантике на системном уровне с запада на восток семантического признака количественно-временного предела. Это не означает, что в русском языке все глаголы СВ выражают значение количественно-временного предела, а в польском они его выражать не могут. Это означает, что интересующий нас признак проявляется в русских глаголах чаще и сильнее, и что русский язык располагает большим арсеналом средств для его внутрисловного выражения. Мы считаем, что именно эта особенность русского языка является одной из важных причин «трудностей» с номинализацией русских глаголов и исчезновения у русских отглагольных имен явной аспектуальной дифференциации.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.
- Зализняк Анна А. Связь отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* с глагольным видом // Terra Balkanica. Terra Slavica. М., 2007. С. 43–51.
- Плунгян В. А. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 370–381.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М.: Изд-во АН СССР, 1948–1965 (ССРЛЯ).
- Словник української мови: В 11 т. АН УРСР. Інститут мовознавства / Под ред. І. К. Білодіда. К.: Наукова думка, 1970–1980 (СУМ).
- Шелякин М. А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола (теоретические основы). Таллин: Валгас, 1983.
- Uniwersalny słownik języka polskiego / Pod red. S. Dubisza. PWN SA, wersja elektroniczna, 2004 (Dubisz 2004).

К уточнению понятия предельность (взгляд сквозь призму нетрадиционной аспектологической теории)

Н. Г. Самедова

Азербайджанский университет языков (Баку, Азербайджан)

Видовая (точечная) и невидовая (линейная) предельность, фазовость, типология начинательной предельности (ингрессивность, инхоативность, инцептивность), значение гомогенного процесса и значение негомогенного процесса.

Summary. Having imbibed classical linguistic traditions, the theory I follow treats *predel'nost'* (boundedness) as the seme 'bound'. Aspectual (punctual) and non-aspectual (linear) boundedness are differentiated. The interpretation of aspectual meaning as a punctual variety of phasal meaning enables, inter alia, to differentiate three types of initiality, namely ingressivity, inchoativity and inceptivity.

1. Следуя классической традиции, принятая нами аспектологическая теория связывает суть видового значения с понятием предельность. Однако трактуется это понятие далеко не традиционно.

Принципиальным для уяснения природы видového значения является то обстоятельство, что оно рассматривается в трех аспектах: классовом, парадигматическом и синтагматическом (см., например, [Мельчук 1998]). Ключом к пониманию его сущности является парадигматический аспект. Как явствует из термина, эта ипостась видového значения выявляется в видовой парадигме. Именно сопоставление имперфективного и перфективного членов видовой парадигмы позволяет заключить, что перфективность представляет собой точечную предельность.

Во-первых, обнаруживается, что перфективный член парадигмы характеризуется одной из трех разновидностей парадигматической предельности: семой 'начальный предел' (ср.: *петь* / *запеть*₁, *петь* / *распеться*), семой 'конечный предел' (ср.: *петь* / *отпеть*, *петь* / *допеть*), семой 'начально-конечный предел' (ср.: *петь* / *попеть*, *петь* / *пропеть*), см. [Самедов 1968].

Во-вторых, обосновывается мысль о том, что следует разграничивать предельность линейную (протяженную) и точечную (непротяженную). В качестве перфективности выступает точечная предельность, т. е. она составляет исключительную особенность глаголов совершенного вида (см. примеры, приведенные выше). Линейная предельность не может быть квалифицирована как видовое значение, потому что может быть присуща глаголам как совершенного, так и несовершенного вида. Так, глаголам *запевать* / *запеть*₂ присуща сема 'линейный начальный предел', а глаголам *допевать* / *допеть* сема 'линейный конечный предел', см. [Самедов 1968].

Можно видеть, что, согласно нетрадиционной аспектологической теории, предельность представляет собой разновидность фазового значения. Соответственно, исходным при ее определении является понятие фазы, т. е. часть процесса. Начальная предельность — это, иначе говоря, значение первой части процесса, конечная — значение последней части, а начально-конечная — значение первой и последней частей процесса.

Отметим, что в литературе содержатся три взгляда на отношения категорий фазовости и аспектуальности. Описываемый подход восходит к самому раннему из них, сложившемуся, по предположению В. В. Виноградова, под влиянием античных и западноевропейских грамматик, см. [Бондарко 1987: 406]¹. Два других представлены в работах Ю. С. Маслова и И. А. Мельчука. По мнению Ю. С. Маслова, это фазовость представляет собой один из типов аспектуального значения, а вовсе не наоборот [Виноградов 1986: 321]. С точки зрения И. А. Мельчука, данные категории друг с другом не связаны: аспект относится к категориям, выражающим количество, тогда как фазовость — категория, выражающая качественные характеристики [Маслов 2004].

¹ Необходимо отметить, что на этом взгляде покоится также нетрадиционная аспектологическая теория, разработанная О. М. Соколовым, см., в частности, [Самедова 2013: 104–117].

Нетрадиционный взгляд на предельность позволяет разработать стройную типологию начальной предельности, или начинательности.

Мы разграничиваем две омонимические разнородные конструкции *стать* + ИНФ (см., например, [Самедов 1986]; [Самедова 2011]). При сравнении перфективного омонима с синонимичной конструкцией *начать* + ИНФ обнаруживается, что он характеризуется точечной (видовой) начинательностью, или ингрессивностью, тогда как начинательность, присущая конструкции *начать* + ИНФ, линейная (невидовая), а именно негомогенная инцептивность.

Сравнительный анализ соотносительных видовых парадигм *стать* / *стать* и *становиться* / *стать* выявляет как их бесспорное семантическое сходство (ср., например, сочетания с перфективами: *стало холодать* — *стало холодно*), так и весьма примечательные различия со стороны синтаксических признаков (позицию зависимого компонента в конструкциях с членами парадигмы *стать* / *стать* занимают исключительно инфинитивы несовершенного вида). Результаты анализа побуждают нас квалифицировать начальную предельность, свойственную членам данных парадигм, как, соответственно, гомогенную инхоативность и негомогенную инхоативность.

Можно видеть, что нетрадиционная аспектологическая теория не использует термины «предельный» / «непредельный» при характеристике присущего глаголам значения процесса (ср., например, [Бондарко 1987]). Соответствующие понятия обозначаются, в частности, терминами «значение гомогенного процесса» и «значение негомогенного процесса».

Литература

- Бондарко А. В. Лимитативность как функционально-семантическое поле // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 46–63.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
- Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 305–364.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва; Вена. 1998.
- Самедов Г. С. К вопросу о трехчленных цепях типа *слабеть* — *ослабеть* — *ослабевать* // Структурно-функциональный анализ слова в русском языке. Баку, 1984. С. 3–11.
- Самедов Г. С. О видах и подвидах русского глагола // Материалы 1-й Республиканской конференции по вопросам языкознания и методики обучения иностранным языкам. Баку, 1968. С. 116–118.
- Самедова Н. Г. К вопросу о форме будущего времени глаголов несовершенного вида в современном русском языке // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Лингвофутуризм. М., 2011. С. 263–276.
- Самедова Н. Г. Омонимические конструкции *стать* + инфинитив: закономерности поведения // Acta universitatis szegediensis. Dissertationes slavicae sectio linguistica XXX. Szeged, 2013. С. 151–170 [http://digit.bibl.u-szeged.hu/00000/00006/00031/dissert_slav_linguistica_030.pdf].
- Соколов О. М. ИмPLICITная морфология русского языка. Нежин, 2010.

О разновидностях общефактического значения НСВ в свете их темпоральных соответствий

Светлана Славкова

Болонский университет (Италия)

НСВ, общефактическое значение, перфект, аорист, имперфект.

Summary. Analyzing the uses of the general factual meaning of IPF in Russian in comparison with Bulgarian I identified some regularities in the correspondences between Russian IPF in the past and Bulgarian verbal tenses. The article demonstrates that the Russian general factual meaning of IPF in past tense depending on the context (and sometimes, on Vendlerian-type classes of verbs) can express the semantics of the Bulgarian aorist, perfect or imperfect.

Общефактическое значение НСВ — одно из наиболее активно изучающихся в аспектологии и, вместе с тем, одно из наиболее трудных для определения частных значений НСВ. Традиционно считается, что общефактическое значение НСВ называет факт совершения действия «без учета конкретных условий его осуществления» [Маслов 1984: 73], но при этом позволяет сосредоточить внимание «лишь на факте его наличия или отсутствия» [Грамматика-80: 612]. Тем не менее, углубленное изучение этого частного значения НСВ привело к выявлению нескольких специфических подвидов этого значения: конкретно-референтного, экзистенциального, неопредельного, двунаправленного ([Падучева 1996]). В некоторых из последних работ общефактическая глагольная предикация рассматривается в связи с бытийными предложениями ([Мелиг 2013]) и с референциальным статусом описываемых ситуаций ([Мелиг 1998]; [Шатуновский 2009]).

При описании средств выражения общефактического значения НСВ в болгарском языке ([Славкова 2015]) нами были замечены некоторые закономерности в соответствиях между разновидностями этого значения в русском и болгарскими глагольными временами. В связи с этим, мы задались целью провести более полный сопоставительный анализ семантики грамматических времен в болгарском и разновидностей общефактического значения НСВ в русском языке.

Анализ перевода с русского на болгарский язык таких примеров, как *Я сегодня суп варила* показывает, что прошедшему времени НСВ в болгарском соответствует аорист НСВ (*Днес варих супа*).¹ Если учесть, что аорист традиционно определяется как «единичное, неповторяющееся действие в прошлом, которое завершено и никак не соотносится с настоящим» [Ремнёва 2004: 253],² то нетрудно заметить, что приведенное определение отражает также семантику общефактического конкретного³ значения НСВ, выражаемого единичное,

¹ В отношении болгарского языка Маслов называет это значение несовершенного аориста обобщенно-фактическим [Маслов 1959: 268].

² Ср. также определение Р. Ницоловой «Аористът означава действие, чийто интервал е едновременно с минал интервал на референтност и е затворен в рамките на този интервал» [Ницолова 2008: 290].

³ В другой терминологии конкретно-референтное, *token*, единично-фактическое значение НСВ: «Единично-фактическое значение НСВ налицо, когда предикация в НСВ имеет

разобшенное с моментом речи действие ([Падучева 1996: 46]). Указанное соответствие позволяет развить мысль В. В. Виноградова о том, что в определенных условиях формы прошедшего времени НСВ могут приобретать «чисто аористическое значение, в котором стираются оттенки несовершенности, длительности, “имперфективности”» [Виноградов 1986: 456], и выявить в этой разновидности русского общефактического значения НСВ семантику аориста.

Другой тип русских высказываний с общефактическим НСВ (*Мы с вами где-то встречались; Мой дядя восходил на Эверест; Ты когда-нибудь вешал рекламные постеры?*) соответствует в болгарском языке высказываниям с перфектом НСВ (соответственно, *Някъде сме се срещали; Чичо ми се е качвал на Еверест; Някога закачвал ли си рекламни постери?*). Как видно из примеров, речь идет об экзистенциальном¹ подтипе общефактического значения НСВ, которое предполагает, что действие успешно осуществлялось в прошлом по крайней мере один раз и что оно имеет некие важные последствия в настоящем — как минимум, приобретение субъектом определенного личного опыта. Именно результативный характер действия сближает семантику этой разновидности ОФ значения НСВ с семантикой перфекта, выражающей «состояние в момент речи, явившееся результатом действия в прошлом» [Ремнёва 2004: 269].² Сказанное говорит о том, что общефактическое значение НСВ способно выражать, помимо семантики аориста, также семантику перфекта.³

Интерес представляет также общефактическое неопределённое значение НСВ (*На этой стене висела картина; В детстве Маша боялась мышей; Вы искали коменданта?*), естественными для которого являются неопределённые, нерезультативные ситуации, представленные как факты прошлого, которые могут характеризовать (или каким-либо образом идентифицировать) участников ситуации. Временной интервал действия может быть как открытым (неизвестно, перестала ли иметь место названная ситуация), так и ограниченным. Эти характеристики полностью соответствуют грамматической семантике имперфекта, что подтверждается переводом указанных примеров на болгарский язык с использованием имперфекта НСВ (*На тази стена висеше [имаше] картина; Като малка Маша се страхуваше от мишки; Вие ли търсехте коменданта?*).

конкретно-референтный статус и никакой видовой характеристики не содержит. Другими словами, при употреблении НСВ в единично-фактическом значении <...> обозначаемая ситуация только называется, констатируется как факт» [Мелиг 2013: 32–33].

¹ Называемом также собственно общефактическое, экспериентивное значение НСВ, *type*.

² Ср. также: «Перфектът е резултативно време, като резултатът в материален или абстрактен вариант е наличен в момента на говоренето» [Андрейчин 1976: 279] и «Неопределеността на вършенето в миналото и актуалността в момента на говоренето са характерните семантични особености на минало неопределено време» [Стоянов 1980: 389].

³ Неслучайно, по-видимому, в Грамматике-80 используется термин ‘перфектная разновидность’ ОФ значения НСВ, определяемый следующим образом: «при употреблении глаголов несов. вида в форме прош. вр. констатируется такое наличие или отсутствие факта в прошлом, которое характеризует состояние субъекта в данный момент» [Грамматика-80: 610].

Приведенные примеры и межъязыковые соответствия показали, что общефактическое значение НСВ в прошедшем времени может актуализировать семантику аориста (*Я сегодня суп варила*), перфекта (*Мы с вами где-то встречались*), имперфекта (*В детстве Маша боялась мышей*). Детальный анализ контекстов употребления общефактического значения НСВ позволит выявить реальное соотношение его семантики с грамматическими значениями трех классических прошедших времен.

Литература

- Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1976.
 Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.
 Грамматика русского языка. Т. I. М.: Наука. 1980 (Грамматика-80).
 Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М.: Издательство академии наук СССР, 1959. С. 157–312.
 Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
 Мелиг Х. Р. Вид, отрицание и референциальный статус глагольной предикации в тексте // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 289–304.
 Мелиг Х. Р. Общефактическое и единично-фактическое значения несовершенного вида в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 19–46.
 Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «Климент Охридски», 2008.
 Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
 Падучева Е. В. Русский имперфектив: инвариант и частные значения // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 7–18.
 Ремнёва М. Л. Старославянский язык. М.: Академический проект, 2004.
 Славкова С. Использование глагольных времен при выражении общефактического значения НСВ в болгарском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. Вып. 3. С. 133–141.
 Стоянов С. Граматика на българския книжовен език: фонетика и морфология. София: Наука и изкуство, 1980.
 Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М.: Языки русской культуры, 2009.

Глаголы с семой итеративности в русском языке

Е. Я. Титаренко

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (Россия)

Русский глагол, аспектология, итеративность, аспектологическая терминология.

Summary. The report regards the issues of terminology of the aspect, a group of Russian verbs with iterative seme. We describe semantic and grammatical features of the verbs of this group.

1. Терминология

В целях упорядочения аспектологической терминологии Ю. С. Маслов рекомендовал использовать термины: **семельфактивный**, или **одноактный** — действие, выполненное в один прием: *кольнуть*, *махнуть*, может быть также *ступить*, *сбегать*; со специальным оттенком интенсивности: *толкануть* и т. д.; **многократный**, или **итеративный** (менее обычно: **фреквентативный**) —

бывать, едал, писывал, может быть захаживал; **мультипликативный (многоактный)**: качать, махать, клевать, колоть. При этом Ю. С. Маслов не рекомендовал смешивать понятия и термины **однократный** (как антитеза понятия «многократный» может пониматься шире в смысле конкретно-единичного, разового действия); **многофазисный** (действие изображается как состоящее из ряда одинаковых актов, а не из ряда фаз) [Маслов 2004: 392–393]. Он писал: «Действия (события и т. д.) могут быть *разовыми (однократными)*, *повторяющимися (многократными)*, *обычными (узуральными)* или только *потенциальными (возможными)*; *локализованными во времени (конкретными)* или *нелокализованными во времени (абстрактными, вневременными, атемпоральными)*; *длительными* (в частности, «состоянием») или *мгновенными (точечными)*; *непрерывными* или *прерывистыми* (состоящими из отдельных актов) и т. д.» [Маслов 2004: 378].

Однако неразличение терминов, к сожалению, до сих пор сохраняется в научной литературе. Лингвисты употребляют как синонимы, с одной стороны, термины *одноактность* — *однократность* — *однофазисность* и, с другой стороны, *многоактность* — *многократность* — *многофазисность*.

В докладе обосновываются следующие термины, их синонимы и определения: **одноактность (= семельфактивность)** — глагол называет действие, состоящее из одного акта (*чихнуть, шагнуть, моргнуть*); **многоактность (= мультипликативность)** — глагол называет сложное действие, состоящее из ряда повторяющихся актов (*чихать, мигать, шагать*); **однократность** — глагол называет действие, выполненное в один прием (*подбросить, сказать, выкрикнуть*); **многократность** — глагол называет повторяющееся действие, состоящее из ряда однократных (*подбрасывать, выкрикивать, подпрыгивать*). Этим термином обозначаются и собственно многократные глаголы типа *хаживать, говаривать, сиживать*; **единичность / одноразовость** (разовость) — действие, имевшее место один раз, количество действий равно единице; **повторяемость (= итеративность)** — (однородные) действия, имевшие место в разное время более одного раза (количество действий больше единицы).

Термины **многофазисность / однофазисность** представляются излишними, т. к. нами пока не найдена группа глаголов, изображающих действие как состоящее из ряда фаз (см. определение Ю. С. Маслова). Однако в ходе изучения способов выражения повторяемости действия в современном русском языке нами была обнаружена группа глаголов, имеющих общие семантические и грамматические признаки, термина для которых в аспектологии еще нет. Мы назвали их глаголами с семой итеративности.

2. Глаголы с семой итеративности

Глаголы с семой итеративности, такие как *наведывать, случаться, включать, посещать, являться, появляться, оказываться* и т. п. были выделены автором в особую группу на основании следующих признаков:

- имеют видовые пары, фазовые отношения в которых соответствуют типу «один раз (глагол СВ) — много раз (глагол НСВ)»;
- не имеют других глагольных дериватов, за исключением просторечных некодифицированных лексем с префиксом *по-* (*понавещать, повключать, послучаться, попосещать* и т. п.) и некоторых других (очень редко);
- практически не имеют конкретно-процессного значения НСВ, с трудом употребляются в контекстах такого типа (*в этот момент он навещает своего друга*);
- в минимальном аспектуальном контексте выражают повторяющееся действие (*сын навещает мать; друзья посещают бассейн; со мной случаются странные вещи*);
- видовые корреляты этих глаголов называют однократное (единичное) действие: *случиться, навестить, посетить, включить* и т. д. Такие отношения между глаголами похожи на фазовые отношения между одноактными и многоактными глаголами (типа *прыгнуть — прыгать*), однако в отличие от них, описываемые глаголы являются видовыми партнерами.

Особенности такой семантики глаголов НСВ данной группы мы объясняем наличием в ее структуре особой **семьи итеративности**, которая способствует выражению «внутрисловной повторяемости» [Титаренко 2011] в минимальном аспектуальном контексте и даже вне контекста. Видовые партнеры этих глаголов, однако, не имеют никакой специальной семы, поскольку грамматическая сема единичности, по нашему убеждению, входит в грамматическую семантику совершенного вида в целом [Титаренко 2011].

Количественный состав глаголов данной группы, специфика их фазовой парадигматики, особенности функционирования в контекстах и другие особенности требуют дальнейших исследований.

Литература

- Маслов Ю. С. Избранные труды : Аспектология : Общее языкознание. М., 2004.
Титаренко Е. Я. Категория фазовости и вид русского глагола. Симферополь, 2011.

Видовые пары и «видовые тройки»: объект или инструмент описания?

А. Д. Шмелев

Московский педагогический государственный университет,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия)

Позиция обязательной имперфективации, видовая корреляция, видовая пара, супплетивизм, депрефиксация.

Summary. The paper deals with the notions of aspectual pairs and the so-called aspectual triplets. It is claimed that while the former is a useful instrument of linguistic description, the latter can be no more than an object of description. The point is illustrated with various examples.

В докладе уточняются и развиваются положения, выдвинутые нами в совместных публикациях с Анной Зализняк и Ириной Микаэлян, по большей час-

ти вошедших в нашу книгу [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015]. В основе нашего подхода лежит положение, в соответствии с которым специфика русского глагольного вида состоит в наличии позиций «обязательной имперфективации», когда не может быть употреблен перфективный глагол, а для выражения смысла, который в нейтральных позициях выражается глаголом совершенного вида, используется имперфективный глагол. «Замена» глагола осуществляется носителями языка почти автоматически и часто даже не осознается. Для описания такой замены используется понятие видовой корреляты: для данного перфективного глагола имперфективным коррелятом является глагол, который «заменяет» его в позиции «обязательной имперфективации»; соответственно, эти два разновидовых глагола составляют видовую пару. Поскольку имперфективный глагол в рассматриваемой позиции выражает тот же смысл, что и «исходный» перфективный глагол, допустимо говорить, что два члена видовой пары различаются только видом¹. Таким образом, понятие видовой коррелятивности и тем самым видовой пары оказывается необходимым инструментом описания способности носителей языка производить замену перфективного глагола имперфективным в позициях обязательной имперфективации.

Стандартным средством установления имперфективного коррелята для заданного глагола совершенного вида может считаться морфологическая имперфективация, т. е. присоединение к основе перфективного глагола имперфективного суффикса (нередко с предварительным усечением уже имеющегося суффикса). Это средство применимо и к бесприставочным, и к приставочным перфективным глаголам (*дать* — *давать*, *раздать* — *раздавать*). Следует иметь в виду, что при наличии стандартного имперфективного коррелята использование в позиции обязательной имперфективации какого-то иного имперфективного глагола представляет собою явление лексической синонимии, а не множественность коррелятов. То, что в позиции обязательной имперфективации в качестве «замены» глагола *выбросить* <мусор> может использоваться не его стандартный коррелят *выбрасывать*, а синонимичный глагол *выкидывать* (являющийся стандартным коррелятом глагола *выкинуть* <мусор>), никак не ставит под сомнение наличие двух синонимичных пар, а не одной «видовой четверки». Точно так же возможность использовать, наряду с глаголом *ударять*, в той же позиции и примерно в том же значении глагол *бить* не подрывает уверенность в том, что мы имеем дело с парой *ударить* — *ударять* и с глаголом *бить*, приблизительно синонимичным глаголу *ударять*. Лишь в тех случаях, когда по каким-то причинам (чисто фонетическим или иным) данное средство оказывается неприменимо и соответствующий морфологиче-

¹ Вне позиции обязательной имперфективации глагол несовершенного вида, входящий в видовую пару, может более или менее существенно отличаться по смыслу от перфективного члена пары.

ский имперфектив не существует, используются иные способы установления имперфективного коррелята: супплетивный и депрефиксальный. Супплетивный способ применим как к префиксальным, так и к беспрефиксным глаголам. Так, признание супплетивных коррелятов у глаголов *взять*, *сказать* и *поймать*, а именно — *брать*, *говорить* и *ловить*, обусловлено как отсутствием у них стандартных коррелятов (морфологические имперфективы *взимать* и *скаывать* семантически оторвались от глаголов *взять* и *сказать*), так и тем, что *брать*, *говорить* и *ловить* не входят в пары ни с какими другими глаголами. Депрефиксальный способ применим лишь к перфективным глаголам, образованным посредством префиксации. Он основан на том, что в неформальной речи «восстановление» исходного имперфективного глагола путем отсечения приставки часто приводит к тому, что «восстановленный» глагол «заражается» смыслом, заложенным в значении приставки и тем самым может функционировать в качестве субститута префиксального перфективного глагола в позиции обязательной имперфективации. Этот способ является конвенциональным средством установления имперфективного коррелята для многих глаголов с приставкой *по-*, семантический вклад которой часто столь невелик, что «заражение» им исходного глагола почти незаметно, а также ряда других (напр., *делать* как имперфектива для *сделать*).

Важно подчеркнуть, что здесь также важно отличать нестандартный способ установления коррелята от лексической синонимии. Глагол *менять* является стандартным коррелятом к глаголу *поменять*, у которого нет вторичного имперфектива. Этот же глагол может использоваться в позиции обязательной имперфективации для «замены» глаголов *обменять*, *сменить*, *переменить*, *заменить*, однако наличие у них стандартных коррелятов *обменивать*, *сменять*, *переменять*, *заменять* показывает, что в этом случае мы имеем дело с синонимической заменой.

Из сказанного ясно, что само понятие «видовой тройки» никак не может быть поставлено в один ряд с понятием видовой пары. Нелепо «наивное» понимание выражения «видовая тройка» как ‘три глагола, различающихся только видом’: вид в русском языке представляет собою бинарную, а не тернарную оппозицию. Показательна необходимость специальных пояснений, что имеется в виду под этим выражением (напр., в статье [Зализняк, Микаэлян 2010]), которые в совокупности более или менее очерчивают объект исследования. Из примеров, приведенных в данной статье, как и в ряде других публикаций, можно видеть, что во всех случаях, когда приставочный перфективный глагол имеет конвенциональный вторичный имперфективный коррелят, его и разумно считать видовым коррелятом, а в случае если бесприставочный имперфектив близок по смыслу этому вторичному имперфективу, мы имеем дело с синонимией. Если вторичный имперфектив не употребителен, можно считать конвенциональным коррелятом исходный бесприставочный имперфектив и говорить о депрефиксации как способе установления коррелята.

При этом необходимо детальное исследование каждого глагола в каждом отдельно взятом лексическом значении; часто для разных значений глагола устанавливаются разные корреляты. Важную роль играет различие представлений носителей языка, свидетельствующее о нестабильности соответствующей точки языковой системы. Сказанное иллюстрируется, в частности, на примере «шахматной» пары *пойти* — *ходить* <конем> и менее стандартных *идти* <конем> и особенно ^{??}*походить* <конем>, находящихся, по моей оценке, на грани или даже за пределами нормы, но признаваемых некоторыми носителями языка и встречающихся в текстах.

Литература

- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О месте видовых троек в русской аспектуальной системе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010). Вып. 9 (16). М., 2010.
- Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Глаголы движения и глагольный вид в верхнелужицком языке в сравнении с русским языком

Л. Шольце

Университет г. Цюрих (Швейцария)

Глаголы движения, вид, аспект, лужицкий микроязык.

Summary. In my talk I will present a comparison between the “verbs of motion” in Upper Sorbian and in Russian from a morphological and a functional point of view, especially with respect to the role of verbal aspect.

Как известно, парные глаголы движения являются морфологической и семантической особенностью славянских языков. Наиболее подробно они исследованы и описаны в русском языке. Глаголы этой группы отличаются от других глаголов характером глагольного действия. Они выступают в парах глаголов несовершенного вида типа *идти* — *ходить*, противопоставленных по значениям «однаправленность — неоднаправленность». Однонаправленный глагол (= глагол определенного движения, *идти*) описывает движение в одном направлении и является в русском языке маркированным глаголом корреляции. Неоднаправленный глагол (= глагол неопределенного движения, *ходить*) описывает все движения, кроме эксплицитной однаправленности. Он немаркирован.

В данном докладе глаголы движения более подробно рассматриваются относительно глагольного вида. При рассмотрении этой проблемы принимаются во внимание критерии аспектуальной теории ИЛА В. Броя (1997).

Система парных глаголов движения русского языка сопоставляется с верхнелужицкой системой как с формальной, так и с функциональной точек

зрения. Важное различие наблюдается в употреблении однонаправленных глаголов этих языков в морфологическом и видовом отношении, так как в верхнелужицком, в отличие от русского языка, их производные формы с приставкой *po-* лишены инфинитива и прошедшего времени, и употребляются только в настоящем времени со значением будущего обоих видов (например, *hić* ‘идти’ — *róńdu* ‘я пойду, буду идти’), а также — в императиве (см. [Scholze 2008: 268]). Действия в прошедшем времени, которые в русском выражаются с помощью глаголов совершенного вида с приставкой *po-*, например, в случае сменны ситуации (таксис последовательности), в верхнелужицком языке выражаются с помощью неприсставочной формы однонаправленного глагола, ср. *Она выключила компьютер, встала и пошла к нему.* (*шла) с верхнелужицкой конструкции *Wona je kompjuter hasnyła, stanyła a k njemu šła.* В то время как в русском языке в прошедшем времени различают между совершенной формой *пошла* и несовершенной формой *шла*, в верхнелужицком языке в обоих случаях употребляется форма *šła*. Двувидовость глагола *hić* ‘идти, пойти’ касается также и инфинитива.

русский язык	верхнелужицкий язык
<i>идти</i> (нсв.) — <i>пойти</i> (св.)	<i>hić</i> (нсв. / св.)

В то время как *идти* и *пойти* в русском языке образуют видовую пару, в лужицком языке нет никакого видового различия между неприсставочными и приставочными однонаправленными глаголами. У них чисто временная оппозиция, а именно только между настоящим и будущим временем, например *du* — *róńdu*.

Однако хотя глаголы однонаправленного движения в верхнелужицком языке считаются двувидовыми глаголами, синтетическая форма претеритума у них выражается имперфектом, который, обычно, образуется только от глаголов несовершенного вида, в то время как у глаголов совершенного вида синтетический претеритум выражается с помощью форм аориста, ср. в следующей таблице глагол *hić* с видовой парой *činić* (нсв.) — *sčinić* (св.) ‘(с)делать’ (3 лицо ед. числа):

	верхнелужицкий синтетический претеритум (3. ед. ч.)	
	аорист	имперфект
<i>činić</i> (нсв.)	—	<i>činje<u>ље</u></i>
<i>sčinić</i> (св.)	<i>sčini</i>	—
<i>hić</i> (однонапр., нсв. / св.)	—	<i>džě<u>ље</u></i>
<i>chodźić</i> (неоднонапр., нсв.)	—	<i>chodže<u>ље</u></i>

В докладе также обсуждается и общий вопрос о взаимодействии оппозиции направленности с оппозицией целостности категории глагольного вида в верхнелужицком языке.

Насчет функций глаголов движения доклад включает, между прочим также и некоторые примеры из польского языка, в котором в случае смены ситуаций тоже выступают однонаправленные глаголы движения, хотя они в этом языке являются действительно глаголами несовершенного вида, как и в русском, у которых есть видовой партнер с приставкой *po-* (*iść* — *pyjść*), ср. *w Wenecji wysiadł w głęboką noc i podczas burzy biegł ku brzegowi, wskoczył w łódź i zginął mi z oczu* 'В Венеции он вышел в глубокую ночь и во время бури побежал к берегу, прыгнул в лодку и потерялся из виду'. Возможно польский язык занимает позицию между русским и верхнелужицким языками. Носители языка комментируют такие примеры следующим образом: «*zdanie nie jest poprawne, powinno być właśnie pobiegł ku brzegowi*».

Литература

- Брой В. Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем (иерархическая модель компонентов) // Кароляк С. (отв. ред.). Семантика и структура славянского вида II. Krakau, 1997. С. 49–72.
- Scholze L. Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Bautzen, 2008.

Общефактическое значение НСВ

Н. R. Mehlig

Университет Христиана Альбрехта (Киль, Германия)

Категория вида в русском языке; общефактическое значение; видовая конкуренция; референциальный статус глагольных предикаций; Type vs. Token

Summary. Predications with the ipf. aspect in its generalized-factual meaning (обобщенно-фактическое значение НСВ) refer to the type of the denoted situation. They inform us that at least one situation of the type in question has taken place or will take place. The first section describes the conditions under which predications in the ipf. aspect allow this interpretation. The second section presents and discusses the wide range of terms which are used for this interpretation of the ipf. aspect.

1. Условия, допускающие интерпретацию НСВ как обобщенно-фактического

Понятие «обобщенно-фактическое значение НСВ» было введено в славянскую аспектологию Ю. С. Масловым. Это значение заключается в «общем, принципиальном указании на факт прошлого без какой-либо конкретизации, без рассмотрения этого факта в конкретных условиях его осуществления» [Маслов 1959]. Предикации с НСВ в обобщенно-фактической функции являются бытийными высказываниями. Они отсылают к открытому классу, к «типу» обозначаемой ситуации и сообщают или отрицают, что в течение некоторого временного промежутка по крайней мере одна ситуация данного типа

имела место. Предикации с НСВ в обобщенно-фактической функции имеют статус неспецифической, в другой терминологии нереферентной неопределенности. Обозначаемая ситуация не может быть идентифицирована ни говорящим, ни слушателем. При преобразовании предикации в именное бытийное предложение этот статус может быть маркирован введением номинализованного описания ситуации с местоименным прилагательным *такой*, употребляемой в катафорической функции: *Мы ВСТРЕЧАЛИСЬ. > Такая ситуация, как встреча, имела МЕСТО*. В русском языке при употреблении НСВ в обобщенно-фактической функции видовая оппозиция нейтрализуется. Допускается, в отличие от, например, чешского языка, только НСВ, ср. *Ты уже когда-нибудь ПОДНИМАЛСЯ на эту гору?* vs. *Už jsi někdy LEZL / VYLEZL na tuto horu?* [Петрухина 2013].

В бытийных предложениях отсылка к хотя бы одному объекту или к точно одному объекту различаются морфологически, ср. *У Саши ЕСТЬ дети* vs. *У Саши ЕСТЬ жена*. У глагольных предикатов такой возможности нет [Шатуновский 2009]. Имеем ли мы дело с отсылкой к хотя бы одной или к точно одной ситуации, решает наше знание о мире. Поэтому предикация *Саше удаляли АППЕНДИКС* понимается как отсылка к одноразовой ситуации.

Бытийные высказывания предполагают, что в соответствующем пространстве имеется более чем один объект данного названия. Для глагольных предикатов это обозначает, что НСВ допускает обобщенно-фактическую интерпретацию только тогда, когда обозначаемая ситуация является воспроизводимой. Поэтому уникальные ситуации, если они не могут быть реализованы частично, не допускают употребления НСВ в обобщенно-фактической функции: **Кто первым достигал южного полюса?* Это также относится к предикатам индивидуального уровня (вневременные предикаты), напр., *владеть немецким языком*, так как они по определению обозначают неквантифицируемые ситуации. Обобщенно-фактическое употребление НСВ является вариантом количественной аспектuality.

Употребление НСВ в обобщенно-фактической интерпретации не ограничивается прошедшим временем, хотя оно там имеет высокую частотность. Оно возможно во всех спрягаемых и неспрягаемых формах: в будущем времени: *Мы еще будем встречаться, и не раз*, в сослагательном наклонении: *Лучше бы он не приходил!*, в императиве: *Приходите к нам!* в инфинитиве: *Стыдно отцу запугивать ребенка* и, хотя крайне редко, в дееспричастии: *Он умер неожиданно, не болев перед этим никакой серьезной болезнью* [Бондарко 1983].

Предикации с обобщенно-фактическим НСВ употребляются в прошедшем, а также и в будущем времени, прежде всего в высказываниях, которые имеют верификативный коммуникативный статус, т. е. в высказываниях, в которых информация о существовании (*modus*) ситуации образует фокус предикации. Они в русском языке характеризуются тем, что интонационный центр

высказывания всегда находится на спрягаемой форме предиката: *Твой дядя ПОДНИМАЛСЯ на Эльбрус?* > *Такая ситуация, как X, ИМЕЛА место?* Однако, допускается и нейтральный коммуникативный статус: *Мой дядя поднимался на ЭЛЬБРУС.* > *Имела место такая ситуация, как X.* В таком случае информация о существовании (modus) и описание ситуации (dictum) вместе являются новой информацией. Наконец, они могут иметь и экспликативный коммуникативный статус. Он имеет место, когда информация о существовании (modus) является предполагаемой информацией и только описание ситуации (dictum) образует фокус высказывания: *[Откуда ты об этом знаешь?] Я читал об этом в ГАЗЕТЕ.* > *Имела место ТАКАЯ СИТУАЦИЯ, КАК X.* Так как ответ в данном контексте с обобщенно-фактическим НСВ на основе нашего знания о мире допускает и интерпретацию как отсылку к точно одной ситуации, возможна видовая конкуренция: *Я прочитал об этом в ГАЗЕТЕ.* При замене вида происходит переход от неспецифической неопределенности (НСВ) к специфической неопределенности (СВ).

Предикации в прошедшем времени с обобщенно-фактическим НСВ могут относиться к временному промежутку, который простирается до точки отсчета: *До этого мы еще не ВСТРЕЧАЛИСЬ.* > *До этого такая ситуация, как X, еще не имела МЕСТО.* Если точка отсчета является моментом речи, то такие высказывания могут соответствовать английскому «Experiential Perfect» (lifetime effect): *Ты когда-нибудь ПРОЧИТЫВАЛ 300 страниц за одну ночь? Have you ever read 300 pages in one night?* Однако предикации в прошедшем времени с обобщенно-фактическим НСВ могут относиться и к промежутку времени, который разобщен с точкой отсчета: *Вы в прошлом году ВСТРЕЧАЛИСЬ?* > *Такая ситуация, как встреча, в прошлом году ИМЕЛА место?* Тогда они должны быть переведены с Simple Past: *Did you meet last year?*

2. Термины, употребляемые для НСВ в обобщенно-фактической функции

Для обозначения обобщенно-фактического НСВ употребляются самые разные термины. В [Петрухина 2013] предлагается термин «общефактическое типовое»; в [Падучева 1996] — «общефактическое экзистенциальное», в [Gršnn 2003] — «Existential Factual ipf. Aspect». При этом Е. В. Падучева и А. Gršnn употребляют этот термин исключительно для предикаций, которые интерпретируются как результативные. Однако предикации с обобщенно-фактическим НСВ могут отсылать и к неопределенным ситуациям: *Саша когда-нибудь РАБОТАЛ за границей?* и даже к предельным ситуациям, которые не достигли своей кульминационной точки. Такая интерпретация является обязательной в случае ситуаций, которые в соответствии с нашим представлением о мире являются воспроизводимыми только тогда, когда они не достигли своей кульминационной точки: *Саша уже тонул, но его каждый раз спасали.*

Чаще всего для обобщенно-фактического НСВ употребляется термин «общефактическое» значение. При этом этот термин употребляется не только для предикаций в НСВ, которые отсылают к типу (Type) обозначаемой ситуации, но также и для предикаций в НСВ, которые отсылают к индивидуализованным ситуациям (Token), если они в силу ситуативного или текстуального контекста понимаются как отсылка к ситуации, которая достигла своей точки кульминации. Е. В. Падучева называет это употребление НСВ «акциональным значением НСВ» [Падучева 1996], в [Grønn 2003] используется термин «Pre-suppositional Factual ipf. Aspect». В этих предикациях часто допускается видовая конкуренция. При замене вида, однако, не происходит переход от неспецифичности (НСВ) к специфичности (СВ), от Type к Token. Такая предикация с «акциональным» общефактическим НСВ, как *Где вы защитили / защищали диссертацию?* обладает как в СВ, так и в НСВ статусом специфической определенности и обозначает в обоих видах ситуацию, которую не только говорящий, но и адресат может идентифицировать. При замене вида ситуация представляется в другом ракурсе. В НСВ тематизируется процессный компонент обозначаемой ситуации, а в СВ достижение кульминационной точки.

М. А. Шелякин вслед за Ю. С. Масловым употребляет для бытийной интерпретации НСВ термин «обобщенно-фактическое значение» [Шелякин 1983]; [Шелякин 2007]; [Маслов 1959]. Для предикаций же в НСВ, которые отсылают к ситуациям, достигшим своей кульминационной точки и в связи с этим часто допускающим видовую конкуренцию, М. А. Шелякин создал термин «единично-фактическое» значение НСВ. При этом он не различает двух принципиально разных условий, при которых в русском языке возможна видовая конкуренция. Она, во-первых, может возникать, когда ситуация, концептуализируемая как отсылка к типу (Type), из-за прагматических причин понимается как отсылка к одной ситуации, и поэтому допускается также употребление СВ, как в примере [*Откуда ты об этом знаешь?*] *Я читал / прочитал об этом в ГАЗЕТЕ*. (Переход от неспецифичности в НСВ к специфичности в СВ). Видовая конкуренция допускается, во-вторых, и тогда, когда предикация с НСВ отсылает к индивидуализированной ситуации (Token) и из контекста понятно, что обозначаемая ситуация достигла своей кульминационной точки. Видовая конкуренция первого типа возможна всегда, когда обозначаемая ситуация является воспроизводимой. Видовая же конкуренция второго типа допускается только тогда, когда у предиката есть процессный компонент. В [Петрухина 2013] и [Мелиг 2013; 2015] употребляется термин М. А. Шелякина «единично-фактический», но исключительно для линейной аспектуальности, т. е. для предикаций, в которых имеет место видовая конкуренция второго типа.

Литература

- Бондарко А. Б. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1959.

- Мелиг Х. Р.* Общефактическое и единично-фактическое значения НСВ в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 4.
- Мелиг Х. Р.* Дискурсивная функция глагольного вида при отрицании // Аспектуальная семантическая зона: Сборник статей. Киото, 2015.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Петрухина Е. В.* Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 4.
- Шатуновский И. Б.* Проблемы русского вида. М., 2009.
- Шелякин М. А.* Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.
- Шелякин М. А.* Категория аспектуальности русского глагола. М., 2007.
- Grønne Atle.* The Semantics and Pragmatics of the Russian Factual Imperfective. Faculty of Arts, University of Oslo: Doctor Artium Thesis, 2003.

Балтославянские языковые, литературные, культурные связи в современном мире

Особенности функционирования фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и литовском языках

О. М. Голубенко

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

*Зоонимный компонент, семантическое содержание, фразеология,
картина мира, идеографическое описание*

Summary. This report considers the semantics of Russian and Lithuanian zoonym phraseological units and performs their semantic and structural systematization. The author identifies the cultural linguistic features of fixed expressions containing a zoonym component in the worldview of native speakers.

В настоящее время большой интерес исследователей вызывает сопоставительное изучение языковой картины мира носителей того или иного языка — зафиксированной в языке и специфической для языкового коллектива схемы восприятия действительности. «Знание различий между языками, — отмечает В. Г. Гак, — позволяет преодолевать языковую интерференцию: влияние одного (родного) языка при пользовании другим языком. Кроме того, оно дает лингвистическое обоснование закономерностям перевода. К тому же, сопоставление имеет немаловажное значение не только для их практического изучения (оно заставляет вникать в самые тонкие оттенки родного языка), но и для развития теории этих языков, способствует более глубокому анализу лингвистических явлений сопоставляемых языков» [Гак 1976: 6]. В области фразеологии проявляется наиболее тесная связь языка и культуры. Фразеологизмы представляют собой национально-специфические единицы языка, «аккумулирующие и передающие из поколения в поколение культурный потенциал народа. В них проявляются особенности всякого национального языка... неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [Зайнуллина 2005: 157].

Генетическое родство славянских и балтийских языков определяет значительное сходство между данными языковыми системами. Русский и литовский языки на протяжении веков сосуществовали в непосредственной близости, в том числе и вследствие этого в их структурах на всех уровнях наблюдается немало общего.

Сравнительный анализ лексических систем вышеуказанных языков в целом не является новой задачей для русского языкознания (см., например, работы И. А. Стернина, Д. Эйгирдене, Й. Русецкой, В. С. Дротвинаса), однако не все стороны процесса формирования и функционирования русских и литовских фразеологизмов исследованы в достаточной мере.

Весьма интересной в этом отношении выступает лексико-грамматическая группа, которую составляют фразеологизмы с компонентом-зоонимом, поскольку они составляют важный пласт лексики русского и литовского языков, отражающий национально-специфические и общечеловеческие категории культуры.

Фразеологизмы-зоонимы в русской и литовской языковых картинах мира отличаются особой природой ассоциаций, базирующихся на глубинной связи оценочной семантики с биологическими признаками животных.

В ходе сравнительного анализа устойчивых выражений русского и литовского языков можно выделить четыре основные группы фразеологизмов по лексико-семантическому составу:

1. Фразеологизмы, одинаковые по значениям и компонентам-зоонимам, входящим в состав фразеологической единицы.
2. Фразеологизмы, одинаковые по значениям, но различные по компонентам-зоонимам.
3. Фразеологизмы, разные по значениям, но одинаковые по компонентам-зоонимам.
4. Фразеологизмы, различные и по значениям, и по упоминаемым в их составе компонентам-зоонимам.

Первая группа фразеологизмов — это эквивалентные сочетания, тождественные по лексическому составу и смысловому наполнению. К ним можно отнести следующие фразеологизмы: *как собаке пятая нога* — *kaip šuniui penkta koja*; *как курица лапой* — *kaip višta su koja*; *как кошка с собакой* — *kaip šuo su kate, mušti kaip*; *волк в овечьей шкуре* — *vilkas avies kailyje*; *собака на сене* — *šuo ant šieno*; *морской волк* — *jūrinis vilkas*; *как от козла молока* — *kaip iš ožio pieno*; *лить крокодиловы слезы* — *krokodilo asaras lieti*; *медвежья услуга* — *meškos paslauga* и другие.

Вторую группу составляют фразеологизмы, одинаковые по значениям, но различные по компонентам-зоонимам в составе, либо имеющие эквивалент, но без зоонима в составе. Это такие фразеологизмы, как: *собаку съел* — *ant arklio ir po arkliu buvęs*; *как с неба свалилось* — *kaip aklai vištai grūdas*; *как голый в крапиве* — *kaip šuo šulinyje*; *как корова жевала* — *šuns gerklėje buvęs*; *кошка пробежала* — *zuikis perbėgo kelią*; *драть козла* — *ožio balsu*; *всякая жаба* — *gurūžų maišas*; *ослиный разум* — *asilo galva*; *шипучая змея* — *kaip gyvatės įgeltas*.

В состав **третьей группы** входят фразеологизмы, разные по значениям, но одинаковые по компонентам-зоонимам. К данной группе можно отнести сочетания: *синяя птица* — *žydroji paukštė*; *быть на коне* — *kaip ant žirgo pasodintas*; *собачий холод* — *šuns rūga*; *собачий хвост* — *šuns uodega*; *как оса лезет в глаза* — *kaip vapsva į akis lenda*; *рыбья кровь* — *žuvies kraujas*.

Четвертую группу составляют фразеологизмы, наиболее ярко передающие языковую и культурную специфику конкретного народа. К уникальным

фразеологизмам русского языка, не встречающимся в литовском можно отнести следующие фразеологизмы: *петлять как заяц, вильнуть умом, как пес хвостом, как пес смрадный, как собака на заборе, собачья радость, ободрать как волк овцу, слаб как вареный петух, стоять как петух на насесте*.

В литовском языке это фразеологизмы, в состав которых входят диалектные слова, имена и фамилии, связанные с народной мифологией, сказками, легендами, обычаями: *kudlas raižyti šuniui, šunų veseilia, šuns litaniją giedoti, šuns zakristija, Perkūno oželis, kaip Samuolio bitės, šuns duona, kaip iš kalės uodegos, šuns dantys, kaip ožys į varlę* и т. д.

Семантика компонента-зоонима, безусловно, влияет на общее значение устойчивого сочетания. Проведенный сопоставительный анализ русских и литовских фразеологизмов с компонентом-зоонимом позволяет сделать вывод о том, что все наименования животных неодинаково имеют одинаковую семантику в русском и литовском языках. При этом содержательная область названий животных и частотность их употребления во фразеологии напрямую связаны со значимостью того или иного животного в национальной культурной традиции.

Кроме того, активность тех или иных названий животных обусловлена как внеязыковыми факторами, так и лексико-семантическими свойствами соответствующих зоонимов. Одни и те же наименования животных могут реализовываться в составе устойчивых выражений по-разному: их семантика может совпадать или одни и те же явления культурной жизни этноса могут ассоциироваться с самыми разными объектами животного мира. Таким образом, мотив выбора образов для сравнений определен как опытным восприятием животных, так и магическими, религиозными функциями, которыми они наделяются в разных культурах.

Литература

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1976.
Зайнуллина Л. М. Композиционная семантика производного слова (на материале английско-го, немецкого, русского, башкирского и французского языков). Уфа, 2005.

Русский язык среди языков Латвии

И. В. Диманте

Балтийская международная академия (Рига, Латвия)

Языковые контакты, двуязычие, трехязычие, русскоговорящие.

Summary. The present article is dedicated to the problem of functioning and inter-influencing of languages in the Republic of Latvia. A special place in the history of Latvia belongs to the German and Russian languages, for they determined the language environment in Latvia over a long period of time. As a result of the longlasting language contacts, certain changes of a systematic character appeared in the language spoken by the local people.

1. Двуязычие и трехязычие в Латвии

На протяжении ряда веков в Латвии наблюдается картина сосуществования разных языков, поэтому ситуация явного дву-, трехязычия является здесь

характерной. Основными языками, которые употреблялись наряду с латышским, сменяя друг друга в различные эпохи, были ливский, немецкий и русский. Например, для языковой картины первой половины прошлого века было характерно латышско-русско-немецкое трехязычие, а для второй — латышско-русское двуязычие. Ливский язык является языком исконного населения Латвии. Однако, ввиду малочисленности его носителей, он, в основном, используется как язык бытового общения. С 2004 года Латвия находится в составе Европейского союза. Поэтому можно предположить, что постепенно вновь формируется ситуация трехязычия — латышско-русско-английского. Только в отличие от предыдущих языковых ситуаций, разница будет состоять в том, что английский язык не является родным языком какой-то значительной части населения Латвии (как было с ливским, немецким и русским) — это язык межнациональный.

2. Особенности языковых проявлений

Языковые проявления, порожденные контактами русского и латышского языков, достаточно разнообразны. Обоюдно оказались затронутыми лексико-семантический и морфолого-синтаксический уровни, однако в различные эпохи с разной степенью интенсивности и не всегда равнонаправленно. Что же касается словообразовательных процессов и заимствований, то латышский в большей мере подвергся влиянию со стороны русского и немецкого языков. Длительное время экстралингвистические и структурно-типологические особенности русско-латышского двуязычия обуславливали относительную открытость для интерферирующего воздействия со стороны латышской грамматической системы на грамматическую систему русского литературного языка Латвии. Результатом продолжительных и непосредственных языковых контактов явились определенные изменения в русском языке местного населения, поэтому речь русскоговорящих латвийцев по ряду параметров отличается от речи жителей России. К тому же, в перспективе намечается — сегодня это в планах латвийского правительства — постепенный переход на латышский язык в государственных школах и вузах (исключение составляют частные учебные заведения), что, конечно же, не поспособствует повсеместному закреплению знаний литературных форм русского языка во период обучения. Этого может не произойти в силу каких-либо экстралингвистических факторов. Например, если языковая политика все же изменится. Однако определенная тенденция утраты ориентации на литературную норму уже наблюдается. Это происходит под воздействием не только латышского языка, но и английского. Показательно в этом плане явление (морфолого-синтаксического уровня), которое условно можно обозначить как «*надежные игры*». Характерной разновидностью его проявления является калькирование латышских грамматических конструкций,

эквивалентных по своему значению конструкциям в русском, но не совпадающих в грамматическом оформлении.

3. Лексико-семантический уровень

На лексико-семантическом уровне обнаруживают себя следующие явления: во-первых, повсеместное использование общеизвестных слов английского происхождения (к примеру, «бойфренд» ‘близкий друг, типа гражданского мужа’ — boyfriend, «эмайл» ‘электронная почта, адрес’ — e-mail, «мессидж» ‘сообщение’ — message, «уик-энд» ‘выходные’ — weekend и т. п.). Одной из возможных причин подобных вкраплений, вероятно, может служить определенная экономия языковых средств: употребляемые «заимствования», как правило, более удобопроизносимы и короче русских аналогов. Во-вторых, наблюдается практически полное исключение и даже забвение слов из разряда пассивной лексики русского языка (устаревших или менее употребительных) и незнание их молодежью. Одним из объяснений такого явления может послужить наметившаяся тенденция формирования повседневной деловой, «прагматичной» речи: сегодня в быту и на работе наиболее актуальными темами обсуждения являются вопросы экономического характера. Что касается стилистического аспекта, то следует отметить следующее: местная русская речь обеднела — став более «прагматичной», она стала менее выразительной, практически лишённой какой бы то ни было поэтичности. Здесь в определенной мере сказывается влияние латышского языка, для носителей которого характерны сдержанность и немногословие. В целом же наблюдается резко бросающееся в глаза снижение речевой нормы: жаргонизмы стали обычным явлением. Поскольку это особенно заметно у молодежи, то ситуацию отчасти можно объяснить влиянием распространенной американской кинопродукции не самого высокого качества.

4. Фонетический и синтаксический уровни

На фонетическом уровне обнаруживает себя некоторая растянутость гласных и как бы замедленность речи («на латышский лад»). Кроме того, не является редкостью неправильная постановка ударения. На синтаксическом уровне существенные нарушения нормы отмечаются в письменной речи молодежи. Прежде всего это касается знаков препинания, вернее — их отсутствия на положенном месте. В определенной степени это обусловлено влиянием латышского и особенно английского языков, а также особенностями Интернет-переписки.

5. Языки современной Латвии

По данным Центра статистического управления, в первом полугодии 2015 года число носителей латышского языка составляет 61,6% от общей чис-

ленности всего населения Латвии, русского — 25,8%, белорусского — 3,4%, украинского — 2,3%, польского — 2,1%, литовского — 1,2%. Носители других языков составляют менее 5%. Таким образом этнические славяне, именуемые русскоговорящими или русскоязычными (несмотря на все различия), составляют более 33%, т. е. треть всех жителей страны. Интересно, что в Рижском районе и в Латгалии русскоговорящих более половины от всего числа проживающих. Также в крупных городах Латвии: Риге, Даугавпилсе и Резекне — повсеместно слышна русская речь [www.scb.gov.lv/sites/default/file/skolēniem/iedzivotai/etniskais_sastavs.hdt].

Литература

Диманте И. Языковая ситуация и языковое законодательство в Латвийской Республике. М., 2005.
[www.scb.gov.lv/sites/default/file/skolēniem/iedzivotai/etniskais_sastavs.hdt].

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в Латвии: перевод и интерпретация

А. В. Логинова

Даугавпилсский университет (Латвия)

Перевод, интерпретация, оним, семантика.

Summary. Theses describes the novel by F. Dostoevsky's "Crime and Punishment" in Latvia in terms of translation and interpretation. Problem of crime, made by the person, as well as the inevitable punishment, which was closely linked with the problems of the "superfluous man" — questions that justify the interest in the translation of this text in the Latvian language.

«Великое пятикнижие» Ф. Достоевского, романы, в которых представлено понимание онтологически присущих миру категорий добра и зла, света и тьмы, порядка и хаоса, истинного и ложного, взаимодействие мира и человека, «открытость и незавершенность» русской речи как «неразгаданная тайна» самих текстов — определяют востребованность данных художественных текстов во всем мире, в том числе — в Латвии. Свидетельством актуальности «великого пятикнижия» в Латвии является то, что все эти романы переведены на латышский язык сначала отдельными частями (ср.: «Преступление и наказание» в 1896 г., «Идиот» в 1897 г., «Бесы», «Подросток» в 1898 г., «Братья Карамазовы» в 1899 г.), затем с 1936–1938 гг. в составе полного собрания сочинений Ф. Достоевского на латышском языке.

В контексте развития латышской литературы начала XX века Ф. Достоевского считают источником мотивов, тем, характеров, что неоднократно отмечалось в заметках многих латышских писателей (Ф. Барда, А. Матисс, А. Упитс и др.). Значимость текстов Ф. Достоевского и их перевод на латышский язык были обусловлены идеями реализма — одной из тенденций развития латыш-

ской культуры. Широкий тематический спектр произведений, сложность структурно — семантических отношений, безграничная амплитуда человеческих переживаний — составляющие, которые отличали произведения Ф. Достоевского и оправдывали интерес их перевода на латышский язык. Главный же предмет изображения в текстах Ф. Достоевского — человек, противоречивый, не до конца понятный, заставляющий сочувствовать и сопереживать, непостижимая тайна. Именно эта «таинственность, непознаваемое, не поддающееся определению, дефиниции — в центре портретных описаний Достоевского» [Сырица 2007: 48].

Антропоцентричность произведений Ф. Достоевского, стремление осознать природу человека не только «снаружи», но и «изнутри», поиск «человеческого в человеке» обнаружила и интерес латышской аудитории к переводу романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» — первому роману «великого пятикнижия», роману, «который сейчас читают по всему миру, все, у кого есть еще хоть какое-то понимание о преступлении и наказании» [Mauriņa 1997: 99]. Впервые роман «Преступление и наказание» на латышском языке был напечатан отдельными частями в 1896 году в газете “Dienas lapa” («Дневной листок»), однако самостоятельным тиражом первая часть романа была выпущена в 1926 году. Латышскую аудиторию интересовала проблема преступления, на которое идет человек, а также неизбежного наказания, которая была тесно связана с проблематикой «лишнего человека». В качестве «лишнего человека» рассматривался главный персонаж романа — Родион Раскольников.

Наиболее известным переводом романа «Преступление и наказание» на латышский язык, неоднократно переизданным, а также включенным в полное собрание сочинений Ф. Достоевского на латышском языке, является перевод, выполненный Карлисом Штралсом (1880–1970). Область интересов К. Штралса обширна — поэт, прозаик, драматург, переводчик, редактор журнала «Латвия» («Latvija»), газеты «Утренняя заря» («Rīta blāzma») и др. Творческую деятельность начинал с написания стихотворений, автобиографических рассказов, очерков, пьес. Латышской аудитории наиболее известен как автор романа «Война» («Karš»), первая часть которого была опубликована в 1921 году. Среди значимых переводов К. Штралса русской художественной литературы на латышский язык — лирика А. Пушкина, «Записки охотника», «Накануне», «Рудин» И. Тургенева, «Избранное» М. Салтыкова-Щедрина, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, проза И. Бунина и др.

Принимая во внимание многочисленные попытки интерпретации сюжетной линии романа «Преступление и наказание», исследование психологизма персонажей романа, отметим, что в наименьшей степени описан языковой аспект данного романа, который, на наш взгляд, является наибо-

лее значимым. Сопоставление оригинала романа «Преступление и наказание» и его перевода на латышский язык не было предметом исследования до сих пор.

В сопоставительном анализе первостепенное значение имеет исследование ключевых единиц в тексте оригинала и перевода, установление соответствия их семантики, выявление безэквивалентной лексики, определение количественных соответствий языков единиц и др. Способы восполнения «непередаваемого» в тексте перевода дают возможность исследовать оттенки смыслов искомых единиц в оригинале и переводе, определить проблему перевода единиц художественного текста как специфических, осмыслить текст перевода как нового по отношению к оригиналу, со своими особенностями, а может быть и новыми смыслами.

В качестве примера приведем анализ ключевой единицы романа — онима «Раскольников». В романе «Преступление и наказание» оним встречается 871 раз. При относительном совпадении количественных упоминаний онима «Раскольников» в переводе (778 раз), их эстетическая функция в оригинале и переводе различна. Семантизация онима «Раскольников» в тексте оригинала происходит за счет обыгрывания его внутренней формы, связанной с семантикой префикса «рас- / раз-», передающего значение «разъединения», «распределенности», а также со значением лексем «раскол»; «раскольник». Высокая частотность появления данной единицы в романе задает доминантные смыслы раскола, хаотичности, дисгармонии всему художественному миру романа. Главный герой романа не созидает, а разрушает мир вокруг себя.

В переводе на латышский язык оним «Раскольников» оказывается востребованным только на формальном уровне и передается транслитерированной лексемой «Raskolņikovs». Семантически данная единица не выражает заданных оригиналом текста смыслов. Обращают на себя внимание и другие онимы, обладающие внутренней формой: «Разумихин», «Лужин», «Мармеладов», в том числе — стертой (ср.: «Лебезятников»). В переводе же некоторые из них также утрачивают связь с внутренней формой (ср.: «Razumihins», «Lužins», «Lebezjatnikovs»), другие связь с мотивирующим признаком сохраняют (ср.: «Marmeladovs» от «marmelāde»). Возникает вопрос о значимости всех единиц в художественном тексте, их взаимосвязи, а также о потере эстетической информации в переводе у одних единиц при сохранении этой же информации у других.

Литература

Сырица Г. Поэтика портрета в романах Ф. Достоевского. М.: Гнозис, 2007.

Mauriņa Z. Dostojevskis. Rīga: Zvaigzne ABC, 1997 (Перевод источника на латышском языке наш. — А. Л.)

**Современный язык общения жителей
литовско-беларуского пограничья
Ана Окушкайте**

Университет им. Н. Коперника (г. Торунь, Польша)

Summary. This paper reports the language preferences of people located on the Lithuanian-Belarusian border. The paper aims at showing not just the preferences themselves but also their dynamics, discussing the reasons for the students' language choices depending on their age. The most frequently used languages are Polish, Lithuanian, Russian and a dialectal variety of Belarussian, the so-called simple language.

Главной задачей поставленной в статье является анализ способа высказываний пользователей социальных сетей и интерференций жителей Литвы находящихся в многоязычной среде пограничья. Значительная группа это молодежь, для которой русский как и польский или литовский являются языками повседневного общения, однако русский они знают только в разговорном виде, польский изучали только в школе литовский язык является государственным и воспринимается ими только как необходимый для существования в обществе. Чаще всего используется диалектная форма распространенного там белорусского говора. Он однако значительно отличается от известной нам трасянки, которую используют жители соседней Белоруссии. В этом диалекте мы можем наблюдать формы литовского языка, как и польского. Это совершенно новая форма коммуникации, распространенная среди жителей этого региона. Очень важным является тот факт, что раньше диалект использовался только в разговорном виде. Однако, все чаще он проникает в Интернет, что дает нам возможность наблюдать и оценивать языковую ситуацию общества. Интересны те случаи, когда пользователи изъясняются на русском, однако не зная ни алфавита, ни грамматики создают новые формы слов используя при этом другие языки. Кроме этого, стоит обратить внимание на языковые новшества в лексике, связанные с технологиями и Интернетом. Собранный материал, представляет современную картину использования языков, функционирующих на территории литовско-беларуского пограничья.

Тема пограничья всегда была актуальна в научных кругах. В течение многих лет, ввиду разных обстоятельств, однако не была она широко обсуждаема. В последнее время ситуация изменилась, особенно интенсивно был исследован и описан Вильнюсский край, также многочисленные работы были посвящены исследованию Каунасского региона. В своей работе представлен менее известный регион — южную часть литовско-белорусского пограничья. В данной работе был использован материал, собранный в результате лингвистического исследования, проведенного в этом регионе и окрестностях а также накопленный материал из социальных сетей. Важным фактором исследования является контекст высказываний местного населения и их общительность, открытость, что позволяет дать объективную оценку ситуации, сложившейся в

данном регионе. Целью данного исследования являлось изучение местных диалектов, а также проблем, связанных с феноменом многоязычия.

Разные политические настроения, изменения государственной идеологии, войны — все это неблагоприятно повлияло также на развитие сферы образования. В 20-х гг. XX ст. по просьбам жителей в отдельных деревнях открыты были польские школы. Литовский язык там не преподавался. Вторая мировая война принесла с собой ряд изменений. В 1942–1943 гг. было возобновлено обучение на литовском языке. В менталитете жителей произошел своего рода переломный момент в сфере образования, был остановлен процесс славизации населения. Можно утверждать, что многие родители и учителя смотрели на образование детей как на подготовку к будущим испытаниям, связанным с восстановлением независимости Литвы, однако вскоре ожидания изменились, несмотря на то, что в первые послевоенные годы обучение в школе проводилось на литовском и польском языках.

Исследования показали, что в большинстве жители используют, помимо того, что учатся либо закончили польскую школу, «простую мову» и русский язык. Польский язык занимает лишь третью позицию, а государственный язык отходит на последний план. Причиной такого результата может быть то, что диалект многие используют дома, при разговоре с родителями или со сверстниками. Русский же, знаком многим в первую очередь из масс-медиа. Польский используется в школе, однако лишь малая часть учащихся использует его за пределами школы. В основном это костел (проводятся служения и на

польском и на литовском языках) либо контакты с поляками. Говоря о знании языков стоит отметить, как сами опрашиваемые относятся к уровню знания того или иного языка. Все это будет представлено в подготовленном докладе.

**Отражение национальной специфики языка
в двуязычной лексикографии
(на материале латышско-русского иллюстрированного словаря)**

С. Л. Полковникова

Даугавпилсский университет (Латвия)

Словарь, лексикография, латышский язык, русский язык, перевод.

Summary. The peculiarities of cognitive experience of definite ethnic group, the features of material and spiritual culture of nation are embodied in the units of the lexical level of a language. A bilingual dictionary appears as a rather objective source for the lingua-culturological language description and for the reflection of a language specific.

Современная двуязычная лексикография, несмотря на значительные успехи, по-прежнему испытывает острую потребность в создании переводных словарей нового типа, а именно, полифункциональных и предназначенных для широкого круга пользователей. В последнее время, как отмечает И. Балоде, в двуязычной лексикографии повышенное внимание уделяется двум аспектам — функции словаря и его целевой аудитории. Это находит свое отражение не только в теоретических исследованиях, но и в лексикографической практике. Учитывая рыночные условия, лексикографы ищут новые возможности, как создать такие двуязычные словари, которые, с одной стороны, были бы функционально расширенными (т. е. позволяли не только понимать иностранный язык, но и активно репродуцировать текст на данном языке), с другой стороны, в большей или меньшей степени соответствовали бы интересам обоих носителей языка [Balode 2012: 20–21].

В свою очередь, Ю. Балдунчик в исследовании, посвященном анализу создания словарей в Латвии (1991–2010), отмечает, что не всегда декларируемые принципы строения словаря совпадают с фактическим лексикографическим материалом. Например, неточности наблюдаются в отборе и стандартизации словарных статей, отображении определенных тематических микроструктур лексики и т. д. Таким образом, по мнению Ю. Балдунчика, одним из важнейших аспектов современной лексикографии является критическое оценка словарей, а также исследование их культурно-исторического значения [Baldunčiks 2012: 9–13].

В 2010 году в Латвии был издан «Латышско-русский иллюстрированный словарь с русско-латышским указателем», который, как сказано в его предисловии, является первым изданием подобного типа. Словарь содержит около 16 тысяч заглавных слов, отражающих лексику современного латышского язы-

ка, а также несколько сотен иллюстраций, которые находятся как непосредственно в тексте словаря, так и на цветных вкладках. В конце словаря помещено грамматическое приложение, а также русско-латышский алфавитный указатель. По мнению авторов, словарь предназначен главным образом для тех, кто изучает латышский язык или желает усовершенствовать свои знания по латышскому языку; словарь будет полезен также лицам, изучающим русский язык [Zuicena, Žitāreva, Burkevica 2010: 4].

В лингвистической литературе неоднократно указывалось, что к двуязычным словарям всегда выдвигались дополнительные требования, одно из которых — точно отразить общие и отличительные черты сопоставляемых лексических единиц, к тому же желательно, чтобы отличительные черты сопровождались пояснениями или комментариями. Э. Исаева, исследуя способы отражения культурных знаний в современных лексикографических изданиях, указывает, что при составлении переводного словаря, например, русско-латышского или латышско-русского, и устанавливая эквивалентные соотношения слов и словосочетаний языка русского и латышского, автор тем самым указывает либо на идентичность некоторых элементов действительности этих языков, либо указывает на их частичное сходство, либо констатирует отсутствие таких соответствий. Однако надо признать, что авторы современных лексикографических изданий эпизодически используют возможность показать своеобразие того или иного языка или совсем не придают этому значения [Исаева 2005: 252–253]; [Исаева 2006: 254].

Одна из причин возникновения трудностей при изучении языка связана со стилистической или экспрессивной окраской слова. Как известно, одно и то же слово в различных словарях может быть охарактеризовано по-разному. Авторы словаря, прежде всего должны определить, относится ли слово к общепотребительной лексике или же имеет какие-либо ограничения в своем употреблении. Перечень стилистических помет, используемых в рассматриваемом словаре, наглядно иллюстрирует широкий пласт маркированной лексики, ср.: ироническое, пренебрежительное, поэтическое, разговорное, просторечное и др. Необходимо отметить, что целый ряд стилистически окрашенной лексики в словарь подобного типа был включен впервые, например, *čurāt* sar. — *нѳсать* прост. [LKIV 2010: 49]; *kakāt* sar. — *кѳкать* прост. [LKIV 2010: 112]; *haltūrēt* sar. — *халтурить* разг. [LKIV 2010: 80]; *padauza* sar. — *потаскуха* прост. [LKIV 2010: 175]; *paģirains* sar. — *похмельный* прост. [LKIV 2010: 177] и др.

Однако в некоторых случаях в передаче стилистической маркированности лексики латышского языка наблюдается несистемность, в результате чего, по словам И. Р. Гальперина, идет навязывание читателю понимания слов, явно противоречащее их истинному значению [Гальперин 1982: 553]. Например, существительные *brunči* — *юбка* [LKIV 2010: 41]; *grabažas* — *барахло, рухлядь*,

хлам [LKIV 2010: 76]; *slaists* — лодырь, бездельник [LKIV 2010: 240] согласно выше упомянутому словарю являются стилистически нейтральными, что, бесспорно, противоречит нормам латышского языка. Несоответствия в стилистической окраске наблюдается и при переводе латышских лексем *sušķe* — *грязнуля* разг., *замарашка* разг. (о женщ.); *sušķis sar.* — *грязнуля* разг., *замарашка* разг. (о мужч.) [LKIV 2010: 252]. К сожалению, существительное женского рода *sušķe* в данном словаре не имеет соответствующей стилистической пометы. Таким образом, сгруппировав слова по тематическому принципу, близкие по значению слова оказались рядом, в результате чего и обнаружили неточности перевода.

Во избежание подобного стилистического разнобоя автору двуязычного словаря желательно работать с определенными лексическими группировками слов, что позволит избежать недочетов в характеристике слов и достигнуть однотипности их толкований.

Литература

- Гальперин И. Р. Гносеологический аспект двуязычных словарей и проблемы контрастивной лексикографии // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. Т. 41. 1982. № 6.
- Исаева Э. Отражение культурных знаний в лексикографической практике (на материале двуязычных словарей) // Valoda — 2005. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XV. Daugavpils, 2005.
- Исаева Э. Отражение специфики русского и латышского языков в современных лексикографических изданиях // Valoda — 2006. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XVI. Daugavpils, 2006.
- Baldunčiks J. Priekšvārds // Vārdnīcu izstrāde Latvijā: 1991–2010. Rīga, 2012.
- Balode I. Vācu-latviešu un latviešu-vācu leksikogrāfija (1991–2010) // Vārdnīcu izstrāde Latvijā: 1991–2010. Rīga, 2012.
- Zuicena I., Žitāreva M., Burkevica O. Latviešu-krievu ilustrētā vārdnīca ar krievu-latviešu vārdu rādītāju = Латышско-русский иллюстрированный словарь с русско-латышским указателем. Rīga, 2010.

О некоторых лингвометодических аспектах преподавания латышского языка как иностранного в воскресной школе

Ирита Саукане

Даугавпилсский университет (Латвия)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Воскресная школа, мотивация, интеграционный подход.

Summary. Latvian School in Moscow (Sunday School) has been working since 1994. In 2015 / 16 academic year more than 50 students and their parents learn Latvian language. The aim of the Schools is to arouse interest in Latvia, its culture, language and nature. In the work of the School the integrated approach is used.

Характерной особенностью XXI века является то, что за пределами Латвии открылись многие латышские воскресные школы — школы выходного

дня. Их появление объясняется тем, что многие латыши в силу разных причин, и прежде всего экономических, переехали жить и работать за границу. Школы подобного типа существуют в Германии, Австралии, Соединенных Штатах Америки, Канаде и в других странах уже с конца 40-х годов XX века. Их создали и развивают латыши, эмигрировавшие во время Второй мировой войны. В настоящее время после присоединения Латвии к Европейскому Союзу многие латыши переехали жить и работать в страны, где латышская диаспора вообще не сформировалась (Ирландия) или является сравнительно небольшой (Норвегия), и в связи с этим подобных школ там нет. В России сложилась совсем другая ситуация. Несмотря на то, что в РФ латышской диаспоре уже больше 150 лет (и в свое время были школы с латышским языком обучения), вследствие различных исторических событий она значительно уменьшилась [Штраус 2014].

В настоящее время латыши не переселяются на постоянное местожительство в Россию, можно констатировать лишь незначительное количество таких случаев. В 2015–2016 учебном году в Европе функционируют 52 латышские воскресные школы, из них — 7 в Российской Федерации [www.valoda.lv].

Латышская школа в г. Москве была открыта в 1994 году при посольстве Латвийской республики в РФ: ее организацию активно поддерживал посол, поэт и общественный деятель Янис Петерс. Цель школы — поддерживать интерес к Латвии, ее культуре, языку, природе. В школе обучаются не только дети из семей латышей, но также дети и их родители, носители русского языка как родного. Возраст обучающихся — от 6 до 16 лет, всего 51 человек. В течение учебного года проводится 18–20 уроков латышского языка. В связи с этим актуальным является интеграционный подход в обучении, основанный на взаимодействии навыков говорения, слушания, чтения, письма. Например, подключаются все каналы восприятия текста: чтение, аудирование, говорение (репродуцирование, продуцирование текста). При этом учитываются возрастные, социально-культурные особенности обучающихся разноуровневых по владению языком групп. Развивая интерес к другому языку и культуре, дети учатся с уважением относиться к чужому. В докладе рассматриваются лингво-методические аспекты преподавания латышского языка в школах выходного дня.

Литература

Штраус В. Латвийские национальные организации Москвы XIX–XX вв. // Москва гостеприимная. Сборник трудов / Под общ. ред. В. Ф. Козлова. Москва: Москвоведение, 2014.

[www.valoda.lv/latviesu_valoda_arzemes/diaspora].

Социолингвистическая характеристика литовской и латышской диаспоры в г. Москве

О. В. Синёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Ирита Саукане

Даугавпилсский университет (Латвия)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Mother tongue, social environment, linguistic competence, national identity.

Summary. The study provides a comparative characteristic of the linguistic behavior of Lithuanian and Latvian migrants. An important part of saving one's identity and mother tongue, as well as successful social and cultural adaptation in the country of residence. Adult's dominant language are evident in their inner speech and precedential texts.

Доклад посвящен описанию речевого поведения и условий сохранения самоидентичности представителями латышской диаспоры в г. Москве. Проведенными ранее исследованиями, посвященными литовской диаспоре г. Москвы и Московской области, а также мигрантам г. Томска, установлено, что сохранению самоидентичности в значительной мере способствует возможность общения на родном языке с родственниками и друзьями, хотя при этом, как правило, у мигрантов из небалтийских стран замедляются процессы социально-культурной и языковой адаптации в принимающем обществе. Так, у 37,5% опрошенных нами респондентов, один из родителей латыш, носитель латышского языка. При этом 21% опрошенных общаются со своими детьми на латышском языке.

По данным исследований, проведенным в 2010-2015 г. г., взрослые представители балтийских диаспор стремятся компенсировать невозможность употребления родного языка во всех видах речевой деятельности, что свидетельствует о национальном самосознании носителей литовского и латышского языков.

В связи с этим особый интерес представляют члены латышской диаспоры, проживающие в России продолжительное время и интегрированные в российское общество: проживают более 21 года — 70,8%, от 10 до 20 лет — 20,8%, от 6 до 10 лет — 4%, до 5 лет — 0%, до 3 лет — 4% от общего числа опрошенных; 62,5% считают себя латышами, 34,5% — русские и 4% — белорусы. Показательно, что все латышские респонденты независимо от срока проживания в России владеют всеми видами речевой деятельности, свободно общаясь на латышском языке. Существенным показателем проявления стратегии сохранения родного языка является употребление прецедентных текстов и вставки фрагментов латышского дискурса, когда респондент находится в особом эмоциональном состоянии. Среди латышей проживающих более 20 лет в РФ на родном языке:

- употребляют пословицы 26,5 %, из них часто — 50%;
- напевают песенки 33,3% , из них часто 62,5%, иногда 37,5%;
- размышляют 50%, из них часто 50% (поровну в процентном соотношении);
- видят сны 33,3%, из них 37,5% часто, иногда 62,5%;
- переходят на латышский язык в эмоциональном возбуждении 21%, часто 20%, а иногда 80%;
- считают деньги 26,5% из них часто 55,5%, иногда 44,5%.

При исследовании речевого поведения представителей литовской диаспоры, внимание уделялось такому виду речевого поведения, как приговаривание (диалог с вещами). 33,3% представителей латышской диаспоры употребляют отдельные фразы на родном языке в так называемой «возвратной речи», из них поровну 50% — часто. Это полностью коррелирует с показателями речевого поведения латышей, проживающих в РФ от 11 до 20 лет. Исключение составляет употребление пословиц. Оно составляет — 46%, из них часто 18%, иногда 82%.

Эти данные в очередной раз подтвердили наблюдения, сделанные при исследовании литовской и других диаспор РФ: языковые приоритеты у взрослых проявляются в их внутренней речи и в обращении к прецедентным текстам.

Отражение языковых контактов в глаголах ницгальского говора

И. А. Тейлане

Даугавпилсский университет (Латвия)

Говор, контакты, заимствования, глаголы.

Summary. The dialect of the Nicgale region belongs to the ancient dialects of the high Latvian dialect in the southern Latgale region. In article are investigated loan verbs from slavic languages — Russian, Polish or Belarus. In article beginning the characteristic of the circumstances, loan words promoting occurrence in a dialect of Nicgale is given. Ancient loans are completely adapted.

Уже с давних времен у жителей Ницгальской волости (Даугавпилсский округ), так же как и у других жителей Латгальского региона, были тесные культурные и хозяйственные связи со славянскими народами — русскими, поляками, белорусами, — но на определенных этапах исторического развития эти контакты отличались по своей интенсивности и роли.

Контингент населения русской народности в изучаемой местности, так же как и во всей Латгалии, образовывался постепенно из отдельных групп переселенцев (начиная со второй половины XVII века), что, в свою очередь, способствовало изменению состава населения. В результате чего Латгалия стала этнически и культурно неоднобразной территорией. Именно в это время в лексике местных говоров мог возникнуть целый ряд заимствований.

В результате миграции Латгалия стала регионом, где рядом проживали представители различных национальностей, культур и языков. В таких усло-

виях языки находились в длительном, постоянном и более или менее тесном контакте друг с другом. Чтобы состоялось непосредственное и взаимное общение, был необходим общедоступный код. Функцию общения, возможно, выполнял русский или белорусский язык, а также местный говор. В начале билингвами, предположительно, были лишь некоторые индивиды, количество которых постепенно увеличивалось.

В любом языке народа, у которого были тесные связи с другими народами, взаимодействие языков проявляется в заимствовании лексики. Это закономерный процесс — заимствованная лексика отражает, с одной стороны, потребности общества в новых выразительных средствах в процессе общения, с другой стороны, интенсивность социально-экономических и культурных связей между различными этническими группами.

Как правило, характеризуя заимствования, в первую очередь рассматриваются мотивы заимствования. Выделяются экстралингвистические (внешние) мотивы и интралингвистические (внутренние) мотивы. К экстралингвистическим мотивам можно отнести языковые контакты, двуязычие, культурные контакты (в том числе религиозные) и экономические связи между латышами и славянами. Одним из важнейших интралингвистических мотивов является необходимость дополнить лексическую систему языка отсутствующими элементами. Другие лингвистические мотивы характеризуются как количественными, так и качественными преобразованиями в семантике лексем, чтобы устранить полисемию, детализировать или конкретизировать те или иные понятия. Отделить или выделять значимость какого-то отдельного мотива в процессе заимствования невозможно, так как обычно это сплетение нескольких экстралингвистических и интралингвистических мотивов.

Этимологи признают тот факт, что из-за близости форм слов родственных языков довольно сложно определить, из какого именно славянского языка — польского, русского или белорусского — заимствовано слово, поэтому в данной работе используется традиционный термин — славянизмы.

Самую большую группу заимствований в латгальских говорах составляют заимствования из славянских языков. Так как латышский язык и славянские языки генетически связаны, это благоприятно повлияло на усвоение и устойчивость заимствований в системе языка-реципиента.

Чаще всего заимствуются существительные, поскольку это обусловлено номинативными качествами существительного. Однако и заимствованных из других языков глаголов вполне достаточно (как правило, они составляют около 20%). Большинство заимствованных глаголов полностью внедрились в систему глаголов ницгальского говора: они получили характерное ударение латышского языка на первом слоге, характерные говору морфологические особенности, например, спряжение и возможность образовывать формы причастий и т. п. Сохранившиеся до наших дней славянизмы — названия каких-то действий или процессов, в целом являются производными словами.

В ницгальском говоре встречается множество глаголов с формантом *-av-*, главным образом, это заимствования из славянских языков — русского, польского или белорусского. Славянизмами, которые заканчиваются формантом *-av-*, богата группа глаголов с основой на *-ājo* и *-ōjo*. Для ницгальского говора, также как и для других верхнелатышских говоров, характерно совпадение глаголов с основами на *-āio* и *-ōio*. Вторую группу, в которую вошли заимствованные глаголы, образуют глаголы с основой на *-ējo* и *-ījo*. Этим глаголам также характерно совпадение основ.

В исследовании анализируются заимствованные глаголы в одном из говоров верхнелатышского диалекта, а именно, ницгальского говора. Заимствования описываются с точки зрения их внедрения в систему языка-реципиента.

Современные стратегии изучения литературы в условиях диаспоры

О. Л. Филина

Балтийская международная академия (Рига, Латвия)

*Педагогическая стратегия, модель чтения, читательская мотивация, диалог,
сквозная культурологическая тема, проект.*

Summary. The report describes the strategies of literature studying. The author stresses the features of multicultural environment in the Diaspora and analyzes problems of modern reader's crisis. The article is written on a material of the author's own teaching practice. The author pays particular attention to strategy selection of educational content and to student's creation of art projects.

Русский язык в Латвийской республике — язык русского национального меньшинства, проживающего на территории данного государства и составляющего примерно треть населения Латвии. В латвийских школах национальных меньшинств большая часть предметов изучается на латышском языке или билингвально, в средней школе «русскоязычными» остаются только русский язык и литература. Такие предметы, как история и география России не изучаются вообще. Таким образом, недостаточный уровень культурологических (фоновых) знаний учащихся об истории, культуре и ценностях русского народа существенно затрудняет процесс восприятия учениками текстов русской литературы.

В ВУЗ приходят выпускники школы, имеющие, как правило, очень неглубокие знания в области литературы и весьма поверхностную информированность в области русской культуры. Вместе с тем, во многих ВУЗах группы не разделяются по языку обучения. Другими словами, изучение русской литературы происходит в мультикультурной среде, что в значительной степени определяет выбор педагогических стратегий.

Ключевой в данной педагогической ситуации оказывается стратегия отбора учебного содержания. В условиях мультикультурной среды самой важ-

ной задачей становится формирование представлений студентов об уникальном духовном опыте русской литературы. Вместе с тем, принципиально не абсолютизировать своеобразие как некую замкнутую систему свойств и качеств русского народа, его культуры, истории, его психического, интеллектуального, нравственного, эстетического облика, а показывать на конкретных примерах, что культура каждого народа является формой проявления мировой культуры.

Практически для решения этой задачи студентам предлагается курс: «Русский мир в русской литературе». Дидактические задачи курса:

- формировать у студентов отношение к литературе как к системе, в которой воплощены культурные ценности народа, как к особому способу самопознания и самовыражения человека,
- дать студентам возможность заглянуть в «ценностные миры» других народов, сформировать у них представление о культурном многообразии как ценности мира.

Формирование критического мышления, творческого отношения к решению проблем, инициативности студентов связано, прежде всего, с формированием их ценностей, убеждений, мировоззренческих представлений. Поэтому наиболее эффективным способом группировки литературного материала в содержании учебного курса оказывается система сквозных культурологических тем, рассматривающих ценностную проблематику. Ценностный контекст восприятия литературных произведений позволяет студентам не только включать в свой внутренний мир опредмеченные в этнокультурном наследии ценности, но и дает им своеобразный «ключ» к пониманию иных культурных кодов. Самоанализ, сопоставление себя с другими, осознание себя в другом становится отправной точкой в формировании диалоговых умений студентов.

Практически содержание учебного курса выстраивается вокруг культурологических тем, в основу которых положены концепты, отражающие универсальные общечеловеческие ценности в аспекте русской культурной традиции. В центре каждой темы — художественные произведения, которые моделируют человеческое поведение с двух взаимосвязанных позиций: с точки зрения вневременных, неизменных ценностей и с позиции культурных, этических, моральных и т. п. ценностей конкретной исторической эпохи. В процессе чтения и анализа этих художественных произведений у студентов появляется возможность сравнивать внутренний мир людей различных культурных эпох и типов мышления.

Основным критерием структурирования сквозных культурологических тем, является отражение мировоззренческой проблематики, одинаково важной для любого народа, в любой исторический период его развития. Такой подход открывает перед студентами перспективу понимания основных особенностей русской культуры, дает им возможность увидеть изменения, которые в ней

происходят, и таким образом оценить не только базовые ценности русской культуры с точки зрения современности, но и познакомиться с общими истоками культурных традиций разных народов.

Не менее важным критерием отбора тем становится также актуальность художественной проблематики для современных молодых людей, обращенность литературного материала к личностному ценностному опыту студентов и проблемам, которые их волнуют. Именно в этом случае происходит актуализация культурных смыслов. Прежде всего, это означает, что студенту необходимо не просто понять конкретные факты литературы, истории, культуры, но воспринять их как актуальные лично для него проблемы.

Сквозные культурологические темы, включенные в содержание курса:

- *Мифологические истоки русской картины мира.*
- *Православие как основа русской картины мира.*
- *«Неумирающие ценности человеческой жизни» в народной сказке (Е. Трубецкой).*
- *Отражение в русской литературе особенностей русской национальной личности.*
- *Образ женщины в русской литературе.*
- *Личность писателя как символ русской культуры.*

Дидактические стратегии преподавания литературы определяются не **только** особенностями поликультурной учебной среды в диаспоре, но и так называемым кризисом чтения и читателя. Сегодня отнюдь не художественное слово, а разнообразные формы видеокультуры оказываются активными факторами социализации ребенка и подростка. Образный видеоряд задает определенные правила и модели поведения, в том числе, чтения. Другими словами, в настоящее время формируется модель чтения, которая существенно отличается от традиционной. Современный читатель воспринимает книгу не как феномен культуры, и даже не как учебник жизни, а один из источников информации и одно из средств массовой коммуникации.

Получается, что сегодня мы наблюдаем разрыв между поколениями: меняется существовавшая долгое время традиция освоения литературной культуры. Утверждается «новая модель» чтения — точнее, «новые модели», и какими окажутся эти модели пока не вполне ясно. Однако некоторые качества «нового читателя» очевидны уже сейчас:

- читатель «нового типа» с его клиповым сознанием и мозаичным восприятием мира стремится прочитать любой текст быстро, не вникая в его содержание, довольствуясь только поверхностными смыслами;
- преобладает функциональная и развлекательная мотивация чтения;
- предпочтение отдается печатной продукции с ярким и выразительным видеорядом.

Названные особенности читателя «нового типа» определяют дидактические стратегии изучения литературы, которые подтвердили свою эффективность в реальной педагогическом процессе:

- создание артпроектов,
- авторская деятельность в интернет-среде.

Кинетические сигналы агрессии в рассказах А. П. Чехова и Р. М. Блауманиса

М. Б. Халимоне

Даугавпилсский университет (Латвия)

*Невербальные сигналы агрессии, высокая и предельная степени проявления эмоции,
неконтролируемое поведение.*

Summary. The thesis presents materials on the analysis of non-verbal signs of aggression that are the evidence of the extreme demonstration of the basic emotion “anger”. Active hand movements, actions directed to the objects, as well as actions directed to the opponent refer to non-verbal signs of aggression. The conclusion about the apparent similarities in the demonstration of the emotion “anger” at its extreme in A. Chekhov’s and R. Balumanis’s stories has been drawn.

Высокая степень проявления гнева в рассказах А. П. Чехова представлена безотчетным сжиманием пальцев в кулак, которое «является главным жестом агрессии и может указывать на разную ее степень» [Сергеева 2008: 35]. *Яков Иванович, сжав кулаки, не глядя на него, чтобы не ударить, быстро вышел из моленной* [Чехов, т. 9: 153].

Предельное состояние «гнева», связанное с агрессивными намерениями, направленными в адрес обидчика, отражено в словосочетании «потрясать кулаками»: — *Подавись же ты моим ружьем, сатана!* — говорит Слюнка, моргая лицом и дергая плечами. — *Подавись, холера, разбойничья душа!* Бранясь и потрясая кулаками, он выходит с Рябовым из кабака и останавливается среди дороги [Чехов, т. 6: 111].

Состояние гнева может проявляться в действиях, направленных на неодушевленные предметы: *Дымов выхватил из рук Емельяна ложку и швырнул ее далеко в сторону.* [Чехов, т. 7: 82] *И Аня тоже тревожилась и умоляла его больше не пить, а он вдруг вспыхивал и стучал кулаком по столу* [Чехов, т. 9: 165].

В рассказах А. П. Чехова широко представлены примеры агрессивного, неконтролируемого поведения: *Доктор вскочил и, не отдавая отчета в своих движениях, размахнулся и изо всей силы ударил фельдшера по лицу* [Чехов, т. 7: 143]. *А сам подбежали, словно очумел, размахнулся и давай бить ее кулаками изо всей силы, потом повалил на землю и ну топтать ногами...* [Чехов, т. 7: 346].

«Одна из самых опасных особенностей гнева состоит в том, что он сам порождает гнев, и этот циклический процесс может развиваться по нарастающей» [Экман 2010: 42]. В рассказах А. П. Чехова находим этому подтвержде-

ние: *Фельдишер схватил ее за сорочку около шеи и рванул... А она, шипя от злости, заскользила в его объятиях и, высвободив одну руку — другая запуталась в порванной сорочке — ударила его кулаком по темени* [Чехов, т. 7: 324].

В рассказах Р. М. Блауманиса широко представлены движения руками и жесты, выражающие агрессию. На высокую степень гневного состояния в его произведениях указывают кулаки, которые сжимаются непроизвольно: *Viņa pirksti savilkās dūrēs. „Tā tad šitas cilvēks... šitas plukata... izjauc visu... visu... Un nekā tam nevar darīt pretī”* [Blaumanis, 2: 343]. *Tad viņa pirkstus sažņaudza dūrēs, apcirtās apkārt un sacīja: „Neģēlīgi, neģēlīgi! Mamā, nu es iešu un bučošu to kāju vai trīs reizes no vietas!”* [Blaumanis, 3: 236]. О предельной степени проявления «гнева» свидетельствуют движения кулаками, направленные в сторону обидчика: *„Nāc vien šurpu” Jānis izsaucās, izstiepdams dūri pret Biezumnieku, un, iekam kāds viņu spēja kavēt, viņš iz tiesas istabas bij izgājis* [Blaumanis, 2: 24]. *„Ko jūs esat izdarījusi?” mazgātāja kļiedza, dūres rādīdama* [Blaumanis, 2: 166].

В рассказах Р. М. Блауманиса также найдено большое количество примеров агрессии, выражающейся в неконтролируемых действиях, обращенных на предметы: *...ar dūri sita uz galda, ka tas brīkšķēja vien* [Blaumanis, 2: 24]. *Žīds tur pēdīgi izdauzījis visus logus aiz dūsmām* [Blaumanis, 2: 39]. *Atkal durvis aizvēris, viņš nomaucā ātri cimdus un nometa tos dūsmīgi zemē. „E!” viņš izgrūda, zobus sakodis* [Blaumanis, 2: 357].

В ряде примеров наблюдаются явные примеры агрессии, бесконтрольных действий, причиняющих вред объекту нападения: — *Viņš kā nikns zvērs tam uzklupa, sagrāba viņu pie rīkles un žņaudza to ar visu spēku* [Blaumanis, 2: 30]. *„Še tev!” kaitinātais iekliedzās un cirta Maz-Upmalietim ar grāmatu par acīm, tā ka tā viņam izlēca no rokas un aiz paša uz trepju kāpšļa nokrita zemē* [Blaumanis, 2: 282]. О предельном проявлении гнева свидетельствует сравнение *kā nikns zvērs*, указывающее на звериное, стихийное начало данной эмоции.

Гнев, как известно, побуждает к нападению на врага, обидчика и в то же время провоцирует ответную реакцию: *„Tārps!” Biezumnieks, zobus griezdam, brēca, no dūsmām gluži pārņemts, sagrāba Jāni, kā spalvu kušķi pacēla viņu uz augšu un tad ar visu spēku laida tam nokrist zemē. ...viņš sašutis iekoda Biezumniekam pirkstā un ar dūri iesita tam pa ģīmi* [Blaumanis, 2: 30].

Рассматриваемый иллюстративный материал характеризует высшую стадию проявления эмоции «гнев», при которой контролировать свои эмоции не представляется возможным. Так, в рассказах обоих авторов сжатые в кулак пальцы являются демонстрацией высокой степени гнева, при котором пальцы могут сжиматься непроизвольно, а также предельной степени, когда сжатый кулак направлен в сторону обидчика.

В рассказах А. П. Чехова и Р. М. Блауманиса в ряде контекстов отражены агрессивные неконтролируемые действия, жесты, направленные на предметы и обрушивающиеся на них с необыкновенной силой. В произведениях обоих

авторов гневное состояние передается конфликтующим сторонам и возвращается бумерангом, в чем и заключается опасность анализируемой эмоции.

Литература

- Сергеева О.* Язык жестов. Как читать мысли без слов? 49 простых правил. М.: Эксмо, 2008.
Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т. 6–10. М.: Наука, 1976–1985.
Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб.: Питер, 2010.
Blaumanis R. Kopoti raksti: 9 sēj. 3, 4. sēj. / Sast. I. Kalniņa. R.: Apgāds “Cirulis”, 1993–1995.

Библейские традиции. Проблемы кодификации славянских литературных языков

Наследие старославянского языка: пределы проницаемости системы русского литературного языка Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет (Россия)
*Генезис русского литературного языка, рефлексy праславянских сочетаний,
морфонологическая система.*

Summary. The problem of genesis of the Russian literary language from the point of view of mechanisms of interaction of reflexes of an East Slavic and South Slavic origin is considered. Groups in which relationship of genetically correlative elements is built depending on features of adaptation and conditions of their «embedding» in system of Russian that allows to explain essential distinctions between groups of «separate words» and -torot- / -trat-lexemes, on the one hand, and system verbal educations decide on reflexes *tj, *dj — on another by it.

Генезис русского литературного языка представляет одну из сложнейших проблем лингвистики не только по той массе точек зрения и дискуссий, разворачивающихся вокруг нее, но и по тому, что «сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка, ставит этот язык в совершенно исключительное положение» [Трубецкой 1990: 125].

Близость систем старославянского и восточнославянского языков, отсутствие надежных критериев разграничения южнославянских и исконных по происхождению элементов провоцирует признание старославянской основы русского литературного языка или утверждение, что русский литературный язык и есть церковнославянский язык. При этом наиболее достоверные диагностические признаки — генетически соотносительные рефлексy праславянских сочетаний, несмотря на достаточно длительную историю их изучения, во многом, и прежде всего от частого и нередко механического использования в тех или иных исследованиях памятников древнерусской письменности и в целом судьбы русского литературного языка, утратили свою научную привлекательность из-за ложного восприятия однолинейности оппозиций и однозначности критериев дифференциации, усугубляющихся типичными, кочующими из одних работ в другие примерами типа *город — град, надёжа — надежда, свеща — свеча*.

Однако практически во всех ставших классическими работах отмечается, что не только древнерусские рукописи — как церковнославянского, так и русского языков — содержат различные «наборы» гетерогенных элементов, но и отдельные группы праславянских рефлексов по-разному реализуют свои гетерогенные возможности. В связи с этим необходим дифференцированный под-

ход к реализации различных рефлексов на русской почве, который позволяет определить группы лексем с соотносительными диагностическими признаками и отношения внутри них, ряд принципов реализации, отбора и закрепления одного из арсенала генетических средств в отдельных памятниках древнерусской письменности, словоформах, стратах и в целом в языке.

Трансплантация южнославянских рефлексов *tj и *dj требовала определенной фонетической ассимиляции на русской почве, которая достаточно быстро произошла для *tj и медленно — для *dj. Кроме того, выбор указанных рефлексов в системных образованиях жестко регламентировался следующими за ними суффиксами или флексиями. Предпочтительность (например, *жд* и *щ* перед суффиксом *-ени[j]*-) или запреты (*жд* и *щ* перед *-ива-*; *жд* перед *-у*) использования гетерогенных альтернантов намного снижали уровень морфонологической дублетности и фактически способствовали генетическому размежеванию рефлексов в формо- и словообразовательных цепочках.

При этом проницаемость южнославянских по происхождению рефлексов в систему древнерусского языка ограничивалась возможностями общеславянских моделей, где они вступали в конкуренцию с восточнославянскими соответствиями. В результате этого в современном литературном языке перед суффиксом глагола *-а-* альтернанты /щ/ и /жд/ соответственно встречаются 3,4 и 1,3 раза чаще, чем /ч/ и /ж/, а существительных на *-щение* в 2,7 раза больше, чем на *-чение*, на *-ждение* в 4,7 раза больше, чем на *-жение*. Несмотря существующую традицию рассмотрения рефлексов *tj и *dj как явлений одного порядка, статистические данные свидетельствуют о значительных различиях их продуктивности, обусловленной изначальным отставанием ассимиляции южнославянского рефлекса *dj на русской почве. Более того, данный процесс привел к запрету употребления /жд/ в форме 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени и нарушению генетической «чистоты» соответствующей альтернации.

Сохранение в общеславянских моделях рефлексов южнославянского происхождения определяет порог проницаемости для них в системе русского языка, поскольку указанные альтернации следует рассматривать как «рудиментарные» и «сравнить с потухшими вулканами» (А. И. Бодуэн де Куртене) на фоне продуктивности русских моделей имперфективации с суффиксом *-ива-* и существительные на *-(ива)ние*, где реализуются альтернанты исключительно восточнославянского происхождения. С учетом того, что практически любой глагол с суффиксом *-ива-* может образовывать соответствующее существительное и глаголов типа *запруживать* и *завинчивать* соответственно в 3,9 и 9,7 раза больше, чем глаголов типа *проводить* и *ворочаться*, то очевидно укрепление позиции исконных альтернантов при одновременном значительном ограничении возможностей южнославянских по происхождению эквивалентов.

Ограничения, накладываемые системой восточнославянского и старорусского языка, не касались наиболее востребованной в научных исследованиях

группы -torot- / -trat-лексем и примыкающей к ней группы с начальными *pa-* / *po-*, *la-* / *lo-*, *e-* / *o-*, *yo-* / *y-*, поскольку их южнославянские оппозиции достаточно свободно «встраивались» в систему «чужого» языка, сохраняя в ряде случаев специфику своего исключительного использования в текстах церковнославянского языка. К этим группам примыкает и группа «отдельных слов» (по терминологии А. А. Шахматова) после прохождения южнославянскими рефлексам **tj*, **kt*, **gt*, **dj* фонетического «фильтра». Их объединяет независимость реализации генетически соотносительных рефлексов от каких-либо позиционных запретов и возможность практически свободной мены пар типа *городъ* / *градъ*, *одинъ* / *единъ*, *хочу* / *хощу*, *ночь* / *нощъ*, *нужа* / *нужда* в пределах рукописи, памятника, отдельного произведения, контекста.

Подобного рода морфонологическая вариативность требовала стилистической или семантической дифференциации, которая проходила, как правило, по линии тех альтернатив, один из членов которых был унаследован благодаря переводам богослужебных книг. Однако и в этом случае самый высокий порог проницаемости для -trat-лексем (более 30%) в определенной степени компенсировался преобладанием корней только с неполногласием (в 6 раз больше) и наличием генетически смешанных словообразовательных гнезд, куда неполногласие входит как периферийный компонент.

Таким образом, закономерности соотношения, взаимодействия и отбора генетически неоднородных рефлексов в разных группах показывают направление заимствования (в систему русского языка), специфику принятия или отторжения по законам принимающего языка и уровень проницаемости системы на уровне слова, словообразовательного гнезда и страты.

Литература

Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114–134.

Максим Грек и филологическая критика библейского текста в «Преводных строках» (РНБ, Сол. 862/752)*

И. В. Вернер

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Максим Грек, критика библейского текста, переводы Псалтыри.

Summary. The paper compares «Преводные строки» with the Annotated Psalter (1522) and the Psalter (1552), both translated by Maximus the Greek, and examines the tools of linguistic criticism used in the texts.

Сочинение под названием «Преводныя строки» (ПС), входящее в конвой соловецкого списка Псалтыри 1552 г. (П 1552) в переводе Максима Грека

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Интерлинейный перевод Псалтыри 1552 г. Максима Грека: лингвистическое исследование и подготовка к изданию» № 15-04-00390.

(РНБ Сол. 862/752, лл. 209-222), было введено в научный оборот Л. С. Ковтун [Ковтун 1975: 35–40], кратко описавшей содержание текста и охарактеризовавшей его как рабочие материалы для переводчика. Текст содержит сравнение пяти греческих переводов отдельных чтений Псалтыри (Септуагинты, Феодотиона, Аквилы, Симмаха и «пятого переводника», имя которого не упоминается) в славянской передаче. Расположение сочинения в рукописи после перевода П 1552 позволило связать его с переводческой деятельностью Максима Грека, однако лишь предположительно, без указания авторства текста и привязки к временному периоду работы над Толковой Псалтырью 1522 г. (ТП 1522) или П 1552.

Сравнение толкуемого текста в ТП 1522 (обозначенного киноварью как «сущее», без указания на номер псалма), комментируемого текста в ПС (предваряемого номером псалма) и перевода П 1552 позволяет сделать вывод о связи «Преводных строк» с работой Максима Грека над последним переводом Псалтыри. Несовпадения псалмов в ПС с текстом ТП 1522 касаются как лексики, так и грамматических форм (многие из которых характерны именно для второго перевода): 58:8 *и орѣжѣ, во оустнахъ ихъ* (ПС и П 1552) — *и мѣ въ оустнахъ ихъ* (ТП 1522); 64:9 *исходы оутрѣ и вечеръ возвеселиши* (ПС) — *исходы оутрѣ, и вечеръ возвеселиши* (П 1552) — *исходы оутра и вечера оусладиши* (ТП 1522). В некоторых случаях отличающееся чтение ТП 1522 присутствует в комментарии ПС, но в основном тексте ПС и П 1552 предпочитают иной перевод: 65:8 *оуслышнѣ глѣ, хваленїа его* (ПС и П 1552) — *оуслыша сътворѣ глѣ, хвалы его* (ТП 1522).

Сравнение толкований в ТП 1522 и ПС показывает, что последний текст в существенно сокращенном виде цитирует избранные толкования ТП 1522. В последней содержатся цепные толкования Дидима Александрийского, Афанасия Великого, Феодора Мопсуестийского, Астерия Софиста, Феодорита Кирского, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Исихия Иерусалимского, Кирилла Александрийского и Евсевия Кесарийского, в некоторых случаях привлекаются толкования Оригена и Григория Нисского. Поскольку основной масштабной задачей Максима Грека при переводе ТП 1522 было стремление вооружить славянских книжников ранее не доступными им истолковательными инструментами, то ввиду огромного объема перевода толкований включение в них лингво-экзегетических комментариев, связанных с критикой переводов Священного Писания, было лишь сопутствующей, но не самостоятельной целью. Поэтому в тексте ТП 1522 упоминания о разных греческих переводах Псалтыри присутствуют, но только в контексте того или иного (аллегорического, тропологического, аналогического, буквального) толкования Отцов церкви (в первую очередь к сравнению вариантов перевода обращаются Евсевий и Феодор). ПС представляют собой собрание далеко не всех ссылок на разных греческих переводчиков Псалтыри, имеющих в ТП 1522: из обширных ком-

ментариев выделены лишь те фрагменты, в которых содержится актуальная лингвистическая информация. К примеру, очень лаконичному комментарию ПС к чтению 65:6: **в рецѣ прейдѣтъ ногою. си^мма^х, прейдоша ногою** в ТП 1522 соответствуют обширные толкования Афанасия, Дидима, Феодора, и только последний автор приводит процитированный в ПС перевод Симмаха, объясняя его выбор формы прошедшего времени отсылкой к ветхозаветным событиям исхода из Египта, тогда как форма будущего времени в переводе LXX толкуется тропологически как прообраз таинства крещения.

Выбор отдельных лингвистических комментариев из толкований ТП 1522 осуществлялся по нескольким принципам. Прежде всего, это точность соответствия греческого перевода еврейскому тексту Псалтыри, и этим объясняется преимущественное обращение к текстам Аквилы и Симмаха как к наиболее близким оригиналу. Сравнению лексических вариантов посвящена большая часть ПС: 4:5 **на ложе^х ваши^х оумилитес^я. акіла ѿ феѡдотѣ^х преведоша. оумолчите. симма^х же, оумишитес^я; 46:10 іако бжїи крѣпци. сѣмдеся^т, крѣпки^х. акіла циты. симма^х же. защищенїа**. В некоторых случаях, как и в комментариях ТП 1522, обозначены предпочтения того или иного варианта перевода или указана его обусловленность еврейским текстом: 84:14 **симма^х же іавственѣйше преведе^х, 67:19 акіла іавственѣйше преведе^х, 44:7 акіла же єврейскомѣ послѣдовалъ**. В части комментариев внимание к лексемам-синонимам связано не с их соответствием оригиналу, но с закрепленным за разными вариантами экзегетическим значением. Таковы относительно пространственные комментарии к лексемам **законъ, оправданїе, повелѣнїе, свидѣнїе и соудьба** (псалом 118) и **ожити — встати, возбѣднѣти^с и смерть — оупенїе** (песнь 5).

Не менее важную и обширную группу комментариев составляют грамматические, причем обсуждаемые варианты соответствуют тем позициям исправлений, которые были актуальными для Максима Грека при переводе П 1552 [Вернер 2013]. Это формы времени (87:7 **положиша мѧ в' іамѣ прейспѣнѣйшей ... акіла, положи мѧ єси. симма^х. оучинилъ мѧ єси. сїе же оуказателное єсть**), наклонения (9:11 **да оуповають на тебе. акіла ѿ си^мма^х. бѣдѣтъ оуповати рѣша. оуказателно вмѣсто повелителнаго положиша слово**), лица местоимений (89:8 **положилъ єси безаконїа нѧша, прѣ собою. симма^х. прѣложилъ єси безаконїа нѧша прѣ тобою**), падежные формы (16:1 **не во оустна^х лстивыхъ. си^мма^х, не оустна^{ми} лстивыми**, 77:5 **и воздвиже свидѣнїе во іаковѣ. си^мма^х. іаковѣ**), приименные формы субстантивов и атрибутов (118:29 **пѣтъ неправды ѡстави ѡ мене. акіла. пѣтъ лжи ѡстави ѡ мене. си^мма^х. пѣтъ ложень ѡимѣ ѡ мене. пѣтое преведенїе пѣтъ вѣры предаде^х**). Так же, как и в отношении лексики, присутствуют отвлеченные от конкретных чтений комментарии к экзегетически маркированным грамматическим формам: отмечается прообразовательное использование

прошедшего времени в переводе Феодотиона и LXX (οἷς ἔβывша глаголютъ вса ѿже ѿ хрѣта), тогда как Симмах предпочитает настоящее время, а Аквила сочетает прошедшее и будущее.

Структура и содержание «Преводных строк» позволяют с уверенностью связать авторство текста с Максимом Греком, отнести время его создания к периоду работы над Псалтырью 1552 г. и определить его назначение как экспликацию тех принципов лингвистической критики текста, которыми Максим Грек руководствовался при переводе Псалтыри 1552 г.

Литература

Грамматическая справа Максима Грека в Псалтыри 1552 г. / Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики XV Международный съезд славистов. М., 2013.

Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975.

Реформа словацкого литературного языка 1852 г. и ее оценка лингвистами

М. М. Горина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Словацкий литературный язык, кодификация, диалект, реформа.

Summary. The article is dedicated to the history of the standard Slovak language and to the judgments of the reform of 1852. There were two main codifications. One was written by the linguist Ľudovít Štúr. And the authors of the second one were Michal Hodža and Martin Hattala. They transformed Štúr's language by canceling the most dialectical features. We can divide scientists' judgments about it into three groups: confrontational, consensual and critical periods. It depends on the one parameter: linguists' thoughts about the implication of the changes on modern Slovak.

Современный словацкий литературный язык восходит к кодификации Л. Штура (1844–1846), однако уже в 1852 г. в нее были внесены существенные изменения, получившие наименование реформы М. Гатталы и М. М. Годжи. Причиной тому явилась языковая разделенность словаков, обусловленная их конфессиональными различиями. Примерно с XVII века в течение длительного времени словацкие протестанты использовали для богослужений, а также в большей части жанров письменности так называемую библичину — чешский язык Кралицкой Библии. Л. Штур, протестант по вероисповеданию, порывает с данной традицией и кодифицирует новый словацкий литературный язык на базе северных говоров среднесловацкого диалекта. При этом он стремится создать литературный язык, целостно отражающий фонетическую и морфологическую системы северных среднесловацких говоров без учета предшествующей многовековой письменной традиции, что было негативно воспринято единоверцами. Но если старшее поколение протестантов во главе с Я. Колларом в принципе отрицало необходимость создания словацкого литературного языка, то молодое поколение в целом идею принимало, однако полагало,

что в кодификацию Л. Штура нужно внести определенные коррективы. В частности один из лидеров протестантов М. М. Годжа в своих работах «Полезные суждения о слове для добропорядочных словаков» (1847) и «Высказывания о словацком языке» (1848) выступил за изменения системы правописания и предложил ввести в литературный язык графемы *ä*, *y*, изменить написание дифтонгов, различать твердое *l* и мягкое *ľ*, не обозначать мягкость *d*, *t*, *n*, *l* перед *e*, *i*, а также скорректировать некоторые морфологические особенности. Высказывали свое несогласие с кодификацией Л. Штура и католики, которые использовали словацкий литературный язык, сформировавшийся в трнавском культурном центре путем взаимодействия чешского языка и южных говоров западнословацкого диалекта. Более того, этот идиом стал базой для кодификации А. Бернолака (1787). Ввиду значительных отличий между базами литературных языков штуровщина воспринималась католиками как язык диалектный, непригодный для использования в разных функциональных сферах, поэтому они также предлагали произвести замену некоторых наиболее маркированных элементов элементами, типичными для католической письменности. Эти предложения содержатся в грамматике М. Гатталы (1850), написанной на латинском языке, и сведены вместе с предложениями протестантов в «Краткой грамматике словацкого языка» (1852), предисловие к которой подписали по три представителя католиков и протестантов. Таким образом она ознаменовала консенсус между двумя лагерями и стала отправной точкой для развития общенационального литературного языка.

Реформа словацкого литературного языка неоднозначно оценивалась лингвистами и вызывала дискуссии относительно того, были ли изменения, внесенные М. Гатталой и М. М. Годжей неизбежной потребностью или же нововведения только испортили кодификацию Л. Штура. В отношении исследований можно выделить несколько периодов: 1. конфронтационный (до 30-х гг. XX века), который характеризуется активным противостоянием сторонников (Т. Флоринский, С. Цамбел, Л. Новак) и противников реформы (Г. Бартек); консенсуальный (до начала 70-х гг.) с относительной уравновешенностью оценок реформы (Е. Йона, К. Габовштякова, А. Едличка); сдержанно-критический (по настоящее время) с усилением негативных оценок реформы (Р. Крайчович, Е. Паулини, Л. Дюрович).

Таким образом, в словакистике сложилась парадоксальная ситуация, когда к ряду закрепившихся в литературном языке явлений сохраняется довольно скептическое отношение. Во многом оно связано и с отсутствием подробного анализа самой реформы и реальной языковой практики того времени. Специальное исследование, посвященное данной проблематике, помогло бы ответить на вопрос, существовала ли необходимость в реформе кодификации Л. Штура и могли ли внесенные изменения иметь иной характер.

О переводах Жития Сергия Радонежского

А. В. Духанина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Житие Сергия Радонежского, Пространная редакция Жития Сергия Радонежского, Епифаний Премудрый, перевод, цитата.

Summary. The Life of St. Sergius of Radonezh was translated into modern Russian language four times. Each translation has its peculiarities, advantages and disadvantages. Their comparative study allows to clarify the text of the Life, as well as to raise a number of theoretical issues related to translation of Old Russian works into modern Russian language.

Житие Сергия Радонежского — один из немногих древнерусских памятников, которые переводились на современный русский язык неоднократно. На сегодняшний день известны 4 перевода текста Жития, из которых 3 являются переводами текста Пространной редакции ЖСР, созданной предположительно в начале XVI в. и включающей первую половину сохранившейся лишь частично первоначальной редакции Жития, написанной древнерусским книжником Епифанием Премудрым. Первый перевод был выполнен М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланиным для серии «Памятники литературы Древней Руси» (далее — ПЛДР), в которой текст Жития был опубликован не полностью — до главы о преставлении Сергия включительно ([Памятники... 1981: 257–407]; переизд.: [Библиотека... 1999: 254–391]); второй перевод (всего текста редакции) был сделан игуменом Тимофеем Никоновым для издания лицевого Жития ([Житие... 2002]; переизд.: [Житие... 2010]); третий перевод, также всего текста, выполнен нами [Житие... 2015]. Кроме того, существует перевод редакции Жития Сергия, созданной Симоном Азарьиным в начале XVII в. на основе Пространной редакции, которая была дополнена новыми посмертными чудесами [Житие... 1997]. Особенность этого перевода в том, что часть текста, основанная на Пространной редакции, является переработкой перевода М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина (сделанной в Церковно-научном центре «Православная энциклопедия»), т. е. фактически оказывается переводом Пространной редакции.

Каждый из переводов представляет собой перевод конкретного списка Пространной редакции ЖСР и при этом основан на своих принципах и имеет свои особенности. Если переводы собственно Пространной редакции относятся к научным переводам, то перевод редакции Симона Азарьина скорее является художественным: первые три характеризуются стремлением перевести текст по возможности дословно, авторы же перевода редакции Симона Азарьина в большей степени стремились к созданию литературного текста, нередко жертвуя при этом теми или иными нюансами.

Дословный перевод на современный русский язык предполагает выбор стратегии, касающейся передачи синтаксической специфики древнерусских и церковнославянских текстов, в частности особого порядка слов, синтаксических конструкций и т. д. Каждый из переводов в этом отношении отличается

своеобразием: скажем, для переводов в ПЛДР [Памятники... 1981] и в серии *Patrologia Slavica* [Житие... 2015] характерно сохранение порядка слов, однако при этом в первом переводе эта установка сочетается с прояснением смысла путем добавления во фразу или названия субъекта или объекта действия, не имеющих эксплицитного выражения в переводимом тексте.

Для перевода сочинений Епифания Премудрого, написанных в стиле «плетение словес», на современный русский язык особенно актуальна проблема передачи стилистических приемов, а именно синонимических и тавтологических сочетаний, однокоренных слов, синтаксического параллелизма и т. д. Как правило, здесь переводчик сталкивается с проблемой выбора: адекватный смысловой перевод вступает в противоречие со стилистикой исходного текста, для передачи которой в современном языке нет необходимых средств. В итоге во всех переводах ЖСР приоритет отдается смыслу и стилистические приемы Епифания видны очень редко.

Анализ переводов ЖСР показывает также многие другие проблемы, стоящие перед переводчиками древнерусских и церковнославянских текстов. Одной из них является перевод библейских цитат, что имеет особое значение именно для сочинений Епифания Премудрого, уникальных обилием прямых и скрытых цитат и аллюзий (в епифаниевских житиях их насчитываются сотни). Интересно, что в каждом из существующих переводов ЖСР свой, причем не всегда удачный подход к передаче цитат. В переводе для серии ПЛДР [Памятники... 1981] цитаты не отмечены в тексте и переводятся на тех же принципах, что и остальной текст. В редакции Симона Азарьина [Житие... 1997] идентифицированные цитаты даются в синодальном переводе, без учета лексических, морфологических и синтаксических изменений, внесенных Епифанием Премудрым при использовании цитаты в Житии, это иногда приводит к появлению фраз, напоминающих искусственные вставки. В издании лицевого списка ЖСР [Житие... 2002]; [Житие... 2010] цитаты, даже не прямые, вообще оставлены без перевода и обозначены курсивом. Нами предложен еще один вариант (см. [Житие... 2015]): цитаты из Библии даются в синодальном переводе (за исключением цитат из Псалтыри, которые даются в переводе П. А. Юнгера [Юнгеров 1915], в большей степени соответствующем церковнославянскому тексту, чем синодальный), при наличии различий с текстом Библии цитата переводится по возможности с использованием лексики синодального перевода (перевода П. А. Юнгера) и сохранением конструкции переводимого текста.

Среди других проблем, встающих перед переводчиками текста ЖСР, как и других произведений древнерусской литературы, и решаемых по-разному, можно назвать, например, принципы перевода церковной лексики, имен собственных, сложных слов, омонимов, слов, известных в современном русском в других значениях.

Сопоставление 4 переводов Жития Сергия Радонежского позволяет, с одной стороны, прояснить текст Жития, в ряде случаев вызывающий трудности при толковании, а с другой — поднять некоторые вопросы, связанные с переводом древнерусских текстов на современный русский язык.

Литература

- Памятники литературы Древней Руси. XIV — сер. XV в. М., 1981.
 Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV — середина XV века. СПб., 1999.
 Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия Чудотворца. Написано Епифанием Премудрым: Факсимильное воспроизведение рукописной книги 1592 года. М., 2002. Кн. 2.
 Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия, чудотворца, написанное премудрейшим Епифанием. Сергиев Посад, 2010. Кн. 2.
 Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подготовка текста, перевод, комментарии, исследование А. В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015. (Patrologia Slavica. Вып. 3.)
 Житие и чудеса преподобного Сергия, игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным: В переводе на русский язык. М. [Сергиев Посад], 1997.
 Юнгеров П. Псалтырь в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. Казань, 1915.

К вопросу о формировании лексического инвентаря старославянского языка: место калькирования в словотворчестве книжников

В. С. Ефимова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Старославянский язык, лексический фонд, калькирование.

Summary. The important component of word-creation of the medieval Slavic bookmen is different kind of calquing. In relation to the process of the formation of the Old Church Slavonic lexical inventory three main types of calquing — semantic calques, phraseological calques, real morphemic (“structural”) calques — have fundamental differences. Morphemic calques should be studied in the context of word-formation. The bookmen had created one-root derivatives mainly regardless of the Greek samples, taking advantage of the Old Church Slavonic word-formative system.

1. Старославянский язык представляет собой литературный язык особого типа — *средневековый* литературный язык. Его тип определяется, прежде всего, тем, что старославянский (далее ст.-слав.) язык, первый литературный язык славян, создавался в процессе переводов — главным образом, с греческого языка — книг Св. Писания и другой литературы (теологической, юридической). Не менее важным определяющим фактором, во-вторых, является структура его социальной базы. Небольшую, элитарную часть социальной базы составляли книжники, которые были не просто активными носителями языка, но и, по выражению Е. М. Верещагина, «языкотворцами» [Верещагин 1997: 3]. Вместе с тем книжники-языкотворцы должны были учитывать языковую компетенцию многократно большей части социальной базы, которую мы называем «пассивными потребителями», — широких масс христианизировавшихся сла-

вян. Пассивные потребители не генерировали тексты, но задачей книжников было предоставить им возможность эти тексты воспринимать и понимать, причем книжникам приходилось по большей части ориентироваться на восприятие текстов реципиентами (т. е. паствой) «на слух» при линейном развертывании текста. Этими обстоятельствами во многом обуславливались особенности формирования ст.-слав. лексического инвентаря как в процессе первоначальных переводов, так и в ходе их дальнейшего редактирования [Ефимова 2013].

2. Основными источниками лексического инвентаря создававшегося нового литературного языка для книжников были народная славянская речь того времени и собственное словотворчество. Слои народной лексики в ст.-слав. инвентаре — лексические единицы, взятые книжниками в ст.-слав. инвентарь «в готовом виде». К этому слою мы относим также и старые заимствования (грецизмы, латинизмы, германизмы, тюркизмы), проникшие в славянскую речь до эпохи кирилло-мефодиевских переводов. В очень редких случаях «в готовом виде» в ст.-слав. тексты попадали грецизмы в процессе перевода (включение в текст неадаптированных грецизмов — «иноязычных вкраплений», «используемых лексем»), однако, как правило, имела место фонетическая и морфологическая адаптация заимствования.

3. Собственное словотворчество славянских книжников было многообразным. Важнейшей его составляющей следует признать разного рода калькирование, где исходным языком являлся, главным образом, язык греческих оригиналов переводимых текстов. Мы выделяем три основных вида ст.-слав. калькирования, которые по отношению к процессу формирования ст.-слав. лексического инвентаря имеют принципиальные различия: семантические кальки, фразеологические кальки, поморфемные кальки. Семантическое калькирование (ср. «excessive semantic identification» Р. Вечерки [Večerka 1997: 368], «транспозиция» Е. М. Верещагина [Верещагин 1997: 40–41]) расширяло семантический объем уже существующего «в готовом виде» славянского слова благодаря наличию «точек соприкосновения» в его семантической структуре и семантической структуре переводимого им греческого слова. В результате слово обретало новое значение, однако в своем новом значении оно не образовывало новую лексическую единицу, так как употреблялось книжниками и в новом значении, и в старых значениях. Фразеологические кальки имеют своим результатом новые лексические единицы — как правило, в виде несколько-словных наименований. Следует при этом учесть, что фразеологические кальки, переводящие часто греческие фразеологизмы (которые иногда в свою очередь восходят к древнееврейским выражениям), закреплялись в узусе далеко не всегда — как и вообще результаты словотворчества книжников. Обычно в поле зрения славистов попадают закрепившиеся в узусе фразеологические кальки из широко употребительных текстов (ср. совр. русск. *нищие духом*, *чистые сердцем* и т. п.). Многие же фразеологические кальки, встречающиеся

в толкованиях на книги Св. Писания, агиографической, гомилетической литературе и т. п., остаются единожды употребленными, составляя так называемые «темные места», прочтение которых требует определенных исследовательских усилий. Поморфемные кальки имеют своим результатом новые лексические единицы — как правило, в виде однословных наименований.

4. Поморфемное калькирование служило славянским книжникам одним из основных способов создания новых ст.-слав. лексических единиц. Вместе с тем далеко не всегда формальное соответствие морфемных структур ст.-слав. и греческого слов должно служить нам основанием считать ст.-слав. слово калькой, как это происходит в случае применения общепринятых классификаций ст.-слав. калек, данных в монографиях К. Шуманна [Schumann 1958] и Н. Молнара [Molnár 1985]. Разработанные на основе метода сопоставления слов в «изолированных парах», состоящих из слова языка-источника и слова языка-реципиента, эти классификации не вполне адекватно отражают происходившие в первом литературном языке славян процессы словотворчества. Ст.-слав. калькирование необходимо изучать в общем контексте словообразования, с учетом словообразовательных мотиваций и обстоятельств вхождения слова в ст.-слав. лексический инвентарь. Словообразовательные процедуры создания композитов (сложных слов) и однокорневых дериватов принципиально различались. В композитах соположение двух корневых знаменательных морфем показывает, служил ли греческий композит образцом для подражания при его создании. Однокорневые дериваты в своем большинстве образовывались по продуктивным моделям с помощью классифицирующих морфем и, как правило, были хорошо мотивированы на славянской почве. При этом славянские корни однокорневых дериватов имели подходящую семантику, но не всегда точно соответствовали семантике корней греческих переводимых слов. Таким образом, массу однокорневых ст.-слав. дериватов, появившихся в результате словотворчества книжников, нет никакой нужды зачислять в какие бы то ни было кальки, так как книжники часто создавали их исключительно на славянской почве, используя возможности ст.-слав. словообразовательной системы.

Литература

- Верецагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
- Ефимова В. С. Риторические стратегии древнейших славянских гомилетических текстов // Языковая вариативность и культурный контекст. М., 2013. С. 4–30.
- Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985.
- Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.
- Večerka R. The Influence of Greek on Old Church Slavonic // Byzantinoslavica. Praha, 1997. T. LVIII. Fasc. 2. P. 363–386.

**Кодификация церковнославянского языка в Московской Руси
в первой половине XVII в.:
ретроспектива и перспектива лингвистической рефлексии**

Н. Н. Запольская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Церковнославянский язык, норма и кодификация, грамматика.

Summary. The report focuses on the issue of the Church Slavonic language codification — the object of our study is the handwritten grammar book, which has not previously been put into scientific circulation. Our study found that this handwritten grammar makes up a link in the “chain” of linguistic experiments, which terms retro- and per-spective of the linguistic reflection in South-western Rus and in Moscovia during the 16th and 17th centuries.

Доклад посвящен проблеме кодификации церковнославянского языка: объектом изучения является рукописная грамматика церковнославянского языка, хранящаяся в отделе рукописей ГИМ (Син. 734). Эта грамматика ранее не привлекала внимания исследователей, поскольку была ошибочно атрибутирована в «Описании рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)» как «Грамматика Мелетия Смотрицкого /с издания Евъе 1619 г./». Проведенный развернутый анализ позволил прийти к выводу, что обнаруженное грамматическое сочинение представляет собой существенную и оригинальную переработку нескольких грамматических источников, среди которых основными являются трактат «О осмих частех слова», Грамматика Зизания 1596 г. и Грамматика Смотрицкого 1619 г. Факт знакомства составителя рукописной грамматики с грамматикой Смотрицкого, с одной стороны, и водяные знаки — кувшин под полумесяцем с литерами N/FT на тулове и кувшин под полумесяцем с литерами I/PO, позволяющие датировать рукопись 1631–1633 гг., с другой стороны, задали возможные хронологические границы составления грамматики. Исследование книжного «конвоя», т. е. сопутствующих лингвистическому описанию разножанровых текстов, в которых обосновывалась роль грамматики как инструмента богопознания, позволило определить место составления грамматики и решить проблему авторства грамматики. В «Предисловии...», являющем собой авторски организованное «цитатное пространство» (Иер. 48–10, Втор. 32:7, Ин. 1:9, Мф. 7:6, Мф. 10:14, Мф. 25:26–27), составление грамматики предстает как духовный процесс, смысл которого раскрывается при обращении к евангельской притче о талантах, свидетельствующей о необходимости правильно распорядиться полученным от Бога даром учительства. Изучение цитатного пространства стало точкой отсчета изучения традиции богословского обоснования разного рода филологической деятельности: посредством ссылки на притчу о талантах обосновывалась необходимость обучения грамматике («Житие Иоанна Дамаскина», «Житие Константина»), необходимость переводческой деятельности (предисловие Иоанна экзарха Болгарского к переводу «Богословия» Иоанна Дамас-

кина), необходимость книжной sprawy (Константин Костенеческий «Сказание о письменах», Максим Грек «Слово отвещательно о книжном исправлении»). Теологически ориентированное предисловие к рукописной грамматике предвараля теологически ориентированное предисловие к печатной московской грамматике 1648 г. При анализе следующего за «Предисловием» стихотворного послания был раскрыт именной акrostих, который, возможно, раскрывает и имя автора грамматики: «словамъ антоніи радоватися прісно». Имя «Антоніи» может указывать на Антония Подольского, автора стихотворных посланий, ритора и полемиста, утверждавшего, что «никто совершенно против него грамматики и диалектики в России не знает». Исследование собственно грамматической части рукописи, включающей орфографию, морфологию и фрагмент синтаксиса, позволило выявить особенности схемы грамматического описания и реконструировать принципы кодификации языкового материала. В позициях описания, в которых грамматическая традиция предоставляла выбор, составитель грамматики задавал параметры, позволявшие адекватно представить именно славянский языковой материал. Такая установка мотивировала разный характер отношения к грамматическим источникам: следование источнику (представление семипадежной парадигмы по образцу грамматики Смотрицкого), дополнение источника (выделение у имен особого «неизвестного» рода как реплика на зафиксированную в грамматике Зизания особенность категории рода — «неизвестные слова», т. е. существительные *Pluralia tantum*), комбинирование источников (построение «гибридной» словоизменительной классификации имен, соединившей диагностические признаки разных схем: 10 типов склонения, дифференциация которых была мотивирована лексико-грамматической семантикой по образцу грамматики Смотрицкого и характером «окончания» в И. ед. по образцу грамматики Зизания). Отличительной особенностью рукописной грамматики явилась трактовка «вида» как словообразовательной и лексико-семантической характеристики всех частей речи: основу классификации составляла словообразовательная оппозиция видов — «первообразный / производный», внутри которой виды разделялись на подвиды, каждый из которых разделялся на лексико-семантические разряды. Кодификация языковых элементов подчинялась идее «правильности» языка, которая достигалась посредством решения проблем формальной недостаточности и избыточности, т. е. омонимии и синонимии. Составитель грамматики стремился соотносить разные способы снятия омонимии с разными видами омоформности: в рамках именного словоизменения числовая омонимия снималась орфографическими средствами, а падежная омонимия — грамматическими средствами и лишь при отсутствии грамматических возможностей — орфографическими средствами. Отказ от кодификации нестандартных флексий, которые могли восприниматься как результат влияния польского языка (у имен м. р. флексии -у в Р.=М. ед., -ови в Д. ед., -ове в Им. мн., -овъ в Р. мн.), ограни-

чивал грамматическую синонимию. Юго-западнорусские книжники снимали числовую и падежную омонимию как орфографическими, так и грамматическими средствами и сохраняли синонимию, отдавая предпочтение либо вариативности (Зизаний), либо дифференциации форм (Смотрицкий).

Комплексное исследование рукописной грамматики позволило определить культурно-исторический и филологический статус данного метатекста. В истории России предполагаемое время составления грамматики — это время напряженной книжно-языковой деятельности, контролируемой духовной и государственной властью: время последовательной книжной sprawy, сопровождавшей книгопечатание, книжно-языковой полемики как факта богословской цензуры и первых попыток создания систематического формального обучения. Однако до сих пор считалось общепризнанным, что активная и разнообразная книжно-языковая деятельность в Московской Руси этого времени не привела к появлению развернутых самостоятельных грамматических сочинений. Ценность обнаруженной рукописной грамматики определяется и собственно филологическими факторами: грамматика является ранней репликой на грамматику Зизания и Смотрицкого, поскольку была составлена за двадцать лет до московской грамматики 1648 г., что позволяет иначе взглянуть на проблему бытования лингвистических сочинений в Московской Руси в 20-е — 30-е годы XVII века. Рукописная грамматика заполняет лакуну в «цепочке» лингвистических опытов, задающих ретроспективу и перспективу лингвистической рефлексии в Юго-Западной и в Московской Руси: трактат «О осмих частех слова», Грамматика Зизания 1596 г., Грамматика Смотрицкого 1619 г. < рукописная грамматика > московская Грамматика 1648 г.

Особенности реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г.

Инь Сью

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*История славянской грамматической традиции, церковнославянский язык,
грамматическая норма, орфографическая норма, принцип антистиха.*

Summary. *Bukovnica* (1592) is considered as an important origin of Slavic grammatical tradition. Unlike other contemporaneous orthographical handbooks, this grammatical (inflectional) dictionary practically showed readers a huge number of homonymous forms. This article mainly analyzes the first part of *Bukovnica*, in which concrete homonymous forms are presented in comparison charts, and summarizes the rules of realization of principle of anti-verse in it.

Буковница Герасима Ворбозомского, дошедшая до нас в сборнике 1592 г. (РГБ, ф. 173.1, № 35, лл. 130–235), представляет собой особый тип грамматического описания, который может быть определен как «грамматический (словоизменительный) словарь» [Аксенова 1981: 69]. В этом грамматическом словаре в основу построения словарного гнезда положен принцип антистиха (принцип графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке [Кузьминова 2001]; [Кузьминова 2011]): каждое гнездо

состоит из пары грамматических омонимов, «ѡ нѣж состѡнѣ ѣдѣнство ѣ мнѡжествѡ» (л. 130), противопоставленных на орфографическом уровне (И. ед. ч. // Р. мн. ч. глѡмнѣ — глѡмнѣ л. 133. об., И. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. жидѡвскаѧ — жидѡвскаѧ л. 136. об., Р. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. ж. р. раширѣмѧ — раширѣмѧ л. 139., И. ед. ч. м. р. страд. прич. // 1 л. мн. ч. наст. вр. оуспоѣмѧ — оуспоѣмѧ л. 141 об.).

Значение Буковницы для истории славянской грамматической мысли определяется, в частности, тем, что она позволяет с достаточной ясностью увидеть, как набор орфографических оппозиций, заимствованный автором из трактата «Ѧ мнѡжествѣ ѣ ѣдѣнствѣ» [Ягич 1885–1886: 719–724], прилагается к конкретному языковому материалу.

Вместе с тем способ реализации принципа антистиха, заданный в трактате «Ѧ мнѡжествѣ ѣ ѣдѣнствѣ» (а также в соответствующих ему орфографических руководствах «Ѧла соуществѣ кнѣжнаго писма», «Ѧла существѣ кнѣжнаго писаниа», «Ѧказаніе Ѧ кнѣжной премѡрости» и др.), подвергается в Буковнице переосмыслению и трансформации.

В Буковнице расширен репертуар орфографических оппозиций, наделенных смыслоразличительными функциями: стандартный набор средств о — ѡ, ѣ — оу, а — ѧ, и / ѣ — ѣ, ѣ — ѣ дополнен парами:

а) з — ѣ, что было отмечено В. М. Живовым [Живов 1995: 292] (И. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. жизнодѣтелнаѧ — жизнодѣтелнаѧ л. 136),

б) о — ѣ, использующейся только в префиксах типа вос — вѣс, во — вѣ, со — сѣ (И. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. восхвалѣмаѧ — вѣсхвалѣмаѧ, И. ед. ч. м. р. страд. прич. // 1 л. мн. ч. наст. вр. водворѣмѧ — вѣдворѣмѧ л. 132 об.; И. ед. ч. // Р. мн. ч. совѣднѣ — сѣвѣднѣ);

в) ѣ — ѣ (И. ед. ч. // Р. мн. ч. врачѣвнѣ — врачѣвнѣ л. 132 об., ѣдинопричѣтнѣ — ѣдинопричѣтнѣ л. 135 об.);

г) ѧ — ѧ (И. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. прѣвѣженнаѧ — прѣвѣженнаѧ л. 138 об., фѣѡдорѣтовскаѧ — фѣѡдорѣтовскаѧ л. 148 об., фѣѡктѣстовскаѧ — фѣѡктѣстовскаѧ л. 148 об.);

д) оксия — вария (И. ед. ч. м. р. страд. прич. // 1 л. мн. ч. наст. вр. раширѣмѧ — раширѣмѧ л. 139, таѣмѧ — таѣмѧ л. 141, оублажѣмѧ — оублажѣмѧ л. 142).

Буковница демонстрирует и иной подход к выбору позиции употребления графико-орфографических показателей. Если в трактате «Ѧ мнѡжествѣ ѣ ѣдѣнствѣ» оппозиционные графемы использовались только во флексии, ср. И. ед. ч. // Р. мн. ч. ѧгнецѣ — ѧгнецѣ (цит. по: [Ягич 1885–1886: 720–721]), то в Буковнице диапазон позиций значительно расширен: во-первых, «числовой» показатель может быть употреблен как во флексии (Т. ед. ч. // Д. мн. ч. вагрѡмѣ — вагрѡмѣ л. 131, Р. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. ж. р. великѣѧ — великѣѧ л. 132, И. ед. ч. ж. р. // И.=В. мн. ч. с. р. грѣшнаѧ — грѣшнаѧ л. 133), так и в основе, в том числе — в позиции абсолютного начала слова (И. ед. ч.

этом год выпуска фактически менялся, но на титульном листе оставался прежним. Если не учитывать этого, можно неверно интерпретировать данные таких изданий и прийти к ошибочным выводам. В частности, так возникла мистификация относительно первого употребления в печати буквы *ѣ*, авторами которой стали Е. В. Пчелов и В. Т. Чумаков. По их мнению, первым букву *ѣ* использовал И. И. Дмитриев в сборнике «И мои безделки», вышедшем в 1795 г. [Пчелов, Чумаков 2000: 42]. Однако вслед за Я. К. Гротом мы считаем, что впервые буква *ѣ* появилась в 1797 г. во второй книжке «Аонид» — альманаха, издаваемого Н. М. Карамзиным. Это убедительно доказал С. В. Власов, заметив, что буква *ѣ* была использована во «втором, исправленном издании сборника И. И. Дмитриева «И мои безделки», датированном на титульном листе, как и первое издание», но выпущенном в свет позднее 1797 г., в первом же издании сборника 1795 г. буква *ѣ* не обнаружена [Власов 2008: 28].

2. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова увидела свет в 1757 году, хотя на титульном листе значился год 1755 [Российская грамматика 1757]. Второе, еще прижизненное издание, вышедшее в 1765 году, отмечено тем же годом и на вид не отличается от первого [Российская грамматика 1765]: «те же виньетки, тот же шрифт и притом полное совпадение всех строк набора на всех страницах от первой до последней» [Блок, Макеева 1951: 353]. Однако анализ орфографии выявляет изменения: выправлены некоторые опечатки, географические названия начинаются с прописной буквы, слова «рассудить» и «рассуждать» пишутся с приставкой «раз», а глаголы «есть» и «ехать» начинаются с *ѣ*. Последняя особенность наводит исследователей на мысль о том, что в орфографической правке участвовал сам Ломоносов, который в последние годы жизни отказался от прежней практики писать в указанных глаголах начальную *е* [Блок, Макеева 1951: 353–354]. 1755 год стоит на титуле еще трех посмертных изданий: 1771–1772, 1777 и 1784–1785 гг. [Блок, Макеева 1952: 858].

3. Сопоставительный анализ графики и орфографии первого [Российская грамматика 1757] и пятого [Российская грамматика 1785] изданий показывает, что набор последнего был произведен в 1785 г. заново в соответствии с принятыми в то время нормами правописания, отличавшимися от узуса середины XVIII в. Перечислим основные разночтения первого и пятого изданий: *Францускаго* — *Французскаго* (и еще несколько форм данного слова); *есть ли бы* — *есть ли бы*; *сверхъ* — *сверхъ*; *церковнымъ* — *церковнымъ*; *нельзя* — *не лъзя*; *епанечъ* — *епанечъ*; *рубежь* — *рубежъ*; *махче* — *мягче*; *постельница* — *постелница*; *одиннатцать* — *одинатцать* (и еще несколько однокоренных слов); *осмьнатцать* — *осьмнатцать*; *семьдесятый* — *семьдесятый*; *осмидесятой* — *осьмидесятой*; *плюскаю* — *плескаю*; *поздно* — *позно*; *орхангельскому* — *Архангельскому*; *навопросъ* — *на вопросъ*; *ехалъ* *москвою* — *ѣхалъ* *Москвою*.

4. Наиболее показательным различием первого [Российская грамматика 1757] и пятого [Российская грамматика, 1785] изданий является орфография приставок на <з>, отражающая сильную тенденцию к унификации, наблюдавшуюся в узусе второй четверти XVIII в. [Каверина 2010: 312–313]. Приведем эти написания: *происшедшїя* — *произшедшїя*; *рассудимѢ* — *разсудимѢ*; *расишїренїе* — *разишїренїе*; *расположенїе* — *разположенїе*; *безрассудно* — *безразсудно*; *рассужденїи* — *разсужденїи* (и еще несколько форм данного слова); *происходитѢ* — *произходитѢ*; *рассудительныхѢ* — *разсудительныхѢ*; *рассудительной* — *разсудительной*; *рассудительныя* — *разсудительныя* (и еще несколько форм данного слова).

5. Орфография пятого издания [Российская грамматика 1785] заметно отличается от орфографии двух прижизненных изданий [Российская грамматика 1757]; [Российская грамматика 1765], особенно в области правописания приставок на <з>, где преобладает употребление *з* перед буквами глухих согласных, о чем сам М. В. Ломоносов говорил: «странно и дико сие кажется» [Ломоносов 1952: 435]. Если не учесть различий в области орфографии и других признаков, различающих пять изданий, помеченных 1755 годом, можно неверно интерпретировать данные и стать автором еще одной мистификации.

Литература

- Блок Г. П., Макеева В. Н. Первые издания «Российской грамматики» Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951.
- Блок Г. П., Макеева В. Н. Примечания // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952.
- Власов С. В. К истории буквы Ё: легенды и факты // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. / Под ред. Б. И. Осипова. Омск: Омск. гос. ун-т, 2008.
- Каверина В. В. Становление русского правописания в XVII–XIX вв.: правописный узус и кодификация : дисс. ... докт. филол. наук. М., 2010.
- Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952.
- Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Два века русской буквы. М: Народное образование, 2000.
- Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 1-е изд. Вышло в свет в 1757 г.
- Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 2-е изд. Вышло в свет в 1765 г.
- Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 3-е изд. Вышло в свет в 1772 г.
- Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 4-е изд. Вышло в свет в 1777 г.
- Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. 5-е изд. Вышло в свет в 1785 г.

**«Грамматичное учение» в 1720-х гг.:
из истории преподавания русской / церковнославянской грамоты***

Е. И. Кислова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Феодосий Яновский, русский язык, церковнославянский язык, история русской церкви,
церковное образование, XVIII век.*

Summary. The presentation based on the archival documents (RSHA, f. 796) focuses on the analysis of the ideas of the 1720th russian clergy about methods of teaching children basic literacy in russian / church slavonic languages. I show 2 ways of the basic education possible in 1720th: "latin", traditionally associated with Feofan Prokopovich, and "grammar", produced by his opponent Feodosy Janovsky.

В докладе на примере архивных дел 1722–1724 гг. (РГИА ф. 796, оп. 3, д. 926, оп. 4. д. 402, оп. 4 д. 440) проводится исследование представлений русского духовенства Петровской эпохи о правильном обучении детей грамоте в рамках русского / церковнославянского языков.

25 января 1721 г. появился «Духовный регламент», в котором регламентировалось 2 уровня обучения детей: в разделе «общих дел» описывалась «минимальная модель», в которой обучение сводилось к умению «чисто, ясно и точно честь и разуметь», а также предлагалось заучивать наизусть две книжицы — о догматах веры и о должностях всяких чинов, «когда таковые книжицы изданы будут». Более высокий уровень образования предназначался для детей духовенства и здесь демонстрировалась ориентация образования на латынь. Уже в мае 1722 г. вышел указ Синода, который не содержит требований преподавать детям духовенства латынь, отказ от нее объясняется «скудостью учителей». Обучение теперь предлагалось ориентировать на «Первое учение отрокам» и затем обучать «Славенской грамматике» Федора Поликарпова, арифметике и геометрии.

Сопоставление с документами из фонда Синода показывает, что второй указ явным образом связан с позицией Феодосия Яновского, тогда как «латинская» установка «Духовного регламента» традиционно приписывается Феофану Прокоповичу. Можно предположить, что 3 документа из собрания Синода отражают попытку внедрить альтернативу «латинскому образованию» в виде «грамматического учения» «славенской грамоте».

Дело РГИА ф. 796, оп. 3, д. 926 содержит материалы экзамена учителей духовного звания, обучавших детей в Санкт-Петербурге в 1722-1724 гг., проведенной учителем новооткрытой школы при Александро-Невском монастыре Иродионом Тихоновым.

Тихонов провел оценку учителей «от самого фундамента, то есть от начала азбуки до писма, во чтении и писании». В азбуке проверялись «писмена, слоги, речения, и просодии, произношении правильно употребляют» (т. е. уме-

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-4924.2015.6).

ние правильно читать по-церковнославянски — знать названия букв, правильно составлять из них слоги и правильным образом прочитывать слова, правильно ставить ударения в словах). 7 проэкзаменованных учителей умели читать, но, с точки зрения Тихонова, неправильно. Еще 5 правильно читали, но из них «грамматики и правописания» не знал ни один учитель. Двое, которые «правописание познавали», получили разрешение скопировать рукописную грамматику, которой владел Тихонов, и далее обучать по ней. Остальным велено было сперва изучить буквари.

В деле сохранились развернутые подписки учителей, которые демонстрируют уверенные навыки письма и отсутствие серьезных орфографических ошибок. Что же имел в виду Иродин Тихонов, квалифицируя их авторов как «не знающих правописания»? Это становится ясно, если посмотреть на письменный текст самого Тихонова и тех, кого он признал «познающими правописание»: его тексты — практически точная копия печатных церковнославянских текстов этого периода, с различением всех дублетных букв и всех вариантов надстрочных знаков. Разумеется, с позиции норм, установленных Грамматикой 1648 г. и характерных для церковнославянской печати, скорописный стандарт мог быть квалифицирован только как недостаточно грамотный.

Дело РГИА ф. 796. оп. 4. д. 402 датировано 1723 г. и содержит требование вызвать в Синод человека «знающего грамматику и хотя одну орфографии часть» для обучения канцеляристов Синода: «понеже в стейшем правительствующем синоде повсеуременно бывают самые нужнейшия и ко исправлению блгочестия потребныя дела которые в писме употребления орфографии знающим граматическое художество ведомо требуют», а в канцелярии Синода только одна персона «отчасти знает правописание». Сохранившиеся подписки канцеляристов Синода также свидетельствуют о хорошем уровне орфографических навыков скорописного письма. Вряд ли случайно, что «знающим орфографию» подканцеляристом Синода становится присланный из Новгорода от Феодосия Яновского «певчий Стефан Иоаннов».

Таким образом, мы видим, что в глазах круга Феодосия Яновского графико-орфографическим эталоном было полное подобие печатного церковнославянского текста, при этом попытки внедрить его требовали обязательной опоры на грамматику — многие омонимы различались в грамматиках церковнославянского языка орфографически — с опорой на их грамматические характеристики.

Дело РГИА ф. 796. оп. 4. д. 440 показывает, что Феодосий Яновский делал попытку распространить «правильное грамматическое учение» славянскому и за пределы духовенства. 19 августа 1723 г. Феодосий Яновский подал доношение в Синод, в котором утверждал необходимость запретить «невеждам» обучение детей. В тексте подчеркивалась необходимость знания грамматики церковнославянского языка для правильного чтения и понимания основ-

ных текстов, которые представители духовенства должны были знать наизусть и которым необходимо было обучать детей: десятословия, молитвы господней, символа веры и 10 блаженств.

Во всех трех случаях усердное распространение грамматического подхода в обучении детей связано с деятельностью Феодосия Яновского. После 1725 г., когда Яновский попал в опалу и был заключен в крепость, никаких упоминаний о «грамматическом подходе» в обучении детей «славенскому» не встречается.

Таким образом, в деятельности Феодосия Яновского и его круга мы видим неудавшуюся попытку создания на базе церковнославянского некоего подобия престижного «корпоративного языка» духовенства, наделенного всеми внешними признаками «учености», т. е. собственно грамматическим подходом. Внедряемое таким образом «грамматическое» обучение церковнославянскому явным образом коррелировало с методом преподавания латыни, однако не могло быть успешным из-за нехватки учителей и грамматик — и главным образом из-за избыточности «грамматического подхода» применительно к обучению базовой грамотности: чтению и скорописному письму.

К истории функционирования церковной графики при издании литургических текстов*

А. Г. Кравецкий

Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова (Россия)

*Церковнославянский язык, русский язык, гражданская и церковная печать,
богослужебные тексты.*

Summary. On the history of the church graphic art's functioning in the publication of liturgical texts. The report focuses on the history of publishing liturgical texts in civil, not Slavic font. It considers the first publications of this kind and analyses their causes.

1. Как известно, распределение сфер употребления церковной и гражданской печати установилось достаточно рано. В результате Петровской реформы за гражданскими литерами закрепились сфера государственного делопроизводства и светской литературы, а за церковной — сфера церковной письменности. А по мере формирования нового русского литературного языка и закрепления за этим языком гражданских литер противопоставление гражданских и церковных литер превращается в визуальную манифестацию противопоставления церковнославянского и русского языков.

2. В настоящее время достаточно широкое распространение имеют издания церковнославянских текстов, осуществленные гражданской печатью. Широкое распространение такой способ печатания получил во второй половине

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 15-04-12050.

XX века, когда Издательство Московской Патриархии по техническим причинам было вынуждено издавать гражданскими литерами не только молитвословы, но многотомные Служебные минеи. В постсоветское время издания церковнославянских текстов гражданской печатью приобрели большую популярность. Сейчас можно говорить об устойчивой традиции издания церковнославянских текстов гражданской печатью. Было бы интересно проследить истоки традиции издания церковнославянских текстов гражданскими литерами.

3. Для начала следует отметить, что, говоря о соотношении церковной и гражданской графики, мы обращаемся только к текстам, изданным типографски и вписанным в сферу государственного контроля над печатной продукцией. Вне нашего рассмотрения остается народная (лубочная) орфография, где церковная и гражданская кириллица не закреплены за определенными тематическими сферами. Лубочные листы скабрезного содержания, ориентированные на церковную графику, были столь же обычным явлением, как библейские лубки, ориентированные на гражданский шрифт.

4. Говоря о разграничения сфер употребления церковной и гражданской печати, следует учитывать издания, появившиеся практически сразу после орфографической реформы Петра, в которых нарушается принцип выбора шрифта. Самая ранняя из таких публикаций относится уже к 1714 году. Речь идет о напечатанной гражданской печатью книге «Указ всем во флоте российском обретающимся... коим образом и в которое время по вся дни должны приносить Господу Богу молении». Это краткий молитвослов для матросов, содержащий утренние молитвы. Позже этот сборник переиздавался в разных вариантах, по крайней мере, до середины XVIII века.

5. Наиболее масштабный опыт издания богослужебных текстов гражданскими литерами был предпринят в 1765–1766 годах, когда увидели свет 52 брошюры, содержащие службы на двенадесятые праздники, службы пасхального цикла и избранным святым, в значительной части покровителям членов правящего дома. Судя по архивным документам, инициатором этого издания была Екатерина II. Любопытно, что книги выходили в двух вариантах — церковной печатью для «продажи в народ» и гражданской — для поднесения императрице.

6. Указанные выше опыты издания богослужебных текстов гражданскими литерами кажутся весьма показательными. В обоих случаях речь идет о той специфической ситуации, когда молитва является обязанностью перед государством. Не случайно в молитвослове для моряков содержатся молитвы, которые следует читать в строю, «когда пробьют зарю». Тоже самое можно сказать и об изданных гражданской печатью службах. Большая часть тиража этих изданий была поднесена императрице и ее сыну Павлу. И предназначались эти издания для церковных служб при дворе.

7. Таким образом, мы видим, что первые опыты издания богослужебных текстов гражданскими литерами были связаны с теми ситуациями, когда молитва оказывалась частью государственных обязанностей (один тип издания адресован военным, а другой — придворным). Широкого распространения эти опыты не получили. И лишь в последней четверти XIX века богослужебные тексты вновь начали печатать гражданским шрифтом, но уже с другой целью. Это уже чисто церковные издания, адресованные людям, привыкшим к гражданским литерам больше, чем к славянским.

«Книга глаголема буквы»: стратегия грамматического описания и принципы организации парадигм

Е. А. Кузьминова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*История славянской грамматической мысли, церковнославянский язык,
орфографическая норма, грамматическая норма.*

Summary. The report focuses on the handwritten grammar treatise of the beginning of XVII century which was created as a dictionary of difficulties of Church Slavonic language. Principles of organization of the paradigms were defined by a general strategy of grammar description aimed at identification of wordforms with different grammatical meaning.

Грамматический трактат «**Кни́га глаго́лема бу́квы гра^ммоти́чнаго оу́чѣнїа**» (далее КБ) 1622 г. (РГБ, ф. 299, № 336, л. 23–57 об.) [изд. Кузьминова 2002], содержащий расположенные в алфавитном порядке списки словоформ из канонических текстов, был призван служить «словарем трудностей» церковнославянского языка, справочником, к которому обращаются, чтобы проверить написание или употребление отдельных слов и форм. Цель своего труда автор видит в том, чтобы предупредить типичные ошибки, зафиксированные им в библейских и богослужебных текстах. Основным критерий отбора словарного материала задан в предисловии — объектом нормализации являются языковые единицы, «**по́ два же разѡма ѿмѣца**», т. е. те, которые могут отождествляться в языковом сознании и употребляться безразлично: «**ѿже мно́зѣ^м мнѡ́тсѧ ед^нно бы́ти, ѡ́ не могѹ́ци^м ра^зсѡдит^и, ѿко́ тыѧ ве́лїе ра^зто́жнїе междѹ собо́ю ѿмѡ^т**» (л. 24). К «мнимо единым» единицам, требующим разграничения, в КБ отнесены омонимы и такие неомонимичные формы книжного языка, которые подвергались смешению под влиянием живого субстрата.

Для преодоления омонимии в КБ введен альтернативный способ реализации принципа антистиха, отличный от традиционного, восходящего к Константину Костенеческому и принятого в орфографических руководствах XVI–XVII вв. и грамматиках Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. По модели греческого алфавита в КБ предложено «двообразное» начертание всех гласных букв: **а** — **α**, **е** — **ε**, **и** — **И**, **ї** — **̇**, **о** — **Ϟ** — **ω**, **ѹ** — **οϣ**, **ѹ** — **Ѹ**, **ы** — **Ы**, **ь** — **Ь**, **ѡ** — **Ѡ**. Первый вариант написания кодифицируется в позиции абсо-

лутного конца слова в формах единственного числа, второй — в формах двойственного и множественного [Кузьминова 2001]; [Кузьминова 2011]. В качестве дополнительного автор КБ прибегает к грамматическому способу снятия омонимии путем дистрибуции неомонимичных флексий. Так, с помощью распределения именных и адъективных флексий в КБ дифференцируются совпадающие формы прилагательных и причастий Р. // В. ед. ч. м. и с. р. (**чѣста** — **чѣстаго** 54 об.) и Т. ед. ч. // Д. мн. ч. м. и с. р. (**вѣдренѣ оумѣ** — **вѣдрены людем** л. 27 об.). Помимо омонимичных образований объектом систематизации языкового материала в КБ являются специфически книжные формы, которые под влиянием живого языка могли восприниматься как тождественные варианты, что и обуславливало их смешение в текстах (И. // В. мн. ч. м. р. существительных и прилагательных и И. ед. ч. м. р. // И. ед. ч. ж. р. // И. мн. ч. м. р. кратких действительных причастий).

Если мы определяем общую стратегию КБ как стратегию дифференциации, то становятся понятными принципы организации приводимых наборов словоизменительных форм, которые ранее оценивались как «более чем странные» [Worth 1983: 56]. Создатель КБ не ставил перед собой задачу представить полный инвентарь единообразных парадигм. Словарное формообразовательное гнездо («парадигма») КБ включает только контрастирующие единицы, «**разньство**» которых требуется продемонстрировать. В типичном случае это пара оппозиционных форм. Наиболее разветвленными в КБ являются формообразовательные гнезда действительных причастий. Так, ряд [1] **носѣще**, [2] **носѣщимъ**, [3] **носѣщѣи**. [4] **носѣщен**. [5] **носѣща члѣка**. [6] **носѣщаа**. [7] **носѣщаго**. [8] **носѣщаа женѣ** (л. 41 об.) включает четыре пары оппозиций: **1 — 2** Т. ед. ч. // Д. мн. ч. м., с. р., **3 — 4** И. ед. ч. // И. мн. ч. м. р., **5 — 7** В. ед. ч. // Р. ед. ч. м., с. р., **6 — 8** В. мн. ч. м., ж. р. // И. ед. ч. ж. р., в трех из которых омонимы противопоставлены на грамматическом уровне **1 — 2**, **3 — 4**, **5 — 7**, в одной — на орфографическим **6 — 8**.

Стратегия дифференциации словоформ, наделенных разными грамматическими значениями, требовала однозначного определения этих значений. Создатель КБ прибегает к двум способам описания грамматической семантики. В одном случае это грамматическая дефиниция после словоформы или грамматическая помета, надписанная над словом киноварью. Особого внимания заслуживает второй, контекстуальный способ семантизации, при котором грамматическое значение и характер оппозиции отдельных форм определяется отсылкой к библейским или литургическим текстам, где эти формы встречаются. Так, пара омонимов М. ед. ч. // И. мн. ч. **вожди** — **вождИ** сопровождается ссылками на **дѣла**, **ѣ** (Деяния Апостолов, зач. 2) и **ма**, **чѣ** (Мф., зач. 95), где представлены соответствующие формы: «**ѡ ѡдѣѣ, бѣвшемъ вождѣ ѣмшимъ ѡна**» (Деян. 1:16); «**Вожди** слѣпѣи, ѡцѣждающѣи комарѣ, велелѣды же **пожирѣюще**» (Мф. 23:24). Таким образом, КБ отражает специфику языкового

сознания, которое оперирует выученным наизусть корпусом текстов, задающих образцы языковой правильности.

КБ можно рассматривать как памятник переходного этапа от текстологического подхода к грамматическому. Принципы отбора языкового материала КБ, его организация по грамматическим категориям, особенно важным для системы церковнославянского языка, дефинитивный способ описания грамматической семантики, введение элементов лингвистического словаря — грамматических помет, наконец, кодификация орфографических оппозиций и внедрение их в практику письма — все это отражает развитие грамматического подхода к книжному языку. Вместе с тем исходная целеустановка — предотвращение искажений канонического текста, использование контекстуального способа грамматической семантизации свидетельствуют о том, что представленная в КБ систематизация грамматических форм пока еще привязана к текстам.

Литература

- Кузьмина Е. А. Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия, 2001.
- Кузьмина Е. А. Грамматический сборник 1620-х гг. / Издание и исследование Е. А. Кузьминой. AION-SLAVISTICA. Annali dell' Instituto Univesitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell' Europa orientale. Sezione SLAVISTICA. Quaderno № 1. 2002.
- Кузьмина Е. А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5.
- Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895.
- Worth D. S. The Origins of Russian Grammar: Notes on the State of Russian Philology Before the Advent of Printed Grammars. Columbus: Slavica Publishers, Inc., 1983.

Концептуально-когнитивные и терминографические принципы конструирования богословских словарей в славянских странах

В. Г. Кульпина, В. А. Татаринов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Российское терминологическое общество — РоссТерм (Россия)

Терминография, лексикография, богословские словари, терминологический словарь, конструирование словаря.

Summary. The special principles of theological dictionaries compiling are considered. As very important from conceptual, cognitive, and terminographical point of view the following principles are named: the principle of monoconfessional dictionary, the principle of confessional tolerance, the principle of confirmity and variability of theological interpretation, the principle of differentiation of the Holy Scripture's vocabulary and theological texts' vocabulary, the principle of theological collocation of vocabulary.

В докладе речь пойдет о неразделимом и взаимодополняющем единстве концептуально-когнитивных и терминографических принципов формирования словника богословских словарей. Активизация исследовательской и конструирующей деятельности в сфере богословских словарей вызвана в первую оче-

редь свершившимся осознанием лингвотворящей сущности богословской лексики в составе национального языка и ее непреходящей значимости в формировании гуманитарного менталитета. Однако длительный лексикографический перерыв в изучении религиозно ориентированной лексики требует конкретизации некоторых принципов терминографической работы для целей адекватной стратификации вербального состава религиозного дискурса и его последующей фиксации в богословских словарях.

1. Идеальным и исходным принципом богословских словарей является принцип *моноконфессионального словаря* (см.: [Добрушина 2012]; [Добрушина, Польсков, Литвинцева, Хангиреев 2011]; [Добрушина, Польсков, Литвинцева, Хангиреев 2012a]; [Добрушина, Польсков, Литвинцева, Хангиреев 2012b]; [Колотовкин 2013]; [Fediukina 2014]), будь то толковый или переводной словарь. По мнению Е. В. Федюкиной, такой словарь вносит новизну в стилистическую стратификацию национального языка, так как фиксирует конфессиональный вариант языка, а не его стилистическую разновидность [Федюкина 2009].

2. Следующим принципом заявленного терминографического подхода может быть назван принцип *конфессиональной толерантности*. Большинство словарей (особенно многоязычных) являются поликонфессиональными (см., напр.: [Богословская антропология... 2013]; [Матвеев 2006]; [Плисов 2006]; [Плисов 2009]; [Татаринов, Лаврентьев, Мраморнов 2012]). Это обуславливается, в частности, тем, что принципиальное совмещение христоцентризма и конфессиональной толерантности в словаре является производной составляющей светской богословской лингводидактики. Профиль подготовки «Христианская теология, межконфессиональный диалог и межкультурная коммуникация» предусматривает изучение текстов на иностранных языках разных конфессий.

3. Принцип *сообразности и вариативности богословского толкования*. Имеется в виду, что тип толкования и его объем устанавливаются авторами словаря (как в переводных, так и в толковых словарях или их комбинациях — см. [Левицки 2002]).

4. Собственно терминографический принцип богословского словаря заключается в *дифференциации лексики Священного писания* (ставшей в большинстве своем общеупотребительной) (см.: [Николаюк 1998]) и *лексики текстов-интерпретантов*, т. е. собственно богословских текстов (начиная с трудов Отцов Церкви и заканчивая текстами современного научного богословия — см. [Иларион (Алфеев) 2008]). Иногда словари заполняются и обычными повседневными словами (напр.: employe «служащий» — см.: [Матвеев 2006]), что трудно объяснить с точки зрения современной теории терминографии. Весьма неопределенным остается статус в религиозной лексике лексических классов религиозной тематики, количество которых довольно многочисленно (от названий церковной утвари — ср.: [Портянников 2001] — и выражений типа «Бог в помощь» [Александрова 1996] до названий религиозных сект — см.: [Алексеева

2011]). В родовом отношении религиозные номинации лексики применяются также непоследовательно: библейская, религиозная, церковная, теологическая, научно-богословская лексика (терминология) (ср.: [Николаюк 1998]; [Питев, Питева 2012]; [Плисов 2009]; [Татаринов, Лаврентьев, Мраморнов 2012]).

5. Принцип *богословской коллокации* религиозной лексики. Словосочетания в богословском тексте дифференцируют богословское миропонимание, поэтому смеем утверждать, что коллокационные пределы лексики богословия имеют большую протяженность, в том числе и конфессионализированные слова: *ein von der Sünde befreites erlöstes Leben* ‘свободная от греха спасенная жизнь’, *das unvergängliches Leben Gottes* ‘непреходящее бытие Бога’ и т. д. [Татаринов, Лаврентьев, Мраморнов 2012]. Благодаря вскрытой сочетаемости устанавливается разграничительная линия между общеупотребительной (возможно, библейской) и научно-богословской лексикой.

Таким образом, богословская лексикография, следуя общим принципам лексикографической работы, нарабатывает свои отраслевые принципы.

Литература

- Александрова Т. С. В помощь читающему христианскую литературу. Опыт краткого немецко-русского и русско-немецкого словаря. М.: Русские словари, 1996.
- Алексеева М. О. Терминология русского православия. М.: МБА, 2011.
- Богословская антропология: Русско-православный / римско-католический словарь. М.: Паломник; Никея, 2013.
- Добрушина Е. Р. Словарь христианской лексики: Состав словника // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2012. Вып. 3 (29). С. 105–113.
- Добрушина Е. Р., Польсков К., Литвинцева К. М., Хангиреев И. А. От «аббата» до «аналога»: Фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2011. Вып. 3 (25). С. 119–146.
- Добрушина Е. Р., Польсков К., Литвинцева К. М., Хангиреев И. А. От «анамнесиса» до «апокрифа»: Фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2012а. Вып. 2 (28). С. 103–118.
- Добрушина Е. Р., Польсков К., Литвинцева К. М., Хангиреев И. А. От «апостола» до «аутодафе»: Фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2012б. Вып. 3 (29). С. 114–133.
- Иларион (Алфеев). Православие. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. Т. 1.
- Колотовкин Н. И. Презентация православной лексики в общих и специальных словарях: на материале английского и русского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Левицки Р. Христианство: русско-польский словарь. Warszawa: Pax, 2002.
- Матвеев С. А. Англо-русский теологический словарь. Иудаизм — Христианство — Ислам. М.: АСТ; Восток — Запад, 2006.
- Николаюк Н. Г. Библейское слово в нашей речи. СПб.: Светлячок, 1998.
- Питев Б., Питева Д. Българско-английски речник на църковните термини. София: Покров Богородичен, 2012.
- Плисов Е. В. Конфессиональная дифференциация христианской лексики в толковом словаре // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. № 1. С. 43–54.
- Плисов Е. В. Словарь религиозной лексики современного немецкого языка. Нижний Новгород: НГЛУ, 2009.
- Портянников В. А. Немецко-русский и русско-немецкий словарь христианской лексики. Нижний Новгород: Изд-во Братства св. Александра Невского, 2001.
- Татаринов В. А., Лаврентьев А. В., Мраморнов А. И. Немецко-русский научно-богословский словарь. М.: Алетей, 2012.

Федюкина Е. В. Православная культура современной Польши. Автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 2009.

Fediukina H. Leksykon terminologii prawosławnej rosyjsko-polski. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2014.

Соотношение бернолаковщины и кодификации А. Бернолака

К. В. Лифанов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Бернолаковщина, кодификация А. Бернолака, норма, трнавский вариант, замена элементов.

Summary. In Slovak Studies it is accepted to identify A. Bernoláks' codification (1787) with the literary language, arising from this codification. Our research, however, showed that essential distinctions existed between the codification and the literary language. The codification was only a base on which was formed the norms of the literary language by a substantial narrowing of the number of codified forms.

Бернолаковщиной называют словацкий литературный язык, кодифицированный в 1787 г. католическим священником Антоном Бернолаком. В словакистике принято отождествлять данную кодификацию с самим литературным языком, считая, что А. Бернолак его не только кодифицировал, но и нормировал. Полагая, что нормирование представляет собой процесс, а не одномоментное действие, мы ставили перед собой задачу изучить реальное использование бернолаковщины на практике, выявить ее нормы и сопоставить с кодификацией. Объектом изучения стали тексты, написанные 16 авторами-бернолаковцами и представляющие собой практически полный жанровый состав бернолаковской литературы от важнейших бернолаковских текстов, каковыми являются перевод Священного Писания, осуществленный Ю. Палковичем, перевод поэмы Вергилия «Энеида», автором которого является один из крупнейших словацких поэтов Я. Голлый, «Травник» известного прозаика-бернолаковца Ю. Фандли, до менее значительных литературных произведений, таких, как драма «Кризант и Дария», переведенная М. Клишко, траурные стихотворения А. Шимко, а также обширная духовная католическая литература (проповеди, религиозные трактаты и т. п.) и литература практической направленности (руководства по выращиванию винограда А. Брестанского и Я. Бортницкого). Изученные тексты были изданы в 1790 — 1851 гг., т. е. охватывают практически весь период существования бернолаковщины (после выхода в 1852 г. анонимной «Краткой грамматики словацкого языка», ознаменовавшей собой языковое объединение католиков и протестантов, использование бернолаковщины прекращается).

Сопоставление кодификации А. Бернолака с языком бернолаковских текстов выявило существенные различия между ними, позволяющие утверждать, что в таком виде, как это представлено в кодификации, бернолаковский литературный язык, вероятно, кроме ранних текстов самого А. Бернолака, не существовал. При этом кодификация оказывается шире, нежели формирующаяся

норма литературного языка, поскольку включает в себя целый ряд элементов, которые представлены лишь в кодификации, но для бернолаковского литературного языка были нехарактерны. Основываясь на предшествующей письменной традиции, зародившейся в Западной Словакии и прежде всего в центре рекатолизации общевенгерского значения — городе Трнава, А. Бернолак в качестве базы литературного языка берет не ее основной, трнавский вариант, а периферийный северный среднесловацкий. Последствием этого становится широкая представленность в рассматриваемом идиоме среднесловацких особенностей, которые, однако, кодифицируются наряду с соответствующими западнословацкими, причем, как правило, в качестве дополнительных, допустимых, а не основных элементов. Именно эти элементы и не находят поддержки у других авторов и подвергаются замене соответствующими элементами западнословацкого происхождения. Часть таких элементов вообще не обнаруживается в текстах (лексемы и словоформы с дифтонгом *ge*, форма твор. падежа единственного числа типа *owcow*, форма предл. падежа единственного числа прилагательных мужского и среднего рода типа *peknot* и др.), часть исчезает из них с течением времени (мягкое *l'*, причастия на *-l* со вставным гласным *-o* типа *rékol* и др.). Не нашла отражения в бернолаковских текстах также «ложная» кодификация, которая не имеет опоры ни в одном из словацком диалекте, ни в предшествующей письменной традиции (унификация форм твор. падежа множественного числа существительных, которые имеют флексию *-ti* независимо от рода и финали основы или, напротив, различение форм вин. и твор. падежей единственного числа существительных женского рода *pekni* — *pekni* и т. д.). В связи с этим оказывается, что кодификация А. Бернолака частично является отражением сложившейся периферийной нормы и одновременно представляет собой исходную базу, на основе которой начинает складываться общенациональная норма литературного языка. Примечательно, что изменение характера нормы происходило в направлении классической формы письменного языка, представленной в трнавском центре.

«Грамматика словенская» Федора Максимова (1723 г.): учение о синтаксических связях и их компонентах

Ма Цзя-ин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Дидактическая грамматика, славяно-русская грамматическая традиция,
церковнославянский язык, синтаксис.*

Summary. This article is devoted to the study of one of the first Church Slavonic didactic grammars in Russia — «Grammatika Slovenska» published in 1723 by Fedor Maksimov. Particular attention is paid to the author's main concept of syntax.

В ранней славянской грамматической традиции XVI–XVII вв. специальная синтаксическая концепция (теория синтаксических связей, теория предло-

жения и его членов) разработана не была. В первых грамматиках церковнославянского языка синтаксический раздел либо отсутствует вообще, как например, в грамматике Лаврентия Зизания «Грамматика Словенска Съвершенна Искусства ѿ семи частей слова, и иных нѣднѣхъ» (Вильно, 1596 г.), либо представляет собой краткое приложение к морфологии («Этимологii»), повторяя ее композиционно и терминологически, как в грамматике Мелетия Смотрицкого «Грамматика Славенска Правильное Сунтагма» (Евье, 1619 г.). В рукописных же грамматических руководствах этого времени термином *синтагма* обозначалась явления совершенно иные — графико-орфографические: либо совокупность всех надстрочных знаков, ср. «пишѣтъ ихъ въ вѣтвенныхъ писаніихъ верхѣ вѣкѣхъ, а зоветсѣ верхняѣ сила, а по гречески синтаксисъ» (статья «Еще соуть і ины воуквы» — цит. по [Ягич 1885–1895: 692]), либо знак соединения, т. е. переноса, который «оуказѣтъ соединѣти рѣчь раѣдѣленію на двѣ строки» («Начало книзѣ гл҃емей гра^мматики» [РГБ, ф. 299, ед. хр. 336, л. 94 об.], «Грамматичесство», «Ѹ еже како просѡдѣа достонѣ писати і гл҃ати») (см. [Кузьмина 2013: 318]).

Более продвинутый этап в синтаксических штудий в сравнении с тем уровнем, который был достигнут в славянской грамматической традиции XVI–XVII вв., отражен в учебной грамматике учителя новгородской «грекословенской» школы Федора Максимова «Грамматика славенская въ кратцѣ собранна въ Грекословенской школѣ, ꙗже въ великомъ Новѣ градѣ при домѣ Архїерейскомъ» (СПб., 1723) (далее Г1723). Г1723 представляет собой негативную методическую реплику на «преждезданную» грамматику Мелетия Смотрицкого, которая, по мнению Ф. Максимова, не отвечает базовому дидактическому принципу — принципу *доступности* [Щукин 2008: 230]: «дѣтемъ же во оученіи возмнѣа быти продолжителна, а разѣмѣ и памѣти ихъ множества ради ѡтлаготителна» (с. 3).

Ф. Максимов первым в истории славянской грамматической традиции начинает разрабатывать теорию синтаксических связей. Специальный раздел своей грамматики он посвящает проблемам согласования — «Ѡ согласіи» (с. 181–187), в котором регламентирует три типа связей: 1) прилагательного с существительным (*сѹществїтелнагѡ ѡмене съ прилагѣтельны^м*); 2) «возносительного», т. е. относительного, местоимения *ѡже* с существительным (*возносїтелнагѡ со предидѣщимъ*); 3) подлежащего со сказуемым (*именїтелнагѡ со гл҃голомъ*). Детальное описание каждой синтаксической связи в Г1723 включает характеристику вступающих в соединение элементов, перечень признаков, по которым осуществляется согласование / координация, языковой пример и его анализ по указанным признакам.

Учение о согласовании, разработанное Федором Максимовым в Г1723, получило дальнейшее развитие в славяно-русской грамматической традиции — в рукописных грамматических трактатах 20-х гг. XVIII в. Федора Поликарпова

[Поликарпов 2002] и в учебно-методическом пособии «Грамматика беседословная» Ивана Иконника (1733 г.) [Кузьминова 2013].

Литература

- Кузьминова Е. А. «Грамматика беседословная» Ивана Иконника. 1733 г.: поиски синтаксической концепции // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол. М. Л. Ремнёва, Е. Л. Бархударова, А. И. Изотов, В. В. Красных, Ф. И. Панков. М.: МАСК Пресс, 2013. Вып. 47. С. 318–325.
- Поликарпов Федор. Технолоіа. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000.
- Шукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М., 2008.
- Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской страны о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 289–1023.

Поэтические вольности в произведениях Симеона Полоцкого

А. Ю. Михайленко

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Морфология, поэтический язык, история русского литературного языка, поэтические вольности.

Summary. The article discusses the dynamics of the poetic language development through use of grammatically incorrect forms, consciously employed by the authors to solve various versification challenges in poetic texts of different historical periods. The examples of “poetic licences”, found in Simeon Polotsky’s texts, were analyzed and classified.

Поэтические вольности — система версификационных вариантов, основанных на разных видах изменения слов, сознательно используемых авторами для решения различных задач стихосложения. Возникновение в XVII в. системы поэтических вольностей свидетельствует об изменении функции церковнославянского языка, начинающего обслуживать литературные тексты. В набор поэтических вольностей входят неравносложные лексические и грамматические варианты. В докладе на примере поэтических текстов Симеона Полоцкого проводится сопоставление системы поэтических вольностей, зафиксированной в «Грамматике» (1619) Мелетия Смотрицкого (параграф «О страстях речений») и существующей поэтической практики. Так, например, в текстах Симеона Полоцкого встречаются неравносложные грамматические варианты: инфинитив на *-ти / -ть* (Паче же молюся аз на ня ко Богу, да зло еже / любят казнить по премногу), формы 2-го л. ед. ч. наст. вр. на *-ши / -шь* (Его же ради духом днесь играеш, / Сим землю, море, аер *исполняеш*), рассматриваемые грамматикой как пример «убавления» слога.

Литература

- Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
- Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

- Запольская Н. Н. Грамматика и субграмматика славянских литературных языков (XVI—XVIII вв.): Теория и история норм // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Доклады Российской делегации. М., 2008. С. 199–224.
- Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее новое время / Рос. Акад. Наук; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Учреждение Рос. акад. наук. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2012.

Метафора состязаний как представление о жизни во Христе в переводной древнеславянской книжности

Н. Г. Николаева

Казанский государственный медицинский университет (Россия)

*Древнеславянский язык, переводные богословские памятники, славянские Ареопагитики,
А. М. Курбский, метафора, символ.*

Summary. The paper describes the features of development and functioning of the metaphor of competition as the Christian life in the Old Slavonic literature. It shows how the realities of ancient sports competitions become a symbol of spiritual feats.

Во втором Послании к Тимофею (2 Тим 2: 4–6) апостол Павел последовательно сравнивает христианина с воином, атлетом и земледельцем. Если первая метафора выросла в христианскую культуру (как на Востоке, так и на Западе — ср. понятие *miles Dei*), последняя не столь распространена, но кажется так же вполне логичной, то сравнение христианина с атлетом не получило распространения и остается достаточно уникальным, хотя оно оставило свой след в святоотеческой литературе, гимнографии и своеобразным образом преломилось в славянских переводах богословских сочинений.

Эту метафору развивает в своих трактатах христианский философ, скрывшийся под именем Дионисия Ареопагита. Это неслучайно: он как будто бы продолжает мысль апостола Павла, учеником которого был исторический Дионисий из Афин, и тем самым придает большее правдоподобие своей литературной мистификации. Так, в сочинении «О церковной иерархии» представлена развернутая метафора, суть которой в следующем: Христос представлен как учредитель состязаний и их правил, за соблюдение которых победитель удостоивается награды, при этом сам Христос споборствует в этих состязаниях их участникам, ведя их к победе.

Переводчик на славянский очевидно затрудняется в передаче «спортивной» терминологии: ἄθλοθέτης ‘распорядитель и судья на состязаниях’ переводится как *подвигоположник*¹, ἄθλοθεσία ‘судейство на состязаниях’ как *подвигоположение*, ἀθλητής ‘состязатель’ как *страдалец*, ἀγών ‘состязание,

¹ Слова даются в упрощенной графике. Примеры приводятся по рукописи ГИМ, Увар. собр. 264, лл. 205об — 206.

борьба' как *подвигъ*. Из такого перевода не совсем ясно, насколько славянский переводчик воспринимает метафору состязаний: слав. *страдалецъ* может обозначать и 'борец', и 'мученик', *подвигъ* — и 'подвиг, трудное дело', и 'борьба'. Вероятнее всего, метафора борьбы остается, но детализация спортивного состязания не сохраняется.

Обычай увенчивать победителя спортивных соревнований венком присутствует и в метафорике награды истинных христиан, заслуживших ее праведностью жизни (кроме 2 Тим 2: 5, о венце жизни говорится в Иак. 1: 12 и в Откр. 2: 10, о венце правды — в 2 Тим. 4: 7–8, о венце славы — в 1 Пет. 5: 4). Но если состязатели в представлении славянских книжников прежде всего *страдальцы*, то и венец их должен быть мученический.

В обширном гимнографическом наследии именованию святого победителем нередко: *победы венцы носяще* — распространенная формула обращения к святым мученикам (например: *Господи! помяни убиенных союзников моих, во царствии Твоем. / С ними же ныне победы венец носяще, / восхваляет Господа, Дивнаго во святых своих, / в земле нашей славно просиявших* (Из службы священномученику Онуфрию)). Иногда формула сжимается в одно слово, ср.: *Благодати тезоименитый Крестителю Господень и тою обогатився, победоносец преславный показался еси: победил бо еси враги и всякую злобу и великое служение твое мученическим подвигом запечатлел еси* (из акафиста Иоанну Крестителю). Из примеров видно, что *победоносец* не является контекстуальным синонимом слову *мученик* — это дополнительный предикат святого. Однако отождествление этих понятий, по всей видимости, произошло достаточно рано.

Так, например, одна особенность перевода другого богословского сочинения — «Богословия» Иоанна Дамаскина — князем А. М. Курбским заключалась в том, что слову *martyr* 'мученик' князь подбирал разные эквиваленты, из которых *мученикъ* было не самым частотным. Это слово чаще переводится им как *побѣдоносець* (например, л. 61об.) или *почестоносець* (например, л. 137). Причем первый вариант употребляется им и в непереводной части памятника (предисловии)¹. Это говорит о том, что в языковом узусе Курбского слово *побѣдоносець* использовалось в значении 'мученик'.

Интересно, что в исторических словарях славянского и русского языка (начиная с «Лексикона треязычного» Ф. Поликарпова и до современной лексикографии) это слово приводится только в прямом значении *vikřfóros*, *victor*. Словари не фиксируют семантическую тождественность этого слова слову *мученик*. Необычное значение слова *побѣдоносець* 'несчастный человек' фиксирует Словарь русского языка XI–XVII в малоизвестных памятниках XVII века [СлРЯ XI–XVII, вып. 15: 122]. *Победа*, просматривающаяся в прозрачной внут-

¹ Текст перевода приводится по [Besters-Dilger 1995].

ренной форме слова, в некоторых русских диалектах имеет значение ‘беда, несчастье’ [СРНГ, т. 27: 189]. То есть одновременно в именовании мучеников победоносцами могли актуализироваться и их победа в Христовом состязании и претерпевание ими земных страданий, выпавших на их долю: (т. е. *побѣдоносець* — все тот же страдалец, как и говорится в славянских Ареопagitиках).

Другой перевод — *почестоносець* — продолжает логику обозначения вознагражденного подвижника. В исторических словарях это слово не фиксируется. Мы его встретили в более позднем, чем перевод Курбского, памятнике — Хронографе 1617 г. (*И тако молитвами святаго новаго почестоносца Христова Димитрия такоу побѣду на сопротивныя дарова Богъ, яко ни единому от благочестиваго воинства убиену быти*). Сам Курбский (или его соратники) ощущает потребность это слово объяснить и на полях глоссирует: *мученики*¹.

Таковы некоторые проявления в церковнославянских переводных памятниках разной хронологии малоразвернутой метафоры спортивных состязаний, истоки которой мы находим в книгах Нового Завета. Объединяет их общий процесс возведения реалий древних спортивных состязаний в символы духовных подвигов.

Литература

- Словарь русских народных говоров. 1–48. Л. (СПб.): Наука, 1965–2015 (СРНГ).
 Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30. М.: Наука, 1975–2015 (СлРЯ XI–XVII).
 Besters-Dilger J. (Hrsg.). Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583). Freiburg i. Br.: Weiher, 1995. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes. Tom. XXXV).

К вопросу о южнославянских источниках евангельского текста Острожской Библии

А. С. Новикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Библия, Евангелие, церковнославянский язык, редакция, книжная школа.

Summary. The article hypothesizes the origination of Evangelic text of the Ostrog Bible and its language features.

Первая печатная на Руси и третья у славян Острожская Библия (1580–1581 гг.) является важнейшим звеном в развитии славянского перевода Библии и восточнославянской письменной культуры. Она в значительной степени предопределила формирование церковнославянского языка русского извода и оказала заметное влияние на формирование русского литературного языка. В основу первого печатного церковнославянского текста Библии лег рукописный список Геннадиевской Библии, присланный царем Иваном Грозным князю К. К. Острожскому. Евангелие в составе Острожской Библии представлено в закрепившемся в науке названии четвертой редакции по Г. А. Воскресенско-

¹ По рукописи ГИМ, Хлуд. 60, л. 138.

му. Эту редакцию давно уже пора именовать афоно-тырновской. Ее текст формировался в течение длительного времени, кодификация которого происходила на Афоне в первой половине XIV в. и затем в Тырновской книжной школе.

Острожская Библия хорошо изучена со стороны книговедческой и искусствоведческой, но лингвотекстологическое исследование ее языка (и в частности Евангелия) изучено мало. Определенный вклад в описание языковых особенностей евангельского текста Острожской Библии в сравнении с текстом рукописной Геннадиевской Библии внесен Хан Чжи Хен в кандидатской диссертации «Острожская Библия 1581 г.: направления книжной sprawy новозаветных книг». В работе выявлены основные направления sprawy, осуществленной острожскими книжниками на графико-орфографическом и частично грамматическом уровнях, но совсем не затронут вопрос о южнославянских источниках евангельского текста этих Библий.

Болгарский славист Диана Иванова на основе сравнительно-сопоставительного изучения ряда чтений в евангельском тексте Геннадиевской Библии и печатном среднеболгарском четвероевангелии 1512 г. Тырновской книжной школы (Търговишкото Евангелие), указывает на общий текстологический характер этих памятников славянской книжности и на близость его к Острожской Библии [Иванова 2007].

На основании проведенного нами лингвотекстологического анализа фрагмента евангельского текста притчи «О милосердном самарянине» (Лк. X, 30–37) на материале трех Библий (Острожской (ОБ), Геннадиевской (ГБ), Елизаветинской (ЕБ)) и десяти евангельских кодексов разных редакций и изводов (Асс., Ват. пал., Савв., Мар., Зогр., Остр., Мст., Чуд., рук. № 1139 НБКМ, № 1140 НБКМ)¹ были выявлены разночтения в области графико-орфографической и грамматической языковых систем, которые позволяют проследить историю развития первоначального кирилло-мефодиевского перевода Евангелия.

Особенности графико-орфографической системы четвероевангелия Острожской Библии

По сравнению с Геннадиевской Библией правописание в Острожской Библии более нормативно. Сфера исправлений, внесенных в текст издателями Острожской Библии, определялась особенностями правописания не только четвероевангелия Геннадиевской Библии, но и какого-то южнославянского списка, известного издателям. Этим объясняется избирательная позиция книжников по отношению к южнославянизмам и вариативность дублетных букв. В графико-орфографической системе ОБ прослеживается влияние норм правописания, принятых в Тырновской книжной школе. Так, для обозначения согласного (t) в тексте изучаемого отрывка употребляются три графемы: обычное Т, т —

¹ Две последние рукописи хранятся в Софии в библиотеке Софийского университета имени Кирилла и Мефодия.

с двумя длинными опущенными крыльями (отсюда русское прописное т) и особое начертание ъ. Ср. **лѣви** — ОБ, **лѣвѣтъ** — ГБ, **лѣвѣтъ** № 1140 НБКМ — Лк. X, 32. Буква **ѣ** представлена как мачта с высоким коромыслом над верхним уровнем строки, буква **ѣ** (еры) состоит из сочетания букв **ь** + **і** — ы, **ч** одностороннее, не в виде чаши. Имя Спасителя **ѣсѣ** пишется с одной буквой **і** во всем тексте четвероевангелия ОБ.

Особенности грамматической системы четвероевангелия Острожской Библии

В Евангелии тетр ОБ отражены на разных языковых уровнях многие черты, характерные для евангельских кодексов, созданных тырновскими книжниками. Повновения в ряде форм обусловлены фонетикой русского языка и некоторой редакционной правкой издателей ОБ.

Некоторые примеры

Лука 10, 31	Афоно-Тырновская редакция	Другие редакции			
		Первоначальный Кирилло- Мефодиевский перевод	Грецизмы	Моравизмы	Преславизмы
	сѣенникъ нѣкѣи ОБ сѣенникъ нѣкѣи ГБ сѣенникъ нѣкѣи ЕБ сѣенникъ нѣкѣи № 1140 НБКМ іерен нѣкѣи № 1139 НБКМ	етеръ Асс. етеръ Ват. пал. етеръ Зогр.	іерни Асс. нереі Савв. нерен Ват. пал. і ерѣ Зогр. нерен Мар. нерен Остр. іерен Мст.	єдинъ Савв. єдинъ Мар.	нѣкѣи Остр. нѣкѣи Мст.
		В Чуд. рук. — особое словосочетание — іерен кто			

Острожская Библия получила значение языкового образца и носителя языковой нормы. На нее опирался Мелетий Смотрицкий при установлении норм церковнославянского языка в своей Грамматике 1619 г. Но все же не следует забывать о том, что в основе Евангелия этой Библии лежит неизвестный нам список Евангельского кодекса Тырновской книжной школы со своей спецификой правописания, нашедшей отражение в Острожской Библии.

Литература

- Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
 Иванова Д. Геннадиевская Библия (евангельските книги) (1499) и Търговищкото четири-евангелие (1512) — щрихи към лексикалната им характеристика // Св. Евтимий, патриарх Търновски и неговата духовна мисия в Европа. Велико Търново, 2007.
 Острожская Библия. Сборник статей. М., 1990.
 Хан Чжи Хен. Четвероевангелие Острожской Библии: основные тенденции языковых исправлений // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2007. № 4.
 Харалампиев И. Езиково-правописната реформа на Евтимий Търновски и нейните кратици // Св. Евтимий, патриарх Търновски и неговата духовна мисия в Европа. Велико Търново, 2007.

**Кодификаторские решения
в первых сербских грамматиках церковнославянского языка:
русский и западноевропейский контекст XVIII в.**

М. Г. Обижаева

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Церковнославянский язык, сербский литературный язык, грамматика, кодификация.

Summary. The report focuses on the genesis of codification strategies in Serbian (Church) Slavonic grammar-books as a mandatory tutorial grammar of native language on Habsburg Monarchy territory. Both grammar books — by Stephan Vuianovsky (remained in manuscript) and by Avram Mrazovich — were made on the basis of “Anleitung zur deutschen Sprachlehre” by Johann Ignaz von Felbiger and Russian grammar-books by Smotitsky. During the last third of the 18th century both grammars defined Serbian Literary Standards.

Доклад посвящен генезису кодификаторских стратегий в сербских грамматиках (церковно)славянского языка, созданных на территории Габсбургской монархии в качестве грамматик «родного, простого» языка.

В центре внимания — два императивных сочинения, в обязательном порядке употреблявшихся при подготовке школьных учителей для сербских школ, как минимум, в последнее двадцатилетие XVIII — начале XIX века: «Руководство къ славенстѣй грамматичѣ во употребленіе народныхъ училищъ. Въ кесаро-кравлевскихъ державахъ; списано Стефаномъ Вуяновскимъ Наукъ управителемъ...» (до 1785) и «Руководство къ славенской грамматичѣ во употребленіе славено-сербскихъ народныхъ училищъ издано трудомъ Авраама Мразовича...» (Вена, 1794).

Первая грамматика — грамматика Вуяновского — осталась неизданной, тиражировалась путем переписывания. На основании архивных данных я считаю, что она была составлена между 1777 и 1785 г. Долгое время она считалась несохранившейся. К началу XX века были известны три ее списка, теперь же нами был обнаружен лишь один — рукопись под шифром PP II 45 (PP 209–352 D2), инв. № 48. 272 — в собрании Библиотеки Матицы сербской (Нови-Сад, Сербия). Палеографические характеристики этой рукописи позволяют отнести ее к первой половине 80-х годов XVIII века. С высокой вероятностью можно утверждать, что список был составлен в учительском кружке прот. Василия Крстича в г. Рума.

Вторая грамматика — грамматика Мразовича — переиздавалась неоднократно, причем до своего первого издания в 1794 г. в Вене, по утверждению автора, она использовалась им на учительских курсах в течение 20 лет; она же легла в основу «Писменицы србскога иезика по говору простога народа» (Вена, 1814) Вука Караджича. Исследователи, обращавшиеся к грамматике Мразовича, находили, что ее автор обращался к Грамматике Смотрицкого, однако «в значительной степени «Руководство къ славенской грамматичѣ является оригинальным произведением» [Хрущёва 2003: 125]. Однако единственное ее сравнение с грамматикой Вуяновского мы нашли в подготовительных материалах для конференции о родном языке, которая состоялась при дворе духовного гла-

вы сербов в Габсбургской монархии, митр. Стефана (Стратимировича): Аврам Мразович при приеме учителей на службу устраивает экзамен, и если оказывается, что кандидат не по его грамматике обучался, то в месте отказывает¹.

Наше исследование показало, что обе грамматики были составлены в рамках крупнейшей европейской школьной реформы, проводившейся среди всех народов Габсбургской империи во время правления Марии-Терезии и Иосифа II, подразумевавший введение т. н. Саганской системы и использование обязательного списка учебников в переводе на «народный» язык. Таким образом, в основу обеих грамматик был положен труд идейного вдохновителя Саганской системы аббата Фельбигера — Johann Ignaz von Felbiger «Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Zum Gebrauche der deutschen Schulen in den Kaiserlichen königlichen Staaten» (Wien, 1779). Безусловно, что оба автора — и Стефан Вуяновский, и Аврам Мразович — обращались к Грамматике Смотрицкого-Ненадовича (Рымник, 1755), а также иным грамматическим сочинениям русского происхождения. В докладе будет представлено, как и почему подвергались переосмыслению те или иные кодификаторские решения предшественников.

Изучение этой единственной в своем роде кодификаторской практики позволяет найти закономерности в адаптации церковнославянского языка для нужд разноликого литературного языка сербов в эпоху, предшествовавшую реформе Вука Караджича, показать не только русские (как многие годы считалось), но и западноевропейские аспекты в изложении грамматического материала, служившего языковым образцом для сербской элиты в течение, как минимум, трех десятилетий.

Литература

Хрущёва А. А. К изучению своеобразия церковнославянского языка русской редакции у сербов («Руководство къ славенстѣй грамматикѣ» Аврама Мразовича) // Славянский вестник. М.: Изд-во МГУ, 2003. Вып. 1.

Соотношение между причастием в краткой формой и предикативом Й. Онда

Токийский университет иностранных языков (Япония)

Старославянский язык, причастие, деепричастие.

Summary. In OCS, participles have the distinction between the short and long forms. Past studies tended to associate them with the expression of definiteness. However, considering the diverse usage of participles, definiteness by itself will not provide a sufficient explanation. The author hypothesized that participles in predicative usage take the short form, and confirmed this theory by presenting through parallel texts examples where the participles and predicative verbs appear concurrently.

У причастий в старославянском языке различают краткую и полную формы, как и у прилагательных. Известно, что это противопоставление прилагательных

¹ Архив САНУ в Сремски-Карловци, А, 1793.

тельных связано с понятиями определенности и неопределенности; краткая форма прилагательных означает неопределенность, а полная форма — определенность [Lunt 2001: 142]. Это различие можно связать с тем этимологическим фактом, что полная форма происходит от сочетания краткой формы и указательного местоимения *i. Однако между причастиями и прилагательными существует синтаксическое отличие, поэтому противопоставление краткой и полной форм прилагательных, т. е. определенности и неопределенности не применимо в полной степени к причастиям.

Причастия можно разделить по синтаксическим функциям следующим образом: 1) выступающие определением к именам существительным, 2) обозначающие второстепенные действия, которые сопровождают действия, выраженные глагольными предикативами, 3) являющиеся дополнением с переходными глаголами, 4) формирующие причастные обороты (дательный самостоятельный, dative absolute). 5) не выступающие в роли определения к именам существительным, а проявляющие функции самостоятельного имени существительного.

В предыдущих исследованиях уже отмечалось, что причастия, обозначающие второстепенные действия, появляются в краткой форме [Иванова 1977: 160]. Однако все еще остается неясным различие между функциями причастий в качестве определений и второстепенных членов предложения.

В своей работе мы изучали сходные примеры причастий, сравнивая тексты Евангелия из четырех рукописей; Мариинского, Зографского, Ассеманиева и Саввиной книги.

В результате исследований мы хотели показать конкретные примеры того, что причастия прошедшего времени проявляют сходство с глаголами прошедшего времени (аорист). Факт функциональной схожести краткой формы причастия с предикативом не противоречит тому, что краткая форма причастия в старославянском языке соответствует деепричастиям в современном русском языке.

Литература

- Иванова Т. А. Старославянски язык. М., 1977.
 Хабургаев Г. А. Старославянски язык. М., 1977.
 Lunt H. G. Old Church Slavonic Grammar. Berlin; New York, 2001.

«Wówczas to oboje spojrzeliśmy wstecz»: библейская ситуация в художественном тексте

Н. М. Орлова

Саратовский государственный университет (Россия)

Библия, художественная литература, прецедентная ситуация, концепт.

Summary. The article considers the questions connected with the Bible text as a precedent phenomenon in European and Slavic literature and culture. The Old Testament situation of "Lot's wife" and its key concepts are taken as an example.

Библейские прецедентные ситуации и вся концептосфера Библии являются мощным текстообразующим средством, а Библию как важнейший компо-

нент мирового литературного канона отличает культурный универсализм, что находит выражение на языковом уровне и в общей концептуальной значимости библейских ситуаций.

Для прецедентной ситуации (ПС) «Гибель Содома [и Гоморры]» наиболее значимым представляется концепт 'содом', имеющий достаточно сложную смысловую структуру и подвергшийся значительной семантической эволюции в процессе функционирования в русской языковой картине мира. Так, несмотря на то, что многие библейские концепты имеют в европейских языках изначально общий статус, в восточнославянских языках на первом месте среди лексических значений находится 'шум, беспорядок, суматоха'. Этот семантический процесс не затронул западноевропейские языки, включая западнославянские. Концепт 'содом' сохранил более четкую связь с генерировавшей его библейской прецедентной ситуацией, поэтому в толковании значения номинанта актуализирована сема 'грех, греховность', ср. в польском *Sodoma i Gomora* — 'siedlisko występku, gniazdo rozpusty, niemoralności, grzechu, bezbożności'. В поэтическом тексте К. И. Галчинского *jeden z Sodomy i Gomory* (один из Содома и Гоморры, один из содомлян) — 'грешный, слабый человек' («Notatki z nieudanych rekolekcji paryskich»).

Дальнейший анализ когнитивной структуры библейской ситуации выявил наличие в ней нескольких основных и наиболее значимых для нее когнитивных линий и, соответственно, несколько пересекающихся концептосфер, служащих для ее ('ангелы', 'грех', 'пожар', 'непослушание' — последняя относится к субситуации «Жена Лота»). Субститутом концепта 'жена Лота' служит «соляной столп» — многомерный образ, вбирающий в себя смысловые кванты 'неподвижность', 'непослушание', 'грех'. Ср. в рассказе Анны Бердичевской «Соляной столп», эксплицирующем в качестве основного текстообразующего смысла концепт 'грех' (прелюбодеяние героини / «содомский» грех героя).

В XX веке европейская словесность при обращении к ситуации «Жена Лота» делает акцент на выяснении причин непослушания библейской героини. В ряде текстов в качестве этой причины указывается любовь к родному городу, нежелание его оставить и — напротив — желание сохранить его (Содом) в памяти, что способствует выработке в сознании авторов и интерпретаторов текстовой информации новой когнитивной линии «память». Весьма существенно, что при этом в смысловой структуре концепта 'Содом' проявляются положительные коннотации.

Концептуальный признак 'непослушание', который может быть рассмотрен также как самостоятельный концепт, объективированный в языке и чрезвычайно важный для религиозного дискурса, эксплицируется в библейском тексте в предельно лаконично описанной прецедентной ситуации «Жена Лота»: *Когда же вывели их вон из города, то один из них сказал: спасай жизнь твою; не оглядывайся назад; и нигде не останавливайся на равнине сей; спа-*

сайся на гору, чтобы тебе не погибнуть... **Жена же Лотова оглянулась назад, и обратилась в соляной столп.** В общеязыковом употреблении устойчивое сочетание *жена Лота* ассоциируется с неподвижностью, «окаменением» от неожиданности или ужаса. Поступок жены Лота в тексте Библии никак не мотивируется, что дает пищу для самых различных, в том числе опозитированных толкований причин ослушания. Достаточно вспомнить известное стихотворение Анны Ахматовой «Лотова жена» (1924 г.): *Не поздно, ты можешь еще посмотреть На красные башни родного Содома, На площадь, где пела, на двор, где пряла, На окна пустые высокого дома, Где милому мужу детей родила.* И далее: *Лишь сердце мое никогда не забудет Отдавшую жизнь за единственный взгляд.*

Ослушание жены Лота как экспликация концепта 'память' в той или иной степени вербализуется в современной поэзии, связанной с темой эмиграции, — как *память-ностальгия*.

Современный автор (интерпретатор) текста, строящий свое поведение на сознательном или неосознанном непослушании высшим силам, не осознающий такое непослушание как грех, сочувствует Лотовой жене и часто задается традиционным вопросом: была ли жена Лота наказана соразмерно своей вине и в чем состояла эта вина? Такое восприятие прецедентной ситуации претекста Библии присуще не только русской литературе. В исследовании Эвы Яскулы «Kto to był?» *Żona Lota w poezji XX wieku, czyli rozbijanie stereotypu* (Katowice, 2006) рассмотрены ее художественные интерпретации в творчестве известных поэтов. Проведенный нами анализ показал, что текст Виславы Шимборской «Жена Лота» («Obejrzałam się podobno z ciekawości...») весь соткан из перечисления возможных причин, вынудивших библейскую героиню оглянуться, в том числе абсолютно случайных: *Obejrzałam się bez własnej woli. Tylko głaz obrócił się, warcząc pode mną. Szczelina raptownie odcięła mi drogę. Na brzegu dreptał chomik wspięty na dwóch łapkach. Wówczas to oboje spojrzeliśmy wstecz.*

У Юзефа Лободовского причины, заставившие библейскую героиню оглянуться, обозначены в русле традиции XX века: актуализируются концепты 'память', 'любовь' (к городу и дому) и т. п.; она «застыла в прекраснейший памятник любви» (*Zastygła w najpiękniejszy pomnik miłości*) к родине, к родному Содому. Смерть, которая была ценой за «последний взгляд» женщины, поэт также признает «прекрасной»: *Módlcie się o śmierć równie piękną, I śmierć / za cenę ostatniego spojrzenia.*

Среди поистине неисчислимого количества обращений к сюжету в русской филологической традиции особое место занимает цикл Инны Лиснянской «В пригороде Содома», где также ставится вопрос о вине жены Лота. Концепт 'непослушание' в библейском понимании (как грех) в этом поэтическом дискурсе находит очень слабую экспликацию: все, что связано с прецедентной си-

туацией «Жена Лота», вербализовано в концептополе 'память'. *Оглянувшись в прошлое, можно окаменеть, Как случилось совсем недавно с женою Лота <...>.*

Таким образом, можно утверждать, что основной вектор смысловой динамики рассматриваемого сюжета, при сохранении традиционных концептов (*грех, непослушание, наказание*), направлен на актуализацию смыслов, связанных с концептом 'память'.

**Перевод с нескольких разноязычных оригиналов
как особый тип библейского текста
в поздней восточнославянской традиции**

Т. В. Пентковская, Н. К. Котова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Библейские переводы, поздняя восточнославянская традиция, Пересопницкое Евангелие,
Новый Завет Епифания Славинецкого.*

Summary. The paper examines two East Slavonic translations of the New Testament of the 16th — 17th centuries made from several originals on the different languages. Appeal to the different biblical traditions (both classical and modern), the development of a new conceptual and critical apparatus in the field of traditional Church Slavonic repertoire is one of the signs of transition of literature from the Middle Ages to modern times.

1. Практика обращения к нескольким источникам при переводе библейского текста известна с глубокой древности. Так, Ориген впервые сопоставляет между собой еврейский текст Библии с несколькими греческими переводами. Результатом этого сопоставления является Гексапла, которая представляет собой текст книг Ветхого Завета, записанный в шесть столбцов: еврейский неогласованный, греческая транскрипция еврейского текста, перевод Акилы Понтийского, перевод Симмаха, Септуагинта, перевод Феодотиона. При этом текст Септуагинты Ориген сопровождает специальными знаками. Так создается критический аппарат к греческому переводу Библии, в котором помечаются источник (в том числе его наличие или отсутствие) варианта Септуагинты.

2. Гексаплой пользовался блж. Иероним при создании ветхозаветной части Вульгаты. В частности, первая версия перевода Псалтири Иеронима была сделана с Септуагинты. Позже Иероним переводит Ветхий Завет с библейского иврита, однако он продолжал сверять еврейский и греческий тексты, поскольку в некоторых местах варианты Иеронима зависимы от греческого, а не еврейского текста (при этом чтения Вульгаты зависимы от разных греческих ревизий) [Юнгеров 2003: 287–289].

3. К нескольким оригиналам — латинскому, греческому и еврейскому обращались в позднее время польские переводчики Библии и Нового Завета, принадлежащие различным конфессиям, в чем проявлялось влияние ренессансной критики библейского текста [Kossowska 1968–1969].

4. В поздней восточнославянской традиции можно выделить несколько вариантов взаимодействия разноязычных источников при переводе новозаветного текста.

4.1. При переводе основного текста осуществляется сверка с несколькими оригиналами, принадлежащими к разным традициям (каждая на своем языке). Это, например, созданное на Волыни в 1556–1561 гг. Пересопницкое Евангелие, представляющее собой перевод на простую мову с вкраплениями церковнославянского языка. Главным источником, вероятно, был церковнославянский текст афонской редакции, однако текст на всем своем протяжении сверялся еще с польскими и чешскими переводами Нового Завета. Степень интенсивности этой сверки неодинакова на различных участках текста, однако во многих случаях она была довольно значительной. Результатом такой практики является весьма неоднородный язык, содержащий, с одной стороны, западнославянские элементы, а с другой — церковнославянские, например: *1:14 и слово плоть сталося есть и мешкана в на(с) собѣ оучинило и видѣли есмо славою его славою яко единогоднаго ѿ оца*.

Аналогом такой переводческой практики служит одновременное обращение к нескольким оригиналам при так называемой контролируемой традиции, когда при тиражировании новозаветного текста используется несколько антиграфов для установления «правильных» чтений и повышения уровня стабильности текста [Алексеев 1999].

4.2. Основной текст и дополнительные тексты, составляющие сложное, иерархически устроенное единство, переводятся с разных источников, относящихся к разным традициям и написанных на разных языках. Таков перевод Нового Завета, выполненный в конце XVII в. коллективом московских книжников — справщиков Московского Печатного двора под руководством выходца из Юго-Западной Руси Епифания Славинецкого и его ученика Евфимия Чудовского (НЗЕ). Основной текст НЗЕ был переведен с греческого языка, причем сам греческий текст представлен в рукописях перевода ГИМ, Син. 472 и 473, являющихся диглоттами. Система помет, имеющаяся в двух этих источниках, однако, показывает, что в отдельных случаях текст сверялся с Вульгатой и польским Новым Заветом в переводе Якоба Вуйка 1593 г. (НЗВ) [Пентковская 2016].

В Син. 472 имеется несколько дополнительных текстов, относящихся к различным частям Нового Завета, которые были введены в эту рукопись по образцу польских изданий новозаветного текста и, по замыслу переводчиков, являлись неотъемлемой принадлежностью полноценного критического библейского издания.

Прежде всего, это так называемые аргументы к главам Евангелия и Апостола [Пентковская 2016]. Кроме того, это находящаяся после Деяний особая таблица, содержащая два текста: 1) собрание Деяний св. апостола Петра

(л. 285) — H3B Summá Dzieiow Piotrá S. Apostoła (л. 510); 2) собрание Деяний св. апостола Павла (л. 285) — H3B 1593 Summá Dzieiow Páwła S. Apostoła (л. 512). Кроме того, это таблица-конкорданс евангельской истории, имеющая более сложный генезис: основным источником является составленная Симеоном Полоцким евангельская гармония, восходящая к сочинению Г. Меркатора [Исаченко 2015: 166], дополнительными — аналогичные гармонии польских изданий Нового Завета (ср. H3B Summá u porządek historyey Ewangeliey, л. 33), Библия 1663 г. и основной текст H3E.

Обращение сразу к нескольким библейским традициям, как к классическим (греческой и латинской), так и к современным, разработка нового понятийного и критического аппарата в сфере традиционного церковнославянского репертуара является одним из признаков перехода книжности от Средневековья к Новому времени (XVI–XVII вв.) [ср. Алексеев 2013: 55]. И если для западнорусской практики одновременное обращение к церковнославянской и западнславянской традиции представляло собой обычное состояние дел и было обусловлено культурно-лингвистической ситуацией (ср. также польские переводы Нового Завета М. Чеховича и Я. Вуйка, которые учитывали обращение к ним православных читателей), то для Московской Руси совмещение разных конфессиональных и языковых практик в рамках одного текста являлось новаторским шагом, вызвавшим неоднозначное восприятие H3E в книжной среде.

Литература

- Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
 Алексеев А. А. Библия и типология литературных языков // А. А. Алексеев. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 43–55.
 Исаченко Т. А. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М.: Азбуковник, 2015.
 Пентковская Т. В. Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (в печати).
 Юнгеров П. А. Введение в Ветхий Завет. Кн. 1. М., 2003.
 Kossowska M. Biblia w języku polskim. T. I–II. Warszawa, 1968–1969.

Настоящее историческое в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакta Болгарского (на примере Евангелия от Марка)

Е. В. Федорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Переводы с греческого, толковая редакция, настоящее историческое.

Summary. The present paper is devoted to the problem of the translation of praesens historicum in the Gospel of Mark with commentaries by Theophylact of Bulgaria

Употребление презенса в значении прошедшего времени достаточно часто для греческого текста Евангелия. Так, например, глагол ἔρχομαι высту-

пает в качестве *praesens historicum* в Евангелии от Марка 24 раза¹ (это формы 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр.: ἔρχεται (11 раз) и ἔρχονται (13 раз), а глагол говорения λέγω, вводящий прямую речь в форме настоящего исторического, только в 3 л. ед. ч. встречается 58 раз. Однако в старославянских памятниках зафиксировано лишь несколько случаев употребления настоящего исторического в Мариинском, Ассеманиевом, Зографском и Остромировом Евангелиях [Бондарко 2005: 569]; более частотна данная форма для Супрасльского сборника — там отмечается 28 случаев употребления *praesens historicum* [Дограмаджиева 1966: 122-128]. Более поздние переводные тексты к. XI — XII вв. также исчерпываются единичными случаями употребления настоящего исторического: так, в восточнославянском переводе к. XI в. Житии Василия Нового греческие формы *praesens historicum* в большинстве случаев передаются формами аориста, лишь изредка калькируясь в тех случаях, когда они вводят прямую речь [Уржа, Пентковская 2013: 174].

В более поздней славянской переводческой традиции тексты характеризуются более последовательным употреблением настоящего исторического в связи с установкой буквализма новых переводов на различных уровнях языка [Уржа, Пентковская 2013: 175]. Так, устойчивым признаком чудовской редакции Нового Завета, возникшей в XIV в., является систематическое употребление форм настоящего исторического в соответствии с формами *praesens historicum* греческого текста [Пентковская 2009: 112].

Однако существует особая редакция евангельского текста, возникшая не позднее начала XII в., в которой также встречается употребление презенса в значении прошедшего времени, — это древнейший перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского [далее — ТЕ]. Наличие в данном тексте спорадических форм *praesens historicum* отмечалось в [Пентковская 2009: 135]. Но при ближайшем рассмотрении данные формы оказываются в далеко не окказиональном употреблении: действительно, в евангельском тексте они крайне редки, зато в толкованиях они регулярно возникают на месте греческих форм *praesens historicum*.

В ТЕ от Марка надежных примеров употребления настоящего исторического в соответствии с греческим *praesens historicum* для евангельского текста всего два — это Мр. 3:13 и Мр. 7:5, например: Мр. 3:13 ТСЛ 109 н възсходнть на горѹ н прнзываетъ наже самъ възсхотѣ (л. 228 об.) — ἀναβαίνει; в более поздней редакции ТЕ формы презенса устраняются: ТСЛ 108 н възидѣ на горѹ н прнзва (л. 268 об.); кроме того, формы наст. вр. повторяются в толковании: Мр. 3:13–19 (толк.) 109 възсходнть анавени на горѹ нажеже молнтнса (л. 229) — ТСЛ 108 възсходн на горѹ (л. 268 об.) — Ἀναβαίνει.

¹ В качестве источника греческого текста Евангелия от Марка привлекалось издание The New Testament in the Original Greek: Byzantine Text Form. Compiled and arranged by Maurice A. Robinson and William G. Pierpont. 2005 (Bibleworks, BYZ).

Кроме того, в ТЕ от Марка встречается два случая, когда форму презенса следует признать неисконной и возникшей вследствие ошибки переписчика: Мр. 1:13 ТСЛ 109 н анѣглан слоужать ємоу (л. 216) — 331 слоужахотѣ (л. 147 об.) — ТСЛ 108 слажахѣ (л. 259 об.) — διηκόνοισι. В ТСЛ 109 возникает настоящее историческое на месте имперфекта с приращением в более ранней рукописи № 331, которому в греческом тексте также соответствует имперфект. Скорее всего, в ТСЛ 109 был случайно пропущен слог при переписывании текста; кроме того, в толковании на этот стих и в греческом тексте, и в славянском переводе также содержится имперфект: Мр. 1:12–13 (толк.) ТСЛ 109 анѣглан бо слоужахотѣ ємоу (л. 215 об.) — διηκόνοισι. Аналогичная ситуация имеет место в Мр. 15:29: ТСЛ 109 н мноходащии ховлатъ н кнвѣюще главамн своимн глѣше (л. 322) — ТСЛ 108 хвалахѣ (л. 348) — ἐβλασφήμουσι.

Один раз в евангельском тексте ТЕ от Марка форма презенса передает греческий аорист: Мр. 7:10 ТСЛ 109 мѡисѣи бо рече (л. 252) — εἶπε; в остальных редакциях евангельского текста используется форма аориста рече [Воскресенский 1894: 218–219].

Однако если обратиться к толкованиям, можно убедиться, что там представлена совсем другая ситуация: если в толкованиях цитируется евангельский стих, содержащий в греческом *praesens historicum*, то почти всегда в славянском переводе также будет употреблен *praesens historicum*, например:

Мр. 9:2–3 (толк.) 109 на горѣ же возводнѣтъ высокоу (л. 264) — ἀναφέρει, однако в евангельском стихе Мр. 9:2 используется форма аориста: 109 н возведе на на горѣ высокѣ (л. 264) — ἀναφέρει.

Кроме того, в древнейшем переводе ТЕ многочисленны ситуации, когда в толкованиях формы презенса, вслед за греческим текстом (а иногда и вопреки ему), передают законченные действия в прошлом в ряду последовательно сменяющих друг друга действий, например:

Мр. 4:35–41 (толк.) 109 понмаєть же єдны оучѣни ... попоуцаєть быти боурн ... спнтъ же ... вставлает же на в' вѣдоу ... попоуцаєть оубо быти вѣтроу н спнтъ же на възглавни ... запрѣцаетъ вѣтроу ... запрѣцаетъ оучѣникомъ же (л. 237 об. — 238) — παραλαβάνει ... ἀφίησι ... καθεύδει ... Ἀφίησιν ... Συγχωρεῖ ... καθεύδει ... ἐπιτιμᾷ.

Таким образом, для выявления переводческой манеры в ТЕ информативным оказывается именно текст толкований, тогда как в переводе евангельского текста проявляется влияние традиции, не допускавшей употребления презенса в значении прошедшего времени и отразившейся в древней, преславской и афонской редакциях евангельского текста.

Литература

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.

Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI–XVI вв. 1894.

Дограмаджиева Е. Към въпроса за praesens historicum в старобългарски език // Български език. 1966. Кн. 2. С. 122–128.

Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. МАКС Пресс Москва, 2009.

Уржа А., Пентковская Т. Переводческие стратегии в древних и современных текстах: настоящее историческое // Славистика (Београд). 2013. № XVII. С. 173–180.

Корпус церковно-славянских текстов как инструмент изучения истории русского литературного языка

Елена Шимко

Украинская богословская академия имени святых Кирилла и Мефодия (Ужгород, Украина)

Для истории РЛЯ неизменно актуальным остается вопрос о взаимодействии церковно-славянского и исконного разговорного языка. При этом в разные периоды истории РЛЯ удельный вес церковнославянизмов в памятниках древнерусской, а позже великорусской письменности зависел от многих причин: от «тематики и назначения текстов, уровня образования и социальной принадлежности грамотных людей, литературных направлений... в том числе от сознательного предпочтения (соответственно пренебрежения), которое отдавалось древнерусскому или церковно-славянскому языку» [Филин 1978: 406].

На наличии в великорусской письменности во все периоды ее существования определенного количества церковно-славянских лексем, словообразовательных моделей, синтаксических конструкций основаны все аксиологемы истории РЛЯ как науки, базируются выводы и суждения о непрерывности книжно-письменной традиции в РЛЯ, который, по мнению традиционной лингвистики, к XVII веку оказался «единственным носителем старо-церковно-славянского преемства» [Трубецкой 1995: 173].

В рамках современного логического позитивизма, основным объектом познания считается текст, данный в непосредственном наблюдении и являющий собой ту объективную реальность, с которой имеет дело лингвист: умозаключения о фактах языка делаются на основании непосредственного наблюдения за конкретным текстом. Что же касается церковно-славянского языка, то в этом случае появляется необходимость «исследовать по единой программе язык всех написанных произведений от начала письменности на Руси и до нашего времени, ... не пропуская ничего важного, существенного, причем на всех уровнях языка» [Филин 1981: 3]¹.

Такой единой программой, позволяющей а) системно проанализировать многие языковые факты, б) делать выводы о конкретных элементах нормы на основании реальных связей и соотношений, а не единичных, нередко случай-

¹ Эта мысль, высказана Ф. П. Филиным применительно к древнерусскому литературному языку, но она, безусловно, актуальна и для исследования церковно-славянских текстов.

ных примеров, в) учитывать все условия употребления той или иной словесной формы как объективного маркера и самой формы, и ее значений является корпус — сформированная определенным образом выборка данных из области реализации языковой системы.

20 мая 2012 года в рамках национального корпуса русского языка для общего доступа открыта пилотная версия церковнославянского корпуса как первого из разделов Исторического корпуса. Основу церковнославянского корпуса составляют современные богослужебные тексты XIX–XX века (60%). Кроме того, в корпусе представлены тексты других периодов (XVII–XVIII века) и жанров (писания, святоотеческая литература и др). Общий объем корпуса — около 4,7 млн. словоупотреблений. Кроме того, на кафедре математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета с конца 70-х годов XX века ведется работа по созданию корпуса агиографических церковнославянских текстов XVI–XVII вв. К настоящему времени корпус охватывает 52 жития, их общий объем — более 500 тысяч словоупотреблений.

В отличие от любого современного литературного языка корпус данных церковно-славянского языка имеет только одно измерение — текстовое (речевое отсутствует) и главная ценность состоит в том, что он может использоваться для истории РЛЯ как системной науки, а не совокупности интроспективных догадок, нередко основанных на «искусственных примерах» [Аверина и др. 1996: 5], интуитивных суждениях [Добрушина, Иванова-Алленова, Поляков 2012: 335], в которых эмпирический материал привлекается лишь на фазе верификации гипотезы, а сами примеры носят случайный («как повезет»), иногда даже спорадический характер. Использование корпуса церковно-славянского языка поможет однозначно ответить на ряд актуальных вопросов в истории РЛЯ, а именно:

Дать количественную оценку церковнославянизмов, генетически связанных с языком церковнославянским, или не связанных — так называемых славянорусизмов. Жесткие и прямолинейные схемы, мало обоснованные фактами и ориентированные на формально-генетическую оценку, игнорируют сложную языковую реальность и не помогают выяснению языковых процессов. Количественные определения слов с церковнославянскими приметами в русском литературном языке, нередко нельзя принимать всерьез, поскольку они не основываются ни на каких подсчетах, а представляют собой всего лишь своего рода «символы веры», выражение тенденциозности теоретических установок. (См. об этом [Филин 1978: 411]).

Определить актуальность / неактуальность словообразовательных моделей по отношению к словам с церковнославянскими рефлексам, с церковно-славянским суффиксально-префиксальным словообразованием, сложными словами, лексическими и семантическими славянизмами, поскольку немалая часть

подобных форм имела еще в праславянском языке и они не являются генетически (этимологически) связанной с книжной традицией.

Решить вопросы кодировки текста — проблемы орфографии, поскольку в процессе подготовки корпуса были выработаны общие принципы и правила представления церковнославянских текстов, а также решены практические проблемы по устранению символов с малой или нулевой различительной способностью, ошибок и опечаток, а также форм фактически не имеющих смысловой различительной функции.

Детализировать описание грамматических категорий. В отличие от традиционных грамматик, парадигмы представленные в корпусе не заданы априорно, а выведены эмпирически на основе анализа множества словоформ, имеющих однотипные соотношения между грамматическими формами. Таким образом, номенклатура парадигм получается значительно более детальной, чем традиционная, и подчас существенно от таковой отличается. Например, традиционное первое склонение (рабъ), как свидетельствуют материалы корпуса, распадается на 14 подтипов в зависимости от конечного согласного (парный твердый — мягкий, велярный, шипящий, йот), наличия беглого гласного и других особенностей.

Такая работа позволит ответить на основной вопрос истории РЛЯ о прерывности / непрерывности книжно-письменной традиции в русском литературном языке, расширить представления об источниках русского литературного языка, даст возможность восстановить исконное состояние литературной нормы, ликвидировать ошибки, попавшие в тексты по разным причинам, а также проанализировать большие массивы лингвистической информации, что, в свою очередь, существенно повысит репрезентативность научной гипотезы и доказательную базу выводов.

Литература

- Аверина С. А., Азарова И. В., Кузнецова Е. Л. и др. Язык русской агиографии XVI в.: Опыт автоматического анализа / Под ред. А. С. Герда. Л., 1990.
- Аверина С. А., Азарова И. В., Алексеева Е. Л., Герд А. С., Захарова Л. А. и др. Лексика и морфология в русской агиографической литературе XVI в. / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1996.
- Добрушина Е. Р., Иванова-Алленова Т. Ю., Поляков А. Е. Корпус церковнославянских текстов в составе НКРЯ, первая версия: проблемы и решения Материалы конференции «El'Manuscript-12. Информационные технологии и письменное наследие». Петрозаводск, 2012.
- Международный консорциум по выработке норм электронной разметки текстов: The Text Encoding Initiative [<http://www.tei-c.org/P4X/>].
- Трубецкой Н. С. К украинской проблематике // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Составил В. М. Живов. М., 1995. С. 362–380.
- Филин Ф. П. Исконное и заимствованное в современном русском литературном языке // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
- Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков

Морфология

Формальный контраст между падежами нарицательных существительных в словацком и русском языках

М. Браксаторис

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Аналитизм, падежный сикретизм, несклоняемость, рост предложных сочетаний.

Summary. The paper is focused on the problem of formal contrast between declension forms of Russian and Slovak appellatives and its relation to typological characteristics of mentioned languages.

Доклад посвящен тенденциям в области формального контраста между падежами нарицательных существительных в словацком и русском языках. Фундаментальность проблематики заключается в том, что сведения о формальном контрасте между падежами важны с точки зрения типологической характеристики данных языков. В области морфологии и синтаксиса русского и словацкого языков известна тенденция к аналитизму [Nedomová 2013]; [Kačala 1993: 18]; [Morfológia slovenského jazyka 1966: 60]. По словам Н. С. Валгиной, морфологический аналитизм обнаруживается: «1) в сокращении числа падежей; 2) в росте класса несклоняемых имен <...>; 3) в росте класса существительных общего рода <...>; 4) в изменении способа обозначения собирательности в именах существительных <...>» [Валгина 2001: 156]. В центре научного интереса к упомянутой тенденции находится вопрос о несклоняемости существительных [Brandner 2005: 82]; [Nedomová 2013].

Можно констатировать, что для русского и словацкого языков характерно не только сокращение числа падежей, но и, по сравнению с исходным праславянским состоянием, сокращение количества грамматических форм имен существительных, причем под грамматической формой понимается множество грамматических сем — в данном случае падежа и числа, выражаемых посредством словоформы — в данном случае падежной формы [Смирницкий 1955: 11–53]. Количество грамматических форм равно произведению количества соответствующих грамматических сем [Sgall 2011: 160]; [Ельмслев 2006: 52]. При этом, однако, упрощение падежно-числовой системы (в смысле сокращения количества выражаемых грамматических форм) в обоих языках сопровождалось лишь не столь резким сокращением количества используемых словоформ имен существительных (Braxatoris 2014, 150). Некоторые лингвисты связывают уменьшение формального контраста между падежами с тенденцией

к морфологическому анализу, причем груз грамматического выражения перекладывается с падежной формы на предлог [Виноградов 1947: 167]; [Nedomová 2013: 46] и одновременно происходит рост падежных сочетаний [Валгина 2001: 220–221] (ср. [Stanislav 1970: 3–4]). Как известно, падежи и предложные сочетания в определенной степени выполняют сходные функции [Erhart 1973: 105]. По результатам исследования автора [Braxatoris 2014: 150], однако, для словацкого и русского языков в целом (хотя в частных случаях это может быть и иначе), напротив, характерен рост меры падежной однозначности (по сравнению с праславянским состоянием), затагивающий 51% русских и 62,5% словацких типов и подтипов склонения нарицательных существительных славянского происхождения (у 43% русских и 25% словацких типов и подтипов склонения мера однозначности понизилась, а у 6% русских и 12,5% словацких осталась неизменной).

Одним из признаков тенденции к анализу считается рост количества несклоняемых существительных, в частности иноязычных заимствований [Nedomová 2013: 93], собственных имен [Nedomová 2013: 94] и аббревиатур [Мучник 1964: 152]. В словацком языке имеется приблизительно 900 несклоняемых заимствованных существительных [Sokolová 2007: 68], тогда как в русском языке — 1281 без топонимов, антропонимов, аббревиатур и сложных слов [Брусенская 1997]. При оценке удельного веса несклоняемых нарицательных существительных, однако, важен тот факт, что они представляют собой всего лишь один тип склонения, что данная группа содержит слова неславянского происхождения и что несклоняемые существительные составляют лишь небольшой процент от общего количества всех существительных [Brandner 2005: 82].

Сокращение числа выражаемых числовых и падежных значений в целом не влечет за собой уменьшения однозначности падежных форм в русском и словацком языках. В рамках грамматической характеристики русского и словацкого языков имеет место тенденция к точности, связанная с одновременным ростом предложных конструкций и тенденцией к падежной однозначности. Примечательно, что по сравнению со словацким, в русском языке в большей мере представлена несклоняемость нарицательных существительных и тенденция к росту предложных сочетаний, в то время как тенденция к падежной однозначности выражена в меньшей степени.

Литература

- Брусенская Л. А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка. Ростов-на-Дону, 1997.
- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. М., 2001.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М., 2006.
- Мучник Н. П. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 148–180.

- Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 11–53.
- Brandner A. Projevy analytismu v ruštině. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity, řada A — jazykovědná. Brno, 2005. Roč. 53. Č. 53. S. 81–93.
- Braxatoris M. Vývin miery substantívnej pádovej homonymie vo svetle kváziteologických princípov // Jazykovedný časopis. 2014. Roč. 65. Č. 2. S. 139–156.
- Erhart A. Úvod do obecné a srovnávací jazykovědy. 1. vyd. Brno, 1973.
- Kačala J. Kategoriale slová v slovných spojeniach (príspevok k teórii jazykového významu) // Jazykovedný časopis. 1993. Roč. 44. Č. 1. S. 14–24.
- Morfológia slovenského jazyka. Bratislava, 1966.
- Nedomová Z. Tendence k analytismu v současné ruštině (na materiálu jmenných slovních druhů). Ostrava, 2013.
- Sgall P. Soustava pádových koncovek v češtině // Jazyk, mluvení, psaní. Praha, 2011. S. 147–172.
- Sokolová M. Nový deklináčny systém slovenských substantív. Prešov, 2007.
- Stanislav J. Rozhlas a televízia v slovenskej rodine // Kultúra slova. 1970. Ročník 4. Č. 1. S. 3–6.

Славянский местный падеж в молизско-славянском языке и его диалектах

В. Г. Брой

Университет г. Констанц (Германия)

Склонение, местный падеж, молизско-славянский микроязык.

Summary. In my talk I will be dealing with the development of the ancient locative in Molise Slavic, a Slavic minority language spoken in Southern Italy. Due to contact influence of Italian the functions of the accusative and the locative with respect to the expression of place and motion to a place have merged into one form with clear dialectal differences.

Настоящий доклад посвящен особенностям развития местного падежа (локатива) в языке славянского меньшинства южноитальянского региона Молизе, в последующем называемом молизско-славянский язык (МСЯ). На протяжении вот уже 500 лет этот южнославянский микроязык находится в интенсивном языковом контакте с романскими диалектами, в основном с молизанским диалектом, и уже в течение приблизительно 150-ти лет — с итальянским литературным языком. В настоящее время, вследствие поголовного двуязычия носителей языка, контакт с итальянским языком можно назвать «абсолютным (тотальным) языковым контактом». Как видно по икавско-штокавской основе языка, а также другим унаследованным языковым особенностям, предки молизских славян, с наибольшей вероятностью, прибыли из далматинского материкового региона, расположенного западнее реки Неретва. В настоящее время МСЯ употребляется только в трех деревнях: Аквавива (итал. Acquaviva Collecroce), Монтемитро (итал. Montemitro) и Сан Феличе (итал. San Felice del Molise) [Брой 2006: 70–71].

Все славянские литературные языки кроме болгарского и македонского, полностью утративших склонение существительных, относятся к языковому типу, в котором выражение определения **местоположения** отличается от выражения **движения к месту** (направления). В особенности это касается сего-

дняшнего управления праславянских предлогов **vъ(n)* и **na*, местным (предложным) падежом в первом, и винительным падежом в последнем случае, как напр., в русском языке:

(1a) *Иван был в школе.* (место) ≠ *Иван пошел в школу.* (направление)

(1б) *Иван лежит на диване.* (место) ≠ *Иван лег на диван.* (направление)

Но в МСЯ под влиянием итальянского языка и его диалектов, не обладающих никакой формальной оппозицией между указаниями «направления» и «местонахождения» предмета, различие между винительным и местным (предложным) падежами исчезло [Breu 2008]. Поэтому во всех трех молизско-славянских диалектах, у соответствующих предлогов имеется идентичное управление для выражения места и направления, несмотря на то, что система других падежей полностью сохранилась. Например, на оригинальных примерах из деревни Аквавива в (2) и (3) с помощью «минимальных оппозиций» одного и того же существительного (мужского и женского рода) продемонстрировано упомянутое совпадение выражения места (2а, 3а) и направления (2б, 3б) в управлении обоих предлогов при существительных мужского рода:

(2а) *U grad tuna jimahu jena sopranom.* (вин. ед. м., место)

‘В деревне у всех было прозвище’.

(2б) *Aje si sa vrni ja jora oda u grad?* (вин. ед. м., направление)

‘Почему ты снова вернулся сюда в деревню?’

(3а) *Što činiš tota na funaštru?* (вин. ед. ж. место)

‘Что ты делаешь у окна?’ (дословно: на окне)

(3б) *Je pola sa vrč na funaštru.* (вин. ед. ж. направление)

‘Она ушла, чтобы встать у окна’. (дословно: на окно)

Та же самая ситуация с выражением как местоположения, так и движения к месту с помощью винительного падежа, имеется и во множественном числе.

Хотя во всех трех молизско-славянских диалектах наблюдается полное совпадение функций винительного и местного падежа, оно осуществлялось не всегда в той же самой конкретной форме. А именно, главная разница состоит в том, что в диалекте деревни Монтемитро в единственном числе существительных женского рода (и только в этом случае!) в обеих функциях употребляется нулевое окончание, которое по фонетическим правилам этого диалекта соответствует старому окончанию *-i* местного и дательного падежей:

(4а) *Je ba pa most tamo dol na rik.* (местн. = дат. ед. ч. ж., место)

‘Это мост упал там внизу на реке.’

(4б) *Mam ujahat, če ma poni dol na rik!* (местн. = дат. ед. ч. ж., направление)

‘Я должен сесть в седло, (лошадь) доставит меня вниз к реке’. (досл. на реку)

Кроме того, у одного класса существительных женского рода в диалекте Монтемитро также встречается и особое окончание *-o*, которое произошло не из винительного и не из дательного / местного падежа. И эта форма употребляется в обоих рассматриваемых случаях:

(5a) *Bihu na-miso oni poši do mrci*. (место)
'Они были **на мессе** в ту ночь мертвых'.

(5b) *Što po na-miso*. (направление)
'Мы пойдем **на мессу**'.

В докладе объясняется происхождение этих и других особенностей в области бывшего местного падежа, которые являются существенным элементом для различения молиско-славянских диалектов, но также важно и для общего представления о развитии склонения в славянских языках.

Литература

- Брой В.* Флексивный и деривационный глагольный вид в молиско-славянском языке // Вопросы языкознания 2006. № 3. С. 70–87.
Breu W. Der slavische Lokativ im Sprachkontakt. Ein Beitrag zur Binnendifferenzierung des Moliseslavischen // Peter Kosta & Daniel Weiss (eds.), Slavistische Linguistik 2006 / 2007. München, 2008. S. 59–102.

Об объективности категоризации предлогов

Е. Н. Виноградова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Предлог, производный предлог, грамматикализация, объективность.

Summary. The abstract is devoted to the problem of lacking the objective criteria for categorization of prepositions. The main attention is drawn to the considerably distinct lists of prepositions in the Russian Grammar-80 and dictionaries of V. Morkovkin et al and R. Rogozhnikova.

В последние годы особую актуальность приобретают вопросы объективизации лингвистического описания. Работа в проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» [Всеволодова и др. 2013] показала, что круг единиц, включаемых в поле предлога, значительно различается в работах русистов. Если список первообразных, или немотивированных, предлогов в своей большей части един у всех авторов, изучающих служебные единицы языка, то реестры производных, или мотивированных, предлогов как количественно, так и качественно расходятся в различных работах. Продемонстрируем вышесказанное на примере анализа списков отыменных предлогов в РГ-80 [Русская грамматика 1980], СССРЯ [Морковкин и др. 1997] и ТССЭС [Рогожникова 2003].

В РГ-80 выделяется 92 отыменных предлога (здесь мы отвлекаемся от вопросов, связанных с сомнительной интерпретацией ряда предлогов как наречных, в частности *вроде кого-чего-н.*, *вслед кому-чему-н.*, *наверху чего-н.*,

навстречу кому-чему-н., посередине чего-н., следом за кем-чем-н. и др.). В. В. Морковкин с соавторами по СССРЯ дает список из 103 отыменных предлогов, Р. П. Рогожников называет в ТССЭС 119 предлогов и их аналогов (47 и 72 соответственно). В объединение указанных трех реестров входит 160 единиц, при этом их пересечение составляет только 59 предлогов, то есть 37%. Целый ряд единиц выделяется только в одном источнике: *без помощи кого-чего-н., без сопровождения кого-чего-н., в границах чего-н., в ипостаси кого-н., в контраст кому-чему-н., вне границ чего-н., вне пределов чего-н., вне рамок чего-н., вне сферы чего-н., в пределах чего-н., в согласии с кем-н., в содружестве с кем-н., в сообществе с кем-н., в сторону от кого-чего-н., в унисон с кем-чем-н., в уровень с кем-н., по образцу кого-чего-н.* (РГ-80, 17 единиц, 11%); *в дополнение* (предлоги даются в той форме, в какой они представлены в источниках), *в меру, в форме, в число, за границы* (но не *за границами!*), *за пределами, за пределы, за рамками, за рамки, именем, имени, насчет, по пути* (СССРЯ, 12 единиц, 8%); *без ведома* с р. п., *в глубь* с р. п., *в заключение* с р. п., *в нарушение* с р. п., *вне зависимости от* с р. п., *в обмен на* с в. п., *в обход* с р. п., *во вкусе* с р. п., *во избежание* с р. п., (предлог, а не аналог!), *в окружении* с р. п., *в отношении к(о)* (предлог, а не аналог!) с д. п., *в отрыве от* (предлог, а не аналог!) с р. п., *в память* с р. п., *в плане* с р. п., *в предвидении* с р. п., *в предвкушении* с р. п., *в преддверии* с р. п., *в ущерб* с д. п., *на грани* с р. п., *на имя* с р. п., *на манер* с р. п., *на почве* (предлог, а не аналог!) с р. п., *с ведома* с р. п., *с учетом* с р. п. (ТССЭС, 24 единицы, 15%). Отметим, что, анализируя работу [Черкасова 1967], где из 64 отыменных предлогов «уникальными» (по отношению к трем рассматриваемым источникам) являются 14: *в видах, в подобие, в противность, в рассуждении, в согласность (с), в сообразность (с), в соразмерность, в сходственность (с), в сходстве (с), в сходство (с), в части, подобием, помощью, через помощь*, можно прийти к выводу, что производные предлоги претерпевают значительные изменения в достаточно короткие временные отрезки.

Такой «разброс» в представлении объема и характера предлога как части речи ставит вопрос о целесообразности выработки объективных критериев отнесения тех или иных сочетаний к предлогам. Операциональным критериям перехода слов других частей речи в предлоги посвящен целый ряд работ [Черкасова 1967]; [Тихомирова 1972]; [Всеволодова 2011]; [Виноградова 2016], однако необходимого и достаточного (а также иерархизированного) списка критериев, на основании которых можно было бы однозначно считать сочетание предложившимся, на данный момент, как представляется, не существует. Думается, что подобное положение дел связано, с одной стороны, с «индивидуальностью» каждой единицы, ведь межчастеречный переход осуществляется пословно, а с другой стороны, с различными грамматическими и семантическими особенностями, характерными для определенных групп предложных

единиц, что подчас затрудняет выработку общих критериев, применимых ко всем «переходным» случаям.

Отметим, что при широком понимании предлога, принятом во [Всеволодова и др. 2013], в разряд предложных попадают все единицы, в определенных условиях способные выполнять функцию предлога. Подобное описание реального функционирования единиц предложного типа позволяет увидеть и атрибутировать весь репертуар предложных средств русского языка. Для прикладных целей преподавания русского языка, в том числе для представления в учебных словарях и Лексических минимумах поуровневой системы владения русским языком как иностранным (ТРКИ), на наш взгляд, необходима система категоризации единиц, выступающих в функции предлога, которая позволила бы аргументированно включать их в Лексические минимумы и словари на правах отдельных статей.

Литература

- Виноградова Е. Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1.
- Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 3.
- Всеволодова М. В., Кузюшкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2013.
- Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачева Г. Ф. и др. Словарь структурных слов русского языка. М., 1997.
- Рогожникова Р. П. Толковый словарь словосочетаний, эквивалентных слову: Ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. М., 2003.
- Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Тихомирова Т. С. Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
- Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.

О некоторых грамматических проблемах современных славянских языков

М. В. Всеволодова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Грамматикализация, парадигматизация, синонимика,
двуединство полевой и категориальной устроенности языка, подлежащее, сказуемое.*

Summary. State of the art linguistics and Slavonic studies inter alia show the necessity and inevitability of some aspects and categories correction in every language and even perhaps linguistics universals as well. This is a question of correlation between a sentence model and its denotative structure. It also concerns inner paradigm of a sentence model containing one subject and one predicate and some other phenomena.

Исследования последних лет показывают правоту концепции А. В. Бондарко о двуединстве полевой и категориальной устроенности Языка. Выпол-

ненные в рамках функционально-коммуникативно лингводидактической модели языке исследования функционально-семантических и функционально-грамматических категорий позволили выявить, ряд положений:

- 1) В выявленных Фр. Данешем трех уровнях предложения семантический уровень следует разделить на денотативный, передающий собственно объективную ситуацию, и собственно семантический, отображающий деятельность нашего мышления и соотносимый с тремя другими уровнями. В отличие от всех известных пока неславянских языков (обычно, с грамматикализованным порядком членов предложения), у славян первым после денотативного уровня оказывается актуализационный, формирующий категорию предикации, или предикцирования (но не предикативности) (по С. Д. Кацнельсону и П. А. Леканту), то есть, не просто предложение, а предложение-высказывание. Последним уровнем оказывается формальный, в подавляющем большинстве случаев не связанный с денотативными ролями). Порядок и место членов предложения в славянских языках в предложении-высказывании безразличны, важны тема и рема. В языках с грамматическим порядком членов предложения актуализационный уровень оказывается последним и в ряде языков рема имеет формантный маркер (например, послелог *i*, *ki* в корейском).
- 2) Синтаксис славянских предложений оказывается богат парадигмами. Парадигматика предложения в подавляющем большинстве случаев очень богата и выявляет, в частности, что одна модель предложения с одинаковыми подлежащим и сказуемым может быть грамматически исходной формой для принципиально разных денотативных структур. Ср.: *Иван увлекается бегом; = любит бегать — Иван увлекается чтением стихов Пушкина / чтением Пушкина / стихами Пушкина / Пушкином*. Последний вариант оказывается невозможным для многих неславянских языков. Соответственно, следует выявить потенции наших моделей и принимаемых ими в себя денотативных структур — внутреннюю парадигму предложения.
- 3) Внутренняя парадигма предложения выявляет (но пока нет объяснения в грамматике) удивительные типы поведения отдельных участников денотативной ситуации в предложениях одного типа, ср.: *Он любит красивым видом / красотой вида; Директор удовлетворился молодыми преподавателями (опытных не было) / но не *молодостью преподавателей; Иван удовлетворился сообразительностью брата / но не *сообразительным братом*. Другие примеры этой группы и другие грамматические явления будут в докладе.

Опыт количественного описания эволюционной динамики глагольной парадигмы в русском литературном языке на этапе смены нормы

Т. И. Галеев, Ле Туан Линь

Казанский федеральный университет (Россия)

Вариативность, Ngram Viewer, языковая динамика, глагольная парадигма.

Summary. The article discusses the competition of grammatical synonyms — verbs derived with suffixes (-а- / -я-, and -ыва- / -ива-). Based on the data obtained using the Google Books, it was possible to describe the basic patterns of change of the frequency of competing forms.

Проблеме эволюции языка в настоящее время отводится повышенное внимание в теоретической, прикладной и когнитивной лингвистике. Самый острый вопрос филологии, который помимо лингвистов интересует широкие слои общества — это норма, которая постоянно меняется. Основные этапы смены нормы уже изучались и описывались ранее [Горбачевич 2009], [Граудина 2004]. Особое внимание в современных исследованиях стало уделяться своеобразной «точке бифуркации», при которой восходящая норма по распространенности сравнивается с уходящей. Такое положение может длиться годы и десятилетия. В речи появляется вариативность. Л. К. Граудина отмечает, что в русском литературном языке в XVIII в. начинается процесс «преодоления параллелизма глагольных форм», при котором, в частности, вытесняются грамматические синонимы с суффиксом -ыва- / -ива-, который, в свою очередь, ранее вытеснил первичный суффикс -а- / -я-.

Однако, внутри самой глагольной парадигмы данный процесс протекает неравномерно. Согласно исследованиям в области когнитивных наук [Nesset, Janda 2010], парадигма русского глагола может иметь радиальную структуру с центром и периферией. Прототипические формы (3 л. ед. и мн. ч. наст. вр.) сопротивляются языковым изменениям, в то время как периферийные (прочие финитивные, императив, причастия и деепричастия) подвергаются унификации в первую очередь. Эти выводы были получены учеными при анализе процесса унификации глаголов 1 непродуктивного класса по аналогии с основами 1 продуктивного класса (*мерит* → *меряет*).

Целью исследования является выявление закономерностей эволюции вариативных форм центра глагольной парадигмы. Конкретные решаемые **задачи**: выделение случаев смены нормы за 2 века; получение численных характеристик изменений наиболее «консервативных» членов парадигмы. На основе данных корпуса Google Books будет осуществлен анализ частотности словоупотребления консервативных форм т. н. «избыточных» глаголов.

Для изучения эволюции вариативных форм предлагается применить квантитативный **метод**. На основе данных корпуса Google Books, предоставляющего

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 16-06-00165 А «Когнитивная модель словоизменительной глагольной парадигмы в русском языке: квантитативный анализ динамики частотности словоформ»).

сервис Ngram, осуществляющего поиск по книгам, изданным в основном с 1800 по 2000 гг., будут построены графики изменения частотности глаголов, имеющих избыточную парадигму. Сбалансированный, но в разы меньший по объему НКРЯ исчерпывающих результатов по малоупотребительным глаголам не дает.

В «Стилистическом словаре вариантов» Л. К. Граудиной было найдено 38 пар приставочных глаголов несовершенного вида с чередованиями *-а- / -я- / -ива- / -ыва-* (*изготавливать / изготавливать*). Для получения более полных и объективных данных было решено по каждому случаю построить 12 пар форм: инфинитив, финитивные формы (1, 2, 3 л. наст. вр. ед. и мн. ч. и форма ед. ч. м. р. прош. вр.), активные причастия наст. и прош. вр. И. п. м. р. ед. ч. (с намерением выстроить полные родовые, числовые и падежные парадигмы в случае необходимости более глубокого изучения места и статуса причастных форм в структуре глагольной парадигмы), деепричастие НСВ, императив ед. ч.

При составлении поисковых запросов по 456 парам глагольных форм было получено и проанализировано 344 графика, в 112 случаях запрашиваемые формы в корпусе встречены не были.

В меньшинстве случаев (38,4%) встречается только одна из форм, другую найти не удалось. Почти всегда единственной функционирующей словоформой оказывался именно вариант с суффиксом *-а- / -я-*, в форме 1 и 2 лица ед. и мн. ч. или деепричастия.

Остальные графики по причине отсутствия их единообразия было решено разделить на 5 групп по типу взаимодействия анализируемых форм:

1. В 25,9% графиков в начале XIX в. преобладает форма с *-а- / -я-*, в конце XX в. — ее «конкурент» с *-ыва- / -ива-* (*осмысляю / осмысливаю*). Такого вида графики способны проиллюстрировать в том числе и смену нормы;

2. В 15% случаев в конце XX в. утверждается только один из вариантов, хотя в течение XIX в. обе формы употреблялись одинаково часто. Среди таких пар больше всего форм 3 л. ед. и мн. ч. наст. и прош. вр. (*осмысляю / осмысливаю*);

3. В 5,2% случаев одна из форм (обычно с суффиксом *-а- / -я-*) стабильно употребляется чаще, чем другая (*обособляет / обособливает*);

4. В 4,7% случаев на протяжении 200 лет обе формы употребляются одинаково часто (*простужается / простуживается*). В основном, это финитивные формы;

5. В 4% случаев обнаруживается начало процесса смены нормы, то есть в XIX в. одна из форм преобладала над другой, а в XX в. они стали использоваться одинаково часто (*оздоравливающий / оздоравливающий*);

6. В 3,7% произошла архаизация глагола, то есть одна из форм в XIX в. употреблялась часто, другая — редко, а в XX в. обе формы редки и говорить об изменении нормы говорить уже не приходится (*обрезаете / обрезаваете*).

В 3,1% случаев данные отображались только после 1917 г. В основном, это глаголы с корневой буквой «ять» (*-мер-, -рез-*). Такие данные нельзя со-

поставлять с остальными, несмотря на высокую динамику словоупотребления этих форм в XX в. Такие слова следует специально проверять по другим корпусам русского языка и в первую очередь — по НКРЯ.

В случаях 1, 2, 3 наиболее часто встречаются формы 3 лица ед. и мн. ч., а также формы прош. вр.

Закономерность, связанная с неравномерностью унификации глагольной парадигмы, выявленная когнитивистами, находит неожиданное применение к другой группе глаголов с избыточной парадигмой. При этом следует отметить активность «консервативных», т. е. устойчивых к вытеснению синонимами, форм 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. помимо случаев типа 2 и 3, когда доминирует одна из форм, но и в случае типа 1, когда форма с *-а-* / *-я-* вытесняет ранее утвердившуюся форму с *-ыва-* / *-ива-* (*накаливает* → *накаляет*). Таким образом, в «центре» парадигмы чаще происходит **повторная смена нормы**.

Статистические данные также обнаружили, что динамика изменения частотности словоупотребления форм **прошедшего времени** схожа с аналогичной динамикой у форм 3 л. ед. ч. настоящего времени, следовательно, и формы прошедшего времени могут входить в «консервативный» центр когнитивной модели глагольной парадигмы. Для более подробного изучения необходимо сопоставить все финитивные формы прошедшего и настоящего времени у этих и других глаголов, обладающих избыточной глагольной парадигмой.

Литература

- Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М.: АСТ: Астрель, 2004.
- Neset T., Janda L. Paradigm structure: Evidence from Russian suffix shift // *Cognitive Linguistics*. 21 (4). 2010. P. 699–725.

О некоторых актуальных изменениях в морфологии прилагательных в сербском языке

Саня Ж. Джурович

Университет в Крагуеваце (Сербия)

Морфология, прилагательное, категории прилагательных, сербский язык.

Summary. The paper discusses the current situation in the morphology of the adjectives in the Serbian language. Current changes in the morphology of adjectives are formed largely due to the morphological simplification of the system, on the one hand, and due to the influence of foreign languages, on the other. All of these changes result in reduction of the distinctive factors in the morphology, i. e. the reduction of information on certain morphological forms (aspect in adjectives, cases, etc.).

Предметом настоящей работы является морфологический анализ прилагательных как части речи и категорий прилагательных в сербском языке. На

основании грамматики и литературы, будет приведен обзор состояния этой категории и будут указаны инновации. В новейших грамматиках присутствует меньше новизны в описании классов прилагательных (в. [Пипер, Клајн 2013]) по отношению к традиционным грамматикам. Так как речь идет о грамматике, подробнее не подчеркиваются и не комментируются изменения и новизны в морфологии прилагательных, а они всего лишь констатируются. В грамматиках постарше прилагательные делятся на качественные, притяжательные, относительные, прилагательные временного отношения, местного отношения и прилагательные других отношений. В более современных грамматиках указывается более измененное разделение по значению на три группы: качественные, притяжательные и относительные прилагательные. Это разделение является логичнее, так как в рамках одной группы находятся родственные прилагательные. В грамматике [Пипер, Клајн 2013] относительные прилагательные дальше разделяются на настоящие относительные и притяжательные. В работе будет приведен более широкий комментарий по поводу самого разделения.

Целью работы является рассмотрение актуальных изменений в морфологии прилагательных и категории прилагательных, которые будут проиллюстрированы многочисленными примерами. Несмотря на то, что нет много работ, которые отражают современное состояние в рамках этой категории, существующие работы могут использоваться для более точного описания состояния отдельных категорий прилагательных сегодня.

Актуальные изменения в морфологии прилагательных происходят в связи с упрощением морфологической системы с одной стороны, и в связи с влиянием иностранных языков, с другой стороны. К актуальным изменениям относятся:

- исчезновение (или пропажа) существительного склонения прилагательных, которое подтверждается в разговорной речи образованных людей, языке средств массовой информации и литературных произведениях писателей, родившихся после Второй мировой войны. Употребление существительного склонения прилагательных сегодня является маркированным, в то время как прилагательное склонение нейтральное. Сохранилось только в выражениях и постоянных синтагмах типа: *мањи од макова зрна, из чиста мира, гром из ведра неба, тешка срца* (согласился с этим), *од зла оца а од горе мајке* и т. п.
- нейтрализация категории прилагательного вида. В связи с тем, что категория падежа, т. е. склонения была в непосредственной связи с категорией прилагательного вида, и что в зависимости от вида, прилагательные склонялись по существительному или прилагательному склонению, сведением склонения на прилагательное, и категория вида сегодня менее значительна для говорящих на сербском языке, чем это было раньше. Категория прилагательного вида сегодня сохраняется только в формах име-

нительного падежа единственного числа мужского рода, у которых вид выражается морфологическими средствами (окончанием *-и* или *-Ø*).

- повышение количества новых несклоняемых прилагательных, как например *кул, супер, фер, беж, браон, тегет, розе, реш* и т. п.
- появление перифрастического сравнения, которым все чаще заменяется грамматическое сравнение, и происходит в результате иностранного влияния. Перифрастическое сравнение вначале присутствовало только у несклоняемых иностранных прилагательных, а сегодня все чаще встречается и у прилагательных с обычным сравнением (нпр. *Више је лепа* него паметна ум. *лепша*).

Все эти изменения в сущности представляют уменьшение дистинктивных факторов в морфологии, т. е. уменьшение информации об отдельных морфологических формах (прилагательном виде, падеже и др.).

Литература

- Белић А. Историја српског језика: фонетика, речи са деκлинацијом, речи са конјугацијом // Изабрана дела Александра Белића. Т. 4. Завод за уџбенике и наставна средства. Београд, 1999.
- Ђуровић С. Придевски вид и деκлинација придева у „Пионирској трилогији” Бранка Ђопића // Лирски, хумористички и сатирички свијет Бранка Ђопића: Зборник радова са 2. симпозијума (6–7. 9. 2012.) у Грацу / Уредник Бранко Тошовић; Бањалука: Народна и универзитетска библиотека Републике Српске; Грац; Institut für slawistik der Karl-Franzens-Universität, 2013. С. 361–368.
- Ковачевић М. Перифрастичка компарација у српском књижевном језику // Граматичке и стилистичке теме. Бања Лука, 2003. С. 9–45.
- Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013.

Семантическая типология локатива: динамические процессы

А. А. Загнитко

Украинский языково-информационный фонд Национальной академии наук Украины

Семантическая структура предложения, локатив, валентность, директив, трассив.

Summary. The peculiarities of the locative in sentence semantic structure are considered with the defining its regularity, position, the ratio of its basic sentence structure, the directions of its getting into the specifiers class are diagnosed. The patterns of the formal and semantic locative variability, of the correlation with the subjective-objective sentence structure are clarified. Due to defying the levels of the semantic blur of verb locativity within the sentence the grammaticalization directions are identified.

1. Основные положения. Современные исследования славянского предложения охватывают анализ его формальной, семантической, коммуникативной и других структур, что обусловило необходимость установления соответствующих методологических процедур. Их применение позволило истолковать а) типологию синтаксических связей; б) минимальную единицу семантико-синтаксической структуры; в) элементарную единицу семантической структуры; г) значимые величины коммуникативной структуры; д) минимальную

единицу прагматики предложения. Грамматика зависимостей оперирует понятиями семантемы, синтаксемы, семантической и поверхностной синтаксических структур предложения. Актуальным является определение объемов семантики простого предложения, установление иерархии семантических ролей, выявление регулярности, обязательности каждой из них, степени вариативности, позиционной закреплённости. Теории семантических ролей статус локатива исследуют либо в традиционном измерении, либо без внимания к его внутренней вариативности, позиционной нагрузке и т. д.

2. Локатив в семантической структуре простого предложения. Локатив — семантическая роль со значением местонахождения: *Эмиссионный центр будет находиться в Москве* (Из газ.); укр. *Автовокзал знаходиться в південно-західній частині Полтави* (Из газ.). Семантическая роль локатива является сложной и формально, и семантически, и коммуникативно интенционально, и позиционно. Формальная вариативность локатива охватывает ядерные (*там, здесь; на горе, у реки, в избе*), полупериферийные (*под / над / за столом*) и периферийные (укр. *до в'язниці*). Полу- и периферийность определяется нерегулярностью, отсутствием синтаксической обусловленности. Ядерный статус локатива является валентно и позиционно обусловленным, его семантический статус тематически иерархизирован: *Она любила подходить к Трехпрудному переулку* (Л. Улицкая); укр. *Давид підходив до села* (А. Головка). Полупериферийный и периферийный локативы лишены этих дифференциальных признаков, их разграничение осуществляется по признакам регулярности, особенностям связей, коммуникативной интенциональности.

3. Семантические варианты локатива. В современных славянских языках локатив в структуре простого предложения внутренне дифференцирован на локатив (1) место, (2) исходный пункт движения, (3) конечный пункт движения (перемещение по горизонтали). К ним примыкает локатив (4) трасса [*Что за радость идти **дорогой** в никуда?* (Н. Бехтерева); укр. *Аж ось іде **дорогою** старець — жебрак* (Б. Антоненко-Давидович)]. Данные варианты локатива реализуют один из ортогональных векторов, охватывая группы предикатов удаления [*уходить, уезжать: Уходить **из дому** не хотелось* (А. Азольский); укр. *іти, від'їжджати, віддалятися: Як ішла з **лісу**, то дивилася у ліс* (Нар. тв.)]; приближения [*приходить, приезжать: Когда бываем в Санкт-Петербурге, любим приходить **в дом** к писателю Святославу Сахарнову* (Из журн.); укр. *приходити, приїжджати: Приходила [Марина] якось святками **в село** (Панас Мирний)]*, движения наружу [*выходить, выезжать: Выходить **на палубу** заставляет туристское лицемерие* (Из журн.); укр. *виходити, виїжджати: Війта я бачив, коли виходили з **села*** (Р. Андрияшик)]; движения внутрь [*входить, въезжать: Штрум думал, что Людмила не будет первое время **входить в комнату** Толи* (В. Гроссман); укр. *входити, в'їжджати: Люди зрідка входять у **морок церкви*** (И. Багряный)]. Варианты локатива вертикального

ортогонального вектора дополняют предикаты движения вверх [*взбираться, подниматься*: *Подниматься на крышу не только бесполезно, но, скорее, даже вредно* (В. Полевин); укр. *підійматися, підніматися*: *Я міг би підійнятися угору По мармурових сходах сіруватих* (П. Воронько)]; предикаты движения вниз [*спускаться, сплавляться*: *И он стал медленно спускаться с горы* (С. Козлов); укр. *спускатися, сплаватися*: *Вже під'їжджаючи до стежки, що петлею спускалася в западину, він почув химерні звуки* (Д. Белый)]. Сложной является реализация локативом ортогональных векторов ширины и темпоральности. Локатив прямо коррелирует с валентностью различных предикатов локативности: состояния (*быть, находится, оказаться, пребывать*; укр. *бути, знаходитися, опинятися, перебувати*), процесса (*висеть, лежать, сидеть, стоять*; укр. *висіти, лежати, сидіти, стояти*) и действия (*отдаляться, отъезжать, удаляться*; укр. *віддалятися, від'їжджати, піти*).

Следует разграничивать эксплицитный / имплицитный локативы, семантическая обусловленность которых может совпадать и различаться [*Был у нас в селе один летчик — он отличался в войну, в школе его постоянно в пример приводили* (Э. Савкина); укр. *На озері створювалась тиша* (А. Довженко)]. Первый тип обнаруживаем вследствие его формального выражения либо валентной обусловленности, выявление другого является сложным в силу его соотнесенности с различными типами ситуаций, реализация которых без него не осуществляется: *Между тем наступала зима* (О. Тихомиров); укр. *А тоді зима така люта була, що на возі не поїдеш* (Ю. Винничук).

Локативная семантика может усложнять и / или усложняться, образуя различные синкретичные производные — локативный протагонист: *В школе опять ничего не задали?* (Е. Павлова); укр. *Тим часом виплатять у школі борги за три місяці* (Б. Антоненко-Давидович); локативный адресат: *В селе вовремя получили посылку* (Из газ.); укр. *На хуторі зраділи вісті з фронту* (Из журн.) и т. д. Валентно обусловленному локативу противопоставлен локатив-спецификатор, выражающий отдельную пропозицию [*На берегу, они отыскивали шестиметровую лодку, выдолбленную из дуба* (Из журн.); укр. *Далі вже розповіли його друзі-італійці, теж поранені разом з ним на річці* (О. Иваненко)].

4. Вместо выводов. Исследование локатива в славянском предложении должно учитывать особенности выражения субъекта и объекта, инструмента, поскольку только определенное лексическое наполнение синтаксической позиции предполагает семантический вариант локатива, не говоря уже о наличии инструмента. Подобное исследование раскрывает механизм утраты первичной семантики локативными предикатами, образование грамматизированных производных. Важным представляется исследование в контрастивном аспекте, позволяя определить общее и национальное в структурно однородных языках для моделирования алгоритма перевода конструкций с локативным наполнением.

В современном сербском языке существует четыре склонения. Здесь приведено склонение имен существительных по сербскому лингвисту М. Стевановичу. По первому склонению изменяются существительные м. р. на согласный и существительные с. р. на *о* и *е*. В нем мы видим остатки всех основ мужского

рода и среднего рода -ѣ и -ѣѣ основ. Все падежи имеют окончания -ѣ основ, кроме пред. пад. По второму склонению склоняются существительные среднего рода с расширенной основой. Старые существительные -n и -nt основ принадлежат этому склонению. Кроме этого, сохранились несколько существительных, остатков -s основ. Все они имеют в ед. ч. окончания -ѣ основ. По третьему склонению изменяются существительные ж. р. на -а, а по четвертому существительные ж. р. на согласный. В третьем склонении видны остатки -ā, -īā, -ū и -г основ. Некоторые окончания эти существительные взяли от -ā основ, а некоторые от -īā. Что касается четвертого склонения, то здесь мы видим имена существительные старых -ī основ ж. р. Они сохранили свои падежные окончания.

Литература

- Белић А. Историја српског језика. Београд: Завод за уџбенике, 2006.
 Бошковић Р. Основи упоредне граматике словенских језика. Београд: Требник, 2000.
 Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М., Высшая школа, 1981.
 Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., Просвещение, 1990.
 Русская грамматика: В 2 т. / Академия наук СССР. Институт русского языка. М., Наука, 1980.
 Станојчић Ж, Поповић Љ. Грамматика српског језика. Београд: Завод за уџбенике, 2008.

Сложное будущее II и глагольная форма с префиксом *uz-* в хорватском языке

К. Митани

Токийский университет (Япония)

Сложное будущее, будущее и предбудущее, ингрессивное значение.

Summary. The paper treats the "second future" (F2) as well as the special verb form prefixed with *uz-* in Croatian. Specificity of F2, compared to the old Slavic future perfect, and the availability of special present forms with the prefix *uz-* as a functional alternative to F2 are discussed. Based on diachronic evidences, the author ascertains that the form with *uz-* is a remnant of an old dialectal feature of the Štokavian, and its emergence can be placed on the conjuncture of the immature use of FII and the ingressive meaning of *uz-*. The usage of the prefix *vz-* to denote the future meaning in old Czech is also considered.

Настоящая работа посвящается синтаксическим и семантическим свойствам сложного будущего II в славянских языках, в том числе в хорватском. В связи с этой формой в работе также рассматривается своеобразное употребление префикса *uz-*, формирующего функциональную альтернативу для будущего II в хорватском языке.

Сложное будущее II в старых славянских языках образовалось от действительного причастия прошедшего времени (причастия на -л) с будущей формой вспомогательного глагола *byti: *bǫdǫ pisalъ. В старославянском языке данная форма обозначала действие, предшествующее другому действию в будущем.

Наблюдаемая форма встречалась также в древневосточнославянском и старочешском языках, но в процессе изменения этих языков она в них исчезла; в польском и словенском форма превратилась в средство обозначения абсолютного будущего. В отличие от этих славянских языков, хорватский сохранил данную форму в качестве будущего второго (*futur drugi* или *futur egzakt*, далее F2), использование которого синтаксически ограничено в придаточных предложениях условия и времени.

Несмотря на формальное сходство и историческую связанность, F2 в хорватском функционально отличается от будущего II старославянского: старославянское будущее II формировалось от совершенных глаголов и высказывало завершенность действия перед другим действием, хорватский же F2 большей частью образуется от несовершенных глаголов и обозначает действие, одновременно происходящее с другим действием в будущем.

В связи с F2 в хорватском языке известно наличие своеобразной приставочной глагольной формы настоящего времени несовершенных глаголов с *uz-* (*ustreba, uzmogne*), используемой в качестве функциональной альтернативы F2. Форма с префиксом *uz-* (далее, *uz-Vpr*) весьма редка в современном хорватском, но она была неоднократно отмечена в грамматиках прошлых веков. Тексты разных жанров, написанные в XIV–XVII вв., также свидетельствуют, что данная форма нередко употреблялась старыми хорватскими писателями. Все эти материалы указывают, что использование префикса *uz-* в качестве морфологического средства для обозначения будущего отношения является признаком старого штокавского наречия, на котором формировался стандартный хорватский, а наблюдаемая форма с *uz-* в современном языке представляет собой остаток такого специального употребления префикса *uz-*.

Происхождение формы *uz-Vpr* можно связывать с недостаточным развитием F2, а также с функцией префикса *uz-*.

Различное отношение филологов к F2, обнаруживаемое в старых хорватских грамматиках, говорит о том, что в истории хорватского языка грамматическое значение и синтаксические условия использования данной формы воспринимались носителями языка неоднозначно. В этих обстоятельствах, вероятно, ощущалась потребность в четком средстве выражения будущего действия, относящегося к другому действию в будущем. Именно в связи с этим можно объяснить возникновение формы *uz-Vpr*. Префикс *uz-* (<*vъz-) может выражать способ действия ингрессивности, которым маркируется переход от неосуществленности какого-либо действия к его осуществлению. Прагматической импликацией при этом является продолжение того же действие в момент отсчета (*uskipi* = ‘переход от состояния не-кипения к кипению и дальнейшему продолжению состояния кипения’). Нетрудно заключить, что глагольная форма настоящего времени с префиксом *uz-* в придаточном предложении стала способна функционировать как средство выражения действия, происходящего после момента высказывания и продолжающегося в момент отсчета в будущем.

В пользу этого толкования можно отметить параллельное употребление префикса *vz-* в старочешском языке. В старочешских текстах, в том числе в самых старых переводах Псалтыря, обнаруживается использование префикса *vz-* для обозначения будущего времени (*vzbydlí* «будет жить», *vzhněvá* «рассердится»). Употребление ингрессивного способа действия как средства выражение будущего основано на том же когнитивном процессе, при котором глаголы с основой *-šьn- (*начать*, *početi*, *začeti*), имеющей инхоативное значение, семантически весьма близкое со значением ингрессивности, используются в качестве вспомогательных глаголов временных форм сложного будущего в старых славянских языках.

Форма с *vz-* в чешском исчезала на ранней стадии его письменности, а употребление формы *uz-Vpr* в хорватском также подверглось вытеснению и ограничивается отдельными лексическими единицами. Причину таких изменений можно видеть в языковой системе славянских языков, в которых префиксация глагольной основы представляет собой, прежде всего, словообразовательный процесс, а не словоизменительное средство глагола. Так как формы с *vz-* в чешском и *uz-Vpr* в хорватском являются в этом смысле аномальными, они были полностью вытеснены или же подверглись маргинализации.

Литература

- Пешикан М. Староцрногорски средњокатунски и љешански говори. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1965.
- Barić E., Lončarić M., Malić D., Pavešić S., Peti M., Zečević V., Znika M. Hrvatska Gramatika. II. promijenjeno izdanje. Zagreb: Školska knjiga, 1997.
- Galton H. The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite, 1976.
- Katičić R. Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: HAZU, Globus, 2002.
- Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.
- Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 3. Wien, 1856; Bd. 4. Wien, 1868–1874.

О системных предложных единицах, которые не в ладах с нормами русского языка

Т. Е. Чаплыгина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Мотивированные предлоги, предложные единицы, грамматикализация, система языка, морфосинтаксическая парадигма.

Summary. The results of functional grammatical description of the prepositional units with different degrees of codification, motivated by the noun “lad” (harmony) are considered.

Объективная научная картина невозможна без изучения языка во всех его проявлениях. К «объективно-познавательному» отношению к языку призывал А. М. Пешковский, отмечавший, что для лингвиста не существует «ни “пра-

вильного” и “неправильного” в языке, ни “красивого” и “некрасивого”, ни “удачного” и “неудачного”» [Пешковский 2010: 4].

О том, что носитель языка, даже нарушая норму, не выходит за рамки системы языка, писал В. А. Карпов, по мнению которого «в системе заложены возможности и для нормы и для ее нарушения. Норма предполагает конвенционализм на базе высокой употребительности, нарушение лежит в рамках сознательного или бессознательного отступления от конвенций» [Карпов 2009: 49].

Нацеленность на сбор максимально полного корпуса единиц, выполняющих функции предлога, потребовала учета всех реальных случаев употребления таких единиц и позволила выявить системные предлоги с разной степенью кодифицированности.

В ходе анализа предлогов, мотивированных существительным «лад», были зафиксированы следующие единицы, представляющие собой составные предлоги, образованные от существительного «лад» в форме вин. п. ед. ч. (*в лад*), а также в форме предл. п. ед. ч. (*в ладу*) или мн. числа (*в ладах*), в сочетании с препозитивным немотивированным предлогом «в»:

- **в лад, в ладу с, в ладах с**, которые отмечены и в литературных источниках: *С его неясными словами моя душа звучала в лад.* (А. С. Пушкин); *Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу.* (А. Твардовский) и в языке естественного общения: *Слово с делом явно не в ладах* (Устн. публ.); *Клара научилась жить в лад жизни малыша: спала, когда спал он, и вместе с ним просыпалась...*; *А столешницу в лад к фартуку хочу*; *Покупающие Ладу явно не в ладу с головой*; *Как оставаться в ладах с подъездными бабушками?* (Интернет);
- **владу с, владах с** со слитным написанием препозитивного предлога «в», а также варианты с добавлением вокализованного препозитивного предлога «во»: **во владу с, во владах с**, отмеченные только в языке неформального, естественного общения (как в устной, так и в письменной форме): *Не нужен интеллект такой, что не владу с моей душой!! Я не владах с терминологией на английском*; *А мне страшно оттого, что человек совсем не владах с русским*; *Если владах с компьютером, возьмите работу на дому по наборке текстов*; *Кто живет во владу с биосферой, тот нормальный, а кто пилит сук на котором сидит, явно с отклонением*; *Парень явно не во владах со своими эмоциями*; *Живи во владах с совестью!!!* (Интернет).

В академических словарях данные единицы либо не фиксируются, либо не маркированы, либо относятся к устойчивым сочетаниям или фразеологизмам. Так, только «в лад с кем, чем» маркирован «в знач. предл.» в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой.

Как оказалось, данные предлоги мотивированы разными лексико-семантическими вариантами существительного «лад», что отражается в их семанти-

ке, и позволяет «развести» по разным группам предлог «в лад» и предлоги «в ладу / в ладах».

Предлог **в лад** имеет синонимико-вариативный ряд реализаций: **в лад + чего / чему / к чему / с чем**: *Игнат весело покрикивал на лошадь в лад песни.* (Л. Толстой); *В лад резному деревянному декору на крыльце и окнах, создавалось не менее выразительное убранство крыши из кружевной жести* (Инт.); — *Но жениться — это не одному с целой половецкой ордой воевать, — подстраиваясь в лад к отцу, зарумянился княжич* (Н. Пахомов); *И, как бы в лад с его настроением, весь октябрь стояла чудесная погода* (И. Бунин); передает значение: ‘подстраиваясь под что-то / кого-то, согласовывая свои действия с чем / кем-либо; соответствуя ритму, темпу чего-либо’.

Предлоги **в ладу, в ладах** отмечены только с управляемым существительным в тв. п. с предлогом «с» и передают значения: а) ‘быть в согласии, в мире с кем / чем-либо’: *Все мы задумываемся, как жить в ладу с богом и с собой* (Инт.); *У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей.* (Солженицын); б) ‘разбираться в чём-либо, хорошо знать, понимать’: в сочетаниях с отрицательной частицей «не»: ‘иметь трудности в изучении чего-либо, не очень понимать, разбираться’: *Кто в ладах или не в ладах с русским языком сразу видно по тому, как излагает мысль и как пишет; Не в ладах с дробями.*

Эти же значения передают и некодифицированные варианты **владу / владах с кем-чем, во владу / во владах с кем-чем**: *Ощущение, что весь диалог ведет один или несколько человек, которые не владу с русской грамматикой; Не все владах с компьютерами; Будьте во владу с собой и окружающей средой...; Что сделать, чтобы остаться во владах с законом?* (Интернет).

Частотны сочетания рассматриваемых предлогов с отрицательной частицей «не»: *Когда наука не в ладах с логикой; Богословская мысль билась не в лад с сердцем Церкви и в конце концов забыла дорогу к этому сердцу; ...этот человек явно не во владах с головой.*

Для рассматриваемых предложных единиц характерен сдвиг в семантике и выпадение из словоизменительной морфологической парадигмы. Ср.: собственно существительное: *лад в семье — без лада в семье — о ладе в семье*, но: *А смуглянка-молдаванка отвечала парню в лад...* — *лад парню, *без лада парню, *о ладе парню; *У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей.* (Солженицын) — *лад / лады с совестью, *без лада / ладов с совестью, *о ладе / ладах с совестью.

Литература

Карпов В. А. Язык как система. М., 2009.

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. М., 2010. С. 3–15.

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков

Синтаксис

Слово *один* в русских количественных конструкциях

И. В. Галактионова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Количественные конструкции, конструкции со значением времени, слово **один**.*

Summary. The paper deals with some peculiarities of using the word *odin* 'one' in a number of Russian numeral constructions naming clocktime.

1. Числительные в русском языке, как известно, весьма своеобразная часть речи, что выражается в том числе в специфике синтаксических конструкций, в состав которых слова этой части речи входят (см. об этом, например, в [Мельчук 1985]). Известно также, что слово *один* по морфологическим и синтаксическим свойствам числительным не является, однако в своем количественном значении оно используется в тех же конструкциях, что и числительные. В работе рассматриваются особенности функционирования слова *один* в одном из семантических типов русских количественных конструкций — конструкциях со значением времени, измеренного в часах и минутах: *Было **два часа десять минут**, когда он вернулся*. Эти конструкции могут использоваться для обозначения времени (собственно времени — как в приведенном примере — или момента, когда имеет место, начинается или заканчивается какая-то ситуация: *Все произошло <началось, закончилось> в **два часа десять минут***) или длительности ситуации (*Заседание продолжалось **два часа десять минут***). Наибольшим разнообразием в русском языке обладают конструкции, используемые в контекстах первого типа. Кроме того, подобные конструкции идиоматичны по отношению к другим языкам и по этой причине — а также по соображениям прагматической важности — обязательно включаются в пособия для изучающих русский язык (см., например, подробное описание в [Всеволодова, Потапова 1973: 22–31], а также написанный Ф. И. Панковым раздел в [Книга о грамматике 2009: 210–213]).

2. Выделяется четыре основных конструкции со значением времени (собственно времени и момента действия), каждая из которых ниже представлена в своем полном базовом варианте с помощью условной записи, где количество часов обозначено через *X*, а количество минут — через *Y*:

- (1) *X часов Y минут (два часа **десять минут**, **пятнадцать часов сорок пять минут**);*
- (2) *Y минут X-го (десять минут **третьего**, **двадцать пять минут восьмого**);*

(3) без *У* минут *Х* (без пятнадцати минут пять, без трех минут девять);

(4) *Х*-ый час (третий час, двенадцатый час).

Кроме базовых, у большинства приведенных конструкций бывают сокращенные варианты (например, *два часа десять минут — два десять*) и модификации (*без пятнадцати минут пять — без четверти пять*).

3. Для указания на количество часов и минут (то есть для заполнения позиций *Х* и *У*) используются слова с количественным значением: собственно числительные — в позиции *Х* в (1) и (3) и в позиции *У* во всех конструкциях, имеющих эту позицию, порядковые прилагательные — в позиции *Х* в (4), субстантивированные порядковые прилагательные — в позиции *Х* в (2). Разумеется, в позициях *Х* и *У* допускаются не любые слова с соответствующими грамматическими характеристиками: лексическое наполнение конструкций определяется прежде всего количеством часов в сутках и минут в часе.

4. Хотя слово *один* морфологически не отличается от прилагательных, благодаря своему «количественному» лексическому значению оно используется в позициях, предназначенных для числительных, а не для порядковых прилагательных, и при этом обнаруживает некоторую специфику. *Один* ведет себя по-разному не только в разных конструкциях, но и в разных позициях в пределах одной и той же конструкции.

4.1. Слово *один* в конструкции (1) может занимать позицию *Х* и *У*: *Первый толчок произошел в один час одну минуту <в один час пятнадцать минут, в три часа одну минуту>*.

Группа *один час* обычно выступает в сокращенном виде: вместо *один час* говорят *час* (*в час пятнадцать минут*); причем при ином лексическом заполнении позиции *Х* аналогичная группа сокращается до числительного, даже если оно является в этой группе зависимым, подобно слову *один* (*два часа десять минут — два десять; успеть все сделать до двух часов десяти минут — до двух десяти*). Таким образом, в группе *один час* слово *один* необязательно. Напротив, слово *час* обязательно (ср. неправильное **в один пятнадцать* при нормальном *в два <три, четыре...> пятнадцать*).

В группе *одна минута* слово *один* обязательно (ср. неправильное **Поезд отправляется в (один) час минуту <в два часа минуту>*). Слово *минута* также обязательно (ср. крайнюю сомнительность *??прибывать в пять одну*; чтобы сделать это сочетание правильным, нужно добавить слово *ноль*: *прибывать в пять ноль одну*). Таким образом, группа *одна минута* не может выступать в сокращенном виде (в отличие от групп со многими другими числительными: ср. *прибывать в пять пятнадцать*).

4.2. В конструкции (2) слово *один* может занимать только позицию *Х*: *Часы показывали одну минуту первого*.

В группе *одна минута* слово *один* скорее обязательно (ср. сомнительное *?Часы показывали минуту первого*). Слово *минута*, безусловно, обязательно

(ср. неправильное **Часы показывали одну первого*; при этом вставка слова *ноль* ситуации не исправляет: **Часы показывали ноль одну первого*, впрочем, она весьма сомнительна и при наличии слова *минута*: *??Часы показывали ноль одну минуту первого*). Таким образом, и в конструкции (2) группа *одна минута* в норме не выступает в сокращенном виде.

4.3. В конструкции (3) слово *один* может занимать только позицию *Y*: *Звонок прозвенел без одной минуты шесть* (при этом собственно числительные способны занимать и позицию *X*).

Хотя в качестве точки отсчета (*X*-а) в этой конструкции может быть выбрано время, равное *одному часу*, употребить именно это сочетание в ней невозможно: нужно использовать слово *час*, ср. *Звонок прозвенел без пяти минут час*, но не **без пяти минут один час* (при этом если речь идет о *двух <трех, четырех...> часах*, то, напротив, невозможно использование слова *час*: *без пяти минут два*, но не **без пяти минут два часа*). Таким образом, для передачи смысла 'один час' используется слово *час*, а для обозначения любого другого времени — соответствующее числительное.

В группе *одна минута* слово *один* обязательно (ср. неправильное **Звонок прозвенел без минуты шесть*). Слово *минута* также обязательно (ср. неправильное **Звонок прозвенел без одной шесть*; при этом вставка слова *ноль* дает неприемлемый результат и при отсутствии слова *минута* и при его наличии: **Звонок прозвенел без ноль одной шесть*, **Звонок прозвенел без ноль одной минуты шесть*). Таким образом, в конструкции (3) группа *одна минута* не может выступать в сокращенном виде.

5. Таким образом, слово *один* в составе рассматриваемых конструкций ведет себя иначе, чем используемые в тех же конструкциях числительные, что можно считать следствием его отличной от числительных морфологической природы. Но это слово ведет себя по-разному даже в пределах одной и той же конструкции и в пределах группы семантически близких конструкций. Так было показано, при слове *минута* слово *один* обязательно, а при слове *час* либо необязательно, либо даже невозможно.

По крайней мере конструкция (1) может иметь и другое лексическое наполнение (в этом случае она, разумеется, обозначает уже не время, а, например, вес (*два килограмма сто грамм*), размер (*три метра восемь сантиметров*), цену (*три рубля пятьдесят копеек*). Некоторые из описанных на материале конструкции (1) особенностей не зависят от лексического наполнения, а значит, связаны с устройством самой конструкции, а не со словами *час* или *минута*.

Литература

- Всеволодова М. В., Потапова Г. Б. Способы выражения временных отношений. М., 1973.
 Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А. В. Величко. 3-е изд. М., 2009.
 Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 16. Wien, 1985.

Аналитические конструкции с семантикой соответствия в русском языке

Н. А. Герасименко

Московский государственный областной университет (Россия)

*Аналитическая конструкция, связочно-субстантивное сказуемое,
бисубстантивное предложение, семантика соответствия.*

Summary. The author describes analytical constructions within copula-substantive predicate of bi-substantive sentences. Using the example «под стать» (to be well matched), the author demonstrates how the meaning of similarity or correlation can be shown in different types of context. Increased usage of case and prepositional-case forms of nouns in the predicative function is determined by increasing rational and estimating character of modern speech. Both processes can be perfectly expressed with the help of sentences with copula-substantive predicate.

1. Аналитизм в связочно-субстантивном сказуемом

Тенденция к развитию аналитизма в современном русском языке активно проявляется в связочно-субстантивном сказуемом, которое предназначено к преимущественному функционированию в информативном речевом регистре [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998], так как отражает мыслительную деятельность человека. Связочно-субстантивное сказуемое [Герасименко 2012: 45] — особый вид составного именного сказуемого, в котором в функции именной части используются падежные и предложно-падежные формы имени существительного, а также синтаксических эквивалентов существительного: местоимений-существительных, субстантивированных прилагательных и причастий: *После этой поездки я чувствую себя старой старухой* (Ю. Буйда); *То, что он рассказал, оказалось подступами к правде* (Е. Чиждова); Увеличение частоты употребления падежных и предложно-падежных форм существительного в предикативной функции связано, с одной стороны, с усилением рассудочного характера современной публицистической и художественной речи, проникновением элементов научной речи в разговорную речь, с другой — с усилением оценочной составляющей современной речи. И то и другое явления адекватно выражаются в предложениях со связочно-субстантивным сказуемым (бисубстантивных предложениях), способных передавать мыслительные и оценочные операции, производимые говорящим: *Спорт, бизнес и секс — вот программа среднего американца* (В. Токарева) — обобщение; *Между тем победа на выборах вовсе не была свершившимся фактом* (О. Славникова) — отождествление; *Илья был как в лихорадке: ехать, скорее ехать* (Л. Улицкая) — характеристика состояния лица; *В одном родители сходились безусловно: актриса и режиссер — ягоды одного поля* (Е. Чиждова) — оценка.

Аналитическая конструкция в связочно-субстантивном сказуемом формируется в результате взаимодействия основного именного и связочного компонентов, которые совместно выражают вещественное и грамматическое значение зависимого главного члена предложения — сказуемого. При этом грамматические значения модальности, времени и лица выражаются формами связки, а содержание приписываемого предикативного признака названо субстан-

тивным компонентом сказуемого. Важно, что определенные разряды связок могут участвовать в выражении содержательной составляющей сказуемого и вносить в его смысл обобщенные значения: *По сравнению с Москвой Ленинград представлял очень заграничным, очень прогрессивным городом* (Д. Рубина); *Чем дальше, тем неотступнее Маша думала о том, что в этом лесу, в котором ей довелось родиться, она принадлежит к разным, враждебным друг другу племенам* (Е. Чижова).

2. Предложно-падежные формы со значением соответствия

Семантика соответствия в русском языке имеет разные способы обозначения. Прямым выражением этого значения является наименование глаголами: *соответствовать, подходить* и *под*. Однако в русском языке имеются предложно-падежные формы, которые выражают это значение опосредованно, через наименование предикативного признака предмета путем относительной характеристики: *под стать, в пару, в дополнение, в пандан* (устар., но активизирующееся). В современной речи эти формы со значением соответствия стали синтаксически связанными и употребляются в составе связочно-субстантивного сказуемого бисубстантивного предложения: *Бросаешь так: «Под стать Дикому и Кабаниха» — широкий взмах руки и челки* (Е. Чижова). *Эта твоя кофточка как раз в пару к моей юбке* (В. Токарева); *И в дополнение к нему [костюму] — галстук* (Ю. Поляков).

Остановимся на семантике фразеологизма *под стать*. В предикативном употреблении в бисубстантивном предложении фразеологизм *под стать* выражает как значение сходства, так и значение соответствия: *Пустынный прицепной вагон сильно раскачивало, подкидывало на стрелках и стыках рельсов, и мои размышления вскоре стали под стать грезам* (Ю. Нагибин) — (похожи на грезы). *Она двигалась бесшумно и плавно, и все в ней — незаметная быстрота движений, рост, голос, серые глаза и белокурый цвет волос были под стать друг другу* (Б. Пастернак) — (соответствуют друг другу).

В некоторых случаях два описываемых вида значений представляют собой нерасчленимый семантический конгломерат, что свидетельствует о тесной связи этих значений между собой и их исторической общности: *Мрачноватое пыльное помещение под стать вестибюлю, но значительно более обширное* (Бр. Стругацкие) — помещение и соответствует описанному ранее вестибюлю, и похоже на него.

Аналитический способ выражения семантики соответствия в русском языке не является экзотически редким и заслуживает специального изучения.

Литература

- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общей ред. Г. А. Золотовой. М., 1998.
- Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М., 2012 [<http://vestnik-mgou.ru/Books/Index/#book15>].

К проблеме неоднозначности субстантивных синтаксем (на материале синтаксемы *перед* + Твор. п.)

Е. Г. Жидкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

*Творительный падеж, пространственное значение, значение времени,
одушевленные существительные*

Summary. The theses present different meanings of Russian syntagme «*перед* + Instrumental case». It focuses on the temporal, locative and subjective meanings.

1. В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой [Золотова 2006] представлен репертуар синтаксем русского языка — минимальных синтаксических единиц, которые являются строительным материалом словосочетаний, предложений и текстов. В словарной статье *перед* + Твор. п. выделяются пространственные, временные, субъектные, объектные и сравнительное значения. Эти значения находятся в сложном взаимодействии. Основным фактором, влияющим на это взаимодействие, является категория одушевленности / неодушевленности. По запросу в НКРЯ *перед* с одушевленными существительными дает 46 222 вхождения, с неодушевленными — 72 172, с местоимениями 1-го и 2-го лица — 11043.

2. Если локативные синтаксемы *перед* + Твор. п. образуются как от неодушевленных, так и от одушевленных существительных, то темпоральные синтаксемы более избирательны. В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой для предлога *перед* отмечается его сочетаемость с одушевленным существительным или местоимением: «Личное имя или местоимение в темпоративной синтаксеме *перед* кем-л. вносит в нее значение субъекта — предшественника в аналогичном действии, занятии» [Золотова 2006: 270]: *А теперь вот сидите сами За конторкою у стола, А сидевшая перед вами Добровольно на фронт ушла.* Г. А. Золотова отмечает, что для одушевленных существительных и личных местоимений возможны случаи совмещения значений, например, локатива и субъекта восприятия: *Вздвигнув, она глядит... и что же? Пред нею мать* (Пушкин) [Золотова 2006: 268].

В словаре Пушкина для предлога *перед* выделяется значение ‘за некоторое время до чего-н.’, и в ряду примеров встречаем: *Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачевым* [Словарь 2000].

3. В современном русском языке сочетание предлога *перед* с одушевленными существительными в творительном падеже может давать не только субъектно-пространственное значение (*Перед Ксенией пела одна из habituée аристократических салонов* — Вас. И. Немирович-Данченко), но и субъектно-временное (*Перед Приговым читал стихи воин-афганец* — Н. Климонтович). При отсутствии контекста или конситуации подобные предложно-падежные

формы могут давать неоднозначное прочтение. Например, предложение *Перед Пугачевой пел / оказался Киркоров* можно понять, как 1) Пугачева смотрела выступление Киркорова или как 2) Пугачева выступала после Киркорова.

4. Соединение семантики пространства и времени свойственно и для таких предложно-падежных форм, в которых существительные с пространственной семантикой получают дополнительное событийное значение: *перед школой; перед музеем надо заехать домой; И проследи, чтобы она поела перед музыкалкой* (Интернет). Эти предложения отличаются от предложений с субъектно-временными синтаксемами таксисно: пространственно-событийные образуют односубъектные конструкции, субъектно-временные синтаксемы — полисубъектные конструкции.

Литература

- Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2006.
Словарь языка Пушкина. М., 2000.

Синтаксические конструкции со значением сравнения и образа действия в языке печатных средств массовой информации (на примерах современного сербского языка)

Милка Николич

Университет в Крагуевац (Сербия)

Синтаксические конструкции сравнения и образа действия, газетный текст, стилистическая маркировка, сербский язык.

Summary. The paper discusses the structural and semantic types of comparative-manner syntactic constructions and the ways of their stylistic marking on the corpus of daily, weekly and monthly Serbian newspapers. The analysis showed the following types of comparative-manner constructions: with the comparative word *kao*, with a proposition *poput*, dependent clauses. Journalists mark the comparative structures stylistically with picturesque comparative unit, changing the usual arrangement of constituents, intonation emphasis, marked by stylistically verbal lexemes.

Предметом настоящего рассмотрения являются синтаксические конструкции с семантикой сравнения и образа действия в современном сербском языке на материалах ежедневных, еженедельных и ежемесячных газет, занимающихся актуальными общественными, политическими и экономическими темами. Целью этой работы является изучение (1) распространенности отдельных структурно-семантических типов и (2) стилистического аспекта конструкций со значением сравнения и образа действия в языке газетных текстов на современном сербском языке. Анализ показывает, что конструкции со значением сравнения и образа действия больше всего присутствуют в ежедневных, а меньше всего в ежемесячных газетах. Больше присутствуют в аналитических и литературно-публицистических жанрах, а меньше в информативных жанрах.

Синтаксическая подсистема конструкций со значением сравнения и образа действия в сербском языке охватывает несказуемые и сказуемые синтаксические единицы. В языке печатных средств массовой информации присут-

ствуют все структурно-семантические типы конструкций со значением сравнения и образа действия, характерные для современного сербского языка: (1) конструкции со сравнительным словом *као*, которые самые частотные (присутствуют чаще всех других); (2) конструкции с предлогом *попут*; (3) зависимые обороты с союзом *како*; (4) зависимые обороты с союзом *као да*; (5) зависимые обороты с союзом *као што* (присутствуют меньше всех других).

Приводим характерные примеры несказуемых синтаксических конструкций со значением сравнения и образа действия в сербских печатных средствах массовой информации: (1) конструкции со сравнительным словом *као*: Тада је заиграо *као у трансу*, дигао успавану публику на ноге и на уласку у четврти сет игре добио сет резултатом 7 : 5; (2) конструкции с предлогом *попут*: Наиме, трговци дрогом отимају људе и присиљавају их да се *попут гладијатора у старом Риму* боре до смрти.

Приводим характерные примеры сказуемых синтаксических конструкций со значением сравнения и образа действия в сербских печатных средствах массовой информации: (1) зависимые обороты с союзом *како*: Постоји опасност да он изгуби легитимитет уколико не промени курс деловања и не настави да спроводи политичке реформе *како је предложио*; (2) зависимые обороты с союзом *као да*: Покрајинска власт се према нама понаша малтене *као да нас нема*, а бирократија нас види само када добијемо неко признање, по оној народно „пусти пужу рогове“; (3) зависимые обороты с союзом *као што*: Публици се, потом, обратио сам писац, причајући *као што пише*, без длаке на перу.

В стилистическом плане, в газетных текстах появляются стилистически нейтральные и стилистически маркированные конструкции сравнения и образа действия. Стилистически нейтральными конструкциями со значением сравнения и образа действия осуществляется функция сообщения. С их помощью достигается четкость описания и точность утверждения.

Стилистически маркированные конструкции сравнения и образа действия позволяют автору: (1) высказывать личное мнение, при этом с помощью сравнения обращается внимание на важные детали, подчеркивается суть, выражается ирония по отношению к тому, о чем идет речь; (2) обращать внимание на форму сообщения, в чем проявляется эстетическая функция; (3) внушать читателю определенное мнение, в чем проявляется функция действия; (4) фразеологические сравнения позволяют приближение газетного текста к широкому кругу читателей.

Журналисты стилистически маркируют сравнительные конструкции следующими языковыми средствами: (1) живописной сравнительной единицей (в контексте неожиданным синтаксическим содержанием с определенными коннотационными семантическими нюансами); (2) фразеологизмом; (3) изменением привычной схемы составляющих; (4) интониционным подчеркиванием; (5) стилистически выделенной глагольной лексемой.

Литература

- Ковачевић Милош. Пропорционалне у систему поредбених конструкција са значењем једнакости // Граматичке и стилистичке теме. Књижевна задруга, Бања Лука, 2003. С. 97–140.
- Николић Милка. Поредбено-начинске синтаксичке конструкције с поредбеном речју као у савременој српској прози // Српски језик. 2012. XVII / 1–2. С. 127–146.
- Николић Милка. Предикатске поредбено-начинске конструкције у савременој српској прози // Српски језик. 2014. XIX / 1–2. С. 537–552.
- Vukojević Luka. Strukturno-semantički status poredbenih rečenica // Filologija. 27. Zagreb, 1996. S. 123–151.

Условные конструкции в резьянском языке

М. Пила

Университет г. Констанц (Германия)

Условные предложения, потенциальность, контрафактичность, имперфект, резьянский микроязык.

Summary. The paper focuses on verbal forms used in conditional sentences in Resian, a Slavic minority language spoken in Northern Italy. While most of the Slavic languages do not distinguish possible from counterfactual conditions, the Resian dialect, which (due to the contact-induced influence of Italian) has not completely lost the imperfect as a synthetic past, expresses this difference, with the preserved imperfect forms assuming the role of counterfactual markers.

В настоящем докладе рассматриваются глагольные формы, употребляемые в условных предложениях (выражающих потенциальность и контрафактичность) в резьянском языке, т. е. в микроязыке словенского меньшинства, населяющего долину североитальянского региона Фриули-Венеция-Июлия. Резьянский язык составляют четыре главных диалекта, на которых говорят в деревнях Сан Джорджо (San Giorgio), Нива (Gniva), Озеакко (Oseacco) и Столвица (Stolvizza), и некоторые смешанные варианты¹. С тех пор, как резьянская долина стала частью Венецианской Республики, т. е. уже с XV века, резьянский язык находится в интенсивном контакте с романскими диалектами, в то время, как связь со словенским языком почти полностью прекратилась. В течение приблизительно последних 150-ти лет он находится в ситуации абсолютного языкового контакта со стандартным итальянским языком.

Как известно, во многих славянских литературных языках для выражения потенциальности и контрафактичности (как в основном, так и в придаточном предложении) употребляется одна и та же конструкция, которая, таким образом, является двусмысленной. В словенском языке, например, аналогично русскому, частица *bi* сочетается с причастием на -л и выражает как реализуемые условия (и следствия), так и уже нереализуемые условия (и следствия) (1).²

- (1) *Če bi se odpravili prej, bi prišli točno.*

Если бы (мы) отправились раньше, пришли бы вовремя.

¹ Приведенные ниже резьянские примеры относятся к варианту деревни Столвицы.

² В принципе, в словенском существует еще и второй претеритальный кондиционалис.

При выражении потенциальности, подобно словескому, резьянский язык в обеих частях предложения употребляет сочетание частицы *be* с причастием на -л (2).

- (2) *Be se odg'al büfol, be tël si snëst nu moja marmelade.*

Если бы банка открылась, я бы съел немного джема (дословно: я бы хотел съесть).

- (3) *Be mola, be tëla [...] tyt w penzjun zütra pojütrë.*

Если бы могла / смогла, я бы ушла на пенсию завтра утром (дословно: я бы хотела уйти).

- (4) *Be to lïlë, karjë ob be tëllo wrast.*

Если бы шел / пошел дождь, много грибов бы выросло (дословно: много грибов хотело бы вырасти).

При выражении контрафактивности, в отличие от словенского, резьянский язык в обеих частях предложения прибегает к формам имперфекта. Чаще всего в придаточном предложении, обычно вводимом частицей *či* 'если', имперфект вспомогательного глагола управляет причастием на -л главного глагола; в главном предложении имперфект модального глагола *tët* 'хотеть' управляет инфинитивом главного глагола.

- (5) *Či bëshamo se špartili prid, tëshamo dojtýt.*

Если бы (мы) отправились раньше, (мы) бы пришли вовремя (дословно: мы хотели бы прийти).

- (6) *Či bëshë möel, tëshë prodet išo ano zütra tyt w penzjun.*

Если бы мог / смог, я бы продал квартиру и ушел бы на пенсию завтра утром (дословно: я бы хотел продать... и уйти...).

- (7) *Či to mëshë lïlë, tëshajo wrast karjë ob.*

Если бы шел / пошел дождь, выросло бы много грибов (дословно: хотело бы вырасти).

Имперфект, который во многих славянских языках (включая и словенский) давно уже исчез, в какой-то мере сохраняется в резьянском языке, в котором он сочетается с модальными или вспомогательными глаголами для выражения контрафактивности. Сохранению в резьянском языке форм имперфекта, скорее всего, способствовал контакт с итальянским разговорным языком, где имперфект свободно употребляется для передачи ирреальных условий и следствий. Именно сохранение форм имперфекта позволяет резьянскому различить контрафактические контексты и потенциальные и избежать той двусмысленности, которая характеризует большинство славянских языков.

Литература

- Benacchio Rosanna. Il contatto slavo-romanzo nel croato del Molise e nei dialetti sloveni del Friuli // Scholze L., Wiemer B. (eds.). Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag. Bochum: Universitätsverlag, 2009. S. 177–191.
- Breu Walter. Il verbo slavomolisano in confronto con altre lingue minoritarie: mutamento contatto-dipendente, resistenza e sviluppo autonomo // Walter Breu (a cura di), L'influsso dell'italiano sul sistema del verbo delle lingue minoritarie. Residenza e mutamento nella morfologia e nella sintassi. Bochum: Brockmezer, 2011. S. 149–184.
- Steenwijk Han. The Slovene dialect of Resia. San Giorgio. Rodopi. Amsterdam; Atlanta, GA, 1992.

**Регистровая принадлежность конструкций
с препозитивным атрибутивным оборотом
при местоименном подлежащем
в абсолютном начале предложения**

В. Б. Портнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Коммуникативный регистр, жанр текста, атрибутивный оборот.

Summary. In this paper a prepositive attributive construction that modifies a personal pronoun is regarded in terms of communicative register. The main issue of this report is the relationship between communicative register and genre as two levels of realization of the speaker's strategy in the text.

Цель данного доклада состоит в том, чтобы на основе анализа особенностей регистровой принадлежности конструкции (препозитивный атрибутивный оборот при местоименном подлежащем в абсолютном начале предложения), рассматриваемой в рамках одного жанра, сделать выводы о связях и иерархическом отношении коммуникативного регистра с более общим уровнем реализации коммуникативной стратегии говорящего — жанром текста.

Материалом исследования послужил массив примеров (выборка из НКРЯ) из текстов одного жанра — биографии (или вторичных жанров с элементами жанра биографии). Все контексты содержат одну синтаксическую конструкцию — препозитивный атрибутивный оборот в абсолютном начале предложения, определяемым словом является личное местоимение третьего лица. Тексты, из которых взяты контексты, относятся к XIX в.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что сочетание коммуникативных регистров в рассматриваемой конструкции способно создавать «эффект» другого регистра (генеритивного), что является проявлением реализации стратегии говорящего на уровне жанра текста.

Теоретической базой исследования являются теория коммуникативных регистров, функционально-семантическая классификация глаголов Г. А. Золотовой, теория первичных и вторичных жанров М. М. Бахтина, работы отечественных грамматистов (А. М. Пешковский, Д. Э. Розенталь, Н. С. Валгина) по пунктуационному оформлению препозитивных атрибутивных оборотов и их семантической нагруженности.

Литература

- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 250-296.
- Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общей редакцией д. ф. н. Г. А. Золотовой. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический ф-т, 1998.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е. М.: Учпедгиз, 1938.
- Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1999 [URL: www.evartist.narod.ru/text1/20.htm (Дата обращения: 05.04.2013)].

**К вопросу о структуре предложений
в нефикциональных текстах репродуктивного регистра
(на примере репродуктивных описаний человека)**

Ю. В. Роговнева

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Нефикциональные тесты, тема, рема, репродуктивный регистр, описание.

Summary. In this paper from point of view of communicative-functional approach, we analyze the structure of sentences; this sentences are the part of reproductive texts — description of real person.

Доклад посвящен анализу структуры предложений, входящих в состав нефикциональных текстов-описаний. Большое значение для решения этой проблемы имеет понятие актуального членения, основы которого были разработаны чешским лингвистом В. Матезиусом [Mathesius 1939].

В [Роговнева 2016] представлен анализ нефикциональных репродуктивно-описательных текстов по четырехступенчатой схеме анализа Г. А. Золотовой: А. Предикативные единицы; В. Регистровые блоки; С. Тактика текста; D. Стратегия текста. Там же обращается внимание на то, что подобные нефикциональные тексты создаются с опорой на конкретную ситуацию, а синтаксическая организация текстов, имеющих такую опору, отличается от организации текстов, не имеющих ее.

Нефикциональные описательные тексты представляются нам интересными с точки зрения структуры предложений, входящих в их состав и объединяющихся во фрагменты с различными рематическими доминантами [Золотова 1982]. В первую очередь это касается количества упоминаний в предложениях того объекта, который описывается говорящим. На примере текстов-описаний человека, созданных по заданию «Опишите своего соседа по парте», в докладе рассматриваются следующие случаи:

1. *Светлые волосы, короткая стрижка. Одет в рубашку и джинсы. На ногах — коричневые ботинки-тимберленды. Глаза голубые, кожа светлая. На пальце левой руки — кольцо. Сидит, положив одну ногу на другую, голова наклонена немного набок. В левой руке держит ручку и водит ей по бумаге.*

В этом тексте говорящий не использует названия описываемого объекта, а только описывает его качества, состояния или действия (что и требует от него задание).

2. *Моя соседка по парте одета в черное платье. На левой руке у нее золотой браслет, на правой — часы с крупным циферблатом. На ногах у нее черные балетки с белыми украшениями на мысках. Она стройная и высокая. Волосы у нее темные, на затылке завязан хвост.*

В этом тексте говорящий в каждом предложении использует номинацию описываемого объекта (сосед по парте, в данном случае — девушка) существительным или указанием на него личным местоимением.

3. *Слева от меня сидит мой сосед по парте. Его зовут Игорь. На нем тонкая летняя рубашка в клеточку, серые, потертые на коленках джинсы и зеленая безрукавка, надетая поверх рубашки. Обут в черно-белые адидасовские кроссовки. Пишет левой рукой, правой поцелкивает пальцами. Смотрит вниз, немного улыбается.*

В этом тексте говорящий использует названия описываемого объекта в первых трех предложениях; в следующих предложениях этих названий нет. К этому третьему случаю мы относим все тексты, в которых заданный объект называется говорящим только в начале текста (в одном первом или нескольких первых предложениях).

Таким образом, говорящий может упоминать заданный объект во всех предложениях фрагмента, не упоминать его вообще и упоминать только в первых предложениях, «вводя» этот объект в свой текст. Отметим, что во всех случаях формулировка задания включала в себя название объекта: «Опишите своего соседа по парте». Исходя из этого, можно предположить, что название описываемого объекта действительности для говорящего является темой, «данным» (оно называется еще в задании), а все части этого объекта и его признаки — ремой, «новым». В результате говорящий может не вводить в свой текст «данное», поскольку оно уже известно, и представлять только «новое». В данном случае подтверждается тезис Л. С. Выготского о потенциальной двусоставности любого высказывания [Выготский 1999].

Анализ предложений, входящих в состав нефикциональных текстов-описаний, показывает, что деление предложений на субъект и предикат или на подлежащее и сказуемое работает не во всех случаях и тем более не приближает исследователя к постижению стратегии говорящего. Так, например, предложения *На ней белая рубашка, Белая рубашка, Рубашка белая* с одинаковой долей вероятности могут появляться в текстах-описаниях соседки, одетой в белую рубашку, и при этом в разных частях этих текстов. На наш взгляд, это связано с тем, что для говорящего при создании нефикциональных текстов-

описаний, имеющих опору на конкретную ситуацию, наиболее важным и первичным является деление наблюдаемого объекта на «данное» и «новое». При этом «данным» является объект в целом, «новым» — части этого объекта и его характеристики.

Литература

- Роговнева Ю. В. Коммуникативно-функциональный анализ нефикциональных репродуктивно-описательных текстов: Автореферат канд. филол. наук. М., 2016.
Выготский Л. С. Мышление и речь. 5-е изд. М.: Лабиринт, 1999.
Mathesius V. O tak zvaném aktuálním členění věty // Slovo a slovesnost. № 4. 1939. S. 171–174.
Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Иллокутивная полифункциональность древнерусских высказываний (на материале «Повести временных лет»)

В. С. Савельев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

«Повесть временных лет», иллокутивная полифункциональность высказываний.

Summary. Our lecture is devoted to oral utterances in dialogs of The Tale of Bygone Years. We determine that many of these utterances have a feature which we nominate illocutionary multifunctionality. It means that they are able to be used as some different illocutionary acts in one locutionary act at the same time. We examine the using of illocutionary multifunctional utterances which can be determined as minimum communicative units on the material of Old Russian chronicle.

1. В «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) — древнерусском летописном памятнике, который служит основным источником сведений об особенностях древнерусской устной коммуникации, — можно обнаружить диалогические фрагменты, в которых воспроизводимые летописцем высказывания персонажей ПВЛ обладают свойством **иллокутивной полифункциональности**. Речь идет о тех случаях, когда одно и то же высказывание используется в процессе одного локутивного акта одновременно в нескольких иллокутивных функциях (далее — ИФ). Таким образом, произнося такое высказывание, говорящий решает одновременно нескольких коммуникативных задач.

2. Иллокутивная полифункциональность свойственна как прямым, так и косвенным речевым актам (далее — ПРА и КРА).

- (1) *И повелѣ Янь вложити има рубля въ оуста и привазати ко оупругамъ, и пустити я предѣ собою в лодьяхъ, а самъ по нихъ иде. И стаа на оустѣи Шекѣсны, и рече има Янь: «Што вамъ молвать бѣзи ваши?» Она же рекоста сице: «Намъ бѣзи молвать: не быти нама живымъ ѿ тебе». И рече има Янь: «То вамъ право молвать бѣзѣ ваши» (6494 / 986).*

Янь Вышатич задает волхвам информативный вопрос, ждет на него ответ, и волхвы отвечают ему. Однако пропозитивное содержание его вопроса не является истинным: ранее он высказал суждение, что так называемые боги волхвов *не боги, а бесы*, и своими действиями — *повелѣ вложити има рубла въ оуста и привазати ко оупругамъ* и т. д. — это суждение подтверждает. Таким образом, повторяя чужое слово, которое для него самого является ложным, Янь Вышатич насмехается над собеседниками, и эта ИФ накладывается на основную функцию высказывания «требование информации». Такой вопрос является иллокутивно полифункциональным ПРА.

- (2) *Володимиръ же рче: «То како вы инѣхъ оучите, а сами ѿвѣржени Бѣ? <...>»* (6494 / 986).

Информативный вопрос кн. Владимира, представляя собой КРА (кн. Владимир не ждет от хазарских евреев ответа на него), является иллокутивно полифункциональным высказыванием (далее — ИПВ): он позволяет говорящему выразить оценочное суждение *«Нельзя, будучи отверженным от Бога, учить вере других»* и отказаться от контакта с этими проповедниками, призвав их к совершению действия *«Не надо нас учить!»* Такой вопрос является иллокутивно полифункциональным КРА.

3. ИПВ может иметь несколько дополнительных ИФ одновременно.

- (3) *Ѡвѣщаваѣша же боярѣ и рѣша: «Аще лихъ бы законъ грѣчкыи, то не бы баба твоя Ѡлга прияла крѣщения, яже бѣ мудрѣиши всѣхъ члѣвкъ». Ѡвѣщав же, Володимѣръ рче: «То кде крѣщние приимемъ?» Ѡни же рѣша: «Кдѣ ти любо»* (6495 / 987).

Кн. Владимир задает информативный вопрос, ждет ответа и получает его. При этом его реплика является реактивной и выражает согласие с советом бояр креститься, а также позволяет донести до собеседников информацию о том, что князь принял решение об общем крещении, на что указывает употребление формы мн. числа. Так же, как и в примере (1), такой вопрос является иллокутивно полифункциональным ПРА, однако в этом случае говорящий выполняет более чем одну «дополнительную» коммуникативную задачу.

4. ИПВ может состоять из одной (см. примеры 1, 3) или нескольких (см. примеры 2, 4) предикативных единиц (далее — ПЕ). В последнем случае важно, чтобы каждая из ПЕ не образовывала коммуникативной единицы, которая в рамках данной реплики-высказывания обладала бы «самостоятельной» ИФ. Изменение состава ПЕ в ИПВ, состоящем из нескольких ПЕ, неизбежно привело бы к потере ИФ высказывания в целом. Такие высказывания представляют собой коммуникативные единицы, которые строятся по определенной мо-

дели и регулярно используются для достижения определенной коммуникативной цели.

- (4) *В се же время придоша люде новъгородъстии, просаще княза себѣ: «(а) Аще не поидете к нам, (б) то налѣземъ княза себѣ». И рече к нимъ ѿстославъ: «А бы кто к вам шель» (6478 / 970).*

(4б) называет действие, которое говорящий собирается совершить в случае осуществления (4а). Ни одна из частей (4) не является в коммуникативном плане самостоятельной: данная реплика является иллокутивно полифункциональным ПРА с функциями «сообщение о намерении при осуществлении условия + предостережение-угроза + призыв к действию».

5. ИПВ может использоваться автономно (см. примеры 1, 3, 4) или входить в состав комплексной реплики-высказывания (см. примеры 2, 5).

- (5) *И послаша к нуну, ѿще: «(а) По что идеши ѿнать? (б) Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь (6453 / 945).*

(5а) является иллокутивно полифункциональным КРА с функциями «оценочное суждение-осуждение + призыв к действию». (5б) представляет собой монофункциональный ПРА с функцией «сообщение об актуальном положении дел, возникшем в результате события в прошлом». ИФ данной реплики-высказывания тождественно ИФ ИПВ (5а).

6. Произнося ИПВ, древнерусские коммуниканты экономят речевые усилия, используя меньшее количество знаков при сохранении объема передаваемой информации. Происходит это в диалогах с установкой на быструю смену ролей «говорящий — собеседник».

- (6) *Ѿдинъ старецъ <...> се же слышавъ, посла по старѣишины градьскыя и рече имъ: «Слышахъ, яко хочете передатися печенѣгомъ». Ѿни же рѣша: «Не стѣрпѣть людье голода» (6505 / 997).*

Старец сообщает старейшинам, что ему известно о планах новгородцев. Оценивая уместность этого сообщения, старейшины понимают, что старец хочет убедиться в достоверности информации и / или понять причину этого решения. В качестве ответа старейшины ограничиваются изложением причины: сообщение о ней было бы бессмысленным, если бы информация не была достоверной. Таким образом, оба высказывания являются ИПВ. В «несвернутом» виде этот диалог должен был бы включать следующие реплики: — *Я слышал, что вы хотите сдаться печенегам. Так ли это? Почему вы приняли такое решение? — Да, действительно. Мы так решили, потому что люди не перенесут голода.*

Сравнительный анализ структуры удвоения глагольных аргументов в русском и болгарском языках

К. Суган

Токийский университет иностранных языков (Япония)

*Удвоение глагольных аргументов, информационная структура, грамматикализация,
«качественная конструкция».*

Summary. This report is dedicated to the analyses of the doubling of verbal arguments in Russian. The doubling of verbal arguments is understood as the doubling of verbal arguments by the coreferential personal pronoun within the same propositional structure. Analysis is realized through the comparison with Bulgarian from the syntactic and functional point of view. The goal of this report is to clarify the structural characteristics of the phenomenon in Russian.

Данный доклад посвящен анализу т. н. «удвоения глагольных аргументов» в русском языке. Под термином «удвоения глагольных аргументов» понимается двойное обозначение подлежащего или дополнения с помощью личного местоимения. Анализ данного явления осуществляется с синтаксической, а также функциональной точки зрения в сравнении с болгарским языком, в котором удвоение встречается значительно чаще и в ряде случаев имеет даже обязательный характер. Таким образом, цель этого доклада заключается в том, чтобы выявить структурную характеристику удвоения глагольных аргументов в русском языке.

Во-первых, на основе предыдущих исследований, посвященных данному явлению, будет рассмотрено несколько структурных характеристик и случаев употребления удвоения аргументов в разговорной речи. Удвоение глагольных аргументов чаще всего наблюдается при выдвижении именительного темы в начало предложения или высказывания. При этом именительный темы, имеющий местоименный коррелят в следующем за ним предложении, обычно резко выделен интонационно.

Во-вторых, подобное удвоение глагольных аргументов в русской разговорной речи анализируется с формальной и функциональной точки зрения. При этом оно сравнивается с подобным явлением, наблюдаемым в болгарском языке. В болгарской разговорной речи также употребляется удвоение глагольных аргументов, и оно довольно широко распространено и характеризуется разнообразием в формальном плане. Путем сравнительного анализа выясняются характерные черты конструкций с удвоением в русском языке. При анализе в функциональном аспекте применяется теория информационной структуры.

В-третьих, рассматривается специфическое удвоение глагольных аргументов в русском языке. В числе многих исследователей, отметивших «плеонастическое» употребление личного местоимения, особенно в разговорной речи, О. Б. Сиротинина ([Сиротинина 1974]; [Сиротинина 2010]) классифицирует конструкции с удвоением и выделяет «качественную конструкцию», в которой «плеонастическое» местоимение создает особое значение постоянного присущего предмету признака, качества. В нашем исследовании проанализировано несколько специфических черт удвоения в данной конструкции в сравнении с

такowymi в болгарском языке, и отмечена возможность грамматикализации удвоения в данной конструкции.

По результатам исследования мы пришли к следующему выводу: удвоение глагольных аргументов в русском языке, наблюдаемое при выдвижении именительного темы в начало предложения, является синтаксическим средством тематизации в высказывании, как и в болгарском языке. Однако в формальном плане при этом отмечается и несколько различных черт. С другой стороны, удвоение глагольных аргументов в качественной конструкции имеет формальную характеристику, почти одинаковую с болгарской грамматикализованной конструкцией. Это подсказывает, что оно находится в более грамматикализованной стадии по сравнению с другим видом местоименного удвоения, включающим в себя именительный темы.

Литература

- Сиротинина О. Б. Конструкции с плеонастическим местоимением в разговорной речи // Синтаксис и норма / Отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1974. С. 204–219.
- Сиротинина О. Б. Всё, что нужно знать о русской речи: Пособие для эффективного общения. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: URSS, 2010.

Способы выражения количественности в русском языке (в зеркале японского языка)

Рина Судзуки

Медицинский университет Саппоро (Япония)

Количественность, числительное, предлог, служебные слова.

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности выражения количественности в русском языке в сопоставлении с японским языком на уровне синтаксемы.

Рассматривая выражения количественности, можно отметить, что количественная характеристика затрагивает разные типы выражения. Количество может быть выражено числительным или без числительного. Для выражения количественности без числительного характерны морфологические средства: *газета — газеты; слушает — слушают*, лексические средства: *молодежь, ребята*, а также компаратив: *Береза выше липы; много книг*. Определенные местоимения указывают на обобщенный признак предмета: *всё, каждый, самый, столько, ничто*. Числительное составляет ядро категории количественности и используется для выражения количественности в первую очередь. Выражения, включающие квантитатив, употребляются в рамках разных классов числительных: количественные числительные: *разговаривал с пятью свидетелями*; порядковые числительные: *сидел в первом вагоне*; собирательные числительные: *трое ребят стали призерами конкурса*. Эти единицы принадлежат к разным частям речи: существительное: *написал более десятка статей; поставили пятачку*; наречие: *читал книгу трижды; подняться на высоту двух тысяч метров* и т. п. На уровне языковых структур квантитатив может сочетаться как непосредственно с именем объекта: *четыре чашки*.

При сопоставлении характеристики количества в разных языках выделяется путем определения различия в структуре и способе выражения категории количественности. В японском языке у существительных нет четкой грамматической формулировки категории числа, а спряжение глаголов по числам и лицам отсутствует. Для образования множественного числа могут использоваться японские суффиксы: *гакусэи* («студент») — *гакусэи-тачи* («студенты»); удвоенное слово (начальный глухой согласный второго слова превращается в звонкий): *куни* («страна») — *куни-гуни* («страны»). Неточное количество выражается количественным-наречием: *такусан* («много»), *сикоши* («мало») и т. п. В японском языке имя числительное включается в категорию существительного. Для числительных, обладающих обстоятельственной функцией, характерна необходимость присоединения при конкретном счете вспомогательных числительных, специфичных для разных категорий считаемых объектов: *ко* («штука»), *нин* («человек»), *каи* («раз») и т. п.: ср., *ни-каи* («два раза, дважды»). Предложная система русского языка отличается от соотносимых с русскими предложениями служебных средств японского языка тем, что в японском языке функционируют послелогии — служебные частицы. При употреблении японской частицы квантитатив и вспомогательные числительные определяют существительные: *сан-нин-но гакусэи* («три студента»). Так, в русском и японском языках способы выражения в определенной степени различаются.

Литература

- Аида С., Накано Х., Накамура Й. Грамматика современного японского языка. Токуо, 2004.
 Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.
 Судзуки Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (В зеркале японского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Бессоюзные предложения в современном сербском языке

Срето З. Танасич

Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств (Белград, Сербия)

Сербский язык, синтаксис, бессоюзное предложение, Добрица Чосич.

Summary. Asyndetic Sentences in Contemporary Serbian The paper draws on examples from the novels of Dobrica Ćosić (*Roots*, *Divisions* and *A Time of Death*) to shed light on a type of compound sentences most often referred to as *asyndetic sentences* by Serbian scholars. It is customary for Dobrica Ćosić's novels to feature such sentences frequently; as a rule, they are longer than compound sentences with conjunctions. An important trait of these sentences is seen in polysemy, as the semantic relations between simple clauses in a compound sentence are established through the conjunctions. It is typical of Dobrica Ćosić's novels to contain a majority of asyndetic sentences without concretisers, which indicates that they are more suitable for realising the structure of his work and the author's world picture in it.

Настоящий доклад посвящен особому синтаксическому явлению в сербском языке на примере романов Добрицы Чосича «Корни», «Отделы» и «Время смерти». Речь идет об особом типе сложного предложения, которое в лите-

ратуре обычно называется «бессоюзным», а на сербском материале все еще недостаточно изучено. В грамматиках обычно о них говорится вскользь, в разделах о сложносочиненных и подчиненных предложениях, где упоминается, что сложное предложение может быть и бессоюзным¹. Парадоксально, что в сербских грамматиках, описывающих преимущественно язык художественной литературы, бессоюзные предложения, характерные именно для этого рода текстов, до последнего времени не нашли адекватного описания.

Добрица Чосич — один из величайших сербских писателей и романистов двадцатого века, большое внимание уделявший теме судьбы сербского народа в мировых войнах. Он стал известен читателям после выхода романа «Солнце далеко», посвященного Второй мировой войне, а прославился романом «Время смерти», в котором описываются события Первой мировой войны и сербская трагедия этого времени. Чосич был признан крупнейшим сербским романистом, а его роман назван «сербским *Войной и миром*».

Так же как при описании языка романов Милоша Црњанского обращает на себя внимание обособление частей сложного предложения, так яркой особенностью языка романов Добрицы Чосича являются бессоюзные предложения. В качестве примера приведем одно предложение из Чосича:

Тола Дачић трза конопац црквеног звона, да селяци суде селяцима, занесен звоњавом на узбуну, савија се и усправља, дрхти од страха и зиме, Аћим ми је наредио, газда, посланик, власт, цима брзо и нервозно, неправилним, изломљеним ритмом звоно туче по оцацима; он мора да слуша газду и власт, војска иде, иде! цичи у звонари, лелече над селом, стреса иње са брестова, разбија свитање у парампарчад чаша, литрењака, стакла кафанског, оног јучерашњег, оног што је прошцем разбијао, ништа нам није требало да разбијамо Левићеву кафану, до Бога сви су чули, викнуо је, сви су чули, лисице су Преровци, сви ће побећи; Аћим је рекао разбијајте, разбијали су сви, сви, сви, звоно удара у греду, он има ситну децу, он је сиромаш, ако га убију, ако убију, убију, хукће по звонари, пробудиће му се деца, сва ће се деца у селу пробудити од буке, само на Велики петак звони ноћу, није Велики петак, иде војска, чета војника, коњаника, војска сече и непунолетне, децу, децу, синоћ се није поиграо с њима, буна, дошла је буна, ко ће му децу исхранити и извести на пут, ноћас су се петлови само једанпут огласили, све се плаши царске силе, знаће да је он лупао на ратно стање, али сиромаш мора да слуша газду, шта се њега тиче ко влада, откинуће се конопац и звоно ће му смрскати главу, сто ока је тешко, нека и Турци владају, само њега нек оставе на миру. (Корени. Антологија српске књижевности. Електронска библиотека Учитељског факултета у Београду. С. 47.)

¹ Лишь в недавно опубликованной грамматике П. Пипера и И. Клайна данный тип сложных предложений рассматривается в особой главе [Пипер, Клајн 2013].

Первое, что бросается в глаза — это необычайная длина предложения. (Правда, в предложении имеется связь с помощью противительного союза *али*, но можно прервать предложение и на этом союзе: структура останется той же). Ни у Добрицы Чосича, ни у Иво Андрича, ни у Милоша Црнянского мы не найдем таких длинных союзных предложений с сочинительной и подчинительной связью. Добрице Чосичу необходим новый тип предложения, чтобы создать литературное произведение, в котором переплитаются повествование, внутренние монологи героев и автора. Известно, что бессоюзные предложения демонстрируют как независимость частей, так и их подчинение друг-другу. Очевидно, что зачастую невозможно точно определить, какой тип отношения представлен между частями предложения: эти отношения могут быть неоднозначны. Если возникает необходимость четко выразить эти отношения, тогда обычно используется союзная связь. Установлено¹, что значение бессоюзных предложений адекватнее всего может быть выражено с помощью несоюзных слов, конкретизаторов. Так, значение вывода выражает слово *дакле* 'таким образом', исключение — *само* 'только', противопоставление — *напротив* и т. д. Для романов Добрицы Чосича характерны бессоюзные предложения без подобных конкретизаторов, что в большей степени отвечало реализации художественного замысла писателя.

Литература

Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика. Београд, 2013.

Танасић Срето. Асиндетске реченице с конкретизатором // Јужнословенски филолог. LXXI / 3–4. Београд, 2015. С. 91–120.

Особенности двух типов субстантивной предикации в словенском языке

Младен Ухлик, Андрея Желе

Философский факультет Университета в Любляне (Словения)

Словенский язык, именное сказуемое, типы предикатов, субстантивная предикация, предикаты состояния.

Summary. The paper deals with two types of nominal predicates in Slovene. The first type is related to the constructions [S nom + V cop + S nom], in which the identifying (e. g. *Tone je ta učitelj*) and the attributive (e. g. *Tone je učitelj*) functions can be clearly distinguished. Such constructions may express a constant but also an actualized subject property. The second type involves constructions such as [S nom+S acc/S dat+V cop] (cf. *Strah me je. Dolgčas mi je*), in which the noun in S nom typically denotes physical time-limited state, with the experiencer normally expressed in S dat / S acc. These constructions will be typologically compared with the Russian type [S dat + (V cop) + Adv praed] (e. g. *мне страшно, мне холодно*).

1. Тип предикации [Snom + Vcop + Snom]

Доклад посвящен двум типам предикации с составным именным сказуемым с существительным в словенском языке:

¹ На сербском материале см.: [Танасић 2015].

В первом типе (структурная формула $S\ nom + V\ cop + S\ nom$), можно выделить реализацию двух функций:

- а) функции тождества, то есть установление тождества между подлежащим и существительным в составе сказуемого ($Ta\ učitelj = Tone$ / Этот учитель = Тоне)

- (1) $Ta\ učitelj\ je\ Tone$. (Этот учитель — Тоне)

В данном предложении возможна инверсия: « $Tone\ je\ ta\ učitelj$ ».

- б) атрибутивной функции, при которой подлежащему приписывается характеристика:

- (2) $Tone\ je\ učitelj$. (Тоне — учитель)

В данном случае инверсия невозможна: $*Učitelj\ je\ Tone$.

В словенском языке входящие в именную часть сказуемого существительные, обозначающие лица, в атрибутивной функции могут передавать как постоянное качество, так и актуализируемое свойство:

- (3) $On\ je\ že\ več\ let\ učitelj$. (постоянное качество) (Он уже много лет учитель.)

- (4) $Tone\ je\ danes\ spet\ «učitelj»\ in\ nam\ pridiga$. (актуализируемое свойство) (Тоне сегодня снова «учитель» и читает нам лекции.)

- (5) $Tone\ je\ bolj\ učitelj,\ kakor\ policaj$. (постоянное качество) (Тоне, скорее, учитель, чем полицейский.)

Подобные существительные часто имеют потенциально коннотативный и метафорический смысл, что позволяет им при употреблении со связкой выражать также и актуализируемое свойство. Кроме того, в подобных случаях проблема выражения постоянного качества или актуализируемого свойства связана и с лексическим окружением существительного.

2. Тип предикации [$S\ nom + S\ acc / S\ dat + V\ cop$]:

Второй тип субстантивного предиката формируют словенские семантико-синтаксические конструкции [$S\ nom + S\ acc / S\ dat + V\ cop$]:

- (6) $Strah\ me\ je$. (Мне страшно.)

- (7) $Groza\ me\ je$. (Мне жутко.)

- (8) $Sram\ me\ je$. (Мне стыдно.)

- (9) $Dolgčas\ mi\ je$. (Мне скучно.)

- (10) $Mraz\ mi\ je$. (Мне холодно.)

В словенском языке в данном типе предикации выступает ограниченная группа существительных (« $strah$ » — ‘страх’, « $groza$ » — ‘ужас, жуть’, « $sram$ » — ‘стыд’, « $dolgčas$ » — ‘скука’, « $mraz$ » — ‘мороз’), которые, в отличие от приме-

ров 1–5, изначально обозначают актуализируемое состояние, реализуемую в закрепленных синтаксических конструкциях.

В подобных конструкциях мы видим описание ситуаций, субъектом которых является конкретное лицо, выраженное винительным (примеры 6–8) или дательным падежом. Данное лицо является субъектом состояния, над которым это лицо имеет очень мало контроля.

Разница между приведенными конструкциями с субъектами состояния в S acc и в S dat заключается в том, что в случае с дательным падежом субъект состояния может быть опущен:

(11) *Dolgačas je. Mraz je.* (Скучно. Холодно.)

(12) **Strah je. *Groza je.* (*Страшно. *Жутко.)

Перечисленные словенские существительные при других типах предикации сохраняют свое изначальное частеречное значение¹ Они могут иметь определение (пример 13) и являться другими членами предложения (примеры 14–18):

(13) *Je hud mraz.* (Сильный мороз. / Очень холодно.)

(14) *Strah ga je zgrabil.* (Страх им овладел. / Ему стало страшно.)

(15) *Mraz je pritiskal.* (Мороз крепчал.)

(16) *Dolgčas ga je ubijal.* (Скука его убивала. / Он умирал от скуки.)

(17) *Občutil je grozo.* (Он почувствовал ужас.)

(18) *Sovraži dolgčas.* (Он ненавидит скуку.)

Словенским примерам субстантивных предикатов [S nom + S acc / S dat + V cop] в русском языке чаще всего соответствуют конструкции [S dat + (V cop) + Adv praed]:

(19) *A ti je kaj mraz?* Тебе не холодно?

(20) *A ti je kaj dolgčas?* Тебе не скучно?

(21) *Kako te ni sram?* Как тебе не стыдно?

В словенском языке подобные конструкции, выражающие актуализируемое состояние, тоже встречаются:

¹ Возможно, таким словенским существительным, как «strah» ('страх') и «dolgčas» ('скука'), синтаксически ближе всего русское существительное «лень», которое сохраняет особенности существительного и, несмотря на то, что чаще всего выступает в составе именного сказуемого, может быть и другим членом предложения: *Мной овладела лень. Лень раньше меня родилась. Без лени ни дня не проживу.*

(22) **Vročē** mi je / **Hudo** mi je / **Težko** mi je. (Мне жарко / Мне плохо / Мне тяжело.)

Однако выражение состояния с помощью предикативных наречий на -o и эксплицитно выраженного субъекта состояния в S dat в словенском языке распространено не так широко, как в русском.

Литература

- Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. Москва: Издательство Наука. 1982. стр. 7–85.
- Селиверстова О. Н. (ред). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1963.
- Циммерлинг А. В. Именные предикативы и дативное предложение в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГТУ, 2010. С. 549–558.
- Halliday M. A. K., Matthiessen Christian M. I. M.: Halliday's Introduction to Functional Grammar (Fourth Edition). Routledge: London; New York, 2014.
- Žele A. Vedno aktualno vprašanje besednih vrst: vprašanje predikativa v slovenščini // Поповић Љ. (уред.). У простору лингвистичке славистике (зборник радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера). Београд: Филолошки факултет, 2015. С. 367–380.

Вербализация количественных оценочных значений синтаксическими средствами языка в текстах детской литературы

М. Ю. Чикиль

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

*Количественная оценка, оценочное значение,
синтаксические средства оформления оценки.*

Summary. The article deals with syntactic means of expression of quantitative estimation in Soviet and modern texts of child's literature in comparison.

Оценка как языковая категория, которая опирается в своей семантике на аксиологическую константу, с формальной стороны выражена при помощи средств разных уровней языка. Суть и средства реализации категории оценки представлены во многих лингвистических работах (Н. Авганова, Ю. Апресян, Н. Арутюнова, И. Арнольд, А. Ахманова, А. Вежицкая, Е. Вольф, Т. Космеда, А. Папина, Ю. Степанов, И. Стернин, R. Hare, N. Chomsky, R. Perry).

Актуальность данного исследования определена необходимостью анализа вербализации количественных оценочных значений при помощи средств синтаксиса в конкретных социально и темпорально ограниченных текстах, каковыми являются произведения детской литературы середины XX — начала XXI в.

Цель нашего исследования — проанализировать синтаксические средства вербализации количественных оценочных значений в советской и постсоветской детской литературе в динамике.

А. Ф. Папина пишет, что помимо аксиологической, качественной оценки, в русской речи, как и в других языках, существует количественная оценка, характеризующая меру, объем, величину описываемого предмета, указывающая на признак действия, на признак признака [Папина 2002: 317]. Именно количественную, или квантитативную оценку мы исследовали в данной статье.

Материалом для исследования послужили тексты произведений советской (В. Ю. Драгунский, Н. Н. Носов) и постсоветской детской литературы (Г. Б. Остер, Э. Н. Успенский).

Парцелляция может служить средством выражения квантитативной оценки. Г. А. Копнина указывает: «С точки зрения актуального членения предложения, парцелляция представляет собой средство выделения, усиления наиболее важной информации, т. е. средство создания в высказывании нового (дополнительного) рематического центра (или нескольких рематических центров)» [Энциклопедический словарь...: 217]. В лингвистической литературе можно встретить обозначение одних и тех же речевых фактов либо термином *парцелляция*, либо термином *присоединение*. Автор считает, что эти термины не следует смешивать, так как присоединение — это грамматическая категория, обладающая собственным грамматическим значением и собственной грамматической формой. Данный прием репрезентирует различные типы количественной оценки, например, количественную оценку, характеризующую объем описываемого предмета: *Он довольно трудно в меня лился. Я, как только три четверти этого второго стакана выпил, так понял, что я уже полный. До краев* (В. Ю. Драгунский).

Количественная оценка эксплицируется при помощи **анадиплозиса** — стилистической фигуры, заключающейся в повторении конечного элемента какого-либо отрезка речи в начале следующего за ним соответствующего отрезка речи [Энциклопедический словарь...: 33]: *Самым главным из них был малыш-коротыш, по имени Знайка. Его прозвали Знайкой за то, что он знал очень много. А знал он много потому, что читал разные книги* (Н. Н. Носов). Квантитативная оценка часто выражается при помощи **сравнения**: *В одном сказочном городе жили коротышки. Коротышками их называли потому, что они были очень маленькие. Каждый коротышка был **ростом с небольшой огурец*** (Н. Н. Носов).

Рассмотрим теперь вербализацию количественной оценки в произведениях Г. Б. Остера и Э. Н. Успенского. В текстах постсоветской детской литературы квантитативная оценка также выражена при помощи различных синтаксических средств. Как и в текстах советской литературы указанные оценочные значения эксплицированы **сравнением**: *А вторая была **низенькая**, с круглыми, как по циркулю, щеками. И другие части тела у нее тоже были **как по циркулю*** (Э. Н. Успенский).

Анади́позис может служить для экспликации количественной оценки, выражающей меру: *Корова Мурка, которую кот купил, глупая была и балованная. Но молока **много** давала. Так много, что с каждым днем все больше и больше* (Э. Н. Успенский). Вербализация количественной оценки может осуществляться при помощи присоединения: *Давай кот, мы тебя продадим. Ты у нас тоже ухоженный. **Вон какой толстый** сделался* (Э. Н. Успенский). В данном микротексте описана квантитативная оценка, указывающая на объем предмета.

В процессе исследования вербализации квантитативных оценочных значений мы пришли к следующим выводам: экспликация квантитативных оценочных значений в советской детской литературе характеризуется более широким диапазоном синтаксических средств выражения, а также, указанные средства оформляют большее количество видов квантитативной оценки.

Литература

- Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 3-е изд., испр. М.: Рольф, 2001.
- Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учебн. пособие. Минск: Вышэйшая школа, 1997.
- Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов — журналистов и филологов. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Ред. А. П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2005.

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков

Словообразование

Префиксы *раз-* / *рас-*, *разо-* и *про-* у глаголов движения с пространственным значением в русском и македонском языках — контрастивный анализ

И. Алчевска

Университет „Свв. Кирилла и Мефодия“ (Скопье, Македония)

Зборообразување, префиксација, глаголи на движење, руски јазик, македонски јазик.

Summary. The article considers the basic meanings of verbs with prefixes *раз-* / *рас-* / *разо-* и *про-*. In order to help students to easily absorb theme *Prefixed verbs*, verbs should be allocated on the basis of the group shared meanings. Most active verbs in a practical speech communication, are the verbs of motion studied in humanitarian universities already in the first year. Therefore it is necessary to start with verb denoting the movement or position of an object in space. The classification indicates that the prefix is a critical component in the formation of the lexical meaning of the verb. Method of comparing, which we use in this article indicates the similarities and differences of meaning of the prefix in Russian and Macedonian languages. Comparing prefixes in two languages is very important for effective language acquisition.

Данная работа посвящена сопоставительному анализу приставочных глаголов для задач преподавания русского языка как иностранного.

Глагольное приставочное словообразование в русском языке чрезвычайно продуктивно. Трудности вызывает, однако, выбор приставки, не говоря уже об управлении и о сфере употребления того или иного глагола. Необходимость выбора материала определяется целями, которые преследуются при обучении русскому языку. Наиболее употребительными глаголами в условиях практической речевой коммуникации являются глаголы движения, изучаемые на первом году обучения. Эта группа глаголов объединена общим смысловым значением — перемещением в пространстве.

Анализировались глаголы движения с приставками *раз-* / *рас-*, *разо-* и *про-*. Присоединение приставки к глаголу однонаправленного движения приводит к изменению и лексического, и грамматического значения. Присоединение приставки к глаголам разнонаправленного движения приводит к изменению только лексического значения, грамматическое же значение (вид глагола) при этом сохраняется.

Для обозначения движения от центра в разные стороны в русском языке употребляется приставка *раз-* / *рас-*, *разо-* (например, *разойтись*, *разбежаться*, *расползтись*), тогда как в македонском языке употребляются приставки *раз-*, *разо-*, *за-*, *до-*, *ис-* и *од-* (например, *се разотидува*, *се распрснува*, *заминува*,

доплива, истркалува, одведува), а также некоторые описательные конструкции.

Русские глаголы типа *разбежаться* — *разбежаться* и македонские глаголы типа *се залетува* — *се залета* характеризуются также и по способу совершения действия (с разгоном).

У македонских соответствий русским глаголам *разносить* — *разнести* представлены различные префиксы в зависимости от значения: *разнесува* — *разнесе, доставува, испорачува*.

У глаголов движения, обозначающих действие, направленное мимо объекта (рус. *прошла мимо нас*; мак. *промина покрај нас*) в обоих языках представлена приставка *про-*.

Русским глаголам движения с префиксом *про-* в македонском языке могут функционально соответствовать глаголы с самыми разными приставками в зависимости от значения соответствующего русского и македонского глагола.

В случае с глаголами движения, обозначающими

- а) действие, направленное мимо объекта (рус. *прошла мимо нас* / мак. *промина покрај нас*), в обоих языках представлена приставка *про-*;
- б) движение через, сквозь предмета или пространство, совершаемое с затруднениями (рус. *провез их мимо парка* / мак. *ги провозев покрај паркот*), в русском употребляется приставка *про-*, а в македонском языке *про-*, *по-* и *пре-*;
- в) движение мимо предмета без остановки (рус. *проезжаем много городов* / мак. *поминуваме многу градови*), в русском употребляется приставка *про-*, а в македонском языке *про-* и *пре-*;
- г) движение направленное вперед на небольшое расстояние (рус. *проходите вперед* / мак. *поминете нанапред*) в русском употребляется приставка *про-*, а в македонском языке *про-* и *по-*;
- д) движение на ограниченное расстояние (рус. *проехали три остановки* / мак. *поминавме три станици*), в русском употребляется приставка *про-*, а в македонском языке *про-*, *по-* и *пре-*;
- ж) ошибочное действие, приносящее вред (рус. *проехала свою остановку* / мак. *поминав / пропуштив својата станица*) в русском употребляется префикс *про-*, а в македонском языке *по-* и *про-*.

Отметим, что самостоятельной классификации глаголов движения в македонском языке не существует.

Использованный в статье метод сопоставительного (контрастивного) анализа позволяет выявить сходства и различия в значениях соответствующих префиксов в русском и македонском языках, что имеет немалое значение для сознательного и эффективного усвоения языка инофоном.

Образование форм сравнительной степени от причастий в русском языке XX–XXI веков

Е. О. Борзенко

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия)

Сравнительная степень, причастие, семантика, адъективация.

Summary. The article is devoted to the study of comparatives formed from participles in the modern Russian language, to their semantics and part-of-speech affiliation.

1. Частеречная принадлежность форм компаратива, образованных от причастий

В современном русском языке очень активны процессы окказионального формообразования. Одним из видов авторских форм являются нестандартные формы степеней сравнения. В частности, это формы компаратива и суперлатива, образованные от причастий:

Семейная жизнь / превратилась / в содом —

Рыбак / вареного / рака / ошпаренней (Архангельский А. О рыбаке и рыбке, пародия на В. Маяковского) [Санников 2002: 146].

Та же табачная радуга, обведенная прикрашенным белком, но смотрели глаза омытые (А. Солженицын. Раковый корпус) [Гайломазова 2012: 127].

В исследовательской литературе анализ данных новообразований встречается достаточно редко, что обусловлено их недавним появлением и пока что не очень широкой распространенностью. Чаще всего приводятся примеры подобных компаративов и суперлативов и рассматривается их роль в конкретном тексте, изредка делаются более общие замечания.

Изучение этих исследований приводит к выводу, что существует две точки зрения на образование компаративов и кратких форм от причастий. Первая: эти формы могут образовываться только в том случае, если причастие окончательно адъективизировалось и перешло в разряд прилагательных. Этой точки зрения придерживается, к примеру, Н. Н. Зарецкая [Зарецкая 2001: 111]. Другая точка зрения, выраженная в Русской грамматике 1980 года, состоит в следующем: развитие у причастий адъективных значений не переводит их в разряд прилагательных, т. к. эти значения продолжают соотноситься «с временными, видовыми, залогами значениями соответствующих причастий» [Русская грамматика 1980: 672]. Однако данное пособие не рассматривает образованные от причастий компаративы.

2. Семантика, употребление и статус компаративов, образованных от причастий

Автором было проведено исследование компаративов, лексической базой которых является причастие, на материале текстов сети Интернет при помощи поисковых инструментов Яндекс и Google. В результате этого исследования было выявлено следующее.

Данные формы появляются в художественной литературе, публицистике, форумах и блогах. Их частотность не очень высока (самое большое количество компаративов — 23 формы — образуется от причастия *сделанный*). Лексической базой подобных форм являются страдательные причастия настоящего и (чаще) прошедшего времени (*запоминаемое, сделанное, явленное, решенное, пройденное, принятое, найденное* и др.)

*Я рад был видеть на Советской площади ряд верстовых столбов времени, на которых просто перечислялись факты и даты десятилетия. Если бы эти надписи были **сделанное** (нами) и **запоминаемое** — они стали бы литературными памятниками* (Маяковский В. В. Расширение словесной базы. 1955)

Анализ контекста позволяет выявить, что форма *сделанное* имеет семантику ‘сделаны лучше’, *запоминаемое* — ‘более / лучше запоминаемые’. Следовательно, в данном случае не происходит адъективации причастий, скорее данные формы совмещают в себе два слова, присоединяя суффикс от сравнительной формы наречия *лучше / более* к основе причастия. Целью такой операции является, очевидно, экономия речевых усилий и экспрессивность.

*Мы чаще ориентируемся на западный опыт, не потому, что он обоснованнее <...>, а потому, что он «завершеннее», что соответствует прагматичной и несколько корявой обывательской формулировке — «**сделанное**».* (Николас Коро. Ответы на бизнес-вопросы. Аналитический журнал «Сегмент», 15.08.2013).

В этом примере окказиональная форма является синонимом компаратива прилагательного *завершеннее*. Имея лексической базой причастие *сделанный*, данная форма меняет семантику и адъективизируется.

Таким образом, если лексической базой компаратива является причастие, то оно либо адъективизируется, либо совмещает в форме сравнительной степени свою семантику с семантикой наречия *более / лучше*.

Очевидно, что случаи, когда причастие адъективизируется, являются наиболее частотными. Так, адъективация причастия *сделанный* происходит в 22 случаях из 23. Это вполне естественно, т. к., приобретая качественную семантику, причастия становятся аналогами качественных прилагательных, которые нормативно могут образовывать формы степеней сравнения.

Литература

- Гайломазова Е. С. Квантификация объектов и фактов: когнитивно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики: Дисс. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2012.
- Зарецкая Н. Н. Грамматические девиации в прозе А. И. Солженицына (лингвокультурологический анализ): Дисс. ... кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2001.
- Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955–1961.
- Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
- Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1 М., 1980.

Образования нулевой суффиксации в системе индоевропейского словообразования

Т. А. Корнеева

Казанский федеральный университет (Россия)

Словообразование, нулевая суффиксация, нулевая морфема.

Summary. The article is devoted to the problems of zero suffix origin and the influence of Indo-European word derivation system on the productivity of zero morphemes in the Russian language. Zero derivation is defined as one of the frequency ways of word formation in Indo-European languages.

Нулевая деривация (в терминологии Н. М. Шанского *безаффиксный способ словообразования*) сформировалась «на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов ĭ, ō, ū, a (> ѣ, ѳ), а в общеславянском языке лишь после процессов отпадения конечных согласных и монофтонгизации дифтонгов (что вызвало переразложение основы и превращение прежних суффиксов в окончания — [Шанский 1968: 286]; ранее: [Потебня 1968: 85]). Древние суффиксальные имена, переосмысленные позднее в производные с нулевой морфемой, имели в своей структуре корневую, суффиксальную и флективную морфемы: *бег* (**beg-o-s*), *ход* (**chod-o-s*) [Николаев 2010: 38], таким образом, нулевая морфема имела совершенно определенные материально выраженные прототипы.

«Жизнеспособность» образований нулевой суффиксации и моделей их образования кроется в устойчивой взаимосвязи и взаимозависимости имени и глагола (предикатива), сохранившихся со времени их индоевропейской общности. Ср.: «...каждое из этих образований может быть сравнительно нового происхождения. Но как тип, это словообразование имеет очень большую древность, соответствуя аналогичным построениям древнегреческого и санскритского языков и уходя своими корнями в далекие эпохи выработки категории имени и глагола» [Десницкая 1949: 134].

Г. А. Николаев, рассматривая имена нулевой суффиксации с точки зрения их генетического отношения к однокоренным глаголам, объединяет слова в три группы: 1) образованные независимо от глаголов и параллельно им от одного древнего корневого слова (*бред*, *гром*, *звон* и т. п.), 2) образованные от глагола (*проход*, *укол*, *загон* и т. п.), 3) послужившие производящей базой для глаголов (*ход*, *суд*, *лов*, *клад* и т. п.) [Николаев 2010: 39]. Это косвенно подтверждает универсальную словообразовательную модель, характерную для индоевропейских языков, независимо от именного или глагольного характера «исходного» корня: лат. *canō* (глагол) → *cantus* (имя) → *cantō* (глагол) → **cantitus* (имя) → *cantitō* (глагол) → *cantitatus* (имя); **sol-ti* (глагол; лит. *sál-ti* ‘делать сладким’; ср. рус. *солить*) → **sold-ti* > **sols-ti* (глагол; лит. *sals-ti* ‘становиться сладким’) → **sols-tis* (имя; ст.-сл. *сласть*) и далее → рус. *сластить* (глагол); **klā-ti* (глагол; лит. *kló-ti*) → **klā-dos* (имя; лит. *klo-das*, рус. *кла-д*) →

**klā-d-ti* > **klād-ti* > **klās-ti* (глагол; рус. *клад-у, кла-сть*) → **klās-tos* (имя; лит. *klos-tai* 'мостки', *klos-te* 'сборка, складка') → **klāst-īti* (глагол; лит. *klōst-yti* 'расстилать') [Откупщиков 2005: 110, 145]. В результате утраты первоначальных связей родственных образований оказывается возможным установление новых словообразовательных связей или развитие обратной соотносительности, что особенно показательно для образований нулевой суффиксации (см., например, [Откупщиков 2005: 111–112]; [Марков 1956: 301]; [Николаев 2010: 39–41]).

Отражение в образованиях нулевой суффиксации ранних словообразовательных связей имен и глаголов подчеркивается активным присутствием нулевых словообразующих морфем в других индоевропейских языках. Образования нулевой суффиксации в немецком языке и их словообразовательная синонимия подробно рассмотрены в диссертации О. В. Грицких [Грицких 2005: 10], конверсия во французском языке, например, в [Пшеничная 2012: 147]. Авторы «Morphologie / Morphology. 2» отмечают продуктивность образований нулевой суффиксации на протяжении всей истории английского языка ("The productivity of zero-derivation has been on the constant increase throughout the history of English" [Morphologie 2001: 1675]), однако отмечают сложности в определении производящей и производной лексемы ("It is often difficult to decide which of the pair is primary" [Morphologie 2001: 1258]). То же у К. Аллана: приводя примеры *deverbal substantives* и *denominal verbs* (вслед за Г. Марчандом), автор нередко затрудняется определить направление деривации [Allan 2014: 218]. Нулевую суффиксацию как типологическую особенность славянского словообразования рассматривает Г. А. Николаев в [Николаев 2010: 57 и др.].

Таким образом, несмотря на то что нулевая суффиксация не была изначально присуща словообразовательной системе русского языка и представляет собой более позднее явление, она «генетически» явилась отражением тех законов и закономерностей, которые легли в основу формирования индоевропейской словообразовательной системы и которые позволяют нулевой суффиксации оставаться одним из продуктивных способов пополнения словарного состава языка на современном этапе его развития.

Литература

- Грицких О. В. Словообразовательная субстантивная синонимия в немецком и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.
- Десницкая А. В. К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 14. Л., 1949. С. 105–139.
- Марков В. М. Явления суффиксальной синонимии в языке судебников XV–XVI веков // Уч. зап. КГУ. Том 116. Кн. 1. Общеуниверситетский сб.-к. Казань, 1956. С. 299–306.
- Николаев Г. А. Русское и славянское словообразование. Казань: Казан. ун-т, 2011.
- Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М.: Книжный дом «ЛИБРКОМ», 2010.
- Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования / СПб.: Филологический факультет. М.: Издательский центр «Академия», 2005.

- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968.
- Пишечная А. Ю. Общая характеристика конверсии как способа словообразования (на материале русского и французского языков) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 1. С. 145–150.
- Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968.
- Allan K. Linguistic Meaning. London; New York: Routledge, 2014. [<http://books.google.ru/books>].
- Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung / Herausgeg. G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas. Berlin: Walter de Gruyter; New York, 2001. Halbband 2. [<http://books.google.ru/books?id=wqikmIpNjjYC&dq>].

Производные с суффиксами субъективной оценки: сопоставительный аспект

Л. В. Красильникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Суффиксы субъективной оценки, коммуникативно-функциональный и когнитивно-культурологический подходы, русский язык, славянские языки.

Summary. The article discusses nouns with the suffixes of subjective appraisal. The author points out the importance of using such nouns by foreigners of high level of Russian language proficiency. The author indicates the relevance of comparing derivatives with the suffixes of subjective appraisal in different Slavic languages from the communicative-functional and cognitive-culturological aspects.

Свободное владение русским языком как иностранным, использование всего богатства эмоционально-экспрессивных особенностей русской речи невозможны без знания инофоном производных с суффиксами субъективной оценки. Выражаемые ими разнообразные прагматические оттенки сложны для иностранцев, так как требуют «погружения» в русскую речь и культуру. Их отличает природный характер существования в языковом сознании носителей русского языка: «Согласно проведенным в Гарварде исследованиям русского национального характера <...>, русские являются людьми «экспрессивными и эмоционально живыми», их отличает «общая экспансивность», «легкость в выражении чувств», «импульсивность»» [Вежицкая 1996: 34].

Производные с суффиксами субъективной оценки отражают как объективные параметры общения, так и тонкие субъективные моменты взаимодействия людей. Во многих типичных ситуациях общения в социально-бытовой сфере употребление образований с уменьшительно-ласкательными формами отличает автоматизм, который определяется свойственным русским типом общения, характеризующимся стремлением к простоте и неформальности в человеческих взаимоотношениях. В определенной степени данный тип общения определил и некоторую общую сниженность современного дискурса, представленного в средствах массовой коммуникации.

При описании суффиксов субъективной оценки в славистике традиционно используются такие характеристики, как ‘уменьшительность’ (уменьши-

тельно-ласкательное значение), 'увеличительность' (увеличительное значение) и 'пейоративное'. Однако данные термины не отражают всю сложную картину оттенков значений, поэтому в исследованиях по словообразованию выделяются также такие значения, как сочувствие, любовь, нежность, сюсюканье или уничижительность, пренебрежительность, презрение, ирония и т. д. В речевой практике носителей русского языка (разговорная речь, публицистика, художественная литература) могут встречаться дериваты с суффиксами субъективной оценки (прежде всего с уменьшительными) практически от любого слова: *храмик, моментик, моментище, остеопорозище*.

В рамках структурно-семантического описания словообразования того или иного славянского языка обычно указываются суффиксы, способные выражать те или иные значения. Например, при описании польского словообразования встречаем: «1. Существительные, образованные от существительных. В этой группе можно выделить некоторые распространенные суффиксы. Прежде всего это суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением: -k-: *pies* „собака“ — *piesek* „собачка“, *kwiat* „цветок“ — *kwia-tek* „цветочек“» [Киклевич, Кожина 2001]. Отметим, что некоторые из устаревших в русском языке суффиксов в других славянских языках активно используются в современной речи. Например, сравним сербский и русский языки: *Bóda* (вода) — *wódiца* (водичка).

В настоящее время при описании производных с суффиксами субъективной оценки в разных языках необходимо в большей степени прибегать к коммуникативно-функциональному и когнитивно-культурологическому подходам. К типичным сферам распространения дериватов с суффиксами субъективной оценки относится речь при неформальном общении людей. Это речь взрослых, обращенная к детям (и соответственно сама детская речь), больным и домашним животным. Интересно, что в сербском языке при обращении к маленьким детям используется уменьшительно-ласкательный суффикс в глаголах: «*спáвате*» (*спите*) — «*спáвкате*», «*шéтате*» (*гуляете*) — «*шéткате*». Ср. в русском языке «детские словечки»: *Пора спатеньки / баюшки*.

Изучение русского словообразования в коммуникативно-функциональном плане предполагает изучение как внутреннего контекста (особенности употребления суффиксов в словообразовательной модели / производном), так и внешнего контекста (особенности употребления производных в определенной синтаксической позиции). Для диминутивов выделяются пять семантических типов производящих: основы с конкретно-предметным значением, со значением лица, со значением процесса, состояния, с временным и вещественным значениями [Резанова 1996: 166–181]. Семантико-синтаксические особенности функционирования образований с субъективными суффиксами проявляются как на уровне словосочетаний, так и на уровне предложений-высказываний, а также текста.

Дериваты с суффиксами субъективной оценки функционируют в предложениях-высказываниях, представляющих собой определенные речевые акты: просьбу или смягченное требование, похвалу, осуждение, предложение, совет и т. п. Иногда такие формы воспринимаются как просторечные, в то же время в речевой практике они имеют широкое распространение.

Итак, сравнение производных с суффиксами субъективной оценки в разных славянских языках может вестись: 1. в структурно-семантическом плане, в том числе по сопоставлению характеристик «современный»–«устаревший», 2. в коммуникативно-функциональном плане, 3. в когнитивно-культурологическом плане, в аспекте проблематики культуры речи как средство выражения эмотивных и экспрессивных значений.

Литература

- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
Киклевич А. К., Кожина А. А. Польский язык. Изд. 2-е, стереотип. Мн.: ТетраСистемс, 2001.
Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное слово. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996.

Эффект «неперфективации» в славянских приставочных глаголах

О. В. Кукушкина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Видообразование, приставочные глаголы, перфективация.

Summary. The article discusses one of the problems of Slavic aspect: the cases when the prefix does not change the aspect of a verb.

1. Как известно, в славянских языках присоединение приставки к глаголу несовершенного вида регулярно приводит к перфективации последнего, т. е. порождает глагол совершенного вида. По-мнению А. В. Исаченко, это правило не знает исключений: «исключения из общего правила о перфективации простых глаголов *нс* / *в* путем приставки, оказывается мнимым: *в с е* без исключения глаголы *нс* / *в* перфективируются, сочетаясь с приставкой» [Исаченко 1960: 330]. Чтобы прийти к такому выводу, А. В. Исаченко пришлось нетрадиционно решить проблему приставочных производных от глаголов неоднаправленного движения: он предложил рассматривать производные типа *прилетать* как имперфективы от *прилететь*, лишь аналогически связанные с *летать* [Исаченко 1960: 329 и др.]. Приставочные производные от глаголов неоднапр. движения действительно используются для имперфективации однонапр. приставочных глаголов в том случае, если приставка в них имеет пространственное значение (ср.: *налететь на* // *налетать на*, но *налетать много километров* и т. п.). Однако их очевидную словообразовательную связь с раз-

нонапр. глаголами игнорировать трудно. Поэтому приставочные производные типа *приллетать* правомерно рассматриваются как зона отклонения от общего правила перфективации.

2. Представляется интересным обсудить вопрос о том, есть ли в славянских языках другие случаи «неперфективации» и каковы ее причины. В этой связи обращает на себя внимание такое явление, как образование формы будущего простого от глаголов несов. вида при помощи приставок (прежде всего *po-*) в некоторых славянских языках. В русском языке формы типа *я понесу, я повезу, я поведу, я потащу* относятся к совершенному виду, «в то время как соответствующие словацкие (и чешские) формы *ponesiem (ponesu), poveziem (rovezu), poletím* являются формами будущего времени несовершенного вида» [Исаченко 1960: 320]. Простое будущее с приставкой *po-* имеют также чешские эквиваленты глаголов *расти, цвести* [Скорвид 2005: 18]. Аналогичное явление наблюдается и в верхнелужицком языке, где выделяется группа глаголов-исключений несов. вида, образующих будущее время аномально. «К ней относятся глагол *тёс* и ряд глаголов движения: *běžeć, hić, hnać, jěć, lećeć, lězć, njěsć, sahnnyć, ćěrić. wjesć, wjezć*. Форма будущего времени этих глаголов является простой и образуется от соответствующего приставочного глагола с приставкой *po-* или *z-*, т. е. формы будущего времени данных глаголов несовершенного вида омонимичны формам настоящего-будущего времени парных им глаголов совершенного вида, образованных с помощью приставок *po-* или *z-*» [Ермакова 1973: 78, 79]. В силу этого в парадигму глагола, например, *тёс* вводятся формы *změju, změje* и т. д. В связи с этим возникает проблема установления функций приставок в таких случаях: имеет ли здесь место реальная «неперфективация» или же приставка все же перфективирует исходный глагол, но имеет такое специфическое аспектуальное значение («начинательное»), которое не позволяет поместить формы с ней в парадигму существующего приставочного глагола СВ. На последнее указывает тот, например, факт, что в словацком языке инфинитивные формы с приставкой *po-*, имеющей то же значение, что в русском *поехать*, отсутствуют. Формально аналогичные инфинитивы есть, но они имеют ограничительное значение [Исаченко 1960: 321, 322].

3. Помимо рассмотренных случаев, правило перфективации нарушается лишь в единичных производных. Так, в русском языке явным «неперфективом» является *глядеть* → *вылглядеть*. Еще один глагол «зрения» *видеть* имеет в русском языке двувидовое производное *предвидеть*, аналог которого *přewidźić* верхнелужицком относится к сов. виду. При этом в *dowidzieć* («понимать, входить в положение») значение несов. вида сохраняется [Ермакова: 201]. Все такие аномалии нуждаются в диахронном семантическом и деривационном исследовании.

4. Рассмотренные случаи подтверждают строгость правила приставочной перфективации в славянских языках и позволяет рассматривать отсутствие

смены вида только как ограниченный эффект, связанный с особенностями видообразования у бесприставочных глаголов движения (см. п. 1). Обязательность смены вида при присоединении к глаголу глагольной приставки (любой, независимо от ее значения) — базовый механизм, на котором строится славянское противопоставление основ по виду.

Литература

- Ермакова М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология. М.: Изд-во «Наука», 1973.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая. Братислава: Изд-во словацкой академии наук, 1960.
- Скорвид С. С. Чешский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Новые явления в категории феминативов (на материале современного польского языка)

О. О. Лешкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Польский язык, словообразовательная категория феминативов.

Summary. The texts in the modern polish press show us an increasing avalanche of names given to women in accordance with their profession, rank or position. The new feminatives become a part of the contemporary language and settle there. In present paper are considered the extra- and intralinguistic factors which affect this process.

В последние десять лет все более распространенным явлением в польском языке становится образование и употребление женских производных от мужских названий профессий, должностей и званий. Слова указанной группы — наглядный пример воздействия экстралингвистических факторов на функционирование системы языка. Такие формы, как *prezeska*, *adwokatka*, *wykładowczyni*, *socjolożka* или же *doktorka* одними считаются проявлением равного (равноправного) восприятия мужчин и женщин в языке, следованием требованиям гендеркорректности, другие же их оценивают как странноватую выдумку феминистических кругов. Спор об этих лексемах не нов. Процессы, происходившие в рамках польских феминативов, в разные периоды времени на протяжении более чем ста лет, были реакцией на изменения в общественной жизни, в прагматике языковых единиц. Первые высказывания, комментарии и размышления о судьбе польских феминативов мы найдем на страницах польских лингвистических периодических изданий еще в начале XX века. Тогда ситуация казалась понятной и предсказуемой: наступает новая эпоха, эмансипация, женщины начинают осваивать новые социальные и профессиональные роли — язык реагирует на эти стимулы, и появляются новые лексические единицы. Восполнение терминологических лакун столкнулось с двумя типами препятствий — социального и языкового характера. К первой группе относилось господствующее мнение (и в женской среде в первую очередь), что про-

явлением равенства полов является употребление для обозначения профессии, должности и звания одного слова, вне зависимости от того, касается это женщины или мужчины. И с середины XX века наблюдается явление выхода из употребления уже существующих женских производных: *adwokatka*, *dyrektorka*, *kierowniczka*, *prezeska* или *redaktorka*. От многих мужских наименований профессий, должностей и званий (особенно высокого социального статуса): *ambasador*, *marszałek*, *minister*, *premier*, *rektor*, *senator* — женских наименований так и не возникло. Снижение производности феминативных типов (постепенно уходят из языка производные формы женских фамилий и наименования жен типа *profesorowa*, *generałowa*) и усиление тенденции к использованию неизменяемых форм лично-мужских существительных для обозначения лиц женского пола — таково положение дел в этой группе существительных на конец прошлого века, таким оно зафиксировано (то есть кодифицировано) в большинстве словарей и справочников по культуре речи.

И вот в начале XXI века к концу первого десятилетия ситуация вновь начинает меняться — все чаще на страницах прессы появляются специализированные, морфологически оформленные женско-личные существительные (вот хотя бы данные из текстов за последние пару месяцев: *prozaiczka*, *prezeska*, *reżyserka*, *szefowa*, *eksministra*, *prawniczka*, *socjolożka*, *użytkowniczki Facebooka*, *analityczka polityczna*, *teoretyczka przekładu*, *antropolożka kulturowa*, *megafonistka*, *filolożka*, *korespondentka wojenna*, *edukatorka seksualna*, *ekspertka*, *superwizorka*, *społeczniczka*, *mentorka*, *mówczyni*, *programistka*, *organizatorka*, *web developerka*, *polityczka*). И параллельно с этим все чаще тема феминативов появляется в лингвистической прессе, в справочниках по культуре речи. Все это есть отражение очередной женской экспансии — в первую очередь во властные структуры, усиления влияния феминистских движений и организаций, которые считают, что феминативы, их распространение и даже насаждение закрепят изменение положения женщин в европейском обществе и сделает «женщину более видимой». И достичь гендерного равноправия можно, не уравнивая женщину с мужчиной (то есть используя для ее именования слова мужского рода), а предоставляя ей собственное имя. Таким образом, лавинообразное нарастание производных наименований женщин в языке польской прессы последнего времени следует рассматривать не как внутриязыковой процесс, а как результат целенаправленных акций — например, определенной редакционной политики или прямых деклараций женщин, облеченных властью.

Итак, как оценивается нынешний этап развития профессиональных и титулярных феминативов в современном польском языке? В целом надо отметить, что отношение польских лингвистов к стихии феминативных новообразований достаточно сдержанное — от снисходительно-субъективных — так, А. Марковский говорит, что женские производные с *-łożka* от слов на *-log* типа

socjolożka, antropolożka ему не нравятся, поскольку ассоциируется с „mała locha” (букв. «свиноматка; кабаниха»), — до подробного выделения объективных внутриязыковых факторов, препятствующих свободному, неограниченному созданию феминативных дериватов как это постулируют поборники гендер-корректности.

Что окажется сильнее — давление извне или внутренние законы языка? В оценке специалистов не все сформулированные внутриязыковые барьеры являются непреодолимыми. Толерантные к новым феминативам исследователи приходят к выводу, что дискуссия о них должна идти в двух плоскостях: хотим ли мы // следует ли их употреблять и как они должны выглядеть. И если в первой плоскости ответ очевиден — потребность в таких наименованиях есть, однако, поскольку и в женской среде существует сопротивление, то насилие тут неуместно и время постепенно все расставит по своим местам (еще 20 лет назад socjolożka, psycholożka резали ухо, а сегодня уже нет), то относительно второго могут быть различные точки зрения. По мнению К. Клосинской, стоит пропагандировать двуродовые образования (ten / ta sędzia, ten / ta pediatra, ten / ta kierowca), с другой — не стоит пытаться феминизировать воинские звания и образовывать дериваты типа poruczniczka, kapitanka, generałka. Наличие полисемии для многих образований с суффиксом -ka не должно быть серьезным препятствием для функционирования в качестве феминатива, поскольку контекст позволяет легко идентифицировать нужное значение. Что касается фонетических ограничений, то здесь могут быть предложены варианты с другими суффиксами: chirurgka — chirurgini; pediatra — ta pediatra (хотя реальный узус свидетельствует, что «труднопроизносимость» здесь вполне преодолима, ср. pediatrka).

Процесс вхождения в узус и закрепления в языке новых лексем или форм процесс длительный, его результат зависит от многих факторов, однако в польском языке существует достаточно универсальный способ, устоявшийся и позволяющий преодолеть многие точки напряженности, возникающие при отсутствии узуального лично-женского существительного — это введение слова pani, которое дает возможность употреблять неизменяемые формы мужского рода во всех косвенных падежах и во множественном числе (z paniami minister; panie docent przyszły) [Łaziński 2006: 230].

Литература

- Jadacka H. Kultura języka polskiego. Fleksja, słowotwórstwo, składnia. Warszawa, 2005. S. 126–131.
 Karwatowska M., Szpyra-Kozłowska J. Lingwistyka płci. On i ona w języku polskim. Lublin, 2005.
 Łaziński M. O panach i paniach. Polskie rzeczowniki tytułowe i ich asymetria rodzajowo-płciowa. Warszawa, 2006.
 Nowy słownik poprawnej polszczyzny / Pod red. A. Markowskiego. Warszawa, 2003.

Активные процессы в славянском глагольном словообразовании

Е. М. Маркова, Т. Григорянова

Университет Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве (Словакия)

Славянские языки, активные процессы, глагол, словообразование.

Summary. Slavic languages is inherent increased verbal verbalization, which further intensified in our days. Within verb conjugations of verbs from substantives are allocated as a result of univerbation phrases, passive-reflexive transitive forms, neologisms, perfektiv and imperfektiv innovations, leading to the development of new aspektual meanings. Similarity of processes in other Slavic languages demonstrates a convergence of their development.

Повышенная глагольная вербализация свойственна славянскому языковому лингвокреативному сознанию в целом, однако сейчас наблюдается значительная активизация глагольного словообразования.

Появление новых глагольных наименований связано с экстралингвистическими и интралингвистическими факторами. К экстралингвистическим факторам относятся появление новых явлений, видов деятельности (рус. *майда-нить*, *куришевелить*, чеш. *resetovat* ‘перезагрузить’, *snowboardovat* ‘кататься на сноуборде’), новых способов коммуникации (рус. *мейлить*, *чатиться*, *гуглить*, *контачить*, чеш. *faxovat* ‘обмениваться факсами’, *mobilovat* ‘звонить по мобильному телефону’ и др.), изменения и тенденции в области экономики, политики и культуры и с ними связанные действия (рус. *пиарить*, *диджеить*, чеш. *globalizovat* ‘глобализировать’, *ekologizovat* ‘экологизировать’, *medializovat* ‘медиализировать’) [Martincová 2005: 119].

К интралингвистическим факторам принадлежит, в частности, усиление в последнее время тенденции к экономии языковых средств и, как следствие, — активизация универбации, выражающейся в том числе и в создании семантически компактных глаголов (как правило, в результате стяжения глагольно-именного словосочетания), в том числе от английских корней: *дефейсить* ‘сменить внешний вид’ от англ. *deface*, *лукать* ‘смотреть’ от англ. *to look*, *то-кать* ‘разговаривать’ от англ. *to talk*, чеш. *mailovat* ‘писать, переписываться по интернету’ от *mail*, чеш. *mejdanovat* ‘тусоваться’ от *mejdan* ‘тусовка, обычно в квартире одного из его участников’, словц. *žúrovat* ‘тусоваться’ от *žúr* ‘тусовка’, словц. *dovolenkovat* ‘быть в отпуске’ от *dovolenka* ‘отпуск’, словц. *prázdninovat* ‘быть на каникулах’ *prázdniny* ‘каникулы’, словц. *letovat* ‘проводить летний отпуск’ от *leto* ‘лето’, *vydličkovat* ‘взбивать вилкой’ от *vydlička* ‘вилка’, *zazmluvniť* (букв. ‘законтрактовать’), которое появилось совсем недавно в результате универбации словосочетания *zmluvne zabezpečiť* (‘обеспечить договором’) в сочетаниях типа: *zazmluvniť pôrodníka, cenu, dodávateľa* (‘законтрактовать врача-акушера, цену, поставщика’). Много глагольных инноваций встречается в рекламных слоганах. К таким неологизмам относится, напр., глагол *bankovať s niekým* (букв. ‘банковать с кем-л.’), ‘вступить во взаимоотношения с банком’, что выражено в рекламном слогане *S kým bankujete?* (букв. ‘С кем вы банкуете?’).

Активно образуются на русской почве глаголы от существительных с продуктивным заимствованным суффиксом **-инг**: *шопинговать, прессинговать, демпинговать, рейтинговать, кастинговать, пирсинговать, тюнинговать* и др. Задействуются в образовании отымённых глаголов суффиксы **-ирова, -ова, -и**: *брендировать, продюсировать, офшорить, мониторить*. Эта тенденция наблюдается и в словацком языке, однако глагольные формы образуются от существительных с суффиксом *-ing* по словацким словообразовательным моделям без участия этого суффикса: *dabing* ‘озвучивание’ — *dabovať*, *lobing* ‘лоббирование’ — *lobovať*, *míting* ‘митинг’ — *mítingovať*, *koučing* ‘коучинг’ *koučovať*, *forčeking* ‘форчекинг’ — *forčekovať*, *doping* ‘допинг’ — *dopovať*, *kemping* ‘кемпинг’ — *kempovať*, *dribling* ‘дриблинг’ — *driblovať*, *monitoring* ‘мониторинг’ — *monitorovať*, *karavaning* ‘караванинг’ — *karavanovať*, *banking* ‘банкинг’ — благодаря рекламе появилась форма *bankovať*.

Наблюдается экспансия **пассивно-возвратных** образований (*было пошучено, было поступлено*), использование личных глаголов в значении безличных отмечается и в словацком языке, например, в период выборов появился глагол *zvolebnieva sa* (букв. ‘выбирает’) ‘наступают выборы, приходит время выборов’.

В рамках активных процессов в области глагольного словообразования можно отметить **имперфективацию** и **перфективацию**, образование **пассивных глаголов** и их форм. В аспекте тенденции к **имперфективации** образуются формы типа *озабочивать* (как третий элемент цепочки: *заботить* — *озаботить*), *возненавидивать* (от *ненавидеть* — *возненавидеть*), *разлюбливать* (от *любить* — *разлюбить*), *отмщать* (от *мстить* — *отомстить*), а также заполняются грамматические лакуны типа *отсрачивать* (от *отсрочить*), *составляться* (от *состояться*). В словацком активно функционируют сочетания типа *vidíme sa, počiujete sa, voláme si zajtra* (букв. ‘видимся’, ‘слышим друг друга’, ‘звоним друг другу завтра’) в значении будущего времени по образцу скалькированной английской фразы *see you*.

С другой стороны, активно образуются и **перфективные** формы, с помощью приставочного словообразования, причем большинство приставок являются акциональными. В русском языке выделяется активностью префикс **про-**: *простроить* (*выстроить*) (отношения), *прослушать* (курс лекций), *прописано* (в пьесах, в литературе), префикс **от-**: *отксерить* (материал), *отзвонить* (вечером), *отследить* (отклики), *откомментировать* (материал), *отсмотреть* (фрагмент), *отрепетировать*, *отрекламировать*, *отпиарить*, *отсудить*, *отпеть*, *отлюбить*. В современном чешском языке активно используется суффикс **vy-** в сочетании с основами заимствованных глаголов: *vydiskutovat*, *vykomunikovat* (‘изложить свою позицию в форме дискуссии, коммуникации и найти решение’), а также основами чешских глаголов: *vyžískať* (‘заполучить’) [Janovec 2013: 119]. В словацком языке продуктивным глаголь-

ным префиксом является **za-**: *zakatalogizovat'* ('занести в каталог'), *zavířit'* ('запустить вирус'), *zaheslovat'* ('установить пароль'), *zafaxovat'* ('отправить по факсу'), *zafixovat'* ('зафиксировать'), *zateplít'* ('затеплить'), *zadefinovat'* ('определить, наметить'), *zadart' sa* ('начать получаться') и др.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о таких характерных чертах современных глагольных дериватов, как **полиакциональность**, способность сочетать в себе несколько способов глагольного действия, а также ярко выраженную эмоционально-оценочную составляющую. В целом славянские языки демонстрируют конвергенцию в области глагольного словообразования, хотя интенсивность, характер и результаты рассматриваемых процессов в разных славянских языках национально специфичны.

Литература

- Маркова Е., Григорянова Т. Динамические аспекты лексики современных славянских языков. Вроц: TRIBUN EU, 2016.
 Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. М.: URSS, 2010.
 Martincová O. Nová slovesná pojmenování // Neologizmy v dnešní češtině. Praha: ÚJČ AV ČR, 2005. С. 119–133.

К вопросу о глаголах с циркумфиксом *до-...-ся*

И. Палоши

Будапештский университет им. Лоранда Этвеша (Венгрия)

Семантика, способ действия, циркумфикс, результативность.

Summary. The paper aims to analyze the semantic structure of Russian verbs with a marker *do...s'a* — verbs of negative-finished and durative-intensive actionsart. The research shows that the sematic field of both verb groups includes the semes of durativity, repetitiveness, intensity and resultativity. The main distinctive feature between them is connected to the seme of resultativity — the intended or non-intended result of the action.

1. Введение

Настоящая работа посвящена анализу сематической структуры глаголов с формантом *до-...-ся*. Делается попытка сопоставить семантическое поле глаголов длительно-усилительного (типа *достучаться, доискаться, докричаться* и т. д.) и финально-отрицательного способа действия (в дальнейшем — СД) (типа *доработаться до головной боли, догуляться до беды, дошутиться, докричаться до хрипоты, договориться до абсурда* и т. д.). В рамках настоящего исследования мы не будем заниматься глаголами с пространственным значением типа *добираться*.

Цель нашей работы заключается в том, чтобы ответить на следующие вопросы:

1. Какие общие и семы у глаголов длительно-усилительного и финально-отрицательного СД?

2. Какие семы отличают глаголы финально-отрицательного СД от глаголов длительно-усилительного СД? 3) Можно ли отнести все глаголы с формантом *до-...-ся* к одному СД?

2. Семантика циркумфикса *до-...-ся*

В ходе нашего анализа мы исходим из результатов семантического анализа приставки *до-*, проведенного французской формальной школой. Вслед за Добрушиной Е. Р. и Пайаром Д., циркумфикс *до-...-ся* вносит следующее значение в семантику глагола: «действие с результатом, при достижении которого возникают проблемы, преодолеваемые субъектом» [Добродушина, Меллина, Пайар 2001: 49–50]. Из изложенного выше явствует, что ключевым понятием при анализе семантики глаголов с циркумфиксом *до-...-ся* является дистанция.

В связи с этим возникают два вопроса: 1) Можно ли отнести указанное выше толкование к глаголам финально-отрицательного СД?; 2) Как реализуется значение «преодоление дистанции» в семантической структуре обоих типов глаголов с формантом *до-...-ся*? К этим вопросам непременно вернемся при анализе отдельных СД.

3. Семантика глаголов длительно-усилительного СД

По общеизвестному определению, глаголы длительно-усилительного СД обозначают доведение действия до желаемого результата путем приложения длительных, настойчивых усилий [Зализняк, Шмелев 1997: 98]. Бесспорно, что в семантике данных глаголов сочетаются семы результативности, длительности и интенсивности. Однако, ввиду того, что в большинстве случаев имеет место многократное повторение однородных действий в рамках одной ситуации, мы, со своей стороны, добавим к семантической трактовке данных глаголов и сему кратности, а именно мультипликативности. При этом значение преодоления дистанции связано с семами длительности и кратности, поскольку длительные и многократные попытки совершить действие приводят к достижению результата, т. е. к преодолению дистанции между положениями I и R.

С интерпретацией И. Б. Шатуновского по отношению к значению данных глаголов как «моментальный переход к наличию результата» [Шатуновский 2009: 234] мы можем согласиться только с той оговоркой, что моментальному переходу предшествует процесс попыток достичь результата. Наличие такого предшествующего процесса И. Б. Шатуновским не отвергается и называется медиальной фазой. Именно эту медиальную фазу можно рассмотреть как преодолеваемую дистанцию между положениями I и R.

4. Семантика глаголов финально-отрицательного СД

Как известно, глаголы финально-отрицательного СД, которые указывают на чрезмерность действия, доведенного до отрицательного следствия [Крекич 1997: 31]. Эти глаголы часто сочетаются с конструкцией предлог *до* + родительный падеж, эксплицитно указывающей на отрицательное следствие чрезмерно продолжительного, итеративного или интенсивного действия с точки зрения субъекта действия. Следовательно, кроме центральной семы результативности данные глаголы содержат еще семы продолжительности, итеративности, интенсивности и пресыщенности, которые в зависимости от ситуативного контекста могут устранять друг друга, и активизироваться в разных комбинациях.

Что касается вопроса о значении преодоления дистанции между положениями I и R, мы считаем, что в случае глаголов финально-отрицательного СД речь идет о несознательном процессе преодоления дистанции. Субъект не контролирует количественные параметры действия. На вопрос о том, можно ли отнести взгляды Е. Р. Добродушиной и Д. Пайара на данные глаголы, мы допускаем ответить утвердительно, с той оговоркой, что имеет место несознательное, нецеленаправленное преодоление дистанции. Подобно к глаголам длительно-усилительного СД, в семантике глаголов финально-отрицательных СД значение преодоления дистанции связано с семами кратности, длительно-сти и интенсивности.

5. Итоги

Проделанный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

1. Общая особенность глаголов с циркумфиксом *до-...-ся* заключается в том, что центральную позицию в семантической структуре глаголов занимает сема результативности, а семы кратности, длительности и интенсивности относятся к периферии.

2. Два изучаемых СД разграничивает характер результата (желаемый или нежелательный). При этом особую роль играет осознанная направленность субъекта на достижение результата. Прагматическим значением пресыщенности субъекта действием обладают только глаголы финально-отрицательного СД.

3. Оба СД правомерно входят в класс специально-результативных СД, но ни один из них не может включать другого. Глаголы длительно-усилительного и финально-отрицательного СД являются самостоятельными СД.

Литература

- Добродушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство: Сборник. М., 2001.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Лекции по русской аспектологии. (Slavistische Beiträge 353.) München, 1997.
- Крекич Й. Педагогическая грамматика русского глагола. Семантика и прагматика. Szeged, 1997.
- Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М., 2009.

Словообразовательные и семантические инновации в церковнославянских текстах русского происхождения*

А. А. Плетнева

Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)
*Церковнославянский язык, русский язык, поэтика, лексикология, лексикография,
семантика, гапаксы*

Summary. Word-formation and semantic innovations in Church Slavonic texts of Russian origin. The report considers derivational and semantic features of the vocabulary in liturgical texts composed in Russia, as compared with those translated from Greek

1. Словарь современного церковнославянского языка, подготовка которого ведется в ИРЯ РАН, предполагает работу со значительным по объему церковнославянским корпусом богослужебных и четьиных книг. В эти книги входит значительное число служб русским святым, созданных в XI–XXI веках. Источники словаря оцифрованы, поэтому у составителей есть техническая возможность анализировать полную выборку вхождений. При этом было выявлено значительное количество лексем, которые встречаются только в текстах русского происхождения.

2. Некоторые из слов, встречающихся только в русских службах, совпадают со словами русского литературного языка в аналогичном значении, в то время как в переводных церковнославянских текстах употребляется слово с другим корнем. Так, «беззащитный» встречается в текстах русского происхождения: *зрим вас гладных... плачущих о чадах оставленных и о матерех их беззащитных* (25 января Новомучеников и исповедников Российских). В текстах, переведенных с греческого, в этом значении, как правило, фигурирует слово «безпредстательственный». В других случаях мы видим в русских службах слово с тем же корнем, что и переводных текстах, но словообразовательные модели при этом будут разные. Например, слово «беззлобный» встречается лишь в службе Феодосия Печерского: *ты иерей Божий беззлобный был еси, яко воистину, оче, безкровныя жертвы принося, священне, и воспевая сердцем чистым ко Господу, празднуя присно*. В переводных службах в аналогичных контекстах встречаются слова «незлюбивый», «беззлюбивый». Слово «благородство» встречается только в русских службах: *из корене благородна благородством и многими добротами плод процвела еси, возрастши лоза по всей земли русской и в полосте граде, осеняющи и вином веселия напояющи, Евфросиние, присно молящих ти ся* (2 мая служба Евфросинии Полоцкой). При этом слово «благородие» появляется как в русских, так и переводных текстах.

3. В некоторых случаях слово в службе русского происхождения не совпадает с аналогом в русском литературном языке, и при этом не совпадает и со стандартным церковнославянским. Так, слово «боголепный» имеет в кор-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 15-04-12050.

пусе словаря более 140 вхождений, при этом слово «боголепый» встречается лишь один раз в службе святителю Алексею Московскому: *с царствуемыми миром православныя люди наша от всяких бед зашити, богозданный православия щите, и церкви русския первопрестольный иерарше, всеблаженне Алексие, в боголепое церквей Божиих благостроение, даждь свыше небесную помощь* Подобные гапаксы появляются в русских службах достаточно часто и не всегда они противопоставленные стандартному церковнославянскому слову. В той же службе святителю Алексею Московскому находим слово «благоведрый» в значении 'ясный, безоблачный', которое встретилось в корпусе всего один раз. Аналогичного слова для переводных текстов нет.

4. Кроме словообразовательных инноваций в русских службах встречаются и семантические инновации. Так в слове «благодарение» появляется особое значение 'благой дар, благодеяние', которое встречается исключительно в русских службах (Ефросинии Полоцкой и Леонтия Ростовского). Для переводных текстов актуальны значения 'хвала, прославление', 'благодарность' и 'причащение, евхаристия'. Особое значение для непереводаемых контекстов имеет и слово «благоутишний». Это значение 'несущий мир, утишающий' по отношению к человеку, а не предмету. Встречается оно, например, в русской службе благоверному князю Всеволоду-Гавриилу. Это же слово в переводных контекстах означает 'мирный, спокойный, безмятежный', 'лишенный страстей' и не употребляется по отношению к человеку.

5. Таким образом, работа над словарем современного церковнославянского языка позволят выявить словообразовательную специфику русизмов, а в некоторых случаях и дифференциацию значений в зависимости от переводного или непереводаемого контекста.

Поведенческие стереотипы в лексической и словообразовательной семантике русского глагола

В. Г. Фатхутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Глаголы поведения, словообразование, семантика, лингвокультурология.

Summary. The report analyzes behavioral stereotypes represented in the lexical and word-formative semantics of a Russian verb. It is proved that the estimating and regulating nature of verb semantics can occur in derivatives formed with the help of identical word-formative means.

В сфере акциональных, ментальных и эмотивно-оценочных предикатов глаголы поведения, будучи основными способами языковой объективации поведенческих стереотипов, национального характера и этнокультурных традиций этноса, занимают особое место. Их семантика содержит в себе особенности мировоззрения, ценностные установки, социокультурные нормы, представ-

ление о желательных (эталонных) и нежелательных «моделях поведения» человека.

В «Русском семантическом словаре» лексический класс «Поведение, а также действия и поступки, неотделимые от поведения» охватывает обширный пласт слов, характеризующих поведение и образ действий. В него также включены глаголы и фразеологизмы, непосредственно связанные с мышлением, с убеждениями человека, с его понятиями о нравственных ценностях, а также со случайными реакциями на те или иные стимулы и сложившиеся обстоятельства. В основе классификации, представленной в словаре, лежат четыре основные группы: 1) «общие обозначения», 2) «деятельное, активное поведение», 3) «нерешительное, осторожное поведение, медлительность, бездеятельность, уклонение от деятельности» и 4) «антиобщественное и антисоциальное поведение», каждая из которых получает дальнейшую многоступенчатую детализацию [Русский семантический словарь 2007: 332–333]. Можно констатировать, что данная семантическая сфера описана в русском языке глубоко и последовательно. Тем не менее практически неизученными до сих пор остаются способы опосредованного выражения «семантики поведения», в число которых, по нашему мнению, следует включить словообразовательные типы и модели производной глагольной лексики.

Собранный и систематизированный нами материал позволил выдвинуть следующую гипотезу: оценочно-регламентирующий характер глагольной семантики может возникать у дериватов одного и того же словообразовательного типа, а именно образованных при помощи идентичных словообразовательных средств.

Цель исследования — доказать, что семантика поведения реализуется не только в рамках соответствующей лексико-семантической группы, но и за ее пределами: социально-поведенческие мотивы возникают в актах словообразовательной детерминации стилистически и денотативно нейтральных глагольных основ.

Методологически релевантными для нашего анализа стали лингвокультурологические понятия социокультурной нормы и ценностной ориентации личности. «Если на уровне индивидуального поведения ценности имеют прежде всего прагматическую, эпистемическую или эмоциональную значимость, то на уровне общества они выполняют важную интегративную функцию» [Киклевич 2014: 278].

По мнению Т. И. Вендиной, о социоцентризме языка традиционной русской духовной культуры свидетельствует факт существования обширного пласта лексики, характеризующей человека с точки зрения его способности жить в обществе и соответствовать тем социальным нормам общежития, которые в нем закреплены [Вендина 2012: 56].

В этой связи особого внимания заслуживает сфера межличностного дискурса, где представлена оценка поведения не отдельной личности, а микросоциума — двух и более людей. Ее языковыми репрезентантами, с нашей точки зрения, могут выступать словообразовательные типы глаголов с префиксом *раз-* или с конфиксом *раз-* ... *-ся*. Словообразовательное значение 'разъединение, разделение чего-нибудь раннее соединенного' актуализируется в речеповеденческих предикатах типа *разругаться, рассориться, разбраниться, расплеваться*, которые являются системными глаголами поведения и служат обозначениями однотипной экстралингвистической ситуации.

Межличностные отношения занимают важное место в процессуально-событийном мире русского человека, и их прекращение с позиций стереотипного и эталонного поведения оценивается всегда негативно. Об этом свидетельствует устаревшая лексика, широко представленная в словаре В. И. Даля. Так, национально-культурным своеобразием и пейоративной оценкой отмечены глаголы, характеризующие следующие действия: *разбрататься* — «побратавшись, после того поссориться, раздружиться, разойтись»; *раздряниться* — «рассориться из-за пустяков»; *раскумиться* — «поссориться после тесной дружбы»; ср. также: *разъякшаться, раззнакомиться*. Прекращение отношений в данном случае квалифицируется как определенный тип поведения, оцениваемый отрицательно и предписывающий поступать и вести себя иначе.

Ярко выраженной этнокультурной коннотацией обладает глагол *размири́ться* — «прервать мир, нарушить согласие, поссориться, разбраниться, стать недругом, начать враждовать»; ср. *размирье* — «ссора, несогласие, разрыв мира, объявление войны, военное время, пора, состояние»; *размирная* — «грамота, письмо с объявлением войны».

Глагольные дериваты с префиксом *раз-* могут выступать со значением 'аннулировать результат действия, названного мотивирующим глаголом; отказаться или заставить отказаться от чего-нибудь'; здесь совмещается значение аннулирования со значением разделения: *раздружить* — «раздружить дружбу, поссорить, развести: раздружится друг — хуже недруга; у них *раздружба* — ссора, несогласие, вражда»; *разсватать* — «расстроить свадьбу»; *разсват* — «расстроивший свадьбу: сват на коне, а разсват на свинье»; *разжени́ть* — «развести, отлучить от жены, уничтожить брак: женив сына, не разженишь, хоть и плохо»; «женитьба есть, а разжени́тьбы нет»; *разжєня* (обл.) — «кто развелся, разженился», «о самовольной разлуке супругов, о невенчанных раскольниках»; ср. также: *развенчать* — «развести супругов, уничтожить брак, дать разводную; худой (и плохой, и глупый) поп свенчает, хорошему (умному) не развенчать».

Таким образом, национально-культурные особенности русского стереотипного поведения находят отражение не только в системной глагольной лексике с инвариантной семой 'вести себя каким-либо образом', но и в лексико-

словообразовательной семантике, непосредственно связанной с номинативно-оценочной и регулятивной функцией слова.

Литература

- Киклевич А. К.* Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков: «Гуманитарный центр», 2014.
- Вендина Т. И.* Русская традиционная духовная культура: наследие в слове // *Метафизика*. 2012. № 4 (6). С. 49–64.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том IV. / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: «Азбуковник», 2007.

Славянская диалектология в синхронии и диахронии

Вариативность в говоре пихтинских голендров^{*}

М. М. Алексеева

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Голендры, вариативность, западнopolесские украинские говоры, полесско-волынские украинские говоры, островной говор.

Summary. Golendry (pol. Olędrzy) is a small ethnic group of Dutch ancestry in Syberia that came to the Irkutsk region from the Volyn' region (now Ukraine) in the 1910s. They speak a western Ukrainian dialect which demonstrates a high degree of language variation caused by two reasons: heterogeneous character of the dialect and intensive contacts with the Russian language.

Говор пихтинских голендров — это малоизученный островной переселенческий украинский говор в Сибири.

Голендры — представители этнической группы, компактно проживающие в селах Пихтинск, Среднепихтинск и Дагник Заларинского района Иркутской области, — приехали в Сибирь в начале 1910-х гг. по аграрной реформе П. А. Столыпина из Гродненской и Волынской губерний Российской империи. Их предки, голландские колонисты-меннониты, в XVI–XVII вв. прибыли из Нидерландов в Польшу, а затем после разделов Польши основали голендровские поселения на Волыни. В России голендров долгое время считали немцами во многом из-за созвучности их имен и фамилий с немецкими (Кунц, Гильдебрант, Людвиг и др.). В названных трех деревнях сегодня проживает около 300 голендров.

Голендры — лютеране, причем религиозную сферу обслуживает польский язык (церковные польские книги переселенцы с Волыни привезли с собой). Употребление польского языка ограничивается религиозными службами и фольклором (в частности, польские песни наряду с украинскими звучат во время свадебного обряда). В быту польский язык практически не используется, хотя, по-видимому, до переселения имела место польско-украинская диглоссия (по меньшей мере в некоторых семьях). Судя по всему, это была разновидность юго-восточного периферийного польского диалекта (polszczyzna kresowa).

Основные особенности говора пихтинских голендров позволяют отнести его к западнopolесским или полесско-волынским говорам украинского языка. При этом сами голендры свой идиом называют голендровским или «хохлацким».

^{*} Работа выполнена в рамках гранта «Славянские переселенческие говоры в России (чешские, польские, украинские)» № А-54 «Фонда фундаментальных лингвистических исследований» (<http://www.ffli.ru>).

Говор пихтинских голендров долгое время не попадал в поле зрения ученых. В прессе встречаются упоминания об их «смешанном» польско-украинско-белорусском языке. Причин возникновения подобных формулировок несколько: в говоре голендров немало заимствований из польского языка; на Волини и среди первых переселенцев, возможно, имела место польско-украинская диглоссия; польский язык до сих пор употребляется в качестве языка религии. На появление «белорусской версии» вероятно повлиял тот факт, что часть голендров переселилась из Гродненской губернии. Однако на юге современной Беларуси функционируют берестейские украинские говоры, являющиеся продолжением западнополесских. Белорусских черт в говоре сибирских голендров не выявлено.

В говоре пихтинских голендров широко представлено явление вариативности. Вариативность обусловлена несколькими причинами: а) говор пихтинских голендров имеет гетерогенный характер. В указанных трех деревнях проживают переселенцы из разных волынских сел. Отличия между говорами, по-видимому, были не столь значительны и сами носители считают, что говор у них один, тем не менее имеется определенное количество унаследованных различий; б) вариативность во многом обусловлена постоянными контактами с русским языком. В настоящее время все носители голендровского говора двуязычны или же полностью перешли на русский язык. Под влиянием русского языка происходит стирание основных диалектных черт. Отметим, что в случае сибирских голендров (в отличие от сибирских поляков) невозможно говорить о какой-либо метрополии, связи с которой могли бы способствовать сохранению родного идиома.

К проявлениям вариативности, обусловленной гетерогенным характером говора, можно отнести следующие особенности:

- различные монофтонги на месте этимологического *о в закрытых слогах. Чаще всего в этой позиции встречается монофтонг «i» (*v'il* 'вол, бык', *po"rih* 'порог', *m'ih* 'мог', *r'is* 'рос') или «у» (*lyško* 'кровать', *tyk* 'ток', *styko* 'столько'). При этом в слове *vun* 'он' и *bul'she* 'больше' практически у всех информантов находим монофтонг «u»;
- гласный *i* или *y* на месте безударного *ě: *m'ishú* 'мешаю', *vydró* 'ведро'. Наличие *y* в безударной позиции — яркая черта волынско-полесских говоров (под ударением последовательно *ě > *i*: *s'ino* 'сено', *v'ira* 'вера', *xr'in* 'хрен', *t'isto* 'тесто');
- параллельные формы 2 л. ед. ч. наст. вр. глагола 'есть': *jisy* / *jisyš*;
- наличие глагольных форм 3 л. единственного и множественного числа с и без *l*-эпентетикума: *stavl'et*, *stavl'ut* 'ставят' но: *rob'at* 'делают'.

Унаследованную вариативность в области фонетики и грамматики сами носители говора не считают существенной и утверждают, что говорят они все

одинаково. Однако в отдельных случаях голендры указывают на лексические различия. Так, одна информантка рассказала, что у них в селе жену дяди называют *vijenka*, а в соседнем — *vijaškova*.

К вариативности, обусловленной влиянием русского языка, можно отнести:

- наличие форм инфинитива на *-tu* и *-t'*: *vd'ahaty*, *maxaty*, но: *spyvát'*;
- наличие форм с / без морфонологических чередований согласных в Дат. / Пред. п. существительных женского рода: *na r'íčk'i* 'на речке', *v hrúpk'i* 'в печке' но: *v hrúpc'i*, *na ruc'í* 'на руке';
- наличие лексических дублетов: *býdlo* / *skot* 'домашний скот', *pustolý* / *lápt'i* 'лапти'.

Голендры осознают эти лексические различия (*po rusk'i n'et, a po na'somu nymá*) и отмечают, что их язык подвергся сильному влиянию русского языка: *a uže š: 'as ne huvórat skro"báty, čýstyty, fso po rúski vže po"šló* — «обрусевший язык уже».

В отдельных случаях невозможно однозначно указать причину вариативности, поскольку не ясно, исконное ли это явление или же более позднее, возникшее под влиянием русского языка.

Литература

Атлас української мови. Т. 2. К., 1988.

Бютов Э. Происхождение и история бужских голендров // «Тальцы» № 4 (23), 2004. С. 3–22.

Шостакович Б. С. Голендры: этимология термина и понятия // «Тальцы» № 4 (23), 2004. С. 23–35.

О некоторых типах гибридных образований в славянских языках (на материале русского и польского языков)

Н. Е. Ананьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Польский язык, русский язык, языковой гибрид, билингвизм, диалект.

Summary. In this paper the author analyzes the different types of hybrid forms in the Russian and in the Polish languages: those formed by writers (for example the hybrid forms used by N. Leskov) and those which function in the Polish dialects as the result of their contacts with the Russian language.

Феномен гибридности в последнее время привлекает внимание широкого круга исследователей: лингвистов, литературоведов, культурологов. Так, в 2012 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция «Проблема гибрида в славянских языках», материалы которой изданы в 2014 г. [Гибридные формы... 2014].

Под гибридными образованиями в докладе понимается результат контаминации (как правило, двух) самостоятельных языковых форм или их частей. Гибридные образования (языковые гибриды) могут появляться как вследствие

осознанной целенаправленной креативной деятельности творца-писателя (например, гибридные образования у Н. С. Лескова), так и в результате неосознанных языковых процессов (например, у билингвальных диалектоносителей). Генетически гибриды могут быть образованы только из форм родного языка (односистемные, или внутрисистемные), а могут представлять собой объединение форм, относящихся к разным языковым кодам, находящимся в разной степени родства (разносистемные гибриды). При этом к иноязычному по происхождению коду может принадлежать как один из компонентов гибридного образования, так и оба (в обычном случае двухчленного гибрида). Примеры генетически односистемных и разносистемных гибридных образований, являющихся результатом творческой деятельности, из произведений Н. С. Лескова: *бюстры* (объединение слов бюст и люстры), *безрассудок* (предрассудок и безрассудство), *двухсестная* (двухместная и сесть), *мелкоскоп* (мелко и микроскоп), *нимфузория* (нимфа и инфузория), *студинг* (пудинг и студень), *клеветон* (клевета и фельетон), *ажидация* (ажитация 'волнение, возбуждение' с фр. agitation и ожидание) («Левша»); *проствейн* 'водка' (простой и «вейн» 'вино') («Справедливый человек»); *сужект* (субъект и сюжет) («Путешествие с нигилистом»); *долбища умножения* (долбить и таблица), *парфемандрит* (из фр. parfait и архимандрит) («Заметки неизвестного»).

Гибридным образованием может стать также объединение корня слова родного языка (или его части) и иноязычного форманта, например, окончания (ср. у Н. С. Лескова *непромокабли* — от непромокаемый с французским окончанием).

Языковые гибриды известны истории славянских языков. Так, в польском языке с XV в. из латинского языка распространяется окончание *-a* в им. п. мн. ч. существительных м. р. Оно чаще встречается в словах латинского же (или немецкого) происхождения. Но в случаях редкого оформления им польских слов (*pota, pociska, okręta*) может квалифицироваться как составная часть гибридного разносистемного (польско-латинского) образования.

Гибридного происхождения могут быть и отдельные форманты. Так, польское диалектное окончание мазовецкого ареала *-ov'u* (варианты при асинхронном типе произношения мягких губных *-oju* и даже *-oži*; последний вариант, в частности, представлен в говоре переселенцев мазурского региона, проживающих в настоящее время в деревнях Знаменка и Александровка под Абаканом) — результат контаминации двух флексий дат. п. ед. ч. м. р. *-ov'i* (генетически из *й-основ) и *-u* (генетически из *ѡ-основ) и пример внутрисистемной гибридности.

Наиболее часто гибридные образования появляются при контакте носителей какого-либо диалекта с иноязычным кодом, особенно в случае близкородственного билингвизма, например, при взаимодействии родной (первичной) польской диасистемы со вторичным русским идиомом (диалектным или

литературным). Так, при заимствовании русизма часто в нем отмечаются фонетические, морфологические, словообразовательные, реже синтаксические «маркеры» первичной польской системы. Например, в русизме *potstrujomy* (русск. *подстроим, пристроим*, польск. *przybudować*), зафиксированном у полноязычного диалектоносителя с. Вершина Иркутской области Боханского района, маркерами первичной системы являются корневое *и* (на месте *о*) и флексия 1 л. мн. ч. презенса *-иту*.

Генетически гибридными формами являются формы с литовскими по происхождению флексиями дат. п. ед. ч. существительных ж. р. *-aj / -ej*, присоединяемыми к польским основам, в северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта (так называемой «польщизны кресовой»), типа *dziewczynkaj* 'литер. *dziewczynce*', *krowaj* 'литер. *krowie*'. В докладе приводятся также другие примеры славянских языковых гибридов.

Литература

Гибридные формы в славянских культурах. М., 2014.

Проблема генезиса самарских переселенческих говоров

Т. Е. Баженова

Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Русский язык, диалектная лексика, переселенческие говоры Поволжья, лингвистическая география.

Summary. This article describes the results of mapping vocabulary of Samara dialects about the interpretation of habitats of dialectal features. Linguistic maps reflect the lexical characteristics, extend the typology of Samara dialects and have diagnostic capabilities, which, along with the facts of other levels of the language can be used in a comprehensive characterization of the dialects of the individual Territories, including such a linguistically complex region as Samara Volga region.

1. Итоги изучения самарских говоров методом лингвистической географии

Проблема лингвогеографического описания переселенческих говоров остается актуальной. В результате картографирования и интерпретации карт по предударному вокализму и лексике, выявлено соотношение лексических особенностей самарских говоров с их основными фонетическими характеристиками. Лексические карты регионального атласа дали возможность выявить регулярные лексические оппозиции, дополняющие картину диалектного членения самарских говоров. Изоглоссы лексем, входящих в двучленные оппозиции, соответствуют той условной границе, которая установилась на территории Самарской области между говорами с владимирско-поволжской основой и говорами с различными южнорусскими основами.

2. Региональная специфика самарских говоров

1. Самарские говоры относятся к числу «вторичных», и, как многие средневожские говоры, они отличаются своей разнотипностью, разновременностью образования и широкими возможностями варьирования под воздействием многих факторов.

2. На сравнительно небольшой территории самарского Поволжья представлены окающие и акающие говоры. Окающие говоры являются продолжением массива владимирско-поволжских говоров, образуют достаточно компактный ареал на севере и северо-западе области. Сформировавшиеся на севернорусской основе говоры отличаются гомогенностью и объединяются наличием целого ряда устойчивых признаков на уровне фонетики и морфологии.

3. Акающие говоры численно преобладают, и значительную часть их составляют говоры среднерусские, которые имеют сходство с восточными среднерусскими акающими говорами. Опыт изучения среднерусских акающих говоров показал, что их системы предупредного вокализма обнаруживают широкие генетические связи. Нами выявлено генетическое единство среднерусских акающих говоров с умеренным яканьем с окающими владимирско-поволжскими говорами. На нашей территории акающие говоры, имеющие очевидное типологическое сходство с владимирско-поволжскими (неполноокающими) говорами, преобладают.

4. В южных и юго-восточных районах области бытуют акающие говоры с южнорусской основой, которые обнаруживают признаки материнских говоров различной типологии. Они объединяются наличием целого ряда признаков, свидетельствующих об их вторичном происхождении. Явные признаки южнорусской основы обнаруживают говоры с ассимилятивно-диссимилятивным и сильным яканьем. Различная степень сохранности материнских основ южнорусских говоров является показателем их изначальной неоднородности и сложном характере миграционных процессов.

5. Некоторые говоры сохраняют признаки обеих полярных основ, но и в этом случае их можно классифицировать с точки зрения преобладания севернорусских или южнорусских особенностей. Для таких говоров характерно: 1) взрывное *z*, которое реализуется в конце слов в *к* или *х*; 2) совмещение устойчивых южнорусских и севернорусских фонетических и морфологических особенностей в различных комбинациях. Южнорусский компонент в их основе повсеместно преобладает. Говоры с полидиалектной основой встречаются на нашей территории повсеместно, они разнообразны с точки зрения типологии и хронологии, и поэтому заслуживают особого внимания.

6. На настоящем этапе мы ставим целью выявление лексических особенностей, которые дают возможность определения генезиса самарских говоров и комплексного представления о них. Учитывая фонетические и морфологиче-

ские особенности, ареально дифференцированную лексику самарских говоров можно разделить на среднерусскую, имеющую владимирско-поволжскую основу, и южнорусскую.

7. На уровне лексики лингвистический ландшафт самарского Поволжья очень часто становится еще более расчлененным и в некоторых случаях приобретает пестроту, но все же можно отметить упорядоченность в лингвогеографическом представлении отдельных лексем. Признаки диалектной приуроченности к материнским основам севернорусских или южнорусских говоров в лексике самарских говоров проявляются нерегулярно, зато в целом ряде случаев их связь с другими говорами Среднего Поволжья просматривается со всей очевидностью.

8. Картографирование лексико-семантических диалектных различий в ряде случаев подтверждает генетическое единство самарских среднерусских акающих и окающих (владимирско-поволжских) говоров.

9. Нередко изоглоссы диалектных лексем образуют дисперсные ареалы по всей картографируемой территории и имеют зоны пересечения с другими диалектными и общерусскими словами.

10. В отдельных говорах зачастую оказываются возможными слова разной диалектной приуроченности. Размытость ареально-типологической характеристики значительной части диалектной лексики и преобладание в частных диалектных лексических системах общенародных (общеупотребительных) слов соответствует статусу самарских говоров как говоров переселенческих и преимущественно среднерусских.

О происхождении рус. *прибамбас*

И. В. Бегунц

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Слово *прибамбас* фиксируется далеко не всеми словарями русского языка; так, его нет в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и других авторитетных изданиях, включая этимологические словари М. Фасмера, А. Преображенского и др. Таким образом, вопрос о происхождении слова *прибамбас* нигде не рассмотрен, а сам факт его наличия в языке неочевиден.

Между тем, слово существует (в НКРЯ около 300 вхождений), а отсутствие его во многих словарях литературного языка объясняется, безусловно, яркой разговорной окраской, возможно, выводящей лексему за пределы нормативности. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова находим его с пометой «разг». Лексема *прибамбас* представлена преимущественно в словарях жаргона и аргю, таких, как «Словарь русского аргю» В. С. Елистратова (М., 2000), «Словарь ненормативной лексики» Д. И. Квеселевича (М., 2005), «Большой словарь русского жаргона» В. М. Мокиенко и

Т. Г. Никитиной (СПб., 2000). Для дальнейшего анализа этимологии слова рассмотрим круг его значений, выделяемых в словарях.

Наиболее полную картину дает упомянутый «Большой словарь русского жаргона» (7 значений): 1. Накладная деталь одежды, украшение. 2. Предмет мелкой галантереи, мелкой модной одежды. 3. Что-либо избыточное, орнаментальное. 4. Сложная, дорогая, высокого класса аудио-, видеоаппаратура. 5. Дополнительное аппаратное или программное средство, не входящее в состав вычислительной системы, программы. 6. Что-либо эффектное, неожиданное. 7. Шутка, остроумное высказывание. Нетрудно видеть, что значения 1–6 имеют общую семантику избыточности, декоративности; имеется в виду нечто, не входящее в «базовую комплектацию», излишнее с точки зрения функциональности; украшение, дополнение (в одежде, технике и пр.). В «Словаре ненормативной лексики» для слова *прибамбас* приводится одно лаконичное значение «шутки, шутовщины», видимо, отражающее ту же идею. «Словарь русского арго» выделяет два значения: второе в целом соответствует сформулированному выше («о чем-либо вычурном, ненужном, о разных украшениях и т. п., в армии — об элементах амуниции»); первое — «шутка, розыгрыш, остроумное высказывание, анекдот».

В связи с данными словарей отметим также два существенных момента: во-первых, фиксируются варианты *прибабас* (без «м») и *прибамбаса* ж. р. («Словарь русского арго»); во-вторых, словари отмечают преимущественное употребление слова во множественном числе.

Теперь перейдем непосредственно к вопросу о происхождении слова *прибамбас*. Круг его значений, характер фонетической и грамматической вариативности, а также стилистическая окраска позволяют предположить, что слово имеет диалектную основу и восходит к распространенному в севернорусских говорах слову *прибасы* «украшения».

Корень *-бас-* имеет множество производных в севернорусских говорах, ср. материалы «Словаря русских народных говоров» (далее — СРНГ): *баса* «красота, украшение» (Новг., Арх., Волог., Яросл.), *баской* «красивый», *баско* «красиво», *басить(ся)* (также *басать*, *басоваться*) «наряжаться, прихорашиваться» и мн. др. Северная локализация корня, возможно, связана с его скандинавским происхождением.

Слово *прибасы* приводится в СРНГ в двух начальных формах: *прибас* и *прибаса*. Значения совпадают: «украшение; то, что служит украшением», «украшение на одежде (позумент, ленты и т. п.)», «украшение на обуви в виде разноцветного сукна». Примеры: *С прибасами лопарки шьют; Прибасы у сарафана у платья; Всяк по-своему прибасу-ту ладил, ленты разные там, блонды, пластики, кто что придумат*. При этом только для варианта женского рода приводятся значения «побасенка, прибаутка, припевка, частушка».

Более развернутую картину значений и употреблений можно найти в картотеке «Архангельского областного словаря» (были изучены материалы бумажной и электронной картотек). Действительно, слово имеет вариант как женского рода (*Помогай прибасу-то собрать*), так и мужского (*Заплата — штаны с прибасом; Прибасов-то всего навешано, ужас — у гусар*), причем форм мужского рода больше. Наиболее употребительны формы множественного числа, не позволяющие определить род: *Навешай на себя всяки прибасы — бусы, бумажки навешай; Сарафаны наткут со всякими прибасами, с клеточкой и пр.*). Думается, что именно нейтрализация родов в подавляющем числе употреблений могла вызвать переход слова из одного рода в другой (вероятно, из женского в мужской при исходном *прибаса*, как *баса*); характерно, что родовая вариативность сохраняется и в литературном языке у слова *прибамбас*, которое также обычно употребляется во множественном числе.

Что касается значений слова *прибас(а)*, то здесь, при общей семантике «украшение, дополнение, нечто избыточное», можно говорить более детально о типичных объектах «украшательства». Во-первых, *прибасы* — это собственно женские украшения, ср.: *Прибасами и звали бусы-ти, может, у кого и серёжки были, так скажут: прибасы навесила, это всё прибасы — под одним словом; и у кого, может, и цепка как была, золота ли, серебряна ли — всё прибасами звали, может, брошка ещё у кого*. Чаще всего *прибасами* называют декоративные детали одежды: *Прибасы будут висеть — морхотьё-то это (о кисточках на кофте); Тут такие были прибасы, кружева да бисер; Сперва козыряла, кожаная куртка, да все прибасы отскочили, потрескалось; А это были прибасы, такие чипужечки с бусинками; Дак ведь это для басы загнута (на рукавах), никак не звали, то у кофты всё прибасы — манжеты, что ли*. Украшения могут нашиваться и на обувь: *У парня красны катанцы (валенки. — И. Б.) были, наверх нашиты — прибасы каки-то были; Полсапожки с прибасами, для красоты*. Затем, *прибасами* называют декоративные элементы избы, как внутри, так и снаружи: *Стены клеены, потолок крашен, разве только прибасов никаких нет; Клавдей как красить-то да опушивать (обшивать снаружи досками. — И. Б.) дом стал, попросил прибасы-то — ко Клавдиеву дому делаю прибасы; Он сделал кружочек, к охлупню (верху крыши. — И. Б.) приколачивать — прибасы*. Затем, *прибасы* могут быть у предметов быта, технических и транспортных средств (прялок, саней, телег): *Больно любви прясницы — вырежут прибасы на пряснице; Вот сколько прибас — все начистят, начистят (у саней); У телеги сзади сделают таку прибасу и пр*. Таким образом, круг значений слова *прибас(а)* включает в себя декоративные элементы одежды и обуви, технических средств и просто украшения, то есть фактически совпадает со значениями современного *прибамбас*.

Диалектная лексика, проникая в литературный язык, часто имеет сниженную или разговорную окраску (ср. *кондовый*, также субстратного происхожде-

ния). Кроме того, если слово *прибамбас* действительно происходит от *прибас(а)*, следует предполагать экспрессивную редупликацию в корне (ср. *бабахнуть*; вариант *прибабас*, как было сказано выше, фиксируется словарями) и вставку носового перед шумным соответствующего места образования (ср. *купол* — *кумпол*). Оба этих процесса придают слову еще большую экспрессивность, что усиливает его просторечный статус и даже несколько вульгарный оттенок в современном языке.

В заключение рассмотрим значение «шутка, остроумное высказывание, розыгрыш», выделяемое в «Словаре русского арго». Это значение явно периферийно (небольшой опрос показал, что лишь один процент носителей литературного языка его опознают). Тем не менее, оно устанавливается и по данным НКРЯ; связь его с основным значением представляется неоднозначной. С одной стороны, у слова *прибас(а)* также отмечается значение «прибаутка»; возможно, мы имеем дело с развитием именно этого значения, т. е. речь идет о своего рода вербальном украшении, декоративном элементе рассказа, что косвенно подтверждается и данными картотеки АОС (ср. *Да еще тут приписали, прибасили* (о писателе); *прибасить* — «приукрасить»). С другой стороны, здесь можно видеть вторичное сближение с корнем *ба(ј)*- и такими его производными, как *прибасня*, *прибасенка*, обозначающими речевой жанр небольшого объема.

Лингвокультурологическое описание диалектных нарративов

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Диалектный текст, таинственный и суеверный рассказ.

Summary. In the report memorable narratives in Russian dialects are studied as compared to minor genres of folklore. The authors research such genres as mysterious and superstitious story, which are transitional between the folklore and everyday texts.

1. Разноаспектные исследования спонтанного монологического текста — характерная черта современной диалектологии. В настоящее время к активно развивающимся направлениям можно отнести изучение диалектной языковой личности, всестороннее исследование диалектного текста и дискурса, в том числе с использованием методов коммуникативной грамматики и шире — коммуникативной лингвистики, описание жанровых особенностей народной речи в социально-культурном контексте.

2. В экспедициях последнего десятилетия нами был собран представительный текстовый материал, который проанализирован в ряде работ, посвященных диалектной монологической речи [Букринская, Кармакова 2008]. Следует сказать, что самым частотным видом монологов являются воспоминания,

а самым распространенным жанром — рассказ, т. е. нарративный текст разных типов. При анализе диалектных монологов и выявлении их жанровой специфики мы опирались на известные работы по коммуникативной лингвистике [Китайгородская, Розанова 1999], где разработана типология подобных текстов: собственно рассказ (случай), рассказ-повествование, рассказ-пересказ, рассказ-пластинка. В диалектной речи также встречаются названные типы нарративов, а кроме того, достаточно распространены рассказы, которые называют в фольклористике мифологическими [Мифологические рассказы 2015]. Это прежде всего такие несказочные жанры, как былички и бывальщины, органично вплетающиеся в диалектное повествование, что свидетельствует о хорошей сохранности архаического сознания у деревенских жителей преимущественно старшего поколения.

3. Особый интерес представляют рассказы, являющиеся переходными между бытовыми и фольклорными текстами. Нами выделены два типа такого рода нарративов: таинственный и суеверный рассказ. Таинственный рассказ — это история о загадочных, порой страшных событиях, которые могут иметь как реалистическое, так и сверхъестественное объяснение (непонятные звуки, открывание дверей, окон, исчезновение или появление предметов и т. д.). В суеверных рассказах речь идет о разнообразных случаях наведения порчи (через заговор, опасный предмет, пищу), исцелениях с помощью знахарей, нарушениях человеком запретов, установленных традицией, и расплате за это и т. п.¹ Все перечисленные типы диалектных рассказов имеют много общего как в плане построения текста, так и в коммуникативной установке [Букринская, Кармакова 2014].

Приведем в качестве примера суеверный рассказ, записанный в 2009 г. от М. С. Колесниковой (1929 г. рождения, в с. Роговатое Старо-Оскольского р-на Белгородской обл. Здесь Касьяны (день памяти св. Кассиана) отмечается не 29 февраля, как следует из христианского календаря, а в четверг после Троицы. Жители говорят, что *Касьяны — грешный праздник, он вредный, работать на нём нельзя*. Приведем небольшой фрагмент рассказа *про Касьяны* (в орфографической записи): *Вот эта соседка моя, баба Соня, ты знаешь, ...некогда было, ну она, о Касьяны... А ей было, значит, там надо, вот так тучки пошли, да полоть надо было. Ну она, мол, Бог простить, и начала полоть. Ну и шо и ты думаешь? И выполоть не выволола, и малый сын, сын ей поехал на лисапете, ну на лисапете... Уш сказал бы там, хто знает — и рука хряп! упал с лисапета и руки поломал. Руку одну поломал. Ну вот, а ногу зашиб больно. Мы этот Касьяны обходим и ничо не случится — лучше посидим, отдохнём*. Интенцией подобных рассказов является желание поделиться опытом и предостеречь слушающих.

¹ Подобные тексты, как правило, публикуются в числе быличек, хотя по сути быличками они не являются.

4. О слабой стилистической и функциональной дифференциации народно-разговорной речи писали многие лингвисты. При анализе разных диалектных рассказов видно, что это действительно так: границы между фольклорными и бытовыми рассказами разных типов размыты, рассказ-случай может трансформироваться в рассказ-пластинку, а былички и бывальщины можно расценивать как фольклорный вариант рассказов-пластинок, но в отличие от рассказа-пластинки фольклорные тексты не имеют автора, а только транслирующего их рассказчика. О подобной размытости границ пишут и фольклористы, в том числе на примере исследования меморатов о войне [Балашова 2012]. В наших материалах содержится большое количество воспоминаний о войне, которые относятся к разным типам рассказов. Среди прочих есть и истории, близкие к фольклорным. Подобного рода примером может служить рассказ, который представляется попыткой народного осмысления войны. Записан в 2006 г. от Е. Я. Тищенко (1923 г. рождения, д. Лобок Невельского р-на Псковской обл.).

Ну, были́ — хто? — были́ финны очен плохие. Финны, чехословаки, я их не люблю по севодняшний день. Очен вредные были́. А немцы — нет! Вот, бывало... мы их уже понимали, по-ихному. Они со словариком. Один и уоворит: «Пусть бы ваш Сталин, наш Уитлер вышли на дуэль, хто коуо победил — тоуо и власть! «Што мы, уоворит, хочем уоловы ложить здесь, у России? Конечно, нет. Ну, заставляють как ваших солдат, так и наших, а мы вот воюем.

До конца осталось неясным, присутствовала ли при этом рассказе сама информантка, или это пересказ, слышанный ею от кого-то. Из опыта общения мы знаем, что Тищенко легко переходит на трансляцию чужих историй. Приведенный текст отражает восприятие войны простым человеком и по смыслу близок к пословице *Паны дерутся — у холопов чубы трещат*.

Литература

- Балашова А. Ф. Устные рассказы о Великой Отечественной войне: общие и локально обусловленные мотивы в системе повествования (на материале русского и белорусского фольклора) // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум. Труды и материалы. М., 2012.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е. Строение и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. III. М., 2008.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е. Из опыта исследования монологической диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2014. СПб., 2014.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Составитель М. Н. Власова. СПб., 2015.

Клитики в паннонской группе диалектов словенского языка**М. М. Громова**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Словенский язык, паннонские диалекты, клитики, порядок слов.

Summary. The article examines syntactic features of pronominal and verb clitics in all Pannonian Slovene dialects. Our goal is to figure out which of them are archaic and which are innovative in comparison with the standard Slovene language and Central Slovene dialects.

Словенский литературный язык реализует частный случай закона Ваккернагеля, при котором кластер клитик помещается после первой составляющей / в абсолютном начале утвердительного предложения (в придаточной части — непосредственно после подчинительного союза), а сентенциальные (глагольные и местоименные) клитики располагаются в кластере в следующем порядке: Aux. Praes (кроме 3Sg) / Conj — Refl. Dat — Refl. Acc — Pron. Dat. — Pron. Acc. — Pron. Gen — Aux. Praes.3Sg / Aux. Fut. Большинство периферийных диалектов демонстрирует различные отступления от этого правила.

Паннонская группа диалектов представляет восточную границу словенской языковой территории. На севере она граничит с баварскими диалектами немецкого языка, на юге — с меджимурскими диалектами хорватского языка, на востоке — с венгерским языком, выходя за пределы Словении (Порабье в Венгрии).

Исследования, посвященные порядку слов в паннонских диалектах, немногочисленны. Так, в статье словенской исследовательницы Зинки Зорко «Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih» перечисляются особенности расположения сентенциальных клитик в кластере, а кластера — в предложении, общие для каринтийской, штирийской и паннонской групп диалектов: выпадение вспомогательного глагола 3Sg (реже 3Pl) в форме прошедшего времени; клитики после причастия или именной части сказуемого; тип отрицания с формой сослагательного наклонения *bi ne delal* (при литературном *ne bi delal*); клитическая форма личного местоимения в функции полной формы. Как исключительно паннонская особенность порядка слов упоминается тип отрицания *je ne delal* (при литературном *ni delal*).

Следующие утверждения, приведенные в [Zorko 1998], требуют уточнения:

- «Формы Praes и Fut глагола *biti* могут находиться в абсолютном конце предложения». Примеры демонстрируют наличие в указанной позиции только форм полнозначительного глагола *biti* и глагола-связки при составном именном сказуемом; таким образом, налицо частный случай тенденции к помещению в конец предложения полнозначительных глаголов вообще — калька с немецкого синтаксиса, характерная для северо-восточных словенских диалектов;

- «Глагольная клитика может находиться в абсолютном начале предложения, причем только в случае эллипсиса начальной ударной словоформы / словосочетания». В примерах видим проклитическое положение не только единичной глагольной клитики, но и кластера, состоящего из двух клитик — глагольной и местоименной;
- Возвратная клитика *se* «находится в неожиданном месте» [Zorko 1998: 230]; в примерах наблюдаем особенности порядка слов, не связанные с расположением возвратной клитики.

Статья А. Валх Лоперт и З. Зорко «Skladnja v panonski narečni skupini» добавляет к списку особенностей расположения клитик только подъем в начало кластера глагольной клитики Fut, а завершается анализ диалектного синтаксиса следующим выводом: «диалекты паннонской группы не имеют существенных отличий от устной формы словенского литературного стандарта, а диалектными особенностями являются союзные средства и частое появление глагола в конце предложения» [Valh Lopert, Zorko 2013: 234].

Анализ сентенциальных клитик во всех диалектах паннонской группы, проведенный нами на обширном диалектном материале (369 страниц), показал, что наиболее характерны для них следующие отличия от словенского литературного языка:

- Подъем глагольных клитик Fut в начало кластера (75% всех употреблений данных клитик в кластере) — продолжение общеюжнославянской тенденции к подъему всех глагольных клитик в вершину предложения;
- Пропуск глагольных клитик Praes (251 раз на 100 страниц текста). Несмотря на утверждение З. Зорко, что пропуску подвержены только формы 3Sg и (реже) 3Pl, нами отмечено также выпадение форм 1Sg Praes, 1Pl Praes, 2Sg Praes и даже (в единичных случаях) 3Sg Fut. Формы 3Sg Praes при этом составляют 91% всех пропущенных форм, что объясняется высокой частотностью в речи любого жанра именно этой глагольной клитики;
- Сохранение архаичного типа отрицания при форме Conj *bi ne delal* (71% всех случаев) и при форме прошедшего времени *je ne delal* (155 раз на 100 страниц);
- Приглагольное положение местоименных и глагольных клитик — пост- и препозиция к *l*-причастию (местоименных клитик также — к форме Praes, форме Inf / Sup) — являющееся отступлением от закона Вакернагеля и, возможно, реализацией более старого состояния системы;
- Полные формы Dat личных местоимений в функции кратких, частицы *že*, *že* в составе кластера клитик;
- Кластер (до 4 клитик) в абсолютном начале простого утвердительного предложения (11% всех употреблений), второй и последующих частей ССП, вводимых союзом *pa / in*, и БСП (68,5 и 13,5 раз на 100 страниц соответственно);

- Смещение кластера клитик с ваккернагелевской позиции при топиализации группы наречия или именной группы в простом предложении, в придаточной части СПП и в главной части СПП после придаточной (10, 38 и 6 употреблений на 100 страниц соответственно).

Большая часть этих особенностей представлена во всех диалектах паннонской группы; их частотность возрастает с востока к северо-западу. Расположение клитик в паннонских диалектах демонстрирует значительные отличия от словенского литературного языка, многие из которых присутствуют также в диалектах каринтийской и штирийской групп, что позволяет говорить о самостоятельной системе порядка слов в северо-восточных словенских диалектах.

Литература

Valh Lopert Alenka, Zorko Zinka. Skladnja v panonski narečni skupini // Weiss Peter (ur.). Dialektološki razgledi. (Jezikoslovni zapiski. 19. 2013. № 2). Ljubljana: Založba ZRC. S. 221–235.

Zorko Zinka. Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih // Zorko Zinka. Haloško narečje in druge dialektološke študije. Maribor : Slavistično društvo, 1998. (Zora; 6). S. 225–233.

Miesto slovanských spisovných mikrojazykov v rodine slovanských jazykov*

J. Dudášová-Kriššáková

Prešovská univerzita v Prešove (Slovensko)

Standard Slavonic Micro-Languages, new minority languages.

Summary. The Place of the Standard Slavonic Micro-Languages in the Family of Slavonic Languages. During last four decades a new group of Slavonic languages was formed in Slavistics: Standard Slavonic Micro-Languages (славянские литературные микроязыки). This term is used to mark languages of ethnic minorities, which were codified at the end of the last century and at the beginning of this century after sociopolitical changes in Central, Southern and Eastern Europe and after following desintegration of federated state formations into national languages, within which new minority languages were formed.

1. Slovanské spisovné mikrojazyky je fenomén najnovšej histórie slovanských jazykov. Ide o nové smerovanie v slavistike, ktoré bolo podnietené emancipačným hnutím viacerých slovanských národností po spoločensko-politických zmenách v roku 1989. Dokonca pri Medzinárodnom komitáte slavistov bola na 15. medzinárodnom zjazde slavistov v Minsku (2013) zriadená *Komisia pre slovanské spisovné mikrojazyky*, ktorá sa vyčlenila z *Komisie pre jazykové kontakty*. Svedčí to o aktuálnosti tejto témy.

1.1. Výskum slovanských spisovných mikrojazykov inicioval A. D. Duličenko, žiak ruského slavistu Nikitu I. Tolstého, právnuka veľkého ruského spisovateľa Leva N. Tolstého. Prvým slovanským mikrojazykom, s ktorým sa A. D. Duličenko zoznámil, bola vojvodinská rusínčina vo Vojvodine v Srbsku. To bol začiatok

* Štúdiá vznikla v rámci riešenia vedeckého projektu grantovej agentúry VEGA MŠVaV SR č. 1/0072/14 *Dynamické procesy v súčasnej jazykovednej slavistike*.

etablovania sa osobitnej skupiny v slovanskej jazykovej vetve — slovanských spisovných mikrojazykov [Duličenko 2006: 22–46]. **Vojvodinská rusínčina** (starší názov **panónska rusínčina**) je najstarším slovanským spisovným mikrojazykom (1974). Ide o spisovný jazyk vojvodinských Rusínov v mnohonárodnostnom regióne Vojvodina v Srbsku, ktorý sa od ostatných slovanských mikrojazykov etablovaných po roku 1989, líši tým, že bol kodifikovaný za úplne iných jazykových, politických a kultúrnych podmienok v bývalej mnohonárodnostnej Juhoslávii. Vojvodinská rusínčina sa po roku 1989 stala vzorom v otázke demokratického prístupu k riešeniu jazykovej a národnostnej otázky a s tým súvisiacou kodifikáciou tzv. malých jazykov, resp. jazykov národnostných menšín vo viacerých štátoch východného bloku.

Vojvodinská rusínčina [**войводянски руски (руснацки) язык**] patrí medzi západoslovanské jazyky. Z genetického hľadiska má všetky základné znaky východoslovenských (južnozemplínskych) nárečí, na ktoré sa v priebehu vývinu jazyka navrstvili javy ukrajinskej a srbskej proveniencie.

2. Na druhom mieste spomenieme štyri spisovné mikrojazyky v severnej oblasti Karpát, ktoré sa často v odbornej literatúre nazývajú spoločným názvom **karpatská rusínčina (karpatorusínsky jazyk)**.

2.1. **Spisovný rusínsky jazyk na Slovensku** bol kodifikovaný v roku 1995 na základe východnej časti rusínskych dialektov, tzv. východozemplínskych nárečí, ležiacich v oblasti Laboreckej vrchoviny na severovýchodnej časti východného Slovenska v poriečí riek *Výrava*, *Udava* a *Pčolinka*. Ide o územie vymedzené týmito východorusínskymi obcami: *Svetlice*, *Vyšná Jablonka*, *Nižná Jablonka*, *Osadné*, *Zbojné*, *Hostovice*, *Parihuzovce*, *Čukalovce*, *Nechvalova Polianka*, *Pčoliné*, *Pichne*, *Zubné*, ktoré sú administratívne začlenené do okresov Medzilaborce, Humenné a Snina. Pri sčítaní obyvateľov v roku 2011 sa k rusínskej národnosti prihlásilo 33 482 obyvateľov. K rusínskemu materinskému jazyku sa prihlásilo 55 469 obyvateľov. **Kardinálnou izoglosou**, oddeľujúcou západnú časť od východnej časti rusínskych nárečí na slovenskej i poľskej strane, je ustálenie prízvuku na predposlednej slabike slova v západnej časti rusínskeho areálu, kým vo východnej časti rusínskych nárečí sa zachoval pôvodný voľný a pohyblivý prízvuk. Hranica tejto izoglosy prebieha v poriečí riek *Olka* — *Chotčanka* — *Laborec* na slovenskej strane a rieky *Oslava* na poľskej strane.

2.2. Po politických zmenách v roku 1989 prebieha proces reštitúcie a revitalizácie lemkovského areálu na poľskej strane. Výsledkom týchto snáh poľských Lemkov je **lemkovský jazyk**, ktorý získal v roku 2009 status **menšinového jazyka**. V gramatike od H. Fontaňského a M. Chomjak(ovej) *Граматыка лемківського языка* (2000), ktorá je „перша полна граматыка сучасного лемківського языка“ (prvé neúplné učebnice vyšli v roku 1992, 1993), sa v úvode konštatuje: „Описуємо лемківську бесіду як стандартний, спільний для вшитких Лемків язык, котрого норми сут випрацуваны передовшыткым в процесі твориня літерацкых тек-

стив через покоління лемківських авторів“ [Fontański 2004: 212]. Ak hovoríme o lemkovských dialeктоch, máme na mysli bývalý areál rusínskych (lemkovských) nářečí v Karpatoch na juhovýchode Poľska. Lemkovské dialekty v juhovýchodnom Poľsku a areál rusínskych nářečí na severovýchodnom Slovensku tvorili až do roku 1944 jeden celok. Na základe poľsko-sovietskej zmluvy z roku 1944 bola väčšia časť lemkovského (rusínskeho) obyvateľstva z juhovýchodného Poľska vysídlená na Ukrajinu. Druhá časť bola na základe uznesenia poľskej vlády presídlená r. 1947 do západných a severných regiónov Poľska. V dôsledku toho na poľskej časti zanikli pôvodné lemkovské obce, zanikol pôvodný areál lemkovských nářečí, preto ak dnes hovoríme o lemkovských nářečiach v Poľsku, máme na mysli **bývalé lemkovské nářečia**.

2.3. **Spisovný rusínsky jazyk (materinský jazyk) na Zakarpatskej Ukrajine** nemá zatiaľ status oficiálneho spisovného jazyka, pretože doposiaľ nebol priznaný zakarpatským Rusínom status osobitnej národnostnej menšiny. Pokusy o štandardizáciu spisovnej rusínčiny na Zakarpatskej Ukrajine trvajú od vzniku samostatnej Ukrajiny (1991).

2.4. Štvrtým spisovným mikrojazykom v karpatskej oblasti je **spisovná rusínčina v Maďarsku**. Prvý pokus o kodifikáciu sa opieral o jazykový systém dialektu v rusínskej lokalite Komloška a pochádza z roku 2004 (G. Benedek). Tento jazyk sa neujal najmä pre pokročilú asimiláciu Rusínov. Preto predstavitelia rusínskej inteligencie a občianskych združení zastupujúcich rusínsku národnostnú menšinu v Maďarsku sa rozhodli pre adaptáciu zakarpatského variantu spisovnej rusínčiny.

Každý z týchto štyroch jazykov predstavuje osobitný spisovný mikrojazyk s vlastným jazykovým systémom na jednotlivých jazykových rovinách, pravidlami pravopisu a výslovnosti, dejinami, ktorý bol kodifikovaný na základe odlišných karpatských dialektov. Všetky štyri mikrojazyky majú východoslovanský základ, na ktorý sa v priebehu vývinu navrstvili mladšie javy slovenského, poľského, ukrajinského, resp. maďarského pôvodu.

3. Kašubčina sa dlho v poľskej dialektológii a vôbec v slavistike pokladala za poľský dialekt. V súčasnosti má **kašubský jazyk (kaszëbsczi jãzëk) status regionálneho jazyka** (od roku 2005). Kašubčina patrí medzi západoslovanské jazyky, lechickú podskupinu a pomoranskú vetvu. Podľa dostupných údajov po kašubsky dnes hovorí asi 200 000 — 500 000 osôb v Poľsku a 10 000–20 000 osôb v emigrácii (najmä v Kanade). 12. decembra 2009 Poľsko ratifikovalo Európsku chartu jazykov, ktorou sa zaviazalo chrániť kašubčinu ako minoritný jazyk.

4. Ďalšie dva nové mikrojazyky vznikli v deväťdesiatych rokoch po rozpade bývalej Juhoslávie na národné štáty: **bosniančina** ako úradný jazyk v Bosne a Hercegovine (1995) a **čiernohorčina** ako úradný jazyk v Čiernej Hore (2007).

5. Domnievame sa, že termín **slovanské spisovné mikrojazyky** je vhodný na pomenovanie jazykov národnostných menšín, ktoré boli kodifikované v posledných

desaťročiach v súvislosti so zmenou spoločensko-politických pomerov v strednej, južnej a východnej Európe a po následnom rozpade federatívnych štátnych útvarov na národné republiky. Tieto spisovné mikroязыky tvoria v slovanskej jazykovej vetve novú skupinu языков, ktoré sa uplatňujú v podmienkach bilingvizmu, resp. trilingvizmu. Táto osobitná jazyková situácia motivuje proces medzijazykových kontaktov a medzijazykovej interferencie.

Literatúra

- Бенедек Г. Літературний язык. Мадярьско // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык / Red. naukowy P. R. Magocsi. Opole: Uniwersytet Opolski — Instytut Filologii Polskiej, 2004. S. 263–374.
- Дуличенко А. Д. Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки // Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Slavica Tartuensia. VII / Ред. А. Д. Дуличенко, С. Густавссон. Тарту: Тартуский университет Кафедра славянской филологии, 2006. С. 22–46.
- Медеш Г., Фейса М. Войводянски Руснаци: Стан и перспективи розвою у культурі, языку и образованию // Studium Carpatho-Ruthenorum. 2012. Штудії з карпаторусиністики / Ед. К. Копорова. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові Інститут русинського языка і культури, 2012. С. 19–42.
- Плішкова А., Ябур В. Пряшівська Русь // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык / Red. naukowy P. R. Magocsi. Opole: Uniwersytet Opolski — Instytut Filologii Polskiej, 2004. С. 147–209.
- Фонтанський Г. Літературний язык. Лемковина // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык / Red. naukowy P. R. Magocsi. Opole: Uniwersytet Opolski — Instytut Filologii Polskiej, 2004. С. 213–262.
- Dudášová-Kriššáková J. Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove Ústav rusínskeho jazyka a kultúry PU, 2015.

Архаическое яканье в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области

С. В. Дьяченко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Диалектология, фонетика, предударный вокализм, архаическое яканье.

Summary. The archaic dissimilative pretonic vocalism after “soft” consonants in the dialect of the village of Rogovatoye (Belgorod region, Staryj Oskol district) has appeared to be different with the two groups of informants of the older generation: in one group of idiolects the allophone [e] prevails in preposition of the “soft” consonants (the Zadonsk type of vocalism), in the other group [i] prevails in this position (the “moderate” type of Zadonsk vocalism). This situation may be explained the coexistence of two subdialects in a big village with more than 3000 inhabitants.

0. Архаическое яканье представлено в русских говорах двумя разновидностями: обоянской и задонской. Они различаются только качеством звукотипа, который реализует фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге перед ударными гласными нижнего и среднего подъема. При обоянском яканье это звукотип [и], при задонском — [е].

По данным ДАРЯ, задонское яканье в чистом виде встречается крайне редко, отмечено только в нескольких населенных пунктах Воронежской и Ли-

пецкой областей. Чаще задонский тип бывает совмещен с другими типами яканья, обычно новосёлковским ассимилятивно-диссимилятивным или умеренно-диссимилятивным. Эти «совмещенные» типы яканья предполагают варьирование звукотипов [е], [и] и [а] в предударном слоге в позиции перед ударными гласными нижнего и среднего подъёмов. Варьирование [е] и [а] при этом наблюдается перед ударными гласными /o/ и /a/, варьирование [е] и [и] — перед ударными гласными /e/, 'o/, в некоторых типах вокализма и перед ударной 'a/. То есть в этих типах вокализма качество предударного гласного зависит не только от качества ударного гласного, но и от твердости / мягкости следующего за предударным гласным согласного — проявляется принцип умеренности.

1. В роговатовском говоре архаический принцип вокализма (аканья и яканья) выдержан очень последовательно (близко к 100% случаев). Ему подчиняется новая лексика, вошедшая в говор в последние десятилетия и даже годы. После мягких согласных представлена особая разновидность архаического вокализма, его схема такова.

Таблица 1.

Гласные первого предударного слога на месте фонем неверхнего подъема	Ударные гласные
[е]	/o/, /a/
[и] / [е]	/e/, 'o/, 'a/
[а]	/u/, /y/, /ѣ/, /ω/

2. Предударный гласный аллофон фонем неверхнего подъема, который произносится перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов, представляет собой долгий дифтонгичный звук, который в процессе своего протекания существенно меняет качество: от верхнего (верхне-среднего) подъема к нижнему, от переднего ряда к среднему. Он регулярно встречается во всех примерах, имеющих ударные гласные /u/, /y/, /ѣ/, /ω/, у всех информантов.

3. В позиции первого предударного слога перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов фонемы неверхнего подъема совпадают в двух звукотипах: [е] и [и]. Распределение их у большинства информантов таково: при твердом правом консонантном контексте произносится [е], при мягком правом консонантном контексте — [и]. Однако у некоторых информантов, обычно самых старших жителей Роговатки, наблюдается преимущественно [е] даже при мягком правом контексте, то есть их система предударного вокализма представлена близким к классическому задонскому типу яканья. В таблицах ниже приводятся данные о количестве примеров с предударными гласными [и] и [е] в позиции перед ударными гласными /a/ и /o/ (таблица 2) и в позиции перед ударными гласными /e/, 'a/, 'o/ (таблица 3), зафиксированных в речи разных информантов (всего более 10 ч звучания), полученных в результате сплошной выборки из расшифровок аудиозаписей.

Таблица 2.

<i>Перед ударным гласным</i>	Перед [а]		Перед [о]	
<i>Предударный гласный</i>	[е]	[и]	[е]	[и]
Е. К. Серикова (1919 г. р.)	97	1	47	0
М. И. Плутахина (1926 г. р.)	83	0	57	2
А. А. Дементьева (1926 г. р.)	149	2	122	6
Е. А. Нечаева (1932 г. р.)	93	0	83	1
М. С. Колесникова (1929 г. р.)	18	1	20	2
Е. А. Жильникова (1935 г. р.)	103	1	26	0
Е. Н. Фомина (1939 г. р.)	76	3	22	2

Таблица 3.

<i>Перед ударным гласным</i>	Перед [е]		Перед [иа]		Перед [ио]	
<i>Предударный гласный</i>	[е]	[и]	[е]	[и]	[е]	[и]
Е. К. Серикова (1919 г. р.)	30	4	35	3	33	1
М. И. Плутахина (1926 г. р.)	11	10	42	6	10	7
А. А. Дементьева (1926 г. р.)	28	26	38	6	20	3
Е. А. Нечаева (1932 г. р.)	28	11	18	13	10	2
М. С. Колесникова (1929 г. р.)	3	18	2	6	1	2
Е. А. Жильникова (1935 г. р.)	1	26	2	41	0	3
Е. Н. Фомина (1939 г. р.)	2	40	0	15	2	8

Результаты подсчетов показывают, что наиболее старшие информанты сохраняют относительно чистый задонский тип предударного вокализма, однако и у них есть некоторый процент предударного звука [и] в позиции перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов при мягком согласном между предударным и ударным гласными. Информанты более молодые почти всегда произносят в этой позиции [и], исключения единичны.

Таким образом, задонское яканье, при котором в первом предударном слоге противопоставлены два звукотипа на месте фонем неверхнего подъёма [а] и [е], постепенно трансформируется в роговатовском говоре в тип вокализма, предполагающий трехчленный набор звукотипов ([а], [е], [и]), реализующих фонемы неверхнего подъёма в первом предударном слоге. Противопоставление этих звукотипов происходит на двух уровнях:

- 1) [а] в противопоставлении не-а ([е] + [и]) — в зависимости от ударного гласного;
- 2) [е] в противопоставлении [и] — в зависимости от твердости / мягкости следующего за предударным гласным согласного.

Эту ситуацию можно также объяснять сосуществованием в большом селе двух близких говоров.

Особенности включения славянских диалектов в современную языковую ситуацию

Л. Э. Калнынь

Учреждение Российской академии наук Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Статус диалекта, динамика языковой ситуации.

Summary. Contemporary Slavic speaking communities show less and less of negative attitude towards the dialect forms of language. Dialects are considered to be a necessary means of communication in certain circumstances. That results in greater tolerance towards dialects, and ignites growing interest in dialects as components of national culture. The article shows how such attitudes towards the dialects are explicated in contemporary Russian linguistic situation.

1. Каждый национальный язык имеет в своем составе определенным образом маркированные идиомы, которые могут быть описаны как структурно организованные языковые идиомы. Эти идиомы образуют определенную иерархию, что отражается в их оценке носителями языка и в языковой политике, актуальной в данном обществе.

Наиболее репрезентативными компонентами национального языка являются его кодифицированная форма (стандарт, литературный язык) и территориальные диалекты, отличающиеся как от стандарта, так и друг от друга. В любом современном обществе высок социальный престиж литературного языка как культурного символа нации. Диалекты обычно имеют сниженную оценку, но уровень этой сниженности в разных языковых сообществах варьируется. Колебания достаточно велики: от недопустимости использования диалекта только в официальной ситуации до несовместимости диалектной речи с образованностью и престижным социальным статусом говорящих. Если диалект недопустим лишь в официальных ситуациях, то это сопровождается не только терпимостью к диалектной речи, но и поддержкой ее как формы семейного неофициального общения. Это может сопровождаться и охранительным отношением к диалектам, как компонентом национальной культуры. На этом основано известное в немецкоязычной среде литературно-диалектное двуязычие, т. е. переключение кода в зависимости от ситуации ([Блумфилд 1968: 66]; [Жирмунский 1968: 25]; [Weisgerber 1976: 107]). Иное отношение к диалектам характерно для славянских языков. Здесь основная линия языковой политики с разной степенью интенсивности ориентирована на то, чтобы носители диалекта осваивали литературный язык и заменяли им диалектную форму, т. е. вытесняли ее.

2. Ориентация на полное устранение диалектов получила особую остроту в русском языке. Здесь с 30-х годов XX в. на оценку русских диалектов как не престижных форм языка наложилась их политическая компрометация. Официально утверждалось, что диалекты представляют языковой символ сельского населения, не имеющего политической перспективы и тормозящего социалистическое переустройство деревни ([Чистяков 1935]; [Филин 1938]; [Филин

1973]). Социальный прогресс ассоциировался с исчезновением диалектов. В «Истории русской диалектологии» (М., 1961) было сказано, что «исчезновение русских диалектов уже свершившийся факт». В русской диалектологии (как и вообще в славянской) большое внимание уделялось влиянию литературного языка на диалекты, т. е. усвоению диалектами особенностей литературного языка. Несмотря на пессимистические прогнозы, русские диалекты продолжают оставаться компонентами русской языковой ситуации. Политика, проводимая в течение долгих лет в отношении русского крестьянства, повлияла на русский диалектный континуум — коллективизация, ликвидация перспективных деревень в России привела к исчезновению населенных пунктов и существовавших в них диалектов. Но в тех деревнях, где население было стабильно, диалекты сохраняются и являются формой языка, сосуществующей, как компонент языковой ситуации, с литературным языком.

3. Для характеристики современной языковой ситуации важным показателем является то, как оцениваются сосуществующие формы языка их носителями. В славянской диалектологии обычно констатировалось положительное отношение к литературному языку со стороны диалектоносителей и отрицательное отношение к диалектам со стороны носителей литературного языка. Интенсивности этих видов отношений могла быть различной в разных языках, но сами по себе эти отношения принимались априорно. Между тем отношения между разными формами языка в рамках языковой ситуации могут меняться под влиянием социологических факторов. Так стали интерпретироваться как самостоятельные славянские языки диалекты в отдельных регионах после распада Югославии (Черногория, Босния и Герцеговина); претендуют на статус национального языка русинские говоры (Украина), ятвяжские (Полесье). Но отношение к диалектам в обществе может меняться и в рамках стабильной территории. Для современного общества характерно повышение внимания к народной культуре, компонентом которой являются и диалекты. Диалекты начинают восприниматься как необходимые компоненты создания картины мира. Это нашло отражение в русской литературе 70-х годов XX в. В произведениях, объединенных понятием «деревенская проза», широко используется диалектная лексика. Это произведения писателей Белова, Маслова, Абрамова, Личутина, Астафьева и др. Использование диалектов в литературном тексте расширяет его выразительность. И в тоже время повышает статус диалектов — они перестают однозначно оцениваться как не престижные формы языка. В настоящее время расширяется употребление диалектизмов и в других формах официальной речи. Это тексты в интернете (Вашенко), в СМИ (Щасная). Терпимость к диалектам в официальных текстах означает, что в современной языковой ситуации русские диалекты не только реагируют на воздействие со стороны литературного языка, но и сами влияют на него поскольку расширяют его ресурсы. В этой связи следует отметить, что в современном пособии по

русской диалектологии [Русская диалектология 2005] дается иная в сравнении с ранее принятой оценка диалектной формы языка. Рекомендуется строить так школьное образование, чтобы овладение литературным языком сочеталось с сохранением местных говоров (= немецкоязычная ситуация).

Аналогию русской языковой ситуации можно найти и в других славянских языках. Диалектные формы в определенных сферах коммуникации расцениваются как необходимые средства выражения. Это должно повысить терпимость и интерес к диалектным формам языка в современном обществе.

Литература

Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

Ващенко Д. Ю. Сетевые диалектные словари как объект социолингвистического исследования (на словацком материале) // Исследования по славянской диалектологии. 18, М., 2016.

Жирмунский В. М. Проблемы социальной дифференциации языков // Язык и общество. М., 1968.

Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.

Филин Ф. П. Исследования по лексике русских говоров. М.; Л., 1938.

Филин Ф. П. Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии // Славянское языкознание. VII МСС. М., 1973.

Чистяков В. Ф. К изучению языка колхозника. Смоленск, 1935.

Щастная Е. Д. Диалектная лексика в СМИ // Исследования по славянской диалектологии. 18, М., 2016.

Weisgerber L. Die Leistung der Mundarten in Sprachganzen // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.

Номинация отца в архангельских говорах

И. Б. Качинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русская диалектология, термины родства, кровное родство.

Summary. The report addresses the operation with terms of designation *a father* in Arkhangelsk dialects. Provides an inventory of terms used to refer to *a father* in the nominative and vocative functions, there are metonymic and metaphorical transfers: the use of kinship terms to refer to the stepfather, father-in-law, husband, mythological spirits-masters, etc.

1. Родной отец. Номинация и обращение

Синонимический ряд понятия 'родной отец' в архангельских говорах содержит около 60 лексем, из них в вокативной функции зафиксирована примерно половина, используются и словосочетания с тем же значением (ок. 30 единиц). На словообразовательном уровне значение 'родной отец' затрагивает 4 основных корня (и их вариации): **бать-** / **бач-** (*батьа, батенька, батька, батючко, батюшка, бачко*); **тат-** / **тать-** / **тятъ-** (*тата, татя, тятя, татенька, татка, татонька, татушка, татынька, татька, татюшка, тятенька, тятка, тятюшка*), **отец-** / **отц-** / **отч-** (*отец, отчишка, отчишко*); **пап-** (*папа,*

папо, папанец, папанька, папаня, папаша, папашка, папенька, папка, папонька, папочка, папушка, папынька). Кроме вышперечисленных, для номинации отца используется также лексема **родитель** и субстантиват **родной**. Многочисленны и сочетания: *родитель-батюшка (батюшко), отец-родитель, папушка-родитель, татка-родитель, родитель-сударь, сударь-батюшко; родимой (родной) батюшка, сердечной, богородной отец*.

Лексема *папа* и ее дериваты, хотя и является для АГ относительно новой (имеются многочисленные свидетельства информантов о том, что сами они своих отцов папами еще не называли), в настоящее время распространена повсеместно: *Раньше батьком звали, а мы уш таткой, а теперь хто и папой. Папой не звали веком, всё батюшко, а некоторые таткой*. Слово *папа* маркировано как «городское» или бытовавшее среди зажиточной части крестьян, ориентированных на город: *Татушка, папа по-городскому, тата — в деревне зовут. А я жила при городе, там все звали папой*.

Широкая вариативность номинации может сохраняться и в одном говоре: *Ну там раньше батюшко да матушка, али мама да татя, или мамка и татько, или мама да папа*. Это характерно не только для номинации, но и для обращения: *У нас Мишку всего запутали — хто татей зовё, хто папой. Спрашиват у своего тати: папа, ты татя ли папа?* Все основные корни, обслуживающие понятие ‘родной отец’, используются и в функции вокатива: *Батько, кура-то, глядилося, во! Батюшка, цего сёдни будем делать? Если выпил, то извините, мати, отец, заложил немножко. Папка, я, наверно, домой боле перейду. Татенька, разрешите мне Таню взять взамуж*.

Слова, включающие понятие ‘отец’, распределены по 1–2 склонениям, большинство из них относится к 1 склонению. В 1 скл. они относятся к мужскому роду, во 2-м лексемы на -о склоняются по модели среднего рода, синтаксическое согласование идет по мужскому роду. Наблюдается очень много соответствий между словами 1 и 2 склонений: *батька — батько, татка — татько, татенька — татенько, тятенька — тятенько* и т. д.

2. Метонимические и метафорические переносы. Десемантизация

Существительные, обозначающие в архангельских говорах отца, регулярно употребляются для обращения к неродному отцу (отчиму), к свекру и (реже) к тестю, к мужу, к мужчине-неродственнику; к крестному отцу и к священнику; к мифологическому персонажу (хозяину дома, леса, бани) и христианскому Богу; уходят в зону междометий.

Так, по отношению к свекру в вокативной и номинативной функциях используются корни **бат-** (*батько, батюшка, батя*), **тат-** / **тать-** / **тять-** (*тата, татка, татушка, татя, татенька, тятка, тятя, тятенька*), **пап-** (*папа, папаша, папенька, папонька*), **отец-** (*отец*). При этом существуют две разно-

направленные тенденции: одна — называть свекра так же, как и отца, другая, противоположная, — разъединить номинацию родного отца и свекра: *Раньше папами не звали, мы отца звали татко, некоторые звали татенько, татушко; ну, татушко — это свёкр. Отця-то звали тата, а маму — мама, така ужь есть, а свёкра — батя. Отця я звала татя, батька, татенькой невестка называла. Раньше татой только своего звали, а свёкор — батюшка. Отця всё таткой, а свёкра — батюшка, а свекрова — матушка.*

Гораздо реже термин кровного родства с протозначением ‘родной отец’ используется для номинации или обращения к тестю: *А зять тёшишу должен звать мамаша, а тестя — папаша. Татка — так звали раньше отца. А тёшишу, тестя, свёкра, свекрову звали мамаша, папаша.*

Для номинации отчима, помимо специальных лексем (*отчим, отчей, отчина*), используются и термины кровного родства: *Раньше, давно, родителей называли так, моя мама отца называла батюшко, хотя он ей не родной. Мне было пять лет, мать сошлась, так я звала таткой. Отчим быва, в глаза-ти папой зовут, а так-то отчим. Используются также словосочетания другой (неродной, чужой) батько, не родной отец (папа): Неродной он ему, батько неродной, а отчим не гоорили. А батько неродной, а так-то он её не обижат, а что неродной, то неродной, что уж. На инвалидности девка сидела — чужой батько так налупил ей. А потом неродный папа пришёл.*

Для обозначения священника из всех терминов кровного родства, называющих отца, используется только корень **бат-** (*батька, батько, батенька, батюшка, батюшко*): *Батенька-то приезжает в церкву. Батько кольцами переменяет. Я ещё помню, батюшка подал нам причастие, красненько вино. Я отца зову батюшом, а ты папа — почто? Он нам ведь не отец! В пословице: Для нас кто поп — тот и батько.*

Только этот корень используется и при обращении к неродственному, лицу мужского пола любого возраста: *Коленька, скажи, батюшко-то. На, батюшко, я тебя вытру (ребенку двух лет). Работай, Ондрюша, батюшко. Ой, Олёша, суп занеси, батюшко. Нет, батюшко, недосуг дремать.*

Только этот корень используется в междометиях и междометных конструкциях: *батеньки, батюшки, батеньки мои, батеньки-светы, батюшки-светы, государи-батеньки (батюшки), батюшки родные, батюшки исусе: А сколько этово леса нарубят, батеньки! А как пятилетки были, ой, батеньки! Как я поглядела (на жениха) — государи-батеньки!*

Используются термины родства с протозначением ‘родной отец’ и для номинации и обращения к мифологическим персонажам: хозяевам дома, хлеба, леса, воды: как однословные лексемы, так и сочетания. Корни *отец-, бат-* употребляются для номинации и обращения к христианскому Богу — *батюшкой, отцом* будет и ‘Бог-отец’ (Саваоф) и ‘Бог-сын’ (Иисус Христос).

Семантика прилагательного *красный* в архангельских говорах

Е. В. Колесникова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Диалектология, семантика, общерусское слово.

Summary. This article considers the semantics of the adjective «*krasnyi*» (red) in the modern Russian language and the dialects of Archangelsk region. In these dialects the adjectives have another, more detailed semantic structure in comparison with the literary language. The adjectives “*belyi*” (white) and “*krasnyi*” (red) in the dialects are potential synonyms. These facts prove once again, that the system of the Russian literary language develops independently of the system of the Russian dialect language.

К проблеме функционирования и семантики прилагательных со значением цветообозначения в последнее время проявляется большой интерес со стороны исследователей.

Прилагательное *красный* в качестве объекта лингвистического исследования привлекает внимание ученых в первую очередь древностью происхождения. По данным исторических и толковых словарей русского языка, прил. *красный* функционировало в древнерусском языке как слово, характеризующие положительные абстрактные качества предметов, и значительно позже стало называть один из основных цветов спектра. По вопросу времени появления у прилагательного *красный* цветового значения у исследователей нет единого мнения ([Иссерлин 1951]; [Бахилина 1975]; [Алимпиева 1986] и др).

С точки зрения этимологии, существует несколько точек зрения происхождения данного слова (Бецценбергер, А. Фик, В. Махек, В. Пизани, Е. Бернекер, П. Я. Черных и др). Нам представляется убедительной концепция О. Н. Трубачева о происхождении о.-слав. **krasa*. Ученый полагает, что данное слово имеет «признаки типичного индоевропейского отглагольного имени (подобно **kara*, **slava* и др.) с долгим гласным а, построенного на базе глагола с корневым е», т. е. глаголам **kresati* и **kresiti* [ЭССЯ: 96]. Значение, которое исследователь реконструирует для данной лексемы, — «цвет жизни», «красный цвет, румянец (лица)», «цветение, цвет (растений)» и, наконец, более общее «красота». [ЭССЯ: 97].

Т. В. Бахилина, анализируя особенности семантики данного прилагательного, отмечает его многозначность и вместе с тем расплывчатость, синкретичность значений. Автором высказывается мнение, что, возможно, в говорах цветовая семантика у данной лексемы возникла раньше, чем в литературном языке [Бахилина 1975: 166]. Прил. *красный* в говорах обозначает окраску широкого ряда оттенков от розового до коричневого.

Покупáл щас в магазíне крáсну бутылку, за вóсемь-то ты́сяч, красноту́-то э́ту (Онеж. АБ.). *Ско́лько их наростёт — краснó* (Онеж. Прн.). *Киселя́ бе́лово (молочного), наваря́т крáсново* (Онеж. АБ.). *Кума́ч — полотно́ ны́нешно, крáсной кума́ч, бу́рой, голу́бой* (Пин. Квр.). *Гли́ко, како́ крáсно нёбо* (Онеж.

Трч.). *Шуры-те на по́ле че́рви, кра́сны, дли́нны* (Пин. Влт.). *Манькой самова́р, кра́сный (медный), розогра́ла* (Пин. Кшк.). *У Та́си во́лосы кра́сны. У сы́на мойево то́жэ кра́сны во́лосы* (Мез. Сфн.). *Таракáны-то кра́сны, их морóзили* (Пин. Влт.). *Да соба́ка кра́сная — то́жэ ры́жая* (Мез. Сфн.). *Пегова́ты таки́ бара́ны да кра́сны* (Мез. Сфн.). *Земля́ с раку́шкой не софсе́м красна́ — кори́чнево-бу́ра*. (Мез. Свп.).

Очень продуктивным по количеству примеров в семантике прилагательного *красный* в архангельских говорах является значение ‘здоровый, крепкий, полный жизненной силы’:

Молода́, кра́сна то́жо, то́лстая, кра́сная. Большо́й, хоро́шой, кра́сный был (Мез. Цлг.). *Ма́рфа, сама́ така́ гла́тка, кра́сна, но́ги худы́, де́сятеро ребя́т нано́шэно* (Пин. Влт.). *Она, горит, на рабо́те красна́* (Шенк. Ктж.). *Де́фки красны́ вели́ки. Я так красна́ была́, никакому́ мужыку́ не уступала́. Я красна́ была на лоша́дях си́льно йезди́ть. Он йеи́чэ молодой, э́тот Жыринофский, красе́н. Она́ паха́ть по́йе́хала, о́й, стару́ха-от была́, свекро́фка-то красна́, паха́ть, уме́ла* (Усть. Стр.). *И не пове́рю, што мужы́к красня́е ба́бы* (Усть. Снк.).

Довольно большую группу значений в семантике данного прилагательно-го объединят общая сема ‘красивый, прекрасный, превосходный, лучший’.

‘Красивый, прекрасный’. *Красе́н го́лос-то* (Усть. Стр.). *Так што жы́сь тепе́рь не бо́льно красна́* (Плес. Фдв.). *Ле́нт не было, се ре́мни заплета́ли, кра́сно, доро́дно* (Плес. Мрк.). *Ко́ни-то красны́, тро́йки веть* (Усть. Стр.). *Пово́йники бы́ли таки́е шы́ли, кра́сны, шо́лковы. Надева́ли шо́лковы кра́сны платы́, их мно́го, платá три-четы́ре наде́нут и ле́нтоф зза́ди наве́сят*. (Пин. Влт.).

‘Хороший, приятный, милый’. *Сы́н да до́чь — кра́сны де́ти* (Пин. Влт.). *Ну вот, хорошо́, кра́сны де́ти — сы́н да до́чка* (Пин. Чкл.).

‘Богато украшенный, красиво оформленный’. *Цэ́рква фся кра́сна была́* (изукрашена) (Мез. Кмж.). *Кра́сный-то передо́к. Нарядный*. (Мез. Сфн.).

Отвлеченные положительные качества и характеристики предмета в семантике прил. *красный* реализуются в говорах и в многочисленных устойчивых словосочетаниях.

Р. В. Алимпиева полагает, что имя цвета *красный* несет положительный оценочный смысл и выступает потенциальным синонимом слова *белый*. Красный и белый цвета, выражающиеся соответствующими словами, выступают как необходимые составные компоненты возвышенного, прекрасного, то есть оказываются эстетически тождественными [Алимпиева 1986: 69]. Выводы ученого подтверждаются материалами говоров.

Прилагательное *красный* в литературном языке обладает широким семантическим потенциалом, однако диапазон различий значений диалектного слова и литературного достаточно велик, в диалекте представлено гораздо больше

значений, чем в литературном языке, кроме того, многие из представленных в литературном языке значений стилистически маркированы. Необходимо отметить факт сохранения в диалекте многих архаических значений, бытовавших в древнерусском языке. Обратим и внимание на то, что в говорах прил. *белый* и *красный* являются потенциальными синонимами.

Литература

- Алимпиева Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: На материале прилагательных — цветообозначений рус. яз. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986.
- Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., Наука, 1975.
- Иссерлин Е. М. История слова «красный» // Русский язык в школе. 1951. № 3. С. 85–90.
- Этимологический словарь славянских языков. Вып. 12. М., Наука, 1985 (ЭССЯ).

Репрезентация образа жизни русского крестьянина в диалектных глаголах с семантикой физического воздействия (на материале тульских говоров)

Н. А. Красовская

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (Россия)

Русские диалекты, глагол, семантика, физическое действие, тульские говоры.

Summary. Analyzed dialect verb denoting physical impact. Inside this field is allocated semantic variations that represent the characteristics of the traditional way of life, world outlook of the Russian peasant.

Общая организация диалектной антропоцентрической глагольной лексики

Антропоцентрические диалектные глаголы, бытующие в тульских говорах, дают возможность выделять в их составе целый ряд крупных объединений, которые можно определить как лексико-семантические макрополя. Внутри макрополя глаголов физического действия и состояния, по данным наших исследований (См. более подробно: [Красовская 2013]), вполне возможно выделять отдельные лексико-семантические поля, к которым мы, например, относим лексико-семантическое поле (ЛСП) глаголов физического воздействия, ЛСП глаголов физического состояния, ЛСП физического состояния, ЛСП глаголов движения. Целью нашего исследования становится рассмотрение ЛСП глаголов физического воздействия. Применяя полевой подход, удастся определить для каждого поля ядерную и периферийные зоны. Отдельные ЛСГ и составляют указанные зоны. Принадлежность тех или иных ЛСГ к зонам выявляется нами на основании использования параметрической методики определения частотности реализации семантического потенциала, позволяющей находить наиболее насыщенные по своей лексико-семантической представленности группы и наиболее продуктивные для всего континуума диалектной антропоцентрической лексики семантические объединения. Важно, что полевая

структура дает возможность делать выводы о том, какие действия в народном языковом сознании получают более частотную номинацию, какие смыслы репрезентируются в языковой системе говоров прежде всего.

2. Особенности организации жизни и существования человека, отраженные в системе глаголов физического воздействия

Свое рассуждение мы строим на преобладании определенных ЛСГ в рамках той или иной зоны ЛСП глаголов физического воздействия. Мы останавливаемся на том, какие семантические группировки представлены в данном поле. Наблюдается преобладание глаголов с семантикой удара, удар получает разную интерпретацию: это удар, совершенный единожды, совершенный с помощью различных орудий, сопровождающимся определенным звуком, нанесенный субъектом самому себе. Семантика удара, таким образом, является преобладающей в поле глаголов физического воздействия. Удар является смысловым центром ЛСП глаголов физического воздействия, он концентрирует в себе и иную семантику, которая так или иначе оказывается связанной с ним. Все ЛСГ, обозначающие указанные выше разновидности нанесения удара, составляют ядерную зону в данном поле. В периферии поля семантика удара несколько ослабевает, но получают большее отражение другие семантические группировки, например, обобщая данные по всему полю, мы видим, что довольно часто представлена семантика царапания, сгребания, укола. Это незначительное воздействие на поверхность объекта или самого субъекта оказывается также широко представленной в говорах: это ЛСГ глаголов с семантикой царапанья, сгребания, укалывания, цепляния, загрязнения, растирания, вытирания, засеивания, прокалывания. Несколько разные, на первый взгляд, группировки, по нашему мнению, имеют общее: это неглубокое проникновение в поверхностные структуры объектов, незначительное их разрушение. Эти глаголы входят в ближнюю периферию рассматриваемого поля. Структура периферийных зон оказывается семантически более диффузной, чем ядерная, поэтому уже в зоне ближней периферии, а также в зоне дальней периферии проявляется семантика, связанная с семантикой присоединения-отсоединения, сюда можно отнести более частную семантику загибания, одевания, раздевания, сшивания, расположения рядом с иным объектом. Эта семантика распространяется и в зону крайней периферии.

Таким образом, по нашим данным в ЛСП диалектных антропоцентрических глаголов физического воздействия преобладают единицы, во-первых, с семантикой удара, во-вторых, с семантикой царапанья, укола, цепляния, в-третьих, с семантикой соединения-разъединения. Количественное преобладание глаголов с такими смыслами (всего нами было проанализировано более двух тысяч словозначений, около 960 из них входит в ЛСП глаголов физического воздействия, это самое объемное ЛСП из всей рассматриваемой совокупности диалектных антропоцентрических единиц) способно в определенной

степени репрезентировать самые важные для традиционного крестьянского миропонимания, образа жизни действия, процессы, явления. 1. Видимо, все-таки исторически так формировался социум на данной территории, что очень важно было осуществлять целый комплекс действий, связанных с нанесением удара. Можно предположить, что удары были важны в борьбе за территорию проживания с соседями, врагами, важны для расчистки территории, для строительства жилья, для добывания пищи, для организации быта. 2. Незначительное проникновение в поверхностные слои объекта не имеет, как мы уже подчеркнули, такой концентрированно-единообразной семантики, но ее легко можно связать с действиями, связанными с обработкой почвы, с заготовкой сена, с любым растиранием в процессе приготовления пищи. 3. Семантика соединения-разъединения: есть целый ряд единиц, которые несут смыслы соединения непосредственно (например, положить рядом, придавить, загнуть один конец и соединить его с другим), с другой стороны, рассматривая полевую структуру данного образования, мы обратили внимание на то, что довольно определенно выделяются сквозные образования, которые пронизывают всю зонную организацию, мы назвали их парцеллами, они в данном поле связаны с реализацией семантики соединения или разделения. Получается, что многочисленные физические действия, традиционно совершаемые крестьянином, так или иначе направлены на соединение чего-либо или разъединение чего-либо. В целом ряде случаев семантика соединения настолько тесно переплетается с семантикой разъединения, что порой трудно отделить одно от другого.

Литература

- Красовская Н. А. Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов (на материале тульских говоров): Дис. ... докт. филол. наук. Курск, 2013.
 Нефедова Е. В. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М.: МАКС Пресс, 2008.
 Русская глагольная лексика: денотативное пространство / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

Предлог *у* < **и*, **въ* в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика

А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Южнорусские говоры, предлог, падеж, контекстное значение.

Summary. In the South Russian dialect of Rogovodka, the noun forms with preposition *у* < **и*, **въ* have genitive singular and locative plural suffixes — a series of endings different both from the series of endings of locative and of genitive in other contexts.

1. В докладе рассматривается семантика и функционирование предлога *у* (<**и*, **въ*) в говоре с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области. В результате нескольких экспедиций в 2012–2015 гг. был собран обшир-

ный материал, часть из которого легла в основу корпуса расшифрованных текстов объемом около 80000 слов. Изучение предлога у проведено на материале этого корпуса.

Трактовка у (ѳ) < *и, *ѵъ как единого предлога, который управляет род., вин. и местн. падежами и имеет несколько фонетических вариантов (и вариантов написания), принята в описаниях украинского и белорусского языков. Принципиально те же фонетические варианты представлены и в юго-западных русских говорах территорий, смежных с Украиной и Белоруссией.

2. Фонетическое совпадение предлогов *и и *ѵъ выражается в говоре в следующем позиционном распределении. Оба предлога 1) после согласного и после паузы перед согласным имеют вид [y]: *И вѳт у нѳс мѳмѳшь свар'ѳль ѳткѳйу сл'ивѳху; Рабѳтът' у прѳз'н'ик ѳр'ѳх; Скѳкъ хр'асѳѳѳ у канн'ѳ?* *Сталкѳт' у стѳп'ѳ; У хр'асѳѳ тр'инаѳѳѳт' снаѳѳѳ;* 2) после гласного перед согласным — [ѳ] или [w]: *Шч'ѳ там Шѳръ ѳ т'ѳб'ѳ с вадѳѳ? Ёѳ w с'ѳб'ѳ нѳ ѳрѳѳѳѳ нѳс'ѳѳѳ кѳнап'ѳ; Ну вѳт ѳтъ расл'ѳ w нѳл'ѳ;* 3) перед гласным — [uw], [ув]: *ув ѳкнѳ, уѳ ѳднѳѳ кѳмнѳт'ѳ; uw ѳтъѳ д'ѳвѳч'к'ѳ, uw авѳѳмѳт, uw ѳѳѳѳѳѳ и др.;* 4) перед сочетанием согласных, между которыми находился слабый *ѳ или *ѳ, представлены [ува] / [увѳ]: *ува wс'ѳм у ч'ѳрнѳм, ува wсѳх* (единично *у wс'ѳх*), *ува ѳс'ѳ, ува wс'ѳ, увѳ wс'ѳкѳѳ, ува мнѳѳѳѳ, ува ржѳѳѳ*, однако также *ува дѳѳр* (*и ва дѳѳр*). Перед глухими согласными, преимущественно щелевыми, в небольшом числе примеров встретился [ѳ]. Наиболее частотен вариант [y], отмеченный во всех перечисленных позициях. Наряду с [w], [ѳ] фиксируется шумный губно-губной [в].

3. В говоре представлена система склонения, типичная для юго-западных русских говоров. С опорой на понятие однопадежного ряда ([Зализняк 1967 / 2002: 38–42]; [Бромлей, Булатова 1972]), в говоре выделяются падежи именительный, винительный, родительный с предлогом у, родительный с другими предлогами, родительный без предлогов, родительный количественный, счетная форма, дательный, «распределительный» (при предлоге *по*), творительный, местный, предложный (при предлоге *при*). В этой многопадежной системе различаются твердая и мягкая, ударная и безударная разновидности в I и II субстантивных и в местоименном склонении.

Далее мы покажем совпадения и отличия «однопадежного ряда» родительного с предлогом у от «однопадежных рядов» родительного с другими предлогами, местного и предложного падежей.

Во мн. числе существительных в говоре практически завершилось совпадение флексий местного и родительного с предлогом у (последний в большинстве примеров оформляется, как и местн. мн., флексией *-ах*). Все «другие родительные падежи» сохраняют флексию род. мн. *-ѳв*. Флексия *-ѳв* наряду с *-ах* выступает также в контекстах с предлогом *при* во мн. числе (в предложном падеже мн. числа):

Род. мн. с предлогом *у*: -*ах* (редко -*ѡв*, -*ей*, -*Ѧ*);

Род. мн. с другими предлогами и без предлогов: -*ѡв*, -*ей*, -*Ѧ*;

Местн. (с предлогами *у*, *на*): -*ах*;

Предл. (с предлогом *при*): -*ах*, -*ѡв*, -*ей*, -*Ѧ*;

У местоимений и прилагательных формы этих падежей одинаковы: *нас*, *вас*, *н'их*, *ус'ѣх*, *ѣтих*, *маѣх*, *аднѣх*, *какіх*, *мѡладых*, *п'ар'с'ѣцкых*.

В ед. числе бѡльшая часть типов склонения характеризуется совпадением флексий родительного с предлогом *у* и родительного с другими предлогами и отличием их от местного и предложного падежей (одноподлежащих рядов). Синкретизм обоих родительных с предлогами и местного падежей, на первый взгляд, свойствен I и III склонениям; однако в I склонении (во всех его разновидностях) разница этих падежей проявляется в количественном соотношении форм с флексиями -*ѣ* / -*ы(и)* и в противопоставлении твердой и мягкой разновидности склонения в местн., отсутствующем в род.; в III склонении совпадение родительных и местного имеется у слов с неподвижным ударением на корне или окончании, тогда как у слов с подвижным ударением эти падежи различаются местом ударения:

Род. с предлогом *у*: I скл. -*ѣ* / -*ы(и)*, II скл. -*а*; III скл. -*и*, редко -*ѣ*;

Род. с другими предлогами: I скл. -*ѣ* / -*ы(и)*, II скл. -*а* / -*у*; III скл. -*и*;

У местоимений и прилагательных единые флексии в род. падеже с предлогами: *м'ин'ѣ*, *т'иб'ѣ*, м. *н'егѡ*, ж. *н'ѣй*, *ус'ѣй*, *ѣднѣй*, м. *мѡладѡго*, ж. *мѡладѡй*;

Местн. (с предлогами *у*, *на*): I скл. тверд. основы -*ѣ* / -*ы(и)*, мягк. основы -*и*, редко -*ѣ*; II скл. тверд. основы -*ѣ* / -*у*, мягк. основы -*у*, III скл. -*и*, реже -*ѣ*;

Предл. (с предлогом *при*): I скл. как в местн., II скл. *у*, редко -*ѣ*, тверд. и мягк. основы одинаково; III скл. -*и* (тенденция к объединению с дательным падежом);

У местоимений и прилагательных единые флексии в местн. и предл. падежах: *мнѣ*, *табѣ*, м. *н'ѡм*, ж. *н'ѣй*, *ус'ѣй*, *ѣднѣй*, м. *мѡладѡм* и *мѡладѡму*, ж. *мѡладѡй*.

4. Частичный синкретизм флексий род. с предлогом *у* и местного падежа, несомненно, изначально вызван фонетическим неразличением предлогов **и* и **въ*. Однако существуют и семантические причины, способствующие объединению этих падежей.

Предлог *у* употребляется с предложным и винительным падежами чаще всего в пространственных (места, направления), временном и целевом значениях: *у калхѡз'е*, *у сѡд'ѣку*, *у мѡльдѣст'и*, *в ѣй'ѣн'у*, *у бал'н'ѣцу*, *у субѡту*, *у вайну*, *у ѡст'и*, с род. падежом чаще в значении принадлежности: *у Тѡн'к'и*, реже в пространственном значении: *у р'ек'ѣ*. В лит. языке значение пребывания при ком-то / чем-то, у кого-то обычно оформляется предлогом *у* и родительным падежом: *был у друзей*, *у чужих людей*, *у соседей* или формой предложного

падежа с предлогом *в*: *в гостях, в людях*. В говоре Роговатки фонетическое неразличение предлогов **и* и **въ* и частичный синкретизм флексий родительного с предлогом *у* и местного падежа приводит к нейтрализации такого рода конструкций: *Он у сас'ѣд'ѣх; Н'е знайу, ид'ѣ йа была — у сас'ѣд'ѣх. А ш'ас у ѣт'иу у д'им'ѣх* (живет); *У цыг'ан'ѣх мы был'и*; «Дѣ как ж ты йѣла там у л'уд'ѣх? Ув'ез' д'ѣн' прах'д'е — н'а х'д'е у л'уд'ѣх йѣс'т'; Он уър'цк'ой, и вот он, нав'ѣрнѣ, уд'ѣ-тѣ жыл у л'уд'ѣх; У урс'т'ѣх, дѣ как'ѣх-тѣ нѣр.

Литература

- С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова. Очерки морфологии русских говоров. М., 1973.
А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967 (2-е изд. — М., 2002).

«Словарь української мови» Б. Д. Гринченко в контексте русской лексикографии

С. А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Словарь, украинский язык, диалект, русские говоры.

Summary. The aim of this work is the analysis of the materials presented in «Dictionary of the Ukrainian language» of B. D. Grinchenko, in comparative historical and etymological aspects of the East Slavic lexical continuum. For the analysis on the basis of Russian used the entire body of Russian lexicography.

«Словарь української мови» (тт. 1–4, 1907–1909 гг.) Б. Д. Гринченко является одним из наиболее важных словарей украинского национального языка. На его страницах представлена лексика начиная с конца XVIII по начало XX века. К украинскому словнику в качестве толкований приводятся русские слова-эквиваленты либо описательные толкования на русском языке. В словаре в целом представлено около 70 тысяч лексических единиц. О его качестве, большой информативности свидетельствует тот факт, что этот труд Б. Д. Гринченко был отмечен премией Петербургской академией наук.

Целью данной работы является анализ материалов, представленных в данном словаре, в сравнительно-историческом и этимологическом аспектах в восточнославянском лексическом континууме. Для анализа на русской почве использовался весь корпус русской лексикографии, нужных для анализа.

В ряде случаев материалы словаря дают возможность ареально-сопоставительного анализа, например: **Талина'**, ж. Растаявший санный путь. *Не хоче талиною їхати, а щоб я їхав*. Н. Волын. уезд (Гринченко, 4). Слово широко представлено на русской почве в сходных значениях: **Та'ли'на** 'проталина' Арх., Краснояр. (СРГН, 43). Ср. также: **Таль**, и, с. ж. 4 скл. 1) Говоря о погод зимней: оттепель, от которой снег тает. 2) Вещи оттаянные или оттаявшие (САР 2). **Таль**, и, ж. *Устар. и обл.* Таяние снега, оттепель (БАС). Причем, слова, которые в словаре Б. Д. Гринченко представляют собой единицы лите-

ратурного языка, а в академических словарях нередко русского языка отмечаются как диалектные.

Весьма интересен анализ заимствованной лексики словаря на восточнославянской почве. В словаре представлено значительное число тюркизмов, например: **Ар'ян**, м. Кислое козье молоко. Кубан., 1862 (Гринченко, 1).

В словаре Даля зафиксировано несколько вариантов для значения «простокваша, разболтанная водою для питья, употребляемая татарами, чувашами, мордвой, а местами и русскими»: **ире'нь** Тамб., **пря'н** Дон., **айра'н**, **айря'н** Оренб. (Даль). **Арья'н** 'квашеное молоко с водой; молочный квас' Оренб. (Даль). В татарских диалектах представлены этимологически первичные различные фонетические варианты: *эйран, аран, эрэн, эрйэн, айран*.

Весьма интересны случаи широкого распространения в восточнославянском континууме некоторых единиц терминологического характера. Например: **Балбе'рка**, ж. Поплавков в рыболовных сетях. Уменьш. **Балберочка**. Черномор. (Гринченко, 1). Имеются обширные материалы, зафиксированные в русских говорах: **Балбе'ра** 'поплавок рыболовной снасти' Терск. Мурман. **Балбе'ра** 'поплавок из коры дерева или из пенопласта' Волог., Мурман. (СРГК, 1). Сходные данные отмечаются в казачьих говорах: **балбе'рка** 'поплавок' Юго-вост. Кубан., **балбера'** 'поплавки у невода': — *Правильно балбера', а мы называем чинбура'*. Дон. (Миртов).

Следует подчеркнуть, что анализируемые данные отмечались в словарях русского языка с XVIII века, хотя фиксировалась их региональная специфика: **балби'рка, баба'шка** «поплавок, сделанный из древесной коры, прикрепляемой к удам на самоловах, или к называемой так шашковой снасти, употребляемой на Волге и в Сибири рыболовами» (САР 2); **балби'рка, баба'шка** «обл. поплавок из древесной коры, прикрепляемый к удам а самоловах, употребляемых на Волге и в Сибири» (Слов. Акад. 1847); **балбе'ра, балбе'рка** 'бабашка, шашка', 'поплавок из дерева или коры на неводах и переметах' (Слов. Акад., 1895); **балберочная снасть** 'перемет с крючьями, с удочками без наживы для ловли красной рыбы' (Слов. Акад. 1895).

В ЕСУМ украинские данные наряду с русскими трактуются как заимствование из итал. *barbaia* 'большая рыболовная сеть', с мотивацией на итальянской почве, связанной с названием рыбы, которую ловят такой сетью (ЕСУМ, 1: 125). Эту версию А. Е. Аникин рассматривает как неприемлемую, при румын. *bulber* 'поплавок самоловной снасти из русского' (Аникин, 2: 131–132). На почве белорусского языка, белорусск. *балберка* 'поплавок', трактуется как слово темного происхождения, хотя и высказывается предположение о исконной основе **балаб-, *балб-* 'что-либо круглое, кругляшок' (ЭСБМ, 1: 290).

В ряде случаев неисконные единицы, которые отмечены в словаре Б. Д. Гринченко представляют собой результат общевосточнославянского единства, особенно это касается финно-угорских заимствований, вошедших в об-

щенародный русский язык через периферические говоры и далее ставшими достоянием какой-либо терминологической системы. Например: **Ке'ндя**, ж. чаще во мн. ч. **Ке'нди**. 1) Валенки, валеные калоши. 2) В насмешку так называют большие сапоги (Гринченко, 2).

Ср. использование этой обуви в России в XIX веке: *Зимой путники и часовые поверх сапог или валенок надевали кеньги — высокие, выше щиколоток, кожаные, меховые или валяные галоши. В сырую непогоду в XIX в. стали носить низкие галоши, сначала кожаные, с конца XIX в. — резиновые.*

Эти единицы описывались лексикографически, ср., например в САР 1: **Ке'ньга**, употребительнее во множ. **Ке'ньги** «зимняя из телячьей или оленьей кожи с шерстью обувь, которая и внутри подпушена мехом или бпйкою, похожая на коты и надеваемая для тепла сверх башмаков и сапогов»: — *Купить кеньги. Надеть кеньги.* (САР 1, 3).

В Слов. Акад. 1847 представлены следующие данные: **ке'ньга** «зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкою, и надеваемая сверх башмаков или сапогов» (Слов. Акад. 1847). Традиция подачи этого слова продолжается в БАС: **Ке'ньги**, мн. (ед. кеньга, ж.). Обл. Особая зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкой и надеваемая сверх башмаков или сапог. // Сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу (БАС, 5).

Белорусские и украинские данные традиционно рассматривались как русизмы: белорусск. *кеньгі* 'валенки', укр. *кенді* 'зимние чулки', 'большие сапоги' (Фасмер, 2; SKES: 181), вероятно, уже из русского языка (ЕСУМ, 2).

Материалы словаря Б. Д. Гринченко весьма обширны и их сравнительно-сопоставительный анализ может многое дать для осмысления дихотомии литературный язык — народные говоры. Кроме того, следует также отметить, что в словаре Б. Д. Гринченко наметились основные пути становления общекрипского лексикона, нередко на крипистических основах.

Литература

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2. Б — Бдынь. М., 2008.
 Гринченко Б. Д. Словарь української мови. Т. 1–4. Киев. 1907–1909.
 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.
 Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
 Словарь Академии Российской. Т. 1–6. СПб., 1789–1794 (САР 1).
 Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Т. 1–6. СПб., 1806–1822 (САР 2).
 Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6 (СРГК).
 Словарь русских народных говоров. М., Л. / СПб., 1965–2015. Т. 1–48 (СРНГ).
 Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965 (БАС).
 Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Т. 1–4 (Слов. Акад. 1847).
 Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Мінск, 1978–2010. Т. 1–13 (ЭСБМ).

Виртуальное и актуальное в семантике глагольного слова (на материале говоров архангельского региона)

Е. А. Нефедова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Диалект, семантика, глагольное слово.

Summary. The report discusses functional characteristics of the verbs with *do-* (*do-*) prefix and *-ся* (*-sja*) postfix in spoken dialectal language. The dialects represent variability of their semantics, caused by the folding of the original structure, common for literary language and dialects.

В «Русской грамматике-80» выделяются глаголы с префиксом *до-* и постфиксом *-ся* (*до-V-ся*), имеющие значение ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’. Этот словообразовательный тип является продуктивным, особенно в разговорной речи и просторечии [Русская грамматика 1980: 386]. Глаголы *до-V-ся* характеризуются интенсивно-результативным способом глагольного действия. Значение полноты, исчерпанности результата может сочетаться у них со значением интенсивности и экспрессивности действия. Семантика глаголов *до-V-ся* самонедостаточна и реализуется либо в конструкции с *до того*, *что*, либо в сочетании с дополнением с предлогом *до*.

Продуктивность данного словообразовательного типа характерна также и для современных русских говоров. Так, в картотеке «Архангельского областного словаря» (АОС) представлен большой по объему материал, содержащий образования как от общерусских, так и диалектных основ. В 11 и 12 вып. АОС описано более тысячи глагольных слов, характеризующихся интенсивно-результативным способом глагольного действия. Функционирование этих глаголов в говорах имеет существенные отличия от литературного языка. Они касаются структуры и особенностей реализации глаголов *до-V-ся*.

В говорах архангельского региона возможны образования в конструкции с *до того* и *до чего* не только с постфиксом *-ся*, но и без него (*до-V*), причем часто встречаются параллельные образования от одной и той же основы: *до того добёгался* и *до того добёгал*, *до того доревёлся* и *до того доревёл*, *до того до́жил* и *до чего дожился*.

Глаголы без постфикса *-ся* могут быть образованы от основ непереходных и переходных глаголов и обозначать действие самого субъекта и действие, направленное на объект: *До того доплакала*, *до того доходила*, *до того добу́чила чай*, *до того дождала кота*.

Как и в литературном языке, в говорах глаголы *до-V-ся* (*до-V*) обозначают продолжительное и / или интенсивное действие. Отрицательный, нежела-

тельный результат предопределен высокой степенью проявления действия, превышающей некую общепринятую норму. Таким образом, сема 'отрицательный результат' заложена в семантике самого глагола. Конкретизация этой семы происходит в тексте: а) в сложном предложении с союзами *что* или *дак*: *До того́ добежа́лась, что лежа́ла до́лго; До того́ догребу́т, дак ру́ки гото́вы отпасть; До того́ догуля́л, что у́хо оторва́ли*; б) в сложном бессоюзном предложении: *До того́ добежа́лась, завздыха́лась; Спотёла, до того́ добежа́ла; До того́ добе́гают, ско́ро го́лову стрясу́т*; в) в контексте более широком, чем предложение: *Во́рзаются молодё́е ребя́та, до того́ дово́рзаются, бу́дет вам во́рзаться, рва́ть пла́тья рипака́ми*.

Одним из существенных отличий от литературного языка является то, отрицательный результат продолжительного и / или интенсивного действия может не иметь вербального выражения: *До того́ догоня́ли мы, добе́гали её иска́ть; Она́ до того́ добараба́нила*. В коммуникативном акте он может выражаться с помощью интонации, жеста, а также вытекать из общего знания ситуации: *Я у́тром до того́ с ни́ми добыю́сь* 'долго заставляю кого-н. сделать что-н. и затрачиваю на это много усилий'; *До того́ доброди́ла по гря́зи* 'долго бродила и устала, испачкалась' и т. п.; *Ну, я пошла́, до того́ довопе́ла* 'долго кричала и охрипла, сорвала голос' и т. п. Очевидно, что семантика глаголов *до-V-ся* (*до-V*) содержит пресуппозицию и ассерцию, и невербализованной может быть именно ассертивная ее часть.

Один и тот же глагол может функционировать в высказывании как с выраженной, так и невыраженной ассерцией: *Она с одні́ми порося́тами до того́ доводи́лась, дак с но́г ва́лилась. С коро́вами то́же до того́ доводи́лась*. Второе высказывание представляет собой как бы свернутый вариант первого. Отрицательный результат в нем не конкретизирован, но именно он предопределяет общую негативную оценку описываемой ситуации.

Глаголом может обозначаться действие, как бы заранее предполагающее его отрицательный результат, что усиливает негативную окрашенность высказывания: *Вчера́ к нам приходи́ли, до того́ добуя́нили; До того́ доглоти́ли э́того ви́на; Ва́нька до того́ добереди́л Ве́ньку ва́шего*. В других случаях семантика мотивирующего глагола может быть нейтральной, а негативная оценка связана прежде всего с чрезмерной интенсивностью и / или продолжительностью действия: *Я до того́ догляде́ла, дождала́* 'очень, слишком долго смотрела и ждала'. Показательно объяснение семантики подобных конструкций носителем диалекта: *До того́ доби́лись с се́ном, э́то зна́чит — си́лы все́ иссякли. До того́ доби́лись с се́ном — да то́же до́лго-до́лго би́лись, уста́ли*.

Возможны такие высказывания, в которых результат действия может оцениваться как нейтральный или даже положительный, а семы 'очень, слишком', заключенные в семантике глагола, создают общую экспрессивность высказывания: *До того́ доплёл корзи́н э́тих* 'очень долго плел, очень много наплел'.

Значение интенсивности и экспрессивности действия, приводящего к нежелательному результату, в говорах может быть выражено глаголами *до-V-ся* (*до-V*) и вне сочетания с *до того, до чего*: *Онi скóро допасу́т, што корóвы одну́ зéмлю бóдут ийсь. Допла́кала вчера, порáто (сильно, долго) пла́кала.*

Наблюдаемая в говорах вариативность реализации семантики глаголов *до-V-ся* (*до-V*) объясняется условиями устной, не скованной строгой кодификацией речи. В речевой практике говорящих отражены этапы постепенного свертывания исходной конструкции, общей для литературного языка и говоров: 1) *до того, до чего до-V-ся* (*до-V*), *что (дак)* — 2) *до того, до чего до-V-ся* (*до-V*) — 3) *до-V-ся* (*до-V*). Формальное упрощение конструкции сопровождается семантической конденсацией глагольного слова.

Иное решение этого вопроса представлено в [Гецова 2001: 7–12]. Оно состоит в том, что глаголы *до-V-ся* (*до-V*) в говорах обозначают длительное и / или интенсивное действие, а сема ‘отрицательный результат’ может быть представлена только в контексте (см. [Гецова 2001: 7–12]).

Литература

Архангельский областной словарь. Вып. 1–. М., 1980–.

Гецова О. Г. Предисловие / Архангельский областной словарь. Вып. 11. М., 2001.

Русская грамматика. Том I. М., 1980.

Номинации праздников в честь «парных» святых в говорах архангельского региона*

Ж. А. Панина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

«Парные» святые, архангельские говоры, праздники, диалектология.

Summary. Author analyses nominations of Saints duos' holidays in Arkhangelsk's dialects.

1. Особую группу наименований праздничных событий составляют названия праздников, посвященных так называемым «парным» святым (далее ПС). Под «парными» святыми мы понимаем связанных персонажей христианской истории, память которых отмечается в один день. Как правило, эти святые были связаны родственными отношениями. Названия праздников в честь «парных» святых интересны тем, что они «на своем пути из антропонимов в хрононимы переживают разные стадии конденсации, соответствующие этапам утраты антропонимической функции (соотнесенности с сакральными лицами)» [Толстая 2005: 380].

2. Этнографический словарь «Русский народный календарь» [Русский народный календарь 2015] отмечает около двух десятков праздничных событий, связанных с «парными» святыми. В говорах архангельского региона отмеча-

* Исследование выполнено на материале «Архангельского областного словаря» (1–, изд. продолжается), картотеки «Архангельского областного словаря» и собственных полевых записей автора, сделанных в диалектологических экспедициях 2006–2015 гг.

ются следующие события в память ПС (приведены официальная календарная формула и диалектные названия):

- праздник в честь Славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июня / 12 июля): *Петрѡв день, Пѣтр день, Петрѡвник, Петрѡвъе, Петрѡвни, Пѣтр, Пáвел, Петры и Пáвлы, Пѣтр и Пáвел, Пѣтр-Пáвел*;
- праздник в честь равноапостольных царя Константина и матери его Елены (21 мая / 3 июня): *Мать Елѣна, Мать Елѣна и царь Константи́н*;
- день Святых бессребренников Космы и Дамиана (1 / 14 июля): *Кузьма́-Демьян, Кузьмадемья́н, Кузьмя́нов день*;
- день Святых мучеников Кирика и Иулитты (15 / 28 июля): *Ки́риков день, Ки́рики-Ули́ты, Ки́рики и Ули́ты, Ки́рики, Ули́ты*;
- день Святых великомучеников Флора и Лавра (18 / 31 августа): *Фроло́в день, Фрольи́, Хроло́в день, Хрольи́, Хрол*;
- Память праведных Богоотец Иоакима и Анны (9 / 22 сентября): *Екимáнь день*.

3. В составе наименования праздничного события могут сохраняться оба имени святых. В таком случае хрононим может представлять собой формулу, взятую из месяцеслова практически без изменений: *Мать Елѣна и царь Константи́н*;

Гораздо чаще название праздника в честь ПС служит наименованием, свернутое до ключевого компонента — имен святых, стоящее в единственном числе:

- с сохранением сочинительного союза: *Пѣтр и Пáвел*;
- без союза: *Кузьма́-Демья́н, Пѣтр-Пáвел, Ки́рик-Ули́та*;
- образовавшее единое сложное имя-хрононим: *Кузьмадемья́н*;
- образовавшее единое сложное имя-атрибут при опорном компоненте *день*: *Екимáнь день*.

Отмечены и наименования, имеющие форму множественного числа и обозначающие при этом единичные события (проявление плюрализации, в целом характерной для диалектных названий праздников):

- с сохранением сочинительного союза: *Петры́ и Пáвлы, Ки́рики и Ули́ты*;
- без союза: *Ки́рики-Ули́ты*.

4. Часто второй компонент двухчастного наименования — имя святого, называемое вторым — опускается, и в составе хронониме остается только имя первого святого. Этот однокомпонентный хрононим может употребляться:

- в форме единственного числа: *Пѣтр, Хрол, Мать Елѣна*;
- в форме множественного числа: *Ки́рики, Фрольи́, Хрольи́, Петру́ишки*.

В таком случае также прослеживается тенденция к плюрализации, что соотносится с выводами, сделанными С. М. Толстой на полесском материале в [Толстая 2005: 381].

В качестве названия праздника, посвященного «парным» святым, могут использоваться и существительные, образованные от имени святого, которое в календарной формуле идет первым, как в единственном: *Петрѡвник*, *Петрѡвье* — так и во множественном числе: *Петрѡвни* — а также субстантивированное прилагательное: *Петрѡвские*.

Первый элемент некогда двучленного хрононима может не использоваться самостоятельно, а выступать в качестве атрибута при опорном компоненте *день*: *Кириков день*, *Кузьмянов день*, *Петрѡв день*, *Петрѡвин день*, *Пётр день*.

5. Редко для обозначения праздничного события используется имя святого, идущее вторым в официальной календарной формуле, как в единственном числе: *Павел* — так и во множественном: *Улиты*.

Литература

- Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980 — . Вып. 1 — .
 Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М., 2015.
 Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

Ватный, полуватный, алгодоновый: лексика одежды в русских говорах Южной Америки*

О. Г. Ровнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Диалектология, старообрядцы, русские говоры зарубежья, диалектная лексика.

Summary. The report is based on the material of the Russian dialects of the old believers living in different countries of the South America. The words included in the lexical set “Clothes” are examined. The meanings of the dialect and all-Russian lexicon are described, and the examples of the dialect neologisms are given.

Носители русских говоров в Южной Америке — две группы старообрядцев-часовенных, которые оказались там в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в результате миграции из Китая (из Западного Синьцзяна и окрестностей Харбина), в Китай их предки бежали в 1930-е гг. из Казахского Алтая и с Дальнего Востока, спасаясь от советской власти. Среднерусские акающие говоры «синьцзянцев» и «харбинцев» сформировались на севернорусской языковой основе, являются очень близкими, хорошо сохранившимися в условиях почти столетней изоляции от других русских говоров и литературного языка.

Доклад основан на диалектном материале, собранном в старообрядческих общинах Аргентины, Боливии, Бразилии, Уругвая во время экспедиций 2006–2014 гг. При работе над этнографическим описанием современной одежды старообрядцев была выявлена находящаяся в активном употреблении диалектная

* Тезисы доклада подготовлены в рамках проекта «Старообрядцы Латинской Америки: исследование языка и экономики», поддержанного грантом РГНФ 14-04-00380 (рук. О. Г. Ровнова).

лексика, часть которой представляет собой лексические этнографизмы [Ровнова 2016].

Старообрядческая культура является культурой традиционалистского типа, и современная повседневная одежда старообрядцев (женский *сарафан* и мужская *русская рубаха*, подпоясанные поясом) выполняет в ней важную знаковую функцию, показывая принадлежность к этноконфессиональной группе и верность древлеправославию. С одной стороны, стремление к сохранению традиционного костюма способствует сохранению и употреблению в живой речи соответствующей лексики, с другой — неизбежная трансформация одежного комплекса ведет к изменению лексических значений некоторых слов, а появление новых видов одежды требует новых номинаций, что приводит к расширению тематической группы «Одежда». В ней можно выделить лексические единицы трех видов.

1. Лексические диалектизмы: *вы́резка* ‘вырез горловины у сарафана-горбача, платья-галички’; *горба́ч* ‘разновидность сарафана с закрытой спиной’; *запо́н* ‘фартук’; *застёжный* ‘имеющий застежку, застегивающийся’; *косокли́нный сарафа́н* ‘сарафан с вшитыми в боковые швы косыми клиньями’; *коше́ный* ‘расклешенный’; *кроса́* ‘головной убор невесты в виде матерчатой круглой шапочки с плотно нашитыми по всей поверхности цветками из нарядной ткани’; *кру́глый сарафа́н* ‘прямой сарафан со складками’; *кружа́вный* ‘кружевной’; *ла́стовка* ‘верхняя деталь рукава женской рубахи’; *нагру́дка* ‘отрезная верхняя часть фартука’; *нагру́дье* ‘верхняя часть сарафана, закрывающая грудь’; *обу́тки* ‘обувь’; *оде́жа* ‘одежда’; *ошлага́* ‘манжеты’; *перё́динка* ‘плетенное из бисера женское украшение в виде сетки, закрывающее верхнюю часть груди’; *перё́дня(я)*, сущ. ‘отрезная верхняя деталь сарафана-горбача и платья-галички’; *перели́нка* ‘отрезная верхняя часть сарафана, к которой пришиваются проймы’; *подбора́, подбо́рочка* ‘оборка внизу сарафана и фартука’; *припо́лок* ‘разрез-застежка мужской рубахи’; *саи́мура* ‘головной убор замужней женщины в виде шапочки из легкой материи, завязывающейся сзади’; *спа́льна(я) оде́жа* ‘одежда для сна’; *стану́шка* ‘нижняя юбка, пришиваемая к рубахе’; *те́мна(я) оде́жа* ‘траурная одежда темного цвета в противоположность повседневной *светлой оде́же*’. Существуют понятия «христианская рубаха» и «христианский сарафан» — рубаха и сарафан, сшитые со строгим соблюдением правил традиционного кроя: рубаха должна состоять из восьми *разрядов* (деталей, частей), а сарафан — иметь вшитые в боковые швы косые клинья. Отмечены слова, употребляющиеся в говорах старообрядцев с расширенным значением: *бисеры* ‘бусы’ (ср. толкование *перё́динка*); *куфа́йка* ‘мужская и женская короткая утепленная верхняя одежда (куртка, пиджак, кофта, свитер и т. п.)’.

2. Общерусские слова с диалектными значениями: *ва́тный* (о ткани) ‘хлопчатобумажный’, *полува́тный* ‘сделанный из смешанных хлопчатобумажных и искусственных волокон’; *подбо́л* ‘отрезная по груди или талии нижняя

часть сарафана, платья»; *полосá* 'прямоугольный кусок ткани, из которого шьются передняя и задняя детали сарафана и рубахи'; *рукава́* 'женская нижняя рубаха с широкими рукавами, на которую надевается сарафан'. Некоторые значения являются в современном литературном языке устарелыми или стилистически сниженными: *товáр* 'материя, ткань для шитья', *товáрный магази́н* 'магазин тканей'; *тря́пка*, *тря́почка* 'кусочек ткани для шитья одежды, обуви и т. п.', *тря́пошные о́бутки* и *барéтки* 'обувь с матерчатой верхней частью'.

3. Диалектные неологизмы, обозначающие новые предметы одежды или предметы, имеющие отношение к ней. Одни слова образованы по русским словообразовательным моделям: *ли́фтик* 'бюстгальтер'; *спáльник* 'ночная пижама'; *та́личка* 'отрезное по груди и талии платье со складками и пришитым поясом'. Другие неологизмы представляют собой освоенные заимствования из испанского и португальского языков. Это названия тканей: *алгодо́новый* 'хлопчатобумажный' (исп. algodón, порт. algodão 'хлопок'), *на́йловый* 'нейлоновый' (исп. nailon, порт. náilon 'нейлон'), *мусоли́нь* (порт. musselina 'легкая и немного прозрачная ткань из хлопка'), *сачи́нь* 'сатин' (порт. cetim), *тарга́л* (исп., порт. tergal 'ткань, содержащая полиэстер и вискозу), а также название комплекта для купания *шóрты* и *ма́йка* (исп., порт., англ. shorts 'шорты').

В докладе приводятся примеры употребления ряда диалектных слов, дается анализ их значений в сопоставлении с литературным языком и другими говорами.

Литература

Ровнова О. Г. «Маленько переформили сарафан»: современная одежда старообрядцев Южной Америки // Живая старина. 2016. № 2 (в печати).

Прилагательное *божественный* и его значения в архангельских говорах

М. Г. Соломатина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русская диалектология, архангельские говоры, народное православие.

Summary. The report addresses the operation of terms (indicating) defining 'a father' in Arkhangelsk dialects, provides the inventory of terms used to refer to a father in the nominative and vocative functions. Also noted are metonymic and metaphorical transfers: the use of kinship terms to refer to the stepfather, father-in-law, husband, mythological spirits-masters, etc.

1. При исследовании проекций религиозного сознания на язык народной культуры мы рассматриваем лексемы, отражающие представления человека о высшей, божественной силе (*Бог, Господь, Дух, Троица, Иисус Христос, Бого-родица* и т. д.), имена канонических святых (*Никола Угодник, Артемий Веркольский* и др.), героев народной агнографии (*Юда и Оника, Власий-Медосей*), ветхо- и новозаветных персонажей в народных пересказах Библии (*Адам, Ева, Илья Пророк, Иуда* и др.), лексемы, называющие духовных лиц (*поп, монаше-*

на, игуменша и др.), предметы религиозного обихода (божницы, молёнушки — ‘полки для икон’ и др.), сакральные места и постройки (ответные кресты, божественные колодцы и др.), а также многочисленные «божественные» прозвища.

2. Вышеперечисленные лексемы (Бог, Христос, Богородица, и др.) в говорах развивают переносные значения, не встречающиеся в литературном языке. Для лексемы *Бог* в архангельских говорах, помимо прямого, фиксируется 4 переносных значения: 1) ‘икона’: *У меня прошлой год мужик в Ленинград увёз одного бога. У хозяйки возьмите богов-то, она не молится.* 2) ‘Святой, изображенный на иконе’: *Вот тут стоит плакат какой-то, на нём нарисован бог какой-то, он заслужил, перенёс много пыток. Не больно и знали, какие иконы. Бог — и всё тут. Ещё изображения какие были, кто знает, какой бог.* 3) ‘Прозвище’: *Татку Бог звали, а нас Богородицами.* 4) ‘Употребление в качестве вводного слова’: *Бог свидимся, а бог и нет.* Развивают многозначность и дериваты этих лексем. Например, существительное *боженька* употребляется не только в значении ‘верховное божество’, но и ‘священник’: *Мы так называем боженки, как попы они служат. Боженки или попки, как хочешь называй.* Однако бо́льшую часть словообразовательных дериватов составляют прилагательные (божественный, богородский, исусов, троцкий и т. д.), которые в сочетании с существительными именуют объекты самых разных областей внеязыковой действительности: высшие силы, мир людей, растений, животных, предметный мир, а также область абстрактных понятий. Одному из таких прилагательных — прилагательному *божественный* и его дериватам — будет посвящен доклад.

3. Значение, в котором прилагательное *божественный* употребляется в говорах, сходно с тем, которое указывается в общерусских толковых словарях ([МАС]; [Ушаков]): ‘имеющий отношение к религии, церковный’. Однако сочетаемость прилагательного в диалектной речи гораздо шире, чем в литературном языке. *Божественными* могут быть люди и окружающие их предметы, участки пространства и отрезки времени, конкретные и абстрактные понятия. О верующем, воцерковленном человеке скажут, что он *божественный*: *Надо к какой-нибудь божественной старушке, сходи к Анне Селивёрстовне. Божественных старушек нет, уж выбыли боле.* Библию, Псалтырь или молитвослов называют *божественной* книгой: *Книги божественны Господом Богом писаны, хоть не самим, а еговы служонки или служаки, по-славянски было писано, меня отец было научил читать.* *Божественным* также будет данное при крещении имя: *По церкви-то его божественно имя — Трифон, а так зовут Виктор.* *Божественными* оказываются календарь церковных праздников (*Мы-то сейчас по радио слушаем, когда Пасха-то, али календарь божественный нужен*); приходская газета (*В газете божественной читала. Опять она мне газет этих божественных нанесёт*). Зафиксированы также сочетания с

прилагательными *божовый, божий, набожный* и т. д., синонимичные рассмотренным выше. Исследование опирается на материал вышедших 16-ти выпусков «Архангельского областного словаря» [АОС] и его картотеки.

Литература

Архангельский областной словарь. Вып. 1–16–. М., 1980–2015– (изд. продолж. — АОС).
Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999 (МАС).
Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940 (Ушаков).

Новые данные о формах, восходящих к плюсквамперфекту, и близких им по значению конструкциях в южнорусском говоре

А. В. Тер-Аванесова, А. В. Малышева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

*Южнорусские говоры, плюсквамперфект, антирезультатив,
неактуальное прошедшее.*

Summary. In the South Russian dialect of Rogovodka, the forms developed from “Russian” pluperfect are extremely rare. Both forms with auxiliary verb and with a particle are used. The synonymic constructions with verbal forms *bylo* and *buvalo* are frequently used.

В южнорусском говоре с. Роговатое (Роговатка) Старооскольского р-на Белгородской области встречается два рода форм, восходящих к формам плюсквамперфекта: это сочетания форм прош. времени со склоняемым вспомогательным глаголом *был* (*была, были*) и с частицей *было* (и *был* как следствие редукции). Эти формы в говоре очень редки (всего 11 примеров в 80-тысячном текстовом корпусе). Зато развитие получают конструкции с вводными словами (частицами) *было(че)* и *бувало(че)*, при которых возможны формы наст. / буд. и прош. времени. Аллегровые формы синонимичных вводных слов (частиц) *было(че)* и *бувало(че)* иногда трудно разграничить.

1. Формы прош. времени совершенного вида с частицей *было* (*был*) имеют антирезультативные значения: прекращенного действия (1), действия, результат которого отменен вследствие последующего действия (2); неосуществленного намерения (3, 4):

- (1) *Былъ и у нас стал’и урѣба прѣдѣят’, мѣяз’ин аткрѣл’и, а патѣм закрѣл’и.*
- (2) *И вѣт он был саб’ѣ куп’ил маши́ну, рас ка мн’ѣ пр’ийѣхъл, а нѣ друубѣ д’ен’ уш н’ѣ нѣ ч’ем* (потому что продал машину).
- (3) *И тѣл’къ събрали́з’ былъ ит’йт’ — тѣ ид’еш.*
- (4) *Кѣк увѣшлѣ — н’икѣуб н’ѣт у хѣт’е, йѣ как был нѣзѣт* (но выйти уже было невозможно, так как появилась сторожевая собака).

(5) *Снѣхѧ н'ек'ѣт, ѡа н'ѣт. П'еклѧ ѡа, н'еклѧ тады былѧ и ус'ѡ д'ѣльль, хърашѡ д'ѣльль. Ну wѡт. А ш'ш'ѧс т'ип'ер' уш ч'егѡ, н'ѣт. Ш'ш'ѧс wѡт выѡду, пѣс'ижу' вѡ ѡд'е (вот где) дѡ у хѧту. Д'ѣльм' ѡа н'ич'егѡ н'а д'ѣльљу.*

(6) *Кѧк зѡхад'ѡл'и <в колхоз> — был д'ѣт врѡд'и бѡуѧч'ѡм ѡтл'ич'ѡл'с'и, бѧт'ин ѡт'ѣц, вѡт пѣтѡму нас и бѡрахл'ѡл'и.*

(7) *Вѡт тѡб'е так'ѡѡе, м'ѡл'ин'к'ѡѡе, д'елѧ. Ну хтѡ знѧ, ч'ѡ таб'е иишѡ рѣскѡзѧт'. Можѣ так нѡбуѡн'ѡлѣ ѡбы цѡ былѧ.*

(8) *Пр'ишлѧ ѣтѣ сас'ѣткѣ, кѣкѧѡь был судѡ ишлѧ (которая только что шла сюда и уже прошла мимо), пр'ишлѧ и уѡвар'ѡт': «А ѡѧ w т'иб'е картѡх'и пѡл'ажу».*

3. Вводные слова *бывало(че)*, *было(че)* употребляются с формами наст. / буд. и прош. времени, обозначая часто повторявшиеся, обычные действия в прошлом.

(9) Ч'и нарôишнь стръишиал'и, бапкъ **бъвала вьд'а** у дл'инньй рубáх'и, халс'т'инньй, дл'инньй, в'иск'и (волосы) **распұс'т'а** и стръишиала вот *эт'их* мълáд'их.

(10) *Бъва́льчъ ѓх-ѓх, пѣдѣ́йде́ у́трѣ, ан'и́ у шко́лу з'б'ира́йуциѣ, а ѣа́ бѣл
скажѣ́: ро́спѣд'и, ро́спѣд'и, дѣ н'и то́ ш ѣа т'и́п'ѣр' даждѣ́с', щѣп н'и́хто
н'и хад'и́л, у шко́лу!*

(11) *Вот бѡѧль пѣльжѧциѣ нѣ п'ач'и д'ѣт'и, и наинѣт', зѣдѧч'и там
р'ешѧт', зѣдѣвѧйут' ѣим, а ѣѧ хажѣ.*

(12) *Бълъ п̣сажѹ — ч'ѣр'ѣз двѣ дн'а уш он пр'ин'алс'и, ѹстѣпѣр'илс'и и стайт'.*

(13) И вот мы йеро торх этът, вот этъ **пр'уйѣд'иш** былъч'а — нас
съб'ирай'ут' уѣ арту.

(14) *И йá xôt' иd'ê был пайêм.*

3.3. *бувало* + форма прош. времени несов. вида:

- (14) *Бува́ль* как *тъда́* нъ *рабо́ту хад'ѣл'и*, дъ *ид'ѣ-тъ хот' с'илѡм*, а *зъсм'ей-ѣс'с'и*.
 (15) *Дъ ѣнтѣ зълатѹха*, *зълатѹха зъл'ипл'ала бува́ла* ѹс'у ѹбѣвѹ!
 (16) *А у м'ин'ѣ йѹпка д'в'ѣ палѡтн'иши*, дъ *самѹъ по́ла*, как *ѣт'и бал'е-р'ѣны-т хад'ѣл'и бува́ла*, *ѣт вот у м'ин'ѣ м'итал'ѣч'иск'ий про́въльк*, а *йѹпка ет ат м'ин'ѣ*.

3.4. *было* + форма прош. времени несов. вида:

- (17) *А йа́ был* ч'а́сть с *мужыко́м с свайм бран'ѣльс'а*.
 (18) *С ка́ръва́нѣм былѣ* з *д'ѣвкѣм'и*, с *р'еб'а́тъм'и хад'ѣл'и* зъ *йа́уѣдѣм'и*.
 (19) *Бы́л*, *зна́иши*, *шо у стар'инѹ*, *ка́к-тъ грам'ѣл'и* *во́т бѣу́ч'ѣй ѣт'их*, *скат'ѣну во́т ѣдб'ѣрал'и*.

4. Конструкции с частицей *было* и формами прош. времени совершенного вида 'имела место такая ситуация, что...; был случай, что...':

- (20) *Пѣха́т'*, *зѣпр'аул'ѣ былѣ* *пѣха́т'* — *он у нас ч'а́тыр'ѣ ѹро́дѣ прѣвалѡк*, *хто́ знае*, *ус'ѡ пѣвспѣха́л*.
 (21) *Бы́лѣ* *с'ѣл'ицкѣй* (глава сельской администрации) *бы́л*, *м'ѣл'ицыан'ѣры*, *онашл'ѣ*, *пѣзѣбрал'и ѣтът* (спирт).

5. «Модальное» (условное) употребление вспомогательного глагола *было* 'было бы':

- (22) «*Дв'ѣна́цѣт' пѣлуч'ѣиши* (тысяч рублей), *а скѡ́къ ш таб'ѣ на́дѣ?*» — «*О́, дѣ, дѣ вот туды́ на́дѣ, вон туды́ на́дѣ, во́!*» — «*Ну дѣ иишио́ таб'ѣ м'ѣшо́к бѣлѣ на́дѣ таб'ѣ!*»

6. В говоре Роговатки, севернорусских архангельских ([Пожарицкая 2015]; [Шевелёва 2007]) и среднерусских муромских [Тер-Аванесова 2013] говорах представлены совершенно идентичные классы форм, восходящих к плюсквамперфекту, а также конструкции с *бывало* / *бувало* и *было* (включая чрезвычайно редкие конструкции с модальным *было*). Эти формы выступают в одинаковых или сходных значениях и типах контекстов (с некоторыми оговорками для севернорусских говоров). Различия между говорами лежат в области частотности рассмотренных форм и конструкций, а не их устройства и набора их значений.

Литература

- Пожарицкая С. К. Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 373–403.
 Тер-Аванесова А. В. Производные формы отглагольной парадигмы и некоторые отглагольные частицы в одном среднерусском говоре // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 211–239.
 Шевелёва М. Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–352.

Этнокультурное сознание староверов Эстонии***В. П. Щаднева**

Тартуский университет (Эстония)

Этноконфессиональное сообщество, этнокультурное сознание, «свое» — «чужое», старообрядцы Эстонии.

Summary. This study is devoted to ethnocultural consciousness of the Old Believers of Estonia. The analysis covers material, which have been collected in different times, and takes into account the intersection of the concept of religion with other concepts that are important for Old Believers: work, home, family. The analysis suggests that the worldview of the Old Believers is conservative, because to this day the Old Believers seek to preserve the traditions of their ethnoreligious community.

1. Характеристика исследования

Цель данного исследования — обозначить основные особенности этнокультурного сознания староверов западного Причудья и примыкающего к нему о. Пийриссаар. Эмпирическим материалом послужили сделанные в разное время диалектные записи, выполненные преподавателями и студентами отделения славистики Тартуского университета за нескольких десятилетий. В ходе анализа бумажных (тетрадных) и электронных записей учитывались содержание рассказов и языковые факты, представленные и в уже изданных ([Очерки I 2004; Очерки II 2007; Очерки III 2012]), и в еще неопубликованных диалектных материалах.

2. Основы этнокультурного сознания староверов

Для этноконфессиональной концепции старообрядцев значимо пересечение концептов «религия», «труд» (см. подробнее: [Щаднева, Паликова 2011]), «дом», «семья». Во взаимосвязи этих концептов, отраженных в рассказах старообрядцев о прошлом и настоящем, воплощается этнокультурное сознание староверов. Их духовная и материальная жизнь изначально опирается на идею времени, что отражено уже в названии этноконфессионального сообщества, а уклад жизни, нормы поведения определяются древними консервативными канонами, которые сформировали старообрядчество как обособленное этнорелигиозное объединение и обуславливают этнокультурное сознание староверов. Однако преданность старой вере у старообрядцев изначально сочеталась с необходимостью приспосабливаться к новым условиям существования и с потребностью создавать новое «старое» учение — без церковной иерархии, полноты таинств и др. [Зеньковский 1995: 341]. Это означает органичное сочетание традиций и новаций, ибо условия постоянно изменяющегося окружающего мира приводят к неизбежности адаптации к новому и порождают удивительную мобильность (в широком смысле слова) во всем — ради сохранения чистоты веры предков. Взаимосвязь традиций и нововведений и сейчас наблюдается в разных сферах жизни староверов и отражается в языке.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта № 09102 «Староверы как носители культурной памяти» государственной программы Эстонии.

3. «Свое» и «чужое» в этнокультурном сознании староверов

Для этнокультурного сознания старообрядцев значимо противопоставление «своего» и «чужого». Во-первых, жизнь в инонациональном окружении требует адаптации к среде проживания, поэтому в рассказах староверов упоминается общение с эстонцами. Стремясь жить по-своему, староверы обладают истинной толерантностью, позволяющей им иметь добрососедские деловые отношения в любой инонациональной среде: *Тут ещё одна эстоночка — яна́ таперь умерши — ещё ро́стила цигорий <цикорий>, так у меня ещё было от ей взято смян* (Варнья, 2003). Жизнь в инонациональном социуме порождает материальные и языковые заимствования. При этом староверы активно используют исконные русские топонимы параллельно с эстонскими: *Воронья* (*Varnja*), *Тихотка* (*Tiheda*) и др. Во-вторых, для старообрядцев типично противопоставление себя «православным христианам» (так причудские староверы называют приверженцев официальной Русской православной церкви), ибо в картине мира староверов закрепилось почитание своей ветви православия как более правильной. В-третьих, староверы порой называют живущих на восточном берегу *русманами* (даже в случае дружеских отношений), по-видимому, не в полной мере осознавая себя русскими, что объясняется и конфессиональными, и геополитическими причинами: *Русма́ны — с России, аль российские, аль как? Как называть? Русма́ны, аль русские, аль... Я эти за оскорбление не считала сама* (Желачек, 2009). В-четвертых, старообрядческое мировоззрение проявляется в гендерном вопросе: сохраняется и обычай надевать при крещении на мальчиков и девочек кресты разной формы, и обычай шить скромные мужские и нарядные женские *лёстовки* — матерчатые или кожаные чётки староверов. В то же время статус женщины-староверки по демографическим причинам претерпел изменения: теперь после ухода из жизни книжников-мужчин наставниками могут становиться и женщины. Такой социальный сдвиг отражается даже в смысловом согласовании по категории рода: *И у нашей ба́тюшки такой голос яркий, хороший* (Кольки, 2005).

4. Выводы

Направленность в прошлое является важной чертой мировоззрения носителей традиционной этноконфессиональной культуры. Традиции сохраняются не только в религиозных ритуалах и богатом пласте религиозной лексики, но и определяют быт. При этом в этнокультурное сознание староверов органично входит многоплановое разграничение «своего» и «чужого».

Литература

- Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. [Репр. изд.: München: Fink, 1970]. Москва: Церковь. 1995.
- Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004 (Очерки I).

- Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007 (Очерки II).
- Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. *Acta Slavica Estonica I*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012 (Очерки III).
- Щаднева В. П., Паликова О. Н. Труд в системе социально-религиозных представлений староверов западного Причудья (на материале говора). Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. *Humaniora: Slavica Tartuensia IX* / Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 376–389.

История и предыстория славянских языков

Морфология глагола в идиолекте Григория Цамблака как отражение ретроспективной нормы и живых особенностей болгарского языка XIV–XV вв.

М. Н. Белова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

*Болгарский язык, Тырновская книжно-литературная школа, глагольное словоизменение,
историческая грамматика.*

Summary. In the present paper the verbal morphology of Tsamblak's idiolect is discussed and summarized with special attention to some of his unedited or poor studied homilies and other works.

Сведения о морфологических особенностях глагольной системы в идиолекте Григория Цамблака (ГрЦ) — одного из основных представителей Тырновской книжно-литературной школы — можно обнаружить в частных исследованиях языка автора, однако все они построены на материале некоторых или единичных сочинений писателя. В настоящем докладе обобщаются и значительно дополняются результаты имеющихся исследований с привлечением материала неизданных проповедей ГрЦ и некоторых других, не привлекаемых ранее к подобному анализу произведений ГрЦ.

В целом система глагольных форм в языке Цамблака отражает основные тенденции, выявляемые и в других среднеболгарских памятниках. В языке Цамблака полностью отсутствует супин, что характерно для всех письменных памятников того периода в связи с его полной утратой в живой речи. Инфинитив на *-ти* последовательно сохраняется. В этом отношении тырновские писатели строго следуют кирилло-мефодиевской традиции.

В настоящем времени сохраняется пять глагольных классов без признаков перегруппировки. Группа глаголов третьего класса на *-ак, -так, -оук* с ударением на слог, предшествующий суффиксальному *-а-*, в результате выпадения *-j-*, ассимиляции и дальнейшего стяжения гласных образовавшая в болгарском языке III «новоболгарское» *a*-спряжение, по нашим наблюдениям, сохраняет старые формы настоящего времени, хотя известно, что описанные процессы в подобных глаголах начались еще в старославянский период (ср. примеры из Сав., Зогра. и особенно Супр.) [Харалампиев 1983: 30–31]. В памятниках нетырновского круга того периода есть несомненные свидетельства существования нового типа спряжения в болгарском языке, однако Цамблак, как и другие тырновские авторы, старательно избегает данного живого языкового явления. В числе особенностей образования форм настоящего времени

следует также отметить: последовательное сохранение *l*-эпентетикум при спряжении глаголов с основой на губную, регулярное окончание **-ши** во 2 л. ед. ч. без сокращения, использование в форме 1 л. мн. числа у атематических глаголов вместо старого окончания **-мъ** окончания **-мы** для разграничения форм ед. и мн. числа после падения редуцированных. Переноса этого окончания на тематические глаголы, наблюдаемого в среднеболгарских памятниках, в языке ГрЦ не происходит.

В языке ГрЦ сохраняются две аористные формы: старый сигматический (на **-х-**) для глаголов с инфинитивной основой на гласный и новый сигматический аорист (на **-ох-**) для глаголов с основой на согласный (флексии остаются неизменными, в том числе **-стѣ** во 2 л. мн. ч., **-ша** в 3 лице мн. ч.). Датский исследователь Г. Сване отмечает стремление Цамблака к архаизации при употреблении аористных форм: 1. Глаголы второго класса (с суффиксом **-нж-**), имевшие в старославянском языке регулярные формы аориста с усеченной основой (без суффикса), уже в древнеболгарскую эпоху начинали образовывать аорист с сохранением суффикса; в среднеболгарский же период эти формы получают широкое распространение. Цамблак использует архаичные формы (этот тезис подтверждают и данные [ПЕ] и проповедей); 2. Используется аорист на **-тъ**, который утрачивался еще в XI в. (ср. его сокращение в Супр. рук.) [Сване 1981: 103].

Остаются вопросы, связанные с использованием форм имперфекта в идиоме ГрЦ. Формы с контракцией встречаются в древнейших памятниках XI в., в болгарской Манассиевой хронике, а особенно в Троянской притче (XIV в.) они преобладают. В произведениях же тырновских авторов нестяженные формы весьма частотны. Исследователи предпринимали попытки выявления закономерностей употребления одних и других, например, использование лишь стяженного имперфекта от конкретных глаголов: **быти**, **мьнѣти**, **тешти**, **зърѣти**, **веселити сѧ**, **жити**, **грасти**, **молити сѧ**, **ѣти** и производных от них, а также **стоати**, **въпити**, **имѣти** [Харалампиев 1984: 231]; анализ форм в [ПЕ] позволяет добавить в этот список глаголы **носити**, **грасти**. Другая особенность развития имперфекта в истории болгарского языка — закрепление основы настоящего времени в формах имперфекта, что вызвано совпадением окончаний аориста и имперфекта и стремлением к их разграничению. Начало процесса относится еще к древнеболгарскому периоду, однако среднеболгарские памятники все еще слабо отражают эти явления. У ГрЦ немало примеров имперфекта с замещенными основами (чаще у гл. с чередованием **-ov-** / **-uj-** в инфинитиве / наст. времени), указывающих на живые процессы в болгарском языке того периода, ср. **ношашѣ** (в проп. л. 11а), **объемагашѣ** (ЖСД 62.11) и **объемахуѣ сѣ** (ЖСД 89.17); **вѣсѣдоуашѣ** (ЖСД 48.22), **любомждрьствѣашѣ** (ПЕ 11.3), **милуашѣ** (ПЕ 23.4).

С тенденцией строгого сохранения тырновскими писателями языкового синтетизма связано сохранение и активнейшее использование в произведениях

Цамблака всех пяти причастий. В живом болгарском языке под действием аналитических тенденций причастия (кроме *л*-причастия) начинают довольно рано исчезать и к XIV в. уже не являются категорией разговорного языка.

В употреблении форм будущего времени ГрЦ также следует традиции, используя простое будущее время. Конструкции с глаголами (**въ-**, **на-**, **за-**)**чати**, **имѣти**, **хотѣти** сохраняют модальное значение, однако в произведениях писателя можно обнаружить примеры явной грамматикализации конструкции **хотѣахъ** + инфинитив, из которой в дальнейшем развивается болгарское *будущее в прошедшем*.

Литература

- Давидов А., Данчев Г., Дончева-Панайотова Н., Ковачева П., Генчева Т. Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София, 1983 (ЖСД).
 Русев П., Гълъбов И., Давидов А., Данчев Г. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971 (ПЕ).
 Сване Г. Новосъздаденото и унаследеното в езика на Григорий Цамблак // Български език. 1981. 2.
 Харалампиев И. По история на българския глагол (възникване на а-спрежение) // Български език. 1983. 1.

Судьба праславянского слова в свете новых данных Общеславянского лингвистического атласа

Т. И. Вендина

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Праславянский язык, славянские диалекты.

Summary. The report is devoted to the history of the Proto-Slavic word, presented on maps common Slavic Linguistic Atlas.

Изучение словарного состава праславянского языка долгое время было сопряжено с такой объективной трудностью, как отсутствие надежной фактографической базы. Известно, что праславянская «словарная коллекция» создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции. «Достаточно было фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду» [Толстой 1997: 111]. Между тем «науку двигают вперед... не общие теории, а факты, накопление фактов. Мы стремимся сосредоточиться на изучении последних, не оставляя, впрочем, надежды, что совокупное или достаточно однозначное свидетельство фактов найдет отражение и в формулировке общих идей и теорий, без которых также невозможен научный прогресс» [Трубачев 2003: 453]. И таким бесценным источником новых фактов и новых возможностей стал Общеславянский лингвистический атлас. Благодаря Атласу мы имеем возможность прикоснуться к «живому» праславянскому сло-

ву и в необозримой реализации его словообразовательных моделей почувствовать «дыхание времени».

О чем же говорят карты Общеславянского лингвистического атласа?

Прежде всего, они говорят о жизни праславянского слова в современных славянских диалектах. Судьба его оказалась разной. Одни слова, обладая огромной жизненной силой, сумели противостоять времени, которое оказалось над ними не властно. Плотнo покрывая всю территорию Славии, они образуют т. н. системные ареалы (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как **vod-a*, **kon-j-ъ*, **pol-j-e*, **mor-j-e*, **zem-j-a*, **med-ъ* и др. Другие оказались подвержены влиянию времени, ибо их ареалы стали разрушаться (ср., например, ареалы лексем **ot-ъc-ъ*, **ov-ъc-a*, **ovъs-ъ*, **gost-ъ*, **krъt-ъ*, *mêk-a*, *sq-sêd-ъ*, *pros-i-tъ* и др.). Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление, тогда как второй — широко распространенное. Разрушение ареалов праславянских лексем прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии. Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше праславянских лексем, способных ее «освоить» (или «удержать») полностью.

О разрушительных процессах, протекающих в этих ареалах, свидетельствует факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареал лексемы **dъb-ъ*, которая широко распространена в северной Славии, но имеет ограниченные ареалы — в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ней конкурируют лексемы *lvogst-ъ*, *gor-un-ъ*, *cer-ъ*).

Вместе с тем и одни, и другие слова говорят о реальном существовании праславянского языка, причем не просто как о некой абстрактной модели, а как о живом языке, во всем его диалектном многообразии. Об этом свидетельствуют ареалы лексем, имеющих индоевропейское происхождение, но не имеющих статус общеславянских, ср., например, распространение лексем **volъs-y*, **brъv-i*, **žel-qd-ъk-ъ*, **lyž-ъk-a*, которые отсутствуют в южнославянских языках.

На картах Атласа отчетливо видно, что разрушение ареала лексем, имеющих праславянское происхождение, может происходить как в центре современной Славии, (см. например, разрушенные ареалы лексем **ov-ъc-a* или **žen-a* в украинских и белорусских диалектах) так и на периферии, причем такой периферией чаще всего является юго-восток южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение

лексемы **ob-ěd-ъ*, которую в южнославянских диалектах вытесняют лексемы *už-in-a*, *rqč-ъk-ъ*, *pol-u-dъn-e*).

Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов, в соответствии с которой архаизмы лучше сохраняются на периферии, нежели в центре.

Карты Атласа говорят о том, что ареалы архаизмов часто локализуются не на периферии, а в центре. Кроме того, они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления.

Карты Атласа позволяют проследить, как происходит разрушение ареала праславянских лексем, имевших ранее общеславянское распространение. Показательна типология этого процесса, ибо он связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой. Обладая огромной жизненной силой, слова праславянского происхождения способны к порождению производных. И в этих новых лексемах продолжается жизнь праславянского слова (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *ov-ъč-ъk-a*, *žen-ъk-a*, // *ež-ъk-ъ*, // *ež-ak-ъ*, // *ež-ik-ъ*, *měst-ъc-e*, *tuš-ъk-a*).

Нередко в процессе языковой эволюции на основе базовых значений праславянских слов возникают переносные, о чем свидетельствует метафорический характер значения некоторых лексем (ср. ареалы лексем *gor-a* в значении 'лес', *konj-ъk-ъ* в значении 'кузнецик' или *do-by-t-ъk-ъ* 'общее название скота', характерных для южно- и восточнославянских диалектов).

Таким образом, мы видим, что материя не исчезает бесследно, на месте уходящих праславянских слов появляются новые, в которых сохраняется как бы «мерцающий свет» старых. Несомненно, что лингвистическая карта несет в себе уникальную информацию, которая еще только начинает изучаться. В этом отношении «Общеславянский лингвистический атлас» является бесценным источником для изучения истории праславянского слова. Используя метафору польского ученого В. Дорошевского можно сказать, что «слова в нем — это мосты, переброшенные над веками».

Литература

- Толстой Н. И. Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. Т. 1., М., 1997.
Трубачев О. Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // XIII Международный съезд славистов в Любляне. Доклад пленарного заседания. М., 2003.

Возвратные причастия на -сь в истории русского языка**Е. А. Галинская**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

А. Ч. Пиперски

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва, Россия) /

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

*Причастия, отпадение конечных гласных, возвратный постфикс, язык поэзии,**Николай Гнедич.*

Summary. The paper discusses the form of the reflexive postfix in Russian participles. Since Russian participles were borrowed from Church Slavonic, they uniformly employ *-sja* as a reflexive postfix, whereas other verbal forms have *-sja* after consonants and *-s'* after vowels. Participles ending in *-s'* are almost unattested in prose, but they occurred in Russian poetry up to the beginning of the 19th century. They are used to achieve metrical well-formedness or serve a stylistic purpose, since they sound (pseudo-)archaic, which can be best observed in the translation of the *Iliad* by Nikolay Gnedich.

Возвратный постфикс в русском языке имеет два варианта: *-ся* и *-сь*. Вариант *-ся* используется после согласных (напр., *испугался, раздаётся*), а вариант *-сь* — после гласных (напр., *испугаетесь, раздались*). Этому правилу подчиняются все глагольные формы за исключением причастий, которые всегда употребляются с постфиксом *-ся* (*испугавшийся, раздающиеся*).

Такое не вполне тривиальное с синхронной точки зрения распределение легко объяснимо исторически. В русском языке отпадали те конечные безударные гласные фонетического слова, которым предшествовал одиночный согласный или группа [ст], при условии, что такие гласные не составляли отдельного морфа [Зализняк 2002: 552]. Однако причастия не являются исконно русскими формами: древнерусские причастия были утрачены или лексикализированы (ср. *горячий, кипучий*), а современные русские причастия были заимствованы из церковнославянского языка. Церковнославянское происхождение причастий проявляется в огласовке показателя действительных причастий настоящего времени, которые имеют суффиксы *-ущ-*, *-ащ-*, где согласный опосредованно восходит к одному из южнославянских вариантов реализации праславянского сочетания **tj*. Таким образом, будучи церковнославянизмами, полные действительные причастия с возвратным постфиксом не подчиняются закону отпадения конечных гласных и сохраняют конечный безударный гласный, хотя он и не защищен группой согласных.

Тем не менее, причастия на *-сь* после окончаний на гласный ограниченно встречаются в русском языке. В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) встречаются два примера таких форм, причем оба они относятся к XVIII веку (запросы вида «**ицаясь*», «**ишаясь*», «**ицеесь*», «**ишеесь*» и т. д. в поиске точных форм с последующей ручной фильтрацией результатов):

Кто выколет вранови око, вперившеесь в ночь? [Григорий Сковорода. Наркисс (1760–1769)]

а больше того о сем никому не приглашал и не пригласил, между тем, собравшимись в устье р. Дуная казаками слышал он, что... [Материалы Азовской губернской канцелярии по делу Якова Черногора (1777)]

Впрочем, такое количество причастий на *-сь* пренебрежимо мало на фоне общего количества причастий от возвратных глаголов (427 659 вхождений по запросу «*ся, partcp» в лексико-грамматическом поиске). Однако есть тип текстов, в котором причастия на *-сь* представлены гораздо лучше, — это силлаботоническая поэзия. Такие формы встречаются в XVIII веке и вплоть до 20-х годов XIX века:

*Там **зыблющаясь** тень и падающи воды
Прохладу мне дарят...*

(Михаил Муравьев, «Ода шестая», 1776)

*У нас в земле найдут могилу
Враги, **гордившиесь** над ней*

(Павел Катенин, «Мстислав Мстиславович», 1819)

*Но можно ли исчислить бедства,
На сей **низвергшиесь** предел...*

(Василий Капнист, «Убивство», 1822)

По всей вероятности, эти формы служат в первую очередь средством соблюдения размера. Так, у Катенина можно встретить и причастие на *-ся* после гласного:

*Не — **сорвавшаяся** с плена
Львица, гладная людьми...*

(Павел Катенин, «Гений и Поэт», 1830)

Однако есть один автор, который явно осознанно использовал причастия на *-сь* как стилистический прием. Речь идет о Николае Гнедиче (1784–1833), известном в первую очередь благодаря переводу «Илиады» Гомера на русский язык. Его перевод характеризуется многочисленными лексическими и грамматическими средствами архаизации, в число которых встраивается последовательное употребление причастий с *-сь* после окончаний на гласный:

*Он ожидал Ахиллеса великого, **несшегось** прямо* (22: 92)

*Быстро Атрид возгласил к **находившемусь** близко Аяксу* (11: 464)

*Крепкое вынести копье, у него **сохранявшиеесь** в куще* (13: 168)

*В прах голова, перед Гектора ноги, **крутящаясь** пала* (13: 205)

*Брата увидевши кровь, **изливавшуюсь** током из язвы* (4: 149)

*Оба они пред высоко **вздымавшиеюсь** башней стояли* (12: 131)

*Вспять покатились к потоку прекрасно **струящиесь** воды* (21: 382)

*Их защитила своими **катящимись** пышно водами* (21: 239)

Во всем тексте «Илиады» нет ни одной причастной формы, которая оканчивалась бы на *-ся* после гласного, и, разумеется, ни одной причастной формы, которая оканчивалась бы на *-сь* после согласного.

Однако, по всей видимости, этот прием показался современникам слишком необычным, так что он не прижился как стилистическое средство, в отличие от многих других стилистических находок Гнедича: например, сложных слов, имитирующих гомеровское словообразование. Это можно доказать, рассмотрев употребление возвратных причастий в переводе «Одиссеи», сделанном Василием Жуковским и опубликованном в 1949 году — спустя 20 лет после перевода Гнедича:

	муж.	ср.	жен.	мн.
И.	17	0	0	0
Р.	0	0	3	7
Д.	0	0	0	2
В. = И.	4	0	—	0
В. = Р.	0	0	—	9
В.	—	—	0	—
Т.	3	0	2	0
П.	2	3	0	2

Табл. 1. Распределение форм возвратных причастий по падежам, родам и числам в переводе «Илиады» В. Жуковского

Из табл. 1 следует, что Жуковский никогда не употребляет возвратные причастия в тех формах, которые оканчиваются на гласный (соответствующие ячейки выделены в таблице серым). Очевидно, что Жуковский не мог использовать в этих формах причастия на *-ся*: это привело бы к появлению безударных слогов на метрически сильных местах строки, поскольку в причастиях типа *раздающиеся* ударение падает не правее 4-го слога от конца, а значит, следующее после этого ударения сильное место дактилического гексаметра будет приходиться на безударный слог в пределах того же слова (*раздаю́щиеся*). Однако пропуски схемного ударения в трехсложных размерах стали допускаться в русской поэзии лишь в Серебряном веке [Гаспаров 2000: 242]:

И невы́полоты́е заносы
На оконный ползут парапет.
За стака́нчиками купоро́са
Ничего не бывало и нет.

(Борис Пастернак, «Зима», 1913)

Показательно, что Жуковский не использовал прием Гнедича и не ввел в свой перевод ни одного причастия на *-сь*. Таким образом, последовательное употребление таких причастий так и осталось единичным экспериментом Гнедича.

Использование причастий на *-сь* в качестве стилистического приема примечательно тем, что оно противоречит общей тенденции использовать для архаизации церковнославянские языковые черты. Напротив, здесь мы видим употребление исконно русского правила для создания архаического эффекта (другими примерами архаизмов такого рода служат слова с полногласием типа *полон*, *ворог* и слова с закономерным падением редуцированных типа *сбирать* vs. *собирать*).

Таким образом, причастия на *-сь*, соответствующие общему правилу распределения возвратных показателей, используются для достижения метрических и стилистических целей в русской поэзии XVIII — начала XIX века, а единственным автором, употребляющим их последовательно, является Николай Гнедич.

Литература

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 2000.

Зализняк А. А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550–558.

О неким моделима глаголских допуна у српском језику (на примерима из XVI и XVII века)

М. Гочанин

Институт сербского языка Сербской Академии наук и искусств (Белград, Сербия)

Глагол, глаголска допуна, модел глаголске допуне, историјска синтакса.

Анотация. В статье анализируются некоторые модели глагольного управления на основании материала риторического и поэтического дискурсов в сербском языке XVI и XVII веков.

Овим радом актуализују се питања са којима се сусреће истраживач синтаксички проучавајући глаголе и њихове допуне у српском језику на примерима из XVI и XVII века почевши од формалних — која се могу односити на осмишљавање формула којима се представљају модели глаголских допуна па до суштинских — која се тичу сагледавања рекцијског потенцијала појединачних глагола, те међусобног односа рекције одређеног глагола и његове семантичке реализације.

Узевши у обзир морфосинтаксичку и лексичку сложеност овог феномена, ексцерпирани истраживачки материјал обухвата, с једне стране, реторички дискурс (односно пословноправну писменост), а са друге стране, поетски дискурс — који укључује изворе из сфере религиозности и белетристике.

Под глаголском допуном подразумевамо употребу:

- (1) именске фразе (или израза) у одговарајућој падежној форми (нпр. глагол **завити**):

свето тијело [...] завише у платно [Змајевић 1996, 1: 193];

- (2) инфинитива (нпр. глагол **желети**):

жѣлиѣше видѣти га (Дубровачки зборник, 141), ви [...] *желите видѣти* кугоди изврсну ствар [Držić 1987: 307], душа наша *жели састати се* з Богом и у Богу *починути* [Divković 2013: 218];

- (3) комплементне клаузе (нпр. глаголи **забрањивати**, **запов(и)једати**):

Црква *забрањује да се у н'јека времена ни жени ни удаје* [Divković 2013: 407], *заповиједаше да се све главе цркве свете пофиту и одведу у Рим везане* [Змајевић 1996, 1: 201];

које бивају дефинисане инхерентном лексичком семантиком глагола у функцији управног реченичног члана. Глаголском допуном се заправо садржински конкретизује глаголска лексема која са њом успоставља рекцијску релацију. У зависности од семантике свог лексичког представника и инхерентне лексичке семантике управног глаголског члана, глаголска допуна може се појављивати у различитим синтаксичко-семантичким реализацијама:

- (1) као објекатска допуна (нпр. глагол **благовати**):

крѣхъ царѣхъ благѣиешъ (Дубровачки зборник, 178), *благовасъте хлѣбъ волежъниви* (Дубровачки молитвеник, 43), лав *имаше у јаслицахъ благовати сламу* [Змајевић 1996, 1: 77], И *тко би благовао у коризму месо* алити *који бијели смок*, будући моћан, смртно сагрјешује [Divković 2013: 261]. фиг. када се причешћујемо тијелом Исусовијем [...] *благујемо тијело и крв Исусову* [Divković 2013: 285];

- (2) као адвербијална допуна:

- (а) спацијални комплемент (нпр. глагол **живети**):

живи љ томи лиепомѣ мѣстѣ (Дубровачки зборник, 86);

- (б) каузални комплемент (нпр. глагол **постидети се**):

баре[м] *се постиди обичаја људскога* [Divković 2013: 127]; и др.

Рекцијски потенцијал глагола као управног члана рекцијске везе показује се на основу његове валентности. Она намеће како ће бити уређена одређена реченична структура, колики ће бити број реченичних аргумената и какви ће бити односи међу њима. Гледано на то колики број рекцијских конституената учествује у релацији, рекцију одређујемо као:

- (1) просту (уколико садржи регенс и ректум; нпр. глаголи: **абандонати**, **благословити**):

немо'мо га абандонат [Držić 1987: 332], *да га благослови свѣтитѣль* (Душанов законик чл. 45, 51);

- (2) сложену, комплексну (ако има регенс и два или више ректума; нпр. глагол: **даровати**):

хоѿѿ мѣ па даровати ови богати дарѣ (Дубровачки зборник, 114), *даровал ње намѣ свѣиѣ вождѣство* (Дубровачки молитвеник, 59), да *сиѣори* ја реало *рубин и дијамант* [...] *дарујем* [Držić 1987: 346], *дарова му веригу златну* [Змајевић 1996, 1: 196].

У зависности од тога да ли се глагол удружује са једном рекцијском допуном или са више њих, говори се о глаголима просте или комплексне (сложене) рекције. И у једном, и у другом случају могу се јавити беспредлошке и(ли) предлошке конструкције.

Литература

- Divković Matija. Nauk krstjanski za narod slovinski. Sto čudesa aliti zlamen'ja Blažene i slavne Bogorodice, Divice Marije. Sarajevo: Kulturno-povijesni institut Bosne Srebrene, 2013.
 Držić Marin. Djela. Zagreb: Cekade, 1987.
 Змајевић Андрија. Летопис црковни. Т. I и II. Цетиње: Обод, 1996.
 Радојчић Никола. Законик цара Душана. Београд: Научно дело, 1960.
 Решетар Милан. Либро од мнозијех разлога. Дубровачки ћирилски зборник од г. 1520. Сремски Карловци: Српска краљевска академија, 1926.
 Решетар Милан; Банели Ђуро (приређивачи). Два дубровачка језична споменика из XVI вијека. Београд: Задужбина Милана Кујунџића, 1938.

Андрей Курбский как переводчик

Т. А. Джангобекова

Львовская средняя школа № 51 (Украина)

Л. М. Устюгова

Ужгородский национальный университет (Украина)

Юго-Западная Русь, церковнославянский язык, прошедшие времена глагола, действительные причастия.

Summary. The authors in the report described some language features of translations by Andrei Kurbsky "Lives of the Blissful St. John Chrysostom". These features are described for example of the past tense verbs and the actual participles.

Андрей Курбский, представитель древнего рода ярославских князей, военачальник, государственный и общественный деятель, высокообразованный писатель-публицист, находясь в эмиграции, ревностно боролся против распространения католицизма на православных землях. В его имении Миляновичи под Ковелем сформировался настоящий книжный центр, где создавались, переводились и переписывались различные сочинения, но в первую очередь — классика православной литературы. Им составлены книги «Новый Маргарит», «Иоанн Дамаскин», «Симеон Метафраст». При участии князя Андрея в Остроге в 1581 г. печаталась полная русская Библия (Острожская Библия) на церковнославянском языке. Однако некоторые исследователи (Э. Кинан, П. Кра-

люк) культурно-просветительскую деятельность А. Курбского на Волыни рассматривают как миф, созданный, по мнению П. Кралюка, украинскими эмигрантами, которым «належить і апокрифічне листування князя А. Курбського та царя Івана Грозного, а також “Історія про великого князя Московського”». У кінці XVII ст. миф про культурно-просвітницьку діяльність А. Курбського допомагав українським емігрантам ввійти в московське середовище».

В докладе на примере форм прошедших времен глагола и действительных причастий, зафиксированных в переводе «Жития блаженного Иоанна Златоуста», показаны некоторые особенности переводческой техники Андрея Курбского. В своем исследовании мы исходили из положения о том, что в XVI в. в Юго-Западной Руси функционировало как минимум две разновидности языка памятников конфессионального содержания: традиционная, тяготеющая к соблюдению норм церковнославянского языка древнерусской редакции (язык Острожской Библии [ОБ]), и та разновидность, нормы которой складывалась не без воздействия «простой мовы» (язык Пересопницкого Евангелия [ПЕ]). Для целей нашего исследования особый интерес представляет язык памятников типа Пересопницкого Евангелия.

В Пересопницком Евангелии в соответствии с тремя прошедшими временами, представленными в Острожской Библии (аорист, имперфект, перфект), употребляются преимущественно формы нового перфекта, так называемые *л*-формы. Ср.: *и рече юнѣишій єю отцѹ* [ОБ] — *и рекъ моло(д)шій снѣ* [ПЕ]; *іаже іадахусвини* [ОБ] — *которыи єдали свинѣ* [ПЕ]¹.

В переводе анализируемого Жития тоже наблюдается экспансия *л*-формы (167 словоупотреблений) при 9 (5%) примерах книжных форм: *И іакою бодро(сти)ю наѹча(л)*, *и іаковы(м) тцѣниѣ(м) бра(л)ся сопроти(в) єрети(к)о(в)* [45]; *Но от высокиѣ горы гро(м) приде* [46]; ... *которыѣ житиѣ их нехоташе наслѣдова(ти)* [45].

Однако по особенностям употребления действительных причастий перевод Жития принципиально отличается и от Острожской Библии, и от Пересопницкого Евангелия. В ПЕ причастия представлены довольно широко, однако в формах, которые по суффиксу и / или по окончанию можно квалифицировать как разговорные: *слоу҃гѹ. и спы҃таль єго рекоу҃чи, оу҃слышавши то, и розгнѣвалсѣ. Тогда о҃цѣ єго вышодши почаль и єго просити. Меншіи снѣ все забравши и пошолъ в сторону далекѹ.*

В переводе Жития нет словоформ с разговорным суффиксом *-уч-* / *-ач-*, но при этом зафиксирован только один пример причастия с нейтральным суффиксом *-а*: *не хотѣ*. В указанном тексте в форме мужского рода ед. числа последовательно употребляются причастия настоящего времени с книжным суф-

¹ В связи с заданным объемом тезисов паспортизацию примеров из Острожской Библии и Пересопницкого Евангелия см. в статье Т. А. Джангобековой [Джангобекова 2006].

фиксом *-ущ-* / *-ащ-*: **И прѣвы^а оу него лѣтъ четыре, вѣстѣ^е писани <...> оукротевающе и възстазующе...** [43]. Характерно, что флексии *-е* / *-и* здесь находятся в отношениях дополнительного распределения: окончание *-е* связано с книжным суффиксом *-ущ-* / *-ащ-* (**мающе, размышляюще**), а разговорная флексия *-и* — с нейтральным суффиксом *-ви-* / *-и-* (**приложивши, смовѣвши**). Отступления от этой закономерности ограничиваются 8 примерами (**преставляючи, возложивше**) при 111-ти примерах причастий на *-уще* / *-аще* и 33-х — на *-виши* / *-иши*.

Словоформы на *-уще* / *-аще* и *-виши* / *-иши* чаще соотносятся с грамматической основой в ед. числе, хотя встречаются примеры и с грамматической основой во мн. числе: **Оу^ж в^смьнадесять лѣтъ мающе, и нынѣ^и свобо^аны^и наоукамъ приле^жны^и т^руды прилож^и (ед. число), юно^{ст}и^и быстроту т^руды безпре^станными оу^смир^яюще <...> оуже египеские б^гг^атества к со^вр^ужению храма г^на оу^готов^ляюще** [43]; ...**ходили** (мн. число) **всю ночь по гра^ду. Воспевающе свое ереси пѣни^и, иаковы исповѣдающе вселенское за^вло^ужение...** [47]. Это указывает на то, что представленные в переводе Жития причастия уже обладают морфологическим признаком неизменяемости, однако квалифицировать их как деепричастия считаем нецелесообразным, поскольку для них характерна разная степень нейтрализации предикативного значения. Ср.: **Епифани^и своею простотою не рассм^от^ряюще ѿ^ѿѿ^ѿфила лоукавства** [51] (самостоятельное сказуемое); **сл^оу^чило^с и^ж самъ прогнѣ^вавши^и цесаря до цр^кви оу^тек** [46] (обстоятельство причины).

Таким образом, в переводе «Жития блаженного Иоанна Златоуста» отчетливо проявляется тенденция к выработке определенной стилистической системы, базирующейся на совмещении элементов церковнославянской книжности и живой разговорной речи. Такое совмещение было исконной особенностью древнерусского литературного языка.

Литература

- Джангобекова Т. А. Текст как объект истории литературного языка // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Випуск 14. Ужгород, 2006. С. 114–120.
- Ерусалимский К. Ю. Назначение «Истории» // Курбский Андрей. История о делах великого князя Московского / Подг. К. Ю. Ерусалимский; Перевод А. А. Алексеев. М.: Наука, 2015. С. 222–287.
- Кралюк П. Культурно-просвітницька діяльність князя Андрія Курбського на Ковельщині: міф чи реальність? // Минуле і сучасне Волині та Полісся: Ковель і Ковельщина в історії України та Волині. Луцьк, 2003. Ч. 1. С. 78–81.
- Курбский А. М. Житие бл^жжен^аго Иоанна Златоуста // Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI–XVII вв. Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI — перв. пол. XVII в. Приложение. М., 1888. С. 43–59.
- Острозька Біблія. Львів, 2005.
- Пересопницьке Євангеліє 1556–1561. Дослідження. Транслітерованій текст. Словопоказчик / Видан. підгот. І. П. Чепіга за участ. Л. А. Гнатенко; Наук. ред. В. В. Німчук. К., 2001.

Функционально-семантические особенности адъективов с суффиксом *-ьск-* в языке летописных сводов

И. В. Ерофеева

Казанский федеральный университет (Россия)

Адъективное словообразование, суффикс, грамматическая семантика, летописный текст.

Summary. The report examines the derivational and functional features of derivative adjectives with the suffix *-ьsk-* in the language of the chronicles. It determines the specificity of their lexical and grammatical semantics, established their manufacturing bases.

Особое место среди производных прилагательных в древнерусском языке занимали адъективы с суффиксом *-ьск-*. Индоевропейское происхождение суффикса *-ьск-* определяло широкое распространение производных образований с ним в первых письменных произведениях, в том числе летописных сводах. В системе адъективного словообразования данный суффикс занимал особое место, соединялся с определенным кругом производящих основ, прежде всего с основами личных имен существительных. Данное обстоятельство определяло способность имен на *-ьск-* выражать значение принадлежности, что приближало их по грамматическому значению к притяжательным прилагательным.

Для летописного повествования, отразившего исторические процессы в их темпоральной и локальной прикреплённости, наиболее характерны производные адъективы на *-ьск-*, образованные от топонимических и этнонимических наименований (от названий народов, стран, городов, волостей и под.). Подобные прилагательные выражают не индивидуальное, а родовое отношение, что связано со спецификой семантики производящего имени, которое обозначает не конкретное, единичное лицо, а выступает с обобщенным значением: *оугорьскыи, болгарьскыи, словѣньскыи новгородьскыи* и др.

Достаточно широко представлены в летописных текстах производные прилагательные с суффиксом *-ьск-*, образованные от именных основ, называющих лиц по полу, возрасту, социальному положению, религиозным признакам. При этом адъективы на *-ьск-* могли выражать первичное для них значение личной принадлежности. Однако, будучи соотнесенными с существительными с обобщенным значением лица, они постепенно приобретали значение категориальной принадлежности или отнесенности.

Большинство прилагательных на *-ьск-* в тексте летописных сводов мотивируются существительными (прежде всего греческого происхождения), называющими лиц по религиозному сану: *иночьскыи, священничьскыи, чернечьскыи, дьяконьскыи, мнишьскыи* — или наименованиями лиц, имеющими отношение к области сакрального: *ангельскыи, апостольскыи, пророчьскыи, хрестьяньскыи* и др. Грамматическая семантика подобных прилагательных зависит от значения мотивирующего существительного. При соотнесении с существительными с широким значением они могли приобретать качественные оттенки, например *ангельскыи* — это и «свойственный ангелу», и «святой».

К числу чрезвычайно распространенных в летописном языке слов относится прилагательное *христианьскыи*, что связано с прагматической и коммуникативной установками древнерусского текста, в котором область сакрального представлена очень широко. Образование *христианьскыи* не способно выражать значение индивидуальной принадлежности, так как мотивируется существительным, обозначающим совокупность лиц.

Мотивирующими основами для образований на *-ьск-* могли быть наименования лиц по социальному положению, хотя в количественном отношении они значительно уступают образованиям от наименований лиц религиозной семантики: *боярьскыи*, *княжьскыи*, *королевьскыи*, *царьскыи*. Адъективы данной группы выступают в основном с притяжательным значением, первичным и наиболее древним значением прилагательных с суффиксом *-ьск-*.

Если же прилагательные на *-ьск-* соотносятся с личными существительными с широким, гиперонимическим значением, они обнаруживают способность к семантическому переосмыслению, выходя за рамки значения принадлежности. Это отражается в грамматической семантике производных адъективов с суффиксом *-ьск-*, мотивированных наименованиями лиц по полу, например *женьскыи* и *мужьскыи*, которые в большинстве случаев в летописном языке выступают с общим относительным значением.

Чем обобщеннее значение производящего существительного, тем больше возможностей для реализации качественно-относительных оттенков у прилагательных на *-ьск-*. Прилагательные *людьскыи* и *человѣчьскыи*, как формы, производящие основы которых имеют самое общее значение лица, выступают прежде всего с относительным значением «свойственный, присущий человеку, людям».

Формант *-ьск-* уже в древнерусском языке имел семантическую специализацию и поэтому довольно редко осложнял основы нарицательных неодушевленных существительных, так как в этой сфере функционировал более продуктивный суффикс *-ьн-*. Однако определенные лексико-семантическим разряды существительных могли быть производящими основами для прилагательных на *-ьск-*, а именно: названия населенных пунктов, географических понятий. Специфика семантики топонимических наименований заключается в возможности обозначения ими не только места, пространства проживания людей, но и населения этого места. Таким образом, обнаруживается их семантическая близость к производным от основ одушевленных существительных.

Прилагательные на *-ьск-* данной группы показывают отнесенность не столько к месту, сколько к жителям этого места: *городьскыи*, *земьскыи*, *улицьскыи*, *монастырьскыи* и др. Значение принадлежности, изначально свойственное суффиксу *-ьск-*, модифицируется в подобных производных адъективах. Обозначая принадлежность не отдельному лицу, а совокупности лиц, которая подразумевается под топонимом с общим родовым значением: *городъ*, *улица*

и под., — данные формы выражают самое общее отношение к тому, что названо мотивирующим словом.

Образования на *-ьск-* связаны с определенным кругом производящих основ: именами собственными, топонимами и этнонимами, личными нарицательными существительными и существительными с локальным значением, способными к выражению также собирательного значения. Примеры из летописных сводов иллюстрируют тенденции в развитии грамматической семантики прилагательных на *-ьск-*: от выражения личной принадлежности — наиболее древнего, первичного значения, свойственного данным адъективам, и категориальной принадлежности — наиболее типичного значения образований на *-ьск-* в древнерусском языке, к относительному значению и, наконец, в редких случаях — к качественному. Появление указанных оттенков находится в прямой зависимости от семантики производящих имен существительных.

Литература

- Зверковская Н. П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. М.: Наука, 1986.
- Meйе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951.
- Московский летописный свод 1479 года. Уваровский список летописи // Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25.
- Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1. С. 1–286.

Русское влияние на сербскую письменность в XVI веке (Лесновский список Толковых пророчеств)*

В. В. Калугин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Архетип, протограф, список, разночтения, редактирование.

Summary. Serbian copy of Explanatory Prophecies from 1560s-1580s (Хлуд-1) was made from the Russian manuscript, which is close to Old Testament Compendium from the middle 16 century (Рум-28). Alternative readings of this texts show, that their connection is not direct, but there was a middle copy (or copies) between them.

Южнославянская рукописная традиция Толковых пророчеств (далее — ТП) незначительна. Она насчитывает всего лишь один неполный среднеболгарский список кон. XIV в. (РНБ, F. I.461), его славяно-молдавскую копию 1474 г. (ГИМ, Щук-507) и две сербские рукописи XVI в. из молдавского Нямецкого монастыря (Библиотека Румынской АН, № 84) и Лесновского в северо-западной Македонии (ГИМ, Хлуд-1).

Лесновский кодекс был создан в 60-е–80-е гг. XVI в. Книга написана на бумаге с несколькими вариантами водяного знака «якорь» с контрамаркой в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00059 «Глаголица в Толковых пророчествах 1047 г. (Опыт текстологической и палеографической реконструкции)».

углу листа (см.: Моѣin, № 1772 — 1574 г., № 1776 — 1560 / 75 гг.; № 1073 — 1566 г., № 1075 — 1560 / 70 г., № 1076 — 1565 / 70 гг.; № 1903 — 1570 / 80 гг.; № 1468 — приблизительно 1570 г., № 1469 — 1570 г., № 1949 — 1565 / 75 гг., № 1958 — 1560 / 75 гг.). Правописание сербское (ресавское, с болгаризмами), с отражением экавского произношения. По особенностям текста, его позднейшим изменениям лесновский список близок русскому ветхозаветному сборнику РГБ, Рум-28 (см.: [Евсеев: LXIV]). Последний был написан в сер. XVI в. на бумаге с водяным знаком «двуручный кувшинчик» (см.: [Лихачев, № 1686, 1687–1540 г.]).

Почти все русские списки ТП, а также Хлуд-1 содержат позднейшее добавление. Они восполняют пропуск в части Иер 1: 1–8, 11–17, Иер 2: кон. 1–12, унаследованный от архетипа: греческого оригинала преславского перевода ТП. Тексты добавили, вероятно, в кон. XV в. — не позднее 1489 г., когда в Москве переписали ТП с таким же дополнением (РГБ, МДА-20, л. 288–289). Источником вставки был Паримийник. В ТП главы Иер 1–2 даны не полностью, а с лакунами. Пропущены стихи Иер 1: 9–10, 18–19, почти весь стих Иер 2: 1 и более двух третей второй главы (Иер 2: 13–37). Именно в таком объеме эти статьи известны уже в древнейших болгарско-македонских списках Паримийника: в Григоровичевом кон. XII–нач. XIII в. и Лобковском кон. XIII — нач. XIV в. (1294–1320 гг.). В этих рукописях пропуски указанных стихов проходятся на границы трех паримийных чтений: 1) Иер 1: 1–8, 2) Иер 11–17, 3) Иер 2: кон. 1–12 (РГБ, Григ-2, л. 101 об.–102 об.; ГИМ, Хлуд-142, л. 168–170). Независимо от того, по какому именно списку вносилась правка в ТП, ясно, что она велась по Паримийнику, так как лакуны в Иер 1–2 в ТП точно совпадают с границами паримийных отрывков.

Между русскими списками ТП и Хлуд-1 есть одно важное отличие. Во всех известных русских рукописях ТП текст Иез 45: 12–25 и вся глава Иез 46: 1–24 находятся не на своем месте, но вставлены в Иез 48: 4, причем четвертый стих разделен этой вставкой на две части. Ошибка идет от общего протографа. Очевидно, листы были неправильно подобраны и сшиты при его переплетании. Объем ошибки составляет ровно одну тетрадь из восьми листов в 1° при письме некрупным уставом или обычным полууставом. Эти тексты перепутаны и в Рум-28 (л. 366в–368г, 371в–372б), но в лесновской рукописи они расположены правильно. Впрочем, есть одно обстоятельство, позволяющее предположить наличие дефекта в списке-предшественнике Хлуд-1.

Редактор извлек отрывок Иез 45: 12–25 и 46: 1–24 из стиха Иез 48: 4 и вернул его на свое место. Эта операция была проделана почти безупречно. Но при редактировании в самом начале вставки «потерялось» несколько слов — «мѣры же двадесати» (Иез 45: 12) — как раз на стыке перепутанных частей Иез 48: 4 и Иез 45: 12 (Хлуд-1, л. 246об.). Этот пропуск указывает, видимо, на то, что восстановленный порядок текста в Хлуд-1 вторичен. (В среднебол-

гарском и славяно-молдавском списках ТП Иез обрывается на толковании к стиху 40: 1.)

Лесновская рукопись сохранила несомненные следы редакторских перестановок. В Рум-28 на л. 374б пропущен отрывок от Иер 26: 2 до Иер 30: 21 (почти весь стих). Этот кусок из Иер вставлен в стих Иез 48: 8 и разрывает его после слов «...да *станет* начало» (л. 368г). И только после этого продолжается Иез 48: 8–35 (л. 371в–372б). Ошибка произошла, очевидно, по вине переплетчика, неправильно подобравшего листы в тетрадах в кон. XV — 1-й пол. XVI в. Границы вставки в Рум-28 проходят не по стыкам листов, а в середине текста. Следовательно, дефектен был оригинал или протограф Рум-28. К этой же группе списков принадлежит и нямецкая рукопись ТП, где этот отрывок из Иер также помещен в конце Иез на л. 253–259 (см.: [Panaitescu 1959: 109]).

Такая же вставка из Иер в Иез 48: 8 была в оригинале или протографе лесновской рукописи. В Хлуд-1 после слов Иез 48: 8 «...да *станеть* начело» уцелело несколько слов из стиха Иер 26: 2 (л. 251). На этом в лесновском списке Иез обрывается. Начиная с этого места Хлуд-1 отражает целый ряд неверных редакторских решений. Редактор вернул на свое место Иер 26: 2–30: 21, но, не разобравшись, он перенес вместе с этим фрагментом следующее за ним окончание Иез 48: 8–35, а также допустил несколько мелких структурных ошибок.

По сравнению с Рум-28 Хлуд-1 представляет собой следующий этап в истории текста. В Хлуд-1 исключены толкования, почти все вступительные статьи к пророческим книгам, нередко лексические замены, мелкие пропуски, ошибки, переосмысления, неверные конъектуры и т. п. Так, только серб мог прочитать глагол *миноути* как два слова *ми поути*, обнаружить «ошибку» *ми* ‘мне’ и заменить ее по смыслу текста на свою разговорную местоименную энклитику *моу* ‘ему’: «не приложоу моу поути его» (Ам 7: 8) (Хлуд-1, л. 23 об.). Хлуд-1 имеет своим источником русскую рукопись, близкую по тексту Рум-28. Однако они связаны друг с другом не прямо, а опосредованно, через промежуточный список (или списки).

Нижняя переплетная доска Хлуд-1 оклеена с внутренней стороны сначала пергаменом, а потом бумагой. Верхний слой частично отстает от нижнего, и можно видеть развернутый пергаменный лист из Октоиха (отрывок канона), вероятно, нач. XV в. По языку фрагмент сербский, но его источником был русский список. На это указывает цоканье в одном и том же слове: *трислнцьноу*, *трислнцьнаа*, *трислнцьна*[го].

Литература

- Евсеев И. Е. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.
Лухачёв Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3.
Mošin V. Anchor watermarks. Amsterdam, 1973.
Panaitescu P. P. Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. Bucureşti, 1959. Vol. 1.

Падение редуцированных как реформа орфографии

Е. Ф. Киров

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Падение редуцированных, орфографическая норма, фонема, графема, буква.

Summary. The cause of the “fall reduced” can be very simple: the old Russian language had no such phonemes, and scribes in the 12th century, moved to a new spelling rule, abandoning the old Church (bulgaruaplaces) manners letters Ъ and Ь. In the new orthography Ъ and Ь turned into hard and soft signs, because there is an urgent need of the fixation of the letter formed of the correlation of hardness and softness.

О возможных причинах падения редуцированных было высказано немало гипотез (акад. А. А. Шахматов, акад. А. И. Соболевский, В. И. Борковский, Б. А. Успенский, В. К. Журавлёв, В. М. Живов, М. Л. Ремнёва и мн. др.). Подчеркнем, что все гипотезы исходят из недоказанного предположения о том, что в древнерусском языке XIX–XII веков реально сосуществовали редуцированные гласные фонемы, которые исчезли по правилу Гавлика (в сильной четной позиции относительно конца слова проявились в гласные полного образования, в слабой нечетной позиции почему-то просто исчезли). Следует подчеркнуть, что не является доказанным тот факт, что редуцированные как фонемы реально были в древнерусском языке этого периода, а не исчезли гораздо раньше еще в общеславянскую эпоху). Таким образом, мы исходим в целом из теории сосуществования древнерусского и церковнославянского языков (Б. А. Успенский, Shenker, Townsend & Janda и др.), преимущественно, в варианте, изложенном М. Л. Ремнёвой (2003). Кстати, церковнославянский и современный русский продолжают сосуществовать и в наши дни (в церковной службе и мирской жизни). В целом придется констатировать, что древнерусский язык в звучащей форме мог не столь сильно отличаться от русского языка последующих эпох — при этом орфографическая норма могла сильно отличаться от звучащей речи и не передавать более или менее точно древнерусскую звучащую речь, будучи построенной на церковнославянской базе в своих истоках.

Причина «падения редуцированных» может быть очень простой: писцы в середине XII века перешли на новую орфографическую норму, отказавшись от чуждой болгароцентричной орфографии церковнославянского языка, т. е. отказались писать графемы отсутствовавших в древнерусском языке «фонемы ер» и «фонемы ерь», которые до того момента писали по церковнославянской традиции. Это положило начало новой логике формирования орфографической нормы с ориентацией на собственно древнерусский язык, в результате на письме стали отражаться особенности той речи, которая реально звучала, т. е. древнерусской речи без гласных редуцированных фонем и звуков. Все дело в том, что орфографическая норма в эпоху древнерусского языка не была выработана имманентно, а заимствовалась вместе с христианством и формировалась под южно-славянским (древнеболгарским) влиянием церковнославянского языка, в котором фонемы «ъ» и «ь» реально существовали, как и в древне-

болгарском языке. Однако собственно в древнерусской речи того периода этих фонем могло просто не быть (их могло не быть вообще уже с эпохи формирования древнерусского языка), поэтому письменная традиция отражения древнерусского языка в начальный период использовала еры и ери по образцу церковнославянской орфографической нормы, которая могла не соответствовать звучащей древнерусской речи. Это значит, что уже в древнерусский период X–XII веков слово звучащее и слово написанное могли расходиться, во всяком случае, подобия транскрипции в рамках фонетического принципа орфографии в тот период, скорее всего, не было: фонетический принцип возникает только в том случае, когда орфографическая норма формируется имманентно, а не заимствуется из другого языка. Вполне понятно, что в древнерусский период тексты на церковнославянском читались со звучащими ерами, а в обычной древнерусской речи за пределами церкви еры и ери, возможно, не звучали, однако на письме отражались по образцу церковнославянской орфографии, что признавалось «грамотным» образцом письма. Не исключено, что осуществлялся своеобразный перевод на церковнославянскую орфографию в том случае, когда нужно было записать текст, а не просто его произнести, поэтому и в берестяных грамотах мы обнаруживаем образцы церковнославянской орфографической нормы с написанием еров и ерей. Однако позже, приблизительно во второй половине XII века неминуемо возникала тенденция к формированию имманентной собственно русской (точнее — древнерусской) орфографической нормы, которая стремилась передавать древнерусскую речь прямо, без внутреннего перевода на чужую орфографию, в результате возникла орфографическая норма без еров и ерей как графем несуществующих гласных фонем. Поэтому в определенный период возникает описанная многими исследователями неизменная путаница при написании, когда еры и ери заменяются друг на друга, пишутся непоследовательно, пропускаются, а потом и вовсе заменяются апострофами, например, в «Путятиной Минее» (В. М. Марков и др.). Возникает слом старой орфографической нормы и возникает новая древнерусская орфография, не лишенная генетической связи с церковнославянской орфографией (у нас нет уверенности, что шипящие звучали в древнерусском языке только как мягкие, возможно, написание *жи-ши* — это также просто орфографическое правило из церковнославянского, дошедшее до наших дней), но видоизмененная в отношении написания редуцированных: на их месте пишутся реальные графемы реальных фонем «полного образования» древнерусского языка.

В середине XII в. возникла ситуация, когда любые тексты (и на церковнославянском, и на древнерусском) начинают писаться в соответствии с фонемным составом древнерусского языка — без редуцированных псевдофонем, а высвободившиеся графемы Ъ и Ь приобретают новую важнейшую функцию — отображения корреляции твердых и мягких согласных фонем. Возможно, именно формирование этой корреляции послужило причиной смены орфогра-

фической нормы, и буквы ер и ерь замечательно пригодились для отражения этой корреляции фонем на письме, т. е. Ъ и Ь стали мягким и твердым знаками, что внешне привело к «падению редуцированных» в письменной традиции той эпохи. Пожалуй, этим можно объяснить столь стремительное исчезновение редуцированных как графических знаков в древнерусском языке. Невозможно поверить в то, что так быстро могут исчезнуть реальные гласные фонемы языка: для этого понадобились бы века и тысячелетия (в болгарском, например, гласная фонема Ъ есть до сих пор). Таким образом, буквы не пропали даром: позже писцы, как уже говорилось, стали использовать еры и ери для обозначения твердости и мягкости, что до 1918 года было в русской орфографии обычным правилом и частично сохранилось до наших дней в плане отражения мягкости согласных в конце слова (твердый знак в конце слова стал как бы нулевым, а сохранившийся Ъ в середине слова — разделительным).

Литература

- Иванов В. В. Редуцированные гласные // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Журавлёв В. К. Гавлика закон // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. 2-е изд., испр. и дополн. Казань: Казан. ун-т, 2007.
- Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
- Havlík A. K otázce jerové v staré češtině // Listy filologické. 1889. № 16. S. 45–51.
- Schenker Alexander M. The Dawn of Slavic: An Introduction to Slavic Philology. New Haven: Yale University Press, 1995.
- Townsend Charles, Janda Laura. Common and Comparative Slavic Phonology and Inflection: Phonology and Inflection: With Special Attention to Russian, Polish, Czech, Serbo-Croatian, Bulgarian. Bloomington, USA: Slavica, 1996.

Имперфективный аорист в древнерусских летописях^{*}

Е. А. Мишина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Аорист, имперфект, вид глагола, древнерусский язык, древнерусские летописи.

Summary. This paper deals with the quite rare forms of imperfective aorist that attested in Old Russian chronicles, and discusses some contextual and semantic factors that determine and support the use of these specific forms.

Как известно, аорист употребляется в старославянском и древнерусском в качестве основного повествовательного времени для обозначения единичных событий в прошлом, не соотносимых с настоящим. Говоря о семантике славянского аориста, обычно отмечают его немаркированность и нейтральность в отношении характера протекания действия: аорист никак не указывает на то, было ли действие длительным или нет, что определяет такое свойство аориста

^{*} Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

как «фактичность» — чистое обозначение факта в прошлом. Потенциально аорист может образовываться от глаголов обоих видов. Однако в действительности в древнерусских (как и в старославянских) памятниках аорист преимущественно встречается от глаголов СВ. Ясно, что при обозначении завершённых событий в прошлом семантические компоненты СВ (фокусирование внимание на достижении действием своего внутреннего предела, ретроспективность, событийность и др.) хорошо сочетаются с семантикой аориста (обозначение события в прошлом). Аорист СВ может обозначать отдельное единичное событие, но чаще аористы образуют цепочку, обозначая последовательно сменявшие друг друга события в повествовании: идѹщю же ємѹ ѡплатѹ приде кѹ дѹнаєви и възлюбѹи мѣсто. и сруби городокъ малъ (ПВЛЛ, л. 4).

В отличие от аористов от глаголов СВ, аористы от глаголов НСВ редки и, как правило, их употребление связано с разными контекстуальными ограничениями. Одно из таких контекстно-обусловленных употреблений форм аориста засвидетельствовано в древнерусских памятниках с глаголами пространственного положения (лежати, сѣдѣти, стоати). В древнерусских памятниках от глаголов пространственного положения регулярно образуются формы имперфекта, имеющие процессуальное значение и выполняющие фоновую функцию: обозначаются состояния, на фоне которых происходят другие события, ср.: ѡна же поклонивши главѹ стоаше. аки гѹба напаѣема. внимающѹи оученья. [и] поклонившисѧ патрѣрхѹ глѣши (ПВЛЛ, л. 17об.). Однако от этих глаголов встречаются также формы аористов в том случае, когда в тексте есть эксплицитное указание на то, как долго длилось действие (дѣлго, мѣного, все лѣто, малъ часть, три дѣни, недѣлю, до замороза и др.), см. статистику в [Мишина 2015: 178]. Наличие в контексте временных ограничителей не единственное условие для появления формы аориста (есть и другие факторы), но эта особенность самая заметная. Большинство подобных употреблений зафиксировано в древнерусских летописях, где такие аористы встречаются достаточно регулярно (в других памятниках они единичны):

- (1) сѣпополкъ же встѹпи городъ. а дѣдъ въ градѣ. и стоѧ сѣпополкъ ѡколо города ѡ. не (ПВЛЛ, л. 92об.);
- (2) и повелѣ Лазарь взѧти Игорѧ. и понести и в цркъвь ста^Г Мнѧила в Новгородскѹю Божницю. и тѹ положивша и в гробъ ѣхаста на Горѹ. и лежа^Г ношѣ тѹ сѹботѣ же свитающѹи. посла митрополитѣ игѹмена. Ананью ста^Г Феѡдора. и приѣхавъ игѹменъ видѣ и нагого. и ѡблече и. и ѡпѣ (СЛ, л. 106);
- (3) ѡн же приде к стрѣкѹи своѧмѹ Гдрополкѹ Кѹкѹ. и да кмѹ въшегородъ и тѹ сѣдѣ. лѣ^Г. ѡдино (СЛ, л. 101).

Выбор формы аориста в сочетании с обстоятельствами, ограничивающими протекание действия, по-видимому, обусловлен такими семантическими свойствами аориста, как «непроцессность» и «фактичность». Аорист, в отличие от имперфекта, изображает действие не в самом процессе его протекания (что в данном случае не нужно), а просто как факт. Протяженное действие, о котором идет речь, изображается как этап в последовательном разворачивании рассказа, поэтому форма аориста от указанных глаголов часто оказывается включенной в цепочку других аористов в повествовании¹, как в (2). Форма же имперфекта напротив всегда фокусирует внимание на самом процессе (действие представляется как фоновое), ср.:

- (4) Въ лѣтѣ · ꙗко · ѿ · на · стоаше · вса · осенина · дъждева · ѿ · гжи · на · днѣ · до · корочюна · тепло · дъжгь · и · бы · вода · велика · вельми · въ · волхове (Новг. I, л. 23).

Необходимость временных ограничителей, контекстуально «поддерживающих» употребление формы аориста от глаголов положения в пространстве, вытекает также из семантики самих глаголов. Еще Ю. С. Маслов отмечал, что глаголы *imperfectiva tantum* (включающие класс пространственного положения) обозначают процессы, которые, с одной стороны, «не могут мыслиться как мгновенные или очень кратковременные», а с другой, — «объективно не заключают в себе необходимости своего прекращения» даже в отдаленной перспективе [Маслов 2004: 80]. Хорошо известно, что обозначенные семантические свойства (невозможность моментализации и внутренняя беспредельность) препятствуют перфективации глаголов этой группы², однако она становится возможной при условии «внешнего» ограничения длительности обозначаемого процесса. Так, например, *посидеть*, *полежать*, *постоять* значит «в течение какого-то ограниченного времени». По-видимому, именно этими особенностями семантики глаголов пространственного положения можно объяснить необходимость временных ограничителей в контексте в древнерусском. Семантический компонент событийности, который имеется в аористе, плохо сочетается с компонентом беспредельности в семантике данных глаголов, но это противоречие снимается при указании временного интервала.

Литература

- Кузнецов П. С. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка // Труды института языкознания. М., 1953.
Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Маслов Ю. С. Избранные труды. М., 2004. С. 80–90.

¹ Об употреблении в современном болгарском языке в нарративе аориста НСВ в сочетании с обстоятельствами длительности см. в [Маслов 1954/2004: 191–192].

² Глаголы пространственного положения, а также многие стативы плохо перфективировались и в древнерусском [Кузнецов 1953: 246; Мишина 2001: 202].

- Маслов Ю. С. Имперфект и аорист в славянских языках // Маслов Ю. С. Избранные труды. М., 2004. С. 141–175.
- Мишина Е. А. Настоящее узואальное и потенциалное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2001. С. 199–228.
- Мишина Е. А. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото. 2015. С. 174–180.
- Новгородская Первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. III. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (Новг. I).
- Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001 (ПВЛЛ).
- Суздальская летопись // ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001 (СЛ).

**Грамматические особенности
церковнославянского научного текста XVII в.:
система служебных слов**

Н. В. Николенкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Церковнославянский язык, система служебных слов.

Summary. The question of repertoire of grammatical means in the Church Slavonic texts of the second half of the XVII century is analyzed in the paper presented above. This period is considered as a formation stage of Church Slavonic language in grammatically organized form when the standard registry is realized in a number of different functional frameworks. The authors are focused on not only the sample texts of the previous eras, but also on the grammatical compositions. The latter aspect is analyzed, how the authors of XVII century do the choice of service words.

Грамматические признаки, позволяющие отнести текст к определенному регистру книжно-письменного языка средневековой Руси, современными исследователями описаны подробно. В области морфологии первенство принадлежит системе глагольных форм, в первую очередь претеритов; системе склонения существительных, формам двойственного числа у слов разных частей речи. К синтаксическим параметрам книжности / некнижности текста относят способы выражения целевых, императивных, временных, атрибутивных отношений; использование или неиспользование грецизированных конструкций. В работах последних десятилетий большое внимание уделено также использованию в письменном тексте союзов — способов выражения связи предикативных единиц — и предлогов, выбираемых для выражения отношений между словоформами. Так, А. А. Зализняк ставит вопрос о возможности отнести к церковнославянским чертам использование «еже» в тексте НБГ № 9 [Зализняк 1987: 128]. Им же определен набор восточнославянских союзов, использованных в оригинальных русских текстах разного содержания [Зализняк 2004: 190–200]. Сегодня анализ использованных в тексте восточнославянских союзных средств и некоторых предлогов применяется при определении критерия лока-

лизации перевода памятника [Пичхадзе 2011]. Противопоставление собственно церковнославянских и восточнославянских союзов как показатель статуса текста на шкале книжности использовано в работах М. Л. Ремнёвой [Ремнёва 2003].

Для памятников письменности второй половины XVII в. неперенным условием описания нормативных установок должно стать сопоставление текста с рекомендациями грамматик XVII в. (Грамматика Смотрицкого 1619 г. (далее ГС), ее московское издание 1648 г. (далее ГМ) и Грамматика Лаврентия Зизания). Ориентация на грамматики более ярко выражена в сочинениях киевских книжников, тогда как московские книжники 50-х гг. XVII в. проявляют себя лишь в знании орфографических правил разных грамматик [Николенкова 2016].

Мы исследуем научный текст (по нашему мнению, первый в истории русской письменности) середины XVII в. — перевод географического атласа, составленного известными картографами Блау [Blaeu 1645]. Перевод сделан киевскими книжниками под руководством Епифания Славинецкого. Московские писцы готовили беловые экземпляры, не осуществляя грамматическую редактуру текста в соответствии с московской редакцией церковнославянского языка. Так в научный стиль проникают новые черты: расширение функций родительного падежа, устранение энклитических местоимений, согласование относительных местоимений с главным словом и т. д. [Успенский 2002: 451–462].

Использованные в переводе союзные средства (союзы и относительные местоимения в функциях союзных слов) совпадают с предложениями ГС и ГМ [Грамматики... 2000: 387–388; Грамматика... 2007: 315]. Так, для выражения временных отношений используются союзы **егда**, **внегда**. По данным [СлРЯ XI–XVII 1975, 2: 237] для рассматриваемого периода союз **внегда** не характерен. Можно предположить, что его использование Славинецким имеет прямую связь с ГС. Грамматики включают в свои списки **недоумѣтелни** союз **егда**, также мало распространенный в русской письменности, особенно оригинальной [СлРЯ XI–XVII 1978, 5: 14]. Этим союзом пользуется Славинецкий для перевода латинского «utrum».

Список предлогов, данный в ГС и ГМ, не выявляет существенных различий московского и югозападнорусского вариантов церковнославянского языка. Однако Славинцкий и Сатановский расширяют список за счет использованного в югозападнорусском варианте предлога **презь**, тем самым также расширяя список используемых служебных слов.

Репертуар служебных слов, представленный в исследуемом переводе Атласа Блау, будет также сопоставлен с некоторыми другими переводами, осуществленными Епифанием Славинецким и его киевскими товарищами в Москве.

Литература

- Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой. М., 2000. С. 31–470.
- Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007. С. 9–492.
- Зализняк А. А. О языковой ситуации в Древнем Новгороде // *Russian Linguistics*. (11). 1987. С. 115–132.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Николенкова Н. В. Орфографические особенности двух рукописей XVII в.: об авторстве черновика и беловика // *Филологические науки (Научные доклады высшей школы)*. 2016. № 1. С. 8–19.
- Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. 1975– (СлРЯ XI–XVII).
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
- Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum / Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645 (Blaeu).*

**Факторы присоединения существительными мужского рода
окончания -у в местном падеже единственного числа**

А. И. Плотникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Местный падеж, нестандартная флексия.

Summary. In the Old Russian language some masculine singular nouns in the locative case may add non-standard inflexion -у as well as standard flexion -ѣ. This is caused by the interference of the praslavic *ѣ- and *и- paradigms. But the criteria of choosing the inflexion are more complex and the analysis of the texts from the 17 century may help to detect the most reliable of them.

В современном русском языке наряду с предложным падежом выделяется «второй предложный» или «локатив» со значением пространственной локализации и формальным выражением (у существительных мужского рода в единственном числе) в виде окончания -у: *говорить о шкафе*, но *прятать в шкафу*. Появление данного окончания в современном предложном падеже объясняется процессом унификации *ѣ- и *и-склонений, происходившим еще в праславянскую эпоху. Вариативность окончаний -ѣ и -у в местном падеже наблюдается и в древнерусском языке, причем окончание -у принимают не только существительные, относившиеся в праславянскую эпоху к *и-склонению (*в вѣху* — № 238, л. 1, *у себя в дому* — № 186, л. 3 [Пам. Влад. 1984]), но и многие существительные с изначальной ѣ-основой (*въ снегу* — № 194, л. 5., *в лугу* — № 77, л. 8 [Пам. Влад. 1984]). Таким образом окончание -у «проникло» в парадигму *ѣ-склонения, но присоединяли его не все существительные.

Учеными высказывались предположения о причинах более или менее охотного принятия окончания -у существительными мужского рода в местном падеже. Ядром принятия данной флексии считаются неодушевленные существительные мужского рода, однако для юго-западной и северо-западной диа-

лектных зон возможно расширение данного класса за счет одушевленных существительных мужского рода, а для юго-западной зоны — еще и за счет слов среднего рода. В качестве критериев более охотного принятия окончания -у предлагались следующие: значение падежа (временная или пространственная локализация), сочетание с предлогами *в* и *на*, конструкция со значением объекта насилия или ответчика по иску (формула собственно юридического характера: <...> *Искал... на курском пушкарю на Василью Ребинине... <...> на Федору на Мелехаву напою двѣ гривнѣ <...>* [Хабургаев 1990: 102]), отсутствие определения, соотносительность с глаголом, охотное принятие словом окончания -у в родительном падеже, русское происхождение, подвижное ударение, односложная или двусложная с полногласием основа (или отсутствие слога в основе в косвенных падежах), задненебный согласный или непарный по твердости / мягкости согласный в исходе основы.

Как показало исследование 767 деловых текстов XVII века различных диалектных зон (памятники деловой письменности Владимирского края [Пам. Влад. 1984], южновеликорусские деловые документы [Южн. чел. 1993] и памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. [Пам. Смол. 1912]), ни один из данных критериев в одиночку не работает. Однако можно выделить факторы, при которых вероятность принятия словом флексии -у заметно повышается. Такими факторами являются: значение пространственной локализации, принадлежность существительного к а. п. с, односложная основа (или двусложная при полногласии) с заднеязычным в исходе основы.

Гипотеза А. А. Шахматова о более охотном принятии окончания -у существительными без определения не подтверждается в достаточной мере, что видно из следующей таблицы (процент принятия окончания -у существительными с определением и без него по трем группам памятников):

	Пам. Влад.	Пам. Смол.	Южн. Чел.
С определением	26%	19%	33%
Без определения	23%	23%	36%

В первой группе памятников существительные с определением даже чаще принимают нестандартную флексию, а по остальным памятникам различие в процентах небольшое. Кроме того, зафиксированы частные случаи присоединения существительным окончания -у с определением и -ѣ без определения, например, *на розделе понятые были* (№ 2 л. 105об.) и *на то" помѣсно" розделу* (№ 3 л. 137об.) [Пам. Влад. 1984].

Но если рассматривать вместе два фактора: наличие / отсутствие определения и акцентная парадигма, можно заметить, что в контексте с определением все существительные а. п. а принимают только стандартную флексию (здесь результат 100%), существительные а. п. с в обоих контекстах более склонны к флексии -у, а слова а. п. b — к стандартной флексии.

Фактор «сочетание с предлогами *в* и *на*» не может рассматриваться как отдельный и самостоятельный, когда речь идет о присоединении окончания -у, поскольку он неотделим от фактора падежного значения. Действительно, большинство существительных с предлогами *при*, *о*, *по* имеют окончание -ѣ, а большинство существительных с предлогами *в* и *на* — окончание -у, однако существительные с предлогами *о* и *при* встречаются в изъяснительном значении и в значении временной локализации, а неодушевленные существительные с предлогами *в* и *на* — в собственно местном значении.

Фактор принадлежности к древнему *й-склонению оказывается связанным с акцентной парадигмой и характером основы (односложная или двусложная с полногласием / многосложная основа). Так, только окончание -у принимают слова *верхъ*, *пиръ*, *рядъ*, *станъ*, *миръ*, *садъ*, *станъ*, *чинъ* (все односложные, а. п. с), а только окончание -ѣ бывает у слов *списокъ*, *разрядъ*, *пересудъ*, *посадъ*, (а. п. а), *судъ* (а. п. б), *сынъ* (одушевленное а. п. с). В группе текстов [Пам. Влад. 1984] вариативность окончаний проявляют слова *остатокъ* (а. п. а), *дом*, *миръ* (а. п. с), а в группе [Южн. чел. 1993] — *судъ* (а. п. б).

Анализ материала показал, что ядро присоединения окончания -у в местном падеже (как и в родительном) формируют следующие существительные: *голодъ*, *искъ*, *лѣсъ*, *медъ*, *мостъ*, *станъ*, *торгъ*, *берегъ*, *верхъ*, *долгъ*, *дѣль*, *лугъ*, *пиръ*, *снѣгъ*. Как можно заметить, все они односложные или двусложные с полногласием (*голодъ*, *берегъ*), все принадлежат а. п. с, половина оканчивается на заднеязычный согласный. Следовательно, данные факторы, работая комплексно, обеспечивают самую высокую вероятность принятия существительным нестандартной флексии.

Литература

- Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984 (Пам. Влад.).
Памятники обороны Смоленска 1609–1611. М., 1912 (Пам. Смол.).
Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. М., 1993 (Южн. чел.).

К вопросу об этимологии старосербского термина *соћ(е)*

Владимир Р. Поломац

Университет в Крагуеваце (Сербия)

Этимология, старосербский язык, история сербского языка, соћ(е).

Summary. The paper discusses current explanations of the origin of the term *soć(e)* (primary and permanent tax in the Serbian medieval lands) and proposes a new origin explanation based on the metonymic model *the means of measuring feudal giving — feudal giving*. Since *soć(e)* could be paid with money or with trade the paper arguments the belief that in the core of this term is the greek origin word *σάκτιον* meaning “little sack”.

Основным предметом работы является попытка этимологического объяснения старосербского термина *соћ(е)* в контексте совокупности старосербской

терминологии феодальных поборов. Усилиями нескольких поколений историков сербского средневековья установлено значение термина *soħ(e)* (ср. [Благоевич 2001: 41]: «основной и постоянный налог в сербских средневековых странах начиная с XIV века, в сумме одной перперы¹ или одного каба² зерен»), в то время как его происхождение до сегодняшнего дня оставалось загадочным. В работе систематизируются предшествующие попытки этимологического объяснения этого термина и со ссылкой на объяснения П. Скока [ERHSJ, III: 300] и И. Божича [Божич 1956: 34–35], формулируется новая трактовка.

Происхождение лексемы *soħ(e)* П. Скок (ERHSJ III: 300) связывает с лат. *saccus*, *sacculus* (серб. «кеса (мешок), сакуља»), откуда и греч. Σακέλλη «отделение императорского казначейства в которое поступают деньги», в отличие от греч. Βεστιάριον «отделение императорского казначейства для поступления продуктов в натуральном виде». Историк И. Божич [Божич 1956: 34–35] эксплицитно высказывается против такой связи³ и предлагает искать происхождение этой лексемы в славянском языковом корпусе⁴. Основная методологическая ошибка рассуждений Божича состоит в поисках прямой связи старосербского термина *soħ(e)* с некоторыми из известных византийских феодальных повинностей. Средневековые названия для общественных учреждений имеют, но не всегда, параллели с византийскими учреждениями. Старосербская лексема *soħ(e)* — на наш взгляд — могла возникнуть путем метонимического семантического сдвига по модели «предмет которым измеряется феодальный побор» → «название феодального побора». Если мы будем следовать точке зрения П. Скока [ERHSJ, III: 300] и предположим, что название предмета, которым измеряются феодальные поборы, может быть выведено из лат. *saccus*, *sacculus* (в сербском языке подтверждено и формами *сакул*, *сакулија* (XV век, через греч. σακκούλι(ο)ν, σάκκουλον, согласно [Фасмер 1944: 129] *сакуль*, *сакуља*, *сакулица* (ср. [PKC, III: 74]; [PJA, XIV: 526]; свидетельства XV века), остается необъясненным происхождение /h/ в *soħ(e)*. В связи с этим более вероятным будет выведение *soħ(e)* из греческого уменьшительного существи-

¹ Денежная единица в средневековье, которая состояла из 12 динаров.

² Большой сосуд, который в средневековье можно было использовать и в качестве меры для мелких предметов.

³ Ср.: «Однако и название Σακέλλη последний раз было упомянуто в источниках в 1143 году, а затем оно исчезает, поскольку само учреждение было вытеснено учреждением под названием Βεστιάριον. Нельзя предположить, что в Сербии в XIV веке мог быть принят греческий термин, который в Византии исчез из практики в XII веке и который никогда не означал никакого налога, но обозначал одно из отделений императорского казначейства. Само латинское слово *sacculus*, из которого пришло греческое слово Σακέλλη, вошло в сербские памятники в виде *сакула* без преобразования *a* в *o*, которое надо было бы предполагать, если считать, что слово *soħe* произошло от него» [Божич 1956: 34–35].

⁴ Ср.: «Согласно этому, можно считать, что не обнаружена этимологическая связь слова *soħe* с каким-либо известным термином и что его происхождение остается неясным. Вероятно, его следует искать в славянском лексическом корпусе» [Божич 1956: 35].

тельного *сѣкѣиѡв* ‘мешочек’, причем переход /a/ в /o/ указывал бы на значительную древность заимствования (примерно до 1000 года).

Литература

- Благојевић Милош. Сође* — основни порез средњовековне Србије // Глас Српске академије наука и уметности. 2001. 11. С. 1–44.
Божичић Иван. Доходак царски (поводом 198. члана Душановог законика Раковачког рукописа). Београд: САНУ, 1956.
Даничић Ђуро. Рјечник из књижевних старина српских I–III. Биоград, 1863–1864 (РКС).
Rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1886–1976 (PJA).
Skok Petar. Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. I–IV. Zagreb, 1971–1974 (EPHCJ).
Vasmer Max. Die griechischen Lehnwörter im Serbokroatischen, Berlin: Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, 1944.

Церковнославянизмы в лексико-семантическом поле «Безумие»

М. В. Турилова

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Россия)

Старославянский язык, св. Кирилл и Мефодий, этимология, мотивационная модель, лексико-семантическое поле «Безумие».

Summary. The article explores Church Slavonic lexemes of the semantic field «Madness, Insanity». Methods of translation from Greek to Old Church Slavonic are considered. (1) It could be choosing a word with necessary meaning or (2) semantic development of a word that doesn't mean 'insanity' in Proto-Slavic, but the motivational model fits the Slavic language picture of the world, (3) there are some calques of Greek lexemes, (4) cases of Proto-Slavic word-families semantics development, and (5) direct borrowings from Greek. Motivational models appeared in the Old Russian language with the Church Slavonic lexemes: 'fury, rage' → 'madness, insanity', 'to darken' → 'to drive mad', 'to come out' → 'to go out of one's mind', 'to be caught by a storm, to be stricken with the storm waves or wind, to be reeling from side to side on the waves' → 'to rage', 'speechless, dumb' → 'unwise, fool, mad', 'without the God' → 'unwise, fool, mad'.

Св. Кирилл и Мефодий и их последователи вставляли перед необходимостью выбора славянских лексем для передачи греческих слов. Они находили подходящее по семантике славянское слово, калькировали греческие лексемы или использовали заимствования. Выделены типы отношений между церковнославянизмами, которые входят в ЛСП «Безумие», греческими лексемами, древнерусской лексикой, семантикой праславянских этимологических гнезд **biŭj(jь)*, **běsъ*, **jьstъ(jь)*, **lьstъ*, **mьrk-* / **mork-*, **rodъ*, **sluti*, **stopiti*, **umъ*, **vьlati*.

1. Старославянская лексема точно соответствует греческой лексеме, ее семантика этимологически исконна, старославянизм имеет соответствия с тем же значением в славянских языках. Семантика многих лексем ЭГ **běsъ* связана с представлением об одержимости злыми духами, ц.-слав. *бѣсновати са, бѣсѣти са* ‘быть одержимым (бесом), помешанным’ используются для перевода греч. *δαμονιᾶν, δαμονιζεσθαι* ‘быть одержимым злым духом’, *μαίνεσθαι, λυττᾶν* ‘бесноваться, неистовствовать’ [СС: 106–107].

Ц.-слав. *жродивый* ‘глупый, неразумный, безумный’, ‘юродивый’, *жродъ*, *жродьство* (наряду с др.-рус. *уродивый, уродъ, уродьство* [ТСРЯ, III: 1255–

1256, 1629]), продолжающие праслав. **qrodъ* с отрицательной приставкой **q-*, букв. ‘не в род, выродок’ [Черных 1999, II: 461] (модель ‘отличающийся от прочих в роду, окружающих’ → ‘глупый, неразумный, безумный’) выбраны для перевода греч. *μωρός*, *ἄφρων* ‘глупый, неразумный’.

Иногда неясно, являются ли лексемы продолжениями праславянского этапа или кальками: ст.-слав. *БЕЗОУМІЕ* ‘безумие, неразумие, глупость’ (греч. *ἄφροσύνη* ‘глупость, неразумие’, *ἀνοία* ‘потеря рассудка, безумие’) [Виноградов 1994: 80–81], *БЕЗОУМНЫ* и *БЕЗОУМІЛЬ* ‘неразумный, не в себе’ (греч. *ἄφρων* ‘неразумный, не в себе’) [Molnár 1985: 81], «отрицание + мудрость, разумность, здравый смысл / разумный, здравомыслящий», либо исконные (О. Н. Трубачёв).

2. Искомой семантикой наделяется слово, которое на праславянском этапе не обозначает потерю рассудка, мотивационная модель соответствует представлениям, существующим у славян. В ЭГ **lъstь* с первичной семантикой ‘хитрость, обман’ (заимствование гот. *lists* ‘хитрость, козни’ [ЭСРЯ, 9: 82], в славянских языках продолжения праслав. **lъstь* развивают значения ‘лесть’, ‘обман’, ‘коварство, хитрость’, ‘лживость’) семантика старославянизмов *прѣльстити* ‘привести в изумление, свести с ума’, первонач. ‘обмануть’, также *πλανάω*, ввести в заблуждение’, ‘увлечь, прельстить’, *прѣльститиса* др.-русс. ц.-слав. ‘заблудиться’, ‘впасть в соблазн’, *прѣльсть* ‘обман’, ‘помрачение рассудка’ [СРЯ XVIII, XVIII: 267] отвечает славянским представлениям о связи обмана, обольщения и потери рассудка.

В ЭГ **biъ(jь)* (‘расти, становиться сильным’, ‘буйствовать, бушевать’ — к и.-е. **bhō-* / **bhū-* ‘расти, становиться сильным’, откуда ‘сильный, бурный, буйный’ [ТСРЯ: 65]) семантика ‘неразумный, глупый’, ср. ц.-слав. *боуи* *μωρός*, *ἄφρων*, *ἀπάνθρωπος*, *боуисто*, *боужсть* *μωρία* ‘глупость, неразумие’ [СС: 102–103], не является исконной и реализует семантическую потенцию гнезда (ср. ту же семантическую параллель между русск. *вымахать* ‘сильно вырасти’ и *маховатый* диал. ‘опрометчивый’ [Даль, II: 309]). Церковнославянизмы, взаимодействуя с исконной лексикой со значением ‘буйствовать, бушевать’ (др.-русс. *бѣсть* ‘буйство, неистовство’ [СДРЯ, I: 323], *бѣи* ‘дерзкий, непокорный’, ‘сильный, смелый’ [Срезневский, I: 191], *бѣнство* ‘смелость’ [Срезневский, I: 192]), семантически развиваются до ‘безумие, бешенство’. Далее ц.-слав. *обуити* сливается с *обуяти* ‘овладеть’, что дает *обуять* ‘овладеть до крайнего предела, до безумия’.

3. Старославянизмы калькируют греческие слова и вносят новые модели; выбор ЭГ для калькирования обусловлен существованием в нем близких по семантике слов, которые развиваются по другим (исконным) моделям.

В ЭГ **jъstь(jь)* ‘тот самый, настоящий, истинный’ старославянизмы *ненстовъ*, *ненстовын* ‘безумный, помешанный’, *ненстовство* и *ненстовление*

‘*μαῖνῐᾱ*, безумие, помешательство’ [Цейтлин 1977: 149–150] являются производными с отрицанием *не-* лексем, восходящих к праслав. **jьstь(jь)* ‘тот самый, именно тот’ (ср. ст.-слав. *истъ цѣ-славъ дрѣ-рѣсѣ истын* ‘этот, тот’, ‘истинный’ и др.) [ТСРЯ: 311]. Очевидно, основанием выбора слов с корнем *-ист-* для перевода греч. *μαῖνῐᾱ* ‘безумие, помешательство, бешенство, неистовство’ (от греч. *μαῖνομαι* ‘беситься, бушевать, быть безумным’, ‘ярость, бешенство’ → ‘безумие, помешательство’ [Buck 1988: 1216], становится существование уже в праславянскую эпоху в гнезде **(ne)jьstь(jь)* значений ‘буйствовать, бушевать’: ср. др.-русс. *ненстовын* ‘жестокий’, др.-русс. *ненстововатиса* ‘разъяриться, неистовствовать’ [Срезневский, II: 390]. Таким образом, церковнославянизмы вносят новую мотивационную модель ‘ярость, бешенство’ → ‘безумие, помешательство’. Под влиянием первичной семантики гнезда (*истовын* ‘истинный, настоящий’) ц.-слав. *ненстовын, ненстовьство, ненстовление* получают дополнительные коннотации: этическую оценку безумия, помешательства как следствия несправедности, отклонения от истины, нарушения Божиих заповедей, актуализуется модель ‘обманывать’ → ‘лишать ясности сознания, рассудка’.

Входящие в ЭГ **тъrk-* ст.-слав. *поирачити, поирачати* [Даль, 3: 476], *оирачати оирачити* ‘σκοτίζειν, затмить, омрачить’ (*просвѣти, языкъ нашъ слабостю оираченныи оумъ нашъ*. — Конст. 1) [СС: 411–412] калькируют греч. σκοτίζειν ‘затмить, затемнить’, ‘ослепить’, перен. ‘ошеломить’ от греч. σκοτός ‘темнота, мрак’, ‘помрачение (ума)’. В языке появляется новый метафорический семантический переход ‘сделать темным’ → ‘лишить ясности рассудка’. При этом в праслав. гнезде **тъrk-* есть слова, обозначающие потерю рассудка, соответствующие модели ‘мерцать, колебаться (о свете)’ → ‘лишать ясности сознания’) [Меркулова 1972].

Ц.-слав. *истѣпление, истѣпъ* являются кальками греч. ἔκστασις ‘смещение, перемещение, выход наружу, перен. измененное состояние сознания, помешательство, помрачение’. Распространение глаголов сочетанием существительного с предлогом (ст.-русс. *истѣпитиса ума* ‘сойти с ума, лишиться рассудка’ [СРЯ XI–XVII, VI: 312], *иступитъ из себя, иступитъ из ума, разума, иступитъ ума* ‘потерять рассудок’ [СРЯ XVIII, IX: 147]), вероятно, указывает на актуализацию заимствованной мотивационной модели ‘выйти наружу’ → ‘лишиться рассудка’ в ЛСП «Безумие».

Ц.-слав. *вляюции* ‘припадочный, бесноватый’ [СРЯ XI–XVII, II: 158] и *взлатиса* ‘бесноваться’ [СРЯ XI–XVII, II: 158], букв. ‘быть застигнутым бурей в море, подвергаться ударам волн’, ‘качаться на волнах’ [СРЯ XI–XVII, II: 158], образованы от глагола *влати* ‘волноваться (о море)’ (праслав. **vlati* ‘волновать, качать’ [Фасмер, I: 327]), используются для перевода греч. χεῖμα ὁμιεὺς ‘бесноватый, припадочный’, букв. ‘обуреваемый, подвергающийся непогоде’ и χεῖμα ἶσσω ‘подвергаться ударам ветра, шторма, непогоды’ [ТСРЯ,

III: 378]. Семантический переход ‘подвергаться ударам волн, ветра, шторма’ → ‘бесноваться’ не имеет примеров среди исконной лексики.

Примером частичного калькирования является ст.-слав. *бѣсьновати са на новъ мѣсць*, которым переводится греч. *σεληνιαζομαι* ‘быть помешанным, досл. лунатиком’. Модель соответствуют славянским представлениям о связи луны и болезни, несчастья [СД, III: 143–147], ср. бел. *прылунэлы, аблунэлы, аблунэйшы, луняваты, лунькаваты* ‘сумасшедший, психический больной’, *лунь* ‘ненормальный, психический больной’ [Срезневский 1958, 67].

4. Результатом расширения семантики праславянского гнезда **sluti, slovo* греч. *ἀλόγιστος* ‘необдуманный, нелогичный’ (от *λόγος*), ‘неискушенный в беседе, споре’ являются ст.-слав. *бесловесьнъ, бесловьнъ, несловесьнъ* ‘неразумный, глупый, безрассудный’. Калькирование поддерживается тем, что в ряде славянских языков есть продолжения праслав. **bezslownъ(jь)* ‘бессловесный, безмолвный’ [Цейтлин 1977: 189]. В поле «Безумие» вносится новая модель, связанная с представлением о связи слова и смысла, способности мыслить, ясности рассудка, а поскольку вместе с христианскими текстами на древнерусском этапе актуализуются дополнительные значения лексемы *слово* (*Бог Слово — Иисус Христос*), модель осмысливается как ‘без Бога’ → ‘неразумный, глупый, безрассудный’.

5. Прямым заимствованием из греческого является ц.-слав. *салоцъ, салосъ* ‘юродивый’ [СРЯ XI–XVII, XXIII: 25]) (греч. *σαλός* ‘глупый, слабоумный’, ‘юродивый’).

Источники

- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Воспроизведение 2-го издания: СПб.; М., 1880–1882. Т. I–IV (Даль).
 Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р. И. Аванесов (т. I–V), И. С. Улуканов (т. VI), В. Б. Крысько (т. VII–VIII). М., 1988–. Т. I– (СДРЯ).
 Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–). Л., 1966–. Вып. 1– (СРНГ).
 Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Т. 1– (СРЯ XI–XVII).
 Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: «Наука», 1984–. Т. 1– (СРЯ XVIII).
 Срезневский И. И. Дополнения к материалам для словаря древнерусского языка. Репринт издания 1895 г. М., 1958 (Срезневский).
 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Репринт издания 1895 г. Т. I–III.
 Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007 (ТСРЯ).

Литература

- Виноградов В. В. История слов. М., 1994.
 Меркулова В. А. К истории становления народной медицинской терминологии. // *Slawisches Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes*. Leipzig, 11–13. 10. 1972. Bautzen, Domovina — Verlag, [1975]. С. 132–143.

- Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–. Т. I– (СД).
- Старославянский словарь (По рукописям X–XI вв.) / Слав. ин-т Акад. наук Чеш. Респ., Ин-т славяноведения и балканистики Рос. АН; Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994 (СС).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2003. Т. I–IV.
- Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М.: «Наука», 1977.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: «Рус. яз.», 1999.
- Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского (вып. 1–10), А. Ф. Журавлева (вып. 9–11). М., 1963–2014–. Вып. 1–11– (ЭСРЯ).
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачёва. М.: «Наука», 1974. Т. I– (ЭССЯ).
- Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago; London, 1988.
- Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985.

Древнейшие ономастические следы праславянского вида в Восточной Европе

А. К. Шапошников

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Этимология, гидроним, топоним, антропоним, этноним.

Summary. Some results of etymological research of ancient onomastic examples of Common Slavonic type from the East Europe are submitted in this report: Alutus, Berzovia, Maris, Morimarusa, Oseriates, Pathissum, Pelsonis lacus, Porolissum, Pribina, Sauia, Tiverici, Tsierna, Ūlitji, Urbanus, Vrbas, Uulca. Areas of ancient place names are connected to places of residing of ancient ethnos Agathyrsi-Auchatae-Trausi.

1. Древние ономастические примеры праславянского вида

Гидроним римского времени Alutus доносится позднепраслав. *Oľъть «имеющий вкус пива», вост.-ром. Олеть.

Топоним римского периода из юго-зап. Дакии Berzovia и топоним из провинции Дардании Βερζόβις [Detschew 1976: 53] неотделим от праслав. форм *berzovъjъ, *berzovъje производных от прилагательного *berzovъ по сущ. *berza ‘берёза’ [Трубачёв 2003: 92, 317, 359].

Гидроним Трансильвании Μάρις ποταμός (Hdt.), венг. Maros, румын. Mureş, продолжает раннепраслав. *marī- ‘море’, расширенное суф. -s-.

Гидроним Morimarusa hoc est mortuum mare (Plin.) и хороним, венгер. комитат Maramaros, румын. ист. обл. Maramureş возводят к раннепраслав. словосложению *mari-mŕusia ‘море умерших’, ‘мертвое море’ > позднепраслав. *mor’e mъgъše [Трубачёв 2003: 43, 44, 268].

Античный этноним Ὀσεριάτης, Oseriates ‘племя близ озера Балатон’ [Mayer 1957: 251] предлагают трактовать как производный с греко-римск. суф. -at- от корня праслав. *ozero / *ezero [Трубачёв 2003: 87, 109, 140, 251, 298, 315].

Античный хороним *Pathissus*, *Pathissum* (Plin.) напоминает праслав. приставочное образование **ра-* / **ро-* [Непокупный 1969] от **Tiss*, где второй компонент гидроним Тиса, нем. *Theiss*, венгер. *Tisza*, румын. *Tisa* [Moog 1930: 131]. Вероятность того, что в основе этого гидронима лежит раннепраслав. **teisas*, **teisa*, **teisan* (праслав. **tīxъ*, **tīxa*, **tīxo* ‘тихий, тихая, тихое’), невелика [Трубачёв 2003: 42]. Немецкий рефлекс закономерно отражает прототип **tīß-* < **dīt-*?

Античный гидроним *Pelsonis lacus* (Plin.) в Паннонии сопоставляют с праслав. **pleso* ‘открытая широкая часть течения реки, глубокое место в озере’ [Трубачёв 2003: 140] < раннепраслав. сущ. ср. р. **pl’asan*?

В топониме и хорониме *Πορόλισσον*, *Παράλισσον*, *Porolissum*, *Dacia Porolissensis* = *Transylvania* выделяется травс. (агафирс.) приставка *#poro-*, *para-* ‘trans-’ [Трубачёв 2003: 323], ср. русск. пере-, и **liss-* ‘silva; лес’.

Имя собственное в эпиграфике Паннонии *Pribina... filius ex alia coniuge...* сравнимо с праслав. формой **pri-jebina* [Трубачёв 2003: 42].

Античный топоним из Скифии *Ὀλβία Σαυῖα*, вероятно, следует толковать как «левобережная Ольвия», необязательно выводить только из синдо-меотск. диал. **savia* ‘благая’ [Трубачёв 1979: 124–125]; [Трубачёв 1999: 273]. Форму *Σαυῖα* можно считать близкородственной раннепраслав. **s’auīā*, прототипу др.-рус. шуи, шуя, шуе ‘левый, -ая, -ое’ < праслав. **s’auj-* < и.-е. **seuio-* / **souio-* [Фасмер 1988, IV: 484].

Этноним тиверцы — очевидное праслав. словообразование с суф. -ьсь от заимствованной и фонетически адаптированной основы **tīver-* < **tivr-* (ср. **svarog-* < **svarg-*). Здесь уместно напомнить, что античный гидроним *Τύρης*, *Τύρας*, *Tyras* наиболее убедительно толкуется на базе др.-инд. *tīvrā-* ‘быстрый, резкий’, инд. гидронима *Tīvrā*. От подобного гидронима и произведен слав. этноним **tīverьci*. При этом этноним отвлечен, вероятно, от уменьш. формы гидронима *Тиверьць к *Тиверь, т. е. некий «малый» Тиверь (= Днестр). Ср. Ингул — Ингулец, Дон — Донец, Каль — Калец.

Гидроним античной Паннонии *Tierna*, *Tsierna* действительно напоминают праслав. **сьгпа* ‘черная (река)’ [Трубачёв 2003: 42, 44].

Др.-русс. этноним оуличи < **ûl-itji* предполагает регулярное словообразование от эпонима родоначальника Оуль или Оуль, который имеет соответствия в виде скиф. антропонима *Αὔλος* (флейта?), лит. *aulys*, *avilys*, лтш. *aulis* ‘вид улья’, др.-русс., ст.-слав. оулинь ‘углубление в дереве’.

Гидроним античного Иллирика *Urbanus*, *Vrbas*, приток реки Савы, сопоставим с праслав. **вьгба* ‘верба’ [Трубачёв 2003: 383, 384].

Имя собственное в античной эпиграфике Иллирика *Ulka*, *Uulca* напоминает праслав. **вьлкъ* [Трубачёв 2003: 49, 250].

Эти примеры определенно свидетельствуют о наличии в Вост. Европе ареала раннего и позднего праславянского языкового состояния. Ареал древ-

ней ономастики праслав. вида простирается от Сред. Подунавья, Потисья до Карпатского хребта, Позднее в междуречье Дестра и Днепра.

2. Сопряжение древней ономастики с древним этносом

Совокупная античная традиция указывала четыре места поселения агафирсов-авхатов-травсов:

1) юго-восточная Фракия, в мифические времена Агафирс локализуется в области Геллеспонта [Apolloclod. 2.5.10; Hdt. IV, 10], который в древности именовали Борисфеном [St. Byz. 176.12–14];

2) в исторические времена некие травсы (Τραυσοί, Thrausi) все еще обитали в восточных Родопах, недалеко от своей прародины [Detschew 1976: 521].

3) основным местом расселения травсов-агафирсов в историческое время (VI–I вв. до н. э.) являлась Трансильвания, «в более внутренних областях горного хребта Гем». Геродот сообщал, что река Марис, вытекая из области агафирсов, смешивает свои воды с Истром [Hdt. IV, § 48, lin. 15]. Иными словами, река Marişis (позднепраслав. *Могъшь → румынск. Mureş), протекает по стране агафирсов, прежде впадения в Дунай. Кажется, и река Alutus (позднепраслав. *Ольть) в своем верхнем течении протекала через страну агафирсов. Этнос Травс обитал поблизости от кельтов, своих западных соседей. Северные части Малой и Великой Скифии, простирающиеся внутрь материка вверх по Истру, граничили сначала на всем протяжении с агафирсами, затем с неврами, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами [Hdt. IV, 100].

4) Последние упоминания агафирсов помещают их уже в Северном Причерноморье, в Побужье. Так, римский писатель Помпоний Мела (ок. 44 г. н. э.) в своем лаконичном перечне народов азиатской Сарматии упоминает агафирсов между буками, савроматами и амаксобиями (scythae, arimasporae, essedones, buces, agathyrsi, sauromatae, amaxobioe) [Mela II, 3]. Он же добавляет, что агафирсы наносили татуировки на лица и другие части тела. Плиний Старший (до 79 г.) выражается несколько определеннее. По его мнению, вокруг Гипаниса (Березань) на континенте обитали авхеты, невры, гелоны, фиссагеты, будины, базилиды, агафирсы, номады, антропофаги, савроматы, эсседоны (auchetae, neuroe, geloni, thyssagetae, budini, basilidae, agathyrsi, nomades, anthropophagi, sauromates et essedones). Из данного сообщения следует, что в последней четверти I в. н. э. агафирсы оказались в окружении своих дальних родственников — скифов-базилидов (паралатов), авхаты же — в восточном Прикарпатье, к западу от долины Днестра.

Литература

Непокупный А. П. Дегидронимические названия поселений в балтийских и славянских языках (балт. ра- / слав. по-) // День Артура Озола: Проблемы словообразования в современном языкознании. Материалы научной конференции. Рига, 1969. С. 38–43.

Трубачёв О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье // Этимология. 1979. М., 1981. С. 124–125.

- Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука. 1999.
- Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / Отв. ред. Н. И. Толстой. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2003.
- Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка: В 4 т., СПб., 1988.
- Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste 2. Auflage mit Bibliographie 1955–1974. Von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976.
- Georgiev V. Theiss, Temes, Maros, Szamos (Herkunft und Bildung) // Beiträge zur Namenforschung. 1961. XII. № 1.
- Mayer Anton. Die Sprache der alten Illyrier. Bd I: Einleitung; Wörterbuch der illyrischen Sprachreste. Wien, 1957.
- Moor E. Die slawischen Ortsnamen der Theissebene // Zeitschrift für Ortsnamenforschung. 1930. VI. № 2.

**К вопросу о хронологии процесса перестройки
системы прошедших времен в восточнославянском ареале:
диалектные различия**

М. Н. Шевелёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Перестройка системы прошедших времен, древнерусские диалектные различия.

Summary. The paper deals with the dialectal distinctions in the chronology of the Past Tense System transformation in Old Russian.

1. Сейчас уже мало кто сомневается в том, что в восточнославянском ареале процесс перестройки старой системы прошедших времен и превращения перфекта в претерит относился к очень раннему времени — раннедревнерусской эпохе. Грамматически правильное употребление старых форм в оригинальных книжных текстах, в том числе в летописях, объясняется, очевидно, сохранением их вплоть до конца XIV в. в «пассивном знании» — аналогично сохранению аориста, например, в современной сербской литературной традиции, где можно предполагать стадию в истории временной системы, сходную с древнерусской [Зализняк 2004: 174]. Процесс вытеснения старых простых претеритов перфектом, известный во многих славянских языках и других языках Европы [Маслов 2004: 293–302], наиболее ранним в славянском мире был в восточном его ареале; процесс этот, несомненно, в целом был длительным — переходная стадия, завершившаяся окончательной утратой старыми простыми претеритами грамматической мотивированности и превращением их только в признаки книжности текста, выбор которых обусловлен воспроизведением устойчивых трафаретов или пересчетом на видовое значение основы, заняла более трех столетий.

В живом употреблении перфект превращается в универсальный -л-претерит уже в XI в. (см. [Горшкова, Хабургаев 1981: 306–313 и др.]). Традиционно считалось, что перестройка системы раньше осуществилась на юге Древней Руси, чем в Новгородской земле, — на основании долгого сохранения аористов в формулах новгородских договорных грамот, с одной стороны, и случаев

употребления перфекта в роли универсального прошедшего в ранних киевских памятниках, с другой [Кузнецов 1953: 236–238 и др.]. Данные древненовгородских не книжных источников показали, что и в Новгородской земле перфект употребляется как универсальное прошедшее уже в XI в. С другой стороны, есть основания предполагать большую архаичность древнекиевской временной системы XI–XII вв. сравнительно с древненовгородской и в таком случае распространение процесса перестройки не с юга на север, а с севера на юг.

2. Различия между южнодревнерусскими (ю.-др.-рус.) диалектами и древненовгородским (и древнепсковским) обнаруживаются в сфере плюсквамперфекта. По данным старейших киевских памятников, в ю.-др.-рус. диалектах XI–XII вв. новая форма плюсквамперфекта типа *-л- + былъ* еще синонимична старой типа *-л- + бѣ / баше*: спектр значений их совпадал и противопоставлены они были как формы не книжная книжной — аналогично противопоставлению аориста и имперфекта новому разговорному прошедшему на *-л-*. В древнейших памятниках киевского происхождения встречаются случаи употребления нового плюсквамперфекта в результативном значении (*не лѣнива ма былъ створишь* — Поуч. Влад. Мономаха и др.), в антирезультативном значении в идентичном контексте возможны обе формы. Употреблений новой формы в значениях, неизвестных для формы старой (книжной), не засвидетельствовано — семантического отрыва ее от исконного славянского плюсквамперфекта еще предполагать нет оснований.

В северо-западных раннедревнерусских диалектах такой отрыв уже, видимо, произошел: здесь не зафиксировано употреблений новой формы в исконном результативном (смещенно-перфектном) значении, с одной стороны, с другой — есть примеры употребления ее в значении дистанцированного прошедшего, не связанного с результатом (*оставили ма были людѣ* — БГ № 724 и др.), что характерно уже только для новой формы плюсквамперфекта и свидетельствует о ее семантической эволюции, напрямую связанной с формальной перестройкой — превращением *-л-* формы в претерит.

Для северо-восточной зоны XII в. есть только косвенные свидетельства, позволяющие предполагать развитие этого вторичного значения давно прошедшего, при этом возможность выражения результативного значения новой формой еще сохраняется.

Таким образом, ю.-др.-рус. система плюсквамперфекта XI–XII вв. оказывается наиболее архаичной, а северо-западная того же времени — наиболее инновационной.

3. В ю.-др.-рус. книжных памятниках XI–XII вв. широко представлено особое грамматически мотивированное употребление имперфекта СВ в кратноперфективном значении, практически неизвестное в старославянском, однако хорошо известное также в древнечешских памятниках [Маслов 2004: 141–175]. В древненовгородских памятниках такое употребление утрачивается раньше:

оно встречается в переводе Жития Андрея Юродивого рубежа XI–XII вв., но уже в XII в. новгородские летописцы такие формы, имевшиеся в их киевском источнике, устраняют (*аще кто вылѣзаше ис хоромины... абые оуязвень будаше невидимо ѿ бѣсовъ* — 1092 г., Лавр., л. 71об. → *аще кто из ыстьбы вылезеть, напрасно убьень бываше невидимо* — 1092 г., НПЛст, л. 6 и др.), а в своих оригинальных записях не используют. Отраженное в книжной традиции пассивное владение грамматикой употребления имперфекта на северо-западе утрачивается раньше — потеря связанного с особой грамматической семантикой имперфекта СВ обнаруживает эту утрату, имевшую место уже в нач. XII в., тогда как в Киеве такое употребление известно на протяжении всего XII в. Более ранняя утрата имперфекта СВ в северо-западной книжной традиции, свидетельствующая об угасании пассивного знания грамматики формы, может быть следствием более продвинутого этапа перестройки системы прошедших времен.

4. Видимо, процесс перестройки временной системы на северо-западе Древней Руси в XII в. был более продвинут, чем в ю.-др.-рус. диалектах, дольше сохранявших архаизмы и пассивное знание грамматической семантики вышедших из разговорного употребления форм, а генетически в большей степени связанных с южнославянскими; возможно, этот процесс и начался с древнерусского северо-запада.

Литература

- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
 Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
 Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

Гипотеза о западно-южнославянском праязыке: критический обзор

Матей Шекли

Университет в Любляне (Словения)

*Сравнительное языкознание, генеалогическая классификация языков,
западно-южнославянский праязык, словенский язык, средне-южнославянский язык.*

Summary. The question of the Western South-Slavic proto-language revisited. In the historical-linguistic and dialectological literature of the Central South-Slavic area, the so-called *Western South-Slavic proto-language* (in Croatian “*zapadni južnoslavenski prajezik*”, cf. [Brozović 1970]; [Lončarić 1996] is usually reconstructed, from which Slovene and Central South Slavic (i. e. Kajkavian, Čakavian as well as (West and East) Štokavian) have arguably emerged. The present contribution attempts to define the phenomenon of *Western South-Slavic* and discusses it in the context of divergent and convergent changes, which are responsible for the linguogenesis of the individual (Western) South-Slavic languages.

При моделировании языкового происхождения отдельных геолектов, которым мы даем определение *язык* в генеалогическом смысле, современная геолингвистическая реальность (точнее, ее видение исследователем) проецирует-

ся в прошлое, а языковое состояние прошлого (архаизмы и инновации) интерпретируется в перспективе современного состояния.

В литературе по сравнительно-историческому языкознанию и диалектологии средне-южнославянского региона в процессе моделирования лингвогенеза западно-южнославянских языков реконструируется т. н. *западно-южнославянский праязык* (в хорватском языке — *zapadni južnoslavenski prajezik*) [Brozović 1970]; [Lončarić 1996], из которого, предположительно, сформировались словенский язык и средне-южнославянский язык (а именно кайкавский, чакавский и (западный и восточный) штокавский), то есть два языка в генеалогическом смысле. В данной работе представлена попытка поместить понятие *западно-южнославянский* в контекст дивергентных и конвергентных изменений в процессе лингвогенеза отдельных (западно-)южнославянских языков.

Позднепраславянский язык (до около 800 г. н. э.) (далее — псл.) вследствие древнейших необщеславянских языковых изменений, в первую очередь, звуковых (с IX века), разделился на три славянских макродиалекта (южный, восточный и западный), которые, в свою очередь, также разделились на меньшие геолекты. Некоторые из данных звуковых изменений еще являлись связанными с праславянскими языковыми тенденциями (тенденция к восходящей звучности и закон слогового сингармонизма), а другие уже от них не зависели, например, в южном регионе: псл. **tl, *dl > *l, *dl vs. *l* (псл. **šidlo* ‘шило’); псл. **tj, *dj > *ć, *j vs. *ć, *đ vs. *št, *žd* (псл. **světja* ‘свеча’, **medja* ‘межа’), псл. **šč, *žž > *šč, *žž vs. *št, *žd* (псл. **puščati* ‘пропускать’, **droždžje* ‘дрожжи’). На славянском юге вследствие данных дивергентных звуковых изменений уже очень рано сформировались пять геолектов: 1. **šidlo; *svěća, *meja; *puščati, *droždžje*; 2. **šilo; *svěća, *meja; *puščati, *droždžje*; 3. **šilo; *svěća, *međa; *puščati, *droždžje*; 4. **šilo; *svěća, *međa; *puštati, *droždje*; 5. **šilo; *svěšta, *mežda; *puštati, *droždje*. Границы данных геолектов не совпадали с геолектами, которые обычно обозначаются как альпийский, паннонский, приморский, динарско-рашский и восточно-южнославянский.

Отдельные южнославянские звуковые изменения X века, которые распространялись из двух центров инновации, западного и восточного, и происходили приблизительно по изоглоссе звукового изменения псл. **tj, *dj > *ć, *j / *đ vs. *št, *žd*, сначала сформировали два крупных геолекта. Это были западно-южнославянский (далее — зап. юсл.) и восточно-южнославянский (далее — вост. юсл.): 1. западно-южнославянская односторонняя инновация: псл. **ь, *ь > вост. юсл. *ь, *ь vs. зап. юсл. *ə* (псл. **dьнь* ‘день’ : **тѣхъ* ‘мох’ > вост. юсл. **dьn* : **тѣхъ* vs. зап. юсл. **dən, *məx*); 2) восточно-южнославянские односторонние инновации: а) псл. **pl, *bl, *ml, *vl > зап. юсл. *pl, *bl, *ml, *vl vs. вост. юсл. *pj, *bj, *mj, *vj* (псл. **zemla* ‘земля’ > зап. юсл. **zemla* vs. вост. юсл. **zemja*); б) псл. **l^E, *n^E > зап. юсл. *l^E, *n^E vs. вост. юсл. *l^E, *n^E* (псл. **pole* ‘поле’ > зап. юсл. **pole* vs. вост. юсл. **pole*).

Младшие южнославянские геолекты, которым мы даем определение *язык* в генеалогическом смысле, со своими главными определяющими характеристиками начали формироваться в X–XI веках. Древнейшие западно-южнославянские геолекты в рамках конвергентных изменений соединились в два западно-южнославянских языка (словенский и средне-южнославянский), в то время как древнейший восточно-южнославянский геолект в рамках дивергентного развития разделился на два восточно-южнославянских языка (македонский и болгарский).

Понятие *западно-южнославянский* в данной модели лингвогенеза западно-южнославянских языков относится не к единому геолекту, из которого сформировались словенский и средне-южнославянский языки, а к группе звуковых изменений, которые на непродолжительное время объединили западно-южнославянские геолекты в конвергентном развитии.

Литература

- Brozović Dalibor. Standardni jezik: Teorija, usporedbe, geneza, povijest, suvremena zbilja. Zagreb, 1970.
- Brozović Dalibor. Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar južnoslavenskih i drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mijene kao jezika hrvatske književnosti. *Hrvatska književnost u evropskom kontekstu*. Zagreb, 1978. S. 9–83.
- Brozović Dalibor. Srpskohrvatski jezik kao geneolingvistički, tipološki i sociolingvistički fenomen // Zbornik za filologiju i lingvistiku. 1984–1985. 27–28. S. 99–105.
- Ivić Pavle. Die serbokroatischen Dialekte. Haag, 1958 (1994).
- Ивић Павле. Основные пути развития сербохорватского вокализма // Вопросы языкознания. 1958. 7/1. С. 3–20.
- Ивић Павле. Српскохрватски дијалекти: њихова структура и развој 1: Општа разматрањ и штокавско наречје // Целокупна дела III / С немачког превела Павица Мразовић. Редактор издања Милорад Радовановић. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1994.
- Kapović Mate. Povijest hrvatske akcentuacije: Fonetika. Zagreb, 2015.
- Lisac Josip. Povijest hrvatskoga jezika. 1. Srednji vijek. Zagreb, 2009. S. 261–281.
- Lončarić Mijo. Kajkavsko narječje. Zagreb, 1996.
- Lukežić Iva. Zajednička povijest hrvatskih narječja: 1. Fonologija. Zagreb; Rijeka; Čavle, 2012.
- Ramovš Fran. Kratka zgodovina slovenskega jezika. I. Ljubljana, 1936.

Классические языки в славянском мире

Praetoriola в Vulg. Ezech. 27:6 и его соответствия в церковнославянском и русском переводе

О. С. Павлова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Вульгата, перевод, Септуагинта, Иезекииль, Елизаветинская Библия.

Summary. In the paper I study some interpretations of the noun *praetoriola* which is found in the Jerome's Vulgate (Ezechiel XXVIII, 3) in the description of a richly decorated Phoenician ship. It has been suggested by Meibomius and some other scholars that *praetoriola* was a technical word in Latin which may have designated a sort of cabin on the ship. I claim, in my turn, that *praetoriola* is a non-technical word chosen by Jerome in order to translate οἶκος ἁλσώδεις of the Septuagint. I suggest, further, that Jerome's *praetoriola* may be correctly rendered into Russian as 'сень'.

Плач о Тире в книге пророка Иезекииля начинается описанием богато украшенного финикийского судна. Среди прочих деталей в латинском тексте встречается слово *praetoriola* (pl < *praetoriolum* -i, *n demin.* < *praetorium*, -i *n*). Сам Иероним объясняет его следующим образом: *praetoriola sive cellaria, in quibus merces pretiosissimae reponuntur*, т. е. некое маленькое помещение, однако все же не «шкаф», как толкует А. П. Лопухин¹. В Латино-англо-саксонском словаре, изданном Я. Гессельсом, интересующее нас слово предстает в виде *preteriola*² и объясняется как *domuncula micina*³, *in naue unius cubiti in quibus abscondunt cibos suos*⁴, а также в более привычном виде: *praetoriola — domuncula in naue*⁵.

В Тезаурусе Иоганна Фридриха Шлейснера приводится перевод Аквилы, который цитирует блж. Феодорит; там мы находим несколько неожиданное объяснение интересующего нас слова: οἶκος ἁλσώδεις — 'domos e lucorum arboribus'. Это объяснение было бы совсем странным, если бы не добавление: *id est proceris*⁶, действительно, вряд ли для постройки судна вырубались бы

¹ «...Вулг. *praetoriola*, чем блж. Иероним по его собственным словам хотел обозначить шкафы для хранения драгоценностей (от *praetor* — на корабле адмирал)» [Толковая Библия 1904–1913, комм. к Иез. 27:6].

² В рукописях Латино-англо-саксонского словаря встречаются также формы *praetoriala* и *praetoriocla* [A Late Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary 2011: 173] (s. u. *preteriola*).

³ Вместо *micina* в Кембриджской рукописи словаря находим *vicina*, однако встречается и *micinos*. Возможно, *micinus* = *micidus*, т. е. 'маленький'; Du Cange s. u. *micina* 'uno vase de nave' (Glossar. Lat. Ital. MS).

⁴ [A Late Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary 2011].

⁵ Cf. Glossae Scaligeri CGL. V. 609, 3; [The Corpus Glossary 1921: 144, 665].

⁶ Цитата по: Novus thesaurus philologico-criticus sive lexicon in LXX et reliquos interpretes Graecos ac scriptores apocryphos Veteris Testamenti. Post Bielium et alios viros doctos congestit et ed. J. F. Schleusner. Lipsiae, 1820, p. 170 s. u. οἶκος ἁλσώδης.

священные рощи. Это толкование было перенесено из перевода Мейбомия, где есть объяснение, что он подразумевает под «*lucorum*»¹. У Шлейснера мы встречаем и такое толкование: *domus praetoria, ut vulgo redditur, seu praetoriolum, ut transtulit Vulgatus*, т. е. он полагает, что *praetoriolum* — это «палатка полководца».

Сходное с этим мнение высказывал и Мейбомий, который считал, что *praetoriola* — флагманская каюта², т. е. каюта на флагманском судне, а капитанские каюты на прочих судах назывались просто *tentorium*³ (как σκηνή⁴ у греков). Ход его мысли таков: *praetorium* — палатка главнокомандующего на суше, причем размеры этого помещения, сооруженного на суше, были гораздо больше, чем размеры аналогичного по своему назначению помещения, которое можно было бы соорудить на борту судна. Именно поэтому путем добавления уменьшительного суффикса получилось слово *praetoriolum* — каюта главнокомандующего. Слово *praetorium*, по мнению Мейбомия, не имеет какого-либо другого значения в латинском языке, поэтому и *praetoriolum* его иметь тоже не может (т. е. слово *praetoriolum* — латинский морской термин, обозначающий каюту капитана), а в противоречащее этой версии толкование самого Иеронима он предлагает добавить слово *simul* и читать его следующим образом: *praetoriola sive cellaria, in quibus simul merces pretiosissimae reponuntur*. Однако если учесть обстоятельства, при которых это слово появилось в тексте, есть все основания интерпретировать его иначе.

Существуют два варианта толкования древнееврейского *bth*: в масоретском тексте мы встречаем огласовку *bath*, т. е. «дочь», однако некоторые исследователи предлагают читать как *beth*⁵. В частности, Мейбомий полагает, что это слово следует читать как *beth* «дом», для доказательства правильности такого чтения он приводит такое же чтение в парафразе Ионафана, οἶκος ὁλωδεις в Септуагинте и в переводе Аквилы [Reider 1917], на который ссылается блж. Феодорит, эта цитата и приводится в лексиконе Шлейснера.

В словаре Септуагинты под редакцией Йохана Люста ὁλωδης в настоящем стихе трактуется как «woody», а в словаре Гесихия слово ὁλωδης является синонимом слова «тенистый» (σύνσκιος)⁶.

С другой стороны, совершенно очевидно, что сооружение это не является палаткой или шатром: масоретский текст можно толковать по-разному, однако из него следует, что это некая деревянная конструкция, что подтверждает-

¹ *ex arboribus lucorum, quae proceris erant.* (курсив Мейбомия) [Marci Meibomii 1671: CXL–CXLI].

² [Marci Meibomii 1671: CXXXVIII].

³ [Marci Meibomii 1671: CXLIII].

⁴ Poll. Gram. I 89 (ed. W. Dindorf, Leipzig, 1824); Palaephatus 29 (ed. N. Festa / Mythographi Graeci, III (2), Leipzig, 1902).

⁵ См., например, [Marci Meibomii 1671: CXXXVII].

⁶ Hesych. Lex. s. v. *ψυκτήριαι* cf. Athen. XI 109. Возможно, произошел семантический сдвиг «лесистый» — «тенистый»?

ся и комментарием блж. Феодорита: οἴκους ἁλσώδεις, τούτέστι σανίσι κεκαλυμμένους. οὕτω γὰρ καὶ ὁ Ἀκούλας ἤρμενεύσε (id est tabulis tectas в переводе Мейбомия).

Таким образом, блж. Иероним, который, очевидно, опирался и на греческий, и на древнееврейский текст, при переводе настоящего стиха воспользовался интерпретацией Септуагинты (возможно, древнееврейский текст показался ему неоднозначным) и постарался подобрать латинское слово, которое бы означало небольшую крытую деревянную постройку¹, что-то вроде беседки.

Что касается сравнительно новых переводов, этот вариант чтения, опирающийся на Септуагинту, принят в английском переводе Вульгаты (Дуай-Реймс, 1899 г., «cabins») и Елизаветинской библии (1751 г., «дома деревянные»). В новейших переводах на русский язык² принимается другое чтение.

Нам кажется, что при переводе этого стиха Вульгаты на русский язык адекватным было бы использование слова «сень», которое по значению наиболее близко к словосочетанию «οἴκους ἁλσώδεις» ‘тенистые (изначально — из-за листвы) постройки’ и слову praetoriola ‘беседка’. Кроме того, слово «сень» имеет дополнительные коннотации: сень (киворий) располагался над могилой для того, чтобы подчеркнуть ее значимость и уберечь от погодных явлений. Именно это значение среди прочих есть и у латинского слова praetoriola.

Итак, слово praetoriola, по всей видимости, не имеет никакого отношения к мореходной лексике. В рассматриваемом нами отрывке блж. Иероним придерживается интерпретации 70 толковников и ищет подходящее латинское слово для точного перевода. Таким образом, в своем комментарии к этому слову он не разъясняет значение термина, а уточняет свой вариант перевода греческого οἴκους ἁλσώδεις.

Литература

- Толковая Библия / Под ред. А. П. Лопухина. Ветхий Завет. Т. IV. Петербург, 1904–1913 (2015).
 A Late Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary / Ed. Jan Hendrik Hessels. Cambridge, 2011 (repr. 1906).
 Corpus glossariorum Latinorum / Ed. Gustav Loewe, Georg Goetz. T. I–VII. Lipsiae, 1888–1923.
 Glossarium mediae et infimae latinitatis, conditum a Carolo Du Cange. Niort: L. Favre, 1883–1887.
 Marci Meibomii De fabrica trirremium liber. Amstelodami, 1671.

¹ hunc praetoriolum cum hortulo et heroo (CIL V 4057),

praetoriolum pertinens ad <her>oum suum ... a solo exstruxit (CIL VI 32308).

² «Из башанских дубов смастерили они твои вёсла; из кипариса с Кипрских берегов сделали твою палубу, выложив костью слоновой» (Восточный перевод = “Central Asian Russian Scriptures” = CARS); «Из дубов Васанских делали весла твои; скамьи твои делали из букового дерева, с оправою из слоновой кости с островов Киттимских» (Синодальный перевод); «Из васанских дубов смастерили они твои весла; из кипариса что с кипрских берегов сделали твою палубу, выложив слоновой костью» (Новый библейский перевод МБО); cf.: “Of the oaks of Bashan have they made thine oars; the company of the Ashurites have made thy benches of ivory, brought out of the isles of Chittim” (King James Version).

- Novus thesaurus philologico-criticus sive lexicon in LXX et reliquos interpretes Graecos ac scriptores apocryphos Veteris Testamenti / Post Bielium et alios viros doctos conguessit et ed. J. F. Schleusner. Lipsiae, 1820.
- Reider J. Prolegomena to Greek-Hebrew and Hebrew-Greek index to Aquila. Chapter IV: The Hebrew text underlying Aquila's version // The Jewish Quaterly Review. New Series. Vol. 7. No. 3, Jan. 1917.
- The Corpus Glossary / Ed. W. M. Lindsay (with an Anglo-Saxon Index by Helen M. Buckhurst). Cambridge, 1921.

Перевод В. А. Жуковского поэмы «Одиссея» в русской литературной критике

О. М. Савельева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Одиссея, Жуковский, перевод, критика, художественные средства.

Summary. The article is dedicated to the analysis of the Zhukovskij's translation of the poem *Odyssey* in the Russian critical literature. The critics marked that the Zhukovskij's translation maintains a manner of romantic poems of early Russian romanticism, it is written with poetisms and elements of archaic syntax and with the imitation of the epic hexameter verse in Russian. Especially is remarkable the translator's poetical gift.

В 1842–1849 гг, в Германии, Жуковский выполняет перевод «Одиссеи», который считал «своим лучшим, главным поэтическим произведением», как он написал в программном для него письме С. С. Уварову. В середине 1848 г., он поместил часть этого письма «Вместо предисловия» к переводу первой половины поэмы в ее первом издании. Вторая часть перевода вышла в 1849 г. Глубокое постижение мира древности, поэтическое дарование, «могущество и разнообразие слога» (А. С. Пушкин) позволили Жуковскому создать перевод высоких художественных достоинств. Мечтая о том, «...чтобы чтение «Одиссеи» сделалось доступным всем возрастам», он прекрасно понимал, сколь нереально было бы ожидать в современном ему мире сильного воздействия поэмы. В общем ходе европейских событий конца 40-х гг. вполне понятным предстает слабый интерес публики к древнегреческому эпосу. Однако было важно, что перевод сразу вызвал одобрение писателя и критика К.-А. Фарнхана фон Энзе, который, как известно, владел и русским, и греческим языками, превосходно знал русскую словесность и пропагандировал ее. Он писал о переводе: «Мы, немцы, не имеем чего-либо столь удавшегося». В 1849–1850 гг. в России в основных журналах вышло большое количество статей, где было выражено мнение ведущих критиков. В рецензиях И. И. Давыдова, Б. Н. Ордынского (в 1853 г. он перевел «Илиаду»), Г. С. Дестуниса, О. И. Сенковского, С. П. Шевырева, В. И. Водовозова главными были два вопроса: о сопоставлении труда Жуковского с текстом гомеровской поэмы и о характере языка нового перевода. Критически были отмечены «элемент романтической элегии» (Дестунис), привнесенный Жуковским; «введение своей личности» (Давыдов), что определило отдаление перевода от оригинала и даже «изменение духа по-

эмы»; внесение сентиментальности и оттенка христианской морали (Ордынский). Однако столь же единодушно критики высоко оценивали выразительность и живость языка перевода. Залог его успеха все видели в том, что он был сделан крупным поэтом (Ордынский). Г. С. Дестунис, не приветствуя «пышность, идеализацию, отклонения от языка подлинника» и то, что Жуковский... «часто дорисовывает картину», восхищался эстетической высотой перевода и талантом поэта: «Гомер тут сквозь слезы улыбается, — пишет критик, — ...И как естественно было такому поэту, каков Жуковский, размахнувшись своей рукой-владыкой, не стесняться уроком ученого профессора, пособием докучливого филолога», — признает Гавриил Дестунис, профессор греческой словесности Санкт-Петербургского университета. Он по достоинству оценил, что в переводе сохранена верность общечеловеческим началам гомеровского эпоса — любви к родине и близким людям. С. П. Шевырев подчеркивал, что «можно жить в Германии и носить в себе родину в убеждениях своего ума и сердца и в языке...». Н. В. Гоголь пристально следивший за ходом работы Жуковского, знакомился с отдельными частями перевода во время встреч с поэтом в Германии и выразил свой восторг в одной из глав «Выбранных мест из переписки с друзьями», известной как статья «Об Одиссее», переводимой Жуковским», предварившей издание самого перевода с целью подготовить публику (1846). Критики высоко оценили метрическую сторону перевода. Жуковский уже в ранний период творчества без колебаний выбрал гексаметр как единственно возможный размер, способный воплотить стиховую форму античного эпоса. Тщательная отделка музыкально-интонационной стороны стиха позволила ему в переводе «Одиссеи» (и позже в I песни «Илиады») полноценно отразить средствами русской метрики совершенный в своей организации гомеровский гексаметр. Сpondeй в начале стиха обычно представлен восклицаниями: «о! когда!», «но когда!», «о царица!» и т. п. Известно часто приводимое сопоставление: если Гнедич в «Илиаде» допускал дактилические замены хореическими в каждой пятой строке, то Жуковский в «Одиссее» — в каждой сотой. При такой редкой замене особенно примечательным становится единственное место в поэме, где имеет место значительное скопление спондеев, — это описание страданий Сизифа: «Тяжкий камень снизу обеими влек он руками / В гору» (Од. 11. 594–595). Критики отмечали, что здесь спондеическое утяжеление стиха, вслед за античной традицией метрических модификаций как стилистических средств, абсолютно оправданно и вызывает ассоциации с мучительной и бесконечной работой Сизифа. Имитируя построение гомеровского стиха, Жуковский редко ставит на первое место слова с второстепенным значением: союзы, односложные слова etc. Чаше они употребляются им как вставки для заполнения «свободных» слогов русского 17-сложного гексаметра. Переводчик, стремившийся, «...чтобы гомеровский стих был ощутителен в стихе русском», выполнил свою задачу. Жуковский был тонким мастером по-

этической формулы (достаточно того, что слова «гений чистой красоты», «прекрасный наш союз» были впервые сказаны им), и он в полной мере проявил эту сторону своего искусства, передавая формульный стиль гомеровского языка.

«Одиссея» Жуковского стала не только ценным фактом русской литературы и важным явлением русского просвещения. Одновременно перевод «Одиссеи» оказался импульсом для развития критического направления в русской филологической науке.

Литература

- Homeri Odyssey / Rev. by G. E. Dimock. Loeb Classical Library. Harvard University Press. Cambridge. London, England, 1998.
- Гомер. Одиссея / Перевод В. А. Жуковского; Изд. подготовил В. Н. Ярхо. М., Наука, 2000.
- Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: В 2-х тт. М.: Радуга, 1985. Т. 2.
- Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984.
- Дестунис Г. О переводе Одиссеи В. А. Жуковского // ЖМНП. 1850. № 8. Ч. 67. Отд. II.
- Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.: Индрик, 2001.
- Шевырев С. П. Рецензия. Замечания о языке переводов // Москвитянин. 1849. № 4. Отд. IV.
- Шестаков С. П. В. А. Жуковский как переводчик Гомера // Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина. Кн. XXII. Казань, 1902.

Греческая трагедия в русских переводах (опыт М. Л. Гаспарова)

Т. Ф. Теперик

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Миф, трагедия, перевод, поэтика, смысл.

Summary. The paper presents analysis of M. Gasparov' Russian translation of Euripides' "Iphigenia in Tauris". By comparing translator's strategy — as it transpires from the translation's text — with his theoretical postulates, it is possible to come to the conclusion that in this case the translation's author is true to his own "aspiring to precision" postulate, meaning in this case not metrical, lexical or syntactical similarity, but staying true to, and conveying the precise artistical sense and meaning of the oeuvre, just as he came to understand it.

«Ифигения в Тавриде» Еврипида принадлежит к жанру так называемой трагедии интриги, предтечи романа ([Euripides 1999: 5]; [Ярхо 2000: 205]), и несмотря на то, что сюжет построен на мотиве жертвоприношения, развитие событий приводит к благополучному для героев финалу [Фрейденберг 1998: 431]. Точно так же, как в другой трагедии Еврипида, «Ифигении в Авлиде», где не была принесена в жертву сама героиня, в этой трагедии не будет принесен в жертву ее брат, хотя пролог сначала создает и иное впечатление. Переводом этого пролога М. Л. Гаспаров открывает серию переводов нового типа, наиболее полная подборка которых позже войдет в книгу его экспериментальных переводов, где собраны переводы самых разных поэтов: Верхарн, Гель-

дерлин, Рильке, Киплинг, Борхес, Элюар [Гаспаров 2003], но важно, что начинался этот эксперимент именно с «Ифигении в Тавриде». Пролог этой трагедии в версии Гаспарова — явление уникальное. Во-первых, перевод принадлежит филологу-классику, посвятившего себя проблемам истории и теории античной литературы. Во-вторых, автор к этому моменту и сам — состоявшийся переводчик с древних языков. В-третьих, он является не только практиком, но и теоретиком перевода — явление редкое. Кроме того, тексту предпослано объяснение стратегии, откуда следует, что перевод «рассчитан на то, чтобы читатель сверял его не с греческим подлинником, а с предшествующим русским переводом — переводом Иннокентия Анненского» [Гаспаров 1972: 270].

Соглашаясь с тем, что Еврипид Анненского является признанной классика русской переводной литературы, Гаспаров констатирует, что «научное изучение переводов Анненского еще не начиналось», формулируя при этом: «вряд ли где нагляднее выявляется поэтическая индивидуальность Анненского, чем при сравнении с подлинниками его переводов — будь то переводы из «парнасцев» или Еврипида» [Гаспаров 1972: 269]. Иными словами, утверждается, что анализ поэтического перевода может иметь значение не только для понимания особенностей техники перевода, но и для понимания поэтической личности автора, взявшегося за этот перевод.

Что конкретно Гаспаров предлагает здесь в противовес Анненскому? Какие черты вызывают его оппозицию? Первая о претензия Гаспарова состоит в многословии переводчика, вторая в это разорванности синтаксиса, то есть обе черты скорее относятся к форме, чем к содержанию. Но предложенная Гаспаровым «сжатость» вместо многословия и «связность» вместо эмоциональной разорванности, меняют *смысл* переводимого текста, вынуждая требовательнее относиться как к отбору лексики так и к самому построению фразы, потому что «именно так лучше всего можно передать на русский язык то сочетание мужественности и рассудочности, которое так специфично для стиля греческой трагедии» [Гаспаров 1972: 271]. Поскольку «мужественность» и «рациональность» — категории скорее содержания, чем формы, то понятно, почему Гаспаров не считает необходимым придерживаться точности в размере, который у него не эквиметрический, шестистопному греческому ямбу противопоставлен пятистопный ямб с преимущественно мужскими окончаниями, стих, более короткий, по словам Гаспарова, чем стиль подлинника и «обычных русских переводов». Обычных — то есть традиционных, привычных, укоренившихся в XX веке. Но почему нужен стих более короткий? Одна из причин — потому что в греческом языке масса предлогов, союзов, энклитических частиц, удлиняя метр, они не имеют ключевой содержательной нагрузки, из-за отсутствия их в русском языке переводчик, имитирующий размер, вынужден вставлять новые слова. Об этом хорошо сказано Ф. Ф. Зелинским: «Рассудочный характер античной поэзии ведет к тому, что ее мысли сцеплены между собой

либо взаимной подчиненностью, либо всякого рода союзами и частицами. Это для переводчика — один из камней преткновения».

Приведем рассказ о сне Ифигении в переводах Анненского и Гаспарова.

Гаспаров: «Мне снилось, что покинув этот край // я в Аргосе спала среди подруг // как вдруг удар сотряс родную грудь; // я в ужасе бросаюсь из дворца // и вижу: пали в прах зубцы стены // и рухнула возвышенная кровля // где отчий дом стоял, там столп стоит, / и русые с него свисают кудри, // И голос человеческий звучит. // А я, служить привыкшая смертям // его последней влагой омываю, // рыдающая. — Ясен этот сон! Орест погиб; его я обряжала!»

Анненский: «Мне грезилось, что я уже не здесь, // А в Аргосе меж девами покоюсь... // И вдруг удар подземный... Выбегаю // Из терема и вижу, что карниз // обрушился, что крыша вся в обломках, // вся на земле... и будто из колонн // всего одна осталась в нашем доме, // И дивно: с капители волосы сбегает золотистые, и голос // Мне слышится оттуда человека. Я ж, соблюдая долг свой обряжать // на смерть гостей, — колонну орошаю. Предсмертной влагой, — и слезами лик. // Прозрачен сон: Ореста больше нет, Ореста я богине посвящала...».

Кроме семантических анахронизмов («терем», «грезиться»), в переводе Анненского ложные многоточия, про избыточность которых хорошо сказано тем же Зелинским [Гаспаров 1972: 272]. Во-вторых, лексические расхождения: «Золотистые волосы» — не то же, что «русые кудри», а «человеческий голос» — не совсем то же самое, что «голос человека». И «покоиться» — не то же самое, что «спать», а «орошать слезами» не то же, что «рыдать». И что же именно «орошается слезами»? Из гаспаровского перевода следует, что столп, у Анненского сказано, что это «лик». Но чей это может быть «лик»? Если переводчик хочет сказать, что Ифигения видит за колонной — лик Ореста (оттого и слышит «голос человека»), то такой перевод не очень понятен. Но возможно, из-за того, что это сновидение? Однако героиня ведь истолковала его содержание, пусть ошибочно¹, так что в гаспаровском переводе этот пассаж выглядит яснее и точнее. Избранный им размер также доказывает, что точность он понимает как художественную, а не как простое следование букве: метрике и лексике. Назвав свой перевод экспериментальным, Гаспаров подчеркнул его латинскую составляющую, то есть «опыт». Пусть это не целиком, не полностью перевод, но это опыт, учитывающий предшествующую традицию, отталкивающийся от нее, и дискутирующий с ней. Здесь и полемика с одним из переводческих credo: не знать предшественника. «Не только знать,

¹ «У Еврипида, близкого по времени к средней комедии, иллюзионного элемента больше, чем у Эсхила и Софокла. Оттого и сон — ложный» [Фрейденберг 1998: 431].

но и изучать, иначе движение вперед невозможно» — как бы говорит Гаспаров фактом своего перевода пролога трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде».¹

Литература

- Гаспаров М. Л. Начало «Ифигении в Тавриде» Еврипида // Античность и современность. М., 1972. С. 269–277.
- Теперик Т. Ф. «Электра» Еврипида в переводе М. Л. Гаспарова // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб., 2011. С. 497–506.
- Теперик Т. Ф. «Орест» Еврипида в переводе М. Л. Гаспарова // Материалы «Гаспаровских чтений» — 2014. М.: Изд. РГГУ, 2015. С. 53–64.
- Фрейденберг О. М. Трагедия // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 372–622.
- Ярхо В. Н. Еврипид. «Ифигения в Тавриде» // Ярхо В. Н. Собрание трудов. Древнегреческая литература. Трагедия. М., 2000. С. 202–225.
- Euripides. Iphigenia in Tauris* / Edited with Introduction and Commentary by M. Platnauer. London, 1999.

¹ Этот опыт впоследствии будет распространен и на другие трагедии об Оресте: «Орест» и «Электру». См. [Теперик 2014]; [Теперик 2011].

Концептосферы славянских языков: традиции и развитие

Метафора фауна в сучасному публіцистичному дискурсі

О. І. Андрейченко

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Таврическая академия (структурное подразделение) (Симферополь, Россия)

*Публицистический дискурс, концепт, фрейм, политическая метафора,
метафорическая модель.*

Summary. The article is devoted to a conceptual analysis of the present-day publicistic metaphor. It describes the frame structure of the metaphorical model for “Political Realities — Animal World”.

Сучасний публіцистичний дискурс багатий на метафори, які образно характеризують суб'єктів політики, їхні погляди, дії. Згідно з уявленням сучасної когнітивної семантики метафоричне моделювання — це засіб пізнання й оцінки певного фрагмента об'єктивної дійсності за допомогою сценаріїв, фреймів, слотів, які належать до іншої поняттєвої сфери. Використовуючи в сучасному публіцистичному дискурсі метафоричну модель замість прямої номінації, автор має на меті спрямувати думку реципієнта в заданому напрямку, робить спробу нав'язати свою систему оцінок і поглядів.

Природа здавна слугує людині свого роду моделлю, згідно з якою вона інтерпретує політичну реальність, створюючи таким чином мовну картину політичного світу. Природне середовище відіграє вельми важливу роль у формуванні образних еталонних стереотипів сприйняття та осмислення дійсності, крізь які етнос “бачить” світ. Їх можна визначати як національні інтелектуально-оцінні концепти [Голубовська 2003: 61]. Таке стереотипне проектування у етносвідомості мовців ґрунтується на наявності особливої внутрішньої форми, пов'язаної із дискурсивно стереотипною комунікативно-прагматичною ситуацією [Алефиренко 2002: 280].

Фауна неодноразово ставала об'єктом метафоричного переосмислення [Голубовська 2003]; [Гутман 1997]; [Чудинов 2001]; [Шейгал 1999]. У текстах публіцистичного дискурсу зоологічні метафори, виступаючи носіями певних національно детермінованих стереотипів, мають здатність репрезентувати сприйняття політичної дійсності мовцями.

Метафорична модель “Політичні реалії — світ тварин” репрезентована такими фреймами.

Фрейм 1. Фауна. Надзвичайно продуктивними у текстах політичного дискурсу є зооніми-концепти, характерні для нашого лінгвокультурного ареалу, зокрема **вовк, коза (козел), кіт, кінь, качка, лебідь** тощо, пор.: *І з гидкого*

каченати — наукового співробітника якого інституту поставав **красень лебідь** — народний депутат України. Та все це в минулому (ДУ). Наприклад, конотація, пов'язана з метафоричною іпостасю зооніма **кіт**, асоціюється із пристосуванством, пор.: *Насамперед, йому слід “запустити” у власну адміністрацію такого собі “санітара лісу”, аби видворити звідти — перефразуючи Кучму — 94 року — відверто вже “зажирілих котів”* (ПіК). На нашу думку, метафора **“зажирілі коти”** набула фразеологічного значення ‘надзвичайно багаті люди, олігархи’ і може розглядатися як інноваційна ФО.

Зооморфна політична метафора слугує засобом вербальної агресії, суть якої полягає у спрямованості на усунення опонента, зниження його політичного статусу [Шейгал 1999: 204–206], пор.: *...Найсмішніше ж буде, коли жоден із цих павуків у банці, котрі змагаються за право виборювати звання наступника, діючого гаранта не влаштують* (УМ). Зоонім **павук** спричинює негативні емотивно-сміслові асоціації, пов'язані з образом жорстокої, підступної, хитрої у ставленні до кого-небудь людини. Прикладом вербальної агресії публіцистичного дискурсу може бути також метафора **яструби**, тобто ‘досвідчені й агресивно налаштовані високопосадові особи’, пор.: *Рішенню... про зміну прем'єра і уряду передували консультації у вузькому колі “яструбів” політики* (ВК).

Продуктивними зооморфними метафорами у публіцистиці є й назви риб: **акули** (економіки, політики, пера) ‘досвідчені фахівці у своїй справі’; **піранії** ‘агресивні, жорстокі (кровожерні) люди’; **кілька** ‘маленька, незначна людина’; **медуза** ‘хитра, слизька людина’ тощо, пор.: *Класичної піраміди організованої злочинності, де б нагорі стояв “хрещений батько” і далі — за субординацією, закінчуючи тими “піраніями”, що підбирають шматки зі столу, в Україні ми не спостерігаємо* (ГУ).

Фрейм 2. Характерні дії тварин. Як засвідчує матеріал, адресанти публіцистичного дискурсу свідомо апелюють до лайливих слів, вульгаризмів як засобів вербальної агресії. Прикладами такої апеляції може слугувати зооморфна метафора, яка зображує відношення між політичними партіями, їх лідерами, окремими політиками як агресивні дії тварин. Такі метафоричні моделі дозволяють висловити особливу безжалість, жорстокість боротьби за владу. Показовими є метафори **гризня, кусати, жерти, гавкати** тощо, пор.: *12 грудня почнеться гризня за парламентські комітети* (УС)

Фрейм 3. Спосіб життя тварин. У публіцистичному дискурсі характеристика дій політиків, політичних інститутів метафорично інтерпретується як спосіб життя тварин. Наприклад, метафори **період “линьки”, змінити колір** характеризують політика як зрадника, пор.: *У списку Блоку Юлії Тимошенко 62-річний учений муж займав високе 9-те місце... Але потім настав період “линьки”, і Петро Петрович змінив колір* (УМ). На іншу ознаку — пуста, безпредметна, нікому не потрібна, безкорисна, марна — вказує метафора **яло-**

вий у такому контексті: *Комуносоціалісти зуміли своєю демагогією вивести з-під удару за тяжке матеріальне становище Верховну Раду, яловість якої очевидна*” (МУ). Метафори цього типу відзначаються негативною конотацією.

Фрейм 4. Поводження з тваринами. Зооморфні метафори образно характеризують дії, вчинки політиків, які **полюють один за одним, ловлять на гачок, притискають хвости** тощо, пор.: *Тоді Тимошенко наважилась... притиснути хвоста припалити до топливно-енергетичної “годівиці” тіньовикам* (УМ).

Отже, метафоричні моделі використовуються як засіб маніпулювання свідомістю адресата сучасного публіцистичного дискурсу. Прагматичний зміст метафори *фауна* націлює реципієнта на оцінку важливості політичної реалії. Загальною ознакою виявлених метафоричних моделей є негачія та агресивність. Зумовлено це не особливістю вихідної поняттєвої сфери, а реаліями політичного життя, добороом тих емотивних смислів, яких потребує політична ситуація.

Умовні скорочення

ВК — газета “Вечірній Київ”;
ДУ — газета “Демократична Україна”;
ПіК — тижневик “Політика і культура”;
УС — газета “Українське слово”.

ГУ — газета “Голос України”;
МУ — газета “Молодь України”;
УМ — газета “Україна молода”;

Література

- Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания, культуры. М.: Academia, 2002.
- Голубовська І. О. Метафорико-символічні іпостасі зоонімів у рамках фрагмента мовної картини світу “царство тварин” (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) // Мовознавство. 2003. № 6. С. 61–68.
- Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1997. С. 147–165.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
- Шейгал Е. И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. С. 204–222.

Славянский мир в проповедях Яна Коллара

Э. Бртанёва

Институт словацкой литературы САН (Братислава, Словакия)

Ян Коллар (1793–1852); проповеди и речи; Славяне; словацкое национальное возрождение; религия

Summary. The personality of Ján Kollár (1793–1852) represents one of the peaks of the Czech and Slovak National Uprising also in religious terms. It is evidenced by his most extensive literary work *Nedělní, sváteční a příležitostné Kázně a řeči* (1831, 1844).

The content of sermons reflects Ján Kollár’s thinker personality and comprises all areas of life and brings answers to national, linguistic, cultural-educational, ethical and social questions. Kollár en-

deavours to raise the Slovak faithfuls' national awareness by stressing their attachment to their mother tongue and nationality. He leads them to the sense of belonging with the great Slavic fellowship as well, while highlighting the fact that the Slavs are not just the most numerous nation on the European continent, but they also made a contribution to the advancement of the European civilization by participating in the development of its religious life (reformation) and with their farming craft. According to Kollár's interpretation, the nationality has its place both in the church and in God's plan. The religiousness and nationality are two complementary components that pursue the same objective: the moral perfection of man. The religiousness refines the human life from within, the nationality from without, the religiousness leads to spiritual, eternal welfare, the nationality to terrestrial happiness and comfort. The cultivation of religion contributes to the improvement of relations among nations.

Kollár demands high moral standards from the Slavic nation and calls upon Slavs to practice religious and national tolerance.

Личность Яна Коллара (1793-1852) и его деятельность являются одной из вершин чешского и словацкого национального возрождения в плане религиозном. Доказательство тому — обширное произведение под названием «Воскресные, праздничные Проповеди и речи и Проповеди и речи по случаю» (1831, 1844), которые содержат 110 проповедей, занимающих почти 1 500 страниц. Этот двухтомник в ценностном отношении связан с остальным — прозаическим и поэтическим — творчеством Коллара и равноценен ему по качеству.

Содержание проповедей отражает образ мышления Яна Коллара, весь спектр его интересов и деяний. Проповеди затрагивают все сферы жизни и дают ответы на национальные, языковые, культурно-просветительские, этические и социальные вопросы. Учитывая деятельность Коллара (в 1819–1848 гг.) в качестве словацкого проповедника в евангелическом церковном коллективе в Пеште, членами которого кроме словаков были также немцы и венгры, прежде всего, возникает вопрос о совместном проживании народов. Национальное самосознание словацких верующих Коллар стремится пробудить путем акцентирования внимания на родном языке и на собственной идентичной принадлежности. Одновременно он хочет внушить словакам мысль об их принадлежности к Славянству, акцентируя при этом внимание на том, что Славяне являются не только многочисленным народом на европейском континенте, но что они содействовали развитию европейской цивилизации как в религиозном плане (реформация), так и в плане развития сельского хозяйства.

К. Кузмани в прощальной речи на похоронах Коллара констатировал, что тот прославился больше «проповедничеством национального», нежели «проповедничеством евангелия». По Коллару, категория национального занимает такое же место в храме, как и в представлении Божьем. Религиозное и национальное — две составляющие, у которых одинаковые цели — забота о нравственном совершенстве человека. Религия способствует воспитанию человека изнутри, национальное — снаружи, религия способствует духовному, вечному благу, национальное — земному счастью и благополучию. Религиозное воспитание содействует улучшению взаимоотношений между народами.

Народ для Коллара является нравственной категорией. Высоких нравственных качеств он требует, прежде всего, от славянских народов. Поэтому он обращает внимание не только на их положительные качества, но и на серьезные недостатки их характеров: на эгоизм, зависть и недоброжелательность. Он апеллирует к Славянам как к христианам и призывает их к религиозной и национальной терпимости.

Литература

- Ivantyšinová T.* Ján Kollár a slovanská vzájomnosť. Genéza nacionalizmu v strednej Európe. Bratislava: SDK SVE Stimul, 2006.
- Kollár J.* Nedělní, sváteční a příležitostné Kázně a Řeči. Díl 1. V Pešti: tiskem Trattnera a Karoliho, 1831.
- Kollár J.* Nedělní, sváteční a příležitostné Kázně a Řeči k napomožení pobožné národnosti. Díl 2. V Budíně: tiskem Jana Gyuriana a Martina Bagó, 1844.
- Kraus C.* Ján Kollár (1793–1993). Zborník štúdií. Bratislava: VEDA, Vydavateľstvo SAV, 1993.
- Kuzmány K.* Nábožné kázání [...] k posvěcení památky Jana Kollára. Ve Vídni: tiskem Vel. Congregacie PP. Mechitaristů, 1852.
- Lochman J. M.* Duchovní odkaz obrození: Dobrovský, Bolzano, Kollár, Palacký: náboženské profily. 1. vyd. Praha: Ústřední církevní nakladatelství, 1964.
- Michalko J.* Kázňové smery. Liptovský Mikuláš: Tranoscius, 1955.
- Mráz A.* Ján Kollár. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1952.
- Pynsent R. B.* Mýtus slovanství: P. J. Šafářik a Jan Kollár // Pátrání po identitě. Jinočany: H & H, 1996. S. 67–128.

Балто-славянские параллели в сфере низшей мифологии

М. М. Валенцова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Этнолингвистика, демонология, балто-славянские параллели.

Summary. The paper deals with the common mythonyms in Slavic and Baltic languages which could be regarded as the common IE inheritance, the relics of Balto-Slavic commonality or common loan words.

Усиление интереса к балто-славянской проблематике, наблюдающееся с 50–60-х годов XX в., имело результатом значительные достижения как в области лингвистики, лингвистической контактологии, текстологии, так и в области этнолингвистики, культурологии и мифологии. В. Н. Топоров отмечал, что интерес к мифологическим темам возрос благодаря ряду причин, среди которых и «усиливающаяся роль языковых данных в мифологических исследованиях» [Топоров 1998: 29].

Круг исследуемых тем оказался достаточно широк: реконструкция мифологии, в первую очередь, балтийского и славянского пантеона, этимология божественных имен, традиционная народная культура балтийских и славянских народов, в том числе: мифологические образы Матери-Земли, небесных светил и атмосферных явлений, животных, растений; обряды; мифологические мотивы, фольклорные жанры и сюжеты; концепты традиционной культуры и др.

Однако собственно низшей мифологии — сопоставлению названий и образов демонов и духов в балто-славянской перспективе уделялось, как представляется, недостаточно внимания. Отчасти потому, что «вопреки близости балтийских и славянских языков сохранилось удивительно мало общих мифологических терминов» [ЕВМ: 196], отчасти из-за языкового барьера у самих исследователей, отчасти из-за трудоемкости такого исследования, необходимости привлечения широкого круга знаний из разных научных дисциплин, включая этимологию, этнографию, историю, индоевропеистику.

Между тем, в корпусе славянской и балтийской демонологической лексики есть ряд терминов, которые могут быть интересны для решения этногенетических вопросов и их хронологии.

Среди таких схождений — слав. мифоним *vlko(d)lak*, имеющий наиболее близкую и единственную параллель в балтийских языках (этому слову посвящен ряд работ В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова и др.); в.- и ю.-слав. названия с корнем **nav-* (полес. *навьи, навь, Навский великдень* и под., карпато-укр. *навки, наўки, маўки* и под., з.-болг. *нави, навяци*, макед. *нави, навјаци* и др., в.-серб. *нави, навке, навоји, мави* и др., словен. *navje, tavje* [Агапкина 1999: 152–153], чеш. и ст.-чеш. *náv, náva, náva* ‘загробный мир’, словац. *nava* ‘место, где обитают души хороших людей’ [Дукова 2015: 65] — соотносимые с латыш. *Nāves māte* ‘мать смерти’, *nāve* ‘смерть’ [ЕВМ: 131] и под. (подробный этимологический разбор в [Дукова 2015: 62–68]). Тожественная фразеологическая единица: лит. *navikaulis* ‘опухоль’, *nauijōs káulas, novēs káulas* ‘то же’ и рус. (брян., калуж., курск., тул., дон.) *навья кость*, полес. *навья кісьць* (ПА) расширяет возможности для сравнения, выходя за рамки простого этимологического тождества корней; родственными являются литовская богиня судьбы *Dalia* и славянское божество *Доля*, как персонаж сохранившийся в поверьях и сказках, и др.

Западнославянско-балтийским схождением (общим заимствованием?) является звуковая форма имени с корнем *Pikul-* / *Pikal-*: словац. *pikulík* ‘антропоморфный дух-обогатитель’, чеш. *pikal* ‘домашний божок’, *pikous, pikus* ‘бог гнева’, *pikulík* ‘домашний божок’, ст.-чеш. *pikulík* ‘властитель умерших душ в аду’ [Зайцева 1975: 252, 252]; пол. *pikulik, pikula* [Санникова 1990] — и балтийских *pikulas, pecols, pikols, pykullis*, лит. *Pikulis* ‘бог нижнего мира и темноты’, прус. *Pekols / Pikols* [ЕВМ: 157–158].

О генезисе мифонима с.-х. черногор. *баба Рога*, или *баба Руга* ‘страшилище, которым пугали детей’, до сих пор нет единого мнения: либо первичным признается имя *Рога* (на основании того, что у демона на голове рог), которое позже трансформировалось в *Руга*, так как демоническая Баба *ругала* детей [СМР: 18–19]; либо полагают, что речь идет о заимствовании из лат. *rūga* ‘морщина; старость’, получившем атрибутивное значение к слову *баба*, которое позже под влиянием народной этимологии и в связи с представлением о

рогатости некоторых демонов, было заменено на *рога* [Раденковић 2016, в печати].

Есть основание сопоставить этот мифоним с лит. *Rugių boba* ‘житная баба’ (< *rugys* ‘рожь, жито’, то есть букв. «баба ржи»), образ которой восходит к прусскому божеству. В нач. XX в. *Ругю боба* деградировала в страшилище, которым пугали детей: «В жите сидит Житная баба и хватает детей. Она до тех пор прижимает детей к своей железной груди, пока не задушит, или заставляет их сосать деготь из своих грудей, а непослушным детям сует грудь в уши; это строгая женщина, в правой руке держит прут, иногда обута в железные боты, которые она надевает также пойманным детям [ЕВМ: 165–166].

Параллели к образу Житной бабы имеются в польском: *rżana, żetna, żarna baba* ‘полевой дух в виде старой бабы’ [Санникова 1990: 25]; полес. *Житна*, или *Зализна баба*, *Баба зелізна* о которой рассказывали, что у нее железная грудь (ПА), соотносима с литовским образом по имени и по признакам «житный» и «железный».

Таким образом, серб. *бабу Ругу* как «ржаную бабу» следует отнести к балто-славянскому наследию, полученному еще до балканской миграции.

В польской и белорусской традициях, несомненно, больше балтизмов, ввиду территориальной близости их расселения, все они имеют признаки поздних заимствований, напр., пол. *lawny* ‘демон, подменяющий младенцев’, бел. *лаўма, лаўме* ‘ведьма, колдунья’, рус. смолен. *лаума* ‘ведьма’ < лит. *Laitmė* ‘ведьма’; пол. *kautki* ‘гномы-краснолюдки, помогающие в хозяйстве’ < лит. *kaiškas* ‘домовой; душа некрещеного ребенка; черт’, латыш. *kauks* ‘домовой гном’ [Санникова 1990: 109].

Несмотря на неполный список собранных славяно-балтийских соответствий в мифологической лексике, уже сейчас можно делать предварительные выводы об их типологии и хронологии, которые, в свою очередь, при сравнении, например, с типологией, германских параллелей и заимствований в славянских языках (вместе с системой соответствующих верований и мифологических представлений), дадут дополнительные возможности для определения взаимных связей и положения этих языков во времени и пространстве.

Литература

- Агапкина Т. А. О тодорцах, русалках и прочих навях (мертвецы-демоны и «нечистые» покойники в весеннем календаре славянских народов) // *Studia mythologica Slavica* II. 1999. С. 145–160.
- Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М., 2015.
- Зайцева Н. И. Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Дисс. ... канд. филологических наук. Минск, 1975.
- Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970 (СМР).
- Топоров В. Н. Некоторые вопросы изучения славянской мифологии // *Studia mythologica Slavica*. I. 1998. С. 29–34.
- Санникова О. В. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. ... канд. филологических наук. М., 1990.
- Běťáková M. E., Blažek V. *Encyklopedie baltské mytologie*. Praha, 2012 (ЕВМ).

Модели ассимиляции иноязычного прототипа в славянских языках

Н. В. Габреева

Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А. Н. Туполева (КАИ)

Заемствования, прототип, семантическая структура, модель.

Summary. This article focuses on the reception of foreign language prototype model of genetically related languages (Russian, Polish, Ukrainian) in diachronic perspective. Analyzes the linguistic changes that can be traced to the structure and semantics of interlanguage correlates that accompany the process of borrowing and assimilation.

В классической контактологии центральной категорией, характеризующей процесс миграции языковых единиц, является ассимиляция. Процесс приспособления к новой системе анализируется на всех уровнях: фонетическом, грамматическом, семантическом и носит название комплексной. На материале сравнительно-исторического изучения процессов рецепции в славянских языках (русском, украинском, польском) мы выделяем понятие модель рецепции, которая характеризуется определенным набором формальных (грамматических), фонетических и семантических показателей и способов выражения. Данное понятие — модель можно применять и интралингвистически, т. е. на основании сравнительных данных различных исторических срезов внутри одного языка или системы. Так, проследивая лингвистические изменения в прототипе, которые сопровождают процессы заимствования и ассимиляции, можно говорить о том, что русский язык на протяжении XVIII–XIX вв. вырабатывает определенные модели усвоения иноязычного материала. Например, фонетическая ассимиляция иноязычного прототипа в русском языке сопровождалась значительным вариативным разбросом, так при переводе произведений Монтескье в переводах XVIII — начала XX в. отмечены около 10 форм: *Монтескьюй*, *Монтескио*, *Монтескюль* и др. В середине прошлого века устанавливается единая компилятивная модель передачи французских финалей на *-et*; *-iet*; *-eux*. Аналогичные типы, или модели, можно проследить и на других примерах и установить константные субституции. Однако в настоящем докладе мы остановимся на семантической рецепции одного иноязычного прототипа разными лексическими системами.

Мы рассмотрим некоторые модели, отражающие особенности ассимилирующего воздействия языков-рецепторов (русского, польского, украинского) при заимствовании одного прототипа. Под прототипом понимается лексико-фонетический комплекс, слово из другого языка, которое послужило основой для коррелята в языке-рецепторе. В данном докладе в качестве прототипов анализируются слова французского происхождения, однако очевидно, что к анализу могут быть привлечены прототипы иных этимологий.

Первая модель может быть представлена как качественные изменения, связанные с сужением семантического объема в языках-рецепторах и иллюст-

рируется следующими примерами. Лексема *партер* (букв. «на земле») была заимствована обоими языками (русским и польским) из французского в XVIII веке, в котором функционировали основное значение ‘цветник’ и переносное ‘задние места в зрительном зале’. Ядерная сема ‘нечто, находящееся на земле’ сохранена обоими языками. В русском языке XVIII века семантическая структура галлицизма была представлена перераспределенным по значимости комплексом значений: основное — театральный термин ‘задние кресла зрительного зала’ (места дешевые по сравнению с передними местами, которые были дорогими и назывались кресла, пространственное расширение слова *партер* отмечается во 2-й пол. XX века), второстепенное ‘цветник’, архаизированное к концу XVIII в. В современном русском языке отмечается наращение значений: *партер* — спортивный термин в классической борьбе. В польском языке при сохранении ядерной семы наблюдается семантическая деривация — на первый план выходит развившееся значение ‘нижний этаж’, которое дает ряд производных: *parternia* ‘место консьержа или хранителя ключей’, *parterowy* ‘одноэтажный дом’. Нумерация этажей в русском языке не совпадает с европейской, где нижний этаж (фр. *rezdechaussee*, польск. *parter*) обычно считается нулевым.

Несколько иначе семантически адаптируется слово *magasin*: сохраняется основная прототипическая сема ‘место хранения, собрание чего-либо’. В русском языке XVIII века весьма распространены контексты *магазин памяти, рукописей, продуктов, оружия*, ср. например, название журнала «Магазин натуральной истории, физики и химии» который выходил в 1788–1790 гг., однако в XIX в. в русском языке происходит метонимический перенос: место, где хранят и продают что-либо. В польском языке на первый план выходит и сохраняется основная сема: *magazyn* ‘склад, хранилище’, *magazynowy* ‘складской’, *magazynowac* ‘хранить на складе, копить’.

Таким образом, можно наблюдать, что в данной модели при заимствовании одинаковых прототипов в русском и польском языках, при сохранении основной центральной семы происходит перераспределение периферийных сем, которое находит выражение в развитии новых значений и различных семантических модификациях.

Вторая модель представляет собой редукцию прототипа в русском языке на более позднем этапе с сохранением и образованием семантических и иных производных в польском и украинском. Иллюстрацией является французское *sense*, заимствованное в русский язык в Петровскую эпоху. Знаменитое кредо переводчиков того времени «хранить сенс от сенсу». Судьба слова в русском языке была недолговременной: к концу XVIII века оно выходит из активного словоупотребления. Однако в украинском и польском языках прототип закрепляется и функционирует до настоящего времени: польско-русский словарь Р. Стыпулы приводит *sens* «смысл». Другой иллюстрацией может служить французский прототип *mur* ‘стена’, заимствованный русским языком в Пет-

ровскую эпоху (Смирнов). Однако уже к концу XVIII века слово редуцируется. В украинском языке мур 'стена' сохраняется, в польском mur 'стена из камня' даст ряд производных, например murovac 'строить из камня', которое, видимо, на более позднем этапе было именно через польский заимствовано русским языком в форме *замуровать*.

Третья модель иллюстрирована процессом сохранения французских лексем в трех языках с семантической структурой прототипа, это русско-польско-украинские корреляты: *миллион* — *million* — *мільйон*, *коллекция* — *kolekcja* — *колекція* и др. При сохранении плана содержания, однако, в плане выражения возможны фонетические, морфологические, орфографические изменения, связанные с особенностями принимающих систем: это и субституции звуков, смена грамматических характеристик, удвоение согласных, йотация и т. д.

Четвертая модель характеризуется заимствованием прототипа только польским и украинским языками: пол. *kravotka* 'галстук' (фр. *cravate*), укр. фарб, пол. *farba* 'краска' (фр. *farbe*), пол. *kawiar* 'икра' (фр. *caviar*), укр. фотеля, пол. *fotel* 'кресло' (фр. *fauteuil*). В дальнейшем предстоит выяснить, почему в русском языке звенья этой цепи оказались свернутыми.

Полная картина рецепции прототипа в славянских языках может быть представлена при диахроническом изучении процесса заимствования и привлечения различных источников и словарей. Представленная работа, отчасти носящая фрагментарный характер, является первым опытом такого изучения. В лексикографическом виде проблема взаимодействия прототипов и соответствующих коррелятов в славянских языках решается в словаре Й. Айдуковича. Дальнейшую перспективу мы видим в описании процессов ассимиляции на всех уровнях языка в различных принимающих системах, а также в изучении прототипов иных этимологий.

Закон в русском языке и картине мира

Л. А. Жданова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Языковая картина мира, концепт, закон, власть, пространственная метафора.

Summary. The perceptions of law and power as reflected in the combinability of words largely coincide with or correspond to each other in the Russian linguistic worldview. On the one hand, the latter is characterised by an opposition of law and lawlessness, on the other hand, it contrasts law and justice, and also includes an idea of a perfect law. There are no singularia tantum meanings for the word "zakon" (law) recorded in the dictionaries, however, context analysis shows semantisation of the number-based opposition. A large number of contexts bring a specific meaning to the fore, representing law as an instrument of power and implying negative evaluation.

Концепт закона подробно описан Ю. С. Степановым в кн. «Константы. Словарь русской культуры» [Степанов 1997: 427–454]. Автор выделяет три основных значения слова: 1) закон юридический, 2) закон божеский (прежде всего христианский), а также закон нравственный, 3) закон науки. Мы рассмотрим другой аспект концепта — включенность закона во властное отношение.

Особенностью русской языковой картины мира является тесная связь между концептами закона и власти: закон мыслится либо как властная сила (в том числе источник власти), либо как инструмент субъекта власти. Закон концептуализируется при помощи пространственной вертикальной метафоры, как и вся лексика властного отношения: субъект власти располагается вверху, а ее объект — внизу¹. Рассмотрим устройство «властной вертикали», чтобы выяснить, где на ней локализуется закон. В русском языковом сознании властная вертикаль является иерархически градуированной, на ней существуют помимо «основного» субъекта власти (*верховой власти*) «промежуточные» субъекты, которым делегируются некоторые властные полномочия. Подобная иерархичность, многоступенчатость свойственна представлениям о власти независимо от сферы ее реализации. Положение закона на «властной вертикали» неочевидно. По В. И. Далю, закон определяет власть каждого должностного лица, а верховная власть выше закона [Даль 1981: I, 213]. То есть закон занимает некоторую промежуточную позицию в иерархии властных структур на «властной вертикали», а высшее место занимает *верховная власть*, создающая (дающая) законы. Однако в языковой картине мира подразумевается существование идеального источника власти, который помещается еще выше на «властной вертикали», может *дать власть*, *привести к власти* и которому всякая власть подотчетна.

Языковые данные позволяют реконструировать следующие представления о законе и его месте на «властной вертикали».

1. Бог — закон — субъект власти — объект власти (*Всякая власть от Бога*). Такой закон распространяется не только на социальную, но и на моральную сферу, сомнению не подвергается, однако может нарушаться или плохо исполняться субъектом или объектом власти, что оценивается отрицательно.

2. Воля народа — закон — субъект власти — объект власти. Идеальное положение дел: субъект и объект власти равно подчиняются закону, что представляется идеальным (утопическим) и описывается обычно в деонтической модальности.

3. Субъект власти — закон — объект власти. Субъект власти создает закон (*законы*), направленные на объект власти, и сам их *использует*. Такое положение дел описывается значительным количеством контекстов, обычно представляется как реальное, но недолжное и оценивается отрицательно. Такой закон (*закон писанный*) противопоставлен *справедливости* как нравственному закону, который соотносится с *правдой* и *совестью*. Конкретные же законы, сотворенные людьми — субъектами власти, подвергаются сомнению (*Строгий закон виноватых творит*), как и их исполнение (*То-то и закон, что судья знаком*).

¹ Ср. толкование: «Нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой» [ССРЛЯ, II: 304].

Словари не фиксируют для слова *закон* значения *singularia tantum*, однако анализ контекстов показывает семантизацию противопоставления по числу. В тех случаях, когда речь идет о конкретных «постановлениях государственной власти», используются обе числовые формы. Если слово употребляется для описания идеальной (должной) ситуации верховенства закона над земной властью или получения права на власть, то используются преимущественно формы единственного числа, не допускающие замены на множественное число (...*вечный выше вас Закон, власть должна подчиняться закону, вершить закон*).

Для русского сознания характерно, с одной стороны, противопоставление закона («+») и беззакония («-»), с другой — закона («-») и справедливости («+»), а также представление о должном — идеальном законе и идеальной власти. В подавляющем количестве контекстов (от паремий до современных СМИ) описывается не идеальное, а реальное положение дел, и закон становится объектом преимущественно отрицательной оценки. С представлением о законе как силе и тверди в наивной картине мира сосуществует и другое — закон мыслится как объект влияния и манипулирования.

Юридический закон предполагает письменную фиксацию: *издать, опубликовать закон, текст закона, ссылаться на закон*. Такой закон предстает прежде всего как текст. В отличие от *неписаного закона* он обязательно кем-то создан — у него есть *автор* (иногда автор является субъектом власти — *законодателем*). По данным сочетаемости *писанный закон* (в противоположность *закону неписаному*) предстает как непонятный текст, допускающий разные трактовки: его можно и нужно *толковать, обсуждать, рассматривать, разъяснять*, в нем можно *запутаться, увязнуть*. Он часто весьма несовершенен: в нем обнаруживаются *ошибки, недочеты, неточности* и прочие *изъяны*. Закон как текст может подвергаться различным манипуляциям со стороны законодателей: *над ним работают*, в него могут *вносить поправки, обсуждать, отзывать*, в нем могут что-нибудь *прописать*.

В стандартной сочетаемости закон подвергается общей оценке (*хороший / плохой, ужасный*) и разным видам частных оценок: этической (*справедливый / несправедливый, добрый / злой, гуманный / жестокий*), утилитарной (*полезный / бесполезный, вредный*), интеллектуальной (*разумный / глупый, тупой*) телеологической (*эффективный / неэффективный, целесообразный / нецелесообразный*). В коллективном сознании закон, как и власть, тяготеет к отрицательной оценке и мыслится как тяжелый предмет (*тяжесть, груз, бремя закона*), связывается с идеей сжатия, давления (*закон давит, сжимает*).

В современных СМИ широко представлены отрицательные утилитарные и телеологические оценки закона, часто отрицательная оценка интенсифицирована: *свирепый, звериный, драконовский*. Предикаты отрицательной оценки обычно отражают ситуацию, когда закон направлен против интересов обще-

ства в целом (объекта власти) и защищает интересы представителей (субъектов) власти: *вредоносный, нанесет ущерб обществу, помеха для полезной деятельности, взяточник, стимулирует коррупцию.*

Для русской картины мира характерно представление о должном — идеальном законе и идеальной власти, которые связываются с признаками 'сила' и 'справедливость', причем такая власть достается *по закону*, сама *следует закону* и следит за его *соблюдением*. В понятийной составляющей позиция личности (общества, народа) — объекта властного отношения и объекта действия закона — оказывается нерелевантной. Сублогические представления о законе и власти, проявляющиеся в сочетаемости слов, во многом совпадают или согласуются (*утверждать закон / власть, закон ограничивает власть*), как и власть, закон связан с идеей долженствования. Представление о законе как инструменте власти, направленном против объекта власти (народа, общества, личности) представлено в большом количестве контекстов и связано с отрицательной оценкой закона.

Литература

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1981. Т. 1.
Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. М.: «Русский язык», 1991–1994. Т. II–VI (СРЛЯ).
Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: «Языки русской культуры», 1997.

Элементы фольклорной концептосферы в творчестве Ф. М. Достоевского: рецепция и интерпретация

С. В. Капустина

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» (Симферополь, Россия)

Ф. М. Достоевский, фольклорная концептосфера, индивидуально-авторский концепт, концепт-реконструкция.

Summary. In the analysis of the Fyodor Dostoyevsky's prose reconstructed his view on the genetically folklore categories "bohатыrstvo" and "strannichestvo". It is established that these concepts relate to each other as phenomena of the same nature, and directly reflects Orthodox world-view of its author.

Введение. Изучение фольклорных концептов сегодня весьма актуально как в сфере когнитивной лингвистики, так и в культурологическом преломлении. Обращаясь к элементам былинной концептосферы, исследователи, как правило, стремятся воссоздать те самобытные ментальные образования, которые составляют «остов» русской культуры. Продуктивным же с позиции литературоведения представляется и иной ракурс реконструкции фольклорных концептов: в данном случае, первостепенно важны не столько узуальные смыслы зафиксированных в народном эпосе констант, сколько их оригинальные интерпретации, данные мастерами отечественной словесности. Воссозда-

ние же индивидуально-авторских концептов, генетически восходящих к фольклору, способствует решению таких фундаментальных литературоведческих задач, как:

- 1) составление духовного портрета автора на основе созданного им конкретного текста (корпуса текстов), выявление мировоззренческих предпочтений писателя (поэта) и способов художественной презентации таковых;
- 2) установление неповторимого и общезначимого в творчестве различных авторов посредством сопоставления их концептосфер;
- 3) рассмотрение закономерностей и диалектики функционирования концептов в литературном процессе.

Целью работы является реконструкция этимологически фольклорных индивидуально-авторских концептов Ф. М. Достоевского «богатырство» и «странничество», позволяющая уточнить представление об аксиологических доминантах и особенностях творческого метода писателя. Достижение поставленной цели сопряжено с решением следующих **задач**:

- выявить наличный спектр контекстов, реализующих идейно-образные преломления концептов «богатырство» и «странничество» в наследии Ф. М. Достоевского;
- смоделировать систему основных субконцептов и оппозигов, поясняющих ядерные и периферийные значения изучаемых единиц концептосферы классика;
- квалифицировать характер взаимосвязи концептов «богатырство» и «странничество» в поле художественных ретрансляций Ф. М. Достоевского.

Результаты исследования. Заметки и публицистические тексты Ф. М. Достоевского демонстрируют, что «богатырство» воспринимается им не просто как связанное с былинным эпосом явление, а как особенное качество просветленных духом людей. Актуализация «народной этимологии» в трактовке понятия «богатырство» (= сила, дарованная Богом для сопротивления бездне зла) была свойственна для современной писателю эпохи. Например, в «Книге о Киевских богатырях» В. П. Авенариуса, экземпляр которой был приобретен Ф. М. Достоевским для чтения детям, имелось пояснение, согласно которому, «слово “богатыри” некоторыми учеными производится от слова Бог, в виду того, что богатыри, по представлению народному, — существа с высшими божественными качествами, полубоги» [Книга о киевских богатырях 1876: 340] Олицетворением истинного *богатырства* в глазах писателя всегда оставался «великий, целомудренный и смиренный христианский богатырь Илья Муромец» (25: 69)¹. Сподвижниками славного богатыря, согласно Ф. М. Достоевскому, выступают как воины, одаренные большими физическими и нравствен-

¹ Произведения цитируются по изданию [Достоевский 1972–1990] с указанием соответствующего тома и страницы.

ными возможностями (например, замученный иноверцами русский герой Фома Данилов), так и внешне немощные люди, избравшие своей целью подвиг жизни во Христе (например, святые старцы Оптиной Пустыни). Примечательно, что в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский неоднократно говорил о смирении, как особом проявлении богатырской силы. Например, размышляя над фигурой Власа, он констатировал «...страшную, пугающую даже, силу смирения» некрасовского героя (21: 32). А, рассуждая в Пушкинской речи о выведенном великим предшественником типе русского инока-летописца, отметил его «бесспорную, смиренную и величавую духовную красоту» (27: 144).

Концептуально важным считаем то, что в известном Ф. М. Достоевскому «Словаре живого великорусского языка В. И. Даля» при истолковании понятия «калика» выстраивается ряд смысловых эквивалентов, среди которых значатся «богатырь во смирении» и «странник». Аналогичная синонимика характерна и для творчества мастера. Авторитетными литературоведами была неоднократно отмечена антитетичность в идиостиле классика «странничества» как народного искания Правды во Христе и «скитальчества» как отрыва от Основы Основ, бесцельного шатания с трагическим финалом. «Богатырству», уподобляемому, согласно нашим разысканиям, «силе от Бога», противопоставляется «беспорядок» как «порядок, инспирированный бесами». Показательно, что обе концепт-оппозиции могут реализовываться у Ф. М. Достоевского на идентичных примерах. Так, в черновых тетрадях к роману «Подросток» по отношению к «русскому скитальцу» Версилу не единожды используется емкая характеристика «беспорядок». Однако этот герой, признавая собственные одержимость и бесцельность своего бытия, в одном случае проповедует Подростку «богатырство», которое «выше всякого счастья», а в другом — призывает его к поиску такового словами: «Давай будем *странниками* <...>!» (16: 419 — курсив автора). Умозаключения Версилова, закружившегося в вихре беспорядка, не влияют на Подростка так, как вдохновленные живой жизнью рассказы Макара Долгорукого. Именно повествования странника, несущего Христа в своем сердце, открывают Аркадию идею, скрепляющую русский народ, и наделяют его той волей, которую по сути можно сравнить с даром, полученным Ильей Муромцем от калик перехожих.

Выводы. Последовательный анализ этимологически фольклорных индивидуально-авторских концептов Ф. М. Достоевского «богатырство» и «странничество» демонстрирует, что они соотносятся как явления одной природы и непосредственно отражают православное мировосприятие своего создателя.

Литература

- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 (Произведения цитируются по этому изданию с указанием соответствующего тома и страницы).
Книга о киевских богатырях. Свод 24 избранных былин древне-киевского эпоса / Сост. В. П. Авенариус. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1876.

**Этнокультурная специфика паремий
с компонентом-антропонимом
(на материале русского и польского языков)**

Е. И. Колосова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Концептуальная картина мира, идиомы, русский язык, польский язык.

Summary. The following research pays attention to ethnocultural peculiarities of paroemias consisting of anthroponyms. The comparative analysis of proverbs and sayings functioning in the Russian and Polish conceptual picture of the world was performed. Qualitative associations, frequency of anthroponym usage in paroemias and structural peculiarities of proverbs and sayings were revealed.

Современное состояние лингвистики приобрело ярко выраженный антропоцентрический характер. Приоритет идеи антропоцентризма позволяет рассматривать язык в широком контексте бытия человека, в тесной связи с его сознанием, мышлением, духовной, практической деятельностью, культурной средой. На современном этапе активно разрабатываются проблемы языковой концептуализации мира для конкретных языков, исследуются фрагменты наивной картины мира, различные языковые явления рассматриваются в аспекте «язык — человек — культура» — см. работы Н. Д. Арутюновой (1991, 1999); А. Вежбицкой (1997, 1999); В. И. Карасика (2000, 2004); Ю. Н. Караулова (2000); О. А. Корнилов (1999); Е. С. Кубрякова (1999); И. А. Стернин (2001) и др. Предметом изучения чаще всего являются языковые средства выражения ментальных действий, эмоций, различные категории и культурные концепты, специфичные для той или иной лингвокультуры: «правда», «душа», «истина», «жизнь» и под.

На наш взгляд, наиболее полно концептуальная картина мира отражается в этнокультурном сознании, которое представлено традиционными паремиями. Известно, что пословицы и поговорки правдиво отражают самобытный, богатый ум любого народа, его опыт, взгляды на жизнь, на природу, на общество. В устном языковом творчестве народ запечатлевает свои обычаи и нравы, чаяния и надежды, высокие моральные качества, национальную историю и культуру.

В русском и польском фольклоре широко используются устойчивые выражения с именем собственным, в которых содержится оценочность поведения человека, особенностей его характера. Личные имена являются внешней одеждой пословиц. Они большей частью взяты наудачу, либо для рифмы, созвучия, меры: таковы, например, пословицы, в коих поминаются: *Мартын* и *алтын*, *Иван* и *болван*, *Григорий* и *горе*, *Петрак* и *батрак*; *Тотка* — *кромка*, *Kazimierza* — *zwierza* и пр. Вряд ли кому-нибудь придет в голову искать сюжеты этих «устойчивых сравнений»: ясно, что они обусловлены случайными ас-

социациями под влиянием рифмы. Пословицы подчеркивают «случайность» имени. Одно имя могло заменяться другим. Имя выбиралось в большинстве случаев «под рифму» и лишь в незначительной степени создавало обобщенный образ человека.

Так, весьма популярны рифмованные поговорки с именами, ставшими постоянной характеристикой в русском языке: *Алёха не подвоха; Андрей-ротозей; Ананья-каналья; Афонька-тихонька; Илья-свинья; Федора-дура; Федул губы надул; Фома пьёт до дна* и т. п. Для большинства русских имя *Емеля* ассоциируется с характеристикой «болтун, краснобай». Она обусловлена чисто формальным сходством с глаголом *молоть*, вошедшим в прибаутку: *Мели Емеля твоя неделя*. Может быть, некоторые имена и взяты изначально от известных в самом тесном кругу лиц, и в пословицах оставалось то же самое значение: *Иванушка* и *Емеля* — «дурачки»; *Фомка* и *Сергей* — «воры, плуты»; *Кузька* — «горемыка».

Значение личного имени в структуре пословицы и поговорки отличается от имени в обыденном общении. Отсутствует привычная связь имени с индивидуальным человеком. Пословица применяется в жизни к конкретной ситуации и к конкретному лицу, у которого есть свое собственное имя, не совпадающее с именем в пословице. Именно этим столкновением двух имен — настоящего и «ненастоящего» — достигается обобщение. Речь в пословице, когда ее применяют в жизни, идет не о пословичном *Емеле*, *Филе*, *Фоме*, *Ерёме*, *Кирюхе*, *Ерохе* и т. д., а о конкретных жизненных персонажах, поступающих так, как поступают *Емеля*, *Филия*, *Фома*, *Ерёма*, *Кирюха* и т. д. Антропоним приобретает обобщенный смысл, тяготеющий к имени нарицательному. Развитие образной основы имени, его переосмысление происходит на основе случайных ассоциаций. В дальнейшем эти ассоциации закрепляются в народной памяти как обобщение каких-либо свойств человека. В польском языке также имеются примеры подобного типа: *Co wie Grześ, to i cała wieś; Bóg Kubie oczu nie wydłubie; Dawnej Piotr był Piotrem, a łotr łotrem* (букв. *Ранее Петр был Петром, а злодей злодеем*) и др.

Социальная оценка многих имен прочно закрепилась в языке. Нередко знание этой оценки помогает понять пословица. Например, греческим именем *Филипп*, превращенным на русской почве в *Филю*, *Фильку*, *Филюху*, бары часто называли своих слуг. Достаточно вспомнить фамусовское обращение к своему Фильке: «Ты, Филька, ты прямой чурбан, В швейцары произвел ленивую тетерю...»? Не удивительно, что типизированное имя слуги пополнило синонимический ряд со значением «глупый и ленивый человек». Этому способствовало и употребление имени *Филия* в русских пословицах, где его обладатель выступает в роли простака, неудачника, простофили: *У Фили тили да Филю и побили; Филипп ко всему привык; Обули Филю в чёртовы лапти* (обманули); *Спит*

Филька без подстилки и др. Подобные качественные ассоциации характерны и для имени *Кузьма* в русских пословицах. *Кузьма* злой и драчливый: *Наши Кузьма всё бьёт зла; Не грози, Кузьма, не дрожит корчма*. Он беден, поэтому ему достается все самое плохое и негодное: *Что хромо, что слепо, то Козьме* (речь идет о домашней птице, жертвующей в день Козьмы). Он несообразителен: *Эта пословица не для Кузьмы Петровича*.

Таким образом, мы видим, что пословичное имя является обобщением характерных свойств человека с таким наречением. Чаще всего пословицы с личными именами характеризуют отрицательные черты человека. Одно и то же имя отражает чаще всего одну и ту же характеристику. Использование антропонимов в пословицах очень распространено, однако в большинстве случаев пословица формулируется как «носитель такого-то имени обладает таким-то свойством», причем свойство рифмуется с носителем имени. Обращает на себя внимание тот факт, что в польском языке подавляющее количество пословиц и поговорок с компонентом-антропонимом относится к народным приметам или связано с религиозными праздниками: *Jak w święty Kazimierz jasno, to ziemniakom w rządach ciasno; Kiedy w Teodora deszcz nie pada, suchy rok zapowiada; Na święty Jan jagod dzban; Gdy pada w dniu świętej Anny, pada aż do Zuzanny* (26 июля — 11 августа) и др. В языковой картине мира осмысление человеческих качеств проявляется через пословицы, поговорки, цитаты из художественной литературы и переносное употребление разнообразных кличек и антропонимов.

**«Переведи меня через майдан»:
о развитии деривационного потенциала
одного из ключевых слов эпохи в русском и словацком языках**

В. А. Косова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Д. Саболова

Прешовский университет (Словакия)

*Лексическая единица, неология, словообразовательное гнездо,
общественно-политический дискурс.*

Summary. The paper analyses the social-political discourse lexical unit maidan and its affixation derivatives. The Internet materials (mass media, blogs, forums and social networks) were used for revealing the derivatives. The authors came to the conclusion that the derivatives of ukrainism maidan has actively been formed in the Slovak language and broadening of verbal derivative units with expressive-evaluative connotations is registered in the Russian language.

В современной лингвистике ключевыми принято называть слова, «обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [Земская 2000: 92]. Этому определению соответствует, бесспорно, лексема

майдан — одна из наиболее частотных в общественно-политической коммуникации начала XXI века единиц славяноязычного интернет-пространства. Будучи заимствованием (< тюрк. «ровное; свободное место»), это слово прошло в русском и украинском языках общий путь семантического развития, закрепив в качестве основного следующее значение «1. В южных областях России, на Украине: площадь, где происходят сходки, собрания, митинги, а также в торговые дни — базары» [БТС 2000: 513].

Известные политические события, происходившие в 2004 г. на Майдане Независимости г. Киева, послужили толчком к началу активных деривационных процессов на базе рассматриваемого микропонима (собственно семантических и аффиксальных). Исследователи констатируют появление у него, помимо исходного пространственного значения, еще двух ЛСВ: *майдан 2* — '(бессрочная) акция протеста; социальный бунт, противостояние с властью; борьба за смену режима, революция' и *майдан 3* — 'участники акции протеста; лагерь, объединение людей, осуществляющих протестную акцию' [Полякова 2014: 174]. Важно подчеркнуть, что именно семантический дериват с событийным значением (ЛСВ 2) послужил производящей базой для целого ряда аффиксальных неологизмов, формирующих обширное, постоянно растущее словообразовательное гнездо (СГ). Результаты проведенной нами фронтальной выборки из интернет-источников (СМИ, блогов, форумов, социальных сетей) свидетельствуют о высокой интенсивности рассматриваемого деривационного процесса.

Субстантивный блок словообразовательного гнезда с базовым словом *майдан* включает в себя, прежде всего, производные наименования лица, созданные как по узואальным, так и по окказиональным моделям: *майданичик, майдановец, антимайдановец, эксмайдановец, немайдановец, автомайдановец, майданист, майданостоятель, майданоустроитель*, в том числе модификаты со значением женскости: *майданищица*; невзрослости: *майданята*; дериваты с ярко выраженной негативной оценочностью *майданоид* и *майданушка*. Большую группу составляют абстрактные (отвлеченные) наименования, представляющие собой оценочные модификаты исходной единицы, как то: *мини-майдан, мега-майдан, псевдомайдан, лжемайдан, полумайдан, недомайдан, антимайдан, контрмайдан, противомайдан*; сложные слова: *майданофобия, майданоцентризм, майдано-мониторинг*. Обладают частотностью, кроме того, дериваты со значением субъективной оценки: *майданище, майданчик, майданишко, мини-майданишко*; зафиксировано омонимичное субстантиву с личным значением производное *майданушка* («*чапушки-майданушки*»).

Адъективный блок анализируемого СГ (*майданный, майданский, майдановский*; прилагательные с временным значением *предмайданный, предмайданный, домайданный, постмайданный, послемайданный, новомайданный, старомайданный*; экспрессив *майданутый* и др.) пополнился экспрессивами *майдановидный* (скакун) и *майданоидный* (кошмар).

Наиболее яркое развитие получил в СГ с вершиной «майдан» глагольный блок производных (*майданить, майданничать, майдануться*; их префиксальные и конфиксальные дериваты: *помайданить, взмайданить, взмайданиться, промайданить, промайданиться, намайданить, намайданиться, перемайданить, размайданить, измайданить, измайданиться, смайданить, смайданиться, умайданить, умайданиться, домайданить, домайданиться, вмайданить, вымайданиться, вымайданить, замайданить, замайданиться, помайданиться, примайданить, обмайданить, обмайданиться*). В преобладающем большинстве эти дериваты имеют каузативно-результативную семантику и выражают отрицательную оценку обозначаемого действия / состояния.

Лексическая единица *majdan* в рассматриваемом значении в словацком языке до украинской оранжевой революции отсутствовала. В настоящее время она встречается в словацких СМИ очень часто. Это слово стало производящей базой для целого ряда новообразований, причем возникли имена существительные (10, в их числе названия лица: *majdanista, majdanec, majdanovec, majdančikovec*; слова с абстрактной семантикой: *antimajdan, majdanovština, majdanizovanie*), глаголы (9: *majdanovať, pomajdanovať, premajdanovať, majdanizovať, zmajdanizovať*), имена прилагательные (7: *majdanový, pomajdanový* и др.), наречия (2). Из способов образования в сформировавшемся СГ встречается сложение (*euromajdan, majdanparlament*), префиксация (*antimajdan, zmajdanizovať*), суффиксация (*majdanista, majdanovec, majdanový*), конфикация (*antimajdanský*). Обратим внимание также на неустойчивость оценочного компонента в значении этих производных. Если для официальных СМИ, как правило, характерна положительная оценка событий на майдане, в комментариях читателей путем неологизации часто достигается их негативная характеристика, к примеру: «To by bol zážrak, ak by z Budapešti nedokecaval *majdanutý* Peter Morvay»¹; «Ked' je niekto proti sankciám, prichádzajú mimovládky *pomajdanovať*...»²; «Zdá sa že Hlopci si *premajdanovali* krajinu»³.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000 (БТС).
 Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М.: «Языки русской культуры», 2000. С. 90–141.
 Полякова Т. М. Функционирование украинизма *майдан* в русском политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2014. 4 (50). С. 173–179.

¹ [<http://tv.sme.sk/diskusie/2268679/1/Madari-opat-volili-Orbana-o-ferovosti-volieb-viaceri-pochybuj.html>].

² [<http://www.sme.sk/diskusie/2388383/1/Unia-varuje-Grecko-pred-vlastnou-politikou-voci-Rusku.html>].

³ [https://www.facebook.com/permalink.php?id=1452891718289546&story_fbid=1533922546853129].

Концепт «красота» в славянских народных песнях**А. Н. Матрусова**

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Славянские песни, красота, сербский язык, русский язык, концепт.

Summary. Beauty is one of the universal concepts that exists in any culture and explicates in any language. Talking about language groups, we generally speak about language morphology and grammar, while the concept studies have started only recently and there are not many of them dedicated to the comparison of the most common Slavic concepts. The study is performed based on song texts as these texts were being created during centuries and represent the concepts in their deepest way.

Концепт «красота» как один из ключевых в картине мира рассматривался многими учеными, например, в оппозиции «красивое — безобразное» (В. З. Демьянков), в сопоставлении с другими языками (Ю. В. Мещерякова исследует данный концепт в русском и английском языковом сознании), в прецедентных текстах (О. Н. Карасенко).

Известно, что концепты репрезентируются в текстах, прежде всего в лексических формах. Однако в разных текстах они предстают по-разному, можно сказать, на разных уровнях, в разных аспектах.

Говоря об общности языков, ученые обычно начинают с генеалогической и типологической классификации. Можно рассматривать и общность в концептуализации основных составляющих картины мира, и в этом отношении базовые концепты, такие, как красота, могут продемонстрировать сходство (или различие) языковых картин мира родственных народов и языков, в частности, славянских.

Выбор материала, на котором осуществляется описание и исследование концепта, может быть обусловлен различными факторами. Принимая решение в пользу славянских народных песен, мы руководствуемся следующими мотивами: народные песни создавались, перерабатывались, выкристаллизовывались в течение столетий, и те из них, что до сих пор поются и любимы носителями славянских языков, вероятно, содержат определенный культурный код, не утративший своей актуальности. Жанр народной песни с языковой точки зрения не описан, однако можно говорить, что любая народная песня уже сама по себе репрезентирует красоту самой своей формой, и таким образом украшает, облагораживает любое содержание, сообщая ему черты красоты. То есть народная песня — это своего рода квинтэссенция красоты, как по форме, так и по содержанию.

Рассматривая славянские народные песни, мы видим, что концепт «красота» может быть представлен непосредственно лексемой «красота», «лепота» и т. д., а также — различными лексемами, охватывающими периферию семантического поля «красота». Так, в отношении женщины, девушки, которые чаще всего сопрягаются с красотой в славянском языковом сознании, кроме эпи-

тетов «красивая», «прекрасная», «лепа», «згодна», используются и такие, как «ясная», «светлая», «бистра» и т. д.

Например, сербская народная песня так описывает действие женской красоты на любящего человека:

Ti jedina moja jesi,
Ti mi tuge vedriš noć,
Mutnog oka pogled bistriš,
Bolnoj dusi daješ moć.

(Ты моя единственная, с тобой становятся ясными ночи, мутные очи становятся ясными, больная душа оживает. — Перевод наш. — А. М.).

Как видим, красота обладает двумя яркими признаками: она может делать ясным, прозрачным что-то тяжелое, мутное, и может исцелять, придавать силу. Такого рода «эффект красоты» можно обнаружить в текстах всех славянских народных песен, и таким образом в концепте «красота» славянских лингвокультур можно выделить важное качество: не столько эстетическое, сколько духовное свойство человека или воздействие на человека, которое облагораживает и «осветляет» его.

Литература

- Демьянков В. З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 169–208.
Мещерякова Ю. В. Красота // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 88–101.
Тарасенко О. Н. Концепт «красота» в паремиологическом представлении // Вестник Нижегородского университета. 2012. № 6. С. 350–353.

Митско биће змај код древних Срба и Руса

Теодора Мијић

Филозофски факултет, Нови Сад (Србија)

Змај, словенска митологија, обичаји.

Summary. Mythical creature-dragon, is common for all Slavic people. This paper focuses on investigation of forms, characteristic and traits of dragon at Russian and Serbian nations. This daemon has certain authenticities and differences when it comes to these two nations, which are denoted by distance, geographic characteristics and historical contexts of its origin. The basis of dragon remains the same; the only difference is its role which is adapted to living in a certain surroundings, mentality and customs. That is why it is not strange that these two nations have similar perception of these creature, but also present it completely differently through folk's creativity.

Српска и руска митологија имају заједничке корене, дубоко и међусобно прожете, који воде порекло из словенске митологије и фолклора. Обзиром да је словенска митологија у својој суштини била анимистичка, уврежено је веровање код свих словенских народа, посебно код Срба и Руса, да демони природе имају утицаја на многе природне појаве и да их могу контролисати. Свакако најпознатије биће у словенском пантеону, које је утицало на

атмосферске појаве, био је змај. Када говоримо о змају, важно га је одвојити од негативног демона, јер је међу њима изузетно велика разлика. Код Руса, овај демон назива се „дракон“, а код Срба „ала“.

Митско биће змај нема увек исте карактеристике код свих словенских народа. Змај је у руској митологији представљен са физичким карактеристикама птице, коња или змије, док је у српској митологији представљен као ватрена птица. Осврнула бих се на веровања и предања о змају, која су уврежена у српском и руском народу. Оба народа имају веома сличну подлогу, која чини ово биће.

Руска предања приписују му демонска својства, надљудску снагу, познавање лековитих трава и живе воде. Али, оно што змаја чини посебно необичним и занимљивим је његова способност промене изгледа. Наиме, он може променити свој чудовишни изглед и преобразити се у лепог и наочитог младића, који заводи младе жене и девојке. Руски етнолог и фолклориста, А. Н. Афанасјев, наводи да је обичан народ веровао да су звезде падалице и метеори, заправо змајеви, који лете својим изабраницама.

Код руског народа сачувало се до данашњег дана веровање да змај може да настани колибу или кућу. Ако се усели у нечији дом, тог домаћина очекује просперитет, напредак и богатство. Али, да би задобио наклоност змаја, домаћин мора да га храни и чува. Ноћу би се на пећи остављала храна за змаја, у виду каше, млека или меса. Змај би, кроз димњак, слетао у кући и хранио се даровима које му је оставио домаћин. Такође, сматрало се великим грехом отерати или убити свог змаја-заштитника. Код Срба се оваква веровања јављају у веома сличном предању, само што је у центру збивања кућна змија, заштитница дома и породице.

Срби верују да је змај дужан да, као добар демон атмосферских појава, посредује у корист људи, обезбеђује своме селу кишу и чува га од града. Заузврат, сељани пазе свога змаја и брину о њему. У случају да змај не врши своје дужности, сељани имају право да га отерају. Обичај протеривања змаја задржао се у Источној Србији и у 20. веку.

Змај, по српским предањима, живи крај шумских вода у планини или у шупљој букви. Настаје од шарана, смука или од овна. Ако постаје од шарана, када наврши одређен број година, излази из реке, добија крила и одлеће у планину или шуму, притом одбацујући своје крљушти, које се називају «змајеве отресотине». Оваква предања, о змајевима насталим од шарана, веома су честа међу рибарима. Зато је у појединим деловима Србије било забрањено јести месо ове рибе.

Као и код Руса, и у српским веровањима, змај је диморфно биће. Док лети, он је представљен као ватрена птица дугог репа, али када се прикаже људима, узима облик лепог младића. Као што је напоменуто, одлази младим женама или девојкама, са којима одржава љубавне везе. Сматрало се да жене,

које имају контакт са змајем, поседују испијено и бледо лице. Такође, никоме нису смеле говорити о овим везама и тешко су их се ослобађале. Најпознатији српски змајеви су Виден-змај и змај од Јастребца. Од потоњег, настаће чувени јастребачки пантеон, епицентар српског јунаштва.

Као плод везе змаја и жене, сматрало се да се рађају деца са посебним физичким и умним квалитетима. Код Руса, оваква деца звала су се «богатыри» и «кикиморы» (*грозовые люди*), а код Срба „змајевити људи“. У српским предањима, „змајевити људи“ могу бити или велики јунаци, или „здухачи“ и „ветровњаци“, тј људи који терају градоносне облаке и боре се против ала које предводе природне непогоде.

Улога змајевитих јунака је веома дубоко уврежена у души српског народа. Они су били заштитници српског рода при најезди Турака, доживљавани су као бранитељи српства и православља. Најпознатији јунаци наших епских песама, који су упамћени као «змајевити» били су, у већини случајева, и историјске личности. Марко Краљевић, Змај Огњени Вук, Стојан Чупић — Змај од Ноћаја, Стефан Лазаревић, Милош Обилић, Сибињанин Јанко, само су неки од славних имена српске историје и народних предања, којима су приписиване надљудске моћи. У биткама их је увек пратио веран пас, *караман*, крилати коњ и «посестрима вила».

У руским биљинама, змај је представљен или као чудовиште или као велики јунак. Ако је представљен као борац, поседовао је јуначког коња, црног гаврана и пса, који се називао «хорт». На овакав начин, представљен је Тугарин Змај, док је чудовишни образ додељен Змају Гориничу, бајковитом непријатељу Добриње Никитича. Али, најпознатији змај руске народне литературе је Кошчеј Бесмртни. У српским бајкама, пандан руском Кошчеју је *Баиш-челик*, који има изузетно много сличности са својим руским парњаком.

У руском фолклору, поред огњених змајева, помињу се и многоглава чудовишта са три, шест, седам, девет или дванаест глава. По броју глава, одређује се и сила змаја. Код Срба такође постоји биће са великим бројем глава, али оно се зове „аждаја“, коју у народним бајкама побеђује храбри јунак.

Змај је, као демонско биће веома сличних карактеристика и у руском и у српском народу. Разлике се стварају историјским сплетовима, географским поднебљима и просторном удаљеношћу наших народа. Али суштина постојања змаја је иста и за њега се везују бајке, које су се сачувала до данашњих дана, са фабулом потпуно идентичном и у српским и у руским устним предањима.

Литература

Афанасьев А. Н. Мифология древней Руси. М.: Эксмо, 2007.

Зечевић Слободан. Митска бића српских предања. Београд: Службени гласник, 2008.

Караџић Вук Стефановић. Српске народне пјесме. I–IV. Београд: Нолит, 1969.

Лешин В. Русские сказки. Книга первая. СПб.: Тропа Троянова, 2008.

Петровић Сретен. Српска митологија у веровању, обичајима и ритуалу. Београд: Невен, Народна књига, Алфа, 2004.

О метафорическом потенциале прилагательного *агрессивный* в современном русском языке

Н. И. Миронова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русский язык, прилагательное «агрессивный» (-ая, -ое, -ые),

когнитивная теория метафоры, метафорические модели, персонификация.

Summary. The adjective «агрессивный (-ая, -ое, -ые)» and its metaphoric potential are under consideration in this paper.

Признанный эксперт в области изучения агрессии, известный психолог С. Н. Ениколопов отмечает рост агрессии в обыденной жизни [Ениколопов 2014], называя одной из причин такого положения нестабильность современного общества. С кризисным, нестабильным существованием государства, переустройством власти, экономики, мировоззрения, изменением образа жизни людей, сменой ценностных приоритетов и ростом негативных явлений связывают также происходящие в последние десятилетия изменения в русском языке [Петрова, Рацибурская 2013: 8]. Так, в конце XX века в словарях русского языка было зафиксировано новое значение слова *агрессия* [Якимова 2011]; агрессия перестала считаться исключительно прерогативой государства, ее стали соотносить с человеком.

Мы предположили, что изменения затронули и дериваты слова *агрессия*, в частности, прилагательное *агрессивный*. Гипотеза о том, что изменения могут быть связаны с расширением метафорического потенциала, была верифицирована экспериментальным путем.

Чтобы определить основные направления (в терминах когнитивной теории метафоры — модели) метафоризации прилагательного и получить представление о широте ее распространения в речи носителей русского языка, мы провели письменный опрос студентов нескольких московских вузов, в котором приняли участие 100 человек. На первом этапе респонденты должны были подобрать определяемые слова к прилагательному *агрессивный (-ая, -ое)* и позже к прилагательному *агрессивные*. На втором этапе нужно было дать толкование некоторых полученных словосочетаний.

Анализ ответов показал, что респонденты привели приблизительно равное количество примеров на употребление прилагательного в прямом и переносном, метафорическом значении, и только для среднего рода количество примеров метафорического употребления (по понятным причинам) было приблизительно в три раза больше.

В прямом значении примеры были связаны с наименованием людей и животных. Это наименование человека по постоянному социальному признаку

(статусу), например, по роду деятельности (*кондуктор, охранник, продавец, учительница, продащица, поэтесса*), по переменному социальному статусу (*попутчик, прохожий, пассажир, покупатель, докладчица, подруга*), по типу родства (*отец, родственник, муж, брат, жена, бабушка*), по возрасту (*мальчик, подросток, юноша, мужчина, девочка, девушка, женщина, старушка*) и т. п. Это также названия животных (*пес, кот, слон, медведь, собака, кошка, змея* и др.). Формирование переносного значения происходило на основе метафорической модели персонификации (олицетворения) [Баранов]. Помимо природных явлений (*климат, мороз, ветер, погода, атмосфера*), природных объектов (*море, небо, Луна, Солнце*), флоры (*дерево, дуб, апельсин, растение*), категорий времени и пространства (*век, день, утро, время; мир, город, страна, дорога*), в сферу действия персонификации попали конкретные предметы, постоянно используемые человеком в повседневной жизни (*наряд, прикид, одежда, обувь, украшение, платье, помада, очки*). Список таких предметов оказался достаточно широким.

Респонденты использовали следующие стратегии толкования: описание внешнего вида (цвета — *красный* или *кислотные цвета*; формы, размера очков и / или их отдельных частей — *узкие, каплевидные, маленькие стекла, тонкие дужки*; декоративных элементов — *шпы*); описание функций (*вызывают страх, раздражают, причиняют неудобства или самому владельцу, или собеседнику* и т. п.); категоризацию (отнесение к определенному классу предметов) — *солнцезащитные очки; очки «авиатор»; монокль*; ограничение сферы использования (*праздник, карнавал, хэллоуин*); общую оценку (*необычные*). Некоторые словосочетания, например, *агрессивная поза, агрессивный цвет*, были привычными для носителей русского языка, но были и такие, в отношении которых этого нельзя было сказать, например *агрессивные очки*. Судя по реакциям (*непонятное сочетание слов, я бы не стала использовать это словосочетание; выражение режет слух*), возможность употребления этого словосочетания вызвала у некоторых респондентов сомнения. При этом в Интернете словосочетание *агрессивные очки* уже довольно широко используется в рекламе, рассчитанной на понимание широкой аудитории. Этот пример, как и другие аналогичные примеры, позволяет нам наблюдать динамику формирования новых метафорических значений.

По мнению А. Н. Баранова, персонификация свидетельствует об утрате человеком личностных свойств, о передаче их объектам внешнего мира, иными словами, о его деперсонификации. С нашей точки зрения, перенос свойства агрессивности на неживые объекты нельзя трактовать однозначно. Расширение, распространение агрессивности на объекты, «близкие» к человеку и постоянно используемые им в повседневной жизни, может быть связано как с демонстрацией собственной агрессивности окружающим, так и с защитной реакцией, своеобразной мимикрией. Не надо забывать и о том, что сегодня

агрессивные элементы одежды и аксессуаров модны и, следовательно, престижны.

Высказанная нами гипотеза подтвердилась. Метафорический потенциал прилагательного *агрессивный*, в основе которого лежит универсальная модель персонификации, расширяется, захватывая все более обширную область неживых объектов.

Литература

- Баранов А. Н. Метафоры в романах А. Платонова «Чевенгур» и «Счастливая Москва» [http://www.lexrus.ru/inout/12-04-12055/metaph-Internet.pdf].
- Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
- Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2013.
- Якимова Н. С. Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2011. № 1 (45). С. 184–188.

«Петр с колосом, Илья с колобом»: календарная оппозиция в культурном и языковом кодах восточных славян О. В. Моргунова (Атрошенко)

Уральский государственный медицинский университет (Екатеринбург, Россия)

Этнолингвистика, хрононимы, хрононимические дериваты, паремии.

Summary. The article presents Slavic calendar opposition «St. Petr and Pavel's day (12.07) — St. Ilya's day (2.08)». Analysis of dialect dates' names, their derivats and proverbs reveals basic motives for comparison two days.

Особое место в летнем цикле календаря восточных славян занимают даты 12 июля и 2 августа¹. В народном сознании они приобретают хозяйственную и сакральную значимость, набор же этнокультурных смыслов у них несколько различен. Сопоставление мотивов, заложенных в названиях дат, их дериватах и в паремиях с участием хрононимов, позволяет говорить о существовании оппозиции «Петров день — Ильин день».

Прежде всего это **именины** апостолов Петра и Павла (12 июля) и св. Илии (2 августа): рус. прикам. *Павел*, костром. *Павел и Петр* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 300], белорус. *Пятро і Паўла* [Лозка 2002: 115]. Ср. полес., рус. *Илья* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 190]; [Толстая 2005: 114], нижегород. *Ильин праздник*, киров. *Илья-Именинник* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 188, 195].

Почитание праздников обуславливает появление запретов на работу и приготовление ритуальной пищи: полес. *На Петра... як сонцэ зайдзе, так ужэ*

¹ Календарные даты приведены по новому стилю.

мы празнуем — ницто такого не робим [Толстая 2005: 171]; рус. костром. *Петров день... братчину делали*; прикам. *На Петров день грех работать, праздновали* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 316]; том. *Нельзя работать в Ильин день... шибко его чтили* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 185]. Важность этих дат подтверждается наличием у них дней-«спутников»: рус. нижегород. *Илья-Ильенок* ‘2 августа’, севернорус. *Полупетр* ‘13 июля’ и др. [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 193, 333].

Петров и Ильин дни противопоставлены в народном сознании как **непостный** и **постный праздники**. Петровым днем завершался летний пост: рус. *На Петров день барашка в лоб — можно разговеться* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 316]. В Ильин день, напротив, устанавливался пост: рус. карел. *Ильинский день — молока не ем* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 190]. Чтобы «задобрить» праздник, в Ильин день приносили ритуальную жертву: ср. рус. *Илья-Бараний Рог. На пророка Илью баранью голову на стол*; прикам. *ильинский барашек* ‘баран, заколотый 2 августа’ [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 193, 187].

Если непочтительное отношение к Петрову дню наказывалось социумом (рус. забайкал. *петровская кила* ‘лошадиная голова, которую привязывают к крыльцу того, кто не праздновал Петров день’ [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 318]), то за пренебрежение «правилами» Ильина дня можно расплатиться имуществом и жизнью (рус. *В Ильин день скота в поле не выгоняй — либо грозой убьет, либо гад укусит*; прикам. *В Ильин день мужик полез на черемуху, пал и убился* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 185]).

Разговение в Петров день включало народные гуляния: рус. тамбов. *Под Петров день молодежь всю ночь гуляют*; ср. севернорус. *петровские хороводы*; полес. *На Петра вешают качелю и гайдаюца* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 316, 319]; [Толстая 2005: 171]. Если Петров день носит **светский характер**, то Ильин день **более сакрализован**. Так, день св. Илии представлял угрозу для человека: рус. пензен. *Ильин день Страшный*, прикам. *Илья Сердитый* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 188, 195]; рус. прикам. *Илья ругается* ‘о громе 2 августа’, *Ильин кладь перевернет* ‘о запрете заготавливать сено 2 августа’ [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 187, 192].

Если дружеские наименования Петрова дня говорят о **взаимной «расположенности»** праздника и народа (рус. смолен. *Петрушечка* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 323], белорус. *Пятрок* [Лозка 2002: 115]), то уменьш.-ласк. названия Ильина дня (рус. смолен. *Ильюшечка*, самар. *Илюшкин день* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 190, 196]) указывают на **умилостивление праздника**.

Отрицательная оценка дня св. Илии, возможно, создала ему репутацию **«нечистого» праздника**: прикам. *ильинский волос* ‘водяной червь, появляющийся в реке 2 августа’; вологод. *С Ильина дни купаться нельзя — черт с со-*

люю приехал [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 187, 185]. Связь с нечистью приписывается и Петрову дню: полес. *Не ходзиць, бо зар ходзяць русаўки, у Петровицу* [Толстая 2005: 173]. Это обусловлено его календарной близостью ко дню Ивана Купалы, ср. забайкал. *Иван Колдовник* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 170] и др.

Обоим дням приписывалась **способность управлять погодой, влиять на урожай**. Эти дни считались грозовыми: прикам. *Петров день Грозный*; самар. *Илья-Грозовик*, прикам. *Илья-Громовник* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 320, 193]. По поверьям, святые — покровители грозовых дней выполняют сходные действия (катаются по небу): рус. вят., тамбов. *Илья-Пророк на колесах ездит*; ср. прикам. *Петр и Павел ездят 'о грозе 12 июля'* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 195, 314].

В Петров день гроза и дождь были желательны, поскольку благоприятно влияли на поспевающие хлеба: костром. *На святого Петра дождь — жито как хвоиц* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 313]. В Ильин день дождь портил неубранное сено: полес. *Прышоў Ілья, наробиў гнілья* [Толстая 2005: 114]. В отношении «грозовых дел» **Ильин день воспринимался как преемник Петрова дня**: рус. прикам. *Егорий Храбрый ездит... до Петрова дня; потом Петр и Павел ездят до Ильина дня. А после уж Илья ездит*; костром. *Илья и Петр расстаются 'о грозе 2 августа'* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 192].

Петров и Ильин дни противопоставлены друг другу как **сезонные маркеры**: заонеж. *Петр лето zaczynaєт, Ілья лето кончаєт*, ср. рус. *Петр-Павел Летний* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 313, 314]. Нередко **Петров день является предвестником сезонных изменений** Ильина дня: рус. нижегород. *Петр и Павел час убавил, Ілья-Пророк два уволок* (об укорочении светового дня); прикам. *Придет Петрок — опадет листок, придет Ілья — упадет два* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 314, 323] и др.

Обе даты являются **с / х временной границей**. Это время созревания даров природы и начало их заготовки: архангел. *петровская страда* 'начало уборки сена', архангел. *петровские грибы*; ильинский сот 'соты, богатые медом'; ильинское сено; вологод. *ильинский сев* 'ранний сев озимых' [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 318, 188].

День св. Илии превосходит Петров день обилием урожая (рус. *Петр с колосом — Илья с колобом* (о хлебе из свежего зерна) [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 191]), а значит, оценивается положительно, в отличие от 12 июля: рус. смолен. *Дай Боже два Илюшки в году, а Петрушки хоть ни одного. Илюшка и накормил, и напоил* [Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 323].

Так, Петров и Ильин дни противопоставлены по хозяйственной значимости, природным изменениям и народной оценке. Если 12 июля — разгар лета и

летних с / х работ, то Ильин день — их завершение. Первый получает положительную оценку в связи с завершением поста, народными забавами, последний — в связи с обилием урожая.

Литература

Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь: этнолингвистический словарь. М., 2015.

Лозка А. Ю. Беларускі народны каляндар. Мінск, 2002.

Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.

Рука / руки как объект оценки в русском языке

Анна Нью

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия) / КНР

Определение руки, признаки, объект, субъект, оценка.

Summary. We want to research the definition of hand in Russian and how Russians treat its different features. In this article we find that the standard of value is variable and the judgment of hand valuation is related to many things: gender, age, profession and so on.

Цель статьи заключается в том, чтобы исследовать, как человеческие руки подвергаются оценке и определяют характер. В русском языке *рука* представляется в качестве члененного объекта: *плечо, предплечье, локоть, запястье, кисть, ладонь, пальцы* — все это — составляющие части руки. В словаре Шведовой дано такое определение слова *рука*: «Рука — одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также ее часть от запястья до кончиков пальцев, кисть» [Шведова 2002: 490]. Русское слово «рука» может переводиться на китайский несколькими словами, в зависимости от того, какая именно часть руки имеется в виду: «手» (ладонь, включая пальцы), «胳膊» (от запястья до плеча) и «肩» (плечо). [魏建功 1998: 454]. Определение и понимание такого обыкновенного, на первый взгляд, объекта, как «рука», в русском и китайском языках не совпадают.

Существительное «рука» может соотноситься с *рукой* в целом и такой ее частью. Когда ребенка спрашивают, помыл ли он руки перед едой, имеют в виду не руку в целом, а только кисть. Эта важная особенность русского обозначения верхних конечностей человека распространяется и на те свойства, которые приписываются руке в целом и ее частям. Здесь действует не только метонимия рода, но и метонимия вида: когда говорят *сломанная рука*, могут иметь в виду и сломанное плечо, и сломанное запястье и сломанную кисть. Идиома *дырявые руки* — это метонимия целого, поскольку речь идет о кистях рук; атрибут «дырявый» представлять собой когнитивную метафору, позволяющую обозначать такое свойство, как непригодность к использованию. И наконец, идиома *дырявые руки* соотносится с человеком — перед нами метонимия по типу часть — целое. Какими физическими признаками наделяются в русском языке человеческие руки, и какие из этих признаков попадают в поле оценки (имеется в виду атрибутивная оценка, выраженная прилагатель-

ным)? Для ответа на этот вопрос мы обратились к данным Национального корпуса русского языка.

Рука представляется как часть целого, и как материальный трехмерный объект, рассматриваемый с точки зрения параметров: длины, ширины, толщины, силы, твердости и поверхности. Если сочетание *широкие руки* охватывает все части (руки, плечи, запястья, ладони), то сочетание *узкие руки* метонимически указывает только на кисть рук. Здесь стоит также отметить оценочную коннотацию, которая отличается в зависимости от пола обладателя рук. Так, обладателем *узких рук* чаще всего выступает женщина, кроме того для женщины такая характеристика является положительной, связанной с эстетической категорией красоты. Для мужчины же более характерны *широкие руки*, ассоциативно связанные с физической силой.

Физический признак длины также приобретает дополнительные значения. *Длинные руки* могут быть у пианиста. В этом значении мы наблюдаем метонимию «целого — части»: под *длинными руками* подразумеваются длинные пальцы. Второе же значение фразеологично. «Руки длинные — у кого. Разг. Неодобр. О вороватом человеке» [Мокиенко 2007: 581]. Со значением «достать что-либо» связано и сочетание *короткие руки*, употребляемое чаще в краткой форме прилагательного: «руки коротки у кого — о том, у кого нет возможности сделать что-н.» [Шведова 2002: 492].

Атрибутивные сочетания, характеризующие руки с точки зрения размера, могут указывать на пол и возраст обладателя рук. Они также используют метонимию «целого — части»: и «маленькие», и «большие» руки указывают только на кисти рук. Обладателями *маленьких рук* чаще всего выступают дети, иногда женщины. Для женщины такая характеристика является положительной, т. к. связана с эстетической категорией красоты. *Маленькие руки* у мужчин в контексте дворянской эпохи также имели положительную коннотацию. *Большие руки* указывали на тяжелый труд.

Выступая с такими атрибутами, как *толстый, полный, пухлый, худой, пухленький, худенький*, «рука» метонимически указывает на плечо и предплечье, но не на кисть. Сочетания *толстая рука* и *полная рука* отличаются субъектом, которого они характеризуют: так, «полная» и «пухлая» рука чаще выступает атрибутом женщины, имея при этом положительную оценку. *Толстые руки* не зависят от пола характеризуемого субъекта, это сочетание несет в себе негативный смысл.

Когда речь идет о силе, рука может быть определена такими прилагательными, как *сильный, слабый, мускулистый, бессильный и мощный*. Но, например, в сочетании *мускулистая рука* подразумевается только плечо или предплечье.

Прилагательные *твердый, железный, мягкий* репрезентируют свойства руки на основе твердости, силы. «*Железной (твердой) рукой* (управлять) — действовать твердо, жестко, беспрекословно диктуя свою волю» [Шведова,

2002: 491]. Железная рука соотносится с человеком — перед нами метафора и метонимия по типу «часть — целое».

Когда говорят о поверхности рук, могут иметь в виду цвет кожи (*красные, красноватые, белые, бледные, розовые, черные*) и ее состояние (*гладкие, грубые, бархатные, шершавые, атласные, мозолистые*). Белоручка соотносится с человеком — метонимия по типу «часть — целое»: «человек, который чуждается физической или вообще трудной работы» [Ожегов 2006: 43]. Шершавые руки указывают на принадлежность человека к классу людей, занимающихся физическим трудом.

Как следует из сказанного выше, в зависимости от контекста слово «рука» может обозначать как целое (человека), так и название частей (плеча, кисти и пальцев). Дескриптивные прилагательные могут указывать на физические свойства рук, а использование метафоры позволяет переносить значение атрибутов на субъект.

Литература

- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.
- Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2002.
- Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>] (НКРЯ).
魏建功, 恽逸群 新华字典 商务印书馆 1998年 700页

Щи в культурно-языковой традиции Русского Севера*

К. В. Осипова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Севернорусские говоры, этнолингвистика, семантика, мотивация, традиционная пища.

Summary. The report reconstructs the cultural and linguistic symbolism of Russian traditional soup «щи». It is based on the vocabulary of northern Russian dialects, folk texts and ethnographic data. The composition of food, the role in the ration, territorial variation of names are determined. It examines the secondary semantic of the word «щи»: for example, the motivation of the expression «щи пролить» 'something suddenly happened to the man'.

На Русском Севере щи были одним из основных блюд как повседневного, так и праздничного рациона. Они могли употребляться за любой трапезой и в богатых, и в бедных домах. Значимая роль щей в крестьянском питании определила разработанность культурно-языковой символики.

Цель доклада — этнолингвистическая характеристика щей как части рациона севернорусского крестьянина. Исследование выявляет состав блюда,

* Работа выполнена в Уральском федеральном университете (Ural Federal University) в рамках реализации программы конкурентоспособности УрФУ (2013–2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)».

специфику приготовления, роль в традиционной трапезе, территориальное варьирование состава и названий, а также особенности вторичной семантики слова *щи*. Кроме того, затрагивается культурная символика щей, проявленная в фольклорных текстах и традиционных обрядах. Географически исследование ограничено Русским Севером: Архангельская и Вологодская области, а также северо-восток Костромской.

На юго-востоке Вологодской и в северо-восточных районах Костромской области словом *щи* обозначали любой суп или суп с овсяной крупой. Это название воспринималось как устаревшее по отношению к современному общенародному *суп*. В Архангельской области *щи* могли обозначать похлебку только с мясом и солью, куда иногда добавляли немного крупы или картофеля. Такие щи были признаком достатка хозяев: «Раньше кто богатый, в щчи и картошки не ложил — одно мясо» [СГРС, 1: 95]. В районах, где основу рациона составляла рыба, щи варили с сушеной рыбой и крупой, в противоположность ухе, которую готовили из свежей рыбы.

По цвету различались *белые*, *серые* и *зеленые щи*. Например, в Вологодской обл. *белые щи* варились из кочанной, белой капусты, *серые* — из ее зеленых листьев, а *зеленые* — из квашенной капусты. Капустные щи были самой привычной пищей и символизировали однообразие крестьянского рациона, ср. *Шти капусте замена, капуста особая перемена* (арх.) [Ефименко, 2: 250]. По времени приготовления в посты или дни без пищевых ограничений выделялись волог., костр. *щи постные* ‘суп без мяса с овсяной крупой и картофелем’ и волог. *щи скоромные* ‘мясной суп с крупой’ [ЛКТЭ]; [СВГ, 12: 115]. Контаминацией *молосный* ‘скоромный’ и *молочный*, скорее всего, объясняется волог. *щи молочные* ‘мясной суп’ [СВГ, 12: 115].

Иногда *щи* как название супа с мясом противопоставлялись уменьшительному однокоренному наименованию постной похлебки — волог., костр. *штéчки* [ЛКТЭ]; [СВГ, 12: 115] или арх. *штéщэчки* [Дуров: 447]. В связи с этим интересно рассмотреть присловье *Щи да щечки, да щи в горшочке* (череп.) [Тенишев, 7: 201], где, возможно, обыгрываются названия мясного и постного супов.

Яркий звуковой облик слова *щи* определил появление присловий, основанных на рифме *щи* — *полощи*, *щи* — *или* и относящихся к жидкой похлебке: *щи — хоть портянки полощи* (КСГРС), *Эти щи из Питера неши или* [Бурцев, 1: 347]. Здесь можно вспомнить, что названия жидких блюд и напитков нередко связаны с мотивом «хождения по воде», ср. *Эти щи по заречью или, да по воде к нам пришли*; *Квас вор: воду в жбан свел, а сам ушел* ‘о жидком квасе’ [Даль, 4: 657; 3: 713]. Возможно, мотивом «убегания» жидкого супа объясняется поверье пинежских крестьян о том, что в щи следует «крошить крошево» (хлеб), иначе убежит жена [Ефименко, 1: 174].

Значение, далекое от «пищевой» семантики, развивает костромское выражение *шти прóлить* ‘о чем-либо, внезапно произошедшем с человеком:

упасть, заболеть, умереть и пр.' «Упал, хлестнулся, быстро и нечаянно — дак упал как шти пролил» [ЛКТЭ]. Поскольку этот фразеологизм относится к физическим действиями человека, а сквозным мотивом в большинстве контекстов является мотив падения, удара, скорее всего, выражение является эвфемизмом по отношению к *кровь пролить*.

В обрядовой сфере щи получали символические функции на свадьбе. Так, на этапе сватовства щи варили в доме невесты в качестве угощения желанным сватам (костр.) [Тенишев, 1: 200]. Совместное употребление щей символизировало согласие и породнение семей: на Мезени, когда дело доходило до рукоблутья, выносили на стол щи, накрывали их тарелкой и объявляли имя поварихи (*итинница*), которая целовала всех сидящих, и только после этого все начинали есть [Ефименко, 1: 130].

Литература

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4 (Даль).
Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011 (Дуров).
Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта (Ефименко).
Картотека Словаря говоров Русского Севера. Кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург (КСГРС).
Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета. Кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург (ЛКТЭ).
Обзор русского народного быта Северного края. Его нравы, обычаи, предания, предрассудки, притчи, пословицы... / Собр. А. Е. Бурцев. СПб., 1902. Т. I. Русские народные сказки. Пословицы (Бурцев).
Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического Бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004 (Тенишев, 1).
Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. Череповецкий уезд. СПб., 2009 (Тенишев, 7).
Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12 (СВГ).
Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001–. Т. 1– (СГРС).

Антропоцентрические коннотации в номинациях животных (руско-польские сопоставления)

А. Пиасецка

Лодзинский университет (Польша)

Е. П. Иванян

Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Антропоцентрические коннотации, зооморфизмы, фразеологизмы.

Summary. Comparisons of Russian and Polish anthropocentric connotations in the nominations of animals (*ram, sheep*) in dictionaries and a poll of Slavic-speaking informants are presented in the article.

Исследование является фрагментом международного проекта «Коннотативные связи в номинациях животных в польском и русском языках», который

состоит из серии экспериментов с информаторами-носителями славянских языков и сопоставления с лексикографическими источниками. Изучение антропоцентрических коннотаций лексем *баран* и *овца* в русском и польском языках позволяют сделать следующие обобщения.

Значительное количество коннотаций в изучаемых славянских языках основано на ассоциациях, которые порождаются внешним видом барана и овцы: размер тела; вид волосяного покрова (его кудрявости, цвете); наличие кожного заболевания; части тела; стрижка данного домашнего животного.

Так, с помощью определения размеров барана характеризуются рыбы, животные или растения, так в русских народных сравнениях *большой как баран* говорится о животном или птице больше обычных для него размеров [Мокиенко, Никитина, 2008а].

Кудрявость барана порождает антропоцентрические коннотации, которые находят отражение в узуальных сравнениях и фразеологизмах русского и польского языков: *зарастить волосом что баран* ‘о давно не стриженном, обросшем человеке’; *кудрявый (курчавый) как баран* ‘шутл.-ирон.’ Данные коннотации проявляются и в польской фразеологии: *głowa barania* ‘о кудрявом человеке’ [Słownik języka polskiego 1990–1927].

Антропоцентрический характер коннотаций проявляется в сравнениях, которые содержат характеристику цвета волосяного покрова животных: *будешь знать до конца, будешь сив как овца* ‘будешь много знать, быстро состаришься’. Пример содержит проецирование человеческих ценностей: слишком — это всегда плохо. Ср., *белый как овца* ‘о поседевшем человеке’ [Мокиенко, Никитина 2008а]. В сленговой молодежной речи фиксируется *белолобая овца* 1) шутл. блондинка; 2) пренебр. ‘девушка с отталкивающей внешностью’ [Мокиенко, Никитина 2008б].

Заметим, что если раньше светлый цвет волос (шерсти) вызывал положительные ассоциации, то теперь в славянских языках он все чаще ассоциируется с глупостью и умственной отсталостью (блондинки). Ярче всего это проявляется в шутках и анекдотах. Полагаем, что названные ассоциации наведены фактором глобализации, сильным влиянием англосаксонской культуры.

Шутливые положительные коннотации содержат польские и русские фразеологизмы, в которых говорится о черном цвете шерсти животных: *чёрная как овечка* ‘о черноволосой или с волосами, окрашенными до иссиня-черного цвета девушке, женщине’ [Мокиенко, Никитина 2008а]; *gdzieżeś to bywał, czarny baranie?* ‘оборот из народной песни, который стал пословицей и употребляется в шутливом значении в ситуации, когда кто-то долго отсутствует’. Попутно заметим, что в русском языке тоже существует народная шутливая песня «Где же ты был, мой черный баран?».

Отталкивающе выглядят баран или овца, болеющие паршой (собирательное название заболеваний кожи, волос и ногтей, при которых на коже обычно

возникает твердая корка). Отсюда возникли антропоцентрические коннотации, которые закрепились во фразеологизме *паршивая овца*, так говорят о порицаемом человеке. Польское языковое пространство включает эквивалентные единицы: *parszuwa owca* 'о человеке, осуждаемом общественной сферой, к которой он принадлежит; изгой'; *parszuwa owieczka* 'о плохом человеке, поступающем не так, как следует'. Дословно *паршивый* / *parszuwy* в обоих языках обозначает 'больной паршой; шелудивый'. В переносном значении прилагательное характеризует никчемного, подлого, злого человека. Однокорневые слова *паршивец* / *parszuwiec* и *паршиветь* / *parszuwieć* семантически в русском и польском языках связаны с лексемой *паршивый* / *parszuwy*.

Разные части тела животных вошли в состав диалектных или устаревших названий растений, например: *бараний язык* 'растение *Onosma echiioides*, румяница, румянка, ослонник'; *бараньи язычки* — фиксирует словарь В. И. Даля [Даль 1978]; в диалектах польского языка есть вид огородного растения под названием *baranie jajka*.

Изучение антропоцентрических коннотаций в номинациях животных (*баран* и *овца*) по лексикографическим источникам мы дополнили опросом информантов. Испытуемые отвечали на вопрос «Назовите внешние черты, которые у вас ассоциируются с бараном, овцой». В опросе приняли участие 120 человек, мужчины и женщины, в возрасте от 11 до 76 лет, школьники, студенты, стажеры, строители, врачи, медсестры, тренеры, слесари, повара, фотографы, пенсионеры, домохозяйки из г. Самары и Самарской области, а также Москвы, Сургута, Саранска, Уральска (Казахстан), Киева (Украина).

По результатам опроса мы ранжировали называемые признаки на доминирующие (составляющие более 10% от общего количества представленных признаков), сопутствующие (менее 10%) и незначительно представленные (менее 1%).

Для лексемы *баран* доминирующие признаки *большие завитые рога* 47,8%; *светлая шерсть* 31%; *кудрявый* 12,8%; сопутствующие признаки *пушистый* 3,9%; незначительно представленные *парнокопытное*, *копыта*, *парень-балбес*, *маленький хвостик*, *сильный*, *большой* (по 0,9%).

Для лексемы *овца* доминирующие признаки *кудрявая шерсть* (40%); *пушистая* (19,6%), *безрогая* (13,6%); сопутствующие признаки *маленькая* (6,8%); *копыта* (4,9%); *меховая* (2,9%); *хвост завитком* (2,9%); *млекопитающее*, *маленькие ушки*, *пугливая и кроткая* (по 1,9%); незначительно представленные признаки *девушка-дура*, *подушка*, *барабаны*, *маленькие глаза* (по 0,9%).

Обобщая результаты эксперимента, заключаем, что для носителей русского языка при слове *баран* возникают доминирующие признаки животного с большими завитыми рогами, светлой шерстью, свитой в кудряшки. При слове *овца* — возникает образ животного с кудрявой шерстью, пушистого по форме и безрогого. Для барана признак «пушистости» оказывается только сопутству-

ющим, что, вероятно, объясняется половым различием барана и овцы, а также наложением в сознании носителей языка «гендерной» модели овцы как более округлой по форме, что как раз осуществляет «пушистость» животного.

Литература

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.
 Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь народных сравнений. М., 2008а.
 Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2008б.
 Słownik języka polskiego. T. I–VIII / Red. J. Karłowicz, A. A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Warszawa, 1900–1927.

Вербальная символика розового в русской фразеологии

О. А. Сеничева

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

Фразеологизм, цвет, колоризм, розовый, языковая картина мира.

Summary. The research deals with the analysis of processional phraseological units with the component «pink» which has colour and light meanings. The symbolic meaning of pink, the peculiarities of language universal in Russian ethnic culture have been described.

Одним из фрагментов языковой картины мира является система цветообозначений в языке. Цветообозначения изучались достаточно широко А. И. Беловым, А. П. Василевич, В. Г. Гаком, А. А. Залевской, Р. М. Фрумкиной и др., однако до сих пор цвет не имеет общей концепции как в пределах какой-либо одной науки или целого направления, так и в художественном творчестве.

В последнее время внимание лингвистов-фразеологов привлекает изучение символики цвета как своеобразной языковой универсалии в русском языке (В. Г. Кульпина, Н. В. Коптева, В. М. Мокиенко и др.).

С каждым цветом у разных народов связаны определенные ассоциации, что обусловлено историческими, политическими, религиозными, культурологическими и другими национальными особенностями. Прежде всего, розовый соответствует оттенку человеческой кожи (особенно в младенческом возрасте), отсюда и т. н. розовые ассоциации — мягкость, нежность, детство. Розовый — это смешение красного и белого цветов, цвет обольщения, живительной росы, символ невинности, любви, верности. Это цвет всего живого, жизни. Он говорит о необходимости любить и быть добрее.

Особенностью фразеологизмов является их способность номинировать противоположные явления действительности. Эта особенность фразеологических единиц (далее ФЕ) отражена, на наш взгляд, в русских фразеологизмах с компонентом-колоронимом «розовый»: *в розовом свете (или цвете) видеть / увидеть (или представлять / представить)* и т. п. *кого-что; сквозь розовые очки смотреть / посмотреть на кого-что* — «идеализировать кого-, что-л., не замечать недостатков, темных сторон кого-, чего-л.» [ФСРЯ: 242], *розовые мечты* — «приятные, сулящие радость, счастье». Компонент *розовый* несет в себе семантику оптимизма и в то же время грез, мечтаний.

Символы цвета связаны с обычаями народа. Традиционно у разных народов розовый свет ассоциировался с благодушием, совершенством, с добрым здоровьем и благополучием [СРФ: 518]. *Розовые очки, розовые мечты, видеть мир в розовом цвете, розовый слон* — все это выражает романтичность, доброту и комфортность данной гаммы. Этот цвет издавна признан символом женственности. В русской культуре розовый — это также цвет сказки: *Розовые облачка, похожие на помадки, слились и увенчали башни золоченого пряничного замка, а розовые младенческие пальчики почек на деревьях, казалось, растопырились и тянулись к ним изо всех сил* (Г. К. Честертон. «Волшебная сказка отца Брауна»). В современном мире розовый — цвет дамского любовного романа, может указывать на эмоциональную изоляцию и даже одиночество. Розовый цвет использует молодежная субкультура «эмо», где мрачная романтика готического черного цвета оттеняется сентиментальностью, ранимостью и инфантильностью розового. Несмотря на все достоинства, избыток розового цвета может символизировать также поверхностность и легкомысленность.

В языковом сознании людей, в основном, розовый — это цвет детства, юности, нежности, наивности, незащищенности: *Я советовал ему просить звания историографа; он считал это невозможным, говоря, что по обычаю моему вижу все в розовом свете* (И. И. Дмитриев. «Взгляд на мою жизнь» — ФСРЛЯ). ФЕ *видеть в розовом свете* употреблена в значении «преувеличивать достоинства, качества и т. п. чего-либо, не имея о нем реального представления».

В процессуальных фразеологизмах компонент-колоризм *розовый* репрезентирует человека романтического, инфантильного, наивного, оторванного от реальности, излишне впечатлительного: *Ладно. Не переживайте. Все будет хорошо... Я ожидал верстку. Жизнь представлялась в розовом цвете...* (С. Д. Довлатов. «Ремесло» — СФОСРЯ). Говорящий выражает свое мироощущение, используя ФЕ, среди которых *представлялась в розовом цвете* употреблена в значении «лучше, чем на самом деле, приукрашенный». Компонент *розовый* несет сему «наивный», потому что и в языках европейских культур, и в русском языке традиционно символика розового цвета обладает оценочностью.

Изучая особенности цветового восприятия, контекстуальный анализ показал, что данные фразеологизмы вербализуют как мелиоративную, так и пейоративную оценку действительности, так как традиционно в народном сознании тот или иной цвет ассоциируется с самой жизнью, которая не может быть только хорошей или только плохой.

Таким образом, *розовый* можно дефинировать как цвет детства, грез, фантазий, наивности, что является национальной особенностью русской языковой картины мира; розовый цвет одних людей привлекает, кажется им романтичным, других — раздражает, а третьи в нем прячутся от накопившихся проблем.

Література

- Фразеологічний словарь русского литературного языка [Електронний ресурс. Режим доступу: <http://phraseology.academic.ru/>] (Заголовок з екрана)] (ФСРЛЯ).
- Фразеологічний словарь русского языка / Сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2007 (ФСРЯ).
- Словарь русской фразеологии / Сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб.: Фолио-пресс, 2001 (СРФ).
- Словарь фразеологических омонимов современного русского языка [Електронний ресурс. Режим доступу: <https://books.google.com.ua/books>] (Заголовок з екрана)] (СФОСРЯ).
- Честертон Г. К. Рассказы о патере Брауне [Електронний ресурс. Режим доступу: http://lib.ru/DETEKTIWY/CHESTERTON/chest2.txt_with-big-pictures.html#5] (Заголовок з екрана).

Фразеологізми на позначення мовленнєвої діяльності у слов'янських мовах

А. М. Сердюк

Бердянський державний педагогічний університет (Україна)

Фразеологізм, спілкування, вербальна комунікація, мовленнєва діяльність.

Summary. The study considered the features of the phraseological units to refer to verbal communication in Ukrainian and Bulgarian languages. The author defines the iso- and allomorphic properties in their semantics on the material of the resistant expressions, that denoting speech activity.

Вивчення сталих виразів на позначення мовленнєвої діяльності не втрачає своєї актуальності з огляду на антропоцентризм сучасної лінгвістики. Мета нашої розвідки полягає у зіставному вивченні фразеологізмів на позначення вербального спілкування у слов'янських мовах. Досліджені нами українські та болгарські стійкі вирази на позначення вербального спілкування умовно поділяються на семантичні групи. Одна із них — «Види мовленнєвої діяльності» — складається із наступних рядів, які є спільними для обох мов: «п л і т к у в а т и»: укр. *точити бали* (баляси; ляси; баляндраси); *травити баланду*; *розводити боби* (на бобах); *перебирати* (розбирати; перебрати; розібрати) *по кісточках*; *брати на зуби* (на решето); болг. *говоря* (трѣбя; разтрѣбявам; разтрѣбя) *наляво и надясно*; *чужди уста* (хорскитеезици) *не се врѣзват*; «п л а я т и»: укр. *задати перцю з маком*; *О, як затрусить зеленим маком, так держись берега!* болг. *правя* (направя) *на бѣзе икоприва*; *злословно адрес*; «Відмовлятися від своїх слів»: укр. *повертати* (повернути) *слово (назад)*; болг. *говоря* (приказвам) *слова на ветер*; *вземам* (взема) *сидумите назад*; «п о ч а т и р о з м о в у»: укр. *мову почати* (розпочати, завести); болг. *отварям* (отворя) *дума*; *вземам* (взема) *думата*; *правя* (направя) *на въпрос*; *правя* (направя) *дума*; «р о з п о в і с т и у с ю п р а в д у»: укр. *відкривати* (розкривати; відкрити; розкрити) *очі*; болг. *казвам* (кажа; изказвам; изкажа; изплаквам; изплача) *си болката*; *говоря* (казвам; кажа) *право* (направо) *в очите*; «п о в ч а т и»: укр. *вставляти* (вставити) *клепку* (клепки); болг. *вкарвам* (вкарам; докарвам;

докарам) акъл (акъла) в главата; давам (дам) акъл; научавам (научам; уча) на акъл; «достягнути згоди»: укр. *знаходити (знайти) спільну мову*; болг. *разбирамеси от думата; говоря на един и същезик; приставам (пристана) на акъла; «запитувати»: отварям (отворя) въпрос; поставям (поставя) въпрос; «висловитися» казвам (кажа) сидумата; «довіритися»: укр. *відводити (відвести) душу*; болг. *хващам (хвана) вяра; «обіцяти»: укр. давати (дати) слово; казав чоловік — маку дам; болг. говоря (приказвам) големидуми (приказки); давам (дам) дума.**

Крім того, нами виявлено ще ряди, специфічні лише для української мови: «давати пораду, докоряючи»: *читати (вичитувати; прочитати; вичитати) нотації (нотацію; мораль)*; «повідомляти про свої плани»: *розкривати (розкрити) карти*; «давати корисні поради»: *наставляти (спрямовувати; наставляти; спрямувати) на(добру; вірну) путь (шлях; стежку)*; брехати «намовлов три мішки маку і всі з горохом; зводити (звести) наклеп; «звалити вину»: *вішати (всіх) собак; «вимагати»: гризти (прогризти) голову; «клопотати»: замовити (закинути) слово (слівце) та одиничні фразеологізми у болгарській мові: «просити пораду» *искамакъл; «не досягати згоди» говоря на разниезици.**

Результати нашого дослідження показують, що стійкі вирази мікросистеми «Спілкування» займають важливе місце в українському та болгарському фразеологічних корпусах. Головна функція мови — комунікативна — є основним чинником утворення універсалій у семантиці фразеологізмів. Що стосується аломорфних рис, то специфіка яскравіше спостерігається в українській мові. У болгарській мові відмінності проявляються лише в окремих фразеологізмах, які не утворюють ряди.

Отражение культурных ценностей польского общества в польской языковой картине мира

О. Н. Шапкина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Языковая картина мира, культурные ценности, национальная независимость,
личная свобода.*

Summary. The report attempts to create a linguistic image of freedom (*wolność*) in the Polish linguistic picture of the world. The analysis of usage of lexical item *wolność*, its synonyms and derivatives allows to draw certain conclusions on the value of individual and national freedom in the Polish society, on the polarity of concepts, expressed by *wolność/swoboda* and *niepodległość / niezależność*, on the close link between specific national connotations of the concept *wolność* with the historic development of ethno-cultural consciousness.

1. Свобода в иерархии ценностей польского общества. Среди ценностей наиболее значимых для польского общества *swoboda (wolność)* занимает особое место. Это подтверждают не только результаты социальных опросов носителей польского языка, но и существующий у других народов стереотип

поляка, неперенным элементом которого является свободолюбие. Польский лингвист В. Писарек [Pisarek 2003: 95], изучавший так называемые «слова-штан-дарты», т. е. слова наиболее значимые для носителей польского языка, включает слово *wolność* в пятерку наиболее значимых для польского общества, наряду с такими как *miłość*, *rodzina*, *dom*, *przyjaźń* («любовь», «семья», «дом», «дружба»).

2. Свобода в контексте исторического опыта польского народа. Такая большая значимость слова *wolność* для носителей польского языка обусловлена трагическим историческим опытом, а именно утратой Польшей независимости в результате разделов в конце XVIII века. Поэтому на протяжении последних столетий слово *wolność* стало синонимом национальной независимости и стояло в одном ряду с такими словами как *Ojczyzna*, *niepodległość*, *patriotyzm* («Родина», «независимость», «патриотизм»). Обращаясь к истории, следует также вспомнить и о таких выражениях как „*złota wolność*”, „*wolność szlachecka*” («золотая свобода», «шляхетская свобода»), которые относятся к XVI и XVII векам, когда польская шляхта пользовалась огромными, неизвестными остальной Европе привилегиями. В то время слово *wolność* еще не ассоциировалось с борьбой и самопожертвованием, а только с привилегиями одного социального класса [Wierzbicka 1999: 518]. Социально-политические перемены, которые произошли в Польше на рубеже 1989 / 1990 годов, привели к тому, что свобода надолго стала наиболее популярной темой для политических дискуссий. Известный лозунг тех лет «*Nie ma wolności bez „Solidarności”*» («Без “Солидарности” нет свободы») показывает, с какой политической силой связывали поляки осуществление своей мечты о свободе от тоталитаризма [Abramowicz 1993: 148].

3. Семантическая и словообразовательная структура лексемы *wolność*. Семантическая структура таких слов как *wolność*, имеющих большую идеологическую нагрузку является отражением исторического опыта народа. Именно исторический опыт влияет на то, что одни элементы значения становятся более существенными, а другие уходят на второй план. Такая динамика семантической структуры во многом определяет своеобразие языковой картины того или иного языка. Словарные определения лексемы *wolność* представляют свободу как независимость одного государства от других, суверенность; возможность поступать в соответствии с собственным желанием волей, личная свобода как состояние; свободы — это также гражданские и демократические права. С точки зрения словообразовательной *wolność* является дериватом от прилагательного *wolny* («свободный») и имеет тесную семантическую связь со словами *woleć* («хотеть»), *wola* («воля»), *wolno* («можно»). Данный корень присутствует в целом ряде слов: *zwolnić*, *uwolnić* («освободить»), *zwolnienie* («освобождение»), *zniewolić* («принудить», «поработить»), *samowola* («своеволие»), *niewola* («неволя») и *zniewolenie* («принуждение»).

4. Сочетаемость существительного *wolność*. Анализ сочетаемости данного существительного дает возможность ответить на вопрос, какая она, свобода, в польской языковой картине мира. Многочисленные устойчивые выражения указывают на то, что свобода носит абсолютный характер: *wolność zupełna, całkowita, nieograniczona, powszechna, wieczysta* («полная, абсолютная, неограниченная, всеобщая, вечная свобода»). Хорошо известный с XIX века лозунг польских повстанцев «*Za wolność naszą i waszą*» является, кроме всего прочего, иллюстрацией того, что свобода неделима, что один народ не может быть свободен, когда другой в неволе [Abramowicz 1993: 153]. О том, что свобода имеет большую ценность, свидетельствуют такие выражения как *wy tęskniona wolność* («желанная свобода»), *bronić, strzec wolności* («защищать, беречь свободу»), *cieszyć się, upijać się wolnościami* («наслаждаться, упиваться свободой»), *pragnąć wolności* («жаждать свободы»). Стабильные черты, приписываемые свободе, иногда вступают друг с другом в противоречие. Такие выражения как *wywalczyć, wyjednać, zyskać wolność* указывают на то, что свобода не может быть дарована извне, что ее можно добиться, завоевать. В то же время употребляются устойчивые сочетания *dać, darować, nadać, przynosić wolność* («дать, даровать, приносить свободу»), *odebrać, ograniczyć wolność* («лишить свободы», «ограничить свободу»).

5. Лексема *swoboda*. Ближайшим синонимом лексемы *wolność* в польском языке является *swoboda* («свобода, непринужденность»). Словарные определения лексемы *swoboda* отличаются от определения *wolności* отсутствием значения «государственная независимость» и наличием дополнительного значения «естественный, свободный способ поведения». Таким образом, *swoboda* — это возможность поступать в соответствии с собственными желаниями; естественная легкость поведения. Слово *swoboda* появляется обычно в контекстах не возвышенных, а тривиальных (*swoboda ruchów* — «свобода движений», *swoboda postępowania* — «свобода поведения»). «Пара *wolność / swoboda* отражает поляризацию концептов, которая отделяет временные и поверхностные жизненные обстоятельства (*swoboda*) от фундаментальных условий бытия (*wolność*)» [Вежбицкая 1999: 470].

6. Другие синонимы лексемы *wolność*. Кроме существительного *swoboda*, *wolność* имеет еще ряд частичных синонимов. Так существительное *niezależność* («независимость») совпадает со словом *wolność* в отдельных значениях: оно относится к государственной независимости или к личной свободе. *Niepodległość, niezawisłość, suwerenność* обозначают только «государственную независимость». Существительное *luz* имеет семантическую близость к существительному *swoboda*: «свободное и естественное поведение», «свободное время». Дериваты этого существительного (*luzacki, luzacko, luzak, na luzie*) носят разговорный характер и часто употребляются в молодежной речи, обозначая нарочито свободный стиль поведения [Antosiak 2003: 366].

Литература

- Бежбицкая Анна. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Abramowicz Maciej. Wolność // Nazwy wartości. Studia leksykalno-semantyczne. Lublin: W-wo UMCS, 1993.
- Antosiak Aneta. Obraz wolności w czasopiśmie młodzieżowym „Brawo Girl” // Język w kręgu wartości. Lublin: W-wo UMCS, 2003.
- Pisarek Walery. Wybory słów sztandarowych jako kryterium stratyfikacji społeczeństwa // Język w kręgu wartości. Lublin: W-wo UMCS, 2003.
- Wierzbicka Anna. Język — umysł — kultura. Warszawa: W-wo PWN, 1999.

Честь и совесть в сербской народной культуре

Е. И. Якушкина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Сербский язык, народная аксиология, народная этика, честь, совесть.

Summary. The present paper describes the words which mean honor and conscience in Serbian vernacular language. The concept of honor in folk culture is presented by such words as *obraz* ‘face’ and *poštenje* ‘respect’, while the lexem *čast* developed this semantics just in modern language. The word *savest* ‘conscience’ was borrowed to standard Serbian from Church Slavonic.

Славянская этнолингвистика в последние годы все большее значение придает изучению народной аксиологии. Подобные исследования активно проводятся Люблинской и Московской этнолингвистическими школами [Leksykon aksjologiczny... 2015]; [Категория оценки... 2015]. В рамках проекта Люблинской школы в 2015 г. вышел сборник работ сербских ученых, в котором дано описание таких ценностей как свобода, честь, дом [О вредностима... 2015]. Настоящий доклад продолжает данное исследование: в нем рассматриваются слова, обозначающие морально-этические регуляторы, такие как честь, совесть, достоинство и порядочность на материале словарей диалектного и литературного языка, этнографических описаний и фольклорных текстов.

В сербской системе этических обозначений можно выделить несколько пластов. Первый пласт — это собственно народная лексика, присущая крестьянскому языку начала XIX века (понятия нравственного лица и стыда) и отраженная в словаре Вука Караджича (1818 г.). Ко второму пласту мы относим слова и понятия, которые не фиксировались Караджичем в народном языке начала XIX в., но присутствуют в современном литературном, а иногда и диалектном языке. В этой группе слов выделяется «городской», или «европейский», пласт (понятия достоинства, приличия) и церковно-славянский, к которому принадлежит понятие совести.

В традиционной сербской этической системе, которая сохранилась и в некоторых современных диалектах, центральным было понятие нравственного «лица» (серб. *образ*). В своем исходном значении серб. лексема *образ* обозначает часть человеческого тела, щеку [Карацић 1935] или лицо [РМС]. Как термин народной этики *образ*, во-первых, указывает на внутреннее нравственное

чувство, которым человек руководствуется в своих поступках [РМС]. Это чувство человек может иметь или нет (*нема образа*), и у каждого человека оно развито в разной степени *Ако ти може образ поднијети* ('если твое лицо это вынесет') [Карацић 1935]. Во-вторых, *образ* может обозначать нравственную репутацию человека, которая может быть человеком утрачена (*узети образ* 'опозорить', букв. 'лишить чести'), замарана (*ударија ми на образ* букв. 'он ударил по моей репутации') или «освещена» (*освијетлити образ* 'совершить что-то значительное, букв. осветить лицо' [Станић 1990]. Эти два значения обычно реализуются синкретично. Ср. характеристику черногорцев, данную знаменитым этнографом Й. Цвиичем: «Тому человеку, который потерял *образ*, жизнь не нужна, потому что остаться без *образа* значит остаться без главного атрибута человека» [РМС]. В современном литературном языке слово *образ* сохранилось только в составе фразеологизмов и в пословицах, однако в нем широко распространилась производная отрицательная оценка *безобразан*, *безобразник* 'наглый, неприличный'. В народном языке, наряду со словом *образ*, существует лексема *поштење* 'честность, порядочность', производная от устаревшего *поштити* 'уважать, почитать' [Карацић 1935]. Часто слова *образ* и *поштење* выражают очень близкие, а возможно, и идентичные понятия: *ако би тко узео поштење другому, дужан је повратити говорећи да није истина што је рекао* 'если кто-то замарал чужую честь, то должен восстановить доброе имя человека, признав, что сказал неправду' [RJA, 11; 91 (Баћић)].

На смену слову *образ* в современном языке пришло слово *част* 'честь' и заняло главное место в лексике социальной этики. В словаре Вука Караджича слово *част* имело значение 'почесть, почет, уважение': *весело пити, у части бити* 'весело пить, в чести жизнь проводить'. То же значение было свойственно слову *чьсть* в церковнославянском языке, в языке сербского фольклора и в литературном языке первой половины 19 в., современные же значения 'совокупность высших морально-этических принципов личности' и 'достоинство' в крестьянском языке, очевидно, отсутствовали и впервые были зафиксированы лишь в 1936 г. [Бакотић 1936]. Современная лексема *достојанство* 'чувство достоинства' в словаре Караджича в этическом значении также не зафиксирована, а представлена только с семантикой 'звание, сан' и в обращениях к церковным иерархам *Ваше достојанство*. Однако в современных черногорских говорах встречается то же этическое значение 'чувство достоинства', что и в литературном языке: *Чоекү достојанство не допушта да чини зла дјела* 'Чувство собственного достоинства человеку не позволяет совершать злые дела' [Станић 1990].

Понятие совести (*савест*) в сербской культуре, очевидно, книжного происхождения, в словаре Вука Караджича оно не представлено, а получило широкое распространение в сербском языке, благодаря его переводу Нового завета [Petrović 2014, 312].

Литература

- Бакотић Лујо*. Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1936.
- Караџић В. С.* Српски рјечник. Београд, 1935 [Електронско издање. Верзија 2.1].
- Категорија оцјенки и система вредности у језику и култури. М., 2015.
- О вредностима у српском језику. Београд, 2015.
- Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1–6. Нови Сад, 1967–1976 (РМС).
- Станић М.* Ускочки речник. Књ. 1–2, Београд, 1990.
- Leksykon aksjologiczny słowian i ich sąsiadów. Т. 1–5. Lublin, 2015.
- Petrović S.* Svest 'consciousness' and savest 'conscience' — Slavic layers in the Serbian lexicon // Etymological Research into Old Church Slavonic. Praha, 2015.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Т. 11. Zagreb, 1935 (RJA).

Лексикология и лексикография славянских языков

Междометия-метарефлективы в македонском языке

Н. В. Боронникова

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

Е. В. Верижникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Междометие, метаязыковая функция, метарефлексия, македонский язык.

Summary. The paper deals with a group interjections which are used in the metalinguistic function in Macedonian texts. The research is based on literary texts of the Macedonian language to select interjections and onomatopoeia and to make the Macedonian interjections and onomatopoeia dictionary. We consider the functions of the various subgroups of interjections.

Метаязыковая функция, по Р. Якобсону, связана с толкованием кода, объяснением языковых фактов с помощью самого языка [Якобсон 1975]. Она проявляется в использовании языка для описания самого себя, в том числе для пояснения или уточнения собственной речи. Метаязыковую функцию обычно связывают с ситуациями, в которых общение затруднено: при разговоре с ребенком, иностранцем или любым другим человеком, не вполне владеющим данным языком либо некоторым социальным или функциональным подязыком.

Одной из групп единиц, в которой проявляется данная функция, являются междометия малоисследованного разряда, схожего со звукоподражаниями, но имеющего определенную специфику. Речь идет о междометиях, имитирующих человеческую речь. Единицы такого рода мы назовем метарефлективы. Очень часто в контекстах, где используются подобные междометия, метаязыковая функция переплетается с квазиреферентивной и экспрессивной (см. [Боронникова, Верижникова 2012]).

В македонском языке метарефлективы представлены довольно широко. Еще Б. Конеский, один из кодификаторов македонского литературного языка, обратил внимание на единицы наподобие *магара* — *магара*, *тандара* — *бандара*. Это весьма широко представленный в македонском языке, но мало исследованный разряд, схожий со звукоподражаниями, однако имеющий собственную специфику. В словаре, редактором которого был Конеский, *магара* — *магара* толкуется как междометие „za označavanje i podražavanje žagora, graje od glasova mnogih ljudi koji govore svi u isto vreme“ [РСХТ 1966: 554]. Единица того же разряда *тинтири* — *минтири* получает объяснение „koješta, prazne priče, gluposti“ [РСХТ 1966: 382].

Материалом для нашего исследования послужили контексты употребления метарефлексивов, входящие в корпус будущего словаря междометий и звукоподражаний македонского языка, работа над которым ведется в течение нескольких лет авторами (подробнее о концепции словаря см. [Боронникова, Верижникова 2014]).

Как показал анализ, группа метарефлексивов распадается на несколько подгрупп. Прежде всего, это подражания детской речи, «протословам», которые ребенок использует в коммуникации со взрослым. Наивный носитель языка наблюдая речь детей, выделяет наиболее характерные ее особенности: строение слога (чаще всего, это открытый слог), тенденцию к редупликации, повышенную эмоциональность, синтаксическую упрощенность: *Ва, ва, вааа! Важен телекс! / Вика Владе штом е гладен. / Ва, ва, вааа! Ваму, леле, / треба веднаш да се јаде!! / Гу, гу, гууу! Гуга весел / и за игра пруже раче. / Гу, гуу, гууу! Гулаб весел / и за игра пружа раче. / Гу, гуу, гууу! Гула блесен / сака да е врз нас качен. / Сака да е врз нас качен* (Г. Болиновски) (подр. об этой подгруппе см. [Боронникова, Верижникова 2012]).

Еще одна подгруппа — это изображение непонятной речи, чаще всего иностранной. В данном случае слушающий ориентируется на свои перцептивные образы: *Се исплашија кога начуја дека по скалите некој се качува. Се чу некоја врева. Некој нешто бараше. Не ќе разбере, но по гласот ги препознаа оние двајца Французи. Не се видоа како луѓе. Се набараа во мракот, се испофакаа за рацее. Братучедите беа збунети додека не го расебетија зборот «Оревуар». Зашто прво нешто како бум-бум им се чу, а тоа да ти биде дека тие се враќаат назад на фронтот, еве сега ноќе, што можат кога така им е пишано ама барем да се поздрават. «Оревуар», рекоа* (М. Јовановски); *За тоа време, ние посматрачите се дереме по вьетнамски: «May! May!»* (С. Мацановски-Трендо). Имитироваться может и неразборчивая речь на родном языке (слишком тихая, излишне громкая и пр.): *Дежурниот доктор нешто шуш-буш со жена ми и брат ми...* (К. Ангеловски).

Кроме того, метарефлексивы могут выступать как эвфемизмы при изображении речи либо в ситуации интимного общения, либо при имитации неприятной для собеседника, излишне любезной речи: *Пред публиком све фино, мед и млеко, циле-миле, а на само, сваѓе и туче...* (К. Ангеловски).

И самый большой пласт составляют метарефлексивы-подражания речи, которая представляется говорящему незначашей, раздражающей, глупой (*бла-бла; дри-дри; сер-сер; тангар-мангар; тангара-мангара; тандар-мандар; тандара-мандара; тинтири-минтире; џагара-магара; чачара-начара; шитлики-митлики* и др.). Очень часто подобные лексемы выступают в качестве заместителя той части высказывания, которую говорящий не хочет озвучивать собеседнику, считая ее либо уже известной, либо незначимой, ненужной: *Морам да напишам некоја своја лична исповед, како се осекам, што*

правам, за што размислувам, што сакам, **бла-бла-бла...** (Ж. Мирчевска); *Се шетаа пцовките од човек до човек, ги раскажуваа луѓето, ги дотеруваа, ги повторуваа едно-задруго и кој знае дали Силјан и Велјан ги имаа сите кажано и толку искажано, колку што ги кажуваа луѓето, пренесувајќи им ги, **чачара-начара**, ту на едниот, ту на другиот, садејќи им во душиите: троскот и пелин, чемер и грмотрн и разни горчливи и самоникнати растенија што растат* (П. М. Андреевски).

Литература

- Боронникова Н. В., Верижникова Е. В. Метаязыковая функция междометий в литературе для детей (на материале македонского языка) // Филологические заметки / Ред. J. Мојсиева-Гушева, Т. Ерофеева, М. Пинтарич, З. Ковач. 2012. 10. Ч. 2. Скопје; Пермь; Любляна; Загреб. С. 323–335.
- Боронникова Н. В., Верижникова Е. В. Междометия в македонском языке (разработка концепции словаря) // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски. 5 / Во редакција на Максим Каранфиловски. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2014. С. 59–82.
- Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик: Д. I, II. // Конески Б. Избрани дела во седум книги. Т. 6. Скопје: Култура, 1967.
- Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Сост. Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски; Ред. Б. Конески. Т. 3. Скопје, 1966 (РСХТ).
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975 [<http://philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (Дата обращения: 11.02.2016)].

Некоторые вопросы этимологического описания заимствований в русском языке начала XXI века

А. А. Горбов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Современный русский язык, заимствование, этимология.

Summary. Based on case studies, the paper argues against the overestimation of the influence of English on modern Russian and offers new and more well-grounded etymologies for some new loanwords.

Вопросы, касающиеся содержания и объема этимологических сведений, возникают в связи с описанием заимствованных лексических единиц вне зависимости от «давности» их вхождения в словарный состав русского языка, однако в отношении новых заимствований из европейских языков проблемы становятся особенно очевидными на фоне доступности современных лексикографических описаний языков — вероятных источников заимствования и экстралингвистических сведений об объектах номинации.

Учет данных современных лексикографических источников, а также времени, условий и обстоятельств вхождения в словарный состав русского языка новых иноязычных лексических единиц позволяет точно установить их происхождение, сняв выдвинутые ранее гипотезы об их английском происхождении.

В частности, Л. П. Крысин считает, что «слово *бутик* попало в русский язык не прямо из французского (ср. фр. *boutique* ‘небольшой магазин, лавка’),

а через посредство английского, где оно в процессе освоения было “повышено в ранге” и обозначает магазин, торгующий модными товарами» [Крысин 2010а: 162]. Однако анализ показывает, что во французском языке такое семантическое развитие имело место, возможно, несколько раньше, и в английский язык слово пришло в 1960-е гг. уже в новом значении: в статье «BOUTIQUE» на сайте Национального центра текстовых и лексических ресурсов (Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales, [CNRTL]) пример, иллюстрирующий новое значение¹, взят из текста, опубликованного в газете «Figaro» от 15 ноября 1951 г. При этом, по данным НКРЯ, в русском языке существительное *бутик* употреблялось в качестве экзотизма — для обозначения соответствующей реалии в западных странах — уже в 1960–1970-е гг.

Хотя данное существительное в принципе могло быть заимствовано и через посредство английского языка, наличие или отсутствие такого посредничества в данном случае не так важно, как сам факт происхождения данного слова, как и других слов, характерных для дискурса индустрии моды (*кутюрье, дефиле, от-кутюр, прет-а-порте*), из французского языка. В английском языке существительное *boutique* также сохраняет признаки слова французского происхождения — чтение буквосочетания *oi* как /u:/, написание с конечным *que*, ударение на последнем слоге — и воспринимается как французское заимствование.

Исходя из сказанного выше, непосредственным этимолом существительного *бутик* в русском языке следует считать французское слово *boutique*, причем, вопреки мнению Л. П. Крысина, не в значении «лавка, небольшой магазин», а в более узком значении, идентичном тому, в котором и употребляется существительное *бутик* в современном русском языке.

Имеются и другие новые слова, фразеологизмы и значения ранее заимствованных слов, вошедшие в активное употребление на рубеже XX–XXI веков, происхождение которых иногда ошибочно связывают с влиянием английского языка. Примером, помимо лексического заимствования *mundial* (*мондиаль*) ‘чемпионат мира по футболу’, фразеологической кальки *серый кардинал* и т. п. может служить слово *легионер* в значении ‘спортсмен, выступающий на контрактных условиях за иностранный клуб или сборную команду чужой страны’.

Согласно ранее выдвинутой гипотезе (см., например, [Крысин 2010а: 163]), данное слово в указанном значении является «незаконным» производным от *league*² ‘лига’, что представляется крайне маловероятным.

¹ Это значение толкуется следующим образом: «Magasin élégant vendant des articles de confection portant la griffe de créateurs, grands couturiers, etc.» («модный магазин, торгующий одеждой с фирменной символикой известных дизайнеров и модельеров и т.п.») [CNRTL] (перевод мой. — АГ).

² В цитируемом издании в написании предполагаемого этимона допущена опечатка: напечатано «*leage*».

Гораздо более мотивированным является предположение о связи нового значения с уже имеющимся значением «солдат легиона [...]» [Крысин 2010б: 430], точнее, «военнослужащий Иностранного легиона» [wiktionary]. Наиболее известной войсковой единицей нового времени с таким названием является французский Иностранный легион — войсковое соединение сухопутных войск Франции, в котором служат по контракту лица, не имеющие французского гражданства. Таким образом, в данном значении слова содержится элемент ‘иностранец, состоящий на службе’. В русском языке до 1990-х гг. слово *легионер* не входило в круг активно употребляемой лексики. Актуализации данной лексемы способствовала, по-видимому, популярность в России в 1990-е — начале 2000-х годов двух фильмов, где главными героями являются солдаты французского Иностранного легиона — «Самоволка» (1990 г.) и «Легионер» (1998 г.). Из сказанного следует, что в данном случае перед нами, вопреки предположению Л. П. Крысина, не «вторичное заимствование», а вполне естественное самостоятельное развитие семантики существующей в русском языке лексической единицы на основе метафорического переноса.

Аналогичным образом, опираясь на данные современной иноязычной лексикографии и имеющиеся энциклопедические сведения можно показать, что лексеме *мундиаль* и кальку *серый кардинал* не следует возводить к английским этимонам. Эти лексические единицы имеют, соответственно, испанское и французское происхождение.

Таким образом, к утверждению о том, что «неологизмы последних лет попадают в русский язык почти исключительно... из английского языка в его американском варианте» [Крысин 2010а: 160], следует относиться с большой осторожностью. В эпоху глобализации русский язык, наиболее активно заимствуя лексику из английского языка, пополняет свой словарный состав и иноязычными единицами иного происхождения, причем не обязательно через английское посредство. При этимологизации заимствований и, в частности, иноязычных неологизмов наиболее вероятной следует признавать ту гипотезу, которая, не вступая в противоречие с современными лингвистическими данными, в наибольшей степени подкрепляется энциклопедическими сведениями о самом объекте номинации и времени появления наименования.

Литература

Крысин Л. П. Проблемы представления новых лексических явлений в словарях (на примере иноязычных неологизмов) // Современный русский язык: Система — норма — уzus / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010а. С. 151–167.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010б.

Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [http://www.cnrtl.fr/definition/] (CNRTL).
wiktionary [https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80].

Семантическое поле ИНТЕРНЕТ: к проблеме лексикографического описания

О. В. Дедова, В. В. Подольская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Интернет-коммуникация, лингвистика Интернета, неология, лексико-семантическое поле, компьютерный жаргон.

Summary. В докладе рассматривается специфика семантического поля ИНТЕРНЕТ в современном русском языке и проблемы его изучения.

Последние годы отмечены тем, что т. н. интернет-лингвистика становится все более популярной сферой научных интересов. Как известно, данный термин был введен Д. Кристаллом для обозначения исследований, направленных на выявление и изучение разноаспектных сдвигов, происходящих под влиянием Интернета и других форм электронной коммуникации. Ученый выделяет четыре «концепции» в русле интернет-лингвистики: социолингвистическую, образовательную, стилистическую и практическую, — которые, взаимодействуя, дополняют одна другую своими данными.

Одним из самых существенных аспектов влияния электронной коммуникации на национальные языки являются активные неологические процессы. Русский язык также вырабатывает множественные номинации для обозначения различных реалий интернет-дискурса. Особенности данного процесса определяются, во-первых, влиянием английского языка и необходимостью коммуникативной адаптации значительного количества англицизмов, а во-вторых, неологической стихийностью, находящей выражение в использовании разговорных словообразовательных моделей, живых метафорических сдвигов и т. д. На процесс формирования лексики, называющей интернет-реалии, влияют и возрастные характеристики людей, наиболее вовлеченных в данный тип коммуникации. В результате здесь можно наблюдать игровую адаптацию англицизмов (*хомяк* — ‘домашняя страница’, от англ. *home page*), образность некоторых номинаций (*морда* — ‘первая / главная страница’). Эти и подобные явления заставляют исследователей подходить к данной лексике с позиций того, что Д. Кристалл называет стилистической концепцией интернет-лингвистики. Специфическая лексика, обслуживающая сетевой дискурс, в целом рассматривается как интернет-жаргон, интернет-сленг и т. д. С нашей точки зрения, такой подход сужает суть проблемы. Исходя из критериев ограниченности в употреблении / общеупотребительности лексики в пределах поля ИНТЕРНЕТ, можно выделить различные группы:

1. Жаргонизмы, распространенные в определенных социальных группах (*геймеры, контент-менеджеры, сео-копирайтеры* и т. д.).

2. Стилистически маркированная лексика, общеупотребимая в пределах сетевой коммуникации (*постить, лайкать, забанить* и т. д.). Стилистическая маркированность подобной лексики, которая зачастую трактуется как жаргон-

ная принадлежность, во многом объясняется характером денотата, а не способом его обозначения. При этом для передачи целого ряда понятий нейтральные корреляты отсутствуют, что не позволяет считать слова жаргонизмами. Владение / невладение данной лексикой отражает степень вовлеченности в интернет-дискурс.

3. Стилистически нейтральная лексика, обозначающая, как правило, отправные понятия электронной коммуникации (*сайт, тег, блог* и т. д.).

Исходя из этого, при анализе поля ИНТЕРНЕТ более продуктивным следует считать практический подход (или практическую концепцию, по Д. Кристаллу). Этот подход подразумевает последовательную работу, направленную на лексикографическое описание и систематизацию данного материала. Ввиду все возрастающей роли сетевой коммуникации данный лексический материал уже невозможно рассматривать как языковую маргиналию, несмотря на его очевидную «неологичность» и, вследствие этого, наличествующую в ряде случаев стилистическую маркированность.

Считаем, что задача является важной для современной лексикографии, поскольку единицы семантического поля ИНТЕРНЕТ крайне непоследовательно представлены в современных толковых словарях русского языка. Так, в «Толковом словаре русского языка XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г. Н. Склярской (М., 2006) отсутствуют словарные статьи, посвященные таким ключевым реалиям сетевой межличностной коммуникации, как *тег, стена, профиль, пост* и т. д.; ряд предлагаемых толкований нельзя признать адекватными (**Страница** — *Информ.* Электронная страница; **Интернетчик** — Пользователь Интернета, член интернет-сообщества). Вместе с тем в том же Интернете представлено значительное количество непрофессиональных словарей интернет-лексики, интернет-жаргона и т. д., что свидетельствует об актуальности подобной информации для носителей языка.

Одной из причин отсутствия должного лексикографического описания поля ИНТЕРНЕТ является то, что эта денотативная сфера бурно развивается и ее понятийная структура не до конца осознана ни исследователями, ни самими носителями языка. Поэтому одной из задач является выявление «четко очерченной целостности, состоящей из ряда участков, имеющих каждый свою собственную организацию»¹. Частеречная принадлежность, словообразовательная и семантическая специфика лексем, формирующих поле, отражают функционирование денотативной сферы: преобладают имена существительные конкретной денотативной соотнесенности и глаголы; последовательно представлены глагольные лексемы, являющиеся структурными неологизмами, образованными от именных основ данного поля. О регулярности данного типа словообразования свидетельствует тот факт, что практически от всех названий браузеров существуют соответствующие дериваты (*яндексить-ся, рамблеть-ся, файерфокснуть-ся*). Интересно, что глагол *гуглить-ся* становится

гиперонимом по отношению к другим подобным лексемам, поскольку он может обозначать поиск информации в Интернете в принципе: «Гуглить (англ. to google) — глагол, происходящий от названия поисковой системы Google, обозначает поиск информации в Интернете при помощи Google (иногда — при помощи любого поисковика) [<http://www.wikireality.ru/гуглить>]. Проведенный нами анализ позволил выделить основные типы регулярных отношений, формирующих поле — синтагматические, парадигматические и словообразовательные связи.

Литература

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2002.

Карактеристики на соматската фразеологија

Јасминка Делова-Силјанова

Универзитет „Свв. Кирила и Мефодия“ (Скопје, Македонија)

Соматска фразеологија, когнитивистика, телесност.

Summary. Phraseology is like a mirror of the peoples' culture. Its richness at the same time reflect the richness of the language, the way people think and its cultural basis. The external language factors, environment, nature, climate, level of development of the country, religion, tradition, customs, and the like influence the language, especially the set phrases. Yet, regardless of the living conditions of the human beings, one thing is the same for all peoples, in all languages, and in all cultures, and it is the human body.

Many complex and contemporary pieces of research in the area of psychology, ethnolinguistics, ethnology and anthropology bring more and more final and more convincing proves that the human being realizes the processes of personal identification and self-cognition always starting from him / herself, from his / her position, most frequently in direct correlation with the cognition of his / her being and body. In this regard, by cognition of his/her body and its parts, the human being has started creating the basic spatial coordination of the space in his / her environment. The human body and its parts have an important place in the cultural and mythical cognition of the space and as mythical codes participate in the creation and recreation of the structure of the world.

Фразеологијата е како огледало на културата на народот. Нејзиното богатство го одразува богатството на јазикот, начинот на мислење на народот и неговата културна основа. Исклучок не се ниту фраземите од областа на анатомската лексика и токму оваа категорија е најинтересна во општи рамки.

Фраземите по карактерот на својот израз и од стилистички аспект, во основа имаат силно изразена емоционално — експресивна карактеристика. Затоа е разбирливо зошто соматските фраземи воопшто се јавуваат како изрази во чија основа лежат согледувања за поведението на човекот; тие изразуваат емоции, психички состојби и однесување на човекот во светот што го опкружува. Исто така, многу од нив носат и мошне изразен негативен карактер. Многу студии се занимаваат со анализа на човечкото тело како базичен културен код или како систем од симболи, кои зависно од културната и општествената традиција, различно можат да се толкуваат и анализираат.

Во соматската фразеологија спаѓаат зборовните споеви што содржат компонента со директно значење 'дел од човечкото тело' или називи на телесни течности и материјали. Оваа област е интересна од аспект на меѓујазичната компаратистика, бидејќи е можно да се најдат бројни универзалии во рамките на фразеолошкиот фонд на словенските јазици. Причина може да биде антропоцентричноста на човечкото мислење, но исто така и тоа што телото функционира како поврзување / спојување на човекот со светот и следствено на тоа е основа за реализација на контактот со околната средина. Соматската фразеологија е израз на антропоцентризам и антропоморфизам на јазикот и на човечката потсвест.

Интересен аспект во областа на соматските фраземи е, пред сè, тоа што иако секој народ има исти делови на телото, од аспектот на фразеологијата ги гледа на различен начин — одредени делови од телото ги сфаќа како мошне важни и ги употребува во голем број фраземи, додека друг во сопствените фразеолошки единици воопшто не ги опфаќа или само во мал број. А, во случај да ги опфаќа, на дадените делови од телото во фразеолошките единици им дава такви пренесени значења што не одговараат со пренесените значења во другите јазици. Општо земено, за студентите што изучуваат странски јазици областа на фразеологијата на дадениот јазик еден од најтешките делови за усвојување.

Од погоре изнесеното произлегува дека во соматската фразеологија изразито се пројавува нашата телесност. За телесноста и нејзината важност при концептуализација на емоциите и др. зборува и когнитивната лингвистика која „произлегува од фактот дека јазикот — неговата граматика, зборовниот фонд, фразеологијата, внатрешната заемна испреплетеност на неговите единици, начините на нивните споеви — искажува нешто мошне важно за принципите на нашето мислење, за тоа како поединечните нешта / предмети и појави ги сфаќаме, како ги вреднуваме и каков однос имаме кон нив. Како и луѓето: кои се одделуваат, на пример, со специфичната телесност (што се вкотвува во просторот), сетилноста, антропоцентричноста — но и со способноста за размислување, апстракција и имагинација; со тоа што повеќе размислуваме во метонимиски кратенки, метафори, аналогии отколку во алгоритми.

Во соматските фраземи мошне често се јавуваат глава, око и очи, рака, срце, но и влакно или нокт. Називите на деловите на човечкото тело секојдневно (врз основа на метафориско или метонимиско пренесување) се употребуваат за означување на големо мноштво предмети / нешта, телото служи за броење (прстите) и помагало за определување на квантитет и мерка (мерки за далечина како стапка, потоа палец, лакот, чекор, грст, голтка, залак). Глаголите што примарно се однесуваат на телесноста, движењето, сетилната

перцепција, манипулација со предмети во просторот и сл. добиваат низа пренесени значења, упатуваат на емоциите, когнитивните процеси, социјалните односи, комуникации и др. (оди понатаму, притиска на некогo, влече некогo, виси на некој, носи одговорност, стои цврсто на земја).

Да се рефлектираат фраземите од семантички аспект значи да се работи со јазичен материјал кој не подлежи на кодификација, кој сведочи за јазикот и за искуството на генерациите пред нас и кој што е специфичен за секој јазик, односно народ.

Да се рефлектира соматската фразеологија значи дека треба да си поставиме прашања што се во врска со телесното искуство на човекот; значи да се бара чистото, природно искуство на нашето тело навлезено во јазикот; значи да се открива интерпретацијата на перцепираниот / восприеманиот и проживаениот свет преку нашето сопствено тело; значи да се бара врска меѓу тоа како околниот свет допира до нас и како тој свет следствено на тоа го рефлектираме во јазичниот израз.

Значи дека соматската фразеологија се сфаќа како особен јазичен материјал кој ни дава до знаење во каква заемна врска се чистото инстинктивно телесно воспримање со јазичната активност.

Мелиоративные переименования улиц г. Самары советского периода

Т. С. Козлова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара, Россия)

Топонимы, гидонимы, мелиоративные переименования.

Summary. As the title implies the article describes the ennobling rename. It gives a detailed analysis of rename the streets in the Samara of Soviet era. Valid and invalid renames have been chosen on the regional material basis. This article might be interesting for the linguists who study the names of streets as well as the language policy of Soviet times.

В советское время в г. Самаре было переименовано значительное количество улиц. Большинство переименований были связаны с влиянием советской власти на языковую политику города. Наименования улиц, не отвечающие требованиям советской политики, были заменены на новые. Так, к примеру, улица *Святоニコльская* стала *Первомайской*, улица *Успенская* — *Комсомольской*, а улица *Александра Невского* — улицей *Ленина*. Данные замены связаны с гонениями на религию и дореволюционную политику России.

Однако не все переименования можно объяснить только целями политического воздействия на сознание людей. Некоторые замены названий улиц были осуществлены с целью облагородить данный гидоним, сделать его лучше с точки зрения произношения, семантики. Такие переименования называются **мелиоративными**.

Облагораживающее (или мелиоративное) переименование приходило на смену таким номинациям, которые были громоздкими (например, *Переулок около питомника и Фабрики-кухни Рабочего пос.*), неблагозвучными или имели в своем значении негативную коннотацию (например, *ул. Кладбищенская*), а также которые переставали выполнять свою основную функцию — адресность данного топонима из-за возникающей омонимии названий (например, *Второй Западной переезд, Второй проезд, Вторая Толевая, Вторая ул. Безымянки, Вторая линия*) и т. д.

Проанализировав различные переименования улиц г. Самары советского периода, мы выделили ряд удачных и неудачных примеров среди топонимов, подвергшихся мелиорации. Остановимся подробнее на каждой из этих групп.

К неудачным переименованиям можно отнести следующие примеры.

Восьмой переулок в 1930 году был назван *улицей Карла Либкнехта*. Данное мелиоративное переименование мы считаем неудачным из-за иноязычности происхождения топонима. Консонантные сочетания звуков [пкн'] и [хт] не свойственны русскому языку. Стечение трех согласных в середине и двух согласных звуков в конце слова вызывает неблагозвучие, а произношение двух взрывных [п] и [к] и заднеязычного [х] и переднеязычного [т] затрудняет произношение.

Столь же неудачным можно считать и название *улицы Клары Цеткин* (до 1934 года — *Набережная р. Волги в Рабочем пос.*). С одной стороны, данный пример отражает явление мелиоративного переименования, где громоздкое название было заменено антропотопонимом. Однако, с другой стороны, новое название улицы явно неудачно, так как носители русского языка не осознают слово *Цеткин* как фамилию человека. Топоним часто произносится с метатезой (перестановкой звуков), в результате чего вместо *улицы Клары Цеткин* можно услышать *улицу Карлы Цеткин*, а также по аналогии с русским словом, возникает название с опорой на «народную этимологию» — *улица Цепким*.

Схожее явление наблюдается и в случае переименования в 1964 году *Садового проезда* в *улицу Мориса Тореза*, названную в честь французского деятеля международного коммунистического движения, имя которого — Морис Торез. Большинство людей не знают, кто это такой, зато русскому языковому обывателю известно имя *Тереза*. Таким образом, в результате паронимической аттракции топоним *Мориса Тореза* заменяется топонимом, представляющим собой сочетание двух имен: мужского и женского, появляется *улица Мориса — Тереза*.

Примерами удачных мелиоративных переименований могут служить следующие. В связи с активным строительством города в Самаре появлялись в огромном количестве новые улицы. Часто люди не задумывались над их на-

именованием, улице присваивалось название на основе порядковых числительных, при этом создавалось явление омонимии. Существовали два *Восьмых проезда*, три *Восьмых переулка*, *Восьмая линия Безымянки* и т. д. Переименование таких топонимов облагораживало карту города.

Подобная омонимия наблюдалась и в названиях улиц, содержащих один корень: ул. *Сталинградская* и ул. *Сталинабадская*, ул. *Зубчанинова* и ул. *Зубчаниновская*, ул. *Водников* и ул. *Водопроводная*. Данные названия могли привести к путанице. Их переименование не позволяло ее допустить. Кроме того, являясь единичной номинацией, такие топонимы выполняют функцию адресности (индивидуализации), в связи с этим данные примеры мелиоративных переименований мы считаем удачными.

Иногда переименование улицы возникало из-за желания изменить негативную характеристику названия. Так бывшая улица *Кладбищенская* в 1964 году была переименована в улицу *Лунную*. Здесь имя собственное вступает в отношения эвфемистической замены, когда название с негативной характеристикой заменяется облагороженной номинацией. Необходимо заметить, что первоначальное, топографически оправданное название (на этой улице располагается кладбище) сохраняет с новым названием связь; по мифопоэтическим представлениям, луна считается «символом смерти и местом пребывания душ умерших» [Маковский 1996: 211]. А кладбище — это место, предназначенное для погребения умерших [СРЯ, 2: 53].

Подводя итог сказанному, хочется заметить, что переименования улиц и в XXI веке являются частотным явлением. Большинство таких замен возникают из-за желания вернуть улице историческое название, однако почему-то слово *историческое* приравнивается к *дореволюционному*, *досоветскому*. Однако приведенные выше примеры доказывают, что не все, что «сделано» в СССР следует поменять и забыть. Говоря о переименованиях улиц, стоит помнить слова К. Г. Паустовского: «Названия нужно уважать. Меняя их в случае крайней необходимости, следует делать это, прежде всего, грамотно, со знанием страны и с любовью к ней. В противном случае названия превращаются в словесный мусор, рассадник дурного вкуса и обличают невежество тех, кто их придумывает» [Мурзаев 1982: 160].

Литература

- Горбаневский М. В., Нерознак В. П. Советский «новояз» на географической карте (о штампах и стереотипах речевого мышления). М., 1991.
- Липатова А. М. Самарских улиц имени. Самара, 2008.
- Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Мурзаев Э. М. География в названиях. М., 1982.
- Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка. Спецкурс: Учеб. пособие. М., 2006.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1986 (СРЯ).
- Улицы Самары. Справочник / Составитель Е. Я. Суровников, Самара, 1997.

Названия холодных цветов в русских и сербских вербальных ассоциациях

С. Коларевич

Белградский университет (Сербия)

Холодные цвета, ассоциации, русский язык, сербский язык.

Summary. In this paper we will conduct a research about verbal associations. The material will be taken from the association dictionaries of Serbian and Russian. The paper will show a comparative analysis of the verbal associations of the lexemes used for colours. Furthermore, it will depict the similarities and differences in the cultural aspect of the two given languages and the reality of the contemporary language world.

1. О вербальных ассоциациях

Краткий обзор истории исследований вербальных ассоциаций.

2. О названиях холодных цветов в сербском и русском языках

Предоставим краткую информацию о том, как холодные цвета получили такие названия в сербском и русском языках.

3. Плав – голубой, синий

Приведем определения лексем плав, голубой, синий. Рассмотрим их ассоциативные поля. Укажем на структуру семантического поля каждой лексемы. Все ассоциации будут рассмотрены на нескольких уровнях: грамматическом, культурном, лингвистическом. Полученные данные сравним и прокомментируем.

4. Зелен – зеленый

Сначала укажем на определения каждого цвета. Потом проанализируем данные, полученные из Ассоциативных словарей русского и сербского языков. Сравним данные из словарей двух языков и укажем на структуру семантического поля каждой лексемы.

5. Лубичаст – фиолетовый

Во-первых, расскажем об определении лексем *лубичаст* и *фиолетовый*. По уже данному образцу проанализируем ассоциативные поля двух лексем, сформируем структуру семантического поля каждой лексемы. Потом данные опишем на грамматическом и культурном уровнях. В конце сравним ассоциации данных лексем.

Литература

- Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Издательство «Наука», 1975.
Драгићевић Р. Вербалне асоцијације у семантичким истраживањима // Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика. Увод; Београд: Београдска књига: Службени лист: СЦГ, Филолошки факултет, 2005.
Драгићевић Р. Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2010.

- Дажовић В. Преглед проучавања вербалних асоцијација у савременој русистици: дипломски рад. S. I. Београд. 2009.
- Ивић М. *О зеленом коњу*: нови лингвистички огледи. Београд: Словограф, 1995.
- Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В. и Черканова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1: От стимула к реакции. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Пипер П. Асоцијативни речници словенски језика и етнокултурни стереотипи // Славистика. 7. 2003.
- Пипер П. Називи језика у мрежи вербалних асоцијација // Српски између великих и малих језика. Треће издање. Београд: Београдска књига, 2010.
- Пипер П., Драгићевић Р. и Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика. Део 1: Од стимулуса ка реакцији. Београд: Београдска књига, Слижбени лист, СЦГ, Филолошки факултет, 2005.
- Стефановић М. Граматика у асоцијативним речницима руског и српског језика // Славистика. 8. 2004.
- Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.

Словенские глаголы падения в лексико-типологической перспективе

М. Л. Кулешова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Словенский язык, лексическая семантика, лексическая типология, глаголы падения.

Summary. Slovenian language contains approximately 48 aspectual pairs of verbs of falling, which are divided into several groups including falling of a person or of different substances, falling out or into, raining or snowing etc. Some of the criteria are not typical, for instance, Slovenian verb *strmoglaviti* has a meaning of falling from a great height with an unusual speed. Multiple prefixal derivatives make the system even more diverse.

В докладе рассматриваются словенские глаголы падения как фрагмент общей лексико-типологической системы в языках мира. Ключевым термином для нас является понятие фрейма — ситуации употребления глагола, «в которой фиксированы прототипические участники» [Рахилина, Резникова 2013: 12]. В настоящей работе мы рассматриваем такого рода фреймы, а также микрофреймы (как более узкое понятие [Рахилина, Резникова 2013: 12]), выделенные нами при анализе материала современного словенского языка.

Данные «Словаря словенского литературного языка» ([SSKJ]) и корпуса Gigafida, а также результаты анкетирования 10 носителей языка свидетельствуют, что для номинации процесса падения в словенском языке присутствует не менее 48 видовых пар глаголов. Отметим, что падение мы понимаем как неконтролируемое перемещение субъекта сверху вниз без соприкосновения с поверхностью.

Доминантным глаголом в рассматриваемой системе является *pasti / padati* (далее приводится только один из членов видовой пары. — *Прим. автора*). Сфера его применения весьма широка, и чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить с русским языком следующие примеры: «Številni predmeti so padli

iz torbe» («Многие предметы *выпали* из сумки»); «Njihov tovornjak je ob treh zjutraj *padel* skozi led na Ladoškem jezeru» («Их грузовик *провалился* под лед в три часа утра на Ладожском озере»).

Очевидно, что для русского языка, в отличие от словенского, нехарактерно употребление доминантного глагола *упасть* в рамках фреймов 'выпадение из контейнера' и 'провал под лед'. Однако на словенский глагол *pasti* также накладываются определенные ограничения: в частности, он не используется в ситуациях провала под снег или пол, обрушения дома или моста, падения предметов вперед ('опрокидывания'), выпадения волос и зубов, отделения части от целого (как например, хвоста у животного). Семантика лексемы *pasti*, как и других глаголов падения, также служит базой для различных метафор: например, *pasti na izpitu* «завалить экзамен» ('падение как движение вниз') или *pasti v apatijo* «впасть в апатию» ('падение как внезапный переход из одного состояние в другое').

От доминантного глагола образовано несколько приставочных дериватов: 1) *izpasti*, обозначающий выпадение из контейнера, и — в качестве отдельного фрейма — выпадение волос и зубов: «*Izpadli so mu vsi lasje*» («У него *выпали* все волосы»); 2) *odpasti*, употребляющийся по отношению к сыпучим субъектам и совокупностям: «*Listi so že odpadli*» («Листья уже *опала*») и отделению частей от целого: «*Avtomobilu je odpadel blatnik*» («У автомобиля *отвалился* брызговик»); 3) *popasti*, сочетающийся с совокупностями: «*Vsako leto jim popade na tla precej jabolk*» («Каждый год у них *опадает* довольно много яблок»); 4) *zapasti*, обозначающий исключительно выпадение снега: «*Ropoi je zapadel sneg*» («Ночью *выпал* снег»). Таким образом, на семантической карте вышеперечисленные глаголы накладываются друг на друга и дополняют доминантную единицу.

Тип субъекта является главным параметром разграничения фреймов падения, и словенский язык отличается достаточно подробной дифференциацией глаголов, базирующейся на данном критерии. В нем присутствуют глаголы для номинации выпадения осадков: отдельно дождя: *deževati* «идти (о дожде)», *pršeti*, *rositi* «моросить, накрапывать» и снега: *snežiti*, *naletavati* «идти (о снеге)»; «падения» жидкостей: как капель: *kapniti*, *kaniti* «капнуть», так и потока: *liti* «литься»; сыпучих субъектов и совокупностей: *sipati se* «сыпаться», *usuti se* «посыпаться», *vsuti se* «всыпаться», *krušiti se* «обсыпаться, обваливаться»; обвала здания, моста, крыши: *zrušiti se* «обрушиться»; обрушения крыши, провала снега или льда: *udreti se* «обрушиться, провалиться». Следует упомянуть значимый для словенского языка микрофрейм 'сход оползня, лавины', пересекающийся со многими крупными фреймами: с упомянутым 'падением сыпучих и совокупностей' (*usuti se*), с 'соскальзыванием' (*zdrseti*, *zdrsniti*), а также с 'падением прикрепленного субъекта' (*utrgati se*), например: «*V švicarskih Alpah se je utrgal snežni plaz*» («В швейцарских Альпах *сошла* снежная лавина»).

При анализе средств описания падения человека особый интерес вызывает глагол *zgruditi se*, обозначающий падение человека (реже крупного животного) от бессилия: «House zdravi najstnika, ki *se* je sredi košarkaške tekme *zgrudil* zaradi bolečin v medenici» («Доктор Хаус лечит подростка, которого во время баскетбольного матча *подкосило* из-за болей в тазу»). Данная лексема представляет собой пример достаточно нестандартного параметра при классификации глаголов падения. Еще один нетипичный критерий — ‘падение с большой высоты’ — позволил выделить отдельный фрейм для глагола *strmoglaviti* «упасть, рухнуть». Рассмотрев контексты употребления данного глагола, мы пришли к выводу о том, что падение с большой высоты должно быть дополнительно параметром ‘нетипичная скорость’. Такого рода перемещение в воздухе сигнализирует о потере контроля, поскольку употребление *strmoglaviti* возможно по отношению к летательным аппаратам: «Letalo je *strmoglavilo*» («Самолет *упал*») и более легким субъектам: «Galeb je *strmoglavlil* v morje» («Чайка *рухнула* в море»), но невозможно по отношению к бомбе и метеориту, для которых высокая скорость падения является нормой.

Словенские глаголы, в семантике которых эксплицируются особенности начальной и / или конечной точки падения, отличаются меньшим числом противопоставлений. Мы зафиксировали три лексикализованных фрейма: ‘падение в жидкость’ (*čofniti*, *štrbunkniti* и др.), ‘падение твердого на твердое’ (*treščiti*), ‘падение мягкого на твердое’ (*čofniti* и др.).

Таким образом, разнообразие словенских глаголов падения обеспечивается не только обилием префиксальных дериватов, но и разграничениями, базирующимися на нетипичных дифференциальных признаках (‘высота и скорость падения’, ‘причина падения’).

Литература

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
Slovar slovenskega knjižnega jezika. Elektronska izdaja [<http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>] (SSKJ).

Суммарное параметрическое ядро славянской лексики и его характеристика

И. А. Меркулова

Воронежский государственный университет (Россия)

Лексико-семантическое ядро, параметрический анализ, славянские языки,
семантическое поле.

Summary. The investigation introduce the concept of the summary parametric core of the Slavonic vocabulary. This core is the source for description of the important concept for the Slavs.

Суммарное параметрическое ядро лексики — это множество слов, полученное путем сложения частных параметрических ядер группы языков. Мето-

дика получения таких ядер на примере восточнославянских языков пояснялась в публикации [Меркулова 2014]. Данное исследование проводилось на материале 14 современных славянских языков: белорусского, русского, украинского, верхнелужицкого, кашубского, нижнелужицкого, польского, словацкого, чешского, болгарского, македонского, сербского, словенского, хорватского. Размерность ядер славянских языков колеблется от 141 (в верхнелужицком языке) до 702 (в словацком языке) слов. Суммарное ядро составили 4866 лексем. Отсортировав полученное множество по дефинициям, можно выявить значения, объединяющие наибольшее и наименьшее количество языков, уникальные значения, имеющиеся в ядре какого-либо одного языка и не нашедшие параллелей в других ядрах, а также эксклюзивные связи, объединяющие только одну пару языков. При этом мы осознаем, что совпадающие дефиниции в некоторых случаях не будут гарантировать абсолютного тождества лексем. Как отмечал А. Е. Супрун, «соответствия между лексемами двух славянских языков далеко не всегда сводится к соотношению: одна лексема языка А — одна лексема языка В. Сплошь и рядом отношение сложнее...» [Супрун 1994].

В ядра всех 14-ти языков входят только одна лексема со значением *‘удар’*. Можно предположить, что это главный объединяющий всех славян смысл, что характеризует славянские языки как языки европейские, так как по материалам исследования [Кретов, Воеводская, Титов 2015] концепт *‘удар’* доминирует в лексической составляющей средневропейского языкового стандарта. Примечательно, что один из ранних славянских этнонимов — *чех*, по мнению О. Н. Трубачева, связан с боевыми качествами племен-предков и возводится к глагольной основе **česati / *čexati*, передающей рывок, резкое движение, удар. Таким образом, **čexъ* — этноним-эпитет, обозначающий воинские качества кельтских племен [ЭССЯ 1977].

Тринадцать языков объединены значением *‘мера’*. По 12 языков объединяют значения *‘идти’*, *‘ряд’* и *‘иметь’*. Далее идут значения общие для 11 языков: *бить, иметь, круг*; 10 языков: *дать, игра, сила, работа, схватить*; 9 языков: *есть, верх, гнать, поднять, жечь, дух, дом, голова, говорить, время, часть, резать, тяжелый, держать, ход*; 8 языков: *кусок, рвать, грязь, писать, голос, добро, злой, тянуть, род, час, брат, выйти, дело, плохой, конец, лицо, колоть, рог, живой, женщина*; 7 языков: *бег, человек, куча, поле, бок, взять, доска, дуть, дыра, линия, знать, край, красивый, получить, свет, сказать, слабый, стучать, сухой, течь, ехать, упасть, цвет, чистый, шар*.

Затем следуют значения, объединяющие от 6 до 3 языков.

Значения, объединяющие только два каких-либо языка, относятся к числу эксклюзивных. Таких значений 793, что составляет 32,6% суммарного ядра. Очевидно, что они требуют отдельного исследования в рамках другой статьи.

Распределение представленных значений по семантическим полям отражено на графике 1.

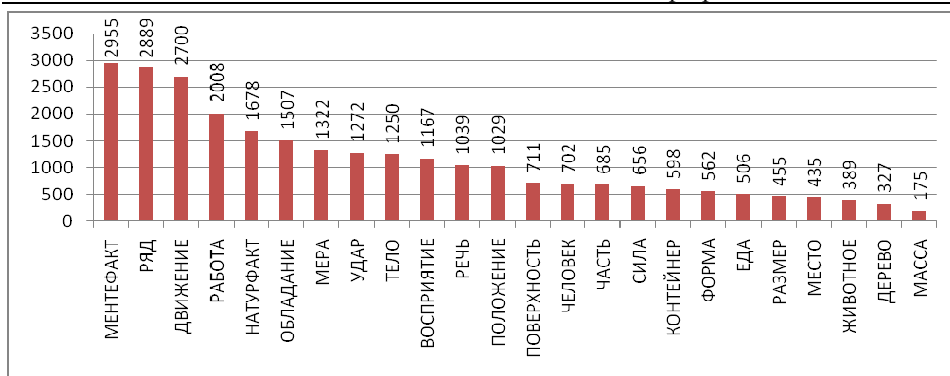

График 1. Семантизация славянского лексико-семантического пространства.

Таким образом, осуществив семантизацию лексико-семантических единиц, мы выявили наиболее важные фрагменты славянской семиосферы. Это семантические поля, объединяющие большинство славянских языков:

- *ментефакт*. Основная дефиниция — дух. Это состояния, представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации. Ментефакт описывается категориями сверхъестественное, идеальное, социальное.
- *порядок*. Это все, что связано с упорядочиванием мира человеком, с внесением им порядка в окружающую действительность.
- *движение*. Это поле включает в себя слова, обозначающие различные способы перемещения человека или предмета в пространстве, направление движения. Основной дефиницией этого поля является идти.
- *работа*. Всё это действия человека, различающиеся объектом, инструментом и целью.

Если рассматривать *удар* как часть семантического поля *работа*, то оно займет лидирующее положение.

Таким образом, анализируя суммарное ядро лексики славянских языков, можно выявить основные наиболее важные смыслы, характерные для лингвокультуры славян и обнаружить значения, дифференцирующие славянское лексическое пространство.

Литература

- Меркулова И. А. Близость лексических ядер восточнославянских языков: количественный аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 575–576.
- Супрун А. Е. О комплексном подходе к построению славянской сопоставительной лексикологии // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков / Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1994. С. 38–51.
- Кретов А. А., Воеводская О. М., Титов В. Т. Ментальное членение языков Европы в зеркале эксклюзем // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 32–41.
- Этимологический словарь славянских языков. Прагматический лексический фонд / Под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. Вып. 4. М.: Наука, 1977. С. 33–35 (ЭССЯ).

**Нестандартные глагольные лексемы,
употребляющиеся для описания действий на компьютере,
в интернете и социальных сетях в сербском языке**

М. М. Милякович

Новисадский университет (Сербия)

Нестандартные глагольные лексемы, словообразование, способ действия.

Summary. This paper analyzes verbal loanwords in the Serbian language which are used to describe activities on the computer, Internet and social networks. The corpus has been collected via surveys with native speakers of Serbian, in everyday communication and on the Internet. The paper examines adaptability of verbal loanwords to the grammatical category of aspect and the lexical aspect (Aktionsart). The thorough analysis indicates that *-овати* appears to be the suffix most frequently used in formation of bi-aspectual verbs.

Технологический прогресс и изменения в современном обществе влекут за собой изменения в языке, прежде всего, в его лексике. Слова обозначающие новые реалии называются неологизмами [ЛЭС 1990: 331]. Неологизмы образуются разными способами. В последнее время самый активный способ — заимствование из других языков, особенно заимствование из английского языка. В данной работе на материале сербского языка рассматриваются заимствованные глагольные лексемы, употребляющиеся для описания действий на компьютере, в интернете и социальных сетях (напр. серб. *лајковати*, *твитовати*, *едитирати*, *копирати*, *копинејстовати* и т. д.).

Работа основана на материалах анкетного опроса, проведенного над сербоговорящими, материалах из повседневного общения и интернет-общения.

При адаптации новых глагольных лексем задействованы словообразовательные механизмы аффиксации — суффиксация и префиксация. Нередко заимствуются и имена существительные из других языков (напр. англ. *like* — серб. *лајк*), так что заимствованный глагол можно рассматривать и как деноминальный (напр. *лајковати*). Целью работы является описание процесса адаптации нестандартных глагольных лексем к категориям славянской аспектуальности и способу действия (Aktionsart).

Проведенный анализ показал, что при заимствовании образуются глаголы с двувидовым значением. Самым распространенным суффиксом для образования двувидовых глаголов в сербском языке является суффикс *-овати*. Категория вида тесно связана с категорией способа действия [Шелякин 2008: 123–128]. Отличительным признаком способов глагольного действия оказывается отсутствие у глаголов видовых коррелятов. Хотя у двувидовых глаголов нет формальных коррелятов (напр. *лајковати*), в разговорном языке возникают формы, у которых есть семантические модификации. Анализ показал, что в группе адаптированных глаголов в сербском языке различаются следующие семантические модификации: инхоативный (напр. *зафолововати*), финитивный (напр. *одтаговати*, *анфрендовати*), делимитативный (напр. *поуглати*), семельфактивный (напр. *твитнути*), итеративный (напр. *твитовати*), взаимно-

итеративни (напр. *поуковати се*), интензивно-результативни (напр. *префотопирати*, *предитирати*), кумулативно-дистрибутивни (напр. *излајковати*, *наспамовати*), сатуративни (напр. *нафејсбучити се*) и другиe способи глаголногo действия.

Литература

Лингвистически енциклопедически словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990 (ЛЭС).

Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Електронските јазични корпуси и нивната примена во наставата и истражувањата

Билана Мирчевска-Бошева

Универзитет Св. Кирил и Методиј (Скопје, Македонија)

Корпусна лингвистика, електронски корпуси, македонски јазик.

Summary. The aim of this paper is to discuss some issues in the field of corpora linguistics with special focus on the possibilities to use available corpora of Macedonian language in the process of linguistic researches, translating or language teaching.

Научните истражувања во последниве децении сè повеќе се базираат на електронско пребарување на потребните информации имајќи предвид дека бројот на анализираните единици, брзината на нивната обработка, исцрпноста и точноста на анализата се едни од најважните сегменти на скоро секое истражување.

Ваквиот тренд не ја одминува ни науката за јазикот каде постојано се бараат начини за забрзување на процесот на превод, на учење на странските јазици, на истражување на јазикот и говорот и во тој контекст сè повеќе и сè погласно се зборува за потребата од електронска обработка на јазичните податоци, нивно вклучување во бази и овозможување слободен пристап на поширок круг на заинтересирани. Електронски помогнатото лингвистичко истражување е побрзо, поопфатно, попрецизно, попроверливо, поевтино и попростапно [Никодиновски 2013: 12–13].

Во овој труд ќе се фокусираме на корпусот како моќна алатка во рацете на лингвистите која го забрзува и го олеснува процесот на анализа на јазикот и овозможува истражување на теми и проблеми кои во „преткорпусната“ ера не биле можни.

Употребата на корпусите и во процесот на учење на странски јазик е исто така од непроценливо значење имајќи предвид дека покрај граматиката и речниците кои се неопходни за совладување на еден јазик, корпусите на текстови од дадениот јазик даваат претстава за живиот јазик и неговото функционирање.

Во услови на непостоење на македонски национален корпус, во овој труд ќе бидат разгледани можностите за користење на други македонски

електронски корпуси. Во оваа прилика ќе дадеме преглед на можностите за употреба на:

- корпусот кој се состои од 200 книги и тоа најголемиот дел се од македонската класика (Кочо Рацин, Славко Јанески, Ванчо Николевски, Петре Андреевски, Стале Попов, Симон Дракул и др.) кој е достапен на адресата <http://www.makedonski.info/>;
- македонскиот корпус развиен во рамки на проектот ГРАЛИС под раководство на проф. Бранко Тошовиќ кој содржи дел од творештвото на Блаже Конески, монографии и статии, а исто така и македонски народни и модерни песни. Овој корпус е достапен на следната адреса <http://www.gewi.uni-graz.at/gralis/projektarium/Mak-Korpus/Mak-Bibliothek.html>;
- паралелниот чешко-македонски корпус во кој се застапени книги кои се преведени и достапни на двата јазика, како и сценарија на филмови и сл. Овој корпус е поставен на https://kontext.korpus.cz/first_form?shuffle.

Покрај ова, дел од статијата е посветен и на актуелите проекти за создавање на корпуси. Овде вниманието е насочено кон проектот на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ за создавање паралелни фразеолошки корпуси на македонски, руски, полски и чешки јазик.

Литература

- Никодиновски З. Електронските алатки на лингвистот // Електронските ресурси и филолошките студии. Скопје, 2013. С. 12–26.
- Рибаров К., Панева Ј. За ползноста на електронските јазични корпуси (врз примери на еден тип на именска фраза во чешкиот јазик) [<http://ufal.mff.cuni.cz/publications/year2002/zutop-f.pdf>].
- Johansson S., Oksefjell S. On the role of corpora in cross-linguistic research // Corpora and Cross-linguistic Research: Theory, Method, and Case Studies. Amsterdam; Atlanta, 1998. P. 3–24.

Современная картина мест общественного питания в России

Й. Митурска Бояновска

Щецинский университет (Польша)

Родовые понятия мест общественного питания.

Summary. Besides the restaurants, cafe, bars, bistro, pizza houses some pre-revolutionary food enterprises appear in many Russian cities, for example taverns, pubs, inns. The Soviet style pot-houses, bars, cafeterias, vodka houses, beer houses, refectories reborn nowadays.

В Советской России места общественного питания были во всех городах одинаковы: преимущественно они назывались ресторанами, столовыми, пивными, кафе, закусочными. Тесное взаимодействие России со странами Запада в сфере ресторанного бизнеса привело к появлению различных заведений, в которых человек может не только поесть, но и отдохнуть в соответствии со своими запросами. Сегодня в российских городах кроме ресторанов и кафе найдем бары, бистро, пабы. При этом в названиях кафе происходит уточнение его

направления: *кафе-блинная, спорт-кафе, арт-кафе, кафе-мороженое, клуб-кафе, кафе-гриль, кафе-шашлычная, кафе-закусочная, кафе-кондитерская, кафе-бутик, джаз-кафе* и др. То же самое происходит со словом *бар*, ср. *кино-бар, спорт-бар, караоке-бар, суши-бар, пиво-бар, пив-бар, гриль-бар* и др. Слова *кафе* и *бар* обыденным сознанием воспринимаются как синонимичные. В словарях значения этих слов различаются тем, что в кафе нет бар-стойки, которая есть в заведениях типа бар [БТС 2003: 59, 423].

Очередной тип мест общественного питания в России представляют рестораны¹. Сегодня характер таких заведений также уточняется, ср.: *ресторан-пивоварня, пивной ресторан, ресторан-музей, клуб-ресторан, клуб-ресторация, бар-ресторан, ресторан домашней кухни* и др.

В последнее время в России «восстановились» дореволюционные заведения типа корчмы, кабаки, трактиры, кофейни и советские рюмочные². В современных лексиконах лексема *корчма*³ в дальнейшем фиксируется с пометой *ист.*, хотя окружающая нас действительность показывает, что во многих российских городах открываются корчмы, в основном предлагающие блюда украинской кухни (напр. петербургский бар-ресторан *Корчма*). Кабаки обозначали питейные заведения низшего разряда [СРЯ 1988: 211]; [ТССРЯ 2001: 321]⁴; [ТСРЯ 2002: 298]; [БТС 2003: 407]; [Скляревская 2006: 431]⁵. Сегодня среди разнообразных мест общественного питания найдем и такие, которые именуются кабаками, напр. пивной бар *Кабкак № 8* в Новосибирске, омские: ресторан-кабак *Разгуляй* и кабак *Распутинь* (с дореволюционной орфографией) и др. В СРЯ слово *трактир* представлено с пометой *устар.* и первоначально обозначало гостиницу с рестораном, позднее — ресторан низшего разряда [СРЯ 1988: 658]. В настоящее время данное заведение означает ресторан с доступными ценами (ср. словарные статьи позднейших лексиконов уже без пометы *устар.* [ТСРС 2002: 807]; [БТС 2003: 1338]; см. также [Поспелова 1997: 58]), напр. московские: ресторан *Трактирь, Трактирь Пожарского* (все названия с

¹ Первые рестораны (ресторации) стали функционировать в России в первой четверти XIX века, вычлняясь из общего ряда мест «трактирного промысла». Первоначально они состояли исключительно при гостиницах. Первый ресторан под названием *Славянский Базар* открылся в Москве в 1873 г. (сгорел в 1993 г.).

² Согласно данным словарей русского языка, корчмы были характерны для дореволюционной Украины и Белоруссии. Они функционировали в южных областях России и обозначали постоялый двор, трактир [ТСРЯ 2002: 298]; [БТС 2003: 460].

³ Во многих российских городах родовые понятия *корчма, трактир, кафе* применяются в качестве номинатора либо являются составной частью названия.

⁴ Ср. словарную статью: разг. неодобр. 'о बारे, кафе, ресторане и т. п.' [ТССРЯ 2001: 321]; [Скляревская 2006: 431].

⁵ Согласно письменным источникам первый кабак в Москве появился около 1552 г. [Прыжов 1914: 103]. В царских, московских кабаках можно было пить только одним крестьянам и посадским. Рядом с царскими кабаками во 2-й половине XVI века по городам распространялись и кабаки боярские [Прыжков 1914: 106].

дореволюционной орфографией). Кофейни¹, как и трактиры², были широко распространены в дореволюционной России. В настоящее время данные заведения также пользуются популярностью, ср. кофейня *Кофемания* в Москве, *Фамильная Выпечка* в Санкт-Петербурге.

В отличие от вышеприведенных типов заведений, в России сохранились еще рюмочные — реликты Советского Союза (напр. петербургская *Русская Рюмочная № 1*). В словарях В. И. Даля и Д. Н. Ушакова эта лексема отсутствует, что может свидетельствовать о чисто «советском» происхождении не только слова, но и самого заведения. В ТСРЯ рюмочная определяется, как «торговое заведение с распивочной продажей вина рюмками» [ТСРЯ 2002: 690].

На городских вывесках появляется и название *трапезная*. Согласно данным словарей *трапезная* — это помещение для трапезы в монастыре [БТС 2003: 1340]. Появляющиеся на российских улицах заведения, содержащие в названии компонент *трапезная* далеко не напоминают своим характером монастырских помещений. Они скорее замещают слова *кафе* и *столовая* [Поспелова 1997: 58], ср. ресторан *Трапезная* в Суздале, антикафе *Трапезная* в Якутске (с дореволюционной орфографией).

На российских улицах появились и новые типы мест общественного питания — *пиццерии* и *бистро*. Оба принадлежат к заведениям «быстрого питания». Пиццерии функционируют во всех европейских странах и предлагают клиентам в основном традиционное итальянское блюдо — пиццу. Заведения типа бистро также известны во всей Европе. Первое бистро в Москве, как утверждает Г. М. Поспелова, появилось в 1996 году в самом ее центре, на улице Варварка. С течением времени открылись новые, но «по решению городских властей основу меню подобных заведений составляют блюда русской кухни. Именно поэтому для таких “торговых точек” приготовлены вывески *русское бистро*» [Поспелова 1997: 62]. Кроме столичных, бистро открываются и в других городах, напр.: бистро *Дежавю* в Петрозаводске, столовая-бистро *Еды Палата* в Краснодаре, *Сибирское Бистро* в Томске и др.

¹ Первые кофейни появились в России при Петре I и просуществовали до 1917 г. При советской власти их закрыли. Они восстановились лишь в начале 90-х гг. минувшего столетия. Единственные кофейни при советской власти продолжали существовать в некоторых регионах Закавказья, Прибалтики и Западной Украины. Ср. словарные статьи *кафейня*: в СРЯ с пометой *устар.* [СРЯ 1988: 243] и позднейшие — без пометы *устар.* [ТСРС 2002: 301]; [БТС 2003: 464].

² Трактиры, также как и кофейни появились в России при Петре I. Первоначально это были гостиницы или постоялый двор с харчевней или рестораном, обычно невысокого класса. Трактиры были предназначены для привилегированной публики. С течением времени их статус понижается и в XIX в. трактиры стали местами для простой публики. В советское время трактир как тип заведения исчезает. В настоящее время в названии ряда кафе и ресторанов используется слово *трактир*, обычно для того чтобы подчеркнуть традиционность своей кухни.

В России постепенно и «возраждаются» заведения, которые были характерны для советского городского пейзажа — пельменные (*Пельменная Дюжина* в Санкт-Петербурге), блинные (кафе *Блинная на Воронцовой* в Москве), шашлычные (*Антисоветская Шашлычная* в Москве).

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Изд-во «Норинт», 2003 (БТС).
 Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 1988 (СРЯ).
 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азбуковник», 2002 (ТСРС).
 Поспелова Г. М. Как изменились городские вывески // «Русская речь». 1997. № 1. С. 56–62.
 Прыжковъ И. Г. Исторія кабаковъ въ Россіи. 1914 [http://imwerden.de/pdf/pryzhov_istoria_kabakov_v_rossii_1914.pdf (доступ: 13.12.2015)].
 Рекламный дискурс и рекламный текст / Ред. Т. Н. Колокольцева. М., 2011.
 Толковый словарь русского языка начала XXI века / Ред. Г. Н. Складарская. М.: Эксмо, 2006 (Складарская).
 Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века / Ред. Г. Н. Складарская. М.: «Астрель», «АСТ», 2001 (ТССРЯ).

Лексические особенности профессионального жаргона польских моряков

В. О. Нечаевский

Военный университет МО РФ (Москва, Россия)

Профессиональный жаргон, лексика, польский язык.

Summary. These theses are designed to study the lexical features of Polish sailors' slang, stem from the peculiarities of the working conditions and everyday life of the members of the occupational group.

В среде людей, объединенных общей профессией, рано или поздно возникает некий идиом, объединяющий наиболее часто используемую данной социальной группой лексику. Подобную разновидность социального диалекта называют *профессиональные диалекты (подъязыки, лексические системы)* [Бондалетов 1987: 47], *профессиональные жаргоны* [Крысин 2003: 69], а также *профессиональные языки, профессиональные говоры и профдиалекты* [Общее языкознание... 1970: 478]. В нашей работе будет использоваться термин *профессиональный жаргон*, под которым понимается совокупность средств выражения, используемых в общении (устном или письменном) представителей каких-либо отраслей профессиональной деятельности [Гарбовский 1988: 18]. Рассмотрим лексические особенности профессионального жаргона польских моряков, связанные с особыми условиями труда и повседневной жизни представителей данной профессиональной группы.

Ограниченность жизненного пространства корабля, являющегося как средой обитания, так и местом осуществления трудовой деятельности моряков, а также его постоянное перемещение накладывает определенный отпечаток на

употребляемую в означенных условиях лексику. Даже вербализация движения корабля в пространстве является для моряков предметом выражения своего отличия от «сухопутных». Если для обычных, не связанных с судоходством людей корабль *pływa, płynie* ‘плавает, плывет’, то у настоящего моряка корабль *idzie, chodzi* ‘идет, ходит’ (*iść w morze, iść do Indii, chodzić na Afrykę, wchodzić do portu*) [Kołodziejek 1994: 174]. При этом следует отметить, что у моряков-речников на Одре в этом случае употребляется глагол *jeździć* (*statek jedzie w dół [rzeki]* ‘судно идет вниз по реке’) [Słownik].

Однополюсный характер экипажа корабля усиливает экспрессивность употребляемой моряками лексики. В замкнутом мужском коллективе язык становится более выразительным, фамильярным, порой вульгарным, изобилующим крепкими ругательствами [Kołodziejek 1991: 172].

Четкое разделение команды в зависимости от выполняемых на судне функций приводит к возникновению определенной напряженности. Наибольшие антагонизмы присутствуют во взаимоотношениях машинного отделения и палубной команды. И те, и другие убеждены в исключительной важности выполняемых ими задач, хотя, фактически, члены палубной команды занимают в неофициальной корабельной иерархии несколько более высокое положение. В связи с этим, *механик* носит несколько уничижительные наименования *brudas* (‘неряха, грязнуля’), *smoluch* (от *smoła* ‘деготь’), *zężol* (от *zęza* ‘подтрюмное пространство’), а представители палубной команды — *gwiazdołap* (от *gwiazda* ‘звезда’ и *łapać* ‘ловить’), *laluś* (‘франт, пижон; неженка’). В свою очередь, обе означенные группы моряков с пренебрежением относятся к представителям вспомогательных служб из числа экипажа: *кок* — *asfalcjarz* (от *asfalt* ‘асфальт’), *kowal* (‘кузнец’), *parzygnat* (разг. *шутл.* ‘горе-повар, кашевар’); *палудист* — *trzęsilapa* (от *trząść* ‘трясти’ и *łapa* ‘лапа’), *wytrychowski* (от *wytrych* ‘отмычка’); *стюард* — *parasol* (‘зонт’); *судовой врач* — *darmozjad* (‘дармоед, туеядец’) [Sosnowski 1984: 64–66].

Частые контакты с носителями других языков в иностранных портах, а также все более частые случаи формирования интернациональных экипажей способствуют проникновению в жаргон моряков иноязычных (в большинстве случаев англоязычных) заимствований. Это могут быть команды: *singel ap!* — *отдать дополнительные концы, оставить по одному продольному и шпрингу!* (от англ. *single up!*), *midszips!* — *прямо руль!* (от англ. *midships!*), *lec gou!* — *отдать швартовы!* (от англ. *let go!* ‘отдать!’), отдельные жаргонизмы: *bridż* — *мостик* (ходовой, навигационный и др. — от англ. *bridge* ‘мост’), *bunkrować* — *грузить* (от англ. *bunker*), а также входить в состав устойчивых словосочетаний: *siedzieć na biczu* — *ожидать зачисления в состав экипажа корабля* (от англ. *beach* ‘пляж’) [Kołodziejek 1994: 173–174]. Несколько особняком в этом отношении стоит жаргон, употребляемый моряками-речниками на Одре, в котором благодаря непосредственному соседству с Германией содержится большое ко-

личество немецкоязычных заимствований: например, *anker* (от нем. *Anker*) — *якорь*, *sztajerman* (от нем. *Steuermann*) — *рулевой*, *keta* (от нем. *Kette* ‘цепь’) — *якорная цепь* и др. [Słownik].

В этой работе мы лишь коротко остановились на некоторых лексических особенностях профессионального жаргона польских моряков, который в связи с особыми условиями труда и повседневной жизни представителей данной профессиональной группы представляет для филологов несомненный интерес.

Литература

- Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987.
 Гарбовский Н. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале русского и французского языков). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
 Крысин Л. П. Социальная дифференциация системы современного русского языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 33–100.
 Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: «Наука», 1970.
 Kołodziejek E. Ekspresywność i emocjonalność słownictwa marynarzy // Język a kultura. T. 4: Funkcje języka i wypowiedzi / Pod red. J. Bartmińskiego i R. Grzegorzczkovej. Wrocław, 1991. S. 169–176.
 Kołodziejek E. Gwara marynarska — język środowiska czy język subkultury? // Język a kultura. T. X: Język subkultur / Pod red. J. Anusiewicz i B. Sicińskiego. Wrocław, 1994. S. 171–181.
 Słownik marynarskiego slangu wiślanego i odrzańskiego [http://www.zegluga.wroclaw.pl/articles.php?article_id=123 (дата обращения: 17.02.16)] (Słownik).
 Sosnowski A. Środowisko społeczno-zawodowe marynarzy. Warszawa; Poznań, 1984.

Местные наименования — хранилище знаний о культурном наследии региона Яцек Новаковски

Лингвистический университет в Варшаве (Польша)

Ономастика, внутригородские наименования, местные региональные урбанонимы.

Summary. The names of local — repository of knowledge about the cultural heritage of the region. In connection with the general urbanization we observe that the number of urban facilities is continuously increasing. In most cases, they have their own individual names. The present paper discusses urbanonyms of the north-eastern region of Poland.

Развитие ономастической науки в настоящее время характеризуется прежде всего освоением неразработанных областей онимического пространства, одной из которых долгое время оставалась урбанонимия.

Если представители других обществоведческих дисциплин, таких, как история, социология, экономика, давно сделали город одним из основных объектов своих исследований, то ономасты лишь два десятилетия назад стали обращаться к городской проблематике.

Актуальность городской проблематики сейчас объясняется не только тем, что в связи со всеобщей урбанизацией неуклонно растет процент городского

населения, что все увеличивается влияние, но и тем, что и без изучения городов невозможно в достаточной мере четко представить содержание исторического процесса в целом.

Необходимость специального изучения урбанонимной лексики возникает как закономерная потребность в заполнении белых пятен, образующихся вследствие отсутствия материала урбанонимии при описании онимического пространства. Непосредственно к урбанонимическим изысканиям приводят краеведческая, диалектологическая, лексикологическая работа, выявляющая целые группы хронологически и территориально приклепленных и лингвистически изученных единиц, которые могут быть далее использованы ономастами, занимающимися анализом онимических полей.

Немаловажным фактором, определяющим важность урбанонимических исследований, — изучение истории языка. Обследование широкого круга памятников письменности с точки зрения анализа урбанонимных единиц дает ценный материал, позволяющий историкам языка делать обоснованные выводы.

Орфографические проблемы и вопросы передачи иноязычных названий внутригородских объектов также приводят к необходимости изучения урбанонимной лексики.

Актуальность темы обусловлена и тем, что в ней учтены такие аспекты, как:

- просветительский. Развернувшаяся на страницах прессы дискуссия о названиях улиц свидетельствует о низком уровне урбанонимической культуры населения;
- педагогический. Имеются сведения, что во многих вузах в целом ведется работа по изучению урбанонимов: читаются спецкурсы, проводятся спецсеминары, выполняются курсовые и дипломные работы. Преподаватели географии, истории, языка — отмечают высокую эффективность и целесообразность использования данных урбанонимии во время занятий;
- официально-деловой. Необходимость наименования, переименования и возвращения исторических названий внутригородских объектов требует научно обоснованной урбанонимической концепции: нельзя эти вопросы решать без веских оснований, без тщательного изучения поступающих предложений и мотивировок.

Актуально в связи с подъемом национального самосознания (урбанонимия — ценнейший источник сведений о далеком прошлом народа, его языке и культуре), а также в связи с тем, что урбанонимия, обладая общим для урбанонимных систем иных территорий чертами, характеризуется рядом особенностей, обусловленных спецификой самой территории, заключающейся прежде всего в большом количестве населений, многие из которых значительно древнее самих сведений о них. И уже поэтому в названиях внутригородских объектов могли найти отражение более ранние особенности развития языка и в первую очередь древние черты лексики, утраченные позднее.

Языковые особенности региона заключаются также в том, что фиксация урбанонимов, в отличие от письменной регистрации внутригородских названий северо-восточных городов Польши, осуществлялась на древнерусском, старобелорусском, польском, русском, ятвяжском и белорусском языках (старославянский язык, сыгравший большую роль в формировании личных имен, в урбанонимии не нашел отражения), а урбанонимия Белостокщины встретила в своей истории две волны полонизации и две волны русификации, в результате чего до сих пор характеризуется сосуществованием польско- белорусско- и русскоязычных форм названий (см. [Wolnicz-Pawłowska 2004]).

Судьба городов Белостокщины, территория которой явилась ареной всех без исключения военных и политических конфликтов в Европе, наложила свой отпечаток и на внутригородские названия этого региона, проявляющийся в существовании специфических ареалов как структурных, так и семантических типов наименований.

Особенность изучаемого предмета состоит и в том, что, лингвистический изначально, он включает также культурный и социологический компоненты (см. [Nosowicz 2013]).

Повышает актуальность работы и тот факт, что если за рубежом урбанонимика приобрела статус самостоятельного раздела топонимики и активно разрабатывается, то отечественная урбанонимика делает пока первые шаги.

Литература

- Nosowicz J. F. Nazwy miejscowe jako składnik kształtowania wiedzy uczniów o swojej „małej ojczyźnie” // Estetyczne, społeczne i prawne aspekty funkcjonowania szkolnictwa wyższego w Polsce / Pod. red. J. Wyleżalek, K. Najder-Stefaniak, K. Bogackiej. Warszawa: Wydawnictwo SGGW, 2013. S. 270–289.
- Wolnicz-Pawłowska E. Nazewnictwo obszarów pogranicznych // Polskie nazwy własne. Encyklopedia / Pod red. Ewy Rzetelskiej-Feleszko. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2004. S. 397–401.

Коммуникативно-прагматический аспект эргонимии современного города (на примере польских наименований)

Ян Носович

Лингвистический университет в Варшаве (Польша)

Городская ономастика, наименования учреждений, эргонимы вузов.

Summary. An image of a company is also created by its name. All the names of companies or other financial structures whose main goal is to make a profit we may call commercial ergonyms. The subjects of the article are the most important onomastical models which can help firm to create an attractive image, such as: transonymisation of anthroponyms (names of the owners mostly); values, tradition, history (archaisms); stereotypical way of thinking of “European / American high quality” (English words and grammar mostly); various onomastical neologisms.

Время конца XX — начала XXI века характеризуется огромными переменами в экономической, социальной жизни, что не смогло не отразиться на

языке: произошел так называемый «ономастический бум». Прошли времена однотипных, идеологизированных названий. Номинаторы в условиях рыночной экономики и жесткой конкуренции, стремясь привлечь клиента, начали выбирать такие названия для своих предприятий, которые были бы не похожи на другие, запоминались и одновременно служили рекламой заведению. В настоящее время различные городские объекты получают индивидуальные собственные имена (СИ), в то время как старые названия, связанные с другой формой собственности, заменяются новыми, соответствующими текущим потребностям.

Как известно, эргоним это собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка. Однако, можно утверждать, что сегодня создание эргонимов осуществляется без опоры на какую-либо теоретическую базу, что отражается как в низком качестве рекламы, так и конкурентоспособности продукции на рынке. В лучшем случае номинаторами оказываются сотрудники многочисленных рекламных агентств, нередко не имеющие специальной подготовки, но чаще всего это — сами владельцы, не всегда способные критически оценить свое изобретение. В результате на рынке представлено огромное множество ни о чем не говорящих и не благозвучных названий. А ведь номинативная функция выполняет роль идентификации объекта — это главная функция любого собственного имени.

Однако являясь носителями номинативного значения эргонимы, также содержат в себе большое количество самой разнообразной информации. Каждое название выполняет целый комплекс различных функций, совмещает в себе определенную гамму значений. Одно и то же слово приобретает особый смысл относясь к разным объектам номинации.

Например, *“Tęcza”* в названии магазина красок в Варшаве символизирует красочную палитру цветов; в названии детского сада *“Tęcza”* в Познани превращается в символ детства; а название Лодзинской фабрики трикотажного полотна *“Tęcza”*, говорит о широком секторе предлагаемого товара. В названии хлебного магазина *“Kłos”* является символом хлеба, изделия из муки; а название ресторана *“Kłos”* (в городке Zbąszyń) представляет образ села, сельского уюта.

Ряд исследователей сходятся во мнении, что главными функциями «товарного» эргонима являются информативная и рекламная (см. [Breza 2004]). Благодаря информации, заключенной в собственном имени, и способу ее подачи, эргонимы достигают своей основной цели — привлечения внимания клиентов с целью реализации товаров и услуг. Так, условно-символические имена с точки зрения характера содержащейся в них информации можем подразделить на три основные группы: информативные, рекламно-информативные, рекламные — и они подробно будут рассмотрены в нашем докладе.

Для реализации рекламной функции используется целый набор различных средств. Наиболее универсальными среди них являются:

1. Лексемы, характеризующиеся определенными семантико-стилистическими качествами.
2. Структурно-словообразовательные средства, где для реализации рекламной функции могут использоваться названия с различными словообразовательными компонентами «престижности», которые символизируют высокое качество предлагаемой продукции.
3. Лексические средства других языков, главным образом английского.
4. Особое графическое оформление эргонима, которое часто бывает сопутствующим средством создания рекламного эффекта.

Информативность эргонима по-разному воспринимается и оценивается номинаторами и потребителями. Номинаторы в целом преувеличивают значение рекламной стороны СИ, стараются создавать яркие, возвышающие фирму названия. Однако информацию, заключенную в СИ, потребитель воспринимает в целом намного более обобщенно и огрублено, чем представляют себе номинаторы.

Информативность эргонима для потребителя — приоритетный компонент (см. [Букчина, Золотова 1986]). Именно рациональная информация, прежде всего, играет главную роль при продаже товара. Поэтому номинаторы, делающие выбор в пользу информативности перед рекламной броскостью, неизбежно выигрывают. Не случайно в настоящее время прослеживается заметная тенденция к увеличению числа информативных эргонимов.

Особую и малоисследованную область в эргонимии представляют собой наименования учебных заведений (см. [Nosowicz 2010]). Подвергаются ли они таким же самым языковым процессам, как остальные названия учреждений современного города? В нашем выступлении рассмотрим это на примере эргонимов вузов Польши. Однако следует отметить, что это тот разряд ономастической лексики, который всегда находится в динамике, в высшей степени зависит от проявления динамических и экономических процессов.

Литература

- Букчина Б. З., Золотова Г. Л. Слово на вывеске // Русская речь. 1986. № 3. С. 49–56.
- Breza E. Nazwy obiektów i instytucji związanych z nowoczesną cywilizacją (chrematonimy) // Polskie nazwy własne / Ред. Ewa Rzetelska-Feleszko. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2004. С. 343–362.
- Nosowicz J. Akademiomania // W dialogu języków i kultur. Warszawa: Wydawnictwo Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie, 2010. С. 235–250.

**Контрастивное описание
семантической истории терминов родства
(на материале русского и сербского языков)**

И. С. Правдина

Воронежский государственный университет (Россия)

*Контрастивная лингвистика, термины родства, национальная специфика,
сопоставительный анализ.*

Summary. A contrastive study of the lexical material is a reliable tool to identify the national specificity of semantics, giving the opportunity to prevent errors of interference in comparing closely related languages. In line with this approach, our attention was drawn to the lexical-semantic group of kinship terms in Russian on the background of Serbian.

Контрастивное исследование лексического материала является надежным инструментом выявления национальной специфики семантики, дающим возможность предупреждать ошибки интерференции в сопоставляемых близкородственных языках. В русле данного подхода наше внимание привлекла лексико-семантическая группа терминов родства в русском языке на фоне сербского.

На первом этапе методом сплошной выборки из толковых словарей русского языка, а также исторических словарей ([СРЯ XI–XVII вв.]; [СРЯ XVIII в.]; [СУС]; [Фасмер]) был составлен список лексем, относящихся к группе «Термины родства» — всего 105 лексем, называющих кровное и свойственное родство. Данные лексемы разделены на две большие группы: термины кровного родства и термины свойственного родства. В первой группе насчитывается 80 лексем, которые распределены по двум подгруппам: кровное родство по прямой линии и кровное родство по линиям отца или матери. Вторая группа содержит 25 лексем.

Второй этап представлял собой работу с двуязычными русско-сербскими словарями [Сербско-хорватско-русский словарь 1957], толковыми словарями сербского языка [Skok 1988] и текстами, в которых были найдены все возможные соответствия русских лексем в сербском языке. В итоге выделено 93 лексем, которые стали контрастивными парами для наименований родства в русском языке.

Своеобразие собранного материала состоит в том, что исследуемая лексика относится к разновременным пластам в русском и сербском языке, что связано с различием в процессах архаизации в сравниваемых языках.

В результате контрастивного анализа, проведенного по методике И. А. Стернина [Стернин 2006], нами было выделено несколько видов русско-сербских межъязыковых соответствий. Первая группа представлена линейными парами, которые демонстрируют полное соответствие значения (семное), а также отсутствие расхождений в форме слова (соответствие звуковой и морфемной оболочки слова). Так, актуальными для двух языков являются лексем: *брат*,

сестра, тетка и др. Векторные соответствия — это вторая группа, в пределах которой установлено несколько видов межъязыковых различий. Во-первых, лексемы, у которых наблюдаются различия в звуковой и морфемной характеристике при семантическом сходстве (например, рус. *своячина* — серб. *сваст* «сестра жены»). Во-вторых, лексемы с семантическими различиями (наличием в значениях безэквивалентных сем) (например, рус. *братанич* — «племянник, сын старшего брата», сербск. *братаник* — «племянник», нет семы старшинства). Третья группа представлена лакунарными единицами. Она сформирована по принципу выявления наличия или отсутствия в современном языке отдельного термина для наименования родственных отношений. Например, в русском языке лакуной является следующая лексема из сербского языка: *познАнче / пожњАк* — ребенок пожилых родителей; в сербском нет лексемы для общего наименования детей брата, в русском языке этот термин существовал — *братучада*.

Подробная характеристика и анализ контрастивных пар приведена в основной работе.

Выявленные расхождения в наименованиях терминов родства русского и сербского языка представляют собой готовый материал для методических разработок по предупреждению ошибок словоупотребления в речи инофонов.

Литература

- Сербско-хорватско-русский словарь / Сост. И. И. Толстой. М., 1957.
 Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–6 / Гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова; Т. 7–10 / Гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Г. А. Богатова; Т. 11–14 / Гл. ред. Д. Н. Шмелев, ред. Г. А. Богатова; Т. 15–24 / Гл. ред. Г. А. Богатова (СРЯ XI–XVII вв.).
 Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992 (СРЯ XVIII в.).
 Словарь устаревших слов. М.: Рольф, 1997, АЙРИС — пресс Москва, 1997 (СУС).
 Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. М.: «Восток-Запад», 2006.
 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987 (Фасмер).
 Skok Petar. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Pretisak]. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1988.

Об образном компоненте коннотации

Г. С. Сырица

Даугавпилсский университет (Латвия)

Коннотация, образный компонент, внутренняя форма, лексика, фразеология.

Summary. The article considers the specificity of the figurative component of the connotations, as well as the group's vocabulary and phraseology, including this component.

Общеизвестно, что коннотативный аспект семантики является одним из самых сложных и проблемных. Среди традиционно выделяемых компонентов коннотации (экспрессивный, эмоциональный, оценочный, стилистический) сти-

листический компонент является дискуссионным, т. к. он связан не столько непосредственно с семантикой, сколько со сферой использования языковой единицы. Еще более дискуссионным является образный компонент, который также относится к коннотации. В частности, до конца неясным остается вопрос о его содержании, о том, какие группы лексики и фразеологии его содержат.

Образный компонент коннотации как живое, наглядное представление о ком-чем-либо прежде всего включают лексемы, обладающие внутренней формой. В его основе лежит семантика сходства, уподобления. Образный компонент является первичным в тематических группах зоонимов и фитонимов, члены которых постоянно участвуют в создании антропоморфных метафор. При этом преобладание зооморфизмов, по сравнению с фитоморфизмами, во многом объясняется большим количеством денотативных признаков, позволяющих установить сходство сопоставляемых объектов. Лексемы со словообразовательной мотивацией включают признаки, воссоздающие образное представление о предмете. Это могут быть лексемы, в гиперболической форме отражающие наиболее характерный признак реалии. Так, фитоним *тысячелистник* передает образ растения с большим количеством листьев, гиперболически обозначенным цифрой «тысяча». Ср. тот же принцип номинации в лексеме *со-роконожка*, ср. это же слово в польском и чешском языках — *стоножка* (*stonoga*; *stonožka*), в немецком — *тысяченожка* (*Tausendfüßler*). Фитоним *лисохвост* дает представление о форме соцветия растения, которое образно соотносится с пушистым хвостом лисы (ср. также: *кувшинка*, *горицвет*, *огоньки* и др.). Двучленные метафорические номинации *пастушья сумка*, *вороний глаз*, *медвежье ушко* также воссоздают образ реалии, с которой устанавливается внешнее сходство частей растения.

Культурно-специфичный характер носит семантическая внутренняя форма. Основу семантической мотивации составляет сравнение. Метафорические номинации в группе фитонимической и зоонимической лексики восходят к этнокультурной оценке образов животного и растительного мира. Образный компонент, лежащий в основе единиц вторичной номинации, устанавливает ассоциативно-семантические связи с прямым значением. Семантическая мотивация часто строится на ассоциативном закреплении признаков прямого значения, во многом предопределяющих оценочность: *роза* (красивый цветок — красивая девушка, женщина), *перекати-поле* (растение, отрывающееся от корня и переносимое ветром — человек, не имеющий привязанности к постоянно-му жилью, легко переезжающий с одного места на другое), *орел* (сильная птица — сильный, мужественный человек), *петух* (драчливая птица — задиристый человек).

В ряде случаев за номинацией лица закрепляется устойчивый эпитет, конкретизирующий образ и дающий направление ассоциаций. Так, номинация лица *старый гриб* воссоздает образное представление именно о старом грибе, т. к.

ассоциативный фон лексемы *гриб* (ср. также *грибок*) скорее мелиоративно оценочен. Определение *старый* призвано изменить коннотативный фон вторичной номинации. В номинации *мокрая курица* (о человеке, имеющем жалкий вид) значимым является определение *мокрая*, дающее образное представление о жалком виде мокрой курицы. В номинации *темный лес* (о чем-либо трудном, непонятном) пейоративная коннотация связана с образом именно темного леса, вызывающего неприятные чувства (отсутствие света, возможность заблудиться, испугаться). Семантику незрелости, неопытности передает номинация *желторотый юнец*, воссоздающая образ желторотого птенца (ср. также другие номинации, образно передающие младенческий возраст: *молокосос*, *молоко на губах не обсохло*). В польском языке значение «неопытный, незрелый» передает фитоморфизм *щавелек* („szczawik”) («żartobliwie: młody, niedoświadczony chłopiec; młodziak, wyrostek»). При этом в создании образной коннотации участвует диминутивная форма лексемы, воссоздающая образ молодого растения. Кроме того, с незрелостью, неопытностью ассоциируется зеленый цвет.

Культурно-обусловленная коннотация, строящаяся на негативной оценке деревенского как отсталого, ретроградного, во многом является универсальной, при этом специфичным является выбор лексем, передающих это значение. Так, в польском языке в систему антропоморфных метафор вовлекается фитоним *свекла* (*burak*), дающий два значения («деревенский житель, деревенщина» и «некультурный человек, простак» (ср.: 2. *pogard.* «o osobie pochodzącej ze wsi» 3. *pogard.* «o osobie zachowującej się prostacko»). В немецком языке эти коннотации развивает лексема *Landpomeranze* («деревенский померанец») — «aus ländlicher, dörflicher Umgebung stammende, in Aufmachung und Auftreten ungeschickt, unbeholfen wirkende weibliche Person»), при этом слово *Land* (*деревенский*) входит в состав номинации в качестве мотивирующего признака. Первоначально слово характеризовало лиц женского пола, позже — мужского тоже. В русском языке в качестве сниженной номинации, характеризующей необразованного, некультурного человека, выступает лексема *лапоть*, воссоздающая образное представление о старинной простонародной обуви.

Образность во фразеологии базируется прежде всего на воспроизведении наглядного представления о прототипной ситуации, на основе которой возник фразеологизм (*приклеился как банный лист*, *надоед как горькая редька*, *как с гуся вода*) или об образе животного, растительного мира, к которому восходит этот фразеологизм. Образными являются прежде всего фразеологические единства, имеющие внутреннюю форму. Во фразеологизме *нет розы без шипов* — закрепляется наглядный образ розы, дающий представление о прекрасном цветке и о шипах на стебле, которые колются, вызывают боль, фразеологизм *цвета воронова крыла* («черный, смоляной») дает образное представление об оперении птицы, фразеологизм *работать как лошадь* — о тяжелом труде. Образный компонент коннотации ярко проявляется в эталонных сравнениях,

устанавливающих связи с конкретными реалиями: *мягкий как пух, сладкий как мед, чистый как слеза, нежный как мимоза, худой как жердь*.

Итак, образный компонент коннотации в лексемах и фразеологизмах с внутренней формой базируется на признаках сопоставляемых объектов, которые могут быть эксплицированы, названы или присутствовать в номинации имплицитно, являясь ее ассоциативным фоном, частью импликационала. В том и другом случае образный компонент апеллирует к воображению носителей языка, в той или иной степени воссоздающих наглядный образ, и в этом смысле является интерпретируемой частью семантики. Образный компонент в известной степени носит субъективный характер, является культурно-специфичным и тесно взаимодействует с оценочным компонентом.

Литература

Słownik języka polskiego. Warszawa: PWN, 2002 [<http://sjp.pwn.pl/sjp/burak;2446760.html>].
Deutsches Universalwörterbuch. Berlin: Dudenverlag, 2011.

Парадигматические отношения в общелитературном и профессиональном юридическом лексиконе

О. Е. Фролова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Гипероним, гипоним, литературный язык, юридическая терминология, правонарушение, преступление, толковые словари, специальные словари, употребление в речи, Национальный корпус русского языка, частотность.

Summary. The meanings of the words *offense* (*pravonarushenie*) and *crime* (*prestuplenie*) are considered as they are reflected in the dictionaries of the standard Russian language and specific Russian law dictionaries. Dictionary of standard language describes the special and non-special meanings of the word *crime*. The word *offense* has only one juridical meaning. The generic concept of the literary language is termed by the noun *crime*. In the special law dictionaries generic concept is denoted by the word *offense*. Analysis of the use of the words *crime* and an *offense* in the National corpus of the Russian language shows that the word *crime* is much frequent.

Системные парадигматические отношения в лексике общелитературного и профессионального языка организованы не одинаково (см. [Шмелёв 1997]). Наша задача — показать, как выделяется гипероним в общелитературной лексике и юридической терминологии.

Сравнивая семантизацию значений слов *правонарушение* и *преступление* в толковых и специальных словарях, получаем несовпадение в отношении гиперонимии и гипонимии. В литературном языке у существительного *преступление* описываются два значения — специальное и неспециальное, причем второе шире первого по объему понятия: «1. *Юрид.* Противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности. *Преступление против государства. Уголовное, должностное, военное, государственное, политическое преступление.* <...> *Состав преступления (юрид.; совокупность призна-*

ков общественно опасного действия, при наличии которых закон предусматривает уголовную ответственность). <...> 2. Предосудительный, недопустимый проступок. <...> [БТС 2002]. Более ранние словари — МАС; С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой; Д. Н. Ушакова — не считают первое значение специальным. Что касается слова *правонарушение*, БТС выделяет в этом случае только одно значение и также сопровождает толкование стилистической пометой *юрид.*: «Нарушение права, действующих законов, преступление» [БТС 2002]. Толковый словарь не вполне проясняет различие между *преступлением* и *правонарушением*, у второго существительного слово *преступление* введено в зону толкования. Словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой у слова *правонарушение* дает иную стилистическую помету *офиц* [Ожегов, Шведова 2006]. В литературном языке гиперонимом является существительное *преступление*, поскольку обозначает как противозаконное деяние, так и вообще нечто недопустимое вне юридической плоскости — поступок или поведение.

Специальные юридические словари, во-первых, четко обозначают родовидовые отношения слов и обозначаемых ими понятий, во-вторых, показывают, что в сравнении с литературным языком, эти отношения организованы иначе. *Правонарушение* — «родовое понятие, означающее любое деяние, которое нарушает какие-либо нормы права. Подразделяются на: гражданские (причинение вреда личности, имуществу гражданина или организации) (см. Гражданское правонарушение), административные (напр., нарушение правил дорожного движения), дисциплинарные проступки (прогул). Наиболее опасным видом является преступление. «За П[реступление] законом предусматривается соответственно гражданская, административная, дисциплинарная и уголовная ответственность» [БЮС]. Как видим, в системе юридической терминологии существительное *правонарушение* является гиперонимом, на что прямо указывает толкование. Видовое понятие *преступление* определяется только Уголовным кодексом и толкуется словарем как: «по ст. 14 УК РФ “виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству”» [БЮС]. Различие между родовым и видовым понятиями заключается в особой тяжести последнего.

Несовпадение слов, выражающих родовидовые отношения в литературном языке и юридической терминологии, свидетельствует о том, что ранжирование по тяжести проступка не принимается в расчет вне специальной сферы, носитель литературного языка выбирает слово *преступление*, называющее наиболее тяжелое по ущербу и последствиям нарушение закона. Категориальная сетка носителя русского языка, не являющегося профессиональным юри-

стом, не учитывает менее тяжкие правонарушения, обозначаемые существительным *правонарушение*.

Обращение к Национальному корпусу русского языка [НКРЯ] отражает родовидовые отношения, как их показывают толковые словари, и дает такую картину: для подкорпуса 2000–2015 гг. существительное *правонарушение* встречается в 437 документах и в 2034 контекстах, а *преступление* — соответственно в 2162 документах и в 6049 контекстах. Частотность отражает данные лексикографических источников: слово, осознаваемое как специальное, значительно уступает общелитературному.

Литература

Большой толковый словарь / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2002.

Большой юридический словарь [http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php (дата обращения 12.02.2016)] (БЮС).

Национальный корпус русского языка [<http://ruscorpora.ru> (дата обращения 12.02.2016)] (НКРЯ).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.

Соматические фразеологизмы в аспекте профессионально-коммуникативной компетентности медиков

С. И. Христова, В. А. Няголова

Медицинский университет — Варна (Болгария)

Соматические фразеологизмы, фоновые знания, профессиональная коммуникативная компетентность.

Summary. The paper offers a concept for including phraseological units with an element of somatism in the teaching of Bulgarian as a foreign language to students of Medicine. Various strategies are discussed for implementing them in the development of the students' linguistic and oral discourse competence in a doctor-patient communication.

Преподавание болгарского языка в медицинском вузе, направленное исключительно на профессиональную коммуникативную компетентность, привело к значительному редуцированию культурно-семантической информации и сферы разговорного стиля в содержании учебных программ, прежде всего учебных текстов. На клиническом этапе обучения, включающем работу студента с пациентом, часто возникают учебные и практические ситуации, требующие от будущего врача иной, более широкой языковой компетентности.

Для студентов, владеющих английским языком в качестве первого иностранного, а также немецким, испанским, итальянским или греческим как родным, болгарский является языком новой языковой группы. Снятие трудностей при его изучении предполагает поиск общих с европейскими языками единиц и категорий как в языке, так и в современной культуре. В болгарском языке национальное своеобразие и естественная связь с культурой просматриваются в содержании тематических единиц на уровне информативности и в меньшей

степени — на уровне языковых единиц или стиля. Очевидно, что понимание даже преднамеренно адаптированных текстов не может обойтись без «распредмечивания», для которого необходимы как лингвистические, так и энциклопедические знания [Тарасов 1994: 110].

Несомненно, «полифония человеческой речи складывается из многих регистров» [Телия 1986: 131]. Наблюдения показывают, что академические учебные тексты, эксплицирующие ситуации межличностной и межкультурной коммуникации «врач — пациент», не раскрывают характерную, часто разговорную образность аутентичной речи пациента, объясняющего свои ощущения и состояния. Одним из проявлений этой образности являются фразеологизмы, что дает нам основание расширить рамки преподавания общелитературного болгарского языка элементами лингвокультурологического анализа.

Как правило использование пациентом лексики и фразеологии в описании человеческих качеств, физических и эмоциональных состояний происходит на основе фразеологизмов с номинативным элементом — соматизм. «Двойная антропоцентричность» соматических фразеологизмов, стереотипы и общие фоновые знания, языковые универсалии, эквивалентность фразеологических единиц, наблюдаемые при сравнительных исследованиях, структура готовой речевой единицы делают целесообразным их изучение и будут способствовать при распознавании и понимании иноязычной речи пациента [Молхова 2012].

Одним из характерных условий учебного общения в нашем случае является многоязычие и различие культур. В поисках подхода к преподаванию соматических фразеологизмов, нами был проведен небольшой ассоциативный эксперимент со студентами медицинского университета, носителями различных языков и культур, владеющими английским как языком межкультурной коммуникации. Мы проверяли следующие позиции: понимание положительного или отрицательного оценочного компонента; интуитивное понимание значения болгарских соматических фразеологизмов; активное знание фразеологических единиц с соматизмами на родном языке.

При отборе соматических фразеологизмов мы использовали следующие критерии:

- активность и частотность в речи современного носителя языка;
- прозрачность переносного значения;
- значения: человеческие качества; эмоциональное состояние, физическое состояние; действие, образ действия;
- активность в речи пациента при субъективном описании состояния здоровья.

С точки зрения семантической слитности компонентов исследуемые нами в устном медицинском дискурсе фразеологические сочетания представляют собой фразеологические сочетания (*златно сърце*), фразеологические единства

(*имам на сърце*) и фразеологические выражения (*сърцето ми се качва в гърлото*). На основе семантического и структурного принципа классификации мы определили методическую последовательность введения фразеологизмов. Функционирование описываемых единиц в разных типах дискурса предполагает различный комментарий [Брагина 1999: 133]. В медицинском дискурсе соматические фразеологизмы, передающие состояние болезни или результат лечения, в речи пациента остаются на уровне стиля и регистра: *светна ми пред очите* («рассвело / свет перед глазами»), *буца в гърлото* («ком в горле»), но представляют также индиректно выраженный симптом. По этой причине они могут декодироваться врачом как симптом: *сърцето ми ще изхвъркне* («сердце вылетит») — тахикардия. В зависимости от речевой ситуации некоторые словосочетания могут функционировать и как фразеологические, и как свободные: *треперят ми коленете* («колени дрожат»), *гълтна си езика* («язык проглотил»). В случае когда словосочетания теряют переносное значение, они эксплицируют реальное физическое состояние и таким образом «возвращаются» к первоначальному прямому значению.

Литература

- Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Ковишова М. Л. Оценочность идиом и наивная этика паремий: лингвокультурологический аспект исследования // Филология и культура. 2013. № 3.
- Молхова Г. Я. Соматични фразеологизми, представящи възприятия, сетива, усещания в български и английски език. Бургас, 2012.
- Тарасов Е. Ф. Язык и культура: методологические проблемы // Язык, культура, этнос. М.: Наука, 1994.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Славянские литературы: типологические схождения и национальное своеобразие

«Каждый раз, когда я смотрю на этот снимок...» Фотография в польской прозе 1990–2000-х гг.

И. Е. Адельгейм

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Польская проза, фотография, текст в тексте, проза малой родины, дети Холокоста.

Summary. The report focuses on a surge of interest in photography in Polish prose after 1989 and the analysis of its role in the texts of the 1990s and 2000s. Photos contribute to the autotherapeutic function of narrative, helping to enroot in time and space, to process traumatic experience related with the past, to reach integrity of identity and biography — its own, their ancestors', space's.

Доклад посвящен всплеску интереса к фотографии в прозе Польши после 1989 г. и анализу ее функций в текстах 1990-х и 2000-х гг.

В прозе 1990-х гг. фотография присутствует в значительной степени как маркер ностальгического восприятия бытия. Лишь старые фотографии воспринимаются как ценные и значимые, процесс же «фоторепродукции мира» (М. Беньчик) ощущается как симптом неспособности к непосредственному восприятию реальности.

Беспрецедентный интерес литературы к фотографии в 1990-е гг. связан, в первую очередь, с прозой «малой родины», особенно той ее ветвью, которая обживала словом травмированное и травмирующее пространство Возвращенных территорий (отошедших к Польше по условиям Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г., а также переговоров с СССР 1945-1956 гг. бывших немецких земель, которые были после Второй мировой войны заселены «репатриантами» с окончательно утраченных Восточных Кресов и добровольными переселенцами) — текстами С. Хвина, П. Хюлле, А.-Д. Лисковацкого и др. Спустя десятилетия после трагедии военной и послевоенной миграции оказалось, что для детей переселенцев полное укоренение в пространстве детства невозможно без рефлексии над судьбами предков — как собственных, так и бывших жителей этих территорий. Топос Возвращенных территорий восходит к закрепившейся в польской литературе традиции художественного осмысления памяти о Восточных Кресах, которые стали символом утраты. В прозе о Возвращенных территориях остро переживается уже двойная и даже тройная утрата (т. е. травма, пережитая, во-первых, собственными предками-переселенцами, во-вторых, изгнанными с этой земли немцами, и, наконец, самим пространством-палимпсестом). Это переживание воплощается, прежде всего,

в своеобразную ностальгическую археологию: Возвращенные территории описываются как «палимпсест на листе времени» [Turczyński 1998: 129], а повествователь интересуется, в первую очередь, предметным миром и топонимикой — безмолвными (но охотно одушевляемыми) свидетелями Истории, точками, в которых сфокусировано напряжение между прошлым и настоящим, своим и чужим, данным и отсутствующим.

В этом художественно-психологическом процессе огромную роль играют описания фотографий. Фотография обостряет ощущение преходящести и неумолимости времени и Истории, как в линзе сконцентрированных в конкретной судьбе. Герой одновременно переживает прошлое и будущее, словно бы минуя настоящее: то, что «уже» было, изображается как то, что «еще лишь только» произойдет, и наоборот. Фотографии словно бы дают эффект присутствия в настоящем и прошлом одновременно. Фотографии используются в прозе «малой родины» также непосредственно, это «текст в тексте», служащий авторской игре с автофикциональностью и автобиографичностью, отсылающий к внетекстовой реальности, историческому и биографическому фону, разнообразно объединяя разные тексты (описываемая в одной книге фотография может быть опубликована в другой).

Для поколения молодых польских прозаиков, вступившего в литературу в 1990-е гг., после исторического перелома, интерес к фотографии оказался важным элементом механизма адаптации к новой реальности — без ее непосредственного изображения. Ностальгия, испытываемая молодым повествователем, оказавшимся в ситуации исторического перелома, словно бы удваивается, будучи воспроизведенной от лица глядящих с фотографий предков, переживших подобные периоды. Образы, запечатленные в кадре, оживляют память и воображение, исподволь подтверждают существование скрытого за кадром порядка, непрерывности жизни, целого, из которого были вырваны. Они создают ощущение «встроенности» частной биографии в общее целое, дают иллюзию целостности и осмысленности. Происходит ностальгическая, не лишённая сентиментальности мифологизация детства и судьбы повествователя, а также самого пространства Возвращенных территорий, безмолвных свидетелей и участников его истории.

В 2000-е гг. фотография (присутствуя в тексте как опосредованно, так и непосредственно) играет особую роль в прозе так называемого «второго поколения» детей Холокоста, росших в тени материнской травмы (Э. Курылюк, А. Тушиньской, М. Тулли и др.). Здесь она также служит основной сверхзадаче повествования — нарративизации травмы и преодолению ее последствий. Это и результат «расследования» (по различным причинам, в первую очередь, сильного антисемитизма в послевоенной Польше, пережившие Холокост скрывали от детей свое происхождение: потомки вынуждены восстанавливать историю семьи на основе информации, полученной от разных людей, на основе

обнаруженных документов, в процессе посещения мест, связанных с историей семьи.), и стремление прикоснуться к прошлому родных. Фотография оказывается реальным, осязаемым доказательством существования родных, общения с которыми и отчасти даже памяти о которых лишил потомков Холокост, порой словно бы заменяет отсутствующие воспоминания. Кроме того, россыпь уцелевших фотографий, их разрозненность — свидетельство и своего рода символ необратимости прошлого, невозможности сконструировать связное повествование о нем. В случае матери Э. Курылюк попытки вытеснить воспоминания о Холокосте приводят к психическому заболеванию. Фотография здесь — безмолвное, но выразительное воплощение контраста между свидетельствами нормальной семейной жизни и скрывавшейся за ними трагедией.

Таким образом, и в 1990-е, и в 2000-е гг. фотография способствует выполнению автотерапевтической функции художественных текстов (очень характерна в этом смысле потребность в ностальгическом не просто описании, но специфически подробном описывании фотографии), помогая укоренению во времени и пространстве, переработке травматического опыта, связанного с прошлым, обретению цельности идентичности, цельности биографии — собственной, своих предков, пространства.

Фотография подчеркивает ощущение фрагментарности, рассеянности следов прошлого и одновременно создает иллюзию обладания прошлым. Неслучайно в русской литературе можно наблюдать явление, названное И. Кукулиным «фотоэлегизмом»: «тексты и книги, основанные на демонстрации противоречивого, но очень напряженного по своему “градусу” отношения к старым, советского времени частным фотографиям — эмоции, соединяющей ностальгию, отвращение, стремление заново “перечитать” прошлое» [Кукулин 2008: 223].

Литература

- Кукулин И. Фотографическое печенье «мадлен» // НЛО. 2008. № 92. С. 223.
Turczyński A. Spalone ogrody rozkoszy. Warszawa, 1998. S. 129.

Опыт создания хрестоматий по современной русской литературе для иностранных учащихся

Н. В. Баландина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Художественный текст, современная русская литература, хрестоматия.

Summary. The presented report discusses a very important issue — the necessity to prepare reading-books on the basis of modern Russian literature's works oriented at foreign learners. The main principles important in preparing the manual are considered, also types of exercises presented to foreign students while analyzing works of fiction are taken into consideration in the report.

В процессе преподавания русского языка иностранным учащимся художественный текст является объектом особого внимания. Фрагменты из худо-

художественных произведений часто включаются в разделы учебных пособий, посвященные различным лексическим и грамматическим темам, а также в пособия, содержащие разнообразный страноведческий материал. На высших этапах обучения русскому языку (прежде всего, при обучении иностранцев-филологов) неизбежно возникает потребность в обращении к художественному тексту. Художественный текст становится не только средством обучения, но и самостоятельным объектом изучения.

Опыт показывает, что иностранные учащиеся хотят читать художественную литературу на русском языке, при этом они хотят читать не адаптированные тексты, которые с психологической точки зрения воспринимаются ими как учебные, а оригинальные тексты произведений. Интерес у иностранцев вызывают не только произведения русской классической литературы (со многими из них они знакомятся еще на родине), но и произведения современных российских авторов. Как правило, у многих иностранных учащихся, даже обучающихся на филологическом факультете, нет ясного представления о современной русской литературе. Желание учащихся можно понять: они живут и учатся в России, поэтому им интересно читать литературу, в которой отражается современная российская действительность. Им также интересны различные особенности современного русского языка, в частности, особенности разговорной речи — те лексические единицы и грамматические конструкции, которые часто используются в устной разговорной речи, но которые не находят отражения в учебниках и учебных пособиях (а именно такая речь, как правило, составляет диалоги, представленные в современных литературных текстах). При попытке самостоятельного чтения художественных произведений у иностранцев возникают неизбежные трудности, связанные не только с незнанием некоторых языковых единиц, но и с непониманием многих экстралингвистических реалий. При этом даже обращение к словарям и специальным справочникам не всегда может помочь. К тому же нужно принять во внимание тот факт, что современной русской литературе (например, произведениям, относящимся к постмодернизму) присуще такое качество, как интертекстуальность, — следовательно, необходимо обладание обширными знаниями, связанными с культурным фоном, а подобные знания у иностранных учащихся в силу известных причин либо отсутствуют, либо имеются в минимальном объеме.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ работе с художественным текстом всегда уделялось большое внимание. А с недавнего времени коллектив преподавателей, которым приходится наиболее часто обращаться к художественному тексту при обучении иностранцев русскому языку, приступил к созданию учебных материалов нового типа — хрестоматий, адресованных иностранным учащимся. Создание хрестоматий обусловлено потребностью собрать воедино тексты, дающие

представление о современной русской литературе и российской жизни в целом, а также необходимостью способствовать выполнению главной задачи преподавателя русского как иностранного — повышать у учащихся уровень владения русским языком. Для выполнения этих задач предназначен комментарий к каждому художественному тексту, представленному в хрестоматии.

В процессе создания хрестоматий перед составителями стоял целый ряд задач. Прежде всего — отбор материала, при котором учитывалась не только значимость литературных произведений в контексте современной литературной парадигмы, но и многие другие факторы. Так, в хрестоматию были включены не только произведения авторов, имена которых «на слуху» (В. Пелевин, Е. Гришковец, З. Прилепин и др.). В задачу составителей также входило стремление познакомить иностранных учащихся с новыми именами в современной русской литературе — малоизвестными авторами, но, несомненно, способными вызвать интерес в силу определенных художественных достоинств созданных ими произведений (М. Бару, Л. Скрыбина и др.). Также предложенный выбор произведений дает представление о делении литературы на подтипы (метапроза, неореализм, мидл-литература, *ultra-fiction*, христианская проза и др.).

Что касается объема представленных в хрестоматии литературных текстов, то в силу понятных причин большая часть произведений в сборнике представлена в отрывках. Однако выбор отрывков происходил таким образом, чтобы их чтение помогло ощутить сюжетную и смысловую «канву» произведения, а также обнаружить индивидуальные стилистические особенности авторского текста.

Кроме задачи отбора наиболее интересных с литературной и стилистической точек зрения произведений, необходимо иметь в виду специфику потенциального читателя — это не только человек, не являющийся носителем русского языка, но и, прежде всего, учащийся (студент, магистрант, аспирант, стажер). Поэтому комментарий, которым снабжается каждый литературный текст, имеет не только информативный, но и учебный характер. Одной из важных особенностей комментария является его интерактивность: наряду с объяснением каких-либо лексических единиц, грамматических конструкций или культурно-исторических реалий предлагаются различные задания коммуникативного характера, направленные на активизацию полученных знаний, на формирование умения высказывать свое мнение по какому-либо вопросу, продуцировать диалогическую речь.

Таким образом, создание хрестоматий обусловлено давно назревшей потребностью в создании сборников художественных произведений современной литературы, которые снабжены комментариями как информативного, так и интерактивного характера, что позволяет иностранным учащимся не только

получить представление о современной русской литературе и различных культурно-исторических российских реалиях, но и развить различные навыки и умения, необходимые в процессе овладения иностранным языком, что в конечном счете помогает иностранцу ощутить себя не «сторонним наблюдателем», а частью того «мира», язык которого он выбрал для изучения.

Литература

Современная русская проза — XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный / Под общ. ред. Е. А. Кузьминовой, И. В. Ружицкого. Ч. 1. М.: Русский язык. Курсы, 2009.

Современная русская проза — XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный / Под общ. ред. И. В. Ружицкого. Ч. 2. М.: ИНФОТЕХ, 2013.

Творческое наследие Я. П. Полонского: автобиографический аспект

Е. М. Баранская

Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Россия)

*Автобиографизм, житнетворчество, литературная личность,
литературно-исторический образ*

Summary. Multidimensional manifestations of autobiographism in the creative heritage of the poet of the XIX century Polonsky Y. P. are discussed. The constructing literary-historical and worldly image of the poet proceeds from the context of Polonsky's life-creative trends.

Среди документальных источников жизнеописания Я. П. Полонского особенное место занимают автобиографическая и мемуарная проза, а в значительной степени и поэзия. Следует помнить, что биографические реалии поэтической личности становятся реалиями ее поэтического мира. В этом плане значим индивидуально-психологический фактор (событийно-биографический) в создании литературного образа поэта.

Событийно-биографический ряд в творчестве Я. П. Полонского актуализируется в 1860–1890-е гг., когда поэтически-постулируемая откровенность сменяется открытым автобиографизмом. В условиях же реального бытования литературной личности, салонного общения актуальны поведенческие установки на житнетворчество, которые направлены на сознательное моделирование литературного амплуа поэта. В этом духе отрабатывается автобиографическая проза Я. П. Полонского, которая хранит видимые следы авторского осознания себя и своей судьбы в истории России, авторской работы над своим историческим и литературным образом, что в целом характерно для мемуарного жанра вообще, основанного на ретроспективном осмыслении прошлого.

В автобиографической прозе Я. П. Полонский эстетически организует материал в соответствии с собственным представлением о том, «какой должна

быть автобиография поэта» [Павлова 1989: 141]. Обращение Я. Полонского к мемуаристике — не только следствие возрастной ностальгии, но и способ утверждения своего писательского имени. Ю. Никольский заявлял в 1917 г., что для Полонского «не было радостью быть безымянным, народным поэтом», смысл «действия искусства» он видел в личном бессмертии [Никольский 1917: 103]. Мысль труднодоказуемая. Но верно: «автобиографическая проза» Я. П. Полонского создавалась довольно долго (почти 30–35 лет) и в рамках авторизованного биографического мифа. Тем более, с середины 1850-х гг. возрос интерес читательской аудитории к личности литератора. Появляется ряд публикаций биографического плана. Публика осталась «крайне довольна и <...> устроила моду на поэзию и литераторов» (И. И. Панаев) [Современные заметки 1854: 98].

Воспоминания, дневниковые записи Я. П. Полонского также рассчитаны на широкую читательскую аудиторию. Потому его дневниковые записи нерегулярны, как правило, носят «итоговый» характер. В частности, записи за 1858–1860 гг. объединены авторским вступительным словом (в дневнике!): «У меня нет памяти, я не помню собственных имен, чисел, но у меня много воспоминаний. Записать их, однако же, дело нелегкое, для меня, по крайней мере» [Полонский: л. 23]. Последующие слова Полонского дают ключ к восприятию его дневников: «Я <...> очень желаю, чтоб когда-нибудь, кто-н. из старых, переживших меня друзей моих открыл эту книгу... и мысленно пережил несколько минут из жизни уже несуществующего Полонского. Вот в этом-то и заключается наше земное бессмертие» [Полонский: л. 24–25]. Дневники Полонского, его воспоминания переписаны Ж. А. Полонской. (Ныне хранятся в архиве РГАЛИ, частично опубликованы в № 1–4 «Голоса минувшего» за 1919 г.). Нет сомнения: в них, а также в эпистолярии Полонский сознательно работает над своим писательским образом, предусматривая будущее прочтение этих материалов и многомерное восприятие своего «я» в историко-литературном и бытийном контексте.

Один из аспектов проявления автобиографизма в творчестве Я. П. Полонского — вовлеченность в исторический процесс. В формировании литературно-исторического образа поэта особую роль играют ключевые события российской истории (в частности, пласт поэзии периода Крымской войны 1853–1856 гг., национально-освободительного движения на Балканах 1870-х гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). В зрелые годы Я. Полонский предъясняет читателю свою поэтическую автобиографию (второе «Письмо к музе»; «Старая няня», 1876). Очевиден подчеркнуто-национальный характер «музы» «рязанского поэта» Полонского — уроженки земли рязанской («Письма к музе»).

К концу 1880–1890-х гг. усиливается влечение поэта к жанру мемуаристики, произведениям автобиографического плана: это обуславливает видение

своего «я» как в процессе собственного поэтического становления, так и на фоне социальных событий общероссийской значимости. В 1890 г. (№ 2, 6) и 1891 г. (№ 5) «Русский вестник» публикует воспоминания Я. П. Полонского «Старина и мое детство». «Русская школа» в 1890 г. (№ 1, 2) помещает «Школьные годы» — воспоминания поэта об ученичестве в рязанской гимназии. (Номера журнала отосланы в Рязань А. В. Селиванову). Незадолго до смерти Полонский отправляет в редакцию ежемесячного литературного приложения к журналу «Нива» «Мои студенческие воспоминания» (1898): не только фрагменты автобиографии, но свидетельства о лицах, сыгравших видную роль в русской жизни.

Однако, воссоздавая личность поэта из его произведений, необходимо учитывать работу автора над собственным историко-литературным образом. Его автобиографическое, художественное «Я» отражает «Я» литературное. Художественное положение авторского «Я» — центровое, а мир — вокруг авторской личности. В целом же автобиографическая проза Полонского, на наш взгляд, — лишь один из путей создания литературного образа: работа над этим образом слишком очевидна для читателя-современника, и писатель-психолог, каким был Я. П. Полонский, никогда не изберет автобиографический жанр в качестве основного пути литературного самопредъявления.

Литература

- Никольский Ю. История одной дружбы. Фет и Полонский // Русская мысль. М.; Пг., 1917. № 5–6. С. 82–127.
- Павлова И. Б. К вопросу об автобиографиях Александра Блока // Факт и художественный образ: Межвуз. сб. науч. трудов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1989. С. 135–142.
- Полонский Я. П. Дневниковые записи. Копия, сделанная рукой Ж. А. Полонской. 1856–1860 гг. // РГАЛИ. Ф. 403. Оп. 2. Ед. хр. 7.
- Современные заметки. Письма «Иногородного подписчика» о русской журналистике. Б. п. // Современник. СПб., 1854. Т. 44. С. 96–108.

Литература и этика: оскорбления в литературе в Словении

Александр Бельчевич

Философский факультет Университета в Любляне (Словения)

Литература, этика, оскорбление, фикция.

Summary. In 1999 B. Smolnikar was sued for insulting family Nakrst in her novel *Ko se tam goriolistajo breze*. She received broad public support by writers, journalists and literary scholars. Their most frequent argument was that all literature is fiction and that all literary characters are fictional beings and that similarity between literary character and a real person is only a coincidence. In this article I propose a fourfold definition of fiction in order to prove that their argument is false.

С 1999 по 2012 годы в Словении было не менее 12 разбирательств, в которых отдельные личности или группы людей (т. н. гражданская инициатива) публично протестовали против некоторых художественных произведений,

утверждая, что те аморальны или выставляют некоторых людей в оскорбительном свете.

Самым громким было «дело Смолникар»: в 1999 году семья Накрст обвинила писательницу Б. Смолникар в оскорбительном описании членов семьи в романе «Ko se tam gori olistajo breze». Общественность сразу же приняла сторону писательницы: ее защищали писатели, журналисты и некоторые теоретики литературы. Для ее защиты привлекались различные аргументы. Все аргументы, использованные в публичной дискуссии, представляются мне ошибочными. Цель публичных защитников заключалась в том, чтобы любым способом оправдать писательницу, несмотря на эмпирические факты, которые могли бы быть представлены на суде; это было бы возможно лишь в том случае, если бы было доказано, что писательница никоим образом не может быть виновна. Поэтому защитники должны были предоставить аргументы, которые были бы справедливы **априори**.

Самый распространенный и интересный с теоретической точки зрения аргумент заключался в том, что **вся** литература является вымыслом (**фикцией**), а все литературные персонажи всегда вымышлены и любое сходство между литературным персонажем и реальной личностью всегда случайно. Если это правда, то **принципиально** невозможно, что писательница описывает реальных людей, кого-либо оскорбляет и виновна в оскорблении. Однако неверно считать, что литература — это всегда вымысел, следовательно, данный аргумент ошибочен. Реален ли персонаж или вымышлен, это эмпирический, а не принципиальный, литературно-теоретический вопрос: большинство литературных персонажей вымышлено, но некоторые не вымышлены и имеют референцию к реальным личностям. Описала ли Смолникар семью Накрст, это эмпирический вопрос; оскорбила ли она семью Накрст, это уже юридический вопрос.

Чтобы доказать свою точку зрения, я предлагаю четырехчастное определение художественного текста. В случае Смолникар сходство семьи Накрст с литературными персонажами была столь очевидной, что можно сказать, что семья послужила для них образцом (во втором издании романа писательница опубликовала судебную документацию, которая позволяет провести подобную параллель). Верховный суд оправдал писательницу в 2007 году, постановив, что та не оскорбляла семью Накрст умышленно. Аргументы, высказанные общественностью, оказались непригодными.

Литература

Решение Конституционного суда от 12 апреля 2007 года: *Odločba o razveljavitvi sodbe Višjega sodišča v Ljubljani in sodbe Okrožnega sodišča v Ljubljani*, Stran 5031 [<http://www.uradni-list.si/1/content?id=79799&smode=site>].

Smolnikar Breda. Najbolj zlata dépuška pripovedka o ihanski ruraliki. Samozaložba, 2004.

Синтез приемов киноискусства и литературы как форм выражения авторского сознания в повести В. С. Маканина «Голоса»

Гун Цинцин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия) / Китай

Маканин, «Голоса», синтез киноискусства и литературы, авторское сознание.

Summary. As a famous contemporary Russian writer, Vladimir Makanin's name was pinned the mantra of "a living classic". Connections to both modern and classical Russian prose traditions form the consistent patterns of his writing. This paper is devoted to analysis of the synthesis forms of film and literature, which are used to express the artistic consciousness in prose «Voices» by Vladimir Makanin.

1. Синтез разных видов искусств как художественная основа выражения авторского сознания

Творчество В. С. Маканина составляет одну из интересных и ярких страниц современной литературы. Он по праву считается одним из уникальных художников второй половины двадцатого столетия, знаковой фигурой литературного процесса послевоенного времени XX–XXI вв. Его новаторские художественные открытия развиваются, обогащаются и постепенно образуют новые традиции литературы.

Критик Н. Роднянская, называя Маканина художником «по преимуществу» [Роднянская 2006: 633], подчеркивает, что большие вопросы времени он ставит так, как это свойственно только искусству: он не поражает, а исподволь заражает ими» [Роднянская 2006: 633]. Будучи не только талантливым писателем, но и оригинальным мыслителем, Маканин, используя синтез разных видов искусства, создал собственную художественную философию творчества. Не случайно именно синтетические художественные формы служат выявлению особенностей авторского сознания в прозе писателя. Примером такого рода синтеза является повесть Маканина «Голоса», в которой взаимодействуют литературные и кинематографические приемы. Наибольший интерес представляет использование монтажной композиции как неканонический прием выражения сознания писателя.

2. Роль кинематографических приемов в структуре хронотопа повести Маканина «Голоса»

Рассуждая о прозе Маканина, Т. Толстая подчеркивала, что «для понимания построенного им мира чрезвычайно важной кажется <...> сама форма, структура его произведений, особенно последних» [Толстая 1988: 84]. В организации «структуры» «Голосов» важную роль играют «принцип интеллектуального монтажа» (термин С. М. Эйзенштейна) и прием создания «мозаики». Интерес писателя к художественным возможностям кино был обусловлен не только биографически (в 1964 г., он поступил на Высшие курсы сценаристов и режиссеров), но и спецификой его эстетических исканий.

Диалектика времени и вечности является одной из центральных тем философской рефлексии Маканина, о чем свидетельствует повесть «Голоса».

В ней автор воссоздавал две формы проявления времени: идеализируемое прошлое и повседневное, «скоротечное» настоящее. Их уникальность и взаимосвязь раскрывается автором с помощью приемов монтажной композиции. При этом каждой из форм времени соответствует определенный тип пространства. Одна разновидность пространства — большой город. В нем преобладает хаотическая жизнь, которая соотносится со «скоротечным» настоящим. Другой тип пространства — старый поселок или желтые горы Урала, символизирующие вечность бытия. Антитеза жизни в большом городе и в поселке в авторском сознании соотносится с антитезой вечности (бытия) и быстротечности (быта).

Однако специфика монтажа в «Голосах» также обусловлена тем, что автор предстает как современник изображаемых жизненных событий, который изначально отказывается от их оценки. Не случайно произведение вбирает в себя калейдоскоп различных жизненных явлений, что обусловило «мозаичность» повествовательной структуры «Голосов», ее «разбитую композицию» [Иванова 1988: 216]. Хаотичность «скоротечного» времени подчеркивается и использованием «в качестве развязки» кинематографического приема «стоп-кадра, который выхватывает героев из потока существования, но нечего принципиально завершающего в их жизни не вносит» [Пискунова, Пискунов 1988: 54].

Использование приема монтажа способствует тому, что композиция «Голосов» становится одной из форм отражения авторского видения мира, отличающегося многоплановостью и эпической широтой. Эффект объемности авторского сознания создается и при помощи приема, отмеченного Т. Толстой в контексте анализа других особенностей прозы Маканина. Она говорит о принципе «голограммы», «любой кусочек» которой «заключает в себе тоже весь предмет, но без детализации, без объема, более нечетко, размыто, плоско». Именно по этому принципу, по ее мнению, построены «Голоса»: «В результате мы оказываемся во Вселенной, организованной и функционирующей на всех уровнях — от микроструктур до макроструктур — на основе некоего принципа, заявленного в заглавии (всегда очень точном у Маканина). Это дает мощнейшей эффект эмоционального погружения читателя в «космос» произведения...» [Толстая 1988: 85].

Таким образом, синтез возможностей литературы и киноискусства помогает Маканину выразить свое представление о сложности мира, о его экзистенциальном потенциале, способствуя выражению авторского художественного сознания.

Литература

- Иванова Н. Точка зрения: О прозе последних лет. М., 1988.
Пискунова С., Пискунов В. Все прочее — литература // Вопросы литературы. 1988. № 2.
Роднянская И. Б. «Незнакомые знакомцы» // Движение литературы. Т. 1. М.: Знак: Языки славянских культур, 2006.
Толстая Т. Голос, летящий в купол. Беседа прозаика Татьяны Толстой и критика К. Степаняна // Вопросы литературы. 1988. № 2.

**Жанр «беседы»
в словацкой литературе рубежа XIX–XX веков**

Д. Гучкова

Институт словацкой литературы САН (Братислава, Словакия)

*Словацкая литература на рубеже XIX–XX столетий, исследование жанров,
фельетон, очерк.*

Summary. The study researches the genre of “besednica” (feuilleton, tale, chat, gab fest) in the context of the evolution of small fiction genres in Slovak literature, roughly from the 1860s until 1914. It focuses on its formation and discusses its terminological delimitation (being aware of terminological and contents ambiguity). It also deals with developmental typology of texts and researches concrete works by individual authors. “Besednica” in the given period had rather different forms (polymorphism). The goal of the study is to research how this genre evolved in contact with other short narrative forms, and to trace its productive line in the development of the Slovak literature of given period.

Жанр «беседы»¹, будучи кратким прозаическим жанром, относительно распространенным в словацком литературном пространстве последней трети XIX века — первых двух десятилетий XX века, пользовался популярностью среди тогдашних авторов. Небольшие тексты — нечто среднее между публицистикой и художественной литературой, — в жанровом отношении близкие фельетону и очерку, регулярно появлялись на страницах периодических изданий того времени: «Беседа» — так назывались рубрики во многих газетах. Таким образом, название жанра «беседа» функционировало в двух значениях, которые взаимно пересекались и со временем выкристаллизовались: 1) название жанра («беседа» — как словацкий фельетон с положительным содержанием и одновременно синоним очерка); 2) название части структуры тогдашних периодических изданий («беседа» — как рубрика в газетах и журналах, обычно содержащая материал литературного или развлекательного характера, графически отделенная чертой, размещенная в нижней части издания). Вопреки тому, что произведения, написанные в жанре «беседы», встречались довольно часто и были популярны в свое время, они и по сей день не стали предметом изучения словацкой литературоведческой науки в плане их происхождения или исторической поэтики, хотя уже само обозначение данного жанра — «беседа» — является исключительно словацким. В чешском культурном пространстве аналогичные произведения получили названия «фельетон», «очерк», «картинка» или «картинка жизни», которые появились в чешской литературе уже начиная с 40-х годов XIX века (Й. К. Тыл, Б. Немцова, Я. Неруда, Й. Арбес) и в которых можно наблюдать сближение литературы и публицистики. Название «беседа» использовалось в Словакии с начала 60-х годов XIX века.

¹ Сл. «besednica» — исключительно словацкий беллетристический жанр публицистического стиля, близкий по стилю фельетону, написанный в духе дружеского разговора, без иронии и острой сатиры.

В словацкую журналистскую и литературную терминологию его ввела словацкая политическая газета *«Пештбургске новины»*, которая выходила в Пеште в период 1861–1870 гг. В 1862 году редакции обратилась к читателям с вопросом, каким исконно словацким словом можно заменить французский термин «фельетон»? Речь шла не только о названии: важно было определение его тематического, содержательного наполнения, а также «национальное» обоснование жанра. Дискуссия на данную тему показала внутренние противоречия между консервативной, национально-охранительной стратегией (акцент на словацкое своеобразие) и либеральной открытостью к импульсам, исходящим от зарубежных культур (опасения консерваторов по поводу профанации языка и литературы). Из предложенных названий жюри выбрало название «беседа»; газета *«Пештбургске новины»* использовала его регулярно с 1 апреля 1862 года. В качестве названия рубрики данный термин позже стали употреблять и другие периодические издания (напр. *«Народне новины»*, *«Словенски денник»*, *«Словенски тыжденик»*). Во второй половине XIX века жанр «беседы», благодаря своему промежуточному положению между беллетристикой и публицистикой, открывал возможности для обогащения современных представлений о литературе. Поиски новых способов и форм выражения новых жизненных ситуаций и нового опыта, характерные для словацкой литературы того времени, были связаны с неприятием авторами объемных эпических форм и их тягой к кратким формам, таким как новелла, рассказ, жанровая картинка, картинка жизни, зарисовка, очерк, сказка, фельетон, репортаж и т. п. Именно эти формы являются фоном, на котором выкристаллизовывался жанр «беседы». Одновременно можно утверждать, что все эти жанры в свою очередь оказывали воздействие на разнообразие формы «бесед». «Беседы» писали: Вилиам Паулини-Тот, Густав Казимир Зехентер-Ласкомерский, Коломан Баншелл, Густав Маршалл-Петровский и др. Значительную роль в развитии данного жанра в конце XIX столетия сыграли короткие произведения Мартина Кукучина, описывающие пражскую жизнь, которые с точки зрения типологии и жанра схожи с рассказами и фельетонами чешского писателя Яна Неруды. О развитии темы жизни провинциальных городов свидетельствуют «беседы» Ладислава Надаши Еге, Янко Есенского, а также Ивана Лилге Лысецкого.

Формирование жанров краткой прозы в словацкой литературе рубежа XIX–XX столетий свидетельствует о процессе «модернизации» словацкой литературы, об ослаблении ее идейных и познавательных функций (литература как средство поддержания национального искусства и активизации общественной жизни) и о переходе к модели эстетической доминированности и художественной самобытности. Эти жанры являются свидетельством отказа писателей от романтического идеала или романтического взрыва и перехода к изображению реальной действительности, ее повседневности и одновременно ее исключительности и эксклюзивности.

Литература

- Csáky Moritz. Das Gedächtnis der Städte // Kulturelle Verflechtungen: Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa. Wien: Böhlau Verlag, 2010.
- Čepan Oskár. Literárne dejiny a literárna veda. Bratislava: Veda, 2002.
- Fránek Michal. Maloměsto v satirickém zrcadle. Píseň míru Jana Liera // Gilk Erik (ed.). Karel Poláček a žánry beletristické publicistiky. Boskovice: Albert, 2012. S. 80–86.
- Mikulová Marcela. Paradoxy realizmu. „Neklasickí“ klasici slovenskej prózy. Bratislava: Veda, 2010.
- Ratuszna Hanna. „Błysk obrazu“ — z zagadnień krótkich form narracyjnych w literaturze Młodej Polski. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2009.
- Tureček Dalibor. Fejeton Jana Nerudy. Praha: Arsci, 2007.

**Работа с документом как творческий принцип
А. И. Солженицына и Д. Чосича**

Е. В. Жуйкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*А. И. Солженицын, «Красное Колесо», Добрица Чосич, «Время смерти»,
использование документа в художественном произведении*

Summary. This paper is an attempt to compare Alexander Solzhenitsyn's *The Red Wheel* with novel of D. Chosich *A Time of Death*. What unites Solzhenitsyn and Serbian writer is the incorporation of historical documents into their texts. Both authors use historical documents: newspapers, letters, diaries and other documents of the time.

По мнению Варлама Шаламова, на место романа в XX веке, веке страшных катастроф и мировых катаклизмов, становится документ: «Сегодняшний читатель спорит только с документом и убеждается только документом. У сегодняшнего читателя есть и силы, и знания, и личный опыт для этого спора. И доверие к литературной форме. Читатель не чувствует, что его обманули, как при чтении романа» [Шаламов].

Многие художественные произведения А. И. Солженицына ориентированы на документ, что объясняется стремлением автора к объективному изложению событий русской истории. Апогея этот художественный принцип достигает в эпопее «Красное Колесо», где немалую часть книги занимают вставки из газет, различных документов, писем и дневников. Исследователи называют это «исторической цитатностью»: «Ощущение такое, что цитируются не первоисточники, не документы, а само время, в которое переместился автор» [Штруман 1993: 146].

Казалось бы, сложно в мировой литературе найти произведение, в котором документальный материал использовался бы так широко и разнопланово. Но оно есть, это роман-эпопея Добрицы Чосича «Время смерти». Принципы работы с документами у сербского писателя во многом схожи с Солженицыным. В романе-эпопее «Время смерти, начиная с пролога и заканчивая эпило-

гом, содержится большое количество выдержек из газет, дневников, телеграмм и других документальных источников. И русский, и сербский писатели обращаются к одной общей теме — Первой мировой войне. Порой при описании событий оба автора даже прибегают к одному и тому же источнику (например, переписке Николая II с Вильгельмом II).

«Красное Колесо» А. И. Солженицына и «Время смерти» Д. Чосича представляют собой уникальную жанровую форму: синтез художественного видения и исторического научного исследования. Историческая основа обоих эпосов настолько сильна, что вымышленных персонажей, когда они находятся в окружении исторических событий и деятелей, читатель нередко воспринимает как реальных. Исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом [Алтынбаева 2013: 20], указывали на то, что при передаче ключевых событий Солженицын использует более десяти разных печатных изданий. Кроме того, во всем «Красном Колесе» более ста наименований газет и журналов, как столичных, так и провинциальных.

Историческая подлинность представленных событий и судьбы в романе «Время смерти» основывается на фундаменте из большого количества документального материала, который у писателя представлен не столько в качестве иллюстрации, но систематически, умышленно, с четким видением своего художественного замысла. Основную часть документов, использованных автором, представляют собой письма, брошюры, прокламации, приказы, донесения, поздравительные открытки, газетные статьи. Наиболее распространенным среди них являются письма Ивана к родителям, его дневник, записи короля Петра, обращения престолонаследника Александра к армии. Часто они объединяются в коллажи. Пролог и эпилог романа по своей структуре образуют замкнутую кольцевую композицию: пролог «Времени смерти» состоит из 18 источников о начале войны, а эпилог — из 28. Однако некоторые исследователи упрекают писателя в том, что при отборе документов он был пристрастен, пытаясь подтвердить свою концепцию войны, что приводит к искажению исторической объективности.

Сгущение, уплотнение действия — одна из черт, которая ярко характеризует манеру письма и того, и другого автора. Это помогает организовать обширный документальный материал, который привлекается в произведениях.

Таким образом, роман «Время смерти» и эпопею «Красное Колесо» роднит не только общая тема Первой мировой войны, но и сходство формальных приемов, и принципы построения текста, а также взгляд авторов на историю, на роль нации в мировом историческом процессе. Но в данном случае нельзя говорить о прямом заимствовании каких-либо приемов. Сходная политическая обстановка и исторический путь Сербии и России породили двух близких по

художественному осмыслению мира. И принцип работы с документом — только одна грань из многих, которые их объединяют.

Литература

Алтынбаева Г. Окололитературная среда начала XX века в «Красном Колесе» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу». Материалы Международной научной конференции. М.: Русский путь, 2013.

Шаламов В. О прозе [Режим доступа: <http://shalamov.ru/library/21/45.html>].

Штруман Д. М. Остановимо ли Красное Колесо? Размышления публициста над заключительными Узлами эпопеи А. Солженицына // Новый мир. 1993. № 2.

Образы неволи у Ф. М. Достоевского и И. Андрича

И. Е. Иванова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Ф. М. Достоевский, И. Андрич, «Записки из Мертвого дома», «Проклятый двор», неволя, каторга

Summary. The report compares Fyodor Dostoyevsky's *THE HOUSE OF THE DEAD* and Ivo Andrić's *THE DAMNED YARD*, which share the main theme — the imprisonment of the main hero. Some excerpts from the two texts contain similarities in their themes: they describe the location and organization of the prisons, the manners and speech of inmates. The comparison of the two works brings to light some of their literary features.

Доклад посвящен сопоставлению двух художественных произведений, «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и романа югославского писателя И. Андрича «Проклятый двор». Сравнение некоторых аспектов их произведений поможет увидеть особенности видения мира каждым из этих авторов.

Композиционно «Проклятый двор» и «Записки из мертвого» дома близки. Известие о смерти главного героя романа И. Андрича фра Петра предшествует изложению истории его пребывания в стамбульской тюрьме. Вводная часть «Записок из Мертвого дома» также знакомит читателя с личностью и историей Александра Петровича Горянчикова уже после его смерти, за ней следует текст оставшейся после него рукописи.

В «Записках из Мертвого дома» присутствуют два независимых повествователя. Вводная часть написана неким путешественником, личностью, обладающей иронично-саркастическим взглядом на чиновничью сибирскую жизнь. Основной текст представляет собой воспоминания о пребывании на каторге А. П. Горянчикова, дворянина, интеллигента, осужденного за убийство жены. Повествование Александра Петровича включает отрывки из диалогов или отдельные высказывания других заключенных, выполняющие функцию иллюстраций к наблюдениям главного героя или являющиеся предметом его размышлений. Для произведения И. Андрича характерна множественность героев, рассказывающих свои истории, но все повествования оказываются автор-

ским пересказом. В «Проклятом дворе» повествователь один, это автор-рассказчик. Но при этом роман насыщен высказываниями разных персонажей, различающимися по объему, от фразы до развернутого рассказа, по-разному оформленными. Такой прием создает многомерность произведения, сохраняя при этом единый, авторский взгляд на мир. Как и в повести Ф. М. Достоевского, в романе И. Андрича присутствуют диалоги заключенных, но их роль несколько иная. Они не служат иллюстрацией к тому или иному наблюдению или выводу рассказчика. Возможность производить наблюдения и делать выводы предоставлена читателю. Они вносят звуки живой жизни, придают еще большую естественность событиям романа.

«Записки из Мертвого дома» представляют собой в значительной степени опыт физиологического очерка каторги, подобно другим физиологическим очеркам натуралистической школы XIX века. Они производят впечатление документального повествования. Первый рассказчик документально представляет другого рассказчика, скончавшегося автора записок, который в свою очередь документально подробно, с подчеркнутой фактографичностью, рисует жизнь каторжан. Тщательно обрисовано устройство каторжной тюрьмы. Если сравнить два описания тюремного двора и ворот, то станет очевидно, что отрывок из «Записок из Мертвого дома» напоминает техническую документацию. Речь идет о расположении объектов на местности и их устройстве (*остров стоял на краю крепости, у самого крепостного вала, столбы глубоко врыты в землю, столбы крепко прислонены друг к другу ребрами, столбы скреплены поперечными планками, двор обнесен тыном, в одной из сторон ворота*), их форме (*двор большой, двор в форме неправильного шестиугольника, столбы наверху заострены*), размерах (*двор шагов в двести длины и шагов в полтора ширины, тын высокий, столбы высокие*), качестве (*ворота крепкие*), наименованиях, принятых в отношении данных объектов (*столбы, то есть пали; тын, то есть забор*). Описание Андрича соотносит технические моменты устройства тюрьмы с заключенным в ней человеком. Положение на местности: *местоположение странное, будто нарочно рассчитано на то, чтобы увеличивать муки и страдания заключенных*; поэтому, когда речь идет о траве, возникает образ множества мающихся в одном месте людей: *серая и твердая утрамбованная земля, сквозь которую не может пробиться ни единая травинка, так как с утра до вечера здесь топчутся арестанты*; о деревьях, но в действительности о жизни и поведении заключенных: *два-три убогих худосочных деревца посреди двора с изрезанной и ободранной корой обречены на муку мученическую и даже не чувствуют смены времен года*. Здесь много развернутых метафор, текст насыщен страдательными причастиями, относящими нас к субъектам, к людям, обитающим здесь, производшим различные действия с описываемыми объектами, предикативность присутствует в причастиях, характеризующих объекты.

Главный герой «Записок из Мертвого дома» хочет познакомить современников с миром отверженных: Это подчеркнуто в повести восприятием его первого читателя, современника, издателя записок: Описываемые события локализованы во времени, прослеживается желание автора классифицировать все, что он увидел в этом мире. Так, он описывает арестантов по разрядам преступлений, соответствующим классификации наказаний. Называются разные разряды убийц: *убийцы невзначай* и *убийцы по ремеслу, разбойники* и *атаманы разбойников*. События, описываемые в «Проклятом дворе», не привязаны к определенному времени. В романе нет деталей, которые соотносили бы события с каким-то историческим периодом. Мы знаем лишь, что события происходят в Османской империи. Вся эта история имеет характер притчи. Поэтому при описании заключенных автор называет не связанные с определенным историческим периодом официальные наименования преступников, а вечные пороки и несчастья, приводящие человека в такое место. Страдания героя рассказанной фразы Петром истории, невинного человека, причина которых заключается в глупости, страхе, безответственности, бесчеловечности чиновника, маленького винтика бездушной государственной машины, могут случиться в любом обществе.

Автора «Записок из Мертвого дома» волнует устройство пенитенциарного заведения в России в определенное время, проблема преступлений и отношения русского человека к преступлению, милосердия к преступникам, нормы поведения внутри этого отдельного мира каторги. Для автора «Проклятого двора» важны общечеловеческие темы: заложенные в личности от рождения и проявляющиеся в период взросления особенности характера, трагическая судьба невинного человека, феномен рассказчика, создающего мир, надолго сохраняющийся в памяти его слушателей.

Литература

Андрић И. Сабрана дела Иве Андрића. Књ. 4. Београд, 1963.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 томах. Т. 3. Л., 1988.

Хорватская литература в современной России

Г. Я. Ильина

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Хорватская литература, переводы на русский язык, кроатистика, истории литератур.

Summary. Since the second half of the XIXth century reception of the Croatian literature in Russia had its own peculiarities. By the 1990's was established the scientific basis on which appeared the possibility to write histories of foreign Slavic literatures, *Lexicon of South Slavic literatures* (2012) and the monograph by Galina Ya. Ilyina *Croatian literature of the XXth century* (2015).

Рецепция югославских литератур в России со второй половины XX в. имела свои особенности, связанные с взаимоотношениями Югославии и СССР. Существенно иные условия развития хорватской литературы (как и других югославских литератур) с середины 1950-х гг. и далее, где шел процесс расширения эстетических границ, реабилитации модернизма и авангардизма, воз-

вращения ранее репрессированных писателей, создавали в нашей стране определенные трудности в восприятии и распространении произведений хорватских писателей и ученых. В тоже время, они в какой-то мере становились здесь своеобразными посредниками в знакомстве с новыми веяниями в зарубежном искусстве и науке. Одновременно хорватские ученые в своей культуре становились проводниками опыта русской науки — формальной школы — и русской художественной литературы 1920-х гг., а затем авангардизма и литературы периода «оттепели» в нашей стране. Так происходила встреча этих двух потоков и ее результаты в разные периоды и в разных масштабах проявлялись и в хорватской и в русской практике.

В Советском Союзе хорватская литература переводилась достаточно активно, сейчас, к сожалению, она представлена количественно более скудно, чего нельзя сказать о научной кроатистике. В журналах и сборниках появлялось много статей по проблемам русско-хорватских связей, типологии в славянских литературах, взаимоотношений литератур в многонациональном контексте, вопросам периодизации и современного состояния прозы, поэзии и драмы. Издания произведений хорватских авторов сопровождались предисловиями и комментариями, выходили рецензии на новые художественные тексты и научные труды в журналах «Вопросы литературы», «Иностранная литература», «Художественная литература за рубежом» и др., опубликованы монографии Я. Б. Яковлевой «Современный роман Югославии», Н. М. Вагаповой «Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии», компаративистские исследования А. Шешкен. Так складывалась научная база, на основе которой стало возможным создание обобщающих (включая хорватскую литературу) коллективных трудов: «Истории литератур западных и южных славян» (в 3 т., 1997–2001), «Истории литератур Восточной Европы» (в 2 т., 1995–2001), «Лексикона южнославянских литератур» (2012), в котором представлено более пятидесяти хорватских писателей, и монографии Ильиной Г. Я. «Хорватская литература XX века» (2015).

Интермедиаальный дискурс модернистской новеллы

Е. П. Колинко

Бердянський державний педагогічний університет (Україна)

Модерністська новела, інтермедіальність, живопис, семиотический код.

Summary. In this article a modernist short story is presented as an intermedial text, in which the synthesis of elements of various arts, such as painting and literature (on the example of Russian and Ukrainian writers' works of the late nineteenth and the beginning of the twentieth century such as A. Amfiteatrov, F. Sologub, A. Kuprin, A. Chekhov, M. Yatskov, Ulyana Kravchenko, Christya Alchevska, E. Mandycheskiy etc.) are traced.

Для современной компаративистики актуальным является исследование взаимосвязей литературы с разными видами искусств. Художественная ком-

муникация между различными видами искусств интенсифицируется в историко-культурные переходные периоды, когда усиливаются экспериментально-поисковые аспекты творчества. Закономерно, что склонность к многоуровневому синтезу стала основным показателем переходного сознания конца XIX — начала XX в., в очередной раз продемонстрировав такие его амбивалентные черты, как: эклектизм, острое чувство распутия, растерянность и отчаяние, с одной стороны, а с другой — поиски общественного и эстетического идеала, стремление к душевной и телесной гармонии, целостности, или, по В. Соловьёву, «всеединства». Дифференциация искусств, начатая в античные времена и обусловлена распадом первобытного синкретично-мифического сознания, в конце XIX — начале XX в. была преодолена.

М. Эткинд, исследуя этот период, писал: «На рубеже 1900–1910 гг. идея художественного синтеза захватила многих поэтов, музыкантов, художников» [Эткинд 1989]. В. Стасов отмечал, что «главная наша сила в том, что новое российское искусство так крепко обнялось с русской литературой. <...> Наша литература и искусство — это как два неразлучных близнеца, врозь невысказанных» [Стасов 1968]. А. Чехов также говорил о необходимости писать так, «чтобы после прочтения, когда закроешь глаза, оставалась картина» [Чехов, т. I: 242].

Рубеж XIX–XX вв. давал повод для подобных рассуждений, поскольку демонстрировал неслыханный всплеск художественного синтетизма. Модернистская новелла в рубежный период свою жанровую принадлежность тоже проявляла через уровень корреляции с различными видами искусств. В ней важное значение приобретала ритмическая организация текста, живописно-лингвистические средства выразительности, например особая техника цвета, тона, полутона, когда вербальное воспроизведение цветовой палитры придавало особый эффект, вызывало ассоциативные впечатления, внушало определенное настроение без дополнительных объяснений. Сложный интермедийный текст новеллы создавался путем проникновения знаковых систем других видов искусств в ее структуру. В модернистской новелле прослеживаются указанные виды взаимосвязей между литературой и живописью, однако ими не исчерпываются, потому что иногда связи между видами искусств приобретают характер не внешнего соприкосновения, а внутреннего, органического взаимопроникновения.

Например, в новеллах А. Амфитеатрова, М. Яцкова прослеживается общность художественных идей с картинами Джеймса Вистлера, англо-американского художника XIX в., о жестокой природе женщины, когда за красивой внешностью скрывается «хищная страсть». Правда, в отличие от М. Яцкова, у Амфитеатрова нет эксплицитных изобразительных реминисценций, но многие эпизоды косвенно объединяют его новеллу с традициями европейской живописи XIX в.

Творчество прерафаэлитов повлияло на создание образов женщин с мраморной кожей, с таинственным взглядом меланхолических глаз, с глубокими морщинами на лбу, бледных и молчаливых лиц, бескровных тел, что создавало настроение мортализма. Такими есть героини новелл Амфитеатрова «Казнь», «Киммерийская болезнь»; Ф. Сологуба «Красногубая гостья». А вот в новеллистике А. Чехова («Дом с мезонином», «Ионыч», «Нервы», «О любви», «Страдальцы», «Дачники», «В потёмках» и др.) наблюдается стилистическая близость с импрессионистическим искусством, в частности, с живописью В. Серова, с принципами «школы Моне». Очень графичны в ней и образы женщин, и пейзажные зарисовки, с использованием пленерной техники, цветообозначений, рисунка.

Модернистские новеллы А. Куприна также являются интермедийальным текстом, в котором взаимодействуют семиотические коды живописи и искусства слова. В известных «песнях» о Соколе и Буревестнике М. Горького, которые являются разновидностями модернистской новеллы, образы бури, шторма, «разгневанного» моря ассоциируются с картинами И. Айвазовского, они подчинены неоромантическим задачам создания образа мужественной и храброй личности, протестующей против среды и рвущейся *ins Blaue*.

В творчестве большинства украинских новеллистов рубежного периода наблюдаются стилевые аналогии с импрессионистической живописью: у Ульяны Кравченко (новелла «Голос сердца»), Христи Алчевской (новелла «Асан и Зейнеп»), Днипровой Чайки («Плавні горять»), Михаила Жука («Дора»), Е. Мандичевского («Буря»), Леся Гринюка («Через гори»), Натали Романович-Ткаченко («Будиночок над кручею», «Мій осінній спочинок»), Якова Мамонтова («Під чорними хмарами»), М. Грушевского («Предок») и др. очень эффективно выражена связь с импрессионизмом в создании пейзажей-впечатлений и портретных характеристик.

Таким образом, очевидным есть то, что произведения разных видов искусств могут влиять друг на друга не только с содержательной стороны, но и структурной и формальной, в том числе и на морфологию литературного произведения. И новелла рубежа XIX–XX в. как один из наиболее мобильных жанров малой прозы является интермедийальным текстом, в котором живописный элемент, имеющий различные пути проникновения и выражения, становится одним из важных структурообразующих компонентов и показателем ее модернизации.

Литература

Стасов В. В. Избранные статьи о русской живописи. М.: Детская литература, 1968.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука.

Эткинд Марк. А. Н. Бенуа и русская художественная культура конца XX — начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1989.

Босния и Герцеговина в литературно-критическом наследии Ивана Ловреновича

П. В. Королькова

РАН, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)
*Литература Боснии и Герцеговины, хорватская литература, Иван Ловренович,
культура хорватов Боснии и Герцеговины, война в Боснии и Герцеговине.*

Источники

В докладе предлагается комплексный анализ литературных, критических, публицистических и научных текстов одного из самых известных современных боснийско-герцеговинских и хорватских писателей — интеллектуала, критика, историка и философа Ивана Ловреновича. Мы обратимся прежде всего к тем из них, которые стали вехами в развитии его литературной, философской и политической концепции Боснии — стихотворениям (сер. 1970-х гг.), роману «Путешествие Ивана Франа Юкича» (1977), книгам «*Liber memorabilium*» (1994), путевым очеркам «Семь дней по Боснии» (2009), культурно-историческим эссе, важнейшие из которых — «Боснийские хорваты, эссе об агонии одной европейско-ориентальной микрокультуры» (2003), «Внутренняя земля, краткий обзор истории культуры Боснии и Герцеговины» (1998), «Босния и Герцеговина, будущее неоконченной войны» (2010), «Пропавшие в столетии» (2013), а также интервью, эссе, очеркам разных лет, вплоть до самых современных, относящихся к 2016 г.

Цели и задачи исследования

В докладе прослеживается эволюция позиции И. Ловреновича относительно феномена боснийского культурно-исторического пространства и роли хорватов, сербов, бошняков, евреев в создании уникального мира на границе Востока и Запада. Подобный анализ поможет нам приблизиться к ответам на вопросы: а) в какой степени пространство Боснии и Герцеговины воспринимается И. Ловреновичем как пространство, в каждой точке своего исторического существования потенциально скрывавшее опасность межрелигиозных и межнациональных конфликтов; б) как военные события 1990-х гг. повлияли на эту позицию и как в целом изменилось литературно-критическое творчество автора после 1995 г.; в) что представляют собой менталитет и культура хорватов Боснии и Герцеговины и к каким изменениям в этой «европейско-ориентальной микрокультуре» привел военный конфликт на территории страны.

Итоги исследования

(1) В восприятии И. Ловреновича Босния и Герцеговина представляют собой пространство, которое на протяжении всей истории в каждой точке своего существования скрывало опасность конфликта, но вместе с тем пространство уникальной, сложившейся естественным образом культуры на границе

Восточной и Западной цивилизаций, которую невозможно представить без четырех ее составляющих — сербско-православной, хорватско-католической, боснийско-мусульманской и еврейско-иудейской.

(2) На ментальной карте хорватов — народа, принадлежащего центрально-европейскому региону, Босния и Герцеговина, с одной стороны, воспринимается как «свое» пространство, колыбель хорватской государственности, а с другой стороны, как «чужое» пространство с совершенно иной исторической судьбой. Однако в настоящее время аутентичность и уникальность многослойной культуры боснийских хорватов, прежде всего в силу политических реалий и векторов развития в послевоенной Боснии и Герцеговине и Республике Хорватии, все меньше принимается во внимание, поскольку политики и историки склонны акцентировать (и преувеличивать) связь каждой из трех национальных парадигм с культурными и политическими центрами за пределами Боснии и Герцеговины.

(3) Как историк и философ, И. Ловренович ищет выход из ситуации «неоконченной войны», результатом которой стало появление на карте Европы «политического гибрида», «псевдостраны» (И. Ловренович), поскольку «для каждого из этих народов БиГ как политическая общность имеет смысл исключительно в том случае, если они смогут свою идентичность в абсолютной степени» [Lovrenović 2010b: 8].

Tražeci izlaz iz situacije *nezavršenog rata* (jer je BiH stvorena kao *politički hibrid, pseudodržava* i citat) „za svaki od tih naroda BiH kao politička zajednica ima smisla samo ako će u njoj svoj identitet moći prakticirati u apsolutnoj mjeri“ („Bosanski Hrvati“, drugo izdanje, s. 8), dakle, tražeci izlaz iz ove situacije, Lovrenović ga zapravo vidi u obraćanju se oblasti kulturnog pamćenja, ali ne na način na koji to rade savremeni političari svih triju naroda, koji većinom pozivaju zapravo na obračune i daju obrazloženja neminovnosti novih sukoba, nego na način da se priseti i obnovi bogatstvo one kulturne slojevitosti koja je nastala kao rezultat dugogodišnjeg uzajamnog postajanja i komuniciranja više religija, naroda, kultura i identiteta.

I književni tekstovi i kulturno-istorijske studije Ivana Lovrenovića su tekstovi o sećanju, jedinstvena koncepcija sećanja. Bosanskohercegovački identitet jedinstva i raznolikosti, zajedništva i posebnosti, uzajamnosti i odvojenosti, treba najpre da se traži u kulturnom nasleđu, pismenosti, književnosti, graditeljstvu, slikarstvu, oblicima narodne kulture. Identitet je hibrid nacionalnog i nadnacionalnog. U nastojanju da sačuva kulturnu i moralnu supstancu tog prostora, ozbiljno narušenu ratom, Lovrenović posebno inzistira na razotkrivanju pojedinih mitova.

Međutim, Lovrenović je izgleda uvek bio svestan koliko je opasno ustrajati na razlikama među pojedinim nacionalnim paradigmama, ali istovremeno i koliko je opasno idealizirati njihov zajednički život. I jedno i drugo će još dugo vreme biti izvor potencijalnih konflikata.

Литература

- Lovrenović I. Obalašća i basanja. Sarajevo, 1975.
Lovrenović I. Putovanje Ivana Frane Jukića. Mostar, 1977.
Lovrenović I. Labirint i pamćenje, kulturnopovijesni esej o Bosni. Sarajevo, 1989.
Lovrenović I. Unutarnja zemlja: Kratki pregled kulturne povijesti Bosne i Hercegovine. Zagreb, 1998.
Lovrenović I. Liber memorabilium. Zagreb, 2003a.
Lovrenović I. Bosanski Hrvati, esej o agoniji jedne evropsko-orijentalne mikrokulture. Zagreb, 2003b.
Lovrenović I. Sedam dana po Bosni u kolovozu godine 2008 (s fotografijama Josipa Lovrenovića). Zagreb 2009.
Lovrenović I. Bosna i Hercegovina, budućnost nezavršenog rata / S Miljenkom Jergovićem. Zagreb, 2010a.
Lovrenović I. Uz drugo izdanje // Bosanski Hrvati, esej o agoniji jedne evropsko-orijentalne mikrokulture. Sarajevo; Zagreb, 2010b. S. 7–15.
Lovrenović I. Nestali u stoljeću. Zagreb, 2013.
Luketić K. Unutarnja zemlja [<http://ivanlovrenovic.com/2014/02/katarina-luketic-unutarnja-zemlja/>].
Đuričković D. Pogovor romanu Putovanje Ivana Frane Jukića [<http://ivanlovrenovic.com/2014/02/dejan-durickovic-pogovor-romanu-putovanje-ivana-frane-jukica/>].

Традиции словацкой религиозной поэзии

Е. И. Курсакова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Религиозная поэзия, литературная молитва, библейские мотивы.

Summary. The text examines the literary transformation of the Slovak religious poetry: the emergence the first spiritual songs and cantionals in the Slovak language and finally — the appearance of the original Slovak spiritual poetry and strong spiritual traditions.

Словацкая религиозная поэзия имеет богатую историю. Безусловное влияние на развитие словацкой религиозно-книжной традиции оказала просветительская миссия славянских первоучителей Константина-Кирилла и Мефодия. До 15 века центрами христианской письменной культуры были монастыри.

В период с X по XIV вв. зарождаются первые духовные песни и молитвы на словакизированном чешском языке. Наиболее известный памятник письменности этого периода со словацкими глоссами — сборник молитв Вацлава Бзенецкого (1385).

Центральное место в духовной литературе Ренессанса занимает библейский стиль. Но существенным отличием от предыдущего периода становится зарождение субъективной духовной лирики. Эти тексты принадлежат авторам-протестантам, писавшим на словакизированном чешском языке. В духовной поэзии католиков до середины XVII века преобладают канонические формы, восходящие к западноевропейскому типу литургических песнопений — григорианскому хоралу.

Главным религиозным поэтом эпохи словацкого Возрождения становится евангелический священник Ян Сильван (1493–1573). Его религиозная лирика отличается выраженным субъективизмом, за что его считают первым словац-

ким поэтом-лириком. В книге «Песни новые на семь псалмов покаянных и другие псалмы» / «Písne nové na sedm žalmů kajících i jiné žalmy» (1571) помимо прямых парафразов псалмов Давида находятся собственные неканонические рассуждения автора на религиозную тематику. В сборнике наблюдается противостояние двух начал — религиозного праведника с героем-мытарем, не чуждым людских страстей. Другой представитель духовной лирики эпохи Ренессанса — Элиаш Лани (1570–1618). Существенным отличием песен Лани становится углубление в стихах мистицизма, фатализма, чувства вины и страха. Появляются новые религиозные мотивы: грех и его искупление, христианское самоуничижение, аскетизм. Интимно-религиозная лирика Лани занимает первое место по концентрации мистических элементов, что говорит о преобладании барочного начала в творчестве автора.

В XVII–XVIII вв. заметно усиливается влияние католической церкви на культурную жизнь Словакии. Это связано с религиозной борьбой католиков и лютеран. В произведениях священнослужителя Ондreja Луца (1596–1670) «Латинские и словацкие двустишия» / «Disticha Latina et Slavica» (1658), «Ритмические молитвы» / «Orationes rhythmicae» (1669) барочная мистика сочетается со скрытой критикой на социально-общественный строй. Следующая не менее важная книга этого периода — перевод катехизиса Д. М. Лютера (1634), сделанный священником Даниэлем Прибишем (1580–1645). Помимо песен с латинского, немецкого и чешского сборник составляют стихи словацких авторов-анонимов. Новаторством книги становится обращение к социальным вопросам «на злобу дня», что в целом не было типичным для духовной поэзии: неравенство, угнетение бедных, бесправие богачей.

В 1636 году вышел сборник духовных песен, ставший образцом для всех последующих поколений духовных поэтов. Эту книгу под названием «Цитра святых» / «Cithara sanctorum» издал словацкий священник Юрай Трановский (1592–1637). Сборник состоит из переводных чешских, латинских, немецких текстов, а также песен на словацком языке и поэтических опытов самого Трановского. Несколько позднее по образцу евангелических сборников создаются первые католические канционалы. В 1655 году священник-иезуит Бенедикт Солоши (1609–1656) издает католический канционал («Cantus catholici»). Автор продолжает кирилло-мефодиевскую традицию о величественном прошлом словаков. В отличие от евангелического канционала Трановского сборник Солоши «ословакизирован», в нем практически отсутствует барочная символика. Католический «Cantus catholici» и лютеранский «Cithara sanctorum» книги объединяет более 100 общих текстов, что говорит об универсальности и абстрактном характере жанра духовной песни.

Традиции религиозной поэзии переняли писатели XIX века. В книге «Католический песенник» классициста Яна Голлого (1785–1849) воплотилась преемственность религиозной поэтической традиции. Сборник состоит из лири-

ческих песен-молитв, подобранных автором на все случаи жизни праведного христианина: повседневные, праздничные, благодарственные Богу и др. Лирические миниатюры Голого отличаются от так называемой «церковной молитвы» более подвижной формой, усиленным субъективным началом.

Крупнейший словацкий поэт XIX века Павел Орсаг Гвездослав продолжает традицию духовной лирики. Сборник его стихов «Псалмы и гимны» / «*Ľalmy a hymny*» (1985) отсылает читателя к библейским псалмам. Вместе с медитативностью, характерной для этого жанра, в псалмах Гвездослава преобладает «бунтарская» патетика. Автор затрагивает в книге сложную тему взаимоотношений вероотступника с Богом.

Словацкая духовная поэзия прошла долгий исторический путь. Литературная трансформация средневекового григорианского хора способствует появлению первых канционалов, измененных до авторских духовных песен и псалмов с выраженным субъективным началом. В начале XX века традиции религиозной лирики переняли поэты Словацкой Модерны, литературного течения 1900–1918 гг. В лирике одного из ведущих представителей Модерны Ивана Краско ключевыми становятся христианские образы-символы (сб. «Ночь и одиночество» / «*Nox et solitudo*», 1909; сб. «Стихи» / «*Verše*», 1912). В 20-е гг. XX века традиции духовной поэзии воспринял крупнейший словацкий неосимволист — Эмиль Болеслав Лукач (1900–1979). Позже, в 30–40-е гг., вырастает самостоятельное литературное течение (словацкая Католическая Модерна), продолжившее развивать многовековые христианские традиции в лирике и обогатившее литературу новыми формами (лирическая медитация) и трактовками библейских мотивов.

Литература

- История литератур западных и южных славян. Т. 1. М., 2001.
Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. Ч. 1. М., 1997.
Antológia zo slovenskej renesančnej poézie. Slovenská renesančná lutna. Bratislava, 1982.
Minárik J. Písne nové Jána Silvána. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. 1966.
Zambor J. Žalm a žalmickosť u Ivana Krasku a v slovenskej poézii 20. Storočia // Interpretácia a poetika. O poézii slovenskýcj básnikov 20. Storočia. Bratislava, 2005.

Тип героя в болгарской «инфантильной прозе» 1970-х гг.

Н. А. Лунькова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Болгарская литература, проза, болгаристика.

Summary. The aims of this paper are to describe and to analyze the typical character of young Bulgarian authors of the 1970-s.

Целью данного доклада является поиск типических черт героя молодых болгарских прозаиков 1960–1970-х гг. и сопутствующий анализ развития жанров малой прозы указанного периода. В качестве материала для исследования

выбраны сборники рассказов и повести таких писателей, как Георги Величков, Янко Станоев, Кольо Николов, Станислав Стратиев, Петър Ковачев, Рашко Сугарев. Эти прозаики, войдя в литературный процесс в конце 1960-х — начале 1970-х гг., сосредоточили свое внимание на исследовании внутреннего мира человека. Как правило, в центре изображаемого находился их современник, молодой человек, по тем или иным причинам вступивший в конфликт с действительностью. Формирование нравственных идеалов, проявление юношеского максимализма, переход из «мира детей» в «мир взрослых», поиски своего пути в жизни — вот центральные мотивы творчества писателей, которое получило в болгарской литературной критике название «инфантильная проза». Этот термин неоднозначен, поскольку может характеризовать и юный возраст самих авторов, и специфику образов главных героев (дети, подростки, молодые люди), уже обнаруживающих и оценивающих негативные стороны окружающей их социальной действительности, но еще не способных ее преобразовывать. Появление такого типа героя закономерно исходя из развития болгарского литературного процесса. Как отмечается критиками, уже в 1960-е гг. развитие истории и общества предстает в болгарской культуре «преимущественно через индивидуальное переживание» [Вичев 1990: 132]. Это приводит к синтезу романских структур и малых форм прозы, усилению автобиографизма. Утверждается более свободная композиция эпизодов, большое внимание уделяется самоанализу, воспоминаниям героя. Важную функцию приобретает деталь как структурообразующий элемент, учащается ее применение как средства раскрытия характера персонажа. К середине 60-х гг. на первый план в литературе выходит не лишенный каких-либо недостатков положительный герой, а «обыкновенный человек», художественный образ которого не идеализируется. Примерно в это же время получает распространение «литература будней»: ориентированная на изображение современности, она исследует стремление молодых людей к внутренней психологической зрелости. На рубеже 1960–1970-х гг. такие герои становятся объектом изображения и авторов «инфантильной прозы». Лучшие произведения молодых болгарских прозаиков этого времени связаны с проблемой обретения героем своего «я», попыткой реализации своих стремлений в соответствии с предложенной реальностью. Рассказы и повести молодых писателей — это путь героев к самим себе. Будничная жизнь, чувства, мысли, переживания едва вступившего во взрослую жизнь человека — основные объекты изображения исследуемых авторов. Такой тип героя — «инфантильного» молодого человека — оказал существенное влияние как на жанровые особенности произведений, так и на средства художественной выразительности и спектр приемов, используемых для создания. В докладе планируется исследовать общие тенденции в изображении героя «инфантильной прозы» и обозначить индивидуальные особенности его

воплощения в произведениях вышеуказанных авторов. Материал представляет интерес для литературоведов-славистов и болгаристов.

Литература

Вичев Д. С поглед отвън: Развойни тенденции и жанрови структури в българската проза. София, 1990.

Мир «кино» в поэтических текстах Ю. Левитанского: деривационно-семантический аспект

Н. Н. Матвеева

Казанский федеральный университет (Республика Татарстан)

Ю. Левитанский, семантическая сфера, индивидуально-авторская картина мира.

Summary. The article deals with issues related to the study of semantic sphere of the “movie” in the poetic texts by Yuri Levitansky. It is spoken in detail the linguistic means by which reveals the conceptual content of the semantic field. Much attention is given to metaphors representing space “movie” in the system of art. It is given to answer the question of what is a “movie” for the author.

Юрий Давидович Левитанский — русский поэт последней трети XX века, которого по праву ставят в один ряд с Иосифом Бродским и Давидом Самойловым. Каждое стихотворение Левитанского — это результат глубоких философских размышлений, это «биение пульса жизни» с ее извечными потерями и обретениями [URL: http://www.leonid_gomberg.ru].

В поэзии Ю. Левитанского можно обозначить круг наиболее значимых для автора тем: это стихи о юности, о человеческих взаимоотношениях, о роли искусства в жизни человека. Тема искусства занимает важное место в поэзии Ю. Левитанского. Предметом нашего исследования стала семантическая сфера «кино», являющаяся идейным центром в системе творчества изучаемого поэта.

Исследованием творчества Ю. Левитанского занимался, в основном, литературовед Л. Гомберг и некоторые другие ученые. Однако в настоящее время его поэтическое наследие изучено недостаточно. Семантическое пространство «кино» в поэзии Левитанского представляет, на наш взгляд, особый интерес с точки зрения лингвокультурологии, что определяет актуальность и новизну нашей работы.

Цель исследования — лингвистический анализ семантической сферы «кино» в творчестве Юрия Левитанского, предполагающий выявление языковых средств, с помощью которых репрезентируется ее содержание.

Существуют различные подходы к анализу определенной семантической сферы в системе художественного творчества. Согласно традиции, в семантической сфере выделяются ядро и периферия [Попова 2007: 179].

Ключевой у Левитанского является лексема *кино* (9 употреблений). Так как слово *кино* многозначно, для определения его значений мы обратились к данным толковых словарей: Д. Н. Ушакова [Ушаков 1995], словаря С. И. Оже-

гова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1992] и словаря Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000]. В результате проведенного анализа мы установили, что слово *кино* объективирует следующие смыслы: 1) род искусства; 2) театр (кинотеатр); 3) фильм.

Ядро понятия «кино» может быть расширено за счет его дериватов. В текстах Левитанского нам встретились следующие: *кинематограф* (6), *киноэкран* (1), *кинофильм* (1): «...Но — и полотно **киноэкрана**, // и — незаживающая рана, // и — неутрачивающая мука // повторенья пройденного круга...» [Левитанский 1970: 64]. Следует отметить, что у Левитанского отсутствуют такие слова, как *кинематография*, *киносеанс*, *кинотеатр*, поскольку они не входят в ценностную картину мира автора.

Наряду со словом *кино* в стихах Левитанского встречаются и его синонимы. Это, прежде всего, лексема *фильм* (4): «...Это было // почти перед самой войной, // мы смотрели немецкий **фильм**...» [Левитанский 1970: 62].

Наибольший интерес для нас представляют метафорические номинации, объективирующие концепт: «жизнь — черно-белое кино», «роль, доставшаяся мне», «дважды роли не играют, только раз играют роль», «монтирует различные куски ликованья и отчаянья, веселья и тоски».

Периферия семантической сферы строится на сочетаемости лексем, входящих в «мир кино», с другими существительными («детства нашего кино», «развитие сюжета»), прилагательными («черно-белое кино», «плохо сыгранная роль») и глаголами («начинается кино», «перед камерой стою»).

На композиционно-синтаксическом уровне можно пронаблюдать, как с помощью намеренного разделения текста на короткие емкие предложения создается несколько перекликающихся сюжетных линий: «Вот начало фильма. // Дождь идет. // Человек по улице идет. // На руке — прозрачный дождевик...». Другими словами, «кинематографические» стихи Левитанского построены по принципу киномонтажа, способного в рамках поэтического текста показать целую жизнь человека.

Ассоциативное поле ключевого слова включает в себя следующие номинации: *театр* 65; *фильм* 34; *экран* 11; *смотреть* 9; *хорошее* 8 и другие лексемы [Караулов и др. 1994]. Если соотнести понятия, входящие в данное ассоциативное поле, и понятия, образующие семантическое пространство «кино» в творчестве Ю. Левитанского, то можно обнаружить их абсолютную противоположность. Две различные картины мира совпадают лишь в таких лексемах, как: *фильм*, *экран*, *зал* и некоторых других. Иными словами, значение лексемы *кино* в поэзии Левитанского интерпретируется очень индивидуально.

Лингвистический анализ семантической сферы «кино» позволил нам сделать вывод о том, что Юрий Левитанский как носитель индивидуально-авторской картины мира вкладывает в содержание понятия «кино» личностные смыслы, не входящие в сферу культурных представлений русского этноса.

Литература

- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
- Иронический человек Юрий Левитанский (штрихи к портрету). Война и мир Юрия Левитанского [http://www.leonid_gomberg.ru (Дата обращения: 5.04.2015)].
- Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I. М.: Помовский и партнёры, 1994.
- Левитанский Ю. Д. Кинематограф. М.: «Советский писатель», 1970.
- Ожегов С. И., Шведова Н. А. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1995.

О некоторых особенностях поэтики прозы Павла Виликовского

А. Г. Машкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Сквозное исследование, постмодернизм, темы, герои, поэтика, интертекстуальность, коллажная композиция, хронологическое устройство текста.

Summary. This report covers the main themes, characters and some specific features of the poetics of the prose written by Pavel Vilikovsky, the leading representative of Slovak postmodernism. Particular attention is paid to his collage composition, diverse types of texts interaction, specifics of space-time organization of his works and other things.

Рубеж XX–XXI вв. — время расцвета постмодернизма в литературе Словакии, когда поэтика постмодернизма становится доминирующей в творчестве писателей, дебютировавших в 1960–70-е гг. (С. Ракус, Я. Йоганидес, П. Голка, Д. Митана, Д. Гевьер), а также тех, кто в то время еще только родился (П. Карпинский, В. Климачек, П. Ранков, П. Криштуфек, В. Балла, В. Панковчин, Д. Та-рагел и др.).

Признанным писателем-постмодернистом в словацкой литературе является Павел Виликовский (рожд. 1941), произведения которого пользуются большой популярностью не только в Словакии, но и за ее пределами. Правомерно «вертикальное», сквозное рассмотрение его творчества, включая тематику, мотивы, поэтику. Многие мотивы, сюжетные линии переходят из книги в книгу, вследствие чего, несмотря на появление в них новых героев и повествователей, они воспринимаются как единый гипертекст.

Виликовский затрагивает проблемы, вполне согласующиеся с идеями постмодернизма, с постмодернистским мироощущением (самоидентификация личности, язык и коммуникация, писатель и творческий процесс, соотношение духовного и телесного, потеря Бога в современном обществе, смерть и преступление и др.).

Герои Виликовского — типичные персонажи постмодернистской литературы. Они лишены индивидуальных черт, обезличены. Все они — своего рода маски, что вполне отвечает постмодернистской концепции утраты индивиду-

альности в современном обществе. Подобное обезличивание, стирание всяческих рамок и границ касается не только отдельного человека, но и целых народов, что является способом реализации одной из типично постмодернистских идей: «мир — как хаос».

Раскрытию идеи «мира как хаоса» подчинена присутствующая во многих книгах проблема коммуникации. В мире, где царит хаос, герои разобщены, они не понимают друг друга, не могут ни с кем договориться. Это состояние Виликовский обычно передает как с помощью лексических средств: (инверсии, незаконченные конструкции, эллипсы, многоточия, передающие недоговоренность и т. п.), так и «многоязычия». Одновременно, с точки зрения автора, владение иностранными языками расширяет умственные возможности человека, формирует его мировосприятие. С этим неразрывно связана и проблема способности субъекта высказаться. Так, в повести «Конь на лестнице, слепой во Вrabлях» присутствует типичная для постмодернизма концепция существования власти языка над сознанием человека. В книге «Вечнозелен...» ничего не значащая болтовня, героя становится олицетворением бессцельности существования, что вполне совпадает с постмодернистским представлением о «мире как хаосе». Нередко эта болтовня служит средством разрушения традиционных представлений, снижения канонических образов.

С темой коммуникации связана тема литературы, писателя, творческого процесса, которая присутствует во многих книгах Виликовского. Для этого он часто пользуется маской писателя, литературного критика, журналиста («Конь на лестнице, слепой во Вrabлях», «Жестокий машинист», «Последний конь Помпеи» и др.). Автора интересует как вопрос статуса словесности, так и сам процесс творения текста, который реализуется им в русле одного из основных постулатов постмодернизма — «мир как текст». Иначе говоря, литература, согласно его теории, создает лишь иллюзию жизни, она является своеобразной заменой бытия, ее симулякром.

Излюбленная тема Виликовского — тема противопоставления духовного и телесного начал. С темой души и тела связаны мотивы преступления, смерти, секса («Первая фаза сна», «Конь на лестнице, слепой во Вrabлях», «Пешая история», «Последний конь Помпеи», «Волшебный попугай и другие химеры» и др.). При этом смерть обычно рассматривается как освобождение от тела, от материальной субстанции, что перекликается с постмодернистской художественной установкой («Воспитание чувств в марте», «Первая фаза сна», «Конь на лестнице, слепой во Вrabлях» и др.).

Для художественного мира Виликовского характерно децентрирование дискурса, а отсюда — коллажная композиция, призванная передать хаотичность мира. Перед читателем разворачиваются скорее не события, а ощущения от них, их эмоциональное восприятие. Однако при более пристальном прочтении книг становится очевидным глубинная связь между этими ощущениями,

которая формирует сюжет («Конь на лестнице, слепой во Врблях», «Мимолетный снег»).

Активно использует автор различные типы взаимодействия текстов. Ведя с читателем игру и провоцируя его на домысливание, он разрушает устоявшиеся сюжеты и образы. При этом смыслом игры нередко является демифологизация действительности или разрушение сложившихся историко-культурных клише об известных фигурах или сюжетах, которые пародируются при помощи использования метода гипертекстуальности («Конь на лестнице, слепой во Врблях» и др.).

Хаотичность, неупорядоченность мира раскрывается автором с помощью смешения жанровых форм, что позволяет говорить об использовании автором модели архитектурности. Законы жанра, как правило, не соблюдаются, семантика формы разрушается, а порой и просто пародируется. В итоге интимно-лирический жанр письма обретает характер официальных политических лозунгов, фраз и противоречит изначальному назначению жанра («Словацкий Казанова»), детектив превращается в повод для психологического эксперимента, исследования мотивации совершения преступления, для изучения мотивации зла и агрессивного поведения человека («Пешая история», рассказ «Общий взгляд на Марию Б.») и т. п. Включение в произведение различных стилизованных дискурсов (газетные статьи, письма, путевые заметки, всякого рода инструкции, выдержки из художественных произведений и т. п.) позволяет определить книги Виликовского как вариант постмодернистского пастиша. Взяв на вооружение модель паратекстуальности, которая проясняет отношение текста произведения к заглавию, эпиграфу, автор намеренно неправильно цитирует известные произведения, отсылает к литературным аллюзиям («Повесть о настоящем человеке»).

Отсутствие целостной картины жизни, диффузность бытия писатель передает с помощью особой пространственно-временной организации произведений. В частности, важным моментом хронотопического устройства текстов является доминирующее положение настоящего в нем, то есть момент говорения, относительно которого расположены все события. При этом остальные временные пласты могут смешиваться, накладываться друг на друга. Подобные приемы позволяют расширить временные и пространственные рамки произведений («Вечнозелен...», «Мимолетный снег»).

В произведениях 2000-х годов Виликовский продолжает экспериментировать с постмодернизмом. Многие мотивы и приемы художественного изображения, характерные для его произведений предыдущего периода, получают в них свое дальнейшее развитие; от некоторых он отказывается. Все более отчетливо в поэтике проступают черты постреализма, которые порой перекрывают постмодернистскую поэтику («Автобиография зла», «Первая и последняя любовь», «Повесть о настоящем человеке»).

Литература

- Vilikovský P. Citová výchova v marci. Bratislava. 1965
Vilikovský P. Prvá veta spánku. Bratislava. 1983
Vilikovský P. Kôň ma poschodí, slepec vo Vrábľoch. Bratislava. 1989
Vilikovský P. Večne je yelený. Bratislava. 1989
Vilikovský P. Slovenský Casanova. Bratislava. 1991
Vilikovský P. Peší príbeh. Bratislava. 1992
Vilikovský P. Krutý strojvodca. Bratislava. 1996
Vilikovský P. Posledný kôň Pompejí. Bratislava. 2001
Vilikovský P. Čarovný papagáj a iné gýče. Bratislava. 2005
Vilikovský P. Vlastný životopis. Bratislava. 2009
Vilikovský P. Prvá a posledná láska. Bratislava. 2010
Vilikovský P. Letmý sneh. Bratislava. 2014
Vilikovský P. Príbeh ozajského človeka. Bratislava. 2014

**Мотив странствия в романах Драго Янчара
«Галерник», «Северное сияние» и «Звон в голове»**

А. С. Моругина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Современная словенская проза, экзистенциальная философия, мотив странствия.

Summary. This work is dedicated to the study of the motif of wandering in the novels of the Slovenian writer D. Jančar *Galiot*, *Northern Lights* and *Ringing in the Head* and their literary role in the composition of these novels, particularly in their imagery and problems.

Прозаик, эссеист и драматург Драго Янчар (р. 1948) является одним из ведущих современных словенских авторов, его произведения переведены на многие иностранные языки. Центральное место в его творчестве занимает философская проблематика в ее экзистенциальном аспекте. Одним из устойчивых элементов поэтики писателя является мотив странствия. В докладе на материале трех романов «Галерник» (1978), «Северное сияние» (1984) и «Звон в голове» (1998) анализируется значение этого мотива в прозе Янчара.

В основе романа «Галерник» лежит тема столкновения личности и эпохи, человека и власти. Форма экзистенциального романа-путешествия свидетельствует о том, что основное внимание автор уделяет духовной эволюции героя, находящегося в зависимости от исторических обстоятельств, преследуемого «Колесом Фортуны». Герой романа Йохан От, уроженец немецкого княжества Нейсе, вынужден спасаться бегством от преследований инквизиции. Этапы его странствия имеют четко обозначенные границы, при этом ни один из предыдущих не взаимодействует с последующим, а сам процесс напоминает перемещение вниз по социальной лестнице: от жизни богатого ремесленника к рабству на галере. Важность социальной иерархии отражена уже в заглавии романа: галерник — это последний уровень социального падения героя и одновременно высшая точка духовного освобождения, когда внутренняя свобода оказывается для него выше свободы физической.

Во многом схож с Отом странствующий герой-одиночка коммивояжер Йозеф Эрдман («Северное сияние»), первого января 1938 г. прибывший в свой родной город Марибор. Понимая, что мир стоит на пороге катастрофы, он пытается убежать от враждебной реальности, отправившись в путешествие по закоулкам собственной памяти, воскрешая места детства в поисках потерянного дома, а в конечном итоге — самого себя. Трагическая любовная история (герой влюбляется в замужнюю красавицу Маргариту) стремительно развивается на фоне исторических событий: в городе проходят манифестации, парады, небо над Европой озаряет кроваво-красное северное сияние, которое становится для Эрдмана последним шагом на пути к безумию.

В романе «Звон в голове», так же, как и в «Северном сиянии», странствие главного героя обращено во временной план прошлого, что во многом обуславливает дневниковую, исповедальную форму произведения. Отбывая наказание в югославской тюрьме за ограбление почты, главный герой романа Кебер в августе 1971 г. устраивает бунт, в ходе которого заключенным удается захватить здание тюрьмы. Военный наемник, радист на судне, Кебер большую часть жизни странствовал по миру. Такой образ жизни приводит к тому, что герой не может с уверенностью сказать, где же его настоящая родина. Повествовательным центром романа являются наиболее значимые для героя воспоминания (военная кампания во Вьетнаме, пребывание в Одессе, жизнь с возлюбленной и совместное путешествие в Израиль). Нахождение странствующего героя в тюрьме становится отражением его внутреннего кризиса, следствием неудавшихся поисков моральных ориентиров в реальном мире. Однако именно в тюрьме герой приходит к выводу, что постоянно сопровождающий его «звон» в голове — это, по сути, призыв к действию, толчок к осознанию собственной свободы, а, значит, и ответственности за нее.

В рассматриваемых романах мотив странствия тесно связан с раскрытием образа главного героя и экзистенциальной проблематикой. Главным героем романов Янчара является типичный для философии экзистенциализма герой-аутсайдер, одиночка. Странствие для него — не только попытка уйти от враждебного окружающего мира, но и способ определить нравственные ориентиры, найти свой жизненный путь. Этапы путешествия отражают внутреннее развитие (как эволюцию, так и инволюцию) героя, а конец пути связан с достижением иного понимания свободы, которое обретается в парадоксальной ситуации физической несвободы (на галере, в психиатрической клинике, в тюрьме). Это соответствует экзистенциальному представлению о подлинной свободе, сугубо внутренней, не зависящей от внешних факторов. Мотив путешествия у Янчара всегда присутствует в оппозиции замкнутому пространству. Странствие реальное является в его романах неподлинным способом бытия, тогда как путешествие героев вглубь самих себя, — возможный путь к обретению внутренней свободы.

Литература

- Коссак Е. Экзистенциализм в философии и литературе. М., 1980.
 Словенская литература XX века. М.: «Индрик», 2014.
 Старинова Н. Н. Философские мотивы в историческом романе Словении XX в. // Slavistična revija. Ljubljana. 2007. № 1. S. 619–626.
 Benhart F. Galjot in tisti drugi. Temne strani življenja // Naši razgledi. Ljubljana, 11.8.1989. Št. 15. S. 458.
 Bogataj M. Zgodovina ljubi variacije: Drago Jančar: Zvenenje v glavi // Literatura. Ljubljana, 1998. Št. 83 / 84. S. 209–212.
 Glušič H. Jančarjev roman *Galjot* // XX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj. Ljubljana, 1984. S. 179–185.
 Inkret A. Tujci, disidenti in blodniki. Drago Jančar. Galjot. Ljubljana, 1984. S. 440–441.
 Osti J. Zgodba o temi v človeku in povsod okoli njega (ob romanu Draga Jančarja *Severni sij*) // Sodobnost. Ljubljana, 2001. Št. 9. S. 1166–1172.
 Peršak T. Drago Jančar, Severni sij // Sodobnost Ljubljana, 1985. Let. 33. Št. 11. S. 1102–1109.
 Žižek A. Kronotop poti v romanah *Galjot*, *Posmehljivo poželenje ter Katarina*, *pav in jezuit* Draga Jančarja. Diplomsko delo. Ljubljana, 2002.
 Zupan Sosič A. Zavetje zgodbe. Sodobni slovenski roman ob koncu stoletja. Ljubljana. 2003.

Тексты

- Янчар Д. Галерник // Ненадич Д., Янчар Д., Куленович С. Доротей. Галерник. Подземная река. М., Радуга, 1982.
 Янчар Д. Северное сияние. М., Радуга, 1990.
 Jančar D. Galjot. Ljubljana, 2004.
 Jančar D. Severni sij. Murska Sobota, 1984.
 Jančar D. Zvenenje v glavi. Ljubljana, 1998.

**Темы и мотивы в семейном цикле стихов о «Гасанагинице»
в сербском языке (лингвокультурологический аспект)**

Видан Николич

Университет в Крагуевац, Учительский факультет в Ужице (Сербия)

Баллада Гасанагиница, семейный цикл стихов о Гасанагинице, гомеровский вопрос, сербский язык

Summary. The paper discusses the themes and motifs in the cycle of family poems about Hasanaginica, heroine of the ballad *The Mourning Song of the Noble Hasanaginica*, which has been recorded by the Italian Alberto Fortis (1774) in his travel diary *Across Dalmatia*. The corpus of this work is made from less famous lyric and epic poems about Hasanaginica and Hasanaga, which have been preserved in manuscripts in the archives and in the lesser known collections of poems collected in the southern Slavic soil.

В настоящей работе речь идет о темах и мотивах в семейном цикле стихов о Гасанагинице, героине баллады *Печальная песня о благородной Гасанагинице*, которую записал итальянец Альберто Фортис (1774 года) в своих записках путешественника *Путешествие по Далмации*, на которые большое внимание обратил знаменитый немецкий романтик И. В. Гете. Популярность этой баллады позднее позволила Вуку Стефановичу Караджичу показать ученой Европе ценность народной поэзии в процессе реформы сербского литературного языка.

В тени баллады *Печальная песня о благородной Гасанагинице*, одного из самого переводимого произведения в мировой литературе, остались забытыми лирические и эпические стихи о Гасанагинице и Гасанаге, сохранившиеся в архивах и в менее известных сборниках стихов, собранных на южнославянской территории.

В связи с тем, что *Печальная песня о благородной Гасанагинице* исследована со всех аспектов, была создана своего рода «гасанагинициология» с объемной библиографией, переводами и поиском возможных вариантов песни и ее подлинника. Также, на мотивах этой баллады, были созданы авторские пьесы (Алекса Шантич, Милан Огризович, Любомир Симович и др.). Если бы внимательно и систематически были собраны все лирические и эпические стихи из семейного цикла стихов о Гасанагинице и Гасанаге, которые сохранились в архивах и менее известных сборниках стихов народной поэзии, то в одном целом можно собрать народную эпопею.

К темам и мотивам из семейного цикла стихов о Гасанагинице относится широкий спектр о сватовстве, женитьбе, маскировке невесты в мужской одежде для того, чтобы дойти до своего избранника, Гасанагиницы как невесты, Гасанагиницы как матери, судьбе Меримы, дочери Гасанагиницы (в варианте баллады *Смерть Омера и Меримы*).

В сербской литературе были попытки создания народной эпопеи о некоторых больших событиях (например, Косово), которые в основном были неудачными, но в народной эпосе Гасанагиницида можно приблизиться к решению вопроса о том, как Гомеру удалось в греческой литературе создать из частей большие поэмы (*Илиада* и *Одиссея*). Некоторые иностранные исследователи (особенно большого успеха в этом достигли американские ученые Альбер Лорд и Мильман Пари в первой половине 20 века) попытались на южнославянской территории, где эпический период еще не был закончен, поставить задачи народным певцам создать из частей известных эпических стихов новые более широкие версии, показать, как можно решить **гомеровский вопрос**. Таким способом из эпических стихов о гайдуке Костреш арамбаше (о котором, как о своем эпическом герое пели и христиане, и мусульмане) была создана поэма «Костреш арамбаша» гусяром Авдо Меджедовичем из Санджака в западной Сербии. Однако никто не решился создать такое произведение из семейного цикла о Гасанагинице. По всей вероятности, одной из причин того, что большое внимание не было уделено другим стихам о Гасанагинице и Гасанаге является то, что известная баллада просто содержала всю семейную драму всего лишь в 93 стихах. И второе, женщина в исламе, особенно на окраине Турецкого царствия средних веков, не могла проявлять какой-нибудь своей внешней общественной жизни, в которой могли происходить другие драмы.

При внимательном прочтении стихов из семейного цикла можно получить ответы на некоторые вопросы об этой комплексной личности: была ли

Гасанагиница грамотной; было ли у Гасанаги желание привести другую жену рядом с Гасанагиницей и т. п.

Литература

- Хасанагиница // Караџић Вук Стеф. Српске народне пјесме. Књига III. Београд, 1894 (према издању 1846, приредио Љуб. Стојановић). С. 513–519.
Canone dolente dela nobile sposa d' Asan aga // Fortis Albeto. Viaggio in Dalmazia. I. Venezia, 1774. P. 99–105.
Hasanaginica 1774–1974 / Priredio Alija Isaković. Sarajevo: Svjetlost, 1975.

Творчество С. Довлатова в американском научно-критическом дискурсе (вторая половина 1990-х гг.)

Ю. П. Прядко

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

Личность и творчество С. Довлатова, рецепция, американское литературоведение, статья, монография, диссертация

Summary. This article analyzes the reception of S. Dovlatov's personality and oeuvre by American specialists in literature of the second half of the 1990s. The author affirms that the importance of critical works he studies is undoubtful because they revealed a wide range of S. Dovlatov's subject matters.

Актуальность исследования определена отсутствием в современном литературоведении комплексного анализа научной и критической рецепции творчества С. Довлатова американским литературоведением. Несмотря на тот факт, что литературное наследие писателя стало предметом многих аналитических работ не только российских, украинских, но и американских, британских, итальянских, канадских ученых, многие аспекты прозы С. Довлатова, например, исследование специфики его рецепции американскими литературоведами, остались нераскрытыми.

Первой серьезной научной работой о С. Довлатове и его творчестве стала книга “Contemporary Russian Satire” [Ryan-Hayes 1995] заслуженного профессора кафедры славянских языков и литературы университета Виржиния (США) К. Л. Риан-Хэйс, опубликованная в 1995 году. В контексте русской и европейской литературных традиций американская ученая детально исследует сатирические тексты пяти писателей-эмигрантов “третьей волны”: В. Войновича, С. Довлатова, В. Ерофеева, Ф. Искандера и Э. Лимонова. Книга состоит из пяти глав, в одной из которых — “The family chronicle revisited: Dovlatov's Ours” — ученая, раскрывая историю развития популярного жанра семейной хроники в русской литературе XVIII–XX веков (С. Аксаков, Н. Лесков, И. Рукавишников, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, И. Бунин и др.), последовательно доказывает, что повесть С. Довлатова «Наши» является пародией на данный жанр.

Образ имплицитного автора в произведениях С. Довлатова стал предметом исследования А. Прохорова (статья “The Case for The Implied Author in the Works of Sergei Dovlatov”) [Prokhorov 1997]. Автор анализирует прозу писателя-эмигранта, используя основные постулаты постмодернизма. Рассматривая вопрос о довлатовском имплицитном авторе, А. Прохоров опирается на теорию российского литературоведа М. Липовецкого, описывающего постмодернистское мировоззрение как хаос, “with which many contemporary Russian writers, among them Sergei Dovlatov, attempt in their texts to establish a dialogue” — «с которым многие современные русские писатели, среди которых и Сергей Довлатов, пытаются в своих текстах построить диалог» [Prokhorov 1997: 75].

Американский профессор Д. Гелловэй в диссертации “The Prison Camp Theme in Russian Literature as Reworked by L. Razgon and S. Dovlatov” (1999) [Galloway 1999], рассматривая эволюцию «лагерной» темы в русской литературе, выбирает в качестве объекта исследования произведения Л. Разгона и С. Довлатова и утверждает, что довлатовская «Зона» представляет собой альтернативу уже существующей традиции «каторжной» литературы, так как состоит из рассказов, объединенных письмами писателя к издателю. Эта отличительная особенность позволила исследователю рассматривать повесть как метатекст: именно переписка делает «Зону» метатекстом, иллюстрирующим вовлеченность русского прозаика в дискурс «каторжной» прозы.

Проблеме трансформации «лагерной» темы в творчестве С. Довлатова посвящена диссертация американской исследовательницы М. Бурлацкой — “Soviet Prison-Camp Literature: The Structure of Confinement” [Bourlatskaya 1999]. Автор называет главной инновацией С. Довлатова изображение трагической стороны «лагерной» жизни, а не будней. Довлатовский литературный метод, по утверждению М. Бурлацкой, берет свое начало в «лагерной» эстетике, при этом прозаик дистанцирует себя от реальности, о которой пишет, устраняет разницу между жертвами и палачами, лагерем и остальным миром, и первым среди писателей, разрабатывающих данную тему, привносит в «каторжную» литературу юмор как структуроорганизующий компонент произведения.

Во второй половине 90-х годов XX в. имя С. Довлатова появляется и в изданиях словарно-энциклопедического характера: “Cyclopedia of World Authors II” (Ed. by Frank N. Magill. Vol.2. Salem Press, 1997), “Reference Guide to Russian Literature” (Ed. by Neil Cornwell. Fitzroy Dearborn, 1998), “Encyclopedia of World Literature in the 20th Century: A–D” (Ed. by Stevan R. Serafin. St. James Press, 1999) и др.

Таким образом, в рецепции личности и творчества С. Довлатова американским литературоведением во второй половине 90-х годов XX в. наблюдается определенная динамика: появляется ряд научных статей, диссертаций и монография, отличающиеся глубиной исследования прозы российского писателя и его творческой манеры. Несмотря на свою немногочисленность, данные ра-

боты могут существенно пополнить современное довлатоведение. Ценность данных исследований, на наш взгляд, заключается в определении новаторства писателя в жанре «каторжной» прозы (М. Бурлацкая); определении повести «Зона. Записки надзирателя» как метатекста (Д. Гелловэй), что позволило ввести С. Довлатова в постмодернистский контекст; изучении довлатовского имплицитного автора (А. Прохоров, К. Л. Риан-Хэйс); рассмотрении довлатовского нарратива, особенностей сатиры и юмора писателя (Дж. Глэд, К. Л. Риан-Хэйс).

Литература

- Bourlatskaya M.* Soviet Prison-Camp literature: The Structure of Confinement: Ph. D. Dissertation. University of Pennsylvania, 1999.
Galloway David James. The prison camp theme in Russian literature as reworked by Lev Razgon and Sergei Dovlatov: Ph. D. Dissertation. Cornell University, 1999.
Prokhorov A. The Case for the Implied Author in the Works of Sergei Dovlatov // Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures. Vol. 10. 1997. P. 75–80.
Ryan-Hayes Karen L. Contemporary Russian Satire. Cambridge University Press, 1995.

Актуальные проблемы изучения русской литературы в Китае (на примере творчества И. С. Тургенева)

Сай На

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия) / Китай

*Литературные взаимосвязи, русская литература, китайская литература,
традиции И. С. Тургенева*

Summary. The history of translating Russian literature into Chinese is closely connected with the creative process of modern Chinese literature and has had a big influence on him. Till our days in China the most popular Russian writer is I. Turgenev. I. Turgenev's oeuvre influenced the classics of Chinese literature, so entitled to talk about Turgenev's tradition in their writings.

Развитие китайской современной литературы тесно связано с русской литературой. «Движение 4 мая» 1919 г. в Китае было культурным движением, цель которого — отход от китайских феодальных культурных традиций и усвоение западной демократической идеологии. В основе этого заимствования — идеи французских просветителей, теория немецкого марксизма и русская литература. Китайская «новая литература» зародилась во время «Движения 4 мая» (поэтому оно еще называется «движением новой культуры» или «движением новой литературы»), и ее развитие тесно связано со становлением искусства перевода русской литературы на китайский язык. Основоположники новой китайской литературы выступили и в качестве переводчиков русской литературы. Первопроходцем в этом процессе был Лу Синь (1881–1936, наст. имя Чжоу Шужэня). Он бы первым распространителем русской литературы как переводчик, и как исследователь. Он перевел произведения Гоголя, Чехова, Горького и др. Мао Дунь, ставший позже министром культуры Китая и председателем Союза китайских писателей, еще в 1920-е гг. перевел рассказы Льва Толстого, Чехова, Горького и др. В это время он был главным редактором

шанхайского ежемесячника «Сяошо юебао» («Проза»), где было опубликовано много переводов произведений русской литературы. В 1940-е гг. Мао Дунь продолжил свою переводческую работу, но теперь он переводил преимущественно советских писателей: «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Сын полка» В. Катаева и др. В эти же годы вслед за переводами русской литературы в Китае появились и книги по истории русской литературы и о русских писателях. Хотя эта работа была лишена систематичности и всесторонности, она заложила основу для дальнейшего изучения.

Имя Тургенева в Китае было известно еще до студенческой демонстрации 4 мая 1919 г. Он был упомянут в книге «История России», опубликованной издательством Хуан Чзи в 1903 г. Там кратко описывался стиль прозы Тургенева. По мере развития нового культурного движения в Китае его романы неоднократно переводились на китайский язык. Тогда же китайские ученые начали сравнительное изучение образа мыслей общества, насущных вопросов, персонажей и художественных методов русской и китайской литературы. После создания КНР в изданиях Тургенева появилась новая тенденция: стали публиковать избранные произведения Тургенева. Так, в 1983 г. Чжан Ю Сон перевел и издал сборник «Избранные повести и рассказы Тургенева». И сегодня творчество Тургенева представляет большой интерес для китайских ученых.

На первом этапе большинство исследований и оценок давалось во введениях к переводам, а специальных работ было очень мало — всего две. Первая из них — это статья «Тургенев», написанная Ху Юй в 1920 г. Ее автор подробно рассказывает о творчестве Тургенева и сопоставляет его с Л. Толстым, чтобы подчеркнуть, что Тургенев — «гениальный художник». Вторая специальная работа — это статья «Исследование о “Записках охотника”», в которой говорится о общественном значении произведения и его художественной ценности. С 90-х годов XX в. количество специальных статей о Тургеневе неуклонно увеличивается: в 90-х писалось около 30–40 статей в год, а в начале XXI века — до 130 статей в год. Это доказывает, что исследование Тургенева очень актуально в наши дни для китайских литературоведов. Ученые пишут о любви тургеневских героев, анализируют их психологию.

Влияние творчества И. С. Тургенева на китайских писателей — факт общеизвестный. Китайские писатели по-разному воспринимали эстетический пафос его произведений. «Отец современной китайской литературы» Лу Синь видел в тургеневских творениях «добрую душу, горечь, агонию угнетенных». В произведениях Тургенева Лу Синь нашел идейноблизкую себетеку: невежество, индифферентность массы-народа и трагическую судьбу первых революционеров. Го Можо (1892–1978) больше привлекали такие тургеневские традиции, как создание образа «лишнего человека», повествование от первого лица, искренность, простота и чистота слога, тема любви матери, дружбы и сознание смерти и жизни. Тургенев был литературным учителем и для Юй Дафу (1896–

1945), что чувствуется, например, в его лирическом стиле, отборе персонажей, композиции, эстетике и т. д. Но среди китайских писателей наиболее всесторонне воспринимает творчество Тургенева Ба Цзинь (1904–2005). Ба Цзинь единственный из основоположников современной китайской литературы, кто дожил до XXI века. Он переводил немало русских писателей, в том числе Герцена, Гоголя, Горького. В 1959 г. Ба Цзинь и его жена вместе издали «Избранные повести и рассказы Тургенева». В осмыслении жизни, в выборе темы, в использовании художественных приемов обнаруживается много сходного между этими двумя писателями. Не зря одна из первых русских исследовательниц творчества Ба Цзиня Л. А. Никольская называет его «китайским Тургеневым».

Литература

Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // НЛО. 2004. № 69.

Никольская Л. А. Ба Цзинь. М., 1976.

Третьяков В. Русская литература в Китае // НЛО. 2011. № 110.

屠格涅夫与中国, 孙乃修, 上海, 1988 [Тургенев в Китае / Под. ред. Сунь Найсюй. Шанхай, 1988.]

Барнаул в творческой рефлексии Ф. М. Достоевского

Е. Ю. Сафронова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Ф. М. Достоевский, сибирская ссылка, творческая рефлексия, Барнаул.

Summary. The report considers the position of the city of Barnaul as a special topos in the F. M. Dostoevsky's works.

Традиционно имя Достоевского связывается с Санкт-Петербургом, хотя этапами его биографии волею судьбы оказались и небольшие сибирские города, среди которых Барнаулу принадлежит особое место. В апреле 1849 г. в числе других участников кружка М. В. Буташевича-Петрашевского Ф. М. Достоевский был арестован, заключен в Петропавловскую крепость. 22 декабря 1849 г. после инсценировки подготовки к смертной казни через повешение на Семеновском плаце Николай I «смягчил» приговор: писателя ожидали четыре года каторги в Омском остроге и пять лет солдатчины в Семипалатинске. Только в 1859 году, будучи прапорщиком, писатель получил отставку и смог вернуться в европейскую Россию.

Несмотря на утверждение В. Я. Кирпотина о том, что «в сибирском периоде биографии Достоевского таятся ключи для объяснения многих особенностей его дальнейшего развития и творчества с их разительными противоречиями» [Кирпотин 1959: 211], тема «Достоевский и Сибирь» остается недостаточно разработанной.

Место Барнаула в творческом наследии классика ранее не изучалось, сама постановка вопроса казалась дискуссионной. Выявление связей Достоевского с Барнаулом движет не праздное любопытство, поскольку «даже самые незна-

чительные связи писателя с провинцией имеют выход к художественному произведению и пониманию творческой индивидуальности художника слова» [Кузнецова 2008: 4]. «Мелкая подробность, вновь открытый факт иногда по-новому позволяют взглянуть на писателя, а порой пролить дополнительный свет на его произведения» [Маркин 1985: 92].

Барнаул в середине XIX века был признанной столицей горного дела Сибири, самым культурным и просвещенным городом региона, в котором был театр, хор, картинная галерея. Именно поэтому Достоевский шестикратно обращался к прокурору округа барону А. Е. Врангелю с просьбой о переводе в статскую службу в Барнаул. Настойчивые и многократные просьбы похлопотать о переезде в Барнаул объясняются тем, что, во-первых, через Барнаул лежал путь в Кузнецк, где жила возлюбленная, а затем первая жена, Мария Дмитриевна Исаева; во-вторых, Барнаул в отличие от Семипалатинска имел славу интеллигентного города, «Сибирских Афин».

Автор «Бедных людей» бывал в Барнауле проездом трижды (если учитывать остановки туда и обратно, но можно говорить о шести посещениях): в июне 1856 г., в ноябре 1856 г. и в конце января-начале февраля 1857 г. по пути в Кузнецк и обратно. В эпистолярном наследии русского классика Барнаул занимает значимое место. В письмах он упоминается 45 раз, хотя Достоевский провел в городе в сумме не более полумесяца.

Первым сибирским произведением писателя, созданным им в ссылке, была комедия «Дядюшкин сон», вполне возможно, предназначавшаяся именно для барнаульской сцены. Мотив создания благотворительского театра, сборы от представлений которого пойдут на помощь раненым, отсылает к Крымской войне, тем самым обеспечивая точную временную привязку текста между 1854 и 1856 гг., как отмечается в комментариях к Полному собранию сочинений¹ (2; 516). Жители Мордасова, без приглашения «нагрянувшие» вечером в дом Москалевой, объясняют свой внезапный приход необходимостью обсуждения театральных дел: «ведь надобно же, непременно надобно когда-нибудь кончить все наши сборы с этим театром» (2; 369). На наш взгляд, временную границу создания повести можно еще сузить — это 1856 г., когда Достоевский посещает Барнаул и вынашивает планы переезда в город.

Во второй приезд писателя в Барнаул в ноябре 1856 г. во время обеда у начальника горных заводов А. Р. Гернгросса с Достоевским произошел казус. «За столом я сделал маленькую неловкость: сын их, мальчик лет 8, мне очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возразила, что нет сходства. Я начал подробно разбирать это сходство. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом!»

¹ Здесь и далее текст произведений и писем цитируется по изданию: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 с указанием тома, полутома и страницы в круглых скобках.

(28–1; 252), — делился автор «Дядюшкина сна» с другом А. Е. Врангелем в письме от 21 декабря 1856 г. Воспоминание об этом «комплименте» «чадолюбивой» Екатерине Иосифовне, которой не нравилось лицо родного сына, позволяют предполагать, что в образе города Мордасова из повести «Дядюшкин сон» отразились впечатления о Барнауле.

В повести упоминается «здешняя скверная речонка с неприличным названием» (2; 324). Под этим перифразом Достоевский утаил реку Барнаулку, которая ранее называлась просто Барнаул. Именно эта речка (в переводе — «волчья река») и дала название городу. Барнаулка — правый приток Оби, расположена рядом с Сенной площадью, где останавливался ссыльный писатель во второй и третий приезд в город. Заметим, что номинация «волчья река» ассоциативно связывается с поговоркой «волки в овечьей шкуре» и может быть адресована жителям Мордасова, под «гостеприимством» которых кроется желание «облапошить» женитьбой, в конечном счете, обобрать князя.

В письме А. Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г. Достоевский как бы мимоходом делает следующее наблюдение: «со многими познакомился; *хлопотливый* город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов!¹» (28–1; 252). Удивительно, что в повести «Дядюшкин сон» видим дословную, но более развернутую характеристику Мордасова. Матримониальные хлопоты являются сюжетобразующими: «Марья Александровна погрузилась в свои размышления. Нечего сказать: они были *хлопотливы* (334; курсив наш. — Е. С.). Описывая «первую даму города» Достоевский говорит о ее умении «себя держать так, что, глядя на нее, в голову не придет, чтоб эта сановитая дама была первая сплетница в мире или по крайней мере в Мордасове» (2; 296). Виртуоз интриги Марья Александровна сравнивается даже не с Талейраном, а с самим Наполеоном. В противоположность французскому императору провинциальная «львица» всегда останется «первой дамой», поскольку у нее никогда «не закружится голова от собственной высоты» и она не вспомнит «свое настоящее место» (2; 297).

Тема Талейрана будет продолжена в повести «Село Степанчиково и его обитатели», а также в романе «Идиот», где Талейраном назван мелкий чиновник Лебедев. Он, однако, является пружиной главных событий произведения: продает Настасью Филипповну Рогожину (8; 166), искушает деньгами генерала Иволгина, сообщает факты для пасквиля на князя Мышкина Бурдовскому, наконец, поселяя Мышкина у себя на даче, управляет его контактами. Шутовское поведение Лебедева — только маска кукловода, подлинного режиссера событий. На наш взгляд, образ Лебедева мог иметь барнаульский прототип. Таким образом, даже кратковременное посещение Достоевским Барнаула оставило в памяти яркий след и нашло отражение в творчестве.

¹ Шарль Морис де Талейран — французский политик и дипломат, чье имя стало нарицательным и используется для обозначения хитрости, ловкости и беспринципности.

Литература

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Кирпотин В. В. В Сибири, по местам Достоевского // Октябрь. 4 кн. Апрель 1959. С. 208–223.

Кузнецова Е. Г. Ф. М. Достоевский и Казань (писатель и культура русской провинции второй половины XIX — начала XX в.): Автореф. дисс ... канд. филол. наук. 2008.

Маркин П. Ф. Достоевский в Барнауле (факты и домыслы) // Алтай. 1985. № 3. С. 92–96.

**Современный словенский роман
как отражение социокультурных трансформаций*****Н. Н. Старикова**

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Словенская литература, словенский роман, социокультурный контекст,
гендерный аспект.*

Summary. The novel is the leading genre of contemporary Slovenian literature. After declaration of Slovenia independence (1991), it was able to adapt successfully to new social conditions and socio-cultural context. It was supported by a number of factors: update of subjects, the gender component of the literary process, eclecticism of poetics, genre syncretism.

Обретению государственной самостоятельности словенцев предшествовал почти тысячелетний путь, на протяжении которого языку и литературе как главным средствам конституирования национального самосознания придавалось особое значение. После провозглашения независимости в Словении сложилась парадоксальная ситуация: новоиспеченное государство перестало рассматривать художественную печатную продукцию как инструмент национальной самоидентификации и переадресовало эту обязанность частному издателю. Политические и экономические трансформации запустили механизм саморегуляции национальной литературной системы, движимой необходимостью приспособиться к новым условиям, «встроиться» в глобализированную западную культуру, что способствовало возникновению в стране новой литературной ситуации, развивающейся по законам рынка. Утверждение в общественной жизни принципа плюрализма привело к сосуществованию в словенском культурном пространстве множества эстетических систем. В результате для современной литературной практики Словении характерен небывалый эклектизм, в ней сочетаются самые разнообразные поэтики и дискурсы. В 2000-е гг. произошло существенное перераспределение жанровых сил: на первое место вновь, как в 1980-е гг., вышел роман, потеснив традиционного лидера национальной словесности — поэзию. Число опубликованных в первое десятилетие XXI в. романов приближается к тысяче. Кроме ощутимых количественных из-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 15-04-00161a.

менений, принципиальное значение имеют качественные: введение в литературный обиход новой тематики. Прежде всего, это попытка осмысления эпохи Тито и последствий распада его империи, сделанная М. Маццини и Г. Войновичем в романах «Король грохочущих духов» (2001), «Вычеркнутая» (2014) и «Чефуры вон!» (2008) и «Югославия, моя страна» (2011). По-новому предстает в произведениях 2010-х гг. Вторая мировая война: романы Д. Янчара «Этой ночью я ее видел» (2011) и М. Кресе «Я боюсь» (2012). Авторами больше не замалчиваются такие болезненные страницы национальной истории, как идейный раскол словенского общества в период фашистской оккупации, повлекший за собой гражданскую войну, военные столкновения добровольческих вооруженных подразделений с партизанами и частями ЮНА, расправа новой власти над пленными словенскими солдатами, воевавшими на стороне противников. На авансцену возвращается и актуальная политическая тематика, о чем свидетельствует роман А. Скубица «Только приди домой», посвященный коррупции, политехнологиям, олигархическим властным структурам, который был признан лучшим национальным романом 2015 г.

Еще одним зеркалом общественных трансформаций является гендерный состав словенских литераторов — доля авторов-женщин составляет уже почти сорок процентов. Количество романов, написанных ими за последнее десятилетие, увеличилось в разы и, перестав быть набором отдельных произведений, превратилось в феномен культуры. Н. Пирьевец, Б. Швигель-Мера, К. Маринчич, Н. Кокель, М. Новак, С. Тратник, М. Кумердей, В. Симонити, Н. Крамбергер и др. интересно и результативно экспериментируют, внедряя в художественную практику гибридные жанровые разновидности: «женскую» антиутопию, семейную хронику с элементами постмодернистского романа, автобиографию, соединенную с семейной сагой.

В целом можно констатировать, что современный словенский роман успешно адаптируется к новым социокультурным условиям, продолжая быть востребованным и читателями и писателями.

Литература

- Старикова Н. Н. Проблема «женского письма» в современной словенской литературе и критике // «Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (серия «Современные литературы ЦЮВЕ»). М.: ИСЛ РАН, 2013. С. 95–111.
- Старикова Н. Н. По следам «Югославской Атлантиды». Эпоха СФРЮ и последствия ее распада в словенском романе начала XXI в. // Художественный ландшафт «нулевых». Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI века (серия «Современные литературы ЦЮВЕ»). М.: ИСЛ РАН, 2014. С. 208–235.
- Čander M. Kuvertirana poteza. Ljubljana, 2008.
- Obdobja 21. Slovenski roman. Ljubljana, 2003.
- Obdobja 29. Sodobna slovenska književnost 1980–2010. Ljubljana, 2010.
- Zupan Sosič A. Na pomolu sodobnosti ali o književnosti in romanu. Maribor, 2011.

Мученический трагизм и поэтика контраста в повести Ю. Кавальца «На солнце»

О. В. Цыбенко

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Польская литература, поэтика контраста, деревня и город.

Summary. The poetics of contrast in the novel "In the Sun" by J. Kawalec helps to present vividly one of the variants of the tragic fate of the man who becomes the martyr and victim of history. The poetics of contrast transfers the concrete social problems and conflicts in the novel onto the plane of philosophical and psychological ones.

«Мученический трагизм более, чем когда-либо ранее, укоренился в реальности истекшего столетия, когда великому множеству людей довелось существовать в условиях поистине нечеловеческих, утрачивая при этом и физические силы, и духовную энергию» [Хализев 2004: 83], — отмечает современный исследователь. Бессмысленное мученичество, трагедия «безвинной» вины, изображенные во многих повестях Ю. Кавальца, сближает их с другими произведениями литературы XX в., в которых жертвы истории даны с сочувственным вниманием и состраданием.

Один из вариантов мученического трагизма раскрывается в повести Кавальца «На солнце» (1963). В центре произведения один из «опоздавших», кого новое время, а именно технический прогресс, город, пришедший на место его деревни, сделали несчастным. Оппозиции: город — деревня, прошлое — настоящее крайне заострены. При этом главным контрастом оказывается внутренний надлом в душе героя: его жестокость, совершенное им преступление и возвышенная поэтичность его натуры, живая совесть. Это противоречие выражено и в стиле монолога Старика, пытавшегося совершить самоубийство.

Откровенный натурализм в описании внешности Старика, некоторые его жестокие высказывания не мешают повествователю обнаруживать подлинную поэзию, все еще живущую в душе героя. Поэтика контраста способствует художественной выразительности, усиливает эмоциональное воздействие повести.

Символично название повести «На солнце», выбранное как бы наперекор мрачному, трагическому колориту повести. Кроме того, «на солнце» — означает в лучах правды, правды полной, иногда беспощадной. Свет правды не только высвечивает тайники подсознания Старика. Правда противостоит еще любой фальши, искусственности, а это уже соотносится с противопоставлением в повести природы и цивилизации, деревни и города, старых, подлинных ценностей и заменивших их суррогатов.

Внутренний мир персонажей Кавальца расколот, противоречив, драматичен не менее, чем сознание какого-нибудь рефлектирующего интеллигента. Поэтика контраста позволяет глубже понять проблематику повести, переводит ее из социально-конкретного плана в философско-психологический.

Литература

Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2004.

**Художественная утопия и художественная антиутопия
в русской литературе (конец XVIII — начало XX века)**

М. Ш. Шарифов

Российская Академия адвокатуры и нотариата (Россия)

Художественные утопии известны русской литературе. Как и в европейской литературе, модели идеального государства рисуются как на основе монархий (абсолютных и конституционных), так и республик. Утопия П. М. Захарьина «Арфаксад, халдейская повесть» содержит в себе рассуждения об идеальности патерналистского государства, которое поддерживает баланс между общинами. П. М. Захарьин является сторонником сильной царской власти, сосредоточившей в своих руках абсолютные полномочия. Именно такая власть способно обеспечить социальную справедливость и стабильность в стране. Просвещенная монархия представлена в утопии М. М. Хераскова «Нума Помпилий, или Процветающий Рим». М. М. Херасков описывает идеальное государство с царем-философом на троне. Республиканская идеальная модель описывается в утопиях Ф. А. Эмина Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном разговоры» и «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда». Утопии Ф. А. Эмина воспроизводят модели государств Фракии, Эолии, Тефилита и Нисефы. Ф. А. Эмин, находящийся под идеологическим влиянием Ж. Ж. Руссо, является сторонником «естественного права».

Следует отметить, что в XX веке утопии традиционного использовались для обоснования сильной государственной власти. Социалистические утопии XX века продолжили традиции утопий XIX века. Если, утопии более ранних периодов отражали аристократические и либеральные модели идеального общества и государства, то в этот период социализм и коммунизм занимают основное внимание писателей-утопистов.

Идеальное социалистическое общество рисует А. Богданов в романе «Красная звезда», опубликованное в период реакции сразу после подавления Первой русской революции. А. Богданов описывает путешествие на Марс, на котором уже утвердился коммунизм. В преддверии Первой мировой войны в 1913 году А. Богданов выпускает продолжение «Красной звезды» роман «Инженер Мэнни». Художественное время «Инженера Мэнни» предшествует художественному времени «Красной звезды». В «Инженере Мэнни» описывается сам процесс зарождения коммунизма на Марсе.

Постмодерн используется для критики тоталитарных режимов, создавая художественные антиутопии. В антиутопической форме критикуется тотали-

тарный политический строй. Повествование в перечисленных произведениях включает в себя сатирические отрывки.

Тоталитарное общество конструируется Е. Замятиным в романе «Мы». Это роман-антиутопия с элементами сатиры. Роман построен как дневник героя Д-503, талантливого инженера, строителя космического корабля «Интеграл». Свои записки Д-503 именует «Мы» и посвящает описанию жизни Единого Государства под руководством несменного руководителя — Благодетеля. Е. Замятин «обезличивает» социум в Едином государстве. Не имеющие право на собственные интересы и эмоции жители страны идентифицируются цифрами. Имен и фамилий нет. «Унификация» касается не только персональных данных. Одежда, питание, быт жителей Единого государства также унифицированы, а сами люди подвергнуты Великой операции, цель которой обеспечение машиноравности. Население лишено права выбора, в том числе и выбора руководителя страны. «Выборы» Благодетеля на безальтернативной основе превращают в фарс День Единогласия. Замятниновские «Мы» это художественная пародия на социализм.

Словацкий исторический роман. 1970-1980-е гг.

(В. Шикла, Я. Йоганидес, П. Ярош)

Л. Ф. Широкова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Словацкая литература, историческая проза, роман.

Summary. The rise of historical prose in Slovakia was often connected with the increased interest in national history and with the need for its revaluation and correlation with present reality. 1970–1980-ies were the period of reflection of the past and a conscious departure from the present in Slovak literature; then was created a number of novels with historical subjects.

Осмысление прошлого, ключевых моментов национальной истории издавна, еще со времен романтизма, было важной составляющей словацкой литературы. Жанр исторического романа (повести, новеллы) развивался в Словакии на протяжении длительного времени, становясь в разные периоды то особым, единичным феноменом, то явлением определяющим, общим для творчества целого ряда писателей. Подъем исторической прозы был часто связан со всплеском интереса к самой истории, с необходимостью ее соотнесения с настоящим.

Таким периодом рефлексии, переоценки прошлого и в то же время — ухода от необходимости отражать современную действительность времен «нормализации» стали для словацкой литературы 1970–1980-е гг. Тогда ведущими писателями среднего поколения были созданы крупные прозаические произведения с тематикой недавнего или более отдаленного прошлого. В их числе трилогия В. Шиклы «Мастера» (1976–1979) и его роман «Матей» (1984); романы П. Яроша «Тысячелетняя пчела» (1979) и «Немое ухо, глухое

око» (1984); романы Я. Йоганидеса «Конюх Марек и венгерский папа римский» (1983) и «Самая печальная оравская баллада» (1988), а также романы Л. Баллека «Помощник» (1977), «Акации» (1981), «Лесной театр» (1987), трилогия И. Габая «Колонисты» (1980–1986) и др. Данное явление было неоднородным как в идейно-художественном, так и в жанровом отношении; среди произведений этих лет встречается и социальный роман (Шикула, Ярош, Габай), и психологический роман с элементами детектива (Йоганидес), и роман-биография (Гикиш, Шикула).

Критика того времени приветствовала возрождение крупного эпического жанра, «нового историзма прозы» (В. Шабик), возможно, не всегда верно определяя идейную сущность произведений. Сегодняшнее словацкое литературоведение (Р. Билик и др.) рассматривает волну исторической прозы 1970–1980-х гг. в историко-литературном контексте, связывая ее с идейными поисками национальной идентичности конца 1960-х гг. (эссе В. Минача, Д. Татарки). Эти произведения представляют несомненный интерес для исследования и по праву занимают достойное место в словацкой литературе XX в.

«Грамота о Крестном монастыре» патриарха Никона

С. Н. Юсупова

Московский государственный строительный университет (Россия)

Патриарх Никон, грамота, крест.

Summary. Studying “The Charter of the Krestny Monastery” written by Patriarch Nikon we can realize his ideas and the importance of the location chosen by him for the monastery.

Патриарх Никон всегда уделял особое внимание образу креста, воспринимая свою собственную жизнь как крестный путь. Так, патриарх произносил проповеди о благодатной силе креста, писал о помощи креста царю Алексею Михайловичу, находившемуся в военных походах против Польши. Шел с преднесением креста на собор 1666 года. Поэтому не удивительно, что в «Грамоте о Крестном монастыре» он также рассуждает о кресте. Рассылаемая по всей России, «Грамота» была предназначена для широкого круга читателей и по жанру представляла собой проповедь, поэтому патриарх начинает «Грамоту» со слов «всем, повсюду и каждому» и обращается к своей пастве с любовью — «чада любезные». Лев Лебедев отмечает проповеднический талант патриарха Никона: «Он сам служил неспешно, благоговейно, стремился к тому, чтобы церковные службы были как можно более учительными, любил говорить проповеди и, что важно, — умел их говорить!» [Лебедев 2006: 585, 594]. К сожалению, до нас дошли лишь два его произведения, относящихся к этому жанру: «Поучение о моровой язве» и «Грамота о Крестном монастыре».

Надо сказать, что Грамота неоднократно переиздавалась и оказала влияние не только на духовную литературу, но и на поэзию (поэт середины XVII ве-

ка, подьячий приказа Большого двorca Онуфриев Алексей Захарьевич создал цикл из 123 стихотворений о Животворящем Кресте Господнем).

Композиционно Грамоту можно разделить на две части — о христианском милосердии и о христианском кресте. В первой части, цитируя Библию и поучения отцов Церкви в подтверждение своих слов, патриарх Никон призывает верующих к пожертвованию средств на строительство Крестного монастыря. Напоминая читателям евангельские сюжеты о вдове, которая принесла две лепты в храм, и о блуднице на вечери фарисея Симона, которая помазала голову Иисуса Христа миром и омыла его ноги слезами, Никон показывает связь между милосердием Божиим и милосердием человека. Тот, кто не жертвует на монастырь, уподобляется Симону, пригласившему к себе Христа, но не оказавшему ему уважения (не омыл ноги гостю), потому что он добровольно принял крещение, но ведь не воздает почестей Богу своими пожертвованиями на строительство храма. Симон получает осуждение, а грешная, но милостивая блудница — прощение. Таким образом, пожертвования на строительство Крестного монастыря воспринимаются патриархом как проявление главных христианских добродетелей — любви к Богу и милосердия. Опираясь, как всегда, на источники, Никон приводит цитаты из 22-го нравоучения Иоанна Златоуста «О милостыни». По наблюдению С. К. Севастьяновой, «...Никон выбирает из многословных и витиеватых рассуждений Иоанна Златоуста простые, запоминающиеся и понятные для широкого читателя определения милостыни» [Севастьянова 2011: 365].

Во второй части Грамоты патриарх поднимает три темы: значение креста, крестное знамение и крест Константина. Используя цитаты из рассуждений святителей Церкви о кресте, Никон подчеркивает важность установления на Кий-острове копии палестинской святыни. Также чрезвычайно важным был для патриарха Никона вопрос о замене двоеперстия на троеперстие, и патриарх пишет об этом в «Грамоте».

Очень интересна часть Грамоты, посвященная деяниям императора Константина Великого. Никон рассказывает о видении Константину Креста Господня на небе (Пролог). Он не просто цитирует текст, а творчески переделывает его, убирая излишние подробности сражений. Показательно, что царя Алексея Михайловича в то время считали новым Константином и с ним связывали надежды на освобождение православного Востока от мусульман. Святейший вспоминает об одном из крестов императора Константина, привезенном при князе Владимире в Киев, и проводит параллель с тем, как Константин принес Крест из Иерусалима. По словам Севастьяновой С. К., «...сравнение Алексея Михайловича с императором Константином в Грамоте Никона имело не только религиозный, но и политический оттенок. Призыв Никона ко всем православным христианам делать вклады на строительство Кийского монастыря становился призывом к духовному единению православных людей во-

круг самой главной палестинской святыни — Животворящего Креста Господня — символа власти и победы православия» [Севастьянова 2011: 388].

Патриарх написал грамоту на создание монастыря, сохранив таким образом для потомков исторические факты, и, изучая памятник, мы можем яснее понять замысел Святейшего и важность возведения обители именно в этом месте.

Тема креста проходит через все творчество патриарха Никона. Патриарх так говорит о важности креста и в своем самом большом по объему и важности труде «Возражение, или разорение»: «...им же побеждаем... и воинствуем, и влечемся к Христу, умерщвляя страсти, изгоняем врагов и сами сохраняемся от всякого искушения». Находясь в ссылке, Никон вместе с монахами выложил из камней рукотворный остров и установил на нем крест.

Литература

Гнутова С. В. Кийский крест // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, портреты: из собраний Государственного Исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белозерского музея-заповедника, музея-заповедника «Коломенское», Российского государственного архива древних актов. М., 2002.

Лебедев Лев, протоиерей. Патриарх Никон // Патриарх Никон: Трагедия русского раскола. М., 2006.

Севастьянова С. К. Литературно-публицистическое наследие патриарха Никона: принципы работы автора середины-второй половины XVII века. Германия: Lap Lambert, 2011.

Преподавание славянских языков: теория и практика

Методика обучения употреблению видов русского глагола в турецкой аудитории

Тюлай Акбаба

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Методика обучения; употребление видов русского глагола;
систематизация, развитие и презентация материала; турецкая аудитория.*

Summary. The report focuses on the Methods of teaching the theme of Russian verbs in the Turkish communities. The most complicated moments are marked. The contents of two actual Turkish textbooks of Russian is analyzed. The attention is emphasized on the Principles of material Systematization, Development and Presentation.

Преподавание русского языка в Турции имеет достаточно давнюю историю. В стране создан целый ряд учебников и учебных пособий как для средней школы, так и для вуза. Но в наши дни образовательные стандарты переходят на новый уровень и требования к учебной литературе растут. В ряде турецких университетов в настоящее время ощущается недостаточность материала по такой ключевой теме, как вид русского глагола. С этой точки зрения мы проанализировали два наиболее популярных турецких университетских учебника русского языка, чтобы предложить некоторые способы усовершенствования и развития учебного материала, а также формы его презентации в учебном процессе.

В обоих учебниках морфологические и словообразовательные сведения вводятся параллельно на ограниченном круге глаголов. Сообщается, что глаголы *читать*, *писать*, *посещать* являются глаголами НСВ, а такие глаголы как *прочитать*, *написать*, *посетить* — глаголами СВ [Fono Acikogretim Kurumu 2006: 351–355]. Сразу же даются некоторые типичные модели образования СВ и НСВ. После этого вводится очень краткий список основных значений каждой видовой формы отдельно: НСВ означает общий факт, длительное и повторяющиеся действие, а СВ завершённое действие, которое имеет результат [Pamir Ayse 2004: 175–181]. Это, безусловно, очень важный и полезный материал. Но, усвоив его, турецкие учащиеся оказываются на самом сложном этапе, на этапе овладения функционированием видовых форм в речи. И дело здесь не только в том, что в турецком языке нет вида, но и в том, что турецкая глагольная система картирует действительность иначе. Для турецко-говорящих привычны такие смыслы, как категоричность высказывания, лёгкость / быстрота / внезапность совершения действия, близость действия к осуществлению и др. С другой стороны, ряд аспектуальных значений русских видо-временных форм является непривычным.

Так, с трудом постигается общефактическое значение, аннулированный или сохраненный результат движения и т. д. [Гловинская 1982: 116–144].

Наши предложения в целом сводятся к следующему. Во-первых, двигаясь от простого к сложному, аспектуальные значения лучше давать парами (а ныне после введения общефактического значения прошедшего времени несовершенного вида в наших учебниках дается либо значение однократности, либо значение завершенности действия, которые в употреблении не противопоставлены друг другу).

Значения легче понять и запомнить в оппозициях. То есть, необходимо сделать акцент на том, что произойдет при замене формы НСВ формой СВ или наоборот. Например:

- (1) — *У ребенка температура, вызовите врача!* — а) *Мы уже **вызывали*** (не надо звонить в поликлинику: отмена аналогичного действия); б) *Мы уже **вызвали*** (врач скоро придет, не волнуйтесь: сохраненный результат действия) [Грекова 2003: 4–12].

Во-вторых, каждое аспектуальное значение необходимо вводить не абстрактно, а в реальных типовых ситуациях современной речи, причем разной стилевой принадлежности. Например, общий факт (бытийность) — в формате телефонного разговора:

- (2) — *Можно попросить Анну Ивановну?*
— *Ее сейчас нет, что передать?*
— *Передайте, пожалуйста, что **звонила** (*позвонила) Елена.*

Нужно вводить в первую очередь такие ситуации, где иностранцам трудно самим определить аспектуальную доминанту.

В-третьих, для пар аспектуальных значений (повторяемость — однократность; длительность — мгновенность; общий факт — перфектность (сохраненный результат) необходимо активизировать ключевые слова и словосочетания-помощники (соответственно: *часто, всегда, каждый день — один раз, в 7 часов; долго — за две минуты; когда-то, где-то — уже* и др.).

В-четвертых, нужно развивать систему упражнений для введения — закрепления — автоматизации навыков употребления видовых (видовременных) форм русских глаголов.

Нами разработана также последовательность разнообразных практических заданий. На наш взгляд, они должны иметь как зрительную, так и слуховую опору. Нам представляется, что до сих пор в турецких университетах аудированию уделялось недостаточное внимание. Учебная тема «Употребление вида русского глагола» должна отрабатываться на занятиях в разных формах. Всё перечисленное должно привести к дальнейшей интенсификации учебного процесса.

Литература

- Гловинская М. Я. Семантические типы видового противопоставления русского глагола. М., Наука, 1982.
- Грекова О. К. Общий ли факт, или Практические заметки—3 о выборе глагольного вида // Слово. Грамматика. Речь (Сборник научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного). Вып. V. М., Изд-во МГУ, 2003. С. 4–12.
- Fono Asikogretim Kurumu., Fono Rusca Dilbilgisi. Istanbul, 2006.
- Pamir Ayse. Rusca Dilbilgisi. Istanbul, 2004.

Час у школској библиотеци

Љ. Бајић

Универзитет у Београду (Београд, Србија)

Библиотека, настава, књижевност, час у школској библиотеци.

Summary. Class in the school library. The school library is considered a key that opens the door to the entire library-information system. As a center of educational, cultural and public activity, the library should meet the needs of modern users. The paper presents an overview of the class in the school library, which stands out as a special type of didactic class in teaching literature.

У контексту савремене наставе књижевности школска библиотека улази у фокус интересовања ученика и наставника као радни простор и библиотечки ресурс који удовољава новим читалачким потребама својих корисника, посебно њиховом истраживачком односу према наставним садржајима који се проучавају и усвајају у предметној области књижевности. Значај библиотеке доводи се у непосредну везу са улогом књиге у васпитању и образовању ученика и са функцијом читања којим се књига запућује у духовни свет и живот ученика.

На судбину школске библиотеке пројектује се амбивалентан однос према читању. Понекад, на пример, када мислимо о Борхесу, може нам се учинити да читалачке амбиције не познају границе. Наше навике да читамо свугде а не само у библиотеци и истраживање виртуелне збирке могу нас заварати да помислимо како живимо у друштву књижевно образованих читалаца. Али свест о значају читања, посебно о сложености самог читалачког чина, умногоме је релативизована. Ослобођено од сваког напора, од емоционалног уношења и фантазијског пројектовања читаоца у уметнички свет књижевног дела, па и од промишљања његовог смисла, читање је често површно схваћено као разбигра и пука доколица. Али оно је сложен процес, на шта се посебно указује у методичкој литератури, у којој се вишеструка сложеност делатности читања доводи у везу са чињеницом да се читање очитује као физиолошки и доживљајно-сазнајни процес и као језичка, комуникацијска и стваралачка делатност. Ученику, зато, треба помоћи да научи да чита, да заволи читање и да у њему ужива. Приоритетни задатак наставе, који се остварује у сарадњи са библиотеком, јесте да појача мотивацију и коришћењем библиотечког фонда развије књижевну културу ученика.

Ученике на плански и систематичан начин треба упознавати са важношћу и функцијом школске библиотеке, а посебно са активношћу школске библиотеке која омогућава креативно деловање и стваралачко ангажовање ученика (коришћење збирки, базе података, проналажење и вредновање информација и слично). У пракси се испитују и налазе адекватни начини мотивисања ученика да користе услуге школске библиотеке у наставним и ваннаставним активностима, путем радионичарског и интерактивног рада, који погодује развијању стваралачких активности, функционалних знања и интелектуалних, радних и вољних особина ученика.

Као креативни и библиотечко-информациони центар који има значајну образовно-васпитну, културну и јавну делатност, школска библиотека обезбеђује поуздан ослонац наставној пракси, омогућавајући јој да се одвија у складу са принципима научности и васпитности. Приоритетни задатак наставе, која се остварује у сарадњи са библиотеком, јесте да појача мотивацију ученика за коришћење библиотечког фонда и да развија читалачку културу и истраживачку / креативну делатност ученика. У том смислу, библиотека је подршка наставном процесу. Зато наставник и библиотекар у заједничком раду са ученицима анализирају њихова интересовања и потребе и у складу са њима налазе адекватне начине подстицања за учење и креативно ангажовање.

Делатност школске библиотеке повезује се са разним облицима наставног рада и ваннаставним / слободним активностима ученика (радом секција као што су литерарна, драмска и новинарска, радом у рачунарској и библиотечкој радионици, радионичарским радом на промоцији књига, књижевним и музичко-поетским вечерима, књижевним квизовима знања и сличним културно-јавним активностима које се изводе у читаоници). Могуће је организовати и образовне радионице, намењене развијању навика и културе читања, у чијем извођењу до изражаја долазе тимски рад и сарадња ученика, наставника, свих сарадника у настави и родитеља. О активностима које обухватају читање књига током одређеног периода, обично од месец дана, и обављају се према инструкцијама наставника ученик води забелешке — дневник читања. Периодично се проверава напредовање ученика, а на крају се представљају резултати и вреднују читалачка постигнућа.

Могуће је да се у школској библиотеци повремено одрже и часови књижевности, нарочито посебни типови часова, као што су, на пример, час драмски спектакл и час систематизације градива. Први се повезује са наставом драмске књижевности и делатношћу драмске дружине јер преузима елементе драмске педагогије и театрологије (на пример, сценско читање и тумачење улога и редитељске и сценографске замисли). На другом часу ученици могу сачинити и образложити попис књига из школског фонда које су међусобно повезане по тематској сродности или по књижевноисторијским и поетичким критеријумима, и/или истражити интернет-ресурсе о датој теми и припремити

њену презентацију на основу сакупљене грађе. Посебно средњошколцима било би занимљиво сачинити преглед књига које би волели да имају а / али не знају да ли су написане. Час систематизације и његова методичка организација омогућавају корелацију и са другим наставним предметима. Као пример може се поменути међупредметна корелација на завршном часу о епохи ренесансе. Час се изводи у школској читаоници и праћен је изложбом одговарајућих књижевних и ликовних дела из тог периода. Путем ових и других делатности школска библиотека оспособљава ученика да се служи њеним ресурсима и да са пажњом и зналачки користи књиге у њеним витринама.

Час у школској библиотеци може се издвојити и као посебан дидактички тип / врста часа. Он се одвија у радном простору изван учионице и претпоставља тимски рад свих учесника (учитеља, наставника, библиотекара и ученика), корелацију наставних садржаја, посебну врсту припремања, поуздано планирање, ваљано предвиђање и методолошко условљавање резултата рада. На часу се методичка знања и умења наставника функционално повезују са стручним знањем и планирањем библиотекара. Овај тип часа посебно је погодан за обраду изборних и факултативних садржаја и за слободне активности ученика. У пракси, он се често доводи у везу са радионичарским облицима рада на промоцији књига и књижевних квизова знања, или са организовањем радионица намењених развијању навика и културе читања, креативног мишљења, сценског представљања.

Треба подсетити да у савременој настави књижевности улога школске библиотеке у васпитно-образовном процесу постаје специфична посебно у одговарајућим системима наставе књижевности и језика, као што су: корелацијско-интеграцијски (када се у радионичарски рад укључују садржаји различитих наставних предмета, ученици, библиотекари и спољашњи сарадници) и мултимедијски и тимски систем (у коме се на начелу интердисциплинарности остварују међупредметне везе наставних садржаја).

Школска библиотека помаже и унапређује васпитну-образовну праксу, како у домену садржаја рада, тако и у области средстава за рад (од књига, преко рачунарске опреме до аутоматизације библиотечког пословања), што у данашње време библиотеку чини информационо-комуникационим центром школе. Зато се од подршке васпитно-образовном процесу путем праћења, планирања, програмирања и вредновања васпитно-образовног рада, у методологији рада школског библиотекара тежиште помера према раду са корисницима и учењу и подучавању намењеном свима (ученицима, наставницима, родитељима, локалној средини). У новим околностима, у којима се усложњава образовно-васпитна и културна делатност школске библиотеке, од библиотекара, као сарадника у разредној и предметној настави у основној и средњој школи, очекује се да стекне и развије одговарајуће компетенције које удовољавају потребама савременог корисника.

Коммуникативная грамматика: проблемы и перспективы использования в курсе чешского языка для иностранцев

В. В. Белоусова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Чешский язык, методика, коммуникативная грамматика, языковая ситуация, оценка.

Summary. The article argues the need for an updated and explicit description of Communicative Grammar. Suggested ways of grammar presentation must transfer attention from system and structural qualities of language code to speech usage and functioning of language. The author lays stress on different effective ways to present grammar.

Чешский язык — один из самых популярных славянских языков, изучаемых во всем мире, чему в значительной степени способствовала идея языкового плюрализма, закрепленная в документах Совета Европы. Многочисленные курсы, языковые школы, частные репетиторы обещают научить языку в кратчайшие сроки и с минимальными усилиями, подкрепляя эти обещания ссылками на коммуникативную методику, позволяющую «с помощью моделирования реальных жизненных ситуаций превратить знание грамматики в умение ею пользоваться».

В чешской традиции до сих пор нет единого термина, соответствующего английскому CLT (Communicative Language Teaching), а в методической литературе на русском языке почти взаимозаменяемыми являются составляющие неотъемлемую часть этой методики «коммуникативная», «активная» и «продуктивная» грамматика.

В стремлении соответствовать желаниям «курсистов» заговорить на чешском языке легко и без утомительной зубрежки (drill), преподаватели пытаются обойти ряд сложностей, неизбежных при профессиональном изучении языка студентами-богемистами. При этом приходится решать множество вопросов, связанных как с необходимостью упростить «презентацию» языка, сохраняя при этом его потенциальное многообразие, так и с потребностью сместить акценты с системно-структурных характеристик языковых единиц на их функционирование и речевое использование.

Главная проблема, однако, заключается не в том, как сделать занимательным и увлекательным изучение грамматических структур, а в поиске ответа на следующие вопросы:

- можно ли вообще изучать флективные языки «коммуникативно»
- как специфика чешской языковой ситуации отражается на «коммуникативном обучении»
- что важнее при оценке ответа на сертификационном экзамене — решение коммуникативной задачи или «грамматическая адекватность»

В синтетическом, флективном языке особое значение имеют отношения между синтаксисом и морфологией. Это отношение оказывается основным критерием классификации моделей в концепции «Коммуникативной грамма-

тики русского языка» [Золотова и др. 1998]. Коммуникативная грамматика основывается на идее триединой сущности языковой единицы (единство формы, значения и функции), и тем самым соединяет системное и текстовое исследование этой единицы. Г. А. Золотова применила триаду терминов «свободный — обусловленный — связанный» к синтаксическим объектам как шкалу зависимости значимых единиц языка от контекстуальных условий, то есть как три ступени отношений единицы и контекста.

Грамматикализованной лексикой, а не лексикализованной грамматикой считал язык М. Льюис [1993]. Он описал свободные, обусловленные и связанные коллокации, и заложил тем самым основы лексического подхода в методике преподавания, при котором главная роль в процессе формирования коммуникативной компетенции отводится аудированию и чтению (*comprehensible input*), а также запоминанию моделей (*patterns*), служащих образцами для продуцирования новых высказываний.

Актуализация этих идей находит отражение в современных учебниках чешского языка для иностранцев. В частности, Л. Гола (Lída Holá) очень последовательно придерживается правила: любая лексическая тема представляет собой сложный комплекс (*multidimensional syllabus*), в рамках которого формируются произносительные навыки, расширяется лексический запас, выявляются языковые функции и отрабатываются речевые умения, а грамматика представлена только одним явлением, релевантным для этой темы. Отбор грамматических явлений и последовательность их введения осуществляется на основании частотности употребления, определяющим является функционально-прагматический подход. Вместо объяснения грамматики используется индуктивный метод SOS “*sammeln — ordnen — systematisieren*” [Funk, Koenig 1999].

Выбираемый многими чешскими преподавателями «эвристический» подход подводит студентов к самостоятельным открытиям на основе анализа языка — опираясь на приобретенный ранее речевой опыт, они выводят новые понятия, формулируют грамматические определения и правила. С одной стороны, это хорошо закрепляет речевые навыки, но с другой — требует в два раза больше времени для усвоения материала и часто вызывает негативное отношение студентов определенных этнических групп.

Характерное для современной чешской языковой ситуации «смешение кодов» значительно усложняет процесс обучения чешскому языку, причем трудностей у преподавателей-носителей языка возникает больше, чем у их зарубежных коллег. Двойственное отношение самих чехов к *obecné češtině* из уст иностранца иногда вызывает не очень толерантные действия — нежелание понимать несовершенное произношение, исправление незначительных ошибок, ответная реплика на английском или немецком языке и др.

Споры о целесообразности, последовательности и этапе введения элементов обиходно-разговорного чешского языка в учебный процесс ведутся на протяжении многих десятилетий. Конструктивной основой для разрешения этих споров могла бы стать модель коммуникативной концепции членения этнического языка, которая в отличие от общепринятой стратификационной модели, выделяет центральные и периферийные области регулируемого и нерегулируемого речевого поведения [Нещименко 2003], и дает студентам представление о функционировании и обусловленности употребления *obecné češtiny*.

В соответствии с Европейскими стандартами владения иностранным языком (*Společný evropský referenční rámec — SERR*) «исходя из особенности чешской языковой ситуации и наличия двух вариантов языкового кода, необходимо руководствоваться функциональным подходом и стараться избегать субъективной оценки и излишнего языкового пуризма при квалификации допущенных студентом ошибок».

«Коммуникативная грамматика», максимально точно отражающая языковую систему и при этом формирующая у студента коммуникативную компетенцию на требуемом уровне, в идеале может являться результатом комбинации трех подходов — когнитивного, концептуального и коммуникативного.

Литература

- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
 Нещименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003.
 Lewis M. The lexical approach: The state of ELT and the way forward. Hove, England, 1993.
 Funk H., Koenig M. Grammatik Lehren und Lernen // Fernstudieneinheit 1, Langenscheidt, 1999.
 Společný evropský referenční rámec pro jazyky. Olomouc, 2006.

Методика преподавания русского языка как иностранного в КНР: история и современность

Ван Минь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русский язык как иностранный, эволюция лингводидактических концепций, КНР.

Summary. There is 308 years' history of Russian teaching in China. Through reviewing, analyzing this progress, we achieved successes and gathered a lot of experience, but we also realized that, there were problems and difficulties in our Russian teaching.

Современная история преподавания русского языка в Китае восходит к 1708 году, когда указом Цинской династии Канси было утверждено первое в истории Китая учебное заведение, где преподавали русский язык, — Школа русского языка при Дворцовой канцелярии [Ван Миньюй 2005]. Главной целью создания Школы, которая просуществовала 154 года, была подготовка переводчиков, преподавание велось на двух языках, в составе преподавателей

были русские и китайские преподаватели. В августе 1862 года Школа русского языка при Дворцовой канцелярии вошла в состав института иностранных языков — Школы Тунвэнь. Цели обучения русскому языку в XIX веке изменилась: в то время требовалась подготовка не только переводчиков, но и специалистов более широкого профиля, которые владели бы гуманитарными и естественными знаниями. Главным методом обучения являлся грамматико-переводной, слова и тексты заучивались учащимися наизусть. Эти две Школы за время своего существования подготовили много дипломатов и переводчиков для корпуса чиновников китайских посольств.

Период расцвета в изучении русского языка и культуры пришелся на 50-е годы XX века, когда в Китае появилось множество факультетов и курсов русского языка и литературы [Лю Лимень 2009]. В этот период были открыты три университета иностранных языков, на базе которых формировалась вузовская система обучения русскому языку, разрабатывались учебники и учебные пособия. Основной целью преподавания русского языка по-прежнему оставалась подготовка переводчиков, в связи с чем грамматико-переводной метод продолжал занимать центральное место в методике. Почти прекратившись в 60-е годы, в эпоху 10-летней Великой пролетарской культурной революции, преподавание русского языка в Китае после Реформ и Открытости, в конце 70-х годов было вновь восстановлено и набирало силу вплоть до середины 90-х годов под влиянием расцвета торговли между двумя странами.

3. В истории развития методики этот период называют рациональным. К концу 90-х годов более 60 китайских вузов имели в своем составе факультеты русского языка; активно вела работу Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ); были выпущены четыре базовых комплекта учебников русского языка для студентов (наиболее распространенный — «Восток» Пекинского университета иностранных языков); появились аудиовизуальные средства обучения. Именно в это время была создана первая системная образовательная программа по русскому языку и, что самое важное, грамматико-переводной метод перестал быть единственным — в вузах приняли и другие методы, такие как прямой, сознательно-сопоставительный, аудиовизуальный, аудиолингвальный и коммуникативный. В 1990 году ввели единый государственный экзамен по русскому языку ТРЯ4 (Тесты по русскому языку 4-го уровня для студентов второго года обучения).

Несмотря на достижения в методике, обозначился и целый ряд проблем: не вполне рациональное увеличение факультетов русского языка привело к избытку рабочей силы в профессиональных областях, связанных с русским языком; снижение профессионального и научного уровня массового преподавателя-русиста; упор на языковую составляющую и развитие речи в ущерб изучению русской культуры и истории, получению страноведческих и гуманитарных знаний о России и СНГ. При всем разнообразии методов обучения на занятиях преподаватель продолжал играть ведущую роль, учебный процесс от-

личался однообразием, студенты не имели достаточных возможностей проявлять активность в учебном процессе, и в результате после окончания университетов выпускники не отвечали требованиям рынка труда, не справлялись с определенными видами практической работы.

За последние 15 лет XXI века сфера преподавания русского языка в Китае быстро развивается. По данным КАПРЯЛ, число китайских вузов, готовящих специалистов по русскому языку, к 2016 году уже достигло 140, на факультетах русского языка работают более чем 1 000 преподавателей, большинство которых прошли обучение в России и странах СНГ, имеют ученую степень кандидата и доктора наук, что, в свою очередь, способствует повышению уровня научных исследований в области русистики, повышает эффективность учебного процесса.

Сегодня почти каждый университет старается использовать современные педагогические технологии, освобождаться от традиционных способов преподавания и включать в обучение технические средства, мультимедиа, Интернет. В хорошо оборудованных аудиториях студенты слушают русские песни, смотрят российские новости, фильмы, что не только повышает интерес к изучению русского языка, но и уровень их языковой и культуроведческой компетенции. Во многих китайских вузах учебно-методические планы координируются в соответствии с потребностями современной рыночной экономики, а также с учетом современных условий и тенденций развития сотрудничества между КНР и Россией. В настоящее преподавание русского языка строится на двух направлениях: традиционном — русский язык и литература; и новом — русский язык плюс профильный предмет (например, «русский язык и права интеллектуальной собственности», «русский язык и международная политика», «русский язык и деловое администрирование» и т. д.), методическую основу которого еще предстоит разработать. В этом отношении важно отметить, что в 2016 году начнет свою работу первый российско-китайский университет в Шенчжене, в котором курс русского языка будут вести преподаватели МГУ имени М. В. Ломоносова, имеющие опыт преподавания русского языка в специальных целях.

Таким образом, в XXI веке методика преподавания русского языка в Китае имеет хорошие перспективы развития благодаря дальнейшему расширению и углублению экономического, политического, культурного и образовательного сотрудничества между двумя странами. В то же время отмечается ряд нерешенных вопросов, в особенности связанных с профессионально ориентированным преподаванием русского языка. Некоторые из них будут рассмотрены в докладе.

Литература

Ван Минъюй. Преподавание русского языка в Китае: история, нынешняя ситуация и тактика развития // Преподавание русского языка в континентальном Китае и на Тайване. Сямэнь, 2005.

Лю Лимень. 60 лет обучение русскому языку в Китае // Русский язык в Китае. 2009. № 04.

Развитие филологического образовательного пространства Крыма с учетом культурологических и исторических региональных особенностей

Н. В. Величко

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
в г. Севастополе (Россия)

Филологическое образовательное пространство, русский язык, русская литература.

Summary. The author analyses integration of Crimean educational system into Russian educational space and gives prospects for development of Crimean philological educational space taking into account cultural and historical aspects of the region.

Вхождение Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации обусловило инициализацию коренных изменений во всех сферах, не стала исключением и сфера образования. Интеграция системы образования новых субъектов в российское образовательное пространство проводится интенсивно, а вместе с тем это многогранный, сложный, противоречивый и длительный процесс, что усложняется еще тем, что нет известной практики и аналогов в современной России. На модернизацию образования Крыма, внедрение российских стандартов образования выделены значительные средства, которые должны обеспечить первоочередные шаги по обеспечению отрасли, в том числе учебниками и литературой.

Анализ новых учебных планов и программ средней школы в сравнении с действовавшими в украинской системе образования показал значительную разницу, особенно в блоке предметов социально-гуманитарного цикла. Если комплекс математических и естественнонаучных дисциплин в украинской школе в сравнении с программой в советской школе не претерпел значительных изменений, то программы по предметам социально-гуманитарного цикла переписывались за двадцатитрехлетний период неоднократно.

Особое место среди учебных предметов, зазвучавших в новом качестве, принадлежит русскому языку и литературе. Педагогическому сообществу учителей русского языка хорошо известны проблемы в украинской школе, которые долгие годы в Крыму было невозможно преодолеть, среди которых определяющей было значительное сокращение количества часов на изучение русского языка и литературы в школах с русским языком обучения, а позже вообще исключение предмета «Русский язык» из учебных планов школ с украинским языком обучения с предоставлением изучать русский язык по выбору в качестве второго иностранного. Сложность положения учителей русского языка и литературы заключалась в том, что практически не было выработано методик преподавания русского языка в условиях русско-украинского двуязычия для средних учебных заведений, а учебники были составлены таким образом, что зачастую знакомство с языковыми категориями, формирование стройной системы языка проходило на уроках украинского языка, при этом не учитывалось, что уровень языковой компетенции влияет на интенсивность интерфе-

ренционного процесса близкородственного языка. Отсутствие итоговой аттестации по русскому языку и перспектив у выпускников школ с русским языком обучения продолжить образование на русском языке в высшей школе на территории Украины снижали мотивацию к их изучению у школьников. Предмета «Русская литература» в украинской школе не было вообще, русская литература в небольшом объеме изучалась как зарубежная, позже как мировая.

В ходе адаптации системы образования Крыма к российским стандартам важно сохранить все то лучшее, что было выработано русистами Крыма и г. Севастополя за годы сложнейшей работы в условиях украинизации, сокращения часов, уничтожения значимости преподаваемых ими предметов и их труда.

В настоящее время система образования нуждается в отборе, систематизации и анализе накопленного богатого педагогического опыта. По сути уникальной является ситуация, когда учитель русского языка и литературы должен преодолеть значительный во многих случаях разрыв между сформированными знаниями у учеников и программой подготовки выпускника. И здесь он должен проявить педагогическое мастерство, использовать накопленный опыт методической работы, чтобы успеть выработать у школьников необходимые умения и навыки и достойно подготовить их к итоговой аттестации. Особое внимание необходимо уделить грамотности. Учитель русского языка, особенно в выпускных классах, должен обращать особое внимание на сходные, частично сходные (перемежающиеся), противоположные и специфические языковые факты в русском и украинском языках, среди которых частично сходные и специфические языковые факты вызывают значительные затруднения у школьников. Сопоставления необходимы, прежде всего, для учителя с целью определения зон интерференции, а сопоставления для учащихся нужны лишь в определенных рамках, предупреждающие интерференцию, что поможет решить проблему репродуктивного торможения. Несомненную радость у учителей и учеников вызывает возможность изучать русскую литературу не в составе мировой и не на фоне украинской, а как самостоятельный предмет с достаточным количеством часов на изучение. На уроках русской литературы учителем должна проводиться работа по формированию русского национального сознания, в чем ему призваны помочь программные произведения, которые можно изучать не в сокращенном варианте, а полноценно на уроках.

Для преподавателей-филологов открываются новые возможности строить филологическое образовательное пространство широко, открыто. А поскольку филологию принято понимать как совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературе, перспективной представляется возможность моделировать филологическое образовательное пространство с опорой на культурологическую и историческую основу с учетом региональных особенностей новых субъектов, специфики полилингвокультурной ситуации в Крыму. Под филологическим образовательным пространством принято понимать «организацию образовательных систем различного уровня, объединяю-

щих образовательные учреждения разного типа, реализующие образовательные программы, связанные с обучением русскому языку и литературе, формирующие языковую картину региона, обеспечивающие языковое и литературное развитие личности [Лукьянчикова 2012]. В работах Д. Б. Эльконина, И. Д. Фрумина, М. Н. Груздева и др. раскрывается понятие «образовательное пространство». Терминологические сочетания с лексемой пространство в современной филологии весьма распространены: *когнитивное пространство, коммуникативное пространство, межкультурное пространство, языковое пространство, ментальное пространство*. Сложность и многообразие понятия пространства обусловили многообразие значений и сочетаний. Как утверждает Ю. С. Степанов, «нет ничего более естественного, как представить себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи» [Степанов 1985]. И здесь уже определяющим выступает антропоцентрический подход в лингвистике, согласно которому язык изучается не ради языка, а для человека. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, «важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации» [Тер-Минасова 2008].

Филологическое образовательное сообщество новых субъектов Федерации должно согласованно формулировать базовые принципы и сообща участвовать в определении и формировании региональных программ филологического образования с учетом особенностей многонационального Крыма и его истории.

Литература

- Лукьянчикова Н. В. Программа «Русская филология XXI в.: актуальные проблемы образования» в системе формирования филологического образовательного пространства // Ярославский педагогический вестник. 2012.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Слово, 2008.

Образовательные статусы русского языка как первого иностранного

Маханбет Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Узбекистан)

Educational status, Russian language, the first foreign, Russia, CIS, far abroad.

Summary. Nowadays, the Russian language has seven educational statuses. Two out of them are the Russian language as a first foreign in Russia and in CIS, for far foreign country's citizens. The prime foreign language is characterized features of linguodidactics description and methodology of implementation it in educational process and deals with functioning of the Russian language in foreign speaking sphere in which absences natural Russian speaking social linguistic situation.

Русский язык в современном мире обладает семью образовательными статусами (см.: [Джусупов 2012]; [Джусупов 2013]), функционирование кото-

рых не зависит от того обладает он на этих территориях официальным статусом или не обладает. Образовательный статус инофонного языка в зарубежном государстве закрепляется Госстандартом образования страны. Для граждан дальнего зарубежья, обучающийся в России или в странах СНГ, нами определены два международных образовательных статуса:

1. Русский язык как иностранный для иностранцев дальнего зарубежья, обучающихся в России;

2. Русский язык как иностранный для иностранцев дальнего зарубежья, обучающихся в странах СНГ.

Это пятый и шестой образовательные статусы русского языка в современном мире. Эти международные образовательные статусы русского языка характеризуются сходствами и различиями. Сходства и различия диктуются их внутренним содержанием. Главное сходство заключается в том, что в обоих случаях для обучающихся русский язык является иностранным как по административно-географическому признаку, так и по социолингвистическому признаку (т. е. по очень малому объему социальных функций русского языка в странах дальнего зарубежья). В обоих случаях для обучающихся иностранцев русский язык — полностью незнакомый язык. Они им не владеют даже на уровне понимания отдельных слов, предложений. Обучение русскому языку на основе пятого и шестого международных образовательных статусов русского языка как первого иностранного, в отличие от обучения русскому языку как неродному в странах СНГ, начинается с нуля. Лингводидактическое описание русского языка как первого иностранного имеет свои особенности, которые характеризуются меньшей теоретизацией, чем, например, лингводидактическое описание русского языка как неродного для граждан СНГ (О лингводидактике подробно см.: [Щукин 2006]).

Пятый и шестой международные образовательные статусы русского языка (русский язык как первый иностранный для иностранных граждан в России и в СНГ) функционируют в трех социолингвистических условиях:

1) русский язык как первый иностранный для иностранцев в России, где полностью присутствуют русская языкоречевая среда, русская культура поведения в официальных и неофициальных взаимоотношениях;

2) русский язык как первый иностранный для иностранцев за пределами России, в основном в странах СНГ, где присутствует полноценная русская языкоречевая среда, русская культура поведения в официальных и неофициальных взаимоотношениях, а также местная национальная (например, казахская, или узбекская, или ...) языкоречевая среда и культура взаимоотношений;

3) русский язык как первый иностранный для иностранцев за пределами России, в странах дальнего зарубежья, где отсутствует русская языкоречевая

среда, русская культура поведения в официальных и неофициальных взаимоотношениях. Обучающиеся русскому языку находятся в условиях родной языковой стихии, родной культуры поведения.

Обучение русскому языку как первому иностранному в этих трех социолингвистических условиях сопровождается серьезными лингвокультуро-логическими, психолингвистическими и лингводидактическими реалиями, которые характеризуются существенными различиями, при наличии одного общего сходства — русский язык как первый иностранный язык.

Сходства пятого и шестого образовательных статусов русского языка как первого иностранного в трех условиях его преподавания в основном заключаются в следующем:

1. Во всех трех социолингвистических условиях русский язык как первый иностранный внутри России и за ее пределами изучается не как неродной, а как иностранный.

2. Во всех трех социолингвистических условиях обучения русскому языку как первому иностранному в инофонной аудитории русский язык первоначально не является членом билингвизма или полилингвизма, которыми уже владеет определенная часть обучающихся (китайско-английский, японско-английский, арабско-французский, арабско-французско-английский и т. д.)

3. Во всех трех условиях обучения русскому языку как первому иностранному он преподается не как язык ближнего зарубежья, а как язык дальнего зарубежья, с которым родной язык обучающихся (арабский, японский, китайский и т. п.) не был в состоянии близкого и долговременного взаимодействия и взаимовлияния, а, следовательно, у обучающихся отсутствуют как умения и навыки собственно языко-речевой, так и межкультурной коммуникации, которые нужно формировать с самого начала, т. е. с нуля.

Русский язык как первый иностранный может преподаваться не только коренным представителям народов дальнего зарубежья, но и, например, коренным представителям казахского народа, родившимся и живущим в Китае, Монголии, Афганистане, Турции, но приехавшим на историческую родину — в Казахстан для получения образования или же для постоянного проживания. Такая малая социолингвистическая картина наблюдается, в определенной степени, и в других странах СНГ, например, в Кыргызстане.

Литература

- Джусупов М. Образовательные статусы русского языка в современном мире // Русский язык за рубежом. 2012. № 6. С. 15–21.
- Джусупов М. Взаимопроницаемость внутриросийских и международных образовательных статусов русского языка // Русский язык за рубежом. 2013. №4. С. 17–27.
- Шукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М., «АСТ — Астрель-Хранитель», 2006.

**Дискурсивные особенности
русской и английской диалогической речи
в аспекте лингводидактики**

Н. А. Емельянова, Л. В. Ершова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Русский язык как иностранный, дискурс, диалог, лингводидактика,
межкультурная коммуникация.*

Summary. The article is devoted to the typical features of Russian dialogical speech. Special attention is paid to the task of teaching Russian as a foreign language to English-speaking students comprehending or producing the above-mentioned type of discourse.

Изучая проблемы межкультурной коммуникации, лингвисты пришли к общему мнению о том, что основной причиной коммуникативных неудач следует считать межнациональные различия моделей дискурса. Даже когда речь говорящего является понятной для слушателей на уровне лексики и синтаксиса, фонетики и интонации, все же иногда приходится констатировать, что основной смысл высказывания оказывается неверно понятым или интерпретированным.

Исследование проблем восприятия дискурса показывает, что для англоговорящих учащихся ситуация непонимания русской диалогической речи нередко связана со специфической особенностью презентации главной идеи. Дело в том, что в соответствии с дискурсивной стратегией, характерной для носителей английского языка, основной тезис должен быть помещен в самое начало высказывания. Именно он, а не предисловие и различные подступы к теме, стоит на первом месте и максимально четко формулирует сущность позиции говорящего по какому-либо вопросу. Только после этого ведущего тезиса могут следовать различные конкретизации, уточнения, примеры, аргументы, ассоциации, лирические отступления и т. п.

Для носителя русского языка характерной оказывается принципиально другая композиция высказывания. Здесь говорящий вначале делает развернутое предисловие, приводит примеры, воссоздает довольно широкий общий фон для того, чтобы затем логически прийти к выводу, сформулировать основную идею почти в самом конце своего выступления.

Таким образом, различие национально маркированных моделей дискурса может привести к непониманию между участниками диалога. Восприятие речи слушателями происходит в соответствии с их определенными ожиданиями. Поиск главной информации, с одной стороны, и второстепенной, с другой, слушающие осуществляют в соответствии со своими, свойственными носителям определенного национального языка пресуппозициями. То есть англоговорящий собеседник ожидает услышать главную мысль в самом начале высказывания, а при продуцировании собственной реплики — поставит основной тезис на первое место. Подсознательно ожидая аналогичной коммуникативной

стратегии от собеседника, он может испытывать некоторые трудности при перцепции, встречаясь с иным композиционным построением диалогической речи.

Для британских носителей английского языка характерно активное использование многочисленных метаслов, описательных выражений и развернутых комментариев. Соответственно, от собеседников-иностранцев они тоже рассчитывают услышать высказывание, организованное по сходному принципу. Нередко их ожидания оказываются напрасными, что воспринимается англоговорящими учащимися как стилистически маркированные речевые примеры: странные, слишком прямолинейные и даже грубо звучащие.

В этой связи следует особо остановиться на профессиональных задачах преподавателя-филолога, обучающего англоговорящую аудиторию русскому языку как иностранному. Для практики такого преподавания, безусловно, необходимо учитывать особенности межкультурной коммуникации. Опыт преподавания как русского, так и английского языка как иностранного показывает, что если участники коммуникации не придают должного значения межкультурным различиям, взаимопонимание между ними становится неполным даже при удовлетворительном владении лексико-грамматическим и фонетическим материалом. До некоторой степени подобное общение схоже с разговором представителей разных поколений или социальных групп. Важно отдавать себе отчет в том, что изучение иностранного языка — это и изучение неродной культуры, шаг по направлению к аккультурации в мире изучаемого языка.

Особенности речевой коммуникации, типичные для англоговорящих, характеризуются рядом условий, принятых ее участниками, а именно:

- 1) каждому собеседнику необходимо предоставить возможность высказаться, никто не должен «монополизировать» речевое поле, напротив, каждого следует выслушать до конца;
- 2) все участники диалога четко осознают свои коммуникативные роли;
- 3) важно обладать умением понять, *когда* следует вступать в разговор, сообщать информацию и *когда* нужно выслушать собеседника, воспринять информацию;
- 4) следует быть взаимно терпимыми по отношению к информации, высказанной собеседником, к его мнениям и чувствам. Необходимо дать говорящему и слушающему возможность сохранить в высказываниях определенную степень невыраженности или неточности восприятия. Условием успеха диалога является принятие собеседниками коммуникативной недосказанности и возможность ее устранения с помощью перефразирования или уточнения.

Диалог характеризуется определенным набором этикетных формул, особенно в его начале или конце, а также при смене темы. Важным для разговора

при этом является, конечно же, прежде всего выбор темы, она должна быть приемлемой для всех участников.

Для русского дискурса столь строгая композиционная организация диалога нехарактерна. Беседа обычно носит весьма эмоциональный характер, существенную роль играют интонационные и невербальные средства выражения смысла, которые иной раз могут придать высказыванию прямо противоположное значение. В русском языке различные возможности выражения иронического несогласия, отказа выполнить действие и отрицательного ответа на вопрос, безусловно, представляют опасность коммуникативной неудачи для иностранца.

Русскому дискурсу в меньшей степени присущи различные формы выражения и такого менталитетного свойства, как политическая корректность. Именно яркие эмоции, стремление обосновать и отстоять свою точку зрения, увлеченная полемика характеризуют национально маркированную коммуникацию на русском языке.

Таким образом, для успешной межкультурной коммуникации необходимо сформировать у инофона систему знаний и умений, необходимую для реализации процесса речевого взаимодействия. Решать эту задачу следует комплексно, принимая во внимание или сознательно формируя фоновые знания культурологического характера, адекватную оценку речеповеденческой роли каждого из участников диалога.

Контрастивная лексикология как лингвистическая база кросс-культурного обучения языкам учащихся-билингвов

В. Ф. Загороднова

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

*Межкультурная коммуникация, поликультурное образование, кросс-культурное обучение,
учащиеся-билингвы, контрастивная лексикология.*

Summary. In the work there have been scientifically grounded the meaning and defined the contents of cross-cultural teaching of bilingual pupils the language oriented on: recognition of common to mankind values; forming of respectful attitude to people of other nationalities; development of cross-cultural ideology, ways of tolerant speech behaviour; providing of interaction of social, cultural and language orientation on polycultural environment; creating the conditions for realizing the individuality and specification of native and Ukrainian languages and cultures, and also contacts with these languages and cultures.

Поликультурное образование в Украине дает возможность для внедрения нового подхода к обучению украинскому и родному языкам национальных сообществ, обусловленного комплексным изучением отображения в языковой системе результатов взаимодействия языка и культуры в рамках этноса, определения значимости его специфики в межкультурном формате общения.

Поэтапное формирование языковой компетентности предвидит ориентирование и систематическую презентацию стержневой темы, которая бы испол-

няла роль обновленного средства сосредоточия всех составляющих языковых уровней и более эффективно осуществляла бы коммуникативную направленность в использовании языковых единиц. В качестве такого средства предлагается взять категорию значения языковых единиц, которая будет соотноситься с ее проявлением в двух изучаемых языках.

Для примера возьмем ориентацию на категорию значения лексической единицы, которая важна, поскольку в качестве теоретического основания мы опираемся на кросс-культурный подход, позволяющий последовательно воспитывать в учащихся толерантность, уважение и знание как своей культуры, так и иной.

Значение слова рассматривает лексическая семантика, которая предполагает работу над связью слова с контекстом (коннотация, экспонирование специфических понятий) и внутрилексическими связями (синонимы / антонимы, гипонимия, колокация, отношение типа «часть — целое», компонентный анализ, эквивалентность). Такие особенности лексической семантики дают возможность предложить убедительный и яркий материал для использования ее как методического средства в процессе выбора (семантического, этнического) более подходящей лексической единицы для коммуникации.

Таким образом, на наш взгляд, лексическая семантика должна рассматриваться как коммуникативно нацеленная система изучения языка в национальной школе. Эта система должна быть поострена с учетом положений кросс-культурной лингводидактики и охватывать все звания средней школы, обеспечивая преемственность обучения.

Не случайно, поэтому предметом нашего рассмотрения избрана контрастная лексикология славянских языков применительно главным образом к изучению украинского языка как государственного и, например, русского как родного в славянском языковом мире. Одной из причин такого ракурса рассмотрения изучения славянских языков является также и сохраняющаяся тенденция сопоставлять и описывать так называемые явные различия, оставляя без особого внимания малейшие нюансы, которые так характерны для родственных и в особенности близкородственных языковых сопоставлений. Учителя общеобразовательных школ хорошо знают, что решение данной задачи имеет огромную прикладную значимость, поскольку при обучении близкородственным языкам возрастает желание отождествления «своего» и «чужого», и здесь очень важно увидеть различие там, где их почти нет. Здесь важно подчеркнуть одну существенную особенность: славянские лексические параллели в большинстве своем не выходят за пределы общих семантических блоков в отличие от неродственных языков. Эти параллели, как правило, взаимопонятны, поскольку их смысл закодирован общими генетически устойчивым каркасом общеславянского языкового мира. В связи с этим особая роль принадлежит слову не только как основной единице языка, но и как особому человеческому творе-

нию, имеющему не мимолетный (как единицы синтаксиса) статус, а предназначенному хранить стабильную информацию для целых поколений людей.

Несмотря на все внешние и внутренние изменения, естественные расхождения и несовпадения, славянские языки сохраняют удивительное единство, что свидетельствует не только о крепких генетических корнях, а и об общности особенностей славянской ментальности. Наиболее ярко отмеченное единство славянской ментальности отражается в лексике. Это хорошо демонстрируют специальные исследования Ю. О. Жлуктенка по контрастивной лексикологии языков.

Кросс-культурный подход к изучению лексики гармонизирует с идеей единства всечеловеческого разума, которую разрабатывал В. И. Вернадский. Языку он отводил особую роль в создании новой формы биогеохимической энергии и называл ее «энергией человеческой культуры». То, что О. О. Потебня, например, понимал как единство законов душевной (духовной) деятельности, является фундаментом ноосферы, по терминологии В. И. Вернадского. Язык на уровне ноосферы В. Н. Манакин [Манакин 1994: 26] называет единым когнитивно-семантическим континуумом, который выступает в роли организующей силы всех языков и знаний о мире в невербальной форме. На ноосферическом уровне общий когнитивно-семантический континуум растворен в квантах единого ментального пространства. Содержательно-семантическая сторона — предмет анализа лингвистики, поскольку языковыми двойниками квантов информации выступают мельчайшие элементы языкового сознания — семы, существование которых уже доказано и теоретически, и экспериментально. Неповторимые комбинации универсальных и ограниченных по количеству сем (смысловых компонентов) в разных языках создают неповторимые семантические структуры слов, лексические значения, что и отражает неповторимость разных языковых картин мира в целом.

Одним из аспектов контрастивной лексикологии, который имеет значительные перспективы для кросс-культурного обучения языкам учащихся-билингвов, является изучение внутренней формы слов, т. е. сопоставление первичных мотивирующих признаков, положенных в основу наименований. Внутренняя форма слова — это лингвистический показатель гносеологической функции человеческого сознания действительности и наиболее яркий маркер национально-культурной самобытности языка. При овладении словами другого языка гораздо интереснее и эффективнее не просто запомнить слово, а осознать также связанный с ним признак номинации, сравнив его со словом родного языка.

Литература

- Вернадский В. И. Научная мысль как природное явление // *Философские мысли натуралиста*. М.: Наука, 1988.
- Жлуктенко Ю. О. Аспекти контрастивної лексикології // *Мовознавство*. 1989. № 6. С. 2–8.
- Манакин В. Н. Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки. Кировоград: Центр.-Укр. изд-во, 1994.

Обучение этикету общения в аспекте русского языка как иностранного

О. Н. Короткова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)
*Русский язык как иностранный, современный этикет общения, речевой этикет,
невербальные средства коммуникации*

Summary. This article studies the peculiarities of teaching Russian etiquette to foreign students. The author describes some mistakes both in the students' speech and in their behaviour caused by inexperience in Russian norms of behaviour, speech etiquette and non-verbal means of communication.

1. В программу обучения русскому языку как иностранному входит знакомство с принятым в России этикетом общения. Что представляет собой современный этикет общения, каковы его основные составляющие, как научить студентов-иностранцев этикетным нормам — все эти вопросы затрагиваются в сообщении.

2. Этикет как сложное многообразное явление включает в себя три составляющих: а) систему принятых в определенных ситуациях общения правил социального поведения, б) систему устойчивых формул общения, которые используются для установления контакта собеседников, поддержания общения соответственно социальным ролям коммуникантов в официальной и неофициальной обстановке (речевой этикет), в) систему невербальных средств коммуникации (позы, жесты, мимика, взгляд, дистанция общения).

3. В процессе общения с русскими в речи и поведении иностранных учащихся наблюдаются коммуникативные сбои, вызванные незнанием этикетных норм. Этикетные ошибки могут быть разделены на три группы.

- *Ошибки, вызванные невлаждением стереотипами поведения.* Например, мужчины-иностранцы не подают своим спутницам пальто, что воспринимается русскими как невежливость.
- *Ошибки, вызванные незнанием речевого этикета.* Например, многие иностранные студенты, услышав фразу: «Загляните к нам как-нибудь вечером», воспринимают ее как приглашение в гости и уточняют, когда и куда приходиться.
- *Ошибки, вызванные незнанием невербальных средств общения.* Например, тайваньские студенты, подзывая кого-либо, поднимают руку, разворачивая ладонь от себя, и несколько раз быстро сгибают и разгибают пальцы. Русские, видя этот жест, считают, что им говорят: «До свидания!», т. е. воспринимают его как жест прощания. При анализе ошибок учитывается этикет жеста, этикет взгляда, этикет позы, этикет дистанции.

4. Как научить студентов, изучающих русский язык, этикетным нормам, принятым в русской культуре? Как нам кажется, существует два пути. Первый путь — это анализ отрывков из художественных текстов и кинофильмов с точ-

ки зрения представленных в них норм современного этикета. В комментариях к текстам анализируются стереотипы поведения, обращается внимание на речевой этикет, а также на невербальные средства общения. Таким образом, читая текст, смотря отрывки из фильмов, студент расширяет свои познания в области современного этикета общения, принятого в русской культуре. Этот подход представлен в хрестоматии «Из истории русской культуры» [Короткова 2008].

5. Второй путь обучения этикету — это создание учебников, которые бы учили иностранных учащихся общаться на русском языке. А реальное общение невозможно без знания этикетных норм. Один из таких учебников — «Загадай желание!» [Короткова, Одинцова 2013]. Большое внимание в нем уделяется проблемам этикета. Учащиеся знакомятся с определенными правилами поведения, принятыми в России, получают представление о существующей системе разрешений и запретов, принятых в нашем обществе. Знакомство, приглашение, прием гостей, выбор и преподнесение подарков, правила делового общения и т. д. — в этих и многих других ситуациях описаны правила поведения, отражающие национально-культурную специфику организации и содержания общения. Коммуникативные упражнения, связанные с речевым этикетом, помогают сформировать у учащихся навыки речевого поведения в разных ситуациях общения. Задания, предлагаемые учащимся, можно разделить на три группы:

- задания, предполагающие проведение «компаративного культурологического анализа» [Шахардина 2003: 28], основанного на принципах идентификации и дифференциации;
- задания, направленные на то, чтобы элиминировать «этикетные ошибки», вызванные незнанием правил речевого этикета, социально-ролевых аспектов коммуникации;
- задания, предлагающие учащимся определить этикетные ошибки, допущенные героями книги.

Выполнив всю цепочку коммуникативных упражнений, студенты-иностранцы не только получают достаточно полное представление о правилах поведения, принятых в России, но и учатся действовать в реальных ситуациях общения.

Таким образом, изучая принятый в России этикет общения, иностранные учащиеся делают еще один шаг к пониманию русской культуры.

Литература

- Короткова О. Н. Современный этикет общения // Из истории русской культуры. Хрестоматия. М.: Изд-во «Гуманитарий», 2008. С. 49–81.
- Короткова О. Н., Одинцова И. В. Загадай желание. Пособие по развитию речи для изучающих русский язык. 3-е изд. СПб.: Изд-во «Златоуст», 2013.
- Шахардина Л. Н. Межкультурный диалог на уроках по иностранному языку как фактор развития личности учащегося: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2003.

Другому как понять тебя? (анализ художественного текста на занятиях РКИ)

А. Г. Лилеева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Художественный текст, принципы анализа на занятиях РКИ, ключевые метафоры,
лексико-тематические поля.*

Summary. The article refers to the interpretation in the process of teaching Russian as a foreign language of contemporary Russian literature with varying degrees of sophistication and structure of various stylistic strategies, as well as the example of the interpretation of the fragments of the novel by Mikhail Shishkin "Maidenhair". It proposes an interpretation algorithm of these fragments, which allows to provide a key to the understanding of the whole literary work. The analysis is based on the description of the key concepts of the novel concept of "word".

Одна из актуальных проблем современной методики РКИ — выработка методических принципов анализа языка современного художественного текста на занятиях РКИ, ориентированного на инофона филолога, владеющего русским языком в объеме третьего сертификационного уровня.

В последнее десятилетие произведения с усложненной структурой, отличающиеся синкретичностью повествовательной ткани и глубиной философской концепции, являются фактом современного литературного процесса. Они вызывают особый интерес у иностранных учащихся-филологов. Рамки урока и ограниченность времени учебного процесса не позволяют читать эти произведения полностью, поэтому преподаватель вынужден ограничиваться фрагментарным анализом художественного произведения. Перед ним стоит непростая методическая задача выбора фрагмента художественного текста (ХТ) и стратегии его представления на занятии по русскому языку как иностранному. Короткий фрагмент ХТ должен предоставить учащимся возможность, как в капле воды, увидеть структуру всего романа, и дать ключ к пониманию литературного произведения в целом.

Мы предлагаем как наиболее целесообразную в иностранной аудитории методику интерпретации ХТ — методику «медленного чтения», которая вырабатывает у учащихся умение видеть и понимать роль и значимость любого лингвистически выраженного элемента художественного текста в порождении его глубинного смысла.

В сообщении будет представлен анализ фрагментов романа Михаила Шишкина «Венерин Волос» из хрестоматии «Современная русская проза — XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный» [Хрестоматия 2009: 112–139]. Эти отрывки кажутся нам репрезентативными для понимания замысла и структуры всего романа.

Один из способов учебной интерпретации ХТ в иностранной аудитории — выделение ключевых слов (концептов) и структурообразующих метафор ХТ.

В своем определении понятия концепт мы опираемся на статью Д. С. Лихачёва «Концептосфера русского языка» [Лихачёв 1993] и на работы Ю. С. Степанова [Степанов 1997] и исследователей его школы. Концепт — «пучок»

представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слова. Иными словами, концепт — это смысл слова, или, по терминологии Д. С. Лихачёва, «алгебраическое значение слова».

Слова — языковое выражение концепта, поэтому наш путь к «смыслу» — выделение групп слов, описание лексико-тематического поля, составляющего ключевой концепт романа (концепт слово) и его интерпретация. В лексико-тематическое поле «слово» романа Михаила Шишкина «Венерин волос» входят слова-заместители, его контекстные синонимы. а) существительные, обозначающие всё, что написано и рассказано словами: *книга, рассказ, история, страница книги, строчка, буква, знаки препинания, паузы между словами*; б) названия жанров текстов: *протоколы собеседований, письма, записки, роман о певице, дневник и множество других историй; житие, книга по персидской истории, дневник в компьютере, возлюбленной толмача, апокрифы (история о Дракуле), мифы (Дафнис и Хлоя, Тристан и Изольда)*; в) существительные, обозначающие материальные «носители слова» или инструменты его создания: *открытка, послание, ксерокопия дневника, записная книжка, тетрадь в чудесном теснённом переплёте, почерк, краска, записи, карандаши, фломастеры*; г) слова, характеризующие существительные, т. е. эпитеты и сравнения:

- 1) слово письменное:
скороспелая (открытка), драгоценные (тетради), разноцветные допотопные (переплеты), (почерк) неряшливый, всё время разный <...> то страницы шили, как вышитые гладью, то каракуль; беспорядочные (записи);
- 2) слово устное:
*двух слов связать не может...
дикция, как у водопроводного крана...*
- 3) глаголы,
 - характеризующие действия «слова» (текста): слова — *сгущаются* из тумана; дневник певицы — (страницы) *скользили*, не хотели *переворачиваться*; (тетради) *выпрыгивали*; *пробивался* запах (слежавшегося в исписанных страницах времени); дневники *пахли* старыми окурками; *пахло* чем-то женским, вернее, старушечьим, какими-то старыми духами; чернила *выцвели*; иногда *шли* белые листы — будто хотела заполнить их позже; страницы *были вырваны*;
 - обозначающие ключевые действия персонажей: *объяснить, выяснить обстоятельства, узнать, что было на самом деле, переводить, записывать, верить, поверить, врать, рассказать так, чтобы тебе поверили, лепетать, бормотать, сочинять, писать, читать.*

Анализ лексико-тематического поля «слово» позволяет сделать вывод: семантическими синонимами «слова» в художественном мире романа Михаила Шишкина могут быть не только слова, обозначающие материальные носители слова (*книга, тетрадь, страница* и пр.), но и их нематериальное содер-

жание — воспоминания, личные истории, которые рассказывают (описывают) десятки персонажей на разный манер. А само слово через эпитет (*скороспелая* открытка), ряд сравнений и описания запахов слова приравнивается к органической, живой природе, слово становится плотью, переводится в трехмерное пространство. Словом обозначается пространство и измеряется время: *Время — буквально, вот я эту строчку пишу, и моя жизнь на эти буквы продлилась, а жизнь сейчас читающего на эти же буквы сократилась* [Шишкин 2007: 416].

Концепт «Слово» в мире романа Михаила Шишкина является ключевым, он ассоциативно связан с другими концептами романа (любовь, жизнь, смерть, бессмертие (в слове подлинное бессмертие), память (слово воскрешает прошлое), время (оно измеряется словами), Бог (буквы даны Богом), подлинность, подобие), а также лежит в основе структурообразующей метафоры произведения («человек — это рассказанная им история»).

Методика «медленного чтения», основанная на пристальном изучении индивидуального авторского стиля, адресована прежде всего учащимся филологам и билингвам, она помогает глубже проникнуть в замысел автора, расширить словесный запас учащихся, а также дает возможность получить представление об эстетической функции языка и его лингвострановедческом потенциале.

Литература

- Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
- Современная русская проза — XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный / Под общ. ред. Е. А. Кузьминовой, И. В. Ружицкого. М., 2009. Ч. 1 (Хрестоматия).
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Шишкин Михаил. «Венерин Волос». М.: ВАГРИУС, 2007.

Ошибки в речи чешских студентов, изучающих русский язык как иностранный

Т. Х. Лоикова-Насенко

Университет Я. А. Коменского (Прага, Чехия)

Foreign language, interference, language levels.

Summary. Czech students who studies Russian as a foreign language make mistakes which are typical for Russian speech of Czech native speakers but not for other Slavonic students. According to the language levels the above mentioned mistakes can be subdivided into several groups, from phonetic mistakes group to syntactic one. The reason of such mistakes is both the beginner's level of knowledge of the students and the interference of their Czech and Russian as well.

Студенты, в разной степени владеющие русским языком как иностранным, в процессе устной речи совершают различного рода ошибки. Анализ неправильного использования слов, их формы или сочетаний слов показывает,

что имеющиеся в речи студентов ошибки — это показатель не только плохого знания или начального уровня знания языка, но и своего рода языковая интерференция. В целом наблюдаются ошибки на различных уровнях языка, т. е. начиная неправильным прозношением и заканчивая построением предложения.

1. Неправильное произношение слов

На фонетическом уровне можно отметить чрезмерно правильное произношение слов, согласно их написанию, например: *что* [čto], *конечно* [konečna], т. е. в тех случаях, когда написание в русском языке не соответствует произношению и где происходит замена одного звука на другой, не составляющий ему пару по звонкости — глухости и др. параметрам.

В некоторых случаях происходит неразличение произношения и написания слов, в которых в группе согласных происходит упрощение с вымещением одного из звуков: *солнце* [solnce] вместо [sonce] и др. Под влиянием чешского языка в некоторых словах, особенно иностранного происхождения, безударное *e* произносится как [je или e]: *метро* [metro] вместо [mi^čtro], *умер* [umer] вместо [umi^čg].

2. Ошибки на лексическом уровне

На лексическом уровне можно отметить неразличение слов русского и чешского языка. Вместо русского слова студент использует чешское слово, ошибочно и заведомо зная или предполагая, что это слово в обоих языках звучит одинаково: *я быдлим* (чеш. bydlím) вместо *живу*, *спортovat* (чеш. sportovat) вместо *заниматься спортом*, *остатним* (чеш. ostatním) вместо *остальным*, *рок* (чеш. rok) вместо *год*, *заклады* (чеш. základy) вместо *основы*, *в завислости* (чеш. v závislosti) вместо *в зависимости*.

3. Ошибки в словообразовании

В случае начального или плохого знания языка студенты создают слова, в которых присутствуют смешанные по происхождению морфемы: *с женициноу* (с окончанием *-ои*) вместо *с жениценой*, *я ходим* (с окончанием *-ím*) вместо *я хожу*, *укончила* (с префиксом *и-*), *о соревнованию* (с окончанием *-и*), *писемный стол* (с основой *písepn-* и окончанием *-ый*), *финанцование* (чеш. financování с дополнительным окончанием *-е* как в рус. яз.), *театрув* (со смешанным чешско-русским окончанием *-ів*, т. е. окончание *-ї* как в чеш. яз. и *-ов* как в рус. яз.), *ездиме* (с окончанием *-íme*).

4. Ошибки на морфологическом уровне

Среди частых ошибок в русском языке в использовании окончания можно отметить первое лицо единственного числа у глаголов: *(я) встретимся*, *садим*, *ходим*, *готовимся*, где форма третьего лица множественного числа в русском языке совпадает по звучанию с формой первого лица единственного числа в чешском языке. Часто также встречаются случаи, когда вместо рода существи-

тельного одного языка используется род существительного другого языка: *банка* (*banka* — жен. род), *метода* (*metoda* — жен. род), *мой хобби*, *моей образования* вместо *моего образования*, *с душой* (*sprcha* — жен. род).

При составлении словосочетаний наблюдаются ошибки, связанные с неправильным использованием предлогов: *блюда про 700 ребят* вместо *блюда (еду) для 700 ребят*, где предлог использован в значении предлога *pro* (кого?, со?); *работа на домне* вместо *работа в доме*, где предлог *на* дан в значении предлога *na* (ком?, чем?); *ехать в метро или в автобусе* вместо *на метро или на автобусе*; *я еду в работу* вместо *на работу*; *гулять по горах* вместо *по горам*, где предлог *по* использован в значении предлога *po* (ком?, чем?); *к морю* вместо *на море*, то есть согласно традиции чешского языка; *по работе* вместо *после работы*, где *по* дано в значении предлога *po* (кому?, чему?); *готовился на экзамен* вместо *к экзамену*, т. е. калька с чешского языка *připravoval se na zkoušky*.

Видовые отличия глаголов также сложны для носителей чешского языка, особенно у глаголов движения: часто вместо *пойду*, *поеду*, *побегу*, *полечу* и др. используется *иду*, *еду*, *бегу*, *лечу*.

Эллипсис глагола *есть* в значении «существовать» в настоящем времени в русском языке приводит к его опущению в речи иностранцев и в случае, когда он должен присутствовать, т. е. в предложении используется в значении «иметь»: *у меня тоже муж* вместо *у меня тоже есть муж* и наоборот, использование глагола на месте, где он должен быть опущен: *образование есть хорошее* вместо *образование хорошее*.

Отрицание чего-либо в чешском языке строится при помощи глагола *netám* (кого?, со?), в русском языке на этом месте используется глагол *нет* (кого?, чего?). В связи с этим различием возникает конструкция *у меня нет автомобиль* вместо *автомобиля*; *у меня нет свободное время* вместо *свободного времени*.

При составлении сочетаний числительных с существительными, чаще всего студенты, особенно на базовом уровне, делают ошибку, которая связана с различием постановки падежа существительного при числительном: *два сыны*, где *сыны* это перевод с чешского (*dva synu*) в форме именительного падежа множественного числа; *18 тысяч люди* вместо *людей*, где также перевод с чешского (*18 tisíc lidí*); часто также встречаются случаи, когда искусственно создается форма множественного числа родительного падежа: *59 годов* или *25 годов* при наличии в чешском языке одинакового по форме и значению слова: *59 let* и *25 let*.

Часто при использовании глагола *работать* в русском языке чешские студенты добавляют местоимение *как*, таким образом калькируя чешскую конструкцию в русском: *я работаю как менеджер* вместо *я работаю менеджером* (перевод с чешского *pracuji jako manažer*).

5. Ошибки на синтаксическом уровне

В сложных предложениях часто происходит замена союзов или союзных слов: *автобус или автомобиль* вместо *автобус и автомобиль*; *и потому что* *я не могу спортоват* вместо *и поэтому я не могу заниматься спортом*; *когда я бы был здоровый* вместо *чтобы я был здоровым*; *я думал об этом, что я буду* вместо *я думал о том, что я буду*.

Приведенные примеры показывают, что при изучении русского языка как иностранного в устной речи чешских студентов, для которых русский язык является неродным, возникают ошибки в использовании слов, словосочетаний и предложения. В результате начального знания языка, либо плохого владения языком, либо в результате интерференции в речи студентов возникают ошибки, которые в некоторых случаях являются специфичными только для носителей чешского языка, однако в некоторых случаях эти ошибки являются общими для всех славяноязычных студентов.

Литература

- Михайлов М. М. Двужычие и взаимовлияние языков // Проблемы двужычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 197–203.
 Середнецкая Т. Основные причины появления ошибок в сочетаемости лексем // РЯНШ 1971. № 1. С. 58–61.
 Liškář Č. Transfer a interference ve vyučování cizím jazykům. 1. vyd. Krajský pedagogický ústav v Brně, 1970.
 Šourková A., Zajíčková J. Interference v ruské morfologii. Praha: SPN, 1968.
 Veselý J. Problematika vyučování ruštině jako blízkce příbuznému jazyku. Praha: SPN, 1985.

Лингводидактический аспект изучения словообразовательной системы (на материале дезоонимической деривации)

А. В. Моргун

Мукачевский государственный университет (Украина)

Словообразовательная парадигма, словообразовательное значение, зооним, дезоонимический дериват.

Summary. The author proves that the study of word formation as a system contributes to the spelling literacy, mastering the laws of the nomination, characteristic of the modern Russian language, acquaintance with the stylistic variety of the Russian language.

Как известно, пополнение словарного запаса учащихся осуществляется не только через пословное усвоение отдельных лексических единиц, но и через усвоение системы словообразования. Однако в ныне действующих программах для общеобразовательных школ изучению словообразования как системы внимания уделяется недостаточно. Изучение словообразования в школе базируется на наборе разрозненных фактов, из поля зрения выпадают такие комплексные единицы, как словообразовательная категория, словообразовательная парадигма, словообразовательное гнездо.

Необходимость изучения словообразования как системы обусловливается тем, что системное изучение русского словообразования способствует повышению орфографической грамотности, овладению закономерностями номинации, характерными для современного русского языка, знакомству со стилистическим многообразием русской речи и тому подобное. Изучение русского словообразования как системы ускорит и упорядочит процесс овладения русской лексикой.

На материале дезоонимической деривации предлагается система упражнений с одной из комплексных единиц словообразования — словообразовательной парадигмой.

Словообразовательная парадигма русских зоонимов включает 22 словообразовательных значения и делится на четыре блока: субстантивный, адъективный, глагольный и адвербиальный. Включает следующие единицы: «лицо, характеризующееся отношением к животному, названному мотивирующим существительным» (*кошатник, гусятник, свинарь*), «место, пространство, территория, имеющее отношение к животному, названному мотивирующим существительным» (*коровник, фазанарий, муравейник*), «мясо животного как пища» (*свинина, осетрина, баранина*), «самка» (*зайчиха, львица, индюшка*), «невзрослость» / «детеныш животного» (*слоненок, утенок*), «принадлежащий, свойственный» (*ежовый, мартишкин*), «производить а свет» (*жеребиться, щениться*), «признак по отношению к животному, названному мотивирующим словом» (*волком, еришом*) и т. д.

Необходимо учесть, что значительная часть словообразовательных значений зоонимов характеризуется относительно регулярным приращением смысла. Поэтому работа с данным материалом будет способствовать развитию и совершенствованию интеллектуальных (сравнение и сопоставление, соотношение, синтез, обобщение, абстрагирование, оценивание и классификация) и информационных (умение осуществлять библиографический поиск, извлекать информацию из различных источников, умение работать с текстом) общеучебных умений.

Так, словообразовательное значение «лицо, характеризующееся отношением к животному, названному мотивирующим существительным» делится на следующие частные словообразовательные значения:

- а) «специалист» (*свинарь, гусятник* — «работник, пастух данных животных»; *конник* — «воин, всадник, кавалерист»);
- б) «любитель» (*кошатник*);
- в) «охотник» (*соболятник, соколятник, псарь* — «тот, кто охотится на данное животное» и «тот, кто охотится с данным животным»).

В рамках данных частных словообразовательных значений можно рассматривать и структуру производных слов: дериваты простые и дериваты сложные:

- а) «специалист» (*ослятник* — *коневод*, *пчеловод*);
- б) «охотник» (*соболятник* — *барсолов*, *краболов*, *китобоец*).

Изучение слов блоками дает возможность ученикам ознакомиться с семантикой базовых слов и словообразовательных аффиксов, которые используются в создании слов определенной части речи, помогает овладеть основными закономерностями словообразовательного синтеза. Например, зная значение слова *собака*, нетрудно определить значение слов *собачонка*, *собачища*, *собаковод* и тому подобное. Этому помогает внешнее (формальное) и внутреннее (семантическое) сходство мотивирующего и мотивированного слова.

Введение в процесс обучения слов блоками приводит к тому, что связи между однокоренными словами оказываются в поле зрения учащихся, у них развивается обоснованная языковая догадка, а следовательно появляется возможность эффективного обучения толкованию значений производных слов.

Углубить и закрепить представления учащихся о системных отношениях в языке можно на материале словообразовательных синонимов, антонимов и омонимов.

На материале словообразовательной парадигмы зоонимов рассмотрим явление словообразовательной синонимии. Например, ученикам предлагается создать слова со значением «самка животного» от существительных *волк*, *барсук*, *медведь*, *мул*, *осел*, *паук*, *скворец*, *журавль*, *заяц*, *кролик* с помощью суффиксов *-их(а)*, *-иц(а)*, то есть суффиксов, имеющих одно и то же словообразовательное значение (ср.: *волчиха*, *волчица*, *ослиха*, *ослица*), однако характеризующихся стилистическими различиями или разной сферой употребления. На данном материале ученики могут выполнять следующие задачи:

- 1) продолжить список названий животных, от которых можно образовать производные с данным значением;
- 2) определить стилистические различия или сферу употребления слов с данными суффиксами;
- 3) определить, какой из суффиксов употребляется чаще;
- 4) отметить случаи чередования согласных в корнях слов, например: *волк* — *волчиха* (к / ч), *скворец* — *скворчиха* (ц / ч) и др.

Работа на материале словообразовательной парадигмы русских зоонимов позволит выйти за пределы учебного лексического минимума, поможет сэкономить много времени, которое можно использовать для работы над произношением, образованием словосочетаний, предложений и т. д.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986.
- Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
- Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во Московского университета, 1980.
- Юсупова Н. Г. Структура словообразовательных парадигм зоонимов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент: Укитувчы, 1982. С. 298–301.

Проблема представления фоновых знаний в учебном тематическом словаре

С. А. Москвичева

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Л. А. Нестерская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Тематический словарь, концепт, фоновое знание, фрейм, событие.

Summary. This article is devoted to a problem of elaborating an ideographic translation dictionary. It is considered that the theoretical base of such work is made up by the following terms: event, concept, background knowledge. It is also expected to use a frame as a key unit of this type of thesaurus.

Учебный идеографический русско-французский словарь «Le russe contemporain. Des mots à l'expression. Lexique thématique» был подготовлен коллективом авторов (Э. Андерлайн, Г. Димова-Сарвари, С. А. Москвичева, Л. А. Нестерская) и издан в 2009 году.

Авторами ставилась задача создать учебный переводной словарь активного типа, который позволил бы понимать и комментировать современную российскую прессу. Однако он не должен был стать словарем тезаурусного или энциклопедического типа, и еще меньше словарем терминов по разным областям науки, поскольку целью было отразить в словаре тривиальные знания среднего носителя языка и читателя современной газеты.

Авторы являются адептами тематического подхода в обучении, в том числе при обучении газетной лексике, но тематический подход, по верному замечанию А. Н. Латышевой, должен быть «модернизированным». Словарь имеет не просто коммуникативную направленность, но коммуникативно-семантическую, с учетом, насколько это оказалось возможным, когнитивного компонента знаний о мире. А это значит, что методически необходимо учитывать в выказывании пропозицию, иллюкутивные функции и фоновые знания.

Методологические принципы данного словаря строятся на достижениях психолингвистики и когнитивной лингвистики, в первую очередь на идеях М. Л. Минского, Р. С. Шенка, Л. Абельсона, Р. М. Фрумкиной, Е. С. Кубряковой, В. Я. Шабеса. Дидактические принципы организации словаря опираются на работы А. Н. Латышевой [Латышева 2007]. Ключевыми теоретическими концептами для нас стали *фоновое знание, фрейм, событие, концепт, образ и сцена*. Мы исходили из понимания целостной картины мира (системы знаний о мире) как состоящей из двух частей: единиц коммуникативного компонента, представляющего собой вербально-оформленные знания (понятие концепт, и шире — текст), и единиц когнитивного компонента (представление, образ, сцена), которые сводятся к модели события. Не оформленный вербально когнитивный компонент составляет основу *фоновых знаний*.

Информационный фон является общим для участников акта коммуникации, собственно поэтому, он не вербализуется и относится к фоновым знаниям.

ям, хотя может серьезно варьироваться в зависимости от уровня анализа. Поскольку речь шла о создании словаря, ориентированного на широкую аудиторию, изучающих русский язык, нас интересовал социальный аспект фоновых знаний, то есть типизированные, тривиальные (обыденные) знания «нормального» взрослого индивида.

В словнике эксплицитно может быть отражена только семантическая категоризация мира — вербализованные образы и понятия. В сознании же носителей языка фоновые знания существуют в виде модели события, понимаемого как инвариант сцены (уникальной реализации данного события) или образа, то есть лишенных экспрессивной оценки фреймов или, что достаточно близко, гештальтов. О противоречии между дискретным (семантическим), линейным устройством языка и нелинейным, синкретическим характером мышления в лингвистике говорится давно. Синтетический характер мысли подчеркивал еще Л. С. Выгодский.

Познание мира идет через перцепцию динамических сцен, как вариантов события, на базе которых формируются статические образы и представления (гештальты), которые вебализуются специфическим для каждой культуры образом. Именно это обуславливает лингвокультурологическую направленность словаря. Многие концепты по своей природе являются гештальтами, но будучи единицами коммуникативно-семантического уровня знаний, события, концепты и понятия способны к дискретному вербальному оформлению. Однако слово и текст это только надводная часть айсберга, подводной же являются фоновые знания, когнитивно-семантические динамические категории чувственно-воспринимаемых сцен, образов и представлений, основы фреймов и гештальтов. В когнитивных процессах гештальту и фрейму, как способу организации знания, принадлежит совершенно особое место. В коммуникативных процессах мы имеем дело со словом. Лингводидактика должна учитывать обе составляющие. Работая с лексикой и текстом, необходимо принять во внимание фреймовую организацию события, а также «когнитивную тему» фоновых знаний, тривиальных для носителей языка, но неизвестных для иноязычной аудитории.

В словаре фоновые знания, насколько это возможно, находят выражение через фреймовые структуры во второй части словаря «Говорить и писать» и в разделе «Экспрессия и оценка на страницах газет и журналов».

Первая часть словаря «Читать и понимать» представляет собой вполне классический тематически организованный двуязычный словарь, отражающий однако лингвокультурную специфику российской прессы. Оригинальность лексико-семантического компонента тем выше, чем выше оригинальность той сферы жизни, которую он отражает.

Фоновые знания в силу своей тривильности не находят прямого выражения в акте коммуникации. Однако, частотность и характер номинаций косвенно говорят о коммуникативном фоне общества.

Во второй части словаря «Говорить и писать» реализуется фреймовый подход, изложенный и обоснованный в работах А. Н. Латышевой [Латышева 2007]. Идея фреймного представления знания восходит к работам М. Л. Минского [Минский 1979]. Фрейм относится к категории инвариантов, то есть является единицей уровня анализа. К теории фреймов близко примыкает теория сценариев и ее скорректированная версия теории целей и планов Р. Шенка и Л. Абельсона [Shank, Abelson 1977]. Вторая часть Словаря представляет собой типизированные сцены и событий, оформленных во фреймы, то есть дополняет статическое представление концептов первой части динамическим измерением.

Литература

- Латышева А. Н.* Учебные русского языка и «фреймовый подход» к обучению инофонов // Мир русского языка и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ. Т. 6(2), София: Heron Press, 2007. С. 260–267.
- Минский М. Л.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
- Шабес В. Я.* Событие и текст. М.: «Высшая школа», 1989.
- Enderlein E., Dimova-Sarzar G., Moskvitcheva S., Nesterskaia L.* Le russe contemporain. Des mots à l'expression. Lexique thématique. Paris: L'Asiathèque, 2009.
- Shank R. C., Abelson R.* Scripts, Plans, Goals and Understanding. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1977.

Межъязыковое понимание в преподавании русского языка

М. М. Муцнинина

Университет г. Майнц (Германия)

Межъязыковое понимание, дидактика родного (русского) языка.

Intercomprehension, L1-teaching.

Summary. The article deals with the phenomenon of intercomprehension and with using intercomprehensive methods for purposes of language teaching. Intercomprehensive methods are suitable not only to promote language awareness and linguistic analysis skills, they also contribute significantly to strengthening the motivation of learners. Therefore they can be used effectively by learning new languages as well as by L1-teaching. An experiment using intercomprehensive methods will demonstrate the possibilities of intercomprehensive methods for purposes of language teaching.

В докладе будут представлены некоторые дидактические методы, основанные на явлении межъязыкового понимания. В частности, будет показано, что применение этих методов положительно влияет на уровень владения родным языком. В основе наблюдений, которые будут описаны в докладе, лежит эксперимент, проведенный в ходе занятий русским языком с русскоязычными детьми, проживающими в Германии.

Термин «межъязыковое понимание» обозначает особый вид коммуникации, при котором каждый из собеседников говорит на родном (или другом знакомом ему) языке, не владея языком собеседника. Обычно понимание при такой коммуникации основано на родстве языков общения. В широком смысле

феномен межъязыкового понимания охватывает не только устное общение, но и другие формы коммуникации. В основе этого явления лежит построение связанного языкового сообщения (инференция). Если язык незнаком, то инференция затруднена и в значительной степени зависит от наличия языковых (в основном лексических) элементов, которые как в иностранном, так и в родном языке имеют похожую форму. Значение этих элементов в родном языке активируется в памяти и переносится на элементы иностранного языка. Одновременно с этим происходит проверка того, насколько это значение в семантическом и прагматическом отношении приемлемо в данной коммуникативной ситуации. Это сравнение происходит путем анализа знакомых лексем, что способствует повышению языкового сознания. Именно этот механизм и использовался в эксперименте, который будет представлен в докладе.

Дидактические методы, основанные на межъязыковом понимании, используются в западно-европейской дидактике с 70-х годов прошлого века. Основной их целью является изучение большего числа иностранных языков. Однако при этом часто упускается из виду тот факт, что эти методы могут с успехом применяться и для повышения уровня владения родным языком. Примером тому может служить вышеупомянутый эксперимент.

Литература

- Heinz Ch. „Understanding what you’ve never learned?“ Chances and limitations of spontaneous auditive transfer between Slavic languages // WU Online Papers in International Business Communication, Series One: Intercultural Communication and Language Learning. Paper 5. WU Vienna University of Economics and Business. Vienna, 2009.
- Meißner F.-J. & alii (eds.). Intercomprehension: Learning, teaching, research. Tübingen, 2011.
- Mushchinina M. (to appear). Zur Förderung von Sprachkompetenz durch Interkomprehension // Tinnfeld Th. (ed.). Fremdsprachenvermittlung zwischen Anspruch und Wirklichkeit: Ansätze — Methoden — Ziele. Saarbrücken, 2011.
- Tichomirowa A. Schüler mit slawischsprachigem Hintergrund im Fremdsprachenunterricht Russisch // Mehlhorn, G.; Heyer, Ch. (eds.). Russisch und Mehrsprachigkeit. Tübingen, 2011. S. 109–133.

Интерактивность дистанционного обучения

Е. Ю. Николенко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Дистанционное обучение, интерактивность,
информационно-коммуникационные технологии, эффективность обучения.*

Summary. To be effective Distance Education should be interactive.

1. Распространение дистанционного образования

В последние десятилетия в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий и применением этих технологий в практике преподавания широкое распространение получило дистанционное образование (обучение) — далее — ДО, причем это не только лекционные курсы, но и практические курсы иностранного языка, в частности русского как иностранного.

2. Что такое дистанционное образование (обучение)

Рассмотрим, что такое дистанционное образование (обучение) в современном понимании. **Дистанционное образование** — образование, которое полностью или частично осуществляется с помощью компьютеров и телекоммуникационных технологий и средств. Субъект дистанционного образования удален от педагога, и / или учебных средств, и / или образовательных ресурсов.

Взаимодействие учителя и учащихся между собой происходит на расстоянии, без потери компонентов учебного процесса и реализуется посредством интернет-технологий. Помимо интернета, популярной технологией является пересылка учащимся образовательных контентов (электронных учебников, лекционных видеокурсов, видеосеминаров и др.). Преподаватель имеет возможность работать с каждым учеником отдельно со своего планшета или другого компьютера, комментировать работу учеников, давать и проверять задания посредством единой системы «планшет учителя — интерактивная доска — планшет ученика».

Данная технология интерактивна: в режиме реального времени учащиеся проходят тестирование знаний, консультируются с педагогами и т. д.

3. Что такое интерактивность

Мы считаем, что **интерактивность** является важнейшим показателем среды обучения иностранному языку. Интерактивность в современном понимании означает активное двустороннее взаимодействие преподавателя и студента, предполагающее большую активность студента, творческое переосмысление им полученных знаний [Инновационные... 2006: 18–19].

В результате теоретического анализа выявлены сущностные характеристики интерактивного обучения:

- личностная ориентированность,
- активность,
- деятельность,
- рефлексивность,
- коммуникативность,
- наличие прямой или опосредованной средствами обучения обратной связи между субъектами обучения, как по вертикали, так и по горизонтали,
- профессиональная направленность.

Указанные характеристики интерактивного обучения позволяют расценивать его как максимально соответствующее потребностям современного образования.

4. Интерактивность дистанционного обучения

Интерактивность понимается нами как важнейший параметр эффективности системы обучения, как то, что позволяет учащимся быть активными не только во время занятий, но и вне их. При этом невозможно переоценить роль

информационно-коммуникационных технологий в организации интерактивной учебной среды, что легко достигается при ДО.

Сочетание возможностей современных информационно-коммуникационных технологий и традиционных форм обучения создает интерактивную дидактическую среду воздействия на учащихся, которая активизирует их и в значительной мере повышает эффективность обучения.

Основные требования к обучающей системе при ДО: «индивидуальный подход к обучению, диалоговый характер взаимодействия преподавателя и учащегося, сочетание онлайн-ового способа и офлайн-ового, проведение текущего и итогового контроля...» [Азимов 2005: 59] по существу являются характеристиками интерактивного обучения.

Итак, чтобы быть эффективным, необходимо, чтобы ДО было интерактивным.

Литература

- Азимов Э. Г. Методика организации дистанционного обучения русскому языку как иностранному. М.: Макс Пресс, 2005.
Инновационные технологии в образовании. Глоссарий. М., 2006.
[<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

«Тематические примитивы» — основа обучения иностранному языку

И. В. Одинцова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

«Тематические примитивы», «повседневность», начальный этап обучения, фрейм.

Summary. The article deals with «Thematic primitives» — themes which are characteristic for the initial stage of learning a foreign language. Thematic primitives are analyzed in the context of the theory of «everyday life».

Темы, которые предлагают учебники иностранных языков, ориентированные на начальный этап обучения, традиционны: семья, мой день, дом, город, транспорт, посещение театра, в магазине и т. д. Подобные темы являются привычным достоянием человека, они воплощают осадок его прошлой деятельности. Запас знаний, формирующий их, «мы принимаем как само собой разумеющееся (будь то мышление или действие)» [Щюц 2004: 290]. При обучении языку эти темы становятся релевантными именно в силу своей универсальности для представителей разных языков и культур. Из них, как из кубиков, складывается фундамент дальнейшего обучения языку. Эти темы мы называем «тематическими примитивами» [Одинцова 2012]. В них отражены наши повседневные, поведенческие и речевые, практики, конституирующие тему. «Тематические примитивы» отсылают учащихся к их бытийному социальному опыту, в окаймлении которого они возникли. Этот опыт является разделенным (полностью или частично) для представителей разных национальностей и воспринимается учащимся как общий для него и других.

Тематические примитивы отражают повседневное бытие человека, то есть то, чем человек занимается в повседневной жизни в условиях домашнего быта и трудовой деятельности. Это бытие многократно воспроизводится и воплощается в повседневной практике человека. Мир повседневности в современной науке трактуется как «мифо-практическое» восприятие мира (Э. Гуссерль), как «плавильный тигль рациональности», «привычное, упорядоченное, близкое» (Б. Вальденфельс), как уровень элементарных порядков интеракции «лицом-к-лицу», обладающий собственной организацией и когнитивным стилем (В. Вахштайн). Благодаря миру повседневности поддерживается стабильность функционирования человеческих обществ.

Содержание тематических примитивов является максимально разделенным и исходит из тезиса «взаимных перспектив» (А. Щюц), то есть учащиеся видят предметы и события в максимально идентичной системе типизаций. Несмотря на то что мы принадлежим разным культурам, говорим на разных языках и каждый из нас в каждый момент своей жизни находится в биографически детерминированной ситуации, мы автоматически и бессознательно принимаем допущение, что от перемены наших мест мир вокруг нас не изменится. Такое допущение формирует непроблематичное отношение человека к окружающему миру.

Тематические примитивы актуальны как для начального этапа обучения, так и для продвинутого. Что определяет динамику в овладении языком? Желание высказаться и возможность это сделать. Эти две движущие силы в учебном процессе должны быть максимально гармонизированы. Однако в зависимости от этапа обучения их соотношение меняется. На начальном этапе желание регламентируется возможностями. Тематические примитивы, отражая идентичность отдельных культур и являясь объединяющим фоном межкультурного дискурса, ставят культурный опыт учащихся разных национальностей в одинаковые условия. Это дает возможность преподавателю на начальном этапе обучения минимально касаться периферийных областей человеческого опыта, ограничивать желание учащихся говорить на проблемные темы, создавая при этом иллюзию естественного общения. На продвинутом же этапе, когда уровень возможностей достаточно высок и на уроке необходимо провоцировать уровень желаний, тематические примитивы создают основу для развития межкультурного диалога, поскольку в них эксплицитно содержатся все основные узлы противоречий, создающих уникальность, неповторимость социокультурного опыта носителей разных языков.

В основе тематических примитивов лежат сильные фреймы [Одинцова 2011] — максимально алгоритмичные, стандартизированные и конвенциональные фреймы. Основу сильных фреймов, формирующих тематические примитивы, формирует максимально типизированный контекст наиболее разделенных в обществе фоновых знаний, прагматически релевантный для носите-

лей разных языков. В этих фреймах отношения, действия, контакты, ценности максимально разделяются всеми участниками учебной деятельности или — поскольку учебная деятельность это всегда вторичная, замещающая, реальность — учащиеся принимают соглашение, что различия, связанные с уникальностью их биографического, личностного и социально-исторического, опыта, не имеют значения для решения учебных задач. Если сильные фреймы являются инвариантной когнитивной структурой, сформированной опытом, общечеловеческим и личностным, то тематические примитивы — это наиболее прототипическая форма ее реализации.

Особенности фреймов, лежащих в основе материала обучения на начальном этапе, характерны не только для содержательной стороны тематических примитивов (фреймы предметной и социокультурной реальности — РФ), но и для языковых фреймов (ЯФ) — лексических и грамматических. ЯФ, формирующие тематические примитивы, реализуются, как правило, с помощью языковых средств, составляющих ядерные и центральные зоны лексико-семантических, тематических, лингво-культурологических, функционально-семантических полей русского языка.

Литература

- Одинцова И. В. Роль темы в учебнике по развитию речи // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 1.
- Одинцова И. В. Сильные и слабые фреймы как единицы коммуникативно-когнитивного аспекта речевой деятельности. Мир русского слова. 2011. № 1.
- Щюц А. Размышления о проблеме релевантности // Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Лингвокультуроведческий минимум для инофонов: практика создания и использования в России и за рубежом

М. Руис-Соррилья Крусате

Университет г. Барселона, Испания,

Л. А. Дунаева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Linguocultural minimum, Russian as a foreign language.

Summary. This paper is focuses on the analysis of different approaches to the development of the linguocultural minimum for foreigners that are used in the practice of teaching of foreign (Russian) language and certification testing.

В 2007 году на XI Конгрессе МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире» А. Мустайоки, обращаясь к проблеме важности культуроведческих знаний для полноценного общения, предложил свое понимание иноязычной коммуникативной компетенции, основывающейся на трех типах знания (знание языка, знание общества, знание мира) и соответствующих им умениях и навыках (общих, лексико-грамматических, диалогических, терминологиче-

ских, профессионально-стилевых, поведенческих, культурологических и энциклопедических) [Мустайоки 2007]. Указывая на культуроведческую составляющую как на неотъемлемую и важнейшую часть коммуникативной компетенции инофона в целом, он поставил вопрос о необходимости разработки соответствующего минимума для изучающего русский язык иностранца. В минимум, который должен представлять собой не только ориентир для построения системы культуроцентрического обучения русскому языку как иностранному, но и компонент системы сертификационного лингводидактического тестирования, предлагалось включить «представления о семье, образовании, работе, транспорте и т. п.; способы оценки разных черт характера и способностей, знания речевого этикета, коммуникативных тактик, табу и т. п.); конкретизаторы исторической памяти (прецедентные тексты, исторические явления и лица, эстрадная музыка и другие ценности, проявляющиеся в коммуникативном поведении и отношении к родителям, друзьям, природе, слову, юмору, спорам и т. п.)» [Мустайоки 2007]. При всей очевидной потребности в минимумах такого рода и существовании определенного круга исследований [Верещагин, Костомаров 2005] и словарей российской лингвокультуры (см. обзор в [Анисимова 2014]) область преподавания русского языка как иностранного (РКИ) и лингводидактического тестирования по русскому языку (ТРКИ) материалами данного типа до недавнего времени не располагала.

Практика создания культурологических минимумов в последние годы получила развитие в сфере интеграционного экзамена, который используется в разных странах мира для проверки готовности иностранных граждан к вхождению в новое общество. Так, в с1998 г. Нидерландах успешное прохождение такого экзамена при уровне владения языком А2 требуется для претендующих на допуск в страну, разрешение на временное проживание, вид на жительство и гражданство (тематика вопросов: национальные, социальные и политические институты, факты истории, Конституция, демократические ценности и парламент, соблюдение прав человека). С 2014 г. в Испании иностранцы проходят единое тестирование на знание языка (уровень А2) и культуры страны (в форме собеседования); в Чешской Республике функционирует стандартная процедура получения гражданства, предполагающая прохождение помимо языковых тестов (уровень В1) «тестовых заданий по чешским реалиям» (социально-культурным, географическим и историческим); с 2005 г. в Великобритании иностранцы, желающие проживать в стране на постоянной основе и получить гражданство, сдают тест «Life in the United Kingdom», делающий акцент прежде всего на культурные ценности британского общества (знание истории и современности страны, персоналий — известных английских композиторов, художников, писателей, политических и общественных деятелей, ученых, инженеров, промышленников); с 2007 г. в Германии введен интеграционный экзамен по немецкому языку, истории и обществоведению, основная цель которо-

го заключается в демонстрации иностранными гражданами «своей воли к интеграции в немецкое общество» (тематика вопросов: история, культура, политика, основы права, положения конституции и пр.); во Франции вводится новая система тестирования, включающая вопросы по культуре, истории, географии Франции и ее роли в европейском и мировом сообществе (уровень владения языком B1). С 2015 г. в России также введен интеграционный экзамен, который распространяется на лиц, желающих получить работу, временное проживание на территории страны и вид на жительство (уровень владения языком А2) и включает наиболее важные факты, события и даты российской истории (17), праздники (8), ключевые персоналии (45), основы конституционного строя РФ, гражданского, семейного и трудового права, базовые правила въезда, выезда и пребывания на территории РФ и др.

Анализ существующей практики составления минимумов для интеграционных экзаменов показывает, что отбор входящих в них фактов и реалий основывается преимущественно на экспертном подходе, который при всех его известных плюсах характеризуется определенной долей субъективности, провоцируя критику в адрес составителей.

В докладе предлагается обсудить альтернативные способы составления лингвокультуроведческих минимумов. Первый подход, основанный на методике исчисления смыслов (долей лексического фона и рече-поведенческих тактик, реализуемых в текстах), представлен в фундаментальной монографии Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [2005]. Вторым подходом реализован на основе синтеза энциклопедического и тематического принципов при создании лингвокультуроведческого словаря «Decouvrir la Russie» («Откройте для себя Россию»)¹ [Дунаева, Нестерская, Яценко 2014], который по аналогии с моделью вводного тома «Россия» Большой Российской энциклопедии [2004] содержит 55 специально составленных сжатых текстов, содержащих актуальные сведения по ключевым темам в рамках разделов «Природа», «Люди», «Города», «Культура», «Общество», «Экономика», «Политика», «Средства массовой информации» (имеющих детализированную внутреннюю рубрикацию) и выделенный на этой основе культуроведческий минимум (650 единиц), включающий сведения о реалиях, персоналиях и наиболее значимых событиях российской истории и современности, в значительной степени отличающийся от содержания лингвокультуроведческого минимума, применяемого в настоящее время для проведения комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ. Третий подход, на наш взгляд, в наибольшей степени объективный и адекватный задачам составления каких бы то ни было минимумов вообще, базируется на применении статистического и тематического подходов, позволяющих на основе автоматической обработки ре-

¹ Публикуется объединением издательств «Le Courrier de Russie» и «L'Asiathèque» при поддержке Франко-российской торгово-промышленной палаты (CCIFR).

презентативных корпусов аутентичных текстов заданной тематики выявить частотность единиц и их тематическую принадлежность. Количественные, качественные и технические принципы создания репрезентативных корпусов текстов с целью разработки лингвокультуроведческого минимума, особенно-сти их автоматизированной обработки и интерпретации полученных результатов будут представлены в докладе.

Литература

- Анимова О. К. Словари лингвокультуры: формирование корпуса и построение типологии // Наука и Мир (Science and World). 2014. № 9 (13). С. 86–91.
- Бердичевский А. Л. Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе // Русский язык за рубежом. 2002. № 2. С. 60–65.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. М.: «Индрик», 2005.
- Дунаева Л. А., Нестерская Л. А., Яценко И. И. Опыт создания двуязычного (русско-французского) учебного культурологического словаря «Откройте для себя Россию» // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015.
- Должикова А. В., Козьменко В. М., Мосейкина М. Н. и др. Интеграционный экзамен для иностранных граждан: зарубежный опыт, проблемы и перспективы проведения в России. М.: РУДН, 2014.
- Мустайоки А. Знание общества как элемент коммуникативной компетенции // XI Конгресс МАПРЯЛ: Пленарные доклады. СПб., 2007.
- Россия. Вводный том. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004.

Эффективный способ увеличения словарного запаса с использованием радиальной категории префиксов *про-* и *пере-*

Г. Саяма

Токийский университет иностранных языков (Япония)

Корпусная лингвистика, глагольные префиксы, обучение лексике, частота.

Summary. This paper is aimed to vocabulary learning with “the radial category” of verbal prefixes, which is a semantic network of a prototype and other meaning, mentioned in the work of Janda et al. (2013). Russian verbal prefixes have a large meaning. It is, however, not necessarily a good method to learn all of them in time-limited situations. We selected the important meanings for vocabulary expansion in terms of the frequency and the productivity using the framework of the radial category.

1. Введение

В ограниченных условиях времени для увеличения словарного запаса требуется некий эффективный метод обучения лексике. По нашему мнению, здесь главную роль играет обучение глагольным префиксам и их значениям в рамках радиальной категории¹. Но, поскольку русские глагольные префиксы

¹ В радиальной категории объясняется распределение значений префиксов от прототипического когнитивным посредством метафоры и метонимии [Janda et al. 2013]. Подобное представление значений должно быть полезным для их закрепления в памяти.

многозначны, запоминать все значения крайне неэффективно. В настоящей работе рассматривается отбор важных значений префиксов *пере-* и *пере-*, полезных для увеличения словарного запаса. При этом были использованы данные¹ частоты и продуктивности² из Национального корпуса русского языка [Ляшевская и Шаров 2009: 1063–1064].

2. Подтверждение эффективности обучения глагольным префиксам

Для русского языка характерно богатство производных слов, и из этого следует, что с целью обогащения словарного запаса учащимся полезно освоить деривационных аффиксов. Среди данных аффиксов особенно важны глагольные префиксы, так как именно они включены в производные слова в большинстве случаев:

Таблица 1. Частота и продуктивность *пере-* и *про-* в Основном и Устном корпусах³

Префикс	Часть речи, производящего слова	Частота (item per million)		Продуктивность	
		ОК	УК	ОК	УК
<i>пере-</i>	глагол.	973,7	1034,4	19	33
	сущ., прил., нареч.	0	0	0	0
<i>про-</i>	глагол.	1993,3	1583,8	31	39
	сущ., прил., нареч.	0	0	0	0

3. Отбор значений префиксов важных для увеличения словарного запаса

В литературе, в которой упоминается о русских префиксах (Например, АН СССР 1980, [Janda et al. 2013]) представлено много их значений (в выше названных работах количество значений префикса *про-* составляет от 5 до 8, а *пере-* — от 10 до 11) Ниже приведена радиальная категория значений префикса *пере-* [Janda et al. 2013: 67]⁴:

¹ С точки зрения обучения РКИ лучше не учитывать редко встречающиеся слова, и поэтому в настоящей работе предмет анализа ограничен наиболее часто употребляемыми 5 000 словами.

² В настоящей работе показатель «продуктивность» представляет собой количество определенных деривационных аффиксов, отраженное в нашей базе данных.

³ Основной корпус (далее — ОК) репрезентирует письменную речь, а Устный корпус (далее — УК) — устную речь [Ляшевская и Шаров 2009].

⁴ Префикс *про-* имеет 5 значений [Janda et al. 2013: 106] — THROUGH, THOROUGH, DURATION, DISTANCE, PASS.

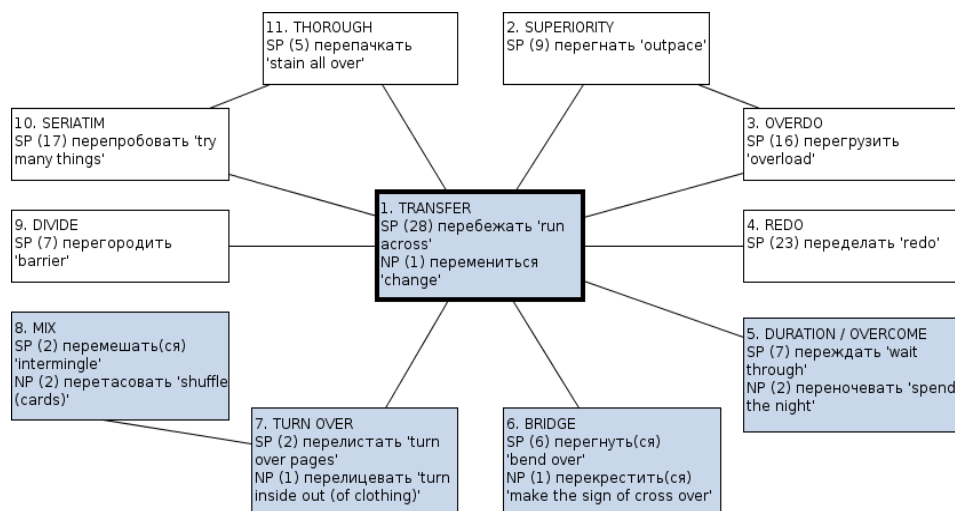

График 1. Радиальная категория префикса *пере-* [Janda et al. 2013: 67]

В условиях ограниченного времени с методической точки зрения не все эти значения одинаково важны. В настоящей работе отобраны значения, важные при обучении РКИ, на основе частоты и продуктивности каждого значения. Было выявлено, что среди всех значений высокую частоту и продуктивность имеют TRANSFER, REDO, THOROUGH, SERIATIM¹. По нашему мнению, на основе данного результата для учащихся должна быть переделана радиальная категория следующим образом:

00251659264

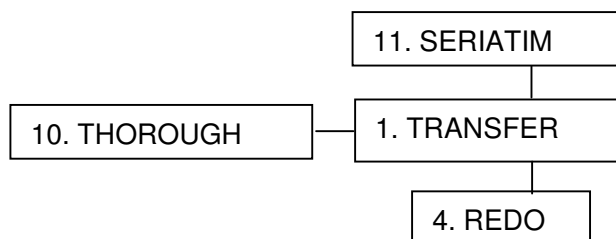

График 2. Радиальная категория префикса *пере-* в контексте преподавания РКИ

4. Выводы: радиальная категория для учащихся

С точки зрения частоты и продуктивности следует запоминать только TRANSFER, REDO, THOROUGH, SERIATIM, поскольку *пере-* с данными значениями наиболее часто встречаются в производных словах.

¹ Что касается значений префикса *про-*, то высокую частоту и продуктивность имеют THROUGH, THOROUGH, DURATION.

Литература

- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009.
- Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
- Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty: Prefixes as Verb Classifiers. Bloomington: Slavica, 2013.

**Формирование лингвометодических компетенций
студентов-словесников национальных групп
в процессе изучения русского правописания**

Л. В. Эглит

Казахский национальный педагогический университет им. Абая (г. Алматы, Казахстан)

Лингво-методические компетенции, навыки правописания, дедактический комментарий, орфограммы, пунктограммы.

Summary. The report envisages the ways of formation of linguistic and methodical competences of students-philologists studying the "Russian Language and Literature in the Schools with Non-Russian Language of Education" specialty during the process of learning of Russian orthography and punctuation.

Новая образовательная парадигма приоритетной задачей профессиональной подготовки студентов-русистов в процессе изучения дисциплин лингвистического цикла признаёт формирование лингвометодической компетентности, под которой современная лингводидактика понимает способность обучать русскому языку на основе системы знаний о языке и методике его преподавания через призму аксиологических категорий педагогической деятельности и осознания языка как национально-культурного феномена.

Для выработки у студентов навыков осознанного грамотного письма следует систематизировать знания студентов по орфографии и пунктуации русского языка, полученные ими в школе и на предыдущих смежных вузовских курсах, дополнив и углубив их. В ходе работы необходимо научить студентов понимать принципиальную основу формулировок правил правописания, вырабатывая лингвистическую зоркость, а также мыслительную и речевую активность обучающихся, важно научить применять эти правила к речевым фактам, совершенствуя при этом навыки свободного владения письменной и устной формами современного русского литературного языка в условиях интерферирующего влияния родного языка.

Оттачивая орфографические и пунктуационные навыки, студенты бакалавриата одновременно приобретают известные навыки профессионального владения методами и приемами, которые применяются в процессе обучения орфографии и пунктуации. Умение самостоятельно находить в тексте орфограммы и пунктограммы и, как следствие, способность предвидеть степень трудности определенного материала — именно такое умение составляет профессиональный навык будущего учителя-словесника, и его необходимо фор-

мировать у студентов в ходе работы над данным курсом, развивая «учительское чутьё», т. е. умение оценивать учебный языковой материал с точки зрения его дидактической целесообразности.

В то же самое время, при изучении русской орфографии и пунктуации акцент делается на формировании лингвистической компетенции, т. е. владение языком в нескольких его социальных вариантах: устном и письменном, официальном и разговорном, профессиональном и политическом и т. п., а через нее и других предметных компетенций и, прежде всего, коммуникативной (речевой) — способность к эффективной речевой коммуникации в различных сферах человеческой деятельности, осведомленность в лингвистической теории, осознание ее в качестве системы правил, регулирующих употребление языковых и речевых средств, владение видами речевой деятельности, способность анализировать речевую ситуацию для выбора речевого поведения и лингвокультурной, которая представляет собой проявляющуюся в общении совокупность взаимосвязанных представлений о нормах, правилах и традициях вербального и невербального общения в рамках русской лингвокультуры.

Эффективность формирования готовности к качественной профессиональной деятельности определяется включением в содержание теоретического материала методического аспекта, в рассмотрении лингвистических и литературоведческих понятий с дидактическим комментарием и, непременно, с соответствующим материалом, изучаемым в средней школе, созданием комплекса комбинированных упражнений и заданий, сочетающих в себе решение лингвистических и методических проблем.

Так, ряд заданий данного курса строится на основе специальной лингвистической литературы, например, для выработки навыков грамотного письма студентам предлагаются выдержки из работ Ф. Ф. Фортунатова «Сравнительная морфология индоевропейских языков», Д. Н. Овсянико-Куликовского «О значении научного языкознания для психологии мысли», «Этюды о творчестве А. П. Чехова», А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», «Школьная и научная грамматика», Е. Д. Поливанова «Где лежат причины языковой эволюции?», В. В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» и т. д. При выполнении подобных заданий познавательная деятельность студентов направляется как на осознанное соблюдение норм орфографии и пунктуации, так и на осмысление содержания текста и адекватную передачу его с обязательным использованием изученной и освоенной лингвистической терминологии.

Многофункциональна и работа с текстами, содержащими интересные сведения из биографий известных русских лингвистов, составителей словарей (В. И. Даля, А. А. Потебни, Л. В. Щербы, С. И. Ожегова, В. В. Виноградова, Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского, Ф. П. Филина и др.), что кроме основной задачи — объяснения трудных случаев орфографии и пунктуации — спо-

способствует расширению лингвистического и профессионального кругозора студента-филолога, выполняет воспитательную функцию.

Создание разноуровневых заданий, способствующих развитию познавательной самостоятельности, характер и объем учебных занятий, позволяет осуществить личностно ориентированный подход к организации деятельности студентов в стенах педагогического вуза, когда студент воспринимается в качестве субъекта образовательного процесса, в котором он сам выбирает, с каким заданием по уровню сложности способен справиться в данный момент, а с каким — на продвинутом этапе. Это позволяет развивать субъектную, сознательную активность студента в процессе обучения, закладывает основы формирования индивидуального стиля будущего учителя.

В заключение отметим, что формирование лингвометодической компетенции студентов-филологов национальных групп осуществляется на основе теории контекстного обучения и компетентностного подхода, реализуя принципы фундаментальности, ориентированности на практику, креативности подхода к аудиторным и самостоятельным заданиям, профессиональной направленности, межпредметной интеграции.

Этнокультурное сознание и проблемы перевода

Инвективы в чешском тексте: к проблеме перевода

С. М. Белякова

Тюменский государственный университет (Россия)

Инвективы, чешский язык, русский язык, перевод.

Summary. In operation the invective of the Czech language used in the novel by J. Hasek, their typology, the main features of their translation into Russian language. The conclusion is made more expressive Russian equivalents in the text of the translation.

Инвективы в любом языке составляют особый пласт экспрессивной лексики, привлекающий внимание лингвистов, которые рассматривают его как с позиций нормативности языка, так и в рамках изучения народной культуры (или антикультуры). (См. работы И. В. Беляевой, В. И. Жельвиса, Е. Е. Королевой, А. В. Курьянович, Н. Б. Лебедевой, Б. Я. Шарифуллиной и др.) Такая лексика с одной стороны, отражает некоторые общечеловеческие константы, а с другой — обладает яркой национальной спецификой. Это создает определенные проблемы в переводе текстов, включающих в себя инвективы, на другие языки.

В рамках данной работы рассмотрено употребление инвектив в романе Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (часть I «В тылу») и особенности их перевода на русский язык. Для анализа привлечен перевод романа, сделанный П. Г. Богатыревым.

Роман весьма насыщен экспрессивной лексикой такого рода. Как писал сам Я. Гашек в послесловии к этой части, «если необходимо употребить сильное выражение, которое действительно было произнесено, я без всякого колебания привожу его здесь. Смягчать выражения или применять многоточие я считаю глупейшим лицемерием».

Осознавая сложность сопоставления текста оригинала и перевода для человека, владеющего лишь литературным чешским языком и поверхностно знакомого с субстандартом, мы тем не менее сделали некоторые наблюдения и выводы, которые, возможно, носят предварительный характер и могли бы быть скорректированы при обращении к информантам — носителям чешского языка. Однако и в этом случае следует иметь в виду, что со времени создания романа прошло более ста лет, а следовательно, современная языковая среда, особенно ее экспрессивный потенциал, значительно отличается от той, в которой «существовал» Йозеф Швейк.

Выделяются следующие семантические группы инвектив, употребленных в романе (приводим примеры из русского перевода):

- анимализмы (зоосемизмы): *скот, скотина, зверь, бестия, осёл, жеребец, свинья, морская свинья, сиамский слон, гиена пятнистая, собака, сукин сын, корова, гидра, обезьяна, верблюд, петух*;
- выражения, содержащие наименования персонажей inferнального мира (чёрт): *идите к чёрту; чёрт побери; в них сам чёрт не разберётся; чёрт их знает; чёрт его дёрнул; словно черти*;
- библеизмы: *валаамова ослица, олух царя небесного, блудный сын*;
- лексемы со значением «глупец»: *дурак безмозглый, болван, олух царя небесного, идиот, балда, балбес*;
- лексемы, обозначающие человека низких моральных качеств: *мерзавец, прохвост, мошенник, жулик, негодяй, подлец, пройдоха, грубиян*;
- отрицательные характеристики внешнего вида человека: *верзила, огородное пугало, чучело для оплеух, потасканный вид, противная фурия, харя, урод, уродина, дохлятина*;
- инвективы «в чистом виде», т. е. оскорбительная лексика, яркие экспрессивности: *тварь, сволочь, стерва, хрыч, дрянь, дерьмо, отвратительный тип*.

Наиболее обширной является первая группа, т. е. зоосемизмы, но в то же время максимальную частотность в тексте имеют слова *скот, болван, осёл, подлец, дурак*. Необходимо отметить и различную структуру данных лексических объединений. Так, группа зоосемизмов содержит гиперонимы и гипонимы: *скот, зверь / жеребец, корова, обезьяна* и др., а группа со значением «глупец» — синонимы (рус. *дурак, идиот, балда, балбес*; чеш. *blbec, pitomec, trouba, darebak*).

Выделение семантических групп важно не только само по себе как классификация и необходимый элемент описания материала. Почти каждая из них обладает спецификой в плане перевода. Так, практически все анимализмы находят эквивалент в языке перевода: *зверь* — *zvíře*, *свинья* — *prase*, *бестия* — *bestie*, *собака* — *pes*, *гиена пятнистая* — *hyena skvrnitá* и др. Исключение составляет *vůl* (вол), что переводится при помощи лексемы *осёл*. Однако чешское слово и его русский аналог отличаются лишь формально, называя разные денотаты, но коннотативные части значения у них совпадают, таким образом, перевод вполне адекватный. В ряде случаев чешские синонимы передаются при помощи одного русского слова, например, чеш. *dobytek* и *hovado* — рус. *скот (скотина)*. Известное русское выражение *сукин сын* используется переводчиком в качестве аналога чешского слова *holomek* «негодяй», не являющегося анимализмом.

Анализ перевода инвективной лексики чешского языка на русский позволил сделать следующие выводы.

1. В целом семантические группы анализируемых лексем, выделенных в чешском тексте, находят соответствие в переводе. Однако в некоторых случаях переводчик чаще использует анимализмы.

2. В чешском оригинале используются выражения со словом *čěrt*, однако в русском переводе их количество значительно больше. Так, выражение *to by v tom musel bejt hrom* заменяется на *Чёрт побереги!*; *Nedali jsme ti nic* — на *Чёрта с два мы ему дали!* В оригинале отсутствуют эквиваленты русским фразеологизмам *ну их к чёрту*; *ни черта (не пьёт)*; *к чёртовой матери*; *чёрт бы вас подрал*; *суля всех чертей*.
3. Русский перевод следует признать более экспрессивным. Об этом свидетельствует, прежде всего, использование знаков препинания: запятые в чешском тексте и восклицательные знаки в русском, например: *Vy hovado, vy dobytci, vy vole, vy hajzle jeden.* — *Скотина! Тварь! Осёл! Дерьмо!* Кроме этого, в русском переводе используется такое средство экспрессивации, как утроение букв: *Дурррак!*, тогда как в оригинале находим обычное написание: *pitomče*. Некоторые чешские слова, имеющие, на наш взгляд, статус стилистически нейтральных, заменяются лексемами с ярко выраженной сниженной окраской: *Ty kluku socialistická!* — *Социалистическая тварь!*

Использование инвективной лексики в тексте романа тесно связано с его сюжетом, системой персонажей, художественными задачами автора, временем и местом действия. Все это необходимо учитывать при переводе текста на другой язык.

**Об отсутствии отражения в переводе
некоторых речевых отступлений от литературных норм
(на материале сербских переводов повести
М. А. Булгакова «Собачье сердце»)**

Е. С. Вучкович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Отступление от литературной нормы, художественный прием, перевод.

Summary. The article considers to the semantic and stylistic function of some devices based on the violation of literary norm in “The Heart of a Dog” by M. Bulgakov. It analyzes the methods of its translation into the Serbian language.

Речевые отклонения от литературных норм представляют несомненный научный интерес не только как недостатки речевого общения, речевой коммуникации, но и с лингвоэстетической стороны как источник комического, как средство создания литературных образов. Широко используемые в художественной литературе, речевые ошибки из недостатков речевой коммуникации фактически превращаются в их противоположность — эстетически значимое достоинство, сближаются со словесным искусством. Целью данной работы является осмысление художественной функции речевых неправильностей и анализ способов передачи этой функции в переводах.

В работе рассматривается функционально мотивированное употребление речевых неправильностей в художественном тексте. Эти отклонения от норм не являются речевыми ошибками в узком, школьном смысле, их употребление функционально обосновано, они намеренно употребляются в эстетических целях. Индивидуальное использование автором языковых средств позволяет решать творческие задачи, а также становится отличительной особенностью его стиля.

Под речевыми неправильностями и ошибками в строгом терминологическом смысле мы понимаем отклонения от кодифицированных литературных норм, закрепленных в ортологических словарях-справочниках и научной, учебной литературе в виде правил и рекомендаций.

Материалом для анализа послужил текст повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и его переводы на сербский язык Миливое Йовановича (Јовановић) и Дайича Путника (Putnik). Примеры из переводов приводятся шрифтами оригиналов (перевод Йовановича — на кириллице, Путника — на латинице).

Были проанализированы примеры отступления от словообразовательной, морфологической, синтаксической, лексической, морфологической, фразеологической и стилистической нормы, а также способы перевода таких отступлений на сербский язык.

Наиболее сложными для перевода оказались случаи нарушения морфологической, словообразовательной и фразеологической нормы. Причем, судя по проанализированным примерам (10 примеров), переводчики в этих случаях или не замечают нарушения нормы, или сознательно игнорируют его:

«Ухватили животную, исполосовали ножичком голову, а теперь гнушаются». Изменение родовой принадлежности слова служит для речевой характеристики Шарикова, подчеркивая его необразованность. Оба переводчика употребляют слово «животиња», которое в сербском языке относится к женскому роду. В последующем тексте это упущение никак не компенсируется. Возможно, под влиянием родного языка переводчики не заметили замены рода.

Так же не отражается в переводе авторский неологизм, вносящий в текст просторечную экспрессию: «Походка у него была развалистая» (вероятно, от «идти вразвалку»). Один переводчик использует выражение «гегати се у ходу», что и означает «идти вразвалку», а второй в переводе этой фразы допускает неточность: «Hod mi je bio težak».

Автор в речи профессора Преображенского трансформирует фразеологизм, лишая его привычной отрицательной формы, передавая таким образом разочарование и возбужденное состояние ученого: «Мое открытие... стоит ровно один ломаный грош». В переводах сербский фразеологизм, эквивалентный русскому, воспроизводится без изменений: «Моје откриће... не вреди ни по луле дувана», „Moje otkriće... ne вреди ni prebijene pare“.

Отклонения от нормы, используемые автором с определенной целью, могут, в частности, опираться на нереализованные возможности языковой системы и использовать нетрадиционные, не характерные для литературного языка средства. Тенденция переводить фразы, содержащие отклонения от нормы, используя конструкции, соответствующие нормам переводящего языка, может свидетельствовать о консерватизме переводчиков, так как схожие системы близкородственных языков часто позволяют отразить в переводе авторские приемы, основанные на нарушении языковой нормы.

Литература

- Булгаков М. А. Собачье сердце // Булгаков М. Избранные сочинения. Т. I. М.: Литература, 1999.
- Булгаков М. Псеће срце / Предео Миливоје Јовановић // Булгаков М. Дела у осам књига. Књ. II, Београд, 1985.
- Bulgakov M. Pseče srce / Preveo Dajić Putnik. Beograd: LOM, 2008.

Переводы русской литературы для детей и молодежи в культурно-историческом контексте 50-х годов XX века

Наталья Дукатова

Институт мировой литературы Словацкой академии наук (Братислава, Словакия)

*Детская литература, переводы, 50-е годы XX века, соцреализм,
самые переводимые авторы.*

Summary. After 1948, the sociocultural and national-political context in Slovakia changed as Czechoslovakia fell under the influence of the Soviet Union. The biggest number of translations of Soviet works was produced in the 1950s, including not only literary fiction, but also a significant number of children's books.

В 1945-м году, после окончания Второй мировой войны, а затем в 1948-м году после победы на выборах коммунистов и перехода политической власти к ним, наш национально-политический и социально-культурный контекст изменился. Чехословакия попала под влияние Советского Союза на более чем 40 лет, и это оказало влияние не только на общественную жизнь, но и на жизнь литературы, как национальной, так и переводной. В то время как до Первой мировой войны Чехословакия имела склонность к традиционной русофилии, которая поддерживалась.

Поэтому 1945–1948 годы можно назвать также переходным периодом [Sliacky, Stanislavová 1998: 10], или, как их определил Рене Билик, *конфликтом ориентации* [Bílik 2008: 23]. После них ситуация на словацком книжном поле быстро изменилась. Литература, включая книги для детей и молодежи, должна была служить новому режиму, и правила построения их сюжета должны были соблюдаться еще строже, чем в литературе для взрослых [Sliacky, Stanislavová 2008: 186]. В 1949-м году при *Союзе словацких писателей* [Brtková 2013: 25] возник круг переводчиков, который способствовал значительному увеличению количества переводной литературы, главным образом из

республик Советского Союза. Интересно при этом, что в это время, когда количество превышало качество, словари для переводчиков практически не существовали. Первый том такого словаря вышел только в 1960-м году [Brtková 2013: 25].

Литература, как известно, на протяжении всей своей истории в разных обществах выполняла функцию культурную, эстетическую, а также развлекательную. Учитывая то, что Чехословакия попала под влияние Советского Союза, наша литература в целом перестала существовать сама по себе, и давление с востока именно в 50-х годах XX века было наиболее сильным. В то время как процесс контроля литературы в Советском Союзе начался уже в середине 20-х годов, когда происходила сильная институционализация литературных событий [Eliáš, Kusá a iní 2013: 143], ситуация в нашей стране изменилась только после смены режима в 1948-м году. Постепенно вводится термин «социалистический реализм», о котором впервые упоминается в русской «Литературной газете» в 1932-м году, у нас же он был официально закреплён в 50-х годах [Eliáš, Kusá a iní 2013: 146]. Партийность, народность и отображение реальности в ее развитии [Pašteková 1998: 89] — вот те принципы, которые должны были присутствовать ясно: чтобы показать настоящее, пропагандировать коммунистические идеалы, был необходим искусственный образ реальности (поскольку такая реальность, которую нужно было описывать, не существовала). Детская литература должна была стать средством новой идеологии [Sliacky 2008: 13] и воспитания будущего социалистического человека. В духе этого начали творить и наши писатели, ставшие позднее ведущими представителями литературы для детей и молодежи, такие как Йозеф Горак и его *100 кубиков сахара* и *Пионерское сердце* или Криста Бендова и ее *Пионерский марш* и под. [Sliacky 2008: 14–15]. Другие авторы, чтобы избежать указания описывать настоящее, возвращались в детство. Эта литература позже получила название *Литература возврата в детство*, например: Мария Яначова — *Сказки бабушки*, Карол Томашчик — *Джарковия*, Мария Разусова-Мартакова — *Лето мальчика* и т. д.

Наиболее переводимым автором детской литературы в 50-х годах стал Аркадий Гайдар [Kusá 2005: 66–74]. Его книга *Тимур и его команда* была в числе обязательной литературы для школьников в течение целых десятилетий и стала культовой, хотя в СССР ее впервые напечатали в 1940-м году (за год до смерти автора), в нашей же стране она вызвала ажиотаж гораздо позже смерти Гайдара, то есть в 1950-м году, когда она была напечатана впервые тиражом 5000 экземпляров. В ее втором издании количество экземпляров выросло в три раза и составило 15 000 экземпляров. В 4-м издании 1954-го года тираж достиг 20 270 [Bibliografia... 1980] экземпляров (парадоксом остается, что сегодня в библиотеках не найти ни одной книги). Но надо заметить, что послевоенное поколение наших и советских детей приняло книгу очень хорошо, Тимур стал образцом для подражания для целых поколений мальчишек.

Идеологический критерий, как может показаться, все же не был единственным, в 50-х годах получили шанс также переводы в жанрах приключенческой, путеводительной и научно-фантастической литературы, главными представителями которой были: Михаил Ильин и его образовательные сказки о вещах, Виталий Бианки и его сказки из жизни животных, которых он не персонифицировал, а вел своего рода дневник из их жизни. Эти книги также стали примером для творчества наших авторов. С 1951-го года начали издаваться книги-гармошки как самостоятельный жанр детских книг для самых маленьких детей. Мы можем даже найти несколько переводов, выжившие в настоящее время, например книгу Николая Носова *Приключения Незнайки* (первая публикация 1957-го года) и книгу *Мой Мишка* Зинаиды Александровой (1953-й год).

Распространенное мнение, что литература не всегда выполняет исключительно литературные функции, для 50-х годов XX века звучит особенно верно. В небольших странах роль переводной литературы чрезвычайно важна, некоторые исключительные произведения в одинаковой мере становятся текстами как страны оригинала, так и частью литературы той страны, на язык которой они переводятся. Из периода 50-х годов XX века сохранилось не много ценных текстов, но этот период с точки зрения количества переводов является важным этапом, заслуживающим исследования не только с точки зрения литературы, но и истории, связанной с ней.

Литература

- Bibliografia prekladov literatúry zo Zväzu sovietskych socialistických republík na Slovensku za roky 1945–1959. Bratislava, 1980.
Bílik René. Duch na reťazi. Bratislava, 2008.
Brtková Kamila: Osobnosť Márie Rázusovej-Martákovovej na pozadí recepcnej tradície. Banská Bystrica, 2013.
Eliáš Anton, Kusá Mária a iní. Ruská literatúra 18.–20. storočia. Bratislava, 2013.
Kusá Mária. Preklad ako súčasť dejín kultúrneho priestoru. Bratislava, 2005.
Pašteková Soňa. Transformácie obrazu ruskej literatúry (1945–1970) // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996. Zv. 4. Ruská literatúra. Bratislava, 1998.
Sliacky Ondrej. Dejiny slovenskej literatúry pre deti a mládež do roku 1960. Bratislava, 2008.
Sliacky Ondrej, Stanislavová Zuzana. Kontúry slovenskej literatúry pre deti a mládež v rokoch 1945–1997. Prešov, 1998.

Темпоральные смыслы стихотворения Б. Л. Пастернака «Когда разгуляется»: оригинал и перевод на английский язык

М. Н. Коннова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

Темпоральность, перевод, семантика, аксиология.

Summary. The article focuses upon the “time” and “space” concepts in Boris Pasternak’s “When it Clears up” (1956) and its English translation by Lydia Pasternak-Slater.

Заглавие стихотворения «Когда разгуляется» представляет собой свободное придаточное времени и, «будучи открытым формально и семантически,

размыкается в будущее» [Малеванная 2009: 71]. Энергоцентричный характер возвратной глагольной формы «разгуляется», оттеняющей неконтролируемость, спонтанность действия (ср. [Петрухина 2007: 87–90]), указывает на непостижимость, над-мирность грядущего. Ценностное наполнение глагола *разгуляться* в идиостиле Б. Л. Пастернака раскрывается в сопоставлении с предельно высоким контекстом употребления синонимичного глагола *распогодиться* в заключительной строфе стихотворения «На Страстной»: «Но в полночь смолкнут тварь и плоть, // Заслышав слух весенний, // Что только-только *распогодь* — // Смерть можно будет побороть // Усильем *воскресенья*».

В тексте стихотворения к заглавию отсылает союз «когда» в начале третьей строфы («*Когда в исходе дней дождливых / Меж туч проглянет синева...*»). Именной оборот «в исходе», совмещающий в своем значении мысль о «завершении, конце» одного этапа и переходе к другому (ср. «в исходе — по времени, по поре» [Даль 1956, II: 64]), оттеняет грань между двумя временными планами — между прежним и новым. Внутренняя сущность этой поры раскрывается в завершающем строфу двойном восклицании: «*Как небо празднично в прорывах, / Как торжества полна трава!*», которое свидетельствует о качественно ином времени. Структурно, параллелизмом стихов, содержательно (синонимическим повтором «*празднично*» — «*торжества полна*») и мелодически — аллитерацией «*празднично в прорывах*», «*торжества <...> трава*» — они сближаются с текстом пасхального канона: «Сей нареченный и святой день <...> *праздников праздник, и торжество есть торжеств*» (ирмос 8-й песни). В английском переводе внезапность новизны, передаваемая причастной формой *burst* (от *to burst* — «разрываться, лопаться»), многократно усиливается эмфатически выделенным пространственным прилагательным *open* («открытый»), что в совокупности создает величественный образ «распахнутого» праздничного неба («*How festive is the sky / Burst open*»). Лексема *triumph* («торжество») вносит в эту картину ликующей природы дополнительный оттенок победы («*How full of triumph of is the lawn*»).

Вневременная сущность образов преображенного мира со всей полнотой раскрывается в пятой строфе: «В церковной росписи оконниц / Так в вечность смотрят изнутри / В мерцающих венцах бессонниц / Святые, схимники, цари». Внутренняя его природа, не абстрактно-холодная, но сугубо личная, раскрывается метонимически, через символический тройственный образ — «*святые, схимники, цари*». Существительное «*святые*» собирательно называет здесь тех, кто в условиях земного бытия стяжал Духа Святого и тем самым стал «начатком будущего всеобщего и полного освящения» [Осипов 1995: 19]. Слово «*схимники*» (от греч. *shema* — «образ»), обозначающее тех, кто «дал особые обеты в <...> достижении идеала христианской святости», подчеркивает светлую «инаковость» святых, которые «в мире, но не от мира» [Осипов 1995: 14–15]. Синкретичная лексема «*цари*» отсылает, с одной стороны, к образу царей земных,

в самом временном служении своем приблизившихся к святости, с другой — иносказательно именует всех уверовавших во Христа как избранных для вечности Царства Небесного [Клименко 2008: 423]. Символом этого царственного священства (1 Пет. 2: 9) становится метафорический образ «*венцы бессонниц*». Парафрастически описывая «нимб, ореол» в изображении святых («*в церковной росписи*») это сочетание имплицитно указывает на преодоление *вечного сна* — смерти (ср. [Даль 1956, IV: 270]). Сближаясь своим внутренним аксиологическим наполнением с устойчивыми сочетаниями *венец жизни* («бессмертие»), *венец живота* («Царство Небесное») [Дьяченко 2007: 114] метафора «*венцы бессонниц*» становится в контексте стихотворения символом совершившейся в Воскресении Христовом победы жизни над смертью.

В английском варианте существительное *вечность* передается контекстуальным антонимом *time* («время»), что изменяет пространственно-временную перспективу: из храма («*from the church's narrow windows*»), являющего собой атемпоральное пространство вечности, святые пристально вглядываются во время («*gaze into time*»), которое метонимически обозначает пространство земного бытия. Смысловым центром оказывается, таким образом, не устремленность в вечность, как в тексте оригинала («*в вечность смотрят изнутри*»), но мысль о теснейшей связи между двумя мирами — земным («*time*») и небесным («*saints*»). Эта взаимосвязь дальнего и горнего оттеняется сочетанием «*sleepless vigil*», выступающего аналогом окказиональной формы *бессонницы* в метафоре «*в мерцающих венцах бессонниц*». Восходящее к многозначному латинскому *vigilia* («ночное бдение; караул; ночное богослужение; неусыпные заботы; бессонница») существительное *vigil* сочетает в своей семантической структуре смысловые компоненты бдения, заботы и молитвы.

Ключевым темпоральным маркером шестой строфы становится наречие «*иногда*»: «Как будто внутренность собора — / Простор земли, и чрез окно / Далекий отголосок хора / Мне слышать *иногда* дано». Восходящее к прилагательному *иной* («другой, отличающийся от этого») оно совмещает в себе мысль об «инаковости», выделенности описываемых дней из череды обыденного течения времени (*иногда* — «в *иное* время») и указание на возможность повторения этих дней в едином непрерывном годовом богослужебном круге (*иногда* — «порою, <...> нечасто»). При переводе на английский язык наречие *иногда* опускается.

В заключительной кульминационной седьмой строфе — «Природа, мир, тайник вселенной / Я службу долгую твою / Объятый дрожью сокровенной, / В слезах от счастья, отстою» — эмфатически выделенная в конце стиха глагольная форма «*отстою*» придает стихотворению необычайно открытое, вневременное звучание. Она подчеркивает слияние планов настоящего и будущего: выражаемое действие «как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате» ([Виногра-

дов 1972: 452], цит. по: [Петрухина 2009: 164]). Это открытое завершение, свидетельствующее о конечном преодолении временных и пространственных границ, высвечивает глубинные смыслы вынесенного в заглавие стихотворения обстоятельного оборота «*Когда разгуляется*». Обращенная своей семантикой в будущее эта темпоральная конструкция иносказательно указывает на тот таинственный миг последнего свершения времен, когда «вся совокупность мироздания войдет в полное единение с Богом» [Лосский 2004: 305] и «будет Бог всё во всё» (1 Кор. 15: 28). В английском тексте — «With secret trembling, to the end, / I will thy long and moving service / In tears of happiness attend» — добавление нового эпитета *moving* («трогательный») привносит чуждый оригиналу оттенок внешней, чувственной эмоциональности. Конкретизация приводит к ускользанию символических смыслов, к упрощению образов, в которых вертикальный вектор ценностных координат вытесняется горизонтальным.

Литература

- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1956.
 Дьяченко Григорий, свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.
 Клименко Л. П. Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири. Н. Новгород, 2008.
 Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.
 Малеваная Д. Книга стихов Б. Пастернака «Когда разгуляется»: итог творческого пути // Балтийский филологический курьер. 2009. № 7. С. 70–82.
 Осипов А. И. Святыне как знак исполнения Божия обетования человеку // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 9–32.
 Петрухина Е. В. Концептуальный анализ языка и семантические доминанты языковой картины мира // Концептуальный анализ языка: современные направления следования. М.; Калуга, 2007. С. 80–94.
 Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени. М., 2009.

Специфика передачи некоторых словацких реалий средствами русского языка

А. Ю Краев

Католический университет в Ружомберке (Словакия)

Д. Саболова

Прешовский университет (Словакия)

Безэквивалентная лексика, словацкий язык, русский язык, перевод.

Summary. The paper deals with some examples of “translation” of Slovak culture-specific word combinations, the referents of which do not have direct equivalents in the Russian language.

Поиск, систематизация и исследования безэквивалентной лексики при сравнении двух или более языков уже довольно давно представляют собой неисчерпаемый источник лингвистических и научно-популярных языковедческих описаний. В любом естественном языке всегда можно найти такие лекси-

ческие единицы (далее — ЛЕ), которые крайне затруднительно передать аналогичными (т. е. с помощью другой ЛЕ) средствами иного языка. Не представляют исключения также генетически и типологически родственные языки, так как в разных сферах жизни и деятельности обслуживаемого ими социума всегда можно найти предметы, явления, процессы, являющиеся специфичными именно для данного языкового и культурного ареала.

В рамках нашей публикации нам бы хотелось остановиться на описании и анализе некоторых ЛЕ, обозначающих «реалии» жизни и деятельности словацкоязычного общества, присутствующие в картине мира носителей словацкой лингвокультуры как данность, но которые, совершенно естественным образом, очень сложно передать посредством ЛЕ на русском языке в силу отсутствия таких предметов/явлений в русском языке и в русской лингвокультуре в целом.

Предметом нашего рассмотрения будут являться, в основном, реалии, отраженные и номинированные в словацком языке с помощью словосочетаний, а не просто отдельным словом как единицей номинации.

В начале обратимся к самой обыденной из вышеперечисленных сфер — кулинарной. Первым примером нам послужит словацкая кулинарная реальия, номинированная по-словацки словосочетанием *dukátové buchtičky*. В самом общем виде словацкое *buchta* (или же *buchtička*) обозначает «сдобная булочка с начинкой». Хотелось бы отметить, что существуют также *buchty na pare*, представляющие собой как раз такие сдобные булочки с начинкой, однако приготовленные отсутствующим для таких блюд в традиционной русской кухне способом — на пару. Таким образом, если слово *buchta* / *buchtička* все же в общем виде можно перевести как «булка / булочка», то вышеупомянутые *dukátové buchtičky* представляют собой маленькие печенье в духовке булочки из сдобного теста, но политые сверху кремом. Совершенно очевидно, что средствами русского языка данное наименование невозможно передать с помощью простого номинативного словосочетания со связью согласования, а требуется прибегнуть к более развернутому толкованию «маленькие сдобные булочки, политые сверху кремом».

Еще более специфический и, в некотором роде, дискуссионный с точки зрения эквивалентности случай представляет собой название международно признанного кулинарного бренда Словакии — *bryndzové halušky*. Простой, казалось бы, «перевод» этого наименования как «брынзовые галушки» не отразит для носителя русского языка всех нюансов, имеющих в способах приготовления и сервировки данного блюда. В первую очередь, словацкие *halušky* — это кусочки теста из муки и тертого картофеля, сваренные в горячей воде, а не просто мелкие кусочки обычного, «мучного» несдобного теста, что более характерно для образа слова «галушки» в русской лингвокультуре. Также хотелось бы отметить, что словацкое слово *bryndza* не полностью соответствует

русскому «брынза», хотя в общем виде оба слова обозначают сыр из овечьего молока. Наиболее адекватно словацкая ЛЕ *bryndzové halušky* была бы передана по-русски как «галушки из картофельного теста и муки, перемешанные с мягким, растертым овечьим сыром».

К сфере трудовых отношений и их особенностей в словацкой культуре относится, например, ЛЕ *stravný lístok*, которая обозначает отсутствующую в российских трудовых отношениях реалию — обязанность работодателя частично компенсировать работнику расходы на питание в течение рабочего дня. В наиболее общем случае каждый работник имеет право получить от своего работодателя такой *lístok* и оплатить им обед, хотя большая часть этой оплаты будет внесена работодателем (что и подтверждает эта «бумага»), работник же оплачивает только часть цены такого обеда. Нам представляется, что наиболее адекватным способом передачи реалии *stravný lístok* было бы словосочетание «талон (билет) на питание», хотя оно и не отражает всего содержания данного понятия.

В сфере словацкого образования, в частности, высшего, присутствует реалья, номинированная ЛЕ-словосочетанием *rektorské* (или *dekanské*) *voľno*. Данное явление не имеет аналога в российской реальности и обозначает «официальное освобождение студентов вуза (или факультета) от занятий приказом ректора (или декана) на один конкретный рабочий день или его часть по какой-либо важной причине». В силу специфики данного явления крайне трудно подобрать более сжатый и точный русский эквивалент.

Что же касается официально-деловой сферы, то там, конечно, также присутствует определенное количество ЛЕ, номинирующих специфичные черты юридической и экономической систем словацкого общества. Нам хотелось бы остановиться на примере словосочетания, которое обозначает цифровой код, имеющийся у каждого гражданина Словакии и у каждого проживающего в Словацкой Республике иностранца — *rodné číslo*. Имя прилагательное *rodné* отсылает нас к наиболее общему значению «родной», но более точно было бы объяснить это через одно из значений, проявляющихся в наименовании по-словацки свидетельства о рождении — *rodný list* или же *rodné priezvisko* — «девичья фамилия». В частности, сужение объяснения до вышеприведенных примеров показывает нам, что этот код (комбинация 10 цифр) получается каждым гражданином Словакии при регистрации его рождения органами записи актов гражданского состояния и сопровождает его всю жизнь. Можно предположить, что данную реалию возможно бы было выразить словосочетанием «личный код», графа для записи которого присутствует в паспорте гражданина Российской Федерации образца 1997 года, но реализацию данной идеи оказалось невозможно осуществить, поэтому во всех существующих документах граждан России в настоящее время данная графа остается незаполненной.

Литература

Krátky slovník slovenského slovníka. Bratislava: VEDA, 2003.

Veľký rusko-slovenský a slovensko-ruský slovník: Bratislava: Lingea, 2011.

**Некоторые трудности перевода
общественно-политических текстов
с русского на болгарский язык (методический аспект)**

Ю. В. Кудрявцева

Высшие курсы иностранных языков МИД РФ

*Общественно-политический перевод, лексические трудности перевода,
грамматические трудности перевода, межъязыковая интерференция*

Summary. This paper observes the lexical and grammatical difficulties of the translation of political texts from Russian into Bulgarian, experienced by advanced learners of Bulgarian, and ways of dealing with them.

Для оценки уровня языковой подготовки студентов-филологов и переводчиков старших курсов языковых вузов, а также госслужащих, активно участвующих в международной профессиональной коммуникации, в том числе дипломатических сотрудников, используется такая форма промежуточного и итогового контроля как общественно-политический перевод. Для перевода чаще всего предлагаются публицистические тексты общественно-политической тематики, а также фрагменты официальных документов (ноты, меморандумы, коммюнике), то есть тексты официально-делового стиля.

В данном докладе рассматриваются некоторые лексические и грамматические трудности, с которыми сталкиваются носители русского языка, владеющие болгарским языком на продвинутом уровне при переводе общественно-политических текстов с русского на болгарский язык. Под «продвинутым» подразумевается уровень владения не ниже B2 по Европейскому языковому портфелю или *второ ниво* по критериям, разработанным Департаментом языкового обучения СУ [Български език за чужденци 2003].

Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о переводе с родного языка на иностранный. Перевод на иностранный язык является, как известно, достаточно сложной задачей, требующей знания специальной лексики и терминологии, внимания к лексическим элементам, их значениям, правилам сочетаемости и, следовательно, обращения к справочным материалам — словарям, глоссариям, и, не на последнем месте, отличного знания грамматики иностранного языка.

Большая часть работ, посвященных теории и практике перевода для языковой пары русский-болгарский, посвящена анализу лексических и стилистических ошибок, возникающих вследствие межъязыковой интерференции (так называемого «гипноза оригинала» [Васева 1987]) при переводе с иностранного языка на родной. То есть интересующее нас направление перевода (с русского

на болгарский) рассматривается в основном болгарскими исследователями (Л. Андрейчин, С. Влахов, И. Васева и др.) с позиции носителя болгарского языка. Кроме того, трудности перевода анализируются зачастую на материале художественных текстов. Мы же рассматриваем этот вид перевода немного под другим углом — как одну из форм комплексной диагностики уровня владения языком на продвинутом этапе, позволяющую, кроме того, выявить грамматические и лексические трудности у носителей русского языка, систематически проявляющиеся вследствие межъязыковой интерференции и грамматической асимметрии.

Если не говорить о проявлениях межъязыковой омонимии и полисемии, в целом, лексические трудности при переводе политических текстов можно назвать, скорее, индивидуальными. Из-за незнания политической лексики и терминов, нехватки фоновых знаний (например, о государственном устройстве той или иной страны), невнимательной работы со словарем и недостаточной проработки на занятиях подобных текстов на болгарском языке переводчик подвергается сильному влиянию русского оригинала. Этот «гипноз» приводит к появлению многочисленных буквализмов (**лица с ограничени способности* вм. *хора с увреждания*). Даже если лексические ошибки не вызывают искажений смысла на уровне высказывания, они существенно затрудняют восприятие текста на болгарском.

В отличие от лексических, некоторые грамматические трудности при переводе на болгарский могут быть спрогнозированы заранее, так как они связаны с межъязыковой грамматической асимметрией. Другие, более частные, выявляются в процессе анализа переводов. Грамматические ошибки имеют систематический характер (могут проявляться также в других продуктивных видах речевой деятельности) и часто являются причиной серьезных искажений смысла.

В первую очередь, прогнозируемые трудности связаны с:

- выбором правильного грамматического времени из болгарской системы прошедших времен для передачи разных типов информации в прямой и косвенной речи [Андрейчин 1987] (*Според наблюдателите, изборите *минаха* вм. *са минали без нарушения*);
- тема-рематическим членением и порядком слов в переводимом предложении;
- проявлениями категории определенности;
- выбором предлогов (*Съветът за сигурност, Федералната агенция по туризъм*).

Как показывает анализ переводов, корректировочная работа должна проводиться также для преодоления следующих трудностей:

- перевод русского инфинитива и безличных конструкций (*необходимо / планируется сделать что-либо*);

— перевод различных типов придаточных (изъяснительных с *чтобы* и придаточных цели с *чтобы*) и др.

Определенную сложность представляет также перевод заголовков.

Ввиду отсутствия на данный момент актуального пособия по общественно-политическому переводу в докладе представлены отдельные образцы упражнений и другие виды работы для преодоления обозначенных трудностей, апробируемые в данный момент при работе со слушателями курсов повышения квалификации Высшие курсы иностранных языков МИД РФ. Анализ трудностей проводился на материале переводов слушателей уровня В2, освоивших основной лексико-грамматический курс болгарского языка.

Литература

Андрейчин Л. Преводът на руското минало време // Езикови проблеми на превода (руски език). София, 1987. С. 11–15.

Български език за чужденци. Тестове за ниво. Книга за самостоятелни упражнения. Софийски университет «Св. Климент Охридски». Департамент за езиково обучение ДЕО-ИЧС. София, 2003.

Васева И. Хипнозата на оригинала. Типични прояви на интерференция и буквализъм в преводи от руски език // Езикови проблеми на превода (руски език). София, 1987. С. 35–50.

Язык СМИ:

Трудности перевода с русского на македонский

Э. Ниами

Университет имени святых Кирилла и Мефодия (Македония)

СМИ, язык СМИ, трудности перевода, аббревиации, названия.

Summary. This article deals with the language of Russian media and the problems of translation into Macedonian language. Our focus is on the abbreviations and the names of different organizations and companies. The problem of translation from Russian into Macedonian language starts with the fact that both of them are Slavic languages.

Язык является важнейшим средством коммуникации и выражения мысли. Язык — это не только средство для передачи мысли и для хранения информации, но и инструмент, с помощью которого формируются новые понятия, которые передают человеческое мышление. Выбор языковых средств влияет на процесс восприятия и воспроизведения действительности. Язык СМИ — это отдельный мир, исследование которого требует длительного анализа текстов не только как лингвистических произведений, но и как общественных явлений.

Доклад фокусируется на трудности перевода текстов СМИ с русского на македонский язык. Главный источник материала для анализа — это переводы текстов на сайте „Руска реч на македонски“, который является частью проекта Russia Beyond The Headlines. Мы фокусируемся на двух пунктах:

1. Передача аббревиатур с русского на македонский язык.
2. Передача названий компаний, организаций, марок.

Считаем, что первый пункт вызывает трудности в связи с тем, что в русском языке очень часто используются аббревиатуры, которые не всегда понятны македонскому читателю. Предлагаются разные подходы к их передаче: раскрытие (расшифровка), «перевод» (если это позволяет контекст) или транслитерация.

При передаче названий компаний, организаций, марок существуют несколько подходов, в зависимости от контекста и от того, насколько они близки македонскому языку. Главная помощь переводчику, но вместе с тем и его «головная боль» заключаются в том, что и македонский, и русский языки — славянские.

Литература

- Ильясова С., Амири Л. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы, М., 2015.
Кормилицына М., Сиротинина О. Язык СМИ: Учебное пособие. М., 2015.
Правопис на македонскиот јазик. Скопје, 2016.
Рацибурская Л., Петрова Н. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. М., 2011.
Черникова Е. Грамматика журналистского мастерства. М., 2015.
Чернышова Т. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2014.

Межъязыковая грамматическая асимметрия как проблема перевода (анализ студенческих переводов)

Е. В. Тимонина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Художественный перевод, грамматические трудности перевода,
различия в грамматических системах, глагольная система, категория эвиденциальности,
именная система, категория определенности.*

Summary. The current paper is devoted to grammar difficulties of translation from Bulgarian into Russian. The report contains a concise review of problems caused by differences in verb systems of two languages. More attention is devoted to possible difficulties concerned with Bulgarian category of definiteness, which is not found in Russian.

Один из важнейших элементов филологического образования — овладение навыками в сфере профессионального перевода, в том числе и художественного. Студенты филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, изучающие болгарский язык, активно участвуют в студенческом конкурсе художественного перевода с болгарского языка на русский, который проводится в Москве ежегодно с 2001 г. филологическим факультетом и факультетом иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова при содействии Посольства Республики Болгарии в РФ и Болгарского культурного института в Москве. Каждый год в конкурсе участвуют 30-50 студентов, изучающих болгарский язык. Кроме студентов факультетов-организаторов, свои пе-

реводы представляют студенты исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, филологического факультета СПбГУ, Государственной академии славянской культуры (Москва), Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва), МГИМО и др.

Выбирая литературное произведение для конкурса, организаторы руководствуются не только художественно-эстетическими, но и профессионально-переводческими соображениями: произведение как объект художественного перевода непременно должно содержать определенную переводческую задачу (например, проблему, связанную с реалиями, с представленной в тексте разговорной, диалектной или детской речью, с окказиональной лексикой).

Анализ конкурсных переводов позволяет сформулировать ряд проблем, решение которых позволит уточнить направления подготовки будущих специалистов-славистов, совершенствовать различные стороны учебного процесса.

Обычно специалисты по теории и практике художественного перевода, говоря о переводческих трудностях и проблемах, чаще всего имеют ввиду лексические и стилистические трудности, а также проблемы, связанные с сущностью перевода как одного из видов межкультурной коммуникации, в то время как другой аспект — грамматический — гораздо реже становится объектом профессионального теоретического и практического анализа.

В данной работе рассматриваются проблемы, связанные с так называемой межъязыковой грамматической асимметрией, выражающейся в том, что в принимающем языке отсутствуют те или иные грамматические категории, представленные в языке оригинала.

При переводе с болгарского языка на русский могут возникать, с одной стороны, грамматические трудности, которые легко прогнозируются (связанные прежде всего с различиями глагольных систем указанных языков), а с другой стороны, трудности, оказывающиеся в определенной степени неожиданными для преподавателей, работающих со студенческими переводами.

Среди прогнозируемых трудностей на первом месте оказываются трудности, вызываемые грамматической категорией эвиденциальности.

О глагольных временах как о переводческой проблеме говорят реже, однако опыт анализа конкурсных текстов показывает, что и тут переводчик сталкивается со сложностями (связанными прежде всего с относительными временами), когда неправильное переводческое решение приводит к смысловым (логическим) ошибкам.

К неожиданным проблемам (и соответственно — к неожиданным студенческим ошибкам) следует отнести трудности, связанные с категорией определенности. (Стоит отметить, что эта категория, глубоко и всесторонне изученная теоретически, крайне редко анализируется как категория, порождающая переводческие проблемы).

Значительная группа ошибок в этой сфере связана с так называемыми предложениями тождества — предложениями, где в болгарском языке сказуемое имеет именную часть. В этом случае в болгарском языке предикатив с артиклем не дает новую характеристику подлежащему, а называет предварительно определенное множество, к которому причисляется и подлежащее. В русском языке это делается с помощью частиц или интонационно (в устной речи).

Анализ студенческих работ показывает, что студенты не всегда осознают различие между именной частью сказуемого с артиклем и без него и переводят такие предложения одинаково, т. е. фактически не дают эквивалентного (и адекватного) перевода предложений с предикативом с артиклем. Например:

Ние зубрехме с машинално упорство и тайно се надяхвахме подир две години, в единайсетия клас, някой от нас да бъде забелязани, удостоеният.

Студенческий перевод:

Мы зубрили с машинальным упорством и втайне надеялись, что через два года, в одиннадцатом классе, кто-то из нас будет замечен, удостоен.

Фактически это перевод совсем другого болгарского предложения, с другой коммуникативной направленностью и соответственно другим логическим ударением:

Ние зубрехме с машинално упорство и тайно се надяхвахме подир две години, в единайсетия клас, някой от нас да бъде забелязан, удостоен.

Для точного перевода исходного предложения необходимо проделать серьезные грамматические трансформации:

Мы зубрили с машинальным упорством и втайне надеялись, что через два года, в одиннадцатом классе, кто-то из нас окажется тем, кого заметили, удостоили.

Еще одна сложная (и при этом достаточно распространенная) переводческая проблема связана с подлежащим, не имеющим артикля, в начале предложения:

На перона отведнъж се възцари тишина... Посрещачи и заминаващи стояха в замръзнал разкряч.

Студенческий перевод:

На перроне вдруг воцарилась тишина... Встречающие и отбывающие стояли словно застыв.

Такой перевод не может быть признан адекватным. Коммуникативная направленность болгарского предложения — сообщение о том, что происходит на перроне, коммуникативная направленность русского перевода — сооб-

щение о том, что делают встречающие и отбывающие, т. е. русское предложение фактически представляет собой перевод другого болгарского предложения, где подлежащее употреблено с артиклем:

На перона отведнъж се възцари тишина... Посрещачите и заминаващите стояха в замръзнал разкряч.

Более адекватным вариантом перевода представляется русское предложение с обратным порядком слов (с реализацией синтаксической трансформации):

На перроне вдруг воцарилась тишина... Словно застыв стояли встречающие и провожающие.

О некоторых причинах неадекватности эквивалентного перевода (на материале перевода на сербский язык повести С. Довлатова «Заповедник»)

Тыртова Г. П.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Адекватность, юмор, ирония, эмоциональное сопереживание.

Summary. Questions of meaning equivalence and adequacy of translation connected with rendering irony and humor in Dovlatov's long story "The Pushkin memorial museum" into the Serbian language are considered in this abstract

Русскоязычный читатель «Заповедника» восхищается легкостью изложения, авторской иронией, юмором, умением поговорить о непростых проблемах без излишней тяжеловесности. На каждой странице есть фрагменты, вызывающие улыбку и смех. Насколько адекватно воспринимают это произведение сербские читатели? Работа с информантами показала, что степень адекватности не самая высокая, и причина кроется в том, что во многом потерян неповторимый колорит довлатовской повести. Среди прочего этот колорит создают:

1) элементы просторечия, жаргона или диалектные особенности, которые автор использует прежде всего для речевой характеристики героев:

— А если на *кир* перевести? По *руть* четыре?

— А kad se prevede na *piće*? Po četiri kinte?

— Дом-то *маткин*... А matka во Пскове. У *ей* ноги *распухши*.

— Kuća je *matina*... А majka je u Pskovu. Noge su joj *otečene*.

Передача подобных слов — всегда проблема. Особенно трудно найти соответствие для слова *кир* (популярное в советскую время обозначение выпивки), которое ушло вместе с эпохой, и теперь оно плохо узнается даже русскоязычным читателем. Поскольку на месте всех выделенных русских слов в сербском переводе присутствуют их литературные аналоги, читатель недополучает значительную часть информации.

2) диалоги, в которых юмористическая ситуация создается тем, что ответная реплика противоречит нашим ожиданиям, содержит элемент неожиданно-

сти. Подобные диалоги разнятся по реакции реципиента. Некоторые вызывают у сербского читателя такую же реакцию, как и у русского: «Через минуту появился официант... — Что вам угодно? — Мне угодно, — говорю, — чтобы все были доброжелательны, скромны и любезны». «Za minut se pojavio konobar... Šta želite? — Želim da svi budu gostoljubivi, skromni i ljubazni — kažem».

2а) есть случаи, когда сербский читатель воспринимает авторскую иронию, но не в полной мере:

— Давайте познакомимся. — Hajde da se upoznamo.

— Аврора, — сказала она, протягивая липкую руку. — Aurora — rekla je pružajući mi lepljivu ruku.

— А я, — говорю, — танкер Дербент. — A ja sam — rekoх — tanker Derbent.

Читателя перевода смешит, что герой вдруг назвал себя танкером. Можно предположить, что у читателя оригинала есть и другие основания для улыбки. Известно, что писатель «...может сознательно вводить в свой текст национально-культурные реалии, ассоциирующиеся к тому же с определенным временем в жизни народа. Все реалии в художественном тексте можно разделить на упомянутые и неупомянутые, присутствующие имплицитно, в виде фоновых знаний, наличие которых у читателя писатель сознательно или бессознательно предполагает. Примером сознательной апелляции к фоновым знаниям может служить аллюзия: автор намекает на какое-то событие, провоцируя появление у читателя совершенно определенных ассоциаций, необходимых для понимания авторской мысли. Часто же у писателя расчет на наличие общих с читателем фоновых знаний бывает подсознательным. ...обычно писатель представляет себе своего возможного читателя, ориентируется на людей с... определенными знаниями, определенным уровнем восприятия, настраивается на этот уровень» [Сдобников, Петрова 2006: 359]. С. Довлатов хорошо представлял своего читателя, советского интеллигента, более-менее критично или иронично настроенного по отношению к советскому строю. Он сразу считывает две представленные реалии: название крейсера, залп с которого послужил сигналом для начала штурма Зимнего, и название популярного в советское время романа Ю. Крымова о стахановском движении тридцатых годов. Использование серьезных, но уже набивших оскомину пафосных советских реалий в ироничном ключе, в контексте легкой, необязательной беседы у такого читателя вызывает улыбку.

2б) случаи, когда сербы не считывают заложенные в текст реалии. «Я думаю, любовь к березам торжествует за счет любви к человеку. И развивается как суррогат патриотизма». «Mislim da ljubav prema brezama trijumfuje na račun ljubavi prema čoveku. I razvija se kao surogat patriotizma». Здесь Довлатов иронизирует над примитивно понимаемой ностальгией, которую должен, как считалось в советское время, испытывать человек, оказавшись за пределами род-

ной страны. Символом этой ностальгии были березки, по которым полагалось тосковать в первую очередь.

Приведенные примеры показывают, что в подавляющем большинстве случаев сербский перевод очень точно следует за оригиналом, денотативная (фактологическая) информация передана полностью. Однако точная копия довлатовской повести не вызывает у сербского читателя должного эмоционального сопереживания, тех же эмоций, что и у читателя русского. Сербский текст еще раз доказывает, что в художественном переводе велико различие между эквивалентностью и ценностью перевода. В этом виде перевода на первом плане оказывается не точное воспроизведение оригинала, а обеспечение высоких литературных достоинств текста перевода, более-менее равноценных достоинствам текста оригинала.

Программа-максимум любого переводчика — познакомить читателя с творчеством иностранного писателя, с его стилем, манерой письма, с культурой и жизнью другого народа. К сожалению, творчество С. Довлатова очень сложно для выполнения такой задачи, т. к. главные отличительные черты его произведений — юмор и ирония, а подобная коннотативная информация всегда активно сопротивляется передаче на другой язык. Тем не менее перевод познакомил сербского читателя с содержанием «Заповедника», одной из лучших книг такого интересного писателя, как Сергей Довлатов.

Литература

- Довлатов С. Д. Заповедник. СПб.: Азбука, 2001.
Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
Попович А. Проблемы художественного перевода. М.: Высшая школа, 1980.
Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. «Восток-Запад», 2006.
Dovlatov S. Spomen-muzej. Novi Sad: Stylos, 2004.

Славянские языки в современных средствах массовой коммуникации и в Интернете

Тактики отождествления и солидаризации в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным»

Го Бинь

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Тактика отождествления; тактика солидаризации; политический дискурс; прямая линия.

Summary. The source material for this article is the text of the program “Direct line with Vladimir Putin” of the period 2013–2015. Special attention is paid to tactics of identification and solidarity.

В рамках изучения политического дискурса специалисты акцентируют внимание на анализе речей политических лидеров. В. В. Путин — один из наиболее популярных представителей политической элиты, изучение того, как он использует в своих речах лексические средства, имеет немаловажное значение.

Для создания позитивного имиджа каждый политик активно ищет способы общения с народом. «Прямая линия» как нетрадиционное речевое событие дает возможность публичного диалога между обычными людьми и представителем власти. Как говорил В. В. Путин, «такие прямые контакты с гражданами дают очень верный срез того, что на данный момент времени волнует и интересует общество. Поэтому такой прямой обмен мнениями, прямая информация, получение обратной связи из регионов — чрезвычайно важно и в высшей степени полезно» [«Прямая линия», 25.04.2013].

Самая первая «прямая линия» в прямом эфире состоялась 24 декабря 2001 года. Ведущие телекомпаний передавали президенту вопросы, поступившие по телефону и на сайт в интернете. В. В. Путин в тот раз ответил на 47 вопросов граждан России. До сегодняшнего дня прямая линия уже проводилась 13 раз, в том числе, когда В. В. Путин был в должности премьер-министра. В последний раз глава правительства ответил на 74 вопроса в ставшем уже традицией ежегодном общении с россиянами.

Исследовав коммуникативные и структурные особенности «прямой линии», О. Н. Паршина пришла к выводу, что «новые модификации, возникающие в устной форме политического дискурса в результате жанровых трансформаций, делают его жанровую систему разнообразнее и сложнее» [Паршина 2012: 32]. На наш взгляд, жанр «прямая линия» входит в рамки сложного диалога и фактически является новоизобретенной комбинацией жанров интервью, пресс-конференции и ток-шоу.

Изучив текст и видеоматериалы за период 2013–2015 гг., мы заметили, что «прямая линия» обладает собственной спецификой. Ее особенности: 1) участником может стать любой желающий, в студии есть представители всего российского общества, вне студии — это все население. Понятно, что адресаты старательно фильтруются; 2) тематика вопросов не ограничена, почти охватывает все «горячие» и обычные проблемы. Некоторые вопросы тщательно отбираются и снабжаются заранее подготовленными ответами, многие координаторы и модераторы внимательно следят за установленной заранее очередностью вопросов. Обнаруживается хорошая осведомленность президента с малоизвестными статистическими данными; 3) имеет место непосредственный вербальный, иногда визуальный контакт с высшей властью. Создается впечатление, что власть заботится о повседневной жизни рядовых граждан.

Для выявления общих взглядов и интересов, психологического ощущения близости между говорящим и адресатом, в ответных репликах В. В. Путин умело использует речевые тактики отождествления и солидаризации.

Формирование имиджа политического лидера невозможно без тактики отождествления, которая помогает политику идентифицировать себя с определенной общественной группой. Рассмотрим примеры (с указанием дат в скобках).

1. В первую очередь, с помощью местоимения «мы» передаются значения «правительство», «народ» и даже «Россия».

*Но это не значит, что **мы** должны надувать губы, сердиться на кого то, устраняться, изолироваться [16.04.2015].*

***Мы** — территориально большая страна в целом, по европейским меркам, и по населению большая страна. **Мы** — страна с огромным потенциалом развития, с большими природными ресурсами [16.04.2015].*

2. Использование эмоционально окрашенной лексики выражает отношение говорящего к адресату.

*Я своим партнерам говорю: «Это правильный, **замечательный** призыв, но тогда армию **оттащите** от гражданского населения» [17.04.2014].*

3. В следующем примере В. В. Путин показывает себя как обычный собеседник и семьянин и отождествляет себя с конкретным адресатом.

Так что давайте мы его попросим просто, скажем: «Борис, пожалуйста, будь добр, разреши жене купить собаку» [16.04.2015].

4. Используются также и такие языковые средства для реализации тактики отождествления с адресатом, как пословицы и крылатые выражения.

Вы знаете, у нас всегда в России есть такое выражение: «Тяжела ты, шапка Мономаха». [17.04.2014].

Я в этой связи напому — Вам, думаю, будет это приятно услышать, — напому слова Александра III, нашего императора, который сказал, что в России есть только два союзника: армия и военно-морской флот [16.04.2015].

Тактика солидаризации и тактика отождествления как «близнецы» иногда трудно разграничиваются.

При установлении контакта В. В. Путин обращается по имени и отчеству.

Я отвечу и Василию Илларионовичу, и другим ветеранам Великой Отечественной войны, которые имеют право на получение жилья [16.04.2015].

Галина Яковлевна, вопрос, конечно, не из простых, Вы правы. [16.04.2015].

2. В ответе на вопрос аудитории часто встречаются следующие выражения согласия с оценкой проблемы: *Правильно; Я с Вами согласен; Вы абсолютно правы.*

Я с Вами полностью согласен. Обязательно с губернатором на этот счет поговорю [16.04.2015].

Вы правильно сказали, я полностью с Вами солидарен. Для кого то, может быть, даже это, так скажем, чтобы не обидеть никого, стыдно даже [16.04.2015].

3. В. В. Путин солидаризируется с гражданами России, давая положительную оценку личности и деятельности адресата.

Я думаю, что Вы, как специалист, специалист высокого класса, можете дать оценку той технике, которая сейчас имеется в войсках [25.04.2013].

Вы и Ваши товарищи честно, очень профессионально и достойно исполняли свой служебный долг. Это вызывает безусловное уважение и к Вам, и ко всем вашим товарищам, к вашим бойцам [17.04.2014].

Указанные языковые средства в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» адресованы не только участнику разговора, но и всем телезрителям. Прямой диалог с реальным адресатом очень полезен для составления личного представления о главе государства.

Литература

Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и Практика / Под ред. О. Б. Сиротиной. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
[<http://www.kremlin.ru/> (Дата доступа: 01.02.2016)].

Текстовые метафоры в русскоязычных журналистских публикациях

Л. Р. Дускаева

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Медиатекст, метафора, развертывание.

Summary. Analysis techniques of metaphorical deployment of the texts of the media show that journalists use at least two types of methods, analytical and figurative art. The report is expected to reveal the specifics of each of the techniques.

Одна из актуальных проблем лингвистики массмедиа — это лингвистический анализ медиатекстов различных жанров. Среди эффективно воздействующих речевых средств в журналистских текстах лингвисты выделяют метафору, что вполне закономерно. В традиции, сложившейся в исследовательской литературе, метафорический перенос традиционно описывается путем выделения двух сфер — сферы-источника (то, с чем сравнивается) и сферы-мишени (то, что сравнивается) (Д. Лакофф). Важность исследования такого высокоэффективного способа организации журналистских текстов, направленных на формирование картины мира у массовой аудитории, очевидна. Однако многие стороны функционирования метафоры в медиатекстах остаются нераскрытыми. Наш доклад посвящен анализу семантико-стилистических особенностей употребления в журналистских текстах.

В предыдущих работах мы показали, что в силу принципиально диалогического характера журналистского творчества развертывание журналистского текста вполне правомерно представить как последовательность, чередование и взаимодействие интеракций различных форм: «Он — Я», эксплицирующих диалог автора с третьими лицами, «Я¹ — Я² — Вы», эксплицирующих своеобразный внутренний монолог (Л. Р. Дускаева) и т. п. Анализ материала показывает, что метафорическое развертывание журналистских текстов встраивается в такие формы интеракции.

Так, в следующем текстовом фрагменте, представляющем интеракцию «Он — Я», развертыванием метафоры передается динамика развития социально-оценочных смыслов во взаимодействии смысловой позиции автора с «чужой» позицией «третьего лица»: *...приходится согласиться с обвинениями... украинских мыслителей, что Россия никак не может отказаться от роли «старшего брата».* В косвенной речи передается позиция «третьего лица», которая из-за использования двойного отрицания и введения ключевого элемента текстовой метафоры звучит упреком. Введение уже в чужую речь компонента текстовой метафоры открывает автору возможность высказать и обосновать возражение, развернув текстовую метафору: *Вся штука лишь в том, что «брат» этот — персона своеобразная. Он не то что не руководит своей нравной сестрицей, а, наоборот, холопствует перед ней. Потакает всем капризам, со смирением принимает все гадости, которые она сладострастно*

ему устраивает. Большой и неповоротливый, он только пыхтит и отдувается, когда она выставляет его дураком перед всем миром. А пуще всего боится публичного шума и скандалов. Все ждет, что «сестренка» вот-вот перебежится и заживут они на зависть всему свету. А пока можно прощать все — и воровство, и обман, и оскорбления. (Литер. газета. 14-20.02.01). Сферой — мишенью выступают в этом фрагменте текста отношения двух государств — России и Украины. Источник метафоризации — ‘неродственное поведение людей, находящихся в близких родственных отношениях’. Текстовая метафора разворачивается в двух цепочках лексем: первая — для характеристики поведения России, другая — Украины. Государства наделяются человеческими качествами, что позволяет иронично представить действия России (*брат — персона своеобразная; не руководит, холопствует, потекает, со смирением принимает, пыхтит, отдувается, боится, ждет, прощает*) и продемонстрировать, как кажется автору, весьма неродственное поведение Украины — «младшей сестрицы» (*своенравной, проявляющей капризы, сладострастно устраивающей гадости, выставляющей брата дураком, бесящейся, допускающей и воровство, и обман, и оскорбления*). Развертывание метафоры позволяет автору наглядно продемонстрировать свою оценку отношений между двумя странами.

Развертывание метафоры в журналистском тексте иногда вызывает образование особой надстройки, так сказать, «метафорического метатекста», с помощью которого читателю разъясняется динамика этого развертывания: *Тут, мне кажется, уместно будет вспомнить о разнице между охотой и рыбалкой. На охоте зверя нужно убить быстро, одним точным смертельным выстрелом, в идеале в глаз, чтобы не испортить шкуру. На рыбалке, наоборот, рыбу водят — водят по кругу, берут измором, то ослабляя натяжение, то сматывая леску, чтобы в конечном счете ее, обессиленную, бережно подхватить в сачок. Всё происходящее в Минске похоже либо на плохую охоту, либо на хорошую рыбалку... Но то, что наш президент скорее рыбак, чем охотник, внушает, как говорится на дипломатическом языке, **осторожный оптимизм*** (В. Левенталь, *Охота или рыбалка*. 12.02.2015. Известия). Важнейшие особенности метафорического метатекста: авторская самоманифестация в тексте местоимениями 1 лица (*мне, наши*) и передачей актов речемышления (*кажется, уместно вспомнить, похоже, внушает*), в том числе сравнения или сопоставления (*разница между, наоборот, похоже*).

Анализ журналистских текстов показывает, что, с одной стороны, в развертывании метафоры, как правило, отражается динамика познавательной деятельности автора, направленной на оценку социальных явлений и процессов, персон, чужих позиций. С другой стороны, использование метафоры помогает обосновать оценку, сделать изложение наглядным, вовлечь в словесную метафорическую игру читателя, устанавливая с ним прочный коммуникативный контакт.

Српски језик и језик масовних медија.**Социолошки аспект****Адела Зобеница**

Република

Универзитет у Новом Саду, Педагошки факултет у Сомбору (Србија)

Српски језик, језик масовних медија, социолошки аспект.

Summary. Serbian language and language of mass media. Sociological aspects. The paper presents a sociological determinants of mass media, and indicates the relationship changed reality that requires a change in language. Describe two general types of linguistic changes caused by mass media. Changes are happening in the Serbian language due to the need of forming new words to the appointment of new technology and because of the "new" information language.

Резиме: У раду се даје социолошка одредница масовних медија, те указује на везу промењене реалности која тражи промене у језику. Описују се две опште врсте језичких промена које изазивају масовни медији. Промене се дешавају и у српском језику како због потребе творбе нових речи за именовање нових технологија тако и због „новог“ информационог језика. Разматра се дилема преузимања речи из другог језика, односно творба нових речи и њихова оправданост. Надаље „нови“ информациони српски језик именујемо као онлајн језик и описујемо његове карактеристике. Рад завршавамо поруком да језички редукционизам „новог“ језика подрива општи ниво писмености популације.

Анализа мас медија као универзалних појава савремености и незаобилазних вредности свакодневног живота не може се сместити у поље једне научне дисциплине. Њима се баве комуниколози, социолози, психолози, лингвисти, политиколози и други. Средства масовне комуникације имају велику улогу у напуштању и промени вредности традиционалне културе стварајући нову, аудиовизуелну културу. Масовни медији су институције које задовољавају потребу друштва за јавном комуникациом у којој могу учествовати сви појединци у друштву. Масовни медији су истовремено комуникациони облици / производи, институције и културне формације [Коковић 2007]. Феномен ширења глобалне комуникације са свим софистицираним техникама захтева и праћење утицаја на писани и говорни језик. Информационе технологије су ушле у свакодневни живот појединаца, и то не на површинском термиолошком нивоу, него много дубље, на нивоу нужне писмености. Информационе технологије мењају свет, а овако промењен свет тражи и промењен језик. Промене се неминовно дешавају и у српском језику како због потребе формулисања нових речи за именовање нових технологија тако и због „новог“ информационог језика који је промењен и са много више могућности од оних које се уче у школи. Промене су се у српском, као и другим језицима, дешавале кроз историју и пре него што су средства масовне комуникације постала део наше свакодневице. Језичке промене су

током ранијих историјских периода биле постепене, трајале су вековима, а у нашем времену су оне брзе у квалитативном и квантитативном смислу. Развој материјалне културе мора да прати одговарајући развој језика. Утицај мас медија је у језику најочљивији у области лексике. Одређени народи у одређеним историјским периодима имају глобални утицај на материјалну културу који се нужно одражава и у језику. Тако неки језици постају лексички емитенти а други језички реципијенти. Ово су историјски токови који се могу схватити и као проблем „туђица“ (туђице — као координисане политике ширења економског, војног, политичког и културног утицаја у оквиру језичких политика) и као проблем српског језика. Преузимање речи из другог језика оправдано је када су стандардни начини стварања речи немогући, односно када у језику не постоји реч или израз која може да пренесе значење неке стране речи или када се процесом творбе речи не може створити нова реч у језику која ће адекватно да објасни неки нови, до тада непознат концепт. Српски језик има довољно префикса и суфикса, творбених елемената, за творбу нових речи, али се они не користе довољно. Преузимају се речи из страног (обично енглеског језика) не уважавајући стандард и правила пралагођавања гласовном систему и правопису српског језика. На пример, писање „компактдисц“ или „е-мајл“ су облици неприлагођени особинама српског језика, правилно је „компактдиск“ и „имејл“. Међународном комуникацијом данас у практично свим областима живота доминира енглески језик. Опште је мишљење да су сви језици на планети угрожени енглеским који јаким утицајем уноси посебне језичке термине. Компјутерска терминологија данас се још увек схвата као жаргон са проблемом да ли ова терминологија обогаћује или осиромашује језик. Задатак је социолингвиста и психолингвиста да проучавају и прате велике језичке промене чији је век врло непердвидив, понекад врло кратак (нове речи брзо нестану), или дуг, па нове речи постану део стандардног језика за свега неколико година. Посебно је занимљив језик онлајн комуникације, комуникације на интернету и мобилним телефонима. Овакав језик Дејвид Кристал [Crystal 2005] назива онлајн језиком сврставајући га у трећи медијум: писани, говорни и онлајн језик. Онлајн језик се посебно развио у енглеском језику, као матерњем језику нових технологија. Основне карактеристике у енглеском језику су скраћенице, честа употреба сленга као и емотикони. Наведене карактеристике показују се и у српском онлајн језику. Српски онлајн језик је склон ниском нивоу у избору речи, има одређени код и располаже одређеним речима и знаковима који ће на јасан и разумљив начин изразити садржај саме поруке. Овај језик пресликава друштвено понашање, речи губе морфолошку вредност и постају низ слова која формирају ново значење. Она често занемарује правопис и интерпункцију, једна од главних карактеристика је неформалност па у великој мери користи подкодове и маркиране облике у односу на стандард. Онлајн језик пише се са

укидањем размака између речи, честом употреба акронима, често се прибегава скупу графичких обмана за изражавање нијанси које су у говорном језику поверене прозодији или мимици. Користе се графичке могућности медија да би замениле и симулирале карактеристичне особине усмене комуникације (емотикони — који представљају изразе лица), честа је употреба оноματοпеја. Овакав ниво писмености подрива општи ниво писмености популације, стварајући псеудописменост јер интернет пошта и СМС поруке, у генерацијама које долазе, постаје најраширенији облик индивидуалне писане комуникације на српском језику. Нови језик је лингвистички редуccionизам који доводи до ампутирања кулурних, естетских, духовних и других димензија српског, али и других језика. Мишљење се у говору (и писању) развија и обогаћује, писао је Лав Виготски. Постоји ли нада да ће мишљење моћи да се кроз овакав вид говора и писања развија и обогаћује?

Литература

Виготски Л. Мишљење и говор. Београд: Просвета, 1977.

Crystal D. Language and the Internet. New York: Cambridge Univ. Press, 2005.

Коковић Д. Увод у социологију масовних медија. Нови Сад: Филозофски факултет, 2007.

Метафора как средство мифологизации в публицистическом дискурсе

Т. В. Калугина

Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Россия)

Метафора, информационная война, мифологизация, Мордор.

Summary. The article discusses the formation of metaphors *Mordor* and its impact on public consciousness.

В условиях информационной войны повышается активность манипулятивного использования образных средств языка, главным из которых является, на наш взгляд, метафора. Лежащие в ее основе когнитивные механизмы установления ассоциативных связей между предметами позволяют оказывать скрытое влияние на подсознание человека, так как являются очень древними и связаны с архетипами.

Цель статьи — проанализировать механизмы формирования метафоры *Мордор* и отождествления с ним России в текстах СМИ России и Украины. Именно этот образ наиболее информационно распиарен и опасен, что подтверждает история с переводом слова «Россия» как «Мордор» в «Гугл-переводчике». Можно ли считать такое совпадение случайным?

Хотелось бы для начала определить причины выбора данного образа. Он относится к мифопоэтическим и был создан Дж. Р. Р. Толкином в романе-эпосе «Властелин колец», опубликованном в 1954 г. В романе Мордор — это царство злого властителя Саурона, населенное орками.

Выбор данной метафоры, видимо, не случаен, так как она еще при создании использовалась в идеологической борьбе с Советским Союзом, несмотря на возражения автора. Позже эта метафора обрела вторую молодость в устах Валерии Новодворской и стала активно раскручиваться либеральной оппозицией.

Важнейшим фактором выбора метафоры является целевая аудитория, на которую рассчитано ее использование. Как известно, книга Дж. Р. Р. Толкина очень популярна среди поклонников жанра фэнтези, по ней снята кинотрилогия.

Кроме того, на ней построены еще и компьютерные игры, погружающие в виртуальную реальность, то есть образы «Властелина колец» имеют высокую частотность употребления. Понятно, что при их использовании закладывается программа самоидентификации не с темными силами, в которые включается Россия, а с некими «светлыми» силами, ведущими с ней борьбу и не имеющими четкой идентификации до какого-то момента в будущем.

Метафора может быть средством выражения идеи целой статьи. Например, в статье Л. Д. Бершидского под названием «Мордор-2013» [Бершидский] разворачивается целая система по отождествлению фантастических персонажей и ситуаций с реальностью: Путин — злой властелин Саурона, Навальный — эльфийский король Фелагунд, Украина — Шир, ее жители — добрые хоббиты, Россия — Мордор, ее жители — злые орки, Останкинская башня — башня Саурона. Реальностью становятся и вызываемые эмоции, и отношение к этим персонажам и их метафорическим двойникам. Через эмоции образ материализуется, предлагая реальный объект для ненависти.

Дополнительным средством создания негативного образа и влияния на подсознание читателя становится звуковое подобие «орки — урки». Орки боятся своего злого покровителя, но не могут покинуть службу. Иносказательно

проводится мысль о том, что сторонники официальной власти — уголовники, а дальше читатель как бы сам делает вывод — с ними надо бороться.

Помимо языковых средств, используется изобразительный ряд, который усиливает мрачное впечатление. В качестве иллюстрации к своей статье Л. Д. Бершидский выбрал кадр из фильма «Властелин колец».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что метафора манипулятивно используется в информационной войне против России. Целевая аудитория — российская молодежь. При этом метафора разворачивается на различных уровнях восприятия: от зрительных до звуковых и смысловых. Она многократно повторяется, усиливается, создавая искаженный мифический образ темной и злобной России.

При использовании мифопоэтического образа в информационной среде метафоре нечего противопоставить на официальном уровне информационного противодействия, так как она лежит вне этого поля в архаическом иррациональном подсознании.

Метафора позволяет спрятать истинные цели автора за красивым фасадом и ложно благородной целью. Создавая искаженную картину реальности, можно изменить сознание целого поколения и превратить его в слепое орудие по самоуничтожению.

Информационному сообществу России необходимо выработать способы противодействия манипуляции общественным сознанием. Один из таких путей — объяснение информационно-когнитивных механизмов, лежащих в основе манипуляции.

Литература

Бершидский Л. Д. Мордор-2013 // Журнал «Сноб» [<https://snob.ru/selected/entry/60043>] (Дата обращения: 11.01.2016).

Ситуация

как фактор жанровой обусловленности устного медиадискурса

Р. А. Каримова

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

*Коммуникативная ситуация и параметры устного дискурса;
факторы динамизма дискурса.*

Summary. The report regards the significance of the situation for genre characteristics of oral discourse.

Современные СМИ, прежде всего радио и телевидение весьма активно представляют сферу устного публичного общения, которая расширилась и дифференцировалась в связи с изменениями в общественном сознании. В этих медиа заметны появление и активизация новых жанровых разновидностей дискурса.

Согласно методологии науки подход к речевым произведениям не ограничивается включением их в сферу деятельности (по А. Н. Леонтьеву), но связан, с другой стороны, с проблематикой культурной и социальной идентичности и находится в гуманитарном русле [Беседа В. А. Лекторского и Л. Гараи 2015: 30], что в лингвистическом преломлении означает их освещение с когнитивно-функциональной позиции, направленность прежде всего на их типологическую отнесенность.

С этим коррелирует внимание социолингвистов к связи ролевых отношений коммуникантов со стилистической дифференциацией языка, стилистов, прослеживающих обусловленность структуры речевых жанров характером социокультурной деятельности индивидов [Беседа В. А. Лекторского и Л. Гараи 2015].

С целью выявить факторы организации дискурса как разновидности беседы остановимся на устном общении, представившем в «Главной роли» (14.10.2015) на телевизионном канале «Россия. Культура» в дни юбилея «Сатирикона» К. Райкина (№ 2) в диалоге телеведущим Юл. Макаровым (№ 1). Жанровая отнесенность данного дискурса обуславливается его целеустановкой — представить порождаемые в весьма динамической ситуации общения [Звегинцев 1996: 187] текущее культурное событие. При этом в качестве фоновых учитываем материалы бесед с К. Райкиным: Вл. Познера на «Первом канале» ТВ (31.10.2011) и Д. Спиридоновой в «Белой студии» канала «Россия. Культура» (2.11.2013), которые (беседы) как развернутые дискурсы значимы для представлений о сфере сознания коммуниканта (№ 2); в целом же данные вербализации являют гипердискурс.

Знание и понимание коммуниканта (№ 2) проявляется в его реакциях на представляемую тематику общения (и дискурса), отличающихся в общем содержательной полнотой, — о премьерах спектаклей двух режиссеров (Я. Ломгина и самого К. Райкина) и вызываемых каждой из них кругом вопросов:

- 1) о трактовке пьесы В. Шекспира в постановке Я. Ломгина;
- 2) о режиссерской работе самого К. Райкина с новой пьесой ирландца Макдонаха, раскрываемой в конситуации путем развернутого мнения об этом авторе К. Райкина, постановщика «Королевы красоты», теперь же — «Сиротливого Запада». Наконец, видную часть дискурса (диалога) занимает тема исполнительства (включая молодых участников спектаклей), освещаемая говорящим (№ 2) в связи с его постижением сути драматургии Макдонаха. Характерно, что названную тематику в дискурсе, в репликах № 2 отмечает насыщенностью смыслами.

Наблюдения над динамизмом данного диалогического дискурса показали, что представление говорящим № 2 (К. Райкиным) его знания (отличающегося событийной и тематической насыщенностью) неоднородно по способу вербализации — спонтанной / квазиспонтанной речи, что выявляется по просоди-

ческим показателям, далее — по реализациям грамматической основы коммуникации.

Ср. фрагменты дискурса:

- 1) ...я^T сам все-таки не полный хозяин^P... этой постановки... // это^T э в общем [жест] работа... мм Якова... Ломгина^P как режиссера... //; я^T доверил ему... вот... сделать... так сказать такую ^Pпопытку... рискованную конечно..., но очень интересную //;
- 2) ...он^T [Макдонах] вообще написал семь ^Pпьес...мм // у^T него такой ирландский^P цикл... / это^T ирландская ^Pтрилогия — грандиозный... // три [жест] просто ^Pвеликих пьесы он^T написал // ...первая / вторая и третья // первая^T это была пьеса ээ / вот... «Красавицы^P из Линейна» / или «Королева^P красоты» / как она у нас называлась // это^T вообще первая^P пьеса / с которой он прогремел по всему миру // ээ да / он^T жесткий^P драматург / жесткий эмм / заставляющий зрителя смеяться над тем / над чем смеяться не принято // вот в чем / так сказать / я думаю / наибольшая сложность //.

Первый фрагмент (о постановке шекспировской пьесы режиссером Я. Ломгиным) отмечен дистанцированностью говорящего от референта, являя дискурс с характерными знаками спонтанности.

Напротив, с переходом говорящего к тематике, близкой его когнитивно-эмоциональной сфере и соответствующему опыту (т. е. со сменой референта), это представляется вербально со значительным участием средств рассуждения / умозаключения, данная вербализация осуществляется посредством квазиспонтанной речи [Златоустова 2005: 42].

Приведенные фрагменты различаются, во-первых, просодически: степенью синтагматической, фразовой членимости, насыщенности паузами и их видами, мелодическим оформлением, по представленности дискурсивных слов и элементов генерализации (в общем, вообще); далее — в семантико-грамматическом отношении (в частности, по характеру семантического поля текста, по оценочной лексике, а также по видам синтаксических моделей, их реализаций, степени осложненности высказываний).

Литература

- Беседа В. А. Лекторского и Л. Гараи. О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего в них недостает // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 25–37.
- Звегинцев В. А. Язык и ситуация // Мысли о лингвистике. МГУ, 1996.
- Златоустова Л. В. Изменение моделей русского фонетического слова в квазиспонтанных текстах ораторского функционального стиля // Тр. Междунар. конференции «Функциональные стили звучащей речи». М., 2005. С. 41–43.
- Салимовский В. А. Речевой жанр в его отношении к сфере деятельности // Русский язык сегодня. Вып. 6. Речевые жанры современного общения. Сборник докладов междунар. конф. М.: Флинта, 2015. С. 293–302.

Поликодовый печатный текст: авторы и создатели**В. И. Коньков**

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Автор, печатный текст, поликодовый текст, рукопись, фотоизображение.

Summary. Text of summary. The basis of the printed text is a manuscript — linear text. Printed text is created on the basis of several sign systems and is the product of collective creativity.

Будем называть печатным текст, опубликованный на газетной полосе, в журнале; текст, опубликованный в виде книги, рекламного буклета, листовки и т. п. Опубликовать — значит предать гласности, довести до всеобщего сведения.

Печатному тексту противопоставлен автограф, подлинная авторская рукопись. Текст, имеющий статус рукописи, может быть как написан от руки, так и напечатан на пишущей машинке или набран на компьютере. В современном понимании автограф, или рукопись, — это текст, выполненный самим автором, независимо от того, какие технические средства при этом использовались. Рукопись является основой для создания печатного текста, но сама при этом как текст не предназначена для предания гласности, не предназначена для доведения до всеобщего сведения.

Рукопись характеризуется тем, что здесь доминирует линейный принцип расположения речевого материала и используется, как правило, одна знаковая система — вербальная. Автограф-рукопись при создании печатного варианта имеет статус монокодового линейного текста.

Разумеется, можно указать на многочисленные рукописи известных произведений классиков русской литературы, на страницах которых писателями делались многочисленные рисунки, не лишенные подчас художественной ценности. Однако следует иметь в виду, что эти рисунки не являлись частью текста художественного произведения. Их соседство с вербальным текстом носит внешний характер, они не являются частью структуры художественного текста. Данные рисунки могут быть воспроизведены при опубликовании самой рукописи как артефакта эпохи, как документа.

Точно так же можно указать и на тот факт, что некоторые рукописи изначально имели поликодовый характер, потому что само произведение уже замысливалось как сочетание слова и изображения. В качестве примера можно привести публикации В. Пескова из цикла «Окно в природу», где текст состоял из вербального компонента и фотографии. Но при этом надо отметить, что сам вербальный компонент в такой рукописи представал монокодовым линейным образованием — последовательностью слов, практически полностью лишенной средств позиционирования данного текста, которые появляются только на стадии опубликования.

Что касается опубликованного печатного текста, то он, в отличие от рукописи, изначально носит поликодовый характер. Это объясняется тем, что

здесь неизбежно совмещаются линейный и плоскостной принцип расположения речевого материала: как особые знаковые системы используются шрифт, приемы членения и расположения речевого материала в плоскости газетной полосы.

Поликодовый характер печатного текста в значительной степени обусловлен тем, что печатный текст, как текст опубликованный, оправдывает смысл своего существования, если востребован читателем. Именно по этой причине создается целая система позиционирования текста, задача которой — установить контакт с читателем, вызвать у читателя интерес к данному тексту и желание его прочесть, облегчить при этом сам процесс чтения.

Так, например, система позиционирования медиатекста включает в себя не только приемы верстки, выбор шрифта. Элементами системы позиционирования являются название газетной полосы, рубрика, заголовок и подзаголовок, внутренние заголовки, различного рода врезки, фамилия автора, многочисленные невербальные изобразительные компоненты, развитая инфографика.

С точки зрения назначения вся система позиционирования печатного текста выполняет метатекстовую функцию, это невербальный аналог метатекста.

Таким образом, можно утверждать, что газетный печатный текст имеет по меньшей мере двух создателей. Первый — автор рукописи, второй — это создатель системы позиционирования текста. В случае медиатекста система позиционирования текста носит по отношению к содержанию текста внешний характер и практически не влияет на смысл, сформированный автором в рукописи.

Печатный медиатекст может легко переходят из одной коммуникативной среды в другую, уменьшая степень поликодовости или утрачивая ее, но первоначальный смысл автографа при этом не теряется. В качестве примера можно указать на ситуацию, когда печатный медиатекст трансформируется в вордовый файл при размещении на каком-либо сайте.

В то же время в некоторых случаях элементы невербальных знаковых систем печатного текста могут вступать в совершенно иные, гораздо более сложные, отношения с автографом.

В 2013 году Культурно-просветительским центром «Булгаковский дом» был издан роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с фотоиллюстрациями Е. Мартынюк. Автор поставила перед собой цель переложить некоторые сцены из «Мастера и Маргариты» на язык фотографии. Очевидно, что основу печатного текста (книги) составляет рукопись автора. Однако читателю в дополнение к вербальному тексту рукописи представлен параллельный текст, созданный на основе другой знаковой системы: образы персонажей создаются на основе не словесного, а фотографического изображения. Данный визуальный текст, очевидно, несамостоятелен. Если бы не существовал роман, то невозможен был бы и параллельный, сопровождающий его видеоряд. Если гово-

речь о его функциональном назначении, то перед нами комментарий к булгаковскому тексту, истолкование образов романа, который фотографом прочитан и, следовательно, по М. Бахтину, переведен в статус произведения.

Семантический статус такого видеоряда нам представляется многофункциональным.

В известной степени для читателя, читавшего роман фотографии представляют собой полноценный текст. С одной стороны, на основе визуального изображения формируются знаки с предметной семантикой, которые в контексте произведения одновременно получают в книге и событийное прочтение. С другой стороны, ярко выражены значения субъективно-модального и оценочного типа, на что указывает наличие у фотографа ярко выраженной творческой индивидуальной манеры.

Таким образом, у данного печатного текста три создателя. Первый — автор рукописи. Второй — автор фотоиллюстраций. Третий — тот, кто оформлял расположение вербального текста в плоскости страницы, выбирал шрифт и т. д.

Украинские вкрапления в русских медиатекстах как прием создания антиимиджа Украины

О. В. Красовская

Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко

Медиатекст, антиимидж, «чужое слово», украинское вкрапление.

Summary. The way of formation of Ukraine's antiimage based on the use of Ukrainian inclusions in Russian mediatexts from the information confrontation between Russia and Ukraine is considered. It is ironic refutation (in different tonalities) of established positive statements about the Ukrainian reality hidden behind Ukrainisms that belong to the first persons of Ukraine. Indirect refutation of Ukrainian politicians' slogans is created by the description of negative facts from Ukrainian society' life, that demonstrate the gap between political statements and reality.

Агональность политического дискурса обостряется в ходе информационных войн (ИВ) между государствами-оппонентами.

Представленные в докладе наблюдения основаны на анализе медиатекстов, продуцируемых участниками сегодняшнего информационного конфликта между Россией и Украиной. В этом информационном противостоянии с Россией солидаризуются образованные в результате украинского кризиса Луганская и Донецкая Народные Республики (ЛНР, ДНР).

На реализацию базовых стратегий речевого воздействия (повышения себя и понижения оппонента), которые также составляют основу формирования политических имиджей и антиимиджей, направлено использование самых разнообразных тактик и языковых средств. Прежде всего это несущие заряд конфликтности приемы противопоставления, поляризации политических оппонентов: *Тарифы на отопление и горячую воду в ЛНР гораздо ниже, чем в Украине*

(lug-info.com, 07.09.2015). Ср. аналогичным образом оформленный прогноз — создание «светлого будущего» для себя и «темного будущего» для оппонента [Руженцева 2004]: *Украина будет богатеть, а на Донбассе будет хуже и хуже* (politnavigator.net, 12.12.2015).

Каждый дискурс обогащает набор реализаций этих стратегий. Лингвисты справедливо отмечают, что в полемической среде активизируется взаимодействие «своего» и «чужого».

Распространенным приемом создания антиимиджа Украины в нашем материале является использование украинских вкраплений «в оппозиционных коммуникативных целях» [Арутюнова 1992]. Прием состоит в ироническом опровержении (разных тональностей) скрывающихся за украинизмами широко известных позитивных утверждений, принадлежащих первым лицам Украины, об украинской действительности.

В качестве инкрустируемых украинских лексем в русских текстах часто используются ключевые слова современной киевской риторики *здобули* (при передаче на письме русскими буквами: *здобулы*; рус. *приобрели*) и *перемога* (рус. *победа*). Приведем контексты, в которых эти лексемы становятся предметом критической рефлексии, развенчивающей демагогические заявления украинских политиков: *Есть такое популярное украинское слово — «здобулы». Корректно перевести его на русский язык непросто. Однокоренное существительное «здобутки» переводится как «достижения». Но вот сам глагол — это не столько «достигли», сколько «добились»... Поэтому и слышится в дружном возгласе «мы здобулы» отзвук дележа казацких ватаг. Одним словом, «здобулы» — это что-то такое, чего достигли, заплатив за это немалую цену в бою.*

Итак, чего же они, украинцы, «здобулы», заплатив своими жизнями за то, чтобы вместо Виктора Януковича в президентском кресле оказался министр экономики в правительстве этого самого Януковича и кум предыдущего президента Виктора Ющенко (novorossy.ru, 18.09.2014);

Вот чего у сторонников майдана не отнять, так это способности видеть перемогу везде, даже там, где ее, казалось бы, не может быть совсем; Это даже не оптимизм, это уже просто жизнь в какой-то другой реальности, в которой перемога становится аксиомой; Кругом либо перемоги, либо временные трудности, которые все равно ведут к перемоге, неизбежной и большой (samlib.ru, 20.02.2015).

Косвенное опровержение лозунгов украинских политиков создается описанием негативных фактов из жизни украинского общества, которые демонстрируют разрыв между политическими заявлениями и реальностью. Помещенные в негативный контекст украинизмы приобретают пародийное звучание. Ср. следующие примеры: *«Здобули»: доходы украинцев упали почти на четверть* (www.vitrenko.org, 02.07.2015); *Воны здобулы: майдан обрек пациен-*

тов киевских больниц на смерть (antifashist.com, 13.11.2014); *Перемога: Рост цен на Украине установил 22-летний рекорд* (rusvesna.su, 07.01.2016).

Использование «чужого слова» с полемической целью, как правило, сопровождается его переосмыслением, употреблением в противоположном значении: которое в следующих примерах становится эксплицитным: *Перемоги Украины, которые ведут к поражению* (www.news.li, 02.01.2016); *До Порошенка наконец-то дошло: в Дебальцево был разгром, а вовсе не «перемога»* (pandoraopen.ru, 04.03.2015).

Полемичность дискурса усиливается при вопросительном использовании украинских вкраплений. Цитатные вопросы эквивалентны отрицательному утверждению: *Здобули? Украина взяла обязательства перед МВФ сократить количество школ* (www.politforums.net, 12.03.2015); *Мы «здобули»? Эксперт о самой бедной европейской стране* (strana404.info, 24.10.2015).

Итак, использование украинских вкраплений в русских медиатекстах, принадлежащих дискурсу ИВ, представляет собой прием сообщения тексту коннотации обличения.

Развенчание политической риторики киевских политиков, пародийное представление украинской патетики через имплицитное опровержение стоящих за украинизмами лозунгов, безусловно, подрывают имидж Украины, выступая средством создания ее антиимиджа.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т. В. Булыгина. М., 1992.
- Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
- Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004.

Об особенностях некоторых текстообразующих признаков в письменной разговорной речи

Е. И. Литневская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Письменная разговорная речь, когезия, когерентность.

Summary. Cohesion and coherence as the text forming features have specific realization in written colloquial speech.

В теории текста, оформившейся во второй половине XX века в самостоятельную лингвистическую дисциплину, большое внимание уделяется выделению признаков, делающих совокупность знаков текстом. В традиции рассмотрения «от формы» существенным параметром текста становится его формальная связность (когезия), при подходе же «от содержания» на первый план выходит его осмысленность (когерентность). Однако в большинстве классифика-

ций формальные и содержательные текстовые признаки объединены, при этом понятия когезии и когерентности далеко не всегда четко осмыслены и разграничены и нечасто используются в русистике, несмотря на их распространенность в западных работах. Так, Л. Е. Гриневская, О. В. Зимина и В. Б. Киселева употребляют эти термины синонимично: «Понятие когезии (когерентности) имеет широкое трактование и представляет собой соотнесенность составляющих текст компонентов» [Гриневская, Зимина, Киселева 2006: 39]. Мы же — вслед за западной традицией — исходим на важности разграничения этих понятий.

Началом привлечения внимания к когезии текста принято считать труд «Когезия в английском языке» («Cohesion in English», 1976) М. А. К. Халлидея и Р. Хассан (здесь и далее перевод наш. — *Е. Л.*). Когезия в их работе понимается как совокупность поддающихся описанию лингвистических механизмов, обеспечивающих связь между высказываниями. Халлидей и Хасан выделяют пять основных механизмов когезии: 1) референция (анафора и катафора), 2) эллипсис (опущение слов вместо их повторения), 3) субституция (замена слов вместо их повторения), 4) лексическая когезия (повторение лексических элементов, обеспечивающее связь между предложениями), 5) использование коннекторов для установления логических и временных связей между высказываниями [Halliday, Hasan 1976: 27]. Халлидей и Хасан утверждают, что когезия является единственным источником целостности, когерентности («фактуры») текста, фактически отождествляя два понятия.

Однако в дискуссии о текстообразующих признаках такие лингвисты, как Дж. Морган, М. Селлн, П. Карелл ([Morgan, Sellne 1980]; [Carell 1982]), разводят понятия когезии и когерентности, полагая, что связи между элементами текста не обязательно должны быть эксплицитно выражены, чтобы текст мог считаться когерентным. К. Нутталл справедливо отмечает, что «мысленная обработка текста — процесс, во время которого взаимодействуют текст и изначальные фоновые знания <...> слушателя или читателя» [Nuttall 1982: 15–17].

Справедливость этой точки зрения наиболее ярко видна при рассмотрении текстов разговорной речи.

Известно, что еще в конце 60-х годов XX века при исследовании устной разговорной речи в русистике была отмечена высокая роль конситуативности (конкретной ситуации данного коммуникативного акта) и общности апперцепционной базы (общих предварительных сведений и опыта коммуникантов) [Земская 1968: 98]. Е. А. Земская постулирует необходимость изучения РР «на фоне целостного коммуникативного акта, формируемого несколькими (не только вербальными!) семиотическими системами» [Земская 2004: 292]. При устной разговорной коммуникации «вербальный ряд активно взаимодействует с предметным, жесто-мимическим и акциональным» [Китайгородская, Розанова 2010: 210–211]. Приводимые в работах по коллоквиалистике примеры пока-

зывают, что акциональная конситуация значительно снижает роль когезии в текстах разговорной речи, однако при этом текст остается осмысленным и понятным собеседникам, т. е. когерентным.

Обратимся к письменной разговорной речи (обоснование ее выделения см., например, в [Литневская 2011]). Ее отличительным признаком также является конситуативность, однако это конситуативность не акциональная, а семиотическая: без учета технических особенностей коммуникативной площадки, на которой текст создается и отображается, текст часто кажется бес-связным.

В качестве примера приведем фрагмент переписки в скайпе А и Б, матери (около 50 лет, образование высшее) и дочери (24 года, образование высшее), находящихся в разных городах, но ежедневно поддерживающих контакт.

[22:00:45] А: *привет) ты как?*

[22:01:04] А: *у нас выпал снег*

[22:01:34] А: *сегодня весь день (!) показывают подряд Игры престолов, прикинь*

[22:02:21] А: *Зайцев прибился. Он, оказывается, всего Мартина прочитал и теперь ищет (и, понятное дело, находит) несоответствия*

[22:02:30] А: *но смотрит с удовольствием*

[22:03:34] А: *олииииик*

[23:39:37] Б: *хехе, ура) ему должно быть интересно, потому что последний сезон уже не по книгам*

[23:39:48] Б: *янасмеме*

[23:39:54] А: *говорит, что по книгам*

[23:39:59] Б: *опять не обновила клавиатуру*

[23:40:06] А: *что на этом и заканчивается*

[23:40:14] А: *может, ты не дочитала?*

[23:40:16] Б: *так что пр зодится тыкать буквы по одной*

[23:40:57] А: *посмотрела у вас погоду, на неделе обещают до 18 градусов*

[23:41:07] Б: *Я не дочтала, но уверена, что по некоторым сюжетным лин ям сериал ужн перегнал ктгги*

[23:41:23] Б: *мне лень исправлчб печати*

[23:41:31] А: *хорошо*

[23:41:36] А: *пойду наверх*

[23:41:38] А: *пока)*

[23:41:39] Б: *Да ну? Днем был ноль*

[23:41:58] Б: *пока*

Как мы видим, сначала А пишет «впрок», набирая текст на клавиатуре компьютера, поэтому начальный фрагмент, во-первых, представляет собой от-носительно связное повествование, и, во-вторых, не содержит опечаток. Б вы-

ходит на связь только через полтора часа. При этом Б пишет на клавиатуре телефона и явно занята (*янасме* = *я на смене*). Эти обстоятельства влекут за собой множество опечаток, характерных для использования клавиатуры *qwerty*, а также такой порядок, при котором часть реплик является ответной реакцией на помещенные значительно выше реплики-стимулы, а часть описывает текущие события. Когезные связи в тексте прослеживаются весьма слабо, однако текст для собеседников абсолютно когерентен.

Иной способ осмысления текста требуется при прочтении веток комментариев (каментов), третий — при чтении текстовых трансляций. Без преувеличения можно сказать, что семиотическая конситуативность является таким же универсальным свойством письменной разговорной речи, как и акциональная конситуативность текстов устной разговорной речи.

Литература

- Гринева Л. Е., Зимица О. В., Киселева В. Б. Текст как доминирующая единица перевода // Лингводидактические аспекты перевода в процессе подготовки переводчиков. Материалы международного научно-практического семинара 15 ноября 2005 года. Иркутск, 2006.
- Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976.
- Morgan J. L., Sellne M. B. Discourse and linguistic theory // Spiro R. J., Bertram B. C. and Brewer W. F. (eds). Theoretical issues in reading comprehension. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1980.
- Carell P. Cohesion is Not Coherence // TESOL Quarterly. 16. 4. 1982. P. 479–488.
- Nuttall C. Teaching Reading Skills in a Foreign Language // Practical Language Teaching. 9. London: Heinemann Educational Books, 1982.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь (Прспект). М.: ИРЯ РАН, 1968.
- Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Литневская Е. И. Письменные формы русской разговорной речи (К постановке проблемы): Монография. М.: МАКС Пресс, 2011.

Прагматические функции газетного заголовка

Т. С. Моница

Новый гуманитарный институт (г. Электросталь, Московская область, Россия)

Прагматика, функция, газетный заголовок.

Summary. The article discusses the pragmatic features of a newspaper headline from the point of targeting of utterance. Factors that form the functional specificity of the headline may include a psychological model of advertising exposure AIDA (Attention, Interest, Desire, Action), proposed by E. Lewis. Along with informative function in the contemporary press headline activates attraction, meditation, axiological and imperative functions.

Очевидно, что средствам массовой информации во все времена присуща идеологическая установка (версия социальной действительности, представленная печатным органом «пресуппозитивно принимается адресатом на веру

из-за недостаточного личного опыта и авторитетного статуса источника информации» [Жуков 2002: 4], в условиях современного информационного пространства специфика воздействующего фактора приобретает новые черты. Сообщение актуальной информации в конечном итоге реализует цель информационного воздействия журналиста на массовую аудиторию. Таким образом, представляется оправданным заключить, что современный газетный дискурс отмечен манипулятивно-ориентирующим способом подачи информации. Учитывая все возрастающее прагматическое значение заголовка, представляется очень важным исследование психолингвистических особенностей восприятия заголовка. Учет позиции реципиента при исследовании заголовка помогает вскрыть механизмы создания заголовка. Выступая в качестве предтекста, заголовки в современной газете должны обеспечивать прагматические эффекты разных типов. Основные прагматические функции заголовка коррелируют с известной американской моделью рекламного воздействия AIDA, предложенную Э. Левисом, АИДА — это акроним от английского AIDA — Attention, Interest, Desire, Action — *внимание, интерес, желание, действие*, которые являются номинациями основных ступеней коммуникативного диалога между рекламой и потребителем [Крыловский К., 2006]. Область применения данной технологии давно вышла далеко за рамки непосредственных продаж и охватывает широкий спектр межличностных коммуникаций. Динамику восприятия газетного заголовка, на наш взгляд, можно описать, опираясь на структурное представление этой модели.

Основываясь на модели рекламного воздействия, структурируем процесс восприятия читателем газетного заголовка на четыре этапа. Первым этапом восприятия заголовка является аттракция — привлечение непроизвольного внимания читателя к форме заголовка. Возникновение непроизвольного внимания может быть вызвано особенностью воздействующего раздражителя (объективными факторами), а также обуславливаться соответствием этих раздражителей прошлому опыту или психическому состоянию человека (субъективными факторами). К объективным факторам относятся факторы неожиданности, новизны, силы, динамичности раздражителя. К субъективным факторам относятся интеллектуальные, эстетические и моральные чувства (удивление, восхищение, восторг и т. п.), которые могут быть вызваны насыщенными цветами, мелодичными звуками, запахами и т. д. [Тихомиров 1984: 7–10]. Непроизвольное сосредоточение внимания на газетном заголовке формируется одновременно необычностью его видеоформы и новизной его семантической структуры.

На втором этапе восприятия непроизвольное внимание к заголовку сменяется произвольным. Физиологическим механизмом произвольного внимания служит очаг оптимального возбуждения в коре мозга, поддерживаемый сигналами

лами, идущими от второй сигнальной системы. Психологической особенностью произвольного внимания является сопровождение его переживанием большего или меньшего волевого усилия, напряжения, нередко вызывающего утомление. Отличительным свойством произвольного внимания является устойчивость, т. е. длительность, в течение которой сохраняется на одном уровне концентрация внимания.

Третий этап восприятия характеризуется нацеленностью адресата на выявление соотносительности объективного и субъективного компонентов в информации, на определение отношения к информации. Стратегия чтения элементов заголовочной подсистемы такова. После того, как заголовки распознаются читателем в качестве таковых в коммуникативной модели «Я читаю газету», у него активизируются знания о той функции, которую выполняют заголовочные элементы: диктумной или модусной. В случае если перед ним заголовки диктумного характера — сообщение сведений, имеющих высокую познавательную характеристику, приведение фактов, статистических сведений, различного рода прогнозов и проектов, он извлекает из памяти типовые модели (сценариев, по Т. А. ван Дейку). Фоновые знания (время, место, интересы, цели), оживленные названием текста, позволяет читателю принять решение «Мне (не) интересен этот текст», а значит, обратиться или нет к его прочтению.

Четвертый, завершающий этап — побуждение коммуникативного адресата к чтению самой статьи. Оно возможно только в том случае, когда читатель уверен, что заявленная в заголовке информация ему нужна. Чтобы читатель обратился к чтению статьи, журналисты часто применяют воздействие на так называемый инстинкт любознательности, отнесенным Уильямом Мак-Дугаллом — англо-американским психологом, основателем гормической психологии — к основным человеческим инстинктам.

На каждом этапе восприятия к информативной функции заголовка добавляются, соответственно каждому этапу, прагматические функции: аттрактивная, медитативная, аксиологическая и императивная. Такая организация механизма восприятия показывает, что уже на первом, прогнозирующем, этапе читатель способен определиться в дальнейших действиях: ограничиться информацией, представленной заголовком или обратиться дополнительно к информации, заключенной в дискурсе.

Литература

- Жуков И. В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998–2000 гг.: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002.
- Крыловский К. Психология рекламы. СПб.: Изд-во ПИТЕР, 2006 [http://www.ideaura.com/psychology/aida_advertising_influence_mechanism.php].
- Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: МГУ, 1984.

Манипулятивные стратегии и тактики политического дискурса**Т. И. Никишина**

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

Политический дискурс, стратегия, тактика, манипуляция.

Summary. The article analyzes the manipulative strategies and tactics of political discourse as a complex linguistic activities aimed at achieving communicative goals.

Политический дискурс — это совокупность политических дискурсов социума: дискурса власти, контрдискурс, публичной риторики, которые закрепляют сложившуюся систему общественных отношений, дестабилизируя ее. Интерпретируя целостность политического дискурса, нельзя ограничиваться только языковыми моментами, иначе суть и цель его останутся незамеченными. Понимание политического дискурса как динамического процесса речевой деятельности предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и популярных логических переходов, существующих в конкретную эпоху, а знания стратегий и тактик поможет лучше определить приоритеты и истинные намерения в речи политического деятеля.

О. Готта утверждает, что завоевание и удержание симпатии электората, его привязанности, доверия, поддержки — главная задача политического деятеля, которая очень часто решается при помощи противоположных рациональному и логическому доказательств. Коммуникативную стратегию исследовательница понимает как план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, при которых происходит акт коммуникации и которые, в свою очередь, вызывают не только внешнюю и внутреннюю структуру политических текстов, но и использование определенных языковых средств [Готта 2008: 8].

В работе Е. Сагайдачной «Манипуляция в политическом дискурсе» охарактеризовано и приведены примеры каждого из видов политической стратегии, а именно: идентификационные формулы (широко применяемые обороты, при помощи которых адресат пытается идентифицировать, отождествлять себя с партией, вызвать ощущение причастности, общности, коалиции и др.); употребление слов-эпистемиков (слова с общим значением «знать», «понимать»: как известно, как мы все знаем, нет сомнения в том, что и др.); представление субъективного мнения как объективного факта или истины, не требует доказательств, в форме категорического суждения; ссылка на авторитет (авторитетная, известная или просто уважаемая личность предлагает свое видение проблемы); выражение уверенности говорящего в согласии адресата; «похвала» адресату (завоевание расположения аудитории средством воспроизведения полного захвата и похвалы в адрес слушателя, особенно в условиях массовой аудитории); риторический вопрос (с помощью бессмысленных вопросов, ответы на которые вполне очевидны, говорящий пытается подчеркнуть значимость и подлинность собственных идей); риторическая фигура (внедрение в текст

мысленной речи оппонента, которая должна раскрыть его истинные мысли и интересы); «редукция комплексности» (согласно Н. Луману, человек не может охватить весь спектр вопросов, невозможно, «чтобы все занимались всем». Поэтому каждая подсистема (политика, право и др.) позволяет провести секторный анализ и тем самым упрощает «свою часть комплексности»); риторические стратегии идеологических текстов («стратегия мобилизации» и «стратегия демобилизации» общественного мнения) [Сагайдачная 2007: 121].

О. Петров выделил несколько стратегий, которые широко применяются в политической коммуникации, а именно: «программная» стратегия (в основе такого подхода гипертрофированна роль программных основ и документов партии или блока, при этом подчеркивая, что каждый избиратель должен ознакомиться с содержанием программ различных партий и выбрать из предложенных приемлемую для него); «аппаратная» стратегия (использование в ходе ее организации различных средств (например, СМИ) и технологий, направленных на то, чтобы в процессе выборов использовать ресурсы «руководства»); «проблемная» стратегия (выбор нескольких важнейших для электората проблем, которые кандидат или партия предлагают тем или иным способом решить); «социально-экономическая» стратегия (ориентация на исключительно экономические интересы различных групп избирателей); «рекламная» стратегия (создание положительного имиджа кандидата, который затем «продвигается» в среду избирателей); «лидерская» стратегия (избиратели имеют некоторое представление о той совокупности политических, деловых, личных качеств, которыми должен обладать определенный политик); «адресная (дифференцированная)» стратегия (определение на основе проведения глубоких социологических исследований групп избирателей по разным критериям — региональным, образовательным, возрастным, психографическим, согласно моделями электорального поведения и т. д. с последующим обработкой стратегии) [Петров 2006: 21].

Е. Шейгал [Шейгал 2000] выделяет в политическом дискурсе такие виды стратегий:

- 1) стратегия завуалированности, затушевывания нежелательной информации (позволяет погасить, сделать менее очевидными неприятные факты);
- 2) стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение);
- 3) стратегия анонимности (деперсонализации) как прием снятия ответственности).

Исходя из вышесказанного, отметим факт актуальности манипуляции сознанием в политической борьбе. Из функций, которые выполняет политический дискурс, формируются стратегии политического дискурса как средства и способы осуществления определенных задач, которые ставит перед собой политический деятель. Мы привели примеры наиболее употребляемых приемов,

которые характеризуются манипулятивным воздействием на реципиента в письменном и устном вариантах дискурса. Также констатируем, что в подходе в сочетании этих составляющих создается мощное оружие продуманных схем коммуникаций, происходит влияние политиков на поведение людей, раскрытия запланированных целей и создания иллюзии так, что реципиент сам делает навязывание выводы.

Литература

- Готта О. М. Прагматика функционирования ключевых концептов в риторике датских политических партий: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Петров О. Стратегії політичних сил на парламентських виборах 2006 року // Політичний менеджмент (український науковий журнал / Голов. ред. Ю. Ж. Шайгородський). 2006. № 1. С. 18–26.
- Сагайдачная Е. Н. Манипуляция в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2007. № 22. С. 121–126.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дисс. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2000.

Номинация должности и рода занятия лица в современном российском медиатексте

Т. Г. Рошкетаяева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Номинация, должность, вариант, медиатекст.

Summary. The report presents an analysis of variant forms of position's nomination, the method of formation and stylistic functions of this nomination in modern Russian media text.

1. В современном российском медиатексте в номинации лица указывается имя, отчество, фамилия и должность, которую занимает человек. Данный тип номинации используется для персонификации субъекта медиатекста, например, эксперта, слова которого приводит автор. В современном медиатексте используются формы трехчленной антропонимической номинации (имя, отчество, фамилия) и их варианты, когда дается, например, только имя и фамилия. Номинация должности относится к номинации группы однозначных слов, то есть таких слов, которые соотносятся только с одним объектом действительности и которые не определяются контекстом. В речевой структуре медиатекста указание должности позволяет определить полномочия и обязанности лица в сфере трудовых отношений. В современном российском медиатексте номинация должности обычно состоит из многокомпонентного словосочетания.

2. Помимо официального наименования должности в современном медиатексте указывается и род занятия лица. Данный тип номинации можно отнести к вариантной номинации лица, определяющей род занятия, которое не связано с регламентацией трудовой деятельности человека.

3. В номинации лица по роду занятия используются имена существительные, которые образуют группу слов, обозначающих личностные предпочтения

людей в сфере общественных и социальных отношений. Данные предпочтения не связаны с трудовыми функциями человека и не содержат квалификационных характеристик должности.

4. В современном медиатексте наблюдается тенденция включения в номинацию должности лица индивидуализирующего компонента, который обычно выражен именем прилагательным. Использование индивидуализирующего компонента в номинации должности, профессии, рода занятия лица позволяет автору медиатекста выразить оценочное отношение к человеку, фамилия которого указывается в высказывании. Данный тип номинации можно отнести к вариантной номинации должности и рода занятия лица.

5. Анализ вариантных номинаций должности и рода занятия лица, используемых в современном российском медиатексте, позволяет сделать вывод, что данные вариантные номинации относятся к средствам оценочности, которые характерны для разговорной речи.

6. При изучении языка средств массовой информации на занятиях по русскому языку как иностранному необходимо объяснять учащимся способы образования вариантной номинации должности и рода занятия лица, так как это поможет иностранным студентам понять семантико-синтаксическую структуру данной номинации и позволит выявить особенности функционирования номинации должности и рода занятия лица в современном российском тексте.

Тексты СМИ, культура речи и общий жаргон

Т.В. Чернышова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Медиатекст, стилистический узус, общий жаргон, нормативность, узуальность.

Summary. In the report based on the data of "the Russian National Corpus", was raised the problem of acceptable use of the not standard lexicon and slang in the field of media information in aspect of linguistic, sociolinguistic and pragmatic characteristics of media texts.

Проблема выбора языковых средств нелитературных сфер языка для использования их в текстах (в том числе и текстах СМИ), явно претендующих на статус литературных, была поставлена в начале XXI века в статье Е. Н. Ширяева «Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках [Ширяев 2000: 13–21]. Отмечая, что такие средства используются сейчас в самых разных жанрах, ученый задает вопрос: «Где границы того, что можно и что нельзя?», а также поясняет, что задача лингвиста состоит не в том, «чтобы присоединиться к какому-то запретам или, наоборот, отвергнуть их», а в том, чтобы дать объективные характеристики нелитературных компонентов, которые смогут способствовать проведению по отношению ним обоснованной языковой политики [Ширяев 2000: 19].

На наш взгляд, еще более остро проблема использования ненормативных языковых единиц в СМИ и повседневном общении раскрывается в исследова-

нии Л. П. Крысина. Так, исследователь акцентирует внимание читателя на широком распространении разговорно-просторечных и профессионально-маркированных языковых элементов, проникающих в литературный язык из речи чиновников, например: *озадачить* (в значении 'поставить перед кем-нибудь какую-либо задачу'), *подвижка*, *наработки*, *конкретика* [Крысин 2000: 34–35]. Сюда же, видимо, следует отнести глагол *озвучить*, широко распространившееся в настоящее время как в обиходной речи, так и в СМИ в значении, которое с пометой «разговорное» дает поисковый набор в Google: «Сообщить, сделать общим достоянием», например: *озвучить решение кабинета министров* и др. По данным «Национального корпуса русского языка» (газетный корпус) [НКРЯ: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%E7%E2%F3%F7%E8%F2%FC&mode=paper (дата обращения: 24.02.2016)], глагол *озвучить* в указанном значении наибольшего пика популярности в СМИ достиг в 2011 году. В 2012–2014 гг. его использование зафиксировано в таких газетных изданиях, как «Известия», «Комсомольская правда», «РБК Дейли», «Советский спорт» и др., например: *Но сейчас для нас всё закончилось и я могу озвучить свое мнение* (Известия, 2014.06.27); *Какие убытки Auchan несет, пока не торгует алкоголем, представитель сети затруднилась озвучить* (РБК Дейли, 2013.11.12); *Я вам ничего не могу озвучить сейчас* (Комсомольская правда, 2013.10.04) и др. (всего найдено 722 документа, 743 вхождения).

Кроме того Л. П. Крысин обращает внимание читателя на формирование **общего жаргона**, под которым понимается «языковое образование, составляющее, по-видимому, часть словаря, используемого носителями современного литературного языка» [Крысин 2000: 35], источник которого вполне определен, — «это уголовная или полууголовная среда, теневой бизнес и т. п.» [Крысин 2000: 34–35], из которого в общенародный язык пришли такие единицы, как *крутой* (парень), *разборка*, *наехать* (на кого-либо), *тусовка*, *беспредел* и др. Проиллюстрируем распространение ненормативных языковых элементов в текстах современных печатных СМИ на примере статьи «Академические разборки», опубликованной в журнале «Status» (октябрь 2008 г.). Заголовок статьи («Академические разборки») представляет собой словосочетание, в состав которого входит лексема «разборки», значение которого — «*Жарг.* Препирательство, ссора. *Бандитские разборки*» [СТСРЯ: 663]; «*Жарг.* Разбирательство, выяснение отношений, ссора, драка (обычно между враждующими сторонами, конкурентами» [Химик 2004: 518–519]. В соответствии с данными «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ: http://search1.ruscorpora.ru/plot-paper.xml?smoothing=3&stat=gr_created_&env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexgramm&mode=paper&sort=gr_tagging&lang=ru&parent1=0&level1=0&lex1=%F0%E0%E7%E1%EE%F0%EA%E0&gramm1=&sem1=&flags1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lex2]

=&gramm2=&sem2=&flags2= (дата обращения: 24.02.2016)] пик употребительности этой лексемы приходится на 2003 год. В то же время вплоть до наших дней слово активно функционирует в текстах СМИ, постоянно наращивая свой семантический потенциал (найден 1 323 документа, 1 417 вхождений), например: *Такие разные мы. Конфликт поколений — это не просто разборки отцов и детей* (Комсомольская правда, 2014.07.24); *Иначе это очень смахивает на политические разборки, а вникать в них — не дело судей* (Известия, 2014.06.26); *Среди беглых преступников — криминальные авторитеты, маньяки-душегубы и даже участники бытовых разборок со всех концов страны*. (Комсомольская правда, 2014.05.30) и др.

Нельзя не согласиться с мнением Е. Н. Ширяева, утверждающего, что при ответе на вопрос, «какие отступления от идеальной нормы в речи носителей литературного языка оправданы и не выводят их из числа литературно говорящих», необходимым условием для достижения объективных культурно-речевых оценок в этой области должно быть «предъявление реальной картины функционирования нелитературных компонентов в современном литературном языке с исчерпывающим набором собственно лингвистических, социолингвистических и прагматических характеристик этого функционирования» [Ширяев 2000: 21].

Литература

- Крысин Л. П. Социолингвистический аспект изучения речевых «неправильностей» // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 29–36.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru/>] (НКРЯ).
- Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Л.: Норинт, 2001 (СТСРЯ).
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. Л.: Норинт, 2004.
- Ширяев Е. Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 13–21.

Интерактивное телевидение: перспективы изучения языка

О. М. Ятчук

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

Диалог, интерактивное телевидение, телеведущий, прямоефирное телевидение, речевая коммуникация.

Summary. The article describes new perspective trends of interdisciplinary study of speech communication through interactive TV programs and on-line television dialogue-based projects. It proves that the traditional sub-system anchor — guest-audience is a potential ground for research of speech and analysis of the Web impact on new speech strategies application.

Интерактивное телевидение, уже несколько лет сохраняет статус не только инновационной телевизионной технологии, но и востребованного коммуникативного процесса в сфере телевидения.

Существует много направлений исследований этого коммуникативного процесса среди журналистов, представителей социальных коммуникаций, но пока вне интересов научной общественности остается филологический аспект интерактивного телевидения — речь, звучащая в эфире.

В контексте изучения языка, прямая телевизионная трансляция является уникальным явлением — носители языка, которые участвуют в процессе телевизионного общения, не могут заранее следовать точно выученным и отрепетированным текстам — так называемым «закрытым текстам», ведь момент создания «живого диалога» и момент создания телевизионного продукта полностью совпадают во времени. Поэтому речь участников данной коммуникации является отражением и уровня развития языка и его социокультурных норм. С другой стороны данный коммуникативный акт фиксируется, как эфирный продукт телеканала (контрольная запись прямого эфира, самостоятельная фиксация с последующим хранением для изучения любым зрителем данного продукта). Возможность обращаться к уже записанной программе, которая была в эфире, дает возможность не только изучать ее с точки зрения журналистики или социальных коммуникаций, но и раскрывает перспективные направления для изучения филологами.

Если мы рассмотрим интерактивные программы, которые идут в прямом эфире, то можем выделить в них несколько типов, которые, как отмечала российская исследовательница Е. Поберезникова [Поберезникова 2004], базируются на таких парных сентенциях: зрелище — реакция, вопрос — ответ, суждение — контрсуждение и действие — контрдействие. Можно разделить их по способу организации речевой коммуникации — на собственно «диалог» (в большей мере это касается модели суждение-контрсуждения, но также имеет отношение и к модели вопрос-ответ), и «действие» (в большей мере это касается модели действия-контрдействия, но также имеет отношение и к модели зрелище — реакция). Таким образом, программы, которые условно можно выделить в группу «диалог» — это разнообразные викторины, беседы и дискуссии в студии, разнообразные ток-шоу и телебедаты, а яркими программами из категории «действие» могут быть представлены разнообразные реалити-шоу.

Для программы «действие» активным участником создания речевой коммуникации в прямом эфире чаще всего являются ведущие или участники проекта, которые ограничены жестким сценарием и не строят свои выступления на импровизации, следуя жестким образам и речевым стратегиям.

Поэтому для дальнейшего изучения наиболее интересными, «открытыми» [Эко 2006] речевыми коммуникациями представлена группа «диалоги». В процессе диалогического прямого эфира, которое строится чаще всего на различных формах бесед и дискуссий в студии с привлечением зрителей, можно выделить три стороны участника беседы, а соответственно и три слоя носителей языка: ведущий (ведущие) — профессиональные коммуникаторы-теле-

визионщики, гости в студии (профессионалы, яркие представители общества) и зрители (они могут принимать участие в проекте находясь, как в студии, так и перед телеэкранами).

Каждая из этих групп: ведущий — гость — зритель, представляет различный уровень владения, как коммуникативными технологиями, так и речевыми аспектами. Ведущие чаще всего быстрее интегрируют новые выражения, слова, мемы — являясь проводниками «новых идей»; гости расширяют наше представление о профессиональных выражениях в современном языке; а зрители — как представители различных социальных групп, демонстрируют бытовую лексику.

Интеграция интерактивного телевидения и современных коммуникативных процессов, расширяет границы «зрителей», привлекая к их числу и пользователей сети Интернет, чаще всего, через различные соцсети. Здесь уже мы видим иной тип коммуникации и иной язык [Городенко 2012]. Таким образом, расширяя не только границы участников экранного диалога, но и расширяя речевые стратегии и коммуникации.

Таким образом, на наш взгляд перспективным является направление изучения интерактивного телевидения и результатов его прямоэфирной коммуникации, как изучение междисциплинарной проблемы, которая должна раскрывать не только коммуникативные связи в сфере социальных дисциплин, но и давать дополнительный материал для изучения филологами современного языка. Используя различные группы участников коммуникации, которые могут быть представлены в цепочке ведущий-гость-зритель, что позволит исследователям раскрывать не только «живую речь», но и учитывая влияние сети Интернет на изменения и внедрения новых речевых стратегий.

Литература

- Городенко Л. М. Інтенції соціальних комунікацій: мобільні комунікації // Наукові записки Ін-ту журналістики. К.: Ін-т журналістики, 2012. Т. 48. С. 8–11.
- Поберезникова Е. В. Телевидение взаимодействия: интерактивное поле общения: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2004 (Серия «Телевизионный мастер-класс»).
- Эко У. Открытое произведение / Пер. с итал. А. П. Шурбелева. СПб.: Симпозиум, 2006.

Славяноязычная коммуникация: текст, стиль, дискурс

Лингвокультурема «жизнь» в языковой матрице идиостиля А. Аверченко (на примере сборника «Нечистая сила»)

Э. А. Бахича

Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Россия)

*Лингвокультурема, культурный смысл,
культуроносные семы, коннотация, жизнь.*

Summary. In the article are analysed positive and negative connotations language unit *life*.

Введение. Изучение лингвокультуремы целесообразно рассматривать с точки зрения ее содержания и формы выражения.

Вслед за В. А. Масловой мы понимаем под этим термином совокупность форм языкового знака, рассматривающая взаимосвязь и взаимовлияние языка, его содержания и культурного смысла, вложенного в него отдельной личностью или нацией.

Особенной чертой лингвокультуремы является то, что, в отличие от концепта, изучающего знания, хранящиеся в памяти нации или в памяти отдельной личности, она рассматривает значение и смысл, вложенный в языковую единицу, с целью изучения языкового сознания, ментальности, культурных традиций и ценностей, национальной или индивидуальной картин мира [Маслова 2004].

Согласно В. В. Воробьеву, в отличие от слова и лексико-семантического варианта как собственно языковых единиц, лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком.

Лингвокультурема как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания [Воробьев 1997: 45].

Исследователи Н. Н. Кириллова и А. Л. Афанасьев рассматривают лингвокультуру как «абстрактную сущность, конкретным выражением которой является языковая единица определенной структуры (лексема или фразеологическая единица, включающая в себя не только денотативно-сигнификативное значение, но и культууроносные семы, выражающие определенные культурные коннотации)» [Кириллова, Афанасьев 2008: 73]. Лингвокультурема обладает коннотативным смыслом, она существует в активном употреблении до тех пор, пока живет контекст, ее породивший.

Цель статьи — выявить культурные коннотации лингвокультуры ЖИЗНЬ в языковой матрице идиостиля А. Аверченко.

Изложение основного материала. Лингвокультура ЖИЗНЬ является важным структурно-семантическим компонентом лингвокультурологического пространства любого языка. Отметим, что лингвокультурологическое пространство представляет собой интеграцию и обобщение представлений о мире сквозь призму ментальной и нравственно-этической характеристики языкового сознания.

Чтобы представить лингвокультуру ЖИЗНЬ в данном разрезе, следует выделить и описать ее понятийный, образный и ценностный слой. Понятийный слой, а точнее, ядро представленной лингвокультуры, определен в ходе анализа толковых и энциклопедических словарей. Здесь выделены следующие дефиниции лингвокультуры ЖИЗНЬ: «материя», «физиологическое состояние», «период существования», «образ существования», «деятельность общества», «бытие».

Для лингвокультурологического исследования интерес представляют образный и ценностный слой языковых единиц — лингвокультурем.

Выявим особенности содержания лингвокультуры «жизнь» в контексте сатирических рассказов А. Аверченко (на примере сборника «Нечистая сила»). Сборник рассказов «Нечистая сила» пропитан болью за разрушенное большевиками Отечество, горит едким сарказмом в их адрес и вдохновлен искренней уверенностью в том, что кошмар, происходящий на Родине — всего лишь дурной сон, который вот-вот закончится.

В сборнике рассказов «Нечистая сила» действие большинства рассказов происходит в стране большевиков. Реальность фантастична и абсурдна, поэтому огромную роль играет сюжетная линия рассказов. Аверченко создает ряд запоминающихся персонажей, существующих в какой-то ирреальной действительности. Люди превращаются в некие вымышленные образы, но при этом автор заставляет своих персонажей жить обычной человеческой жизнью.

Жизнь человека представлена здесь следующими положительными коннотациями: «прежняя жизнь», «старая жизнь», «прекрасная жизнь», «красивая, полная пышной грезой и блеска жизнь», «бодрая, нормальная, веселая, деловая, хлопотливая, суетливая, энергичная жизнь». Данные коннотации наиболее ярко эксплицируются в следующих контекстах: «*Веселой гурьбой* рассыпались по городу школьники... покупали бублик за копейку, маковник за копейку, вареное яйцо за копейку, перо за копейку» [Аверченко].

«А юная сестра ее... шагает в тенистый городской сад, и *золотая коса*, украшенная *пыльным лиловым бантом*, еще больше *золотится и сверкает* на *летнем воскресном солнце*...» [Аверченко].

Копеечная «прежняя жизнь» изображена автором в самых светлых, солнечных красках: «золотая коса», «лиловый бант», «летнее воскресное солнце»,

«веселая гурьба». «...И прекрасная белокурая девушка», с «милым девичьим русским лицом» — символ новой, но вечной старой России.

Представления о хорошей (нормальной) жизни сменяются негативной оценкой, которые передаются в таких языковых единицах: «В красивую, полную грез и блеска жизнь ворвалась *пошлая, тяжелая проза, потускнела* вся американская позолота», «дьявольское наваждение», «бесовское действо», «глубокое, грозное, печальное *momento mori*...».

Таким образом, лингвокультурема ЖИЗНЬ представлена перед нами как антитеза «хороший — плохой», что актуализируется через структурированную совокупность положительных и отрицательных коннотаций лингвокультуры ЖИЗНЬ. Культурная специфика плана содержания анализируемого лингвокультурологического концепта проявляется в таких культурных установках, эталонах, ценностях русского человека, как *свет, надежда*.

Литература

- Аверченко А. Дюжина ножей в спину революции [http://www.rulit.me/books/dyuzhina-nozhev-spynu-revolycii-read-63943-1.html].
- Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997.
- Кириллова Н. Н., Афанасьев А. Л. Практическое пособие по лингвокультурологии: французский язык. СПб., 2008.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004.

Речевой экстремизм как вид речевой агрессии

С. В. Доронина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Речевой конфликт, речевая агрессия, экстремизм.

Summary. Any language community seeks to limit the manifestations of aggressiveness. Restrictions on speech manifestations of aggression are in the field of law. From the point of view of jurisprudence, verbal aggression is presented as a speech freedom infringement, resulting in the moral detriment of another person. A variety of verbal aggression is verbal extremism. One of the main tasks of the linguist expert is to determine the object of hate speech and illocutionary utterances function. National hyperidentity promoting is not a manifestation of hate speech, but the speech form of extremism.

Неизбежность проявлений различных форм языковой агрессии обусловлена стремлением каждой языковой личности к самовыражению и самоутверждению. Тем не менее, развитое языковое сообщество всегда стремилось ограничить проявления агрессивности коммуникантов. Отражая нацеленность говорящего субъекта на нанесение ущерба другому лицу, в юридической плоскости речевая агрессия предстает как злоупотребление свободой слова, ведущее к нарушению неимущественных прав другого лица. Однако в сферу правового регулирования попадают не все конфронтационные тексты, поскольку задачей общества является лишь ограничение враждебности до уровня, необходимого для сохранения социальной стабильности.

К сожалению, речевой экстремизм — вид агрессии, прочно вошедший в российский дискурс. Речевая деятельность, носящая признаки экстремизма, ограничивается статьями 280 и 282 УК РФ. В последнее время в сферу правового регулирования по данной статье попадают высказывания, функционирующие не только в публичной, но и в межличностной сфере. Одной из главных задач лингвиста-эксперта является определение объекта речевой агрессии, что в современных экстремистских текстах не всегда выражено буквально. Закон четко определяет, достоинство каких социальных групп не должно быть задето высказываниями: «по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии» [Ст. 282 УК РФ].

Закон об экстремистской деятельности выполняет предупредительную функцию. Его главная цель — сохранение стабильности в многонациональном и конфессионально неоднородном обществе. Поэтому вопрос о перлокутивном компоненте конфронтационного высказывания не является значимым для квалификации высказывания. В то же время иллокутивный и перлокутивный компоненты текстов негативнооценочного содержания далеко не всегда тождественны. Экспериментальное исследование экстремистских материалов зачастую обнаруживает эти расхождения. Например, крайне агрессивная листовка «Я работать не хочу — Вам меня кормить! Буду все взрывать, Буду русскую свинью Из дома выживать... и т. п.» имеет, по данным проведенного опроса, практически нулевой прагматический эффект. На вопрос, может ли данный текст стать средством разжигания розни, люди русской национальности разных возрастов и типов речевой культуры ответили отрицательно. Яркие выпады в адрес русских были оценены как провокационные и не достойные того, чтобы воспринимать их всерьез. Вместе с тем, согласно утвержденной методике проведения экспертизы по данной категории дел, в данном тексте следует усмотреть коммуникативную цель возбуждения ненависти и вражды, поскольку иллокутивный компонент текста, содержащего негативную информацию, имеет решающее значение при квалификации его как экстремистского. Согласно методике по проведению судебной лингвистической экспертизы по делам об экстремизме и терроризме «экстремистскими» речевыми целями признаются любые формы открытой речевой агрессии: побуждения к насильственным действиям, угрозы, обвинения, унижение, причиной которого является принадлежность к этнической или религиозной группе.

В то же время речевой экстремизм оказывается шире понятия «языковая агрессия». Пропаганда национальной гиперидентичности, выражающаяся в различных — эксплицитных и имплицитных — формах убеждения в превосходстве одной социальной группы над другой, не является проявлением речевой агрессии, однако представляет собой разновидность речевого экстремизма. Различия между агрессией и пропагандой заключаются, в первую очередь,

в векторе воздействия. Агрессия направлена против группы, которой себя противопоставляет говорящий, пропаганда гиперидентичности — на группу, с которой он себя отождествляет. Агрессия предполагает использование экспрессивных языковых средств, для пропаганды же этот признак не является обязательным.

**Способы подключения
к пространственно-временной точке зрения героя
(на материале оригинала и английского перевода
повести В. Маканина «Лаз»)**

В. А. Немкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Перцептивация, пространственно-временная точка зрения, монтажное повествование,
репродуктивный регистр, позиция наблюдателя.*

Summary. The subject of this report is spacio-temporal point of view in V. Makanin's "Escape Hatch" and its English translation. Elements of non-verbal narration are transformed, making point of view shift from the main character's perspective to a more objective position of the bystander.

В докладе будут освещены средства подключения к пространственно-временной позиции героя в хронотопе повести В. Маканина «Лаз», а также те трансформации, которые претерпевает точка зрения в английском переводе. Проблема точки зрения является одной из ключевых при исследовании текста: мы конструируем художественный мир произведения в зависимости от того, чьими глазами смотрим на повествуемое. В качестве определяющей может быть выбрана позиция героя либо повествователя, другими словами, разные варианты фокализации — «отношения между видением, видящим агентом и видимым объектом» [Bal 2009: 149].

В работе Б. А. Успенского «Поэтика композиции» различие между внутренней (принадлежащей герою, субъективной) и внешней (принадлежащей повествователю, объективной) точками зрения проведено последовательно на нескольких уровнях. Нас будет интересовать уровень пространственно-временной характеристики. Различаются случаи «пространственного прикрепления автора к своему герою», с одной стороны, и случаи несовпадения пространственно-временных позиций повествователя и персонажа, с другой [Успенский 1995: 81, 83].

Подключение к пространственно-временной точке зрения героя происходит в репродуктивном регистре, где «говорящий воспроизводит непосредственно, сенсорно наблюдаемое (или представленное так в воображении), в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, находясь в хронотопе происходящего» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29].

Повесть В. Маканина насыщена такими эпизодами, в которых преобладает изобразительное начало. Таким образом, перцептивация как «обогащение изобразительного плана путем замены общеперцептивного выражения на частноперцептивное» [Золотова, Онипенко, Сидорова: 425–426] в данном тексте выступает как средство подключения к точке зрения героя в плане пространства и времени.

Основной тезис доклада заключается в том, что если в оригинале произведения безглагольное повествование помогает представить художественное пространство как перцептивно воспринимаемое главным героем, то насыщение перевода повести глагольными формами в английском переводе способствует переключению точки зрения с внутренней на внешнюю.

Рассмотрим на примерах, представленных ниже, как трансформируется точка зрения в порой практически безглагольном повествовании при переводе на английский язык. В переводе нередки случаи замены номинативного предложения на двусоставное. При этом статичная картинка меняется на развернутую ситуацию, локализованную во времени и пространстве и представленную как объективно существующую.

№	Оригинал	Перевод
1.	Магазины, расцвеченные в час распродажи.	The stores are brightly decorated at sale time.
2.	Пустая квартира.	The apartment is deserted.
3.	Дамочка в годах.	The lady is getting on in years.
4.	Сначала вдоль мощных заборов, глухих, как стена.	First he passes a massive fence as impenetrable as a wall.
5.	Оторванные пуговицы на рубашке не смущают Ключарева, сверху свитер.	Klyucharyov isn't embarrassed by the missing buttons on his shirt — his sweater covers it.

В примерах 1, 2, 3 в оригинале представлены бытийные предложения, то есть такие, в которых «заранее данным считается некоторый набор, комплекс признаков, а суждение касается реализованности этих признаков в субстанции» [Арутюнова 1976: 205]. В терминах синтаксиса актуального членения перед нами рематические высказывания, лишенные темы, несущие только новую информацию. Действительно, магазины, квартира и «дамочка в годах» представляют собой объекты восприятия главным героем окружающей реальности, то, что попадает в поле его зрения. Таким образом, оригинальные предложения представляют собой ответ на вопрос «Что видит Ключарев?», что соответствует наполнению модальной рамки репродуктивного регистра.

В переводе трансформации на первый взгляд незначительны: в первых двух примерах глагол *to be* не несет смысловой нагрузки, а в третьем сказуемое не добавляет принципиально новой информации. Тем не менее, изменение актуального членения влечет за собой изменение логико-семантической структуры предложений. Магазины, квартира и дамочка становятся темой предложений-характеризаций, в которых «заданной считается субстанция (пресуппозиция существования), которой затем приписываются (преддицируются) те или другие признаки» [Арутюнова 1976: 205]. В английском тексте на это указывает также определенный артикль, маркирующий изначально заданную информацию в предложениях.

В следующих примерах (4, 5) дейктические элементы отсылают к позиции героя в плане времени («сначала») и пространства («сверху»), которая существенно меняется в переводе. В примере 4, несмотря на опущенные подлежащее и сказуемое, мы сразу понимаем, кто является основным субъектом. Точка зрения главного героя по умолчанию принимается нами за отправную. Оригинальное предложение можно воспринять и как элемент внутренней речи Ключарева. В переводе, однако, 3-е лицо в глагольной и местоименной формах заставляют читателя отстраниться от его позиции и посмотреть на ситуацию со стороны.

В примере 5 дейктик «сверху» указывает на то, что «точкой отсчета», опять же, становится фокальный персонаж. В переводе вместо этого употреблен глагол *covers*, который указывает на внешнюю точку зрения стороннего наблюдателя.

Таким образом, при переводе рассмотренных примеров зачастую смещается пространственная перспектива. Монтажное повествование, организованное как череда картин, разворачивающихся перед глазами главного героя, сменяется нарративом, в котором представлена более объективная позиция. Если в оригинале условным «объективом», через который подается визуальная информация, становятся глаза Ключарева, то в переводе уже камера направлена на него в виде некоего «всевидящего ока» — повествователя.

Как видим, сопоставление перевода художественного текста с оригиналом нередко помогает заметить специфические композиционные особенности последнего. Смещение точки зрения в сферу объективного в переводе обращает внимание исследователя на монтажное построение русского текста, в котором доминирует субъективная позиция главного героя.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
Bal Mieke. Narratology: Introduction to the Theory of Narrative. Third Edition. Toronto: University of Toronto Press, 2009.

**Языковая мозаика
в романе Маргариты Хемлин «Дознаватель»**

О. А. Остапчук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Язык города, языковая стилизация, русский язык, украинский язык, идиш,
языковой ландшафт, Чернигов, середина XX в.*

Summary. The paper is devoted to the problem of linguistic stylization on the material of the novel "The investigator" (2012) by Margarita Khemlin. Under analysis is language of the novel, which represents not only soviet official cliché's, but also colorful picture of the language mosaic in a small Ukrainian town in the half of the 20th century. Diverse combination of Russian, Ukrainian, Yiddish and mixed elements could be viewed also throw the prism of the linguistic landscape's theory.

Роман «Дознаватель» Маргариты Хемлин, вышедший в 2012 г. и ставший вскоре после выхода финалистом двух самых престижных российских литературных премий — «Русского Букера» и «Большой книги», несомненно, относится к числу лучших образцов современной русской прозы. Мое внимание как лингвиста, однако, привлекли не острая проблематика или по-настоящему увлекательный детективный сюжет и яркие характеры романа, а собственно языковая форма произведения. Выбор автором сказовой манеры, в которой о загадочном убийстве, произошедшем при невыясненных обстоятельствах в Чернигове в 1952 г., рассказывает следователь — капитан милиции Цупкой, позволил автору создать яркий речевой портрет типичного жителя украинского заштатного городка в середине XX в. Специфическая языковая мозаика в романе создается благодаря использованию элементов различных стилистических регистров: официально-деловые клише, отсылающие к сухому стилю рапорта (который, собственно, составляет главный герой), соседствуют с сочными фразеологизмами и разговорными элементами, среди которых особую роль играют украинизмы и идишизмы, а также разного рода смешанные элементы (лексемы, синтаксемы и под.).

Стилистический потенциал элементов, маркированных в русской художественной речи как иностранные (в том числе близкородственные: польские и украинские), уже неоднократно являлся предметом анализа, как с собственно лингвистической точки зрения [Ананьева 2013], так и с учетом широкого культурологического фона [Левкиевская 2012]. Исследование техники языковой стилизации на материале украинских вкраплений в польской классической художественной прозе позволило выделить характерные для нее средства и приемы. Особо отмечались, наряду с прямой цитацией, макаронизация текста за счет насыщения его стилистически маркированными (как «чужие») элементами, а также заместительная стилизация на основе введения в текст сниженных (но не отличающихся по своему происхождению от языка основного текста) элементов [Strycharska-Brzezina 2005].

Языковая ткань романа Маргариты Хемлин в этом отношении представляет особый интерес. Использование украинизмов и идишизмов в повествовании, имитирующем письменную речь персонажа — украинца по происхождению, интегрированного в русскоязычное пространство Чернигова, как правило, не маркированы «как чужие», а призваны воссоздать характерную для этой части Украины ситуацию, в которой лишь часть иноязычных элементов используется в русской речи сознательно и функционирует на правах цитат. В подавляющем большинстве случаев влияние украинского (и идиш) проявляется в интерференции (смешении кодов), заметной на разных уровнях (в лексике, семантических сдвигах, словообразовательных и синтактико-грамматических кальках, например, в предложно-падежных конструкциях). В докладе подробно разбираются отмеченные в тексте интерферемы, выделяются их типы и стилистические функции.

Помимо собственно лингвистических особенностей речи персонажа, в романе воссоздается более общая картина языковой ситуации. Так, очерчиваются условия, при которых герой вынужден осуществлять сознательный выбор языка (украинского или — в исключительном случае — идиш). В этом случае происходит переключение кодов, в тексте отмеченное как смена языка партий текста (чаще всего при этом меняется и говорящий, хотя главный герой в разговоре со своим бывшим школьным учителем Диденко также переходит на украинский язык). Коммуникативные условия, сопровождающие ситуацию переключения кодов, в докладе являются предметом особого внимания.

Признавая в полной мере условность литературного текста, нельзя не отметить типичности воссозданной в романе картины языковой ситуации для этой части Украины (заметим, родной для автора). В целом коммуникативная модель многоязычия, представленная в романе, может быть проанализирована с учетом современной теории языкового ландшафта, позволяющей максимально учитывать многомерность языкового общения и оценить баланс языков, присутствующих в городском пространстве [Linguistic Landscape... 2006].

Литература

- Ананьева Н. Е. Полонизмы в произведениях Дины Рубиной // *Amicus Poloniae: Памяти Виктора Хорева* / Институт славяноведения РАН; Под ред. Н. Н. Стариковой. М.: Индрик, 2013. С. 31–46.
- Левкиевская Е. Е. Украинский язык в русском языковом пространстве (на примере советского кинематографа) // *Русские об Украине и украинцах: Сборник* / РАН, Институт славяноведения; Отв. ред. Е. Ю. Борисенок. Санкт-Петербург: Алетей, 2012. С. 415–453.
- Linguistic Landscape: A new Approach to Multilingualism / Ed. by D. Gorter. Clevedon; Buffalo; Toronto, 2006.
- Strycharska-Brzezina M. *Kozak ukraiński. Studium językowe*. Kraków: Universitas, 2005.

Рождение апокрифа

С. Б. Потемкин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Школьное сочинение, Ленин, история, современные реалии.

Summary. The birth of an apocrypha on the most significant person of the 20th century, at least in the Russian history, Vladimir Ilyich Lenin. Now, a century after Lenin lives, when the official Soviet hagiography and the subsequent perestroika criticism gradually parish, the own understanding of Lenin's role in the World history and his biography are forming in the youths' minds. We analyze an essay about Lenin by a school graduate, which has all the hallmarks of apocrypha, compiled without a specific ideological orientation and which reflects the current realities of our life.

1. Житие Ленина и апокриф

Определение апокрифа по И. Я. Порфирьеву сформулировано следующим образом: «Апокрифическими сочинениями или апокрифами называются такие сочинения, которые составлены в подражание священным библейским книгам, о библейских лицах и событиях и большей частью от имени библейских лиц; но священные истины в этих сочинениях смешаны с разными вымыслами фантазии» [Порфирьев 1909]. В новейшее время апокриф получил расширенное толкование как сочинение об известных исторических лицах, изложенное с отступлениями от официальной традиции. В этом смысле апокриф, безусловно, вечен и будет жить в народном сознании поскольку существует это самое народное сознание и его носители.

Немаловажную роль, с точки зрения И. Я. Порфирьева, апокрифы играют и как исторический источник, поскольку «для истории имеет значение не одна истинность событий, но и то, как события в разные времена были понимаемы народными массами, как они настраивали их воображение, какие воспитывали в них чувства и стремления» [Порфирьев 1872: 3–5]. Можно даже предположить, что и вся историческая наука в той или иной степени апокрифична, ибо основана на не вполне достоверных записях о фактах минувшего и их искажении последующими толкователями в угоду тем или иным политическим взглядам.

Интересно в этом контексте рассмотреть рождение апокрифа о самой значительной личности XX века, по крайней мере, в русской истории, Владимире Ильиче Ленине. Теперь, век спустя после жития Ленина, когда постепенно стирается официальная агиография советских времен и последующая перестроечная критика, в сознании молодежи сохраняется собственное понимание его значения и истории жизни. Проведем анализ сочинения выпускника средней школы о Ленине, которое имеет все признаки апокрифа, составленного без определенной идеологической установки и отражающего существующие реалии нашей жизни.

2. Ученическое сочинение

Объем сочинения [Сочинение о Ленине] составляет около 4000 печатных знаков, т. е. 0,1 авторского листа, что раз в 10 уступает Краткой биографии В. И. Ленина [Владимир Ильич Ленин. Краткая биография 1955].

В начале автор сочинения констатирует: «Это был великий человек». Про учебу в школе (гимназии): «Ленин не любил драться, но приходилось защищаться и защищать своих друзей», — это несомненный положительный отзыв нашего современника, что Ленин не был трусом, но не был и хулиганом. Далее характеристика дореволюционной России: «Прилавки в магазине были почти пусты», — признак бедности, но бедности социалистической. Ленину приходилось трудиться: «Он бегал и раздавал листовки по улице с огромной пачкой книг, подбегал к **машинам** и продавал эти газеты». — Мальчишки что-то продают пассажирам машин на перекрестке, современная реалья.

Автор честно признается: «Не знаю, как Владимир Ильич стал лидером», но справедливо отмечает: «наверное, он как-то проявил себя перед людьми». Последствия революции: «Из-за революции в стране началась голодовка». И далее, причины несчастий: «[Ленин] не мог давать людям больше еды лишь потому, что немцы подходили все ближе и ближе, они сжигали посевы, силой отнимали продовольствие у стариков и женщин». Автор вспоминает про Брестский мир, но сразу перескакивает к временам Великой Отечественной Войны. «Народ в стране взбунтовался и начал громить город», — вероятно, реминисценция, связанная с событиями 15–16 октября 1941 года. Есть также намек на блокаду Ленинграда: «Воды нигде не было, а если и привозили, то давали кусок хлеба, да половину кружки с водой». Затем «Ленин приказал солдатам успокоить людей. Солдаты не щадили ни детей, ни женщин». Действительно, паника прекратилась на четвертый день, когда был издан приказ применять к трусам, паникерам, мародерам любые меры вплоть до расстрела [История России... 2010, 2: 237] Интересно, что жестокость Ленина не снижает его образ в глазах автора.

Далее «революционеры... Ленина поймали и посадили за решетку», — что это за «революционеры» можно только гадать — имел ли автор в виду троцкистов, меньшевиков, эсеров, все слилось у него в это понятие, вероятно, связанное с советской историографией. Но далее автор перескакивает к периоду до Октябрьской революции, когда Ленин действительно сидел в тюрьме: «За решеткой Ленин читал книги при свече, на полях книги он писал молоком послание, но революционеры узнали о его планах и отобрали книги». В этом пассаже прослеживается житийная традиция, когда святой должен претерпевать мучения и стойко переносить их, но также и известная история Бонч-Бруевича о Ленине для детей [Бонч-Бруевич 1976]. После освобождения Ленина «советскими войсками» Ленин «направил все свои войска на немецкую

армию» и «Советская армия окончательно разбила вражескую армию». Образ Ленина и Сталина (нигде не упомянутого) сливается у автора в одно. И сразу: «После этой победы в стране началась перестройка». Затем следует покушение на Ленина, которое совершила «старушка, которая ничего не видит» — Фанни Каплан. От ранения Ленин умер и был похоронен в мавзолее.

Автор, вероятно, сам посещал мавзолей и видел: «Когда на него падает свет, то кажется, что он светится изнутри». Высказывается пожелание: «Надеюсь, что в будущем его похоронят, как человека, а то он как манекен там лежит и все на него смотрят, он же тоже человек, как и мы, пусть же его похоронят, как подобает, а не как манекена». Действительно ли автор хочет захоронить Ленина или это внушено современной либеральной пропагандой? Но очевидно желание автора приблизить Его к нам, «он же тоже человек, как и мы».

Литература

- Бонч-Бруевич В. Д. Наш Ильич. М.: Детская литература, 1976.
Владимир Ильич Ленин. Краткая биография. М.: Государственное издательство политической литературы. 1955.
История России с древнейших времен до наших дней: В 2 т. / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 2010.
Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. С. 3–5.
Порфирьев И. Я. История русской словесности. Ч. 1. Устная народная и книжная словесность до Петра Великого. 8-е изд. Казань, 1909. С. 237.
Сочинение о Ленине [<https://www.youtube.com/watch?v=w6sJGcHJHW4> (проверено 02.02.2016)].

Личность В. И. Ленина в жанре «письма вождю» (на материале открытых писем А. Т. Аверченко В. И. Ленину)

Е. В. Суровцева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

*Эпистолярная литература, «письмо вождю», литература и власть,
В. И. Ленин, А. Т. Аверченко.*

Summary. We analyze genre of «letters to chief», i. e. letters, that is, high-ranking persons, created in the Soviet era. Rightly regarded, in addition to the distinctive features of this genre and image of the destination, and also the image of the destination. We allocated in the group of recipients of those whose individualized way, and those who had limited utility function. The first is V. I. Lenin. We know writing pamphlets by A. T. Averchenko to V. I. Lenin, in which the satirist ridicule leader.

Письма представителей интеллигенции вождям являются интереснейшими и важными документами советской эпохи, в которых «отразился век» и с иной, неожиданной стороны предстает личность писателя, знакомого по художественным произведениям и отзывам современников. Есть в этих текстах и еще один существенный аспект. Это то, каким предстает собственно адресат, личность не менее реальная, чем автор письма, однако отмеченная в эпистолярном контексте субъективным авторским отношением.

Мы бы выделили в группе адресатов тех, чей образ принципиально индивидуализирован (В. Ленин, И. Сталин и др.) и тех, у кого он исчерпывается служебной функцией (А. Енукидзе, А. Андреев и др.). Степень индивидуализации образа адресата зависит от многих факторов. Расчет на проявление вождем человеческих качеств или здравого смысла мотивирован жанром письма, целью которого является восстановление справедливости по отношению к писателю. В таких текстах нередко формируется идеализированный образ адресата. Иного рода индивидуализация характерна для писем, близких к жанру памфлета. Здесь в характере, человеческом облике адресата вычленяются как раз слабые стороны, дающие повод для иронии и иронической полемики (Маяковский — Луначарскому) и даже для сатирических обобщений (Аверченко — Ленину).

«Королю смеха» А. Т. Аверченко, одному из самых читаемых сатириков предреволюционной России, принадлежат два послания-памфлета В. И. Ленину, образцы редкой разновидности жанра «письма вождю». Одно из них — «Моя симпатия и сочувствие Ленину» написано сатириком весной 1918 года, второе — «Приятельское письмо Ленину» — двумя годами позже, уже в эмиграции (в Константинополе). Оценка, которую исследователи дают стилю «нового Аверченко» применительно к книге «Дюжина ножей в спину революции» (1921), справедлива и для писем-памфлетов, о которых идет здесь речь: «...читатель встретится с новым Аверченко, не добродушным критиком “веселых устриц...”. Его памфлеты — не безобидные камешки на ладони, а увесистые булыжники, пущенные ловкой рукой. Смех писателя стал негодующим...» [Спиридонова 1991]. Письма написаны живым разговорным языком с элементами просторечия и новояза революционной эпохи. Им свойственна непринужденная, дружеская, почти задушевная (в первом) и фамильярная (во втором) интонация, за которой едва прячется насмешка, язвительная критика новых властей и «новой» России.

В письмах-памфлетах Аверченко в неожиданном ракурсе представлен образ вождя пролетарской революции. Тексты Аверченко по цели и форме близки сатирическим произведениям писателя. Образ Ленина, в них создающийся, близок персонажу сатирической литературы, с ним связаны элементы вымысла («я знаю тебя по Швейцарии») и домысла (автор предполагает, чего хочется его адресату). Арсенал сатирических приемов помогает писателю передать реальное восприятие им человека, ставшего у руля власти в России после революционного переворота, а через призму этого восприятия выразить свое отношение ко всему происходящему на Родине.

В изображении сатирика Ленин «очень сухой человек», лишенный простых человеческих радостей, зато ставший «неограниченным властителем всея России». Грандиозности амбиций, масштабности социально-политической и исторической роли вождя комически противоречат снижающие детали внешности и поведения («плутоватые глазенки», «кричал во все горло»), биографии

(«ведь ты — я знаю тебя по Швейцарии, — ты без кафе, без “бока”, без табачного дыма, плавающего под потолком, — жить не мог»). В том же стиле представлены предполагаемые размышления «председателя Советской республики»: «Небось, хочется иногда снова посидеть в биргалле, поорать о политике, затануться хорошим кнастером...». Для Аверченко Ленин является как объектом для едких насмешек, так и объектом для жалости: «неуютно ты, брат, живешь, по-собачьему».

В первом письме автор обращается к «председателю Советской республики» на «вы», хоть и без всякого пиетета и «без платформы» — «Слушайте, Ленин...», «гражданин Ленин», «господин Ленин», «брат мой Ленин! Зачем Вам это?». Иронично само по себе это смешение разностильных обращений, призванное подчеркнуть неопределенный, не освященный ни русской, ни мировой исторической традицией статус вождя новой России. Во втором письме автор с адресатом исключительно на «ты», идут в ход фамильярности: «Какой ты к черту Людовик, прости за откровенность!», «Эка, куда хватил!», «А ловко ты, шельмец, устроился» и т. п. При этом делаются намеки на якобы общее прошлое («я знаю тебя по Швейцарии», «брось ломаться — я ведь знаю...»), общих знакомых (Луначарский, Урицкий, «знаменитая курсистка товарищ Хайкина», Троцкий) и звучат дружеские предложения: «могу сколотить немного деньжат», «плюнь ты на это дело... приезжай ко мне» и т. п.

Обращают на себя внимание стиль и язык текстов сатирика, преобладание просторечно-разговорных элементов, живых интонаций: иронически окрашенных восклицаний, вопросов, создающих ощущение непринужденной приятельской болтовни. В результате Ленин предстает в письмах-памфлетах Аверченко «зарвавшимся приятелем» автора, натворившим много безобразий, которого автор призывает одуматься, признать свои ошибки, прогнать плохих советников (Троцкого).

Спасительная ирония и гуманистический пафос писем Аверченко не скрывают, конечно, горького и негативного отношения их автора к властителю, из-за которого лишился Родины не только он один.

Создающийся в его письмах образ Ленина, человека, изначально не чуждого радостям жизни, но утратившего способность просто жить в процессе завоевания власти, «засохшего» в разгар собственноручно разработанного социально-исторического эксперимента, противостоит советскому мифу о «самом человечном человеке».

Таким образом, анализ личности адресата писем поможет нам уточнить и дополнить наши представления о восприятии адресантом данной личности, известное нам по статьям, воспоминаниям и другим текстам.

Литература

- Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко // Столица. 1990. № 1. С. 20–21.
Спиридонова Л. Новые люди глазами юмориста // Вопросы литературы. 1991. № 3. С. 224–236.

Вокруг интерпретируемого текста: модусная семантика переводческих сносок

А. В. Уржа

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Перевод, сноска, реалии, модусная семантика, прагматика.

Summary. The report is focused on epistemic and evaluative semantics and pragmatics of translators' footnotes used to comment on the original realia. The material of the research includes four Russian translations of "The Adventures of Tom Sawyer" (by E. Kudasheva, M. Engelgardt, N. Daruzes and K. Chukovsky). The use of footnotes in each translation is a part of the individual strategy of text interpretation, depending greatly on the target audience the translator addresses.

Переводческие сноски, содержащие толкование интерпретируемой реалии или необходимый комментарий к ее диалектной, стилистической окраске, каламбуру и т. д., восходят к средневековым маргинальным глоссам [Пентковская, Уржа 2016]. В отличие от внутритекстовых, маргинальные глоссы всегда были визуально противопоставлены основному тексту перевода [Bachet de Mézières 1635 (1998): 16], и эта отделенность при сохранении конкретной привязки к комментируемому элементу оказалась предпочтительной в переводах позднего времени. Поскольку интерпретация реалий стала в XX веке одним из наиболее популярных объектов переводоведческих исследований (А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, G. Mounin, J. Vinay & J. Darbelnet, E. Nida, Л. С. Бархударов, С. И. Влахов и С. П. Флорин) и остается им по сей день (J. Munday, B. Hatim, J. Mason, M. Baker, Н. К. Гарбовский и др.), переводческие сноски нередко оказываются в фокусе анализа, однако их изучение, несмотря на разнообразие материала, сводится к двум основным аспектам. С одной стороны, комментарии в сноске рассматриваются как способ интерпретации реалии (в силу ее ограниченной переводимости) и сопоставляются с другими способами (перифразом, генерализацией, подбором функционального аналога и т. д.) [Влахов, Флорин 2009: 83–89 и мн. др.] В этом случае сноска рассматривается как толкование или пояснение, способствующее реализации когнитивной функции сообщения и при этом вынесенное на поля текста. С другой стороны, сноска расценивается как некий микротекст, эксплицитно принадлежащий не-автору и тем самым «противоречащий реализации основной функции художественного текста — поэтической» [Гарбовский 2004: 455]. Именно поэтому в пособиях по переводу сноска обычно выступает как «крайняя» переводческая мера в том случае, когда все средства внутритекстовой интерпретации переводимой номинации, идиомы и т. д. исчерпаны. Неудивительно, что в большинстве случаев и редакторы, и издатели, как замечает, например, Я. И. Рецкер, «противились включению подстрочных примечаний в переводы художественной прозы» [Рецкер 2007: 68], и не нашла широкой поддержки позиция В. Набокова, называвшего себя «сторонником обширных сносок, сносок, достигающих, наподобие небоскребов, верхнего края той или иной страницы, так что остается

лишь просвет в виде одной строки текста — между комментарием и вечностью» [Nabokov 1955: 512].

Объектом исследования, представленного в докладе, стал специфический аспект изучения переводческих сносок, а именно — их модусная семантика, степень ее вербализации и функциональная соотнесенность этого явления со смысловым и грамматическим устройством перевода в целом, с его ориентацией на определенную целевую аудиторию. Материалом для анализа послужили четыре русских перевода романа Марка Твена “The Adventures of Tom Sawyer”, выполненных М. А. Энгельгардтом, Е. Кудашевой, Н. Дарузес и К. Чуковским. Автор оригинального романа использует всего несколько сносок, поясняющих специфические обозначения, принятые в описываемом им регионе, например: “*evening — south-western for afternoon*”. Е. Кудашева (1911) и М. А. Энгельгардт (1911) сохранили только одну из авторских сносок, не добавив своих. В этих переводах названия реалий нередко транслитерируются и остаются непонятными читателю (*сахем, серане, сумак*). Варианты Н. Дарузес и К. Чуковского включают немалое количество переводческих сносок (у Н. Дарузес их 28, у К. Чуковского — 40). Интересно, что в диктумном плане ряд комментариев в значительной степени совпадает — возникает вопрос о взаимодействии между переводчиками (перевод К. Чуковского опубликован впервые в 1929 г. и переиздан в 1950 г., вариант Н. Дарузес вышел из печати в 1949 г., переводчики тесно общались друг с другом). Однако более показательно различие модусной семантики сносок, ср.: [Из сноски Н. Дарузес к слову *Константинополь* — «Американцы часто дают своим маленьким городам громкие названия столиц. <...>»] — [Из сноски К. Чуковского к слову *Санкт-Петербург* — «Американцы часто дают своим **мелким городишкам** громкие названия столиц. <...> Город, изображаемый в этой книге, они назвали именем **тогдашней** русской столицы»]. Комментарий Чуковского, помимо энциклопедической информации, содержит эмотивные и аксиологические смыслы, а кроме того, указывает на темпоральную локализацию точки зрения переводчика и читателя. В сноске к слову *гипнотизёр* Чуковский указывает, что «в Америке гипнотизированием нередко занимались **шарлатаны**», *ханаанский бальзам* же называется средством, «**якобы** исцеляющим от всех болезней». Интересно, что оба перевода включают пояснения к словам, известным взрослым читателям (*шериф, Конгресс, суд линча*), а кроме того — к реалиям, связанным с христианским вероисповеданием («*Отче наш*», *имена первых апостолов*). К. Чуковский поясняет даже, что такое Священное писание, при этом авторизационные смыслы, отраженные в орфографии и пунктуации его комментария, подчеркивают отношение говорящего (и потенциального адресата) к сообщаемому: «Священным писанием христиане **считают** библию — книгу, где собрано много **легенд** о божестве и всевозможных “святых” <...>». Все эти признаки указывают на то, что переводы Н. Дарузес и К. Чуковского ориентированы на дет-

скую аудиторию, выросшую в СССР, причем в переводе К. Чуковского учет фактора адресата воплощен наиболее явно. Ориентация на незрелых читателей проявляется в этом переводе даже в специфической модусной перспективе подстрочных комментариев, где порой раскрываются мысли, интенции героя, известные... переводчику. Так, в комментарии к неправильному слову Тома «иероглифы» написано: «Том хотел сказать “иероглифы” — знаки древних египетских надписей <...>». Реализация модусной семантики в подстрочных комментариях становится одним из аспектов единой переводческой стратегии К. Чуковского, воплощенной также в субъективизации повествования, дополнительной актуализации и перцептивизации описываемых событий [Уржа 2015], в формировании интригующих названий глав романа и т. д. Целью этой единой стратегии становится привлечение внимания незрелого читателя к повествованию, стимулирование эмоционального восприятия приключений Тома, сопереживания главным героям, субъективной «вовлеченности» в изображенные ситуации.

Литература

- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 2009 (1980).
 Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Московского университета, 2004.
 Пентковская Т. В., Уржа А. В. Прагматические функции глосс в древних и современных русских переводах // Славистика (Београд). 2016 (в печати).
 Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007.
 Твен М. Похождения Тома Сойера. Том Сойер за границей / Перевод М. А. Энгельгардта // Твен М. Полное собрание сочинений / Ред. И. И. Ясинский. Кн. 2–3, Санкт-Петербург: П. П. Сойкин, 1911.
 Твен М. Приключения Тома Сойера / Перевод Н. Дарузес // Марк Твен. Избранное: в 2 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1949.
 Твен М. Приключения Тома Сойера / Перевод К. Чуковского. Рига: Латвийское государственное издательство, 1950.
 Твен М. Приключения Тома Сойера / Пер. с англ. кн. Е. Кудашевой. Москва: «Польза» В. Антик и Ко, 1911.
 Уржа А. В. Функциональные спутники настоящего исторического в русских переводах нарративных текстов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 1. С. 76–94.
 Bachet de Mézière C.-G. De la traduction [1635] / Dans: Ballarci M. Introduction. Artois, 1998.
 Nabokov V. Problems in Translation: Onegin in English // Partisan Review 22. 1955. No. 4.

Авторские метафоры как средство формирования идиостиля М. А. Булгакова (На материале романа «Мастер и Маргарита»)

Д. Ч. Чанг

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Индивидуально-авторские метафоры, идиостиль, мировоззрение.

Summary. In the article we analyze the author's metaphors, which are used in the novel "The Master and Margarita", identify the metaphors as a means of M. A. Bulgakov's idiosyncrasy formation.

В последнее время тема идиостиля мастеров художественной литературы привлекает многих исследователей. Это связано с тем, что изучение идиостиля

писателя с помощью рассмотрения его художественных произведений позволяет выявить как основные идеи произведений, так и мировоззрение самого писателя. Под понятием «идиостиль» мы подразумеваем систему, формирование которой тесно связано с использованием средств выражения или стилистических приемов, которые системно отличаются неповторимостью и являются доминантами и константами в произведениях писателя.

Будучи одним из важнейших компонентов художественного текста, индивидуально-авторская метафора является одним из языковых средств, стилистической фигурой, и ее постоянное и системное использование, доминирующее в определенный период творчества конкретного писателя или в течение всей его творческой жизни, может формировать идиостиль этого писателя, что способствует созданию его авторского кода.

Согласно нашему анализу, индивидуально-авторские метафоры, которые используются в романе «Мастер и Маргарита», часто образуются на базе 1) зрительного восприятия и 2) комплекса различных видов восприятия. В нашем исследовании делается акцент на изучении этих двух групп метафор, извлеченных из указанного произведения.

Метафоры первой группы, образованные на базе зрительного восприятия, разделяются на метафоры, имплицитно проявляющие эмоции персонажей с помощью описания фона действия. Следует отметить, что в романе «Мастер и Маргарита» используются оппозиции Солнце — Луна и Свет — Тьма для построения как ершалаимского, так и московского сюжетов (например, *Прокуратор поднял глаза на арестанта и увидел, что возле того* [т. е. Иешуа. — Ч. Д. Ч.] *столбом загорелась пыль* [28]¹; *Луна властвует и играет, луна танцует и шалит* [413]; *Лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны* [413]; <...> *в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель* [413]; *Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала то там, то тут в <...> небе белые пятнышки звезд* [394]; *Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плащи и, содрав их с плеч, разоблачала обманы* [394]; *Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам* [394] и др.). Рассмотрение метафор первой группы позволяет выявить, что эти метафоры направлены на переосмысление общепринятого представления о природных образованиях и состояниях, а также выявить индивидуальное мировоззрение писателя.

Метафоры второй группы, созданные на базе комплекса различных видов восприятия, разделяются на метафоры, имплицитно проявляющие эмоциональное состояние персонажей (например, *Он* [т. е. Мастер. — Ч. Д. Ч.] *сложил руки рупором и крикнул так, что эхо запрыгало по безлюдным и безле-*

¹ В скобках указываются номера страниц по [Булгаков 2011].

сым горам: <...> [398]) и метафоры, показывающие сознание персонажей (например, <...> **истина со дна души на мгновение прыгает в глаза** <...> [174]; **Его** [т. е. Ивана. — Ч. Д. Ч.] **воля как будто раскололась**, и он почувствовал, что слаб, что нуждается в совете [95]). Несмотря на то что количество метафор, образованных на базе зрительного восприятия, по сравнению с количеством метафор, созданных на базе комплекса различных видов восприятия, существенно больше, последние метафоры проявляют как способность адресанта установить далекую связь между явлениями, так и его художественное мастерство.

Обобщая, отметим, что изучение метафор, которые используются в романе «Мастер и Маргарита», позволяет выявить, что индивидуальные метафоры как основные неповторимые образные средства неизменно присутствуют в указанном художественном произведении и играют существенную роль в осознании действительности, в описании духовного мира персонажей, в переосмыслении общепринятого представления о природных образованиях и состояниях, в придании нового смысла прошлому адресата, в достижении поставленных целей и т. п., т. е. эти метафоры направлены на решение конкретных авторских задач, и в этих метафорах наблюдается доминирование окказиональной семантики над узуальной. Все вышеизложенные характерные черты показывают, что постоянное и системное использование метафор, в частности авторских метафор, формирует идиостиль одного из ярчайших представителей русской литературы XX века М. А. Булгакова.

Литература

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: Роман. СПб., 2011.

Заемствования из славянских языков в русской поэзии XX века

Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Лексикология, лексикография, поэзия XX века, словарь поэтического языка.

Summary. The analysis which was carried out on the base of multivolume composite «Dictionary of Language of the XXth Century Russian Poetry» (Moscow, 2001, 2003, 2008, 2010, 2013, 2015) allowed to demonstrate the role of borrowings from Slavic languages in Russian poetic language, in the lexical structure of the language of Silver Age poetry.

Вхождение в русский язык слов из других языков, их соотношение с исконной лексикой и особенности функционирования — это проблемы, на которые можно взглянуть через призму поэтического языка. Примечательна в этом отношении поэзия XX столетия, и особенно эпохи Серебряного века, поскольку характерная для последней установка на диалог культур предполагает и взаимопроникновение языков.

Основой проведенного исследования стала работа по составлению словарных статей многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» [СЯРП] с привлечением для сопоставления данных поэтического подкорпуса [НКРЯ]. СЯРП — сводный (по творчеству десяти поэтов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой), хронологически выстроенный словарь поэтического языка конкретной эпохи, соединяющий в себе черты регистрирующего и объяснительного справочников. В настоящее время опубликовано шесть томов СЯРП, готовятся к печати седьмой и восьмой.

Как показывают материалы вышедших и подготавливаемых томов Словаря, поэтические произведения названных авторов содержат заметное число иноязычных вкраплений [Шестакова, Кулева 2015]. Зачастую они представлены в русской передаче (транслитерированные иноязычные слова, словосочетания, фразы соседствуют в Словаре с укоренившимися в общенациональном языке заимствованиями); характерны и некириллические включения (такие единицы планируется представить в последнем томе Словаря отдельным блоком). Иноязычные элементы, встречающиеся в рассмотренных поэтических текстах, очень разнообразны по своей структуре, источнику заимствования, отношению к общенациональному языку. Обычно, когда заходит речь о заимствованной лексике, в центре внимания оказываются лексические единицы из западноевропейских языков. Однако в текстах выбранных поэтов нередко встречаются и заимствования из различных восточных языков (обычно в русифицированной форме, поскольку их представление в оригинальной графике едва ли было возможно), а также из славянских языков.

Как представляется, славянские вкрапления в русском поэтическом тексте менее заметны, поскольку меньше осознаются как «чужие». Зачастую трудно провести границу между собственно русским словом, устаревшей или областной лексемой, церковнославянизмом и словом из другого славянского языка. Тем не менее такие включения представляют значительный интерес, поскольку позволяют более точно судить о мире, отраженном в поэтическом произведении.

Так, в статьях СЯРП встречаются лексемы других славянских языков Российской империи: украинского и белорусского, а также польского, причем польский представлен преимущественно русифицированными формами. Ср. (приводятся сокращенные указания на автора и год создания текста по [СЯРП]):

ДЗЕНКУЮ [польск. *dziękuję* — спасибо] Я как щенок кидаюсь к телефону На каждый истерический звонок. В нем слышно польское: «дзенкую, пане»,
Иногородний ласковый упрек *ОМ931 (178)*

ПИВЕНЬ [укр. *півень* — петух] И ежели пивни захлопали И песни вечерней любви, Наверное, стройные тополи Смотрят на праздник в пыли. *Хл[913] (86)*

СВИЧАДО [польск. *zwierciadło* — зеркало] В старинном дереве свичадо, Дар князя польского Сапеги, Невест прабабушек отрада, Свидетель ласк усталой неги, *Хл*[912-13] (237).

Наблюдается включение в произведение не отдельных слов, а целых фраз. См., к примеру, «украинский» фрагмент из сверхповести Хлебникова «Дети выдры»: [Казаки:] Славни молодцы паны запорожцы. Побачили воны цаплю на болоте. Отаман каже: «От же, братцы, дивка!» А есаул каже: «Я з нею кохався». А кошевой каже: «А я и повинчався». *РП Хл*911-13 (436).

Особенно интересны случаи, когда в тексте отражается авторская языковая и межкультурная рефлексия, как, например, у Хлебникова и Мандельштама: О, день и динь, и дзень! О, ночь, нуочь и ничь! Морской прибой всеобщего единства. *РП Хл*911-13 (446) — в этих строках соплагаются русский, украинский и белорусский варианты слов; «Что» — голова отяжелела. «Цо» [польск. *co* — что] — это я тебя зову! И далеко прошелестело: — Я тоже на земле живу. *ОМ*918 (120.1).

Встречаются и примеры из других славянских языков, причем как в качестве инокультурного маркера, так и в индивидуально-авторском переосмыслении:

НАЗДАР [чеш. *nazdar* — привет] В хрустальное подземие Уйдя — готовь удар: Богемия! Богемия! Богемия! Наздар! *Цв*939 (II,357)

СЛОВАЧИТЬ [нов.; ср. СЛОВАКИЯ] С объятями удавymi Расправится силач! За здравие, Моравия! Словакия, *словачь!* *Цв*939 (II,357)

ЮНАК [серб. *junač* — герой, молодец (герой народного южнославянского эпоса, прославляющего борьбу против турецкого владычества)] Ах, юнак молодой, Дай тебе венок надену! Ты забудешь разбой, Ты забудешь измену. *Хл*911-12 (214).

Более очевидны случаи, когда лексема передается средствами оригинальной (латинской) графики. Так, стихотворение Мандельштама, начинающееся словами «Поляки! Я не вижу смысла В безумном подвиге стрелков: Иль ворон заклюет орлов? Иль потечет обратно Висла?», озаглавлено «*Polacy!*» (польск. — поляки).

В поэтическом подкорпусе НКРЯ находим (помимо встречающихся в материалах СЯРП) и другие примеры, причем обращает на себя внимание круг авторов: *дзенкую* — И. Сельвинский; *коханий* — С. Кирсанов, Б. Корнилов, К. Симонов; *юнак* — П. Антокольский, Д. Самойлов, А. Туфанов и т. д. См., например: Цо не снимает / черный жупан / пан? (С. Кирсанов); Будешь петь, дитя жалеть: / «Мое детско, спи, кохано. // Спи, кохано, сладко спи. <...>» (Д. Самойлов).

Как представляется, славянское культурное поле в русской поэзии XX века заслуживает специального изучения.

Литература

Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>] (НКРЯ).

Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. Т. I–VI. М., 2001–2015 (СЯРП).

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 68–76.

Методологические аспекты изучения и преподавания славянской филологии

Изменение русского обыденного метаязыкового сознания в эпоху ЕГЭ

Е. М. Болычева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русский язык, обыденное метаязыковое сознание, наивная лингвистика, ЕГЭ, основная образовательная программа среднего (полного) общего образования.

Summary. Excluding the theoretical component from the State Examination materials signifies the end of studying the foundations of Russian linguistics and the substitution of this subject, the way it is perceived by an average native speaker, by unwanted creativity and by the task of spelling the words correctly and of using the right punctuation.

Термин «обыденное метаязыковое сознание» описывает совокупное представление рядовых носителей языка о своем языке, о его единицах и законах [Голев 2009: 371], [Орлова 2009: 387], [Болычева 2007], [Болычева 2010].

Факт важности обыденного метаязыкового сознания как культурного феномена неоспорим. Язык, на котором общаются люди, может служить объектом научной, дидактической и наивной мысли лишь в том случае, когда общество достигло определенного уровня интеллектуального развития и национального самосознания. И этот уровень нельзя потерять!

Со времени появления ЕГЭ по русскому языку характер заданий, с которыми должны справиться выпускники школ, не раз корректировался. Неизбежно изменялась и практика обучения предмету: учитель концентрируется на изучении тем, которые вынесены в итоговый экзамен, а остальных касается обзорно. В результате объем представлений о предмете у разных поколений выпускников отличается.

Последние изменения формата ЕГЭ произошли в 2015 году, когда экзамен существенно упростился за счет исключения ряда теоретических заданий. Помимо выполнения заданий практического плана ученики должны были уметь опознавать грамматическую основу, дифференцировать обособленные члены, различать ПП / БСП / ССП / СПП с одной придаточной частью и с несколькими при их последовательном / параллельном / однородном подчинении, мотивировать постановку знаков препинания типом предложения, определять морфологическую характеристику слова, виды подчинительной связи в словосочетании, разряды ОСП и способы словообразования. Знания или остаточные воспоминания о наличии каких-то из перечисленных особенностей в

русском языке и составляли общетеоретический базис обыденного метаязыкового сознания.

С 2015 года отвлеченно-абстрактные задания в ЕГЭ упразднены, и теперь итоговая работа выпускника носит исключительно практический характер. Целый ряд упражнений ориентирован на понимание текста и отдельных слов в нем. Фактически проверяется умение бегло читать, когда интеллектуальные усилия человека тратятся не только на дешифровку графического кода (читаю, но не понимаю), но и на осмысление полученной информации (читаю и понимаю). Задача более чем скромная, учитывая полутестовый характер заданий (из пяти возможных надо выбрать один или несколько правильных ответов, и в большинстве случаев указывается сколько именно).

Орфографические и пунктуационные задания устроены похожим образом: в пяти словах надо вставить букву или решить вопрос о слитности / раздельности написания, а знаки проставляются в основном в отдельной фразе, где проблемные места маркированы цифрами. Мотивировать выбор не надо, возможность угадать высокая. Как бы адекватно / неадекватно ни проверяли задания уровень реальной грамотности ученика, их количество в ЕГЭ симптоматично: 12 из 24. В этой связи актуальной представляется мысль Н. Д. Голева об орфографоцентризме русского обыденного метаязыкового сознания, когда «между правописанием и русским языком ставится знак равенства» [Голев 2000]. Следует отметить также, что нелепость записи правильных ответов без пробелов и запятых запоминается как главный нонсенс всей работы (что-то типа «впоследствиитоже» [Цыбулько 2016: 327]).

Задания стилистического плана связаны с анализом особенностей текста с точки зрения типа речи и использованных выразительных средств, в связи с чем в обиход вводятся термины лексического, синтаксического и текстового уровней. Взятые бессистемно, они воспринимаются как задача угадать среди очевидных для обыденного сознания явлений (синонимы, фразеологизмы или вопросно-ответная форма изложения), что-то непонятное (анафоры, литоты или парцелляции).

Некоторые стилистические задания направлены на исправление грамматических ошибок. Используемые формулировки внушают надежду на определенную академичность знаний: неправильное построение предложения с причастным / деепричастным оборотом, нарушение связи между подлежащим и сказуемым... Однако надежда иллюзорна. Учащимся предлагается научиться соотносить вид ошибки с повторяющейся формулировкой. Знаний операция не добавляет, поскольку мудреное (несогласованное приложение) переосмысливается в обыденное (название в кавычках).

Написание эссе — самая сложная задача. Учащиеся привыкли скачивать куски текста из интернета и соединять их. Даже вооруженные шаблоном и Энциклопедией литературных аргументов (при чем тут русский язык?), при со-

здании текста с нуля выпускники испытывают трудности, которые становятся визитной карточкой предмета.

Исключение теоретического материала из ЕГЭ знаменует фактический конец изучения основ русского языкознания и подмену предмета в обыденном сознании носителей языка непростым сочинительством с поиском литературных примеров, а также задачей грамотно записывать слова, интуитивно представляя при этом знаки препинания.

Литература

- Болычева Е. М. О презумпции буквы в наивных представлениях о языке и некоторых актуальных проблемах фонетики // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г. Труды и материалы. М., 2007. С. 340–341.
- Болычева Е. М. Интуитивное фонетическое знание и лингвистические теории: противоречия и соответствия // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее — Вопросы русского языкознания. Выпуск XIII. М., 2010. С. 120–131.
- Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание носителей русского языка и содержание школьного курса [<http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z51.html>].
- Голев Н. Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Часть 1. Коллективная монография. Кемерово; Барнаул: изд-во Алтайского государственного университета, 2009. С. 371–386.
- ЕГЭ-2014. Русский язык: Типовые экзаменационные варианты: 30 вариантов // Под ред. И. П. Цыбулько. М.: Национальное образование, 2013 (ЕГЭ-2014. ФИПИ-школе).
- ЕГЭ-2016. Русский язык: Типовые экзаменационные варианты: 36 вариантов // Под ред. И. П. Цыбулько. М.: Национальное образование, 2016 (ЕГЭ-2016. ФИПИ-школе).
- Орлова Н. В. Русский язык и его изучение в школе (картина языкового мира школьника) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Часть 1. Коллективная монография. Кемерово; Барнаул: изд-во Алтайского государственного университета, 2009. С. 387–399.

Протодейксис и речевая модусная рамка

М. Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена / ИЛИ РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

Коммуникативность, речевая модусная рамка, протодейксис.

Summary. The concept of protodeixis is introduced against the background of a revised concept of communicativity based on the recent analysis of communication failures. Protodeixis is defined as a neurophysiologic mechanism, a part of the situational afferentation. Protodeixis forces the perceiver to an instantaneous and unconditional attribution of a signal to his actual present and to himself. It is stressed that protodeixis plays a primary role both in glottogenic and ontogenesis as well as in everyday communication being reflected in the speech modus frame incorporated in every human utterance.

Анализ коммуникативных неудач показывает, что успешность реализации коммуникативной функции зависит от ясности для адресата соотнесенности факта высказывания с базовыми параметрами текущей коммуникативной ситуации. В то же время коммуникативность — качество, сообщаемое высказыванию самим фактом его осуществления, качество, для возникновения которого

го достаточно наличия коммуникативной интенции и не требуется никаких специальных языковых средств, кроме интонации (подробнее см. [Дымарский 2005]; [Дымарский 2013].

Имеет смысл попытаться ответить на вопрос, почему для реализации коммуникативности не требуется специальных языковых средств, кроме интонации.

В стандартном случае (при успешной коммуникации) отнесенность факта высказывания к базовым параметрам текущей коммуникативной ситуации осуществляется автоматически. Нейрофизиологической опорой этого процесса служит механизм, который побуждает воспринимающего к мгновенному и безусловному отнесению сигнала к своему актуальному настоящему и к самому себе, — механизм, отработанный миллионами лет эволюции в системах коммуникации животных, а затем унаследованный человеком. Этот механизм можно назвать **протодейксисом**.

Протодейксис относится к нейрофизиологическим механизмам, управляемым лимбической системой мозга. Можно полагать, что протодейксис сформировался в филогенезе (и формируется в онтогенезе) как составляющая фундаментального механизма обстановочной афферентации, описанного П. К. Анохиным [Анохин 1966: 9]; [Леонтьев 1969/2003: 145–146].

Можно предположить, что одна из самых ранних стадий речевого онтогенеза, когда ребенок достигает способности фиксировать внешний сигнал и начинает учиться реагировать на него, представляет собой стадию актуализации протодейксиса. Дальнейший протодиалог между матерью и ребенком развивает эту способность и формирует коммуникативную интенцию, в результате чего протодиалогические «реплики» малыша постепенно достигают уровня полноценных в коммуникативном отношении (но необязательно в грамматическом и лексическом отношениях) реплик диалога.

Представляется возможным рассматривать протодейксис как дограмматический прообраз языковых категорий лица, времени и модальности — другими словами, как дограмматический прообраз предикативного значения. Если принять это предположение, то развитие естественных языков по пути формирования предикативной структуры и, соответственно, всего комплекса образующих ее средств предстает предопределенным задолго до своего начала.

Будучи явлением нейрофизиологической природы, протодейксис не может непосредственно присутствовать в высказывании. Однако всегда наличествует его лингвистически выявляемый «след» — речевая модусная рамка (далее — РМР) вида ‘Я говорю тебе здесь и сейчас’ (с позиций слушающего — аналогично, с соответствующей меной ролей)¹. РМР не является вербализацией протодейксиса, так как это не значение и не ментальное образование, а лишь

¹ Исходим при этом из определения: «Конструкция, соединяющая ментально-речевой предикат с субъектной словоформой (синтаксемой), называется модусной рамкой» [Онипенко 2013: 97]. Подразумевается, в том числе, и невербализованная МР.

импульс, побуждающий человека осознать себя в качестве участника коммуникации. Это осознание порождает оппозицию говорящего и слушающего со всеми вытекающими следствиями.

Структура РМР, неизбежно присутствующей в любом высказывании, оказывает существенное влияние на прагматику диалога и монолога. Высказывание, содержащее номинации элементов структуры РМР или хотя бы косвенные отсылки к ним, оказывается более «дружественным» к адресату.

В случаях непрототипической коммуникации ее участники подсознательно стремятся приблизить ее к прототипу, в частности — воспринимать любую реплику собеседника как высказывание со стандартной РМР. Появление телефонной связи сделало эту тенденцию наблюдаемой и привело к возникновению асимметричной коммуникации, когда один участник является субъектом двух параллельных коммуникативных актов. В подобной ситуации он может избежать неудач только если будет сопровождать переключения с одного адресата на другого хотя бы частичной вербализацией РМР. Однако ср. типичное «*Это я не вам*».

Появление технологии hands-free довело тип ситуаций асимметричной коммуникации до логического завершения. В этом случае заблуждаться могут уже двое: как телефонный абонент, так и участник прототипического коммуникативного акта (что выразительно продемонстрировано, например, в фильме «Ирония судьбы. Продолжение»¹). Подобные (и другие) коммуникативные провалы возникают потому, что действие механизма протодейксиса безусловно.

Литература

- Анохин П. К. Кибернетика и интегративная деятельность мозга // XVIII Междунар. психологический конгресс. Симпозиум 2. Кибернетические аспекты интегральной деятельности мозга. М., 1966. С. 3–20.
- Дымарский М. Я. Принцип толерантности и некоторые виды коммуникативных неудач // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 74–84.
- Дымарский М. Я. Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Коллект. моногр. / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 2005. С. 292–332.
- Дымарский М. Я. Протодейксис как опора коммуникативности // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко): М-лы Всеросс. науч. конф. (СПб., 13–15 ноября 2013 г.). СПб., 2013. С. 177–183.
- Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. 2-е. М., 2003 [1-е изд.: М., 1969].

¹ Ср.: На д я. *Вроде бы ничего не взял.* И р а к л и й. *Да, ну, слава богу. Привет, Владик!* К о н с т а н т и н. *Здрасьте, только я не Владик!* И р а к л и й. *Искал, искал, чуть попозже мне перезвони, только обязательно перезвони.* Да. *Давай! Встал, быстро! Ты меня слышишь?* К о н с т а н т и н. *А это вы мне?* И р а к л и й. *Да я с тобой сейчас разговариваю* (автор сценария А. Слаповский [<http://vword.ru/tekst-filma/Ironiya-sudjbyi-Prodolzhenie/>]). См. также еще один тип коммуникативных неудач, возникающих в ситуации разговора по телефону с радиослушателем в прямом эфире, описанный в [Дымарский 2004].

Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. СПб., 2013. С. 92–121.

Новый самоучитель чешского языка для русских

А. И. Изотов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Чешский язык, самоучитель, коммуникативный подход.

Summary. New manual of Czech language for Russian speaking students is presented. Not only grammatical competence, but also sociocultural competence and discourse competence are taken into account. Teaching occurs by using authentic Czech texts mainly.

Основной особенностью предлагаемого самоучителя является последовательный коммуникативный подход к излагаемому материалу. В классических учебниках иностранных языков основной упор всегда делался на грамматику — именно проработке тех или иных грамматических особенностей изучаемого языка и было посвящено подавляющее большинство предлагаемых заданий, если не все эти задания. Лексический же материал вводился, как правило, в форме текстов явно искусственного характера, насмешки над которыми давно стали общим местом (герой этих текстов, как правило, был холост и учился на юридическом факультете университета, его сестра была замужем и училась на медицинском или филологическом факультете, отец героя был инженером и работал на большом заводе, а мать — учительницей в школе или врачом в поликлинике и т. д.).

В предлагаемом же самоучителе чешский язык подается прежде всего в виде диалогов и микродиалогов, имитирующих реальные ситуации повседневного общения. Вся действительно жизненно необходимая грамматическая информация (то есть то, без чего никак нельзя обойтись даже на самом начальном этапе) излагается во «Вводном курсе». Помимо правил чешского произношения это спряжение чешских глаголов в настоящем, прошедшем и будущем времени, ведь в чешском языке высказывание почти всегда «держится» именно на глаголе, будь то смысловой глагол или глагол-связка. В принципе этой грамматики уже достаточно, чтобы «видеть» внутреннее строение высказываний, составляющих приводимые в самоучителе диалоги и микродиалоги, что помогает усваивать материал не механическим зазубриванием, а осознанно. Тот же, кто привык при изучении иностранного языка постоянно опираться на грамматику, может воспользоваться грамматическими темами «Имена существительные», «Повелительное наклонение», «Условное наклонение» и т. д., а также грамматическими комментариями, делаемыми по ходу изложения. При этом максимально используется сформулированный в «Великой дидактике» Я. А. Коменского принцип опоры на уже известный обучаемому материал — в данном случае на русский язык, когда постоянно подчеркиваются сходство

того или иного чешского грамматического феномена с системно ему соответствующим русским или же, наоборот, его отличие.

Автор сознательно отказался от традиционного поурочного деления, разбив и лексику, и грамматику основной части самоучителя на крупные темы, чтобы читатель мог сам выбирать, какими порциями осваивать материал. Более того, совершенно не обязательно переходить к следующей теме, только полностью исчерпав предыдущую. Ведь когда мы усваиваем язык естественным путем, мы идем не от первого склонения ко второму и не от несовершенного вида к совершенному. Мы узнаем сначала понемногу обо всем, а уже потом наращиваем свои знания то в одной, то в другой области.

Так и в случае предлагаемого самоучителя можно, например, сначала ознакомиться с юмористическими миниатюрами и микродиалогами, предваряемыми значком ☺ — их сотни! Все они снабжены переводом на русский язык (при переводе по возможности сохранялась внутреннюю структуру чешских предложений, чтобы читатель мог уже на этом этапе соотносить чешские слова с русскими). Ведь даже если мы просто будем читать эти миниатюры, вслух проговаривая чешские слова, то и наше подсознание будет привыкать к чешской речи.

Затем можно перейти к крупным диалогам в начале каждой темы. Словарики в конце каждого диалога содержат **все** полнозначительные чешские слова, которые в данном диалоге встречаются (а не только новые слова, как это обычно бывает в учебниках). Так читатель не будет отвлекаться на поиск в большом словаре тех слов, которые хоть и встречались в предыдущих текстах, но еще недостаточно хорошо освоены. Упражнения после диалогов составлены так, чтобы многократно повторять наиболее употребительные чешские слова и выражения и тем самым запоминать их естественным путем, без зазубривания. Эти упражнения снабжены ключами для самоконтроля.

На завершающем этапе можно обратиться к микротекстам культурно-страноведческого характера — Svatý Václav ‘Святой Вацлав’, Národní muzeum ‘Национальный музей’, Pražský hrad ‘Пражский кремль’ и т. д. Эти микротексты могут состоять всего из нескольких предложений, однако они не адаптированы (или очень мало адаптированы). Иначе говоря, в таком или почти таком виде они могут встретиться и в справочнике, и в чешском отделе Википедии. Их задача — подготовить читателя не только к повседневному общению на чешском языке, но и к пониманию более сложных, чем дорожный указатель, текстов, с которыми он может в Чехии встретиться. Ну и конечно же, в случае с данными микротекстами речь идет о значимых явлениях чешской истории и культуры, знакомство с которыми небесполезно при общении жителями Чешской республики. Эти микротексты также снабжены словариками (если у читателя несмотря ни на что все же возникнут затруднения с каким-нибудь словом, отсутствующим в таком словаре, он найдет его в словаре в конце самоучи-

теля). Восемьдесят шесть (!) цветных фотографий в конце самоучителя («Карлов мост», «Сад Валленштейна», «Национальный театр» и т. д.) иллюстрируют данные микротексты.

Чтобы не попасть в глупое положение в чужой стране, одного знания иностранных слов и грамматики недостаточно. Нужно также знать, как заплатить за проезд в трамвае или автобусе, сколько дать на чай официанту, как обратиться на улице к прохожему, чтобы тот не шарахнулся в ужасе в сторону и т. д. Поэтому предлагаемый самоучитель содержит необходимую страноведческую информацию, а также устойчивые обороты, используемые в тех или иных типовых ситуациях общения (разделы «Полезные слова и выражения»).

Литература

- Изотов А. И. Самоучитель чешского языка. М.: Филоматис, 2016.
 Изотов А. И. Чешско-русский и русско-чешский учебный словарь: 40 000 слов. 3-е изд. испр. и доп. М.: Филоматис, 2014.
 Изотов А. И. Материалы к «Чешской грамматике» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 42. М.: МАКС Пресс, 2011. Вып. 42. С. 85–144.
 Изотов А. И. Программа по чешскому языку (курс по выбору) для студентов русского отделения филологического факультета // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 44. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 105–112.
 Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1955.

Постмодернизм и славянская филология: проблемы теории и методологии современных исследований славянских языков, литератур и культур

А. К. Киклевич

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie (Польша)

*Славянская филология, парадигмы науки, методология филологических наук,
постмодернизм*

Summary. The address will discuss the problem of the theory and methodology of modern philology. The author examines the influence of the postmodernism on the research in the field of language and literature. The report shows that postmodernism promotes the interdisciplinary research and the emergence of the symbiotic disciplines. On the other hand, the author sees also some negative consequences of this effect, and namely, irrationalism, speculative, and crisis of scientific discourse.

В современных гуманитарных науках широкое распространение получила точка зрения, согласно которой все области человеческого знания так или иначе связаны с изучением человека — человеческой личности или человеческого общества [Weigand 2011: 546], в связи с чем предметность научного знания стала рассматриваться в контексте интердисциплинарности и кооперации наук. Доминирующее положение, особенно в странах Западной и Центральной Европы, а также Северной Америки, заняла идеология культурного релятивизма, а также связанный с ней универсализм, холизм и разные версии антропологии: антропология культуры, антропология языка, антропология СМИ, ан-

тропология истории и т. д. В гуманитарных науках это отразилось в множестве конфигураций научного знания, в частности, в том, что возникли и активно развиваются симбиотические дисциплины, такие, как когнитивная лингвистика, когнитивная поэтика, юрислингвистика, лингвокультурология, критический анализ дискурса, лингвистическая прогностика, евролингвистика и др. Позитивное влияние постмодернизма состоит в том, что с научных исследований были сняты оковы узкоспециальной запрограммированности, альтернативой для которой стала синергическое взаимодействие научных программ и научных методов. Так, когнитивное языкознание поставило важную проблему (отчасти решаемую ранее психолингвистикой) о том, как языковая система обрабатывается в сознании и как функционирование языка отражает перцептивные и познавательные способности (и ограничения) человека. Лингвистическая прогностика поставила своей задачей футурологическое представление языковой деятельности с учетом множества релевантных параметров, не только и даже не столько лингвистических, сколько социальных, культурных, политических, экономических, демографических и др. [Кретов 2007: 13 и сл.].

Одновременно теоретики языка и литературы признают, что в какой-то степени постмодернизм означает кризис классической науки [Jędrzejko 2000: 59]; [Szumska 2007: 5 и сл.]. Сформулированный А. Е. Кибриком принцип «от описания к объяснению» на практике означает маргинализацию дескриптивных подходов и практик, а заодно — таких традиционных методов языкознания и литературоведения, как экспликация, формализация, моделирование, квантитативный / статистический анализ, сопоставление и др. Так, многие выводы лингвокультурологических исследований, например, о культурной специфике отдельных языковых явлений, делаются без какого-либо сопоставительного фона, в результате чего, например, «ключевые идеи русской языковой картины мира», описанные Анной А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелевым [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], на проверку оказываются культурно неспецифическими — их можно встретить в других европейских и неевропейских культурах.

В докладе, главным образом, на примере польских и восточноевропейских филологических исследований, показывается, роль философии постмодернизма в развитии нескольких современных направлений славянской филологии: лингвокультурологии, лингвистической концептологии, герменевтики и когнитивной семантики.

Литература

- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской картины мира. М., 2005.
- Кретов А. А. О праве на экстраполяцию // Проблемы лингвистической прогностики / Ред. А. А. Кретов. Вып. 4. Воронеж, 2007. С. 13–21.
- Jędrzejko E. O językowych wykładnikach pojęcia „wstyd” w różnych koncepcjach opisu // Język a Kultura. 2000. № 14. S. 59–75.

Szumski D. Dekada dekadencji? Frustracje lingwisty(ki) XXI wieku // Polonica. 2007. XXVIII. S. 5–11.

Weigand E. Paradigm changes in linguistics: from reductionism to holism // Language Sciences. 2011. № 33. P. 544–549.

Процесс становления письменной нормы в период активных языковых изменений

И. В. Нечаева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

*Языковые изменения, орфографическая нестабильность,
дестабилизирующие факторы письма, системность письма.*

Summary. The report is concerned with norm formation in the Russian writing in the period of linguistic changes. The destabilizing effect of extraneous factors is described, and the notion of systemacy in orthography is analyzed.

Языковые изменения последних десятилетий затрагивают и саму языковую систему, и отношение к ней носителей русского языка. Среди очевидных факторов таких перемен можно назвать тенденцию к тотальному обновлению языковых средств выражения, повышение темпов языковой динамики, размытость границ языкового стандарта, восприимчивость к внешнему влиянию, шаткость норм и повышенная вариативность. Происходит пополнение лексической системы за счет заимствований, смешение сфер употребления лексических единиц и стилей. Одновременно растут нигилизм по отношению к традиционной норме и разногласия в понимании того, как она формируется.

В письменной сфере норма обычно является более твердой по сравнению со всеми уровнями устного языка. Однако нельзя не заметить, что изменения последних лет существенно поколебали устойчивость орфографической нормы, которая под влиянием упомянутых факторов потеряла свою убедительность для многих пишущих. Можно сказать, что активные языковые перемены обернулись своеобразной проверкой на прочность орфографических традиций. Возникло представление о необходимости обновления самих нормализаторских подходов, что в данных обстоятельствах представляется вполне закономерным.

Следует заметить, что при очевидном усилении вариативности письма расшатывание норм не тотально, зона орфографической нестабильности имеет свои границы. Прежде всего она охватывает те области, которые подвержены внешним (по отношению к языку) влияниям. Такими орфографически нестабильными подсистемами языка являются, в частности, иноязычные заимствования (внешнее влияние посредством воздействия иных языковых систем) и область языковой номинации, связанная с употреблением прописной графемы (влияние экстралингвистических факторов).

Так, в сфере иноязычного заимствования внешнее дестабилизирующее воздействие на русскую орфографию проявляется в таких, например, явлении-

ях, как раздельные написания композитов различной структуры (*биг мак, фаст фуд, комфорт класс, супер хит, реалисти шоу...*), что с точки зрения русской орфографической традиции совершенно неприемлемо. Здесь очевидным образом проявляется влияние английского языка, в котором подобные конструкции представляют собой словосочетание, в отличие от русского языка, где это одно слово.

В области правописания собственных имен и составных наименований колебаниям подвержены новые по семантике или структуре виды номинаций, не описанные в существующих кодифицирующих источниках (например, громоздкие бюрократические построения типа *Муниципальное образовательное учреждение Заокская средняя общеобразовательная школа имени Героя России Сергея Бурнаева* и т. п.; товарные бренды типа *ниссан «Каишай»*, *«тойота камри»*, *«Форд Фокус»* и др., предполагающие большое количество вариантов написания). Внешнее воздействие на выбор буквенного регистра оказывают лингвистически не признанный аксиологический подход к обозначаемому на письме явлению (тяготение к применению прописной «в знак уважения», для обозначения высокого социального статуса), включение наименований в различные бюрократические номенклатуры, факторы автоматизированной компьютерной обработки текстов и т. п.

При нормировании новаций в орфографически нестабильных подсистемах языка желательно учитывать действие современных тенденций письма и при этом удерживаться в рамках системного подхода в правописании. Следует иметь в виду, что понятие системности письма не имеет ничего общего с догматизмом и не означает запрет на изменение орфографических норм и на развитие представлений о норме в целом. При ложно понимаемой системности письма господствует формальное уподобление одного орфографического явления другому, в чем-то внешне ему подобному. Такое письмо по принципу формального прецедента приводит к ошибкам.

Так, 16 слов на *блиц...* (*блицанализ, блицвикторина, блицинтервью, блицопрос, блицтурнир* и др.) зафиксированы в слитном написании по образцу более раннего заимствования *блицкриг*; напротив, *мини(-)вэн* (при этимоне *mini-van*) получило первоначально дефисное написание по прецеденту слов на *мини...*, типа *мини-юбка*. Корректность таких решений сомнительна, они не оправдываются спонтанной письменной практикой (речь идет о письме, в целом соответствующем среднему уровню грамотности). Между тем соблюдение системности письма отнюдь не предполагает постоянную борьбу с узусом, если речь идет не о сокрушении основ, а всего лишь о частном кодификаторском решении. В области употребления прописной ложная системность может выражаться в злоупотреблении принципом унификации, чему в ряде случаев сопротивляется орфографическая практика (например, написание аббревиатуры *ВИП- / vip-*, при ее достаточно широкой освоенности, тяготеет к понижению буквенного регистра, несмотря на словарную фиксацию).

Словообразовательный словарь современного русского языка: новые решения

Г. А. Николаев

Казанский федеральный университет (Россия)

*Словообразовательное гнездо, полимотивация, словообразовательная омонимия,
обратная соотнесенность.*

Summary. In the word-formation dictionary of the Russian language must be taken into account and be reflected such actual characteristics of derived words as polymotivation, word-formation homonymy (as a result of the interaction between morphemic and semantic derivation), reverse correlation of derivative forms. In the existing dictionaries these characteristics are not taken into account.

Существующие словообразовательные словари современного русского языка, представляют совокупность словообразовательных гнезд, расположенных по алфавиту вершинных слов и включают все словообразовательные цепочки и парадигмы аффиксальных производных слов. Главный недостаток этих словарей — они ориентированы на этимологическую производность слов и не учитывают реальных изменений в системе словопроизводства.

Предлагается отмечать в словарях следующие характеристики производных слов:

- 1) множественную мотивацию (полимотивацию) дериватов (*лесной* — *лесн-ик* и *лес* — *лес-ник* и т. п.);
- 2) результаты семантической деривации в сфере аффиксальных слов, раскрывающиеся в фактах словообразовательной омонимии (*двор* — *двор-ник* ‘лицо’ и *дворник* — *дворник* ‘орудие действия, стеклоочиститель’);
- 3) морфологизированные семантические дериваты, установившие мотивационные отношения с производящим своего производящего (*истребить* — *истреби-тель* ‘лицо, летчик’ и *истребить* — *истреби-тель* ‘орудие, самолет’);
- 4) обратную соотнесенность производных слов в пределах словообразовательной цепи (ср.: *учитель* — *учитель-ство* ‘собирательное значение’, но *учительствовать* — *учительств-во* ‘действие’);
- 5) словообразовательную синонимию в пределах словообразовательной парадигмы в гнезде (*ходить* — *ход-во*, *ходь-ба*, *хожд-ение* в одном гнезде парадигмы).

Существующие словообразовательные словари эти параметры производных слов, к сожалению, не учитывают, а потому неадекватно отражают картину словообразовательных связей и отношений применительно к определенным группам производных слов.

Предложенное решение может быть использовано при составлении словообразовательных словарей и других славянских языков.

**Новые ракурсы Московской этнолингвистики
в свете культурно-языковой ситуации
в Болгарии и России в XXI в.***

И. А. Седакова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Болгаристика, русистика, этнолингвистика, сопоставительный анализ.

Summary. New Perspectives of Moscow Ethnolinguistic School in the Light of Linguo-Culutral Situation in Bulgaria and Russia of 21st century. Classical Moscow ethnolinguistic (Nikita I. Tolstoy's) school aims at reconstructing the archaic Slavic traditional culture, and Slavic languages and cultures are in the core of these studies. The paper provides a comparative Bulgarian-Russian analysis of new reconstructive perspectives open for the ethnolinguists with the drastic changes in the modern linguo-cultural situation in the two countries.

Московская этнолингвистическая школа, созданная Никитой Ильичом Толстым в рамках широкой проблематики «язык и этнос», одной из главных целей всегда ставила реконструкцию архаической славянской культуры. Отличающаяся междисциплинарностью и интегральностью (С. М. Толстая), этнолингвистика относит к важнейшим объектам исследования современные славянские языки и культуры, которые вместе с тем служат и источником для реконструкции. В языковых и культурных материалах, преимущественно в диалектных, региональных, ученые ищут «живую старину», реликты древних воззрений. За годы существования школы многое в ее подходах изменилось, что предвидел и специально оговаривал Н. И. Толстой [Толстой 1994: 39], при этом особенно заметно изменился состав и характер современных источников.

Этнолингвистика как школа формировалась в 1970-е гг., в годы атеизма и доминирующей коммунистической идеологии, когда народная традиция, некоторые области духовной культуры и обслуживающий ее язык находились на периферии общественных интересов. После перестройки и распада социалистического лагеря в большинстве стран в корне изменилось отношение к фольклору и обрядам, народной и ортодоксальной религиозности, как со стороны общества, так и со стороны государства. Русская, болгарская и славянские традиции, архаические поверья, календарь и пр. факты духовной культуры получают новую жизнь и становятся важной составляющей разных дискурсов. К этому следует добавить технологическую революцию последних десятилетий и массовое вхождение Интернета во все сферы научных исследований и общественной жизни. В результате современные этнолингвистические исследования значительно расширились, а подход к материалу, его сбор и анализ изменился.

«Языческая» и «народно-религиозная» информация, которая прежде специально отыскивалась этнолингвистами в архаических диалектах и фольклор-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00546а «Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии и трансформация русско-болгарских языковых взаимоотношений: XXI век».

но-этнографических материалах, теперь эксплицируется в публичном дискурсе (в СМИ, Интернете, коммерческих текстах и рекламе и пр.). Таким образом, в наши дни этнолингвистика несколько сблизилась с социолингвистикой, от которой, как отмечал ранее Н. И. Толстой, она отличается своей хронологической направленностью [Толстой 1994: 28]. Этнолингвисты все чаще опираются на современное развитие лексики, усматривая даже в жаргонных выражениях базовые когнитивные и аксиологические представления. Анализ языковых и народно-культурных фактов наших дней позволяет выявить универсальные модели трансляции традиции в веках, определить, какие зоны остаются релевантными, востребованными, а какие постепенно утрачивают свою значимость. Это, в свою очередь, способствует реконструкции архаичного состояния духовной культуры славян.

Изменился и сам статус этнолингвистики — в наши дни она превратилась в важнейший источник разного рода языковых и народно-культурных сведений. Этнолингвистические изыскания и фундаментальные публикации (в Болгарии — это энциклопедии по мифологии [Българска митология 2006], народной медицине [Българска народна медицина 1999] и др., в России — пятитомный словарь «Славянские древности» [Славянские древности 1995–2012]) стали служить пособиями для тех, кто пытается воссоздать традицию или же ее «изобрести». С опорой на наработки этнолингвистов, воспроизводится «мифологический», народный контекст для разных объектов и явлений, «брендируется» географическое пространство, развиваются туристические объекты. Публикации этнолингвистов мультиплицируются через Интернет и творчески перерабатываются в коммерческих текстах, поскольку апелляция к традиции повышает привлекательность рекламируемых товаров (косметических средств, лечебных чаев и т. д.).

Центральное место занимают подобные сведения в современных обрядовых текстах: сайты, посвященные рождению ребенка, подготовке к свадьбе и пр. представляют собой смесь аутентичных славянских источников (в том числе и заимствованных из этнолингвистических публикаций), трансформированных, модифицированных и изобретенных сведений. Особое развитие получили специальные фольклорные тексты, например, заговоры, которые воспроизводятся или сочиняются по классическим опубликованным образцам. Восстановление и развитие календарных праздников, а также установление новых государственных праздников, дней города и пр. повторяет фундаментальную конструкцию традиционного праздника, описанную этнолингвистами.

При сходстве ситуаций в Болгарии и России можно говорить об очень серьезных отличиях в лингвокультурных ситуациях двух стран. Болгария хоть и славянская православная страна, использующая кириллический шрифт (это тоже в данном случае важно), вместе с тем страна балканская, исторически испытывавшая продолжительное османское влияние в области языка и культу-

ры. В Болгарии сохраняется определенная степень патриархальности, которой в России нет. Это особая балканская ментальность, трансляция памяти рода (через выбор имени в семье, празднование «службы» или «курбана» и др.) и большее количество фольклорных и этнографических фактов, которые остаются активным знанием в обществе, даже в городском, столичном, в его повседневной жизни, в разговорном и официальном дискурсе.

В докладе будет представлен сопоставительный анализ ряда фрагментов лингвокультурной ситуации в России и Болгарии в XXI в. с учетом специфики новейших источников и их роли в развитии этнолингвистических исследований, их потенциала в реконструкции славянской архаической культуры.

Литература

- Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 2006.
 Българска народна медицина. Енциклопедия. София, 1999.
 Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М.: «Международные отношения», 1995–2012.
 Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: «Индрик», 1994.

Русский естественнонаучный учебный текст в эпоху понятийного обучения и англификации науки и образования

М. Ю. Сидорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русский язык, учебный текст, английский язык, язык науки, язык образования.

Summary. The maintenance of the Russian language status as one of the languages of world science is both a sociolinguistic and a linguistic problem. Its solution requires comparative studies of knowledge transfer by means of Russian and English as well as research in scientific concept formation, readability, lexical burden, representational formats and other parameters of Russian texts used for vertical and horizontal knowledge transfer in natural sciences. The papers examines the challenges facing the Russian language in this communication domain and the prospects of linguistic research to avoid the domain loss situation in natural science education as being experienced by a number of European languages.

За последние годы произошли существенные изменения в статусе русского языка как средства «горизонтальной» и «вертикальной» трансляции знания в сфере естественных наук. Научным фоном этих изменений является существенный недостаток лингвистических исследований, которые могли бы способствовать сохранению полнофункциональности русского языка в этой области.

1) Русский язык начал испытывать конкуренцию со стороны английского в качестве языка преподавания естественнонаучных дисциплин в России как в высшем профессиональном, так и в общем образовании, при этом сопоставительные исследования передачи научного знания на русском и английском языках отсутствуют.

2) Российские ученые-естественники многих специальностей находятся в сложной лингвистической ситуации: для «горизонтальной» передачи знания в международной профессиональной коммуникации они используют английский язык, для «вертикальной» передачи знания (от старшего поколения к младшему внутри страны) — русский язык. При этом лингвистическое обеспечение «переходов» в обоих направлениях (от русского языка к английскому и наоборот), которое является условием сохранения функции русского языка как языка современных естественных наук, отсутствует.

3) Русский язык, в соответствии с целями программы «Образование на русском», должен вступить в конкуренцию с английским как язык, на котором предлагается современное научное знание в зарубежных странах. При этом уровни изученности лингвистических аспектов использования русского языка и английского как средств передачи и распространения научного знания резко отличаются. Для русского языка отсутствуют имеющиеся в большом количестве для английского исследования языковых параметров эффективного ввода информации в естественнонаучных текстах: «лексического бремени», плотности терминов, «критических» научных понятий, подвергающихся особенно сильной интерференции со стороны обыденного языка, взаимодействия репрезентационных форматов и т. п.

Для того чтобы решить обозначенные проблемы, правильно используя опыт, наработанный в англоязычных исследованиях, требуется движение в двух направлениях:

- 1) социолингвистическом (здесь цель составляют изучение способов распространения английского языка в национальных и мировой системе образования, мониторинг современного состояния билингвального обучения в мире и использование полученной информации для разработки системы мер, позволяющих поддержать и укрепить статус русского языка как инструмента вертикальной и горизонтальной передачи научного знания);
- 2) собственно лингвистическом (здесь целью являются компенсация отставания в проведении исследований, которые уже осуществлены для английского языка, на материале русского и экспертиза и совершенствование русскоязычных учебных и научных текстов и коммуникации на этой базе).

В первой области следует задуматься над очевидным различием в подходах к двум аспектам билингвального образования в мире:

- 1) билингвальное образование как сочетание обучения на «более сильном» (родном) и «более слабом» (государственном или одном из государственных) языках в тех странах, где национальный состав населения создает такую необходимость — обзор подобных программ билингвального образования по странам на конец 1990-х годов и список ссылок см. в [Krashen], на начало 2000-х — в [Nieminen 2006];

- 2) билингвальное образование как сочетание обучения на родном / государственном языках с обучением на английском языке.

При рассмотрении первого аспекта акцент, как правило, делается собственно на лингвистической и / или предметной составляющей: решается вопрос о большей или меньшей эффективности обучения математике, естествознанию или другим предметам на «более сильном» и «более слабом» языках. Во втором случае лингвистическая проблематика часто подменяется политико-экономической. Тем не менее обе этих составляющих мирового опыта требуют анализа, если мы хотим понять, к чему может привести активный допуск английского как языка обучения специальным предметам в российскую систему образования на фоне отсутствия серьезного лингвистического сопровождения для функционирования русского языка в этом качестве.

В докладе будут рассмотрены перспективы разработки научно обоснованных критериев лексической и синтаксической сложности, индексов читабельности русскоязычных учебных текстов по естественным наукам, а также оценки их информационной эффективности в эпоху понятийного обучения, требующую внимания к взаимодействию быденно-языковых и научных понятий при передаче научного знания.

Литература

- Krashen S.* Do Other Countries Do Bilingual Education? [<http://www.languagepolicy.net/archives/UW-euro.htm>].
- Nieminen K.* Aspects of Learning Foreign Languages and Learning with Foreign Languages: Language Immersion and CLIL. JAMK University of Applied Sciences. Jyväskylä, 2006.

Текст как единица культуры в обучении русскому языку

З. Ф. Юсупова

Казанский федеральный университет (Россия)

Русский язык, лингвометодика, текст как единица культуры.

Summary. The article discusses the use of text as units of culture as a didactic material in the process of learning Russian. According to the author, working with text on lessons of the Russian language includes the following aspects: 1) the study of linguistic units on the basis of the text; 2) understanding how speech works, which absorbed the regularities of functioning of language in speech; 3) the use of text as a means of familiarizing students to the culture of the native speaker.

Текстоориентированный (или текстоцентрический) подход в обучении русскому языку на сегодняшний день является одним из основных подходов. Он включает в себя разные аспекты: 1) изучение языковых единиц на основе текста; 2) восприятие текста как речевого произведения, на основе которого усваиваются закономерности функционирования языка в речи; 3) использование текста как средства приобщения учащихся к культуре народа — носителя языка.

Изучение языка как средства презентации культуры, традиций народа обеспечивается прежде всего через текстовой фонд этого языка. Как справед-

ливо отмечает Л. З. Шакирова, «связь языка и культуры следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, с точки зрения того, как учащиеся в процессе овладения коммуникативно — речевой функцией русского языка познают культуру и традиции его носителя, и, во-вторых, как средствами русского языка они углубляют свои познания в области культуры других народов» [Шакирова, Андрамонова 2003: 55].

Связь текста как коммуникативной единицы высшего уровня с культурой очевидна. По мнению Л. Г. Саяховой, это обусловлено следующими факторами: 1) текст — это порождение определенной социокультурной ситуации: страна, природа, его история, обычаи, традиции представляют широкий фон, контекст, который определяет содержание и концептуальную направленность создаваемых текстов; 2) текст порождается в контексте времени и в определенном культурном пространстве, выполняет функцию коллективной культурной памяти, отражает тенденции развития общества и др. [Воробьев, Саяхова 2006].

В связи с этим подход к тексту как феномену культуры обуславливает необходимость лингвокультурологического подхода, который обобщает и синтезирует все остальные подходы к изучению текста: лингвистический, литературоведческий, психолингвистический, коммуникативно-деятельностный и др. (см.: [Левушкина 2013]; [Ходякова 2012]; [Юсупова 2014]; [Юсупова 2015]).

Безусловно, важнейшим звеном в реализации текстоориентированного подхода в обучении русскому языку как неродному является учебник, составленный с учетом специфики предмета и родного языка учащихся. Поэтому в центре внимания авторов современных учебников оказываются высокохудожественные, научно-познавательные тексты, насыщенные, с одной стороны, грамматическим материалом, с другой стороны, отражающие культурные ценности русского народа. Художественные тексты как источник культуры занимают особое место, так как они содержат не только лексический и грамматический материал, но и богатую культурологическую информацию. Вопрос об отборе и способах системного, нормированного представления текстов с национально-культурным компонентом на сегодняшний день получил оптимального решения у многих авторов учебников и учебных пособий по русскому языку. Например, учебно-методические комплексы по русскому языку как неродному, разработанные авторским коллективом под руководством Л. З. Шакировой, отличаются умелым сочетанием лингвистического материала с культурологическим. Отличительной чертой учебников является тематический принцип организации дидактического материала, предусматривающий включение различных аспектов этнокультурологических знаний. Например, в учебнике для 5 класса — «Самая большая ценность народа в его языке» (Д. С. Лихачев), «Хорошая речь слаще меда», «Книга — это величайшее из чудес, созданное человеком» (М. Горький), «Нет счастья вне Родины» (И. С. Тургенев) и др. Духовная культура народов более концентрированно представлена в учебных по-

собиях «Русская речь» для 5, 8, 9, 10–11 классов. В них авторы представили тексты, объединенные речевыми темами «Язык, слово, речевое общение», «Мал золотник, да дорог», «Праздник, который всегда с нами» и др. (5 класс); «Бессмертие народа — в его языке», «Слово — одежда всех фактов, всех мыслей», «Память — основа совести и нравственности», «Звуковая палитра русской речи» и др. (8 класс); «Искусство живописи. Красота вокруг нас», «Мир музыки», «Мир дивных слов — залог прекрасных дел», «Произведения русского народного искусства» и др. (9 класс); «Язык и диалог культур», «Слово и речевое общение», «Искусство: литература, музыка, балет, живопись» и др. (10–11 классы). Тексты позволили авторам ввести языковые единицы в соответствии с их коммуникативной функцией и обеспечить получение учащимися культурологической информации. В учебниках и учебных пособиях по русскому языку осуществляется сопоставительный анализ текстов разных культур в аспекте «диалога языков — диалога культур» на уровне языковых картин мира, содержания, структурной организации текста, лингвокультурологических концептов, на уровне языковых и изобразительно-выразительных средств. Взаимосвязь языка и культуры авторами иллюстрируется на примерах языковых единиц с национально-культурной спецификой, тематически подобранных текстов, отражающих традиции, быт, обычаи, культуру русского и других культур.

Литература

- Воробьев В. В., Саяхова Л. Г. Текст в национально-культурном аспекте // Русский язык в диалоге культур. М.: Ладомир, 2006. С. 158–165.
- Левушкина О. Н. Методическая интерпретация лингвокультурологической характеристики текста на уроках русского языка. Монография. Ульяновск: УлГТУ, 2013.
- Ходякова Л. А. Методика интерпретации текста как феномена культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. С. 76–81.
- Шакирова Л. З., Андрамонова Н. А. Этнокультурный компонент в учебно-методической литературе по русскому языку как неродному // Известия АПСН. М.; Воронеж, 2003. Вып. 7. С. 223–228.
- Юсупова З. Ф. Художественный текст как единица культуры: лингвометодический аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 4. С. 229–234.
- Юсупова З. Ф. К вопросу о лингвометодических традициях изучения именных частей речи в аспекте преподавания русского языка как неродного // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): В 2 ч. Ч. I. С. 213–217.

Научная фантастика славянских стран: взгляд в прошлое и будущее

**Баланс фантастичности и прогностичности
в экологической фантастике, создаваемой учеными
(на материале повести «Популярная глобалистика»
Р. Р. Габдуллина, И. В. Ильина, А. В. Иванова, Е. Е. Захарова)
О. С. Бочкова**

Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина (Россия)

Повесть «Популярная глобалистика» — попытка авторов создать текст на стыке научно-фантастической и научно-популярной литературы со вполне практической целью — донести знания до читателя в наиболее привлекательном виде. Стиль повести не содержит принципиальных отличий от стиля научно-популярной литературы по другим дисциплинам. Авторы «Популярной глобалистики» активно используют разнообразные способы ввода терминов в текст популяризируемого повествования, однако явное предпочтение отдается истолковывающему контексту, прямым дефинициям, этимологическим экскурсам и синонимическим заменам при лидирующей роли истолковывающего контекста. Наибольшее распространение в тексте романа со стилистической точки зрения получил прием олицетворения, и прежде всего создание антропоморфных глагольных метафор. Олицетворенной оказываются силы природы, выступающие здесь в качестве противника человека, образ которых и доносит до читателя пессимистичные прогнозы ученых.

**Фантастика славянских авторов
в восприятии современного читателя
(из опыта чтения межфакультетских курсов
в МГУ имени М. В. Ломоносова)**

Е. Н. Ковтун

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Межфакультетские курсы МГУ, фантастика, славянские писатели.

Summary. The publication contains statistics on the popularity of Slavic writers' science fiction with modern students that the author got while delivering interdepartmental courses in Lomonosov Moscow State University.

В 2013–2015 гг. автор публикации прочитал в МГУ имени М. В. Ломоносова три межфакультетских курса (МФК) фантастоведческой проблематики: «Кросс-культурные коды фантастики» (весна 2013 г.), «Кросс-культурные ко-

ды фантастики: проблемное поле XX–XXI вв.» (осень 2014 г.), «Вымысел и фантастика в литературе XX–XXI столетий» (осень 2015 г.). Слушатели курсов представляли большинство структурных подразделений¹ университета: весна 2013 г. — 263 чел., 28 факультетов; осень 2014 г. — 554 чел., 29 факультетов; осень 2015 г. — 470 чел., 26 факультетов.

В рамках курсов студентам давались письменные задания с целью выявления читательских предпочтений в сфере фантастической литературы. В частности, предлагалось ответить на вопросы: «Кто ваш любимый писатель-фантаст?» (2013, 2014), «Ваша любимая фантастическая книга» (2015), «Анализ каких фантастических текстов вы хотели бы услышать в рамках курса?» (2015), «Приведите пример хорошо, на ваш взгляд, продуманного фантастического мира» (2013), «Что понравилось (запомнилось) из рассмотренного в рамках курса?» (2015). Ответы на задания демонстрируют любопытный спектр мнений о том, кто из писателей-фантастов востребован современной молодежной аудиторией, какие типы и жанры фантастики пользуются спросом, что именно ищет и ценит читатель в фантастическом тексте. В данной публикации мы прокомментируем ту часть полученной статистики, которая связана с фантастикой² славянских авторов, в том числе русскоязычных.

В перечнях популярных фантастов и фантастических книг из года в год закономерно лидирует русская и российская фантастика XIX–XXI вв. как наиболее многочисленная, разнообразная по тематике и выигрышная с точки зрения художественной формы произведений. В списке любимых писателей 2013 г. — А. Беляев, А. Н. Толстой, Е. Замятин, И. Ефремов, А. и Б. Стругацкие, К. Булычев, В. Крапивин; из современных авторов — Ник Перумов, Генри Лайон Олди, Макс Фрай, М. и С. Дяченко, Е. Лукин, С. Лукьяненко, Д. Глуховский, В. Панов, О. Громыко, А. Пехов, А. Белянин, П. Воробьев, А. Парфенова, А. Рудазов, Л. Каганов, А. Коростелева, В. Пелевин, В. Сорокин.

В 2014 г. 255 выполнивших письменное задание студентов представили следующую «топ десятку» авторов. Первое место — А. и Б. Стругацкие (87 упоминаний), оттеснившие на вторую позицию планетарного лидера фэнтези Д. Р. Р. Толкиена (81). На пятом месте современный российский фантаст С. Лукьяненко (41), на восьмом — один из крупнейших представителей восточноевропейской социально-философской фантастики С. Лем (32). Вне рамок «десятки» нередко упоминался Е. Замятин.

¹ Межфакультетские курсы обязательны для посещения студентами всех подразделений МГУ, кроме того, на котором читается данный курс.

² Термин «фантастика» в рамках курсов использовался для обозначения совокупности художественных текстов, относящихся как к научной фантастике (НФ), так и к фэнтези; кроме того, в МФК 2015 г. рассматривались также родственные фантастике жанры и области литературы — волшебная сказка, утопия и антиутопия, современные литературные притча и миф, а также фантастическая сатира.

В 2015 г. при 232-х отвечавших «Топ-10» любимых фантастических книг сформировали в том числе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова (34 упоминания; второе место после «Гарри Поттера» Дж. Роулинг), «Пикник на обочине» А. и Б. Стругацких (18; седьмое место) и вновь «Мы» Е. Замятина (17; девятое место). Кроме того, двенадцати и менее упоминаний удостоились «Понедельник начинается в субботу», «Отягощенные злом», «За миллиард лет до конца света», «Жук в муравейнике», «Обитаемый остров», «Далекая Радуга», «Волны гасят ветер», «Трудно быть богом», «Улитка на склоне», «Страна багровых туч», «Сталкер», «Отель “У погибшего альпиниста”» А. и Б. Стругацких, «Собачье сердце» М. А. Булгакова, а также тексты еще более чем трех десятков русскоязычных писателей — в том числе «Вий» и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского, «Приглашение на казнь» В. Набокова, «Кысь» Т. Толстой, «Шлем ужаса», «Священная книга оборотня», «Generation “П”» В. Пелевина.

Упоминания инославянских фантастов гораздо менее частотны. Помимо С. Лема (наиболее популярны его «Солярис», «Эдем», «Футурологический конгресс»), как правило, в перечнях устойчиво присутствует лишь современный польский автор А. Сапковский с фэнтезийным циклом «Ведьмак». Правда, в 2013 г. в списках оказались также чешские писатели К. Чапек, Я. Вайсс и Й. Несвадба. Роман К. Чапека «Война с саламандрами» был приведен как пример хорошо продуманного вымышленного мира.

Приведенная статистика, помимо очевидных выводов о забвении или сохранении в памяти поколений тех или иных имен и текстов, позволяет сделать еще ряд интересных наблюдений. В частности, представляющееся важным заключение о нерасчлененности в сознании слушателей МФК — о чем свидетельствуют упоминания книг Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Т. Толстой, В. Пелевина, В. Сорокина — фантастических «мейнстрима» («серьезной» литературы) и «гетто» («собственно фантастики», текстов менее известных писателей, за которыми прочно закрепилось обозначение «фантасты»), что косвенно подтверждает недостаточную обоснованность такого (увы, весьма традиционного в фантастоведении) разграничения. Или не менее приятный для автора публикации вывод о том, что фантастические произведения ведущих представителей национальных славянских литератур выдерживают испытание временем.

Наконец, стоит, безусловно, обратить внимание на отзывы студентов о прослушанных курсах и особенно их разделах, связанных с творчеством славянских писателей. Так, в отзывах высказывалось желание услышать курс о Стругацких, о советской фантастике. Выражалось намерение познакомиться с книгами Чапека, Лема и Сапковского; присутствовала даже особая благодарность за рассказ о чешских авторах (слушатель написал: понравились «ссылки на чешских писателей, т. к. люблю Прагу в литературных произведениях»).

Все это дополняют просьбы о более глубоком биографическом и социологическом контекстном анализе фантастических текстов.

Исходя из сказанного, можно рассчитывать на определенный успех курса лекций о славянской фантастике с обзором творчества ведущих писателей в историко-культурном контексте. В курс, на наш взгляд, могут быть включены разделы: «Славянская фантастика XIX в.» (темы: «Фантастика романтиков от В. А. Жуковского до А. Мицкевича», «Сатирики и фантасты эпохи реализма»), «Двадцатый век в осмыслении фантастов славянских стран» (темы: «Чешская межвоенная фантастика (К. Чапек, Я. Вайс, И. Гауссманн)», «Творчество С. Лема и польская фантастическая традиция», «П. Вежинов и фантастическая литература Болгарии», «Фантастика балканского постмодерна», «Научная фантастика советской эпохи»), «Новейшая российская и инославянская фантастика».

Утопическое государство в рассказе В. М. Шукшина «Штрихи к портрету»

Б. А. Ланин

Институт стратегии развития образования Российской академии образования
(Москва, Россия)

Утопия, Шукшин, утопическое государство, коммуникация, иерархия

Summary. It is impossible to see Shukshin's name in SF or Utopia reference books. Nevertheless, his contribution into this branch of the Soviet Russian fiction is quite remarkable. One of his characters, Nikolai Kniazev, tries to formulate his concept of utopian society. He considers himself real philosopher and thinker. Analysis of his utopian writing discovers new aspects of Shukshin's style.

В библиографиях утопистов и писателей-фантастов имени Василия Шукшина не встретить. Однако в его произведениях герои часто размышляют не только о своей жизни, о судьбах других людей, но и задумываются о создании идеального государственного устройства. Для них государственное устройство зачастую является устройством самой жизни. Его персонажи патриоты своей страны, отчизны, государства. Две наиболее популярные категории мироощущения шукшинских героев — «праздник» и «воля» — обусловлены прежде всего государственным устройством. В. М. Шукшин знал только советских людей, о них только он писал, именно их думы и чаяния метафорически воспроизводил. Даже обращаясь к историческим сюжетам, Шукшин оставался в привычной советскому читателю парадигме. В этом смысле его «чудики» всегда оставались вариантами «советской» психологической нормы.

В центре доклада — Н. Н. Князев, «человек и гражданин», главный герой рассказа «Штрихи к портрету» (1973). Заметим, что рассказ этот был сразу же замечен читателями и критикой. Кроме того, в 1978 году по рассказу был снят одноименный фильм. Конечно, само название первой части «О государстве» пародийно. Оно обращает и к Платону, и к Макиавелли, заведомо настраивая читателя на ироничное отношение к главному герою. Живет Князев в «райго-

родке Н.». Местному философу — а он ощущает себя философом с детства, когда уже проявлялись у него «проблески философского сознания», — не удастся найти ни читателя, ни слушателя. Спиноза возникает в его самопрезентации не случайно: Князев считает себя мыслителем не менее значительным. Он излагает свою концепцию государственного устройства, «схему построения целесообразного государства», заезжему циркачу-мотоциклисту Григорию Кайгородову. По Князеву, государство — это многоэтажное здание, которое суживается кверху, пока не остается лишь одна комната. В ней размещен «пульт управления». Он читает свои записки циркачу-мотоциклисту, и уже в первой фразе готов заявить главное: «Смысл такого государства состоит в следующем...» — но не формулирует этого смысла никогда. Его государственная утопия лишена смысла. Ее назначение — в самосохранении и самоподдержании. В этом государстве нет человека: только «население этажей», состоящее из фигур. Их предназначение — держать на себе всю громаду государственного здания, все этаже которого «прозваниваются». Однако держится это здание на двух государственных технологиях: доносах и прослушке, которые у Князева изящно названы «люди доброй воли и современная техника». Коммуникации между этажами нет никакой, диалога между властью и населением в этом государстве не происходит: оно лишь реагирует на опасные для его существования события, оправдывая свое вмешательство тем, что нарушаются «закон справедливости» и «закон равновесия».

Во «всеобщей государственности» Николай Князев видит и смысл жизни. Человек процветает только тогда, когда процветает государство. Но с Князевым происходит определенная эволюция, которая отражается и на его утопической модели во второй части рассказа «О смысле жизни». Теперь это не здание, поддерживаемое «фигура», а могильный курган — угрюмый холм. Цель каждого гражданина — бросить свою горсть земли в основание этого холма, который теперь символизирует «целесообразное государство». Князев, человек малообразованный, но успешно овладевший приемами демагогии, убежден, что именно так и создавались все государства на свете, «от Урарту до современных суперов». Он не может сформулировать жизненные интересы своего собеседника Юрия Викторовича Сильченко, зато убежден, что объективно они совпадают с государственными интересами. Впрочем, государственных интересов он тоже не понимает, не осознает и сформулировать не в состоянии.

Князев тем временем вживается в роль философа-государственника. В третьей части рассказа «О проблеме свободного времени» он даже обижается за государство, когда подвыпивший посетитель зоопарка высказывает совершенно невинную мысль о том, что зоопарки приносят выгоду, потому их и содержат. Теперь для него государство — это «разумная организация людей», оно «ускоряет ритм», из телеги превращается в его воображении в «лайнер». Тут его собеседник, не в силах выносить князевскую демагогию, попросту переходит к рукоприкладству.

В четвертой части рассказа «Конец мыслям» (это единственная часть, чье название не заключено в кавычки, т. е. «авторское», в не князевское, название) семилетний труд Князева завершен. Почтовые работники не советуют ему отправлять его (тем более что неизвестно, куда же он хочет отправить свой трактат «в восьми общих тетрадах»). Впервые можно прочитать первую страницу этого взлелеянного Князевым труда, так сказать, историю утопического замысла. Всегда и во всем с самого начала Князев исходил из того, что государство живет «структурой», и что все конкретные человеческие мысли ничтожны и должны быть подчинены глобальной мысли о государстве.

Фетишизируя «государство», а на самом деле — смутное и опьяняющее его понятие о государстве — Князев является идеальным Homo Sovieticus, который душит всякую мысль в себе и в каждом встречном, отравляет ему работу и отдых во имя смутной утопии, зародившейся когда-то в его не обремененной ученостью голове и постоянно меняющей свои границы, цель и смысл. Он, конечно, еще один шукшинский чудик, но развенчанный автором, лишенный доброты и обаяния, вызывающий лишь сочувствие продукт тотальной пропаганды.

Художественная философия истории в современной исторической фантастике

А. М. Лобин

Ульяновский государственный технический университет (Россия)

Литературная философия истории. Историческая фантастика XX–XXI вв.

Summary. The paper discusses various models of historical process as shown in fantastic literature of XX–XXI centuries: the cryptohistorical and alternative historical novel, as well as the historical fantastic thriller.

Историческая фантастика, в которой события прошлого описываются и объясняются с помощью каких-либо фантастических допущений — машины времени, вмешательства инопланетян, возникновения альтернативных реальностей и пр. — является одним из наиболее популярных жанров НФ. Так, один из наиболее востребованных сюжетов о путешествиях во времени породил множество вариантов, в которых человек будущего переживает в прошлом множество приключений и даже меняет его, тем самым создавая альтернативную историческую реальность. Не менее популярна и криптоистория, объясняющая ход исторического процесса фантастическими причинами.

Каждый из этих магистральных сюжетов опирается на определенную концепцию истории, включающую ответы на ряд принципиальных вопросов историко-философского характера: возможно ли такое изменение в принципе, и какого масштаба должно быть необходимое воздействие; приведет ли оно к изменению будущего или созданию новой «параллельной реальности» и пр.?

Фантасты второй половины XX века, как советские, так и зарубежные — А. и Б. Стругацкие, С. Гансовский, И. Варшавский, А. Азимов, П. Андерсен,

Г. Гаррисон и др. — скептически относились к идее «улучшения истории». Они считали невозможным управление историческим процессом, более того, полагали, что любая попытка такого вмешательства приводит к негативным эффектам. Так, Р. Брэдбери в рассказе «И грянул гром» сформулировал т. н. «эффект бабочки»: любое, даже самое микроскопическое изменение естественного хода событий в прошлом приводит к глобальным переменам в будущем. Последним заметным произведением, где звучит эта мысль, стал роман С. Кинга «11/22/63», в котором главному герою удалось предотвратить убийство президента Кеннеди, однако, вернувшись обратно в 2011 год, он обнаруживает, что спасение президента обернулось серией ядерных войн.

Художественная философия научной фантастики XX века основывалась на точке зрения исторической науки, которой «свойственно исходить из неизбежности того, что произошло» [Лотман 1992: 24]. Большинство фантастов XX века воспринимало современность как результат событий, жестко связанных причинно-следственными связями и обусловленных объективными законами исторического процесса. Следствием такого подхода становилась онтологическая абсолютизация реальности в целом, поэтому считалось, что любое изменение в причинно-следственной цепи приводит к катастрофическим последствиям.

Авторы альтернативной истории также рассматривали исторический процесс как последовательность взаимосвязанных событий, однако их результат не считали единственно возможным и неизбежным. Любое изменение в этой цепи — случайное или ставшее результатом чьей-то целенаправленной деятельности — приводило к созданию альтернативной реальности или возникновению еще одного параллельного мира [Володихин 2000: 232]. В зависимости от авторской оценки настоящего новая реальность могла быть улучшенной или ухудшенной версией реальной истории.

Альтернативные историки, негативно оценивающие существующее положение дел, рассматривают его как результат ошибки, в качестве которой может рассматриваться любое событие или целая эпоха: Петровская реформа или Октябрьская революция, установление Культа личности или его отмена — в любом случае исторический процесс предстает не как закономерная реализация объективных общественных законов, а как цепь случайностей, которые могут быть исправлены.

На рубеже XX–XXI вв. преобладала скептическая точка зрения на постсоветскую реальность, поэтому в русской фантастике этого периода — романах «Гравилет Цесаревич» В. Рыбакова, «Штурм Дюльбера» К. Булычева, «Русский аркан» А. Громова, «Евразийская симфония» Х. Ван Зайчика и многих других — оптимальный вариант будущего возник без вмешательства извне.

Другое, не менее известное направление альтернативно-исторической фантастики, опирающейся на ту же концепцию истории, описывает процесс изменения прошлого пришельцами из будущего. «Это делается с двумя глав-

ными целями: чтобы Россия не проигрывала войн, и чтобы в ней не случилось революций» [Фишман] — писал политолог Л. Фишман. Первым известным произведением такого рода стал цикл романов В. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку» (1983–2000). В XXI веке у этого автора появилось множество последователей: Р. Злотников (трилогия «Царь Федор», тетралогия «Генерал-адмирал»), С. Буркатовский (роман «Вчера будет война»), И. Конюшевский («Попытка возврата»), А. Баренберг («Первым делом самолеты») и многие другие.

Кроме того, существует и другая, менее научная концепция истории, в рамках которой сознательно снижается жесткость причинно-следственных связей. Предполагается, что исторический процесс движется поступательно и закономерно, поэтому действия пришельцев из будущего не могут оказать существенного влияния на конечный результат. Эта концепция была реализована в романе Р. Хайнлайна «Дверь в лето», повести К. Булычева «Гостя из будущего», а также более современных произведениях В. Полищука («Зенитчик»), О. Верещагина («Клятва разведчика»), Ю. Корчевского («Пилот штрафной эскадрильи») и др.

Проведенный анализ приводит к выводу, что в современной исторической фантастике происходит все более заметный отход от научных принципов мышления, поэтому идея значимости и взаимосвязи отдельных составляющих исторического процесса авторами систематически игнорируется. Это объясняется отсутствием единой концепции истории, а также влиянием постмодернистской поэтики. Существенное влияние оказывает также активное распространение компьютерных игр, для которых характерна унификация прошлого и исторических событий, превращаемых в т. н. игровой «квест».

Литература

Володихин Д. Призывая Клио // Если. 2000. № 10. С. 231–238.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис: Прогресс, 1992.

Фишман Л. Х. Мы попали [URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/4/fi17.html> (дата обращения 10.11.2015)].

Постмодернизм и формализм в современной российской альтернативно-исторической фантастике

К. Г. Фрумкин

Журнал «Компания» (Москва, Россия)

Постмодернизм, альтернативная история, коммунизм, фашизм, карнавал.

Summary. When the post-modern phase of development of the “ideological” novel continues to maintain all the external signs of the genre, but also its author and the reader all the more difficult to maintain a serious attitude to meaningful statements. And as compensation in the novels begins to grow gaming narrative component. Literary postmodernism is a symptom of decadence and a tool in the novel, such as alternative historical novels dealing with communism and fascism.

Термину «постмодернизм» можно предавать не только историческое, но и «типологическое» значение. В этом случае «постмодернистской» можно

называть особую фазу развития любого художественного направления, которое само осознает свою истощенность, когда его творцы чувствуют пресыщенность и отсутствие возможности серьезного отношения к собственным занятиям — и поэтому ищут спасения в иронии, в комбинаторных играх с наработанными ранее материалами, в количественном увеличении используемых формальных приемов и упоминаемых фактов. При наступлении постмодернистской фазы развития «идейный» роман продолжает сохранять все внешние приметы своего жанра, но и его автору, и его читателю все труднее сохранять серьезное отношение к содержательным высказываниям. И в качестве компенсации начинает разрастаться игровое начало, эстетизация, становятся все более изощренными приемы, с помощью которых это утратившее жало высказывание сервируется и подается.

«Драйвером» развитие фантастики, посвящено реальным историческим событиям и прошлым эпохам русской истории всегда была пусть косвенная, но легко просматриваемая связь с актуальной политической повестки дня. Это относится даже к самым низкопробным писаниям про пришельцев из будущего, ставших советниками товарища Сталина. Постмодернистская фаза в развитии русскоязычной историко-политической фантастики наступила после того, как — или по крайней мере синхронно с тем — как после прекращения серии массовых протестов в России в России сократилось пространство публичной политики. В свете этого литературный постмодернизм является симптомом и инструментом декаданса политизированном романе — в частности, альтернативно-исторических романах, посвященных коммунизму и фашизму.

Так, сюжет романа Андрея Валентинова «Нуар» свидетельствует о том, что в альтернативно-исторической фантастике все простые ходы, способные изменить ход истории уже отработаны, и теперь писатели, претендующие на качественное продолжение темы, должны находить неочевидные, изощренные фабыльные решения, при этом обсуждение морально-политических вопросов затрудняется эстетическими усложнениями повествования — в том числе и постмодернистского свойства.

Роман Дмитрия Казакова «Черное знамя» хотя и имеет все внешние признаки политического высказывания, однако подчинен чисто формалистической задаче с достаточно высокой степенью точности перенести на историю России историю нацистской Германии. Придание имеющемуся комплексу культурно-исторических материалов чуждой, но уже готовой структуры — это формальная задача, которая не связана с политическим мировоззрением, а имеет внутреннюю, игровую и комбинаторную логику.

Роман Андрея Мартынова и Елены Хаецкой «Der Architekt» виден конфликт между двумя ролями писателя — ролью исторического мыслителя и ролью угождающего вкусам публики мифолога: реалии Третьего рейха обеспечивают интерес к материалу, однако, как исторический мыслитель Андрей

Мартьянов видит бесперспективность гитлеровского режима и понимает необходимость его устранения. Поэтому художественная задача «Der Architekt» самопротиворечива — преодолевать нацистский режим но насколько возможно исключительно в обстановке и среди реалий нацистского режима, чтобы не уйти из сферы мифов, интересных для коллективного бессознательного.

Роман Юрия Арабова «Столкновение с бабочкой» обычно оценивается как «сюрреалистический», хотя в намерение автора не входило создание поражающих воображение фантасмагорий ради них самих, но попытки исправления русской истории приводят именно к такому результату, так что все события «Столкновения» неправдоподобны, а все герои — карикатурны.

Именно на фоне таких фантастических романов, как «Нуар», «Черное знамя», «Столкновение с бабочкой» и «Der Architekt», то есть романов историко-политических, затрагивающих проблематику фашизма и коммунизма — следует рассматривать роман Марины Галиной «Автохтоны» поскольку эстетика «Автохтонов» носит ярко выраженный динамический характер: автор «Автохтонов» от альтернативно-исторической фантастики, которую Галина одновременно и ложно имитирует, и разрушает, и преодолевает, не отказываясь, тем не менее, от некоторых реликтовых жанровых примет.

Андрей Мартьянов, Юрий Арабов и Дмитрий Казаков создают игровые комбинации из известных лиц немецкой и русской истории, создавая игру, которая во многом держится на воспоминаниях о времени, когда тема была актуальной. «Архитект» и «Черное знамя» — в значительной степени результат инерции нашего политизированного коллективного сознания, которое не может быстро отказаться от обсуждения любимых вопросов, но уже начинает понимать, что действует всего лишь по инерции. «Столкновение с бабочкой» — скорее плод отчаяния того же коллективного сознания, понимающего, что сценарий спасения может выглядеть лишь сюрреалистически и неправдоподобно. Марина Галина подхватывает эту игру, и создает пародийную имитацию политически значимых сюжетов, при этом тут же отказываясь от сочиненных историй, демонстрируя невозможность реконструкции их аутентичных версий, и таким образом насмехаясь над самим интересом к истории. Если Мартьянов, Козаков и Арабов создали энциклопедически проработанные альтернативы реальной политической истории, то Галина — энциклопедически проработанную гносеологию подобных альтернативных историй, демонстрируя механизм создания мифов, их разрушения и отказа от окончательных вердиктов по поводу их достоверности.

В общем и целом Марина Галина прежде всего демонстрирует следующую — после Валентинова, Мартьянова, Козакова — фазу прогрессирующего декаданса литературно-философской мысли, а именно новую фазу в процессе утраты серьезности по отношению к истории и политике — при сохранении реликтовой любви к ним как к формам фольклора. Роль следующей точки мо-

жет играть роман Сергея Носова, который, не обладая никакими бросающимися в глаза признаками интереса к политической истории, тем не менее, имеет множество параллелей с «Автохотнами».

Литература

Gavriel D. Rosenfeld. The World Hitler Never Made: Alternate History and the Memory of Nazism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Бочаров А. В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 2002.

Лабазов И. Альтернативная история в сети.

Сравнительный анализ художественной утопии и антиутопии: жанровая природа, особенности фантастического допущения и философского дискурса

Салида Шаммед кызы Шарифова

Развитие научной мысли нередко оказывает влияние на фабулу и сюжет произведения. Это взаимодействие приводит к формированию устойчивых романских форм, в том числе фантастического романа. Термин «научная фантастика» был введен в оборот в 1926 году Х. Гернсберком. Х. Гернсберг этим понятием охватывал широкий пласт произведений технологических приключенческих повествований. Как разновидности фантастического романа можно выделить научно-фантастический роман, роман-утопию и романа-антиутопию.

Жанр романа-утопии, из которого рождается антиутопия, берет начало от платоновского мифа об Атлантиде. Романы-утопии опираются на научные истины своего времени или на возможное развитие науки в будущем. Следует особо подчеркнуть также, что роман-утопия выступает как «метажанр» как по отношению к своим производным, так и к роману-антиутопии и его разновидностям (квазиутопии, дистопии, какотопии) [Шадурский 2007: 84–89]. Следует отметить, что в утопии и антиутопии проявляются черты научно-фантастической литературы, но эти понятия не являются тождественными по своему содержанию: не всякое научно-фантастическое произведение является утопией или антиутопией. Л. О. Мошенская отмечает, что научно-фантастические произведения в литературоведении несправедливо отождествляются с такими жанровыми формами, как утопия и антиутопия [Мошенская 1983: 11]. В некоторых случаях утопию и антиутопию представляют как отдельный жанр. Например, А. Н. Воробьева отмечает, что «утопия и антиутопия рассматриваются как единый жанр, совмещающий противоположные знаки одних и тех же эстетических установок» [Воробьева 2009: 8]. А. Н. Воробьева дает также перечисление жанровых признаков. Необходимо обратить внимание, что среди перечисленных ею признаков нет ни одного, который бы характеризовал композицию, сюжет и фабулу. А. Н. Воробьева перечисляет следующие признаки:

«(1) Изображение коллектива, организации, общества как модели лучшего (утопия) или худшего (антиутопия) государственного строя; (2) Отказ от настоящего, который выражается в радикальных формах: разрыв с привычной средой, эскапистский уход в другое, закрытое пространство, переход в другое время; (3) Коллективный характер утопической цели» [Воробьева 2009: 8].

Утопия (utopia) и антиутопия (dystopia) являются формой проявления фантастической литературы. Фантастика же представляет собой творческий метод, предполагающий использование особого литературного приема для усиления тех или иных качеств текста. В теории литературоведения нет единой позиции о жанровой природе фантастики: является ли она (жанр) жанром или же особой жанровой формой. Хотелось бы обратиться к творчеству (перу) Аркадия и Бориса Стругацких. Перу этих выдающихся братьев-фантастов принадлежат как фантастические романы («Град обреченный», «Отягощенные злом или сорок лет спустя» и т. д.), фантастические повести («Стажеры», «Понедельник начинается в субботу», «Попытка к бегству», «Путь на Амальтею» и т. д.), так и фантастические рассказы («Забывший эксперимент», «Шесть спичек», «Испытание СКИБР» и т. д.). Жанровая природа этих произведений различна: роман, повесть и рассказ. Объединяющим же их в один литературный цикл (одно литературное направление) является обращение к единому творческому приему (методу).

Сказанное относится и к утопии и антиутопии. Мировая литература знает множество образцов романов-утопий («Люди как Боги» (Men Like Gods) Г. Д. Уэллса, «Вести ниоткуда» («News from Nowhere») У. Морриса, «Туманность Андромеды» И. Ефремова, «Конец радуг» В. Винджа и т. д.) и романов-антиутопий «1984» (Nineteen Eighty-Four) Дж. Оруэлла, «Мы» Е. И. Замятина, «О дивный новый мир» (Brave New World) О. Хаксли, «451 градус по Фаренгейту» (Fahrenheit 451) Р. Брэдбери и т. д.). Гораздо реже встречаются повести, а тем более рассказы, написанные в духе утопий и антиутопий. Например, к повести-утопии относят произведение М. А. Булгакова «Дьяволиада». К повести-антиутопии относят «Скотный двор» (Animal Farm) Дж. Оруэлла, «Котлован» А. Платонова. Рассказом-утопией является произведение татарского общественного деятеля, публициста и беллетриста Исмаил-Бея Гаспринского (Гаспралы) «Страна блаженства» (Müsülmanî Darur Rahat).

Следует отметить, что в стиле утопии и антиутопии создаются также лирические и драматические произведения. Испанский автор Лопе де Вега является автором поэмы-утопии «Золотой век» (El siglo de oro, 1635). Одним из известных произведений шведского поэта Х. Мартинсона является поэма-антиутопия «Аниара» (Aniara, 1956), повествующая (эпос) о гибели человечества после тотальной войны. Бельгийский поэт-символист Верхарн Эмиль является автором пьесы-утопии «Зори» (Les Aubes, 1898). Перу А. М. Булгакова принадлежит пьеса-антиутопия «Адам и Ева».

С учетом вышесказанного фантастику (так же, как и утопию, и антиутопию) целесообразно было бы рассматривать как литературное направление, в рамках которого могут создаваться произведения в различных жанрах. В этой связи хотелось бы обратиться к позиции белорусского исследователя М. И. Шадурского: «Жанровый конгломерат, сочетающий в себе черты романного жанра и утопического мировидения, номинируется романом-утопией или утопическим романом» [Шадурский 2009: 38].

Во всех трех вышеназванных вариациях фантастической романистики имеет место быть сочетание мифологизма и научности: на композицию, сюжет и фабулу оказывают параллельное влияние оба фактора. Но в научно-фантастическом романе имеет место быть доминирующее влияние представлений о состоянии и перспективах развития «точных» отраслей науки, естествознания и техники, тогда как для утопии и антиутопии большое значение имеет развития социально-политических и философских наук. Условно можно выделить два типа фантастического допущения: естественно-научное допущение и гуманитарно-научное допущение. В научно-фантастическом романе, романе-утопии и романе-антиутопии присутствуют оба типа допущения, но в научно-фантастическом романе превалирует естественно-научное допущение, а в романе-утопии и романе-антиутопии — гуманитарно-научное допущение. Кроме характера фантастического допущения роман-утопия и роман-антиутопия отличаются от иной научной фантастики также и обращением к элементам сатирических жанров.

Возможно присутствие этих двух типов фантастического допущения в одном произведении. Например, «Эревол» («Erewhon» — анаграмма от «Nowhere», в переводе с английского — «нигде») С. Батлера, «О дивный новый мир» (Brave New World) и «Остров» (Island) О. Хаксли, являясь научно-фантастическим романом, в то же время являются и антиутопией. В романе «Эревол» Самуэль Батлер в сатирическом стиле описывает эволюцию машин, классифицируя их по семействам, родам и видам, по способам питания и т. д. Не случайно, что первые три главы романа «Эревол», вначале появившиеся под названием «Дарвин среди машин», были пародией на книгу Дарвина «Происхождение видов методом естественного отбора, или выживание благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life, 1859). В романе О. Хаксли «О дивный новый мир» (Brave New World) также высмеивается дарвиновская теория и культ машины. «Остров» (Island) содержит в себе сатиру на нравы и идеи английского общества второй половины XIX века.

Отличительной чертой фантастического допущения в утопиях и антиутопиях является его философско-мировоззренческая содержательность. Например, французский мыслитель, считающийся основателем теории разделения

государственной власти на три ветви, III. Монтескьё в своем романе «Персидские письма» — *Lettres persanes* (Persian Letters), 1721 — не только критикует общественную жизнь современной ему Франции, но и отображает философские размышления об идеальной республике [Кириянова 2007: 97].

Если философские размышления в утопии обусловлены тем, что в ней проектируется идеальное будущее, то в антиутопии они связаны с факторами социально-политического характера, которые могут привести человечество в тупик, к катастрофе. По словам А. Т. Бегалиева, путь развития литературной утопии — «это движение от философской идеи к художественному образу, от декларируемой концепции совершенного мира к его художественной модели» [Бегалиев 1989: 8]. Философское начало проявляется в антиутопии в связи с тем, что в ней автор дает проекцию на воображаемый социум тех характеристик современного ему общества, которые вызывают наибольшую неприязнь [Browning 1970]. Именно перенос реальных характеристик и тенденций на антиутопическое общество имел ввиду итальянский писатель и филолог У. Эко, когда говорил в интервью о своем романе «Маятник Фуко» (*Il pendolo di Foucault*, 1988): «Многие думают, что я написал фантастический роман. Они глубоко ошибаются, роман абсолютно реалистический». Авторский замысел «Маятника Фуко» (*Il pendolo di Foucault*) сосредоточен вокруг проблемы трансформации религиозных мифов и эзотерических учений в современном обществе: когда «светлые» религиозно-эзотерические концепции способны привести к коллапсу.

Особенностью философского дискурса в антиутопии является не только гиперболическое отображение в нем существующих социально-политических противоречий, но и наличие философских размышлений о пагубных последствиях мер по установлению «идеального» и «справедливого» порядка. Максимализм и необузданность, игнорирование духовных ценностей при принятии тех или иных решений на государственном уровне — на этом построен роман португальского писателя Ж. Сарамы «Слепота» (*Ensaio sobre a Cegueira*, 1995). Вводя в сюжет произведения распространение болезни, приводящей к слепоте, автор раскрывает «моральную слепоту» общества и доминирующей системы управления. В. С. Воронин справедливо отмечает, что «веру в человеческий разум, присущую утопии, в антиутопии сменяет утверждение бессилия человеческого интеллекта» [Воронин 1999: 60].

Литература

- Бегалиев А. Т. Современная советская литературная утопия: герой и жанр: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. С. 8.
- Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX — начала XXI веков в контексте мировой антиутопии. Автореферат дис. ... доктора филол. наук. Саратов, 2009. С. 8.
- Воронин В. С. Законы фантазии и абсурда в художественном тексте. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999.
- Кириянова Н. В. История мировой литературы и искусства: Учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2007.

- Мошенская Л. О.* Жанры приключенческой литературы. Генезис и поэтика. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Шадурский М. И.* Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: ЛКИ, 2007.
- Шадурский М. И.* Художественная модель мира в романах-утопиях С. Батлера и О. Хаксли. Дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 2009.
- Browning W.-G.* Toward a Set of Standards for Antiutopian Fiction // *Cithara*. 1970. № 10. P. 18–32.

Славянский фольклор: история и современность

Символика образа печи в поверьях, приметах, обычаях и обрядах

Дарина Антонякова

Прешовский университет в Прешове (Словакия)

Поверье, примета, обычай, обряд, паремия.

Summary. An oven played an important role in the Russian life. Many superstitions, signs, customs and rites (birth, wedding, death, healing the sick etc.) were related to the oven and therefore, not surprisingly, this notion was reflected in phraseology, paremiology and other conventional metaphorical expressions. The paper deals with phraseological units and paremia connected with this important part of the house and everyday life of common people.

1. Суеверные представления

У каждого народа существует своя система предрассудков, примет, обычаев и обрядов, которые являются составной частью его духовной культуры. Хотя суеверные представления зародились в давние дописьменные времена, в сознании людей существуют по сей день, потому что связаны с их ежедневной жизнью, что проявляется в поведении и речи.

2. Восприятие суеверия в русской культуре

Суеверию подвластны люди всех наций, разного уровня образования и возраста. В русской культуре к понятию *суеверие* подходят по-разному: суеверными считают не только такие явления, в которых невозможно установить причинно-следственные объективные связи, но и такие, которые уже в настоящее время поддаются научному объяснению (сглаз — тонкий биоэнергетический обмен; круглый стол, угол стола — психотопография и т. п.). Из этого вытекает, что суеверие и суеверное поведение прочно сохраняются в психике человека, и когда наступает подходящий момент, то человек начинает действовать согласно его предписаниям.

3. Определение суеверия

В данной работе под суеверием понимаем веру в явления, у которых отсутствует причинная связь, а также, согласно русской лингвистической традиции, явления, связанные с гаданием, ворожбой, знахарством, чародейством и т. п., т. е. явлениями, пока что непознанными, на данном этапе развития общества необъяснимыми, хотя и существующими. Это явления, которые во многих культурных пространствах получили название «явления между небом и землей».

4. Образ печи в культуре славян

В культуре русского народа печь играла важную роль не только в повседневной жизни каждой семьи. На печи и в печи готовили еду, по традиции на ней спали старики, дети и больные. В печи также сжигали весь домашний мусор, так как согласно запретному суеверию нельзя было выносить мусор из дому, а сжигать его на домашнем очаге, чтобы всё домашнее оставалось дома. Это делалось по двум причинам. Первой из них было верование в то, что за печью, под печью или в печи живут духи предков данного рода, которые греются теплом печки, питаются паром и таким образом находятся в определенном контакте с членами семьи. Согласно языческим представлениям дух предков известен и под именами Род, Чур, Щур т. е. пылающий в печке огонь, или Дедушка Домовой, т. е. домовой — хранитель имущества и богатства семьи, а также всех членов данного рода. Второй причиной было убеждение в том, что мусор может стать средством сглаза. С этим поверьем связана фразеологическая единица (далее ФЕ) *выносить сор из избы* — ‘разглашать семейные тайны’.

5. Связь печи с рождением, предками и со смертью

Связь печи с предками данного рода и со смертью наблюдаем и в других культурах и языках. А. Івченко, который занимается ономазиологическим, ареальным и этимологическим анализом фразеологии украинских говоров пришел к заключению, что эту связь можно наблюдать во всех языках праславянского происхождения. Так, например, словосочетанием *níč rozvalilasя* выражалось рождение ребенка, а словосочетанием *níč rozvalюется* — ‘ребенок скоро родится’. В чешском языке существует выражение *být z jedné pece* (быть из одной печи) — ‘принадлежать к одному роду’ [Zaorálek 1963: 286]. В украинской народной фразеологии существует ФЕ *народитися у нічурці* в значении ‘быть особенно счастливым’, ‘быть особенно везучим’. В. Пропп, который анализировал комплекс мотивов волшебного рождения в русских сказках пришел к заключению, что печь является не чем иным, как могилой. Если герой выходит из печи — это значит, что выходит предок, который возвращается в жизнь, но уже в другой ипостаси [Пропп 1976: 216–225]. В словацком фольклоре тоже встречаемся с поверьем и приметой, связанными с печью. Широко известно поверье о том, что новорожденного и некрещенного ребенка могут похитить ведьмы и русалки и поменять его на ребенка некрасивого и постоянно плачущего. Такого ребенка сажают на лопату, суют в теплую печь, приговаривая: «Черт, бери себе своего ребенка, а мне верни моего». Как видно, и здесь проявляется мотив перерождения; из печи на лопате вынимают другого ребенка — красивого, доброго и здорового. Известно, что у славян существовал обычай хоронить мертвых под порогом дома. Позже, когда печь становится символом дома, это место ассоциируется с печью.

6. Связь печи со свадебным обрядом

Печь играла важную роль и в народных обрядах. В болгарском народном свадебном обряде точно также как и в русском, сваха, вступив в комнату сначала подошла к печи и грела руки у открытого огня. Если дело было летом, то это действие выполняла чисто символически. Поведение свахи преследовало две функции: 1) символизировало приобщение невесты ко всем живущими в данном доме; 2) выражало просьбу о помощи, чтобы всё было хорошо и можно было сыграть свадьбу. Похожий свадебный обряд существовал и в России, но в некоторых областях невеста должна была выразить свое согласие выйти замуж так, что прыгала с печи на понёву, т. е. юбку в виде круга. Таким образом, устойчивым словосочетанием *прыгать в понёву* стало выражаться 'публичное согласие на брак'.

Литература

- Івченко А. Українська народна фразеологія: ономазіологія, ареали, етимологія. Х: Фоліо 1999.
 Пропн В. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1976.
 Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Гл. ред. акад. Ю. В. Бромлей. М., Наука, 1987.
 Zaorálek J. Lidová rčení. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963.

«Советская пастораль» А. Н. Егунова

Г. М. Васильева

Новосибирский государственный университет экономики и управления (Россия)

Флейта, дудка, хоровая песнь, частушка, страдания.

Summary. It concerns a novel written by a classical scientist. As in an ancient tragedy, there is a choral interlude. «Chorus» consists of a big foundation of folklore works, which was the source of lines and scenic ideas for the characters. In folklore of late 20s geographic differences of separate districts, the country appears as Arcadia. In limericks, non-ceremonial songs entirely reflects national axiology.

Антиковед А. Н. Егунов (1895–1968) опубликовал роман «По ту сторону Тулы» в 1931 г. под псевдонимом «Андрей Николев» [Николев 1931]¹. Действие происходит в «древнем тульском районе»: «верст шестьдесят до Куликова Поля» (39) и «верст тридцать» до Ясной Поляны (118). Выделяются loci deputati, представительные места: их роль в культуре России неоспорима. Все топонимы подлинные и засвидетельствованы исторически, кроме «волшебного села Мирандино». Сергей Сергеевич Толстой совершает путешествие открытия в мир манящий, влекущий, достойный удивления. Именно таково значение латинского слова *mirandus*. Подзаголовок «советская пастораль» разъясняет интригу, заключенную в тексте, и жанр. Буколика, идиллия, пастораль пред-

¹Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, в круглых скобках указываются страницы.

полагают вольные вариации на условно греческом материале, «в саду под яблоней» (170). «Советская пастораль» — не столько название жанра, сколько свидетельство о качестве. С одной стороны, пастораль продолжает традицию идеализируемого прошлого (например, греческой античности). С другой, она есть утопия, предвосхищающая будущее совершенство. И. И. Садофьев — земляк Толстого, родом из Тульской губернии, — является автором «Индустриальной свирели». «К любви творящей призывает / Индустриальная свирель» [Садофьев 1971: 172]. В 1923 г. музыковед и композитор А. Н. Авраамов создает пролеткультовскую «Симфонию гудков».

Николев писал роман в период, когда отношение к фольклору было неопределенным. За ним еще не утвердилась окончательно роль творчества прогрессивных классов. Не возникли четкие критерии для отбора «хороших» жанров и текстов. Впрочем, советский фольклоризм уже созрел. В фольклоре конца 1920-х гг. исчезают географические различия районов, региональные особенности и культурные традиции края. Страна предстает вроде Аркадии. Она являет собой поэтическое единство: простор, напоенный светом, образ песни мира и поющего мира. Один из главных героев, инженер Федор Стратилат, обслуживает «сто пять дудок» (39). «Что же! Мы на них и заиграем скоро. Вся страна запоет» (14). Страна превращается во флейту многоствольную.

Николев возвращает русский быт в его естественной форме. Первая часть романа завершается цитатой из «Слова о погибели Русской земли» (середина XIII в.): «О светло-светлая и красно украшенная земля Русская!» (66). Проявляется полисемантизм народного мелоса: оплакивание оборачивается славлением, ликованием-восхвалением. Тема продолжена в кантах-виватах петровских времен. Вряд ли Николев думал об «этнической» преднамеренности, о том, как ему создать произведение этнически маркированное. Автор обращается к «порождающей модели» фольклора, чистой глоссолалии. Музыка построена на куплетно-песенном материале. В пространстве песен выделяются медиативные образы: река, ветер, птицы, сад, цветы (олицетворяют парные отношения). Через весь роман проходит русская народная песня «Ветерочек».

Этнографический материал дает представление о грехе в его «наивной» («неотрефлексированной») версии. «Пел, очевидно, Гриша Ермолов: “Ах ты, сад, ты, мой сад, сад, зеленый виноград”» (105). Необрядовые песни представляют собой картины народного быта, образ «собираательницы» семьи. Гриша Ермолов тянет «горемышную песню» «Соловушек молодой», выражая ее печаль и меланхолию (105). Этнофор, черкес по имени Сервир, исполняет черкесскую песню в ритме народного плача. Особую выразительность придает напеву заунывная протяжность. Он сам переводит, в духе красноречия народных импровизаторов. «Зачем ты мне даешь, Бог, плохо, мне хочется харашо!» (184). «Доносится “унылая песнь” “Вечор поздно из лесочка”: Нашу бедную

Параню хотят с барином венчать — две собачки впереди, два лакея позади» (23). Авторство песни приписывается крепостной актрисе графа Н. П. Шереметева Прасковье Жемчуговой.

Исполняются бойкие песни. Вслед за ними лирически-исповедальные частушки: корильные, элегические, идилические, шуточные. В частушках всецело отражается народная аксиология. Двух-четырёх-шестистрочные «страдания» — мотив до такой степени естественный и необходимый для песенной традиции, что может заменить любые другие эпизоды из истории персонажей. В частушке разные голоса звучат в унисон. Они образуют частушечный «спев». «Девушки переглянулись, зашептались: страдательные песни, страдательные песни» (76). Оперная дива Лямэр тоже исполняет двухстрочные «страдания» (179). «Теперь мне ясно, — прошептала она, — “страдать” означает по-тульски просто любить. Вот и все» (146). В структуре частушек ключевыми экспрессемами являются «любить — страдать». В музыкальной конкретности частушки скрывается аллегорический образ страдания девушки — Гретхен из трагедии Гёте. Народное сознание воспринимает те образы и сюжетные коллизии, которые совпадают с особенностями их быта, материального и духовного. «Хорошо читает твой приятель. Маргариту до слез жалко, а этот, как его, такой нехороший» (46).

Николев выражает национальный характер через инструментально-вокальный стиль мелоса: распев и наигрыш, частушечный перепляс и причитальная мелодия. В «переливчатом» ладе чередуются мажоро-минорные интонации. Такое приближение понятия «культура» к участи человека означало свободу от метафизического снобизма.

Литература

Николев А. По ту сторону Тулы. Л., 1931.

Садофьев И. И. Индустриальная свирель. Стихотворения, поэмы. Л., 1971.

Семантика невыразимого в русском фольклоре

М. Ю. Михайлова

Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Невыразимое, фольклор, функционально-семантическая категория.

Summary. Specifics of representation of functional and semantic category of inexpressible in the Russian folklore is analysed in the article.

Хотя до сих пор нет ни одного специального лингвистического исследования по семантике невыразимого (СН), эта функционально-семантическая категория в XX–XXI вв. становится предметом пристального внимания языковедов. В частности, Г. С. Сырица исследует этнокультурный аспект СН, говорит о наличии общего и особенного в плане выражения названной категории в разных языках [Сырица 2009]. Материалом настоящего исследования явились на-

родные русские сказки, составленные А. Н. Афанасьевым (в 3 т.). Общее количество языковых единиц, выявленное методом сплошной выборки, составило 103. Среди них — однословные единицы и фразеологизованные выражения (ФВ): *неописанный; несказанный; несказанно; невообразимый; ни в сказке сказать, ни пером описать; сказать нельзя; невесть как; ни вздумать, ни взгадать*. ФВ представлены в вариантах, напр.: *ни в сказке сказать, ни пером описать / написать*.

Рассматривая функционирование СН в русском фольклоре, мы решали две задачи: 1) как представлено в фольклорном дискурсе то или иное средство выражения СН; 2) каковы денотативные сферы, репрезентируемые средствами передачи СН.

I. С точки зрения частотности план выражения СН представлен так. Высокочастотны *ни вздумать, ни взгадать...*; *неописанный*; среднечастотны *ни в сказке сказать...*; *несказанно; сказать нельзя*; низкочастотны *невесть как; невообразимый; несказанный*.

II. Денотативные сферы плана выражения СН представлены следующим образом. Заметим, что невыразимое в сказках соотносится не с миром обыденного, а с миром необычайного, волшебного, с тем, что составляет сказочную специфику. Средства передачи СН возникают в ситуациях, когда герой, покинув мир обыденного, вступает в мир, где царят законы волшебного. Невыразимым с точки зрения рассказчика в народных русских сказках представляются 1) красота; 2) чудесное превращение птицы или животного в человека; 3) предметы мира волшебного (ковер, еда, дворец и т. п.); 4) чувства, переполняющие персонажа (преимущественно радость).

Исследование средств передачи СН показало, что каждое из средств не способно свободно выразить СН, но обладает некоторой специализацией по денотативным сферам.

1. Прилагательное *несказанный* в народных русских сказках применяется в двух денотативных сферах — при описании необычайной красоты, преимущественно женской (красоты царевны, королевны, купчихи, купеческой дочери, красной девицы); единично — при описании предметов волшебного мира: *Узяли яны з дзеда и пасеяли, да враздзівся ж авёс, так етакай авёс **нисказанной*** (Надзей, папов унук).

2. Отадъективный дериват *несказанно* применяется при необходимости описать чувства персонажа, преимущественно радости, единично — усталости.

3. Прилагательное *неописанный* функционирует только в одной денотативной сфере — описании красоты, единичны описания мужской красоты: *А на том острове живет прекрасная королевна с четырьмя сыновьями; три сына красоты **неописанной** — по колена в серебре, по грудь в золоте* (По колена в серебре, по грудь в золоте).

4. Прилагательное *невообразимый* употребляется только при описании женской красоты: *Сумел ты показать мне стрельцову жену — красоту **невообразимую*** (Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что).

5. Среди ФВ наиболее частотно в народных русских сказках *Ни вздумать, ни взгадать...* Это средство СН функционирует в трех сферах: а) при описании красоты: *Вот у царя дочь прекрасная, что не можно **вздумать, ни взгадать, ни в бумаге пером написать*** (Илья Муромец и змей); б) необычайных свойств предметов: дворца, убранства помещения, еды, напр.: *Она вывезла ковер такой славный, что **ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать*** (Доброе слово); в) при описании оборотничества, т. е. волшебной ситуации, в которой птица (ястреб, сокол, горлица или голубица) превращается в человека с необычайными качествами и красотой, напр.: *стрелок поднял правую руку, ударил ее наотмашь легохонько — пала горлица наземь и сделалась душой-девицей, да такую прекрасною, что **ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!*** (Поди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что).

6. Разнообразно по сферам применения и ФВ *ни в сказке сказать...* Оно применяется в трех денотативных сферах: описании необычайной красоты, в ситуации волшебного превращения в человека (оборотничестве), при характеристике предмета.

7. ФВ *сказать нельзя* употребляется в народных русских сказках в описании а) красоты в ситуации оборотничества: (...) *и хочет рубить львице голову; она обернулась душой-девицей, такую красавицей, что и **рассказать нельзя*** (Два Ивана солдатских сына); б) чувства радости (*обрадовался / возрадовался, что и **сказать нельзя***). Данное ФВ представлено в двух денотативных сферах, которые не обнаруживаются в других средствах передачи СН, это в) описание отношений: *Жили себе дед да баба, у них был один сыночек **Ивашечко**; они его так-то уж любили, что и **сказать нельзя!*** (Ивашко и ведьма); г) описание денежного состояния: (...) *да еще был мужик, такой бедный, что и **сказать нельзя!*** (Чудесная дудка); (...) *продал эти камушки за несчетные суммы — так разбогател, что и **сказать не можно!*** (Доброе слово). В последней денотативной сфере имеет место пересечение СН и семантики крайности.

8. ФВ *невесть как* применяется исключительно в одной сфере, при описании сферы чувств: *Вот этим делом-то **невесть как** все обрадовались* (Правда и кривда).

Подведем итоги. Как показал анализ функционирования средств передачи СН в русском фольклоре, они многообразны; одни из них — высокочастотны, другие, напротив, низкочастотны. Некоторые обслуживают одну денотативную сферу, таковы *невообразимый*; *невесть как*; другие применяются в трех денотативных сферах (*ни вздумать, ни взгадать...* ; *ни в сказке сказать...*; *сказать нельзя*). ФВ *сказать нельзя* помимо двух традиционных для русских сказок денотативных сфер (описания красоты при оборотничестве и чувств)

применяется в нетипичных для других средств СН сферах (описании отношений и денежного состояния). Частотность употребления того или иного средства СН не коррелирует с признаком распределения по одной или нескольким, и также тем или иным денотативным сферам. Однако можно говорить о средстве-фаворите СН, это ФВ *ни вздумать, ни взгадать...*: оно высокочастотно и представлено в трех денотативных сферах. Актуальным представляется изучение средств передачи СН и в других аспектах.

Литература

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Худ. лит., 1957–1958.

Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 294–295.

Отрицание в русской народной загадке

Н. И. Федорова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Загадка, фольклор, паремология, отрицание.

Summary. Russian folk riddle has been an object of linguistic research for a long time. The riddle is closely connected with ancient folk customs and traditions. The author claims that the structure of the riddle plays a great role in this folk genre. One of the most popular constructions is negation. The article explores the most typical ways of negation representation and analyses its link with ancient way of thinking.

1. История изучения русской народной загадки

Русская народная загадка представляет собой объект лингвистического исследования уже довольно длительное время. Уже в XVIII веке выходит сборник загадок под редакцией В. А. Левшина «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени» (1773 г.).

Позднее загадки стали собираться параллельно с пословицами, поговорками, так как загадку не выделяли в самостоятельный жанр фольклора. Со временем же она начала обращать к себе все больше внимания, о чем говорит и многочисленное появление соответствующих сборников. Сборники делились по тематическому принципу и по территориальному принципу (например, загадки Вологодской области).

Причину сбора загадок совместно с пословицами можно объяснить и тем фактом, что иногда загадка по форме похожа на пословицу. В качестве доказательства можно привести сборник И. П. Сахарова «Сказания русского народа» (1836 г.), где наблюдается смешение загадок и пословиц ввиду внешней формы жанра.

Мы полагаем, что структурное оформление загадки требует к себе особого внимания, так как оно напрямую отражает логику мышления этноса в определенный период развития. Кроме того, способно репрезентировать имевшиеся на тот момент представления об окружающем мире. Анализ загадок, пред-

ставленных в сборнике Д. Н. Садовникова позволяет нам утверждать о том, что одним из наиболее типичных явлений структуры данного жанра является отрицание.

2. Загадка и национальное мышление

Загадка является важным культурным компонентом, так как неразрывно связана с мировоззрением этноса и его восприятием окружающего мира. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, подтверждающие тесную связь загадки с обрядом (например, обряд инициации). Со временем ценность обряда или отдельных его элементов начинала утрачиваться — и загадка развивала «самостоятельное бытование», утратив культурную связь с обрядом и представлениями, послужившими причиной возникновения обряда. Однако именно подобные «обособившиеся» загадки позволяют воссоздать древние верования народа. Так, В. В. Иванов и В. Н. Топоров отмечают, что именно загадки и другие малые жанры фольклора позволяют реконструировать существовавшие ранее ритуалы и верования [Иванов, Топоров 1974].

3. Способы выражения отрицания в загадке

Нами отмечено несколько способов выражения отрицания.

Часто встречается употребление однородных членов предложений, соединенных повторяющимся союзом *ни-ни*: *На окошке пятак, никому его не взять: ни попам, ни дьякам, ни гороховикам.* (Сучок); *Раскладу я клетку. Не скласть эту клетку ни попам, ни дьякам, ни серебреникам* (Постель). Примечательным в данной конструкции является то, что отрицание в предложении является довольно насыщенным. Так, часто в подобных предложениях подлежащее выражено отрицательным местоимением (никто), которое выполняет функцию обобщающего слова.

Отрицание встречается и при глаголе: *Много соседей рядом век живут, никогда не видятся* (окна); *Чего из избы не вытащишь?* (печь). Отрицательная частица *не* в данном случае указывает невозможность осуществления какого-либо действия.

К разряду отрицаний хотелось бы также отнести использование обстоятельства, выраженного существительным в форме родительного падежа с предлогом *без*, так как данные конструкции имплицитно подразумевают отсутствие называемого признака. Более того, подобные конструкции можно заменить предложением с отрицанием: *ни топора, ни клина, ни ножичка не использовала, а сама себя сделала. Кто в избе родится без отца, без матери?* (щель в бревне); *Сама самodelка, сама сделалася, без топора, без клина, без ножичка* (щель в бревне). Подобное отрицание встречается не однократно: как мы видим, для автора важно подчеркнуть характер называемого действия (мы встречаем 2–4 отрицания в предложении, которые образуют градацию отсутствующего признака действия).

4. Отрицание как отражение мировоззрения

Детальный анализ текста загадок позволяет утверждать, что отрицание в загадке используется для наименования какого-либо действия, которое совершается нетипично, если его передать в предельно приближенных для современного автору условиях жизни. Так, в загадке *Кто в избе родится без отца, без матери?* актуализируется процесс рождения. Для автора типичным является наличие двух родителей для рождения существа. Загадка же при помощи отрицания указывает на непитичность описываемого явления, придавая ему образность.

Загадка *Раскладу я клетку, не скласть эту клетку ни попам, ни дьякам, ни серебряникам.* В данном контексте подчеркивается невозможность осуществления действия, причем в качестве субъектов действия называются наиболее могущественные лица: религиозные деятели. Иногда этот ряд может быть дополнен упоминанием царя и царицы. Перечисленные лица указывают на важность царя и религиозных деятелей. В результате анализа загадки получаем, что даже самые сильные мира сего не способны осуществить необходимое действие.

Мы полагаем, что конструкции с отрицанием используются в загадке для описания какого-либо явления, процесса, но при помощи иного действия, предельно знакомого и понятного обывателю, именно поэтому искомое действие поражает своей нелогичностью. *На окошке пятак, Никому его не взять: Ни попам. Ни дьякам. Ни гороховикам.*

Литература

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974.
Садовников Д. Н. Русские народные загадки. М., 1957.

Символика цвета в македонской свадебной обрядности (балканская триада)

А. И. Чиварзина

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Балканская триада, свадебная символика, балканославянские обычаи.

Summary. The report considers the representation of various color terms in wedding ceremonies on the territory of Macedonia and in the Macedonian language.

Цвет имеет непреходящую значимость во всех элементах свадьбы: проявляется в цвете одежды, в обрядовых текстах и песнях через использование цветотерминов.

Доминирующими цветами свадебного обряда македонцев являются белый, черный и красный. Эта триада встречается в национальном костюме не только данного этноса, но в целом характерна для Балканского полуострова.

1) Белый цвет в первом словарном значении — *со боја на млеко или нов снег* [Мургоски 2005: 38–39] ‘цвета молока или свежеснеженного снега’ — можно встретить в текстах свадебных песен, где встречается символическое описание свадьбы через образы природы: *бела пченица* ‘белая пшеница’, *бол босилек* ‘белый базилик’. Часто это метафорические образы, скрыто описывающие свадебные события и молодых.

Широко представлено употребление во втором словарном значении: *светла боја наспроти оно што е темно*¹ ‘светлый цвет в сравнении с аналогичными предметами темных оттенков’ — такие примеры направлены на восхваление красоты невесты: *бело лице* ‘белое лицо’, *бели рамена* ‘белые плечи’.

В поэтических текстах прямые значения цвета могут переплетаться с переносным — обозначать сакральность, чистоту, благородство. Белый цвет имеет репродуктивную силу: это цвет молока, белка, семени. Свадебная одежда или ее элементы белого цвета символизируют неоскверненность, невинность невесты [Петреска 2002: 424–425].

С положительным восприятием белого цвета также связаны примеры его употребления с именами участников, гостей торжества: *бели сватови* ‘белые сваты’, *бели гости* ‘белые гости’. Белый в текстах символизирует счастье, радостную жизнь без тревог и забот, которую желают молодым: *белата промена* ‘белая перемена’, *бела постела* ‘белая постель’.

Некоторые исследователи рассматривают белый цвет как символ жалости, тоски, цветом изменения, перехода, ритуальной смерти — это значение относится к праславянскому и балканскому наследию [Елијаде 1886]. В обрядах белый символизирует путь к смерти, постепенное умирание старого человека, старой жизни. За цветом этой фазы следует противоположный — черный цвет, траур.

2) Черный и синий цвета (*морно џубе* ‘темно-синяя риза’) соответствуют «переходному» состоянию невесты на свадьбе, также символизируя временную смерть. Элементы темного цвета в наряде, наименование свадебного наряда *џрнета*, *џрн*, даже если эти элементы и вовсе отсутствуют, объясняется народным выражением *поџрнување на невестата со неџзината мажачка* ‘почернение невесты с ее замужеством’ [Петреска 2002: 425].

Украшения синего цвета на свадебном поезде имели апотропейное значение, защищая участников торжества от сглаза, завистливого ока. Известно также, что в некоторых районах невеста должна была надевать синие бусы.

Черный цвет в текстах песен может встречаться и в прямом значении, обозначая темные оттенки, при описании внешности молодых, подчеркивая яркие черты лица. Тогда он трактуется как позитивный признак, это единственное употребление в контексте свадебного обряда, когда его можно толковать положительно.

¹ Дигитален речник на македонскиот јазик [<http://www.makedonski.info>].

3) Красный противопоставлен ахроматическим цветам и является воплощением цвета как такового. В свадебном обряде македонцев он наряду с белым занимает доминирующее положение. В текстах, приуроченных к обряду, помимо основной лексемы *црвен*, встречаются *аловен*, *ален*, *ѓувезен*, относящиеся к турецким заимствованиям и использующиеся преимущественно в диалектных текстах.

В прямом значении цвета лексемы используются в обрядовых поэтических текстах при описании цвета яблока, соцветий, которые призваны подчеркивать красоту невесты. Яблоко, привязанное к древку свадебного знамени, часто было красным или золоченым. Оно наделялось разными символическими значениями: румянец, красота и здоровье молодых и их будущих детей [Треф. ЭМС: 386]; «честность», непорочность невесты [Гура 2012: 302].

Часто встречается выражение *бело ем црвено*, которому в русском языке соответствует выражение «кровь с молоком». Сочетание красного с белым также рассматривается в качестве оппозиции мужского и женского: двухцветное красно-белое знамя, распространенное у болгар и македонцев, символизирует брачную пару [Гура 2012: 722].

4) Помимо этих архаичных цветов, соответствующих первым ступеням эволюции цветотерминов, в поэтических обрядовых текстах есть упоминание желтого и зеленого. Желтый используется преимущественно в качестве эвфемизма к золоту при выкупе невесты, при характеристике цвета монет или украшений из золота. Термин может также использоваться в прямом значении цвета.

5) Зеленый, фигурирующий в текстах в прямом значении при описании природы, метафорически характеризует молодых, символизирует молодость, жизненные силы. Образ зеленого венца, который плетет девушка из разных растений, обязательно присутствует в одной из свадебных песен и отсылает к супружескому венцу, который предстоит принять молодым. Есть случаи употребления в непосредственно переносном значении, когда зеленый трактуется как незрелый, неопытный. Наиболее частотным предстает образ зеленой горы и зеленых лугов «как срединного момента обрядового пути».

Таким образом, белый цвет в свадебной обрядности балканских славян трактуется преимущественно как чистый, благородный, красивый; черный — как цвет «перехода», ритуальной смерти; красный — символ «честности» невесты, непосредственно соотнесен с прямым значением «цвета крови». Другие цвета оказываются на периферии свадебной символики: зеленый соотносится с молодостью и незрелостью; желтый — с деньгами («золотом»); серый трактуется как благородный цвет.

Литература

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012.
Мургоски З. Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005.

Петреска В. Свадбата како обред на премин кај македонците од Брежачката етнографска целина. Скопје, 2002.

Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян

М. В. Ясинская

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

*Фольклор, этнолингвистика, традиционная культура, запреты, зрение, глаза,
логические пропозиции, субъект, объект.*

Summary. The paper deals with the prohibitions that are related to the vision, the types of subjects and objects, to which they are extended as well as the motivation of prohibitions. From the point of view of the role of subject and object, the prohibitions may be divided into two types: in the first one the subject of vision plays the main role; in the second one it is the object that plays the main role. Within each type the motivation can vary (when it motivates the danger from the point of view of subject or object).

1. В традиционной культуре славян многие действия и состояния подвергаются регламентации, то есть существует целая система запретов: кому, что и при каких обстоятельствах нельзя делать. Это касается, в том числе, и зрительного восприятия. Прежде всего, запреты связываются с активным зрительным восприятием (выражаемым глаголами со значением ‘смотреть’), так как оно поддается контролю со стороны субъекта действия.

В ситуации зрительного контакта участвуют два актанта — это субъект восприятия (тот, кто смотрит) и объект восприятия (тот или то, на что смотрят). В основе мотивации запретов смотреть на что-либо лежит представление об опасности зрительного контакта, причем опасность может исходить как от субъекта восприятия (частным случаем опасности, исходящей от субъекта, является *сглаз*), так и от объекта. Запреты смотреть на те или иные объекты можно разделить на две группы — одна из них связана с субъектом зрения, другая — с объектом. Причем внутри каждой группы есть мотивировки, защищающие субъект, и мотивировки, защищающие объект, в зависимости от того, кто или что находится в опасности во время зрительного контакта (иногда субъект может быть опасным и подверженным опасности одновременно).

2. Анализ запретов, связанных с субъектом, позволяет выделить параметры, которые оказываются существенными для оценки зрительного контакта с позиции субъекта (мотивировки: субъект в опасности / взгляд субъекта опасен). К этим параметрам относятся:

- Возраст (младенчество, старость): младенцу нельзя смотреть в зеркало, иначе он долго не начнет говорить, нельзя смотреть на свою тень, чтобы не страдать бессонницей (укр., рус.) [Славянские древности, т. 1: 169].
- Пол: если мужчина посмотрит в дежу, у него не будет расти борода (дежа считается «женским» предметом).

- Физиологические состояния (беременность, послеродовой период, время регул, бесплодие, болезнь, голод). В Боснии человеку, которому заговаривают змеиный укус, не разрешается смотреть на огонь, чтобы не усугубить жжение в ране [Ђорђевић 1958: 154]. Значительная доля «визуальных» запретов приходится на долю беременной: все, что попадает в поле ее зрения, может повлиять на внешность, здоровье и судьбу ее будущего ребенка, в том числе негативное.
- Обрядовая роль (невеста, участник похоронной процессии). На северо-западе Болгарии считали, что если невеста первой посмотрит на своего будущего супруга, он умрет раньше нее [Узенева 2010: 108]. Поляки в Мазовии верили, что если оглядываются участники похоронной процессии, это может привести к негативным последствиям [Barthel 1922: 7].

3. Запреты, связанные с объектом (мотивировки: объект в опасности / объект опасен для взгляда субъекта), представляют вторую группу. Негативному воздействию подвержены человек и связанные с ним объекты — скотина, урожай, орудия труда, продукты, а также деятельность человека (прием пищи, тканьё, прядение, снование и т. п.). Объектами чаще всего могут выступать:

- Человек в лиминальных состояниях (больной, умирающий, новорожденный, беременная, женщина в период регул, роженица и пр.). Например, если в хате лежал больной, то при входе нужно было сначала посмотреть на печь, потом на красный угол, чтобы не пристала болезнь. Этот запрет мог быть мотивирован и интересами самого больного: чужой взгляд способен спровоцировать ухудшение его самочувствия.
- Участники переходных обрядов. У сербов Боснии и Герцеговины по приезде невесты в дом жениха свекровь пряталась от нее: считалось, что она умрет, если сразу увидит невесту [Брак... 1988: 121]. Беременной нельзя смотреть на покойника, потому что ребенок родится мертвым, или его в лице «ни кровиночки не будет».
- Сакральные персонажи (демоны или, наоборот, представители «божественного» мира — святые, ангелы и др.). Поскольку они, как правило, являются невидимыми, речь идет о запретах смотреть на объекты, в образе которых (или рядом с которыми) предполагается их появление (например, в роли таких объектов выступают небесные светила). Например, нельзя смотреть на падающую звезду — считается, что ее несет дьявол (болг., родоп.) [Славянские древности 1999, т. 2: 294]. Нельзя было смотреть на русалок, потому что они строили страшные гримасы, которые «навсегда искажали лица людей, видевших это» [Виноградова 2000: 223].

4. Ряд запретов связывается с обстоятельствами зрительного контакта — образа действия, цели, времени, места (запрет смотреть назад; запрет смотреть на веретена на святках, чтобы не встречать летом змей и др.).

5. Зрительное восприятие в традиционной культуре каждый раз сопряжено с оценкой, причем оценка выражается в категориях «опасный — безопасный». Оценка зависит от участников зрительного контакта, субъекта и объекта, и базируется на традиционных представлениях о том, как устроено зрительное восприятие: между субъектом и объектом образуется своего рода канал, по которому происходит взаимный обмен информацией. В зависимости от класса (состояния) субъекта и объекта эта информация может быть нежелательной и негативно сказываться на них. Информация, передаваемая от субъекта объекту и наоборот, может быть и положительной, что приводит к возникновению предписаний смотреть на тот или иной объект для достижения определенных целей, но таких примеров значительно меньше, поскольку для традиционной культуры характерна фиксация на «негативном» полюсе — антинорме.

Литература

- Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская. М., 1988.
- Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-риутальная традиция славян. М., 2000.
- Ђорђевић Тихомир Р. Природа у веровању и предању нашега народа. Књ. II. Београд, 1958.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1999.
- Узенева Е. С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010.
- Barthel de Weydenthal M. Uroczne oczy. Lwów, 1922.

Актуальные вопросы изучения фонетики славянских языков

Соотношение консонантизма и вокализма в славянских языках в контексте обучения произношению

Е. Л. Бархударова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Фонетическая система, консонантизм, вокализм, позиционная мена, обучение произношению.

Summary. Consonant and vowel systems correlation in slavic languages is subject to be taken in consideration not only with the purpose of typological analysis, but also with a view to work out and improve methods of teaching pronunciation to foreigners.

Одно из направлений типологического анализа звукового строя языка предполагает изучение соотношения консонантизма и вокализма в фонетической системе. Данное направление восходит к работам Р. О. Якобсона, показавшего в докладе на I конгрессе славистов (1929 г.), что типологическое разделение славянских языков берет истоки в эпохе падения редуцированных, когда возникло противоречие в развитии консонантизма и вокализма. В одних языках (сербском, хорватском, словенском, чешском) утвердилось господство вокализма и усилилась система гласных с такими дифференциальными признаками, как высота тона и длительность звуковых единиц. В других языках (русский, польский, болгарский, белорусский, украинский) укрепилась система согласных и возникла их корреляция по твердости / мягкости, которая в разных славянских языках оказалась в разной мере значима.

Проблемы соотношения консонантизма и вокализма в славянских языках в дальнейшем рассматривались во многих работах [Горшкова 1963]; [Исаченко 1963]; [Панов 2009]; [Пирогова 1985]. К числу показателей соотношения в языке консонантизма и вокализма относятся, во-первых, количественно-пропорциональный состав согласных и гласных звуковых единиц, во-вторых, — особенности их функционирования.

Первый показатель предполагает определение пропорционального соответствия согласных и гласных в звуковом строе языка, второй — учет степени позиционной зависимости согласных и гласных друг от друга и частотности их варьирования, в особенности, частотности нейтрализаций в области консонантизма и вокализма.

Доминанция консонантизма и вокализма в звуковом строе в значительной мере отражается в поведении сонорных согласных [Бромлей 1985: 25]. В системах с господством вокализма сонорные намного «подвижнее»: они вступают в позиционные чередования по месту образования, иногда нейтрализуются с шумными, довольно часто происходит их вокализация. В системах с господ-

ством консонантизма, напротив, активная позиционная мена сонорных отсутствует, существующие же позиционные изменения сонорных достаточно часто сопряжены с их оглушением.

Анализ звукового строя русского языка на иноязычном фоне показывает, что доминанция в фонетической системе вокализма или консонантизма вряд ли может носить абсолютный характер. В этом можно убедиться, проанализировав практически любой из показателей соотношения консонантизма и вокализма в языке (подробнее см. [Бархударова 1999: 14–16, 60–67]). В частности, функционирование русских сонорных согласных свидетельствует как о консонантном характере русского языка, так и о наличии в нем некоторых явлений, присущих языкам с господством вокализма: наряду с оглушением сонорных в консонантных сочетаниях возможна их вокализация, а чаще — появление перед сонорными гласных вставок.

В то же время указанное явление отличается непоследовательностью. Во-первых, во всех подобных ситуациях параллельно оказывается возможным оглушение сонорного. Это достаточно часто используется в стихосложении: *Оркестр гремит басами* (А. Аронов) и *Оркестр веселое играет* (А. Ахматова). Во-вторых, в некоторых случаях вокализация сонорных мало вероятна и граничит с просторечием. Например, в позиции абсолютного конца слова после фрикативных согласных, в основном, имеет место оглушение носовых (слова *жизнь, казнь, песнь* и подобные).

В связи со сказанным интересно проанализировать чтение стихов, ритм которых не допускает оглушения сонорных, например:

*Поцелуями в детстве считал
Я счастливую жизнь свою.*

(М. Ю. Лермонтов)

Носители русского языка, как правило, произносят слово *жизнь* в один слог, допуская нарушение ритма. Напротив, иностранцы, носители языков с доминанцией вокализма, читают эти стихи ритмически правильно, произнося *жизнь* в два слога.

В процессе обучения произношению важно учитывать показатели соотношения консонантизма и вокализма в родном и изучаемом языках. Так, при обучении славян русской фонетике основной, безусловно, является задача освоения противопоставления согласных по твердости / мягкости. В ходе этого освоения нередко возможна опора на родной язык: чем сильнее в нем доминанция консонантизма, тем больше общего в «контактирующих» системах. Например, в польском языке по твердости / мягкости противопоставлены губные и заднеязычные, в болгарском — губные, переднеязычные и заднеязычные (о методике работы над противопоставлением твердых и мягких согласных подробнее см. [Брызгунова 1977]). При обучении произношению славянских языков с доминанцией вокализма важным является противопоставление гласных.

В процессе работы над произношением существенные сложности могут быть обусловлены позиционными закономерностями, сопряженными с доминанцией в языке вокализма или консонантизма. Так, в русскоязычной аудитории должна специально изучаться позиционная мена носовых по месту образования в сербском и хорватском языках. Наоборот, при обучении носителей названных языков русской фонетике важно обратить внимание на устойчивость русских носовых и возможность их сочетания с разными по месту образования согласными: *ломтик, санбат, санпросвет, сонм*.

Провокационным фактором для иностранцев является факультативность гласных вставок в сочетаниях «шумный + сонорный»: это явление настраивает на возможность вставных гласных в любых консонантных сочетаниях. Таким образом, показатели соотношения консонантизма и вокализма в звуковом строе необходимо учитывать как в процессе обучения носителей славянских языков русскому произношению, так и при обучении носителей русского языка фонетике славянских языков.

Литература

- Бархударова Е. Л. Русский консонантизм: типологический и структурный анализ. М., 1999.
- Бромлей С. В. Модификации сонорных согласных, связанные с различиями фонетических систем по признаку «вокальность — консонантность» // The Eleventh International Congress of Phonetics Sciences (August 1–7, 1987). V. 4. Tallinn, 1987. С. 150–153.
- Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
- Горикова К. В. Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка // Славянская филология. Вып. 5. М., 1963. С. 40–53.
- Исаченко А. В. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 106–121.
- Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика: Учебник для вузов. 2-е изд., стереотипное. М., 2009.
- Пирогова Н. К. Вокализм и консонантизм русского языка (синтагматика, парадигматика): Дис. ... доктора филол. наук. М., 1985.

Новые данные о коартикуляционных процессах русского вокализма (по результатам МРТ-исследования артикуляторных механизмов русского языка)

Г. Е. Кедрова, Н. В. Анисимов, Л. М. Захаров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Русская фонетика, вокализм, коартикуляция, МРТ.

Summary. The paper deals with intricate problem of vowel-to-vowel coarticulation in Russian language being one of the disputable aspects in phonetics for many years. Based upon results of MRI investigation of Russian cardinal vowels' articulation, we argue that the Russian language has vowel-to-vowel anticipatory coarticulation, though its character depends on the motor stereotypes of the vowels' production determined by articulatory base of the language.

В фонетической литературе достаточно давно обсуждается вопрос о наличии / отсутствии взаимовлияния артикуляторных особенностей реализации гласных звуков русского языка, разделенных одиночным согласным либо сочетанием согласных звуков. Несмотря на достаточно давнюю историю изуче-

ния этого вопроса, в фонетической литературе до сих не сложилось единого мнения ни о степени проявления такого рода коартикуляционных процессов (если они все же присутствуют в артикуляторной базе русского языка), ни о возможных причинах отсутствия (либо чрезвычайно слабой выраженности) коартикуляции русских гласных звуков. Известно, что коартикуляционные процессы в отношении гласных звуков, т. е. связь артикуляции одного гласного звука с особенностями производства последующего (или предшествующего) гласного звука, между которыми может находиться согласный звук (либо несколько согласных звуков), по-разному реализуются в языках мира [Beddor, Harnsberger, Lindemann 2002]. Однако, начиная с известной работы S. Öhman, принято считать, что в русском языке, как и в большинстве славянских языков, либо совсем не наблюдается такого рода коартикуляционных явлений, либо в них можно обнаружить лишь очень слабую взаимозависимость артикуляции двух последующих гласных звуков [Öhman 1966]. В то же время хорошо известно, что английский язык (а также другие западноевропейские языки, напр., шведский, испанский, итальянский, каталанский — и не только западноевропейские) демонстрируют достаточно сильную зависимость артикуляторных механизмов реализации гласного звука в зависимости от типа его вокалического окружения [Magen 1997]; [Recasens 1987]. Более того, недавно было показано, что артикуляционное взаимовлияние гласных, наиболее сильно и последовательно проявляющееся в английском языке, в достаточно слабой степени зависит от количества разделяющих гласные звуки согласных (т. е. от размера интервокального консонантного кластера) и даже от наличия слоговой границы между гласными звуками [Мок 2012]. Наряду с работами, данные которых не поддерживают наличие вокалической коартикуляции в русском языке [Öhman 1966]; [Purcell 1979], в некоторых экспериментально-фонетических исследования, специально посвященных этому вопросу, показано, что ряд славянских языков (в первую очередь, русский и болгарский, а также, в меньшей степени, польский языки) все же демонстрируют статистически значимую коартикуляцию гласных звуков в сочетании ГСГ (VCV) [Choi, Keating 1991]. Однако степень проявления такого рода коартикуляции существенно меньше, чем, например, в английском языке, где наблюдается сильная связь артикуляционных механизмов реализации соседствующих гласных, причем эта зависимость актуальна в обоих направлениях — как предвосхищающая коартикуляция, так и приспособление способа реализации последующего гласного к артикуляторной модели предыдущего. Вместе с тем, причины экспериментально наблюдаемой слабой зависимости артикуляций гласных звуков в русском языке до сих пор остаются предметом дискуссий. Öhman связывал отсутствие вокалической коартикуляции в русском языке с наличием в фонетической системе языка противопоставления согласных звуков по твердости / мягкости и вовлеченности в реализацию этого противопоставления основной массы тела язы-

ка. Эта точка зрения оспаривается в работе [Choi, Keating 1991], авторы которой подчеркивают, что этот вопрос нуждается в более тщательном изучении. Нам представляется, что существенный вклад в изучение вопроса может внести использование новейших методов изучения артикуляционных процессов, в первую очередь, магниторезонансной технологии (МРТ). Поэтому в нашем экспериментально-фонетическом исследовании русского вокализма основным средством объективизации (визуализации) артикуляционных процессов при производстве русских гласных звуков в изолированном произнесении и при произнесении в составе псевдослов со структурой ГСС`Г / VСС`V был выбран магнитно-резонансный томограф (МРТ). Основные методики постановки томографического лингвистического эксперимента и используемые технологии обработки полученных МР-изображений подробно изложены в [Кедрова, Захаров, Анисимов 2011]. Полученные в результате проведенного исследования данные свидетельствуют в пользу наличия предвосхищающей коартикуляции в первом предупредном слоге экспериментальных стимулов, которая определяется качеством последующего гласного звука. Таким образом, можно утверждать, что степень проявления коартикуляционных процессов в русском вокализме существенно зависит от моторных стереотипов реализации гласных разного качества. Вслед за известными представителями русской фонетической школы (см. [Kedrova, Borissoff 2013]) мы полагаем, что эти динамические модели определяются составом артикуляторной базы языка. Представляется, что разработанные методики целесообразно применить к изучению коартикуляционных процессов в других славянских языках, что позволит объяснить причины особого проявления вокалической коартикуляции в этих языках.

Литература

- Кедрова Г. Е., Захаров Л. М., Анисимов Н. В. Сопоставительное МРТ-исследование артикуляционных моделей гласных звуков в разных языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 13 (619). Языкознание: Речеведение и прагмалингвистика. М.: МГЛУ, 2011. С. 82–95.
- Beddor P. S., Harnsberger J. D., Lindemann S. Language-specific patterns of vowel-to-vowel coarticulation: acoustic structures and their perceptual correlates // Journal of Phonetics. 2002. No. 30. P. 591–627.
- Choi J. D., Keating P. Vowel-to-vowel coarticulation in three Slavic languages // UCLA Working papers in Phonetics. No. 78. 1991. P. 78–86.
- Kedrova G., Borissoff K. The Concept of 'Basis of Articulation' in Russia in the First Half of the 20th Century // Historiographia Linguistica. 40: 1/2. 2013. P. 151–197.
- Magen H. S. The extent of vowel-to-vowel coarticulation in English // Journal of Phonetics. 1997. No. 25. P. 187–205.
- Mok P. K. Effects of consonant cluster syllabification on vowel-to-vowel coarticulation in English // Speech Communication. No. 54 (2012). P. 946–956.
- Öhman S. Coarticulation in VCV utterances: spectrographic measurements // JASA. 1966. No. 30. P. 149–154.
- Purcell E. Formant frequency patterns in Russian VCV utterances // JASA. 1979. No. 66. P. 1691–1702.
- Recasens D. An acoustic analysis of V-to-C and V-to-V coarticulation effects in Catalan and Spanish VCV sequences // Journal of Phonetics. 1987. No. 15. P. 299–312.

**Особые русские звуки [ц] и [ш':]:
традиции фонетической интерпретации
в учебной литературе Турции**

О. И. Климкина

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Фонетика РКИ, турецкий язык, учебная литература, методический аспект.

Summary. The article examines approaches, suggested by Turkish publishing companies of educational materials, to familiarization Turkish speaking students with the specific perceptive-articulatory basis of certain Russian sounds [ц] (the letter *ц*) and [ш':] (the letter *ш*). Difficulties relating to these sounds are due to their absence in the phonological system of the Turkish language. Theoretical and practical recommendations are offered for teaching the pronunciation of these sounds.

Вводно-фонетический курс русского языка в учебниках по РКИ, издаваемых сегодня в Турции, традиционно строится с учетом подобия двух языков, т. е. ориентирован на освоение звуков изучаемого языка с максимальным использованием произносительных навыков родного языка. Особое место в фонетической работе отводится звукам [ц] и [ш':], которые отсутствуют в фонологической системе турецкого языка, а, следовательно, не имеют прямых аналогий в произношении.

Артикуляцию русской аффрикаты [ц] отличает сложный характер. Иногда этот звук обозначается как [тс], так как «представление буквы *ц* вызывает представление согласного дифтонга [тс] переднеязычного глухого» [Бодуэн де Куртенэ 2012].

Обладающий непривычными перцептивно-артикуляционными характеристиками звук [ц] постепенно проникает в речь турок вместе с интернационализмами, прежде всего, терминологического значения, иностранными лингво-реалиями, онимами. Фонетический облик таких заимствований претерпевает различные звуковые искажения, обусловленные стремлением языка к облегчению чуждого, не характерного произношения. На письме эти изменения фиксируются с помощью нескольких фонетико-графических вариантов.

Например, в заимствованном из русского языка слове *царь* «неудобная» фонема заменяется имеющей место в турецком языке второй глухой аффрикатой [ч]: рус. *царь* → тур. *çar* [чар] [Türkçe Sözlük 2011: 496]; [Nişanyan 2007].

В пришедшем через английский язык итальянском слове *pizza* 'пицца', в соответствии с языком-источником большинством европейских языков произносимом с долгим [ц], буквосочетание *zz* озвучивается по правилам турецкого произношения как долгое [з]: итал. *pizza* [пицца] → англ. *pizza* ['pi:tsə] → тур. *pizza* [пизза] [Nişanyan 2007].

Также присутствует вариант, ориентированный на передачу оригинального звучания иностранного слова, когда звук [ц] передается с помощью буквосочетания *ts*. Примером может служить перенятое через посредничество английского языка японское слово *цунами* (буквально: *цу* 'гавань' + *нами* 'боль-

шая волна'): англ. *tsunami* [tsu:'na:mi] → тур. *tsunami* [цунами] [Türkçe Sözlük 2011: 2383]; [Nişanyan 2007]. В этом направлении идет и графическое освоение большинства иностранных онимов, заимствованных устным путем из языков, использующих альтернативные латинице системы письма, например японского, грузинского, русского: *Mitsubishi* (Мицубиси), *Tsubasa* («Цубаса» — популярное японское аниме и видеоигра на его основе), *Tshinvali* (Цхинвали), *Tsargrad* (Царьград — древне-поэтическое название Константинополя — Стамбула), *Tsarskoye Selo* (Царское село), *Tsiolkovski* (Циолковский), *Tsvetaeva* (Цветаева) и др.

В целом, звуковые сочетания [т + с] характерны для турецкого языка. Поэтому в учебниках, опирающихся на аналогию с родным языком, произношение звука [ц] часто иллюстрируется примерами: *satsa* 'если я буду продавать', *yatsa* 'если я лягу', *gitse* 'если я уйду' [Gültek 2005: 59]; [Kendi Kendine Hızlı Rusça: 4], *kutsal* 'святой', *katsayı* 'коэффициент' [Norman, Norman 1997: 24].

Однако аффриката только похожа на сочетание звуков, но на самом деле принципиально отличается от него. Основу звукосочетания [тс] составляет артикуляция двух переднеязычных согласных — смычного [т] и щелевого [с]. В аффрикате [тс̥] смычка [т] и щель [с] являются элементами общей артикуляции звукового «монолита». При этом «границу между смычным и щелевым элементами уловить невозможно ни на слух, т. е. на восприятие, ни артикуляционно, они слиты в единый, хотя и сложный звук» [Матусевич 1976: 144]. Чтобы «прочувствовать» правильную артикуляцию аффрикаты [ц], методисты советуют отрабатывать произношение этого звука с помощью слов, в которых имеет место сочетание орфографических *т(д)* с последующим *ц*: *отцы*, *молодцы* и т. д. В этом случае артикуляция согласного [т] накладывается на артикуляцию [ц], начинающуюся с такого же смычного элемента, что фонетически дает один долгий звук [ц:] [Битехина, Климова 2011: 40].

В турецких же словах между звуками [t] и [s] проходит морфо-слоговая граница (например, *salse* аффикс условного наклонения), препятствующая произнесению этих звуков как нечленимого единства, а, следовательно, и их объединению в аффрикату. Многие авторы акцентируют внимание на максимально кратком (без внутренней паузы) произнесении данного сочетания, однако при проговаривании привычных турецких слов это дается с трудом. Поэтому для демонстрации специфического русского звука [ц] больше подходят заимствованные слова, типа *цунами*, которые не подвержены фонетической интерференции со стороны родного языка [Klimkina, Zaripova 2015: 7].

Аффриката [ц] остается одним из самых трудных для говорящих на турецком языке русских звуков. Однако процессы межъязыкового взаимодействия способствуют уменьшению «экзотичности» этого звука, постепенно снимая трудности по его освоению при изучении русского языка.

Фрикативный согласный [ш':] в силу ряда исторических изменений в фонологической системе русского языка имеет два варианта произношения: мяг-

кое долгое [ш':] и сочетание [ш'ч']. Оба изображаются буквой *ш*. В XX веке и тот, и другой вариант считались орфоэпически равными, при этом [ш':] был шире распространен в литературном произношении; а [ш'ч'] считался особенностью ленинградского произношения [Матусевич 1976: 140]. На сегодняшний день нормативным является долгий мягкий согласный, хотя на стыке приставки и корня (сочетания *зч*, *сч*) возможен и вариант прочтения [ш'ч'], кроме того отдельные немногочисленные слова по-прежнему произносятся только через [ш'ч'] (*бросче*, *трясче*) [Бешенкова, Иванова 2012: 19].

Фонетическая интерпретация звука [ш':] в учебниках, адресованных студентам с родным турецким языком, следует двум сменившим одна другую в связи с меняющимися нормами русского литературного произношения традициям.

В учебной литературе, издававшейся в Турции во второй половине прошлого века, звук [ш':] представлен произносительным вариантом [ш'ч']. В русском языке вариант [ш'ч'] более всего вероятен на стыке разных морфем, т. к. именно морфологическая граница мешает «осуществлению монофтонгизации сочетания в пользу мягкого долгого согласного» [Матусевич 1976: 141]. В турецких примерах-иллюстрациях между [ş] и [ç] также проходит морфо-словговая граница (*çilçilçulçü* — аффикс профессиональной принадлежности лица): *işçi* 'рабочий' [Norman, Norman 1997: 24], *taşçı* 'каменщик' [Stilman, Harkins 1997: 10], *aşçı* 'повар' [Kendi Kendine Hızlı Rusça 2005: 4], *kuşçu* 'орнитолог' [Gültek 2005: 61]. Однако в турецком языке морфологическая граница ощутима сильнее, самостоятельность звуков отчетливее, поэтому отдельные авторы обращают внимание на необходимость более слитного по сравнению с турецким произношения звуков [ш] и [ч] с целью максимально приблизить их прочтение к русскому.

Новое поколение учебных изданий звук [ш':] объясняет как «*yumuşak uzun* [ş':]», т. е. мягкое долгое [ш':]. Основной для постановки его произношения служит артикуляция звука [ş], который не только присутствует в фонологической системе турецкого языка, но и по сравнению с русским [ш] звучит несколько мягче. Кроме того, звук [ş] дается в сочетании с последующим [i] — звуком-помощником для поднятия средней части языка при постановке произношения [ш':] [Битехина, Климова 2011: 43–33]. В качестве иллюстраций используются примеры: *şimşek* 'молния', *şimal* 'север', *şimdi* 'сейчас' [Köksal 2006: 17], [Gültekin 2009: 1; Zaripova 2015: 9–12]. Как правило, постановка произношения этого звука проходит быстро и легко, не вызывая особых затруднений при переходе от турецкого *şimdi* к русскому *ш*.

Издаваемая в Турции учебная литература для изучающих русский язык с нуля, т. е. с фонетического старта, демонстрирует многообразие подходов авторов, которые, используя различия и сходства фонологических систем двух языков — родного и изучаемого, успешно справляются с артикуляционными трудностями студентов-турок при овладении звуковой стороной русской речи.

Литература

- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила русской орфографии с комментариями. Тамбов, 2012.
- Битехина Н. Б., Климова В. Н. Русский язык как иностранный: фонетика. Методы, приемы, результаты. М., 2011.
- Бодуэн де Куртене И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. М., 2012.
- Мамусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
- Dietrich A. P. Rusça Gramer. Грамматика русского языка. Ankara, 2007.
- Gültek V. Rus Dili Grameri. Ankara, 2005.
- Gültekin T. Rusça Gramer ve Diyaloglar. İstanbul, 2009.
- Kendi Kendine Hızlı Rusça. 1. Basamak Seti-Kutulu. İstanbul, 2005.
- Klimkina O. I., Zaripova Çetin Ç. Rusça Konuşmanın Etik Formları. Türkçe Konuşan Türk Öğrencilere Yönelik Rus Dili Ders Kitabı. Basit Seviye. Ankara, 2015.
- Köksal N. Rusça Dilbilgisi. Грамматика русского языка. Ankara, 2006.
- Nişanyan S. Sözlere Soyağacı (Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü). İstanbul: Adam Yayınları, 2007 [http://www.nisanyansozluk.com/].
- Norman P., Norman N. 50 Derste Rusça / Türkçeye uyarlayan Behramoğlu A. İstanbul, 1997.
- Stilman G., Harkins W. E. Yeni başlayanlar için Rusça dilbilgisi / Türkçeye uyarlayan S. Ünver. Ankara, 1997.
- Türkçe Sözlük / Haz. Şükrü Halûk Akalın ... [ve bask.]. Ankara, 2011.
- Zaripova Çetin Ç. Rusça I. Gramer ve Alıştırmalar. Ankara, 2015.

**Ассимиляция согласных на стыках слов
как показатель отсутствия просодического шва
в современном русском языке***

С. В. Князев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Просодическое членение, внешнее сандхи, коартикуляция, паузальный маркер.

Summary. The paper reports some results of the instrumental research, aimed at finding out whether the presence or absence of regressive palatalization assimilation available in clusters of homorganic velar consonants /x/ + /x'/ in an external sandhi position in Modern Standard Russian may serve as a cue for detecting the location and depth of prosodic breaks.

В соответствии с существующими описаниями фонетики современного русского литературного языка (далее — СРЛЯ) принято считать, что в нем контекстные изменения по твердости / мягкости, имеющие статус фонетических законов внутри слов, не действуют на границах фонетических слов [Панов 1979: 168]. Тем не менее, эта закономерность, не всегда действует в сочетаниях заднеязычных согласных: данные экспериментально-фонетических исследований [Крючкова 2012] позволяют утверждать, что в сочетаниях типа *маленьких хищников* внутри синтагмы преобладающим среди носителей СРЛЯ является произношение мягкого заднеязычного в позиции конца первого фонетического слова перед гомоганным мягким в начале следующего слова¹.

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 15-06-06103.

¹ В указанной позиции (данные 21 диктора) смягчение заднеязычного согласного происходит более, чем в половине всех случаев после гласного непятого ряда и более, чем в 80% всех случаев после гласного пятого ряда (всего, без учета качества предшествующего гласного, — в 73% всех случаев) [Крючкова 2012].

Данная работа посвящена вопросу о том, может ли ассимиляция по мягкости на стыках фонетических служить одним из способов маркировки / детектирования просодических границ в связном тексте при отсутствии физической паузы. Предыдущее исследование [Крючкова 2012] было посвящено анализу реализации указанных консонантных сочетаний **внутри синтагмы** (при отсутствии просодических швов между тестовыми словами); его результаты свидетельствуют о том, что реализация эта, тем не менее, зависит от характера просодического оформления высказывания: при наличии тонального акцента на одном из слов, особенно на первом, увеличивается количество реализаций без коартикуляции ([x#x']).

Целью настоящего исследования была проверка гипотезы о том, что характер реализации согласных на месте глубинного сочетания <x#x'> как [xx'] или [x'x'] зависит от наличия / отсутствия просодической границы между словами, в которых находятся данные фонемы. В качестве **дикторов** в эксперименте принял участие 41 информант (преимущественно женщины в возрасте 17–20 лет), носители современного литературного произношения.

Материалом исследования служили 4 тестовых предложения с сочетанием слов *тех химиков* (*тех химики*) без физической паузы и без знаков препинания между ними; варьируемым параметром была просодическая организация высказывания:

- 1.1. наличие тонального акцента на слове *тех*, отсутствие его на слове *химиков* (*Но учтите, это именно тѣх химиков нужно наградить, а этих — наказать*);
- 1.2. отсутствие тонального акцента на слове *тех*, наличие его на слове *химиков* (*А если тех хѣмиков позвать, а физиков не трогать?*);
- 1.3. отсутствие тонального акцента на словах *тех* и *химиков* (*Когда тех химиков уволят, лаборатория совсем развалится*);
2. наличие тонального акцента на словах *тех* и *химиков* (*Этих студентов учат физики, а тѣх хѣмики*).

Предложения были зачитаны информантами вслух в составе связного текста и записаны непосредственно в память компьютера. Анализ производился при помощи программ *PRAAT* и *Speech Analyzer*, в его ходе был измерен характер формантного перехода на отрезке гласного, предшествующего первому согласному сочетания *тех хими...* **Алгоритм принятия решения** был следующим: первый согласный сочетания считался мягким в том случае, если значение F_2 на предшествующем ему участке гласного совпадало (отличалось не более, чем на 7%) со значением F_2 на начальном участке гласного, следующим за вторым (мягким) согласным — см. ниже рис. 1 и рис. 2 соответственно. В ходе анализа результатов из рассмотрения были исключены те прочтения, в которых фиксировались темпоральные (физические) паузы. Таких случаев оказалось 3 из 164; все — в предложении № 2. Все другие данные этих дикто-

ров были также исключены из рассмотрения, таким образом, окончательное число испытуемых, от которых был получен материал, проанализированный в ходе настоящего исследования, составило 38, общее число обработанных произнесений — 152.

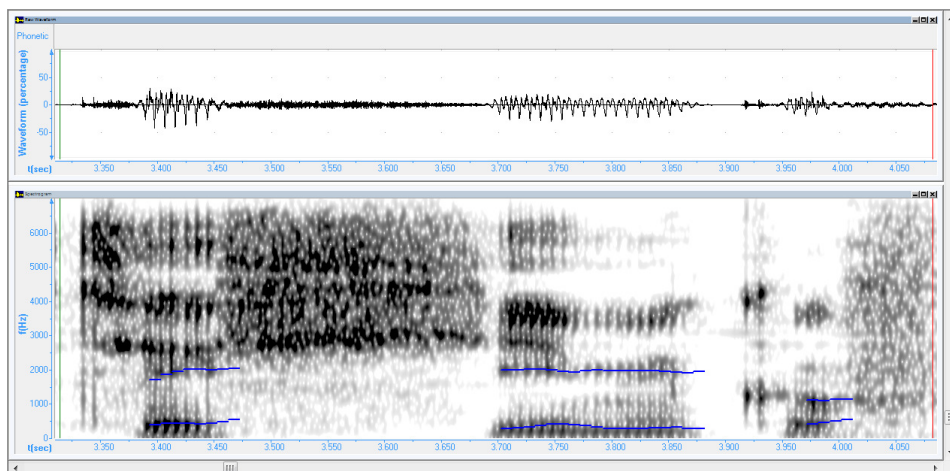

Рисунок 1. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания *тех химиков* из фразы 1.3 *Когда тех химиков уволят, лаборатория совсем развалится* (реализация [x'x']).

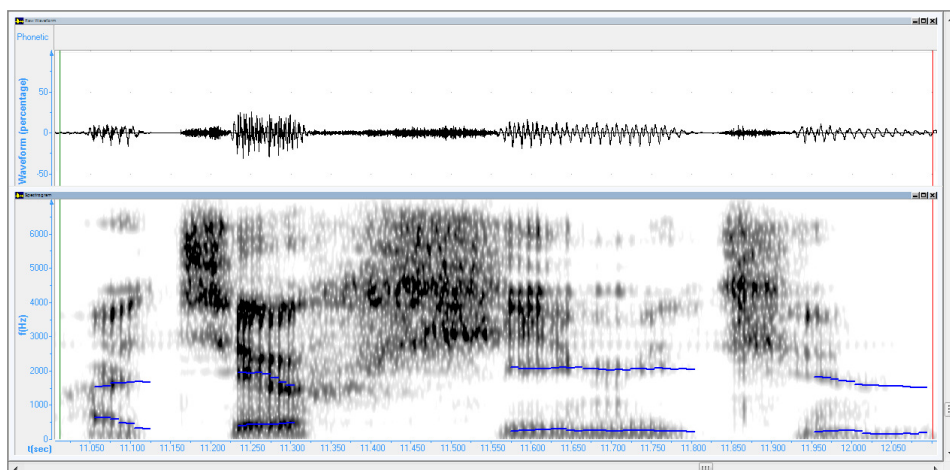

Рисунок 2. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания *тех химики* из фразы 2. *Этих студентов учат физики, а тех химики* (реализация [xx'])

Полученные в ходе исследования **результаты** для всех дикторов во всех фразах обобщены в Таблице 1. В таблице сначала приводится количество реализаций, затем в скобках — процент от их общего числа.

Таблица 1.

Количество произнесений [х'х'] [хх'] на месте сочетания <х#х'> во фразах:

- 1.1. (Но учтите, это именно *тѣх* химиков нужно наградить, а *этих* — наказать);
- 1.2. (А если *тех* хѣмиков позвать, а физиков не трогать?);
- 1.3. (Когда *тех* химиков уволят, лаборатория совсем развалится);
2. (Этих студентов учат физики, а *тѣх* хѣмики)

при отсутствии физической паузы между ними

фраза \ кол-во	[хх'] (%)	[х'х'] (%)	всего
1.1	7 (18%)	31 (82%)	38 (100%)
1.2	2 (5%)	36 (95%)	38 (100%)
1.3	1 (3%)	37 (97%)	38 (100%)
2	35 (92%)	3 (8%)	38 (100%)

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что произношение [хх'] (без коартикуляции) при наличии просодического шва наблюдается в 92% всех проанализированных реплик (35 из 38), а при его отсутствии — лишь в 9% (10 из 114). В последнем случае вероятность отсутствия коартикуляции увеличивается при наличии тонального акцента на первом слове.

На основании полученных результатов можно сформулировать **вывод** о том, что отсутствие коартикуляции согласных по мягкости на месте сочетания <х#х'> на стыках фонетических слов может служить достаточно надежным показателем наличия просодической границы между этими словами, а наличие уподобления согласных по мягкости в этом положении — показателем отсутствия просодического шва.

Литература

- Крючкова М. А. Ассимиляция заднеязычных согласных по мягкости на стыках фонетических слов в современном русском литературном языке. Дипломная работа. МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2012.
- Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

Межъязыковая интерференция русскоговорящих носителей польского и чешского языка

С. А. Крейчи, О. Е. Фролова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

Артикуляторная модель, интерференция, безакцентный, иноязычный.

Summary. In this paper we consider cross-linguistic interference at a segmental and supersegmental levels of native Polish and Czech speakers, learners of Russian language. Basis for the study of cross-language interference was the database of the sounding Russian speech, developed in the laboratory of phonetics and speech communication and comprising two similar parts organized: orthoepically the correct pronunciation and Russian pronunciation with the accent: samples recorded from native speakers of different languages.

Многообразие позиций органов артикуляции, необходимых для формирования звуков, нормативных для разных языков (артикуляторная база), мож-

но представить как межъязыковое пространство артикуляционных поз, в котором эти позы могут не совпадать при произнесении русских слов, что требует перестройки артикуляторной базы родного языка [Колосов 1971] для овладения безакцентным произношением на русском языке.

Положение органов артикуляции, или артикуляционные позы, образующие нормативные для родного языка звуки, формируются у человека с детства, по мере развития его речи [Зиндер 1984], и неизбежно оказывают влияние на произнесение звукотипов и их сочетаний в иностранных словах. Отдельные артикуляционные позы могут быть как достаточно близкими по действию и конфигурации активных и пассивных органов артикуляции, так и достаточно сильно отличаться или вообще отсутствовать как определенный артикуляционный навык. В то же время, известно, что результат действия различных комплексов артикуляционных конфигураций и движений может на перцептивном уровне восприниматься как достаточно сходный, поскольку артикуляторная база языка самым тесным образом связана с моделями восприятия речи на данном языке [Бернштейн 1976].

Изучение межъязыковой интерференции носителей польского и чешского языка проводилось нами на основе разработанной в Лаборатории фонетики и речевой коммуникации базы данных звучащей русской речи, включающей как орфоэпическую часть, так и часть с аналогичными иноязычными явлениями. Звучащий материал базы позволяет исследовать межъязыковую интерференцию на сегментном и на суперсегментном уровнях. Сегментный уровень представлен словарем ритмических структур [Златоустова 1993], а суперсегментный — чтением анкетных вопросов и спонтанными ответами на них.

База данных звучащей русской речи содержит также иностранные слова, заимствованные из других языков: например, *парк, порт, пункт, спорт, текст, темп, тон, штат*. Такие слова либо полностью сохраняют свое звучание, либо частично изменяют его под влиянием артикуляторной базы русского языка. Последние представляют собой наибольшие трудности для носителей иностранного языка при освоении нормативного русского произношения. Родная артикуляторная база препятствует «искаженному» произношению знакомого слова из родного языка, и перестройка ее стоит больших усилий.

На сегментном уровне славянские языки, как родственные русскому, характеризуются достаточно большим количеством лексико-семантических совпадений и, соответственно, совпадением артикуляционных поз. Однако имеется и значительное число несовпадений артикуляционных поз при лексико-семантических совпадениях, что приводит к акцентному произношению. Например, при чтении анкетного вопроса: «Сколько вам лет?» носители польского и чешского языка произносят [сколко вам лэт]. При этом словарный состав фразы на родном языке может почти полностью совпадать: «Kolik je vám let». К межъязыковой интерференции на сегментном уровне следует отнести полу-

мягкое произнесение носителями чешского языка звуков [т, д, н] в русских словах с их твердым звучанием, например: *когда*, *откуда*, и характерное польское [л] в слове *число* [чисуо].

На суперсегментном уровне мы исследовали влияние интонационного строя родного языка информантов на вид интонационного контура [Брызгунова, 1977] при чтении русского вопросительного предложения, в тексте которого нет указаний на фразовое ударение и локализацию семантического фокуса. Правила просодической реализации для разных языков могут не совпадать. Это проявляется, в частности, в локализации семантического фокуса, зависящей от специфики грамматических правил конкретного языка, например, порядка слов, принятого в данном языке. В русском языке семантический фокус часто локализуется на вопросительном слове: «Где Вы родились?», тогда как в эквивалентных иноязычных выражениях он может сдвигаться. Лексико-семантические формы высказываний также могут отличаться в разных языках в зависимости от принятых в конкретном языке норм обращения к собеседнику с вопросом. Например, в польском языке принята более вежливая форма: «W jakiej miejscowości Pan się urodził?». То есть местоимение «Вы» заменено более вежливым обращением «пан», на котором в данном случае находится семантический фокус.

Исследование интонограмм показало, что устное высказывание «Где вы родились?» реализовано носителем русского языка с использованием интонационного контура ИК-2. При этом семантический фокус локализован на вопросительном слове «где». Польский диктор практически реализует интонационный контур ИК-1, который коррелирует с интонационным контуром эквивалентного высказывания на польском языке: «W jakiej miejscowości Pan się urodził?».

Проведенное исследование показало, что межъязыковая интерференция русскоговорящих носителей польского и чешского языков имеет свои особенности, проявляющиеся как на сегментном, так и на суперсегментном уровнях.

Литература

- Бернштейн С. И. Вопросы обучения произношению: применительно к преподаванию русского языка иностранцам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. Издательство «Русский язык». М., 1977.
- Зиндер Л. Р. К вопросу об артикуляторной базе // Экспериментально-фонетический анализ речи. Вып. 1. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.
- Златоустова Л. В., Вещикова И. А., Омелянова Е. Б. Компьютерный словарь частотных слов и ритмических структур русской речи // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1993. № 5.
- Колосов К. М. О роли артикуляторной базы в обучении произношению // Иностранные языки в школе. Вып. 1. 1971. № 5. С. 38–45.

Языковая ситуация и языковая политика в славянских странах

О языковой ситуации в Республике Армения

Г. Г. Амбардарян

Гюмрийский государственный педагогический институт им. М. Налбандяна (Армения)

Русский язык, возрастающая роль русского языка, практический курс русского языка.

Summary. In the thesis we investigate the language situation in Armenia. Economical, geopolitical factors that influences on the forming of common language politics. Proposing to increase the number of hours of Russian language in the non special branches of Armenia universities with the aim to master practical Russian, which is necessary for the growth of the labor mobility provisions and for provide information and cultural fields.

История русско-армянской дружбы и братских отношений исходит со времен Киевской Руси и продолжается до сегодняшнего дня.

За последние два десятилетия прошлого века положение русского языка в бывших союзных республиках СССР изменилось: русский язык потерял статус официального языка, затем приобрел статус языка межнационального общения, ныне он имеет статус иностранного языка.

Статус русского языка на пространстве СНГ и в других странах мира определяется в зависимости от того, какие функции он выполняет, для каких целей и в каких сферах используется, какие коммуникативные потребности пользователей удовлетворяет.

Русский язык в Армении традиционно имеет сильные позиции. Многовековая общая история предопределила особое отношение армянской интеллигенции к русскому языку не только как к средству межнационального общения, но и как к одному из способов продвижения армянской культуры в современное европейское пространство.

Русский язык на территории СНГ является не только средством коммуникации, но и идеологическим, нравственным, культурным фактором. Именно русский язык обеспечивает информационное и культурное поле.

Согласно «Закону о языке РА» преподавание на русском языке для школьников — граждан Армении запрещено, так как статья 2-я данного закона гласит: «Языком преподавания и воспитания в системах образования и обучения является литературный армянский язык. Во всех среднеспециальных, специализованно-технических и высших учебных заведениях вступительный экзамен по армянскому языку и изучение армянского языка обязательно».

Однако русский язык воспринимается не как инструмент перевода и обслуживания определенных коммуникативных потребностей пользователей, а как нечто большее, что привносит с собой определенные культурные ценности.

В российско-армянское межрегиональное сотрудничество вовлечены практически все области Армении, порядка 70 российских регионов имеют торгово-экономические и гуманитарные связи с Арменией.

На территории СНГ Россия инициировала проект Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Ныне в Армении в ключевых сферах экономики — газовой, транспортной, финансовой, телекоммуникационной работает около 1300 армяно-российских компаний. Россия является крупнейшим инвестором и торговым партнером Армении. В Армении издаются 3 русскоязычные газеты: «Голос Армении», «Новое время», «Республика Армения». В 2012 году русский язык вошел в список ЕГЭ «иностранные языки» наряду с английским, французским, немецким.

Со 2 января 2015 года Армения стала четвертым полноправным членом Евразийского экономического союза вместе с Россией, Беларусью и Казахстаном. Страны союза намерены сотрудничать в промышленности, энергетике, транспортной отрасли и агросекторе.

Военно-политическое сотрудничество России с Арменией является ключевым элементом системы безопасности. С 2002 Армения стала членом основанного Россией и другими странами ДКБ военно-политического блока — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Армения единственный союзник России по ОДКБ на Южном Кавказе.

Исходя из данных экономических, геополитических факторов и с целью роста мобильности трудовых резервов необходимо хорошее владение русским языком. Считаем необходимым увеличение количества часов по русскому языку в сфере образования.

В вузах Армении на неспециальных факультетах учебный предмет «Практический курс русского языка» изучается от 2 до 4 часов в неделю (2–4 семестра), зависит от решения ученого совета вуза. Например, в Гюмрийском госпединституте русский язык изучается в объеме 48 часов за 1 семестр и всего 2 семестра (98 часов), что не соответствует востребованности русского языка в важном геополитическом регионе — в г. Гюмри стратегического назначения, где размещена 102-я Российская военная база. Гюмри имеет глубокие исторические и лингвистические традиции и особую предрасположенность к русскому языку, русской нации и русской культуре.

Предлагаем: разработать единые госстандарты по изучению русского языка на неспециальных отделениях для всех вузов Армении. Предлагаем изучить «Практический курс русского языка» — 8 учебных семестров с нагрузкой по 4 часа в неделю (так изучают в Ереванском госпедуниверситете им. Х. Абовяна).

Общая вера, цивилизационное единство и стремление к правде всегда сплачивало нас. Вступление Армении в Евразийский экономический союз подтверждает, что Россия и Армения и дальше видят путь своего развития только вместе.

Литература

- Васильева Т. В., Ускова О. А., Саакян Л. Н. Русский язык в социокультурном контексте Армении: взгляд из России: Материалы II Международной научно-практической конференции преподавателей русского языка Армении, России и других стран СНГ. Ванадзор 2011.
- Григорян Э. А., Даниелян М. Г. Языковая политика и языковая практика в современной Армении // Журнал «Русский язык в Армении». Ереван, 2008. № 5.
- Золян С. Т. Русский язык и культурно-цивилизированное пространство СНГ: Материалы Международной научной конференции «Проблемы функционирования русского языка в Республике Армения», 2006.

Основные факторы формирования языковой ситуации

А. Л. Вусик

Бердянский государственный педагогический университет (Украина)

Языковая ситуация, языковая политика, языковое планирование, этноязыковая политика.

Summary. The author considers the language policy and language planning as the major factors shaping a language situation. Concludes that it is impossible to conduct effective language policy outside the specific social, political, economic historical conditions.

Актуальность темы. В многонациональных обществах языковая ситуация отличается особой сложностью, так как в данном случае должны учитываться многие факторы языковой политики и языкового планирования. Прежде всего во внимание должны браться типологические характеристики этнических групп, специфика межнациональных отношений, роль автохтонного языка и его носителей в общественно-политических процессах. Следовательно, изучение мирового опыта проведения в действие факторов формирования языковой ситуации (языкового планирования и языковой политики) в многонациональных обществах представляется важным и необходимым для оптимизации межнациональных отношений.

В своей работе мы определяем перечень ключевых международно-правовых документов, которые дают оценку языковых прав коренных народов и национальных меньшинств, а также основные документы, которыми руководствуются многонациональные общества.

Целью исследования является определение основных факторов формирования языковой ситуации.

Поставленная цель диктует необходимость решения следующих **задач**:

1. Анализ международных документов, устанавливающих языковые права малочисленных этнических групп.
2. Определение критериев выбора государственного (официального) языка в многонациональных обществах.
3. Изучение факторов формирования языковой ситуации ряда многонациональных стран, чей опыт может быть полезен для международного сообщества.
4. Демонстрация влияния конкретных исторических условий на этноязыковую политику в многонациональных государствах.

5. Выявление факторов, способствующих возникновению языковых конфликтов и, соответственно, установление путей их предотвращения.

Языковая политика и языковое планирование — основные факторы формирования языковой ситуации в любой стране. Языковая политика связанная с регулированием языковых отношений в обществе, и закрепляется в конституции, законодательных документах, а также в специальных национальных программах. Закон, определяющий, каким языком следует пользоваться в тех или иных официальных ситуациях, — часть языковой политики.

Есть страны, где большое значение придается законодательству. Особенно яркий пример Франция, языковая политика которой ориентирована, как правило, на поддержку только французского языка как единственного государственного. На сегодняшний день во Франции существует большое количество структур, организаций и комиссий, призванных воздействовать на языковую сферу.

Языковое планирование — сознательные, конкретные мероприятия по воздействию на языковое поведение носителей языка, изменение функционирования языков (статусное планирование), регулирование структуры языка (корпусное планирование), создание условий для овладения языком (планирование усвоения).

В некоторых странах, таких, как Ирак, Италия, Испания существует один государственный язык для всей страны и, в дополнение к нему, государственные языки для отдельных регионов. Некоторые страны, такие, как Америка, не имеют государственного языка для всей страны, но имеют таковой для отдельных своих частей, например, штатов. В некоторых странах понятие государственного языка вообще отсутствует, например, в Австралии, Эритрее, Люксембурге. В подобных случаях де-факто существует какой-то один основной язык, а также имеется целый ряд официальных документов, которыми устанавливаются сферы использования тех или иных языков.

Следует отметить, что африканские государства, а также Филиппины (как наследие своего колониального прошлого) сохраняют государственные языки, которые не являются национальными языками населения этих стран или, по крайней мере, языками, на которых говорит большинство населения.

В противоположность этому ирландский язык, на котором говорит меньше трети населения Ирландии, является национальным языком и первым государственным языком этой страны, а вот английский язык, на котором говорит большинство населения, то он назван в конституции Ирландии лишь как второй государственный язык.

Таким образом, мы приходим к таким **выводам**, что невозможно проведение эффективной языковой политики вне учета конкретных социальных, политических, экономических, исторических условий.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут послужить основой для разработки практических рекомендаций по дальнейшему совершенствованию национальных отношений.

Материалы исследования могут быть использованы при чтении спецкурса по социолингвистики для студентов высших учебных заведений.

Литература

- Вусик А. Л. Мовна політика 20–30 років в Україні та її вплив на розвиток освітньої справи мовами національних меншин // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. наук. пр. К.: Київський університет, 2003. С. 36–40.
- Вусик А. Л. Мовна ситуація України в історичному аспекті // Науковий вісник Чернівецького університету: Слов'янська філологія. Вип. 321–322. Чернівці: Рута, 2007. С. 314–319.
- Вусик А. Л. Вплив соціального середовища на мову і на мовленнєву поведінку // Теоритические и практические проблемы русской филологии: научно методический сборник. Вип. XXIII / Отв. ред. В. А. Глушенко; Отв. за вып. В. М. Калинин. Славянск: Предприниматель Маторин Б. И., 2012. С. 271–275.

Актуелни процеси словенских језика на простору бивше СФР Југославије

Мара Кнежевић

Универзитет у Новом Саду, Педагошки факултет у Сомбору (Србија)

Српски, хрватски, црногорски, бошњачки, језик.

Summary. By splitting the SFR Yugoslavia, after the inevitable war and creation of new states, there came to the changes in the culture of the peoples which lived in these areas. In the newly created states, former republics, there were introduced new official languages: in Montenegro — Montenegrin, in Croatia — Croatian, in Bosnia and Herzegovina, with two entities, there were introduced Serbian, Croatian and Bosniak, in Serbia — Serbian, in Macedonia — Macedonian, in Slovenia — Slovenian.

СФР Југославија, која је разорена деведесетих година 20. века састојала се из следећих република: Република Србија у саставу које су биле две покрајине: АП Војводина и АП Косово и Метохија (службени језик био је српскохрватски), Република Хрватска (службени језик био је хрватскохрватски), Република Босна и Херцеговина (службени језик био је српскохрватски), Република Црна Гора (службени језик био је српскохрватски), Република Македонија (службени језик био је македонски), и Република Словенија (службени језик био је словеначки). На простору бивше Југославије у свим Републикама изучавао се српскохрватски језик. Националне мањине су у образовном систему имале заступљен српскохрватски као нематерњи језик.

Разбијањем СФР Југославије након неизбежног рата и стварања нових држава дошло је и до промена у језику и култури народа који су живели на њеним просторима. Тако је у новоствореним државама, бившим републикама, уведен службени језик: у Србији — српски, у Македонији — македонски, у Словенији — словеначки, у Црној Гори — црногорски, у Хрватској — хрватски, у Босни и Херцеговини са два ентитета: Федерација Босна и Херцеговина, језик бошњачки и хрватски, писмо латиница, док је у Републици Српској службени српски језик и ћирилично писмо. Бошњачки језик проширио се и на јужни део Србије, Санцак, и употребљава се равноправно са српским у школама и институцијама. (У Хрватској се користи назив босански

језик, у Црној Гори босански и бошњачки су наведени као два засебна језика. Одбор за стандардизацију језика Института за српски језик САНУ објавио је 2015. године да је једини исправан назив за језик бошњачког народа бошњачки језик. Бошњачки језик је варијанта српског језика «оплеменења» турцизмима). У међувремену Покрајина Косово је дугогодишњим напорима, уз подршку страних сила, прогласила тз. Републику Косово и сходно територији увела албански језик у званичну употребу. Бивша Република Македонија је задржала свој дотадашњи службени македонски језик, као и Република Словенија у новоствореној држави службени словеначки језик. По Уставу из 2006. у службеној употреби у **Републици Србији**, је **српски језик и ћирилично писмо**. Службена употреба латинице је регулисана законом и у службеној је употреби у срединама где су присутне националне мањине. У српском језику дошло је до промена које усложњавају језик, чине га тежим за учење како својим грађанима тако и иностраним. Најочигледнији пример је, «како би се задовољила родна равноправност», за функцију и занимање уведен је и женски род: *педагог* — *педагошкиња*, *психолог* — *психолошкиња*, *посланик* — *посланица*, *социолог* — *социолошкиња*, итд. Промена тих именица по падежима додатно оптерећује језик. (У Републици Србији по Уставу из 1990. у службеној употреби је српско-хрватски језик и ћирилично писмо, а латиничко писмо је у службеној употреби на начин утврђен законом. Дакле, Србија је најдуже задржала назив српско-хрватски.) **Црногорски језик** је према Уставу Црне Горе од 2007. постао њен службени језик као резултат нормирања још једног стандардног језика заснованог на новоштокавским дијалектима. У употреби су два писма: **ћирилично и латиничко**. У службеној употреби су још: **српски, босански, албански и хрватски**. Први Правопис црногорског језика чији су аутори: Миленко Перовић, професор Новосадског универзитета, Људмила Васиљева, професор Универзитета у Лавову и Јосип Силић, пензионисани професор из Загреба, представљен је 2009. године по којем су црногорском језику додали два нова слова (ѓ и ѓ у ћириличној и ѓ и ѓ у латиничној верзији), тако да језик има 32 слова. Поред прихватања два нова слова за писма, уводи се и архаизација језика и необразложених хрватизама, који немају упориште у црногорском језику. *О употреби српског језика у Црној Гори у Закону о народним школама из 1907. године каже се у члану 1. „Задатак је народнијем школама, да васпитавају дјецу у народном и религијском духу и да их спремају за грађански живот, а нарочито да шире просвјету и српску писменост“.* *У истом закону се јасно наглашава да се похађа српска школа и да су предмети српски језик и српска историја. У Уставу Републике Црне Горе од 1992. године у члану 9. каже се: „У Црној Гори у службеној употреби је српски језик ијекавског изговора“.* **Хрватски језик** је Уставом из 1990. године проглашен службеним језиком у **Републици Хрватској**, у употреби је писмо **латиница**. У самосталној хрватској држави језику се придаје посебна пажња. Форсира се

архаизација језика, а масовно се кују нове речи ради што већег разликовања од српског језика. Хрватски језик је унео и наставља да уноси архаизме и кованице, како би се што више разликовао од српског језика са којим је био равноправан. *Српски, хрватски, бошњачки и црногорски језик, који још није доживео пуну лингвистичку афирмацију, стандардизовани су на истом дијалекту — источнохерцеговачком. У 20. веку (југословенски период) ови језици су сматрани јединственим српскохрватским, односно хрватскосрпским језиком и “штокавски дијалекат заузима највећи део српскохрватског језичког простора: целу СР Србију, СР Босну и Херцеговину, СР Црну Гору и велики део СР Хрватске”* [Пецо 1978: 11].

Македонски језик је Уставом из 1991. службени у Републици Македонији, у употреби је **македонска ћирилица**. Током постојања Краљевине Србије и Краљевине Југославије, говори на територији данашње Републике Македоније су се сматрале јужним дијалектима српског језика. Македонци су признати као посебан народ 1944. године и од тада је македонски језик постао званичан језик те Републике.

Словеначки језик је Уставом из 1991. службени језик у Републици Словенији, писмо је **латиница**.

Тако је на територији бивше СФРЈ формирањем нових држава, сходно територији, установљен већи број словенских језика: српски, хрватски, црногорски и бошњачки, који су по пореклу, граматички и речничком фонду слични, тако да је у потпуности могуће споразумевање на овим језицима.

Литература

- Пецо Асим. Преглед српскохрватских дијалеката. Београд: Научна књига, 1978.
 Стевановић Михаило. Савремени српскохрватски језик. I. Београд: Научна књига, 1973.
 Устав Републике Србије // Сл. гласник РС. Бр. 1 / 1990.
 Устав Републике Србије // Сл. гласник РС. Бр. 98 / 2006.
 Ustav Bosne i Hercegovine [http://www.ccbh.ba/public/down/ustav_bosne_i_hercegovine_bos.pdf].
 Ustav Crne Gore // Službeni list Crne Gore. Broj 1 / 2007.
 [pdfww.sfid.mk/comp_includes/webdata/documents/USTAV%20precisten%20tekst%20+.p].
 [https://zakonodaja.com/ustava/urs].

Стандартный украинский язык: варианты

Е. С. Крючкова

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Стандартный язык, украинский язык, заимствования, лексикография.

Summary. This article discusses options for Ukrainian standard language. As part of the two allocated options are considered the cause of the differences.

1. Варианты стандартного украинского языка

Формирование современного украинского языка происходило под влиянием большого количества факторов, в числе которых особенно стоит отме-

тить политические. По причине долгого пребывания территорий современной Украины под властью многих государств и империй, на диалекты и стандарт украинского языка оказывалось различное влияние, включающее запрет на использование украинского языка, а также искусственное формирование нового стандарта языка.

Вследствие многих факторов, которые непосредственно влияли на стандартный украинский язык в XX веке, и продолжают влиять и в настоящее время, в современной Украине возникло несколько стандартных языков, которые сосуществуют и продолжают развиваться и взаимодействовать.

Джеффри Халл и Галина Кошарски [Hall, Koscharsky] выделяют два стандартных украинских языка по их происхождению:

1. Восточный диалект треугольника Киев-Харьков-Полтава.
2. Язык диаспоры, основанный на Львовском койне.

Такое разделение авторы отмечают с присоединения в 1944 году Галиции к составу Украины и вызванный этим отток украиноязычного населения. Эмигранты, воспринимающие Львовское койне, как родной украинский язык (в противовес восточному диалекту, который был ближе к русскому) создавали на нем литературные произведения и научные работы. В настоящее время произведения эмиграции включаются в школьные и университетские программы по украинскому языку, не смотря на специфику лексики и синтаксиса.

Сильное противодействие восточному диалекту украинского языка со стороны эмиграции также было вызвано тем, что на его основе создавался язык советской Украины, терминология, а также большинство лексических единиц которого калькировали слова из стандартного русского языка.

Достаточно популярная типология украинских стандартных языков (классификация И. Матвияс) [Матвияс 1988] также включает в себя русинский язык, что, в большей мере, отражает политическую точку зрения, по которой русинский язык является одним из диалектов или вариантов украинского. Также в данной типологии указывается все разнообразие субстандартов восточноукраинского языка, но совершенно не указывается разнообразие западного (три субстандарта против шести).

Андрей Даниленко [Andrii Danylenko], уточняя классификацию, приводит И. Матвияс, указывает на большее разнообразие субстандартов западноукраинского языка, а также включает разновидности русинского в западный стандарт украинского языка.

На наш взгляд, рассмотрение русинского языка, как одного из стандартов украинского языка не является правомерным, вследствие его самостоятельности и кодифицированности. В то же время отвергать влияние его на западноукраинские говоры не стоит.

2. Русский против украинского

Противостояние русского и украинского языков на территории Украины в научной среде еще с конца XIX века приводит к созданию словарей двух типов:

1. С заимствованиями из русского языка.
2. С заимствованиями из польского языка.

Сосуществование таких словарей и литературных произведений, написанных на основе разных стандартов языка, началось задолго до присоединения Галиции и последующей за ней эмиграции. Исходя из рассмотренных словарей украинского языка XVII–XX вв. (по классификации Т. Кульчицкой) [Кульчицка 1999] стоит отметить, что подобное разделение появилось в конце XIX века и максимального расцвета (в лексикографии) достигло перед созданием Советского Союза. Не смотря на последующий спад и развитие, в большей мере, восточного варианта украинского языка, словари и научная литература, основанные на западном варианте языка, продолжали развиваться.

Начиная с конца XX века на территории Украины происходит популяризация западного стандарта языка, которая значительно дополняется заимствованиями не только из соответствующих диалектов и польского языка, но и английского. Значительный пласт англоязычной лексики вносит не только общемировое влияние английского языка (как языка науки и технологий, в большей мере), но и значительный вклад украинской диаспоры в Канаде. Большинство носителей западного стандарта украинского языка за рубежом находится в англоязычной среде, что значительно отражается на процессе заимствования лексики.

Таким образом, на основании проведенного исследования, в рамках которого было рассмотрено более 40 словарей украинского языка XX века, можно подтвердить классификацию Дж. Хала и Г. Кошаски с некоторыми уточнениями:

1. Стандарт украинского языка, основанный на диалектах региона Киев — Полтава — Харьков, с большим пластом заимствований научной лексики из русского языка.
2. Стандарт украинского языка, основанный на львовском койне, с большим пластом заимствований научной лексики из английского и польского языков.

Литература

Данилевська О. Мова в революції та революція в мові. Київ, 2009.

Кульчицка Т. Українська лексикографія XIII–XX ст.: Бібліографічний покажчик. Львів, 1999.

Матвйас И. Г. Варианты украинского литературного языка. Київ, 1988.

Українська мова у XX сторіччі / Под ред. Лариси Масенко. Київ, 2005.

Danylenko Andrii. How many varieties of standard Ukrainian does one need? [<http://researchgate.net/publication/286464156> (дата обращения 19.02.2016)].

Hall Geoffrey, Koscharsky Halyna. Contours and Consequences of the Lexical Divide in Ukrainian [<http://ualberta.ca> (дата обращения 19.02.2016)].

Русский язык в формировании полиязычной и поликультурной личности студентов-репатриантов Казахстана

А. Д. Маймакова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (г. Алматы, Казахстан)

*Русский язык, студенты-репатрианты, социокультурный подход,
поликультурная личность, интерактивные методы.*

Summary. The article is devoted to the formation of multilingual and multicultural personality student repatriate at training Russian language in Kazakhstan's universities. Using specific examples, with the assistance of modern language material and through the use of interactive technology shows that such training is considered as a component of polylingual language ability and has a great personality and developmental potential.

Внедрение полиязычного образования в языковой стратегии Республики Казахстан «Триединство языков» становится одним из важнейших направлений на современном этапе развития страны. Казахско-русское двуязычие, казахско-русские лингвокультурные параллели являются обязательным условием языковой подготовки студентов казахских отделений как будущих специалистов в различных отраслях науки, позволяющим направлять процесс языкового образования на приобщение обучающихся к новому (неродному) для них средству общения, на познание ими чужой культуры и осмысление собственных лингвокультурных истоков, привитие им готовности к диалогу и одновременно толерантности по отношению к иным языкам и культурам.

В связи с чем значительно возрастает роль общеобязательной дисциплины «Русский язык» на неязыковых факультетах вузов. Русский язык выступает как средство повышения коммуникативной компетенции и личностно-профессионального развития студентов и необходимое условие успешной профессиональной деятельности специалиста-выпускника современной высшей школы.

В этом контексте языковой подготовки студентов неязыковых факультетов вузов особое направление представляет работа со студентами-представителями казахских диаспор дальнего и ближнего зарубежья. В работе с ними мы избираем методику русского языка как иностранного, которая имеет свои выраженные особенности в данном случае. С одной стороны, указанная категория студентов свободно владеет государственным (казахским) языком страны, хорошо знает исконные казахские обычаи и традиции, с другой стороны, ей незнакомо современное социо- и лингвокультурное состояние Казахстана, в котором довольно сильные позиции занимает русский язык. Поэтому обучение русскому языку студентов-репатриантов в разработанном автором (в соавторстве) учебном пособии построено на социокультурном подходе [Маймакова, Кадырова 2013]. Такой подход, на наш взгляд, позволяет совместить две задачи: с одной стороны, изучить русский язык, с другой — через язык поближе познакомиться с социокультурными особенностями современного Казахстана, с сегодняшней лингвокультурной ситуацией в казахстанском обществе,

что поможет молодым репатриантам адаптироваться к социокультурным реалиям современного Казахстана и успешно интегрироваться в казахстанское общество.

Структура и содержание настоящего учебного пособия представляет в практическом преломлении концепцию языкового образования студентов-репатриантов, отвечающую запросам современного образовательного процесса, условиям кредитной системы обучения в Республике Казахстан.

В предлагаемом учебном пособии каждая лексическая тема начинается с фонетической разминки, направленной на отработку навыков произношения трудных звуков русского языка. Данный вид работы основан на сопоставлении двух языков. Такая форма работы способствует снятию трудностей овладения русским языком и преодолению интерференции.

Следует отметить, что отбор текстового материала для данного учебного пособия проводился с учетом языковой подготовленности студентов, их социально-психологических и национальных особенностей, интересов и индивидуальных возможностей. В пособии реализуется мысль о том, что современный текст — это не только источник информации, а прежде всего, содержательный материал всего учебного процесса по русскому языку в казахской аудитории. Поэтому система текстов, предложенная нами, охватывает темы с учетом их лингвокультурологической ценности, определяемыми их познавательной ценностью и национально-культурной значимостью («Статус русского языка в Республике Казахстан», «Я сделаю все, чтобы люди узнали Казахстан», «Наурыз», «Масленица» и др.).

Лексико-грамматические задания строятся в данном учебном пособии на основе интерактивных методов и приемов, среди которых значатся: ситуативные реплики, диалоги, работа в группах, коммуникативные тренинги, рефлексия и др. Например:

1) Объединившись в группу из 3–5 человек, выберите тему, обсудите ее в группе и коллективно защитите выбранную тему (предварительно распределив между членами группы фрагменты-подтемы общего выступления).

Темы для обсуждения:

1. Что объединяет праздники Наурыз и Масленица?
2. Какие различия существуют между праздниками Наурыз и Масленица?

Готовя свое выступление, используйте формы речевого этикета «Выражение своей точки зрения», предложенные ниже.

- Объективно оцените свою работу в группе.

Таким образом, в данном учебном пособии авторы попытались совместить обучение русскому языку с социокультурной адаптацией студентов к современным казахстанским реалиям, к его лингвокультурным особенностям и через обучение русскому языку помочь молодым репатриантам интегрироваться в казахстанское общество.

Изучение русского языка в социокультурном аспекте позволит успешно решить проблему формирования поликультурной и полиязычной личности — личности, способной выражать себя, национальный дух своего народа в гармоничном согласии с другими национальными культурами в рамках языковых союзов и в контексте всех человеческих языков.

Литература

Маймакова А. Д., Кадырова Г. Р. Добро пожаловать в Казахстан! Учебное пособие. Алматы: TST Company, 2013.

Украинский язык в Аргентине и Парагвае: социолингвистическая ситуация

Г. П. Пилипенко

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Украинский язык, языковая ситуация, интерференция, заимствование, Южная Америка.

Summary. The fieldwork among the Ukrainians in Argentina and Paraguay was carried out in 2015. The main goal of the research is to show the contact traits in Ukrainian speech as well as the traces of the primary dialect of the settlers. The ways of migrations of Ukrainians was also analyzed.

1. В докладе будет проанализирована речь украинцев, проживающих в Аргентине и Парагвае, а именно: контактные особенности, возникшие под влиянием испаноязычной среды. Украинская диаспора в странах Южной Америки была объектом изучения историков, подробно описана история переселения и формирование диаспоры [Ціпко 2013]; [Cipko, Lehr 2006]; [Gerus 1986], однако синтетического социолингвистического и этнолингвистического описания до сих пор нет. Настоящее исследование основано на результатах полевой работы, проводившейся весной 2015 года в странах Южной Америки.

2. Украинская диаспора в странах Южной Америки формировалась на протяжении XX века. Выделяются несколько волн миграций. Миграции украинцев начались с конца XIX века и продолжались до первой мировой войны. В этот период переселяются, в основном в Аргентину, крестьяне из Австро-Венгрии (главным образом — из Галиции), носители галицко-буковинских и карпатских говоров. В межвоенный период переселения продолжают из Польши, среди мигрантов появляются жители Волыни, носители волынско-полесских и южноволынских говоров. После распада СССР в Аргентину устремляется третья волна переселенцев, в которой можно увидеть выходцев из всех регионов Украины.

3. Наиболее многочисленные поселения украинской диаспоры расположены в Парагвае (провинция Итапуа, город Энкарнасьон и окрестные населенные пункты), в Аргентине в провинциях Мисьонес (Апостолес, Посадас, Обера, Леандро Алем), Чако, Буэнос-Айрес.

4. При рассмотрении социолингвистической ситуации важно учитывать и конфессиональный состав мигрантов: среди мигрантов из Галиции преобладали греко-католики, выходцы из других украинских земель — православные, есть также последователи протестантских течений. Отдельно будет рассмотрен вопрос сохранности языка, исследованы условия, влияющие на этнолингвистическую витальность украинского языка. В речи представителей украинской диаспоры можно выделить диалектные черты, характерные для той местности, откуда происходило переселение. Кроме того, фиксируются многочисленные контактные особенности (заимствования, переключение кода), свойственные испанскому языку и языку гуарани в Парагвае. Испанский язык представлен в своей региональной разновидности (т. н. *español rioplatense*). Украинский язык контактирует не только с официальными языками стран Южной Америки. В муниципалитете Апостолес он находится в контактной ситуации с польским языком, носители которого переселились туда практически одновременно с представителями украинской диаспоры. В языке переселенцев третьей волны отмечается влияние русского языка.

Литература

- Цінко С. Історія досліджень про українців в Аргентині // Українознавство. 2013. № 1. С. 203–206.
- Cipko S., Lehr J. C. Ukrainian settlement in Paraguay // *Prairie Perspectives* University of Winnipeg. 2006. P. 31–46.
- Gerus O. W. Ukrainians in Argentina: A Canadian Perspective // *Journal of Ukrainian Studies*. 1986. № 2. P. 3–18.

Некоторые актуальные вопросы функционирования русского языка в качестве государственного

О. Ю. Усачева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Липецкий филиал (Россия)

*Государственный язык, государственная языковая политика,
федеральные целевые программы.*

Summary. The report discusses some of the conditions of successful implementation of language policy in sphere of use of Russian language as the state.

Функционирование русского языка в качестве государственного, как известно, предусмотрено Конституцией Российской Федерации, ст. 68 [Российская Федерация. Конституция 2001], Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» [О государственном языке Российской Федерации 2005], Указами Президента РФ, правительственными нормативными актами. Задаче полноценного функционирования русского языка как государственного отвечают меры целевой государственной поддержки русского языка, выразившиеся в реализации трех федеральных целевых программ (ФЦП)

«Русский язык» в течение 2002–2015 годов. Очередная ФЦП «Русский язык» на 2016–2020 годы была утверждена Постановлением Правительства РФ от 20.05.2015 № 481 [Постановление Правительства РФ... 2015]. Несмотря на достигнутые успехи, ряд вопросов языковой политики по-прежнему остается нерешенным, что обуславливает актуальность их постановки в данном докладе. Кратко остановимся на некоторых из них.

1. Говоря о необходимости «совершенствования нормативно-правового и научно-информационного обеспечения реализации Федерального закона “О государственном языке Российской Федерации”» [Постановление Правительства РФ... 2015: 11], следует сделать акцент на законоприменительной практике в системе нормализаторской (кодификационной) и образовательной деятельности, в работе органов государственной власти. В действующем российском законодательстве практически отсутствуют правовые механизмы кодификации норм русского языка, не определены конкретные требования к квалификационному уровню владения русским языком государственных служащих, других специалистов, использующих государственный язык, не установлена степень ответственности и полномочий органов государственной власти в сфере использования русского языка в качестве государственного и т. д.

2. Если учитывать приведенный в 53-ФЗ перечень сфер функционирования государственного языка, то можно увидеть, что они не представляют собой единства ни в коммуникативном, ни в стилистическом плане. Так, если сфера государственного делопроизводства имеет субъектом коммуникации государственную власть и органы государственного управления и связана с использованием официально-делового стиля, то сфера рекламы охватывает коммуникацию главным образом субъектов предпринимательской деятельности и опирается на использование публицистического стиля. Поэтому можно заключить, что понятием «функционирование в качестве государственного» охватывается не одна, а несколько сфер использования ЛЯ, в каждой из которых используется свой функциональный стиль. В связи с этим полноценная реализация № 53-ФЗ в сфере СМИ и рекламы предполагает учет соответствующей стилистической специфики и границ варьирования нормы.

3. В Программе поставлена задача создания специального научно-информационного ресурса, ориентированного на фиксацию норм современного русского литературного языка, и мультимедийного справочно-информационного ресурса по вопросам функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации. Однако очевидно, что содержательное наполнение такого ресурса невозможно без детальной проработки собственно лингвистических аспектов предмета, что с неизбежностью требует активного привлечения специалистов в области теории языка и коммуникации, теории нормы, лексикографической практики, методики преподавания и т. д. Придание лингвистической кодификации юридического статуса означает законодатель-

ное утверждение и ввод в действие языковых стандартов, с тем чтобы они не вступали в противоречие с устоявшимися языковыми нормами. Только правовая кодификация дает право ссылаться на соответствующие стандарты авторам нормативных словарей, учебников и учебных пособий, преподавателям и экзаменаторам. При этом должна быть разработана и соблюдаться прозрачная и четкая процедура лингвистической экспертизы норм, представленных в действующих и актуализованных, а также во вновь создаваемых грамматиках, словарях и справочниках [Усачева 2013]. Решение всего комплекса этих задач необходимо тем более, что в Программе предусматривается реализация широкой системы мер по дополнительному профессиональному образованию специалистов, учителей и преподавателей, в том числе и в рамках региональных программ преподавания и изучения русского языка как государственного.

4. В тексте ФЦП отсутствует постановка задачи о формах и принципах контроля за соблюдением норм русского языка при его использовании в качестве государственного, при том, что в обществе отмечается запрос на соответствующие меры. Так, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в ЦФО Мурат Зязиков считает, что следует обязать говорить и писать по-русски без ошибок всех, кто формирует массовое сознание посредством СМИ, а также контролировать рекламу с целью недопущения искажения норм государственного языка. Поэтому должны быть выработаны строгие критерии и требования, которые будут препятствовать воспроизведению ошибок. Речь идет о профпригодности или квалификации в СМИ, науке, органах госвласти и т. д. [Зязиков 2016].

На наш взгляд, проработка указанных в докладе неотложных вопросов могла бы содействовать действительно успешному осуществлению государственной языковой политики в сфере использования русского языка как государственного.

Литература

- Зязиков Мурат. России нужна системная «языковая» политика // Российская газета. 2016. 11 февраля [<http://www.rg.ru/printable/2016/02/11/reg-cfo/murat-ziazikov-rasskazal-o-rol-i-russkogo-iazyka-v-sovremennom-mire.html>] (дата обращения — 18 февраля 2016 г.).
- О государственном языке Российской Федерации: Федер. закон. Рос. Федерации от 1 июня 2005 г. № 53 — ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 мая 2005 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 мая 2005 г. // Российская газета. 2005. 7 июня.
- Постановление Правительства РФ от 20.05.2015 N 481 «О федеральной целевой программе “Русский язык” на 2016–2020 годы» // Консультант Плюс [www.consultant.ru] (Дата обращения: 31.10.2015).
- Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: Офиц. текст. М.: Маркетинг, 2001.
- Усачева О. Ю. Русский язык в функции государственного как лингвометодический объект // Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: Всероссийская научно-практическая конференция (Москва, 7 декабря 2012 г.): Сб. ст. / Отв. ред. О. Н. Киянова. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 126–130.

Славянские народы в двух интеграционных группах**Ян Чарногурский**

Я передаю вам привет из города Братиславы с реки Дунай!

Летописец Нестор пишет в своей летописи, что сначала все славяне проживали вокруг Дуная, но позже большинство переселилось в другие страны, приняли новые имена, только некоторые из них, остались жить на первоначальных территориях. Переселившись, славяне заняли обширные территории и распространили свою культуру от Крушных гор в Чехии до Тихого океана. С другой стороны раздробление вело к тому, что со многими врагами мы воевали в одиночку и вели междоусобные войны. Но в исторической перспективе мы двигались вверх и не ждали пока нас к этому призовет философ Гердер. В первой очередь сохранил свою независимость русский народ и использовал ее на защиту не только своей культуры и свободы, но и других народностей. Сербь приносили величайшие жертвы при обороне европейских ценностей на Балканах. Чехи удержали свою самобытность и культуру в немецком окружении. Каждый народ распространял свою культуру в округе. Формы были разные, но язык и культуру мы удержали, а они удержали нас. Мы бы могли говорить о диалектике истории. В начале XIX века Россия была единственным славянским государством, но до конца века присоединились и другие, а обе мировые войны в XX веке мировая историография оценивает, как победу славян. Мы опирались на христианство и опираемся о него и сейчас — восточное или западное. В славянских странах люди посылают друг другу открытки с рождеством и не только *season's greetings*; женщины могут во всех наших странах носить на груди крест, не боясь быть уволенными с работы. Стратегическим защитником христиан в Сирии сегодня — Россия. В течении веков славяне создавали богатство, а оно притягивает. Американский госсекретарь Медлин Олбрайт высказались, что какая несправедливость, что вся Сибирь принадлежит России.

Самым великим вызовом для культурной и духовной близости славянских народов в современности кажется принадлежность наших народов к разным интеграционным группам. Вокруг России создается Евроазиатский союз, в середине и на западе Европы уже десятилетия функционирует Евросоюз. Евросоюз приобрел великую атрактивность и сейчас мы являемся свидетелями, как миллионы людей из Азии и Африки хотят попасть в Евросоюз, прежде всего в самые развитые страны, даже ценой очень опасной дороги через Средиземное море. Тоже в славянских странах, может быть за исключением России, Евросоюз популярен, а на Украине стал причиной взрыва цветной революции. Хотя Евросоюз и не является славянским проектом, но это не является причиной выхода из него. Евросоюз создал хорошие организационные, технические и финансовые условия для развития стран — членов, но не смог создать европейский патриотизм. Евросоюз удержится так долго, как долго будет способен

предоставлять лучшие условия, чем другие международные объединения. Евросоюз не способен защищать себя, не только с точки зрения военной защиты, но и сохранения своей культуры. Навязывая мультикультурализм, таким образом наносит вред народам, ослабляя их внутреннюю обороноспособность. Европейские газеты печатают предупреждающие и пугающие статьи о признании национальной европейской идентичности во многих европейских странах. Против идеологии мультикультуры мы должны противопоставить наши народные культуры, развитие наших национальных языков и наше историческое единство. У славянских народов центрально-восточной Европы совсем недавний исторический опыт с другой попыткой интеграции на базе марксизма-ленинизма. Союз Экономической Взаимопомощи тоже предлагал своим членам модель сотрудничества на базе дешевого сырья, дешевых изделий, путем производства только согласно плану, таким образом подавляя человеческое творчество. В конце концов он распался. У ЕС подобная проблема. Если кто бы сегодня в Евросоюзе сказал, что Россия ведет оборонную войну против Запада, что политика президента Путина правильная, тот уже так легко в СМИ не попадет. Политкорректность ему это не позволит. В ЕС хотят принять новые государства и миллионы людей, но этот союз уже свой пик перешагнул. Если через полтора года Великобритания будет голосовать в референдуме за выступление из ЕС, если во Франции изберут президентом Марин ле Пен, если повторится финансовый кризис в каком-нибудь государстве, Евросоюз развалится. Моей целью не является говорить на этом форуме о проблемах ЕС, и я их не желаю. Я хочу только сказать, что наши культуры и наша духовная связь являются для славянских народов более мощным ручательством для нашего будущего, чем любые юридические или политические конструкции.

Санкт-Петербург, 15 декабря 2015 г.

Улогата на советот за македонски јазик во јазичното планирање во Република Македонија

Елка Јачева-Улчар

Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“ (Скопје, Македонија)

Language planning,

*National strategy for development of culture in Republic of Macedonia in the period of 2012–2017,
Council for Macedonian language, Orthography of Macedonian language.*

Советот за македонски јазик е стручно тело со советодавна функција при Владата на Република Македонија. Ова тело е формирано во 1998 година кога, всушност, е и донесен Законот за употреба на македонскиот јазик. Советот за македонски јазик е составен од претседател и осум членови на истакнати поединци од областа на културата (главно писатели, актери...), од науката и образованието (главно, доктори на науки од областа на македонскиот јазик, литература и историја, вработени на филолошките факултети, најчесто, на

Филолошкиот факултет „Блаже Конески“ во Скопје или во националните институти, пред сè, во Институтот за македонски јазик „Крсте Мисирков“ — Скопје. Членовите на Советот се назначуваат од Владата на Република Македонија, по предлог на Министерството за култура, како и на Министерството за образование и наука на Р Македонија, со мандат од четири години со можност за повторно именување.

Советот за македонски јазик, врз основа на чл. 9 и чл. 10 од Законот за употреба на македонскиот јазик, од самото формирање до денес ги врши следниве работи:

- дава мислења, предлози, упатства и препораки за употребата, односно заштитата, унапредувањето и збогатувањето на македонскиот јазик, вклучувајќи ја и терминологијата од сите научни области;
- дејствува во правец на изнаоѓање форми и решенија за заштита, унапредување и збогатување на македонскиот јазик;
- предлага програми за заштитата, унапредувањето и збогатувањето на македонскиот јазик во сите области на службената комуникација, што ги доставува до Владата на Република Македонија;
- дејствува на полето на соодветна јазична образованост и култура;
- соработува со научни институции во Републиката и во странство;
- издава публикации за македонскиот јазик и врши други работи.

Министерот за култура, по предлог на Советот, основа комисија за полагање испит за лектор, која е составена од претседател и двајца членови, од редот на стручни лица за оваа област, со мандат од четири години, со можност за повторно именување. Со последните измени во Законот за употреба на македонскиот јазик, полагањето на лекторскиот испит е предвидено да се изведува електронски.

Последниот состав на Советот за македонски јазик со мандат за периодот 2012–2016 година, поднесе свои предлози, кои се јавуваат како приоритетни за македонскиот јазик, во Националната стратегија на Министерството за култура на Р Македонија за периодот 2012–2017 година. Како најприоритетни СМЈ ги постави следниве прашања кои се од особено значење за македонскиот јазик: дополнение на Правописот на македонскиот јазик кој излезе од печат во 2015 година, изработка на Етимолошки речник, изработка на Академска граматика на македонскиот јазик, како и формирање Комисија за стандардизација на географските имиња.

Содержание

<i>В. А. Садовничий. Приветственное слово</i>	5
<i>М. Л. Ремнёва. Приветственное слово</i>	8

Аспектология:

проблемы славянского вида и аспектологической терминологии

<i>Р. Бенаккьо. Образование видовых пар в резьянском диалекте</i>	11
<i>Е. В. Горбова. Словоизменение в рамках русского видообразования —</i> <i>еще раз о болевых точках</i>	13
<i>О. К. Грекова. Миративность, эвиденциальность, выделенность: общий факт,</i> <i>территория запрета</i>	15
<i>А. Дерганц. Глагольный вид словенского глагола 'iti' и чешского глагола 'jit'</i>	18
<i>Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян. «Вечные вопросы» русской аспектологии:</i> <i>вариант ответов</i>	20
<i>Зорихина-Нильссон Н. В. Еще раз о нейтрализации видового противопоставления</i> <i>в современном русском языке</i>	22
<i>Ю. Канэко. Словообразовательный потенциал выражения аспектуальных значений</i> <i>в русском и японском языках</i>	24
<i>Е. В. Падучева. Термин «ракурс» и семантика вида в дискурсивном контексте</i>	26
<i>Е. В. Петрухина. О терминологических проблемах славянской аспектологии</i> <i>(предельность лексическая и грамматическая, типы процессного и общефакти-</i> <i>ческого значений)</i>	29
<i>Ю. Пионтковская. Дискурсивные функции видовременных категорий в лирике —</i> <i>на примере анализа стихотворений Осипа Мандельштама</i>	32
<i>Е. Э. Пчелинцева. Семантические типы предела и номинализация глаголов</i> <i>в русском, украинском и польском языках</i>	33
<i>Н. Г. Самедова. К уточнению понятия предельность</i> <i>(взгляд сквозь призму нетрадиционной аспектологической теории)</i>	35
<i>Светлана Славкова. О разновидностях общефактического значения НСВ</i> <i>в свете их темпоральных соответствий</i>	38
<i>Е. Я. Титаренко. Глаголы с семой итеративности в русском языке</i>	40
<i>А. Д. Шмелев. Видовые пары и «видовые тройки»: объект или инструмент описания?</i>	42
<i>Л. Шольце. Глаголы движения и глагольный вид в верхнелужицком языке</i> <i>в сравнении с русским языком</i>	45
<i>Н. R. Mehlig. Общефактическое значение НСВ</i>	47

Балтославянские языковые, литературные, культурные связи в современном мире

<i>О. М. Голубенко. Особенности функционирования фразеологизмов</i> <i>с компонентом-зоонимом в русском и литовском языках</i>	52
<i>И. В. Диманте. Русский язык среди языков Латвии</i>	54
<i>А. В. Логинова. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в Латвии:</i> <i>перевод и интерпретация</i>	57
<i>Ана Окушкайте. Современный язык общения жителей литовско-беларуского</i> <i>пограничья</i>	60
<i>С. Л. Полковникова. Отражение национальной специфики языка в двуязычной</i> <i>лексикографии (на материале латышско-русского иллюстрированного словаря)</i>	62
<i>Ирита Саукане. О некоторых лингвометодических аспектах преподавания</i> <i>латышского языка как иностранного в воскресной школе</i>	64
<i>О. В. Синёва, Ирита Саукане. Социолингвистическая характеристика</i> <i>литовской и латышской диаспоры в г. Москве</i>	66
<i>И. А. Тейлане. Отражение языковых контактов в глаголах ницгальского говора</i>	67

<i>О. Л. Филина.</i> Современные стратегии изучения литературы в условиях диаспоры	69
<i>М. Б. Халимоне.</i> Кинетические сигналы агрессии в рассказах А. П. Чехова и Р. М. Блауманиса.....	72

Библейские традиции.

Проблемы кодификации славянских литературных языков

<i>Е. Н. Бекасова.</i> Наследие старославянского языка: пределы проницаемости системы русского литературного языка.....	75
<i>И. В. Вернер.</i> Максим Грек и филологическая критика библейского текста в «Преводных строках» (РНБ, Сол. 862/752).....	77
<i>М. М. Горина.</i> Реформа словацкого литературного языка 1852 г. и ее оценка лингвистами	80
<i>А. В. Духанина.</i> О переводах Жития Сергия Радонежского.....	82
<i>В. С. Ефимова.</i> К вопросу о формировании лексического инвентаря старославянского языка: место калькирования в словотворчестве книжников	84
<i>Н. Н. Запольская.</i> Кодификация церковнославянского языка в Московской Руси в пер- вой половине XVII в.: ретроспектива и перспектива лингвистической рефлексии	87
<i>Инь Сюй.</i> Особенности реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г.	89
<i>В. В. Каверина.</i> Орфография разных изданий «Российской Грамматики» М. В. Ломоносова, помеченных 1755 годом: проблемы интерпретации	91
<i>Е. И. Кислова.</i> «Грамматичное учение» в 1720-х гг.: из истории преподавания русской / церковнославянской грамоты.....	94
<i>А. Г. Кравецкий.</i> К истории функционирования церковной графики при издании литургических текстов.....	96
<i>Е. А. Кузьмина.</i> «Книга глаголема буквы»: стратегия грамматического описания и принципы организации парадигм.....	98
<i>В. Г. Кульпина, В. А. Татаринцев.</i> Концептуально-когнитивные и терминографические принципы конструирования богословских словарей в славянских странах	100
<i>К. В. Лифанов.</i> Соотношение бернолаковщины и кодификации А. Бернолака	103
<i>Ма Цзя-ин.</i> «Грамматика словенская» Федора Максимова (1723 г.): учение о синтаксических связях и их компонентах	104
<i>А. Ю. Михайленко.</i> Поэтические вольности в произведениях Симеона Полоцкого.....	106
<i>Н. Г. Николаева.</i> Метафора состязаний как представление о жизни во Христе в переводной древнеславянской книжности.....	107
<i>А. С. Новикова.</i> К вопросу о южнославянских источниках евангельского текста Острожской Библии.....	109
<i>М. Г. Обижаева.</i> Кодификаторские решения в первых сербских грамматиках церковнославянского языка: русский и западноевропейский контекст XVIII в.....	112
<i>Й. Онда.</i> Соотношение между причастием в краткой формой и предикативом.....	113
<i>Н. М. Орлова.</i> «Wowczas to oboje spojrzelismy wstecz»: библейская ситуация в художественном тексте.....	114
<i>Т. В. Пентковская, Н. К. Котова.</i> Перевод с нескольких разноязычных оригиналов как особый тип библейского текста в поздней восточнославянской традиции.....	117
<i>Е. В. Федорова.</i> Настоящее историческое в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на примере Евангелия от Марка)	119
<i>Елена Шимко.</i> Корпус церковно-славянских текстов как инструмент изучения истории русского литературного языка	122

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков. Морфология

<i>М. Браксаторис.</i> Формальный контраст между падежами нарицательных существительных в словацком и русском языках	125
<i>В. Г. Брой.</i> Славянский местный падеж в молизско-славянском языке и его диалектах.....	127

<i>Е. Н. Виноградова.</i> Об объективности категоризации предлогов.....	129
<i>М. В. Всеволодова.</i> О некоторых грамматических проблемах современных славянских языков.....	131
<i>Т. И. Галеев, Ле Туан Линь.</i> Опыт количественного описания эволюционной динамики глагольной парадигмы в русском литературном языке на этапе смены нормы.....	133
<i>Саяна Ж. Джурувич.</i> О некоторых актуальных изменениях в морфологии прилагательных в сербском языке.....	135
<i>А. А. Загнитко.</i> Семантическая типология локатива: динамические процессы.....	137
<i>М. Макевич.</i> Типы склонения в позднем праславянском языке и их судьба в русском и сербском языке.....	140
<i>К. Митани.</i> Сложное будущее II и глагольная форма с префиксом <i>из-</i> в хорватском языке.....	141
<i>Т. Е. Чаплыгина.</i> О системных предложных единицах, которые не в ладах с нормами русского языка.....	143

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков. Синтаксис

<i>И. В. Галактионова.</i> Слово <i>один</i> в русских количественных конструкциях.....	146
<i>Н. А. Герасименко.</i> Аналитические конструкции с семантикой соответствия в русском языке.....	149
<i>Е. Г. Жидкова.</i> К проблеме неоднозначности субстантивных синтаксисом (на материале синтаксиса <i>перед</i> + Твор. п.).....	151
<i>Милка Николич.</i> Синтаксические конструкции со значением сравнения и образа действия в языке печатных средств массовой информации (на примерах современного сербского языка).....	152
<i>М. Пила.</i> Условные конструкции в резьянском языке.....	154
<i>В. Б. Портнова.</i> Регистровая принадлежность конструкций с препозитивным атрибутивным оборотом при местоименном подлежащем в абсолютном начале предложения.....	156
<i>Ю. В. Роговнева.</i> К вопросу о структуре предложений в нефикциональных текстах репродуктивного регистра (на примере репродуктивных описаний человека).....	157
<i>В. С. Савельев.</i> Иллокутивная полифункциональность древнерусских высказываний (на материале «Повести временных лет»).....	159
<i>К. Сугаи.</i> Сравнительный анализ структуры удвоения глагольных аргументов в русском и болгарском языках.....	162
<i>Рина Судзуки.</i> Способы выражения количественности в русском языке (в зеркале японского языка).....	163
<i>Срето З. Танасич.</i> Бессоюзные предложения в современном сербском языке.....	164
<i>Младен Ухлик, Андрея Желе.</i> Особенности двух типов субстантивной предикации в словенском языке.....	166
<i>М. Ю. Чикиль.</i> Вербализация квантитативных оценочных значений синтаксическими средствами языка в текстах детской литературы.....	169

Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков. Словообразование

<i>И. Алчевска.</i> Префиксы <i>раз-</i> / <i>рас-</i> , <i>разо-</i> и <i>про-</i> у глаголов движения с пространственным значением в русском и македонском языках — контрастивный анализ.....	172
<i>Е. О. Борзенко.</i> Образование форм сравнительной степени от причастий в русском языке XX–XXI веков.....	174
<i>Т. А. Корнеева.</i> Образования нулевой суффиксации в системе индоевропейского словообразования.....	176
<i>Л. В. Красильникова.</i> Производные с суффиксами субъективной оценки: сопоставительный аспект.....	178
<i>О. В. Кукушкина.</i> Эффект «неперфективации» в славянских приставочных глаголах.....	180

<i>О. О. Лешкова.</i> Новые явления в категории феминативов (на материале современного польского языка)	182
<i>Е. М. Маркова, Т. Григорянова.</i> Активные процессы в славянском глагольном словообразовании	185
<i>И. Палоши.</i> К вопросу о глаголах с циркумфиксом <i>до-...-ся</i>	187
<i>А. А. Плетнева.</i> Словообразовательные и семантические инновации в церковнославянских текстах русского происхождения	190
<i>В. Г. Фатхутдинова.</i> Поведенческие стереотипы в лексической и словообразовательной семантике русского глагола	191

Славянская диалектология в синхронии и диахронии

<i>М. М. Алексеева.</i> Вариативность в говоре пихтинских голендров	195
<i>Н. Е. Ананьева.</i> О некоторых типах гибридных образований в славянских языках (на материале русского и польского языков)	197
<i>Т. Е. Баженова.</i> Проблема генезиса самарских переселенческих говоров	199
<i>И. В. Бегуны.</i> О происхождении рус. <i>прибамбас</i>	201
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Лингвокультурологическое описание диалектных нарративов	204
<i>М. М. Громова.</i> Клитики в паннонской группе диалектов словенского языка	207
<i>J. Dudasova-Krissakova.</i> Miesto slovanských spisovných mikrojazykov v rodine slovanských jazykov	209
<i>С. В. Дьяченко.</i> Архаическое яканье в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области	212
<i>Л. Э. Калнынь.</i> Особенности включения славянских диалектов в современную языковую ситуацию	215
<i>И. Б. Качинская.</i> Номинация отца в архангельских говорах	217
<i>Е. В. Колесникова.</i> Семантика прилагательного <i>красный</i> в архангельских говорах	220
<i>Н. А. Красовская.</i> Репрезентация образа жизни русского крестьянина в диалектных глаголах с семантикой физического воздействия (на материале тульских говоров)	222
<i>А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова.</i> Предлог <i>у < *и, *въ</i> в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика	224
<i>С. А. Мызников.</i> «Словарь української мови» Б. Д. Гринченко в контексте русской лексикографии	227
<i>Е. А. Нефедова.</i> Виртуальное и актуальное в семантике глагольного слова (на материале говоров архангельского региона)	230
<i>Ж. А. Панина.</i> Номинации праздников в честь «парных» святых в говорах архангельского региона	232
<i>О. Г. Ровнова.</i> <i>Ватный, полуватный, алгодоновый:</i> лексика одежды в русских говорах Южной Америки	234
<i>М. Г. Соломатина.</i> Прилагательное <i>божественный</i> и его значения в архангельских говорах	236
<i>А. В. Тер-Аванесова, А. В. Малышева.</i> Новые данные о формах, восходящих к плюсквамперфекту, и близких им по значению конструкциях в южнорусском говоре	238
<i>В. П. Щаднева.</i> Этнокультурное сознание староверов Эстонии	241

История и предыстория славянских языков

<i>М. Н. Белова.</i> Морфология глагола в идиолекте Григория Цамблака как отражение ретроспективной нормы и живых особенностей болгарского языка XIV–XV вв.	244
<i>Т. И. Вендина.</i> Судьба праславянского слова в свете новых данных Общеславянского лингвистического атласа	246
<i>Е. А. Галинская, А. Ч. Пиперски.</i> Возвратные причастия на <i>-сь</i> в истории русского языка	249
<i>М. Гочанин.</i> О неким моделям глаголских допуна у српском језику (на примерима из XVI и XVII века)	252

<i>Т. А. Джангобекова, Л. М. Устюгова.</i> Андрей Курбский как переводчик	254
<i>И. В. Ерофеева.</i> Функционально-семантические особенности адъективов с суффиксом <i>-ьск-</i> в языке летописных сводов	257
<i>В. В. Калугин.</i> Русское влияние на сербскую письменность в XVI веке (Лесновский список Толковых пророчеств)	259
<i>Е. Ф. Киров.</i> Падение редуцированных как реформа орфографии	262
<i>Е. А. Мишина.</i> Имперфективный аорист в древнерусских летописях	264
<i>Н. В. Николенькова.</i> Грамматические особенности церковнославянского научного текста XVII в.: система служебных слов	267
<i>А. И. Плотникова.</i> Факторы присоединения существительными мужского рода окончания <i>-у</i> в местном падеже единственного числа	269
<i>Владимир Р. Поломац.</i> К вопросу об этимологии старосербского термина <i>soh(e)</i>	271
<i>М. В. Турилова.</i> Церковнославянизмы в лексико-семантическом поле «Безумие»	273
<i>А. К. Шапошников.</i> Древнейшие ономастические следы праславянского вида в Восточной Европе	277
<i>М. Н. Шевелёва.</i> К вопросу о хронологии процесса перестройки системы прошедших времен в восточнославянском ареале: диалектные различия	280
<i>Матей Шекли.</i> Гипотеза о западно-южнославянском праязыке: критический обзор	282

Классические языки в славянском мире

<i>О. С. Павлова.</i> <i>Praetoriola</i> в Vulg. Ezech. 27:6 и его соответствия в церковнославянском и русском переводе	285
<i>О. М. Савельева.</i> Перевод В. А. Жуковского поэмы «Одиссея» в русской литературной критике	288
<i>Т. Ф. Теперик.</i> Греческая трагедия в русских переводах (опыт М. Л. Гаспарова)	290

Концептосферы славянских языков: традиции и развитие

<i>О. І. Андрейченко.</i> Метафора <i>фауна</i> в сучасному публіцистичному дискурсі	294
<i>Э. Бртанёва.</i> Славянский мир в проповедях Яна Коллара	296
<i>М. М. Валенцова.</i> Балто-славянские параллели в сфере низшей мифологии	298
<i>Н. В. Габдреева.</i> Модели ассимиляции иноязычного прототипа в славянских языках	301
<i>Л. А. Жданова.</i> Закон в русском языке и картине мира	303
<i>С. В. Капустина.</i> Элементы фольклорной концептосферы в творчестве Ф. М. Достоевского: рецепция и интерпретация	306
<i>Е. И. Колосова.</i> Этнокультурная специфика паремий с компонентом-антропонимом (на материале русского и польского языков)	309
<i>В. А. Косова, Д. Саболова.</i> «Переведи меня через майдан»: о развитии деривацион- ного потенциала одного из ключевых слов эпохи в русском и словацком языках	311
<i>А. Н. Матрусова.</i> Концепт «красота» в славянских народных песнях	314
<i>Теодора Мијић.</i> Митско биће змај код древних Срба и Руса	315
<i>Н. И. Миронова.</i> О метафорическом потенциале прилагательного <i>агрессивный</i> в современном русском языке	318
<i>О. В. Моргунова (Атрошенко).</i> «Петр с колосом, Илья с колобом»: календарная оппозиция в культурном и языковом кодах восточных славян	320
<i>Анна Нью.</i> Рука / руки как объект оценки в русском языке	323
<i>К. В. Осипова.</i> <i>Щи</i> в культурно-языковой традиции Русского Севера	325
<i>А. Пиасецка, Е. П. Иванян.</i> Антропоцентрические коннотации в номинациях животных (русско-польские сопоставления)	327
<i>О. А. Сеничева.</i> Вербальная символика розового в русской фразеологии	330
<i>А. М. Сердюк.</i> Фразеологізми на позначення мовленнєвої діяльності у слов'янських мовах	332
<i>О. Н. Шапкина.</i> Отражение культурных ценностей польского общества в польской языковой картине мира	333
<i>Е. И. Якушкина.</i> Честь и совесть в сербской народной культуре	336

Лексикология и лексикография славянских языков

<i>Н. В. Боронникова, Е. В. Верижникова.</i> Междометия-метарефлексивы в македонском языке.....	339
<i>А. А. Горбов.</i> Некоторые вопросы этимологического описания заимствований в русском языке начала XXI века	341
<i>О. В. Дедова, В. В. Подольская.</i> Семантическое поле ИНТЕРНЕТ: к проблеме лексикографического описания	344
<i>Ясминка Делова-Силуанова.</i> Характеристики на соматската фразеологија	346
<i>Т. С. Козлова.</i> Мелиоративные переименования улиц г. Самары советского периода	348
<i>С. Коларевич.</i> Названия холодных цветов в русских и сербских вербальных ассоциациях	351
<i>М. Л. Кулешова.</i> Словенские глаголы падения в лексико-типологической перспективе	352
<i>И. А. Меркулова.</i> Суммарное параметрическое ядро славянской лексики и его характеристика	354
<i>М. М. Милякович.</i> Нестандартные глагольные лексемы, употребляющиеся для описания действий на компьютере, в интернете и социальных сетях в сербском языке	357
<i>Биљана Мирчевска-Бошева.</i> Електронските јазични корпуси и нивната примена во наставата и истражувањата	358
<i>Й. Митурска Бояновска.</i> Современная картина мест общественного питания в России	359
<i>В. О. Нечаевский.</i> Лексические особенности профессионального жаргона польских моряков	362
<i>Яцек Новаковский.</i> Местные наименования — хранилище знаний о культурном наследии региона	364
<i>Ян Носович.</i> Коммуникативно-прагматический аспект эргонимии современного города (на примере польских наименований)	366
<i>И. С. Правдина.</i> Контрастивное описание семантической истории терминов родства (на материале русского и сербского языков)	369
<i>Г. С. Сырица.</i> Об образном компоненте коннотации	371
<i>О. Е. Фролова.</i> Парадигматические отношения в общелитературном и профессиональном юридическом лексиконе	373
<i>С. И. Христова, В. А. Няголова.</i> Соматические фразеологизмы в аспекте профессионально-коммуникативной компетентности медиков	375

Славянские литературы: типологические схождения и национальное своеобразие

<i>И. Е. Адельгейм.</i> «Каждый раз, когда я смотрю на этот снимок...» Фотография в польской прозе 1990–2000-х гг.	378
<i>Н. В. Баландина.</i> Опыт создания хрестоматий по современной русской литературе для иностранных учащихся	380
<i>Е. М. Баранская.</i> Творческое наследие Я. П. Полонского: автобиографический аспект	383
<i>Александр Бельчевич.</i> Литература и этика: оскорбления в литературе в Словении	385
<i>Гун Цинцин.</i> Синтез приемов киноискусства и литературы как форм выражения авторского сознания в повести В. С. Маканина «Голоса»	387
<i>Д. Гучкова.</i> Жанр «беседы» в словацкой литературе рубежа XIX–XX веков	389
<i>Е. В. Жуйкова.</i> Работа с документом как творческий принцип А. И. Солженицына и Д. Чосича	391
<i>И. Е. Иванова.</i> Образы неволи у Ф. М. Достоевского и И. Андрича	393
<i>Г. Я. Ильина.</i> Хорватская литература в современной России	395
<i>Е. П. Колинко.</i> Интермедиаальный дискурс модернистской новеллы	396
<i>П. В. Королькова.</i> Босния и Герцеговина в литературно-критическом наследии Ивана Ловреновича	399

<i>Е. И. Курсакова.</i> Традиции словацкой религиозной поэзии	401
<i>Н. А. Лунькова.</i> Тип героя в болгарской «инфантильной прозе» 1970-х гг.	403
<i>Н. Н. Матвеева.</i> Мир «кино» в поэтических текстах Ю. Левитанского: деривационно-семантический аспект	405
<i>А. Г. Машикова.</i> О некоторых особенностях поэтики прозы Павла Виликовского	407
<i>А. С. Моргулина.</i> Мотив странствия в романах Драго Янчара «Галерник», «Северное сияние» и «Звон в голове»	410
<i>Видан Николитч.</i> Темы и мотивы в семейном цикле стихов о «Гасанагинице» в сербском языке (лингвокультурологический аспект).....	412
<i>Ю. П. Прядко.</i> Творчество С. Довлатова в американском научно-критическом дискурсе (вторая половина 1990-х гг.)	414
<i>Сай На.</i> Актуальные проблемы изучения русской литературы в Китае (на примере творчества И. С. Тургенева)	416
<i>Е. Ю. Сафронова.</i> Барнаул в творческой рефлексии Ф. М. Достоевского	418
<i>Н. Н. Старикова.</i> Современный словенский роман как отражение социокультурных трансформаций	421
<i>О. В. Цыбенко.</i> Мученический трагизм и поэтика контраста в повести Ю. Кавальца «На солнце»	423
<i>М. Ш. Шарифов.</i> Художественная утопия и художественная антиутопия в русской литературе (конец XVIII — начало XX века)	424
<i>Л. Ф. Широкова.</i> Словацкий исторический роман. 1970–1980-е гг. (В. Шикун, Я. Йоганидес, П. Ярош).....	425
<i>С. Н. Юсупова.</i> «Грамота о Крестном монастыре» патриарха Никона	426

Преподавание славянских языков: теория и практика

<i>Тюлай Акбаба.</i> Методика обучения употреблению видов русского глагола в турецкой аудитории.....	429
<i>Љ. Бајић.</i> Час у школској библиотеци	431
<i>В. В. Белоусова.</i> Коммуникативная грамматика: проблемы и перспективы использования в курсе чешского языка для иностранцев.....	434
<i>Ван Минь.</i> Методика преподавания русского языка как иностранного в КНР: история и современность	436
<i>Н. В. Величко.</i> Развитие филологического образовательного пространства Крыма с учетом культурологических и исторических региональных особенностей.....	439
<i>Маханбет Джусупов.</i> Образовательные статусы русского языка как первого иностранного	441
<i>Н. А. Емельянова, Л. В. Еришова.</i> Дискурсивные особенности русской и английской диалогической речи в аспекте лингводидактики	444
<i>В. Ф. Загороднова.</i> Контрастивная лексикология как лингвистическая база кросс-культурного обучения языкам учащихся-билингвов.....	446
<i>О. Н. Короткова.</i> Обучение этикету общения в аспекте русского языка как иностранного	449
<i>А. Г. Лилеева.</i> Другому как понять тебя? (анализ художественного текста на занятиях РКИ).....	451
<i>Т. Х. Лоикова-Насенко.</i> Ошибки в речи чешских студентов, изучающих русский язык как иностранный	453
<i>А. В. Моргунов.</i> Лингводидактический аспект изучения словообразовательной системы (на материале дезоонимической деривации)	456
<i>С. А. Москвичева, Л. А. Нестерская.</i> Проблема представления фоновых знаний в учебном тематическом словаре	459
<i>М. М. Муцинина.</i> Межъязыковое понимание в преподавании русского языка	461
<i>Е. Ю. Николенько.</i> Интерактивность дистанционного обучения	462
<i>И. В. Одинцова.</i> «Тематические примитивы» — основа обучения иностранному языку	464

<i>М. Руис-Соррилья Крусате, Л. А. Дунаева.</i> Лингвокультуроведческий минимум для инофонов: практика создания и использования в России и за рубежом	466
<i>Г. Саяма.</i> Эффективный способ увеличения словарного запаса с использованием радиальной категории префиксов <i>про-</i> и <i>пере-</i>	469
<i>Л. В. Эглит.</i> Формирование лингвометодических компетенций студентов-словесников национальных групп в процессе изучения русского правописания	472

Этнокультурное сознание и проблемы перевода

<i>С. М. Белякова.</i> Инвективы в чешском тексте: к проблеме перевода	475
<i>Е. С. Вучкович.</i> Об отсутствии отражения в переводе некоторых речевых отступлений от литературных норм (на материале сербских переводов повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»)	477
<i>Наталья Дукатова.</i> Переводы русской литературы для детей и молодежи в культурно-историческом контексте 50-х годов XX века	479
<i>М. Н. Коннова.</i> Темпоральные смыслы стихотворения Б. Л. Пастернака «Когда разгуляется»: оригинал и перевод на английский язык	481
<i>А. Ю Краев, Д. Саболова.</i> Специфика передачи некоторых словацких реалий средствами русского языка	484
<i>Ю. В. Кудрявцева.</i> Некоторые трудности перевода общественно-политических текстов с русского на болгарский язык (методический аспект)	487
<i>Э. Ниами.</i> Язык СМИ: Трудности перевода с русского на македонский	489
<i>Е. В. Тимонина.</i> Межязыковая грамматическая асимметрия как проблема перевода (анализ студенческих переводов)	490
<i>Тыртова Г. П.</i> О некоторых причинах неадекватности эквивалентного перевода (на материале перевода на сербский язык повести С. Довлатова «Заповедник»)	493

Славянские языки

в современных средствах массовой коммуникации и в Интернете

<i>Го Бинь.</i> Тактики отождествления и солидаризации в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным»	496
<i>Л. Р. Дускаева.</i> Текстовые метафоры в русскоязычных журналистских публикациях	499
<i>Адела Зобеница.</i> Српски језик и језик масовних медија. Социолошки аспект	501
<i>Т. В. Калугина.</i> Метафора как средство мифологизации в публицистическом дискурсе	503
<i>Р. А. Каримова.</i> Ситуация как фактор жанровой обусловленности устного медиадискурса	505
<i>В. И. Коньков.</i> Поликодовый печатный текст: авторы и создатели	508
<i>О. В. Красовская.</i> Украинские вкрапления в русских медиатекстах как прием создания антиимиджа Украины	510
<i>Е. И. Литневская.</i> Об особенностях некоторых текстообразующих признаков в письменной разговорной речи	512
<i>Т. С. Мошина.</i> Прагматические функции газетного заголовка	515
<i>Т. И. Никишина.</i> Манипулятивные стратегии и тактики политического дискурса	518
<i>Т. Г. Рощетяева.</i> Номинация должности и рода занятия лица в современном российском медиатексте	520
<i>Т. В. Чернышова.</i> Тексты СМИ, культура речи и общий жаргон	521
<i>О. М. Ятчук.</i> Интерактивное телевидение: перспективы изучения языка	523

Славяноязычная коммуникация: текст, стиль, дискурс

<i>Э. А. Бахича.</i> Лингвокультурема «жизнь» в языковой матрице идиостиля А. Аверченко (на примере сборника «Нечистая сила»)	526
<i>С. В. Доронина.</i> Речевой экстремизм как вид речевой агрессии	528
<i>В. А. Немкова.</i> Способы подключения к пространственно-временной точке зрения героя (на материале оригинала и английского перевода повести В. Маганина «Лаз»)	530
<i>О. А. Остапчук.</i> Языковая мозаика в романе Маргариты Хемлин «Дознаватель»	533

<i>С. Б. Потемкин.</i> Рождение апокрифа.....	535
<i>Е. В. Суровцева.</i> Личность В. И. Ленина в жанре «письма вождю» (на материале открытых писем А. Т. Аверченко В. И. Ленину).....	537
<i>А. В. Уржа.</i> Вокруг интерпретируемого текста: модусная семантика переводческих сносок	540
<i>Д. Ч. Чанг.</i> Авторские метафоры как средство формирования идиостиля М. А. Булгакова (На материале романа «Мастер и Маргарита»)	542
<i>Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева.</i> Заимствования из славянских языков в русской поэзии XX века	544

Методологические аспекты изучения и преподавания славянской филологии

<i>Е. М. Большаева.</i> Изменение русского обыденного метаязыкового сознания в эпоху ЕГЭ	548
<i>М. Я. Дымарский.</i> Протодейксис и речевая модусная рамка	550
<i>А. И. Изотов.</i> Новый самоучитель чешского языка для русских	553
<i>А. К. Киклевич.</i> Постмодернизм и славянская филология: проблемы теории и мето- дологии современных исследований славянских языков, литератур и культур	555
<i>И. В. Нечаева.</i> Процесс становления письменной нормы в период активных языковых изменений	557
<i>Г. А. Николаев.</i> Словообразовательный словарь современного русского языка: новые решения	559
<i>И. А. Седакова.</i> Новые ракурсы Московской этнолингвистики в свете культурно-языковой ситуации в Болгарии и России в XXI в.	560
<i>М. Ю. Сидорова.</i> Русский естественнонаучный учебный текст в эпоху понятийного обучения и англификации науки и образования	562
<i>З. Ф. Юсупова.</i> Текст как единица культуры в обучении русскому языку	564

Научная фантастика славянских стран: взгляд в прошлое и будущее

<i>О. С. Бочкова.</i> Баланс фантастичности и прогностичности в экологической фанта- стике, создаваемой учеными (на материале повести «Популярная глобалистика» Р. Р. Габдуллина, И. В. Ильина, А. В. Иванова, Е. Е. Захарова).....	567
<i>Е. Н. Ковтун.</i> Фантастика славянских авторов в восприятии современного читателя (из опыта чтения межфакультетских курсов в МГУ имени М. В. Ломоносова).....	567
<i>Б. А. Ланин.</i> Утопическое государство в рассказе В. М. Шукшина «Штрихи к портрету».....	570
<i>А. М. Лобин.</i> Художественная философия истории в современной исторической фантастике.....	572
<i>К. Г. Фрумкин.</i> Постмодернизм и формализм в современной российской альтернативно-исторической фантастике	574
<i>Салида Шаммед кызы Шарифова.</i> Сравнительный анализ художественной утопии и антиутопии: жанровая природа, особенности фантастического допущения и философского дискурса	577

Славянский фольклор: история и современность

<i>Дарина Антонякова.</i> Символика образа печи в поверьях, приметах, обычаях и обрядях	582
<i>Г. М. Васильева.</i> «Советская пастораль» А. Н. Егунова	584
<i>М. Ю. Михайлова.</i> Семантика невыразимого в русском фольклоре.....	586
<i>Н. И. Федорова.</i> Отрицание в русской народной загадке.....	589
<i>А. И. Чиварзина.</i> Символика цвета в македонской свадебной обрядности (балканская триада)	591
<i>М. В. Ясинская.</i> Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян.....	594

Актуальные вопросы изучения фонетики славянских языков

- Е. Л. Бархударова.* Соотношение консонантизма и вокализма в славянских языках в контексте обучения произношению 597
- Г. Е. Кедрова, Н. В. Анисимов, Л. М. Захаров.* Новые данные о коартикуляционных процессах русского вокализма (по результатам МРТ-исследования артикуляторных механизмов русского языка) 599
- О. И. Климкина.* Особые русские звуки [ц] и [ш':]: традиции фонетической интерпретации в учебной литературе Турции 602
- С. В. Князев.* Ассимиляция согласных на стыках слов как показатель отсутствия просодического шва в современном русском языке 605
- С. А. Крейчи, О. Е. Фролова.* Межъязыковая интерференция русскоговорящих носителей польского и чешского языка 608

Языковая ситуация и языковая политика в славянских странах

- Г. Г. Амбардарян.* О языковой ситуации в Республике Армения 611
- А. Л. Вусик.* Основные факторы формирования языковой ситуации 613
- Мара Кнежевић.* Актуелни процеси словенских језика на простору бивше СФР Југославије 615
- Е. С. Крючкова.* Стандартный украинский язык: варианты 617
- А. Д. Маймакова.* Русский язык в формировании полиязычной и поликультурной личности студентов-репатриантов Казахстана 620
- Г. П. Пилипенко.* Украинский язык в Аргентине и Парагвае: социолингвистическая ситуация 622
- О. Ю. Усачева.* Некоторые актуальные вопросы функционирования русского языка в качестве государственного 623
- Ян Чарногурский.* Славянские народы в двух интеграционных группах 626
- Елка Јачева-Улчар.* Улогата на советот за македонски јазик во јазичното планирање во Република Македонија 627